

СТИВЕН КИНГ

Новый шедевр
от «короля ужасов»!

Под Куполом

Annotation

Новый роман «короля ужасов» Стивена Кинга!

Новая история о маленьком городке, который настигла БОЛЬШАЯ БЕДА.

Однажды его, вместе со всеми обитателями, накрыло таинственным невидимым куполом, не позволяющим ни покинуть город, ни попасть туда извне.

Что теперь будет в городке?

Что произойдет с его жителями?

Ведь когда над человеком не довлеет ни закон, ни страх наказания — слишком тонкая грань отделяет его от превращения в жестокого зверя.

Кто переступит эту грань, а кто — нет?

-
- [Стивен Кинг](#)
 - [Некоторые \(но не все\) из тех, кто оказался в Честерс-Милле в День Купола](#)
 - [Самолет и лесной сурок](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Барби](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Младший и Энджи](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Большаки и проселки](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- Уйма дохлых птиц
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
- Полная мутня
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
- «И за команду за одну мы все болеем»
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
- На благо города, на благо горожан
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
- Молитвы
 - 1
 - 2

- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

○ Сумасшествие, безумие и оцепенение сердца

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

○ Бывает и хуже

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11

○ Няк, няк, няк

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [Ракетный удар](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [Подстава](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

○ [Падают розовые звезды](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

○ [Шестое чувство](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

○ [В кутузке](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

○ [Соль](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

○ [Πραx](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [«Сыграй эту песню погибшей группы»](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
- [Избит и арестован](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

○ [Всюду кровь](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [Муравьи](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [Хэллоуин приходит раньше](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

○ [Выжившие](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

○ [Носи его дома, он будет выглядеть как платье](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [Послесловие автора](#)
- [От переводчика](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)

- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)

- [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
-

Стивен Кинг

Под Куполом

*Памяти Сурендры Дахайбхая Пателя
Нам грустно без тебя, друг мой.*

*Кого-то потерял, сынок?
Не видишь, что ли:
На игровом весь городок
Собрался поле.
Наш город мал — его судьбу
Мы вместе делим,
И за команду за одну
Мы все болеем.^[1]*

Джеймс Макмертри.^[2]

Некоторые (но не все) из тех, кто оказался в Честерс-Милле в День Купола

Городские чиновники

Энди Сандерс, первый член городского управления
Джим Ренни, второй член городского управления
Андреа Гриннел, третий член городского управления

Сотрудники «эглантирии»

Роуз Твитчел, хозяйка
Дейл Барбара, повар
Энсон Уилер, мойщик посуды
Энджи Маккейн, официантка
Доди Сандерс, официантка

Полицейский участок

Говард Перкинс по прозвищу Герцог, чиф
Питер Рэндолф, заместитель чифа
Марти Арсено, патрульный
Фредди Дентон, патрульный
Джордж Фредерик, патрульный
Руперт Либби, патрульный
Тоби Уилен, патрульный
Джекки Уэттингтон, патрульная
Линда Эверетт, патрульная
Стейси Моггин, патрульный-диспетчер
Ренни-младший, экстренно назначенный помощник
Джорджия Ру, экстренно назначенный помощник
Френк Дилессепс, экстренно назначенный помощник
Мелвин Сирлс, экстренно назначенный помощник

Картер Тибодо, экстренно назначенный помощник

Священнослужители

Преподобный Лестер Коггинс, церковь Христа Святого Искупителя
Преподобная Пайпер Либби, Первая Конгрегациональная церковь
(церковь Конго)

Медики

Рон Хаскел, врач
Эрик Эверетт по прозвищу Расти, фельдшер
Дуги Твитчел, медбрат
Джинни Томлинсон, медсестра
Джина Буффалино, медсестра-волонтер
Гарриет Бигелоу, медсестра-волонтер

Городские дети

Джо Макклэтчи по прозвищу Пугало
Норри Кэлверт
Бенни Дрейк
Джуди и Джанель Эверетт
Олли и Рори Динсморы
Литл Уолтер Буши

Жители города, упоминаемые в книге

Томми и Уиллоу Андерсоны, владельцы и сотрудники ресторана
«Дипперс роудхаус»
Стюарт и Фернолд Боуи, владельцы и сотрудники «Похоронного бюро
Боуи»
Джо Боксер, стоматолог
Ромео Берпи, владелец и продавец «Универмага Берпи»
Фил Буши, Шеф с сомнительной репутацией

Саманта Буши, его жена
Джек Кейл, управляющий супермаркета
Эрни Кэлверт, управляющий супермаркета (бывший)
Джонни Карвер, управляющий и совладелец круглосуточного магазина
Олден Динсмор, владелец молочной фермы
Роджер Кильян, владелец птицефермы
Лисса Джеймисон, городской библиотекарь
Клер Макклэтчи, мать Пугала Джо
Элва Дрейк, мать Бенни
Коротышка Норман, торговец антиквариатом
Бренда Перкинс, жена чифа Перкинса
Джулия Шамуэй, владелица и редактор местной газеты
Тони Гуэй, спортивный репортер
Пит Фримен, новостной фотограф
Сэм Вердро по прозвищу Бухло, городской пьяница

Приезжие

Элис и Эйден Эпплтон, сироты Купола («сиркупы»)
Терстон Маршалл, литератор с медицинскими навыками
Каролин Стерджес, аспирантка

Собаки, упоминаемые в книге

Горас, корги Джулии Шамуэй
Кlover, немецкая овчарка Пайпер Либби
Одри, золотистый ретривер Эвереттов

Самолет и лесной сурок

С высоты двух тысяч футов, на которой проходил учебный полет Клодетт Сандерс, городок Честерс-Милл, поблескивая в утреннем солнышке, казался некоей вещицей, только что смастеренной и поставленной на землю. Автомобили катили по Главной улице, подмигивая солнечными зайчиками. Острый шпиль церкви Конго, казалось, пронзал безоблачное небо. Солнечная дорожка бежала по поверхности реки Престил-Стрим, когда «Сенека-V» пролетал над ней: и самолет, и вода пересекали город по одной диагонали.

— Чак, кажется, я вижу двух мальчишек около моста Мира! Они ловят рыбу! — Клодетт от переполнявшей ее радости рассмеялась. Возможность учиться пилотированию она получила благодаря своему мужу, первому члену городского управления. И пусть Энди считал, что Бог дал бы человеку крылья, если б хотел, иной раз он прислушивался к мнению других, и в конце концов Клодетт удалось добиться своего. Она с самого первого занятия наслаждалась полетом. Но сегодня наслаждение переросло в восторг. Впервые Клодетт действительно поняла, почему летать — прекрасно. Почему летать — круто!

Чак Томпсон, ее инструктор, мягко коснулся ручки управления, указал на приборную панель:

— Я в этом уверен, но держи самолет ровнее, Клоди, идет?

— Извини, извини.

— Ничего страшного.

Он уже много лет учил людей летать, и ему нравились такие ученики, как Клодетт, постоянно стремящиеся узнать что-нибудь новенькое. Очень скоро ее увлечение могло обойтись Энди Сандерсу в приличную сумму: Клодетт влюбилась в «сенеку» и уже высказала желание приобрести точно такой же самолет, только новый. Подобная покупка тянула на миллион долларов. Пожалуй, не стоило считать Клодетт Сандерс совсем уж избалованной, но она, бесспорно, отдавала предпочтение дорогим вещам. Впрочем, счастливчику Энди, похоже, не составляло труда удовлетворять ее капризы.

Чак также любил такие дни: неограниченная видимость, полное отсутствие ветра, идеальные условия для обучения. Тут «сенека» стал чуть покачиваться, словно Клодетт чрезмерно реагировала на любое отклонение от курса.

— Ты отвлекаешься, не надо. Выходи на курс один-двадцать. Полетим вдоль Сто девятнадцатого шоссе. И спустись до девятисот футов.

Она выполнила указанный маневр, и «сенека» практически перестал покачиваться. Чак расслабился.

Они пролетели над «Салоном подержанных автомобилей Джима Ренни», а потом город остался позади. С обеих сторон шоссе тянулись поля, листва деревьев пылала под яркими лучами солнца. Крестообразная тень «сенеки» скользила по асфальту, одно темное крыло на мгновение накрыло человека с рюкзаком на спине, шагающего по обочине. Мужчина-муравей поднял голову, помахал рукой. Чак ответил тем же, пусть и знал, что снизу его не увидишь.

— *Обалденно* прекрасный день! — воскликнула Клоди.

Чак рассмеялся.

Жить им оставалось сорок секунд.

Лесной сурок неуклюже ковылял по обочине шоссе номер 119, направляясь в сторону Честерс-Милла. От города его отделяли еще полторы мили, «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни» подмигивал солнечными зайчиками в том месте, где дорога уходила влево. Сурок планировал (насколько сурки могли что-либо планировать) свернуть в лес задолго до того, как поравнялся бы с салоном, но пока обочина его вполне устраивала. Он ушел от норы гораздо дальше, чем собирался, но солнце приятно согревало спину, а в нос били бодрящие запахи, вызывая заманчивые образы в его мозгу.

Сурок остановился и на несколько секунд поднялся на задние лапки. Зрение с годами, конечно, ухудшилось, но он все равно сумел разглядеть человека, который шагал навстречу по противоположной обочине.

Сурок решил, что стоит пройти чуть дальше. Люди иной раз оставляли за собой вкусную еду.

Он прожил на свете немало лет и изрядно растолстел. За свою жизнь сурок излазил множество баков с пищевыми отходами, а дорогу к свалке Честерс-Милла знал также хорошо, как все три тоннеля в собственной норе: на мусорке всегда удавалось чем-нибудь поживиться. Он вразвалочку двинулся дальше походкой всем довольного старичка, наблюдая за человеком, приближающимся к нему по другой обочине.

Человек остановился. Сурок осознал, что его засекли. Справа и чуть впереди лежала береза. Сурок решил, что спрячется под ней, дождется, пока человек уйдет, а потом обследует обочину на другой стороне дороги в поисках...

Сурок успел подумать о возможной находке и сделать еще три шага вразвалочку, хотя его уже разрезало пополам. Потом он упал на бок. Хлынула кровь, внутренности вывалились в дорожную пыль; задние лапки дважды быстро дернулись, потом застыли.

Последняя мысль, которая приходит перед тем, как нас накрывает темнота, у сурков та же, что и у людей: *Что произошло?*

На всех дисках приборной панели стрелки свалились на ноль.

— Какого черта?! — Клоди Сандерс повернулась к Чаку. Ее глаза широко раскрылись, в них читалось недоумение — но не паника. Паника появиться просто не успела.

Чак хотел было взглянуть на приборную панель, но тут увидел, как сплющивается нос «сенеки». Потом увидел, как отваливаются пропеллеры.

А больше увидеть ничего не успел. Потому что времени не осталось. Самолет взорвался над шоссе номер 119 и, пылая, обрушился на землю. Вместе с его осколками падали и куски человеческих тел. Дымящаяся рука Клодетт с глухим стуком приземлилась рядом с аккуратно располовиненным лесным сурком.

Происходило это двадцать первого октября.

Барби

Настроение Барби начало подниматься, как только он миновал «Мир еды» и оставил за спиной центр города. Когда же Барби увидел шит с надписью: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГОРОД ЧЕСТЕРС-МИЛЛ. ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ПОСКОРЕЕ!» — ему стало совсем хорошо. Он радовался, что снова в пути, ведь в Милле ему крепко досталось. Как минимум две последние недели тучи над ним сгущались, а закончилось все дракой на автомобильной стоянке у «Диппера». Да и грядущие перемены сами по себе придавали Барби бодрости.

— В сущности, я всего лишь бродяга, — изрек он и рассмеялся. — Бродяга, шагай напрямик в Биг-Скай.^[3] И почему нет, черт побери? Монтана! Или Вайоминг! Даже Рэпид-мать-его-Сити в Южной Дакоте. Куда угодно, лишь бы уйти отсюда.

Он услышал приближающийся шум двигателя, развернулся — теперь шагая спиной вперед — и вытянул руку с поднятым большим пальцем. Увидел очаровательную комбинацию: старый грязный «форд-подвези-меня» и свеженькая, юная блондинка за рулем. *Пепельная* блондинка, которых он ставил выше любых других блондинок. Барби изобразил самую обворожительную улыбку. Девушка, что сидела за рулем «подвези-меня», ответила тем же, и, Господи, он съел бы последний чек, полученный в «Эглантерии», если она прожила хоть на день больше девятнадцати годков. Слишком молодая для джентльмена тридцати лет, но с которой уже все можно, как говорили в кукурузной Айове его юности.

Пикап притормозил, Барби уже направился к нему... а потом автомобиль вновь набрал скорость. Проезжая мимо, девушка бросила на Барби еще один короткий взгляд. Улыбка осталась, но была уже иного рода. *В меня вдруг заскок вошел, говорила эта улыбка, но теперь здравый смысл вернулся на свое место.*

Барби подумал, что узнал ее, но с уверенностью утверждать не мог: в воскресенье утром «Эглантерия» более всего напоминала дурдом. Но Барби полагал, что видел ее с мужчиной постарше, вероятно, ее отцом, и они оба сидели, уткнувшись в воскресную «Таймс». Если б он мог обратиться к ней, когда она проезжала мимо, то сказал бы: *Если ты доверилась мне, съев поджаренную мной яичницу с колбасой, то вполне можешь довериться и в другом: посадить меня на пассажирское сиденье и подвезти на несколько миль.*

Но само собой, шанса такого ему не представилось, и он просто вскинул руку, как бы говоря: *Я не в обиде*. Тормозные огни пикапа вспыхнули, словно она передумала. Но тут же погасли, и автомобиль укатил, набирая скорость.

В последующие дни, когда ситуация в Милле начала меняться от плохого к худшему, Барби вновь и вновь проигрывал в памяти этот эпизод, случившийся под теплым октябрьским солнышком. Он думал о той мгновенной вспышке тормозных огней... будто она все-таки узнала его. *Да это же повар из «Эглантерии», я почти уверена. Может, мне надо...*

Но «может» — это пучина, в которую проваливались и более достойные люди, чем он. Если бы девушка действительно передумала, в его жизни изменилось бы все. Но он больше не видел блондинку с юным личиком, сидевшую за рулем старого грязного фордовского пикапа «Ф-150». Должно быть, она пересекла границу Честерс-Милла за считанные минуты (а то и секунды) до того, как граница эта закрылась. Будь он рядом с ней, то оказался бы вне города и на свободе.

Если бы только, позднее размышлял Барби, когда не мог уснуть, остановка не отняла бы много времени. Секундное дело, и меня бы здесь не было. И ее тоже. Потому что на Сто девятнадцатом шоссе разрешалось ехать со скоростью пятьдесят миль в час. А при скорости пятьдесят миль в час...

Тут мысли его всегда возвращались к самолету.

Самолет пролетел над ним сразу после того, как он миновал «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни», место, к которому Барби не питал добрых чувств. Нет, он не купил здесь какую-то развалюху (больше года обходился без машины, последнюю продал в Пунта-Горде, штат Флорида). Просто Джим Ренни-младший был одним из тех парней на парковке у «Дипперса». Студентик, пытающийся кому-то что-то доказать, а если в одиночку доказать не получалось, то доказывал вместе с большой компанией. И по собственному опыту Барби знал, что такая уж манера у всех Джимов-младших этого мира.

Но теперь все осталось позади. «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни», Джим-младший, «Эглантерия» («Жареные моллюски — наш конек. Всегда *целые* — никогда кусочками»), Энджи Маккейн, Энди Сандерс. Все-все, включая «Дипперс» («Избиения на парковках — наш конек»). Все позади. А впереди что? Ну как же, ворота в Америку. Прощай, Мэн, с его маленькими городишками, привет, Большое Небо!^[4]

Или может, черт побери, опять податься на юг? Каким бы прекрасным ни выдался этот конкретный день, зима затаилась за одним или двумя листочками календаря. А на юге, возможно, очень даже ничего. Он никогда не бывал в Масл-Шоулсе.^[5] Это чертовски поэтично, Масл-Шоулс! Идея так вдохновила его, что он, услышав шум приближающегося к нему маленького самолета, вскинул голову и энергично помахал рукой. Надеялся, что в ответ самолет покачает крыльями, но просчитался, хотя полет проходил на небольшой скорости и на малой высоте. Барби предположил, что в самолете туристы — день просто создан для них, — или за штурвалом какой-нибудь молодой парнишка с лицензией ученика, слишком боящийся напортачить и вообще не обращающий внимания на рожденных ползать, таких, как Дейл Барбара. Но он пожелал им счастливого пути. Туристам, любующимся красотами природы, или парнишке, которого от первого самостоятельного полета отделяли еще шесть недель, Барби пожелал счастливого пути. День ему нравился и становился лучше с каждым шагом, уносящим его от Честерс-Милла. Слишком много говнюков в Милле, а кроме того, путешествия благотно влияют на душу.

Может, переезд в октябре надо возвести в ранг закона, подумал Барби. Новый национальный девиз: «ВСЕ УХОДЯТ В ОКТЯБРЕ». Берешь

*разрешение на переезд в августе, в середине сентября подаешь
положенное заявление об увольнении. Потом...*

Он остановился. Впереди, не так уж и далеко, на обочине с другой стороны шоссе, увидел лесного сурка. Чертовски толстого. С блестящей шерстью, да еще и нахального. Вместо того чтобы юркнуть в высокую траву, сурок продолжал идти вперед. Верхушка упавшей березы лежала на обочине, и Барби мог поспорить, что сурок шмыгнет под нее и будет ждать, пока большой плохой Двуногий минует его. Если нет, они пройдут мимо друг друга, как двое бродяг, коими они и являлись, один, о четырех ногах, направится на север, второй, о двух, — на юг. Клево, однако.

Мысли эти пролетели в голове Барби за считанные секунды; тень самолета еще находилась между ним и сурком — черный крест, бегущий по асфальту. А потом практически одновременно произошли два события.

Первое касалось сурка. Только что он был единым целым. А тут разделился на две части. Обе дергались и исходили кровью. Барби остановился, нижняя челюсть отвисла, словно удерживающие ее мышцы внезапно растянулись до предела. Создавалось ощущение, что на сурка опустился нож невидимой гильотины.

И тут же, прямо над разрезанным сурком, взорвался самолет.

Барби посмотрел вверх. С неба падала расплюснутая версия самолета из Мира Бизарро, ^[6] красивого маленького самолета, который пролетел над ним чуть раньше. Скрученные оранжево-красные лепестки огня плясали над аэропланом, и цветок этот все еще распускался — роза «Американская беда». ^[7] Из падающего самолета вырывались клубы дыма.

Что-то ударилось о дорогу и вышибло из нее кусочки асфальта, прежде чем, раскачиваясь, укатиться в высокую траву за левой обочиной. Пропеллер.

Если бы он покатился на меня...

Барби представил себе, как его разрезает пополам, — то же самое произошло с сурком, — и развернулся, чтобы убежать. Что-то упало перед ним, и он закричал. Но не второй пропеллер — нога мужчины в джинсовой штанине. Крови Барби не увидел, но боковой шов распоролся, открыв белую кожу и курчавые черные волосы.

Ступня отсутствовала.

Барби побежал, судя по ощущениям, будто в замедленной съемке. Он видел, как одна нога в старом, потертом высоком ботинке выдвигается вперед и опускается. Потом исчезает позади него, и вперед выдвигается вторая нога. Все медленно, медленно. Словно наблюдаешь повтор эпизода бейсбольного матча, когда игрок пытается украсть вторую базу.

Что-то огромное и полое хряпнулось у него за спиной, последовал грохот еще одного взрыва, и тут же от макушки до каблуков его окатило жаром и будто толкнуло вперед горячей рукой. Все мысли пропали, и не осталось ничего, кроме инстинктивного желания выжить.

Дейл Барбара бежал, спасая свою жизнь.

Через сотню ярдов, чуть дальше или чуть ближе, большая горячая рука перестала давить на него, хотя запах горящего бензина — плюс сладковатая вонь плавящегося пластика и поджаривающейся человеческой плоти — оставался сильным: его приносил легкий ветерок. Барби пробежал еще шестьдесят ярдов, остановился, оглянулся. Он тяжело дышал. Не думал, что причина в беге. Он не курил, находился в хорошей форме (ну... относительно, ребра справа болели после драки на автомобильной стоянке у «Дипперса»). Пришел к выводу, что причина в обуявшем его ужасе. Его могли убить падающие обломки самолета — не только катящийся пропеллер, — или он мог сгореть заживо. И такого не случилось лишь благодаря слепому случаю.

Потом от увиденного учащенное дыхание перехватило. Он не отрывал глаз от места катастрофы. Дорогу засыпало обломками — оставалось только удивляться, что его ничем не пришибло; более того — даже не ранило. Перекрученное крыло лежало справа; второе крыло торчало из высокой нескошенной тимофеевки слева, недалеко от того места, куда укатился пропеллер. Помимо ноги в джинсовой штанине, он видел оторванную руку. Кисть указывала на совершенно изуродованную голову, как бы говоря: *Это моя*. Женскую голову, если судить по волосам. Провода, которые тянулись параллельно дороге, отрезало. Они лежали на обочине, потрескивая и подергиваясь.

Позади головы и руки лежал изломанный фюзеляж. Барби прочитал: «NJ3». Если были другие буквы и цифры, их оторвало.

И тут его внимание привлекло другое — роза «Беда» исчезла, но огонь в небе оставался. Горел, разумеется, бензин. Но...

Он стекал вниз по воздуху тонкой пленкой. За пленкой и сквозь нее Барби видел сельский пейзаж Мэна — мирный, еще никак не реагирующий, но пребывающий в движении, колышущийся, как воздух над мусоросжигательной печью или бочкой. Создавалось впечатление, будто кто-то плеснул бензин на оконное стекло и поджег его.

Словно под гипнозом — во всяком случае, такое было ощущение — Барби двинулся к месту катастрофы.

Прежде всего у него возникло желание прикрыть части человеческих тел, но не знал чем. Барби видел еще одну ногу (в штанине от зеленых слаксов) и женский торс, угодивший в куст можжевельника. Он мог снять рубашку и накрыть ею женскую голову, а все остальное?

Со стороны Моттона, ближайшего города, расположенного с юга, приближался автомобиль, один из маленьких внедорожников. Он ехал быстро. Кто-то или услышал грохот, или увидел вспышку. Подмога. Слава тебе Господи, подмога! Встав над белой разделительной полосой и держась подальше от огня, который по-прежнему так странно стекал с неба, словно вода по оконному стеклу, Барби замахал руками над головой, снова и снова скрещивая их в большую букву «Х».

Водитель один раз просигналил, давая понять, что все понял, и ударил по тормозам, оставив за собой сорок футов резинового следа. Выскочил на асфальт чуть ли не до того, как маленькая зеленая «тойота» остановилась, крупный, мускулистый мужчина с длинными седыми волосами, торчащими из-под бейсболки Тюленей.^[8] Побежал к обочине дороги, намереваясь обогнуть огненный занавес.

— Что случилось?! — прокричал он. — Что тут, нах...

И в этот момент к чему-то приложился. Крепко. Рядом с ним вроде бы ничего не было, но Барби увидел, как нос мужчины свернулся в сторону, словно его сломало. Мужчину отбросило от «ничего», кровь полилась изо рта и из носа, закапала со лба. Он упал на спину, потом сел. Таращился на Барби мутными изумленными глазами, тогда как кровь стекала на рубашку, а Барби таращился на него.

Младший и Энджи

Двое мальчишек, которые ловили рыбу около моста Мира, не посмотрели в небо, когда над ними пролетел самолет, а Ренни-младший посмотрел. Он находился в квартале от этих мальчишек, на Престил-стрит, и узнал звук: «Сенека-V» Чака Томпсона. Младший посмотрел вверх, увидел самолет и тут же опустил голову: яркий солнечный свет, пробивающийся сквозь листву, резанул по глазам, прострелив голову болью. Опять. В последнее время голова у него болела часто. Иногда лекарства помогали. Случалось, особенно в последние три-четыре месяца, что и нет.

Мигрень — такой диагноз поставил доктор Хаскел. От боли этой голова просто разламывается, а яркий свет боль усиливает, особенно если она еще в зародыше. Иной раз он думал о муравьях, которых, мальчишками, они жгли на пару с Френком Дилессепсом. Берешь увеличительное стекло и фокусируешь луч на насекомых, когда те выползают из муравейника или вползают в него. Результат — фрикасе из муравьев. А теперь, когда головная боль начинала усиливаться, сам его мозг будто становился муравейником, а глаза — двумя одинаковыми увеличительными стеклами.

Ему только двадцать один, и так ему мучиться до сорока пяти, когда, по словам доктора Хаскела, мигрень наконец-то отпустит?

Возможно. Но в то утро головная боль не могла остановить его. Внедорожник «фо-раннер» Генри Маккейна или «приус» Ладонны Маккейн на подъездной дорожке, возможно, остановили бы: в этом случае он скорее всего развернулся бы, потопал домой, принял еще одну капсулу имитрекса и улегся на кровати, задернув шторы и положив на лоб смоченную холодной водой тряпку. Возможно, боль начала бы уходить, а может, и нет. Стоило этим черным паукам уцепиться...

Младший вновь посмотрел вверх, на сей раз сощурившись, приготовившись к встрече с ненавистным светом, но «сенека» уже улетел, и даже гудение двигателей (тоже раздражающее — все звуки раздражали, когда начинался очередной приступ) затихало. Чак Томпсон с парнем или девицей, косящими под летчика. Младший не имел ничего против Чака Томпсона — едва его знал, — но ему вдруг с детской жестокостью захотелось, чтобы этот ученик Чака напортачил по-крупному и самолет рухнул на землю.

Хорошо бы на отцовский автосалон.

Вновь сильный, до тошноты, укол боли пронзил голову, но он все равно поднялся по ступенькам крыльца дома Маккейнов. Потому что это следовало сделать. Собственно, следовало давно. Энджи нуждалась в уроке.

Но в уроке маленьком. Не выходи из себя.

И тут же он услышал голос матери, будто ее звали. Сводящий с ума, самоуверенный голос: *Младший всегда был вспыльчивым, но теперь он гораздо лучше умеет держать себя в руках. Ведь так, Младший?*

Да. Конечно. Во всяком случае, умел. Футбол помог. Но теперь футбола нет. Теперь нет даже колледжа. Вместо них — головные боли. И они превращали его в злобного зверя.

Не выходи из себя.

Нельзя, конечно. Но поговорить надо, болит у него голова или нет.

И возможно, с ней поговорит и его кулак. Как знать? Если Энджи станет хуже, ему, пожалуй, полегчает.

Младший нажал на кнопку звонка.

Энджи Маккейн только что вышла из душа. Надела халат, перетянула пояском, накрутила полотенце на мокрую голову. «Иду!» — громко крикнула она, рысью сбегая по лестнице на первый этаж. Губы изгибались в легкой улыбке. Это Френки; она практически не сомневалась, что это Френки. Наконец-то все начинает налаживаться. А этот мерзкий повар блюд быстрого приготовления (красавчик, но все равно мерзкий) или уехал из города, или уезжает, и родителей дома нет. Соедините первое со вторым, и вы получите знак Божий о том, что все двинулось в правильном направлении. Они с Френки смогут забыть все это дерьмо и вернуться друг к другу.

Она совершенно точно знала, как надо сделать: сначала распахнуть дверь, а потом халат. Прямо сейчас, в ярком свете субботнего утра, когда ее мог увидеть любой прохожий. Конечно, сначала надо убедиться, что это Френки, — она не собиралась вгонять в краску старого толстого мистера Уикера, если бы тот стоял под дверью, принеся посылку или заказное письмо, — но почту обычно приносили где-то через полчаса.

Нет, это Френки. Никаких сомнений.

Она открыла дверь, легкая улыбка сменилась приветственной широкой — может, и зря, поскольку зубы у Энджи налезали друг на друга, да и размерами соперничали с «Чиклетс».^[9] Одна рука легла на пояс. Но не развязала его. Потому что пришел не Френки, а Младший, и выглядел он таким злобным...

Злобным она видела его и раньше — чего там, много раз — но таким злобным только в восьмом классе, когда Младший сломал руку Дюпре. Тот маленький гомик посмел припереться на городскую баскетбольную площадку и попроситься в игру. И она полагала, что такие же громы и молнии метало лицо Младшего в ту ночь на парковке у «Дипперса», но, разумеется, Энджи там не было, она только об этом слышала. В Милле все об этом слышали. Ее вызывали к чифу Перкинсу, и там сидел тот чертов Барби...

— Младший? Младший, что?..

Тут он влепил ей оплеуху, и мыслительный процесс прервался.

В первый раз ударил несильно, потому что стоял в дверях и не мог размахнуться; так что бил с полузамаха. Мог и не бить вовсе, по крайней мере не начинать с этого, если б она не улыбнулась во весь рот — Господи, эти зубы, от их вида у него мурашки бежали по коже еще в начальной школе — и если б не назвала Младшим.

Разумеется, в городе все звали его Младшим, он сам о себе думал как о Младшем, но не осознавал, как сильно ненавидит это прозвище, просто до смерти ненавидит, пока не услышал, как оно выскальзывает между пугающих, похожих на надгробия, зубов той сучки, что доставила ему так много неприятностей. Озвученное, слово это пронзило его голову, точно солнечный свет, когда он хотел взглянуть на самолет.

Но для оплеухи с полузамаха получилось неплохо. Энджи пятилась, пока не уперлась в стойку лестничных перил, и полотенце слетело с ее головы. Мокрые каштановые кудряшки зазмеились по щекам, придав ей сходство с горгоной Медузой. Улыбка сменилась изумлением, и Младший увидел струйку крови, побежавшую из уголка рта. Хорошо. Прекрасно. Кровь сучке пущена по заслугам. Слишком много неприятностей она доставила. Не только ему, но и Френки, и Мелу, и Картеру.

В голове зазвучал голос матери: *Не выходи из себя, милый, она померла, но по-прежнему давала советы, урок ей не помешает, но только маленький.*

И наверное, он смог бы ограничиться маленьким уроком, да только халат Энджи распахнулся, и выяснилось, что под ним она — голая. Младший увидел островок темных волос на ее плодильной ферме, ее чертовой зудящей плодильной ферме, которая и была главной гребаной проблемой, и, если на то пошло, из-за этих ферм и возникали все гребаные проблемы этого мира, и боль пульсировала, стучала, бухала, громыхала, грозя развалить его голову. В любой момент она могла взорваться, как термоядерная бомба. И тогда грибовидное облако вырвется из каждого уха, прежде чем взорвется все, что находилось выше шеи, и Ренни-младший сойдет с ума. (Он не знал, что у него опухоль мозга — страдающий одышкой, старый доктор Хаскел даже не рассматривал подобной возможности, не могло такого случиться у совершенно здорового в остальном молодого человека, едва перешагнувшего двадцатилетний рубеж.)

Это утро выдалось неудачным для Клодетт Сандерс и Чака Томпсона; можно сказать, оно выдалось неудачным для всех в Честерс-Милле.

Но лишь некоторым не повезло до такой степени, как бывшей подружке Френка Дилессепса.

Две более или менее связные мысли мелькнули в голове Энджи, когда она привалилась к стойке лестничных перил, посмотрела в выпученные глаза Младшего, увидела, как он кусает язык — кусает так сильно, что зубы в нем утопают.

Он спятил. Я должна позвонить в полицию, прежде чем он покалечит меня.

Она повернулась, чтобы через коридор добраться до кухни, сдернуть трубку с настенного телефона, набрать 911, а потом кричать, кричать и кричать. Сделала два шага, зацепилась за свалившееся с головы полотенце. На ногах удержалась — в старшей школе она входила в группу поддержки спортивных команд, так что хорошая координация осталась при ней, — но потерянные секунды дорого ей обошлись. Голову рвануло назад, ноги ушли из-под нее вперед. Младший схватил ее за волосы.

Дернул, прижав к своему телу. Он весь горел, как при высокой температуре. Она почувствовала, как быстро-быстро стучит его сердце, словно убегая от него.

— Лживая сука! — проревел он ей в ухо.

Крик острой болью пронзил ее голову. Она закричала сама, но в сравнении с ним тихо и робко. Потом его руки обхватили талию Энджи, и ее потащило по коридору с невероятной скоростью, так что ковра касались только пальцы ног. В голове пронеслось, что она — фигурка на капоте бешено мчащегося автомобиля, а потом они оказались на кухне, залитой сверкающим солнечным светом.

Младший закричал вновь. На этот раз не от ярости, а от боли.

Свет убивал, поджаривал вопящий от боли мозг, но Младший не позволил свету остановить его.

Не снижая скорости, он протаранил девушкой кухонный стол с пластмассовым верхом. Стол ударил Энджи в живот, заскользил по полу и врезался в стену. Сахарница, солонка и перечница слетели с него. Воздух разом вырвался из легких Энджи. Одной рукой держа ее за талию, а другой схватившись за мокрые кудряшки, Младший развернул девушку и бросил на холодильник «Колдспот». Она врезалась в его дверцу с такой силой, что чуть ли не все магнитики холодильника посыпались на пол. Упала и Энджи, лицо застыло, стало бумажно-белым. Теперь кровь шла не только из нижней губы, но и из носа, ярко выделяясь на белой коже.

Младший увидел, как ее взгляд метнулся к стойке с ножами на разделочном столике, и, когда она попыталась встать, он ударил ее коленом в лицо, и сильно. Послышался глухой хруст, словно в соседней комнате уронили что-то большое и фарфоровое — скажем, блюдо.

Вот как следовало врезать Дейлу Барбаре, подумал он и отступил назад, прижимая ладони к пульсирующим болью вискам. Слезы наполнили глаза и покатались по щекам. Он сильно прикусил язык, кровь потекла по подбородку и закапала на пол, но Младший этого не замечал. Слишком сильно болела голова.

Энджи лежала лицом вниз на полу среди магнитов с холодильника. Надпись на самом большом гласила: «ЧТО СЕГОДНЯ ПОПАДЕТ В РОТ, ЗАВТРА ПОЯВИТСЯ В ЗАДНИЦЕ». Младший подумал, что Энджи отключилась, но тут ее всю начало трясти. Пальцы дрожали, точно она готовилась сыграть что-то сложное на пианино. Энджи заколотила ногами об пол, так же повели себя и руки. Она будто собиралась от него уплыть. У нее начался припадок.

— Прекрати! — закричал он, но ничего не изменилось. — Прекрати! Прекрати это делать, сука!

Младший упал на колени, ее дергающаяся голова оказалась между ними. Лоб снова и снова стучался об пол, как у погонщика верблюдов, отбивающего поклоны Аллаху.

— Прекрати! Прекрати, твою мать!

Энджи зарычала. На удивление громко. Господи, а если кто-то услышит ее? Если его здесь накроют? Это тебе не объяснение с отцом,

почему ты бросил колледж (о чем Младший пока умалчивал). На сей раз дело не ограничилось бы четырехкратным урезанием денег, обычно выдаваемых на месяц, как за драку с поваром (а спровоцировала ее эта никчемная сука Энджи). На сей раз Большой Джим Ренни не сможет уговорить чифа Перкинса и местных легавых. На сей раз...

Перед его мысленным взором внезапно появились мрачно-зеленые стены Шоушенка, тюрьмы штата. Не хотел бы он туда попасть, перед ним лежала целая жизнь. Но ведь мог. Даже если б сейчас заткнул ей рот, все равно мог. Потому что позже она заговорит. И ее лицо — выглядело оно гораздо хуже, чем лицо Барби после той драки на парковке — заговорит тоже.

Если только не заставить Энджи замолчать навсегда.

Младший схватил девушку за волосы и помог биться лбом о керамические плитки пола в надежде, что она лишится чувств. И тогда он сможет закончить... ну, понятно что... Но припадок только усилился. Она начала лупить ногами по «Колдспоту», и оставшиеся на дверце магниты дождем посыпались вниз.

Он отпустил волосы девушки и сжал ей горло. Сказал:

— Сожалею, Энджи, не думал, что так выйдет.

Но он не сожалел. Только чуть ли не выл от головной боли и боялся, что ее конвульсии в ярко освещенной кухне никогда не закончатся. Его пальцы начали уставать. Кто бы мог предположить, что это такая тяжелая работа — задушить человека?

Где-то далеко-далеко на юге что-то грохнуло. Будто кто-то выстрелил из очень большой пушки. Младший не обратил на это внимания. Он усилил хватку, и наконец Энджи начала затихать.

Где-то гораздо ближе — в доме, на этом этаже — раздалось тихое позвякивание. Он вскинул голову, широко раскрыв глаза, в полной уверенности, что позвонили в дверь. Кто-то услышал шум и вызвал полицию. Голова разламывалась, он чувствовал, что растянул все пальцы, и выходило, что зря. Младший ясно представил: его везут в суд округа Касл для предъявления обвинения, голова накрыта пиджаком какого-то копа.

И тут Младший узнал этот звук. Точно так же, когда отрубали свет, позвякивал его компьютер, переключаясь на аккумуляторную батарею.

Бинг... Бинг... Бинг...

Бюро обслуживания номеров, пришлите мне в номер, пронеслось у него в голове, и он продолжил душить Энджи. Теперь она лежала недвижно, но Младший не разжимал рук еще минуту, отвернув голову, чтобы не нюхать ее дерьмо. Как это на нее похоже — выдать напоследок

такой отвратительный подарочек! Как это похоже на них всех! Женщины! Женщины и их плодильные фермы! Те же муравейники, покрытые волосами! А еще говорят, что все проблемы от *мужчин*!

Он стоял над ее окровавленным, обосранным, безусловно мертвым телом, гадая, что делать дальше, когда далеко на юге вновь что-то грохнуло. Не похожее на выстрел — что-то побольше. Взрыв. Может, красивый маленький самолетик Чака Томпсона все-таки разбился? Такое возможно. В день, когда ты собираешься просто накричать на девицу, — сделать внушение, ничего больше, — а она сама напрашивается на убийство, возможно все.

Завыла полицейская сирена. Младший не сомневался, что едут за ним. Кто-то заглянул в окно и увидел, как он ее душит. Мысль эта его подстегнула. По коридору Младший направился к парадной двери, добрался до полотенца, которое сшиб с головы Энджи первой оплеухой, остановился. Копы же приедут этим путем, именно этим. Встанут перед домом, их новенькие светодиодные мигалки вонзят стрелы боли в визжащую мякоть его несчастного мозга...

Младший развернулся, побежал обратно на кухню. Посмотрел вниз, прежде чем переступить через тело Энджи, не смог не посмотреть. В первом классе он и Френк иногда дергали ее за косички, а она показывала им язык и собирала глаза в кучку. Теперь ее глаза вылезли из орбит, как у древних мраморных статуй, а рот заполняла кровь.

Это сделал я? Неужто я?

Да. Он. И даже одного мимолетного взгляда хватило, чтобы объяснить почему. Ее гребаные зубы. Эти чудовищные зубищи.

Вторая сирена присоединилась к первой, потом третья. Но они удалялись. Слава Иисусу, они удалялись. Патрульные машины мчались по Главной улице в ту сторону, откуда донеслись взрывы.

Больше задерживаться в доме Младший не стал. Прокрался через двор Маккейнов, не отдавая себе отчета, что любой, кто случайно увидел бы его (никто не увидел), сразу вынес бы вердикт: виновен. За томатными грядками Ладонны высился дощатый забор. В принципе калитка запиралась на замок, но и на этот раз он висел на засове открытым. В детстве и юности Младшему иногда доводилось бывать здесь, и ни разу он не видел, чтобы калитку запирали.

Младший ее распахнул. К забору подступали заросли кустарника и низкорослых деревьев, через которые тропинка вела к реке Престил-Стрим. Однажды, в тринадцать лет, Младший подсмотрел, как Френк и Энджи

стояли на этой тропинке и целовались. Ее руки обвивали его шею, его пальцы тискали ее грудь, и Младший осознал, что детство закончилось.

Он наклонился и блевнул в бегущую воду. Злобные солнечные блики на ее поверхности просто убивали. Потом, когда его зрение прояснилось, Младший взглянул направо, на мост Мира. Рыбачившие мальчишки ушли, два патрульных автомобиля мчались вниз с холма городской площади.

Загудела городская сирена. Генератор, установленный в здании муниципалитета, включился, как ему и полагалось при прекращении централизованной подачи электроэнергии, и сирена громкими децибелами сообщала всем о постигшей беде. Младший застонал и закрыл уши руками.

Мост Мира представлял собой крытый пешеходный мостик, теперь обветшавший и провисший. На самом деле он назывался Переходом Элвина Честера, но стал мостом Мира в 1969 году, когда какие-то мальчишки (в те времена по городу ходило много слухов о том, кто именно) нарисовали на нем большую синюю «голубиную лапку» — символ мира. Она и теперь оставалась на прежнем месте, только практически выцвела. Мост Мира уже десять лет как закрыли. Полицейские ленты с надписями «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН» крест-накрест перегораживали его с обоих концов, но, разумеется, по нему продолжали ходить. Два или три вечера в неделю шайка легавых чифа Перкинса освещала мост фарами своих автомобилей, всегда с одной или другой стороны, никогда — с обеих сразу. Они не хотели забирать в участок молодняк — выпивавших или обнимавшихся на мосту, ограничивались тем, чтобы шугануть их. Каждый год на городском собрании кто-то вносил предложение о сносе моста Мира, а потом кто-то вносил предложение о его реставрации, и оба предложения оставляли для дальнейшего обсуждения. Создавалось впечатление, что в городе сложился тайный консенсус, который заключался в следующем: мост Мира должен оставаться таким, какой он есть.

Сегодня Ренни-младшего это только радовало.

Пошатываясь, он брел по северному берегу Престил-Стрим, пока не оказался под мостом — полицейские сирены затихали, городская ревела так же громко, — а потом поднялся на Страут-лейн.

Посмотрел в обе стороны, быстро прошел мимо щита с надписью «ТУПИК. МОСТ ЗАКРЫТ», поднырнул под скрещенные желтые ленты и юркнул в тень, под навес моста. Солнце просвечивало сквозь дырявую крышу, разбрасывая монеты света по истертым деревянным доскам настила, но — после ослепительного ада той кухни — здесь царила блаженная темнота. Голуби ворковали на стропильных балках. У дощатых стенок валялись пивные банки и бутылки из-под алленовского бренди с

кофейным вкусом.

Сухим из воды мне не выйти. Я не знаю, осталась ли у нее под ногтями моя кожа, не могу вспомнить, оцарапала она меня или нет, но моя кровь там точно есть. И мои отпечатки пальцев. Вариантов у меня только два: сбежать или прийти с повинной.

Нет, был и третий. Он мог покончить с собой.

Но сначала надо добраться до дома. Затянуть шторы в спальне. Превратить ее в пещеру. Принять еще капсулу имитрекса, лечь, может, немного поспать. Потом, возможно, он вновь обретет способность думать. А если за ним придут, когда он будет спать? Ну что же, это избавит его от необходимости выбирать между вариантом № 1, вариантом № 2 и вариантом № 3.

Младший пересек городскую площадь. Когда кто-то — какой-то старик, которого он смутно помнил — схватил его за руку и спросил: «Что случилось? Что происходит?» — Младший лишь покачал головой, освободил руку и пошел дальше.

За его спиной городская сирена выла, как при конце света.

Большаки и проселки

В Честерс-Милле выходила еженедельная газета, которая называлась «Демократ». В названии крылась дезинформация, потому что грозная Джулия Шамуэй — издатель и редактор газеты — была закоренелой республиканкой. Шапка газеты выглядела следующим образом:

ЧЕСТЕРС-МИЛЛ

ДЕМОКРАТ

Изд. с 1890 г.

Служит «маленькому городку, напоминающему башмак»!

Но и в девизе не обошлось без дезинформации. Честерс-Милл не напоминал башмак. Куда больше он походил на спортивный носок, такой грязный, что мог стоять сам по себе. Почти соприкасающийся на юго-западе с более крупным и процветающим Касл-Роком (пятка носка), Милл находился в окружении четырех административных единиц, бóльших по площади, но меньших по численности населения. Город Моттон подступал с юга и юго-востока, Харлоу — с востока и северо-востока, на севере находилась территория Ти-Эр-90, еще не получившая статуса города, на западе — Таркерс-Миллс. Честерс и Таркерс в свое время звались фабриками-близнецами,^[10] и на пару — когда текстильные предприятия Центрального и Западного Мэна работали на полную мощность — превратили Престил-Стрим в загаженную и лишенную рыбы сточную канаву, вода в которой меняла цвет каждодневно и в зависимости от места. В те дни человек мог спустить каноэ на зеленую воду в Таркерсе, и она стала бы ярко-желтой, пересеки он границу между Честерс-Миллом и Моттоном. Кроме того, краска на каноэ ниже ватерлинии скорее всего облезла бы.

Но последнюю из этих прибыльных и загрязняющих окружающую среду фабрик закрыли в 1979 году. Вода в Престил-Стрим обрела обычный цвет. В реке вновь появилась рыба, но вопрос о том, годится она человеку в пищу или нет, остается открытым («Демократ» голосовал «за»).

Численность населения Честерс-Милла менялась в зависимости от сезона. Между Днем поминовения и Днем труда приближалась к пятнадцати тысячам, в остальное время колебалась около двух, в зависимости от соотношения умерших и родившихся в «Кэтрин Рассел», больнице, считавшейся лучшей к северу от Льюистона.

Если бы вы спросили людей, приезжавших в Честерс-Милл на лето,

сколько дорог ведет в город, большинство ответило бы, что две: шоссе номер 117, которое уходило к Норуэю и Саут-Пэришу, и шоссе номер 119, пересекавшее центр Касл-Рока по пути к Льюистону.

Те, кто прожил в городе лет десять, смогли бы назвать как минимум на восемь больше, все двухполосные, с твердым покрытием, от Блэк-Ридж-роуд и Дип-Кат-роуд, которые вели в Харлоу, до Претти-Вэли-роуд (да, такой же прелестной, как и название), уходившей на север, в Ти-Эр-90.

Старожилы, отдавшие городу тридцать лет и более, если дать им время подумать (возможно, в подсобке «Магазина Брауна», где еще стояла дровяная печь), назвали бы еще десяток, с разными названиями, от богоугодной (Год-Крик-роуд) до вульгарной (Литл-Битч-роуд), на городских картах помеченных только номерами.

Самым старым жителем Честерс-Милла на тот день, когда появился Купол (его так и называли — День Купола), являлся Клайтон Брэсси. Он был также старейшим жителем округа Касл, а потому обладателем трости «Бостон пост». К сожалению, Клайтон уже не помнил, что такое трость «Бостон пост»,^[11] и достаточно смутно представлял себе, кто он такой. Иногда принимал свою праправнучку Нелл за жену, умершую сорока годами раньше, и репортеры «Демократа» уже три года как перестали общаться со «старейшим жителем города» (во время последнего интервью на вопрос, в чем секрет его долголетия, Клайтон ответил: «Где мой Христовый обед?»). В старческий маразм он начал впадать после своего сорокового дня рождения, двадцать первого октября ему пошел сто шестой год. Когда-то Клайтон был прекрасным краснодеревщиком, специализировавшимся на комодах, лестничных перилах, декоративных накладках. В последнее время его достижения заключались в другом: съесть пудинг «Джелл-О», не забив им нос, и изредка добираться до унитаза, по пути не уронив в штаны с десяток замаранных кровью катышков.

Но в расцвете сил и в здравом уме — скажем, в восемьдесят пять лет — он назвал бы все дороги, ведущие в Честерс-Милл и из него, а общее их число равнялось тридцати четырем. Большинство были фунтовыми, про многие уже забыли, и практически все забытые дороги вились через густой молодой лес, поднявшийся на вырубках, принадлежащих компаниям «Даймонд мэтч», «Континентал пейпер компани» и «Американ тимбер».

Незадолго до полудня двадцать первого октября все дороги в мгновение ока перекрыло.

На большинстве из этих дорог не произошло ничего такого выдающегося вроде взрыва «Сенеки-V» или последующей трагедии с лесовозом, но кое-какие неприятности случились. Не могли не случиться. Невозможно обойтись без мелких неприятностей, если вокруг города внезапно возникает нечто, сравнимое с невидимой каменной стеной.

В тот самый момент, когда сурка разрезало на две части, его судьбу повторило пугало, которое стояло на тыквенном поле Эдди Чалмерса, недалеко от Претти-Вэли-роуд. Пугало стояло точно на административной границе между Миллом и Ти-Эр-90. Двойственность его положения всегда забавляла Эдди, и он прозвал своего распугивателя птиц Пугалом без определенного места жительства, или попросту мистером Бомжом. Половина мистера Бомжа упала в Милл, вторая — в Ти-Эр, как называли местные эту территорию.

Несколькими секундами позже вороны, стая которых направлялась к тыквам Эдди (ворон мистер Бомж совершенно не пугал), ударились обо что-то такое, чего раньше там не было. Большинство сломали шеи и черными комками попадали на Претти-Вэли-роуд и на поля по обе ее стороны. Собственно, птицы везде, внутри Купола и снаружи, бились об него и падали мертвыми; их тела стали одним из способов определения местоположения этой новой преграды.

Боб Ру копал картофель возле Год-Крик-роуд. Он возвращался домой на ленч (в тех местах его обычно называют обедом), сидя на стареньком тракторе «дир» и слушая новехонький айпод, подарок жены на его, как выяснилось, последний день рождения. Дом Боба находился в какой-то полумиле от поля, где он копал картофель, но, к несчастью для него, поле было в Моттоне, а дом — в Честерс-Милле. Трактор врезался в барьер на скорости пятнадцать миль в час. Боб в это время слушал песню Джеймса Бланта «Ты прекрасна». За руль он, можно сказать, и не держался, видел, что дорога пустынна до самого его дома. Поэтому, когда трактор резко остановился, наткнувшись на преграду, картофелекопалка, которую он тащил за собой, подпрыгнула, а потом грохнулась вниз. Боб перелетел через двигательный отсек трактора и врезался в Купол. Айпод взорвался в широком нагрудном кармане его комбинезона, но Боб этого уже не почувствовал. Он сломал шею и раздробил череп о ничто, с которым столкнулся, и вскоре умер на земле около одного из высоких колес его

трактора, которое продолжало вращаться. Сами знаете, ничто не работает так долго, как «дир».

Моттон-роуд на самом деле границу Моттона нигде не пересекала, целиком и полностью находилась в пределах Честерс-Милла. Рядом с ней построили новый жилой район, который где-то с 1975 года начали называть Истчестером. Принадлежали эти дома в основном тридцати- и сорокалетним, которые по будням мотались в Льюистон-Обурн, где получали хорошие деньги, занимая беловоротничковые должности. Все эти дома стояли в Милле, но у многих дворы захватывали и часть территории Моттона. В частности, вышесказанное относилось и к участку Джека и Майры Эванс, проживавших по адресу 379, Моттон-роуд. Майра разбила за домом огород, и хотя уже собрала практически весь урожай, на грядке еще остались несколько увесистых кабачков «голубой хаббард», которые лежали за парой сгнивших тыкв. Майра тянулась к одному из кабачков в тот самый момент, когда опустилс Купол, и, хотя колени ее оставались в Честерс-Милле, кабачок лежал уже в Моттоне, примерно в футе от административной границы.

Она не закричала, потому что боли не почувствовала — во всяком случае, сначала. Кисть срезало очень уж резко и чисто.

Джек Эванс на кухне сбивал яйца для полуденного омлета. Играла «Эл-си-ди саундсистем» — трек «Североамериканская пена», — и Джек подпевал. Когда услышал тихий голос, произнесший его имя у него за спиной, в первое мгновение и не понял, что это голос жены, с которой он прожил четырнадцать лет. Но, обернувшись, увидел, что звала действительно Майра. Она стояла, переступив порог кухни и прижимая правую руку к телу. На полу за ней тянулся земляной след, чего раньше никогда не бывало. Обувь, в которой она работала в огороде, Майра обязательно оставляла на крыльце. Ее левая рука в грязной садовой перчатке зажимала правую руку, и что-то красное текло сквозь грязные пальцы. Сначала ему показалось, что это клюквенный сок, но только на секунду: Джек понял, что это кровь. Выронил стеклянную миску, которую держал в руках. Она разбилась об пол.

Майра вновь произнесла его имя, тем же тихим, дрожащим, детским голоском.

— Что случилось? Майра, что с тобой?

— У меня беда. — Она показала правую руку. Только грязная садовая перчатка, такая же, как на левой руке, отсутствовала. Как и правая кисть.

Рука заканчивалась фонтанирующим обрубком. Она чуть улыбнулась и выдохнула: — Ох! — Затем ее глаза закатились. Промежность джинсов, в которых она работала в саду, потемнела от полившейся мочи. Колени подогнулись, она упала. Кровь продолжала хлестать из обрубка — по срезу студенты могли изучать анатомию, — смешиваясь на полу с яичной массой, которую Джек сбивал в миске.

Когда он упал на колени рядом с женой, осколок миски глубоко вонзился ему в колено. Джек этого даже не заметил, хотя остался хромым на всю оставшуюся жизнь. Он схватил руку жены и сжал предплечье. Поток крови сбавил напор, но не прекратился. Джек вырвал брючный ремень из петель и затянул на предплечье Майры. Кровотечение остановилось, но он не мог закрепить ремень: дырочки под такой маленький диаметр не было.

— Господи, — сказал он пустой кухне. — Господи!

Только тут обратил внимание, что на кухне потемнело. Отключилось электричество. Из кабинета донеслось позвякивание: компьютер подавал сигнал бедствия. «Эл-си-ди саундсистем» продолжала играть, потому что маленький проигрыватель работал на батарейках. Впрочем, Джека это не волновало: он потерял вкус к техно.

Как много крови, как много.

Вопроса, как она лишилась руки, даже не возникло. Хватало и других, более насущных проблем. Он не мог отпустить ремень, чтобы добраться до телефона: снова полилась бы кровь, а Майра и так потеряла ее слишком много. Значит, жену надо брать с собой. Он попытался тащить ее за рубашку, но сначала она вылезла из джинсов, а потом воротник начал душить Майру — Джек услышал, как жена захрипела. Поэтому обмотал руку ее длинными каштановыми волосами и потащил к телефону, на манер какого-нибудь троглодита.

Мобильник, само собой, работал. Он набрал 911 и услышал короткие гудки: занято.

— Быть такого не может! — прокричал Джек пустой кухне, где теперь не горел свет (хотя по-прежнему играла музыка). — Девятьсот одиннадцать не может быть занят, твою мать!

Он нажал кнопку повторного набора.

Занято.

Он сидел в кухне, привалившись спиной к дверцам шкафчика, как мог, крепко перетягивал ремнем руку жене, смотрел на кроваво-яичную жижу на полу, периодически нажимал на кнопку повторного вызова, в ответ всегда слышал в трубке это дурацкое пик-пик-пик. Что-то взорвалось не

так уж и далеко, но он едва расслышал грохот сквозь музыку, ставшую уж слишком громкой (взрыва «сенеки» он не услышал вовсе). Джек хотел выключить музыку, но, чтобы добраться до проигрывателя, следовало поднять Майру. Поднять ее или отпустить ремень на две-три секунды. Не нравилось ему ни первое, ни второе. Вот он и сидел, тогда как «Северо-американская пена» сменилась «Кем-то великим», а эта песня уступила место «Всем моим друзьям». Потом последовали еще несколько треков, и наконец компакт-диск, который назывался «Звук серебра», закончился. Когда это случилось, наступила тишина, нарушаемая только далеким воем полицейских сирен и близким непрерывным позвякиванием компьютера. Тут Джек осознал, что жена его больше не дышит.

Но я собирался приготовить ленч. Вкусный ленч, на который не стыдно пригласить и Марту Стюарт.^[12]

Сидя у шкафчика и по-прежнему держа ремень (как выяснилось позже, разжимание пальцев оказалось весьма болезненной процедурой), с правой штаниной, потемневшей от крови, текущей из разрезанного колена, Джек Эванс прижал голову жены к груди и заплакал.

Неподалеку от дома Эвансов, на заброшенной лесной дороге, которую не вспомнил бы даже старый Клай Брэсси, олень объедал нежные побеги на краю Престильского болота. Так уж вышло, что за очередным побегом он потянулся на сторону Моттона, и когда возник Купол, голову оленю отрезало, так аккуратно, словно его гильотинировали.

Мы совершили экскурсию по носкообразному контуру, который являл собой административную границу Честерс-Милла, и вернулись на шоссе номер 119, где, спасибо магии повествования, ни секунды не прошло с того мгновения, как мужчина лет шестидесяти, выскочивший из «тойоты», впечатался лицом во что-то невидимое, но очень прочное и сломал нос. Он сидит и в полнейшем замешательстве таращится на Дейла Барбару. Морская чайка, летевшая по привычному маршруту от отменного салат-бара на городской свалке Моттона к чуть менее отменному салат-бару на городской свалке Честерс-Милла, камнем падает вниз и приземляется в каких-то трех футах от бейсболки Тюленей, принадлежащей мужчине лет шестидесяти. Тот подбирает бейсболку, отряхивает от пыли, надевает на голову.

Он и Дейл смотрят вверх, откуда свалилась чайка, и снова видят нечто непостижимое. Впрочем, непостижимого будет в этот день просто навалом.

Прежде всего Барби подумал, что наблюдает некий послеобраз взорвавшегося самолета — так иногда видишь большую синюю плавающую точку, если чья-то фотовспышка срабатывает рядом с твоим лицом. Только он увидел не точку, и не синюю, и она не поплыла, когда Барби посмотрел в другую сторону — в данном случае на нового знакомого. Грязное пятно осталось висеть в воздухе в том самом месте, где и висело, когда Дейл заметил его.

Тюлень посмотрел вверх и потер глаза. Он вроде бы забыл про сломанный нос, раздувшиеся губы и кровоточащий лоб. Встал, чуть не свалился вновь, поскольку слишком уж закидывал голову назад.

— Что это? Что это, черт побери, такое?! — Большое черное пятно — по форме похожее на пламя свечи, если напрячь воображение, пачкало синее небо. — Это... облако? — Сомнение в голосе Тюленя предполагало, что ответ он и так знает: нет.

— Я думаю... — Барби замолчал. Не хотелось ему слышать произнесенные далее слова. — Я думаю, это место, где ударился самолет.

— Что вы говорите? — переспросил Тюлень, но, прежде чем Барби успел ответить, приличных размеров гракл пролетел над ними на высоте пятидесяти футов. Он вроде бы ни обо что не ударился — во всяком случае, они не увидели, обо что гракл ударился — и упал недалеко от чайки. — Вы это видели?

Барби кивнул, потом указал на полосу горящего сена слева от него. От этой полосы и от двух-трех по правую сторону шоссе поднимались столбы густого дыма, который смешивался с дымом, шедшим от обломков «сенеки», но зона горения особо не расширялась: днем раньше прошел сильный дождь, и сено еще не подсохло. Повезло, иначе травяной пожар быстро распространялся бы в обоих направлениях.

— Вы это видели? — спросил Барби Тюленя.

— Ну и дерьмо! — Тюлень окинул долгим взглядом окрестности.

Огонь уже выжег участок земли примерно в шестьдесят квадратных футов и продвигался дальше, пока не поравнялся с тем местом, где Барби стоял напротив Тюленя. Продолжил неспешное распространение — на запад к обочине шоссе, на восток по четырем акрам пастбища, принадлежащим владельцу молочной фермы, — не беспорядочно, как обычно продвигается травяной пожар, когда огонь бросается то в одну

сторону, то внезапно в другую, а ровно, будто по линейке.

Еще одна чайка летела к ним, на этот раз направляясь в Моттон, а не к Миллу.

— Осторожно! — Тюлень указал на чайку. — Берегитесь птицы.

— Может, все обойдется. — Барби поднял голову, прикрыл ладонью глаза. — Может, это что-то останавливает их, если только они летят с юга.

— Сомневаюсь я, судя по разбившемуся самолету. — Тюлень говорил тоном человека, пребывающего в глубоком недоумении.

Чайка, летевшая от Милла, ударилась о барьер и рухнула на самый большой обломок горящего самолета.

— Останавливает с обеих сторон. — Тюлень, похоже, только что получил веское подтверждение ранее не доказанного предположения. — Это какое-то силовое поле, как в «Стар трюке».

— *Треке*, — машинально поправил его Барби.

— В чем?

— Черт! — Барби смотрел за спину Тюленя.

— Что? — Тот оглянулся. — Вот дерьмо!

К ним приближался лесовоз. Большой, загруженный выше разрешенного предела гигантскими бревнами. И мчался он, заметно превышая разрешенную скорость. Барби попытался прикинуть, каким должен быть тормозной путь у этого бегемота, но даже представить себе не смог.

Тюлень рванул к «тойоте», припаркованной под углом на прерывистой разделительной линии. Парень, который сидел за рулем лесовоза, может, закинувшийся таблетками, может, обкурившийся, может, просто молодой, куда-то очень спешащий и полагающий себя бессмертным, увидел Тюленя и нажал на клаксон. Не сбавляя скорости.

— Чтоб тебя! — Тюлень прыгнул за руль. Завел двигатель и задним ходом попытался убрать «тойоту» с дороги, даже не закрыв водительской дверцы. Маленький внедорожник съехал в кювет, задрал квадратный нос к небу. В следующее мгновение Тюлень уже выскочил из кабины. Споткнулся, упал на одно колено, поднялся и побежал в поле.

Барби, думая о самолете, птицах, думая о странном черном пятне, возможно, в месте удара самолета о невидимое препятствие, тоже побежал, только на пастбище, через небольшие, вялые языки пламени, поднимая облачка черного пепла. Увидел кроссовку — слишком большую для женской — с торчащей из нее мужской ногой.

Пилота, подумал он. *Надо мне перестать бегать, как зайцу.*

— Идиот, тормози! — крикнул Тюлень водителю лесовоза тонким,

паническим голосом, но с инструкциями припозднился.

Барби, оглядываясь через плечо (не мог заставить себя удержаться), подумал, что водитель этой громадины в последний момент, возможно, придавил педаль тормоза. Вероятно, увидел обломки самолета. Но разумеется, результата это не дало. Лесовоз врезался в сторону Купола, обращенную к Моттону, на скорости шестьдесят миль в час, а то и больше, при этом вес бревен составлял порядка сорока тысяч фунтов. Кабину при столкновении смяло в лепешку. Грузовик, подчиняясь законам физики, продолжал двигаться вперед. Топливные баки тащило под бревнами, рвало в клочья, металл искрил. Когда баки взорвались, бревна уже поднялись в воздух, летели над тем, что недавно было кабиной, а теперь превратилось в зеленый металлический аккордеон. Бревна, которые инерция тянула вперед и вверх, ударились о невидимый барьер и разлетелись уже во всех направлениях. К небу густо взметнулся огонь и черный дым. Жуткий грохот прокатился по окрестностям, как громадный валун. Бревна дождем падали на землю со стороны Моттона, приземляясь на шоссе и окружающие поля, словно громадные соломинки. Одно стукнуло по крыше внедорожника, принадлежащего Тюленю, и продавило ее. Ветровое стекло выплеснулось на капот фонтаном осколков. Другое бревно упало перед самым Тюленем.

Барби уже не бежал — только смотрел.

Тюлень отпрянул, упал, уткнулся в бревно, которое едва не лишило его жизни, поднялся. Постоял, покачиваясь, с округлившимися от ужаса глазами.

Барби направился к нему и через двенадцать шагов наткнулся, как ему показалось, на кирпичную стену. Отшатнулся, почувствовав, как теплая жидкость течет из носа по губам. Смахнул полную ладонь крови, посмотрел на руку, не веря своим глазам, потом вытер ладонь о рубашку.

Теперь автомобили подъезжали с двух направлений, из Моттона и из Честерс-Милла. Три фигурки, пока еще маленькие, бежали по пастбищу от фермерского дома на другом его краю. Несколько водителей жали на клаксоны, словно гудки каким-то образом могли решить все проблемы. Первый автомобиль, подъехавший из Моттона, свернул на обочину достаточно далеко от горящего лесовоза. Две женщины вылезли из кабины и, прикрыв глаза ладонями, уставились на столбы огня и дыма.

— Твою мать, — едва слышно выдохнул Тюлень. Он направлялся к Барби через поле, держась подальше от погребального костра.

Водитель, возможно, перегрузил лесовоз и ехал слишком быстро, подумал Барби, но по крайней мере похороны он себе устроил, как викинг.

— Вы видели, куда упало одно бревно? Я чуть не обделался. Оно могло раздавить меня, как жука.

— У вас есть мобильник?! — Барби пришлось возвысить голос, чтобы перекрыть треск горящего лесовоза.

— В машине. Если хотите, попробую его достать.

— Нет, подождите. — Барби вдруг подумал с облегчением, что все это, возможно, сон, иррациональный сон, в котором езда под водой на велосипеде или разговор о своей сексуальной жизни на незнакомом для тебя языке воспринимаются как само собой разумеющееся.

С его стороны барьера первым подъехал толстячок на старом пикапе «джи-эм-си». Барби мужчину узнал — помнил по «Эглантерии»: Эрни Кэлверт, бывший управляющий «Мира еды», ныне на пенсии. Эрни во все глаза смотрел на пожар на дороге, но при этом держал мобильник в руке и что-то в него наговаривал. Барби мало что слышал из-за треска огня, но смог разобрать: «Похоже, дело серьезное», — и предположил, что Эрни говорит с полицией. Или с пожарными. Если с пожарными, Барби надеялся, что из Касл-Рока. В маленьком пожарном депо Честерс-Милла стояли две машины, но Барби полагал, что тушить им придется, если они таки приедут, только травяной пожар, который не разгорался, а уже гас сам по себе. Лесовоз горел буквально на расстоянии вытянутой руки, но Барби сомневался, что здешним пожарным удалось бы до него добраться.

Это сон, сказал он себе. Если на этом настаивать, то сможешь хоть как-то функционировать.

К двум женщинам со стороны Моттона присоединилось с полдюжину мужчин, тоже прикрывавших глаза ладонями. Автомобили теперь стояли на обеих обочинах. Новые люди подъезжали и присоединялись к толпе. То же самое происходило и на стороне Барби. Создавалось впечатление, что на дороге расположились два конкурирующих блошиных рынка — полные выгодных предложений, — которые разделяла граница. Один со стороны Моттона, второй — Честерс-Милла.

Прибыла троица с фермы — сам фермер и двое его сыновей-

подростков. Мальчикам бег дался легко, фермер же покраснел и задыхался.

— Вот дерьмо! — воскликнул старший сын и тут же схлопотал от отца подзатыльник, которого, судя по всему, и не заметил. Глаза его вылезли из орбит. Младший брат протянул ему руку, а когда старший взял ее, начал плакать.

— Что здесь произошло? — спросил фермер Барби, сделав глубокий вдох между *здесь* и *произошло*.

Барби вопрос проигнорировал. Он медленно двинулся к Тюленю, выставив перед собой правую руку. Тюлень, поняв его без слов, ответил тем же. Приближаясь к тому месту, где находился барьер (определить его труда не составляло — там прямой линией обрывалась сгоревшая трава), Барби замедлил шаг. Он уже приложился к барьеру физиономией. Повторения не хотелось.

Внезапно все его тело покрылось гусиной кожей. Мурашки побежали вверх от лодыжек до шеи, и он почувствовал, как на затылке шевелятся и встают дыбом волосы. Яйца зазвенели, как камертон, и на мгновение во рту появился металлический привкус.

В пяти футах от него — в пяти футах, которые постепенно сокращались — глаза Тюленя, и без того широко раскрытые, раскрылись еще шире.

— Вы тоже почувствовали?

— Да. Но теперь это ушло. А у вас?

— Ушло, — кивнул Тюлень.

Их вытянутые вперед руки не соприкоснулись, и Барби вновь подумал о стеклянной панели: ты прикладываешь к ней руку изнутри, твой приятель — снаружи, пальцы ложатся друг на друга, но касания нет.

Он отвел руку, ту самую, которой вытирал хлынувшую из носа кровь, и увидел повисшие в воздухе красные очертания своих пальцев. У него на глазах кровь начала собираться в капельки. Совсем как на стекле.

— Святой Боже, что все это значит? — прошептал Тюлень.

Ответа у Барби не было. Прежде чем он успел что-то сказать, Эрни Кэлверт похлопал его по спине.

— Я позвонил копам. Они едут, но в пожарной команде никто не отвечает. Автоответчик предложил мне позвонить в Касл-Рок.

— Так позвоните. — Барби увидел, как очередная птица примерно в двадцати футах от них упала на пастбище и исчезла. Падающая птица подсказала Барби новую идею, порожденную, вероятно, тем периодом времени, когда он ходил с оружием в руках на другом конце света. — Но сначала, думаю, вам нужно позвонить в Национальную гвардию ВВС в

Бангоре.

Эрни вытаращился на него:

— В *Гвардию*?

— Только они могут запретить полеты над Честерс-Миллом. И я думаю, сделать это надо незамедлительно.

Уйма дохлых птиц

Начальник полиции Милла не слышал ни одного взрыва, хотя и находился на улице: сгребал опавшие листья с лужайки перед своим домом на Морин-стрит. Портативный радиоприемник, который стоял на капоте «хонды» его жены, настроенный на волну ХНВ («Христос наш Владыка», городская молодежь называла эту радиостанцию «Иисусовым радио»), гремел церковной музыкой. Да и слух его стал уже не таким, как прежде. В шестьдесят семь это ж обычное дело.

Но он услышал первую сирену, вой которой прорезал день. Этот звук его уши выхватывали среди всех остальных точно так же, как уши матери выхватывают плач собственных детей. Говард Перкинс мог даже сказать, что это за машина и кто сидит за рулем. Только на Третьем и Четвертом патрульных автомобилях стояли эти старые вопилки, но Джонни Трент уехал на Третьем в Касл-Рок вместе с пожарными, на плановые учения. «Контролируемое возгорание», так они это называли, хотя на самом деле речь шла о забаве для взрослых мужчин. Значит, он слышал сирену Четвертого, одного из двух оставшихся «доджей», и за рулем сидел Генри Моррисон.

Перкинс перестал сгребать листья и застыл, склонив голову. Вой сирены начал затихать, и он продолжил прерванное занятие.

На крыльцо вышла Бренда. Практически все в Милле называли ее мужа Герцогом — прозвище осталось со школьных дней, когда он не пропускал ни одного фильма с Джоном Уэйном, которые показывали в «Звезде». Но Бренда перестала его так называть, едва они поженились, отдав предпочтение другому прозвищу. Оно Перкинсу как раз не нравилось.

— Гови, электричество отключили. И что-то взорвалось.

Гови. Сплошной Гови. Куда ни кинь — только Гови. Он пытался воспринимать это, черт побери, по-христиански, но иногда задавался вопросом: а не это ли прозвище отчасти в ответе за тот маленький приборчик, который он нынче таскал в груди.^[13]

— Что?

Она закатила глаза, промаршировала к портативному приемнику, выключила его, оборвав на полуслове хор Нормана Любоффа, исполняющего «Друг наш верный Иисус».

— Сколько раз я должна говорить тебе, чтобы ты не ставил эту

штуковину на капот моего автомобиля? Поцарапаешь, и придется продавать дешевле.

— Извини, Брен. Так что ты сказала?

— Отключили электричество. И что-то грохнуло. Вероятно, поэтому и проехал Джонни Трент.

— Это Генри. Джонни в Роке на пожарных учениях.

— Ну, кто бы это...

Завыла еще одна сирена, на этот раз из новых, про себя Герцог называл их Твити.^[14] Голос подал Второй патрульный автомобиль, которым управляла Джекки Уэттингтон. Конечно же, Джекки, потому что Рэндолф остался в лавке и теперь покачивался на своем стуле, положив ноги на стол и читая «Демократа». Или сидел на толчке. Питер Рэндолф был хорошим копом, при необходимости мог показать характер, но Герцог его не любил. Отчасти потому, что тот верой и правдой служил Джиму Ренни, отчасти потому, что иной раз проявлял излишнюю жесткость, но прежде всего потому, что был ленивым, а Герцог Перкинс не выносил ленивых копов.

Бренда смотрела на мужа большими глазами. Не один десяток лет она прожила женой полицейского и знала, что два взрыва, две полицейские сирены и отключение централизованной подачи электроэнергии в сумме не сулят ничего хорошего. Поэтому очень удивилась бы, если б в этот день с лужайки у дома Гови сгреб все опавшие листья или ему удалось послушать репортаж футбольного матча, в котором его любимые «Дикие коты», объединенная команда старших школ Честерс-Милла и Таркерс-Миллса, в пух и прах разнесли бы Касл-Рок.

— Тебе лучше собираться, — сказала она. — Что-то случилось. Я только надеюсь, что никто не умер.

Перкинс снял с ремня мобильник. Чертова хреновина висела там, как пиявка, с утра до вечера, но он не мог не признать, что вещь удобная. Номер набирать не стал, только смотрел на мобильник, ожидая, что тот зазвонит.

Но тут подал голос еще один Твити: Первого патрульного автомобиля. Рэндолф выкатился из полицейского участка. И сие означало, что дело действительно серьезное. Герцог более не думал, что мобильник зазвонит, и уже собрался прицепить его к ремню, когда раздался сигнал. Стейси Моггин.

— Стейси! — Перкинс знал, что нет никакой необходимости орать в эту хреновину, Бренда говорила ему об этом сто раз, но он, похоже, ничего не мог с собой поделать. — Что ты делаешь в участке субботним ут...

— Я не в участке, а дома. Питер позвонил и попросил передать, что

едет на Сто девятнадцатое и дела там плохие. Он сказал... самолет столкнулся с лесовозом. — В голосе Стейси звучало сомнение. — Я не знаю, как такое может быть, но...

Самолет. Господи. За пять минут до этого, может, чуть больше, когда он сгребал листья и пел вместе с хором: «Как велик Ты...»

— Стейси, это Чак Томпсон? Я видел, как его новый «пайпер» пролетел мимо. Довольно низко.

— Не знаю, чиф, я сказала вам все, что слышала от Питера.

Бренда — не дуручка — уже отгоняла свою машину, освобождая подъездную дорожку для травянисто-зеленого патрульного автомобиля чифа. Портативный приемник она поставила рядом с кучкой опавших листьев.

— Понятно, Стейси. В твоей части города света тоже нет?

— Нет, и телефон не работает. Я звоню по мобильнику. Вероятно, все очень плохо, да?

— Надеюсь, что нет. Ты сможешь приехать и прикрыть нас? Готов спорить, в участке все двери нараспашку и ничего не заперто.

— Буду в пять секунд. Найдете меня в диспетчерской.

— Все понял.

Когда Бренда возвращалась по подъездной дорожке, завывала городская сирена, и от этих завываний, то набирающих силу, то, наоборот, чуть ли не сходящих на нет, Герцогу Перкинсу всегда скручивало живот. Следовало спешить. Однако он нашел время, чтобы обнять Бренду. И она до конца своих дней помнила о том, что он нашел для этого время.

— Не волнуйся, Бренни. Сирена включается автоматически, если прекращается централизованная подача электроэнергии. Она смолкнет через три минуты. Или через четыре. Забыл через сколько.

— Я знаю, но все равно ненавижу эти завывания. Идиот Энди Сандерс включил сирену одиннадцатого сентября, помнишь? Как будто очередной самолет-самоубийцу направили на нас.

Герцог кивнул. Он тоже считал Энди Сандерса идиотом. К сожалению, тот был еще и первым членом городского управления, веселеньким тупицей Мортимером Снердом,^[15] сидевшим на коленях Большого Джима Ренни.

— Дорогая, я должен ехать.

— Понимаю. — Она пошла следом за ним к автомобилю. — Что случилось? Ты уже знаешь?

— Стейси сказала, что грузовик и самолет столкнулись на Сто девятнадцатом.

Бренда робко улыбнулась:

— Это шутка, да?

— Нет, если у самолета отказал двигатель и пилот попытался приземлиться на шоссе.

Улыбка Бренды исчезла, правая рука со сжатыми в кулак пальцами поднялась к груди. Этот язык тела он знал очень хорошо. Сел за руль, и, хотя ездил чиф на относительно новом автомобиле, водительское кресло сильно продавилось под его тяжестью. Герцог Перкинс никогда не ходил в легковесах.

— В твой выходной день! — воскликнула Бренда. — Это просто безобразие! И это когда ты мог выйти в отставку с полной пенсией!

— Меня вынесут вперед ногами. — Он широко улыбнулся. Улыбка эта была частью работы. По всему выходило, что денек выдастся длинным. — Такой уж я человек, Господи, такой уж я человек. Оставь мне в холодильнике сандвич или два, хорошо?

— Только один. Ты очень уж толстеешь. Даже доктор Хаскел так говорит, а он никогда никого не критикует.

— Ладно, один. — Он включил заднюю передачу... потом вернул ручку переключения на парковку. Выглянул из окна, и Бренда поняла, что он ждет поцелуя. Она подарила ему хороший поцелуй, под вой городской сирены, разрывавший свежий октябрьский воздух, а он гладил ей шею, пока их рты не отрывались друг от друга. От подобного поглаживания кожа у нее всегда покрывалась мурашками, и он давно уже такого не делал.

Этого прикосновения под ярким солнечным светом Бренда тоже не забыла до конца своих дней.

Когда он уже скатывался по подъездной дорожке, она что-то крикнула ему вслед. Пару слов Герцог разобрал, но и только. Ему действительно следовало проверить уши. При необходимости подобрать слуховой аппарат. Хотя, вероятно, только этого маленького штриха и недоставало для того, чтобы Рэндолф и Большой Джим дали крепкого пинка его стареющему зад.

Герцог затормозил, вновь выглянул из окна.

— Осторожнее с чем? — переспросил он.

— С *кардиостимулятором*! — буквально выкрикнула она. Смеясь. Тревожась. Все еще чувствуя его руку на своей шее, поглаживающую кожу, которая только вчера — или ей это лишь казалось — была гладкой и упругой. А может, позавчера, когда они слушали «Кей-си энд саншайн бэнд» вместо Иисусова радио.

— Все будет в порядке! — крикнул он в ответ и уехал.

В следующий раз Бренда увидела его уже мертвым.

Билли и Ванда Дебик и не слышали двойного взрыва, потому что находились на шоссе номер 117 и потому что ссорились. Началось все с пустяка: Ванда отметила, что день выдался прекрасный, а Билли ответил, что у него болит голова и он не понимает, почему они вообще должны ехать на субботний блошиный рынок в Оксфорд-Хиллс, где продается никому не нужная рухлядь.

Ванда указала, что голова у него не болела бы, не выпей он вечером дюжину банок пива.

Билл спросил: сосчитала ли она банки в мусорном баке (как бы ни набирался Билли, пил только дома и всегда бросал пустые банки в бак: этим он гордился, как и своей работой электрика)?

Она ответила, что да, считала, Билл может в этом не сомневаться.

Они добрались до «Пательс-маркет» в Касл-Роке, пройдя путь от *Ты слишком много пьешь, Билли, и Ты слишком уж меня достаемь, Ванда, до Говорила мне мама, не надо выходить за тебя замуж и Тебе обязательно надо быть такой сукой?* За последние два года из их четырехлетней семейной жизни путь этот они проходили не раз и не два, но тут Билли внезапно почувствовал, что с него хватит. Он свернул на широкую заасфальтированную автомобильную стоянку у магазина, не включив поворотник и не снижая скорости, а потом вновь выехал на шоссе номер 117 и покатил в обратную сторону, не посмотрев в зеркало заднего обзора и не обернувшись.

Нора Робишо, которая оказалась на шоссе позади него, нажала на клаксон. Ее лучшая подруга Эльза Эндрюс недовольно поцокала. Обе женщины, ушедшие на пенсию медсестры, переглянулись, но не проронили ни слова. Они дружили так долго, что в подобных ситуациях в словах не нуждались.

Тем временем Ванда спросила Билли: куда это он едет?

Билли ответил, что домой, чтобы вздремнуть часок-другой, а она может отправляться на этот говенный рынок одна.

Ванда указала, что он едва не столкнулся с двумя старушками (расстояние до вышеозначенных старушек быстро увеличивалось с каждым мгновением: Нора Робишо без всякой на то причины считала, что быстрее сорока миль в час ездят только слуги дьявола).

Билли ответил, что Ванда говорит и выглядит, как ее мамаша.

Ванда попросила разъяснить, что он под этим подразумевал.

Билли разъяснил: у дочери, как и у матери, толстая жопа и язык, который работает без умолку.

Ванда назвала Билли алкашом.

Билли заверил Ванду, что она уродина.

В выражениях оба не стеснялись, говорили от души. К тому времени, когда они покинули Касл-Рок и въехали в Моттон, направляясь к невидимому барьеру, возникшему вскоре после того, как Ванда открыла дискуссию упоминанием о прекрасном дне, Билли проезжал в час уже много больше шестидесяти миль. Он разогнался практически до максимальной скорости, которую могла развить вандинская старая таратайка «шеви».

— Что это за дым? — вдруг спросила Ванда, указав на северо-восток, в сторону 119-го.

— Не знаю. Думаешь, моя теща пернула? — И Билли загоготал, довольный собственной шуткой.

Ванда Дибек осознала, что и с нее довольно. Она повернулась к мужу, и слова *Я хочу развестись с тобой* уже готовились слететь с ее языка, когда они достигли границы Честерс-Милла и Моттона и врезались в барьер. Таратайку «шеви» конструкторы снабдили подушками безопасности, но Биллова не раскрылась вовсе, а Вандина раскрылась не полностью. Рулевое колесо разломилось от удара о грудь Билла, рулевая колонка раздавила ему сердце; он умер мгновенно.

Ванда ударилась головой о приборный щиток, неожиданное катастрофическое смещение двигателя «шеви» сломало ей ногу (левую) и руку (правую). Боли она не почувствовала, только непрерывно ревел клаксон, автомобиль развернуло поперек шоссе, переднюю часть смяло гармошкой, а видела все это Ванда сквозь красную пелену.

Когда Нора Робишо и Эльза Эндрюс миновали последний поворот перед административной границей Честерс-Милла (они уже несколько минут оживленно обсуждали, что это за дым поднимался на северо-востоке, и поздравляли себя с тем, что выбрали для поездки менее загруженное шоссе), Ванда Дибек пыталась подняться, отталкиваясь локтями от белой разделительной полосы. Кровь лилась по лицу, практически полностью смазывая его черты. Большой осколок ветрового стекла срезал с нее половину скальпа, и теперь громадный клочок кожи падал на ее левую щеку, как смещенная челюсть.

Нора и Эльза мрачно переглянулись.

— Гребаный случай! — вырвалось у Норы, и на том разговор

прекратился.

Эльза выпрыгнула из салона сразу, как автомобиль остановился, и побежала к шатающейся женщине. Для пожилой дамы (Эльзе пошел восьмой десяток) бегала она на удивление быстро.

Нора оставила автомобиль на нейтральной передаче и присоединилась к подруге. Вдвоем поддерживая Ванду, они повели ее к старенькому, но работающему как часы «мерседесу». Куртка Ванды из коричневой стала мутно-бурой, а руки выглядели так, будто она опустила их в чан с красной краской.

— Хте Билли? — спросила Ванда, и Нора увидела, что бедная женщина лишилась большинства зубов. Три из них зацепились за окровавленную куртку. — Хте Билли, он фылес? Сто слышилось?

— У Билли все прекрасно, как и у вас, — ответила Нора и вопросительно посмотрела на Эльзу.

Та кивнула и поспешила к «шеви», окутанному паром, который вырывался из пробитого радиатора. Эльзе, почти сорок лет проработавшей медсестрой (последний работодатель — Рон Хаскел, ДМ, и ДМ означало дуфус^[16] медицины), хватило одного взгляда через распахнутую пассажирскую дверцу, висевшую на одной петле, чтобы понять: у Билли далеко не все прекрасно, и молодая женщина, половина волос которой болталась рядом с ее головой, уже вдова.

Эльза вернулась к «мерседесу» и села на заднее сиденье рядом с Вандой, которая погрузилась в полубессознательное состояние.

— Он мертв, и она тоже умрет, если ты быстро-быстро не доставишь нас в «Кэтрин Рассел», — сказала она Норе.

— Тогда держись крепче. — Нора нажала на педаль газа.

Двигатель у «мерседеса» был мощный, и автомобиль буквально прыгнул вперед. Нора аккуратно объехала «шевроле» Дибеков и врезалась в невидимый барьер, продолжая разгоняться. Впервые за двадцать лет Нора не пристегнулась ремнем безопасности и вылетела через лобовое стекло, где сломала шею о невидимый барьер, точно также, как ее сломал Боб Ру, и свалилась на землю. Ванду бросило в зазор между спинками передних сидений. Через разбитое ветровое стекло ее вынесло на капот. Там она и осталась лежать лицом вниз, раскинув окровавленные босые ноги. Туфли из мягкой кожи (купленные при последнем посещении блошиного рынка в Оксфорд-Хиллсе) соскочили с них еще при первой аварии.

Эльза Эндрюс ударилась о спинку водительского сиденья, и ее отбросило назад, оглушенную, но обошедшуюся без серьезных травм. Дверцу вроде бы заклинило, но она все-таки открылась, когда Эльза

надавила на нее плечом. Старушка вылезла и оглядела место аварии. Лужи крови, сплюснутая таратайка «шеви», над которой еще вился парок.

— Что случилось? — спросила она. Повторила вопрос Ванды, хотя вопроса этого не помнила. Постояла среди окровавленных осколков стекла и искореженного хромированного железа, потом поднесла левую руку ко лбу, будто решив проверить, нет ли у нее температуры. — Что случилось? Что сейчас случилось? Нора? Нора, солнышко? Где ты, дорогая?

Потом увидела свою подругу и закричала от горя и ужаса. Ворона, наблюдавшая за происходящим с высокой сосны на стороне Милла, громко каркнула, и в звуке этом слышался пренебрежительный смешок.

Ноги Эльзы стали ватными. Она пятилась, пока не уперлась задом в смятое крыло «мерседеса».

— Нора, солнышко, — повторила Эльза. — Ох, милая...

Что-то коснулось ее шеи. Точно она сказать не могла, но подумала, что это прядь волос раненой молодой женщины. Только теперь, конечно, она стала мертвой молодой женщиной.

Как и бедная добрая Нора, с которой Эльза тайком пропускала по глотку джина или водки в прачечной «Кэтрин Рассел», и они хихикали, как девчонки в летнем лагере. Открытые глаза Норы смотрели в яркое полуденное солнце, голова повернулась под неестественным углом, словно она умерла, стараясь при этом заглянуть за спину и убедиться, что с Эльзой все в порядке.

Эльза, с которой действительно все было в порядке — «это всего лишь шок», как она когда-то говорила некоторым счастливицам, привезенным «скорой», — заплакала. Соскользнула по борту автомобиля, порвав пальто о торчащий металлический шип, и села на асфальт шоссе номер 117.

Она все еще сидела и плакала, когда на нее набрели Барби и его новый друг в бейсболке Тюленей.

Тюленем оказался Пол Гендрон, продавец автомобилей из северной части штата, двумя годами ранее отошедший от дел и вернувшийся на ферму своих умерших родителей в Моттон. Барби узнал о Гендроне и это, и многое другое в промежутке между уходом с места аварии на шоссе номер 119 и прибытием на место другой аварии, не такой масштабной, но тоже ужасной, на шоссе номер 117, случившейся там, где дорога пересекала границу Милла. Барби с удовольствием пожал бы Гендрону руку, но с этим приходилось повременить: пока мешал невидимый барьер, края которого найти им еще не удалось.

Эрни Кэлверт связался с Национальной гвардией ВВС в Бангоре, но его звонок поставили на удержание, прежде чем он успел произнести хоть слово. Тем временем нарастающий вой сирен сообщил о скором прибытии местных слуг закона.

— Только не ждите пожарных, — подал голос фермер, который прибежал через поле с сыновьями. Звали его Олден Динсмор. — Они в Касл-Роке, сжигают дом на учениях. Могли бы попрактиковаться и здесь. — Тут он увидел, что его младший сын приближается к тому месту, где кровавый отпечаток ладони Барби вроде бы высыхал на пронизанном солнцем воздухе. — Рори, отойди оттуда!

Но Рори, снедаемый любопытством, слова отца проигнорировал. Протянул руку и ударил по воздуху справа от отпечатка ладони Барби. Но прежде чем он ударил, Барби заметил мурашки, которые побежали по рукам мальчика ниже обтрепанных рукавов свитера «Диких котов». Что-то там такое было, и это что-то включалось при приближении человека. Похожие ощущения Барби однажды испытал в Эйвоне, во Флориде, когда в поисках укромного местечка увлек девушку к мощному электрогенератору.

Звук от удара кулака мальчика по невидимому барьеру напоминал постукивание костяшек пальцев по боковой стороне кастрюльки из жаропрочного стекла типа пирекса. Он заглушил гул разговоров маленькой толпы, собравшейся по ту сторону барьера. Люди смотрели на горящие остатки лесовоза (некоторые фотографировали пожар на мобильники).

— Чтoб мне сдохнуть! — воскликнул кто-то.

Олден Динсмор оттащил сына за обтрепанный воротник свитера, а потом дал подзатыльник, как совсем недавно — старшему сыну.

— Не делай этого! — кричал Динсмор, тряся мальчишку. — Никогда

такого не делай, если ты не знаешь, что это!

— Пап, это как стеклянная стена! Это...

Динсмор потрянул его вновь. Фермер все еще тяжело дышал, и Барби обеспокоился, не хватит ли его инфаркт.

— Никогда такого не делай! — повторил Динсмор и подтолкнул мальчишку к его старшему брату. — Приглядывай за этим дураком, Олли.

— Дассэр! — Олли самодовольно ухмыльнулся, глядя на брата.

Барби посмотрел в сторону Милла. Он увидел приближающиеся мигалки патрульных машин, но впереди, словно сопровождаемая копами особо важная персона, ехал объемный черный автомобиль, смахивающий на гроб: «хаммер» Большого Джима Ренни. От его вида синяки и шишки на теле Барби, уже заживающие после ночной драки на парковке у «Дипперса», сочувственно запульсировали.

Ренни-старшего в той драке, разумеется, не было, но его сын являлся главным зачинщиком, и Большой Джим заботился о Младшем. И ради этого отцу пришлось максимально усложнить жизнь некоему странствующему повару блюд быстрого приготовления — так усложнить, что вышеуказанный повар решил собрать вещички и покинуть город.

Барби не хотел сталкиваться здесь с Большим Джимом, тем более его сопровождали копы. Чиф Перкинс отнесся к нему по-человечески, но его заместитель — Рэндолф — воспринимал Дейла Барбару куском собачьего дерьма, налипшим на выходную обувь.

Барби повернулся к Тюленю.

— Не желаете прогуляться? Вы по своей стороне, я по своей? Посмотрим, как далеко это тянется?

— И уйти до того, как прибудет этот пустозвон? — Гендрон тоже видел приближающийся «хаммер». — Друг мой, с удовольствием. На восток или запад?

Они пошли на запад, к шоссе номер 117, и не нашли конца барьера, зато увидели множество результатов его появления. Стволы деревьев, разрубленные пополам. Повсюду валявшиеся тушки в перьях.

— Уйма дохлых птиц. — Гендрон дрожащими руками поправил бейсболку. — Никогда не видел так много.

— Ты в порядке? — спросил Барби.

— Физически? Думаю, что да. Умственно... такое ощущение, что крыша съехала полностью. А ты?

— Та же история.

В двух милях к западу от 119-го они вышли на Год-Крик-роуд и к Бобу Ру, застывшему около все еще работающего трактора. Барби инстинктивно шагнул к лежащему на земле человеку и снова стукнулся о барьер... правда, на этот раз в самую последнюю секунду вспомнил о его существовании и не разбил в кровь нос.

Гендрон опустился на колени. Прикоснулся к гротескно задранной голове фермера.

— Мертв.

— А что валяется вокруг него? Эти белые обломки?

Гендрон поднял самый большой.

— Думаю, какая-то компьютерная штуковина для проигрывания музыки. Должно быть, развалилась, когда он ударился о... — Гендрон указал на невидимую преграду перед собой. — Ты знаешь обо что.

Со стороны города вновь донесся вой, более громкий и грубый в сравнении с городской сиреной.

Гендрон бросил в том направлении короткий взгляд.

— Пожарная сирена. Пользы от нее — вагон.

— Пожарные машины возвращаются из Касл-Рока, — объявил Барби. — Я их слышу.

— Да? Значит, слух у тебя лучше моего. Скажи мне еще раз свое имя.

— Дейл Барбара. Для друзей — просто Барби.

— И что теперь, Барби?

— Пойдем дальше. Для этого парня мы ничего сделать не сможем.

— Не сможем даже никому о нем сказать, — мрачно заметил Гендрон. — Мой мобильник остался в машине. Полагаю, у тебя его нет?

Мобильник у Барби был, но он оставил его в уже покинутой квартире,

вместе с носками, рубашками, джинсами и нижним бельем. Ушел лишь в одежде, которая была на нем, потому что не захотел ничего уносить из Честерс-Милла, за исключением нескольких приятных воспоминаний, для которых не требовался ни чемодан, ни рюкзак.

Но едва ли у него получилось бы быстро и доходчиво объяснить все это незнакомцу. Поэтому Барби лишь покачал головой.

На сиденье «дира» лежало старое одеяло. Гендрон заглушил двигатель трактора, взял одеяло и накрыл им тело.

— Надеюсь, когда это случилось, он слушал что-то приятное.

— Да, — вздохнул Барби.

— Пошли. Попытаемся дойти до конца этой хреновины. Я хочу пожать тебе руку. Может, даже расплакаться и обнять тебя.

Вскоре после того, как они обнаружили тело Ру — они находились уже совсем близко от места аварии на шоссе номер 117, хотя и не знали этого, — Барби и Гендрон вышли к ручейку. Оба застыли, по разные стороны барьера, в изумлении глядя на происходящее.

— Оосподи Иисусе! — наконец вырвалось у Гендрона.

— И как это выглядит с твоей стороны? — Барби со своей стороны наблюдал, как вода поднималась и выливалась в кусты, словно ручей перегородила невидимая плотина.

— Не знаю, как описать. Никогда не видел ничего подобного. — Гендрон помолчал, почесывая обе щеки и оттягивая вниз и без того длинное лицо, отчего стал похож на кричащего человека с картины Эдварда Мунка. — Нет, видел. Один раз. Что-то похожее. Когда принес домой пару золотых рыбок на день рождения дочери. Ей тогда исполнилось шесть лет. А может, семь. Я принес их домой из зоомагазина в пластиковом мешке, и вот так это выглядит — как вода на дне пластикового мешка. Только плоская, а не провисающая. Вода поднимается по этой... хреновине, а потом растекается вправо-влево на твоей стороне.

— К тебе ничего не попадает?

Гендрон встал на четвереньки, сощурился.

— Да, что-то попадает. Не очень много, маленькая струйка. Но ничего из того дерьма, что вода тащит с собой. Палки, листья, все такое, ну ты понимаешь.

Они пошли дальше, Гендрон по своей стороне, Барби по своей. Но ни один из них не думал, что кто-то внутри, а кто-то снаружи. Мысли о том, что барьер может не закончиться, ни у кого не возникало.

Потом они вышли на шоссе номер 117, где произошла еще одна серьезная авария — два разбитых автомобиля и как минимум два труп, которые Барби увидел сразу. Подумал, что есть и еще один — за рулем старого «шевроле», передняя часть которого превратилась в лепешку.

Но на этот раз они нашли и выжившего. Рядом с врезавшимся в барьер «мерседесом» на асфальте сидела женщина с опущенной головой. Пол Гендрон поспешил к ней, тогда как Барби мог только стоять и наблюдать. Женщина увидела Гендрона и попыталась подняться.

— Нет, мэм, пожалуйста, сидите, не надо вам вставать, — попытался остановить ее Гендрон.

— Думаю, я в порядке. Просто... вы понимаете, в шоке. — По какой-то причине эти слова вызвали у женщины смех, хотя лицо опухло от слез.

В этот момент из-за поворота появился еще один автомобиль, за рулем которого сидел никуда не спешащий старик. Он возглавлял колонну из трех или четырех автомобилей, которым, безусловно, не терпелось его обогнать. Старик увидел аварию и остановился. Едущие следом автомобили последовали его примеру.

Эльза Эндрюс уже поднялась и в достаточной степени пришла в себя, чтобы задать вопрос дня:

— Во что мы врезались? Точно не в другой автомобиль. Нора его объехала.

— Не знаю, мэм, — абсолютно честно ответил ей Гендрон.

— Спроси, есть ли у нее мобильник, — предложил ему Барби. Потом обратился к собирающейся толпе: — Эй! У кого есть мобильник?

— У меня есть, мистер, — ответила какая-то женщина, но, прежде чем успела сказать что-то еще, все услышали приближающееся стрекотание лопастей: к ним летел вертолет.

Барби и Гендрон в ужасе переглянулись.

Сине-белый вертолет летел низко, направляясь к столбу дыма, отмечающего место крушения лесовоза на шоссе номер 119. В идеально чистом воздухе, возможно, даже обладающем увеличивающим эффектом, какой возникает в северной части Новой Англии в особо тихие дни, Барби без труда разглядел на борту большие рисунки: число «13» и глаз — логотип компании Си-би-эс. Вертолет службы новостей, из Портленда. Вероятно, находился неподалеку, подумал Барби. Погода идеальная, и

можно получить роскошные кадры аварии для шестичасового выпуска новостей.

— Нет, — застонал Гендрон, прикрывая ладонью глаза. Потом закричал: — Назад, идиоты! Назад!

К нему тут же присоединился Барби:

— Нет! Остановитесь! Назад!

Разумеется, их криков никто не услышал. И никто не увидел, как они машут руками, показывая, что близко подлетать нельзя.

Эльза в недоумении переводила взгляд с Гендрона на Барби.

Вертолет опустился до вершин деревьев и завис.

— Думаю, все будет хорошо. — Гендрон глубоко вдохнул. — Наверное, люди и там показывают ему, чтобы он дал задний ход. Пилот это видит и...

Но тут вертолет полетел на север, с тем чтобы зависнуть над пастбищем Олдена Динсмора и снять аварию с другого ракурса. И ударился о барьер.

Барби увидел, как отлетела одна из лопастей. Вертолет ушел в сторону, вниз и перевернулся одновременно. А потом взорвался, осыпая новым огнем шоссе и поля на другой стороне барьера.

На стороне Гендрона.

Снаружи.

Ренни-младший как вор прокрался в дом, где вырос. Или как призрак. Дом, разумеется, пустовал: отец находился на огромной территории салона подержанных автомобилей, расположенного у шоссе номер 119, — Френк, друг Младшего, иногда называл этот салон Святой обителью «Без первого взноса», — а Франсина Ренни последние четыре года беспрерывно тусовалась на кладбище «Плизант-ридж». Городская сирена перестала выть, полицейские смолкли где-то на юге. В доме царила благодная тишина.

Он принял две капсулы имитрекса, потом разделся и встал под душ. Когда вышел из ванной, увидел кровь на рубашке и брюках. Сейчас он этим заниматься не мог. Ногами затолкал одежду под кровать, затянул шторы, улегся в постель, накрылся с головой, как в детстве, если боялся сидящих в шкафу монстров. Лежал, дрожа всем телом, в голове били все колокола ада.

Он уже задремал, когда взвыла пожарная сирена и разбудила его. Его вновь начало трясти, но голова болела меньше. Он подумал, что немного поспит, а потом будет решать, как поступить. Скорее всего он покончит с собой. Потому что его обязательно поймают. Он даже не мог вернуться и зачистить все следы. Не успеет до возвращения Генри и Ладонны Маккейн. Он мог бы сбежать — возможно, — но лишь после того, как перестала бы болеть голова. И разумеется, ему следовало сначала одеться. Не мог он начинать жизнь беглеца голым.

Но самоубийство представлялось наилучшим вариантом. Разве что тогда этот гребаный недобитый повар окажется победителем. А если смотреть в корень, то виноват во всем как раз этот гребаный повар.

В какой-то момент пожарная сирена заткнулась. Младший заснул, укрывшись с головой. Когда проснулся, часы показывали девять вечера. Голова не болела.

И дом по-прежнему пустовал.

Полная мутня

Скрипя тормозами, остановил свой «Альфа-Хаммер-Эйч-3» (цвет «черный жемчуг», дополнительные опции — полный фарш) Большой Джим Ренни. Он опередил городских копов на целых три минуты, и такой расклад ему очень даже нравился. Девиз Ренни гласил: всегда опережай конкурентов.

Эрни Кэлверт все еще говорил по телефону, но вскинул руку, приветствуя Ренни. Волосы его растрепались, он был таким взвинченным, будто обезумел.

— Привет, Большой Джим, я до них дозвонился!

— Дозвонился до кого? — рассеянно спросил Ренни, оглядывая все еще горящий лесовоз и обломки вроде бы самолета. Неприятная история, возможно, грязное пятно на репутации города, с учетом того, что две новенькие пожарные машины отправились в Рок. Учения, участие в которых он одобрил... но на бланке разрешения на выезд стояла подпись Энди Сандерса, потому что тот занимал пост первого члена городского управления. И хорошо, что занимал. Ренни свято верил в фактор защищенности — так он это называл. И пост второго члена городского управления служил хорошим примером использования данного фактора: вся власть принадлежит тебе (во всяком случае, если Первый — такой кретин, как Сандерс), а ответственность, если что-то идет не так, ложится на другого.

То, что происходило сейчас, Ренни — в шестнадцать лет он отдал сердце Иисусу и с тех пор вычеркнул из лексикона все грубые слова — называл «полной мутней». Следовало принимать меры. Брать ситуацию под контроль. А рассчитывать, что старый козел Говард Перкинс справится с этой работой, он не мог. Лет двадцать назад Перкинс, возможно, и был идеальным начальником полиции, но они жили уже в новом веке.

Оглядывая место катастрофы, Ренни хмурился все сильнее. Слишком много зрителей. Впрочем, в таких случаях их всегда оказывалось слишком много: люди обожали кровь и разрушение. И некоторые вроде бы играли в какую-то странную игру: проверяли, как далеко они смогут наклониться или что-то в этом роде.

Действительно странно.

— Эй вы, отойдите подальше! — прокричал он. Голос его, громкий и уверенный, идеально подходил для того, чтобы отдавать приказы. — Это

место аварии.

Эрни Кэлверт — еще один идиот, город ими битком набит, впрочем, Ренни полагал, что аналогичная ситуация в любом городе, — еще более взвинченный, дернул его за рукав.

— Я связался с Эн-гэ, Большой Джим, и...

— С кем? С *чем*? О чем ты говоришь?

— С Национальной гвардией ВВС!

Все мутнее и мутнее. Люди, играющие в игры, и этот идиот, позвонивший...

— Эрни, ради Бога, зачем ты им позвонил?

— Потому что он сказал... этот парень сказал... — Эрни не смог вспомнить, что именно сказал Барби, поэтому двинулся дальше: — В любом случае полковник в Национальной гвардии выслушал, что я ему говорю, а потом соединил меня с портлендским отделением Министерства национальной безопасности. Соединил напрямую!

Ренни хлопнул ладонями по щекам — поступал так практически всегда, если сердился, становясь похожим на сурового Джека Бенни.^[17] Как и Бенни, Большой Джим время от времени шутил (но без грязных слов). Он шутил и потому, что продавал автомобили, и потому, что знал: политикам положено шутить, особенно с приближением выборов. Небольшой стандартный набор шуток, которые он называл приколами («Ну что, парни, хотите услышать прикол?»), всегда был при нем. Он запоминал их, как турист, отправляющийся в страну, где говорят на другом языке, запоминает фразы вроде: *Где туалет? или Есть в этом городе отель с Интернетом?*

Но сейчас он совсем не шутил.

— Министерство национальной безопасности! Зачем, ёханный бабай? — Любил он использовать такие выраженьица.

— Потому что этот молодой парень говорил о чем-то, перекрывшем дорогу. И так оно и есть, Джим! Что-то такое, чего нельзя увидеть! Люди могут до этого дотронуться! Смотри! Это они сейчас и делают. Или... если ты бросишь в это камень, он отлетает! Вот так! — Эрни поднял камень. Ренни не удосужился проследить за его полетом; он полагал, что камень попадет в кого-то из зевак, а тот, само собой, закричит от боли. — Лесовоз ударился в... ударился в это, уж не знаю что... и самолет тоже! И этот парень сказал мне...

— Помедленнее. О каком парне ты говоришь?

— Он — молодой парень, — вступил в разговор Рори Динсмор. — Готовит в «Эглантерии». Если попросить гамбургер средней прожаренности, он это сделает. Мой папа говорит, что таких гамбургеров

теперь не найти, потому что готовить их никто не умеет, а этот парень умеет. — Мальчишка обаятельно улыбнулся. — Я знаю его фамилию.

— Заткнись, Рор! — прикрикнул на него старший брат.

Лицо мистера Ренни потемнело. По мнению Олли Динсмора, именно так выглядели учителя, прежде чем сказать, что на неделю оставляют тебя в школе после занятий.

Рори, однако, словам брата не внял.

— Она как девчачье имя. *Ба-а-арбара*.

И когда я уже уверен, что больше никогда его не увижу, этот ёханный бабай появляется вновь, подумал Ренни. *Этот паршивый, никчемный тип.*

Он повернулся к Эрни Кэлверту. Копы уже подъезжали, но Ренни полагал, что у него есть время для того, чтобы остановить это спровоцированное Барбарой безумие. Он не ожидал увидеть здесь Барбару. Конечно же, не ожидал. Но это так похоже на Барбару — заварить кашу, погнать волну и смыться.

— Эрни, тебя неправильно информировали.

Тут вперед выступил Олден Динсмор:

— Мистер Ренни, я не понимаю, как вы можете так говорить, если даже не знаете, о какой информации идет речь.

Ренни ему улыбнулся. Во всяком случае, растянул губы.

— Я знаю Дейла Барбару, Олден. О нем у меня информации предостаточно. — Он вновь повернулся к Эрни Кэлверту: — А теперь я хочу, чтобы ты...

— Ш-ш-ш. — Кэлверт поднял руку. — Меня с кем-то соединили.

Большой Джим Ренни не любил, когда на него кто-то шикал, тем более вышедший на пенсию управляющий магазина. Он вырвал мобильник из руки Эрни, будто тот был его помощником, который принес телефон боссу.

— С кем я говорю? — послышалось из динамика. Этих коротких слов Ренни хватило, чтобы понять, что произнес их чинуша-бюрократ. Господь знал: за три десятилетия работы городским чиновником он частенько контактировал с бюрократами, и самые худшие из них — это федералы.

— С Джеймсом Ренни, вторым членом городского управления Честерс-Милла, сэр. Кто вы, сэр?

— Дональд Возняк, Министерство национальной безопасности. Как я понимаю, у вас некая проблема на Сто девятнадцатом шоссе. Что-то связанное с каким-то препятствием.

Препятствием? Что это за федеральный бред?

— Вас неправильно проинформировали, сэр. У нас тут самолет... гражданский самолет, местный самолет... пытался приземлиться на дорогу

и столкнулся с грузовиком. Ситуация полностью под контролем. Нам не требуется помощь Министерства национальной безопасности.

— Мистер Ренни, — подал голос фермер, — все произошло не так.

Большой Джим отмахнулся от него и направился к Первому патрульному автомобилю. Из него уже вылезал Хэнк Моррисон. Здоровенный, ростом в шесть футов и пять дюймов, но совершенно бестолковый. Следом подъехала девица с большими буферами — Уэттингтон, такая у нее была фамилия, — еще хуже, чем бестолковая, с бойким языком, который управлялся тупой головой. Но на дороге уже появился патрульный автомобиль Питера Рэндолфа, заместителя чифа, человека, на которого Ренни всегда мог положиться. Вот кто мог справиться с порученным делом. Если бы Рэндолф дежурил в тот вечер, когда Младший влип в историю на автостоянке у придорожного ресторана, мистер Дейл Барбара вряд ли сегодня мучил бы воду в городе. Нет, мистер Барбара сидел бы за решеткой в Роке. И Ренни это очень бы устроило.

Тем временем человек из Министерства национальной безопасности — и еще называют себя агентами? — продолжал что-то бубнить.

Ренни его оборвал.

— Спасибо, что вас заинтересовали наши дела, мистер Вознер, но мы справимся сами. — Не попрощавшись, он нажал кнопку с красной трубкой. Потом бросил мобильник Эрни Кэлверту.

— Джим, не думаю, что это правильно.

Ренни проигнорировал его реплику, наблюдая, как Рэндолф, не выключая мигалки, пристраивается в затылок к патрульной машине Уэттингтон. И он уже собрался двинуться к Рэндолфу, но отверг эту мысль до того, как она полностью сформировалась. Пусть Рэндолф подходит к нему. Так должно быть в этом городе, а не иначе. Так и будет, во имя Господа.

— Большой Джим, — подошел к нему Рэндолф, — что здесь произошло?

— Как мне представляется, все это очевидно. Самолет Чака Томпсона затеял спор с лесовозом. Такое впечатление, что этот поединок закончился вничью.

Тут он услышал сирены, приближающиеся со стороны Касл-Рока. Почти наверняка ехали пожарные машины (Ренни надеялся, что среди них будут и две городские, новенькие и чертовски дорогие: тогда, возможно, никто бы и не понял, что пожарные города находились за его пределами, когда произошла эта мутня). Следом, конечно, уже ехали патрульные машины и «скорые».

— Все случилось совсем не так, — по-прежнему гнул свое Олден Динсмор. — Я был на огороде и увидел, как самолет просто...

— Лучше отвести этих людей подальше, как думаешь? — Ренни указал Рэндолфу на зевак. Их собралось достаточно много на стороне лесовоза, стояли они на безопасном расстоянии от его пылающих останков, и еще больше людей подъехало со стороны Милла. Ситуация начала напоминать городской сход.

Рэндолф повернулся к Моррисону и Уэттингтон.

— Хэнк! — Он указал на жителей Милла. Некоторые уже бродили среди разбросанных частей самолета Томпсона. Слышались крики ужаса, когда среди железок люди натыкались на фрагменты человеческих тел.

— Понял. — Моррисон направился к зевакам.

Уэттингтон заместитель чифа указал на других зевак, глазающих на лесовоз:

— Джекки, возьми на себя... — Но Рэндолф не договорил.

Зрители с южной стороны зоны происшествия стояли на пастбище по одну сторону дороги и в невысоком, до колена, кустарнике — по другую. Рты у всех раскрылись, на лицах отпечаталось выражение тупого интереса, с каким Ренни так часто сталкивался. Каждый день он видел подобное выражение на лицах отдельных личностей, а раз в году, в марте, на городском собрании, en masse.^[18] Но люди между тем смотрели не на горящий лесовоз. И теперь Питер Рэндолф, далеко не тупица (конечно, не семи пядей во лбу, но по крайней мере он знал, с какой стороны его кусок хлеба намазан маслом), смотрел туда же, что и остальные, и от изумления у

него тоже отвисла челюсть. Как и у Джекки Уэттингтон.

А остальные смотрели на дым. Тот самый, что поднимался над горящим лесовозом.

Черный и маслянистый. Людям, стоявшим под ветром, а дул он с юга, вроде бы полагалось задыхаться от этого дыма, но они не задыхались. И Ренни видел почему. Верилось в это с трудом, но он все видел собственными глазами. Дым смещался на север, во всяком случае, сначала, а потом направление его движения изменялось, чуть ли не под прямым углом, и он струей поднимался вертикально вверх, как по трубе. И оставлял за собой черно-коричневый след. Длинный грязный язык, который, казалось, плавал в воздухе.

Джим Ренни замотал головой, чтобы отделаться от этого образа, но, когда перестал мотать, язык остался на прежнем месте.

— Что это? — У Рэндолфа от изумления голос заметно смягчился.

Перед ним встал Динсмор, фермер.

— Вот этот парень, — он указал на Эрни Кэлверта, — связался с Министерством национальной безопасности, а вот этот... — театральным жестом, достойным зала суда, фермер указал на Ренни, которого жест этот не впечатлил, — взял у него трубку и оборвал связь! Не следовало ему этого делать, Пит. Потому что никакого столкновения не было. Самолет не приближался к земле. Я это видел. Укрывал грядки на случай мороза и видел.

— Я тоже видел... — начал Рори и на этот раз схлопотал подзатыльник от старшего брата, после чего захныкал.

— Он с чем-то *столкнулся*, — продолжал Олден Динсмор. — С тем же, с чем столкнулся и грузовик. Эта преграда тут, вы можете ее пощупать. А молодой человек, повар, сказал, что здесь необходимо ввести зону запрета полетов, и он прав. Но мистер Ренни... — Динсмор эффектным жестом вновь указал на Ренни, словно считал себя Перри Мейсоном, а не человеком, который зарабатывал на жизнь, надевая доильные стаканы на соски коровьего вымени, — даже не стал говорить. Просто оборвал связь.

Но Ренни и не собирался оправдываться.

— Ты теряешь время, — сказал он Рэндолфу. Приблизился и добавил чуть ли не шепотом: — Чиф уже едет. Мой совет — действуй быстро и возьми место аварии под контроль до его приезда. — Потом бросил на фермера ледяной взгляд. — Свидетелей ты сможешь опросить позже.

Но — и это взбесило Ренни — последнее слово все равно осталось за Олденом Динсмором:

— Этот парень Барбара был прав. Он был прав, а Ренни ошибся.

И Большой Джим дал себе слово не оставить эту выходку Олдена Динсмора без внимания. Рано или поздно фермеры всегда приходили к членам городского управления со шляпами в руках — хотели подтвердить право пользования дорогами или получить снижение зонального тарифа, просили о чем-то еще, — и, когда мистер Динсмор придет в следующий раз, он не встретит понимания, если мнение Ренни играет хоть какую-то роль. А оно играет!

— Возьми место аварии под контроль, — повторил Ренни Рэндолфу.

— Джекки, отодвинь этих людей, — приказал заместитель чифа, указав на зевак, которые стояли со стороны лесовоза. — Установи периметр.

— Сэр, я думаю, эти люди находятся в Моттоне...

— Мне без разницы, отодвинь их подальше. — Рэндолф оглянулся и посмотрел на Герцога Перкинса, вылезавшего из зеленого патрульного автомобиля чифа — автомобиля, который Питеру очень хотелось видеть на подъездной дорожке у своего дома. И он надеялся, что увидит — с помощью Большого Джима Ренни. Самое позднее, через три года. — Полицейское управление Касл-Рока только поблагодарит тебя, поверь мне.

— А как насчет этого... — Джекки указала на грязное пятно от дыма, которое все расширялось. Сквозь него октябрьская расцветка деревьев нивелировалась. Все листья становились одинаково темно-серыми, а небо приобретало нездоровый желтоватый отлив.

— Держись подальше, — ответил Рэндолф. Он хотел помочь Хэнку Моррисону установить периметр со стороны Честерс-Милла. Но сначала требовалось ввести в курс дела Перкинса.

Джекки зашагала к людям, собравшимся на стороне лесовоза. Толпа постоянно росла — видать, прибывшие первыми сразу взялись за мобильники. Кто-то затоптал маленькие очаги огня в кустах — благое дело, но теперь все только стояли и глазели. Руки Джекки пришли в движение, она как бы отгоняла толпу, повторяя жесты Хэнка на стороне Милла, и подкрепляла их той же мантрой:

— Отойдите, пожалуйста, подальше, все закончено, вы не увидите ничего такого, что уже не видели, освободите дорогу для пожарных машин и полиции, отойдите, очистите территорию, разъезжайтесь по домам, займитесь сво...

Джекки обо что-то ударилась. Ренни понятия не имел обо что, но увидел результат. Сначала с препятствием соприкоснулись поля ее шляпы. Сложились, и шляпа слетела с головы Джекки. Мгновением позже сплюснулись ее здоровенные буфера — пара еханных пушечных ядер, так

они выглядели. То же самое произошло с носом, и из него выплеснулась струя крови, которая размазалась на чем-то... и начала стекать вниз длинными каплями, как краска по стене. Джекки шлепнулась на свой обширный зад. На лице отражалось крайнее изумление.

Чертов фермер опять задолдонил:

— Видите? Что я вам говорил?

Рэндолф и Моррисон все это не видели. Перкинс — тоже. Втроем они что-то обсуждали у капота автомобиля чифа. У Ренни возникла мысль подойти к Уэттингтон, но другие уже проявляли инициативу, а кроме того... она находилась слишком близко от препятствия, на которое наткнулась. Поэтому он поспешил к копам-мужчинам. Суровое лицо и выпяченный живот показывали, что идет человек, облеченный властью. По пути он свирепо глянул на Динсмора.

— Привет, чиф. — Ренни протиснулся между Моррисоном и Рэндолфом.

Перкинс кивнул в ответ:

— Вижу, ты времени не теряешь.

Возможно, он хотел его подколоть, но Ренни, хитрая старая рыба, приманку не заглотил.

— Боюсь, мы не вполне можем доверять собственным глазам. Думаю, кто-то должен связаться с Министерством национальной безопасности. — Он выдержал многозначительную паузу. — Я не хочу сказать, что это как-то связано с терроризмом... но и не могу утверждать, что не связано.

Герцог Перкинс смотрел за спину Большого Джима. Эрни Кэлверт и Джонни Карвер, который работал в магазине при заправочной станции «Бензин и бакалея», помогали Джекки подняться. Чувствовалось, что она ошарашена, из носа текла кровь, но в целом ничего страшного с ней не произошло. Тем не менее здесь определенно творилось что-то странное. Разумеется, такое ощущение возникало всегда, если гибли люди, но тут странностей было куда как больше.

Во-первых, самолет не пытался приземлиться. Слишком большое количество обломков валялось на слишком большой территории, чтобы Перкинс в это поверил. Плюс зеваки. С ними тоже хватало странностей. Рэндолф этого не заметил, в отличие от Герцога Перкинса. Люди должны были стоять одной большой толпой. Так они поступали всегда, словно каждый нуждался в поддержке других перед лицом смерти. А здесь образовалось две толпы, которые почему-то не переходили административную границу между городами.

Из-за поворота на юге появились первые пожарные машины. Числом три. Герцог порадовался, увидев на борту второй по счету надпись золотыми буквами: «ЧЕСТЕРС-МИЛЛ. ПОЖАРНАЯ МАШИНА НОМЕР 2». Толпа сдвинулась к кустам, освобождая место пожарным.

Герцог перевел взгляд на Ренни:

— Что здесь произошло? Ты знаешь?

Ренни уже открыл рот, чтобы ответить, но его опередил Эрни Кэлверт:

— Дорогу перегораживает какой-то барьер. Его не видно, но он есть, чиф. Лесовоз столкнулся с ним. И самолет тоже.

— Чертовски верно! — воскликнул Динсмор.

— Об него ударились и патрульная Уэттингтон, — вставил Джонни Карвер. — К счастью, на меньшей скорости.

Он обнимал Джекки за талию. Женщина еще не пришла в себя. Герцог заметил кровь на рукаве рабочей куртки Карвера с надписью на спине «Я ЗАПРАВИЛСЯ БЕНЗИНОМ В МИЛЛЕ СО СКИДКОЙ».

На стороне Моттона появилась еще одна пожарная машина. Первые две перекрыли дорогу, образовав букву «V». Пожарные уже выскочили из кабин и раскатывали рукава. Герцог слышал сирену «скорой», приближающуюся со стороны Касл-Рока. А где наша? — задался он вопросом. Тоже отправилась на эти чертовы учения? Ему бы не хотелось

так думать. Да кто в здравом уме мог отправить «скорую» к пустому горящему дому?

— Вроде бы здесь невидимый барьер... — начал Ренни.

— Да, я понял, — оборвал его Герцог. — Не знаю, что это значит, но я понял. — Он оставил Ренни и направился к своей подчиненной, из носа которой все еще капала кровь, не увидев, как у оскорбленного второго члена городского управления полыхнули красным щеки. — Джекки! — Герцог мягко положил руку ей на плечо. — Ты в порядке?

— Да. — Она коснулась пальцем своего носа. — Он не выглядит сломанным? По ощущениям — он не сломан.

— Он не сломан, только распухает. Но я уверен, что к Празднику жатвы нос придет в норму.

Она слабо улыбнулась.

— Чиф, — к ним подошел Ренни, — я действительно думаю, что мы должны кому-то об этом сообщить. Если не в Министерство национальной безопасности, по здравом размышлении я понял, что это перебор, тогда, возможно, в полицию штата.

Герцог отодвинул его в сторону. Мягко, но недвусмысленно. Почти что оттолкнул. Пальцы Ренни сжались в кулаки, но тут же разжались. Жизнь свою он выстроил так, что по большей части толкал сам, не позволяя толкать его, но это нисколько не отменяло простой истины: кулаки — для идиотов. Примером тому его сын. Но оскорбления следовало помнить и заставлять за них расплачиваться. Обычно позже... и так получалось даже лучше.

Месть становилась слаще.

— Питер! — Герцог позвал Рэндолфа. — Свяжись с Центром здоровья и спроси, где их чертова «скорая»! Я хочу видеть ее здесь!

— Это может сделать Моррисон. — Рэндолф достал фотоаппарат из своего патрульного автомобиля, чтобы заснять место аварии.

— Ты можешь это сделать, и немедленно.

— Чиф, я не думаю, что Джекки так уж сильно ударились, а кроме нее...

— Если я захочу узнать твое мнение, Питер, я им обязательно поинтересуюсь.

Рэндолф бросил было на чифа злобный взгляд, но, оценив выражение лица Герцога, кинул фотоаппарат на сиденье и схватился за мобильник.

— Что произошло, Джекки? — спросил Герцог.

— Я не знаю. Сначала почувствовала покалывание, как бывает, если коснешься рукой штырей штепселя, который вставляешь в розетку. Это

ушло, но потом я ударилась... и я не знаю, обо что я ударилась.

— А-а-а-х! — выдохнула толпа.

Пожарные направили рукава на горящий лесовоз, но за ним струи обо что-то ударялись и возвращались к пожарным, а брызги образовывали в воздухе яркие радуги. За свою жизнь Герцог не видел ничего подобного... разве что в мойке для автомобилей, когда ты сидишь в кабине и наблюдаешь, как струи воды под высоким давлением бьются о ветровое стекло.

Потом он увидел радугу и на стороне Милла, только маленькую. Одна из зевак — Лисса Джеймисон, городской библиотекарь — направилась к этой радуге.

— Лисса, не подходи туда! — крикнул Герцог.

Она его проигнорировала. Напоминала загипнотизированную. Встала в нескольких дюймах от того места, где струи высокого давления били по прозрачному воздуху и отлетали назад, раскинула руки. Герцог видел капельки водяного тумана, заблестевшие на ее волосах, которые она собрала на затылке в пучок. Маленькая радуга исчезла, потом сформировалась вновь, за спиной Лиссы.

— Ничего, кроме тумана! — крикнула она, и в ее голосе слышался восторг. — Там столько воды, а здесь ничего, кроме тумана! Как от увлажнителя воздуха.

Питер Рэндолф поднял мобильник и покачал головой.

— Сигнал есть, но дозвониться я не могу. Наверное, все эти люди, — он обвел толпу рукой, — перегрузили сеть.

Герцог не знал, возможно ли такое, но действительно практически все или с кем-то разговаривали, или фотографировали. За исключением Лиссы, которая по-прежнему вела себя, как лесная нимфа.

— Приведи ее сюда, — приказал Герцог своему заместителю. — Приведи ее сюда до того, как она вытащит магический кристалл или что-то еще в этом роде.

По лицу Рэндолфа ясно читалось, что подобные поручения кажутся ему недостойными уровня жалованья, которое получал, но он пошел.

Герцог хохотнул. Коротко, но искренне.

— Что, скажи на милость, ты увидел здесь смешного? — спросил Ренни. Со стороны Моттона подъезжало все больше и больше копов из Полицейского управления округа. И если Перкинс продолжит топтаться на месте, копы из Касл-Рока возьмут ситуацию под свой контроль. То есть вся слава достанется им.

Герцог перестал смеяться, но улыбка не сошла с лица. Его, похоже,

происходящее не пугало.

— Это полная мутня, — произнес он наконец. — Твое ведь словечко, Большой Джим? И поверь моему опыту, когда имеешь дело с полной мутней, без смеха никак не обойтись.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь! — Ренни чуть ли не кричал.

Братья Динсморы отступили от него и спрятались за отца.

— Я знаю, — мягко сказал Герцог. — И это нормально. Но тебе надо прямо сейчас понять следующее: я — старший офицер правоохранительных органов на месте катастрофы, по крайней мере до приезда шерифа округа, а ты — член городского управления. Здесь у тебя никакого официального статуса нет, поэтому я хочу, чтобы ты отошел в сторону. — Герцог указал на желтую ленту, которую натягивал патрульный Генри Моррисон, для чего тому пришлось переступить через два крупных обломка фюзеляжа. — Я хочу, чтобы все отошли и не мешали нам выполнять свою работу! Следуйте за членом городского управления Ренни. Он отведет вас за желтую ленту.

— Я тебе спасибо за это не скажу, Герцог.

— На что мне совершенно наплевать, и да благословит тебя Бог. Немедленно покинь мою территорию. И пожалуйста, обойди ленту. Незачем Генри натягивать ее дважды.

— Чиф Перкинс, я хочу, чтобы ты запомнил, как сегодня разговаривал со мной. Потому что я точно это запомню.

Ренни широким шагом направился к ленте. Остальные зеваки последовали за ним, большинство оглядывались на водный туман, сверкающий перед измазанным черным дымом барьером и образующий влажное пятно на асфальте и обочинах. Двое или трое наиболее наблюдательных (среди них и Эрни Кэлверт) уже заметили, что барьер в точности повторяет границу между Моттоном и Миллом.

Ренни ощутил детское желание грудью разорвать ленту, которую натягивал Хэнк Моррисон, но сдержался. Обходить ленту, правда, не стал, не захотел трепать о лопухи брюки марки «Ленде энд», которые обошлись ему в шестьдесят долларов. Прошел под лентой, подняв ее над головой. Из-за внушительного живота нагнуться не получилось бы.

За его спиной Герцог медленно направился к тому месту, где Джекки получила по носу. Вытянул руку перед собой, как слепец, продвигающийся по незнакомой комнате.

Вот тут она упала... а здесь...

Он почувствовал то самое покалывание, о котором говорила Джекки,

но оно не ушло, а усилилось, превратилось в острую боль под левым плечом. Ему хватило времени, чтобы вспомнить последние слова Бренды — *Осторожнее с кардиостимулятором*, — а потом прибор взорвался в груди Герцога с такой силой, что порвал футболку «Диких котов», которую он надел в то утро в честь предстоящей дневной игры. Кровь, клочки ткани, кусочки плоти выплеснулись на барьер.

Толпа ахнула.

Герцог попытался вымолвить имя жены и не смог, но мысленным взором ясно увидел ее лицо. Она улыбалась.

Потом улыбку Бренды сменила темнота.

Четырнадцатилетнего парнишку звали Бенни Дрейк, и он был Бритвой. «Бритвы» — так назвала свой клуб немногочисленная группа преданных скейтбординг подростки. Местная полиция посматривала на них косо, но занятие это не запрещала, несмотря на просьбы Ренни и Сандерса о таком запрете (на последнем городском собрании в марте стараниями этой сладкой парочки из бюджета вычеркнули расходы на создание специальной безопасной площадки для скейтеров, на городской площади за трибуной).

Его сейчас осматривал тридцатисемилетний Эрик Эверетт по прозвищу Расти,^[19] фельдшер, работавший вместе с доктором Роном Хаскелом, которого Расти представлял себе в образе Великого и Ужасного Волшебника Оза. «Потому что, — объяснял Расти (но только тем людям, кому мог доверять так же, как и жене), — он очень уж часто остается за занавесом, тогда как мне приходится выполнять всю работу».

Расти проверил, когда юному мастеру Дрейку последний раз делали прививку от столбняка. Осенью 2009 года, очень хорошо. С учетом того, что юный мастер Дрейк неудачно исполнил «уилсон»^[20] на бетоне и прилично рассадил икру. Жизни рана не угрожала, но и не шла ни в какое сравнение с обычной ссадиной.

— Электричество включили, чувак, — заметил юный мастер Дрейк.

— Это генератор, чувак. Обеспечивает больницу и Центр здоровья. Мудро придумано, да?

— Старая школа, — согласился Дрейк.

Какие-то мгновения взрослый и подросток молча рассматривали шестидюймовую рану на икре Бенни Дрейка. Очищенная от грязи и крови, она по-прежнему выглядела рваной, но уже не такой ужасной. Городская сирена смолкла, но издали доносился вой других сирен. А потом включилась пожарная сирена, заставив их обоих вздрогнуть от неожиданности.

«Скорой» пора на выезд, подумал Расти. Твитч и Эверетт спешат на помощь. С парнем надо бы побыстрее закончить.

Да только лицо у мальчишки очень уж побледнело, а в глазах, как показалось Расти, стояли слезы.

— Боишься?

— Есть немного. Мать не разрешит мне гулять.

— Так ты этого боишься? — Расти догадывался, что Бенни Дрейка не всегда пускали гулять. Видно, очень даже часто.

— Ну... А будет очень больно?

Расти поначалу прятал шприц. Теперь ввел три кубика ксилокаина и эпинефрина — обезболивающей смеси, которую по-прежнему называл новокаином. И ждал, пока смесь сработает, чтобы не причинять пацану лишней боли.

— Не больнее, чем сейчас.

— Уф, тогда приступай. Терпеть можно.

Расти рассмеялся.

— Ты прокатился по фулпайпу, прежде чем сделать «уилсон»? — Бывший скейтер проявлял искреннее любопытство.

— Только на хафе, ^[21] но и это забирает! — Бенни просиял. — Как думаешь, сколько швов? Норри Кэлверт наложили двенадцать, когда прошлым летом она навернулась в Оксфорде.

— Не так много. — Расти знал Норри, маленькую готку, которая просто мечтала о том, чтобы убиться на скейтборде, прежде чем кого-то родить. Он нажал на край раны иглой. — Чувствуешь?

— Да, чувак, еще как. Ты слышал: там что-то бабахнуло? — Бенни небрежно указал на юг, сидя на смотровом столе в одних трусах и пачкая кровью бумажную простыню.

— Нет, — отмахнулся Расти, хотя слышал, как бабахнуло дважды, только боялся, что не бабахнуло, а взорвалось. С обработкой раны следовало поторопиться. А где Волшебник? На обходе, по словам Джинни. Сие скорее всего означало, что спит в комнате отдыха врачей в «Кэтрин Рассел». В последнее время этот замечательный Волшебник, отправляясь на обход, оказывался именно там. — Что-нибудь чувствуешь? — Расти вновь уколол ногу иглой. — Не смотри. Глаза могут обмануть.

— Нет, чел, ничего. Ты водишь меня за нос.

— Нет. Нога у тебя онемела. — При этом Расти подумал: *И не только нога.* — Ладно, начнем. Ляг, расслабься и наслаждайся полетом с «Кэтрин Рассел эрлайнс». — Он еще раз промыл рану стерилизующим раствором, очистил, потом подровнял края верным скальпелем номер 10. — Шесть швов моей лучшей нейлоновой ниткой номер сорок.

— Страх какой. Думаю, я могу блевануть.

Расти протянул подростку тазик для рвоты, который также назывался блевотной кастрюлей.

— Блюй сюда. Отключись, и ты в свободном полете.

Бенни не отключился. И не блеванул.

Расти уже накладывал на защитую рану стерильную марлевую салфетку, когда раздался стук в дверь, а потом появилась голова Джинни Томлинсон.

— Могу я с тобой поговорить?

— На меня внимания не обращайтесь, — вставил Бенни. — Я это люблю, побыть с самим собой, — добавил маленький наглец.

— В коридоре, Расти. — На подростка Джинни и не взглянула.

— Я сейчас вернусь, Бенни. Сиди и не волнуйся.

— Не парься, никаких проблем.

Расти последовал за Джинни в коридор.

— Пора на выезд? — спросил он.

За спиной Джинни, в залитой солнцем комнате ожидания, мать Бенни бросила на фельдшера мрачный взгляд, оторвавшись от книги с обнимающейся парочкой на обложке.

Джинни кивнула.

— Сто девятнадцатое, граница с Таркерсом. Еще один несчастный случай на другой границе города, с Моттоном, но, как я слышала, там все трупы. Столкновение самолета с грузовиком. Самолет пытался приземлиться.

— Ты заливаешь?

Элва Дрейк, хмурясь, оглянулась, потом вновь уткнулась в книгу. Или просто смотрела в нее, пытаясь сообразить: поддержит ли ее муж, если она запретит Бенни гулять, пока ему не исполнится восемнадцать?

— Ничего я не заливаю.

— Странно как-то.

— Но парень на границе с Таркерсом еще жив. Водитель грузовика для доставки продуктов, как я поняла. Пошевеливайся. Твитч ждет.

— Ты закончишь перевязку?

— Да. Иди, иди.

— А доктор Рейберн?

— У него пациенты в Мемориальной Стефенской. — Она говорила о больнице в Норуэе. — Он уже едет, Расти. Шевелись.

Прежде чем уйти, он сообщил миссис Дрейк, что у Бенни все хорошо. Элву эта новость вроде как не шибко обрадовала, но она его поблагодарила.

Дуги Твитчел сидел на бампере старенькой «скорой», которую Джим Ренни и его коллеги из городского управления даже и не думали заменить, курил и нежился на теплом солнышке. Еще он держал в руке портативную рацию, и она бубнила без умолку: голоса возникали внезапно и наслаивались друг на друга.

— Выкинь эту раковую палочку, и по коням, — распорядился Расти. — Ты знаешь, куда едем, так?

Твитч отбросил окурок. Несмотря на прозвище, более спокойного медбрата или медсестру Расти видеть не доводилось, а это говорило о многом.

— Я знаю, что сказала тебе Джин-Джин. Граница с Таркерсом, так?

— Точно. Перевернувшийся грузовик.

— Да, конечно, но планы переменились. Мы должны ехать в другую сторону. — Он указал на южный горизонт, где поднималась колонна густого черного дыма. — Никогда не возникало желания увидеть разбившийся самолет?

— Уже видел. На службе. Двое парней. То, что от них осталось, можно было намазать на хлеб. С меня хватит, странник. Джинни говорит, что там все мертвы. Тогда почему?

— Может, так, может, и нет. Но нам надо ехать за Перкинсом, а он, возможно, жив.

— Чифом Перкинсом?

— Точно. Я думаю, прогноз не очень хороший, если у него кардиостимулятор взорвался в груди: именно так говорит Питер Рэндолф. Но Перкинс — начальник полиции. Бесстрашный лидер.

— Твитч, дружище, кардиостимулятор в груди взорваться не может. Такое абсолютно невозможно.

— Тогда, наверное, чиф еще жив, и мы сможем принести какую-то пользу, — резонно заметил Твитч. Обходя капот «скорой», он достал сигареты.

— В кабине ты курить не будешь, — твердо заявил Расти. Твитч с грустью посмотрел на него. — Если не поделишься.

Твитч вздохнул и протянул пачку.

— Ах, «Мальборо»! — радостно воскликнул Расти. — Мои самые любимые.

— Ты меня убиваешь, — хмыкнул Твитч.

Они промчались на красный свет в месте слияния шоссе номер 117 и номер 119 с включенной сиреной, оба курили как одержимые (стекла, как и всегда, они опустили), слушая болтовню по рации. Расти мало что понимал, но в одном у него сомнений уже не осталось: работать придется и после четырех часов.

— Чел, я не знаю, что случилось, — Твитч взглянул на него, — но вот что я тебе скажу: мы увидим настоящее крушение самолета. Нет, конечно, попадем туда уже после того, как он упал, но хоть что-то.

— Твитч, ты — просто извращенец.

Автомобилей хватало, и большинство направлялось на юг. Кто-то, возможно, ехал и по делам, но Расти подумал, что видит в основном человеческих мух, притягиваемых запахом крови. Твитч гнал по встречной полосе: на север по шоссе номер 119 никто не ехал.

— Посмотри! — Твитч кивнул в сторону и вверх. — Новостной вертолет. Мы появимся в шестичасовом информационном выпуске, Большой Расти. Героические медики, борющиеся за...

И вот тут полет фантазии Дуги Твитчела оборвался. Впереди, на месте катастрофы, как предположил Расти, вертолет вдруг начал разваливаться. Только что на его борту не составляло труда увидеть число «13» и глаз логотипа Си-би-эс, а в следующее мгновение вертолет взорвался и огненным дождем пролился на землю с безоблачного послеполуденного неба.

— Господи, прости меня! — вскричал Твитч. — Я же говорил не на полном серьезе! — А потом добавил так по-детски, что тронул сердце Расти: — Я беру свои слова обратно!

— Я должен вернуться. — Гендрон снял бейсболку Тюленей и вытер ею окровавленное грязное бледное лицо. Его нос раздулся до такой степени, что напоминал большой палец великана. Глаза выглядывали из черных кругов. — Извини, но мой рубильник ужасно болит, и... я уже не так молод, как прежде. — Он вскинул руки и опустил.

Они стояли лицом друг к другу, и Барби с радостью обнял бы Гендрона и похлопал по спине, будь такое возможно.

— Шок начал сказываться, да?

Гендрон грустно усмехнулся:

— А тут еще этот вертолет.

И они оба повернулись к еще одной, только что появившейся колонне дыма.

Барби и Гендрон покинули место аварии на шоссе номер 117, лишь убедившись, что другие люди уже оказывают необходимую помощь Эльзе Эндрюс, единственной выжившей. Судя по всему, она легко отделалась, хотя гибель подруги, конечно же, разбила ей сердце.

— Тогда возвращайся. Медленно. Без всякой спешки. Отдыхай, когда возникнет такое желание.

— Пойдешь дальше?

— Да.

— Все еще рассчитываешь найти, где он заканчивается?

Барби какое-то время молчал. Сначала он не сомневался, что найдет, но теперь...

— Надеюсь.

— Что ж, удачи тебе. — Гендрон приподнял бейсболку, прежде чем надеть вновь. — И я надеюсь пожать тебе руку еще сегодня.

— Я тоже. — Барби замолчал, о чем-то задумавшись. — Сможешь ты для меня кое-что сделать, когда доберешься до мобильного?

— Конечно.

— Позвони на армейскую базу в Форт-Беннинг. Спроси дежурного офицера и скажи ему, что тебе необходимо связаться с полковником Джеймсом Оу Коксом. Скажи, что дело срочное и ты звонишь по просьбе капитана Дейла Барбары. Сможешь ты это запомнить?

— Дейл Барбара — это ты. Джеймс Кокс — это он. Вас понял.

— Если выйдешь на него... я в этом не уверен, но если... расскажи

ему, что здесь происходит. Скажи ему: если никто еще не связался с Министерством национальной безопасности, то сделать это должен он. Справишься?

Гендрон кивнул.

— Если смогу связаться, то скажу. Удачи тебе, солдат.

Барби отдал честь, прикоснувшись пальцем к виску. А потом двинулся дальше, уже сильно сомневаясь, что поиски его дадут результат.

Он нашел лесную дорогу, которая тянулась практически параллельно барьеру. Дорога сильно заросла и давно не использовалась, но идти по ней было куда проще, чем ломиться через густые заросли. Время от времени Барби сходил с дороги, чтобы убедиться в наличии стены между Честерс-Миллом и внешним миром. И всегда натыкался на нее.

Добравшись до того места, где шоссе номер 119 пересекало административную границу между Честерсом и Таркерсом, Барби остановился. Водителя перевернувшегося грузовика для доставки продуктов увезли добрые самаритяне с другой стороны барьера, но сам грузовик лежал, перегородив дорогу, как большойдохлый зверь. Дверцы кузова распахнулись при ударе. Асфальт усеивали пакеты и коробки с «Девил-догс», «Хо-Хо», «Ринг-Динг», «Твинкис», крекерами с ореховым маслом. Молодой парень в футболке с надписью «Джордж Стрейт»^[22] сидел на пне по ту сторону барьера, ел крекер. В другой руке держал мобильник. Он вскинул глаза на Барби.

— Привет. Ты пришел... — Парень кивнул за спину Барби. Выглядел он усталым и разочарованным.

— С другой стороны города, — подтвердил Барби. — Точно.

— Везде невидимая стена? Граница закрыта?

— Да.

Молодой человек нажал кнопку на мобильнике.

— Дасти? Ты еще там?.. Хорошо. — Он отключил связь. — Мой друг Дасти и я начали с востока. Разделились. Он пошел на юг. Мы поддерживаем связь по мобильнику. Оба ищем брешь. Он сейчас там, где упал вертолет. Говорит, что народу все больше.

— Значит, вы тоже не нашли ни одной дыры?

Молодой парень кивнул. Больше ничего не сказал, да и зачем?

Ребята, конечно, могли пропустить брешу. Барби полагал, что такое возможно — дыры размером с окно или дверь, — но очень в этом сомневался.

Он исходил из того, что город полностью отрезан.

«И за команду за одну мы все болеем»

Барби вернулся в центр города на шоссе номер 119, отшагав примерно три мили. Добрался туда в шесть вечера. Главную улицу нашел пустующей, но не тихой: отовсюду доносился шум генераторов, и не одного десятка.

Светофор в месте слияния шоссе номер 119 и номер 117 не работал, зато в «Эглантерии» было светло илюдно. Заглянув в большую витрину, Барби увидел, что все столики заняты. Но когда вошел в дверь, не услышал привычной болтовни о политике, «Ред сокс», местной экономике, «Патриотах», недавно приобретенных легковушках и пикапах, «Кельтах», цене на бензин, «Медведях», недавно приобретенном оборудовании и домашней технике, «Диких котах». Не услышал и привычного смеха.

Над стойкой работал телевизор, и все посетители не отрывали от него глаз. Посмотрел на экран и Барби, с недоверием и ощущением дезориентации, которые испытывает каждый, кто обнаруживает, что находится в эпицентре катастрофы: репортер Си-эн-эн Андерсон Купер стоял на шоссе номер 119 на фоне обугленного остова лесовоза.

Роуз сама обслуживала столик, иногда подскакивая к стойке, чтобы взять заказ. Тонкие пряди волос, выскользнувшие из-под сеточки, обрамляли лицо. Выглядела она уставшей и задерганной. С четырех часов дня и до закрытия стойку обслуживала Энджи Маккейн, но в этот вечер Барби ее не видел. Возможно, она находилась за пределами города, когда возник барьер. В этом случае Энджи наверняка не скоро сможет вернуться за стойку.

Энсон Уилер — Роза обычно звала его «пацаном», хотя парню как минимум перевалило за двадцать пять — готовил. Барби даже думать боялся, что сотворит Энси с чем-то более сложным, чем тушеная фасоль с сосисками — блюдом, которое традиционно подавалось в «Эглантерии» в субботу вечером. Оставалось только пожалеть посетителей, решивших позавтракать в обед, поскольку им предстояло иметь дело с термоядерными жареными яйцами в исполнении Энсона.

Помимо Энджи, Барби нигде не видел и Доди Сандерс. Хотя для того, чтобы эта недотепа не пришла на работу, не требовалась вселенская катастрофа. Нет, ленивой он бы не назвал ее, но она так легко могла чем-то увлечься. А если оценить интеллектуальный уровень Доди... ну что он тут мог сказать? Ее отец Энди Сандерс, первый член городского управления, не тянул на кандидата в Менсу,^[23] но в сравнении с Доди казался

Эйнштейном.

На экране вертолеты приземлялись за спиной Андерсона Купера, взлохмачивая его седые волосы и заглушая голос. Выглядели вертолеты как «Пейв лоу». Барби отлетал на них свое, когда служил в Ираке.

Тут в кадр вошел армейский офицер, прикрыл микрофон Купера рукой в перчатке, что-то прошептал репортеру на ухо.

Зашептались и посетители «Эглантерии». Барби понимал их тревогу. Сам ее испытывал. Когда человек в форме бесцеремонно прикрывает рукой микрофон знаменитого телерепортера, невольно возникают мысли о конце света.

Представитель армии — полковник, но не его полковник, появление в кадре Кокса окончательно дезориентировало бы Барби — сказал все, что хотел. Его перчатка прошуршала по микрофону, когда он убрал руку. Офицер вышел из кадра с каменным лицом. Барби такое уже видел: этот полковник выступал от лица армии. Ничего личного.

Купер уже говорил в микрофон:

— Прессе велено отойти на полмили, в место, которое называется «Придорожный магазин Раймонда». — Посетители «Эглантерии» вновь зашептались. Все знали «Магазин Раймонда» в Моттоне, с надписями в витрине «ХОЛОДНОЕ ПИВО ГОРЯЧИЕ САНДВИЧИ СВЕЖАЯ НАЖИВКА». Большими буквами. — Эта территория, полоса шириной менее ста ярдов рядом с тем, что мы, за неимением лучшего термина, называем барьером, объявлена зоной национальной безопасности. Мы возобновим нашу передачу, как только сможем, а пока я переключаю вас на нашу студию в Вашингтоне. Вольф, тебе слово.

На красной бегущей строке внизу экрана высвечивалось: «НОВОСТЬ ЧАСА НЕ УДАЕТСЯ УСТАНОВИТЬ ПРИЧИНУ ЗАГАДОЧНОЙ БЛОКАДЫ ГОРОДА В ШТАТЕ МЭН». В верхнем правом углу на красном фоне мигало слово «ОПАСНОСТЬ». *Словно реклама в витрине таверны — «Пейте выдержанное пиво»,* ^[24] подумал Барби и чуть не рассмеялся.

На экране другой ведущий, Вольф Блитцер, занял место Андерсона Купера. Роуз Блитцера обожала и не разрешала переключать телевизор на другой канал, когда по будням шла программа «Ситуационная комната». Она называла его «мой Вольфи». В этот вечер Вольфи был при галстукке, но узел перекосило, да и одежда производила впечатление помятой и несвежей.

— Подведем краткий итог, — начал Вольф. — Сегодня, примерно в час пополудни...

— Раньше, и намного, — ввернул кто-то.

— Насчет Майры Эванс, это правда? — спросил другой голос. — Она действительно погибла?

— Да, — ответил Фернолд Боуи. Единственное похоронное бюро в городе принадлежало Стюарту Боуи, старшему брату Ферна. Ферн иногда помогал ему, если был трезв, и сегодня выдался именно такой день. Чувствовалось, что он трезв как стеклышко. Шокирующе трезв. — А теперь хватит кудахтать: я хочу услышать, что скажут.

Барби тоже хотел. Вольфи коснулся самого важного вопроса и сказал именно то, что и хотел услышать Барби: воздушное пространство над Честерс-Миллом закрыли для полетов. Более того, для полетов закрыли весь Западный Мэн и Восточный Нью-Хэмпшир, от Льюистона-Обурна до Норт-Конуэя. Президента ввели в курс дела. И впервые за девять лет уровень угрозы национальной безопасности превысил оранжевый.

Джулия Шамуэй, владелица и издатель газеты «Демократ», глянула на Барби, когда тот проходил мимо ее столика. Затем ее губы изогнулись в фирменной, сдержанной и загадочной улыбке.

— Складывается впечатление, что Честерс-Милл не хочет вас отпускать, мистер Барбара.

— Похоже на то. — Барби не удивляло, что она знает и о его уходе, и о причинах, побудивших к этому. Он провел в Милле достаточно времени, чтобы уяснить для себя: Джулия Шамуэй знала все, что следовало знать.

Роуз увидела его, когда ставила на столик для четверых, за который набились шестеро, тарелки с тушеной фасолью и сосисками (и с чем-то дымящимся и пережаренным, вероятно, заказанным как свиная отбивная). Застыла, с тарелкой в каждой руке, а потом улыбнулась. Так искренне, счастливо и с таким облегчением, что настроение у Барби сразу поднялось.

Это и значит — почувствовать себя дома. Будь я проклят, если ошибаюсь.

— Вот те на! Не ожидала вновь увидеть тебя, Дейл Барбара.

— Мой фартук еще у тебя? — спросил Барби. Чуть застенчиво. В конце концов, именно Роуз взяла его на работу, обычного бродягу с несколькими написанными от руки рекомендациями в рюкзаке. Ранее она сказала ему, что отлично понимает, почему он хочет уйти из города — никому не нужны такие враги, как отец Ренни-младшего, но Барби все равно чувствовал, что подвел ее.

Роуз расставила тарелки и поспешила к Барби. Полная невысокая женщина, которой пришлось встать на цыпочки, чтобы обнять его, но она с этим справилась.

— Я чертовски рада тебя видеть, — прошептала Роуз.

Барби обнял ее и поцеловал в макушку.

— Большой Джим и Младший мне не обрадуются.

Но ни одного Ренни здесь не было, за что он мог только поблагодарить судьбу. И Барби заметил, что на какое-то время его особа заинтересовала горожан больше, чем появление Честерс-Милла на национальном телевидении.

— Да пусть Большой Джим Ренни усрется! — Барби рассмеялся, его радовала и ее экспрессивность, и благоразумие: она по-прежнему говорила шепотом. — Я думала, ты ушел!

— Я почти ушел, но припозднился с выходом из дома.

— Ты видел... это?

— Да. Позже расскажу. — Он освободил ее из объятий, подержал на расстоянии руки, подумал: *Будь ты лет на десять моложе, Роуз... даже на пять...* — Так я могу взять свой фартук?

Она вытерла уголки глаз, кивнула.

— *Пожалуйста*, возьми его. И гони Энсона из кухни, пока он нас всех не отравил.

Барби отдал честь, обогнул стойку, прошел на кухню и отправил к стойке Энсона, велел разобрать заказы и навести там порядок, а потом помочь Роуз в зале. Энсон со вздохом облегчения отступил от гриля.

Тот являл собой ужасное зрелище, как случалось всегда, когда Энсон занимался грозящим катаклизмами теплообменным процессом, который он называл готовкой.

Прежде чем пойти к стойке, Энсон сжал правую руку Барби двумя своими.

— Слава Богу, чел... я не помню такого зашивона. Просто запаниковал.

— Не волнуйся. Мы сможем накормить пять тысяч.

Энсон, не знаток Библии, вытаращился на него:

— Что?

— Не важно.

Раздался звонок, установленный в углу коридорчика, что вел на кухню.

— Новый заказ! — крикнула Роуз.

Барби схватил лопатку, прежде чем взять листок с заказом, надел фартук через голову, завязал сзади тесемки, заглянул в шкафчик над раковиной. Там лежало множество бейсболок, которые в «Эглантерии» использовались вместо поварских колпаков. Из уважения к Полу Гендрону (как надеялся Барби, сейчас окруженному любовью и заботой самых дорогих и близких) выбрал бейсболку Тюленей, надел козырьком назад,

хрустнул пальцами.

Потом схватил первый листок с заказом и принялся за работу.

В 21.15, на час позже, чем обычно в субботу, из «Эглантерии» ушли последние посетители. Барби запер дверь, перевернул висевшую на стекле табличку с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО». Понаблюдав, как эти ушедшие клиенты пересекают улицу, направляясь к городской площади, где собралось человек пятьдесят. Им, конечно же, было что обсудить. Все смотрели на юг, где сильный белый свет образовал своеобразный пузырь над шоссе номер 119. Не телевизионные огни, прикинул Барби, — армия США создала и охраняла запретную зону, выставив часовых и осветив ее.

Запретная зона. Ему это определенно не нравилось.

А Главная улица погрузилась в неестественную темноту. В некоторых зданиях горели электрические лампы — там, где работали генераторы, — в «Универмаге Берпи», магазине «Бензин и бакалея», «Новых и подержанных книгах», «Мире еды», в пяти-шести других местах. Но уличные фонари стояли темными, а на вторых этажах, где располагались квартиры, обходились свечами.

Роуз сидела за столиком в центре зала, курила (в общественных местах такое запрещалось, но Барби никому не собирался об этом докладывать). Она стянула с головы сеточку и устало улыбнулась ему, когда он сел напротив. У них за спиной Энсон драил стойку, его длинные, до плеч, волосы теперь торчали из-под бейсболки «Ред сокс».

— Я думала, Четвертое июля — самый тяжелый день, но этот еще хуже. — Роуз вздохнула. — Если бы ты не появился, я бы свернулась калачиком в углу, зовя мамочку.

— Мимо меня проехала блондинка на «Эф-сто пятьдесят». — Воспоминание вызвало у Барби улыбку. — Чуть не остановилась, чтобы подвезти. Если б подвезла, я оказался бы по ту сторону. Правда, со мной могло случиться то же самое, что и с Чаком Томпсоном и женщиной в самолете. — Томпсона в комментарии Си-эн-эн упомянули. Про женщину сказали, что она еще не опознана.

Но Роуз знала.

— Клодетт Сандерс. Я уверена, что она. Доди вчера говорила мне, что сегодня у ее матери урок.

Между ними на столе стояла тарелка с картофелем фри. Барби как раз тянулся к ней, но рука повисла в воздухе. Он вдруг понял, что жареного картофеля ему совершенно не хочется. Как и чего-то другого. И красная

лужа у края тарелки больше смахивала на кровь, чем на кетчуп.

— Так вот почему Доди не пришла.

Роуз пожала плечами:

— Возможно. Но полной уверенности у меня нет. Она со мной не связывалась. Я и не ждала, что свяжется, — телефон то не работает.

Барби предположил, что она говорит о проводной связи, но с кухни слышал, как люди жаловались и на плохую работу мобильных. Большинство видели причину в том, что все звонили одновременно, перегружая сеть. Некоторые винили телевизионщиков с их сотнями «Моторол», «Нокий», айфонов и блэкберри. Барби подозревал другое: в период, когда страна охвачена паранойяльной боязнью терроризма, вроде как возникла угроза национальной безопасности, и все схватились за мобильники. Некоторые звонки еще проходили, но к ночи все реже и реже.

— В пустую голову Доди вполне могла прийти мысль плюнуть на работу и поехать в торговый центр Обурна.

— Мистер Сандерс знает, что Клодетт была в самолете?

— Точно сказать не могу, но очень бы удивилась, если еще нет. — Тут она нараспев процитировала знакомые Барби слова: — «Наш город мал — его судьбу мы вместе делим».

Он улыбнулся и ответил продолжением:

— «И за команду за одну мы все боеем».

Прошлым летом эта старая песня Джеймса Макмерттри загадочным образом на два месяца стала очень популярной на паре радиостанций Западного Мэна. Разумеется, не на ХНВ: Джеймс Макмерттри не относился к тем певцам, творчество которых одобряло Иисусово радио.

Роуз указала на картофель фри:

— Есть еще будешь?

— Нет. Потерял аппетит.

Барби не питал особой любви ни к всегда улыбающемуся Энди Сандерсу, ни к Доди-Тупице, которая определенно помогала своей лучшей подруге Энджи распускать слух, приведший к драке у «Дипперса». Но сама мысль о том, что те части тела (перед мысленным взором снова и снова возникала нога в зеленой брючине) принадлежали *матери Доди... жене* первого члена городского управления...

— Я тоже. — Роуз затушила сигарету в кетчупе. Послышалось шипение, и на мгновение Барби испугался, что его сейчас вырвет. Он даже отвернулся и посмотрел через окно-витрину на Главную улицу, хотя с этой точки ничего увидеть не мог. Только темноту.

— В полночь выступит президент, — объявил Энсон, продолжающий

драить стойку.

Из кухни доносился низкий, протяжный стон посудомоечной машины. Барби подумал, что старина «Хобарт», возможно, трудится в последний раз и по крайней мере какое-то время будет простаивать. В этом ему предстояло убедить Роуз. Она могла поупираться, но, как женщина умная и практичная, быстро сообразит, что предложение дельное.

Мать Доди Сандерс, Господи. И какова вероятность такого?

Понял, что определенно не стремящаяся к нулю. Впрочем, на месте миссис Сандерс мог оказаться кто-то еще из его знакомых. *«Наш город мал, беби, и за команду за одну мы все болеем».*

— Мне сегодня президента не услышать, — откликнулась Роуз. — Ему придется благословлять Америку от имени Господа без меня. Пять утра наступает быстро. — По воскресеньям «Эглантерия» открывалась в семь, но к приходу первого посетителя следовало подготовиться. Как и всегда. По воскресеньям эта подготовка включала и выпечку булочек с корицей. — Вы, мальчики, оставайтесь и смотрите, если хотите. Только, когда будете уходить, убедитесь, что двери закрыты. Передняя и черного хода. — Она начала подниматься.

— Роуз, нам надо поговорить о завтрашнем дне.

— Ду-удочки, завтра будет другой день. Давай на сегодня поставим точку, Барби. Всему свое время. — Но должно быть, она что-то увидела в его лице, поскольку вновь села. — Ладно, с чего такой мрачный вид?

— Когда тебе в последний раз привозили пропан?

— На этой неделе. Баллоны практически полные. Это все, что тебя волнует?

На такой вопрос он мог ответить отрицательно, но волнения его начинались именно с пропана. По его прикидкам получалось следующее. В «Эглантерии» стояли два соединенные друг с другом баллона. Каждый объемом триста двадцать пять или триста пятьдесят галлонов, точно он не помнил. Мог проверить утром, но, если исходить из слов Роуз, получалось, что в баллонах еще более шестисот галлонов пропана. И хорошо. Толика везения в крайне неудачный для города день. Но никто не знал, сколько еще им отмерено таких неудачных дней. И шестисот галлонов пропана не могли расходоваться вечно.

— Сколько газа сгорает за день? — спросил он Роуз. — Хотя бы приблизительно?

— Да какое это имеет значение?

— Сейчас электричество вырабатывается генератором. Свет, плиты, холодильники, насосы. Он же обеспечит отопление, если ночью станет

холодно. И работает генератор на пропане.

Какое-то время они молчали, прислушиваясь кровному гудению почти что нового генератора «Хонда», установленного за рестораном.

Подошел Энсон Уилер, присел к столу.

— Генератор сжигает два галлона пропана в час, если работает на шестьдесят процентов мощности.

— Откуда ты знаешь? — спросил Барби.

— Прочитал на табличке, которая к нему крепится. Когда от него работает все, как у нас сегодня примерно с полудня, после отключения электричества, потребление возрастает до трех галлонов, может, и чуть больше.

Роуз отреагировала мгновенно:

— Энс, выключи свет везде, кроме кухни. И установи термостат отопительного котла на пятьдесят градусов.^[25] — Она задумалась. — Нет, отключи котел совсем.

Барби улыбнулся и вытянул перед собой обе руки с поднятыми вверх большими пальцами. Она поняла. Не все в Милле могли понять. Не все захотели бы понять.

— Ладно. — На лице Энсона отражалось сомнение. — Но вам не кажется, что завтра утром... самое позднее, во второй половине дня...

— Президент Соединенных Штатов собирается выступить по телевидению, — прервал его Барби. — В полночь. И что ты думаешь по этому поводу, Энс?

— Я думаю, мне лучше выключить свет.

— И не забудь про термостат, — вставила Роуз, а когда Энси ушел, повернулась к Барби. — Я сделаю то же самое, когда поднимусь к себе. — Уже десять лет как овдовев, она жила над рестораном.

Барби кивнул. Перевернул бумажную салфетку с надписью на лицевой стороне «ВЫ ПОСЕТИЛИ ЭТИ 20 ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ МЭНА?» — и начал писать на обратной стороне. Двадцать семь или тридцать галлонов пропана сгорели после возникновения барьера. То есть оставалось пятьсот семьдесят. Сократив расход газа до двадцати пяти галлонов в день, теоретически удалось бы растянуть имеющийся в наличии пропан на три недели. Уменьшение расхода до ежедневных двадцати галлонов — и вероятно, Роуз могла это сделать, закрывая ресторан между завтраком и обедом и между обедом и ужином — растянуло бы работу «Эглантерии» чуть ли не на месяц.

И этого достаточно, подумал Барби. Потому что готовить будет не из чего, если город и через месяц останется отрезанным от внешнего

мира.

— О чем думаешь? И что это за числа? Я не понимаю, что они означают.

— Потому что они для тебя перевернутые. — Барби вдруг понял, что сейчас в городе, возможно, все предпочитали смотреть на перевернутые цифры. Мало кому хватало духа развернуть их к себе как положено.

Роуз развернула. Пробежалась взглядом по числам. Потом подняла голову и, потрясенная, уставилась на Барби. Энсон к тому времени погасил большую часть ламп, так что они смотрели друг на друга в сумраке, который казался, по крайней мере Барби, предзнаменованием грядущих неприятностей. В этом городе они действительно могли попасть в серьезную передрагу.

— Двадцать восемь дней? — переспросила Роуз. — Ты думаешь, мы должны все распланировать на *четыре недели*?

— Я не знаю, должны мы или нет, но в Ираке кто-то дал мне «Маленькую красную книжицу» председателя Мао. Я всюду носил ее с собой, прочитал от корки до корки. Во многих цитатах больше здравого смысла, чем в самых разумных словах наших политиков. И вот что я запомнил среди прочего: «Надейся на солнечный свет, но строй дамбы». Я думаю, что мы... то есть ты...

— Мы, — поправила она Барби и коснулась его руки. Он накрыл ее сверху своей, сжал.

— Хорошо, мы. Я думаю, мы должны все распланировать на этот срок. Никакой выпечки, хотя я люблю булочки с корицей не меньше любого другого, никакой посудомоечной машины. Она старая и потребляет много энергии. Я знаю, Доди и Энсону идея мыть посуду вручную не понравится...

— Не думаю, что мы можем рассчитывать на возвращение Доди в ближайшее время, раз уж ее мать погибла. — Роуз вздохнула. — Я просто надеюсь, что она поехала в Торговый центр Обурна. Хотя, наверное, завтра об авиакатастрофе все равно напишут во всех газетах.

— Возможно. — Барби понятия не имел, как много информации будет уходить из Честерс-Милла и попадать в него, если не найдется более-менее рационального объяснения случившемуся и ситуация не разрешится в самом скором времени. Скорее всего не так чтобы много. Он подумал, что знаменитый Колпак тишины Максвелла Смарта^[26] опустится очень скоро, если уже не опустился.

Энсон вернулся к столу, за которым сидели Барби и Роуз. Уже в куртке.

— Ничего, если я пойду, Роуз?

— Конечно. Завтра в шесть.

— Не поздновато ли? — Он усмехнулся и добавил: — Только не подумай, что я жалею.

— Мы теперь будем открываться позже. — Роуз замялась. — И закрываться в промежутках между завтраком, обедом и ужином.

— Правда? Клево. — Его взгляд сместился на Барби. — Тебе есть где переночевать? А то можешь пойти ко мне. Сейда поехала в Дерри навестить родителей. — Он говорил про свою жену.

Барби было где переночевать — практически на другой стороне улицы.

— Спасибо, но я вернусь в свою квартиру. У меня заплачено до конца месяца, так почему нет? Я оставил ключи Петре Сирлс в аптеке, когда уходил утром, но на брелоке у меня остался дубликат.

— Ладно. Увидимся утром, Роуз. Ты придешь, Барби?

— Будь уверен.

Энсон широко улыбнулся:

— Отлично!

Когда он ушел, Роуз потерла глаза, потом мрачно посмотрела на Барби:

— И надолго это затянется? Как думаешь?

— Ничего не могу сказать, поскольку понятия не имею, что произошло. И не знаю, когда это перестанет происходить.

— Барби, ты меня пугаешь, — прошептала Роуз.

— Я сам напуган. Нам обоим пора спать. Может, утром все будет выглядеть не таким ужасным.

— После такого разговора мне, наверное, придется принять амбиен, чтобы уснуть, пусть я и жутко устала. Но я так рада, что ты вернулся.

Барби вспомнил, что он думал и о продуктах.

— Вот что еще. Если «Мир еды» завтра откроется...

— Он всегда работает по воскресеньям. С десяти до шести.

— Если он откроется, тебе придется поехать за продуктами.

— Но «Сиско» все привозит... — она замолчала, в ужасе уставилась на него, — по вторникам. Правда, теперь мы не можем на это рассчитывать, так? Разумеется, не можем.

— Не можем. Даже если все вдруг выправится, армия будет еще какое-то время держать этот город на карантине.

— И что мне покупать?

— Все, но особенно мясо. Мясо, мясо и мясо. Если только магазин откроется. Я в этом не уверен. Джим Ренни сможет убедить тамошнего управляющего, уж не знаю, кто он...

— Джек Кейл. Он стал управляющим, когда Эрни Кэлверт в прошлом

году ушел на пенсию.

— Так вот, Ренни сможет убедить его закрыться до последующего уведомления. Или прикажет чифу Перкинсу держать магазин под замком.

— Ты не знаешь? — спросила Роуз и добавила, в ответ на его недоуменный взгляд: — Ты не знаешь. Герцог Перкинс мертв, Барби. Умер там. — Она указала на юг.

Барби ошеломленно уставился на нее.

Энсон не удосужился выключить телевизор, и за их спиной Вольфи, любимчик Роуз, вновь рассказывал миру о том, что неведомая сила отрезала маленький городок в Западном Мэне, территория изолирована армией Соединенных Штатов, в Вашингтоне проходит заседание Объединенного комитета начальников штабов, президент обратится к нации в полночь, а пока просит американский народ молиться вместе с ним за скорейшее спасение жителей Честерс-Милла.

— Папа! *Папа!*

Ренни-младший стоял на верхней ступеньке лестницы, склонив голову набок. Прислушиваясь. Ни ответа, ни звука работающего телевизора. Отец всегда приходил домой после работы и в это время сидел перед телевизором. По субботним вечерам отказывался от Си-эн-эн или «Фокс ньюс» в пользу каналов «Энимал плэнит» или «История». Но не сегодня. Младший послушал свои часы, чтобы убедиться, что они тикают. Тикали и вроде бы показывали правильное время, потому что за окнами стемнело.

В голову пришла жуткая мысль: Большой Джим сейчас с чифом Перкинсом. Они обсуждают, как арестовать Младшего без лишнего шума. А почему они ждали так долго? Для того, чтобы вывезти его из города под покровом темноты. Переправить в окружную тюрьму в Касл-Рок. Потом суд. А потом?

Шоушенк. Через несколько проведенных там лет он, вероятно, начнет называть тюрьму просто Шенк, как и все убийцы, грабители и содомиты.

— Это глупо, — прошептал Младший, но глупо ли? Он проснулся, думая, что убийство Энджи — сон, и никак иначе. Потому что он никогда никого бы не убил. Избить — пожалуйста, но *убить*? Он же... ну... это... *нормальный человек!*

Потом посмотрел на одежду под кроватью, увидел кровь, и все вернулось. Полотенце, свалившееся с ее волос. Волосы на лобке, которые каким-то образом вывели его из себя. Хруст, донесшийся из ее головы после того, как он двинул коленом ей в лицо. Дождь посыпавшихся с холодильника магнитов. Как она билась на полу в судорогах.

Но это сделал не я. Это сделала...

Головная боль.

Да. Правда. Но кто в это поверит? Его шансы выше не станут, скажи он, что убийца — дворецкий. [\[27\]](#)

— Папа?

Нет ответа. Отца дома нет. И его нет в полицейском участке, не строит он там козни против него. Отец на такое не пойдет. Никогда. Его отец всегда говорил: семья превыше всего.

Но всегда ли семья на первом месте? Разумеется, отец так говорил — он христианин, и ему принадлежит половина акций радиостанции ХНВ. Но Младший почему-то думал, что для его отца салон подержанных

автомобилей может стоять выше семьи, а должность второго члена городского управления — выше этого храма торговли, где проповедовался принцип «Без первоначального взноса».

А Младший — вполне возможно — только третий в списке приоритетов.

Он осознал (впервые в жизни его действительно осенило), что все это лишь догадки, что в действительности он совершенно не знает своего отца.

Младший вернулся в свою комнату и включил верхний свет. Лампы загорелись, но как-то странно, то ярко вспыхивали, то становились тусклыми. На мгновение Младший подумал, что его подводят глаза, но потом услышал тарахтение установленного во дворе генератора. Работали генераторы и в других домах. Что-то случилось с централизованной подачей электроэнергии. Младший ощутил безмерное облегчение. Авария в системе подачи электроэнергии объясняла все. Отец, конечно же, в муниципалитете, в зале заседаний, обсуждает ситуацию с другими двумя идиотами, Сандерсом и Гриннел. Возможно, втыкает булавки в карту города, как генерал Джордж Паттон. Кричит по телефону на диспетчера «Энергетической компании Западного Мэна», обзывает их стадом ёханных бездельников.

Младший вытащил из-под кровати окровавленную одежду, достал из карманов бумажник, мелочь, ключи, расческу, лекарства от головной боли — рассовал по карманам чистых джинсов. Поспешил вниз, сунул изобличающую его одежду в стиральную машину, установил на стирку в горячей воде, потом вспомнил, как мать говорила ему, наверное, еще десятилетнему: для пятен крови — холодная вода. Поворачивая диск на «Холодная стирка/Холодное полоскание», Младший вдруг задался вопросом: начал ли его отец уже тогда трахать секретуток или еще использовал свой ёханный пенис только дома?

Включил стиральную машину и подумал, что делать дальше. Головная боль ушла, и он обнаружил, что *может* думать.

Решил, что все-таки должен вернуться в дом Энджи. Не хотел — Бог свидетель, этого ему хотелось меньше всего на свете, — но, вероятно, следовало разведать обстановку. Пройти мимо и посмотреть, много ли там полицейских автомобилей. Стоит или не стоит фургон экспертов-криминалистов из лаборатории округа Касл. Эксперты — ключевой момент. Он это знал по телесериалу «Место преступления». Ему уже доводилось видеть этот большой бело-синий фургон, когда он ездил с отцом в окружной суд. И если бы фургон стоял у дома Маккейнов...

Я сбегу.

Да, быстро и как можно дальше. Но до того ему пришлось бы вернуться домой и заглянуть в сейф, который стоял в кабинете отца. Тот понятия не имел, что сыну известен код, открывающий замок сейфа, но Младший его знал. Как и пароль, позволяющий войти в отцовский компьютер (что открыло ему папин интерес к лицезрению орео-секса, так это называли Младший и Френк Дилессепс: две черные телки, один белый парень). А в сейфе лежали деньги. Тысячи и тысячи долларов.

А если я увижу фургон, вернусь сюда, а отец — дома?

Значит, деньги сначала. Деньги немедленно.

Он прошел в кабинет и на мгновение вроде бы увидел отца, сидевшего на стуле с высокой спинкой, на котором тот сидел всегда, когда смотрел новости или передачи о природе. Он заснул или... а если у него случился инфаркт? Последние три года у Большого Джима то и дело возникали нелады с сердцем, по большей части аритмия. Он обычно шел в «Кэтрин Рассел», и док Хаскел или док Рейберн что-то ему давали, приводя в норму. Хаскел полагал, что так может продолжаться вечно, но Рейберн (которого отец называл «ёханный яйцеголов») в конце концов настоял на том, чтобы Большой Джим поехал к кардиологу в Центральную городскую больницу в Льюистон. Кардиолог сказал, что нужна операция, которая позволит раз и навсегда избавиться от аритмии. Большой Джим (он до смерти боялся больниц) ответил, что сначала должен посоветоваться с Богом. Должен провести *молитвенную операцию*, так это назвал. А пока он принимал таблетки и последние несколько месяцев вроде бы чувствовал себя прекрасно, но теперь... возможно...

— Папа?

Ответа не последовало. Младший щелкнул выключателем. Люстра давала такой же неровный свет, как и в его комнате, но прогнала тень, которую Младший принял за голову отца. Он бы не сильно горевал, если б отец очурился, но порадовался, что сегодня этого не случилось. Слишком много возникло бы сложностей.

К стене, в которую вмонтировали сейф, он приблизился большими мягкими шагами, прямо-таки с мультяшной осторожностью, то и дело посматривая на окно: не осветят ли его автомобильные фары, возвещающие о возвращении отца. Младший снял и поставил на пол картину, закрывающую сейф (Иисус, произносящий Нагорную проповедь), и набрал нужную комбинацию. Ему пришлось проделать это дважды, прежде чем ручка повернулась — очень уж сильно тряслись пальцы.

Он увидел, что сейф набит наличными и пачками листов из плотной, похожей на пергамент, бумаги со штампами «ОБЛИГАЦИИ НА

ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ» на каждой пачке. Младший тихонько присвистнул. Когда он в последний раз открывал сейф — чтобы позаимствовать пятьдесят баксов перед поездкой на прошлогоднюю Фрайбургскую ярмарку, — денег в сейфе хватало, но сейчас их заметно прибавилось. И тогда он не видел никаких «ОБЛИГАЦИЙ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ». Подумал о надписи на табличке, которая стояла на столе отца в его салоне: «ИИСУС ОДОБРИЛ БЫ ЭТУ СДЕЛКУ?» Даже охваченный смятением и страхом, Младший успел задаться вопросом: а одобрил бы Иисус то, чем занимался его отец в последнее время?

— Нечего лезть в его дела, мне хватает своих, — прошептал он. Взяв пятьсот баксов купюрами по пятьдесят и двадцать долларов, начал закрывать сейф, передумал, добавил несколько сотенных. Учитывая просто непристойное количество денег, которые сейчас лежали в сейфе, отец кражи и не заметит. А если заметит, вероятно, поймет, почему Младший взял эти деньги. И возможно, даже одобрит. Как любил говорить Большой Джим: «Господь помогает тем, кто помогает себе сам».

Под влиянием этих слов Младший помог себе еще четырем сотенными. Потом закрыл сейф, запер, сместив диски наборного замка, повесил Иисуса на стену. Схватил куртку из стенного шкафа в прихожей и вышел из дома под рычание генератора и мерное гудение «Мейтэга», отмывающего кровь Энджи от его одежды.

У дома Маккейнов он никого не увидел.

Ни единой злогребучей души.

Младший затаился на другой стороне улицы, под изредка падающими кленовыми листьями, гадая, может ли доверять тому, что видит: дом темный, ни «фо-раннера» Генри Маккейна, ни «приуса» Ладонны на подъездной дорожке нет. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, чересчур хорошо.

Может, они находились на городской площади? В этот вечер там собралось очень много людей. Возможно, они обсуждали прекращение подачи электроэнергии, хотя Младший не мог припомнить подобные сборища в тех редких случаях, когда огни гасли по всему городу. Люди просто шли домой и ложились спать в полной уверенности — если, конечно, не бушевала сильнейшая гроза, — что к завтраку подачу электричества восстановят.

Может, прекращение подачи электроэнергии вызвано чрезвычайным происшествием, о каких сообщают в экстренных выпусках новостей, прерывая запланированные передачи? Младший смутно припомнил: некий старик спрашивал его, что происходит, вскоре после того, как нечто чрезвычайное случилось с Энджи. Но так или иначе, по пути к дому Маккейнов Младший не решился с кем-либо заговорить. Прошел по Главной улице, опустив голову и подняв воротник (чуть не столкнулся с Энсоном Уилером, когда Энс выходил из «Эглантерии»). Уличные фонари не горели, помогая ему держаться в тени, никому не попадаясь на глаза. Еще один подарок богов.

И теперь это. Третий подарок. *Невероятный* подарок. Неужто тело Энджи до сих пор не обнаружили? Или ему расставили ловушку?

Младший мог представить себе, как шериф округа Касл или детектив полиции штата говорит: *Нам надо только спрятаться и ждать, парни. Убийца всегда возвращается на место преступления. Это общеизвестный факт.*

Телевизионная чушь. И однако, переходя улицу, Младший каждую секунду ожидал, что вот-вот вспыхнут лучи мощных фонарей и пришпилят его к темноте, как бабочку иголкой пришпиливают к бумаге, и кто-то закричит, вероятно, в мегафон: «Стой на месте и подними руки!»

Ничего такого не произошло.

Когда он ступил на подъездную дорожку Маккейнов, сердце выпрыгивало из груди, а кровь стучала в висках (но голова не болела, он расценивал это как добрый, добрый знак). Дом оставался темным и тихим, даже генератор не тарахтел. А у соседей, Гриннелов, еще как тарахтел.

Младший оглянулся и увидел огромный световой пузырь, возвышающийся над деревьями. Светилось что-то на южной окраине города, может, и в Моттоне. Из-за этого свечения и вырубилось электричество? Очень может быть.

Он подошел к двери черного хода. Парадная дверь оставалась незапертой. Если никто не заходил в дом после случившегося с Энджи, то и Младший не хотел заходить через парадную дверь. Он бы зашел, если б пришлось, но, может, удастся этого избежать. В конце концов, ему пока везло.

Ручка двери повернулась.

Младший сунул голову на кухню и сразу ощутил запах крови — похожий на запах распыленного крахмала, только более спертый.

— Эй! Привет! Есть кто-нибудь дома?! — Он не сомневался, что никого нет, но, если бы благодаря какому-то невероятному стечению обстоятельств Генри или Ладонна припарковались около городской площади и вернулись домой пешком (и потом не обнаружили труп дочери, лежащий на кухонном полу), он бы закричал. Да! Закричал и «обнаружил этот самый труп». Фургон с криминалистами все равно бы приехал, но Младший выиграл бы время. — Привет? Мистер Маккейн? Миссис Маккейн? — Тут его озарило. — Энджи? Ты дома?

Разве он стал бы ее звать, если сам и убил? Разумеется, нет! Но ужасная мысль прострелила голову: *А если она отзовется? Отзовется с пола? Слова вырвутся из залитого кровью горла?*

— Держи себя в руках, — пробормотал Младший. Да, он должен держать себя в руках, но как это трудно. Особенно в темноте. А кроме того, в Библии такое случалось сплошь и рядом. В Библии люди иногда возвращались к жизни, как зомби в фильме «Ночь живых мертвецов». — Есть кто-нибудь дома?

Ни ответа, ни привет.

Его глаза адаптировались к густому сумраку, но видел он далеко не все, ему требовался свет. Конечно, следовало взять из дома фонарик, но такие мелочи забываются, если ты давно уже привык к тому, чтобы щелчок выключателя прогонял темноту.

Младший пересек кухню, переступив через тело Энджи, открыл первую из двух дверей в дальней стене. Кладовка. Различил полки,

установленные бутылками и банками. Открыл вторую дверь, и тут ему повезло больше. Прачечная. А на полке справа, если он не ошибся, если ему продолжало везти, вроде бы силуэт столь необходимого предмета.

Он не ошибся. Фонарь — и яркий. Младший понимал, что на кухне им придется пользоваться с осторожностью (тут же в голову пришла очередная дельная мысль — надо задвинуть шторы), но в прачечной он мог светить куда угодно. Здесь луч никто бы не увидел.

Стиральный порошок. Отбеливатель. Кондиционер. Ведро и тряпку «Свиффер». Генератор не работал, так что можно было рассчитывать только на холодную воду. Младший полагал, что из кранов удастся наполнить хотя бы одно ведро, а уж потом придется брать воду из различных туалетных бачков. И ему требовалась именно холодная вода. Кровь лучше отмывалась холодной водой.

И он примется за уборку, будто домашняя хозяйка-чистоплюйка, какой в свое время была его мать, помня о наставлении мужа: «Чистый дом, чистые руки, чистое сердце». Он намеревался смыть всю кровь. Потом протереть те места, к которым он прикасался или мог прикоснуться. Но сначала...

Тело. Что-то надо сделать с телом.

Младший решил, что на ближайшее время сойдет и кладовая. Ухватил труп за руки и поволок. В кладовой отпустил руки, и они с легким стуком упали на пол. Покончив с этим, приступил к другим делам. Напевая себе под нос, вернул на дверцу холодильника все магниты, потом задернул шторы. Из-под крана заполнил ведро чуть ли не доверху, прежде чем оттуда пошел воздух. Так что ему опять повезло.

Он все еще тер пол, и тереть его, похоже, предстояло долго, когда раздался стук во входную дверь дома.

Младший поднял голову, глаза широко раскрылись, губы оттянулись в гримасе ужаса.

— Энджи?! — Голос девушки, и она плакала. — Энджи, ты дома? — Вновь стук, потом дверь открылась. Видать, его везение закончилось. — Энджи, пожалуйста, будь дома. Я видела твой автомобиль в гараже...

Черт. Гараж! Он и не подумал проверить гребаный гараж!

— Энджи! — Снова плач. И голос знакомый. Господи, неужели дебилка Доди Сандерс? Она самая. — Энджи, она сказала, что моя мать мертва! Миз Шамуэй сказала, что она погибла!

Младший надеялся, что Доди пойдет наверх, проверить комнату Энджи. Но она напрямик направилась на кухню, в темноте двигаясь медленно и осторожно.

— Энджи? Ты на кухне? Мне показалось, там свет.

У Младшего вновь начала болеть голова, и все благодаря этой лезущей не в свои дела, курящей травку суке. И что бы ни случилось после этого... вина все равно ляжет на нее.

Днем Доди Сандерс и покурила, и выпила. Травка и алкоголь еще не выветрились, но она уже мучилась похмельем. Ее мать погибла. Теперь Доди в темноте пересекала прихожую дома своей лучшей подруги. Наступила на что-то непонятное, это что-то заскользило под ногой. Доди схватилась за перила лестницы; больно ударившись двумя пальцами, вскрикнула. Она смутно понимала, что все это происходит с ней, но верить в такое отказывалась. У Доди было чувство, будто она находится в некоем параллельном измерении, как в фантастическом фильме.

Она наклонилась, чтобы посмотреть, что попало под ноги. Похоже, полотенце. Какой-то дурак оставил полотенце на полу в прихожей. Потом Доди вроде бы услышала, что кто-то двигается в темноте. На кухне.

— Энджи, это ты? — Ответа не получила. Но все равно чувствовала — там кто-то есть, а может, и нет. — Энджи! — Шаркая ногами, двинулась дальше, прижимая к боку правую руку, пульсирующую от боли; пальцы наверняка опухнут, думала она, уже начали опухать. Левую руку Доди вытянула перед собой, ощупывая темноту. — Энджи, пожалуйста, будь здесь! Моя мама мертва, это не шутка, миз Шамуэй сказала мне, и она не шутила, ты мне нужна!

А день начался так хорошо. Она поднялась рано (ну... в десять для нее рано) и не собиралась прогуливать работу. Потом позвонила Саманта Буши и сказала, что купила на аукционе и-бэй новых Брэтцев, ^[28] и не хочет ли Доди приехать, чтобы их помучить? Пытками кукол они занимались в старшей школе — покупали на распродажах, потом вешали, вколачивали гвозди в их глупые головы, обливали бензином для зажигалок, а потом поджигали. Но Доди знала, что им пора бросить эти забавы, они уже стали почти что взрослыми. Пытки кукол — детские игры. Хотя и от них мурашки бежали по коже. У Сэмми было собственное жилье на Моттонроуд — всего лишь трейлер, но она жила там одна с весны, когда ушел ее муж, — и Литл Уолтер спал практически круглые сутки. Плюс у Сэмми всегда была потрясающая травка. Доди догадывалась, что та достается ей от парней, с которыми она веселилась. По уик-эндам ее трейлер пользовался популярностью. Но так уж вышло, Доди зареклась курить травку. Больше никогда — после той истории с поваром. «Никогда» продолжалось чуть больше недели, до звонка Сэмми.

«Я отдам тебе Джейд и Ясмин, — заманивала ее подруга. — Опять же

у меня есть отличная знаешь-что. — Она всегда так говорила, чтобы тот, кто мог подслушивать, не понял, о чем речь. — И мы можем заняться знаешь-чем».

Доди знала, чем они могли заняться, и даже почувствовала легкий зуд Там Внизу (в знаете-в-чем), пусть даже это тоже была детская забава, на которой им давно следовало поставить крест.

«Пожалуй, что нет, Сэм. Мне в два часа на работу, и...»

«Ясмин ждет, — напомнила Сэмми. — А ты ведь ненавидишь эту сучку».

Тут она сказала правду. По мнению Доди, из всех Брэтцев не было большей сучки, чем Ясмин. Да и до работы оставалось почти четыре часа. А если б она чуть припозднилась, что с того? Роуз уволила бы ее? Да кто еще пойдет на эту говенную работу?

«Ладно. Только ненадолго. И лишь потому, что я ненавижу Ясмин. — Сэмми хохотнула, услышав эти слова. — Но я больше не занимаюсь знаешь-чем. Ни одним, ни другим».

«Нет проблем. Приезжай побыстрее».

Доди приехала, и, само собой, выяснилось, что пытаться Брэтцев не в кайф без косячка, а потому она немного курнула травки, как и Сэмми. На пару они сделали Ясмин пластическую операцию очистителем для труб, получив от этого немалое удовольствие. Потом подруга захотела показать свою новую кофту, и, хотя Сэмми отрастила приличный животик, для Доди она по-прежнему выглядела очень даже ничего, возможно, потому, что они чуть заторчали, — если по-честному, обкурились. И раз уж Литл Уолтер по-прежнему спал (его отец настаивал, что назвал его так в честь блюзмена давно ушедших дней, и Доди предполагала, что чересчур сонливый Литл Уолтер — умственно недоразвитый, и удивляться этому не приходилось, если вспомнить, сколько травки выкурила Сэм, когда вынашивала его), они оказались в кровати Сэмми, занимаясь знаете-чем. Потом они крепко заснули, а когда Доди проснулась, Литл Уолтер орал как резаный и уже шел шестой час. Ехать на работу смысла не было, а кроме того, Сэм достала бутылку «Черного Джонни Уокера». Они выпили одну стопку, вторую стопку, третью стопку, четвертую, и Сэмми захотела посмотреть, что будет с младенцем-Брэтцем, если сунуть куклу в микроволновку, да только электричество отключили.

Доди ползла в город со скоростью шестнадцать миль в час, все еще пьяная и обкуренная, в диком страхе, постоянно поглядывая в зеркало заднего обзора, а нет ли на хвосте копов. Точно знала, если ее остановят, это будет рыжеволосая сука Джекки Уэттингтон. Боялась она увидеть и

отца, который мог пораньше уйти с работы и унюхать спиртное в ее дыхании, или мать, — та наверняка осталась дома, слишком устав после этого идиотского летного урока, чтобы идти играть в бинго.

Пожалуйста, взмолилась она, Господи, пожалуйста, позволь мне в этот раз выйти сухой из воды, и я буду обходить знаешь-что стороной. И первое, и второе. Больше никогда в жизни.

Бог услышал молитву Доди. Ее встретил пустой дом, электричество вырубилось и здесь, но в своем полубредовом состоянии Доди этого и не заметила. Она прокралась наверх, к себе в комнату, скинула брюки и рубашку, улеглась в кровать. Только на несколько минут, сказала она себе. А потом соберет одежду, которая пропахла сладковатым дымом, бросит в стиральную машину, а сама встанет под душ. От нее разило духами Сэмми, которые та, должно быть, покупала галлонами в «Универмаге Берпи».

Она не поставила будильник, и, когда ее разбудил стук в дверь, за окном уже стемнело. Доди схватила халат и спустилась вниз, в полной уверенности, что, открыв дверь, увидит эту рыжеволосую стерву с большими буферами, которая пришла, чтобы арестовать ее за управление автомобилем под газом. А может, и за вылизывание киски. Доди не думала, что это конкретное знаете-что запрещено законом, но полной уверенности у нее не было.

Но на пороге стояла не Джекки Уэттингтон, а Джулия Шамуэй, редактор-издательница «Демократа». В руке она держала фонарик. Осветила лицо Доди — опухшее ото сна, с красными глазами, с включенными волосами, — а потом направила луч вниз. Но света хватало, чтобы Доди увидела сочувствие, написанное на лице Джулии, и ощутила замешательство и страх.

— Бедное дитя, — начала Джулия. — Ты не знаешь, да?

— Не знаю чего? — спросила Доди. Тогда и возникло ощущение, что она в параллельном мире. — Не знаю чего?

И Джулия Шамуэй ответила на ее вопрос.

— Энджи! Энджи, пожалуйста!

Она плелась по коридору. Рука пульсировала от боли. Голова пульсировала. Она могла бы поискать отца — миз Шамуэй предложила отвезти ее в «Похоронное бюро Боуи», — но кровь стыла в жилах от одной мысли об этом месте. А кроме того, ей хотелось побыть с Энджи. С Энджи, которая крепко обняла бы ее без всякого интереса к знаете-чему. С Энджи, которая была ее лучшей подругой.

Тень выступила из кухни и стремительно двинулась к ней.

— Это ты, слава Богу! — Она зарыдала еще сильнее и устремилась к тени, вытянув перед собой руки. — Ох, это ужасно! Меня наказывают за то, что я плохая девочка. Я знаю, что плохая!

Темная фигура тоже вытянула руки, но они не обняли Доди, чтобы прижать к себе. Вместо этого сомкнулись на ее шее.

На благо города, на благо горожан

Энди Сандерс находился в «Похоронном бюро Боуи». Пришел туда с тяжелой ношей: недоумением, горем, разбитым сердцем.

Сидел в Зале прощания номер 1 в компании с гробом, который стоял в передней части комнаты. Гертруда Эванс, восьмидесяти семи лет (может, восьмидесяти восьми) умерла от застойной сердечной недостаточности двумя днями раньше. Энди уже выразил соболезнования, хотя один только Бог знал, кто мог прочесть его письмо: муж Герты уже десять лет как ушел из жизни. Но значения это не имело. Энди всегда отправлял письмо с соболезнованиями, если умирал кто-то из его избирателей. Писал от руки, на фирменном бланке с шапкой: «ОТ ПЕРВОГО ЧЛЕНА ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ». Считал это частью своих обязанностей.

Большой Джим на такое не разменивался. Большой Джим слишком много времени тратил на управление, как он это называл, «нашим бизнесом», то есть Честерс-Миллом. Руководил им, как частной железной дорогой, если уж придерживаться фактов, но Энди не возражал: он понимал, что Большой Джим умен. Энди понимал и кое-что еще: без Эндрю Делуи Сандерса Большого Джима не выбрали бы и ловцом бродячих собак. Большой Джим мог продавать автомобили, обещая выгодные сделки, низкие-низкие проценты и подарки, вроде дешевых корейских пылесосов, но, когда он попытался стать дилером «Тойоты», компания отдала предпочтение Уиллу Фримену. С учетом результатов продаж и местоположения салона на шоссе номер 119 Большой Джим не мог понять, почему «Тойота» так сглупила.

Энди мог. Он, конечно, не считал себя самым умным медведем в лесу, но знал, что у Большого Джима нет душевной теплоты. Второй член был жестким человеком (некоторые из тех, кто купился на низкие-низкие проценты, сказали бы, жестокосердным). Он умел убеждать, но от него так и веяло холодом. А вот Энди мог поделиться теплом. Общаясь с избирателями в ходе предвыборной кампании, Энди говорил им, что он и Большой Джим — мятные близняшки,^[29] Клики Клэк,^[30] ореховое масло и желе и Честерс-Милл не будет прежним, если они на пару не станут тянуть воз (в компании с кем-то третьим, на этот раз с Андреа Гриннел, сестрой Роуз Твитчел). Энди наслаждался партнерством с Большим Джимом. Оно приносило немалые деньги, особенно — последние два-три года, и в этом партнерстве ему нравилось все. Большой Джим знал, как что делается, а

главное, знал, почему это надо сделать. «Мы впряглись всерьез и надолго, — говорил Большой Джим. — Мы делаем это для нашего города. Для людей. Ради их блага». Энди нравились такие слова. Это же приятно, делать добрые дела.

Но сейчас... нынешним вечером...

— Я с самого начала ненавидел эти летные уроки, — вырвалось у него, и он вновь заплакал. Потом уже громко зарыдал, но мог не стесняться, потому что Бренда Перкинс ушла в молчаливых слезах, постояв у тела мужа, а братья Боуи находились в подвале. Их завалило работой (Энди понимал, пусть и смутно, что случилось нечто ужасное). Ферн Боуи уходил в «Эглантерию», чтобы наскоро перекусить, а когда вернулся, Энди не сомневался, что его выпроводят за дверь. Но Ферн прошел по коридору, даже не взглянув на Энди, который сидел, зажав руки между колен, со сбившимся галстуком и с растрепанными волосами.

Ферн спустился в «мастерскую», как они это называли на пару с братом Стюартом (ужасно, ужасно!), Герцог Перкинс тоже находился внизу. А также этот чертов Чак Томпсон, который, возможно, не уговаривал Клодетт брать летные уроки, но точно не отговаривал ее от них. Возможно, там были и другие.

Клодетт — точно.

Энди с всхлипом застонал и еще сильнее сцепил пальцы. Он не мог жить без нее, просто не мог жить без нее. И не только потому, что любил больше жизни. Именно Клодетт (вместе с регулярными, нигде не учитываемыми и постоянно возрастающими финансовыми вливаниями Джима Ренни) держала на плаву его аптечный магазин. Если бы Энди управлял им самостоятельно, то стал бы банкротом до наступления нового тысячелетия. Его конек — человеческие отношения, а не счета и бухгалтерия. На этом специализировалась его жена. Точнее, раньше специализировалась.

«Раньше» новой болью отдалось в сердце. Энди опять застонал.

Клодетт и Большой Джим однажды даже объединили усилия, чтобы подкорректировать городскую финансовую документацию, когда штат решил ее проверить. Предполагалось, что проверка будет внезапной, но Большого Джима предупредили заранее. Не так чтобы задолго, но им хватило времени, чтобы поработать с компьютерной программой, которую Клодетт называла «МИСТЕР ЧИСТИЛЬЩИК». Программе дали такое название, потому что после ее использования в документах не оставалось темных мест, которые могли вызвать подозрения аудиторов. Те признали членов городского управления белыми и пушистыми, вместо того чтобы

отправить в тюрьму (и в этом проявилась бы крайняя несправедливость, поскольку в большей части своих деяний — если по-честному, практически во всех — они руководствовались благом города).

По сути, Клодетт Сандерс была более красивым Джимом Ренни, более добрым Джимом Ренни, тем Джимом Ренни, с которым он мог спать и делиться секретами, и жизни без нее он себе не представлял.

Энди снова зарыдал, но тут Большой Джим положил ему руку на плечо и сжал пальцы. Энди не слышал, как тот подошел, но даже не вздрогнул. Он, можно сказать, ожидал, что эта рука ляжет ему на плечо: человек, которому она принадлежала, всегда появлялся в тот момент, когда Энди нуждался в нем больше всего.

— Я не сомневался, что найду тебя здесь. Энди... дружище, мне очень, очень жаль.

Энди вскочил, обнял внушительную талию Большого Джима и вновь зарыдал, вжавшись лицом в его пиджак.

— Я говорил ей, что эти уроки опасны! Я говорил ей, что Чак Томпсон — мерзавец, такой же, как и его отец!

Большой Джим потер ему спину успокаивающей ладонью.

— Я знаю. Но теперь она в лучшем месте, Энди... этим вечером обедает с Иисусом Христом... ест ростбиф, пюре из свежего горошка с подливой. Как тебе эта завораживающая мысль? Держись за нее. Думаешь, нам надо помолиться?

— Да! — Рыдание в очередной раз вырвалось из груди Энди. — Да, Большой Джим! Помолись со мной!

Они опустились на колени, и Большой Джим молился долго и усердно за упокой души Клодетт Сандерс. (Внизу, в мастерской, Стюарт услышал его, посмотрел в потолок и заметил: «Этот человек дрищет с обоих концов».)

После четырех-пяти минут «теперь мы видим как бы через тусклое стекло» и «когда я был младенцем, то по-младенчески говорил» (уместной последняя фраза Энди не показалась, но его это не заботило: он успокаивался только от того, что стоял на коленях рядом с Большим Джимом) Ренни закончил:

— *Ради Иисуса аминь*, — и помог Энди подняться.

Лицом к лицу, грудь в грудь, Большой Джим сжал Энди бицепсы и заглянул в глаза.

— Итак, партнер, — он всегда называл Энди партнером, если возникала сложная ситуация, — ты готов приступить к работе?

Энди тупо смотрел на него.

Большой Джим понимающе кивнул, так, словно Энди высказал резонный (учитывая сложившиеся обстоятельства) протест.

— Я знаю, это трудно. Обращаюсь к тебе в неподходящее время. И ты будешь совершенно прав, Бог свидетель, если прямо сейчас врежешь мне в ёханую челюсть. Но иногда мы должны ставить на первое место благополучие других... или это не так?

— Благополучие города, — подтвердил Энди. И впервые после получения известия о гибели Клодетт перед ним забрезжил свет.

Большой Джим кивнул. Лицо оставалось серьезным, но глаза сверкали. И странная мысль пришла в голову Энди: *Он стал выглядеть на десять лет моложе.*

— Ты совершенно прав. Мы — хранители, партнер. Хранители общественного благополучия. Обязанность эта — не всегда легкая, но пренебрегать ею нельзя никогда. Я велел Уэттингтон разыскать Андреа и привести ее в зал заседаний. Если потребуется, в наручниках. — Большой Джим рассмеялся. — Она там будет. И Пит Рэндолф составляет список всех копов, которые находятся в его распоряжении. Их явно недостаточно. Мы должны подумать об этом, партнер. Если сложившаяся ситуация сохранится, власть станет ключевым моментом. Так что скажешь? Сможешь поддержать меня?

Энди кивнул. Он подумал, что городские дела помогут ему отвлечься от мыслей о погибшей жене. Если не помогут, Энди все равно следовало изобразить пчелку и жужжать. Его уже начало трясти от вида стоявшего рядом гроба Герты Эванс. Его уже трясло от молчаливых слез вдовы чифа. И особых усилий от него не требуется. Всего-то сидеть за столом и поднимать руку, когда Большой Джим поднимает свою. Андреа Гриннел, которая, похоже, никогда полностью не просыпалась, поступала так же. Если возникнет необходимость в принятии срочных мер, Большой Джим их предложит. Большой Джим ничего не упустит из виду.

— Пошли, — выдохнул Энди.

Большой Джим хлопнул его по спине, обхватил рукой тощие плечи Энди и вывел из Зала прощания. Это была тяжелая рука. Мясистая. Но Энди радовалось, что она лежит у него на плечах.

О дочери он даже не подумал. Охваченный горем, Энди Сандерс совершенно забыл о ее существовании.

Джулия Шамуэй медленно шагала по улице Благополучия, где жили самые благополучные горожане, направляясь к Главной улице. Разведясь десять лет назад, она жила над редакцией «Демократа». Квартиру с ней делил Горас, почтенного возраста вельш-корги. Она назвала его в честь великого мистера Грили,^[31] которого помнили за единственный *bon mot*:^[32] «Идите на Запад, молодой человек, идите на Запад»; хотя, по мнению Джулии, прославился он другим: работой редактора газеты. Если бы Джулия могла записать себе в заслуги половину того, что делал Грили в «Нью-Йорк трибюн», она посчитала бы, что жизнь удалась.

Разумеется, ее Горас всегда полагал, что жизнь у нее удалась, а потому, по мнению Джулии, был лучшей собакой на свете. Она решила, что выгуляет его, как только придет домой, а потом еще выше поднимется в глазах Гораса, положив несколько кусочков вчерашнего бифштекса поверх обычной собачьей еды. Это порадует их обоих, а Джулии сейчас требовались положительные эмоции — хоть по какому-то поводу, — потому что ее не отпускала тревога.

Такое случалось с ней не впервые. Она прожила в Милле все свои сорок три года, и в последние десять происходящее в родном городе нравилось ей все меньше и меньше. Джулию тревожило необъяснимо ухудшающееся состояние городской канализационной системы и мусороперерабатывающего завода, несмотря на все деньги, которые в них вбухивались. Она волновалась из-за неизбежного закрытия «Вершины в облаках», единственного городского горнолыжного курорта. Ее беспокоило, что Джимс Ренни крадет из городского бюджета, пожалуй, даже больше, чем она подозревала (а она подозревала, что из года в год, десятилетиями, он крал очень много). И разумеется, Джулия тревожилась из-за этого нового феномена, который не укладывался в ее привычные представления об окружающем мире. Всякий раз, когда она предпринимала попытку подойти к явлению в целом, ее разум концентрировался на какой-то его части, маленькой, но конкретной: к примеру, звонки по мобильнику проходили все реже и реже. А ей вообще не поступало ни одного, что особенно тревожило. Ладно бы не звонили родственники и знакомые, живущие в других городах, которых переполошили новостные выпуски. Вообще-то ее мобильнику полагалось разрываться от звонков коллег: из «Льюистон сан», «Портленд пресс геральд», возможно, даже из «Нью-Йорк

таймс».

С такими же проблемами сталкивались и другие жители Честерс-Милла.

Ей следовало поехать на границу с Моттоном и все увидеть своими глазами. Раз уж дозвониться до Пита Фримена, ее лучшего фотографа, не получалось, она могла воспользоваться «аварийным “Никоном”», как Джулия его называла. Она слышала о какой-то карантинной зоне, введенной со стороны Моттона и Таркерс-Миллса — возможно, и со стороны других городов, — но уж изнутри Джулия могла подойти к этому чуду вплотную. Часовые могли предупреждать, что близко подходить нельзя, но раз уж барьер непробиваемый, как она слышала, предупреждениями все бы и ограничилось.

— Палки и камни ломают кости, но бранные слова не причиняют вреда, — произнесла она вслух.

Совершенно справедливо. Если бы слова могли ей навредить, Джим Ренни отправил бы ее в реанимацию после статьи, которую она написала об анекдотичном аудите, который штат провел тремя годами раньше. Он много говорил о том, что подаст на газету в суд, но дальше разговоров дело так и не пошло. Она даже подумывала написать на сей счет передовицу, главным образом из-за потрясающего заголовка: «ИСК УПЛЫВАЕТ ИЗ ВИДУ».

Короче, тревог ей хватало. Они составляли неотъемлемую часть ее работы. О чем ей ранее не приходилось тревожиться, так это о собственном поведении, а теперь, стоя на углу улиц Содружества и Главной, Джулия тревожилась. Ей надо было повернуть налево и пойти по Главной, но она обернулась назад и прошептала тем тоном, каким обычно обращалась к Горасу:

— Не следовало мне оставлять девушку одну.

Джулия и не оставила бы, будь она на машине. Но Джулия пришла пешком, а кроме того... Доди так настаивала. И от нее шел запахок. Травки? Возможно. В принципе Джулия ничего не имела против. Сама тоже покуривала. И возможно, травка успокоит девушку. Притупит боль, если та стала очень уж острой и могла сильно порезать.

«Не волнуйтесь обо мне, — сказала ей Доди. — Я найду папу. Но сначала мне надо переодеться». — И она указала на свой халат.

«Я подожду», — ответила Джулия... хотя не хотелось. Ночь предстояла долгая, и прежде всего ей следовало выгулять собаку. Гораса, наверное, уже раздуло, потому что она не вывела его на привычную прогулку в пять вечера, и он, конечно, проголодался. А выполнив свой долг

перед собакой, она намеревалась поехать к этому самому барьеру, как называли его люди. Увидеть своими глазами. Сфотографировать то, что фотографировалось.

И даже на этом ночь для нее не закончилась бы. Предстояло подготовить экстренный выпуск «Демократа». Она считала это важным для себя и полагала, что газета будет не менее важна для города. Разумеется, завтра все могло закончиться, но Джулия чувствовала — отчасти рассудком, отчасти сердцем, — что такого не будет.

И все же не стоило ей оставлять Доди Сандерс одну. Девушка, конечно, держалась, но возможно, под спокойствием маскировался шок и страх. Конечно, сказывалось и действие наркотика. Но вроде бы Доди вела себя адекватно.

«Вам не нужно ждать. Я не хочу, чтобы вы ждали».

«Я не знаю, правильно ли оставлять тебя одну, дорогая».

«Я пойду к Энджи. — Доди даже чуть оживилась при этой мысли, хотя слезы продолжали течь по щекам. — Она пойдет со мной искать папу. Да, мне нужна Энджи».

По мнению Джулии, если Энджи Маккейн здравомыслием и превосходила эту девушку, то ненамного. Доди же унаследовала внешность матери и, к сожалению, ум отца. Но Энджи была ее близкой подругой, а если кто и нуждался в тот момент в настоящей подруге, так это Доди Сандерс.

«Я могу пойти с тобой...» — Но не хочет. И Джулия поняла, что Доди, пусть и накурившаяся травки, скорее всего это заметила.

«Нет. Идти-то несколько кварталов».

«Что ж...»

«Миз Шамуэй... вы уверены?.. Вы уверены, что моя мама?..»

С большой неохотой Джулия кивнула. Подтверждение она получила от Эрни Кэлверта, который сообщил ей номер, нарисованный на хвосте самолета. И еще он кое-что отдал ей — вещь, которую полагалось отнести в полицию. И Джулия так бы и поступила, если б не ужасная весть о смерти Герцога Перкинса и известие, что его место занял некомпетентный проныра Рэндолф.

Эрни отдал ей окровавленное водительское удостоверение Клодетт. Оно лежало в кармане Джулии, когда та стояла на крыльце дома Сандерсов, и в кармане оно осталось. Она собиралась отдать удостоверение Энди или этой бедной, с включенными волосами девушке в надлежащее время... но не в тот момент.

«Спасибо вам. — Голос Доди переполняла грусть. — А теперь,

пожалуйста, уходите. Я не хочу показаться невоспитанной, но...» — Она не закончила фразы. Просто закрыла дверь.

И как поступила Джулия Шамуэй? Подчинилась команде потрясенной горем двадцатилетней девушки, возможно, обкурившей до такой степени, что она не могла полностью отдавать себе отчет в своих действиях.

Но в эту ночь у нее хватало и других дел. Горас. Газета. Люди могли смеяться над черно-белыми, с крупным зерном, фотоснимками Питера Фримена и обстоятельным освещением в «Демократе» таких важных местных событий, как вечер «Волшебные танцы» в средней школе. Они могли говорить, что польза от газеты только одна — хорошая подстилка в кошачьем туалете. Но на самом деле люди нуждались в местной газете, особенно в такой час беды. И Джулия намеревалась приложить все силы к тому, чтобы завтра жители города получили свою газету, пусть ради этого ей пришлось бы бодрствовать всю ночь. И наверное, так оно и произойдет, потому что оба ее штатных репортера скорее всего уехали из города на уик-энд.

Джулия обнаружила, что ей просто не терпится приступить к решению этой непростой задачи, и печальное лицо Доди Сандерс начало уплывать от ее мысленного взора.

Горас с упреком посмотрел на Джулию, когда та вошла в дом, но ни свежих влажных пятен на ковре, ни маленького коричневого подарочка под стулом в прихожей (магической точкой, как он полагал, невидимой для человеческих глаз) не обнаружилось. Она застегнула поводок на ошейнике, вывела пса из дома, терпеливо подождала, пока он справлял нужду у его любимой канализационной решетки, неустойчиво при этом пошатываясь. Горасу исполнилось пятнадцать лет, для корги более чем почтенный возраст.

Пока он занимался своими делами, Джулия смотрела на белый световой пузырь на южном горизонте. Для нее он словно сошел в реальный мир из какого-то фантастического фильма Стивена Спилберга и вроде бы теперь прибавил в размерах. А еще она слышала стрекотание вертолетов, тихий, но постоянный звук. Даже увидела силуэт одного из них, пересекающего яркую арку. И сколько же понаставили там прожекторов? Наверное, северная часть Моттона напоминала зону высадки десанта в Ираке.

Горас лениво нарезал круги, вынюхивая идеальное место, чтобы завершить ритуал по удалению отходов жизнедеятельности организма, и исполняя всегда популярный собачий танец — какаданс.

Джулия воспользовалась моментом, чтобы попытаться позвонить по мобильнику. Она услышала пиканье набираемых цифр... и, как обычно в этот вечер, наступила тишина.

Мне придется печатать газету на ксероксе. То есть максимум семьсот пятьдесят экземпляров.

«Демократ» не печатался в Честерс-Милле уже двадцать лет. До 2002 года Джулия каждую неделю отвозила макет в типографию «Вью принтинг», расположенную в Касл-Роке, но теперь обходилась без этого. Во вторник вечером отправляла сверстанные страницы по электронной почте, а следующим утром, к семи часам, тираж (каждый экземпляр, аккуратно запечатанный в пластик) привозили из «Вью принтинг». Джулия, которая начинала с карандашной правки и отпечатанными на машинке текстами, все это воспринимала как волшебство. И как и ко всему волшебному, относилась с некоторым недоверием.

Сегодня недоверие оправдалось. Она по-прежнему могла отправить сверстанные страницы газеты во «Вью принтинг», но никто не привез бы

готовый тираж ранним утром следующего дня. Джулия предполагала, что к утру никому не удастся приблизиться к административной границе Честерс-Милла на пять миль. С любой стороны. К счастью для нее, в комнате, которая раньше использовалась как типография, стоял отличный большой генератор, копировальная машина работала как зверь, а в кладовой лежало более пятисот пачек бумаги по пятьсот листов в каждой. Если бы Джулии удалось еще и найти Пита Фримена, чтобы он ей помог, или Тони Гуэя, который писал о спорте...

Горас тем временем наконец-то занял исходную позицию. Когда покончил и с этим делом, Джулия отправила результат в маленький зеленый пакет с надписью «Собачьи какашки» и задалась вопросом: как бы повел себя Горас Грили в обществе, в котором подбирание собачьего дерьма из придорожной канавы не просто ожидалось от добропорядочного члена этого общества, но требовалось по закону. Решила, что он бы застрелился.

Заполнив мешочек и завязав его, Джулия вновь попыталась позвонить. С тем же результатом.

Она отвела Гораса в дом и покормила его.

Ее мобильник зазвонил, когда она застегивала пальто, чтобы поехать к барьеру. Фотоаппарат висел у нее на плече, и она чуть не уронила его, роясь в кармане. Посмотрела на дисплей и вместо полоски цифр увидела слова «НОМЕР СКРЫТ».

— Алло? — И вероятно, что-то необычное прозвучало в ее голосе, поскольку Горас, выгулянный и накормленный, а потому совершенно подготовленный к ночной экспедиции, наострил уши и с некоторым недоумением уставился на нее.

— Миз Шамуэй? — Мужчина. Говорит отрывисто. Официально.

— Миз Шамуэй. С кем я говорю?

— Полковник Джеймс Кокс, миз Шамуэй. Армия Соединенных Штатов.

— И с чего я удостоена такой чести? — Джулия услышала сарказм в собственном голосе, и это ей не понравилось — непрофессионально. Но она испугалась, и сарказм всего лишь маскировал ее страх.

— Мне необходимо связаться с человеком, которого зовут Дейл Барбара. Вы его знаете?

Разумеется, она знала. И удивилась, увидев его этим вечером в «Эглантирии». Он, должно быть, рехнулся, все еще оставаясь в городе, хотя Роуз вчера сказала ей, что Дейл покидает Честерс-Милл.

История Дейла Барбары была одной из тех, о которых Джулия знала, но не дала им ход. Издавая газету маленького городка, приходится оставлять крышки на многих ящиках Пандоры. Она сама выбирала, с кем вступать в драку, и полагала, что точно так же поступали Ренни-младший и его дружки. И Джулия сомневалась, что слухи о Барбаре и Энджи, лучшей подруге Доди, соответствовали действительности. Потому что Барбару, по ее мнению, отличал хороший вкус.

— Миз Шамуэй? — Отрывисто. Официально. Голос из-за барьера. Только из-за этого она рассердилась на его обладателя. — Вы еще на связи?

— Еще на связи. Да, я знаю Дейла Барбару. Он повар в ресторане на Главной улице. А что?

— У него, похоже, нет мобильного, а до ресторана я не могу дозвониться...

— Он закрыт...

— ...и проводная связь, разумеется, не работает.

— Этим вечером в нашем городе, судя по всему, ничего не работает как должно, полковник Кокс. В том числе и мобильники. Но я заметила, что вы дозвонились до меня без труда, и у меня появилась мысль: а не вы ли об этом позаботились? — Ее ярость, как и сарказм, рожденный из страха, удивили саму Джулию. — Что вы сделали? Что вы натворили?

— Ничего. Насколько мне известно, ничего.

Она очень удивилась. И не нашла с ответом. Старожилы Милла не поверили бы, если б им сказали, что такое случилось с Джулией Шамуэй.

— Впрочем, мобильники — да, — продолжил полковник. — Звонки в Честерс-Милл и из города по большей части отсекаются. В интересах национальной безопасности. И наверняка вы поступили бы так же, окажись на нашем месте.

— Я в этом сомневаюсь.

— Правда? — В голосе прозвучало любопытство, не злость. — В ситуации, не имеющей прецедентов в мировой истории и предполагающей использование технических решений, которые ни мы, ни кто-то еще даже представить себе не можем?

И на это она ничего не смогла сказать.

— Для меня очень важно поговорить с капитаном Барбарой. — Он вернулся к исходной теме. Джулия только сейчас осознала, как далеко разговор от этой темы ушел.

— *Капитаном* Барбарой?

— В отставке. Вы сможете его найти? Возьмите с собой мобильник. Я продиктую вам номер. По нему нетрудно дозвониться.

— Но почему я, полковник Кокс? Почему вы не позвонили в полицейский участок? Или одному из членов городского управления? Насколько мне известно, все они в городе.

— Я даже не пытался. Я вырос в таком же маленьком городке, миз Шамуэй...

— Какая удача!

— ...и по собственному опыту могу сказать, что городские политики знают мало, городские копы знают несколько больше, но только издатель местной газеты знает все.

Тут она не могла не рассмеяться.

— Зачем нужно звонить, если можно встретиться лицом к лицу? Под моим присмотром, разумеется. Я как раз собиралась подъехать к барьеру... с моей стороны, конечно. Уже выходила, когда вы позвонили. Я найду Барби...

— Он по-прежнему так себя называет? — В голосе Кокса слышался

смех.

— Я его найду и привезу с собой. Мы сможем устроить мини-пресс-конференцию.

— Я не в Мэне, а в округе Колумбия. На совещании комитета начальников штабов.

— Вы это говорите, чтобы произвести на меня впечатление? — Впечатление его слова действительно произвели, небольшое.

— Миз Шамуэй, я занят, и вы, вероятно, тоже. Поэтому в интересах решения возникшей проблемы...

— Это возможно? Вы так думаете?

— Миз, вы, безусловно, работали репортером, прежде чем стали издателем, и я уверен, что задавать вопросы для вас так же естественно, как и дышать, но время сейчас — слишком важный фактор. Вы можете выполнить мою просьбу?

— Могу. Но если вам нужен он, вы получите и меня. Мы приедем к барьеру по Сто девятнадцатому и позвоним вам.

— Нет.

— Вот и прекрасно. — Голос ее стал ласково-добродушным. — Приятно было с вами побеседовать, полковник...

— Дайте мне закончить. Ваша сторона Сто девятнадцатого — абсолютный ФУБАР.^[33] Это означает...

— Я знаю это выражение, полковник. Когда-то читала Тома Клэнси. Но что вы имеете в виду конкретно?

— Я имею в виду, уж извините за вульгарность, что на Сто девятнадцатом ночь открытых дверей в бесплатном борделе. Половина вашего города припарковала легковушки и пикапы на обеих обочинах и на поле какого-то молочного фермера.

Она положила фотоаппарат на пол, достала из кармана блокнот, нацарапала: «Полк. Джеймс Кокс» и «Ночь открытых дверей в бесплатном борделе». Потом добавила: «Ферма Динсмора?» Да, вероятно, он говорил о ферме Олдена Динсмора.

— Хорошо, что вы предлагаете?

— Я не могу помешать вам приехать, тут вы абсолютно правы. — Он вздохнул, показывая, что живет в несправедливом мире. — И я не могу как-то повлиять на то, что вы напечатаете в своей газете, хотя не думаю, что это имеет хоть какое-то значение, потому что за пределами Честерс-Милла ее никто не увидит.

Джулия перестала улыбаться.

— Не могли бы вы это пояснить?

— Не могу, но вы и сами все поймете. Я предлагаю следующее: если уж вы хотите увидеть барьер — хотя увидеть его вы не сможете, о чем вам наверняка уже сказали, — привезите капитана Барбару туда, где барьер пересекает городскую дорогу номер три. Вы знаете городскую дорогу номер три?

На мгновение Джулия не могла понять, что это за дорога. Потом до нее дошло, и она рассмеялась.

— Я сказал что-то смешное, миз Шамуэй?

— В Милле эту дорогу называют Литл-Битч-роуд. Потому что в сезон дождей это действительно сучка, а не дорога. [\[34\]](#)

— Очень образно.

— Как я понимаю, на Литл-Битч никаких толп?

— Сейчас там никого нет.

— Ладно. — Она убрала блокнот в карман и подняла с пола фотоаппарат. Горас терпеливо ждал у двери.

— Когда мне ждать вашего звонка? Или когда Барби позвонит по вашему мобильнику?

Она посмотрела на часы и увидела, что уже начало одиннадцатого. Господи, неужто так поздно?

— Мы будем там к половине одиннадцатого при условии, что я смогу его найти. И я думаю, что смогу.

— Отлично. Скажите ему, что Кен передает привет. Это...

— Шутка, да. Я понимаю. Нас кто-нибудь встретит?

Последовала пауза. Когда Кокс заговорил вновь, чувствовалось, что ему совсем не хочется отвечать на этот вопрос.

— Там будет свет, и часовые, и солдаты на блокпосте, но они получили приказ не разговаривать с жителями города.

— Не... но почему? Господи, *почему*?

— Если ситуация не разрешится, миз Шамуэй, все это станет для вас понятным. До многого вам не составит труда дойти своим умом... по моему разумению, вы очень умная женщина.

— Да пошел ты на хрен, полковник! — воскликнула она, раздосадованная. Ушки Гораса вновь встали торчком.

Кокс рассмеялся, он-то как раз не обиделся.

— Да, миз, слышу вас хорошо. В половине одиннадцатого?

Ее так и подмывало ответить «нет», но, разумеется, она не могла этого сделать.

— В половине одиннадцатого. При условии, что я сумею найти Барби, — повторила Джулия. — И я звоню вам?

— Или вы, или он, потому что поговорить мне нужно с ним. Буду ждать с рукой на телефоне.

— Тогда диктуйте ваш волшебный номер. — Она зажала мобильник между ухом и плечом, полезла в карман за блокнотом. Само собой, блокнот всегда требуется после того, как ты его убираешь, — правда жизни, если ты репортер, а сейчас она им стала. Вновь. Номер, который продиктовал полковник, напугал Джулию больше всего того, что он ей уже наговорил. Потому что начинался с очень уж необычного зонального кода — 000.

— И еще, миз Шамуэй. У вас нет вживленного кардиостимулятора? Электронного слухового аппарата? Чего-то такого?

— Нет. А что?

Она подумала, что он опять уйдет от ответа, но этого не произошло.

— Как только человек вплотную приближается к Куполу, происходит какое-то воздействие. Для большинства людей это совершенно безвредно, они ощущают разве что покалывание, как от электрического тока низкого напряжения, и через секунду-другую оно исчезает. Но с электронными устройствами совсем другая история. Некоторые прекращают работу... скажем, большинство мобильных телефонов, если их поднести ближе чем на пять футов... другие взрываются. Если вы захватите с собой диктофон, он просто перестанет работать. Принесете айпод или что-то сложное, вроде блэкберри, это взорвется.

— У чифа Перкинса взорвался кардиостимулятор? Это убило его?

— В половине одиннадцатого. Приведите Барби и обязательно скажите ему, что Кен передает привет.

Он разорвал связь, и Джулия застыла в молчании рядом со своей собакой. Потом она попыталась позвонить сестре в Льюистон. Пиканье набираемых цифр... и тишина, как и прежде.

Купол... В конце разговора он не назвал эту преграду барьером; он назвал ее Куполом.

Барби снял рубашку и сел на кровать, чтобы расшнуровать кроссовки, когда раздался стук в дверь, к которой вела наружная лестница на боковой стене «Аптечного городского магазина Сандерса». Стук этот Барби не обрадовал. Весь день он провел на ногах, сначала шел пешком, потом надел фартук и готовил. И чувствовал себя совершенно разбитым.

А если это Младший и несколько его дружков, решивших устроить вечеринку по поводу его возвращения? Вроде бы такое невозможно, даже отдает паранойей, но весь сегодняшний день — праздник невозможного. Младшего, Френка Дилессепса и остальных членов их маленькой банды он нынешним вечером в «Эглантерии» не видел, в отличие чуть ли не от всех завсегдатаев. Эти сукины дети могли быть на шоссе номер 119 или 117, глаза на невиданное чудо. Но возможно, кто-то рассказал им о его возвращении, и они строили планы на будущее. А теперь будущее стало настоящим.

Стук повторился. Барби встал, положил руку на портативный телевизор. Не самое грозное оружие, но могло принести пользу — если бросить его в первого, кто попытается проскочить в дверь. Он, конечно, мог взять деревянную палку из стенного шкафа, на которой висели плечики, но малые размеры комнатки не позволяли как следует размахнуться. Еще у него был швейцарский армейский нож, но он не собирался никого резать. И не стал бы, если только...

— Мистер Барбара? — Женский голос. — Барби? Вы здесь?

Он убрал руку с телевизора и пересек кухню.

— Кто там? — спросил, хотя и узнал голос.

— Джулия Шамуэй. У меня для вас сообщение от человека, который хочет с вами поговорить. Он попросил сказать, что Кен передает вам привет.

Барби открыл дверь и впустил ее.

В обшитою сосновыми панелями зале заседаний, расположенном в подвале муниципалитета Честерс-Милла, рев установленного во дворе генератора (старенького «Келвинатора») ослабевал до едва слышного гудения. Посреди комнаты стоял красивый стол из красного клена, отполированный до блеска, длиной в двенадцать футов. Большинство стульев вокруг стола в этот вечер пустовало. Четверо участников чрезвычайного экспертного совещания, как назвал его Большой Джим, сидели у одного его края. Сам Большой Джим, пусть только и второй член городского управления, занял место во главе стола. Позади него на стене висела карта города, контур которого напоминал спортивный носок.

Кроме членов городского управления на совещании присутствовал и Питер Рэндолф, исполняющий обязанности начальника полиции. И только Ренни держался бодро и уверенно. Рэндолф выглядел потрясенным и испуганным. Энди Сандерс, естественно, еще не пришел в себя от горя. А Андреа Гриннел — ожиревший, поседевший слепок с ее младшей сестры Роуз — казалась заторможенной и мало что соображающей. Как, впрочем, и всегда.

Четырьмя или пятью годами ранее Андреа поскользнулась на обледеневшей подъездной дорожке, когда одним январским утром шла к почтовому ящику. Упала, и так сильно, что у нее треснули два межпозвоковых диска (тяжесть травмы усугублялась тем, что весила Андреа на восемьдесят-девять фунтов больше нормы). Доктор Хаскел прописал ей новое чудо-лекарство, оксиконтин,^[35] чтобы облегчить, безусловно, мучительную боль. И с тех пор она постоянно принимала это лекарство. Благодаря своему лучшему другу Энди, которому принадлежал местный аптечный магазин, Большой Джим знал, что Андреа начала с сорока миллиграммов в день, а теперь добралась аж до четырехсот. Это была полезная информация.

— Данное совещание, если никто не возражает, буду вести я по причине огромной утраты, понесенной Энди. Мы все скорбим, Энди.

— Будьте уверены, сэр, — добавил Рэндолф.

— Спасибо вам, — кивнул Сандерс, и, когда Андреа на мгновение накрыла его руку своей, из глаз Энди вновь покатились слезы.

— Теперь мы все представляем себе, что здесь происходит, — продолжил Большой Джим, — хотя никто в городе не понимает, что

случилось...

— Готова спорить, никто не понимает и вне города, — вставила Андреа.

Большой Джим ее проигнорировал.

— ...и военные не посчитали необходимым связаться с избранным народом руководством города.

— Проблемы с телефонной связью, сэр. — Рэндолф был на ты со всеми этими людьми, более того, считал Большого Джима своим другом, но чувствовал, что в зале заседаний лучше обращаться к членам городского управления «мэм» и «сэр». Точно так же поступал и Перкинс, и тут по крайней мере старик все делал правильно.

Большой Джим махнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху:

— Кто-нибудь мог бы подойти со стороны Моттона или Таркерса и послать за мной... нами... но никто не удосужился.

— Сэр, ситуация все еще очень... неопределенная.

— Я в этом уверен, уверен. Вполне возможно, именно поэтому нам еще и не отведено какое-то конкретное место в общем раскладе. Очень возможно, и я молюсь, что так оно и есть. Надеюсь, мы все молимся.

Присутствующие кивнули.

— Но на данный момент... — Большой Джим печально огляделся. Он ощущал печаль. Но при этом и возбуждение. И готовность действовать. Думал, что не будет ничего удивительного, если еще до конца года его фотография появится на обложке журнала «Тайм». У катастрофы — особенно из тех, что инициированы террористами — есть не только темная сторона. Достаточно вспомнить, как такая катастрофа возвысила Руди Джулиани.^[36] — Но на данный момент, дамы и господа, мы должны исходить из того, что полагаться можем только на себя.

Андреа прижала руку ко рту. Ее глаза блеснули то ли от страха, то ли от избытка принятого наркотика. Может, по обеим причинам.

— Конечно же, нет, Джим!

— Надеюсь на лучшее, готовься к худшему, так всегда говорит Клодетт. — Если судить по тону, Энди находился в глубоком трансе. — Вернее, говорила. Утром она приготовила мне завтрак. Яичницу с сыром от вчерашнего тако. Господи!

Слезы, которые вроде бы прекратились, полились вновь. Андреа опять накрыла его руку своей. На этот раз Энди ее сжал.

Энди и Андреа, подумал Большой Джим, и от легкой улыбки в нижней, мясистой части лица добавилось складок. *Близнецы-тупицы*.

— Надеюсь на лучшее, закладывайся на худшее, — кивнул он. — Это

дельный совет. Худшее в нашем случае состоит в том, что нас отрезало от внешнего мира на несколько дней. Или на неделю. Может, даже на месяц. — В это Ренни не верил, но полагал, что от испуга все быстрее согласятся на его предложения.

— Конечно же, нет! — повторила Андреа.

— Мы просто этого не знаем, — заметил Большой Джим. И тут он говорил чистую правду. — Откуда нам это знать?

— Может, нам закрыть «Мир еды»? — предложил Рэндолф. — По крайней мере на какое-то время. Если его не закрыть, с полок все сметут, как перед сильным бураном.

Ренни разозлился. Он составил план заседания и собирался внести на рассмотрение вопрос о закрытии супермаркета, но начать хотел с другого.

— А может, эта идея не из лучших, — добавил Рэндолф, заметив, как помрачнело лицо второго члена городского управления.

— Знаешь, Пит, я действительно думаю, что эта идея не из лучших, — кивнул Большой Джим. — Из тех же соображений нельзя объявлять о банковских каникулах, если налицо нехватка наличности. Можно только спровоцировать обвал.

— Мы говорим о закрытии банков? — спросил Энди. — А что нам тогда делать с банкоматами? Один в «Магазине Брауна»... еще один на автозаправочной станции... и, разумеется, в моем аптечном магазине... — Он задумался, потом просиял. — Думаю, я видел один в Центре здоровья, хотя полной уверенности у меня нет...

У Ренни мелькнула мысль: а не скормила ли Андреа Энди одну из своих таблеток?

— Это всего лишь метафора, Энди, — говорил он тихо и ласково. Именно так нужно говорить с людьми, когда мысли у них путаются. — В сложившейся ситуации еда — это деньги, образно говоря. И речь идет о том, что продуктовые магазины должны работать как обычно, чтобы люди сохраняли спокойствие.

— Ага, — кивнул Рэндолф. Идею он понял. — Усек.

— Но тебе придется поговорить с управляющим супермаркета... как его фамилия, Кейд?

— Кейл. Джек Кейл.

— И с Джонни Карвером из «Бензина и бакалеи», и... кто теперь управляет «Магазином Брауна», после смерти Дила Брауна?

— Велма Уинтер, — ответила Андреа. — Она приезжая, но очень милая женщина.

Ренни порадовалось, что Рэндолф записывает имена и фамилии в

карманный блокнот.

— Скажи всем троим, чтобы до особого распоряжения они прекратили продажу пива и спиртного. — На его лице появилось выражение радости, что выглядело довольно-таки пугающе. — И «Дипперс» мы прикрываем.

— Многим не понравится запрет на продажу спиртного, — указал Рэндолф. — Таким, как Вердро. — Это был самый известный из городских пьяниц, наглядный пример того, по мнению Большого Джима, что не следовало отменять закон Волстеда.^[37]

— Сэму и таким же, как он, придется немного пострадать: мы перекроем их обычные источники пива и кофейного бренди. Мы не можем допустить, чтобы половина города напилась, как на Новый год.

— А почему нет? — спросила Андреа. — Они выпьют все запасы, и на том все закончится.

— А если они по ходу учинят бунт?

Андреа промолчала. Она не понимала, с чего людям бунтовать при условии, что еды им хватало, но давно уже уяснила для себя, что спорить с Джимом Ренни обычно бесполезно и всегда утомительно.

— Я пошлю пару парней, чтобы они поговорили с управляющими магазинов, — объявил Рэндолф.

— Поговори с Томми и Уиллоу Андерсонами лично. — Андерсоны владели «Дипперсом». Большой Джим понизил голос: — Радикалы.

Рэндолф кивнул:

— Левые радикалы. У них над стойкой бара фотография дядюшки Барака.

— Именно так. — Большому Джиму хотелось сказать: *Герцог Перкинс позволил этим двум ёханым хиппи укорениться здесь с их танцами, и громким рок-н-роллом, и выпивом до часу ночи. Прикрывал их. И посмотрите, какие проблемы возникли из-за этого у моего сына и его друзей.* Но он обратился к Энди Сандерсу: — Ты также должен убрать под замок все лекарства, отпускаемые по рецептам. Я не про назонекс или лирику.^[38] Ты знаешь, о чем я говорю.

— Все, что могут использовать люди, чтобы словить кайф, и так под замком. — Энди такой поворот разговора явно обеспокоил.

Ренни знал, по какой причине, но сейчас его не заботили проблемы, связанные с некоторыми лекарственными сделками: приходилось решать более насущные вопросы.

— Тем не менее прими дополнительные меры предосторожности.

На лице Андреа отразилась тревога. Энди похлопал ее по руке:

— Не волнуйся, мы всегда поможем тем, кому лекарство действительно необходимо.

Андреа ему улыбнулась.

— Подводим итог: этот город останется трезвым до завершения кризиса. — Большой Джим оглядел коллег. — Мы все с этим согласны? Голосуем.

Все члены городского управления подняли руки.

— А теперь могу я вернуться к тому, с чего хотел начать? — Ренни посмотрел на Рэндолфа, который вытянул руки перед собой, как бы говоря: «Валяйте». — Мы должны признать, что люди испуганы. А когда люди испуганы, в них может вселиться бес, будут они пить или нет.

Андреа посмотрела на пульт управления по правую руку Большого Джима: клавиши включали-выключали телевизор, радиоприемник и встроенную записывающую систему — нововведение, которое Большой Джим ненавидел.

— Не нужно ли нам включить запись?

— Не вижу необходимости.

Эта чертова звукозаписывающая система (отголоски скандала с Ричардом Никсоном) появилась стараниями лезущего во все щели фельдшера Эрика Эверетта. Того парня (ему перевалило за тридцать), доставившего столько хлопот, в городе звали Расти. Идиотскую идею со звукозаписывающей системой он выдвинул два года назад на городском собрании, преподнеся ее как огромный шаг по пути прогресса. Предложение Эверетта стало для Ренни неприятным сюрпризом, а удивить его редко кому удавалось, особенно политическим аутсайдерам.

Большой Джим выступил против, сославшись на большие затраты. Эта тактика обычно срабатывала с прижимистыми янки, но не в тот раз. Эверетт представил расчеты, вероятно, полученные от Герцога Перкинса, показывающие, что федеральное правительство берет на себя восемьдесят процентов расходов, согласно какому-то закону, принятому при транжире Клинтоне и не отмененному после его ухода. Короче, Ренни обнаружил, что его переиграли.

Такое случалось не часто, и ему это не понравилось, но он занимался политикой гораздо дольше, чем Эрик Эверетт по прозвищу Расти прощупывал простаты, и знал, сколь велика разница между проигрышем сражения и войны.

— Или кому-то записывать все на бумаге? — робко спросила Андреа.

— Я думаю, какое-то время нам лучше обходиться без протокола, — заметил Большой Джим. — Пусть все останется между нами.

— Что ж... если ты так думаешь...

— Двое могут хранить секрет, если один ушел на тот свет, — как во сне произнес Энди.

— Совершенно верно, дружище. — Ренни сделал вид, будто Сандерс изрек нечто умное. Потом повернулся к Рэндолфу. — Я хочу сказать, что наша главная забота, наша первостепенная ответственность перед городом — сохранить порядок во время кризиса. И это дело полиции.

— Чертовски верно! — самодовольно воскликнул Рэндолф.

— Сейчас, я уверен, чиф Перкинс смотрит на нас с Небес...

— Вместе с моей женой, — перебил его Энди. — С Клоди. — И он громко всхлипнул, втягивая воздух через забитый соплями нос.

Большой Джим поморщился, но похлопал его по руке.

— Совершенно верно, Энди, они вместе купаются в идущем от Иисуса сиянии. Но мы здесь, на земле... Пит, сколько людей у тебя в распоряжении?

Большой Джим знал ответ. Он знал ответы на большинство собственных вопросов. И этим упрощал себе жизнь. В Честерс-Милле по полицейской ведомости получали жалованье восемнадцать человек: двенадцать — на условиях полной занятости, шестеро — частичной (большинству из «частичных» перевалило за шестьдесят, так что их услуги обходились городскому бюджету весьма дешево). И Ренни предполагал, причем с большой долей вероятности, что из этих восемнадцати пятеро, работавших на условиях полной занятости, находились вне города. Или поехали на игру футбольной команды старшей школы с женами и детьми, или участвовали в учениях пожарных, которые проводились в Касл-Роке. Шестой, чиф Перкинс, умер. И пусть Ренни никогда бы не стал говорить плохого о покойниках, в душе он полагал, что без Перкинса городу куда как лучше: чиф сейчас на небесах и не пытается взять под контроль полную мутню, решить задачу, которая, с учетом его ограниченных способностей, ему не по плечу.

— Должен вам сказать, что не так много, как хотелось бы, — начал Рэндолф. — Генри Моррисон и Джекки Уэттингтон, которые вместе со мной приехали, реагируя на поступивший сигнал о случившемся на Сто девятнадцатом шоссе. Есть еще Руп Либби, Фред Дентон и Джордж Фредерик, хотя его очень уж донимает астма, и я не уверен, будет ли от него хоть какой-то прок. Он собирался в этом году досрочно выйти в отставку.

— Бедный Джордж, — вздохнул Энди. — Живет только на адваире.

— Как вам известно, Марти Арсено и Тоби Уилен нынче тоже мало на

что годятся. Из частично занятых можно рассчитывать только на Линду Эверетт. С этими чертовыми пожарными учениями и футбольной игрой... так неудачно все сложилось.

— Линда Эверетт? — В голосе Андреа слышался легкий интерес. — Жена Расти?

— Ф-фу! — Большой Джим часто говорил «ф-фу», когда злился. — Ей только движение у школ регулировать.

— Да, сэр, — кивнул Рэндолф, — но в прошлом году она стажировалась в Роке, и у нее есть личное оружие. Не вижу причин, по которым она не может выходить с ним на дежурство. Может, не на целую смену, у Эвереттов двое маленьких детей, но все-таки. В конце концов, у нас кризис.

— Несомненно, несомненно. — Ренни, однако, не мог допустить, чтобы эти Эверетты всякий раз выскакивали перед ним, точно пресловутый черт из табакерки, в какую бы сторону он ни поворачивался. Отсюда вывод: жена этого ёханого фельдшера не будет в команде Ренни. К тому же она молода — тридцать, не больше — и чертовски красива. А потому, он не сомневался, ее присутствие окажет дурное влияние на мужчин. От смазливых женщин другого ждать не приходилось. Ему хватало и Уэттингтон с ее здоровенными буферами.

— То есть по списку у меня восемнадцать человек, а на самом деле восемь.

— Ты забыл сосчитать себя, — вставила Андреа.

Рэндолф стукнул себя ладонью полбу, словно пытался взбодрить застоявшиеся мозги.

— Да. Точно. Девять.

— Этого мало, — покачал головой Ренни. — Мы должны добавить тебе людей. Временно, ты понимаешь, пока все не образуется.

— Кого вы держите на примете, сэр?

— Для начала моего сына.

— Младшего? — Андреа вскинула брови. — По возрасту он даже не может голосовать... так?

Большой Джим представил себе структуру мозга Андреа: пятнадцать процентов занято онлайн-торговыми сайтами, восемьдесят реагируют только на наркотик, два процента — память, оставшиеся три ведают процессом мышления. Вот с кем приходилось работать. *При этом, напомнил он себе, глупость коллег упрощает человеку жизнь.*

— Ему уже двадцать один, — ответил он. — В ноябре исполнится двадцать два. И благодаря удаче или милости Господа он приехал домой из

колледжа на этот уик-энд.

Питер Рэндолф знал, что Ренни-младший вернулся домой *насовсем*: на прошлой неделе видел соответствующую надпись в ежедневнике, который лежал на столе в кабинете чифа. Хотя Пит понятия не имел, как Герцог получил эту информацию и почему счел ее достаточно важной, чтобы записать в ежедневник. Там была также запись: «Асоциальное поведение?»

Но в данный момент, наверное, не следовало делиться этими сведениями с Большим Джимом.

Ренни продолжал, теперь уже тоном ведущего телевикторины, объявляющего об очень уж дорогом призе в суперигре.

— И у Младшего есть три друга, которые тоже нам подойдут: Френк Дилессепс, Мелвин Сирлс и Картер Тибодо.

Вновь на лице Андреа отразилось беспокойство:

— Э... не те ли это мальчики... молодые люди... что участвовали в ссоре около «Дипперса»?

Большой Джим улыбнулся ей, да так яростно, что Андреа вжалась в спинку стула.

— Ту историю очень уж раздули. А искрой послужил алкоголь, как и в большинстве подобных ссор. Плюс подстрекателем являлся этот тип Барбара. Потому-то все обвинения сняли. Они чисты. Или я не прав, Питер?

— Абсолютно правы, — ответил Рэндолф, но на его лице отражалось сомнение.

— Все они старше двадцати одного, а Картеру Тибодо, если не ошибаюсь, даже двадцать три.

Тибодо действительно исполнилось двадцать три года, и в последнее время он неполный день работал механиком на заправочной станции комплекса «Бензин и бакалея». Его дважды увольняли с прошлых мест работы — за излишнюю вспыльчивость, как слышал Рэндолф, — но в мастерской при заправочной станции Тибодо вроде бы прижился. Джонни говорил, что не знает человека, который так хорошо разбирался бы в электрике и выхлопной системе.

— Они охотились вместе, все хорошие стрелки...

— Ради Бога, нам нет нужды проверять их меткость! — воскликнула Андреа.

— Никто не собирается стрелять, Андреа, и никто не предлагает, чтобы эти молодые люди стали полноправными полицейскими. Я говорю о том, что нам нужно пополнить резко сократившийся списочный состав, и сделать это необходимо *быстро*. Что скажешь, чиф? Они будут служить,

пока кризис не закончится, а мы заплатим им из резервного фонда.

Рэндолфу совершенно не хотелось, чтобы Младший бродил по улицам Честерс-Милла с оружием в руках, — Младший, которого, возможно, отличало «асоциальное поведение», — но он и не мог позволить себе возразить Большому Джиму. К тому же это хорошая идея — иметь под рукой лишних людей. Питер не предполагал, что в городе могут возникнуть какие-то проблемы, но новички помогут контролировать толпу в местах пересечения основных городских дорог с барьером. Если барьер все еще существовал. А если нет? Тогда все разрешилось бы само по себе.

И широкой улыбкой он показал, что считает себя членом команды:

— Знаете, я думаю, это отличная мысль. Пусть приходят в участок завтра утром, около десяти.

— Лучше в девять, Пит.

— Девять — это хорошо, — вновь, как во сне, произнес Энди.

— Продолжаем обсуждение? — спросил Ренни.

Все молчали. Андреа выглядела так, будто хотела что-то сказать, но никак не могла вспомнить, что именно.

— Тогда ставлю вопрос на голосование. Члены управления просят Пита Рэндолфа, исполняющего обязанности начальника полиции, взять Младшего, Френка Дилессепса, Мелвина Сирлса и Картера Тибодо своими помощниками с жалованьем по начальной ставке. Период их службы будет продолжаться до завершения этой странной, совершенно невообразимой ситуации. Кто «за», прошу проголосовать.

Все трое подняли руки.

— Предложение одоб...

Его прервали два резких звука, прозвучавшие как выстрелы. Все подпрыгнули на стульях. Тут же последовал еще один, но Ренни, который большую часть жизни проработал с моторами, уже сообразил, что к чему.

— Расслабьтесь, друзья. Это всего лишь обратная вспышка. Генератор прочищает вы...

Почтенного возраста генератор выдал четвертый «выстрел», а потом смолк. Лампы тут же погасли, на несколько мгновений оставив их в полной темноте. Андреа вскрикнула.

— Господи, Джим, — подал голос Энди Сандерс, который сидел слева от Ренни, — пропан...

Большой Джим протянул руку и крепко сжал предплечье Энди. Тот замолчал. И когда Ренни ослабил хватку, свет прокрался в длинную, обшитую сосновыми панелями комнату. Нет, лампы под потолком не вспыхнули, зато в четырех углах зажглись лампы аварийного освещения. В

слабеньком свете лица собравшихся пожелтели и постарели лет на двадцать. Все выглядели испуганными. Даже Большой Джим Ренни.

— Нет проблем! — воскликнул Рэндолф с напускной, а не естественной веселостью. — Баллон пуст, вот и все. В городском хранилище пропана предостаточно.

Энди стрельнул взглядом в сторону Большого Джима. Только сместил глаза, ничего больше, но Ренни подумал, что Андреа это заметила. А какие она сделала отсюда выводы... другой вопрос.

Она все забудет после следующей дозы окси, сказал себе Большой Джим. *К утру наверняка!*

И пока городские запасы пропана — или их отсутствие — его не волновали. Если возникнет такая необходимость, он об этом позаботится.

— Ладно, я понимаю, что вам хочется выбраться отсюда не меньше, чем мне, поэтому давайте перейдем к следующему вопросу нашей повестки дня. Я думаю, мы должны официально утвердить Пита Рэндолфа в должности начальника полиции *pro tem*. [\[39\]](#)

— Да, почему нет? — Голос Энди звучал устало.

— Если обсуждения не будет, ставлю вопрос на голосование.

Они проголосовали, как он и хотел.

Они всегда так голосовали.

Младший сидел на переднем крыльце большого дома Ренни на Фабричной улице, когда фары отцовского «хаммера» осветили подъездную дорожку. Младший блаженствовал. Головная боль не вернулась. Энджи и Доди лежали в кладовой дома Маккейнов, где их никто не найдет... какое-то время. Деньги, которые он брал, снова лежали в отцовском сейфе. В кармане их заменил пистолет — тридцать восьмого калибра, с перламутровой рукояткой, — подарок отца на восемнадцатый день рождения. Теперь он и его отец могли поговорить. Младший собирался внимательно выслушать все, что мог сказать ему Король Без Первоначального Взноса. Если он почувствует, что отцу известно про его подвиги — Младший представить себе не мог откуда, но тот всегда очень уж много знал, — тогда он убьет отца. А после этого покончит с собой. Потому что с побегом сегодня ничего не получалось. И завтра скорее всего тоже не получится. По пути домой он остановился на городской площади и послушал, о чем там говорят. Конечно, говорили они что-то безумное, но большой световой пузырь на юге — и поменьше на юго-западе, где шоссе номер 117 подходило к городу от Касл-Рока — означал, что безумие этим вечером обернулось реальностью.

Дверца «хаммера» открылась, потом захлопнулась. Отец шел к нему, брифкейс стучался о бедро. На лице не читалось подозрительности, осторожности или злости. Он молча сел на ступеньку рядом с Младшим. Потом, захватив сына врасплох, положил руку ему на шею и мягко сжал пальцы.

— Ты слышал?

— По мелочам. Но ничего не понимаю.

— Никто ничего не понимает. Думаю, пройдет несколько дней, прежде чем что-то начнет проясняться. Поэтому я должен тебя кое о чем попросить.

— О чем? — Пальцы Младшего сжали рукоятку пистолета.

— Ты сыграешь свою роль? Ты и твои друзья? Френки? Картер и Сирлс?

Младший молчал, ожидая продолжения. Что это еще за хрень?

— Сейчас Питер Рэндолф исполняет обязанности начальника полиции. Ему нужны люди, чтобы пополнить личный состав. Надежные люди. Ты готов служить экстренно назначенным помощником до

завершения всей этой чертовой мутни?

Младший ощутил безумное желание закричать от радости. Или триумфа. Или первого и второго. Рука Большого Джима по-прежнему лежала на его шее. Не сжимала. Не щипала. Можно сказать... поглаживала.

Пальцы Младшего отпустили рукоятку пистолета. Он понял, что ему продолжает везти. О таком везении он не мог и мечтать.

Сегодня Младший убил двух девушек, которых знал с детства.

Завтра ему предстояло стать городским полицейским.

— Конечно, папа. Если мы тебе нужны, можешь на нас рассчитывать. — И впервые за, возможно, четыре года (а то и больше) он поцеловал отца в щеку.

Молитвы

Барби и Джулия Шамуэй особо не разговаривали. Других автомобилей Барби на дороге не видел. Когда они выехали из плотной городской застройки, свет лился из большинства окон фермерских домов. Здесь всем и всегда хватало дел, и никто особо не доверял «Энергетической компании Западного Мэна», поэтому практически в каждом доме стоял генератор. Когда они проезжали ХНВ, на радиомачте, как и всегда, мигали красные огни. Горел и электрический крест перед зданием, в котором находилась студия, — сверкающий маяк в темноте. А над их головами небо усеивали бесчисленные звезды, и этому нескончаемому потоку энергии никакой генератор не требовался.

— Ездил по этой дороге на рыбалку, — заметил Барби. — Тут так спокойно.

— Удачно?

— Более чем. Но иногда у реки воздух воняет, как грязное нижнее белье богов. Удобрением или чем-то еще. Ни разу не решался съесть то, что поймал.

— Не удобрением — ерунду говорите. Это же запах фарисейства.

— Простите?

Она указала на темный шпиль, закрывающий звезды.

— Церковь Христа Святого Искупителя. Им принадлежит радиостанция ХНВ, которую мы только что проехали. Иногда ее называют Иисусово радио.

Барби пожал плечами:

— Наверное, шпиль я видел. И радиостанцию знаю. Как не знать, если живешь здесь и у тебя есть радиоприемник. Фундаменталисты?

— В сравнении с ними твердокаменные баптисты выглядят мягкотелыми. Я-то хожу в Конго. Терпеть не могу Лестера Коггинса, терпеть не могу все эти ха-ха-ты-отправишься-в-ад-а-мы-не-такие. Каждому свое, как я понимаю. Хотя частенько задаюсь вопросом: а откуда у них деньги на содержание радиостанции мощностью в пятьдесят тысяч ватт?

— Пожертвования?

Она фыркнула.

— Может, мне спросить у Джима Ренни. Он церковный староста.

Джулия сидела за рулем элегантного гибридного «приуса». Барби

никак не ожидал увидеть такой автомобиль у непреклонной республиканки, которой принадлежала городская газета (хотя соглашался, что он подходит прихожанке Первой Конгрегациональной церкви). Двигателя он практически не слышал, и радиоприемник работал. Проблема состояла лишь в том, что в западной части города мощнейший сигнал ХНВ заглушал все в ЧМ-диапазоне. Сегодня радио транслировало что-то исполняемое на аккордеоне, и эта музыка вызывала у Барби головную боль. Звучала как полька, исполняемая оркестром умирающих от бубонной чумы.

— Может, попробуете АМ-диапазон? — предложила Джулия.

Он попробовал, но наткнулся только на невнятное бормотание, пока не нашел спортивную радиостанцию у самого края диапазона. Тут и услышал, что перед игрой плей-офф между «Ред сокс» и «Моряками»^[40] на стадионе «Фенуэй» присутствующие почтили минутой молчания память жертв, как выразился комментатор, «события в Западном Мэне».

— События, — недовольно повторила Джулия. — Стандартный термин спортивного радио. Можете его выключить.

Отъехав от церкви на милю или около того, они увидели свет, пробивающийся сквозь деревья. Обогнули поворот и въехали в сияние прожекторов примерно таких же размеров, как голливудские «солнечные» прожектора. Два светили в их направлении, еще два — вертикально вверх. Не осталась невидимой ни единая выбоина на дороге. Стволы берез выглядели как тощие призраки. У Барби создалось ощущение, что они въезжают в мрачный детективный фильм конца сороковых годов.

— Стоп, стоп, стоп! — воскликнул он. — Дальше ехать не стоит. Кажется, что впереди ничего нет, но, поверьте мне на слово, есть. И это что-то скорее всего взорвет электронику вашего автомобиля, а может, и не только.

Джулия остановила «приус», они вышли. Несколько мгновений постояли перед капотом, щурясь на яркий свет. Джулия подняла руку, чтобы прикрыть глаза.

За прожекторами, практически соприкасаясь передними бамперами, стояли два коричневых армейских грузовика с обтянутыми брезентом кузовами. Дорогу перегораживали и барьеры, формой напоминающие козлы для пилки дров. Их ножки подперли мешками с песком. Из темноты доносился рев моторов. Работал не один генератор — несколько. Барби разглядел толстые электрические кабели, которые, змеясь, уползали от прожекторов в лес, где сквозь деревья светили другие прожектора.

— Они собираются осветить весь периметр. — Он покрутил пальцем в воздухе, как бейсбольный судья, сигнализирующий о круговой

пробежке. — Проектора вокруг всего города, лучи, направленные внутрь и вверх.

— Почему вверх?

— Вверх, чтобы предупреждать воздушный транспорт о запретной зоне. Если кто-то сюда все-таки прилетит. Предполагаю, тревожиться им придется только эту ночь. Завтра воздушное пространство над Миллом будет защищено так же надежно, как и мешки с деньгами дядюшки Скруджа.

Между грузовиками и прожекторами, в их отсвете, они различили силуэты полдесятка вооруженных солдат, которые застыли в стойке «вольно, по-парадному» спиной к ним. Военные, должно быть, слышали, как подъехал автомобиль, пусть двигатель и работал достаточно тихо, но ни один не оглянулся.

— Привет, парни! — обратилась к ним Джулия.

Никто не повернулся. Барби и не ожидал, что кто-то повернется — по пути Джулия поделилась с ним содержанием ее беседы с Коксом, — но не мог не попытаться вызвать их на разговор. А поскольку разглядел их знаки отличия, знал, как это сделать. Возможно, здесь бал правила армия, — на что указывало участие Кокса, — но эти парни принадлежали к другому роду войск.

— Эй, морпехи! — позвал он.

Никакой реакции. Барби подошел ближе. Увидел темную горизонтальную полосу, висящую в воздухе над дорогой, но на тот момент ее проигнорировал. Его больше интересовали люди, охранявшие барьер. Или Купол. Шамуэй сказала ему, что Кокс назвал эту таинственную преграду Куполом.

— Я весьма удивлен, что бойцы разведроты корпуса морпехов находятся в Штатах, — громко произнес он, приблизившись к барьеру. — С той маленькой афганской проблемой разве уже закончили?

Никакой реакции. Еще пара шагов. Твердое покрытие дороги оглушающе хрустело под подошвами его кроссовок.

— В разведроте очень уж много пидоров, как мне говорили. Знаете, у меня даже от сердца отлегло. Если б действительно пахло жареным, сюда прислали бы рейнджеров.

— Приманка, — пробормотал кто-то из морпехов.

Барби воодушевился: какая-никакая, но завязка.

— Вольно, парни, вольно, и давайте это обсудим.

Вновь никакой реакции. А ближе подходить к барьеру (или к Куполу) ему не хотелось. По коже еще не бежали мурашки и волосы не пытались

встать дыбом, но он знал, что преграда здесь, перед ним. Чувствовал ее.

Да и мог видеть: эта полоса, висящая в воздухе. Не знал, какого цвета она будет днем, но предполагал, что красного — цвета опасности. Полосу эту напылили на барьер, и он мог поставить на кон все деньги, что лежали на его банковском счету (на тот момент чуть больше пяти тысяч долларов), что полоса тянется по всему периметру.

Как кайма на рукаве.

Он сжал пальцы в кулак и постучат по полосе изнутри. Раздался уже знакомый звук — костяшки по стеклу. Один из морпехов подпрыгнул.

— Не уверена, так ли это необходимо, — осторожно произнесла Джулия.

Барби ее проигнорировал. Он начинал закипать. Какая-то его часть злилась весь день и теперь получила шанс высказаться. Он понимал, что негоже выплескивать злость на этих парней — они лишь исполняли чей-то приказ, — но и сдерживаться больше не мог.

— Эй, морпехи! Помогите своему брату!

— Заканчивай, приятель! — Хотя говоривший не повернулся, Барби понял, что это командир маленького подразделения. Он узнал тон, к которому прибегал и сам. Многократно. — У нас есть приказ. В другое время, в другом месте я с радостью угощу тебя пивом или дам пинка под зад. Но не здесь, не в эту ночь.

— Ладно. Но мы все, как я понимаю, на одной стороне, и мне не нравится то, что я вижу. — Барби повернулся к Джулии: — Телефон при вас?

Она показала мобильник:

— Вам следовало приобрести такой. Модная штучка.

— У меня есть. «Лучшая покупка по доступной цене». Я им практически не пользовался. Оставил в ящике, когда уходил из города.

Джулия протянула ему мобильник:

— Боюсь, номер вам придется набирать самому. У меня есть другое дело. — Она возвысила голос, чтобы ее услышали морпехи, стоявшие за прожекторами: — Я — издательница местной газеты и хочу пофотографировать! — Джулия заговорила еще громче: — Особенно нескольких солдат, повернувшихся спиной к городу, который попал в беду!

— Мэм, я бы предпочел, чтобы вы без этого обошлись, — отреагировал командир, здоровенный парень с широкими плечами.

— А вы меня остановите.

— Думаю, вы знаете, что мы не можем этого сделать. И спиной к вам мы стоим только потому, что таков приказ.

— Морпех, — мрачно произнесла она, — тебе бы взять свои приказы, плотно их свернуть, нагнуться и засунуть в то место, откуда идет не очень-то свежий воздух.

В слепящем свете Барби увидел нечто удивительное: жесткое выражение лица Джулии и катящиеся из ее глаз слезы.

Пока он набирал номер с необычным зональным кодом, Джулия Шамуэй достала фотоаппарат и начала фотографировать. Вспышка не могла поспорить яркостью с прожекторами, питающимися от генераторов, но Барби видел, что солдат передергивало при каждой. *Вероятно, боятся, что их гребаные знаки отличия попадут на фотоснимки, подумал он.*

Полковник армии Соединенных Штатов Джеймс Оу Кокс говорил, что будет держать руку на телефоне в половине одиннадцатого. Барби и Джулия чуть задержались, так что позвонить Дейл смог только без двадцати одиннадцать, но рука Кокса, вероятно, оставалась на телефоне, потому что на половине первого гудка в трубке послышался голос прежнего командира Барби:

— Алло, это Кен.

Барби все еще кипел, но тем не менее рассмеялся.

— Да, сэр. А я по-прежнему тот бедолага, которому достается вся приятная работа.

Кокс тоже рассмеялся, несомненно, придя к выводу, что начало хорошее.

— Как ты там, капитан Барбара?

— Все отлично, сэр. Только, при всем уважении, просто Дейл Барбара. В эти дни я капитаню только грилями и фритюрницами в местном ресторане, и нет у меня настроения болтать о пустяках. Я в недоумении, сэр, поскольку вижу перед собой спины морпехов, которые не поворачиваются, чтобы посмотреть мне в глаза, поэтому еще и чертовски зол.

— Понимаю тебя. Но и ты должен кое-что понимать, глядя на ситуацию с моей стороны. Если бы эти люди могли как-то тебе помочь или что-то изменить, ты бы видел их лица, а не жопы. Ты мне веришь?

— Я вас слушаю, сэр, — ушел он от прямого ответа.

Джулия продолжала фотографировать. Барби отошел к обочине. С нового места увидел спальную палатку, а также вроде бы небольшую палатку-столовую и парковку, на которой стояли другие грузовики. Морпехи обустроивали здесь лагерь, и, вероятно, лагерь побольше разбивались на шоссе номер 117 и 119, там, где те входили в город и выходили из него. Все это предполагало, что военные обосновались здесь всерьез и надолго. Сердце у него упало.

— Женщина из газеты с вами? — спросил Кокс.

— Да. Фотографирует. И, сэр, никаких секретов, я передам ей все, что вы мне скажете. Сейчас я на этой стороне.

Джулия прервала свое занятие, чтобы одарить Барби улыбкой.

— Понимаю, капитан.

— Сэр, упоминание моего прежнего звания очков вам не приносит.

— Ладно, просто Барби. Так лучше?

— Да, сэр.

— Что же касается публикации... ради блага жителей этого маленького городка, я надеюсь, ей хватит здравого смысла отбирать материал.

— По моим ощущениям, хватит.

— Если же она попытается отправить фотографии по электронной почте за пределы города... в какой-нибудь журнал или, к примеру, в «Нью-Йорк таймс»... с Интернетом, возможно, повторится то, что уже случилось с проводной связью.

— Сэр, это уже...

— Решение принято теми, у кого жалованье побольше моего. Я только транслирую информацию.

Барби вздохнул:

— Я ей передам.

— Передадите что? — спросила Джулия.

— Если вы попытаетесь переслать эти фотографии, городу может быть обрезан доступ в Интернет.

Джулия отреагировала жестом, который как-то не ассоциировался у Барби с рафинированными дамами-республиканками. Он вновь сосредоточился на телефонном разговоре.

— Сколь много вы можете мне сказать?

— Все, что знаю.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Барби, хотя и сомневался, что Кокс выложит все. Армия никогда не делилась всем, что знала. Или думала, что знает.

— Мы называем эту преграду Куполом, — продолжил Кокс, — но это не Купол. По крайней мере мы так не думаем. Мы думаем, что это капсула, контур которой на земле точно повторяет административную границу города. Точно — в прямом смысле этого слова.

— Вам известно, как высоко он поднимается?

— На сорок семь тысяч футов и еще чуть-чуть. Мы не знаем, круглый у него верх или плоский. Во всяком случае, пока.

Барби ничего не сказал. Застыл как громом пораженный.

— А вниз... кто знает. Глубже чем на сто футов, это точно. Такова глубина раскопа, который мы сделали на границе между Честерс-Миллом и примыкающей к нему с севера территорией, еще не имеющей статуса города.

— Ти-Эр-девяносто. — Для ушей Барби собственный голос звучал уныло и апатично.

— Не важно. Мы начали в гравийном карьере, глубина которого изначально составляла порядка сорока футов. Я видел спектрограммы, от которых глаза лезли на лоб. Длинные пласты метаморфической скальной породы, аккуратно разрезанные пополам. Никаких щелей, но с севера небольшое смещение пласта вниз. Мы проверили сейсмографические данные Портлендской метеорологической станции и попали в десятку. Ее приборы зафиксировали толчок в одиннадцать сорок четыре. Силой две целых и одну десятую балла по шкале Рихтера. Так что мы знаем, когда это произошло.

— Здорово! — Барби хотел, чтобы в голосе прозвучал сарказм, но изумление и замешательство, которые он испытывал, возможно, помешали ему добиться желаемого результата.

— Для окончательных выводов данных недостаточно, но они очень впечатляющие. Разумеется, исследования только начались, но на текущий момент нам представляется, что эта преграда вниз уходит на то же расстояние, что и вверх. И если высота Купола больше пяти миль...

— Как вы это узнали? Радар?

— Нет, на радаре эта штукавина не видна. Нет возможности установить ее присутствие, пока не ударишься об нее или не окажешься предельно близко. Человеческие потери при возникновении Купола на удивление малы, но птиц погибло множество. Внутри и снаружи.

— Знаю, я их видел. — Джулия закончила с фотографиями. Стояла рядом, слушала, что говорит Барби. — Так как вы узнали высоту Купола? С помощью лазеров?

— Нет, лазерный луч его просто проходит насквозь. Использовали управляемые снаряды с макетными боеголовками. С четырех часов дня из Бангора вылетали «Эф-15-Эй». Я удивлен, что ты их не слышал.

— Может, я что-то и слышал, но голова была занята другим.

Самолетом «Сенекой-V». И лесовозом. И погибшими людьми на шоссе номер 117. Частью на удивление малых человеческих потерь.

— Они отскакивали, а потом, на высоте сорока семи тысяч футов или чуть выше, ракета пролетела по заданной траектории. Пусть это останется между нами, но я удивлен, что мы не потеряли ни одного истребителя.

— Над Куполом кто-нибудь пролетел?

— Не прошло и двух часов. Задание успешно выполнено.

— Но кто сделал этот Купол, полковник? Это наша работа? Какой-нибудь неудачный эксперимент? Или, да поможет нам Бог, испытание чего-

то? Вы должны сказать мне правду. Вы должны сказать правду этому городу. Люди просто в ужасе.

— Понимаю. Но сделали Купол не мы.

— А вы бы знали, если бы сделал кто-то из наших?

Кокс замялся. А когда заговорил, понизил голос:

— В моем департаменте очень хорошие источники информации. Когда в Агентстве национальной безопасности пернут, мы это слышим. То же самое можно сказать о ЦРУ и паре других контор, о которых ты понятия не имеешь.

Возможно, Кокс говорил правду. Возможно, и нет. В конце концов, он выполнял свой долг. Если бы ему пришлось в эту холодную осеннюю ночь нести вахту с морпехами, Кокс тоже стоял бы к Барби спиной. Полковнику бы такое не нравилось, но приказ есть приказ.

— Есть шанс, что это природный феномен? — спросил Барби.

— В точности повторяющий проведенную человеком границу целого города? С мельчайшими подробностями? Как ты сам думаешь?

— Я не мог не спросить. Купол проницаемый? Вы знаете?

— Вода через него просачивается. Пусть и чуть-чуть.

— Как такое возможно? — Впрочем, Барби и сам видел странное поведение воды при соприкосновении с барьером. На пару с Гендроном.

— Мы не знаем, да и откуда? — В голосе Кокса послышалось раздражение. — Мы занимаемся этим меньше двенадцати часов. Здесь все хлопали друг друга по спине, когда хотя бы появилась ясность с высотой Купола. Возможно, нам удастся со всем этим разобраться, но пока мы ничего не знаем.

— Воздух?

— Воздух проходит в большей степени. Мы установили станцию мониторинга там, где город граничит... ммм... — до Барби донеслось шуршание бумаги, — с Харлоу. Проведены так называемые «ветровые испытания». Как я понимаю, гнали воздух на барьер, а потом измеряли количество отброшенного назад. Короче, воздух проходит, и с большей легкостью, чем вода, но ученые говорят, что не полностью. Это сильно повлияет на вашу погоду, дружище, но никто не может сказать, насколько повлияет и будет ли от того хуже. Черт, может, в итоге Честерс-Милл превратится в Палм-Спрингс. — Он рассмеялся, но невесело.

— Частицы? — Барби тут же подумал, что ответ на этот вопрос он и так знает.

— Нет. Твердые частицы барьер не пропускает. Причем с обеих сторон. Во всяком случае, мы так думаем. Частицы не могут попасть

внутри и не могут попасть наружу. Это означает, что автомобильные выхлопы...

— А нам далеко ехать некуда. В самой широкой части ширина Честерс-Милла, наверное, четыре мили. А по диагонали... — Он посмотрел на Джулию.

— Максимум семь, — ответила она.

— Мы не думаем, что твердые частицы, образующиеся при сгорании углеводородов, окажутся для вас серьезной проблемой. Я уверен, у всех в городе дорогие котлы, работающие на печном топливе — в Саудовской Аравии наклейки на бамперах автомобилей нынче гласят: «Я люблю Новую Англию», — но для современных котлов необходимо, чтобы электричество поддерживало постоянную искру. Запасы печного топлива у вас, вероятно, приличные, учитывая, что отопительный сезон еще не начался, но мы не думаем, что вы сможете ими воспользоваться. В долгосрочной перспективе это, наверное, и хорошо, с точки зрения загрязнения окружающей среды.

— Вы так думаете? Приезжайте сюда, когда температура упадет до минус тридцати, и еще при ветре... — Барби задумался. — Ветер у нас дуть будет?

— Мы не знаем. Спроси меня об этом завтра, и, возможно, я поделюсь с тобой хотя бы гипотезой.

— Мы сможем жечь дерево, — подала голос Джулия. — Скажи ему об этом.

— Миз Шамуэй говорит: мы сможем жечь дерево.

— С этим надо бы осторожнее, капитан Барбара... Барби. Конечно, дерева у вас предостаточно, его можно поджечь безо всякого электричества, и гореть оно будет само по себе. Но при горении дерева образуется пепел. Черт, да еще и канцерогены.

— Отопительный сезон здесь начинается... — Барби взглянул на Джулию.

— Пятнадцатого ноября, — подсказала она. — Плюс-минус.

— Миз Шамуэй говорит, что в середине ноября. Скажите мне, что к тому времени вы во всем разберетесь.

— Я могу сказать одно — мы будем стараться изо всех сил. А теперь перейдем к главному. Умные люди — те, с кем мы сумели связаться — сошлись на том, что мы имеем дело с силовым полем. Все согласились, что силовое поле просто так не появляется. Что-то рядом с ним или внутри его должно это поле генерировать. Наши парни думают, что генератор, вероятнее всего, находится внутри. «Как ручка зонтика», — сказал один из

них.

— Вы думаете, источник в городе?

— Мы думаем, что такое возможно. И так уж вышло, что под Куполом оказался солдат-орденоносец...

Бывший солдат, подумал Барби. *И все ордена уже восемнадцать месяцев лежат на дне Мексиканского залива.* Но он понимал, что срок его службы продлился, нравится ему это или нет. Как говорится, по настоятельным просьбам общественности.

— ...который в Ираке занимался поиском фабрик «Аль-Каиды» по изготовлению бомб. Отыскивал их и уничтожал.

Вот так. А теперь нужно найти генератор. Он подумал обо всех других генераторах, мимо которых они с Джулией проехали этим вечером, ревущих в темноте, вырабатывающих свет и тепло. Пожирающих пропан. Он осознал, что пропан и аккумуляторы, даже в большей степени, чем еда, стали золотым стандартом Честерс-Милла. И еще — люди будут жечь дерево. Если станет холодно, а пропан закончится, станут жечь его в большом количестве. Твердую древесину, мягкую, хворост. Плюя на канцерогены.

— Этот не будет похож на те генераторы, что работают в вашем городе сегодняшним вечером, — продолжал Кокс. — Устройство, создающее такое поле... мы не знаем, как оно может выглядеть. Да и кто мог его построить, тоже не знаем.

— Но Дядя Сэмми хочет его заполучить. — Барби так сильно сжал мобильник, что едва не раздавил. — Это приоритет, так, сэр? Потому что такой генератор может изменить мир. А люди в этом городе на заднем плане. Сопутствующие потери.

— Давай обойдемся без мелодрамы. В сложившейся ситуации наши интересы совпадают. Найди генератор, если его можно найти. Найди так же, как ты находил эти фабрики по изготовлению бомб, а потом отключи его. И проблема будет разрешена.

— Если он здесь.

— Да, если он под Куполом. Ты попытаешься?

— Разве у меня есть выбор?

— По моему разумению, нет. Но я — профессиональный военный. Для нас вообще нет свободы выбора.

— Кен, это еще одно гребаное пожарное учение.

Кокс ответил не сразу. И пока он молчал, в трубке слышалось слабое гудение, свидетельствующее о том, что разговор записывается. Барби буквально слышал, как движутся мысли полковника.

— Это правда, и все дерьмо опять придется подбирать тебе, сукин ты сын.

Барби рассмеялся. Удержаться не смог.

По пути назад, когда они проезжали мимо темного силуэта церкви Христа Святого Искупителя, Барби повернулся к Джулии. В отсвете приборного щитка лицо ее выглядело серьезным и усталым.

— Я не собираюсь просить вас молчать о чем-либо, но думаю, что об одном лучше никому ничего не говорить.

— О генераторе, который может быть, а может и не быть в городе. — Одной рукой она потянулась к заднему сиденью, потрепала Гораса по голове, словно ища утешения и уверенности.

— Да.

— Потому что, если генератор создает это поле, создает Купол вашего полковника, кто-то должен им управлять. Кто-то в городе.

— Кокс ничего такого не сказал, но думаю, он в этом уверен.

— Я об этом никому не скажу. И не буду отправлять фотографии по электронной почте.

— Хорошо.

— Все равно прежде они должны появиться в «Демократе», черт побери! — Джулия продолжала гладить собаку. Обычно Барби нервничал, если водитель держал на руле только одну руку, но не в этот вечер. И по Литл-Битч, и по 119-му они ехали в гордом одиночестве. — Я также понимаю, что иной раз доброе дело важнее сенсации. В отличие от «Нью-Йорк таймс».

— Полностью с вами согласен.

— И если вы найдете генератор, мне не придется слишком часто отовариваться в «Мире еды». Ненавижу это место. — На ее лице отразилась тревога. — Вы думаете, завтра «Мир еды» откроется?

— Я считаю, да. Люди медленно привыкают к новому порядку, когда старый изменяется.

— Устрою я себе, пожалуй, воскресный шопинг. — Голос звучал задумчиво.

— Если устроите, передайте привет Роуз Твитчел. Она скорее всего будет там с верным Энсоном Уилером. — Вспомнив свой совет Роуз, Барби рассмеялся. — Мясо, мясо, мясо.

— Простите?

— Если в вашем доме есть генератор...

— Разумеется, есть. Я живу над редакцией. У меня не дом, а очень

хорошая квартира. Генератор дает налоговую скидку. — Последнюю фразу она произнесла не без гордости.

— Тогда покупайте мясо. Мясо и консервы, консервы и мясо.

Она подумала об этом.

Центр города лежал впереди. Огней по сравнению с обычными вечерами поубавилось, но все равно хватало. *А как долго они еще будут гореть?* — спросил себя Барби.

— Полковник дал вам какие-нибудь идеи по поиску генератора? — осведомилась Джулия.

— Нет. Моя работа и заключалась в поисках такого дерьма. Он это знает. — Барби помолчал. — Как думаете, в городе может быть счетчик Гейгера?

— Я знаю, что есть. В подвале муниципалитета. Точнее, под подвалом. Там атомное бомбоубежище.

— Вы вешаете мне лапшу на уши!

— Никакой лапши, Шерлок. Тремя годами раньше я писала об этом статью. Пит Фримен фотографировал. В подвале находился большой зал заседаний и крошечная кухня. Из кухни лестница ведет в убежище. Довольно-таки вместительное. Его построили в пятидесятых, когда мы тратили деньги, готовясь к тому, чтобы отправиться в ад.

— «На берегу»,^[41] — вставил Барби.

— Да, и «Горе тебе, Вавилон».^[42] Место это наводит тоску. Фотографии Пита напомнили мне бункер фюрера перед самым концом войны. Там кладовая — полки и полки, заставленные банками консервов, и полдесятка коек. А также кое-какое оборудование, предоставленное федеральным правительством. В том числе и счетчик Гейгера.

— После пятидесяти лет хранения у консервов особо отменный вкус.

— Консервы постоянно заменяются на новые. И очень часто. Проверьте городские финансовые отчеты, и вы увидите, что каждые четыре года какие-то деньги идут на замену консервов. Раньше хватало трехсот долларов. Теперь — шестьсот. Имеется там и маленький генератор. Его установили после одиннадцатого сентября. В общем, считайте, что счетчик Гейгера у вас есть. — Она коротко глянула на Барби. — Разумеется, Джеймс Ренни считает здание муниципалитета, от чердака до атомного убежища со всем его содержимым, своей личной собственностью, поэтому захочет знать, зачем счетчик вам понадобился.

— Большой Джим Ренни этого не узнает.

Она приняла его слова без комментариев.

— Хотите поехать со мной в редакцию? Послушаете речь президента, пока я стану верстать газету. Могу сразу сказать, работа будет на скорую руку. Одна статья, полдюжины фотографий для местного потребления, никакой рекламы осенних распродаж в «Универмаге Берпи».

Барби задумался над этим предложением. Завтрашний день ожидался трудным. Предстояло не только готовить пищу, но и задавать вопросы. Приниматься за прежнюю работу и, возможно, использовать прежние методы. Следовало хорошенько отдохнуть. Но он все равно вряд ли уснет, вернувшись в свою квартирку над аптечным магазином.

— Хорошо. Кстати, я обладаю всеми необходимыми навыками офисного работника. А еще могу сварить крепкий кофе.

— Мистер, вы в деле. — Она подняла правую руку, и Барби шлепнул своей ладонью по ее пятерне. — Могу я задать еще один вопрос? Не для печати?

— Конечно.

— Этот фантастический генератор. Вы его найдете?

Барби все еще думал, когда она остановилась перед домом, нижний этаж которого занимала редакция «Демократа».

— Нет, — наконец ответил он. — Это был бы слишком легкий выход из положения.

Она вздохнула и кивнула. Потом схватила его руку.

— Как думаете, если я помолюсь за ваш успех, это поможет?

— Точно не повредит.

В День Купола в Честерс-Милле функционировали только две церкви, и обе предоставляли услуги под протестантским брендом (хотя общего у них было куда меньше, чем различий). Католики ездили в церковь Девы Марии Безмятежных Вод в Моттоне, а десяток евреев, если ощущали необходимость в духовном утешении, — в синагогу Бет Шалом в Касл-Роке. Когда-то в Милле работала и унитариянская церковь, но в конце восьмидесятых она приказала долго жить из-за отсутствия прихожан. Все сходились на том, что ее отличало очень уж хипповое отношение к духовным проблемам. Теперь это здание занимал магазин «Новые и поддержанные книги».

Оба пастора Честерс-Милла в тот вечер преклонили колени (Большому Джиму Ренни очень нравилось слово «коленопреклоненные»), но способом обращения к Господу, настроением и ожиданиями они отличались, как небо и земля.

Преподобная Пайпер Либби, которая обращалась к своей пастве с кафедры Первой Конгрегациональной церкви, больше не верила в Бога, хотя и не делилась этим фактом с прихожанами. Лестер Коггинс, с другой стороны, верил как мученик или безумец (возможно, эти два слова означали одно и то же).

Преподобная Либби, все еще достаточно красивая, чтобы в свои сорок пять выглядеть привлекательной, преклонила колени перед алтарем в почти кромешной тьме (генератором церковь Конго не обзавелась), а Кlover, ее немецкая овчарка, лежал позади нее, уткнувшись носом в лапы и прикрыв глаза.

— Привет, Которого-нет. — В последнее время она именно так называла Бога, оставаясь с ним наедине. В начале осени звала его Великий-наверное. Летом — Всемогуший-возможно. Последнее имя ей особенно нравилось. Звучало красиво. — Тебе известна ситуация, в которую я попала. Ты должен знать, я достаточно часто обсуждала ее с Тобой, — но сегодня я хочу поговорить не об этом. И Ты, наверное, этому рад. — Она вздохнула. — У нас катастрофа, мой Друг. Надеюсь, Ты понимаешь, что произошло, потому что я, к сожалению, нет. Но мы оба знаем, что завтра это место заполнится людьми, которые в час беды обратятся за содействием к Небесам.

Тишина царила как в церкви, так и за ее стенами. «Слишком тихо», как

говорили в старых фильмах. Случалось ли на памяти Либби, чтобы Милл так затихал субботним вечером? Ни шума транспорта, ни грохота барабанов одной из рок-групп, которые по субботам играли в «Дипперсе» (на афише обязательно указывалось «ПРЯМИКОМ ИЗ БОСТОНА»).

— Я не собираюсь просить Тебя показать Твою волю, нет во мне больше убежденности, что у Тебя действительно есть воля. Но если каким-то чудом Ты все-таки здесь есть — такая вероятность существует, я с радостью это признаю, — пожалуйста, помоги мне сказать людям что-то нужное. Дать им надежду не на Небесах, а прямо тут, на Земле. Потому что... — Либби не удивилась, обнаружив, что уже плачет. Теперь она часто плакала, но всегда в уединении. Когда дело касалось священников и политиков, слезы на публике жители Новой Англии не одобряли.

Кlover, чувствуя ее печаль, заскулил. Пайпер повернулась к нему, велела лежать тихо, вновь обратила лицо к алтарю. Она полагала, что распятие — религиозная разновидность галстука-бабочки, логотипа «Шевроле». Какой-то человек увидел это изображение на обоях одного парижского отеля и воспользовался им. Настолько такой рисунок ему понравился. И если кто-то воспринимает подобные символы как божественные, значит, у него не в порядке с головой.

Тем не менее она продолжила:

— Потому что, я уверена, Ты знаешь, Земля — это все, что у нас есть. Я хочу помочь моим людям, тут двух мнений быть не может. Это моя работа, и я по-прежнему хочу ее выполнять. Предполагая, что Ты есть и что Тебе небезразлично — признаю, предположения шаткие, — прошу, пожалуйста, помоги мне. Аминь.

Она поднялась. Фонарь с собой не брала, но предполагала, что сумеет выйти наружу без синяков на голених. В своей церкви она знала каждый пяточок. Любила эту церковь. И не питала иллюзий ни относительно глубины своей веры, ни относительно своей любви к самой религиозной идее.

— Пошли, Клов. Через полчаса выступит президент. Еще один великий Которого-нет. Мы сможем послушать его по радио в машине.

Кlover послушно последовал за ней. Вопросы веры его не занимали.

Чуть в стороне от Литл-Битч-роуд (прихожане церкви Христа Святого Искупителя называли ее исключительно дорогой номер три), под ярким электрическим светом, происходило куда более динамичное действо. Храму Лестера Коггинса принадлежал новенький генератор, с его ярко-оранжевого корпуса еще не соскребли транспортные наклейки. Стоял он позади церкви, в отдельном сарае, тоже выкрашенном оранжевой краской, рядом со складом.

Пятидесятилетний Коггинс выглядел так хорошо — сказались и генетика, и немалые усилия по поддержанию храма собственного тела (помогало и разумное использование различных средств «Только для мужчин»), — что едва ли кто дал бы ему больше тридцати пяти. В этот вечер одежда его состояла из спортивных шортов с надписью «ЗОЛОТЫЕ ОРЛЫ ОРАЛА РОБЕРТСА»^[43] на правой штанине, оставляя открытыми практически все бугрящиеся мышцы торса.

Во время служб (по пять еженедельно) Лестер молился в экзальтированной манере телепроповедников, и имя Господа нашего разносилось по церкви, словно из динамиков усилителя: не Бог, а БО-О-О-О-ОГ! В личных молитвах он иногда переходил на те же модуляции, сам того не замечая. Когда же его что-то сильно тревожило, когда он действительно нуждался в совете Бога Моисея и Авраама, Того, кто днем путешествовал в столбе дыма, а ночью — в столбе огня, Лестер не говорил, а рычал. И слова, которые слетали с его губ, очень уж напоминали те звуки, что издает сторожевой пес, готовый броситься на незваного гостя. Он об этом даже не подозревал, потому что не было в жизни Лестера человека, который мог бы услышать его молитвы. Лестер Коггинс все взрослые годы прожил холостяком, вспоминая юность, в которой ему снились кошмары, мастурбировал и видел Марию Магдалину, стоящую на пороге его спальни.

Церковь, почти такую же новенькую, как генератор, построили из дорогого красного клена. В интерьере дизайнер стремился к предельной простоте. За голой спиной Лестера стояли ряды скамей, по три в каждом. Над головой нависали балки потолка. Перед собой он видел стоявший на возвышении аналой, на котором лежала Библия, и большой крест из красного дерева, подвешенный на фоне пурпурной материи. Хоры находились выше и справа, в углу лежали музыкальные инструменты, включая и гитару «Стратокастер», на которой Лестер иногда играл сам.

— Бог, услышь мою молитву! — произнес Лестер рычащим, действительно-молюсь голосом. В руке он держал тяжелую веревку с двенадцатью узлами. По одному на каждого апостола. Девятый узел, символизирующий Иуду, Лестер закрасил черным. — Бог, услышь мою молитву, я прошу Тебя именем распятого и воскресшего Иисуса!

И он начал бичевать себя веревкой, сначала через левое плечо, потом через правое, рука его плавно поднималась и сгибалась. На его внушительных бицепсах выступил пот. При контакте с покрытой шрамами кожей завязанная узлами веревка издавала такие же звуки, что и выбивалка для ковров. Он проделывал все это десятки раз, но никогда — с такой силой.

— Бог, услышь мою *молитву*! Бог, услышь мою молитву! Бог, услышь мою молитву! *Бог*, услышь мою молитву!

Удар, и удар, и удар, и удар. Обжигало, как огнем, как крапивой. Падало на большаки и проселки его несчастных нервов. Вызывало жуткую боль и приносило немыслимое наслаждение.

— Господи, мы грешили в этом городе, и я главный среди грешников. Я слушал Джима Ренни и верил его лжи. Да, я верил, и вот она, цена, теперь ее приходится платить, как платили и прежде. И не один платит за грех одного, а многие. Ты не торопишься во гневе, но, когда приходит время, гнев Твой — буря, которая приминает пшеничное поле так, что ни один колосок больше не может подняться. Я посеял ветер и теперь жну бурю, не для одного, а для многих.

В Милле были другие грехи и грешники. Он это знал, потому что наивностью не отличался. Те грешники ругались грязными словами, и танцевали, и прелюбодействовали, и принимали наркотики, для него все это не составляло тайны. И они, несомненно, заслуживали наказания, заслуживали *кары*. И такое он мог сказать о любом городе, безусловно, но Бог обратил свой гнев именно на этот, на Честерс-Милл.

И однако... и однако... возможно ли, что такая необычная кара вызвана не *его* грехом? Да. Возможно. Хотя и маловероятно.

— Господи, я должен знать, что мне делать. Я на распутье. Если Ты велишь, чтобы завтра утром я поднялся на это возвышение и признался во всем, на что уговорил меня сей человек — в грехах, которые лежат на нас двоих, грехах, которые лежат на мне одном, — я это сделаю. Но сие будет означать, что я больше не смогу оставаться священником, и мне не верится, что такой будет воля Твоя в столь критический момент. Если же Ты велишь мне подождать... подождать и посмотреть, что произойдет... подождать и помолиться с моей паствой, чтобы эту кару с нас сняли... я так и поступлю.

Твоя воля будет исполнена, Господь. Теперь и всегда.

Он приостановил бичевание (чувствовал, как теплые и успокаивающие струйки текли по голой спине, некоторые из узлов покраснели) и поднял напряженное, влажное от слез лицо к потолочным балкам.

— Потому что эти люди нуждаются во мне, Господь. Ты знаешь, что нуждаются, и теперь больше, чем когда-либо. Поэтому... если Ты велишь мне уйти... пожалуйста, дай мне знак.

Он ждал. И, узрите, Господь заговорил в голове Лестера Коггинса:

«Я дам тебе знак. Иди к Библии своей, как ты делал юношей после этих мерзких снов».

— Сию минуту, — ответил Лестер. — Сию секунду.

Он повесил веревку на шею, и она отпечаталась кровавой подковой на груди и плечах. Поднялся на возвышение. Кровь стекала по впадине позвоночника и марала эластичный пояс шортов.

Он встал к аналою, словно собрался читать проповедь (хотя даже в самом жутком кошмаре не мог представить себе, что проповедует в таком наряде), закрыл Библию, которая лежала открытой, зажмурился.

— Господь, воля Твоя будет исполнена — я прошу во имя Твоего Сына, распятого в позоре и воскресшего в величии.

И сказал Господь:

«Открой Книгу Мою и посмотри, что ты увидишь».

Лестер все исполнил (только постарался не залезть за середину большой книги — чувствовал, что цитата ему понадобится из Ветхого Завета). С закрытыми глазами повел пальцем по странице, потом открыл глаза и наклонился, чтобы посмотреть. Попал на двадцать восьмую главу Второзакония, на двадцать восьмой стих.

«Поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца».

«Оцепенение сердца» вроде бы хорошо, но в целом цитата не вдохновляла. И не вносила ясности. Господь заговорил вновь:

«Не останавливайся на этом, Лестер».

Он начал читать двадцать девятый стих.

«И ты будешь ощупью ходить в полдень...»

— Да, Господь, да, — прошептал Коггинс и продолжил чтение.

«...как слепой ощупью ходит впотьмах, и не будешь ты иметь успеха в путях твоих, и будут теснить и обижать тебя всякий день, и никто не защитит тебя».

— Меня поразит слепота?! — Рычащий молитвенный голос Лестера чуть поднялся. — Бог, пожалуйста, не делай этого... хотя, если такова Твоя

воля...

И в который раз в нем заговорил Господь:

«Лестер, ты забыл голову в кровати, когда встал сегодня утром?»

Его глаза широко раскрылись. Голос Бога, но при том одно из любимых выражений его матери, истинное чудо!

— Нет, Господь, нет.

«Тогда посмотри снова. Что Я тебе показываю?»

— Что-то о безумии. Или о слепоте.

«И что из этих двух представляется тебе более вероятным?»

Лестер перечитал оба стиха. Повторялось только *слепота*.

— Это... Господь, это Твой знак?

И Господь ответил:

«Да, именно так, но не твоя слепота, ибо теперь глаза твои станут зорче. И высматривать тебе надо слепого, который сошел с ума. Когда увидишь его, ты расскажешь своей пастве, что творил Ренни и о своей роли в этом. Вам обоим придется сказать. Мы еще поговорим об этом, а сейчас, Лестер, иди спать. С тебя капает на пол».

Лестер пошел, но сначала счистил капли крови с паркетного пола за кафедрой. Сделал это, стоя на коленях. Не молился при том, но размышлял над сказанным Господом. Ему заметно полегчало.

Пока он будет вести речь только о грехах, которые могли привести к появлению неведомого барьера между Миллом и внешним миром; но при этом будет искать знак Божий. Сумасшедшего слепого мужчину или женщину. Да, именно так.

Бренда Перкинс слушала ХНВ, потому что ее мужу нравились передачи этой радиостанции (раньше нравились), но сама она никогда не переступала порог церкви Святого Искупителя. Бренда признавала только Конго и позаботилась о том, чтобы муж ходил туда вместе с ней.

Раньше ходил. Теперь же Гови предстояло побывать в церкви Конго только один раз, чтобы лежать там, не зная об этом, пока Пайпер Либби будет произносить надгробное слово.

Осознание, абсолютное и бесповоротное, взяло за душу. Впервые с того момента, как ей сообщили ужасную вест, Бренда дала себе волю и разрыдалась. Возможно, потому, что могла себе это позволить. Теперь осталась одна.

В телевизоре президент — выглядевший серьезным и пугающе старым — говорит:

— Мои дорогие американцы, вы хотите знать ответы. И я обязательно сообщу их вам, как только смогу. В этом никакой секретности не будет. Об этих событиях вы узнаете все, что узнаю я. В этом я даю вам торжественное обещание...

— Да, и у тебя есть мост, который ты хочешь мне продать,^[44] — бросила Бренда и от этих слов заплакала сильнее, потому что повторила одну из любимых присказок Гови.

Она выключила телевизор, потом выронила пульт дистанционного управления на пол. Ей хотелось наступить на него и растоптать, но Бренда этого не сделала прежде всего потому, что буквально увидела, как Гови покачивает головой и говорит ей, что нельзя вести себя так глупо.

Вместо этого Бренда пошла в маленький кабинет, чтобы побыть там, где еще ощущалось присутствие Гови. Она чувствовала потребность прикоснуться к нему. Во дворе урчал генератор. *Толстый и счастливый*, как сказал бы Гови. Ее бесила стоимость этого агрегата, который Гови заказал после 11 сентября (*На всякий случай*, объяснил он ей), но теперь она сожалела обо всех колкостях, сказанных о генераторе. Без него ей пришлось бы скорбеть о Гови в темноте, что еще ужаснее, куда как более одиноко.

Стол пустовал, если не считать ноутбука, который стоял с поднятой крышкой. Экранной заставкой служила фотография давнишней игры Малой лиги.^[45] Гови и Чип, тогда одиннадцати- или двенадцатилетний, в

зеленых свитерах «Монархов» «Аптечного городского магазина Сандерса». Гови с сыном сфотографировались в тот год, когда Гови и Расти Эверетт вывели «Монархов» в финал первенства штата. Чип обнимал отца, а Бренда — их обоих. Хороший день. Но хрупкий. Хрупкий, как хрустальный бокал.

Ей еще не удалось связаться с Чипом, и мысль об этом звонке — при условии, что ей удастся его сделать — полностью выбила Бренду из колеи. Рыдая, она упала на колени рядом с письменным столом мужа. Не сцепила руки, а свела их ладонями, как в детстве, когда уже в пижаме вставала на колени у кровати и повторяла мантру: *Боже, благослови мамочку, Боже, благослови папочку, Боже, благослови мою золотую рыбку, у которой еще нет имени.*

— Господи, это Бренда. Я не хочу вернуть его... нет, я хочу, но знаю, что Ты не можешь этого сделать. Только дай мне силы вынести все это, хорошо? И я думаю, если, возможно... не знаю, богохульство это или нет, вероятно, да, но я спрашиваю, а не сможешь ли Ты позволить ему еще раз поговорить со мной. Может, позволишь еще раз прикоснуться ко мне, как он сделал сегодняшним утром. — От этого воспоминания — его пальцы на ее коже под солнечным светом — она зарыдала еще сильнее. — Я знаю, Ты не имеешь дел с призраками — кроме, разумеется, Святого Духа, — но, может, во сне? Я знаю, что прошу очень уж многого, но... ох, Господи, этим вечером во мне такая огромная дыра. Я не знаю, как в человеке могут образовываться такие дыры, но боюсь провалиться в нее. Если Ты сделаешь это для меня, я что-нибудь сделаю для Тебя. Все, что Тебе надо, так это попросить. Пожалуйста, Господи. Одно прикосновение. Или слово. Пусть даже во сне. — Она глубоко, со всхлипом, вздохнула. — Спасибо Тебе. Такова, разумеется, Твоя воля. Нравится мне это или нет. — Бренда невесело рассмеялась. — Аминь.

Открыла глаза и встала, опираясь о стол. Рука задела компьютер, и экран тут же осветился. Гови всегда забывал выключать компьютер, но оставлял его включенным в сеть, чтобы аккумулятор не разряжался. И рабочий стол держал в большем порядке, чем она; у нее этот стол всегда был покрыт загруженными файлами и электронными заметками. На рабочем столе Гови, под иконкой жесткого диска, аккуратно, одно под другим, высвечивались названия трех основных папок: «ТЕКУЩЕЕ», где он держал материалы о проводящихся расследованиях; «СУД» — список судебных процессов с указанием, кто (включая и его самого), где и когда должен давать показания; и «МОРИН-ДОМ». В третьей папке содержалась вся информация, имеющая отношение к дому. Бренда подумала, что, открыв папку, она узнала бы все необходимое о генераторе с тем, чтобы

обеспечить его максимально продолжительную работу. Генри Моррисон из полицейского участка с радостью заменил бы баллон с пропаном, если бы этот подошел к концу, но были ли в доме запасные баллоны? Если нет, ей следовало прикупить их в «Универмаге Берпи» или в «Бензине и бакалее», пока не расхватали другие.

Она коснулась пальцем сенсорной панели, замерла, обнаружив на рабочем столе четвертую папку, в нижнем левом углу. Раньше она ее не видела. Бренда попыталась вспомнить, когда в последний раз смотрела на рабочий стол этого ноутбука, но не смогла.

«ВЕЙДЕР» — так называлась папка.

Вейдером — но не Дартом^[46] — Гови называл только одного человека: Большого Джима Ренни.

Из любопытства она подвела курсор к иконке и дважды кликнула, гадая: а защищена ли папка паролем?

Как выяснилось, пароль ей потребовался. Не мудрствуя, она набрала «Дикие коты», тот самый пароль, что открывал папку «ТЕКУЩЕЕ» (папку «СУД» Гови паролем не защищал), и это сработало. В папке оказались два документа. Один назывался «ВЕДУЩЕЕСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ». Второй, в формате «ПДФ», — «ПИСЬМО ОТ ГПШМ». На языке Гови эта аббревиатура означала: «Генеральный прокурор штата Мэн». Она открыла письмо.

Читала со все возрастающим изумлением и высыхающими на щеках слезами. Прежде всего ей бросилось в глаза обращение: не «Дорогой чиф Перкинс», а «Дорогой Герцог».

И хотя написали письмо на адвокатском языке, а не на языке Гови, некоторые фразы бросались в глаза, словно выделенные жирным шрифтом. «Незаконное присвоение принадлежащих городу товаров и услуг» — первая. «Участие члена городского правления Сандерса не вызывает сомнений» — вторая. И наконец: «Эти должностные преступления более обширны и серьезны, чем мы предполагали тремя месяцами ранее».

А в самом конце письма одна фраза показалась ей написанной не только жирным шрифтом, но и прописными буквами: «НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДСТВО И ПРОДАЖА НАРКОТИКОВ».

Получалось, что Бог ответил на ее молитву, хотя и совершенно неожиданным образом. Бренда села на стул Гови, кликнула «ВЕДУЩЕЕСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ» в папке «ВЕЙДЕР» и позволила ее умершему мужу говорить с ней.

Президент закончил речь — максимум успокаивающих слов, минимум информации — в 0.21. Расти Эверетт, который слушал ее в комнате отдыха третьего этажа, в последний раз проверил мониторы и поехал домой. В его медицинской карьере выпадали более утомительные дни, но никогда ранее он не ощущал такого уныния и тревоги за будущее.

В доме царила темнота. Они с Линдой обсуждали покупку генератора в прошлом году (и годом раньше), потому что каждую зиму Честерс-Милл оставался без электричества на четыре-пять дней, да и летом такое обычно случалось пару раз: «Энергетическая компания Западного Мэна» не относилась к числу самых надежных поставщиков электроэнергии. И делали вывод, что пока они не могли себе позволить такой покупки. Если бы Лин вернулась в полицию на условиях полной занятости... но они этого не хотели, пока девочки не подросли.

По крайней мере у нас есть хорошая печь и достаточно дров, если они нам понадобятся.

В бардачке лежал фонарик, но, когда Расти его включил, фонарик пять секунд едва светился, а потом погас. Расти выругался и напомнил себе завтра... нет, уже сегодня... запастись батарейками. При условии, что магазины откроются.

Если я не смогу найти дорогу, прожив в доме двенадцать лет, тогда я обезьяна.

Да, конечно. Этим вечером он в какой-то степени ощущал себя обезьяной — только что пойманной и посаженной в клетку зоопарка. А уж воняло от него точно как от обезьяны. Хорошо бы душ перед сном.

Тщетные надежды. Нет тока — нет душа.

Ночь выдалась ясной, пусть и безлунной, над домом светили миллиарды звезд, и выглядели они как и всегда. Может, поверху барьер отсутствовал, о чем президент ничего не сказал. Возможно, люди, которые исследовали барьер, этого пока не выяснили. Если Милл находился не под внезапно образовавшимся колпаком, а его окружала вдруг выросшая стена, тогда все как-то могло образоваться. Правительство наладило бы доставку всего необходимого с воздуха. Конечно же, если страна смогла потратить сотни миллиардов для спасения корпораций, ей не составит труда сбросить на парашютах коробки с «поп-тартс»^[47] и несколько паршивых генераторов.

Он поднялся на крыльцо, доставая из кармана ключ, когда увидел что-то висящее перед замочной пластиной. Нагнулся, присмотрелся, и губы разошлись в улыбке. Мини-фонарик. Линда купила шесть штук за пять долларов на «Последней летней чумовой распродаже» в «Универмаге Берпи». Тогда он подумал, что жена напрасно потратила деньги. Еще сделал вывод: *Женщины покупают вещи на распродажах по той же причине, что заставляет мужчин лазать по горам: потому что они есть.*

Задняя крышка фонарика заканчивалась металлической петлей. Через нее был продет шнурок от старой теннисной туфли и к нему приклеена записка. Расти отлепил ее и направил на текст луч фонарика.

Привет, милый. Надеюсь, ты в порядке. Обе Дж. наконец-то улеглись. Обе волновались, но, в конце концов, утомонились. Завтра я работаю целый день. В прямом смысле целый день, с 7 до 7, так распорядился Питер Рэндолф (наш новый чиф — КОШМАР). Марта Эдмундс говорит, что возьмет девочек, да благословит Бог Марту. Постарайся не разбудить меня. (Хотя, возможно, я не буду спать.) Боюсь, нас ждут трудные дни, но мы прорвемся. В кладовой еды достаточно, слава Богу.

Милый, я знаю, ты устал, но ты выгуляешь Одри? Она все еще продолжает скулить. Может, она знала, что грядет? Говорят, собаки предчувствуют землетрясения, так что, возможно...

Джуди-и-Джанни говорят, что любят своего папочку. Я тоже.

Завтра мы найдем время, чтобы поговорить, так? Поговорить и оценить ситуацию.

Я немного напугана.

Лин.

Он тоже боялся, но ему не нравилось, что его жена завтра будет работать двенадцать часов, тогда как его рабочий день скорее всего затянется часов на шестнадцать, а то и дольше. И ему не нравилось, что Джуди и Джанель придется целый день находиться у Марты. Он мог не сомневаться в том, что они тоже испуганы.

Но чего ему совсем не хотелось, так это выгуливать в час ночи их золотистого ретривера. Он подумал, что собака скорее всего предчувствовала появление барьера; знал, что собаки ощущают приближение различных неординарных явлений, не только землетрясений. Но в этом случае ей следовало прекратить скулеж, так? Остальные

городские собаки нынешним вечером вели себя на удивление спокойно. Ни одна не лаяла, не выла. Никто, насколько он слышал, и не скулил.

Может, она будет спать на своей подстилке за печью, подумал Расти, открывая дверь на кухню.

Одри не спала. Сразу подошла к нему, но не радостно подпрыгивая, как обычно делала — *Ты дома! Ты дома! Слава Богу, ты дома!* — а прижимаясь к полу, чуть ли не ползком, зажав хвост между задними лапами, словно ожидала, что ее ударят (чего никогда не бывало), вместо того чтобы погладить по голове. И да, она снова скулила. Собственно, началось это задолго до появления барьера. На пару недель прекратилось, и Расти уже начал думать, что все в прошлом, но она заскулила вновь, иногда тихо, случалось, что и громко. Этой ночью скулила громко — а может, ему это только казалось на темной кухне, где не светились ни электронные часы на плите и микроволновке, ни лампочка над раковиной, которую Линда всегда оставляла включенной.

— Прекрати, девочка, — обратился он к собаке. — Ты перебудишь весь дом.

Но Одри не прекратила. Мягко ткнулась головой в его колено и посмотрела на него в ярком узком луче фонаря, который он держал в правой руке. Расти мог поклясться, что в глазах собаки читалась мольба.

— Хорошо. Идем гулять.

Ее поводок свешивался с гвоздя у двери в кладовую. Когда он направился к двери, чтобы снять его (повесив фонарик на шею, спасибо большой петле из шнура), Одри скользнула перед ним, скорее как кошка, чем собака. Если бы не свет фонарика, он мог бы споткнуться об нее и упасть, достойно завершив этот и без того паршивый день.

— Минуту, одну минутку, подожди.

Но Одри гавкнула и попятилась от него.

— Тихо! Одри, тихо!

Вместо того чтобы затихнуть, она гавкнула вновь, в спящем доме лай прозвучал очень уж громко. Расти от неожиданности даже вздрогнул. А Одри подскочила к нему, зубами ухватила за штанину и попятилась к коридору, стараясь тащить его за собой.

Заинтригованный, Расти ей это позволил. Убедившись, что он идет следом, Одри отпустила штанину и побежала к лестнице. Поднялась на две ступеньки, оглянулась, снова гавкнула.

Наверху вспыхнул свет, в их спальне.

— Расти? — Лин. Заспанным голосом.

— Да, это я, — отозвался он как можно тише. — Точнее, это Одри.

Он последовал за собакой вверх по лестнице. Вместо того чтобы, как обычно, взбежать по ней, Одри постоянно оглядывалась. Для собачников всегда понятно, что выражают морды их любимцев, и Расти видел озабоченность. Уши Одри лежали на голове, хвост оставался между лапами. Если это имело отношение к скулежу, то в поведении собаки появилось что-то новое. Расти вдруг подумал: а нет ли в доме постороннего? Дверь на кухню он нашел запертой, Лин обычно запирала и проверяла все двери, когда оставалась одна с девочками, но...

Линда вышла на верхнюю лестничную площадку, завязывая пояс белого махрового халата. Увидев ее, Одри снова гавкнула. Уйди, мол, с дороги.

— Одри, прекрати! — Но собака уже проскакивала мимо нее, толкнув правую ногу Линды так сильно, что та привалилась к стене. Одри побежала по коридору к комнате девочек, где царили тишина и покой. Лин выудила мини-фонарик из кармана халата. — Да что с ней?..

— Я думаю, тебе лучше вернуться в спальню.

— Еще чего! — И она побежала по коридору первой, вслед за ярким, подпрыгивающим белым пятном луга.

Их дочери, семи и пяти лет, недавно вошли в, как это называла Лин, «фазу женской секретности». У двери в их комнату Одри поднялась на задние лапы и начала скрестись передними.

Расти догнал Лин, когда та открывала дверь. Одри влетела в комнату, даже не посмотрев на кровать Джуди. Их пятилетняя дочка крепко спала.

Джанель не спала. Но и не бодрствовала. Расти понял все в тот момент, когда два луча скрестились на ней, и выругал себя. Ну как же мог не сообразить, что происходит! Все это тянулось с августа, может, даже с июля. Отсюда и такое странное поведение Одри — ее скулеж. Расти мог точно сказать, когда все началось. Он просто не видел того, что лежало на самом видном месте.

Джанель, в ее открытых глазах виднелись только белки, не билась в судорогах — спасибо Тебе, Господи, за это, — но дрожала всем телом. Ногами она сбросила одеяло, возможно, в самом начале приступа, и двойной луч высвечивал мокрое пятно на ее пижамных штанах. Кончики пальцев поднимались и опускались, словно она разминала руки перед тем, как сыграть на пианино.

Одри села у кровати, пристально глядя на свою маленькую хозяйку.

— Что с ней происходит?! — закричала Линда.

На другой кровати зашевелилась Джуди:

— Мапочка? Уже завтрак? Я опоздала на автобус?

— У нее припадок, — ответил Расти жене.

— Так помоги ей! — Линда кричала, не говорила. — Сделай что-нибудь! Она умирает?

— Нет. — Та часть рассудка Расти, которая сохранила аналитические способности, знала, что это наверняка малый эпилептический припадок — и прежние наверняка были такими же, иначе они бы уже о ее болезни знали. Но все выглядит в другом свете, когда такое происходит с твоим ребенком.

Джуди села на кровати, мягкие игрушки разлетелись во все стороны. Ее глаза округлились от ужаса, и Линда не очень-то успокоила ее, подняв девочку с кровати и прижав к груди.

— Заставь ее остановиться! Заставь ее остановиться, Расти!

Малые эпилептические припадки прекращались сами по себе.

Пожалуйста, Господи, пусть это прекратится само!

Он мягко сжал дергающуюся голову Джан руками и попытался повернуть ее назад, чтобы гарантировать, что ее дыхательные пути не перекроются. Поначалу не получилось — мешала эта чертова подушка с пенным наполнителем. Расти сбросил ее на пол. По пути она стукнула Одри, собака дернулась, но по-прежнему пристально смотрела на девочку.

Теперь Расти смог чуть закинуть назад голову Джанни и прислушался к ее дыханию. Не быстрое и не резкое, свидетельствующее о нехватке кислорода.

— Мамочка, что с Джан-Джан? — По щекам Джуди покатались слезки. — Она сошла с ума? Она заболела?

— Не сошла с ума и только немного заболела. — Расти удивился спокойствию своего голоса. — Почему бы мамочке не отнести тебя в нашу...

— Нет! — воскликнули обе синхронно.

— Хорошо, — не стал спорить он, — но вы не должны шуметь, чтобы не испугать ее, когда Джан проснется. Она и так достаточно напугана. Немного напугана, — тут же поправился Расти. — Одри — хорошая девочка. Очень хорошая девочка.

Такие комплименты обычно безмерно радовали Одри, но не в эту ночь. Она даже не завиляла хвостом. А потом неожиданно золотистый ретривер коротко гавкнул и улегся, положив морду на одну лапу. Буквально через несколько секунд Джан перестала дрожать и закрыла глаза.

— Будь я проклят! — прошептал Расти.

— Что? — Линда присела на кровать Джуди с малышкой на руках. — Что?

— Все закончилось.

Но не закончилось. Во всяком случае, не совсем. Когда Джанни открыла глаза, зрачки вернулись на положенное место, но девочка Расти не видела.

— Это Большая Тыква!^[48] — воскликнула Джанель. — Во всем виноват Большая Тыква. Ты должен остановить Большую Тыкву.

Расти мягко тряхнул ее:

— Тебе снился сон, Джанни. Как я понимаю, дурной сон. Но все закончилось, и теперь все хорошо.

Еще мгновение она не понимала, где находится, но потом глаза ее сместились, и ему стало ясно, что теперь Джан его видит и слышит.

— Останови Хэллоуин, папочка! Ты должен остановить Хэллоуин!

— Конечно, сладенькая, я остановлю. Хэллоуин отменяется. Полностью.

Она моргнула, потом подняла руку, чтобы убрать со лба слипшиеся, мокрые от пота волосы.

— Что? Почему? Я собиралась быть принцессой Леей!^[49] Ну почему в моей жизни все не так? — Она начала плакать.

Подошла Линда — за ней Джуди, держась за материнский халат, — и обняла Джанель.

— Ты сможешь быть принцессой Леей, солнышко, я обещаю.

Джан смотрела на родителей с недоумением, подозрительностью, испугом.

— Что вы здесь делаете? И почему она не спит? — указала на Джуди.

— Ты описалась в кровати, — самодовольно ответила Джуди, и когда Джан поняла, что так и есть, заплакала еще сильнее. Расти очень захотелось отшлепать Джуди.

Обычно у него таких желаний не возникало, и он считал, что этим выгодно отличался от родителей, которые иногда приводили в Центр здоровья детей со сломанной рукой или подбитым глазом, — но не сегодня.

— Это не важно. — Расти прижал девочку к себе. — Твоей вины тут нет. Тебе нездоровилось, но теперь все прошло.

— Ей надо ехать в больницу? — спросила Линда.

— Только в Центр здоровья, и не ночью. Завтра утром я подберу ей нужное лекарство.

— ТОЛЬКО НЕ УКОЛЫ! — закричала Джанни и заплакала еще сильнее.

Расти нравился ее плач. Здоровый звук. Сильный.

— Никаких уколов, сладенькая. Таблетки.

— Ты уверен? — спросила Лин.

Расти посмотрел на собаку, которая спокойно лежала, положив морду на одну лапу и не обращая внимания на разыгрывающуюся драму.

— *Одри* уверена. Но сегодня она должна спать здесь, с девочками.

— Ура! — Джуди упала на колени, обхватила ручонками шею ретривера.

Расти обнял жену. Она положила голову ему на плечо, словно больше не могла удерживать на весу.

— Почему сейчас? — спросила она. — Почему именно *сейчас*?

— Не знаю. Будем благодарны Богу, что случился лишь малый припадок.

В этом его молитву слышали.

Сумасшествие, безумие и оцепенение сердца

Пугало Джо не встал рано; он допоздна бодрствовал. Точнее, всю ночь не ложился.

Джозеф Макклэтчи, тринадцать лет от роду, также известный под прозвищами Король гиков и Скелет, проживал в доме 19 по Фабричной улице. При росте шесть футов два дюйма и весе сто пятьдесят фунтов он действительно выглядел как скелет. И отличался блестящим умом. Джо учился в восьмом классе только по одной причине: его родители считали, что незачем ребенку «перемахивать через ступеньки».

Джо не возражал. Его друзья (для костлявого тринадцатилетнего гения друзей у него было на удивление много) учились вместе с ним. Особых усилий учеба не требовала, а компьютеров вокруг хватало. В Мэне они были практически у всех учеников средней школы. Некоторые из самых интересных сайтов, разумеется, блокировались, но у Джо не уходило много времени на устранение этих мелких препятствий. И он с радостью делился полученной информацией с лучшими друзьями, в том числе с бесстрашными скейтерами Норри Кэлверт и Бенни Дрейком (Бенни особенно нравилось бродить по сайту «Блондинки в белых трусиках» в часы, отведенные на самостоятельные занятия). Щедрость в дележе информацией отчасти объясняла популярность Джо, но не полностью: подростки просто находили его клевым. Наклейка на его школьном рюкзаке, возможно, служила более верным объяснением. Она гласила «БОРИСЬ С ВЛАСТЬЮ». ^[50]

Учился Джо только на пятерки, надежно, а иногда блестяще играл на месте центрового в сборной школы по баскетболу (для семиклассника — удивительное достижение), не терялся и на футбольном поле. Умел тренькать на пианино, а двумя годами раньше выиграл второй приз на ежегодном городском рождественском конкурсе талантов, исполнив уморительно смешной танец под песню Гретхен Уилсон «Деревенская женщина». Взрослые аплодировали и визжали от смеха. Лисса Джеймисон, главный городской библиотекарь, сказала, что этим он мог бы зарабатывать на жизнь, если б хотел, но превращение в Наполеона Динамита ^[51] не входило в планы Джо.

— Все подстроено, — мрачно заявил Сэм Макклэтчи, вертя в руках полученную сыном медаль за второе место. И скорее всего говорил правду; первое место тогда занял Дуги Твитчел, брат третьего члена городского

управления. Твитч жонглировал шестью булавами, исполняя при этом «Лунную реку».

Джо не волновало — подстроено что-то или нет. К танцам он интерес потерял, как терял ко многим занятиям, которые более-менее осваивал. Даже его любовь к баскетболу — в пятом классе он считал ее вечной — начала увядать.

Не отпускала только страсть к Интернету, электронной галактике бесконечных возможностей.

Он мечтал, не посвящая в это даже родителей, стать президентом Соединенных Штатов. *Возможно, иногда думал Джо, я исполню что-нибудь эдакое из «Наполеона Динамита» на моей инаугурации. Этот вздор останется на «ю-тьюб» до скончания веков.*

Всю первую ночь после водворения Купола Джо провел в Интернете. Генератора в доме Макклэтчи не было, но полностью заряженная аккумуляторная батарея позволяла не обращать на это никакого внимания. Кроме того, он располагал пятью запасными аккумуляторами. Ранее Джо убедил семь или восемь членов неформального компьютерного клуба также держать под рукой запасные аккумуляторы, и он знал, где взять заряженную батарею, если б возникла такая необходимость. Но чужие аккумуляторы могли ему и не понадобиться. В школе стоял офигенный генератор, и Джо полагал, что сможет без проблем зарядить севшую аккумуляторную батарею. Мистер Оллнат, уборщик, конечно же, позволил бы ему подключить ее к генератору. Мистеру Оллнату тоже нравился сайт «Блондинки в белых трусиках». Не говоря уже о музыке кантри, которую стараниями Пугала Джо он мог скачивать бесплатно.

В первую ночь появления Купола Джон сильно напряг беспроводную связь, переходя от блога к блогу с проворностью лягушки, прыгающей по горячим камням. Каждый блог выглядел страшнее предыдущего. При минимуме фактов теории заговора расцветали пышным цветом. Джо соглашался с родителями, которые говорили про самых заумных теоретиков заговора, живших в Интернете, что те носят «шапочки из фольги», ^[52] но он верил и в другое: если видишь кучу лошадиного дерьма, значит, где-то рядом есть и пони.

Когда День Купола плавно перетек в день второй, все блогеры пришли к одной мысли: пони в данном конкретном случае не террористы, не пришельцы из космоса, не Великий Ктулху, но старый добрый военно-промышленный комплекс. Подробности варьировались от сайта к сайту, но три основополагающие версии присутствовали на каждом. Первая — Купол возник в результате безжалостного эксперимента, в котором жителям

Честерс-Милла была уготована роль подопытных кроликов. Вторая — что-то случилось, и эксперимент вышел из-под контроля («Как в фильме “Мгла”», — написал один из блогеров). Третья — это вовсе не эксперимент, а хладнокровно созданный предлог для оправдания войны с врагами Америки. «И МЫ ПОБЕДИМ! — писал пользователь яЖЕговорил87. — Поскольку это новое оружие, КТО СМОЖЕТ УСТОЯТЬ ПРОТИВ НАС? Друзья мои, МЫ СТАЛИ НОВОАНГЛИЙСКИМИ ПАТРИОТАМИ [\[53\]](#) ВСЕХ НАЦИЙ!!!»

Джо не знал, соответствует ли действительности хоть одна из предлагаемых версий. По большому счету его это не волновало. Что волновало, так явно выраженный общий знаменатель — в данном случае Государство.

Пришла пора для демонстрации, возглавить которую, естественно, собирался он. Не в городе, само собой, а на шоссе номер 119, где они смогли бы противостоять Государству. Конечно, поначалу к нему присоединятся только его друзья, но потом число протестующих возрастет. Джо в этом не сомневался. Государство, возможно, по-прежнему не подпускало прессу к Куполу, но даже в тринадцать лет Джо хватало ума, чтобы понять: этот момент не являлся критическим. Потому что под военной формой находились люди, и за бесстрастными лицами, по крайней мере некоторыми, — работающие мозги. В целом военные принимали сторону Государства, но целое состояло из индивидуумов, и среди них могли быть тайные блогеры. Они обязательно сообщат о происходящем, а кто-то, возможно, снабдит отчеты фотографиями, сделанными с помощью мобильных: Джо Макклэтчи и его друзья с плакатами: «ДОЛОЙ СЕКРЕТНОСТЬ, ОСТАНОВИТЕ ЭКСПЕРИМЕНТ, ОСВОБОДИТЕ ЧЕСТЕРС-МИЛЛ» и т. д. и т. п.

— Нужны плакаты и в городе, — пробормотал он. Но и тут не увидел проблемы. Принтеры были у всех его друзей. И велосипеды.

Пугало Джо начал рассылать электронные письма с рассветом. В самом скором времени он намеревался оседлать велосипед и поехать к Бенни Дрейку, чтобы заручиться его поддержкой. Может, и к Норри Кэлверт. Обычно члены команды Джо по уик-эндам просыпались поздно, но он предполагал, что в это утро весь город поднимется рано. Несомненно, очень скоро Государство отсечет Интернет, как отсекло телефоны, но пока Сеть была оружием Джо, оружием народа.

Пришло время вступить в борьбу с властью.

— А теперь, парни, поднимите руки. — Питер Рэндолф стоял перед новыми рекрутами, усталый, с мешками под глазами, но переполненный радостью. Травянисто-зеленый патрульный автомобиль чифа дожидался на парковке, заправленный бензином и готовый к выезду. Теперь его автомобиль.

Новые рекруты — в официальном донесении членам управления Рэндолф намеревался назвать их экстренно назначенными помощниками — послушно подняли руки. Перед ним стояли пятеро, но один был не парнем, а крепкого сложения молодой женщиной, безработной парикмахершей и подружкой Картера Тибодо. Звали ее Джорджия Ру. Младший предложил разбавить их компанию женщиной, чтобы все были счастливы, и Большой Джим тут же ухватился за эту идею. Рэндолф поначалу возражал, но сдался, едва Большой Джим одарил нового чифа зверской улыбкой.

И, принимая присягу (в присутствии нескольких штатных сотрудников), он не мог не признать, что новички выглядели неплохо. Младший в сравнении с прошлым летом похудел на несколько фунтов и не тянул на линейного нападающего школьной команды, но все равно весил никак не меньше ста девяносто фунтов, и остальные, даже девушка, выглядели настоящими силачами.

Они стояли, повторяя за Питером слова присяги, фразу за фразой, Младший — крайним слева, рядом со своим другом Френки Дилессепсом, потом Тибодо и эта Ру; Мелвин Сирлс — с другого края. Сирлс тупо улыбался, словно собрался на окружную ярмарку. Рэндолф быстренько стер бы с его лица улыбочку, если бы мог три недели помуштровать всю эту компанию (черт, даже одну неделю!), но такой возможности никто ему не дал.

Только в одном он не уступил Большому Джиму — в вопросе о стрелковом оружии. Ренни просил за них, утверждал, что они — «уравновешенные, богобоязненные молодые люди», предлагал сам снабдить новобранцев оружием.

Рэндолф покачал головой.

— Ситуация слишком неопределенная. Давайте посмотрим, как у них пойдет служба.

— Если одному из них достанется, пока ты будешь смотреть...

— Никому не достанется, Большой Джим. — Рэндолф надеялся, что

правота будет на его стороне. — Это Честерс-Милл. Будь мы в Нью-Йорке, все шло бы по-другому.

— И я буду, прилагая все силы, служить людям этого города и защищать их, — диктовал Рэндолф.

Они все повторили, без запинки, как ученики воскресной школы в родительский день. Даже тупо лыбящийся Сирлс. И выглядели они хорошо. Без оружия — пока, — но по крайней мере с рациями. И дубинками. Стейси Моггин (которой тоже предстояло патрулировать улицы) нашла форменные рубашки для всех, кроме Картера Тибодо. Для него не смогли подобрать ничего подходящего из-за слишком уж широких плеч, но он неплохо смотрелся и в обычной синей рубашке, в которой пришел из дома. Не форменной, но чистой. И серебристый жетон, пришпиленный над левым карманом, сообщал тем, кто его видел, все, что требовалось сообщить.

Возможно, от принятого городским управлением решения и будет толк.

— И да поможет мне Бог, — произнес Рэндолф.

— И да поможет мне Бог, — повторили они.

Краем глаза Рэндолф увидел, как открылась дверь. Большой Джим. Он присоединился к Генри Моррисону, страдающему астмой Джорджу Фредерику, Фреду Дентону и Джекки Уэттингтон (на ее лице отражалось сомнение), стоящим в глубине большой комнаты. Рэндолф знал, что Ренни пришел, чтобы посмотреть, как его сын будет принимать присягу. Он испытывал некоторую неловкость из-за того, что отказался выдать новичкам оружие (отказ в чем-либо Большому Джиму, конечно же, мог отразиться на будущем Рэндолфа), и новый чиф симпровизировал главным образом ради второго члена городского управления.

— И я ни перед кем, на хрен, не буду прогибаться.

— И я ни перед кем, на хрен, не буду прогибаться! — повторили они. С энтузиазмом. Теперь улыбались все. Полные сил. Готовые к выходу на улицы.

Большой Джим кивнул, подняв руки с вскинутыми кверху большими пальцами, несмотря на бранное слово. Рэндолф расправил плечи, не подозревая о том, что эту клятву — *И я ни перед кем, на хрен, не буду прогибаться* — он сдержать не сумеет.

Когда Джулия Шамуэй заглянула в «Эглантерию», большинство пришедших на завтрак уже отбыли в церковь или на городскую площадь, где спонтанно организовался дискуссионный клуб. Часы показывали девять. Из обслуживающего персонала остался только Барби; Доди Сандерс и Энджи Маккейн не появились, что никого не удивило. Роуз ушла в «Мир еды». Энсон отправился с ней. Барби надеялся, что они вернутся, нагруженные продуктами, но поверил бы в это, лишь увидев добычу.

— Мы закрыты до ленча, — предупредил он, — но есть кофе.

— И булочка с корицей? — с надеждой спросила Джулия.

Барби покачал головой:

— Роза их не пекла. Стараемся максимально снизить расход пропана.

— Разумно. Тогда только кофе.

Он принес кофейник, налил.

— Ты выглядишь усталой.

— Барби, этим утром все выглядят усталыми. И испуганными до смерти.

— Как продвигается газета?

— Я надеялась закончить к десяти утра, но теперь, похоже, успею только к трем. Первый специальный выпуск «Демократа» с ноль третьего года, когда Престил-Стрим вышел из берегов.

— Возникли производственные проблемы?

— Их нет и не должно быть, если мой генератор будет работать. Просто захотелось пойти в продуктовый магазин и посмотреть: появится ли толпа? Отметить в статье и это, если появится. К несчастью, Пит Фримен оказался в городе, и он уже у магазина, чтобы сделать фотографии.

Барби слово «толпа» не понравилось:

— Господи, надеюсь, люди будут вести себя как должно.

— Будут; мы, в конце концов, в Милле — не в Нью-Йорке.

Барби сомневался, что в критической ситуации городские мыши так уж сильно отличались от деревенских, но предпочел держать рот на замке. Она знала местных куда лучше, чем он.

А Джулия словно прочитала его мысли:

— Разумеется, я могу ошибаться. Поэтому и послала Пита. — Она огляделась. Несколько человек сидели у прилавка в передней части зала, добивали яичницу и кофе, и, разумеется, за большим столом у дальней

стены — базарным столом, по терминологии янки — старики пережевывали случившееся и обсуждали, что могло случиться еще. В центральной же части ресторана находились только она и Барби. — Хочу тебе кое-что сказать. — Джулия понизила голос. — Перестань мельтешить, как Вилли-официант,^[54] и сядь.

Барби сел, налил кофе и себе. Со дна кофейника, так что напиток по вкусу напоминал дизельное топливо... но зато именно на дне кофейника оставался кофеин.

Джулия сунула руку в карман платья, достала мобильник, пододвинула к Барби:

— Твой Кокс позвонил в семь утра. Догадываюсь, что и ему в эту ночь выспаться не удалось. Попросил дать его тебе. Он не знает, что у тебя есть свой.

Барби к мобильнику не прикоснулся:

— Если он уже ждет отчета, то сильно переоценивает мои возможности.

— Кокс этого не говорил. Сказал другое. Если ему понадобится поговорить с тобой, он хочет сразу тебя найти.

Барби протянул руку к мобильнику и пододвинул его к ней. Она взяла телефон, на лице удивления не отразилось.

— Кокс также сказал, что ты должен позвонить ему в пять пополудни, если до этого он сам не позвонит тебе. Он будет располагать самой свежей информацией. Нужен тебе номер с таким странным зональным кодом?

Барби вздохнул:

— Естественно.

Она записала номер на салфетке; маленькие, аккуратные циферки.

— Я думаю, военные хотят что-то попробовать.

— А что именно?

— Он не сказал. Но я почувствовала, что пока рассматриваются несколько вариантов.

— Само собой. Что еще у тебя за душой?

— С чего ты взял?

— Почувствовал. — Он улыбнулся.

— Ладно, счетчик Гейгера.

— Я думал о том, чтобы поговорить об этом с Элом Тиммонсом. — Эл работал уборщиком в муниципалитете и постоянно бывал в «Эглантерии». Барби с ним ладил.

Джулия покачала головой:

— Нет? Почему нет?

— Попробуй догадаться, кто дал Элу беспроцентную ссуду, чтобы младший сын Эла мог поехать учиться в «Херитидж крисчен»^[55] в Алабаме?

— Джим Ренни?

— Совершенно верно. А теперь давай перейдем к двойной игре, где очки удваиваются. Догадайся, кому принадлежит закладная на плужный снегоочиститель «Фишер», которым пользуется Эл?

— Думаю, тоже Джиму Ренни.

— Правильно. А поскольку ты — собачье дерьмо, которое второй член управления еще не счистил со своего ботинка, то не стоит тебе обращаться к людям, которые у него в долгу, эта идея не из лучших. — Она наклонилась над столом. — Но так уж вышло, что я знаю, у кого был полный комплект ключей от нашего королевства: муниципалитета, больницы, Центра здоровья, школ, что ни назови.

— У кого?

— У нашего покойного начальника полиции. И так уж вышло, у меня теплые отношения с его женой... вдовой. Она не питает любви к Джиму Ренни. Плюс она может хранить секрет, если кто-то убедит ее, что хранить его необходимо.

— Джулия, тело ее мужа еще не остыло.

Она подумала о маленьком мрачном «Похоронном бюро Боуи» и скорчила гримасу печали и отвращения.

— Может, и нет, но оно, вероятно, уже холоднее комнатной температуры. Я, однако, понимаю, о чем ты, и аплодирую твоему состраданию. Но... — Джулия сжала его руку. Барби это удивило, но отрицательных эмоций не вызвало. — Обстоятельства необычные. И даже с разбитым сердцем Бренда Перкинс это поймет. У тебя есть работа, которую нужно сделать. Я смогу ее в этом убедить. Ты тайный агент.

— Тайный агент, — повторил Барби, и внезапно в голове промелькнули два неприятных образа-воспоминания: спортивный зал в Фаллудже и плачущий иракец, голый, не считая размотавшейся куфии. Тот день и тот спортивный зал напрочь отбили у него желание быть тайным агентом. И все-таки здесь он им стал.

— Так я...

Это октябрьское утро выдалось теплым, и, хотя дверь закрыли (люди могли только выходить, но не входить), окна были распахнуты. Некоторые смотрели на Главную улицу, и оттуда донесся металлический удар и вопль боли. За ними последовали возмущенные крики.

Барби и Джулия переглянулись поверх чашек с кофе. На лицах обоих

читалось удивление и предчувствие дурного.

Началось, прямо сейчас, подумал Барби. Он знал, что грешил против истины, — началось вчера, когда появился Купол, — но одновременно чувствовал, что мысль его правильная.

Люди, сидевшие за прилавком, уже бежали к двери. Барби поднялся, чтобы последовать за ними. Встала и Джулия.

Дальше по улице, в северном конце городской площади, начал бить колокол в шпиле Первой Конгрегациональной церкви, созывая верующих на службу.

Ренни-младший пребывал в прекрасном расположении духа. В это утро не ощущалось и намек на головную боль, и завтрак уютно устроился в желудке. Он даже думал, что сможет съесть и ленч. Это радовало. В последнее время отношения с едой у него не ладились. Зачастую Младшего мучило от одного взгляда на что-то съестное. Но не этим утром. Оладьи и бекон пошли отлично.

Если это Апокалипсис, думал Младший, ему следовало наступить раньше.

Каждого экстренно назначенного помощника поставили в пару к штатному патрульному. Младший получил в напарники Фредди Дентона и полагал, что и тут вытянул счастливый билет. Дентона, лысеющего, но крепкого пятидесятилетнего мужчину, знали как человека, строго следующего всем инструкциям... правда, с исключениями. Когда Младший играл в школе в футбол, Дентон занимал пост президента клуба поддержки «Диких котов» и, по слухам, никогда не штрафовал бывших футболистов. За всех Младший говорить не мог, но знал, что однажды Фредди отпустил Френки Дилессепса, и сам дважды слышал от строгого копа: «На этот раз я штрафовать тебя не буду, но сбрось скорость». Напарницей Младшего могла бы оказаться и Уэттингтон, которая, возможно, уже начала думать о том, чтобы наконец-то допустить какого-нибудь парня в свои трусы. Сиськи у нее что надо, но тут можно было нарваться на какую-нибудь неприятность. И ему не понравился холодный взгляд, которым она наградила Младшего, когда он и Фредди проходили мимо, направляясь на улицу.

В кладовой найдется местечко и для тебя, Джекки, если будешь колебать мне мозги, подумал он и рассмеялся. Господи, как же приятно ощущать на лице теплый солнечный свет! Когда еще ему было так хорошо?

Фредди повернулся к нему:

— Увидел что-то смешное, Младший?

— Да нет. Просто мне везет. Вот и все.

Их работа — во всяком случае, в это утро — заключалась в пешем патрулировании Главной улицы («Чтобы обозначить наше присутствие», — объяснил Рэндолф), сначала по одной стороне, потом по другой. Чистое удовольствие, учитывая мягкое октябрьское солнышко.

Они проходили мимо магазина «Бензин и бакалея», когда оттуда

донесли голоса. Один — Джонни Карвера — управляющего и одного из владельцев этой лавочки. Второй говоривший словно набил рот кашей, поэтому Младший не мог разобрать ни слова, но Фредди Дентон закатил глаза.

— Сэм Вердро, чтоб мне сдохнуть. Черт! И еще нет половины десятого.

— Кто такой Сэм Вердро? — спросил Младший.

Губы Фредди сжались в белую полоску, которую Младший помнил с футбольных дней. Это означало: *Твою мать, мы проигрываем*. Или: *Твою мать, это нам совсем ни к чему*.

— Ты не знаком с лучшими людьми Милла, Младший. Сейчас будешь представлен.

— Я знаю, что уже десятый час, Сэмми, — слышался голос Карвера, — и я вижу, что у тебя есть деньги, но вино тебе все равно не продам. Ни этим утром, ни днем, ни вечером. Вероятно, и завтра тоже, пока не закончится вся эта история. Приказ Рэндолфа. Он — наш новый начальник полиции.

— Какой, на хрен, начальник! — донесся голос, но каша по-прежнему мешала этому человеку говорить, так что Младшему послышалось: *Каухой наухрен наусалник*. — Питу Рэндолфу только подтирать задницу Герцогу Перкинсу.

— Герцог мертв, а Рэндолф говорит, спиртное не продавать. Извини, Сэм.

— Только одну бутылку «Ти-берд»! — завопил Сэм. — *Тока аудну бутуулку «Ти-берд»*. — Мне надо. И я могу заплатить. Продай. Сколько лет я у тебя покупаю?

— Черт! — Хотя в голосе Джонни звучало отвращение, он уже поворачивался к длинному, во всю стену, стеллажу с пивом и вином, когда Младший и Фредди вошли в магазин. Вероятно, Карвер решил, что одна бутылка «Ти-берд» — невысокая цена, если в результате удалось бы выпроводить из магазина старого пьяницу. Между тем несколько покупателей с интересом наблюдали за развитием событий, ожидая, каким будет исход.

На стеллаже был прикреплен лист бумаги с надписью от руки: «ПРОДАЖА АЛКОГОЛЯ ЗАПРЕЩЕНА ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО РАСПОРЯЖЕНИЯ». Никаких исключений текст не предполагал, и тем не менее этот слабак уже тянулся за бутылкой в средней части стеллажа. Именно там стояло дешевое вино. Младший служил в полиции менее двух часов, но понимал, что это плохая идея. Если бы Карвер уступил

требованию алкоголика с грязными спутанными волосами, другие, более уважаемые покупатели потребовали бы тех же привилегий.

Фредди Дентон, судя по всему, думал так же.

— Не делай этого! — велел он Джонни Карверу. Повернулся к Вердро, который смотрел на него красными глазами крота, вокруг которого загорелись кусты. — Я не знаю, хватит ли оставшихся у тебя в мозгу живых клеток, чтобы прочитать эту надпись, но я знаю, что ты слышал этого человека: сегодня никакого спиртного. А теперь вали на свежий воздух. Ты и так здесь все провонял.

— Не могу этого сделать, патрульный. — Сэм выпрямился во все свои пять с половиной футов, одетый в грязные штаны из прочной хлопчатобумажной ткани, футболку с надписью «Лед Зеппелин» и старые шлепанцы со стоптанными задниками. А волосы выглядели так, словно в последний раз их постригли в тот год, когда Буш Второй пользовался доверием избирателей. — У меня есть права. Свободная страна. Так и написано в Конституции независимости.

— Конституция в Милле отменена, — вмешался Младший, совершенно не представляя себе, что произносит пророческие слова. — Так что ноги в руки и свалил отсюда. — Господи, какой же он ощущал кайф! Меньше чем за день прошел путь от тоски и отчаяния до восторга и эйфории!

— Но...

Сэм не сдвинулся с места, его нижняя губа дрожала, он пытался найти какие-то аргументы. Младший с отвращением, но и зачарованно наблюдал, как увлажняются глаза этого старого козла. Сэм вытянул перед собой руки, которые тряслись куда сильнее, чем губы. У него оставался лишь довод, который так трудно озвучить при зрителях. Но, не имея другого выхода, Сэм озвучил:

— Мне действительно нужно выпить, Джонни. Без шуток. Только чуть-чуть, чтобы остановить дрожь. Я эту бутылку растяну. И я не собираюсь поднимать шум. Клянусь именем матери. Я просто пойду домой. — Домом Сэму служила лачуга, стоявшая посреди пустого двора, на котором вразброс валялись части автомобилей.

— Может, мне действительно... — начал Джонни Карвер.

Фредди его проигнорировал.

— Бухло, ты никогда в жизни не мог растянуть бутылку.

— Не называй меня так! — воскликнул Сэм Вердро. Слезы покатились по щекам.

— У тебя расстегнута ширинка, старик, — вновь встрял Младший, а

когда Сэм посмотрел вниз, провел пальцем по его обвисшей коже под подбородком. А потом ущипнул за нос. Фокус уровня начальной школы, но не потерявший своей прелести. Младший даже повторил фразу, которая обычно звучала в такой момент: — Попался, замарашка!

Фредди Дентон рассмеялся. Как и пара зрителей. Даже Джонни Карвер улыбнулся, хотя, судя по его виду, не так уж ему этого и хотелось.

— Убирайся отсюда, Бухло, — процедил Фредди. — Денек выдался хороший. Ты же не хочешь провести его в камере.

Но что-то — может, прозвище Бухло, может, ущипленный нос, может, и первое и второе — возбудило остатки ярости, которая так завораживала и пугала дружков Сэма, когда тот сорока годами раньше валил деревья на канадской стороне Меримаши.^[56] Руки и губы перестали дрожать, по крайней мере временно. Глаза полыхнули, не отрываясь от Младшего. Из горла вырвался некий пренебрежительный звук. Когда он заговорил, каша изо рта исчезла.

— Пошел на хрен, малыш. Ты не коп, да и футболистом был паршивеньким. Как я слышал, не смог даже пробиться в команду третьесортного колледжа. — Его взгляд сместился на патрульного Дентона. — И ты, помощник шерифа Дог.^[57] В воскресенье закон разрешает продавать спиртное с девяти утра. Принят в семидесятых, и на этом разговор закончен. — Он повернулся к Джонни Карверу. Улыбка сползла с лица Джонни, и покупатели притихли. — У меня есть деньги, которые ходят в этой стране, и я беру то, что мое.

Сэм двинулся вокруг прилавка. Младший ухватил его сзади за футболку и штаны, развернул и погнал к входной двери.

— Эй! — Ноги Сэма едва успевали касаться навощенных половиц. — *Убери руки! Убери свои гребаные руки...*

За дверью, внизу лестницы, Младший держал старика перед собой. Легкого, как мешок с перьями. И, Господи, он *пердел*! Пу-пу-пу, как чертов автомат!

У тротуара стоял грузовой автофургон Коротышки Нормана. С надписью на борту «ПОКУПКА-ПРОДАЖА МЕБЕЛИ. ЛУЧШИЕ ЦЕНЫ НА АНТИКВАРИАТ». Коротышка — рядом с ним, стоит разинув рот. Младший не колебался ни секунды. Головой вперед вогнал старого пьяницу в борт грузовика. Тонкий металл мелодично выдал: *боннг!*

Младший и не подумал, что мог убить этого вонючего козла, пока Бухло не рухнул как подкошенный, наполовину на тротуар, наполовину в придорожную канаву. Но требовалось нечто большее, чем удар головой в

борт старого автофургона, чтобы убить Сэма Вердро. Или чтобы заткнуть ему рот. Он вскрикнул. Потом начал плакать. Поднялся на колени. Кровь лилась на лицо из рваной раны на голове. Он вытер какую-то ее часть, изумленно посмотрел на руку, вытянул ее перед собой. Кровь капала с пальцев.

Движение по тротуару прекратилось полностью, словно кто-то объявил о начале игры «Замри». Пешеходы, раскрыв глаза, смотрели на коленопреклоненного мужчину, держащего в руке пригоршню крови.

— *Я подам в суд на весь этот гребаный город за жестокость полицейских!* — провопил Сэм. — *И Я ВЫИГРАЮ!*

Фредди спустился со ступенек, ведущих в магазин, встал рядом с Младшим.

Тот развернулся к Дентону:

— Давайте же, говорите.

— Говорить что?

— Что я зашел слишком далеко.

— Черта с два! Ты же слышал, что сказал Пит: ни перед кем не прогибаться. Напарник, мы так и поступаем.

Напарник! От радости сердце Младшего чуть не выпрыгнуло из груди.

— Вы не можете выбрасывать меня из магазина, когда у меня есть деньги! — бушевал Сэм. — Вы не можете меня бить! Я — американский гражданин! Я еще увижу вас в суде!

— Удачи тебе в этом, — усмехнулся Фредди. — Суд в Касл-Роке, и, насколько мне известно, дорога туда закрыта. Он рывком поднял старика на ноги. Из носа Сэма тоже шла кровь, и на футболке нарисовалось красное пятно. Фредди завел ему руку за спину, снял с ремня пластиковые наручники (*Надо заполучить такие*, восхищенно подумал Младший), мгновением позже защелкнул их на запястьях Сэма. Оглядел свидетелей, стоявших на тротуаре и сгрудившихся у двери магазина «Бензин и бакалея».

— Этот человек арестован за нарушение общественного порядка, за вмешательство в действия сотрудников полиции и за попытку нападения на них! — объявил он трубным голосом, который Младший помнил по футбольным играм. Доносящийся с трибун, голос этот всегда его раздражал. Теперь он с наслаждением внимал ему.

Наверное, взрослею, подумал Младший.

— Он также арестован за нарушение запрета на продажу спиртного, введенного чифом Рэндолфом. Взгляните на него! — Фредди тряхнул Сэма. Капли крови летели во все стороны с лица и грязных волос старика. — У

нас кризисная ситуация, но в городе новый шериф, и он намерен удерживать ее под контролем. Привыкайте к этому, сживайтесь с этим, учитесь вести себя соответственно. Таков мой совет. Следуйте ему, и у вас не возникнет никаких проблем. А попытаетесь возражать, тогда... — Он указал на руки Сэма, сцепленные наручниками у него за спиной.

Два или три человека заплотировали. Для Ренни-младшего звуки эти стали глотком холодной воды в жаркий день. А потом, когда Фредди повел окровавленного старика по улице, Младший почувствовал на себе чей-то взгляд. Физически почувствовал, словно чьи-то пальцы забарабанили по его шее и затылку. Он повернулся и увидел Дейла Барбару. Стоящего рядом с издателем газеты и сверлящего его холодным взглядом. Барбару, от которого ему крепко досталось на парковке. От которого крепко досталось всем троем, прежде чем численное превосходство дало о себе знать и склонило чашу весов в их пользу.

Благостные мысли Младшего начали уходить. Он буквально чувствовал, как они вылетают из головы, словно птицы. Или летучие мыши с колокольни.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— У меня есть вопрос получше, — ответила ему Джулия Шамуэй, губы которой кривила ее знаменитая улыбка. — Что делаешь ты, избивая человека, который весит в четыре раза меньше тебя и в три раза старше?

Младший не нашелся с ответом. Почувствовал, как кровь прилила к лицу, чтобы выплеснуться румянцем на щеках. Внезапно он увидел эту суку из газеты в кладовой дома Маккейнов, в компании Энджи и Доди. И Барбары тоже. Может, лежащего на этой суке из газеты, словно занимаясь с ней гимнастикой под одеялом.

Фредди пришел на помощь Младшему. Заговорил спокойно. С каменным лицом копа, знающего, что почем.

— Все вопросы о действиях полиции следует задавать нашему новому чифу. А пока вам неплохо бы помнить, что на какое-то время жители города предоставлены сами себе. Иногда, если люди предоставлены сами себе, приходится преподавать им урок.

— Иногда, если люди предоставлены сами себе, они совершают поступки, о которых потом сожалеют, — ответила Джулия. — Обычно, когда начинается расследование.

Уголки рта Фредди опустились. Он повел Сэма по тротуару.

Младший задержал взгляд на Барбаре.

— Думаешь, что говоришь, когда я рядом. И что делаешь. — Он прикоснулся к сверкающему новенькому жетону. — Перкинс мертв, и

теперь я — закон.

— Младший, ты неважно выглядишь, — произнес в ответ Барбара. — Не заболел?

Младший посмотрел на него широко открытыми глазами. Потом повернулся и зашагал вслед за напарником. Сжав кулаки.

В периоды кризиса люди пытаются держаться за то, что им близко и знакомо, чтобы найти в этом успокоение. Вышесказанное справедливо и для религии, и для семьи. В это утро верующих Честерс-Милла не ждали сюрпризы; в Конго Пайпер Либби вселяла надежду, в Христе Святом Искупителе Лестер Коггинс грозил адским огнем. В обе церкви народу набилось под завязку.

Пайпер построила проповедь на Евангелии от Иоанна: *Заповедь новую даю Я вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга*. Она сказала тем, кто заполнил скамьи Конго, что молитва важна в период кризиса — утешение молитвы, сила молитвы, — но не менее важно помогать друг другу, полагаться друг на друга и любить друг друга.

— Господь испытывает нас тем, чего мы не понимаем. Иногда болезнью. Иногда неожиданной смертью близкого. — Она сочувственно посмотрела на Бренду Перкинс, которая сидела, склонив голову и сцепив руки на коленях, прикрытых черным платьем. — А теперь это какой-то необъяснимый барьер, который отрезал нас от остального мира. Мы не понимаем, что это, но мы также не понимаем болезнь, боль или смерть хороших людей. Мы спрашиваем Бога — почему? И в Ветхом Завете есть ответ, который он дал Иову: «Ты был здесь, когда Я создал этот мир?» В Новом — и более светлом — Завете это ответ, который Иисус дал своим ученикам: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас». Вот что мы должны делать сегодня и каждый день, пока не исчезнет этот барьер: любить друг друга. Помогать друг другу. И ждать, пока испытание закончится, как всегда заканчиваются испытания Божьи.

Лестер Коггинс взял цитату из Книги Чисел (части Библии, не славящейся оптимизмом): *Если вы не сделаете так, то согрешите перед Господом, и испытаете наказание за грех ваш, которое постигнет вас*.

Как Пайпер, Лестер упомянул концепцию испытания — церковный хит во всех случаях полной мутни в истории — но основную мысль своей проповеди связал с болезнетворностью греха. С тем, как Бог борется с болезнями, выдавливая их Своими Пальцами, точно так же, как человек выдавливает причиняющий беспокойство прыщ, пока гной не выходит, будто святой «Колгейт».

Даже при ярком свете этого прекрасного октябрьского утра Лестера по-прежнему не отпускала мысль, что город наказывается за его грех, а

потому проповедь звучала на диво красноречиво и убедительно. У многих на глаза навернулись слезы, а крики «Да, Господи!» слышались по всей церкви. Если Лестера охватывало такое вдохновение, иной раз его посещали новые идеи, даже во время проповеди. Такое случилось с ним и в то утро, и он озвучил свое озарение тут же, не взяв паузу на обдумывание. Не требовалась ему пауза на обдумывание. Некоторые мысли являлись ему слишком яркими, слишком сверкающими, чтобы противоречить истине.

— Этим днем я собираюсь пойти туда, где Сто девятнадцатое шоссе ударяется в таинственные врата Господа.

— *Да, Иисус!* — воскликнула плачущая женщина. Другие захлопали и приветственно вскинули руки.

— Полагаю, в два часа. Я собираюсь упасть на колени на том пастбище, да, и вознести молитву Богу с просьбой убрать это препятствие.

На этот раз крики *Да, Господь! Да, Иисус!* и *Бог это знает!* прозвучали еще громче.

— Но сначала... — Лестер поднял руку, которой в темноте ночи бичевал голую спину. — Сначала я хочу помолиться о *грехе*, который привел к такой *боли*, и к такой *печали*, и к такой *беде*! Если я приду один, Бог, возможно, не услышит меня. Если я приду с двумя, тремя и даже с пятью, Бог, возможно, *все равно* не услышит меня. Вы можете мне помочь.

Они могли. Они помогут. Все они теперь держались за руки, раскачивались из стороны в сторону, одержимые желанием помочь Лестеру донести его слово до Бога.

— Но если *вы все* придете туда... если мы помолимся, встав в круг на Божьей траве, под Божьим синим небом... на глазах у солдат, которые, говорят, охраняют творение праведной руки Божьей... Если *вы все* придете туда, если *мы все* помолимся вместе, тогда, возможно, мы сможем добраться до корня этого греха, сможем вытащить его на свет божий, чтобы он умер, и сотворить чудо во имя Господа нашего! ***ВЫ ПРИДЕТЕ? ВЫ ПРЕКЛОНИТЕ КОЛЕНИ ВМЕСТЕ СО МНОЙ?***

Разумеется, они пообещали прийти. Разумеется, они пообещали преклонить колени. Людям нравится встречаться, чтобы вознести молитву Богу и в хорошие времена, и в плохие. И когда оркестр заиграл «Что предопределяет мой Бог, то правильно» (в тональности си, Лестер — соло-гитара), они запели так, что едва не снесли крышу.

На проповеди присутствовал и Джим Ренни; он помог для акции Лестера организовать автомобильный пул.

ДОЛОЙ СЕКРЕТНОСТЬ!
ОСВОБОДИТЕ ЧЕСТЕРС-МИЛЛ!
ВЫХОДИТЕ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ!!!

ГДЕ? На пастбище молочной фермы Динсмора на шоссе номер 119 (Чтобы посмотреть на СГОРЕВШИЙ ЛЕСОВОЗ и ВОЕННЫХ АГЕНТОВ УГНЕТЕНИЯ)!

КОГДА? 14.00 по ВВУ (Восточному времени угнетения)!

КТО? ТЫ сам и каждый друг, которого ты сможешь привести! Скажи им, МЫ ХОТИМ РАССКАЗАТЬ НАШУ ИСТОРИЮ ПРЕССЕ! Скажи им, МЫ ХОТИМ ЗНАТЬ, КТО СДЕЛАЛ ЭТО С НАМИ! И ПОЧЕМУ!

Прежде всего скажи им, что МЫ ХОТИМ ВЫЙТИ!

Это НАШ ГОРОД! Мы должны за него бороться!
МЫ ДОЛЖНЫ ВЕРНУТЬ ЕГО!

Какие-то плакаты будут, но принесите свои (и помните, ругань приводит к обратному результату).

ПОБОРЕМСЯ С ВЛАСТЬЮ!
ПРИЖМЕМ ГОСУДАРСТВО!

Комитет освобождения Честерс-Милла

Если бы в городе нашелся хоть один человек, который придерживался ницшеанского принципа: «Что не убивает — делает нас сильнее», — то речь могла идти только о Ромео Берпи, энергичном и жуликоватом, ходящем с коком Элвиса и в остроконечных туфлях. Имя он получил стараниями романтической франко-американской матери, фамилию — от сурового янки-отца, экономного до безобразия. Ромео пережил детство безжалостных насмешек — иной раз и побоев, — чтобы стать самым богатым человеком в городе. (Пожалуй... нет. Большой Джим был самым богатым человеком города, но большую часть своего богатства ему приходилось скрывать.) Ромми принадлежат самый большой и прибыльный независимый универсальный магазин штата. В восьмидесятых годах потенциальные кредиторы твердили ему: полнейшее безумие — указывать в названии такую некрасивую фамилию, как Берпи. Ромми возражал, что эта фамилия несколько ему не повредит, раз «семена Берпи» дают буйные всходы. И теперь самым ходовым летним товаром в его магазине были футболки с надписью «ВЫПЬЕМ “СЛЕРПИ”^[58] В “БЕРПИ”». Позор вам, лишенные воображения банкиры!

Он добился успеха по большому счету потому, что хватался за любой шанс обогатиться. В то воскресенье — около десяти утра, вскоре после того, как Сэма Бухло отвели в кутузку, — у Берпи появился очередной такой шанс. Они всегда появлялись, если не хлопать ушами.

Ромео наблюдал за подростками, расклеивающими плакаты, скомпонованные на компьютере и выглядевшие очень профессионально. Подростки — в большинстве на велосипедах, парочка на скейтбордах — работали добросовестно, обклеивая всю Главную улицу. Протестная демонстрация на 119-м. Ромео задался вопросом, чья это идея.

Он остановил одного подростка и спросил.

— Идея моя, — ответил Джо Макклэтчи.

— Не заливаешь?

— Не заливаю, будьте уверены.

Ромми дал подростку пятерку, игнорируя его протесты, просто глубоко затолкал в задний карман джинсов. За такую информацию стоило и заплатить. Ромми подумал, что на задуманную подростком демонстрацию люди придут. Им не терпелось выразить страх, раздражение, праведный гнев.

Вскоре после разговора с Пугалом Джо Ромео услышал, как люди говорят о молитвенном митинге, который собрался провести пастор Коггинс. В то самое богоугодное время, в том самом богоугодном месте.

Конечно же, знак свыше. Указывающий, что *есть возможность кое-что продать*.

Ромео вошел в магазин; торговля шла вяло. В это воскресенье люди шли за покупками в «Мир еды» или в «Бензин и бакалею». И в малом количестве. В большинстве своем или отправлялись в церковь, или сидели дома, смотрели новости. Тоби Мэннинг, находясь за кассовым аппаратом, не отрывал глаз от экрана портативного, на батарейках, телевизора, настроенного на канал Си-эн-эн.

— Выключай эту крякалку и закрой кассовый аппарат.

— Правда, мистер Берпи?

— Да. Вытащи из кладовой большой тент. Пусть Лили поможет тебе.

— Тент для «Последней летней чумовой распродажи»?

— Именно. Мы должны поставить его на пастбище, где рухнул самолет Чака Томпсона.

— На поле Олдена Динсмора? А если он попросит денег за его использование?

— Тогда мы ему заплатим. — Ромео уже провел прикидочные расчеты. Его универмаг продавал все, в том числе и продукты со скидкой, и на текущий момент в морозильнике лежало порядка тысячи упаковок сосисок «Хэппи бой». Он купил их в штаб-квартире компании «Хэппи бой» в Род-Айленде (компания уже приказала долго жить — в ее продукции обнаружился какой-то микроб, слава Богу, не *E. coli*^[59]), собираясь продать туристам и местным жителям, планирующим пикники на Четвертое июля. Продажи не оправдали его ожиданий из-за чертовой рецессии, но Ромми упрямо держался за эти сосиски, как обезьяна — за орех. И теперь, возможно...

Подавать их надо на маленьких садовых палочках с Тайваня, думал он. Их у меня еще миллион. И назвать как-нибудь вычурно, что-то вроде «Сосиска-вертолет». Еще у него на складе лежали сто коробок порошка для приготовления лимонада «Ямми-Тамми», тоже приобретенных со скидкой, но не продававшихся.

— И надо будет взять все жаровни «Синий носорог». — Теперь его мозги щелкали, как костяшки на счетах, и Ромео это очень нравилось.

Тони тоже начал оживать.

— Что вы задумали, мистер Берпи?

Ромми продолжил инвентаризацию всего того, что намеревался

списать в убытки. Детские вертушки на палочке... бенгальские огни, оставшиеся после Четвертого июля... засохшие леденцы, которые он приберегал для Хэллоуина...

— Тоби, — он повернулся к своему кассиру, — мы собираемся устроить самый большой пикник, который только видел этот город. Пошевеливайся. Нам нужно многое успеть.

Расти сопровождал доктора Хаскела на больничном обходе, когда затрещала рация, которую, по настоянию Линды, он держал в кармане.

Ее голос доносился издалека, но звучал четко:

— Расти, я все-таки должна пойти на службу. Рэндолф говорит, что сегодня днем весь город соберется на Сто девятнадцатом у барьера... кто-то на молитвенный митинг, кто-то на демонстрацию. Ромео Берпи собирается поставить тент и продавать хот-доги, так что вечером жди притока больных с пищевыми отравлениями.

Расти застонал.

— Мне придется отвести девочек к Марте. — Голос Линды звучал виновато и встревоженно. Ей не хотелось уходить от детей, но другого выхода она не видела. — Я объясню Марте, что произошло с Джанни.

— Хорошо. — Расти знал, что Линда останется дома, если он ей скажет... и добьется лишь того, что она снова начнет волноваться. Именно в тот момент, когда тревога медленно сходит на нет. А если у Купола соберется толпа, Линда действительно может помочь.

— Спасибо, — услышал он. — Спасибо за понимание.

— Только отправь с девочками и Одри. Ты помнишь, что сказал Хаскел.

Доктор Рон Хаскел — Великий и Ужасный Волшебник Оз — в то утро высоко поднялся в глазах Эвереттов. В глазах Расти поднялся высоко с момента возникновения кризиса. Он такого не ожидал, но оценил по достоинству. А по мешкам под глазами и опустившимся уголкам рта видел, что доктору Хаскелу приходится платить сейчас высокую цену. По возрасту Волшебник уже не годился для медицинских кризисов. Ему бы спать и спать в комнате отдыха на третьем этаже. Но помимо Джинни Томлинсон и Твитча, только Расти и Волшебник могли держать оборону. Честерс-Миллу не повезло и в том, что Купол свалился на него в самом начале погожего уик-энда, когда все медики, которые могли уехать из города, это сделали.

Хаскел, пусть его возраст и приближался к семидесяти, оставался в больнице до одиннадцати вечера, когда Расти практически вытолкнул его за дверь, и вернулся к семи утра, до того как Расти и Линда привезли дочерей, захватив с собой и Одри, причем собака в больнице повела себя очень спокойно. Джуди и Джанель шагали по обе стороны большого золотистого ретривера, держась за шерсть для поддержания духа. Джанель выглядела

испуганной до смерти.

— Почему собака? — спросил Хаскел, кивнул после того, как Расти ввел его в курс дела, и повернулся к Джанель: — Давай разбираться с тобой, цыпленок.

— Будет больно? — Джанель не ожидала ничего хорошего.

— Нет, конечно, и я дам тебе конфетку после того, как загляну в твои глаза.

По завершении осмотра взрослые оставили девочек и собаку в комнате, а сами вышли в коридор. Доктор Хаскел ссутулился, его волосы за ночь, казалось, еще поседели.

— Твой диагноз, Расти? — спросил Хаскел.

— Малый эпилептический припадок. Я думал: причина в волнении и тревоге, но Одри подвывала уже не один месяц.

— Правильно. Мы начнем с заронтина. Ты согласен?

— Да. — Расти тронул вопрос старого доктора. Он начал сожалеть о многих своих словах и мыслях касательно Хаскела.

— И держим собаку при ней, так?

— Точно.

— С ней все будет в порядке, Рон? — спросила Линда. Тогда она еще не собиралась на работу, хотела провести день с девочками.

— Она и сейчас в полном порядке, — ответил Хаскел. — Многие дети страдают малыми эпилептическими припадками. У большинства такое случается раз или два. У других чаще, в течение нескольких лет, но потом припадки исчезают. Крайне редко остаются последствия.

На лице Линды отразилось облегчение. Расти надеялся, что ей никогда не придется узнать другое, о чем Хаскел умалчал: вместо того чтобы найти выход из неврологического кустарника, некоторые несчастливые дети забредали в густой лес, к генерализованным припадкам. А такие припадки могли причинить вред. Они могли убить.

И теперь, когда утренний обход (только полдесятка пациентов, одна новая мама, родившая без осложнений) подходил к концу и Расти надеялся выпить чашку кофе перед тем, как пойти в Центр здоровья, этот звонок от Линды.

— Я уверена, Марта возьмет и Одри.

— Хорошо. Ты получишь рацию в полиции, когда заступишь на смену, так?

— Да, конечно.

— Тогда отдай свою личную рацию Марте. Договорись о канале связи. Если что-то случится с Джанель, я сразу прибегу.

— Хорошо. Спасибо, милый. А может, ты выберешься во второй половине дня на Сто девятнадцатое?

Расти обдумывал вопрос, когда увидел Дуги Твитчела, идущего по коридору. За ухом торчала сигарета, как обычно, он шагал с таким видом, будто плевать на все хотел, но Расти заметил тревогу в его глазах.

— Возможно, смогу вырваться на часок. Но не обещаю.

— Понимаю. Но мне так хочется увидеть тебя.

— А мне тебя. Будь осторожна. И предупреди народ, что есть хот-доги опасно. Берпи, возможно, держал их в морозилке десять тысяч лет.

— Это ты про его стейки из мамонтины? Конец связи, милый. Буду тебя ждать.

Расти засунул рацию в карман белого халата и повернулся к Твитчу:

— Что случилось? И убери сигарету из-за уха. Это больница.

Твитч вытащил сигарету, посмотрел на нее:

— Я собирался выкурить ее на улице, у склада.

— Не самая лучшая идея, — покачал головой Расти. — Там хранятся запасы пропана.

— С этим я к тебе и пришел. Большинство контейнеров нет.

— Бред какой-то. Они же огромные. Не могу вспомнить, сколько пропана в каждом, наверное, галлонов восемьсот.

— И что ты хочешь этим сказать? Я забыл заглянуть за дверь?

Расти принялся растирать виски:

— Если у них — кем бы они ни были — уйдет больше трех или четырех дней на снятие этого силового поля, нам потребуется много сжиженного газа.

— Скажи мне что-нибудь такое, чего я не знаю. По описи, что висит на двери, на складе должно быть семь контейнеров, а их только два. — Он сунул сигарету в карман белого халата. — Я проверил второй склад, чтобы убедиться, что контейнеры не переставили туда...

— Зачем это кому-то делать?

— Не знаю, о Великий. В любом случае в другом складе лежит все самое необходимое для больницы: всякое садовое дерьмо. Все инструменты, внесенные в опись на месте, за исключением гребучего опрыскивателя.

Опрыскиватель Расти не волновал, в отличие от пропана.

— Ладно, если припрет, добудем что-нибудь из городских запасов.

— Тогда тебе придется сцепиться с Ренни.

— «Кэтрин Рассел» — единственное место, куда он может обратиться, если у него прихватит сердце. Поэтому сомневаюсь, что Ренни решится на

конфликт со мной. Слушай, смогу я вырваться на часок во второй половине дня?

— Это решать Волшебнику. Он сейчас главный.

— Где он?

— Спит в комнате отдыха. Храпит безумно. Хочешь его разбудить?

— Нет, пусть спит. И я больше не собираюсь звать его Волшебником.

С учетом того, как Хаскел работал после появления этой хрени, думаю, он такого имени не заслуживает.

— Как скажешь, сэнсэй. Ты вышел на новый уровень просветления.

— Отвали, кузнечик, — фыркнул Расти.

Теперь посмотрите сюда; посмотрите очень внимательно.

Два сорок пополудни еще одного великолепного осеннего дня в Честерс-Милле. Если бы прессу не держали в отдалении, репортеры попали бы на фотографические небеса. И не только потому, что пламенеют деревья. Большинство жителей оказавшегося в заточении города собрались на пастбище Олдена Динсмора. Олден заключил с Ромми Берпи сделку по аренде куска площади: шестьсот долларов. Оба счастливы: фермер — потому, что сумел раскрутить бизнесмена на приличную сумму, ведь изначально тот предлагал двести долларов; Берпи — потому, что, если б его прижали, согласился бы отдать и тысячу.

С протестующих и восславляющих Иисуса Олден не собрал ни цента. Но это не означало, что они не принесли дохода; фермер Динсмор родился ночью, но отнюдь не предыдущей. Узнав о грядущих событиях, он превратил в автостоянку большой участок пастбища к северу от того места, куда днем раньше упали обломки самолета Чака Томпсона, и расставил на стратегически важных позициях жену (Шелли), старшего сына (Олли; вы помните Олли) и наемного рабочего (Мануэля Ортегу, не янки и не обладателя зеленой карты, но умеющего произнести «ага» не хуже других). Олден брал с каждого автомобиля по пять долларов, целое состояние для владельца мелкой молочной фермы, которому последние два года удавалось лишь каким-то чудом выцарапывать ее из загребущих рук Кейхоул-банка. Некоторые ворчали из-за высокой цены, но немногие — ведь за парковку на Фрайбургской ярмарке приходилось платить больше, да и выбора у них не было, если не хочешь оставить автомобиль на одной из обочин, уже заставленных машинами, а потом полмили идти до центра событий.

И какое странное и многообразное предлагалось зрелище! Цирк на три арены, и во всех звездных ролях — обыкновенные жители Милла.

Когда Барби прибывает с Роуз и Энсом Уилером (ресторан вновь закрылся, откроется на ужин — только холодные сэндвичи, ничего поджаренного на гриле), они смотрят на действо разинув рты. Джулия Шамуэй и Пит Фримен фотографируют. Джулия отрывается от своего занятия, чтобы подарить Барби обаятельную, но сдержанную улыбку.

— То еще шоу, что скажешь?

Барби широко улыбается:

— Да уж.

На первой арене этого цирка выступают горожане, откликнувшиеся на постеры, которые развесили Пугало Джо и его команда. Протестующих оказалось немало, почти две сотни, и шестьдесят плакатов, которые заготовили подростки (самый популярный: ВЫПУСТИТЕ НАС, ЧЕРТ ПОБЕРИ!), моментально разошлись по рукам. К счастью, многие люди принесли свои плакаты. Джо ставит выше других плакат с прутьями тюремной решетки поверх карты Честерс-Милла. Лисса Джеймисон не просто держит его в руках, но агрессивно вскидывает и опускает. Здесь и Джек Эванс, бледный и мрачный. Его плакат — коллаж из фотографий женщины, которая днем раньше истекла кровью. КТО УБИЛ МОЮ ЖЕНУ? — кричит плакат. Пугало Джо жалеет Джека... но плакат завораживает! Для прессы так вообще радости полные штаны.

Джо организовал из протестующих большой круг, который вращается перед Куполом. Сам Купол со стороны Честерс-Милла очерчен цепочкойдохлых птиц (со стороны Моттона солдаты тушки подобрали). Круг позволяет всем людям Джо — так он о них думает — продемонстрировать свой плакат часовым, которые непоколебимо (и как же это раздражает!) стоят спиной к городу. Джо также раздал отпечатанные речевки. Он написал их с Норри Кэлверт, скейт-идолом Бенни Дрейка. Не говоря уж о том, что на своем «блинце» она гоняет на полной скорости, речевки Норри сочиняет простые, но емкие. Одна — *Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Честерс-Милл к свободе лети!..* Другая — *Это сделали вы! Это сделали вы! Признавайтесь теперь, это сделали вы!..* Но пусть и с неохотой, Джо наложил вето на еще один шедевр Норри: *Кончайте врать выдумки ради, пустите нас к прессе, сучьи бляди!..* «Мы должны соблюдать политкорректность», — объяснил он ей. Гадая при этом, не слишком ли молода Норри Кэлверт для поцелуев. И поработает ли она язычком, если он ее поцелует. Джо никогда не целовался с девушкой, но, если уж им суждено умереть, как голодающим насекомым, накрытым пластмассовой чашей, ему, наверное, стоит попробовать, пока еще есть время.

На второй арене располагается молельный круг пастора Коггинса. Там действительно обращались к Богу. И, подав прекрасный пример церковного перемирия, к хору Святого Исккупителя присоединились с десятков мужчин и женщин из хора Конго. Они поют: «Могучая твердыня — наш Бог», — и немало горожан, которые не посещают церковь Святого Исккупителя, но знают слова, им подпевают. Голоса поднимаются к безоблачному синему небу вместе с пронзительными призывами Лестера. Молельный круг поддерживает их криками *Аминь!* и *Аллилуйя!* которые в нужные моменты вплетаются в пение и выскальзывают из него (хотя до полной гармонии,

само собой, далеко), и продолжает расширяться по мере того, как другие горожане присоединяются к нему и падают на колени. Плакаты они временно откладывают в сторону, чтобы, взявшись за руки, вместе поднимать их в молитве. Солдаты повернулись к ним спиной; возможно, что Бог — нет.

Но центральная арена этого цирка — самая большая и самая безбашенная. Ромео Берпи поставил тент для «Последней летней чумовой распродажи» достаточно далеко от Купола и в шестидесяти футах к востоку от молельного круга, выбрав место с учетом направления легкого ветерка. Он хочет, чтобы дымок, поднимающийся над рядом переносных грилей, щекотал ноздри и тем, кто протестует, и тем, кто молится. Его лепта в религиозную составляющую этого дня — указание Тоби Мэннингу выключить проигрыватель, из которого на предельной громкости льется песня Джеймса Макмертри о жизни в маленьком городке. Она не сочетается с «Как велик Ты» и «Разве ты не идешь к Иисусу?». А вот торговля идет отлично и пойдет только лучше. Ромео в этом уверен. От хот-догов — оттаивающих в процессе жарки — потом, возможно, у кого-то прихватит живот, но под теплым послепопуденным солнышком пахнут они идеально, как на окружной ярмарке, а не во время обеда в тюрьме.

Дети бегают вокруг, размахивая вертушками на палочке и угрожая поджечь сено Динсмора бенгальскими огнями, оставшимися от Четвертого июля. Пустые бумажные стаканчики из-под приготовленного из порошка лимонада (ужасного на вкус) или из-под наскоро сваренного кофе (еще более ужасного) валяются как попало. Позже Ромео велит Тоби Мэннингу заплатить какому-нибудь мальчишке, может, одному из сыновей Динсмора, десять баксов, чтобы тот собрал мусор. Это очень важно — уважение к городу, в котором живешь. Но пока внимание Ромео полностью сосредоточено на временном кассовом аппарате, роль которого выполняет картонная коробка из-под туалетной бумаги «Шарман». Он берет зелененькие и возвращает сдачу серебром: так в Америке всегда делается бизнес, сладенькие. Хот-дог стоит у него четыре бакса, и чтоб Берпи провалиться на этом самом месте, если люди не платят такие деньги. По его расчетам, к закату в коробке будет лежать как минимум три «штуки», а то и гораздо больше.

И посмотрите! Это же Расти Эверетт! Сумел-таки вырваться из Центра здоровья! Молодец! Теперь он даже жалеет, что не заехал за девочками. Вид такого количества людей, хорошо проводящих время, мог бы развеять их страхи... но, возможно, переизбыток эмоций Джанни ни к чему.

Он замечает Линду в тот самый момент, когда она замечает его и

начинает неистово махать руками, чуть ли не подпрыгивая на месте. С волосами, забранными в тугие косички — с такой прической она практически всегда ходит на работу, — Линда выглядит, как девушка из школьной группы поддержки спортивной команды. Она стоит рядом с сестрой Твитча Роуз и молодым мужчиной, который работает в ресторане поваром блюд быстрого приготовления. Расти удивлен — он думал, что Барбара покинул город. У того возникли трения с Большим Джимом Ренни, как слышал Расти, из-за потасовки у бара. Сам Расти не работал в тот день, когда ее участники заглянули в Центр здоровья, чтобы их там подлатали. А вообще ему частенько приходилось штопать посетителей «Дипперса».

Он обнимает жену, целует ее в губы, потом Роуз в щеку. Пожимает руку повару, их знакомят.

— Посмотрите на эти хот-доги, — стонет Расти. — Господи!

— Да уж, вам пора готовить судна, док, — кивает Барби, и все смеются. Это удивительно — смех в такой ситуации, но смеются не только они... и, святой Боже, почему нет? Если вы не можете смеяться, когда все плохо — смеяться и устраивать небольшой праздник, — тогда вам лучше умереть или желать себе смерти.

— Так забавно, — говорит Роуз, не подозревая, как скоро забава эта оборвется.

Мимо проплывает фрисби. Роуз выхватывает его из воздуха и бросает Бенни Дрейку. Тот подпрыгивает, чтобы поймать его, потом поворачивается, чтобы бросить Норри Кэлверт. Та ловит фрисби за спиной — выпендривается.

Молельный круг молится. Сводный хор, спевшись по полной программе, переходит к признанному лидеру хит-парадов всех времен и народов — церковной песне «Вперед, Христово воинство».

Девочка не старше Джуди пробегает мимо молящихся, юбка обвивает пухлые коленки, в одной руке бенгальский огонь, в другой — бумажный стаканчик с этим отвратительным лимонадом.

Протестующие ходят по расширяющемуся кругу, скандируя: «Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Честерс-Милл к свободе лети!»

Пушистые облака с темными брюшками наплывают со стороны Моттона... и разделяются, приблизившись к солдатам и огибая Купол с двух сторон. Небо над головами остается безоблачным, безупречно синим. На поле Динсмора есть люди, которые следят за этими облаками и гадают: когда же теперь над Честерс-Миллом прольется дождь, но вслух никто ничего не говорит.

— Интересно, будем ли мы все еще развлекаться в следующее

воскресенье, — размышляет вслух Барби.

Линда Эверетт смотрит на него. Дружелюбия во взгляде нет.

— Вы же не думаете, что и через неделю...

Роуз прерывает ее:

— Посмотрите туда. Ох, зря мальчишка так быстро едет... он же перевернется. Терпеть не могу эти квадроциклы.

Они смотрят на маленький вездеход с четырьмя огромными колесами, наблюдают, как он по диагонали пересекает поле. Направляется не к ним, но определенно к Куполу. На очень большой скорости. Солдаты слышат приближающийся рев двигателя, некоторые наконец поворачиваются.

— Господи, не дай ему врезаться! — стонет Линда Эверетт.

Рори Динсмор не врезается в Купол. Лучше б врезался.

Идея — что простуда. Рано или поздно кто-нибудь обязательно ее подхватит. Эту Объединенный комитет начальников штабов уже подхватил; ее обсасывали на нескольких заседаниях, на которых присутствовал прежний босс Барби, полковник Джеймс Оу Кокс. Эта идея не могла не осенить и кого-то из жителей Милла, и, наверное, не стоило удивляться, что им стал Рори Динсмор, который умом намного превосходил всех Динсморов («Я не знаю, откуда у него такое», — сказала Шелли Динсмор, когда Рори принес домой первый табель с круглыми пятерками... и в голосе звучала скорее тревога, чем гордость). Если б Рори жил в городе — или если бы у него был компьютер, но увы, — то, несомненно, вошел бы в компанию Джо Макклэтчи по прозвищу Пугало.

Рори запретили посещение ярмарки/молитвенного митинга/демонстрации; вместо того чтобы есть сомнительные хот-доги или помогать парковать автомобили, отец велел ему остаться дома и накормить коров. А после этого смазать соски каждой бальзамом, чего Рори терпеть не мог. «Когда же соски будут чистыми и блестящими, — добавил отец, — ты можешь подмести коровники и уложить тюки сена».

Его наказали за то, что вчера, хотя отец однозначно это запретил, он близко подошел к Куполу. И даже, прости Господи, *постучал* по нему. Обращение к матери (обычно это срабатывало) в данном случае результата не принесло.

— Ты мог погибнуть, — ответила ему Шелли. — Кроме того, отец говорил, что ты сболтнул лишнего.

— Только назвал им фамилию повара, — протестовал Рори и за это схлопотал от отца очередной подзатыльник.

Олли наблюдал за происходящим с самодовольной улыбкой, говорившей о том, что решение родителей он одобряет.

— Ты слишком умен, — сказал Рори отец. — Это тебе только во вред.

Укрывшись за спиной отца, Олли показал младшему брату язык. Шелли, однако, это увидела... и теперь подзатыльник, уже от нее, получил Олли. Но она не лишила того удовольствий и шумихи ярмарки, спонтанно возникшей на их поле.

— И не вздумай прикасаться к этой самоходной телеге. — Олден указал на квадроцикл, стоявший между коровниками номер один и номер два. — Если тебе понадобится перенести сено, тащи на себе. Наростишь

мышцы.

Вскоре после этого туповатые Динсморы отбыли, направившись через поле к тенту Ромео. А самого умного оставили с вилами и банкой бальзама «Бэг балм», большущей, как цветочный горшок.

Рори принялся за работу, мрачный как туча, однако делал все добросовестно. Из-за острого ума он иной раз наживал себе неприятности, но сыном был хорошим, и мысль о том, чтобы с прохладцей отнестись к порученным делам, даже не пришла ему в голову. Поначалу в голову вообще не приходили никакие мысли. Эта пустота иногда становилась весьма плодородной почвой, из которой вырастали самые яркие сны и самые интересные идеи (как хорошие, так и особенно плохие), сначала проклевывались, а потом расцветали пышным цветом. Но всегда присутствовала цепочка ассоциаций.

Когда Рори начал подметать центральный проход коровника номер один (ненавистную смазку вымени он оставил на потом, решив, что сделает это в самую последнюю очередь), до его ушей донеслось «поп-пах-пом». Так могли звучать только взрывающиеся шутихи. Грохот этот отдаленно напоминал выстрелы. Рори подумал об отцовском карабине, «винчестере», который стоял в стенном шкафу в прихожей. Мальчикам строго-настрого запрещалось прикасаться к нему без присмотра отца — они стреляли из «винчестера» по мишеням или в охотничий сезон, — но стенной шкаф не запирался, а патроны лежали на верхней полке.

Тут и сверкнула та самая идея. Рори подумал: *Я смогу пробить дырку в этой штуковине. Может, взорву ее.* И перед его мысленным взором появился яркий и четкий образ: спичка, поднесенная к надутому воздушному шарiku.

Он выронил щетку и побежал к дому. Как и многие умные люди (особенно умные дети), он руководствовался озарением, а не расчетом. Если бы такая идея (что вряд ли) пришла в голову его старшему брату, Олли подумал бы: *Раз уж самолет не смог прошибить барьер или лесовоз, мчащийся на полной скорости, неужели это по силам пуле?* Он мог даже взглянуть на ситуацию с иного угла: *Меня уже наказали за непослушание, а это непослушание равносильно прежнему, возведенному в девятую степень.*

Но... нет, Олли до такого бы не додумался. Математические способности Олли давали слабину на простом умножении.

Рори, с другой стороны, уже решал алгебраические задачи на уровне колледжа и не испытывал никаких сложностей. Если бы его спросили, как пуля сможет добиться того, что оказалось не по зубам лесовозу и самолету,

он бы ответил, что ударное воздействие пули «Винчестер-элит-ХРЗ»^[60] будет куда как выше. И логика в этом была. Во-первых, пуля движется с большей скоростью. Во-вторых, ударное воздействие концентрируется в наконечнике пули, весящей 180 гранов.^[61] Рори не сомневался, что это сработает. Воспринимал сие, как изящное алгебраическое уравнение.

Рори видел свою улыбающуюся (но скромную) физиономию на первой странице «Ю-эс-эй тудэй»; видел, как у него берет интервью Брайан Уильямс из «Вечерних новостей»; видел себя сидящим на украшенной цветами платформе во время парада, устроенного в его честь, в окружении участниц конкурса красоты (или в платьях, не закрывающих плечи, или вообще в купальниках): он приветственно машет рукой, а воздух наполнен конфетти. Ему предстояло стать «МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ СПАС ЧЕСТЕРС-МИЛЛ».

Он вытащил «винчестер» из шкафа, встал на табуретку, схватил коробку «ХРЗ». Вставил в казенную часть два патрона (второй — на всякий пожарный), потом выбежал из дома, держа оружие над головой, словно торжествующий повстанец (но — надо отдать ему должное — поставив «винчестер» на предохранитель, это он сделал автоматически, даже не подумав). Ключ от квадроцикла «ямаха», к которому ему запретили подходить, висел на гвоздике в коровнике номер один. Зажав брелок ключа в зубах, Рори привязал «винчестер» позади сиденья квадроцикла парой эластичных тросов. Задался вопросом: а не будет ли грохота при разрыве Купола? Может, стоило взять ушные затычки с верхней полки в стенном шкафу? Но конечно же, возвращаться за ними не стал. Ни на секунду не мог отложить задуманное.

Так случается со всеми блестящими идеями.

На квадроцикле объехал коровник номер два, сбросил скорость, чтобы оглядеть собравшуюся на пастбище толпу. Пусть и охваченный волнением, он понял, что не стоит ехать к тому месту, где Купол перекрывал шоссе (и где на Куполе остались темные пятна от столкновений с самолетом и лесовозом, похожие на потеки грязи на немывтом оконном стекле). Кто-нибудь мог остановить его до того, как он разбил бы Купол. И тогда, вместо того чтобы стать «МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ СПАС ЧЕСТЕРС-МИЛЛ», он закончил бы этот день «МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ ЦЕЛЫЙ ГОД СМАЗЫВАЛ КОРОВАМ ВЫМЯ». Да, и первую неделю ему пришлось бы проделывать это на корточках: на высеченной от души заднице он бы сидеть не смог. И все лавры от его блестящей идеи достались бы кому-то еще.

Поэтому поехал он по диагонали, чтобы добраться до Купола примерно в пятистах ярдах от тента, остановившись у ямок в сене. Ямки, Рори это знал, образовались от падения погибших птиц. Он увидел, как солдаты, охранявшие эту часть периметра, оглянулись на приближающийся рев квадроцикла. Услышал крики тревоги, донесшиеся со стороны радующейся-и-молящейся толпы. Тут же смолкло пение.

И что хуже всего, его отец замахал грязной кепкой с надписью «Джон Дир» и заорал:

— Рори, черт бы тебя подрал, остановись!

Но Рори зашел слишком далеко, чтобы остановиться, и — хороший сын или нет — не хотел останавливаться. Квадроцикл одним колесом зацепил бугорок, и Рори взлетел с сиденья, но крепко держась за руль руками и хохоча как безумный. Свою кепку с той же надписью «Джон Дир» он развернул козырьком назад, но не помнил, когда это сделал. Квадроцикл сильно накренился, потом решил выпрямиться. Рори уже почти добрался до места, и один из солдат в полевой форме тоже кричал, чтобы он остановился.

Рори тормознул «ямаху», и так резко, что едва не перелетел через руль. Он забыл поставить эту хреновину на нейтралку, и квадроцикл прыгнул вперед и ударился о Купол, прежде чем замереть. Рори услышал, как заскрежетал металл и зазвенели осколки вдребезги разбитой фары.

Солдаты, испугавшись, что квадроцикл их раздавит (глаз, который не видит никакой преграды, которая может остановить накатывающее транспортное средство, вызывает резкую и быструю реакцию), раздались в обе стороны. Они оставили широкую брешь в человеческом периметре и избавили Рори от необходимости просить их расступиться, чтобы никого не повредило возможным разрывом Купола. Он стремился стать героем, но не хотел, чтобы в результате кто-то погиб или получил ранение.

И Рори понимал, что надо торопиться. К тому месту, где он остановился, ближе всех находились люди на автомобильной стоянке и толпящиеся у тента «Летней чумовой распродажи». Они уже на полной скорости бежали к нему. Среди них — отец и брат, оба кричали, требуя, чтобы он не делал того, что собрался сделать.

Рори рывком освободил «винчестер» от эластичных тросов, прижал приклад к плечу, прицелился в невидимый барьер над тремядохлыми воробьями, на высоте пяти футов.

— Нет, парень, плохая идея! — прокричал один из солдат.

Рори пропустил его слова мимо ушей, потому что знал — идея хорошая. Расстояние до людей, бегущих с автомобильной стоянки и от

тента, значительно сократилось. Кто-то — Лестер Коггинс, который бежал гораздо лучше, чем играл на гитаре — прокричал:

— Во имя Господа, не делай этого!

Рори нажал на спусковой крючок. Нет, только попытался нажать. «Винчестер» стоял на предохранителе. Мальчик оглянулся и увидел, как высокий священник из церкви святого-какого-то пробежал мимо его краснолицего запыхавшегося отца. Подол рубашки Лестера, выбившийся из-под ремня, трепало воздухом. Мчался проповедник с широко раскрытыми глазами. Чуть отставал от него повар из «Эглантерии». Пробежать им оставалось какие-то шестьдесят футов, и преподобный, похоже, включил пятую передачу.

Рори сдвинул рычажок предохранителя.

— Нет, мальчик, нет! — вновь прокричал солдат по другую сторону Купола, одновременно присев и раскинув руки.

Рори не обратил внимания на его слова. С блестящими идеями это обычное дело. Он выстрелил.

Выстрел, и в этом Рори не повезло, получился идеальный. Пуля полетела к Куполу перпендикулярно, отразилась от него и вернулась по той же траектории, как резиновый мячик, привязанный к нитке. Сразу Рори боли не почувствовал, но огромное полотнище ослепительно яркого света заполнило голову, когда меньший из двух фрагментов пули вышиб ему левый глаз и проник в мозг. Кровь хлынула фонтаном, потом побежала между пальцами, когда он рухнул на колени, закрыв лицо руками.

— Я ослеп! Я ослеп! — кричал мальчик, и Лестер тут же подумал о строках из Писания, на которые опустился его палец: *Поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца.* — Я ослеп! Я ослеп!

Лестер отвел руки мальчика и увидел красную развороченную глазницу. Остатки глаза сползли по щеке Рори. Когда тот поднял голову к Лестеру, они плюхнулись в траву.

Лестер успел лишь на мгновение прижать ребенка к груди, как подскочил отец и вырвал мальчика. Священник не возражал: все правильно, так и должно быть. Лестер согрешил и молил Бога указать ему путь. Указание он получил, ответ ему дали. Теперь он знал, как поступить с грехами, в которые завлек его Джеймс Ренни.

Ослепший ребенок указал ему путь.

Бывает и хуже

Последующее Расти Эверетт помнил смутно. Память с предельной ясностью запечатлела только один образ: обнаженный торс пастора Коггинса, белоснежная, как рыбье брюшко, кожа и выпирающие сквозь нее ребра.

Барби, однако — возможно, потому, что полковник Кокс вновь определил его в следователи, — видел все. Ему яснее прочего запомнился не Коггинс без рубашки, а Мелвин Сирлс, указывающий на него, Барби, пальцем, а потом склоняющий голову — значение этих телодвижений понятно любому человеку: *Мы еще не закончили, дорогуша.*

А все остальные запомнили, — и это, как ничто другое, объяснило им ситуацию, в которой оказался город, — душераздирающие крики отца, держащего на руках раненого, истекающего кровью сына, и мать, кричащую: «С ним все в порядке, Олден?! С ним все в порядке?» — Она, женщина полная, весящая фунтов на шестьдесят больше положенного, с устрашающей энергией протискивалась к месту событий.

Барби увидел, как Расти Эверетт пробрался сквозь толпу, собравшуюся вокруг мальчика, и присоединился к двум стоящим на коленях мужчинам, Олдену и Лестеру. Олден качал сына на руках, а пастор Коггинс смотрел на мальчика, и челюсть его отвисла, как ворота, у которой отлетела одна петля. Расти упал на колени между Олденом и Лестером и попытался оторвать руки мальчика от его лица. Олден — и, по мнению Барби, удивляться этому не приходилось — тут же ему врезал. Из носа Расти потекла кровь.

— Нет, Олден! Дай ему помочь! — закричала Линда и положила руку на плечо фермера.

Олден повернулся, судя по всему, с тем, чтобы врезать и ей. Его лицо говорило, что рассуждать здраво он не способен. Олден превратился в зверя, защищающего своего детеныша. Барби двинулся к нему, чтобы перехватить руку, если фермер замахнется, но потом в голову пришла идея получше.

— Здесь фельдшер! — прокричал он, наклонившись к лицу Олдена, стараясь перекрыть ему поле зрения, чтобы фермер не видел Линду. — Фельдшер! Фельдшер, фель...

Барби оттащили за воротник рубашки и развернули. Он едва успел сообразить, что перед ним Мелвин Сирлс, один из дружков Младшего, и на

Сирлсе форменная полицейская рубашка плюс жетон на груди. *Все так плохо, что хуже не бывает*, подумал Барби, и, словно с тем, чтобы доказать его неправоту, Сирлс врезал ему по физиономии точно так же, как и на парковке у «Дипперса». В нос не попал, хотя целил именно туда, но губы разбил.

Сирлс вновь замахнулся, но Джекки Уэттингтон — в тот день его напарница, пусть ей этого и не хотелось — схватила парня за руку раньше, чем он нанес второй удар.

— Не делай этого! — крикнула она. — Патрульный Сирлс, не делай этого!

И пока Сирлс соображал, что ему делать, а чего — нет, Олли Динсмор, а потом и рыдающая, хватающая ртом воздух мать протиснулись между ними, заставив Сирлса отступить на шаг.

Мелвин опустил кулак.

— Ладно! — прорычал он. — Но ты на месте преступления, говнюк. Месте расследования, которое ведет полиция.

Барби вытер ладонью кровь с разбитых губ. Подумал: *Бывает и хуже. В этом все дело — бывает.*

Из всего этого Расти услышал только одно — крик Барби: «Фельдшер!» Теперь же он сам произнес это слово:

— Фельдшер, мистер Динсмор. Расти Эверетт. Вы меня знаете. Позвольте мне взглянуть на вашего мальчика.

— Позволь ему, Олден! — прокричала Шелли. — Позволь ему позаботиться о Рори!

Олден ослабил хватку, мальчик теперь покачивался из стороны в сторону на коленях отца, джинсы фермера залила кровь. Рори вновь закрыл лицо руками. Расти взялся за них — мягко, очень мягко — и потянул вниз. Надеясь, что все будет не так плохо, как он опасался, но увидел пустую глазницу, из которой хлестала кровь. Понял, что сильно поврежден и мозг за глазами. Уцелевший глаз слепо смотрел в небо.

Расти начал снимать рубашку, но священник уже протягивал ему свою. Верхняя половина тела Коггинса — с белоснежной кожей живота и груди, с торчащими ребрами, с иссеченной перекрестными красными шрамами спиной — блестела от пота.

— Нет. — Расти мотнул головой. — Порвите ее, порвите.

Поначалу Лестер не понял. Потом разорвал рубашку пополам.

Подтягивалась полиция, и некоторые из штатных копов — Генри Моррисон, Джордж Фредерик, Джекки Уэттингтон, Фредди Дентон — звали новоиспеченных помощников, чтобы те помогали оттеснить толпу, создать свободную зону вокруг раненого. Помощники с энтузиазмом принялись за дело. Кое-кто из замешкавшихся зевак шлепнулся на землю, в том числе и Саманта Буши, знаменитая мучительница Брэтцев. Литл Уолтер сидел в сумке-кенгуру, и, когда Сэмми шлепнулась на пятую точку, оба начали орать. Ренни-младший переступил через Сэмми, даже не посмотрев на нее, схватил за руку мать Рори и дернул так, что едва не свалил с ног, прежде чем Фредди Дентон остановил его.

— Нет, Младший, нет! Это мать мальчика! Отпусти ее!

— Полицейская жестокость! — завопила Сэмми Буши с того места, где сидела на траве. — Полицейская жесто...

Джорджия Ру, новое пополнение полицейского участка Питера Рэндолафа, прибыла с Картером Тибодо, держа его за руку. Джорджия приставила ногу в высоком ботинке к одной груди Сэмми и чуть надавила — не ударила.

— Заткнись, лесба.

Младший отпустил мать Рори и отошел к Мелу, Картеру и Джорджии. Они смотрели на Барби. Младший последовал их примеру, думая о том, что повар постоянно сваливается им на голову. Мелькнула мысль, что Барби самое место в камере по соседству с Сэмом Бухло. Следом пришла новая мысль: быть копом — его призвание. Эта работа определенно излечивала от головной боли.

Расти взял половину рубашки Лестера и вновь разорвал пополам. Сложив в несколько слоев, уже собрался приложить к зияющей ране на лице мальчика, потом передумал, протянул сложенную материю отцу.

— Приложите к... — Слова едва вырвались: горло забивала собственная кровь. Расти вытолкнул ее обратно в рот. Отвернулся, выплюнул кровавую слюну на траву. Предпринял вторую попытку. — Приложите к ране, папа. Прижимайте. Второй рукой возьмитесь за шею сзади и прижимайте.

Ошалевший от случившегося, но стремящийся помочь, Олден Динсмор сделал все, как ему и сказали. Самодельный тампон тут же пропитался кровью, но мужчина чуть успокоился. Ему стало легче от собственной нужности. Обычная история.

Оставшийся кусок Расти сунул Лестеру:

— Еще!

Священник принялся рвать рубашку на более мелкие части. Расти поднял руку Динсмора и убрал первый тампон, промокший и уже бесполезный.

Шелли Динсмор, увидев пустую глазницу, закричала:

— Ох, мой мальчик! Мой мальчик!

Трусой, тяжело дыша, прибежал Питер Рэндолф. Тем не менее, опередив Большого Джима, который — помня о сердечных проблемах, — не торопясь, спускался по широкой тропе, протоптанной толпой по чуть наклонному полю. Он думал о том, какая же получается мутня. В будущем, решил Ренни, такие сборища должны проводиться только по предварительному разрешению. И если он будет иметь к этому хоть какое-то отношение (конечно, будет, всегда имел), получение такого разрешения выльется в немалые трудности.

— Отодвинь людей подальше! — рявкнул Рэндолф патрульному Моррисону. И как только тот повернулся, чтобы выполнить приказ, чиф обратился к толпе: — Пожалуйста, отойдите. Не мешайте оказывать первую помощь.

— Патрульные, выстроиться в шеренгу! — проревел Моррисон. —

Оттесняйте их! Любого, кто окажет сопротивление, в наручники!

Толпа начала медленно отступать.

Барби задержался:

— Мистер Эверетт... Расти... Помощь не нужна? Вы в порядке?

— Все хорошо, — ответил Расти, и по его лицу Барби понял все, что на тот момент требовалось знать: фельдшер в порядке, отделался разбитым носом; мальчик не в порядке и никогда уже не будет, даже если останется в живых. Расти положил свежий тампон на кровоточащую глазницу, прижал его рукой отца. — Вторую руку под шею. Давите. Давите сильнее.

Барби уже начал отходить, но тут мальчик заговорил.

— Это Хэллоуин. Ты не можешь... мы не можем...

Расти обмер, его руки, складывающие очередной тампон, застыли. Он словно вернулся в спальню дочерей, слушая крик Джанель: «Во всем виноват Большая Тыква!»

Расти повернулся к Линде. Она тоже слышала. Ее глаза округлились. Щеки, ранее пылающие, разом побледнели.

— Линда! — крикнул ей Расти. — Доставай рацию! Позвони в больницу! Скажи Твитчу, пусть приедет на «скорой».

— Огонь! — прокричал Рори высоким, вибрирующим голосом. Лестер смотрел на него, как, должно быть, Моисей — на неопалимую купину. — Огонь! Автобус в огне! Все кричат! Берегитесь Хэллоуина!

Толпа притихла, вслушиваясь в крики мальчика. Даже Джим Ренни их услышал. Он как раз добрался до последних рядов и начал проталкиваться к передним.

— Линда! Доставай рацию! — повторил Расти. — Нам нужна «скорая»!

Она вздрогнула, будто кто-то хлопнул в ладоши перед ее лицом. Сняла с ремня рацию.

Рори сполз на примятую траву, его начало трясти.

— Что происходит? — снова заволновался отец.

— Ох, дорогой Иисус, он умирает! — запричитала мать.

Расти наклонился над трясущимся, брыкающимся ребенком (стараясь не думать в этот момент о Джанни, но, разумеется, не мог не думать) и попытался поднять подбородок, чтобы не перекрылись дыхательные пути.

— Подключайтесь, папа, — обратился он к Олдену. — Не оставляйте меня одного. Суньте руку под шею. Зажимайте рану. Давайте остановим кровотечение.

Нажатие на рану могло привести к тому, что кусок пули, выбивший мальчику глаз, еще глубже уйдет в мозг, но Расти полагал, что поволноваться из-за этого он еще успеет. Если, конечно, мальчик не умрет прямо здесь, на траве.

Где-то вблизи — но ох как далеко — наконец-то заговорил один из солдат. Если и старше двадцати лет, то ненамного. Испуганный и печальный.

— Мы пытались его остановить. Он нас не послушал. Мы ничего не

могли сделать.

Пит Фримен, «Никон» которого болтался у колена, одарил юного воина горькой улыбкой:

— Мы это знаем. Если не знали раньше, то теперь точно знаем.

Прежде чем Барби успел слиться с толпой, Мел Сирлс схватил его за локоть.

— Убери руку, — мягко попросил Барби.

Сирлс обнажил зубы в злобной ухмылке.

— И не мечтай, говнюк. — Он повысил голос: — Чиф! Эй, чиф!

Питер Рэндолф, хмурясь, нетерпеливо повернулся к нему.

— Этот парень мешал мне, когда я пытался освободить место от посторонних. Могу я его арестовать?

Рэндолф уже открыл рот, чтобы сказать: «Не отнимай у меня время». Потом огляделся. Джим Ренни наконец-то пробился к тем, кто оставался рядом с раненым мальчиком. Одарил Барби холодным взглядом ящерицы, сидящей на камне, повернулся к Рэндолфу и чуть кивнул.

Мел это заметил. Его улыбка стала шире.

— Джекки! Я хочу сказать — патрульная Уэттингтон. Могу я позаимствовать у вас наручники?

Младший и остальные члены его команды лыбились. Все лучше, чем смотреть на истекающего кровью мальчишку, гораздо лучше, чем приглядывать за толпой молящихся кретинов и этими козлами с плакатами.

— Час расплаты, *Ба-а-а-арби*, — протянул Младший.

На лице Джекки отражалось сомнение.

— Пит... я хочу сказать — чиф... я думаю, этот парень только хотел по...

— В наручники его! — оборвал ее Рэндолф. — Потом разберемся, что он хотел сделать, а чего нет. Сейчас же я хочу навести здесь порядок. — Он возвысил голос: — Все закончилось, друзья! Вы развлеклись — и видите, к чему это привело! А теперь по домам!

Джекки снимала с ремня пластиковые наручники (она не собиралась отдавать их Мелу Сирлсу, сама надела бы их на запястья Барби), когда заговорила Джулия Шамуэй. Она стояла позади Рэндолфа и Большого Джима (тот даже оттолкнул ее локтем, пробираясь к месту событий).

— Я бы этого не делала, чиф Рэндолф, если только ты не хочешь, чтобы полицию ославили на первой странице «Демократа». — И она подарила ему свою фирменную улыбку Моны Лизы. — С учетом того, что эта работа для тебя внове и все такое.

— Что ты такое говоришь? — Рэндолф нахмурился, лицо изрезали

глубокие складки, которые не придавали ему шарма.

Джулия подняла фотоаппарат — тоже «Никон», но более старая модель, чем у Фримена.

— Я сделала несколько фотографий мистера Барбары, помогающего мистеру Эверетту с раненым мальчиком, пару — патрульного Сирлса, безо всякой надобности отталкивающего мистера Барбару... и одну — патрульного Сирлса, бьющего мистера Барбару по лицу. Также безо всякой надобности. Я — не очень хороший фотограф, но эта фотография у меня получилась. Не желаешь взглянуть, чиф Рэндолф? Это можно. Фотоаппарат цифровой.

Барби все больше восхищался Джулией: он не сомневался, что та блефует. Если она фотографировала, почему держала в левой руке крышку от объектива, будто только что ее сняла?

— Это ложь, чиф, — подал голос Мел. — Барби пытался ударить меня. Спросите Младшего.

— Я думаю, мои фотографии покажут, что молодой мистер Ренни помогал освобождать место вокруг мальчика и в момент удара стоял спиной к мистеру Барбаре и патрульному Сирлсу.

— Я могу забрать у тебя фотоаппарат. — Рэндолф мрачно смотрел на нее. — Как вещественную улику.

— Конечно, можешь, — радостно согласилась она, — и Пит Фримен сфотографирует тебя в этот момент. Потом ты сможешь забрать фотоаппарат Фримена... но все увидят, как ты это делаешь.

— На чьей ты стороне, Джулия? — Губы Большого Джима изогнула яростная улыбка. Улыбка акулы, готовой вцепиться в пухлую ягодицу зазевавшейся пловчихи.

Джулия улыбнулась в ответ, и глаза над этой улыбкой чистотой и наивностью не уступали глазам ребенка.

— А есть стороны, Джеймс? Помимо той, — она указала на наблюдающих солдат, — и этой?

Большой Джим не отрывал от нее глаз, его губы начали изгибаться в противоположную сторону, стирая улыбку. Потом он махнул рукой Рэндолфу.

— Будем считать, что проехали, мистер Барбара, — сказал чиф. — Погорячились.

— Благодарю, — ответил Барби.

Джекки дернула за рукав своего молодого напарника, который не сводил глаз с Барбары:

— Пошли, патрульный Сирлс. Тут все ясно. Давай и дальше

раздвигать круг.

Сирлс пошел с ней, но сначала повернулся к Барби и навел на него палец, склонив голову набок. *Мы еще не закончили, дорогуша.*

Подошли кассир супермаркета Тоби Мэннинг и Джек Эванс — с самодельными носилками из брезента и стоек для тента. Ромми открыл рот, чтобы спросить: а какого хрена они это сделали? Потом закрыл. Пикник все равно закончился, так какая разница?

Все, кто приехал на автомобилях, рассаживались в них, а потом попытались уехать одновременно.

Предсказуемо, думал Джо Макклэтчи. Абсолютно предсказуемо.

Большинство копов пытались разрулить мгновенно образовавшуюся пробку, хотя даже подростки (Джо стоял с Бенни Дрейком и Норри Кэлверт) могли сказать, что новоиспеченная пятерка понятия не имела, как это делается. И по теплему воздуху далеко разносились ругательства (*Не можешь, что ли, подать свою хреновину назад?*). Несмотря на давку, никто не жал на клаксон. Большинство, похоже, еще не пришли в себя.

— Посмотрите на этих идиотов, — подал голос Бенни. — И сколько галлонов бензина сейчас вылетает через выхлопные трубы? Наверное, они думают, что запасы бесконечны.

— Дело говоришь, — кивнула Норри, девчонка задиристая, бунтарка местного разлива, с прической маллет,^[62] да только сейчас выглядела она бледной, подавленной и испуганной. Норри взяла Бенни за руку. У Пугала Джо остановилось сердце, но уже через мгновение застучало вновь, потому что она взяла за руку и его.

— А вон идет парень, которого едва не арестовали, — указал Бенни свободной рукой.

Барби и женщина из газеты шли к импровизированной автомобильной стоянке вместе с шестьюдесятью или восьмьюдесятью горожанами. Несколько человек удрученно тащили за собой плакаты, с которыми недавно маршировали.

— Наша газетчица ничего, между прочим, не фотографировала, — сообщил своим друзьям Пугало Джо. — Я стоял у нее за спиной. Хитро.

— Да, — кивнул Бенни, — но мне все равно не хотелось бы оказаться на его месте. До того как эта бодяга закончится, копы могут творить все, что им вздумается.

И это правда, мысленно согласился с ним Джо. А новых копов он никак не мог отнести к хорошим парням. Например, Ренни-младшего. История об аресте Сэма Бухло уже ходила по городу.

— Что ты сказал? — переспросила Норри Бенни.

— Да ничего особенного. Все пока еще клево. — Он задумался. — Достаточно клево. Но если так будет продолжаться... Помните «Повелителя мух»? — Ребята читали эту книгу, чтобы сдать на отлично

экзамен по английскому языку и литературе. — «Бей свинью. Глотку режь. Добивай», — процитировал Бенни. — Люди обзывают копов свиньями, но я скажу вам, что думаю. Я думаю, копы находят свиней, когда начинает пахнуть жареным. Может, потому, что они, как и все, тоже боятся.

Норри Кэлверт вдруг разрыдалась. Пугало Джо обнял ее, осторожно, словно опасался, как бы это не привело к тому, что они оба взорвутся, но она повернулась к нему лицом и обхватила руками. Точнее, одной рукой, потому что второй по-прежнему держалась за Бенни. Джо подумал, что никогда в жизни не испытывал такого невероятного восторга, как в тот момент, когда ее слезы мочили его рубашку. Поверх ее головы с упреком посмотрел на Бенни.

— Извини. — Бенни похлопал Норри по спине. — Не бойся.

— Он остался *без глаза!* — сквозь слезы выкрикнула она. Грудь Джо частично заглушила слова. Потом Норри его отпустила. — Это уже не забава. Никакая не забава.

— Да. — Джо ответил таким голосом, будто открыл великую истину. — Не забава.

— Посмотрите, — воскликнул Бенни.

Твитч ехал на «скорой» по полю Динсмора, на крыше перемигивались красные огни. Его сестра, женщина, которой принадлежала «Эглантерия», шла впереди, направляя его в объезд самых глубоких рытвин. «Скорая» на поле, под ярким послеполуденным октябрьским солнцем — последний штрих.

Внезапно Пугалу Джо расхотелось протестовать. Но не возникало желания и возвращаться домой.

В тот момент он мечтал только об одном — выбраться из этого города.

Джулия сидела за рулем своего автомобиля, но не заводила двигатель: предстояло подождать, пока рассосется пробка, и ей не хотелось зазря жечь бензин. Она наклонилась мимо Барби, открыла бардачок, достала старую пачку «Американ спиритс».

— Аварийный запас. — В голосе звучали извиняющиеся нотки. — Закуришь?

Он покачал головой.

— А не возражаешь? Потому что я могу и потерпеть.

Он вновь покачал головой.

Джулия закурила, выпустила струю дыма в открытое окно. Температура воздуха не падала — стоял настоящий день бабьего лета — но долго так продолжаться не могло. Еще неделя или чуть больше, а потом погода изменится не в ту сторону, как говорили старожилы. *А может, и нет*, подумала Джулия. *Кто, на хрен, знает?* Если Купол останется на месте, метеорологи, она в этом не сомневалась, выдвинут множество версий насчет погоды внутри, но что с того? Гуру телевизионного канала погоды не могли предсказать, в какую сторону сместится буран, и, по мнению Джулии, не заслуживали большего доверия, чем политические гении, которые целыми днями балаболили за базарным столом в «Эглантерии».

— Спасибо, что заступилась за меня. — Барби повернулся к Джулии. — Спасла мой окорок.

— Прослушай экстренное сообщение, дорогой, — твой окорок по-прежнему висит в коптильне. Что ты собираешься сделать в следующий раз? Попросишь своего друга Кокса позвонить в Союз защиты гражданских свобод? Возможно, там этим заинтересуются, но едва ли кто-либо из портлендского отделения Союза сможет в ближайшее время побывать в Честерс-Милле.

— Не будь такой пессимисткой. Возможно, этим вечером Купол унесет к морю. Или он просто растает в воздухе. Мы не знаем.

— Это вряд ли. Тут видны уши государства — *какого-то* государства, и, готова спорить, твой полковник Кокс это знает.

Барби молчал. Он поверил Коксу, когда тот сказал, что США не несут ответственности за появление Купола. Не потому, что полковник пользовался у него абсолютным доверием. Просто Барби не думал, что

Америка располагает такими технологиями. Или какая другая страна, если на то пошло. Однако что он на самом деле знал о современных технологиях? Последние годы Барби служил в Ираке, угрожал тамошним и без того запуганным жителям, иной раз поднося пистолет к их головам...

Дружок Младшего, Френки Дилессепс, стоял на шоссе номер 119, помогал регулировать движение. Форменную синюю рубашку он надел поверх джинсов — должно быть, в полицейском участке не нашлось штанов подходящего для него размера. Длинный сукин сын. А Джулия увидела (ее это встревожило), что на бедре у него пистолет. Поменьше, чем «глок», которыми пользовались штатные копы Милла, вероятно, его собственный, но все равно пистолет.

— И что ты будешь делать, если за тобой придет этот парень из гитлерюгенда? — Она мотнула головой в сторону Френки. — Крики о полицейской жестокости тебе не помогут, если они притащат тебя в тюрьму и решат закончить начатое. В городе только два адвоката. Один в старческом маразме, а второй ездит на «бокстере», который Джим Ренни продал ему со скидкой.

— Я позабочусь о себе.

— О-о-ох, мачо.

— А что с твоей газетой? Когда я уходил вчера ночью, она выглядела готовой.

— Если по времени, то ты уходил уже утром. Да, она готова. Пит, и я, и еще несколько друзей... мы позаботимся о ее доставке. Я просто не видела смысла начинать, пока город на три четверти пустовал. Хочешь стать почтальоном-добровольцем?

— Я бы стал, но мне предстоит приготовить миллион сэндвичей. Вечером в ресторане только холодные закуски.

— Может, и я там буду. — Она выбросила сигарету, только наполовину выкуренную, в окно. Потом, после короткого раздумья, вышла из машины и затушила окурок. Не хватало им еще и травяного пожара, особенно теперь, когда новенькие пожарные машины застряли в Касл-Роке. — Я заезжала в дом чифа Перкинса. — Джулия вернулась за руль. — Только теперь это, естественно, дом Бренды.

— Как она?

— В ужасном состоянии. Но когда я сказала, что ты хочешь повидать ее, и по важному делу — хотя и не сказала, по какому именно, — она согласилась. Лучше после наступления темноты. Я полагаю, твой друг проявит нетерпение...

— Перестань называть Кокса моим другом. Он мне не друг.

Они молча наблюдали, как раненого мальчика загружают в «скорую». Солдаты тоже наблюдали. Вероятно, нарушая приказ, и отношение к ним Джулии определенно улучшилось. «Скорая» покатила через поле к дороге с включенной мигалкой.

— Это ужасно! — вырвалось у Джулии.

Барби обнял ее за плечи. На мгновение она напряглась, но тут же расслабилась. Смотрела прямо перед собой — на «скорую», которая уже выезжала на асфальт шоссе номер 119.

— Что будет, если они закроют меня, друг мой? Что, если Ренни и его карманная полиция решат закрыть мою маленькую газету?

— Этого не случится, — ответил Барби. Но засомневался. Он полагал, что каждый новый день в Честерс-Милле будет становиться Днем-когда-может-случиться-все, если Купол останется надолго.

— Ее тяготило что-то еще, — добавила Джулия Шамуэй.

— Миссис Перкинс?

— Да. Разговор у нас получился такой странный.

— Она скорбит о муже. Скорбь меняет людей. Я поздоровался с Джеком Эвансом — его жена погибла вчера, когда появился Купол, — и он посмотрел на меня так, будто никогда не видел, хотя с прошлой весны я по средам потчую его моим знаменитым мясным рулетом.

— Бренду Перкинс я знала еще Брендой Морс. Я думала, она скажет мне, что ее волнует... но Бренда не сказала.

Барби указал на дорогу:

— Пожалуй, уже можно ехать.

Едва Джулия завела двигатель, зазвонил ее мобильник. Она чуть не выронила сумку, так торопилась его достать. Послушала, потом передала Барби с ироничной улыбкой:

— Это тебя, босс.

Звонил Кокс, и ему было что сказать. Даже много чего. Барби прервал его только для того, чтобы сообщить о случившемся с мальчиком, которого увезли в «Кэтрин Рассел», но Кокс или не связал историю Рори Динсмора с тем, что говорил сам, или не захотел связать. Выслушал скорее из вежливости, потом продолжил. А закончив, задал вопрос, который прозвучал бы как приказ, если бы Барби носил форму и служил под его командованием.

— Сэр, я понимаю, что вы просите, но вы не в курсе... скажем так, здешней политической ситуации. И моей маленькой роли. До появления Купола у меня здесь возникли некоторые сложности и...

— Нам это известно, — прервал его Кокс. — Стычка с сыном второго

члена городского управления и его друзьями. Тебя едва не арестовали, если верить лежащему передо мной досье.

Досье. У него уже есть досье. Да поможет мне Бог.

— Да уж, разведка у вас прекрасная, но позвольте кое-что добавить. Первое: начальник полиции, который спас меня от ареста, умер на Сто девятнадцатом шоссе, кстати, недалеко от того места, откуда я с вами говорю...

Из того мира, куда он сейчас не мог попасть, до Барби донеслось едва слышное шуршание бумаги. Внезапно ему захотелось голыми руками убить полковника Джеймса Оу Кокса, потому что полковник Джеймс Оу Кокс мог пойти в «Макдоналдс», если возникало такое желание, а он, Дейл Барбара, не мог.

— Мы знаем и об этом, — раздалось в трубке. — Проблема с кардиостимулятором.

— Второе, — продолжил Барби, — новый чиф, дружан единственного обладающего властью члена городского управления, нанял новых помощников. Тех самых парней, которые пытались оторвать мне голову на парковке у местного ночного клуба.

— Знаешь, полковник, ты должен подняться выше этого.

— Почему вы называете меня полковником? Это вы — полковник.

— Поздравляю. Ты не только вновь призван на службу, но и получил фантастическое повышение.

— Нет! — взревел Барбара. Джулия в тревоге смотрела на него, но он ничего не замечал. — Я не хочу!

— Да, но ты должен, — спокойно ответил Кокс. — Я собираюсь переслать по электронной почте копии всех бумаг твоей подруге-редактору, прежде чем мы отключим от Интернета твой маленький городок, которому так не повезло.

— Отключите? Вы не можете этого сделать!

— Приказ о присвоении тебе нового звания подписан самим президентом. Ты намерен сказать «нет» ему? Насколько я знаю, президент становится весьма злобным, если ему перечат.

Барби не ответил. Голова у него шла кругом.

— Тебе надо пойти к этому члену управления и к начальнику полиции, — продолжил Кокс. — Тебе надо сказать им, что президент США ввел военное положение в Честерс-Милле и назначил тебя старшим офицером. Я понимаю, что поначалу ты встретишь сопротивление, но информация, которую я тебе сообщил, поможет тебе утвердиться в роли связующего звена города с внешним миром. И я знаю, что убеждать ты

умеешь. Видел это своими глазами в Ираке.

— Сэр, вы неправильно оцениваете местную ситуацию. — Свободной рукой Барбара провел по волосам. Ухо горело от этого злогребучего мобильника. — Вам понятна идея Купола, но не того, что происходит в городе в результате его появления. А ведь прошло меньше тридцати часов.

— Так проясни ситуацию.

— Вы говорите, президент хочет, чтобы я это сделал. Допустим, я позвонил ему отсюда и сказал, что он может поцеловать мой благоухающий зад? — Джулия в ужасе посмотрела на него, но Барби это только вдохновило. — Допустим, я сказал ему, что я тайный агент «Аль-Каиды» и собрался убить его — пух, и пуля в голове. Как насчет этого?

— Капитан Барбара... то есть полковник Барбара... вы наговорили достаточно.

Барби так не считал.

— Сможет он послать ФБР, чтобы схватить меня? Секретную службу? Чертову Красную армию? Нет, сэр. Не сможет.

— У нас есть планы по изменению сложившейся ситуации, как я только что объяснил. — Легкость и добродушие улетучились из голоса Кокса, он более не говорил с давним другом.

— Если ваш план приведет к желаемому результату, присылайте агентов любого федерального ведомства, чтобы арестовать меня. Но если мы останемся отрезанными, кто меня слушает? Поймите же наконец: *этот город отрезан*. Не только от Америки, но и от всего мира. С этим мы ничего не можем поделать, но и вы тоже ничего не можете.

— Мы пытаемся вам помочь, — мягко указал Кокс.

— Вы так говорите, и я почти вам верю. А остальные поверят? Когда люди смотрят, какую помощь им оказывают за счет налогов, которые они платят, то видят солдат, стоящих на страже, повернувшись к городу спиной. И это кое-что для жителей Честерс-Милла значит.

— Ты слишком много говоришь для человека, который отказывается от порученного ему дела.

— Я не отказываюсь. Но я всего в шаге от ареста, и если объявлю себя временным комендантом города, мне это не поможет.

— Допустим, я позвоню первому члену городского управления... как там его фамилия... Сандерс... и скажу ему...

— Именно поэтому я и говорил, что вы ничего не знаете. У нас все тот же Ирак, только на этот раз вы в Вашингтоне, а не в гуще событий, и, похоже, так же беспомощны, как и остальные кабинетные солдаты. Отрывочные разведданные хуже, чем полное отсутствие разведданных.

— Полузнание опасно, — проворковала Джулия.

— Если не Сандерс, то кто?

— Джеймс Ренни. *Второй* член городского управления. В этих местах он Босс Хог.^[63]

Последовала пауза, после которой Кокс заявил:

— Пожалуй, мы сможем оставить вам Интернет. Некоторые из нас придерживаются мнения, что отрезать его — неадекватная реакция.

— С чего это? Разве вы не понимаете, что рецепт клюквенного хлеба тетушки Сары рано или поздно перестанет быть секретом, если вы позволите нам оставаться в Сети?

Джулия выпрямилась и губами, не издавая ни звука, спросила: «Они собираются отключить Интернет?»

Барби предупреждающе поднял палец: «Подожди».

— Выслушай меня, Барби. Допустим, мы позвоним этому Ренни и скажем ему, что отключаем Интернет: извините, кризисная ситуация, экстремальные меры, и так далее, и так далее. Потом ты сможешь убедить его в своей незаменимости, раз уж вроде как добился того, что мы изменили свое решение.

Барби задумался. Могло сработать. На какое-то время. Могло и не сработать.

— Плюс, — добавил Кокс, заметно оживляясь, — ты сообщишь им и другую информацию. Может, спасешь несколько жизней и уж точно спасешь от самого жуткого в жизни страха.

— Мобильная связь тоже должна работать, как и Интернет.

— Это сложно. Насчет Сети я пообещать могу, но... Послушай, в том комитете, который все это разгребает, заседают как минимум пять кертисов лемеев.^[64] И пока не доказано обратное, они убеждены, что все жители Честерс-Милла — террористы.

— И чем эти гипотетические террористы могут навредить Америке? Взорвать вместе с собой церковь Конго?

— Барби, ты ломишься в открытую дверь.

Скорее всего Кокс говорил чистую правду.

— Ты это сделаешь?

— Я вам отвечу при нашем следующем разговоре. Дождитесь моего звонка, прежде чем что-нибудь предпринимать. Сначала я должен поговорить с женой погибшего начальника полиции.

У Кокса нашелся еще один вопрос:

— Надеюсь, ты оставишь при себе ту часть разговора, что касалась

политической сделки?

И опять Барби поразился, сколь мало даже Кокс — по армейским стандартам, вольнодумец — понимает, какие изменения уже вызвал Купол. Здесь привычная Коксу секретность не играла никакой роли.

Мы против них, подумал Барби. Теперь мы против них. Если только их безумная идея не сработает.

— Сэр, мне действительно придется вам перезвонить. Аккумулятор практически разрядился. — Ложь не вызвала угрызений совести. — И вам придется подождать моего следующего звонка, прежде чем говорить с кем-то еще.

— Только помни, что большой взрыв назначен на тринадцать ноль-ноль завтрашнего дня. Если ты хочешь утвердить свое старшинство, тебе лучше заранее объявить об этом.

Утвердить старшинство. Еще одна бессмыслица под Куполом. Если речь идет не о том, что именно твой генератор будет обеспечен пропаном.

— Мы вскоре поговорим. — И Барби захлопнул мобильник до того, как Кокс успел сказать что-то еще.

119-е практически опустело, хотя Дилессепс оставался там, скрестив руки на груди. Привалился к борту ретро-автомобиля с мощным двигателем. Когда Джулия проезжала мимо «шевроле-новы», Барби заметил наклейку: «ЗАДНИЦА, БЕНЗИН ИЛИ ТРАВКА — НА ХАЛЯВУ НЕ ПОДВОЖУ». При этом на приборном щитке лежала съемная полицейская мигалка. Барби подумал, что увиденное — наглядная иллюстрация нынешних отличий Честерс-Милла от обычного американского городка.

По пути Барби пересказал Джулии разговор с Коксом.

— То, что они планируют, по существу, не отличается от проделанного мальчиком. — В ее голосе слышался ужас.

— Нет, отличия есть. Мальчик воспользовался винтовкой. У них наготове крылатая ракета. Считай, что это проверка теории Большого Взрыва.

Джулия улыбнулась. Только не как всегда, а растерянно и недоуменно. И с такой улыбкой выглядела на все шестьдесят, а не на сорок три года.

— Судя по всему, вторую газету мне придется выпустить раньше, чем я думала.

Барби кивнул:

— Экстренный выпуск, экстренный выпуск, прочитайте об этом все.

— Привет, Сэмми! — обратился к ней кто-то. — Как ты?

Саманта Буши голоса не узнала и осторожно повернулась, поправив сумку-кенгуру. Литл Уолтер спал и весил тонну. Зад болел после падения, и она чувствовала себя оскорбленной — эта чертова Джорджия Ру обозвала ее лесбой. Джорджия Ру, которая не раз и не два, скуля, приходила в ее трейлер, чтобы разжиться восьмушкой^[65] для себя и того накачанного урода, с которым жила.

Как выяснилось, к ней подходил отец Доди. Сэмми говорила с ним тысячу раз, но не узнала голос; едва узнала его самого. Выглядел он старым и печальным — каким-то разбитым. Даже не посмотрел на ее буфера, первый раз.

— Привет, мистер Сандерс. Ой, я даже не видела вас на... — Она махнула рукой в сторону поля и большого тента, который наполовину сложился и выглядел жалким. Почти таким же жалким, как мистер Сандерс.

— Я сидел в тени. — Все тот же запинаящийся голос и страдальческая, виноватая улыбка, на которую больно смотреть. — Хотя у меня было что выпить. Не слишком ли тепло для октября? Да, конечно. Я думал: такой хороший день — очень подходящий для городских мероприятий... пока этот мальчик...

Ух ты, он плакал!

— Я очень сожалею, что так вышло с вашей женой, мистер Сандерс.

— Спасибо тебе, Сэмми. Ты такая добрая. Помочь тебе отнести ребенка к машине? Думаю, ты уже можешь ехать, дорога почти полностью освободилась.

От этого предложения Сэмми отказаться не могла, пусть мистер Сандерс и плакал. Вытащила Литл Уолтера из сумки-кенгуру — все равно что достала большой ком теплого теста — и передала отцу Доди. Литл Уолтер открыл глаза, сонно улыбнулся, рыгнул и продолжил спать.

— Я думаю, он наложил полный подгузник, — заметил мистер Сандерс.

— Да, кладет без передышки. Добрый Литл Уолтер.

— Уолтер — очень милое, старомодное имя.

Говорить, что первое имя мальчика Литл, смысла не имело... и она точно знала, что такой разговор у них уже был. Сандерс просто не помнил.

И идти с ним — пусть он и нес ребенка — идеальное обломное завершение этого идеального обломного дня. По крайней мере Сандерс не ошибся насчет дороги: автомобильный рой разлетелся. Сэмми задалась вопросом: а сколько пройдет времени, прежде чем весь город пересядет на велосипеды?

— Мне никогда не нравились эти ее летные уроки. — Сандерс, похоже, продолжил, только вслух, какой-то внутренний разговор. — Иногда я даже спрашивал себя: а не спит ли Клоди с этим парнем?

Мать Доди, спящая с Чаком Томпсоном? Эта идея шокировала и заинтриговала Сэмми.

— Наверное, нет. — Он вздохнул. — В любом случае теперь это значения не имеет. Ты не видела Доди? Прошлой ночью она не пришла домой.

С губ Сэмми едва не слетело: «Конечно, видела — вчера днем». Но если Додестер не ночевала дома, ее слова только встревожили бы папашку Доди. И Сэмми пришлось бы долго-долго говорить с человеком, по лицу которого катились слезы, а из одной ноздри свешивалась сопля. Ее такая перспектива не устраивала.

Они дошли до автомобиля Сэмми, старенького «шевроле» с изъеденными ржавчиной порожками. Сэмми взяла Литл Уолтера, поморщилась от вони. В подгузнике лежала не просто почта, а, похоже, увесистая посылка.

— Нет, мистер Сандерс, я ее не видела.

Он кивнул, вытер нос тыльной стороной ладони. Сопля исчезла или перекечевала куда-то еще. Что радовало.

— Наверное, она поехала в торговый центр с Энджи Маккейн, а потом к тете Пег в Сабаттас, когда поняла, что в город вернуться нельзя.

— Да, вероятно. — И когда Доди объявится в Милле, это будет для него приятным сюрпризом. Видит Бог, он того заслуживал. Сэмми открыла дверцу и положила Литл Уолтера на переднее пассажирское сиденье. Детским сиденьем Сэмми давно перестала пользоваться. Слишком много хлопот. Кроме того, ездила она очень аккуратно.

— Рад, что повидался с тобой, Сэмми. — Пауза. — Ты помолишься за мою жену?

— Э-э-э... конечно, мистер Сандерс. Никаких проблем.

Она уже собралась сесть за руль, но тут кое-что вспомнила: во-первых, Джорджия Ру двинула ей в грудь подошвой высокого ботинка — вероятно, достаточно сильно, чтобы остался синяк; а во-вторых, Энди Сандерс, с разбитым сердцем или нет, оставался первым членом городского управления.

— Мистер Сандерс!

— Да, Сэмми?

— Некоторые из копов вели себя довольно грубо. Возможно, вы захотите что-то с этим сделать. До того как ситуация выйдет из-под контроля.

Печальная улыбка не сходила с лица Сандерса.

— Да, Сэмми, я понимаю отношение молодежи к полиции, сам был молодым, но сейчас у нас крайне тяжелая ситуация. И чем быстрее мы наведем порядок, тем будет лучше для всех. Ты это понимаешь, так?

— Конечно. — Сэмми поняла другое: никакое горе, даже искреннее, не могло остановить поток дерьма, который лился из политика. — Ладно, еще увидимся.

— Они — хорошая команда, — рассеянно продолжал Энди. — Пит Рэндолф проследит, чтобы они действовали сообща. Лили воду на общую мельницу. Дули в одну дуду. Защищали и служили, ты знаешь.

— Конечно, — кивнула Сэмми. Защищали и служили, а по ходу еще и пинали в грудь.

Она отъехала. Литл Уолтер спал на переднем сиденье. Жутко воняло детским говном. Сэмми опустила все стекла, потом посмотрела в зеркало заднего обзора. Мистер Сандерс по-прежнему стоял на импровизированной парковке, теперь практически полностью опустевшей. Он помахал ей рукой.

Сэмми ответила тем же, гадая, где провела ночь Доди, если не пришла домой. Потом отмела эти мысли — ее это совершенно не касалось — и включила радиоприемник. Но ловилось только Иисусово радио, поэтому приемник она выключила.

Когда перевела взгляд на дорогу, увидела Френки Дилессепса, который стоит перед ней, подняв руку, словно настоящий коп. Ей пришлось резко нажать на педаль тормоза, чтобы не сбить его, а потом протянуть руку к ребенку, удерживая от падения. Литл Уолтер проснулся и заревел.

— Посмотри, что ты сделал! — закричала она на Френки (с которым однажды устроила двухдневный загул в старшей школе, когда Энджи уехала в спортивный лагерь). — Ребенок чуть не свалился на пол!

— А где его сиденье? — Френки всунул руку в окно, играя бицепсами.

Большие мышцы, маленький член, вот и весь Френки Дилессепс. Сэмми несколько не завидовала Энджи.

— Не твое собачье дело.

Настоящий коп выписал бы ей штраф — как за длинный язык, так и за нарушение закона о перевозке в автомобиле малолетних детей, — но

Френки только усмехнулся.

— Энджи не видела?

— Нет. — Тут она сказала правду. — Вероятно, ее отрезало, и она не может вернуться в город. — Хотя Сэмми казалось, что отрезало тех, кто остался в городе.

— Машина Энджи на месте. Я заглядывал в гараж.

— Большое дело. Они, вероятно, куда-то поехали на «киа» Доди.

Он задумался над ее словами. На дороге они остались практически одни. Транспортная пробка осталась воспоминанием.

— Джорджия сильно вдарила тебе по сиське, беби. — И прежде чем Сэмми успела ответить, протянул руку и ухватился за ее грудь. Тоже грубо. — Хочешь, чтобы я ее поцеловал?

Она ударила его по руке. Справа от нее орал Литл Уолтер. Иногда Сэмми задавалась вопросом: а для чего Бог создал мужчин? Действительно задавалась. Они только орали или лапали, лапали или орали.

Френки больше не улыбался:

— Ты руки не распускай. Теперь все иначе.

— А что ты мне сделаешь? Арестуешь?

— Я придумаю что-нибудь получше. Проваливай отсюда. А если столкнешься с Энджи, скажи ей, что я хочу ее видеть.

Она уехала, разъяренная и — ей не хотелось признаваться в этом даже себе, но да — немного испуганная. Проехав полмили, остановилась и сменила подгузник Литл Уолтеру. В багажнике лежал мешок для использованных подгузников, но она слишком разозлилась, чтобы вылезать за ним. Вместо этого выбросила обгаженный памперс на обочину, рядом с большим щитом-указателем:

САЛОН ПОДЕРЖАННЫХ АВТОМОБИЛЕЙ ДЖИМА РЕННИ

ЗАРУБЕЖНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ПОПРО\$ИТЕ У НА\$ КРЕДИТ

С ТАЧКОЙ БУДЕТ ВАМ ВЕЗУХА — БОЛЬШОЙ ДЖИМ ТОМУ ПОРУКА

Сэмми обогнала нескольких подростков на велосипедах и вновь задалась вопросом: сколько пройдет времени, прежде чем на них пересядут все? Да только до этого бы не дошло. Кто-то обязательно что-нибудь придумает, как в любом из фильмов-катастроф, которые она, обкурившись, обожала смотреть по телевизору: вулканы, извергающие лаву в Лос-Анджелесе, зомби в Нью-Йорке. И, когда все вернется на круги своя, Френки и Картер Тибодо станут теми же, что и прежде: лузерами из маленького городка, в карманах которых пусто или звякает мелочишка. А

пока ей лучше не высовываться.

И Сэмми полагала, что поступила правильно, ничего не сказав о Доди.

Расти слушал торопливое пиканье монитора давления крови и понимал, что они теряют мальчика. Собственно, они теряли его с того момента, как привезли на «скорой» в больницу — черт, с того момента, как пуля рикошетом отлетела от Купола, — но пиканье монитора превратило правду в газетный заголовок. Рори следовало бы вертолетом доставить в первоклассную, оборудованную всем необходимым больницу оттуда, где он получил ранение. Вместо этого его привезли в операционную, где никогда не проводили операции на мозге, где было слишком жарко (кондиционеры отключили, чтобы сократить расход пропана), а оперировал мальчика врач, которому давно следовало уйти на пенсию, и ассистировали ему фельдшер, никогда не имевший дела с нейрохирургией, и единственная измученная медсестра, которая как раз подала голос:

— Мерцание желудочков, ^[66] доктор Хаскел.

Сердечный монитор присоединился к монитору кровяного давления. Теперь они плакали хором.

— Я знаю, Джинни, я не труп. — Он помолчал. — То есть не глух. Господи.

Какие-то мгновения доктор и Расти смотрели друг на друга поверх накрытого простыней мальчика. Ясные, понимающие, что к чему, глаза Хаскела разительно отличались от глаз вооруженного стетоскопом человека, который обычно бледной тенью бродил по коридорам и палатам «Кэтрин Рассел». Но он все равно выглядел таким старым и хрупким.

— Мы пытались, — успокаивал его Расти.

Честно говоря, Хаскел не просто пытался; он напомнил Расти один из спортивных романов, которые ему так нравились в юности: стареющий питчер выходит из разминочной зоны, чтобы еще раз ухватить за хвост удачу в седьмой игре «Мировой серии». Но Расти и Джинни Томлинсон в этом действе годились только на роль зрителей, а старый боевой конь просто не мог рассчитывать на счастливый исход.

Расти начал с вливания солевого раствора, добавил маннитол, чтобы уменьшить отек мозга. Хаскел буквально выбежал из операционной, чтобы сделать анализ крови в лаборатории, расположенной в конце коридора, клинический анализ крови. Сделать это мог только Хаскел: Расти не имел необходимых навыков, а лаборанты отсутствовали. В «Кэтрин Рассел» катастрофически не хватало персонала. Расти подумал, что сын Динсморов

станет лишь первым взносом из того счета, который придется оплатить городу за дефицит медиков.

Выяснилось, что крови четвертой группы с отрицательным резусом в их небольших запасах не было вовсе. Зато имелась кровь первой группы, универсального донора, и они использовали четыре дозы цельной крови из располагаемых тринадцати. Пока в мальчика вливалась кровь, Хаскел отправил Джинни в маленькую каморку, которая служила больничной библиотекой. Медсестра вернулась с потрепанной книгой: «Нейрохирургия: Общие сведения».

Хаскел оперировал, положив книгу рядом с собой. Ушная воронка придавливала страницы, чтобы они не переворачивались. Расти подумал, что никогда не забудет визга пилы и запаха костной пыли в неестественно теплом воздухе, а также сгустка желеобразной крови, который вывалился из головы мальчика после того, как Хаскел вытащил костяную пробку.

Несколько минут Расти даже позволил себе надеяться на успех. Просверленная дыра позволила снизить давление гематомы, и физиологические показатели Рори стабилизировались... или показали тенденцию к стабилизации. Потом, когда Хаскел пытался определить, находится ли фрагмент пули в пределах досягаемости, все вновь покатилося под гору, и быстро.

Расти подумал о родителях, ждущих и надеющихся, хотя и понимающих, что никакой надежды быть не может. Левая дверь операционной вела к палате реанимации, и родители, войдя в последнюю по разрешению врача, могли взглянуть на сына. Но похоже, путь Рори лежал в правую дверь, к моргу.

— Будь это обычное время, я бы включил систему жизнеобеспечения и поговорил бы с родителями о донорстве органов, — сказал Хаскел. — Но разумеется, в обычное время он находился бы не здесь, а совсем в другом месте. И даже если бы попал сюда, я бы не пытался оперировать его, руководствуясь этим чертовым описанием. — Он взял ушную воронку и зашвырнул ее через комнату. Она ударилась о зеленые кафельные плитки, отбила кусок одной и упала на пол.

— Вы хотите ввести адреналин, доктор? — спросила Джинни. Спокойная, хладнокровная, сдержанная, но едва держащаяся на ногах от усталости.

— Я выразился недостаточно ясно? Не хочу затягивать агонию ребенка. — Хаскел протянул руку к красному выключателю на задней стенке аппарата искусственного дыхания. Какой-то остряк, наверное, Твитч, украсил его наклейкой «УР-Р-РА!». — Желаете высказать

противоположное мнение, Расти?

Тот обдумал вопрос, потом медленно покачал головой. Тест Бабинского дал положительный результат, показывая серьезные повреждения мозга, но главная причина состояла в том, что у них не было ни единого шанса. Причем с самого начала.

Хаскел повернул выключатель. Рори Динсмор один раз вдохнул сам, вроде бы попытался сделать второй вдох... и сдался.

— Это случилось... — Хаскел посмотрел на большие настенные часы, — в семнадцать пятнадцать. Укажешь время смерти, Джинни?

— Да, доктор.

Хаскел снял маску, и Расти с тревогой отметил, что губы у старика посинели.

— Пошли отсюда, — сказал Хаскел. — Жара меня убивает.

Но убила его не жара, а сердце. Он упал в коридоре, направляясь к Олдену и Шелли, чтобы сообщить им трагическую весть. Расти сделал укол адреналина, но тот не помог. Как не помог и закрытый массаж сердца, и дефибрилляция. Время смерти — семнадцать сорок девять. Рон Хаскел пережил своего последнего пациента ровно на тридцать четыре минуты.

Расти сидел на полу, привалившись спиной к стене. О смерти сына родителям Рори сообщила Джинни. С того места, где, закрыв лицо руками, сидел Расти, он слышал крики горя и печали, вырывавшиеся из груди Шелли. Они далеко разносились по практически пустой больнице. И казалось, никогда не смолкнут.

Барби подумал, что в молодости жена чифа была потрясающе красивой женщиной. Даже теперь, с темными мешками под глазами и в первой попавшейся под руку одежде (линялых джинсах и пижамной куртке). Бренда Перкинс выглядела ослепительной. По его убеждению, умные люди редко теряли красоту — если уж природа им ее подарила, — а в глазах Бренды светился живой ум. И что-то еще. Она, конечно, скорбела по мужу, но скорбь не лишила ее любопытства. И в данный момент именно он, Барби, представлял для нее интерес.

Поверх его плеча она смотрела на автомобиль Джулии, отъезжающий задним ходом. Вскинула руки, как бы спрашивая: «Ты куда?»

Джулия выглянула из окна.

— Должна убедиться, что газету развозят. Еще надо заглянуть в «Эглантерию» и передать Энсону Уилеру плохие новости — этим вечером сэндвичи придется готовить ему! Не волнуйся, Брен, Барби не опасен! — И прежде чем Бренда успела ответить или запротестовать, Джулия уже ехала по Морин-стрит, женщина, которой хватало дел.

Барби очень хотел находиться рядом с ней, очень хотел, чтобы его вечерняя программа ограничивалась сорока сэндвичами с ветчиной и сыром и сорока — с тунцом.

Когда Джулия уехала, Бренда вернулась к расспросам. Они стояли по разные стороны входной двери, и Барби чувствовал себя как кандидат на работу перед серьезным собеседованием.

— Правда? — спросила Бренда.

— Простите, мэм?

— Вы не опасны?

Барби обдумал вопрос. Двумя днями раньше ответил бы положительно, но сейчас чувствовал себя скорее солдатом в Фаллудже, нежели поваром в Честерс-Милле. В результате ответил, что он одомашненный, вызвав у нее улыбку.

— Что ж, придется мне выносить собственное суждение. Хотя теперь я не уверена, что оно будет правильным. Я понесла утрату.

— Знаю, мэм. И очень сожалею.

— Благодарю. Его похоронят завтра. Вынесут из нашего паршивенького маленького похоронного бюро, которое каким-то образом продолжает держаться на плаву, хотя весь город пользуется услугами бюро

Кросмана в Касл-Роке. В городе «Похоронное бюро Боуи» называют «Похоронным сараем Боуи». Стюарт — идиот, а его брат Фернолд того хуже, но, кроме них, у нас никого нет. У меня никого нет. — Она вздохнула, словно женщина, которой предстоит большая работа.

И почему нет? — подумал Барби. *Смерть любимого проявляет себя во многом, но в любом случае это тяжелый труд.*

Она удивила его, спустившись с крыльца.

— Пойдемте во двор, мистер Барбара. Я, возможно, приглашу вас в дом, но позже, если буду в вас уверена. Обычно я полностью доверяю рекомендациям Джулии, но время сейчас необычное. — Бренда повела его вдоль дома, по выкошенной лужайке, с которой сгребли все осенние листья. Справа дощатый забор отделял дом Перкинсов от соседнего участка, по левую руку Барби видел ухоженные клумбы. — Цветами у нас занимался муж. Полагаю, вам представляется, что это странное хобби для защитника правопорядка.

— Я так не думаю.

— И я не думала. Но мы все равно в меньшинстве. В маленьких городках с воображением не очень. Грейс Металиус и Шервуд Андерсон^[67] в этом совершенно правы. Опять же, — они обогнули угол и вышли на просторный двор, — здесь темнеет чуть позже. Генератор у меня есть, но утром он сдох. Закончился газ, как я понимаю. Один запасной баллон имеется, но я не знаю, как его подсоединить. Я пилила Гови за этот генератор. Он хотел научить меня, как его обслуживать. Я отказывалась учиться. В пику ему главным образом. — Слеза из одного глаза медленно поползла по щеке. Бренда рассеянно смахнула ее. — Я бы теперь извинилась перед ним, если б могла. Но не могу, так?

Барби знал, что риторические вопросы ответа не требуют.

— Это же переносной баллон. Я могу его заменить.

— Благодарю вас. — Она подвела его к столу, рядом с которым стояла сумка-холодильник. — Я хотела попросить об этом Генри Моррисона и собиралась купить в «Берпи» запасные баллоны, но к тому времени, когда собралась, «Берпи» уже закрылся, а Генри уехал на поле Динсмора вместе со всеми. Вы думаете, завтра я смогу купить баллоны с газом?

— Возможно. — Но Барби, честно говоря, сомневался.

— Я слышала о мальчике. Джина Буффалино из соседнего дома зашла и рассказала мне. Мне так жаль. Он выживет?

— Не знаю, — ответил Барби, но, поскольку интуиция подсказывала, что честность — самый прямой путь к завоеванию доверия этой женщины, добавил: — Думаю, что нет.

— Нет. — Бренда вздохнула, вновь вытерла глаза. — Нет... Это плохо. — Она открыла сумку-холодильник. — У меня вода и диет-кола. Единственный прохладительный напиток, который я разрешала пить Гови. Чему отдадите предпочтение?

— Мне воду, мэм.

Она открыла две бутылки «Поланд спринг». и они выпили. Бренда взглянула на него грустными любопытными глазами:

— Джулия сказала мне, что вам нужен ключ от здания муниципалитета. Я понимаю, зачем он вам нужен. Я также понимаю, почему вы не хотите, чтобы об этом узнал Джим Ренни...

— Возможно, его придется поставить в известность. Ситуация изменилась. Видите ли...

Она подняла руку и покачала головой. Барби замолчал.

— Прежде чем вы мне это скажете, я хочу знать, что у вас произошло с Младшим и его друзьями.

— Мэм, разве ваш муж...

— Гови редко говорил о своих делах, но об этом происшествии рассказал. Думаю, его случившееся встревожило. Я хочу услышать, совпадет ли ваша история с рассказом Гови. Если да, мы поговорим и обо всем остальном. Если нет, я предложу вам уйти, хотя, возможно, бутылку с водой вы сможете унести с собой.

Барби указал на маленькую красную пристройку у левого угла дома:

— Это ваш генератор?

— Да.

— Если, рассказывая, я буду менять баллон, вы меня услышите?

— Да.

— И вы хотите знать все, так?

— Да, конечно. И если вы еще раз назовете меня «мэм», я огрею вас бутылкой.

Дверь в каморку с генератором удерживалась на месте сверкающим латунным крючком. Мужчина, который жил здесь до вчерашнего дня, поддерживал на участке идеальный порядок... хотя с пропаном опростоволосился. Барби решил, что на следующий день попытается раздобыть Бренде несколько баллонов пропана, как бы ни закончился этот разговор.

А тем временем, обратился он к себе, расскажи ей все, что она хочет знать о том вечере. Рассказывать Барби было легче, повернувшись к Бренде спиной. Не очень-то хотелось признаваться в причине случившегося: Энджи Маккейн решила, что с ним можно перепихнуться,

как и с любым другим.

Правила «солнышка», [\[68\]](#) напомнил он себе и начал.

Самые яркие воспоминания, оставшиеся у него от прошлого лета, — песня Джеймса Макмертри, которая, похоже, звучала на всех углах. «Разговор на “Тексако”», так она называлась. Строка, которую он запомнил лучше всего: «Мы все должны знать наше место». После того как Энджи стала прислоняться к нему вплотную, когда он готовил, или прижималась грудью к его руке, если тянулась к чему-то уже приготовленному, эта строчка постоянно приходила на ум. Он знал, кто ее дружок, и он знал, что Френки Дилессепс — часть властной структуры города, хотя бы благодаря дружбе с сыном Большого Джима Ренни. Дейл Барбара, с другой стороны, мало чем отличался от бродяги. В заведенном порядке места ему просто не было.

Как-то вечером она провела рукой по его бедру, ухватила за промежность и чуть сжала. Он отреагировал, и по ее злорадной улыбке понял, что реакция не осталась незамеченной.

— Ты можешь сделать то же самое. Если хочешь. — Они стояли на кухне, и она приподняла подол юбки, короткой юбки, давая ему возможность взглянуть на розовые, с оборочками, трусики. — Тебе и мне приятно.

— Я пас, — ответил Барби, и она показала ему язык.

Такое случалось с ним на кухнях пяти или шести ресторанов, и он иной раз даже подыгрывал. Обычно это говорило лишь о том, что молодая девушка решила пофлиртовать с более старшим и довольно-таки симпатичным парнем, работавшим вместе с ней. Но потом Энджи и Френки разбежались, и как-то вечером, уже после закрытия, когда Барби выливал помой в бак, она перешла к более активным действиям.

Он отвернулся от мусорного бака, и Энджи обхватила его руками за шею и поцеловала. Поначалу Барби ответил на поцелуй. Она опустила одну руку, чтобы взять его руку и положить себе на грудь. Это отрезвило Барби. Грудь была хорошая, юная и упругая, но могла навлечь на него беду. Энджи могла навлечь на него беду. Он попытался отстраниться, но она вцепилась в него (ногти уже впивались в шею) и попыталась прижаться к нему бедрами. Тут Барби ее оттолкнул, может, чуть сильнее, чем собирался. Энджи отбросило на мусорный бак. Она зло посмотрела на него, коснулась джинсов на заднице, злости во взгляде прибавилось.

— Спасибо тебе! Теперь у меня все штаны в дерьме!

— Ты должна знать, когда лучше дать задний ход, — сухо ответил он.

— Тебе понравилось!

— Возможно, но ты мне не нравишься. — Барби увидел, что злости и обиды во взгляде прибавилось, и добавил: — То есть ты мне нравишься, но не в этом смысле.

Четыре вечера спустя в «Дипперсе» кто-то сзади вылил стакан пива ему на рубашку. Повернувшись, он увидел Френки Дилессепса.

— Тебе это понравилось, *Ба-а-арби*? Если да, я могу сделать это снова... сегодня кувшин стоит два бакса. Разумеется, если не понравилось, мы можем выйти на улицу.

— Я не знаю, что она тебе сказала, но это ложь, — ответил Барби. Играл музыкальный автомат — не песню Макмертри, но она звучала в его голове: *«Мы все должны знать наше место»*.

— Она мне сказала, что ответила тебе «нет», а ты не остановился и оттрахал ее. На сколько ты ее тяжелее? На сто фунтов? По мне, это изнасилование.

— Я этого не делал. — Но он понимал, что оправдываться бесполезно.

— Хочешь выйти на улицу, ублюдок, или слишком трусливый?

— Слишком трусливый. — И к удивлению Барби, Френки отошел. Барби решил, что на сегодня музыки и пива ему недостаточно, и уже поднимался, когда Френки вернулся, на сей раз не со стаканом, а с кувшином пива. — Не делай этого, — предупредил Барби, но, разумеется, Френки пропустил его слова мимо ушей. Выплеснул пиво ему в лицо, устроил душ из «Бад лайт». Несколько человек пьяно засмеялись и зааплодировали.

— Ты можешь выйти сейчас и решить этот вопрос, — сказал Френки, — или я могу подождать. Скоро закрытие, *Ба-а-арби*.

Он пошел, понимая, что драки не избежать, в уверенности, что быстренько уложит Френки, пока этого не увидит много людей, и на том будет поставлена точка. Он мог даже извиниться и повторить, что с Энджи у него ничего не было. Мог добавить, что Энджи подкатывалась к нему, и полагал, что об этом знали многие (Роуз и Энсон точно знали). Может, пущенная из носа кровь отрезвит Френки и он поймет очевидное: эта маленькая сучка решила таким способом отомстить Барби.

Поначалу казалось, что все так и будет. Френк стоял на гравии, чуть расставив ноги, отбрасывая две тени в свете двух фонарей в разных концах парковки, поднимая руки, как Джон Л. Салливан.^[69] Злой, сильный и глупый: типичный громила маленького городка. Привык сваливать противника одним сильным ударом, потом поднимать и наносить более слабые. Пока

противник не просил пощады.

Френки шагнул вперед и пустил в ход не такое уж секретное оружие: апперкот, которого Барби избежал, чуть отклонив голову. И ответил прямым джебом в солнечное сплетение. Френки рухнул с написанным на лице изумлением.

— Нам совсем не обязательно... — начал Барби, и тут Младший ударил его сзади по почкам, вероятно, сцепленными руками, превратив их в большой кулак. Барби шагнул вперед, но там оказался Картер Тибодо, который, находясь между двумя припаркованными автомобилями, вышел ему навстречу и ударил наотмашь. Если бы попал в цель, для Барби дело закончилось бы сломанной челюстью, но он успел поднять руку, получив в результате самый большой из синяков, который не прошел и в День Купола.

Барби метнулся в сторону, понимая, что это спланированная засада, зная, что должен убраться до того, как кому-то сильно достанется. И не обязательно ему. Он бы убежал — не страдал избытком гордости. Но успел сделать лишь три шага, а потом споткнулся о выставленную ногу Мелвина Сирлса. Распластался на гравии, и тут же начались пинки. Барби прикрывал голову, но доставалось ногам, заднице, рукам. Один удар пришелся по ребрам, когда ему удалось подняться на колени за автофургоном Коротышки Нормана.

Здравый смысл покинул его, и он больше не думал о том, чтобы убежать. Встал, повернулся к ним лицом. Выставил руки перед собой, ладонями вверх, шевеля пальцами. Подзывая. В зазор между автомобилями они могли попасть только по одному.

Младший попытался первым, и его энтузиазм Барби вознаграждал пинком в живот. Барби был в кроссовках, не в высоких ботинках, но ударил сильно. Младший согнулся пополам у борта автофургона, жадно ловя ртом воздух.

Френки перебрался через него, и Барби дважды двинул ему в лицо — жалающие удары, но недостаточно сильные, чтобы что-то сломать. Здравый смысл начал возвращаться.

Заскрипел гравий. Он вовремя повернулся, чтобы встретить липом к лицу Тибодо, обошедшего его со спины. Удар Картера пришелся в висок. Перед глазами Барби вспыхнули звезды («А может, комета», — сказал он Бренде, открывая клапан нового баллона). Тибодо вновь надвинулся на него, и Барби сильно пнул его в лодыжку. Ухмылка Тибодо превратилась в гримасу. Он упал на одно колено, напоминая футболиста, держащего мяч перед реализацией попытки. Только игроки, владеющие мячом, обычно не хватались за лодыжки.

— Это грязный приемчик! — прокричал, выдвигая абсурдную претензию, Картер Тибодо.

— Кто бы го... — успел сказать Барби, прежде чем Мелвин Сирлс взял его шею в замок.

Барби врезал локтем по ребрам Сирлса, услышал, как из легких выходит воздух. И в нос ударил запах: пиво, сигареты, «Слим Джимс».^[70] Барби ожидал, что Тибодо опять бросится на него до того, как он выберется из узкого прохода между автомобилями, куда отступил. Но Барби вдруг это перестало волновать. Лицо горело, ребра горели, и он решил, что отправит всех четверых в больницу. Там они смогли бы обсудить, какой прием честный, а какой — нет, иллюстрируя это рисунками на гипсовых повязках друг друга.

Именно тогда — вызванный Томми или Уиллоу Андерсонами, владельцами придорожного ресторана — чиф Перкинс въехал на парковку. Фары осветили драчунов, как актеров на сцене.

Перкинс на мгновение включил сирену. Она взвыла и тут же смолкла.

Потом вылез из патрульного автомобиля, натягивая ремень на внушительное брюхо.

— Не слишком ранний день недели для таких развлечений, парни, а?

На что Ренни-младший ответил...

Продолжения Бренде не требовалось: Гови ей все рассказал, и она нисколько не удивилась. Даже ребенком сын Большого Джима врал без зазрения совести, особенно когда на кону стояли его интересы.

— На что Младший ответил: «Начал повар». Я права?

— Да. — Барби нажал на кнопку включения, и генератор ожил. Улыбнулся Бренде, хотя и чувствовал, как горят щеки. Он рассказал не самую любимую свою историю. Хотя предпочел бы ее рассказу о том, что однажды произошло в спортивном зале в Фаллудже. — Ну вот: будет свет, холодильник, все прочее.

— Спасибо. Как долго он протянет?

— Только пару дней, но к тому времени все, возможно, закончится.

— Или нет. Полагаю, вы знаете, кто спас вас в тот вечер от поездки в тюрьму округа?

— Конечно. Ваш муж видел, как все происходило. Четверо на одного. Не заметить было трудно.

— Любой другой коп этого бы не увидел, даже если бы все происходило на его глазах. И вам повезло, что в тот вечер Гови выехал на патрулирование: дежурить полагалось Джорджу Фредерику, но тот слег с желудочным гриппом. — Она помолчала. — Можете назвать это провидением, а не удачей.

— Могу, — охотно согласился Барби.

— Не хотите ли пройти в дом, мистер Барбара?

— Почему бы не посидеть здесь? Если вы не возражаете. Тут хорошо.

— Не возражаю. Погода скоро переменится. Похолодает. Или нет?

Барби ответил, что не знает.

— Когда Гови привез вас всех в участок, Дилессепс сказал ему, что вы изнасиловали Энджи Маккейн. Разве не так?

— То была его первая версия. Потом он сказал, что, возможно, изнасилования и не было, но, когда Энджи испугалась и попросила меня остановиться, я ее не послушал. Полагаю, это должно означать частичное изнасилование.

Она чуть улыбнулась:

— Только не говорите при феминистках о частичном изнасиловании.

— Да уж, пожалуй, не стоит. В любом случае ваш муж отправил меня в комнату для допросов, которая днем, наверное, служила чуланом для

швабр...

Бренда рассмеялась.

— ...а потом вызвал Энджи. Посадил ее так, чтобы она смотрела мне в глаза. Черт, мы практически соприкасались локтями. Требуется серьезная подготовка, чтобы лгать о чем-то серьезном, особенно молодому мужчине или женщине. Я это выяснил еще в армии. Ваш муж тоже это знал. Сказал ей, что дело пойдет в суд. Объяснил, какое полагается наказание за дачу ложных показаний. Короче, она сказала правду. Призналась, что никакого полового акта не было, не говоря уж об изнасиловании.

— Гови придерживался принципа: «Логика превыше закона». Исходя из него и действовал. Питер Рэндолф все делает не так отчасти потому, что тугодум, но главным образом потому, что ему не под силу держать Ренни в узде. Мой муж мог. Гови говорил мне, что мистер Ренни, как только ему стало известно о вашей ссоре, потребовал, чтобы вас хоть в чем-то да обвинили. Он рвал и метал. Вы это знали?

— Нет. — Но Барби не удивился.

— Гови сказал мистеру Ренни, что он передаст в суд все материалы, если дело дойдет до суда, в том числе указывающие, что на парковке четверо напали на одного. Он добавил, что хороший адвокат по уголовным делам раскопает, что творили Френки и Младший в старшей школе. А натворили они много чего, хотя их старые проделки не шли ни в какое сравнение с тем, что случилось с вами. — Она покачала головой. — Ренни-младший никогда не был пай-мальчиком, но и особого вреда не приносил. Однако за последний год, может, чуть больше, он изменился. Гови это видел и тревожился. Как мне стало известно, Гови многое знал и о сыне, и об отце... — Бренда замолчала.

Барби видел, что она никак не может решить, продолжать ей или нет: жена начальника полиции маленького городка, Бренда привыкла держать язык за зубами, а такие привычки умирали медленно.

— Гови посоветовал вам покинуть город до того, как Ренни найдет способ навредить вам, так? Как я понимаю, вы не смогли уйти, потому что Купол появился до того, как вы это сделали?

— Именно так. Могу я теперь выпить «диет-колу», миссис Перкинс?

— Зовите меня Бренда. И я буду звать вас Барби, если вам так привычнее. Пожалуйста, возьмите газировку.

Барби взял.

— Вам нужен ключ от атомного убежища, чтобы взять там счетчик Гейгера. Я могу вам помочь и сделаю это. Но вы вроде бы сказали: Ренни должен быть в курсе, это меня тревожит. Может, горе затуманило мне

рассудок, но я не понимаю, для чего вам хоть в чем-то соперничать с ним. Большой Джим выпрыгивает из штанов, стоит кому-то попытаться оспорить его власть, а вы с самого начала у него не в чести. Если бы мой муж оставался начальником полиции, возможно, вы вдвоем смогли бы пойти к Ренни. Думаю, я бы получила от этого огромное удовольствие. — Она наклонилась вперед, пристально всмотрелась в него. Под глазами темнели мешки. — Но Гови нет, а вы в любой момент можете оказаться в камере, вместо того чтобы искать этот загадочный генератор.

— Я знаю, но появилась новая информация. Завтра в час дня военные собираются выстрелить по Куполу крылатой ракетой.

— Господи Иисусе!

— Они стреляли и другими ракетами, но лишь для того, чтобы определить высоту барьера — на радаре он не виден. И с макетными боеголовками. Эта будет настоящая. Для уничтожения подземных целей.

Она заметно побледнела.

— И в какую часть нашего города они собираются стрелять?

— На месте пересечения Купола с Литл-Битч-роуд. Прошлым вечером мы с Джулией там побывали. Ракета взорвется примерно в пяти футах от земли.

У нее — что так не пристало даме — просто отвалилась челюсть.

— Это невозможно!

— Боюсь, так и будет. Ракету запустят с «Б-52», и полетит она по запрограммированному маршруту. Действительно запрограммированному. С учетом всех возвышенностей и долин, как только она спустится на высоту цели. Мощность у нее жуткая. Если ракета взорвется и не пробьет Купол, горожане только сильно напугаются. Грохота будет как при Армагеддоне. А если она пробьет Купол...

Ее рука поднялась к шее.

— Будут сильные разрушения? Барби, у нас нет пожарных машин!

— Я уверен, что вся пожарная техника будет стоять наготове. Что же касается разрушений... — Он пожал плечами. — Эвакуировать придется всех.

— Это правильно? Власти приняли правильное решение?

— Вопрос спорный, миссис... Бренда. Так или иначе, они его приняли. Но боюсь, это не самое худшее. — И Барби добавил, увидев выражение ее лица: — Для меня — не для города. Я — теперь полковник. Президент подписал указ.

Она закатила глаза.

— Я вас поздравляю.

— Я должен объявить в Честерс-Милле военное положение и взять власть. Джиму Ренни это понравится? — Она удивила его, рассмеявшись. И Барби удивил себя, последовав ее примеру. — Понимаете, что получается? Город не должен знать о том, что я позаимствовал счетчик Гейгера, но горожанам необходимо знать, что по ним выстрелят ракетой с боеголовкой, какими взрывают подземные бункеры. Джулия Шамуэй распространит данную информацию, если я этого не сделаю, но отцы города должны услышать ее от меня. Потому что...

— Я знаю почему. — Благодаря краснеющему солнцу с лица Бренды ушла бледность. Она рассеянно потирала руки. — Если вы должны установить здесь власть... как того хочет ваш командир...

— Полагаю, теперь Кокс — мой коллега.

Бренда вздохнула:

— Андреа Гриннел. Мы должны пойти с этим к ней. Потом вместе поговорим с Ренни и Энди Сандерсом. По крайней мере численный перевес будет на нашей стороне, трое против двоих.

— Сестра Роуз? Почему?

— Вы не знаете, что она третий член городского управления? — И добавила, когда он покачал головой: — Не огорчайтесь. Многие того не знают, хотя эту должность Андреа занимает несколько лет. Обычно она «чего изволите» для первых двух лиц города... точнее, для Ренни, поскольку Энди Сандерс — тот же «чего изволите»... И у нее есть... проблемы... но и характер тоже. Или был.

— Какие проблемы?

Он подумал, что и этим она делиться не будет, но ошибся:

— Наркотическая зависимость. Болеутоляющие. Я не знаю, как далеко все зашло.

— И, как я понимаю, лекарства она получает в «Аптечном магазине Сандерса»?

— Да. Я знаю, это не идеальное решение, а вам нужно быть предельно осторожным, но... Целесообразность может заставить Ренни какое-то время терпеть ваше присутствие. Но ваше лидерство? — Бренда покачала головой. — Он подотрет задницу любым объявлением военного положения, с подписью президента или без оной. Я...

Она замолчала. Смотрела куда-то ему за спину, и глаза округлялись.

— Миссис Перкинс? Бренда? Что такое?

— Ох! — выдохнула она. — Ох, Господи!

Барби обернулся, и изумление лишило дара речи и его. Солнце, как и всегда, становилось красным, спускаясь к горизонту после теплых, ясных

дней, когда после полудня обходилось без дождя. Но никогда в жизни он не видел такого заката. У него зародилась мысль, что подобные закаты открываются глазам только тех, кто находится в непосредственной близости от извергающегося вулкана.

Нет, и они такого никогда не видели. Это нечто совершенно новое.

Заходящее солнце разительно отличалось от шара. Оно напоминало огромный красный галстук-бабочку с пылающей круглой серединой. На западную часть небосвода словно наклеили тонкую пленку цвета крови, но с набором высоты она становилась грязно-оранжевой. И вот эта грязная пленка практически полностью скрывала горизонт.

— Святой Боже, все равно что смотришь сквозь грязное ветровое стекло, когда едешь прямо на солнце, — прокомментировала Бренда.

И так оно и было, только роль ветрового стекла выполнял Купол. Он уже начал собирать пыль и пылцу. И загрязняющие вещества. И эта пленка могла только утолщаться.

Мы должны его помыть, подумал Барби и представил добровольцев с ведрами и тряпками. Абсурд. Как они будут мыть Купол на высоте сорока футов? Или ста сорока? Или тысячи?

— С этим надо покончить, — прошептала Бренда. — Позвоните полковнику и скажите: пусть запустят самую большую ракету, и черт с ними, с последствиями. Потому что с этим нужно покончить.

Барби промолчал. Не знал, сумеет ли заговорить, даже если и хотел бы что-то сказать. Этот бескрайний пыльный блеск оставил его без слов. Он будто смотрел в иллюминатор, по другую сторону которого находился ад.

Няк, няк, няк

Джим Ренни и Энди Сандерс наблюдали необычный закат со ступенек «Похоронного бюро Боуи». В семь вечера в муниципалитете намечалось еще одно «чрезвычайное экспертное заседание», и Большой Джим хотел прийти пораньше, чтобы подготовиться к нему, но в тот момент они стояли и наблюдали, как день умирал такой загадочной грязной смертью.

— Похоже на конец света. — В тихом голосе Энди слышалось благоговение.

— Выдумки! — фыркнул Большой Джим, и даже ему собственный голос показался очень уж резким — по простой причине: подумал он о том же. Впервые с момента появления Купола у него возникла мысль, что возникшая ситуация им не по зубам — ему не по зубам, — но мысль эту он с яростью отверг. — Ты видишь Христа, Господа нашего, спускающегося с неба?

— Нет, — признал Энди. Он видел только горожан, которых знал всю жизнь. Они группками стояли вдоль Главной улицы, не разговаривали, только смотрели на этот странный закат, прикрывая руками глаза.

— Ты видишь меня? — настаивал Большой Джим.

Энди повернулся к нему.

— Конечно, вижу. — В голосе звучало недоумение. — Конечно, вижу, Большой Джим.

— А это означает, что я не вознесся. Я уже много лет как отдал мое сердце Иисусу, и, будь это конец света, я бы здесь не стоял. Да и ты тоже.

— Наверное, нет. — Но в голосе Энди звучало сомнение. Если их ждали Небеса — и омовение кровью агнца, — почему они только что говорили со Стюартом Боуи о закрытии «нашего маленького дельца», как это называл Большой Джим. И как они вообще могли заниматься таким бизнесом? Как производство метамфетамина могло помочь спасению души?

Если бы Энди спросил об этом Большого Джима, то мог заранее предсказать ответ: цель иногда оправдывает средства. Цели в данном конкретном случае казались замечательными, сказочными: новая церковь Святого Искупителя (старая являла собой лачугу с оштукатуренными стенами и деревянным крестом на крыше); радиостанция, которая спасла множество душ (только Господь знал, сколько именно); десять процентов, которые они передавали — не привлекая к себе внимания, чеками,

выписанными банком на Каймановых островах — «Миссионерскому обществу Господа Иисуса», чтобы помочь «неприметным коричневым братьям», как нравилось называть их пастору Коггинсу.

Но, глядя на гигантский, размытый по небу закат, казалось, говорящий о том, что все человеческие дела мелки и никчемны, Энди пришлось признать: эти цели — всего лишь оправдание. Без денежного потока, который обеспечивало производство мета, его аптечный магазин разорился бы шестью годами раньше. То же самое произошло бы и с похоронным бюро. И — хотя человек, который сейчас стоял рядом с ним, никогда бы этого не признал — с «Салоном подержанных автомобилей Джима Ренни».

— Я знаю, о чем ты думаешь, дружище, — ворвался в его размышления голос Большого Джима.

Энди застенчиво посмотрел на него. Большой Джим улыбался... но не яростной улыбкой. Наоборот, мягкой, понимающей. Энди улыбнулся в ответ... или попытался. Он считал, что многим обязан Большому Джиму. И в этом списке аптечный магазин и «БМВ» Клоди стояли далеко не на первом месте. Какой прок погибшей жене от «БМВ», пусть даже с парктроником и стереосистемой, управляемой голосом?

Когда все закончится и Доди вернется, я отдам «бумер» ей, решил Энди. Клоди одобрила бы.

Большой Джим протянул руку с короткими пальцами к заходящему солнцу, которое распласталось по западному горизонту как огромное отравленное яйцо.

— Ты думаешь, все это каким-то образом наша вина. И Бог наказывает нас за то, что мы напрасно удерживали город на плаву, когда для него наступили тяжелые времена. Это неправда, дружище. Бог тут ни при чем. Если бы ты сказал, что поражение во Вьетнаме — это от Бога, который предупреждал Америку, что она сходит с пути истинного, я бы с тобой согласился. Если бы ты сказал, что одиннадцатое сентября — реакция Высшего существа на решение Верховного суда, постановившего, что маленьким детям не обязательно начинать день с молитвы Богу, который их создал, я бы с тобой согласился. Но чтобы Бог наказывал Честерс-Милл, потому что мы не захотели его превращения в еще один город-призрак, вроде Джея или Миллинокета? — Он покачал головой: — Нет, сэр. Нет.

— Мы также клали неплохие деньги в собственные карманы, — робко заметил Энди.

Что правда, то правда. Они не только поддерживали свои предприятия и протягивали руку помощи неприметным коричневым братьям. У Энди был свой счет на Каймановых островах. И на каждый доллар,

достававшийся Сандерсу — или, к слову сказать, Боуи, — Большой Джим, и Энди мог на это поспорить, получал три. Может, и четыре.

— Трудящийся достоин пропитания, — назидательно, но мягко указал Большой Джим. — От Матфея, десять-десять. — Правда, не удосужился процитировать предыдущий стих: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои». Ренни посмотрел на часы. — Раз уж разговор зашел о работе, дружище, нам пора. Нужно многое решить. — И он зашагал к муниципалитету. Энди последовал за ним, не отрывая глаз от заката, который пылал так ярко, что вызвал у него ассоциации с воспаленной плотью. — В любом случае ты слышал Стюарта — мы закрыли лавочку. «Все сделано и застегнуто», как сказал маленький мальчик, когда впервые воспользовался ширинкой. Стюарт сам говорил с Шефом.

— Тот еще тип, — мрачно пробурчал Энди.

Большой Джим хохотнул.

— О Филе не волнуйся. Мы закрылись и останемся закрытыми, пока не закончится кризис. Более того, возможно, это знак, что закрыться нам надо навсегда. Знак свыше.

— Это было бы хорошо, — ответил Энди. И тут же его неприятно поразила мысль: когда Купол исчезнет, Большой Джим может передумать, а если он передумает, Энди с ним согласится. Как и Стюарт Боуи, как и его брат Фернолд. С радостью. Отчасти потому, что деньги такие большие — не говоря о том, что с них не нужно платить налоги, — отчасти потому, что все они уже очень глубоко завязли. Он вспомнил слова одной давно ушедшей кинозвезды: «К тому времени, когда я понял, что не люблю играть, я стал слишком богатым, чтобы завязать с этим».

— Тревожиться не о чем, — продолжил Большой Джим. — Через пару недель мы начнем завозить пропан в город, разрешится ситуация с Куполом или нет. Мы воспользуемся городскими грузовиками, на которых возят песок. Ты же помнишь, как работает механическая коробка передач?

— Да, — мрачно ответил Энди.

— И... — Большой Джим просиял, так ему понравилась осенившая его идея. — Мы сможем воспользоваться катафалком Стю! Тогда часть баллонов удастся переправить в город скорее.

Энди промолчал. Ему не нравилось, что они экспроприировали (так называл это Большой Джим) огромное количество пропана из различных городских источников, но по всему выходило, что это самый безопасный путь. Производство они поставили на широкую ногу, — отсюда существенный расход пропана (и мощный выброс вредных газов). Большой

Джим прямо указал, что закупка пропана в больших количествах может вызвать подозрения. Так же как и закупка большого количества лекарств, отпускаемых без рецепта, которые использовались в процессе производства.

Конечно, наличие аптечного магазина облегчало такие приобретения, хотя Энди очень нервничал из-за объемов робитуссина и судафеда, которые приходили в Честерс-Милл. Он думал, что именно на этом они и погорят. Но ранее не принимал во внимание огромный запас контейнеров и баллонов с пропаном, складированных за зданием радиостанции ХНВ.

— Между прочим, сегодня в муниципалитете электричества будет в достатке. — Большой Джим говорил таким тоном, будто сообщал приятный сюрприз. — Я попросил Рэндолфа послать моего парня и его приятеля Френки в больницу и взять один из их контейнеров для нашего генератора.

На лице Энди отразилась тревога:

— Но мы уже взяли...

— Знаю, — мягко прервал его Ренни. — Знаю, что взяли. Не волнуйся из-за «Кэтрин Рассел», пока пропана у них предостаточно.

— Ты мог бы взять их на радиостанции... там их очень много...

— Больница ближе. И так безопаснее. Пит Рэндолф — наш человек, но это не означает, что его надо посвящать в это наше маленькое дельце. Теперь или вообще.

Последнее замечание окончательно убедило Энди, что на самом деле Ренни не собирается закрывать фабрику.

— Джим, если мы начнем возвращать пропан в город, что мы скажем насчет того, где он был? Сошлемся на Газовую фею, которая сначала взяла пропан, а потом решила вернуть?

Ренни нахмурился:

— Ты думаешь, это смешно, дружище?

— Нет, я думаю, это страшно!

— У меня есть план. Мы объявим о создании городского склада топлива и о необходимости нормирования пропана, если возникнет такая необходимость. И печного топлива, если придумаем, как использовать его при отключенном электричестве. Мне не по душе идея нормирования — это совсем не по-американски — но нельзя забывать про ту басню про стрекозу и муравья. В городе полно олухов, которые используют все за месяц, а потом будут орать на нас, требуя, чтобы мы заботились о них при первых признаках похолодания!

— Ты же не думаешь, что все затянется на *месяц*?

— Разумеется, нет, но ты знаешь, как говорят старожилы: надеясь на лучшее, готовься к худшему.

Энди хотел было напомнить, что они уже использовали немалое количество городских запасов пропана на изготовление кристаллического мета, но предугадал ответ Большого Джима: «Откуда мы могли знать?»

Разумеется, не могли. Кто в здравом уме мог предположить, что их так неожиданно отсекут от всех ресурсов? При том что обычно ты строишь планы на все случаи жизни. И даже больше. Так уж устроена Америка. Чего-то не предусмотреть — оскорбление разума и духа.

— Ты не единственный, кому не понравится идея нормирования.

— Вот почему нам нужна полиция. Мы все скорбим о Гови Перкинсе, но он сейчас с Иисусом, а у нас Пит Рэндолф. Что в сложившейся ситуации для города плюс. Потому что он *слушает*. — Ренни наставил палец на Энди. — Люди в этом городе, собственно, как и везде, не очень-то отличаются от детей, когда речь заходит об их интересах. Сколько раз я тебе это говорил?

— Много. — Энди вздохнул.

— И что надо заставлять детей делать?

— Есть овощи, если они хотят получить десерт.

— Да. А иногда приходится и щелкнуть кнутом.

— Раз уж об этом зашла речь. На поле Динсмора я разговаривал с Самантой Буши... одной из подруг Доди. Она говорит, что некоторые копы вели себя грубо. Очень грубо. Нам надо бы поговорить об этом с чифом Рэндалфом.

Джим нахмурился:

— А чего ты ожидал, дружище? Белых перчаток? Там чуть не произошел бунт. У нас, в Честерс-Милле, едва не начался ёханный бунт!

— Я знаю, ты прав, но все-таки...

— Я знаю эту Буши. Знал всю ее семью. Наркоманы, автомобильные воры, не возвращали ссуды, не платили налогов. Все те, кого мы называли белой швалью, пока это не стало политически некорректным. Люди, на которых мы должны сейчас обращать самое пристальное внимание. *Те самые люди*. Они могут разорвать город в клочья, получи хоть малейший шанс. Этого ты хочешь?

— Нет, разумеется, нет...

Но Большой Джим уже разошелся:

— В каждом городе есть свои муравьи — это хорошо — и свои стрекозы, что не очень хорошо, но мы должны с ними жить, поскольку понимаем таких, как они, и можем заставить делать то, что в их же

интересах. Даже если иной раз приходится на них надавить. Но в каждом городе есть и своя саранча, совсем как в Библии, и это люди, подобные Буши. На них мы должны опустить свой молот. Нравится тебе или нет, но личной свободой придется поступиться, пока все это не закончится. И мы тоже приносим жертвы. Разве не собираемся закрыть наше маленькое дельце?

Энди не стал возражать, что выбора у них нет, поскольку произведенную продукцию все равно нельзя вывезти из города, ограничился коротким «да». Он не хотел больше говорить об этом, и его страшило грядущее заседание, которое могло затянуться до полуночи. Желание у него было одно: вернуться в пустой дом, выпить чего-нибудь крепкого, а потом прилечь, думать о Клоди и плакать, пока не придет сон.

— Самое важное сейчас, дружище, — удержать корабль на плаву. Это означает — закон, и порядок, и надзор. *Наш* надзор, потому что мы не стрекозы. Мы — муравьи. Муравьи-солдаты. — Большой Джим задумался. А когда заговорил вновь, тон его стал предельно деловым: — Я пересматриваю наше решение позволить «Миру еды» работать в обычном режиме. Я не говорю, что мы должны немедленно закрыть супермаркет — пока это ни к чему, — в ближайшие пару дней нам надо не сводить с него глаз. Как гребаным коршунам. То же самое относится и к «Бензину и бакалее». И наверное, будет неплохо экспроприировать часть наиболее раскупаемых продуктов для нашего персонала...

Он остановился, глядя на лестницу, ведущую к дверям муниципалитета. Не мог поверить своим глазам и поднял руку, чтобы прикрыть их от яростного заката. Ничего не изменилось. Наверху сидели Бренда Перкинс и этот треханый смутьян Дейл Барбара. И не бок о бок. Между ними, оживленно болтая с вдовой чифа Перкинса, расположилась Андреа Гриннел, третий член городского управления. И они передавали из рук в руки какие-то листы бумаги.

Большому Джиму это не понравилось.

Совершенно не понравилось.

Он двинулся к ним с намерением положить конец этому разговору, о чем бы тот ни шел. Но не успел сделать и пяти шагов, как к нему подбежал мальчишка. Один из сыновей Кильяна. С десятков Кильянов жили в полуразвалившейся лачуге на птицеферме, расположенной у границы с Таркерс-Миллсом. Никто из детей особым умом не отличался — да и откуда, учитывая, что у них за родители, — но все были на хорошем счету в Святом Искупителе, другими словами, всех ждала дорога в рай. Этого вроде бы звали Ронни... по крайней мере Ренни так думал, но поручиться не мог. Очень уж они были похожи: круглые головы, низкие лбы, крючковатые носы.

Мальчик, одетый в старую футболку с надписью «ХНВ» на груди, держал в руке записку.

— Эй, мистер Ренни! Оосподи, я искал вас по всему городу!

— Боюсь, сейчас я не смогу поговорить с тобой, Ронни. — Большой Джим все посматривал на троицу, что устроилась на лестнице. Этих треханых придурков. — Может, завтра...

— Я — Ричи, мистер Ренни. Ронни — мой брат.

— Ричи. Ну конечно. А теперь извини меня. — И Большой Джим размашистым шагом устремился вперед.

Энди взял записку из руки мальчика и догнал Ренни — тот еще не успел добраться до лестницы.

— Лучше бы тебе взглянуть.

Сначала Большой Джим взглянул на лицо Энди, еще более встревоженное. Потом взял записку.

Джеймс!

Я должен увидаться с тобой этим вечером. Я должен поговорить с тобой, прежде чем поговорю с городом. Пожалуйста, ответь. Мою записку принесет тебе Ричи Кильян.

Преподобный Лестер Коггинс.

Не Лес, даже не Лестер. Нет. «Преподобный Лестер Коггинс». Нехорошо. Почему, ну почему все это должно происходить одновременно?

Мальчишка стоял перед книжным магазином, выглядел как сирота в

линялой футболке и мешковатых, спадающих джинсах. Ренни подозвал его к себе. Мальчишка скоренько подбежал. Большой Джим достал ручку с золотой надписью: «ВАМ НИ В ЧЕМ НЕ ЗНАТЬ ОТКАЗУ, БОЛЬШОЙ ДЖИМ ПОМОЖЕТ СРАЗУ», — и нацарапал два коротких предложения: «В полночь. У меня дома». Сложил листок и протянул мальчику:

— Отнеси ему. И *не читай*.

— Не буду. Ни за что!! Благослови вас Бог, мистер Ренни.

— И тебя тоже, сынок. — Он проводил мальчишку взглядом.

— О чем речь? — спросил Энди. И прежде чем Большой Джим успел ответить, добавил: — О фабрике? О мете...

— Заткнись!

Шокированный Энди отступил на шаг. Большой Джим никогда с ним так не говорил. Значит, дело совсем плохо.

— Не все сразу, — пробормотал Ренни и двинулся навстречу самой насущной проблеме.

Наблюдая за приближающимся Ренни, Барби подумал: *Он идет, как человек, который болен, но не знает об этом.* Ренни также шагал, как человек, всю жизнь раздававший другим пинки. И плотоядно улыбался, когда взял Бренду за руки и сжал их. Она позволила ему это сделать, держалась спокойно и сдержанно.

— Бренда, мои глубочайшие соболезнования. Мне следовало зайти раньше... и, разумеется, я буду на похоронах... но столько навалилось дел. Не только на меня.

— Я понимаю.

— Нам очень недостает Герцога.

— Это точно, — добавил Энди, выглядывая из-за спины Большого Джима: буксир в кильватере океанского лайнера. — Очень недостает.

— Премного благодарна вам обоим.

— И хотя я бы с удовольствием обсудил твои проблемы... я вижу, что они у тебя есть... — Улыбка Большого Джима стала шире, но глаза оставались холодными. — У нас очень важное совещание. Андреа, не могла бы ты пойти первой и подготовить документы?

Андреа, которой перевалило за пятьдесят, в тот момент выглядела девочкой, которую поймали, когда она схватила с подоконника горячий пирожок с вареньем. Женщина начала подниматься (поморщившись от боли в спине), но Бренда крепко взяла ее за руку. И Андреа вновь села.

Барби вдруг осознал, что Гриннел и Сандерс насмерть испуганы. И причина страха — не Купол, во всяком случае, в тот момент, а Ренни. Вновь он подумал: *Все еще не так плохо, худшее впереди.*

— Я думаю, будет лучше, если ты уделишь нам некоторое время, — доброжелательно заговорила Бренда. — Конечно же, ты понимаешь, если б не важное дело... *очень важное...* я бы сидела дома, оплакивая мужа.

Большой Джим — редкий случай — не нашелся с ответом. Люди на улице, которые ранее наблюдали закат, теперь смотрели на импровизированный митинг. Ренни казалось, что значимость Барбары, которой тот не заслуживал, росла потому, что он сидел рядом с третьим членом городского управления и вдовой умершего начальника полиции. Да еще они передавали друг другу какие-то бумаги, словно письма от папы римского. И кому принадлежала идея этой показухи? Разумеется, Перкинс. Андреа не хватило бы ума. И храбрости, чтобы на людях противопоставить

себя ему, Большому Джиму.

— Что ж, может, несколько минут... Что скажешь, Энди?

— Конечно. Для вас несколько минут всегда найдутся, миссис Перкинс. Я действительно очень сожалею о смерти Герцога.

— И я сожалею о смерти твоей жены, — со всей серьезностью ответила она.

Их взгляды встретились. Это было мгновение истинной скорби, и Большому Джиму хотелось рвать волосы на голове. Он знал, что не должен позволять себе таких чувств — плохо отражалось на давлении, а что плохо для давления, то плохо для сердца, — но иной раз так трудно заставить себя сдержаться. Особенно если тебе только что вручили записку от человека, который слишком много знал, а теперь верил, что собирается обратиться к городу и этого хочет Бог. И если Большой Джим правильно предположил, что именно вбил себе в голову Коггинс, дело Бренды наверняка не стоило и выеденного яйца.

Хотя как знать? Потому что Бренда Перкинс никогда не любила его и она была вдовой мужчины, которого теперь город чтит — без всякой на то причины — героем. Но первое, что ему следовало сделать...

— Давайте пройдем в дом. Мы поговорим в зале заседаний. — Его взгляд сместился на Барби: — Вы тоже как-то с этим связаны, мистер Барбара? Я ума не приложу, каким образом.

— Надеюсь, это вам поможет. — Барби протянул ему листы бумаги, которые, как заметил Ренни, ранее передавались из рук в руки. — В свое время я служил в армии. Капитаном. Так уж вышло, что меня вновь призвали на службу. И повысили в звании.

Ренни взял листы, держа за уголок, словно они обжигали пальцы. Письмо выглядело куда более изысканным, чем мятая записка, которую передал ему Ричи Кильян, и пришло от куда более известного адресата. С простой, однако, шапкой: «ИЗ БЕЛОГО ДОМА». Судя по дате, отправили его именно в этот день.

Ренни пощупал бумагу. Глубокая вертикальная полоса образовалась между кустистыми бровями.

— Это не бланк Белого дома.

Разумеется, он самый, глупый ты наш, едва не сорвалось с губ Барби. Час назад письмо доставил член эскадрильи эльфов из «Федерал экспресс». Этот маленький сукин сын просто телепортировался сквозь Купол. Ему-то что?

— Разумеется, нет, — ответил Барби, как мог, добродушно. — Оно пришло по Интернету, в виде пэ-дэ-эф-файла. Миз Шамуэй загрузила его в

свой компьютер и распечатала.

Джулия Шамуэй. Еще одна смутьянка.

— Прочитай его, Джеймс, — подала голос Бренда. — Это важно.

Большой Джим прочитал.

Бенни Дрейк, Норри Кэлверт и Пугало Джо Макклэтчи стояли перед редакцией «Демократа», единственной издающейся в Честерс-Милле газеты. Каждый с фонариком. Бенни и Джо держали свои в руках, тогда как Норри сунула фонарик в широкий передний карман «кенгуру». Все смотрели на муниципалитет, где несколько человек — включая всех троих членов городского управления и повара из «Эглантерии» — вроде бы о чем-то совещались.

— Интересно, о чем они говорят, — озвучила свое любопытство Норри.

— Обычное взрослое дерьмо. — Бенни продемонстрировал полнейшее отсутствие интереса и постучал в дверь редакции.

Когда ответа не последовало, Джо протиснулся мимо него и повернул ручку. Дверь открылась. Он сразу понял, почему миз Шамуэй не слышала их: большой копир работал на полную мощность, тогда как она сама разговаривала со спортивным репортером и парнем, который в этот день фотографировал на поле.

Она увидела подростков и помахала рукой, предлагая войти. Отдельные листы один за другим выстреливались в лоток копира. Пит Фримен и Тони Гуэй, который все же, как и Пит, остался в городе на уик-энд, по очереди брали их и укладывали в стопки.

— А вот и вы! — явно обрадовалась Джулия. — Я боялась, что вы не придете. Мы почти готовы. Конечно, если этот чертов копир не нагадит в постель.

Джо, Бенни и Норри встретили это очаровательное *bon mot* молчаливым одобрением, каждый решил, что воспользуется им при первой представившейся возможности.

— Вы получили разрешение от своих стариков? — спросила Джулия. — Я не хочу, чтобы толпа рассерженных родителей вцепилась мне в волосы.

— Да, мэм, — кивнула Норри. — Мы все получили.

Фримен пытался перевязать стопку листов шпагатом. Получалось не очень. Норри наблюдала. Она умела завязывать пять различных узлов. А также привязывать блесну. Ей показал отец. Она, в свою очередь, показала ему, как съезжать по перилам, и, свалившись первый раз, он смеялся, пока по щекам не покатались слезы. Она думала, ее отец — лучший во

Вселенной.

— Хотите, я это сделаю? — предложила Норри.

— Если у тебя получится лучше, конечно. — Пит отступил в сторону.

Она двинулась к стопкам газет, Джо и Бенни следовали за ней по пятам. Потом увидела большой черный заголовок на одностраничном экстренном выпуске и остановилась.

— Вот дерьмо!

Как только слова слетели с губ, Норри прижала руки ко рту, но Джулия только кивнула.

— Это натуральное дерьмо, все правильно. Надеюсь, вы все приехали на велосипедах, как мы и договаривались, и у каждого есть корзинка на руле. На скейтбордах газеты развозить не получится.

— Что вы сказали, то мы и сделали, — ответил Джо. — У моего велосипеда корзинки нет, но есть багажник.

— Я привяжу к нему газеты, — пообещала Норри.

Пит Фримен, который восхищенно наблюдал, как девочка-подросток быстро перевязывает одну стопку газет за другой (узлы чем-то напоминали бабочек), кивнул:

— Готов спорить, что привяжешь. Это у тебя получается.

— Само собой, — буднично ответила Норри.

— Фонарики при вас? — спросила Джулия.

— Да, — хором ответили они.

— Хорошо. Подростки не развозят «Демократ» уже лет тридцать, и я не хочу, чтобы возобновление этой традиции привело к тому, что кого-то из вас собьют на углу Главной улицы или Престил-стрит.

— Да, это будет кошмар, — согласился Джо.

— Каждый дом и предприятие на этих двух улицах получает по газете. Так? Плюс Морин-стрит и Сент-Энн-авеню. После этого маршрут выбирайте сами. Раздайте все газеты, какие сможете, но в девять часов отправляйтесь по домам. Те газеты, что останутся у вас, положите на углах улиц. Придавите камнями, чтобы не разлетелись.

Бенни вновь взглянул на заголовок:

ЧЕСТЕРС-МИЛЛ, ВНИМАНИЕ!

ПО БАРЬЕРУ БУДУТ СТРЕЛЯТЬ!

КРЫЛАТАЯ РАКЕТА УЖЕ НА СТАРТЕ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ ЭВАКУАЦИЯ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ

— Готов спорить, не сработает, — мрачно заявил Джо, глядя на карту, вероятно, нарисованную от руки, в нижней части страницы. Границу между Честерс-Миллом и Таркерс-Миллом обвели красным. Большим «Х»

обозначили место, где Литл-Битч-роуд пересекала административную границу города. «Х» расшифровывалась как «ТОЧКА УДАРА».

— Придержи язык, пацан, — бросил Тони Гуэй.

ИЗ БЕЛОГО ДОМА

С дружеским приветом и наилучшими пожеланиями членам
ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕСТЕРС-МИЛЛА

Эндрю Сандерсу
Джеймсу П. Ренни
Андреа Гриннел

Дорогие господа и дама!

Первое и самое главное: я приветствую вас и хочу выразить глубокую озабоченность и участие от лица всей нации. Завтрашний день я объявил Днем молитвы, и по всей Америке церкви откроют свои двери людям всех исповеданий, чтобы они молились за вас и за тех, кто пытается понять, что произошло на границах вашего города, понять и исправить. Позвольте заверить вас, что мы не успокоимся, пока население Честерс-Милла не обретет свободу и виновные в случившемся не будут наказаны. Обещаю вам и населению Честерс-Милла — ситуация изменится к лучшему, и в самое ближайшее время. Я говорю это со всей возложенной на меня ответственностью, как ваш Главнокомандующий.

Второе: этим письмом я представляю вам полковника армии США Дейла Барбару. П-к Барбара служил в Ираке, где был награжден медалью «Бронзовая звезда», медалью «За особые заслуги» и двумя медалями «Пурпурное сердце». Его вновь призвали на службу и повысили в звании, чтобы через него вы могли связаться с нами, а мы — с вами. Я знаю, что вы, будучи истинными американцами, окажете ему всяческое содействие. И как вы будете помогать ему, так и мы поможем вам.

Я намеревался, исходя из рекомендаций Объединенного комитета начальников штабов и министров обороны и национальной безопасности, ввести военное положение в Честерс-Милле и назначить п-ка Барбару временным военным губернатором. П-к Барбара, однако, заверил меня, что в этом нет необходимости. Он говорил мне, что рассчитывает на

всестороннее сотрудничество со стороны членов городского управления и местной полиции. Он уверен, что его функция — «советовать и разрешать». Я согласился с его мнением, хотя это решение может быть пересмотрено.

Третье: я знаю, вы встревожены из-за того, что не можете позвонить друзьям и близким. Мы понимаем вашу озабоченность, но для нас также очень важно поддержание «телефонной блокады», чтобы снизить риск утечки секретной информации из города и ее поступления в город. Вы, возможно, думаете, что это чрезмерная мера предосторожности; заверяю вас, что нет. Очень может быть, что кто-то из тех, кто сейчас находится в Честерс-Милле, обладает важными сведениями, касающимися барьера. Внутригородские звонки будут проходить без помех.

Четвертое: мы собираемся на какое-то время продлить информационную блокаду, хотя этот вопрос продолжает рассматриваться. Очень возможно, что мы сочтем необходимым проведение городскими властями и п-ком Барбарой совместной пресс-конференции, но на текущий момент наше мнение таково: быстрое разрешение кризиса снизит актуальность встречи с представителями средств массовой информации.

В пятом тезисе хочу особо остановиться на Интернете. Объединенный комитет начальников штабов настоятельно рекомендовал временно блокировать электронную почту, и я склонялся к принятию такого решения. П-к Барбара, со своей стороны, советовал сохранить жителям Честерс-Милла доступ к Интернету. Он указал, что вся электронная почта может законным образом контролироваться Агентством национальной безопасности, и контроль этот осуществить гораздо проще, чем за телефонными разговорами. И поскольку он — «наш человек в гуще событий», я согласился с его точкой зрения, отчасти из гуманных соображений. Это решение, однако, тоже может быть пересмотрено; в политике случаются изменения. П-к Барбара окажет немалое влияние на такого рода решения, и мы рассчитываем на плодотворные рабочие отношения между ним и городскими властями.

Шестое: у меня есть веские основания предполагать, что ваши испытания могут закончиться уже завтра, в час пополудни по ЛВВ.^[71] П-к Барбара объяснит вам подробности военной

операции, которая будет проведена в это время, и он заверяет меня, что вы, члены городского управления, и миз Джулия Шамуэй, владелица и издатель местной газеты, сумеете известить жителей Честерс-Милла о том, что их ждет.

И последнее: вы — граждане Соединенных Штатов Америки, и мы никогда вас не бросим. Наше самое твердое обещание, основанное на наших лучших идеалах, звучит просто: мы не оставим ни одного мужчину, женщину или ребенка. Все ресурсы, которые потребуются для того, чтобы положить конец вашему заточению, будут использованы. Каждый доллар, который потребуются потратить ради этого, будет потрачен. В ответ мы рассчитываем на доверие и сотрудничество. Пожалуйста, не откажите нам ни в первом, ни во втором.

*Со всеми молитвами и с наилучшими пожеланиями,
остаюсь искренне ваш...*

Какой бы писака ни накропал это послание, мерзавец подписал его сам, фамилией и двумя именами, включая и второе, террористическое.^[72] Большой Джим не голосовал за него, а в тот момент, телепортируйся президент перед ним, Ренни с радостью бы его задушил.

И Барбару.

Большого Джима так и подмывало высвистать Пита Рэндолфа и препроводить полковника-повара в камеру. Сказать ему, что он может устанавливать трехнутое военное положение, сидя в подвале полицейского участка, а Сэма Вердро назначить своим адъютантом. Возможно, Бухло даже удастся удерживать под контролем дрожь в руках достаточно долго, чтобы не ткнуть пальцем в глаз, отдавая честь.

Но не теперь. Не сейчас. Некоторые фразы так и выпирали из письма мерзавца главнокомандующего: *И как вы будете помогать ему, так и мы поможем вам... Плодотворные рабочие отношения между ним и городскими властями... Это решение может быть пересмотрено... Мы рассчитываем на доверие и сотрудничество.*

И последняя трактовалась предельно ясно. Большой Джим не сомневался, что для этого выступающего за аборты щучьего сына слово «вера»^[73] являлось пустым звуком, но под «сотрудничеством» он понимал абсолютно конкретную вещь, что хорошо понимал и Джим Ренни: *Это бархатная перчатка, но не забывайте, что в ней железный кулак.*

Президент предлагал сочувствие и поддержку (Ренни видел, как эта наркоманка Гриннел буквально плакала, читая письмо), но, чтобы увидеть правду, читать следовало между строк. Им прислали письмо-угрозу, ясную и недвусмысленную. Сотрудничайте или останетесь без Интернета. Сотрудничайте, потому что мы составляем список хороших и непослушных, и едва ли вам захочется числиться в непослушных, когда мы проломим барьер. Потому что с памятью у нас полный порядок.

Сотрудничай, дружище. Или пеняй на себя.

Ренни подумал: *Я никогда не передам мой город повару, который посмел поднять руку на моего сына и теперь смеет ставить под сомнение мою власть. Этому никогда не быть, слышишь, обезьяна? Никогда.*

А еще он подумал: *Но действовать надо мягко, осмотрительно.*

Пусть полковник-повар объяснит армейский план. Если он сработает, отлично. Если нет, самому новоиспеченному полковнику армии США

предстоит узнать на собственном опыте значение фразы «в глубоком вражеском тылу».

Большой Джим улыбнулся.

— Так пойдемте в дом? Похоже, разговор нам предстоит долгий.

Младший сидел в темноте со своими подружками.

Ему самому это казалось странным, но их компания успокаивала.

Когда Младший и другие новые помощники вернулись в полицейский участок после всей этой жуткой неразберихи на поле Динсмора, Стейси Моггин (по-прежнему в форме и по виду очень уставшая) сказала, что они, если хотят, могут отработать еще по четыре часа. Большая, конечно, переработка, но, когда город станет расплачиваться с ними, добавила Стейси, будут премиальные, она в этом не сомневается, и, возможно, доплата от благодарного правительства Соединенных Штатов.

Картер, Мел, Джорджия Ру и Френк Дилессепс согласились отработать эти часы. И решали не деньги — они тащились от своей новой работы. Младший — тоже, но у него опять разболелась голова. От этого просто хотелось выть, а ведь день-то прошел лучше некуда.

Он ответил Стейси, что не останется, если есть такая возможность. Она заверила его, что ничего страшного, но предупредила, что завтра он должен прийти на службу в семь утра.

— Дел будет много, — пообещала Стейси.

На ступенях, ведущих к парадной двери, Френки подтянул ремень:

— Думаю, загляну к Энджи. Она, вероятно, поехала куда-нибудь с Доди. Но вдруг она поскользнулась в душе и лежит парализованная или что-то в этом роде.

Младший почувствовал, как боль пробила голову. Маленькая белая точка запрыгала перед левым глазом. Отплясывала джигу в такт ударам сердца, которые резко участились.

— Я пойду с тобой, если хочешь, — предложил он Френки. — Мне по дороге.

— Правда? Ты не против?

Младший покачал головой. При этом белая точка перед глазом заметалась, вызывая тошноту, потом возобновила танец на месте.

Френки понизил голос:

— Сэмми Буши нахамила мне там, на поле.

— Вот сука.

— Это точно. Говорит мне: «И что, ты собираешься меня арестовать?» — Последнюю фразу Френк произнес фальцетом, и она, словно нож, полоснула по нервам Младшего. Пляшущая белая точка стала красной, и на

мгновение у него возникло желание обхватить руками шею давнего друга и задушить его, чтобы он, Младший, больше никогда в жизни не услышал этот фальцет. — Вот я и думаю заглянуть к ней, когда освобожусь. Преподать ей урок. Ты понимаешь, урок уважения к местной полиции.

— Она же страхолюдина. Еще и лесби.

— Так даже лучше. — Френки помолчал, глядя на необычный закат. — У этого Купола есть и положительная сторона. Мы можем делать что захотим. Во всяком случае, какое-то время. Подумай об этом, дружище. — И Френки сжал свою промежность.

— Конечно, — кивнул Младший, — только мне особо не хочется.

Да только теперь захотелось. Ну, в каком-то смысле. Не то чтобы он собирался оттрахать их или что-то такое, но...

— Но вы — мои подружки, — сообщил Младший темноте кладовой. Сначала он воспользовался фонариком, потом выключил его. Темнота устраивала его больше. — Так ведь?

Они не ответили. *Если бы ответили*, подумал Младший, *мне пришлось бы сообщить об этом чуде отцу и преподобному Коггинсу.*

Свободной рукой он пошарил в темноте, нашел руку Доди. Холодную как лед, но все равно положил ее на свою промежность.

— Ох, Доди! Какая ты шустрая. Но делай что хочешь, девочка; показывай свою темную сторону.

Младший устроился у стены с полками, заставленными консервами. Энджи усадил справа от себя, Доди — слева. «Menagerie a trios»^[74] — как говорили на форуме «Пентхауса». При включенном фонарике его девочки выглядели не очень. Распухшие лица и выпученные глаза лишь отчасти скрывались под падающими вниз волосами, но, как только он его выключил... Эй! Они вполне могли сойти за живых!

За исключением запаха, конечно. Старого говна и только-только начавшегося разложения. Но он не жаловался, потому что хватало и других, куда более приятных запахов: кофе, шоколада, черной патоки, сухофруктов и, возможно, коричневого сахара.

Присутствовал и слабый аромат духов. Доди? Энджи? Он не знал. Зато знал другое: головная боль ослабела и эта тревожащая белая точка исчезла. Он опустил руку ниже и обхватил грудь Энджи.

— Ты же не возражаешь, так, Эндж? Я знаю, ты девушка Френки, но вы разбежались, да и потом, я тебя только лапаю. Опять же... не хочется мне этого говорить, но, думаю, ночью он собрался тебе изменить.

Конечно, ему надо их похоронить. Скоро. Купол может лопнуть, как мыльный пузырь, или ученые найдут способ уничтожить его. И когда это

произойдет, город наводнят следователи. Даже если Купол останется на месте, в городе создадут какой-нибудь комитет по сбору продуктов, и его члены будут ходить от дома к дому, собирая припасы.

Скоро. Но не сейчас. Потому что компания девушек успокаивала.

И еще возбуждала. Люди бы не поняли, естественно, но и не надо им понимать. Потому что...

— Это наш секрет, — прошептал Младший в темноте. — Так, девочки?

Они не ответили (хотя еще ответят, в свое время).

Младший сидел, обнимая девушек, которых убил, и в какой-то момент соскользнул в сон.

Барби и Бренда Перкинс покинули муниципалитет в одиннадцать вечера, но совещание продолжилось и после их ухода. Вдвоем они шли по Главной улице к Морин-стрит, лишь изредка перекидываясь словом-другим. На углу Главной и Кленовой лежала стопка одностраничного выпуска «Демократа». Барби вытащил одну газету из-под камня, который придавливал стопку. Бренда достала из сумки «Пенлайт» и направила луч фонаря на заголовок.

— Казалось бы, легче поверить, когда видишь это на бумаге, но нет.

— Нет, — согласился он.

— Вы с Джулией работали сообща, чтобы гарантировать, что Джеймс не сможет это скрыть, так?

Барби покачал головой.

— Он бы и не пытался, потому что такое невозможно. При попадании ракеты грохнет так, что мало не покажется. Джулия просто хотела гарантировать, что Ренни не удастся подать новость по-своему, все равно как. — Он постучал пальцем по газете. — Если уж быть совершенно откровенным, я считаю это страховкой. Члену городского управления Ренни придется задуматься: «Если он опередил меня в этом, в чем еще он опережает меня?»

— Джеймс Ренни может быть очень опасным противником, друг мой. — Они двинулись дальше. Бренда сложила газету и сунула под мышку. — Мой муж расследовал его действия.

— По поводу?

— Я не знаю, сколь много могу рассказать вам. Вариантов вроде бы два: все или ничего. И абсолютных доказательств Гови не нашел — я знаю точно. Хотя дело к этому шло.

— Мы говорим не о доказательствах, а о том, чтобы я не попал в тюрьму, если завтра все пройдет не так. Если сведения, которыми вы располагаете, как-то могут мне помочь...

— Если вас волнует только одно — как избежать тюрьмы, вы меня разочаровали.

Его волновало не только это, и Барби догадывался, что вдова Перкинса в курсе. На совещании он слушал внимательно, и, хотя Ренни положил немало усилий, чтобы расположить к себе собеседников и показать, что он руководствуется здравым смыслом, Барби пришел в ужас. Подумал, что,

несмотря на все эти ссылки на Бога и демонстративную богобоязненность, перед ним настоящий пещерный ящер. Такой изо всех сил будет цепляться за рычаги контроля над городом, пока их у него не вырвут. И будет брать все, что ему нужно, пока его не остановят. Так что исходящая от него опасность грозила всем, не только Дейлу Барбаре.

— Миссис Перкинс...

— Бренда, помните?

— Хорошо, Бренда. Давайте взглянем с такого ракурса: если Купол останется на месте, этому городу понадобится помощь от человека, который отличается от торговца поддержанными автомобилями, страдающего манией величия. Я никому не смогу помочь, если буду сидеть в каталажке.

— Мой муж верил, что Большой Джим помогал только себе.

— Как? В чем? И в каких масштабах?

— Давайте поглядим, что случится с ракетой. Если она не сработает, я расскажу вам все. Если сработает, я поеду к генеральному прокурору штата, как только осядет пыль... и, говоря словами Рики Рикардо,^[75] Джеймсу Ренни «придется кое-что объяснить».

— Вы — не единственная, кто хочет посмотреть, что случится с ракетой. В этот вечер Ренни был тише воды, ниже травы. Если ракета отскочит от Купола вместо того, чтобы пробить его, думаю, мы увидим другую сторону Ренни.

Бренда выключила фонарик, подняла голову:

— Звезды. Такие яркие. Кассиопея... Большая Медведица... Такие же, как и всегда. Меня это успокаивает. А вас?

— Тоже.

Какое-то время они молчали, только смотрели на мерцающую спираль Млечного Пути.

— Но, глядя на них, я чувствую себя такой маленькой... и очень, очень недолговечной. — Она засмеялась, а потом спросила, почти робко: — Вы не будете возражать, если я возьму вас под руку, Барби?

— Абсолютно.

Она взяла его под локоть. Он накрыл ее руку своей. И повел домой.

Большой Джим закрыл совещание в 23.20. Питер Рэндолф пожелал всем спокойной ночи и отбыл. Он намеревался начать эвакуацию западной части города ровно в семь утра и надеялся к полудню очистить территорию по обе стороны Литл-Битч-роуд. Андреа последовала за ним, шла медленно, держась руками за поясницу. К такому все уже привыкли.

И хотя мысли Большого Джима уже занимала встреча с Лестером Коггинсом (и чертов сон, он бы не отказался от сна), он попросил ее задержаться на пару минут.

Она вопросительно посмотрела на него. За спиной Большого Джима Энди Сандерс нарочито медленно собирал папки с документами и ставил в серый металлический шкаф.

— И закрой дверь, — добродушно добавил Ренни.

Уже встревоженная, Андреа так и сделала. Энди продолжал прибираться после заседания, но сгорбился, будто в ожидании удара. О чем бы ни собирался поговорить с ней Большой Джим, думала Андреа, для Энди это тайны не составляло. И, судя по его виду, не приходилось ждать ничего хорошего.

— Так что ты хотел мне сказать, Джим?

— Ничего серьезного. — Сие означало, что все как раз очень серьезно. — Просто мне показалось, Андреа, что ты слишком уж по-дружески общалась с этим Барбарой до нашего совещания. И с Брендой тоже, если на то пошло.

— С Брендой? Это же... — Она хотела сказать «просто чушь», но подумала, что лучше найти более мягкое выражение. — Это же чистая ерунда. Я знаю Бренду тридцать лет...

— И мистера Барбару три месяца. Если, конечно, можно считать основой для знакомства блины и бекон, им приготовленные.

— Я думаю, теперь он — полковник Барбара.

Большой Джим улыбнулся:

— Трудно воспринимать это серьезно, когда его форма в лучшем случае джинсы и футболка.

— Ты видел письмо президента.

— Я видел нечто такое, что Джулия Шамуэй сварганила на своем трехнутом компьютере. Или это не правда, Энди?

— Правда, — не оборачиваясь, подтвердил Энди. Он все еще

разбирался с папками. И, судя по всему, переставлял с места на место уже убранные в металлический шкаф.

— Но допустим, письмо от президента? — И мясистое лицо Большого Джима начало расплываться в улыбке, которую Андреа просто ненавидела. Она с удивлением заметила, наверное, впервые, щетину на щеках Ренни и поняла, почему тот всегда тщательно бреется. С щетиной в его лице проступала зловещность Никсона.

— Ну... — Тревога теперь перерастала в страх. Андреа хотела сказать Джиму, что вела себя так из вежливости, но, если по-честному, не только из вежливости, и она догадалась, что Ренни это увидел. Он вообще видел многое. — Ну, он же наш главнокомандующий, ты знаешь.

Большой Джим пренебрежительно махнул рукой.

— А ты знаешь, кто такой командир, Андреа? Я тебе скажу. Тот, кто ценит верность и повиновение, потому что может предоставить необходимые ресурсы для нуждающихся в помощи. И это справедливая сделка.

— Да! — с жаром воскликнула она. — Такие ресурсы, как крылатая ракета!

— Если это сработает, все будет отлично.

— Да как это может не сработать? Барбара говорит, что боеголовка — с тысячефунтовым зарядом.

— С учетом того, сколь мало мы знаем о Куполе, можешь ты или любой из нас с уверенностью говорить об успехе? Как знать, может, эта ракета не только взорвет Купол, но и оставит на месте Честерс-Милла кратер глубиной в милю?

Андреа в ужасе смотрела на него. Держа руки на поясице, растирая и разминая то место, где жила боль.

— Что ж, все в руках Божьих, — продолжил Ренни. — И ты права, Андреа, это может сработать. Но если не сработает, мы останемся сами по себе, а, по моему разумению, главнокомандующий, который не может помочь своим гражданам, не стоит и кварталы теплой мочи в холодном ночном горшке. Если это не сработает и если нас не разорвет в клочья, кому-то придется брать власть в городе. Это будет бродяга, появившийся по мановению волшебной палочки президента, или законно избранное руководство города, которое уже на своем месте? Ты видишь, куда я клоню?

— Полковник Барбара показался мне умелым и знающим, — прошептала она.

— Перестань его так называть! — заорал Большой Джим.

Энди уронил очередную папку, а Андреа отступила на шаг, вскрикнув от страха. Потом выпрямилась во весь рост, обнаруживая на какое-то время характер янки, благодаря которому она и решилась вступить в борьбу за должность члена городского управления.

— Не кричи на меня, Джим Ренни. Я знаю тебя с тех пор, как ты в первом классе вырезал картинки из каталога «Сирса» и наклеивал в свой альбом, так что не кричи на меня!

— Ух ты, она обиделась. — Яростная улыбка расползлась от уха до уха, поднимая верхнюю часть лица, превращая ее в пугающую маску веселья. — Какая ёханая трагедия! Но уже поздно, я устал, и сладенький сироп, который я могу выжать из себя за день, закончился. Поэтому слушай меня внимательно и не заставляй повторяться. — Он взглянул на часы: — Уже одиннадцать тридцать пять, и к полуночи я хочу быть дома.

— Я не понимаю, чего ты от меня хочешь!

Большой Джим закатил глаза, словно не мог поверить, что она так глупа.

— Вкратце? Я хочу знать, будешь ли ты на моей стороне — моей и Энди, — если эта безмозглая идея с ракетой не сработает. А не с тем недавно появившимся здесь посудомойщиком.

Андреа выпрямилась и убрала руки с поясницы. Ей удалось не отвести глаз, но губы тряслись.

— И если я приду к выводу, что полковник Барбара... мистер Барбара, если предпочитаешь... более подготовлен к управлению городом в кризисной ситуации?

— Тогда с этим я обращусь к Джимини Крикету.^[76] Пусть совесть будет моим поводом. — Голос Ренни упал до шепота, еще более жуткого, чем прежний крик. — Но эти таблетки, которые ты принимаешь, этот оксиконтин...

Андреа почувствовала, как похолодела кожа.

— И что?

— У Энди, конечно, есть запас для тебя, но, если ты собралась ставить в этом заезде не на ту лошадь, эти таблетки могут исчезнуть. Правда, Энди?

Тот уже начал мыть кофеварку. Выглядел печальным и не решался встретиться с Андреа взглядом, но в голосе колебаний не слышалось:

— Да. В таком случае мне придется спустить их в унитаз. Опасно держать такие таблетки в аптеке, когда город отрезан и все такое.

— Ты не можешь этого сделать! — вскричала она. — У меня есть рецепт!

— Единственный рецепт, который тебе нужен, Андреа, — мягко заметил Большой Джим, — держаться с людьми, знающими этот город лучше всех. В настоящее время только такой рецепт пойдет тебе на пользу.

— Джим, мне нужны эти таблетки. — Она слышала жалобный визг в своем голосе, — как в голосе ее матери в последние, самые тяжелые годы, когда та не вставала с постели — и ненавидела себя за это. — Мне они нужны!

— Я знаю, — кивнул Большой Джим. — Бог взвалил на тебя тяжелую ношу боли.

И подумал: *Не говоря уж о наркотической зависимости.*

— Сделай правильный выбор, — подал голос Энди. Глядя на нее серьезно и печально. Под глазами темнели мешки. — Джим знает, что для города — благо. Всегда знал. Нам не нужен чужак, который будет объяснять, что и как нужно делать.

— И если я этот выбор сделаю, то буду получать таблетки от боли?

Лицо Энди осветила улыбка.

— Будь уверена! Я могу даже увеличить дозу. Скажем, на сто миллиграммов в день? Тебе не повредит? Я же вижу, что боль тебя достает.

— Пожалуй, не повредит, — тупо ответила Андреа. Опустила голову. Она не выпила ни капли, даже вина, с того бала старшекурсников, когда ей стало плохо, не выкурила ни одного косяка, кокаин видела только по телевизору. Она была хорошим человеком. Очень хорошим. И как она попала в такую передрыгу? Упав, когда шла за почтой? Этого достаточно, чтобы стать наркоманкой? Если да, как же это несправедливо. Как ужасно. — Но только сорок миллиграммов. Думаю, сорока вполне хватит.

— Ты уверена? — спросил Большой Джим.

Не было у нее такой уверенности. В том-то и дело.

— Может, восемьдесят. — Она вытерла со щек слезы. И добавила шепотом: — Вы меня шантажируете.

Но Большой Джим услышал и такой тихий шепот. Потянулся к ней. Андреа дернулась, но Ренни только взял ее за руку. Мягко.

— Нет. Это был бы грех. Мы тебе помогаем. И взамен хотим только одного: чтобы ты помогла нам.

Бах!

Сэмми разом проснулась, хотя выкурила полкосяка и выпила три бутылки пива Фила, прежде чем улечься в постель в десять вечера. Она всегда держала в холодильнике пару упаковок и думала о них как о «пиве Фила», хотя он и ушел еще в апреле. До нее доходили слухи, что Фил по-прежнему в городе, но она не верила. Само собой, будь он в городе, она бы хоть раз увидела его за прошедшие шесть месяцев, так? Город-то мал, как и поется в песне.

Бах!

Тут она села, прислушалась, не заплачет ли Литл Уолтер. Не заплакал, и Сэмми подумала: *Господи, наверняка эта чертова кровать развалилась! И раз он даже не заплакал...*

Она отбросила одеяло и побежала к двери. Ударилась в стену слева от нее. Чуть не упала. Чертова темнота! Чертова энергетическая компания! Чертов Фил, ушедший и оставивший ее здесь, где никто не мог за нее заступиться, когда такие парни, как Френк Дилессепс, грубили ей и пугали ее, и...

Бах!

Она нащупала на комоде фонарь, включила его и выскочила за дверь. Хотела повернуть налево, к комнатке, где спал Литл Уолтер. Но удар послышался вновь. Не слева, а с другой стороны неприбранной гостиной. Кто-то стучал в дверь трейлера. Теперь послышался и приглушенный смех. Кто бы это ни были, они, похоже, приняли на грудь.

Сэмми пересекла комнату. Футболка, в которой спала, обвивала пухлые бедра (она немного поправилась после ухода Фила, фунтов на пятьдесят, но, когда закончится все это дерьмо с Куполом, сядет на диету и вернется к тому весу, что был у нее в старшей школе). Сэмми распахнула дверь.

Лучи фонарей — четыре, все мощные — ударили ей в лицо. Из темноты за лучами вновь донесся смех. Один из смеющихся своим «няк-няк-няк» напоминал Керли^[77] из «Трех придурков». Она его узнала, слышала этот смех всю старшую школу: Мел Сирлс.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Мел. — Все одеты и никому не отсасывают!

Опять смех. Сэмми подняла руку, чтобы прикрыть глаза, но это не

помогло: люди, которые держали в руках фонари, оставались силуэтами. Но по смеху ей показалось, что среди них женщина. Сэмми подумала, что это хорошо.

— Выключите фонари, пока я не ослепла! И заткнитесь: разбудите ребенка!

Опять смех, громче, чем прежде, но три из четырех фонарей погасли. Она направила луч своего фонарика в дверной проем, и увиденное ей не понравилось: Френки Дилессепс и Мел Сирлс по флангам, Картер Тибодо и Джорджия Ру между ними. Джорджия, та самая, что ткнула ей в грудь ногой и назвала лесбой. Женщина, но опасная женщина.

У всех на груди блестели полицейские жетоны. И все крепко выпили.

— Чего вы хотите? Уже поздно.

— Хотим травки, — ответила Джорджия. — Ты ее продаешь, вот продай немного и нам.

— Я хочу взлететь, как яблочный пирог в красное, грязное небо, — воскликнул Мел и тут же рассмеялся: *няк-няк-няк*.

— У меня ничего нет.

— Чушь собачья, тут ею все пропахло, — возразил Картер. — Продай нам немного. Не будь сукой.

— Да, — кивнула Джорджия. В свете фонарика Сэмми ее глаза поблескивали серебром. — На то, что мы копы, внимания не обращай.

Они загоготали. Точно могли разбудить ребенка.

— Нет! — Сэмми попыталась закрыть дверь, но Тибодо вновь распахнул ее. Толкнул ладонью, небрежно, но Сэмми отлетела назад. Споткнулась о чертов паровозик Литл Уолтера и второй раз за этот день шлепнулась на пятую точку. Подол футболки задрался.

— О-о-о, розовые трусики, ждешь какую-нибудь подружку? — усмехнулась Джорджия, и они снова загоготали. Вновь вспыхнули фонари, лучи скрестились на ней.

Сэмми с такой силой сдернула футболку вниз, что едва не порвала ее у воротника. И пока неловко поднималась, лучи шарили по ее телу.

— Будь хорошей хозяйкой и пригласи нас войти. — Френки перешагнул порог. — Премного благодарен. — Луч его фонаря obeжал гостиную. — Ну и свинарник.

— Свинарник для свиньи! — проревела Джорджия, и они опять принялись ржать. — На месте Филя я бы вернулась из леса, чтобы надрать ее гребаную задницу! — Она подняла кулак; Картер Тибодо ее остановил.

— Он по-прежнему прячется на радиостанции? — спросил Мел. — Бацает рок? Сходит с ума ради Иисуса?

— Я не понимаю... — Сэмми уже не злилась, только боялась. Так бессвязно люди говорили в кошмарах, которые являлись, если покурить травку, посыпанную пи-си-пи. ^[78] — Фил уехал!

Ее четверо гостей переглянулись. Потом захохотали. Идиотское *няк-няк-няк* Сирлса перекрывало смех остальных.

— Уехал! Отвалил! — прохрипел Френки.

— Кто бы сомневался! — поддержал его Картер, они вскинули кулаки, стукнулись ими.

Джорджия взяла стопку книг в обложке с верхней полки книжного шкафа, просмотрела их.

— Нора Робертс? Сандра Браун? Стефани Майер? Ты это читаешь? Разве ты не знаешь, что сейчас рулит гребаный Гарри Поттер? — Она вытянула руки с книгами перед собой, разжала пальцы, выронила книги на пол.

Ребенок по-прежнему не просыпался. Чудо — не иначе.

— Если я продам вам травку, вы уйдете? — спросила Сэмми.

— Конечно, — ответил Френк.

— И поторопись, — добавил Картер. — Завтра нам на службу с самого утра. Инструктаж по эй-вак-ку-ации. Так что шевели своим толстым задом.

— Стойте здесь.

Сэмми ушла на крошечную кухню, открыла морозильник — уже теплый, все оттаяло, по какой-то причине от увиденного ей захотелось плакать — и достала один из пластиковых мешков с травкой, большой, с галлон. Три других остались на месте.

Сэмми начала разворачиваться, но кто-то схватил ее, прежде чем она успела это сделать, а кто-то другой вырвал мешок у нее из рук.

— Я хочу еще раз глянуть на твои розовые трусики, — сказал Мел ей на ухо. — Посмотреть, «воскресенье» у тебя на заднице или нет. — И вздернул футболку до талии. — Нет.

— Прекрати! Отстань от меня!

Мел рассмеялся: *няк-няк-няк*.

Луч фонаря ударил ей в глаза, но она узнала узкую голову в темноте за ним: Френки Дилессепс.

— Ты сегодня мне нагрубила, — услышала она. — Плюс отвесила оплеуху и тем самым обидела меня. А сделал-то я только это. — Он протянул руку и вновь ухватил Сэмми за грудь.

Она попыталась вырваться. Луч фонаря, направленный ей в лицо, метнулся к потолку, потом быстро спустился. Голова взорвалась болью. Френки ударил ее фонарем.

— Ой! Ой, больно! Прекрати!

— Хрена с два, не так уж и больно. Тебе еще везет, я не арестовываю тебя за торговлю наркотиками. Стой смирно, если не хочешь, чтобы я врезал тебе еще раз.

— Эта травка воняет дерьмом, — заметил Мел. Он стоял позади Сэмми, держа задранную футболку.

— Как и она сама, — вставила Джорджия.

— Должен конфисковать у тебя траву, су-ука, — объявил Картер. — Извини.

Френки все лапал ее грудь.

— Стой смирно, — ущипнул за сосок. — Просто стой смирно. — Голос погрубел, дыхание участилось. Она знала, к чему это ведет. Закрыла глаза. *Только бы ребенок не проснулся. Только бы они больше ничего не сделали. Ничего более худшего.*

— Давай же! — нетерпеливо бросила Джорджия. — Покажи ей, чего она лишилась после ухода Филя.

Френки лучом фонаря указал на гостиную:

— Пошла на диван. И раздвинь ноги.

— Разве сначала ты не хочешь зачитать ей ее права? — Мел рассмеялся: *няк-няк-няк*.

Сэмми подумала, что голова у нее развалится надвое, если она еще раз услышит этот смех. Но пошла к дивану, наклонив голову, поникнув плечами.

По пути Картер схватил ее, развернул, направил луч фонаря на свое лицо, превратившееся в гоблинскую маску.

— Собираешься кому-нибудь об этом рассказать, Сэмми?

— Н-н-нет.

Маска кивнула:

— И правильно. Потому что тебе все равно никто не поверит. Кроме, разумеется, нас, а потом нам придется снова прийти сюда и заняться тобой по-настоящему.

Френки толкнул Сэмми на диван.

— Трахни ее! — возбужденно воскликнула Джорджия, направив луч на Сэмми. — Трахни эту суку!

И все трое парней ее трахнули. Френки сделал это первым, прошептав:

— Ты должна научиться открывать рот, только когда стоишь на коленях.

За ним Картер. Когда он трудился на ней, заплакал Литл Уолтер.

— Заткнись, малец, а не то мне придется зачитать тебе твои права! —

И Мел Сирлс расхохотался.
Няк-няк-няк.

Близились полночь.

Линда Эверетт крепко спала на своей половине кровати; день выдался изматывающий, на завтра ждал ранний подъем (инструктаж по эвакуации), и даже тревоги, связанные с Джанель, не помешали ей заснуть. Она не храпела в полном смысле этого слова, но едва слышные звуки, крп-крп-крп, доносились с ее половины кровати.

У Расти выдался не менее изматывающий день, но спать он не мог и волновался не о Джан. Расти полагал, что с ней все будет в порядке, во всяком случае, какое-то время. Он мог справиться с ее припадками при условии, что они не усилятся. А если бы в больничной аптеке закончился заронтин, купил бы препарат в «Аптечном магазине Сандерса».

Расти думал о докторе Хаскеле. И разумеется, о Рори Динсморе. Перед мысленным взором так и стояла рваная, кровавая рана на месте глаза мальчика. Он слышал, как Рон Хаскел говорил Джинни: *Я не труп. То есть не глух.*

Да только доктор ошибался: он и вправду был мертв.

Расти ворочался на кровати, пытаясь отогнать эти образы, и добился того, что увидел Рори, бормочущего: *Это Хэллоуин.* А на его бормотание наложился голос дочери: *Во всем виноват Большая Тыква. Ты должен остановить Большую Тыкву.*

У его дочери случился припадок. Сыну Динсмором осколок пули выбил глаз и проник в мозг. И о чем это ему говорило?

Ни о чем мне это не говорит. Как сказал тот шотландец в сериале «Остаться в живых»? «Не принимай совпадение за судьбу»?

Может, и так. Может, именно так. Но «Остаться в живых» — далекое прошлое. И шотландец мог сказать: *Не принимай судьбу за совпадение.*

Расти перевернулся вновь и на этот раз увидел черный заголовок вечернего экстренного выпуска «Демократа»: «ПО БАРЬЕРУ БУДУТ СТРЕЛЯТЬ!»

Бесполезно. Да, о сне и речи быть не могло, а в такой ситуации пытаться силой затолкать себя в мир снов — самое худшее, что может сделать человек.

Внизу лежала половина буханки знаменитого клюквенно-апельсинового хлеба Линды; он видел хлеб на стойке, когда пришел. Расти решил, что съест кусок за чтением последнего номера «Американского

семейного врача». И если статья о коклюше не вгонит его в сон, тогда заснуть точно не удастся.

Он поднялся, крупный мужчина, одетый в синюю униформу медбрата, которая обычно служила ему пижамой, и вышел на цыпочках, чтобы не разбудить Линду.

На полпути к лестнице остановился, прислушался.

Одри едва слышно подвывала. В комнате девочек. Расти двинулся в обратную сторону, тихонько открыл дверь. Золотистый ретривер, смутный силуэт между кроватями, повернул голову, чтобы посмотреть на него, и вновь тихонько завыл.

Джуди лежала на боку, подложив руку под щечку, дышала медленно и ровно. Джанни — нет. Она беспокойно металась по кровати, ногами сбила одеяло, что-то бормотала. Расти переступил через собаку и сел на кровать Джанни, под постером мальчиковой рок-группы, нынешних любимцев дочери.

Ей что-то снилось, и не очень хорошее, судя по написанной на лице тревоге. И бормотание напоминало протесты. Расти попытался разобрать слова, но, прежде чем смог, она замолчала.

Вновь раздался тихий вой Одри.

Расти расправил закрутившуюся ночную рубашку Джанни, укрыл девочку одеялом, смахнул волосы с ее лба. Под закрытыми веками глаза быстро двигались из стороны в сторону, но он не заметил ни дрожи конечностей, ни шевеления пальцев, ни характерного чмоканья губами. Несомненно, фаза быстрого сна, но не припадок. Отсюда возникал любопытный вопрос: могли собаки чують еще и плохие сны?

Он наклонился и поцеловал Джан в щечку. Тут же ее глаза открылись, но он не стал бы утверждать наверняка, что она его увидела. Это мог быть симптом малого эпилептического припадка, но Расти в такое не верил. Одри залаяла бы — он не сомневался.

— Спи, маленькая, — прошептал Расти.

— У него золотистый бейсбольный мяч, папочка.

— Я знаю, маленькая, засыпай.

— Это плохой бейсбольный мяч.

— Нет. Он хороший. Бейсбольные мячи — все хорошие, особенно золотистые.

— Ох, — выдохнула она.

— Засыпай.

— Хорошо, папочка. — Она перекатилась на бок и закрыла глаза. Какие-то мгновения устраивалась под одеялом, потом застыла. Одри,

которая ранее лежала на полу, подняв голову, теперь опустила морду на лапу и последовала примеру девочки.

Расти какое-то время посидел, вслушиваясь в дыхание дочерей, говоря себе, что бояться на самом деле нечего, что люди сплошь и рядом разговаривают, просыпаясь и засыпая. Он сказал себе, что все хорошо — достаточно взглянуть на спящую собаку, чтобы отогнать последние сомнения, — но так трудно оставаться оптимистом глубокой ночью. Когда до зари еще далеко, дурные мысли обретаю́т плоть и начинают ходить. Глубокой ночью мысли эти становятся зомби.

Расти решил, что клюквенно-апельсинового хлеба ему все-таки не хочется. А чего хотелось, так это прижаться к теплой спящей жене. Прежде чем вернуться в спальню, он потрепал шелковистую голову Одри.

— Не расслабляйся, девочка, — прошептал он. Одри на мгновение раскрыла глаза, посмотрела на него.

Золотистый ретривер, подумал он. И тут же ему вспомнились слова дочери, одно увязывалось с другим. *Золотистый бейсбольный мяч — плохой мяч.*

В ту ночь дверь в комнату девочек он оставил нараспашку, несмотря на недавно открытую ими «женскую секретность».

Когда Большой Джим пришел домой, Лестер Коггинс сидел на крыльце. Читал Библию в свете фонаря. Набожность священника Большого Джима не порадовала, только ухудшила и без того отвратительное настроение.

— Да благословит тебя Бог, Джим. — Коггинс поднялся. Когда Большой Джим протянул руку, Коггинс тут же схватил ее и принялся яростно трясти.

— И тебя тоже.

Коггинс последний раз тряхнул руку и отпустил.

— Джим, я здесь, потому что мне открылось. Я просил о знаке прошлой ночью — да, потому что я в тревоге, — и этим днем мне открылось. Бог говорил со мной, как через Святое Писание, так и через этого мальчика.

— Динсморов?

Коггинс поцеловал сцепленные руки, громко чмокнув, и вскинул их к небу.

— Именно. Рори Динсмора. Да пребудет он с Богом всю вечность.

— В эту самую минуту он обедает с Иисусом, — автоматически выдал Большой Джим. Он направил на преподобного луч фонаря, и то, что видел, совершенно ему не нравилось. Хотя температура ночного воздуха быстро снижалась, кожа Коггинса блестела от пота. Глаза широко раскрылись, показывая очень уж большую часть белков. Волосы торчали во все стороны. Короче, выглядел он как человек, балансирующий на грани безумия, и для того, чтобы переступить эту грань, оставалось совсем ничего.

Это нехорошо, подумал Большой Джим.

— Да, — кивнул Коггинс. — Я уверен. Ест на пиру... заключенный в божественные объятия.

Ренни подумал, что это сложно — совмещать первое и второе, но промолчал.

— И однако, он умер ради важного, Джим. Об этом я и пришел тебе сказать.

— Скажешь мне в доме, — ответил Большой Джим и добавил, прежде чем священник успел открыть рот: — Не видел моего сына?

— Младшего? Нет.

— Как давно ты здесь сидишь? — Большой Джим включил свет в прихожей, благословив генератор за то, что он есть.

— Час. Может, чуть меньше. Сидел на крыльце... читал... молился... медитировал.

Ренни задался вопросом, видел ли его кто-нибудь, но спрашивать не стал. Коггинс уже был не в себе, и вопрос мог еще больше вывести его из душевного равновесия.

— Пойдем в мой кабинет. — И Большой Джим двинулся первым, наклонив голову, большими, неторопливыми шагами. Со стороны чуть напоминал медведя в человеческой одежде, старого и медлительного, но по-прежнему опасного.

Помимо картины, изображающей Нагорную проповедь, за которой находился сейф, стены кабинета Большого Джима украшало множество дипломов и грамот, восхваляющих его беззаветную службу городу, и фотографии. На одной Большой Джим пожимал руку Саре Пэйлин, на другой обменивался рукопожатием с Большим Номером Три, Дейлом Эрнхардтом,^[79] когда тот собирал деньги для какого-то детского благотворительного фонда в рамках ежегодной гонки серии «Крэш-а-Рама» на автодроме «Оксфорд плейнс». Еще на одной фотографии Большой Джим пожимал руку Тайгеру Вудсу, вроде бы очень милому негру.

На столе нашлось место только одной памятной вещи — позолоченному бейсбольному мячу на подставке-люльке из плексигласа. На ней текст: «Джиму Ренни, с благодарностью за помощь в проведении в Западном Мэне благотворительного чемпионата по софтболу в 2007 году!» За подписью Билла Ли^[80] по прозвищу Инопланетянин.

Сев за стол на стул с высокой спинкой, Большой Джим взял из люльки бейсбольный мяч и принялся перекидывать из руки в руку. Приятное занятие, если ты немного расстроен: мяч тяжелый, плотный, позолоченные швы упруго вдавливались в ладони. Большой Джим иногда задумывался; а не приобрести ли ему бейсбольный мяч из чистого золота? Решил заняться этим вопросом вплотную, когда закончится заваруха с Куполом.

Коггинс устроился по другую сторону стола, на стуле клиента. На стуле просителя. Как и хотелось Большому Джиму. Глаза преподобного смещались из стороны в сторону, словно у зрителя теннисного матча. А может, бейсбольный мяч играл роль шарика гипнотизера.

— Так что у тебя такое, Лестер? Введи меня в курс дела. Только, пожалуйста, покороче. Мне нужно хоть немного поспать. Завтра полно дел.

— Сначала ты помолишься со мной, Джим?

Большой Джим улыбнулся. Яростно, но не так холодно, как мог бы. Пока не так холодно.

— Почему бы сначала тебе не ввести меня в курс дела? Я хочу знать, о чем молюсь, прежде чем преклонять колени.

Покороче у Лестера не получилось, но Большой Джим этого и не заметил. Слушал с нарастающим страхом, грозящим перерасти в ужас. Речь преподобного перемежалась и расцвечивалась цитатами из Библии, но суть Большой Джим уловил: преподобный пришел к выводу, что их

маленькое дельце совсем неудобно Богу, поскольку Он в наказание накрыл весь город большим стеклянным колпаком. Лестер спрашивал у Бога совета, как ему поступить, бичевал себя при этом (бичевание могло быть метафорическим — Большой Джим очень на это надеялся), и Бог указал ему в Библии какой-то стих о сумасшествии, слепоте, каре и т. д., и т. п.

— Бог сказал, что даст мне знак, и...

— Даст? — Большой Джим свел вместе кустистые брови.

Лестер проигнорировал его и продолжил. Он потел, как больной малярией, и не сводил глаз с перелетающего из руки в руку золоченого мяча. Из одной руки в другую... и обратно.

— То же произошло, когда я был подростком и кончал в кровати.

— Лес, знаешь, очень уж много информации, — продолжая поигрывать мячом.

— Бог сказал, что покажет мне слепоту, но не мою слепоту. И этим днем, на поле, Он показал! Так?

— Я думаю, это всего лишь одно толкование...

— Нет! — Коггинс вскочил. Принялся кружить по ковру. С Библией в руке. Другой дергал себя за волосы. — Бог сказал, что я, когда увижу этот знак, должен рассказать моей пастве о том, чем ты занимался.

— Только я? — спросил Большой Джим задумчивым голосом. Теперь мяч перелетал из руки в руку чуть быстрее. *Шмяк. Шмяк. Шмяк.* Ударяясь о ладони, мясистые, но все еще жесткие.

— Нет! — Слово это стоном вырвалось из груди Лестера. Он кружил по комнате быстрее, больше не глядя на мяч. Размахивал Библией в той руке, которая не старалась вырвать волосы. То же самое он иногда проделывал и на кафедре, если входил в раж. В церкви такое казалось нормальным, а здесь просто выводило Ренни из себя. — И мы с тобой, и Роджер Кильян, и братья Боуи. — Тут он понизил голос. — И еще этот. Шеф. Я думаю, этот человек безумен. Если и был в здравом уме прошлой весной, когда пришел к нам, то теперь точно безумен.

И вы только посмотрите, кто это говорит, мысленно возмутился Большой Джим.

— Мы все в этом участвуем, но признаваться надо нам с тобой, Джим. Так сказал мне Бог. Вот что означает слепота мальчика; вот ради чего он умер. Мы признаемся, и мы сожжем этот Амбар Сатаны за церковь. И тогда Бог позволит нам уйти.

— Ты уйдешь, Лестер, само собой. Прямоком в Шоушенк, тюрьму штата.

— Я приму наказание, которое назначит мне Бог. С радостью.

— А я? Энди Сандерс? И Роджер Кильян! У него на шее, если не ошибаюсь, девять детей. Допустим, нам это не понравится, Лестер?

— Ничем не могу помочь. — Священник начал колотить себя Библией по плечам. По одному и второму, то с одной стороны, то с другой. Большой Джим обнаружил, что теперь бейсбольный мяч перелетает из руки в руку синхронно с ударами проповедника. Шмяк... и вак. Шмяк... и вак. — Жалко, конечно, детей Кильяна, но... Исход, глава двадцать, стих пять: «Ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода». Мы должны перед этим склониться. Мы должны вычистить эту язву ценой любой боли. Исправить все, что мы делали неправильного. Это означает признание и очищение. Очищение огнем.

Большой Джим поднял руку, в тот момент не держащую мяч.

— Не части! Подумай, что говоришь. Этот город полагается на меня — и на тебя, разумеется, — в обычные времена, но теперь, когда у нас такой кризис, ему без нас просто не обойтись. — Ренни поднялся, резко отодвинув стул. День выдался длинный и ужасный, он устал, а теперь еще и это! Большой Джим разозлился.

— Мы согрешили, — упрямо гнул свое Коггинс, избивая себя Библией. Впрочем, если он считал, что Святую Книгу можно использовать и для этого, флаг ему в руки.

— Что мы сделали, Лес, так это спасли от голода тысячи детей в Африке. Мы даже платили за лечение их жутких болезней. Мы также построили тебе новую церковь и самую мощную христианскую радиостанцию на всем Северо-Востоке.

— И набили наши собственные карманы, не забывая этого! — взвизгнул Коггинс. На сей раз ударил себя Святой Книгой по лицу. Струйка крови полилась из одной ноздри. — Набили их грязными наркоденьгами! — Он ударил себя вновь. — И радиостанцией Иисуса ведает безумец, варящий яд, который дети вводят в вены!

— Насколько я знаю, большинство из них его курят.

— Это надо понимать как шутку?

Большой Джим обошел стол. Виски пульсировали болью, щеки заливал румянец. И однако, он предпринял еще одну попытку, заговорил мягко, как с ребенком, устраивавшим истерику:

— Лестер, город нуждается в моем руководстве. Если ты откроешь рот, я не смогу стать лидером, без которого городу не обойтись. Не то чтобы тебе кто-нибудь поверит...

— Они все поверят! — вскричал Коггинс. — Когда увидят

дьявольскую фабрику, которую я позволил тебе запустить за моей церковью, они все поверят! И Джим... разве ты не видишь — как только грех выйдет наружу... как только язва будет очищена... Бог уберет поставленный Им барьер! Кризис закончится! Городу больше не потребуется твое руководство!

На этом Джеймс Ренни и вышел из себя.

— Городу оно будет требоваться всегда! — проревел он и взмахнул рукой с зажатым в пальцах бейсбольным мячом.

Удар разорвал кожу на левом виске Лестера, когда тот поворачивался лицом к Джиму. Кровь полилась потоком. Левый глаз сверкал сквозь нее. Преподобного бросило вперед, с раскинутыми руками. Библия, раскрывшись и шурша страницами, выглядела как балаболящий рот. Кровь лилась и на ковер. Левое плечо свитера Лестера уже промокло.

— Нет, это не воля Бо...

— Это моя воля, назойливая муха! — Большой Джим ударил снова и на этот раз угодил Лестеру в лоб, прямо по центру. Ренни почувствовал, как удар отдался до самого плеча. Но Лестер сделал еще шаг вперед, размахивая Библией. И вроде бы пытался что-то сказать.

Рука Большого Джима с зажатым мячом повисла плетью. Плечо вибрировало болью. Теперь кровь *лилась* на ковер, но этот щучий сын и не думал падать; шел вперед, пытаясь говорить, плевался алой слюной.

Коггинс наткнулся на стол — кровь полилась на его ранее безупречно чистую поверхность — и двинулся вдоль него. Большой Джим попытался поднять мяч и не смог.

Я знал, что толкание ядра в старшей школе мне когда-нибудь аукнется, подумал он.

Ренни перебросил мяч в левую руку и взмахнул ею вбок и вверх. Удар пришелся в челюсть Лестера, переломил ее, выплеснул новую порцию крови к мерцающему свету люстры. Несколько капель долетели до матового плафона.

— Ба-а! — крикнул Лестер. Он все пытался обогнуть стол.

Большой Джим залез в нишу между тумбами.

— Отец! — Младший стоял в дверях, с широко раскрытыми глазами, с отвисшей челюстью.

— Ба-а! — крикнул Лестер и двинулся на новый голос. Держа перед собой Библию. — Ба-а... Ба-а... Ба-а-О-О-ОГ...

— Не стой столбом, помоги мне! — рявкнул Большой Джим на сына.

Лестер, шатаясь, шел на Младшего. Размахивая Библией. Свитер намок от крови, брюки стали грязно-муаровыми, изувеченное лицо

заливала кровь.

Младший поспешил к нему. И когда Лестер начал падать, схватил его, удержал.

— Я вас держу, преподобный Коггинс... я вас держу, не волнуйтесь.

А потом сжал руками липкую от крови шею Лестера и принялся его душить.

Пятью бесконечными минутами позже.

Большой Джим сидел на кабинетном стуле — развалился на кабинетном стуле — без галстука, надетого специально для совещания в муниципалитете, и в расстегнутой рубашке. Массировал массивную левую грудь. Под ней учащенно и аритмично билось сердце, но не давая повода предположить, что дело идет к его остановке.

Младший ушел. Ренни поначалу подумал, что тот собирается привести Рэндолфа, что было бы ошибкой, но дыхания, чтобы криком вернуть парня, ему не хватало. Потом сын вернулся сам, с брезентом, который достал из кемпера.^[81] Ренни наблюдал, как Младший расстилает брезент на полу — на удивление ловко, будто проделывал это тысячу раз. *Это всё боевики, которые молодежь теперь смотрит*, подумал Большой Джим, растирая дряблую грудь, которая когда-то была такой упругой и крепкой.

— Я... помогу, — прохрипел он, зная, что не получится.

— Сиди, где сидишь, и восстанавливай дыхание. — Сын, стоя на коленях, бросил на него мрачный и нечитаемый взгляд. В нем могла быть любовь — Большой Джим на это надеялся, — но хватало и другого. *Теперь попался*. Читалось ли в этом взгляде и *теперь попался*?

Младший перекатил Лестера на брезент. Брезент потрескивал. Младший посмотрел на тело, чуть передвинул, накинул на него край брезента. Зеленого брезента. Большой Джим купил его в «Универмаге Берпи». Купил на распродаже. Он вспомнил слова Тоби Мэннинга: *Это чертовски выгодная покупка, мистер Ренни*.

— Библия. — Большой Джим по-прежнему хрипел, но чувствовал себя лучше. Сердце, слава Богу, замедляло бег. Кто же знал, что после пятидесяти здоровье начнет так резко ухудшаться? *Нужно начать следить за собой. Возвращаться в форму. Бог дает человеку только одно тело*.

— Точно, да, хорошо, что напомнил, — пробормотал Младший. Схватил окровавленную Библию, сунул между бедер Коггинса, начал заворачивать тело в брезент.

— Он ворвался в дом. Он обезумел.

— Конечно. — Младшего это, похоже, не интересовало. А вот процесс заворачивания определенно интересовал... Такие дела.

— Вопрос стоял ребром — он или я. Ты должен... — Вновь затарахтело сердце. Джим ахнул, кашлянул, постучал по груди. Ритм

восстановился. — Ты должен отвезти его к Святому Искупителю. Когда его найдут, там есть парень... возможно... — Он подумал о Шефе, но тут же ему пришло в голову, что вешать Лестера на Шефа — идея не из лучших. Шеф Буши слишком много знал. Правда, он, вероятно, стал бы сопротивляться аресту. И тогда живым его могли и не взять.

— У меня есть место получше. — Вроде бы Младший говорил искренне. — И если ты собираешься повесить это убийство на кого-то еще, у меня есть хорошая идея.

— На кого?

— На Дейла-гребаного-Барбару.

— Ты знаешь, я не люблю таких слов.

Младший повторил, не отрывая от брезента поблескивающих глаз:

— На Дейла... *гребаного*... Барбару.

— Как?

— Этого я еще не знаю. Ты лучше вымой этот чертов мяч, если хочешь его оставить. И стол.

Большой Джим поднялся. Ему заметно полегчало.

— Ты хороший сын, раз помогаешь отцу в такую минуту.

— Убедился наконец. — Младший смотрел на большой зеленый голубец, лежащий на полу. С одной стороны из него торчали ноги. Младший пытался натянуть на них брезент, но не получалось. — Мне нужна изолента.

— Если ты не собираешься везти его в церковь, то куда?

— Не важно. Место безопасное. Преподобный полежит там, пока мы не решим, как подставить Барбару.

— Прежде чем что-то предпринимать, надо посмотреть, что произойдет завтра.

Младший глянул на него, в глазах читалось холодное презрение, которого Большой Джим раньше не видел. В голову пришла мысль, что теперь он у Младшего в руках. Но конечно же, собственный *сын*...

— Нам придется сжечь ковер. Слава Богу, он не во всю комнату, как раньше. И все дерьмо осталось на его наружной поверхности. — Потом Младший поднял большой голубец и унес в коридор. Через несколько минут Ренни услышал, как завелся двигатель кемпера.

Большой Джим уставился на золоченый бейсбольный мяч. *Следует от него избавиться*, подумал он, зная, что не сможет этого сделать. Мяч, по сути, стал семейной реликвией.

А кроме того, чем он может навредить? Если он станет чистым, чем может навредить?

Когда Младший вернулся часом позже, золоченый бейсбольный мяч вновь блестел в люльке из плексигласа.

Ракетный удар

— ВНИМАНИЕ! ГОВОРIT ПОЛИЦИЯ ЧЕСТЕРС-МИЛЛА! НА ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ ПРОВОДИТСЯ ЭВАКУАЦИЯ! ЕСЛИ ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ, ИДИТЕ НА МОЙ ГОЛОС! НА ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ ПРОВОДИТСЯ ЭВАКУАЦИЯ!

Терстон Маршалл и Каролин Стерджес сидели на кровати, слушая эти странные слова и перепуганно глядя друг на друга. Оба преподавали в бостонском Эмерсон-колледже: Терстон — профессор кафедры английского языка и литературы (и приглашенный редактор текущего номера журнала «Плуги»), Каролин — аспирантка-ассистентка той же кафедры. Любовниками они стали шестью месяцами раньше, и пыл страсти еще совсем не угас. Находились они в небольшом коттедже Терстона на берегу Честерского пруда, расположенного невдалеке от Литл-Битч-роуд. Они приехали сюда на длинный листопадный уик-энд, но со второй половины пятницы лицезрели преимущественно растительность не лесную, а лобковую. Телевизор Терстон Маршалл в коттедже не держал: ненавидел телевидение. Радиоприемник имелся, но они его не включали. Был понедельник, двадцать третьего октября, половина девятого утра. До того как их разбудил этот усиленный мегафоном голос, они понятия не имели, что совсем рядом что-то не так.

— ВНИМАНИЕ! ГОВОРIT ПОЛИЦИЯ ЧЕСТЕРС-МИЛЛА! НА ЭТОЙ...

Голос становился все ближе.

— Терстон! Трaвa! Где ты оставил траву?

— Не волнуйся. — Но дрожь в его голосе показывала, что он не способен последовать собственному совету. Высокий и худощавый, с густыми длинными сидящими волосами — обычно завязанными в конский хвост, но сейчас падающими на плечи, — Терстон только-только разменял седьмой десяток; Каролин шел двадцать четвертый год. — В это время года в здешних коттеджах никто не живет. Они просто проедут мимо, а потом вернутся на Литл-Битч-ро...

Она ударила его по плечу — кулаком.

— Машина на подъездной дорожке! Они увидят машину!

Твою мать! — отразилось на его лице.

— ...ЭВАКУАЦИЯ! ЕСЛИ ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ, ИДИТЕ НА МОЙ ГОЛОС! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! НА ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ

ПРОВОДИТСЯ ЭВАКУАЦИЯ! — Совсем близко. Терстон слышал и другие усиленные голоса — люди пользовались мегафонами, *копы* пользовались мегафонами — но этот голос раздавался у самого коттеджа. — НА ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ ПРОВОДИТСЯ ЭВАКУ... — Короткая пауза. — ЭЙ, В КОТТЕДЖЕ! ВЫХОДИТЕ СЮДА! БЫСТРО!

Ох, кошмар, да и только!

— Где ты оставил траву? — Она вновь стукнула его в плечо.

Трава осталась в другой комнате. В багги, который уже наполовину опустел, рядом с тарелкой с вчерашним сыром и крекерами. Если бы кто вошел, то сразу бы и увидел пластиковый мешочек на одну квартиру.

— ЭТО ПОЛИЦИЯ! МЫ ТУТ НЕ ДУРАКА ВАЛЯЕМ! НА ТЕРРИТОРИИ ПРОВОДИТСЯ ЭВАКУАЦИЯ! ЕСЛИ ВЫ ЗДЕСЬ, ВЫХОДИТЕ САМИ, А НЕ ТО НАМ ПРИДЕТСЯ ВАС ВЫТАЩИТЬ!

Свиньи! Свиньи из маленького городка, с захолустными свинячьими мозгами.

Терстон выпрыгнул из кровати, побежал через комнату, с летящими волосами, сверкая поджарыми ягодичками.

Его дед построил этот двухкомнатный коттедж после Второй мировой войны. Большая спальня окнами выходила на пруд, гостиная служила и кухней. Электричество вырабатывал старенький генератор «Хенске», который Терстон выключил перед тем, как они легли спать; его грохочущий треск едва ли кто называл бы романтическим. Угли от сгоревших в камине дров — они могли бы их и не жечь, но это же *tres*^[82] романтично — еще сонно перемигивались в камине.

Может, я ошибся, может, я положил траву в «дипломат»?

К сожалению, не ошибся. Багги лежал рядом с остатками сыра бри, который они ели перед тем, как приступить к секс-марафону прошлой ночи.

Он побежал к пластиковому мешочку, и тут же раздался стук в дверь. Нет, в дверь забарабанили.

— Одну минуту! — прокричал Терстон безумно-веселым голосом. Каролин уже стояла в дверях спальни, завернутая в простыню, но он ее не замечал. Разум Терстона — страдающий от паранойи, вызванной вчерашними излишествами — заполняли спутанные мысли: расторжение контракта с колледжем, полиция мыслей из «1984», расторжение контракта с колледжем, негативная реакция его троих детей (от двух прежних жен) и, разумеется, расторжение контракта с колледжем. — Одну минуту, одну секунду, дайте мне одеться...

Но дверь распахнулась, и — с прямым нарушением девяти

конституционных гарантий — в дом вошли два молодых человека. Один держал в руке мегафон. Оба в джинсах и синих рубашках. Джинсы почти успокоили, да только на рубашках он увидел нарукавные нашивки и полицейские жетоны.

Не нужны нам ваши вонючие жетоны, ^[83] тупо подумал Терстон.

— Убирайтесь отсюда! — завизжала Каролин.

— Ты только посмотри, дружище. — Френки Дилессепс покачал головой. — У нас тут «Когда Озабоченный встретил Блядливую». ^[84]

Терстон схватил пластиковый пакет, убрал за спину, уронил в раковину.

Младший посмотрел на хозяйство мужчины, открывшееся при этом движении.

— Никогда не видел такого длинного и тонкого шланга, — прокомментировал он. Выглядел Младший уставшим, и немудрено: спал-то всего два часа, но чувствовал себя прекрасно, просто бесподобно. И никаких намеков на головную боль.

Эта работа подходила ему на все сто.

— Убирайтесь! — прокричала Каролин.

— Закрой рот, голуба, и оденься. Из этой части города все эвакуируются.

— Это наш дом! Убирайтесь, на хрен, отсюда!

Раньше Френки улыбался. Теперь перестал. Прошел мимо костлявого голого мужчины, стоявшего у раковины (*трясущегося от страха у раковины, если точнее*), и схватил Каролин за плечи. Тряхнул ее.

— Не груби мне, голуба, я лишь хочу, чтобы тебе не поджарили задницу. Тебе и твоему бойфрен...

— *Убери руки! Ты сядешь за это в тюрьму! Мой отец — адвокат!*

Она попыталась влить ему пощечину. Френки — не жаворонок, никогда им не был, а потому пребывал не в самом радужном настроении. Он перехватил руку женщины и завернул ей за спину. Не так чтобы сильно, но Каролин закричала. И простыня упала на пол.

— Ух ты! Кобылка серьезная. — Младший поделился своими наблюдениями с Терстоном Маршаллом, у которого от неожиданности отпала челюсть. — И ты от нее не отстаешь, старичок?

— Одевайтесь, вы оба! — бросил Френки. — Не знаю, насколько вы тупые, но догадываюсь, очень даже, раз вы по-прежнему здесь. Или вы не знаете... — Он замолчал. Перевел взгляд с женщины на мужчину. На обоих лицах читался ужас. И полнейшее непонимание. — Младший!

— Что?

— Эта Титси Макги^[85] и ее морщинистый дружок не знают, что происходит.

— Не смей обзывать меня сексистскими прозви...

— Мэм, одевайтесь, — перебил ее Младший. — Вы должны отсюда уехать. Военно-воздушные силы США собираются нанести удар крылатой ракетой по этой части города... — он посмотрел на часы, — менее чем через пять часов.

— Вы сошли с ума? — проорала Каролин.

Младший тяжело вздохнул, потом продолжил. Он уже лучше понимал, в чем заключается работа полицейского. Работа хорошая, но иногда люди могут быть такими глупыми.

— Если она отскочит, мы услышим только грохот. Возможно, такой сильный, что вы наложите в штаны — если на вас будут штаны, — но вреда ракета не причинит. А если она пробьет дыру, то от вас скорее всего останутся только обгорелые скелеты, потому что боеголовка действительно мощная, а вы находитесь менее чем в двух милях от места удара.

— Отскочит от чего, недоумок? — осведомился Терстон, осмелев от того, что пластиковый мешок с травкой уже лежал в раковине. Одной рукой он прикрывал свой детородный орган... или по крайней мере пытался; орган действительно был необычайно длинный и тонкий.

— От Купола, — ответил Френки. — И мне не нравится твой тон.

Он шагнул к Маршаллу и ударил приглашенного редактора текущего номера журнала «Плуги» в живот. Воздух с хрипом вышел из Терстона, он согнулся пополам, качнулся, вроде бы удержался на ногах, но нет, упал на колени и выблевал примерно с чашку жидкой белой кашицы, от которой еще пахло сыром бри.

Каролин подняла руку с опухшим запястьем.

— За это вы сядете в тюрьму, — пообещала она Младшему низким дрожащим голосом. — Буша и Чейни давно нет. У нас более не Соединенные Штаты Северной Кореи.

— Я это знаю, — ответил Младший, с восхитительным терпением для человека, который думал, что неплохо бы ему еще кого-нибудь придушить: в его мозгу поселился маленький черный ящер, не сомневавшийся в том, что задушить кого-то ранним утром — самое лучшее начало дня. Но нет. Нет. Сначала следовало довести до конца эвакуацию. Они принесли присягу, или как там, твою мать, она называлась. — Я это знаю, — повторил он. — А вы, масснюки,^[86] настолько тупы, что не можете понять

простой истины — вы больше не в Соединенных Штатах Америки. Вы теперь в королевстве Честер, и если не будете вести себя как должно, то прямиком отправитесь в темницу Честера. Это я вам обещаю. И никакого телефонного звонка, никакого адвоката, никакого судебного разбирательства. Мы пытаемся спасти ваши жизни. Неужели вы так перетрахались, что не способны это понять?

Женщина ошеломленно смотрела на него. Терстон попытался встать, не смог, пополз к ней. Френки помог ему, пнув под зад. Терстон вскрикнул от ужаса и боли.

— Это за то, что задерживаешь нас, дедуля. Я восхищен твоей разборчивостью в телках, но у нас полно дел.

Младший оглядел молодую женщину. Роскошный рот. Губы Анджелины Джоли. Он мог поспорить, что ей не составит труда, как о таких говорили, обсосать весь хром с ручника восемнадцатиколесника.

— Если он не может одеться сам, помоги ему, — предложил Младший. — Нам нужно проверить еще четыре коттеджа, и, когда мы вернемся, вы уже должны сидеть в вашем «вольво» и ехать к городу.

— Я ничего не понимаю! — воскликнула Каролин.

— Неудивительно. — Френки достал из раковины багги с травкой. — Ты не знаешь, что от этого дерьма тупеют?

Она заплакала.

— Не волнуйся, — продолжил Френки. — Я это конфискую, а через пару дней ума у вас прибавится, и вы сообщите, что к чему.

— Вы не зачитали нам наши права, — сквозь слезы пробормотала Каролин.

На лице Младшего отразилось удивление. Потом он рассмеялся.

— Вы имеете право выметаться, на хрен, отсюда и, на хрен, замолчать, понятно? В сложившейся ситуации это единственные права, которые у вас есть. Вы меня поняли?

Френки осмотрел конфискованную травку:

— Младший, в ней же совсем нет семян. Это высший сорт.

Терстон пополз до Каролин. Поднялся, при этом громко выпустив газы. Младший и Френки переглянулись. Пытались сохранить серьезность — все-таки полицейские, слуги закона — и не смогли. Загоготали одновременно.

— Тромбон Чарли снова в городе! — прокричал Френки, и они, подняв правые руки, звонко хлопнули ладонью об ладонь.

Терстон и Каролин стояли в дверном проеме, прикрыв наготу друг друга в объятиях, и смотрели на гогочущих незваных гостей. Снаружи, как

крики в дурном сне, продолжали доноситься громогласные объявления о том, что всем, кто находится на этой территории, надлежит эвакуироваться. Большинство усиленных мегафонами голосов теперь смещались в сторону Литл-Битч.

— Я хочу, чтобы к нашему возвращению вашего автомобиля тут не было, — предупредил Младший. — Или вам не поздоровится.

Они ушли. Каролин оделась сама, помогла одеться Терстону — его живот так болел, что он не мог нагнуться и надеть обувь. К тому моменту, когда они оделись, оба плакали. В автомобиле на однополосной проселочной дороге, которая вела к Литл-Битч-роуд, Каролин попыталась дозвониться до отца по мобильнику. Услышала в трубке только тишину.

На пересечении Литл-Битч с шоссе номер 119 патрульный автомобиль городской полиции стоял поперек проезжей части. Коренастая девица в форме указала на обочину и помахала рукой, предлагая объехать по ней. Каролин вместо этого остановила машину и вышла из-за руля. Подняла руку с опухшим запястьем:

— На нас напали. Двое парней, которые называли себя копами! Одного звали Младший, а второго Френки! Они...

— Вали отсюда, а не то на тебя нападу я! — прорычала Джорджия Ру. — И я не шучу, сладкая моя.

Каролин в изумлении вытаращилась на нее. Пока она спала, весь мир, похоже, наклонился и сполз в одну из серий «Сумеречной зоны». Именно так, и не иначе. Другого объяснения просто не находилось. И они вот-вот услышат голос Рода Серлинга.^[87]

Она вернулась, села за руль «вольво» (наклейка на бампере, выцветшая, но с различимыми буквами, гласила: «ОБАМА-2012! ДА, МЫ ЕЩЕ МОЖЕМ») и объехала патрульный автомобиль. Другой коп, старше возрастом, сидел внутри, что-то проверял по листку, лежащему на планшете с зажимом. Она подумала, не обратиться ли к нему, но отказалась от этой мысли.

— Включи радио. Давай выясним, что происходит.

Терстон включил, но они слышали только Элвиса Пресли и «Джорданейрс», голоса которых едва прорывались сквозь «Как велик Ты».

Каролин выключила приемник, уже собралась сказать: *Кошмар официально завершен*, но передумала. Она хотела выбраться из этого Жутковилла как можно скорее.

На карте проселочная дорога к Честерскому пруду напоминала тоненькую, почти невидимую нитку, изогнутую, как крючок. Выйдя из коттеджа Маршалла, Младший и Френки какое-то время посидели в машине последнего, изучая карту.

— Дальше никто жить не может, — заявил Френки. — В это время года точно не может. Ты что думаешь? Скажем «на фиг» и поедем обратно в город? — Он показал большим пальцем на коттедж: — Эти уедут следом. А если нет, невелика беда.

Младший обдумал его слова, потом покачал головой. Они дали присягу. А кроме того, не хотелось ему возвращаться и встречаться с отцом, который принялся бы доставать его вопросами о том, что он сделал с телом преподобного. Коггинс теперь водил компанию с его подружками в кладовой дома Маккейнов, но его отцу знать об этом не следовало. Во всяком случае, пока Большой Джим не решит, как подставить Барбару. И Младший не сомневался, что его отец найдет способ. Если Большой Джим Ренни что-то и умел, так это подставлять людей.

Теперь не важно, узнает он, что я бросил колледж, или нет, потому что я знаю о нем кое-что похуже. Гораздо хуже.

Да и вообще уход из колледжа не казался таким уж важным — сущие пустяки в сравнении с тем, что происходило в Милле. Но все равно следовало соблюдать осторожность. Потому что, если ситуация того потребует, отец может упечь его за решетку.

— Младший! Земля вызывает Младшего.

— Здесь я. — В голосе Младшего слышались нотки раздражения.

— Обратно в город?

— Давай проверим остальные коттеджи. Ехать-то всего четверть мили.

А если сразу вернемся, Рэндолф найдет нам еще какое-нибудь дело.

— Хочется чего-нибудь пожевать.

— Где? В «Эглантерии»? Хочешь, чтобы тебе в яичницу сыпанули крысиного яда с наилучшими пожеланиями от Дейла Барбары?

— Он не решится.

— Ты уверен?

— Ладно, ладно. — Френки завел двигатель и выехал с короткой подъездной дорожки. Яркие раскрашенные листья не шевелились, в воздухе чувствовалась духота. Погода больше соответствовала июлю, а не

октябрю. — Но этим масснюкам лучше убраться к нашему возвращению, а не то мне придется познакомить Титси Макги с моим мстителем в каске.

— Я с радостью ее подержу. Чтоб мало не показалось.

Первые три коттеджа пустовали; они даже не вылезли из машины. Дорога уже превратилась в две колеи, между которыми росла трава. Кроны деревьев нависали с обеих сторон, кое-где нижние ветви почти скребли по крыше.

— Я думаю, последний коттедж за поворотом. Дорога заканчивается у какого-то говенного лодочного причала...

— Осторожно! — крикнул Младший.

Они миновали слепой поворот, и на дороге перед ними возникли двое детей, мальчик и девочка. Они не попытались отскочить в сторону. Застыли с изумленными лицами. Если бы Френк не боялся разбить выхлопную систему «тойоты» о выступ между колеями (а потому ехал крайне медленно), он бы их сшиб. Вместо этого нажал на педаль тормоза и остановил машину в каких-то двух футах от детей.

— Господи, чуть в них не въехал, — выдохнул Френки. — Думаю, у меня инфаркт.

— Если у моего отца его не случилось, то у тебя тем более не будет.

— Что?

— Не важно. — Младший вылез из машины.

Дети не сдвинулись с места. Девочка, более высокая и постарше, выглядела лет на девять, мальчик — на пять, не больше. Бледные лица обоих перепачкала грязь. Девочка держала мальчика за руку. Она снизу вверх смотрела на Младшего, тогда как мальчик — прямо перед собой, как будто его что-то заинтересовало в фаре «тойоты» со стороны водителя.

Младший увидел ужас на лице девочки и опустил перед ней на колено.

— Маленькая, ты в порядке?

Ответил мальчик. Не отрывая глаз от фары.

— Я хочу к маме. И я хочу зафтак.

Френки присоединился к Младшему.

— Они настоящие? — По тону чувствовалось: *Я шучу, но не так чтобы очень*. Он протянул руку, коснулся пальцами предплечья девочки.

Она подпрыгнула, потом посмотрела на него.

— Мама не вернулась, — чуть ли не шепотом.

— Как тебя зовут, цыпленок? — спросил Младший. — И кто твоя мама?

— Я — Элис Ракель Эпплтон. Это — Эйден Патрик Эпплтон. Наша мама — Вера Эпплтон. Наш отец Эдуард Эпплтон, но он и мама развелись в прошлом году, и теперь он живет в Плано, штат Техас. Мы живем в Уэстоне, штат Массачусетс, в доме шестнадцать по Дубовому проезду. Наш телефонный номер... — Бесстрастным голосом, как автомат справочной, она повторила номер наизусть.

Черт, опять масснюки, подумал Младший. Но ведь было логично. Кто еще будет жечь дорогой бензин, чтобы посмотреть, как злогребучие листья падают со злогребучих деревьев?

Френки опустил на колено:

— Элис, послушай меня, сладенькая. Где теперь твоя мама?

— Не знаю. — Слезы, большие прозрачные шары, покатались по щекам. — Мы приехали, чтобы посмотреть на листья. И еще собирались поплавать на каяке. Нам нравится каяк, правда, Эйди?

— Я хочу есть, — печально ответил Эйден и тоже начал плакать.

От их вида захотелось плакать и Младшему. Пришлось ему напомнить себе, что он — коп. Копы не плачут. Во всяком случае, при исполнении. Он вновь спросил девочку, где их мама, но ответил маленький мальчик:

— Она поехала купить вупы.

— Он говорит про вупи-пай, — пояснила Элис. — Но она поехала и за многим другим. Потому что мистер Кильян не содержал коттедж в надлежащем виде. Мама сказала, что я смогу приглядеть за Эйденем, так как я большая девочка, а она быстро вернется, потому что ехать ей только до «Йодерса» и обратно. Она велела не подпускать Эйди к пруду.

Младший начал соображать, что к чему. Вероятно, женщина рассчитывала найти в коттедже еду — как минимум основные продукты питания, — но, если б она достаточно хорошо знала Роджера Кильяна, такие мысли просто не пришли бы ей в голову. Подобных дундуков еще следовало поискать, и весь его выводок тоже не мог похвастаться умом. «Йодере», маленький магазинчик в Таркерс-Миллсе, где продавали пиво, кофейный бренди и банки со спагетти, находился в двадцати одной минуте езды. Еще двадцать ушло бы на обратную дорогу. Только Вера Эпплтон не вернулась, и Младший знал почему.

— Она уехала в субботу утром? — спросил он. — Так?

— Мне нужна мама! — воскликнул Эйден. — И мне нужен зафтак! У меня болит живот!

— Да, — ответила девочка Младшему. — В субботу утром. Мы смотрели мультики, только теперь мы ничего не можем смотреть, потому что электричество отключилось.

Младший и Френки переглянулись. Две ночи в темноте. Девочке, возможно, девять, мальчику, возможно, пять. Младшему не хотелось об этом думать.

— У вас было что-нибудь из еды? — спросил Френки девочку. — Сладенькая? Хоть что-нибудь?

— Мы нашли луковицу в ларе для овощей, — прошептала она. — Съели по половинке. С сахаром.

— Ох, твою мать! — вырвалось у Френки. И он тут же добавил: — Я этого не говорил. Вы не слышали. Секундочку. — Он вернулся к машине, открыл пассажирскую дверцу, начал рыться в бардачке.

— И куда вы шли, Элис? — спросил Младший.

— В город. Чтобы поискать мамочку и найти что-нибудь из еды. Мы собирались дойти до коттеджей. А дальше пойти через лес. — Она указала куда-то на север. — Я подумала, что так будет быстрее.

Младший улыбнулся, но внутри у него все похолодело. Она указывала в сторону от Честерс-Милла. Там они могли найти только лес, выросший на прежних вырубках, да болота. Плюс, само собой, Купол. Элис и Эйден почти наверняка умерли бы от голода. Гензель и Гретель, только без счастливого конца.

И мы уже собирались повернуть назад. Господи!

Френки вернулся. С батончиком «Милкивей». Старым, помятым, но в целой упаковке. Дети так уставились на этот батончик, что Младшему вспомнились другие дети, которых он иногда видел в выпусках новостей. На американских лицах такое казалось нереальным, ужасным.

— Это все, что я нашел. — Френки уже разрывал обертку. — В городе мы найдем вам что-нибудь получше.

Он разломил батончик пополам, протянул половинки детям. Батончик исчез в пять секунд. Покончив со своей частью, мальчик сунул пальцы в рот. Его щеки ритмично сдувались и раздувались, пока он их обсасывал.

Как собака, слизывающая жир с кости, подумалось Младшему.

Он повернулся к Френки.

— Нечего ждать до возвращения в город. Заедем в коттедж, где жили старик и телка. Дадим детям то, что у них есть. — Френки кивнул и поднял мальчика на руки. Младший поднял девочку. В ноздри ударил ее пот, страх. Младший провел рукой по ее волосам, словно мог отогнать эту маслянистую вонь. — Теперь все хорошо, сладенькая. И для тебя, и для твоего брата. Все хорошо. Вы в безопасности.

— Ты обещаешь?

— Да.

Ее ручонки крепче сжались вокруг его шеи. И это мгновение стало одним из лучших в жизни Младшего.

Западная часть Честерс-Милла по праву считалась самой малонаселенной, и уже без четверти десять утра ее практически полностью очистили. На Литл-Битч оставался только один патрульный автомобиль, номер Два. Джекки Уэттингтон сидела за рулем, Линда Эверетт — рядом с ней. Чиф Перкинс, коп старой школы из маленького городка, никогда не отправил бы двух женщин в одном патрульном автомобиле, но, разумеется, чиф Перкинс больше здесь не командовал. Так что женщины наслаждались новизной ситуации. Мужчины, особенно мужчины-копы, бесконечно чем-то похвалялись, что утомляло.

— Едем в город? — спросила Джекки. — «Эглантерия» уже закрывается, но, возможно, нам удастся вымолить чашку кофе.

Линда не ответила. Думала о том месте, где Купол пересекал Литл-Битч. Она еще не могла прийти в себя, и не только потому, что часовые стояли спинами к городу и не повернулись, когда она пожелала им доброго утра через установленные на патрульном автомобиле громкоговорители. Не выходила из памяти буква «Х», большая, красная, нарисованная на Куполе спреем, висящая в воздухе, словно какая-то фантастическая голограмма. Предполагаемое место удара. Просто не верилось, что ракета, выпущенная с расстояния в триста миль, сможет попасть в такую буковку, но Расти убедил ее, что такое возможно.

— Лин?

Она вернулась в здесь и сейчас.

— Да, конечно, если ты считаешь, что пора.

Затрещало радио:

— Номер Два, номер Два, как слышите, прием?

Линда сняла с подставки микрофон:

— База, это Второй. Мы тебя слышим, Стейси, но слышимость здесь не очень хорошая, прием.

— Все говорят то же самое, — ответила Стейси Моггин. — У Купола совсем плохая, ближе к городу получше. Вы все еще на Литл-Битч, так? Прием.

— Да. Мы проверили Кильянов и Бучеров. Все уехали. Если ракета пробьет Купол, у Роджера Кильяна появится много жареной курятины.

— Мы устроим пикник. Пит хочет поговорить с вами. Я хочу сказать — чиф Рэндолф. Прием.

Джекки свернула на обочину. Последовала пауза, заполненная статическими помехами, потом послышался голос Рэндолфа. Он обходился без «приема», как и всегда.

— Вы проверили церковь, номер Два?

— Святого Искупителя? — уточнила Линда. — Прием.

— Насколько мне известно, там только одна церковь, патрульная Эверетт. Если только за ночь не появилась индусская мечеть.

Линда не думала, что в мечетях молятся индусы, но, наверное, не стоило сейчас поправлять чифа. Усталый и недовольный голос Рэндолфа к этому не располагал.

— Церковь Святого Искупителя не в нашем секторе, — ответила она. — Тот отвели паре новых копов. Вроде бы Тибодо и Сирлсу. Прием.

— Проверьте еще раз. — В голосе Рэндолфа добавилось раздражения. — Никто не видел Коггинса, и пара его прихожан хочет обняться с ним, или как там они это называют.

— Приказ принят, чиф. Будет исполнено. Прием.

— Проверьте и дом пастора. — Пауза. — А также радиостанцию. Эта хреновина продолжает трансляцию, значит, там кто-то есть.

— Будет исполнено. — Она уже было сказала: *Конец связи*, когда в голову пришла новая мысль. — Чиф, по телику ничего нового? Президент ничего не сказал? Прием.

— У меня нет времени слушать каждое слово, которое этот парень роняет из своего глупого рта. Отыщите падре и скажите ему, чтобы притаскивал свою задницу сюда. И сами притаскивайте свои задницы. *Конец связи*.

Линда вернула микрофон на стойку, посмотрела на Джекки.

— Притаскивать к нему свои задницы? — уточнила Джекки. — Наши задницы?

— Это он — задница.

Вроде бы Линда пошутила, но ни одна из них не улыбнулась. Какое-то время они молча посидели в автомобиле. Тишина нарушалась только шумом работающего на холостых оборотах двигателя. Наконец Джекки заговорила, но так тихо, что Линда едва ее расслышала:

— Все это так плохо.

— Ты про Рэндолфа на месте Перкинса?

— И это, и новые *копы*. — Последнее слово она как бы взяла в кавычки. — Этот *молодняк*. И знаешь что? Когда я пришла в участок, Генри Моррисон сказал мне, что Рэндолф нанял еще двоих. Они пришли с улицы вместе с Картером Тибодо, и Пит тут же привел их к присяге, не задав ни

единого вопроса.

Линда знала, какие парни общаются с Картером и в «Дипперсе», и на бензозаправочной станции, где они использовали гараж, чтобы регулировать свои мотоциклы.

— Еще двоих? Почему?

— Пит сказал Генри, что они нам понадобятся, если с ракетой не получится. «Чтобы гарантировать, что ситуация не выйдет из-под контроля», — сказал он. И ты знаешь, кто подбросил ему такую идею.

Линда, конечно же, знала.

— Хорошо хоть они без оружия.

— Парочка с оружием. Не с выданным в участке — с личным. Но завтра — если уже не к сегодняшнему вечеру — оружие они получают. Этим утром Пит позволил им ездить самим, не поставил в пары с настоящими копами. Тот еще тренировочный период, а? Двадцать четыре часа, плюс-минус. Ты понимаешь, что числом эти ребята уже превосходят нас? — Пока Линда обдумывала ее слова, Джекки продолжила: — Гитлерюгенд. Вот какое слово не выходит из головы. Вероятно, я принимаю все слишком уж близко к сердцу, но молю Бога, чтобы этот кошмар сегодня закончился.

— Не могу представить себе Питера Рэндолфа Гитлером.

— Я тоже. По мне, он скорее Герман Геринг. А Гитлер для меня Ренни. — Джекки включила передачу, развернулась и поехала к церкви Христа Святого Искупителя.

Церковь они нашли открытой и пустой, с выключенным генератором. Дом священника встретил их тишиной, но «шевроле» преподобного Коггинса стоял в маленьком гараже. Заглянув в него, Линда смогла прочитать две наклейки на бампере. Справа: «ЕСЛИ ВОЗНЕСЕНИЕ ПРОИЗОЙДЕТ СЕГОДНЯ, ПУСТЬ КТО-НИБУДЬ УХВАТИТСЯ ЗА МОЕ РУЛЕВОЕ КОЛЕСО». Слева наклейка похвалялась: «МОЯ ДРУГАЯ МАШИНА 10-СКОРОСТНИК».

Линда обратила внимание Джекки на вторую наклейку.

— У него действительно есть велосипед — я видела, как он на нем ездил. Но я не вижу его в гараже. Он мог уехать на нем в город, чтобы сэкономить бензин.

— Мог. Но мы все равно должны проверить дом, чтобы убедиться, что он не поскользнулся в душе и не сломал шею.

— Это означает, что нам придется смотреть на него голого?

— Никто не говорил, что полицейская работа всегда в радость. Пошли.

Их встретила запертая дверь, но в городах, где сезонные приезжие составляют большую часть населения, полиция всегда находит способ войти. Они проверили места, где обычно прятали запасной ключ. Его нашла Джекки — висящим на гвоздике за ставней кухонного окошка. Он подошел к замку двери черного хода.

— Преподобный Коггинс! — позвала Линда, всунувшись в дом. — Это полиция, преподобный Коггинс. Вы здесь?

Ответа не последовало. Они переступили порог. И пусть на первом этаже царил идеальный порядок, но Линде стало как-то не по себе. Она решила, что причина проста — они в чужом доме. В доме священника, куда вошли без приглашения.

Джекки поднялась вверх.

— Преподобный Коггинс! Полиция. Если вы здесь, пожалуйста, отзовитесь.

Линда стояла у лестницы, глядя вверх. С домом что-то было не так. Он заставил ее подумать о Джанель, трясущейся в припадке. Тогда у Линды возникли такие же ощущения. Внезапно пришла уверенность: попади сейчас Джанель в этот дом, у нее случился бы новый припадок. Да, и она начала бы произносить странные фразы. Возможно, о Хэллоуине и Большой Тыкве.

Вроде бы Линда видела перед собой совершенно обычную лестницу, но подниматься ей совершенно не хотелось. Она мечтала о том, что Джекки найдет второй этаж пустым и они смогут поехать на радиостанцию. Но когда напарница позвала, Линде пришлось подняться.

Джекки стояла посреди спальни Коггинса. На одной стене висел простой деревянный крест, на другой — табличка с надписью: «ВОРОБЕЙ ПОД ВЗГЛЯДОМ ЕГО». Покрывало с кровати снято. На простыне краснели следы крови.

— И это. — Джекки указала на пол. — Подойди сюда.

С неохотой Линда подошла. На натертом до блеска деревянном полулежала веревка с завязанными на ней узлами. Окровавленными узлами.

— Похоже, кто-то его бил, — мрачно изрекла Джекки. — Возможно, достаточно сильно, чтобы он лишился чувств. Потом они положили его на... — Она посмотрела на Линду. — Нет?

— Как я понимаю, ты выросла не в религиозной семье.

— Очень даже религиозной. Мы поклонялись Святой Троице: Санта-Клаусу, Пасхальному Кролику и Зубной Фее. А как насчет тебя?

— Мы — обычные богобоязненные баптисты, но я о таком слышала. Думаю, он бичевал себя.

— Перестань! Люди такое делали за грехи, так?

— Да. И насколько я понимаю, это совсем не вышло из моды.

— Тогда понятно. В каком-то смысле. Зайди в ванную и посмотри на туалетный бачок.

Линда не сдвинулась с места. Ей хватило и завязанной узлами веревки. Атмосфера дома — его пустота — давила все сильнее.

— Иди. Там тебя не укусят, и я готова поставить доллар против десятицентовика, ты видала кое-что и похуже.

Линда прошла в ванную комнату. На туалетном бачке лежали два журнала. Один религиозный — «Аппер рум». Второй назывался «Юные азиатские щелки». Линда сомневалась, что его продавали во многих магазинах религиозной литературы.

— Итак, — произнесла Джекки, — что мы имеем? Он сидит на унитазе, мечет трюфели...

— Мечет *трюфели*? — Линда засмеялась, несмотря на нервное напряжение. А может, благодаря ему.

— Так это называла моя мать. В любом случае, покончив с этим, он устраивает себе бичевание, чтобы искупить грехи, а потом укладывается в постель и видит счастливые азиатские сны. Утром встает, бодрый и

очищенный от грехов, молится, потом садится на велосипед и едет в город. Логично?

Линда подумала, что скорее да, чем нет. Правда, эта версия не объясняла, почему в доме ей было не по себе.

— Давай проверим радиостанцию, — предложила она. — Потом поедем в город и выпьем кофе. Я угощаю.

— Хорошо. Мне черный. И желательно внутривенно.

Дверь в низкое, главным образом из стекла, здание студии ХНВ они тоже нашли запертой, но из динамиков, закрепленных на свесах, лился псалом «Доброй ночи, дорогой Иисус» в интерпретации Перри Комо, известного исполнителя соула. За студией высилась радиовышка, с едва видимыми в ярком утреннем свете мерцающими красными сигнальными огнями на вершине. Около вышки находилось длинное, похожее на большой сарай, строение. Линда предположила, что в нем генератор и все необходимое для того, чтобы по-прежнему рассказывать о чуде любви Божьей Западному Мэну, Восточному Нью-Хэмпширу и, возможно, планетам Солнечной системы.

Джекки постучала, потом забарабанила.

— Не думаю, что здесь кто-то есть, — сказала Линда.

Это место совершенно ей не нравилось. И в воздухе стоял какой-то странный запах, затхлый и неприятный. Запах этот напомнил ей о кухне матери, даже после интенсивного проветривания, потому что ее мать курила как паровоз и точно знала: есть можно только то, что хорошенько прожарено на раскаленной сковороде, от души смазанной свиным жиром.

Джекки покачала головой.

— Мы кого-то слышали, так?

Линда не ответила, но так оно и было. Они настроились на волну радиостанции, когда ехали от дома пастора, и услышали голос диджея, объявившего, что сейчас прозвучит «еще одно выраженное песней послание Божьей любви».

На этот раз поиски ключа заняли больше времени, но Джекки в конце концов нашла его в конверте, закрепленном липкой лентой на дне почтового ящика. Лежал в конверте и клочок бумаги, на котором кто-то нацарапал четыре цифры: 1 6 9 3.

С ключом пришлось повозиться, поначалу ничего не получалось, но он все-таки повернулся в замке. Едва они переступили порог, послышались короткие гудки охранной сигнализации. Пульт крепился к стене. Как только Джекки набрала вышеуказанные цифры, гудки смолкли. Осталась только музыка. Перри Комо сменила какая-то инструментальная композиция. Линде показалось, что она слышит органное соло из «Ин-а-Гадда-давита».

[88] Динамики в студии по качеству в тысячу раз превосходили те, что стояли снаружи, музыка звучала громче, и создавалось ощущение, что она

живая.

Неужели люди могут работать в таком святее-чем-ты грохоте? — спросила себя Линда. Отвечать на телефонные звонки? Заниматься делами? Как такое возможно?

И здесь тоже что-то было не так. Линда это ощущала. У нее не просто бежали по коже мурашки, она чувствовала нарастающий страх. И когда увидела, как Джекки расстегнула ремешок, удерживающий служебный автоматический пистолет в кобуре, сделала то же самое. Ощущение рукоятки под рукой придавало смелости. *Твой жезл и твоя рукоятка, они успокаивают меня*, подумала Линда.

— Эй! — позвала Джекки. — Преподобный Коггинс! Кто-нибудь!

Ответа не последовало. Стол секретарши пустовал. Слева находились две закрытые двери. За стеклянной стеной прямо перед женщинами перемигивались огоньки. Линда предположила, что там находится студия, откуда шли передачи.

Закрытые двери Джекки распахнула ногой, держась на расстоянии. За одной находился кабинет, за другой они увидели роскошно обставленный конференц-зал, в котором стоял телевизор с огромным плоским экраном. Он работал, но без звука. Андерсон Купер, чуть ли не в натуральную величину, вел комментарий с Главной улицы Касл-Рока. Дома занавесили флагами и желтыми лентами. Линда увидела плакат на магазине скобяных товаров: «ОСВОБОДИТЕ ИХ». От его вида Линде стало совсем жутко. Бегущая строка в нижней части экрана сообщала: «ИСТОЧНИКИ В МИНИСТЕРСТВЕ ОБОРОНЫ ГОВОРЯТ О НЕИЗБЕЖНОСТИ РАКЕТНОГО УДАРА».

— Почему телевизор работает? — удивилась Джекки.

— Потому что тот, кто здесь хозяйничает, посчитал...

Ее прервал громовой голос:

— Вы слушали «Христос — мой господин и правитель» в версии Раймонда Хоуэлла.

Обе женщины так и подпрыгнули.

— А это уже Норман Дрейк, напоминающий вам о трех важных моментах: вы слушаете программу «Час интерпретаций» на ХНВ, Бог любит вас, и Он послал Сына, чтобы Он умер за вас на кресте. Сейчас девять двадцать пять утра, и, как мы всегда напоминаем вам, время дорого. Вы уже отдали сердце Господу? Вернись после этого.

Норман Дрейк уступил место сладкоголосому дьяволу, который принялся втюхивать Библию на ди-ви-ди, особенно упирая на то, что покупку можно сделать в рассрочку, месячными платежами, и вернуть

товар, если он не доставит радости, сравнимой с той, что получает свинья, дорвавшаяся до грязи.

Линда и Джекки подошли к стеклянной стене, отделявшей их от студии. Ни Нормана Дрейка, ни сладкоголосого дьявола в ней не увидели, но, как только рекламная пауза закончилась, диджей вернулся, чтобы объявить новую песню, восхваляющую Господа: зеленая лампочка сменилась красной, красная — зеленой. Когда зазвучала музыка, еще одна красная лампа сменила цвет на зеленый.

— Все автоматизировано! — воскликнула Джекки. — Эта долбаная студия полностью автоматизирована!

— Тогда почему мы чувствуем чье-то присутствие? И не говори, что ты не чувствуешь.

— Потому что здесь жутко. Этот автомат даже сверяется со временем. Милая, такая установка стоит целое состояние! Прямо-таки призрак в машине... И сколь долго, по-твоему, все это будет работать?

— Наверное, пока не закончится пропан и не остановится генератор. — Линда заметила еще одну дверь и распахнула ее ногой, как Джекки... только в отличие от нее вытащила пистолет и держала его у бедра, на предохранителе и стволом вниз.

За дверью находилась ванная комната, пустая. На стене висела картина, изображающая очень белокожего Христа.

— Я не религиозна, — заметила Джекки, — поэтому ты должна объяснить мне, почему люди хотят, чтобы Иисус наблюдал, как они справляют нужду.

Линда покачала головой.

— Давай уйдем отсюда, прежде чем у меня поедет крыша. Эта радиостудия — та же «Мария Целеста», только на суше.

Джекки тревожно огляделась.

— Да уж, страшновато тут, доложу я тебе. — И внезапно она возвысила голос до крика, заставив Линду вздрогнуть. Та подумала, что зря Джекки так кричит. Потому что кто-то мог услышать ее и прийти. Или *что-то*. — Эй! Есть тут кто-нибудь?! Последний шанс!

Ничего. Никого.

Когда они вышли, Линда глубоко вздохнула.

— Однажды в молодости мы с друзьями поехали в Бар-Харбор. Остановились на пикник в живописном местечке. Нас было человек шесть. День выдался таким ясным, что можно было увидеть Ирландию. Когда мы поели, я сказала, что хочу всех сфотографировать. Народ начал валять дурака, принимать забавные позы, а я отходила и отходила, чтобы поймать

в кадр всех. А потом одна девушка, Арабелла, тогда моя лучшая подруга, перестала натягивать другой девушке трусы чуть ли не до пупа и крикнула: «Стой, Линда, стой!» Я остановилась, оглянулась. И знаешь, что я увидела?

Джекки покачала головой.

— Атлантический океан. Я стояла на самом краю обрыва и площадки для пикника. Предупреждающая табличка там была, но ни перил, ни ограждения. Еще шаг, и я свалилась бы вниз. То же самое я почувствовала и там.

— Лин, радиостудия *пустая*.

— Я так не думаю. Да и ты тоже.

— Там страшно, это точно. Но мы проверили все комнаты...

— Но не саму студию. Плюс работал телевизор, и радио гремело слишком уж громко. Ты же не думаешь, что оно всегда так гремит, правда?

— Откуда мне знать, что обычно делают эти святоши? Может, они ждали Апокалипса.

— Апокалипсиса.

— Как ни назови. Хочешь проверить этот сарай?

— Ни за что! — ответила Линда, заставив Джекки рассмеяться.

— Ладно. Доложим, что преподобного не нашли, верно?

— Верно.

— Тогда поехали в город. К кофе.

Прежде чем занять переднее сиденье патрульного автомобиля номер Два, Линда еще раз взглянула на здание радиостудии, которое стояло, окутанное музыкой. Все прочие звуки отсутствовали напрочь; она осознала, что не слышала ни единой птичьей трели, и задалась вопросом: не расшиблись ли все птицы о Купол? Конечно же, такого быть не могло. Или могло.

Джекки указала на микрофон:

— Хочешь, чтобы я воспользовалась громкоговорителем? Объявила всем, кто прячется, что им надо бежать в город? Потому что — я только сейчас об этом подумала — они, возможно, нас боятся.

— Я хочу одного: побыстрее закруглиться и смотаться отсюда.

Джекки не стала спорить. Задним ходом проехала короткую подъездную дорожку до Литл-Битч-роуд и там развернула патрульный автомобиль к Миллу.

Время шло. Религиозная музыка играла. Норман Дрейк вернулся и объявил, что уже девять тридцать четыре по Восточному утрунному, от любящего вас Бога, времени. Потом последовало рекламное объявление «Салона подержанных автомобилей Джима Ренни», которое зачитал сам второй член городского управления, печальным голосом остающегося в дураках:

«У нас есть «форды», «шеви», «плимуты»! У нас есть «доджрэм», который так трудно достать, и «мустанг», который достать еще труднее! У меня не один, не два, а целых три «мустанга», все как новенькие, один из них знаменитый «ви-шесть-кабриолет», и каждый со знаменитой христианской гарантией Джима Ренни. Мы обслуживаем автомобили, которые продаем, мы выдаем ссуды и делаем все это при низких-низких ценах. И прямо сейчас, — он издал еще более печальный смешок, — все со ДВОРА продать ПОРА! Так что подъезжайте. Кофеварка всегда полная, сосед, и вам ни в чем не будет отказу, Большой Джим поможет сразу».

Дверь, которую не заметила ни одна из женщин, открылась в глубине студии. За ней мерцало еще больше огней — целая галактика. Комнатушку размером с чулан заполняли провода, распределительные устройства, коммуникаторы и электронные блоки. Вроде бы для человека места там и не было, но для Шефа, не просто худого, а истощенного до предела, хватило. Его глаза блеснули из глубин черепа. Бледную кожу покрывали угри. Губы обнажали десны, потерявшие большую часть зубов. Одет он был в грязные рубашку и штаны, в которых болтались голые худые ноги: нижнее белье Шефа давно уже кануло в Лету. Скорее всего Саманта Буши не узнала бы своего мужа. В одной руке он держал сэндвич с ореховым маслом и джемом (теперь мог есть только мягкую пищу), в другой «Глок-9».

Он подошел к окну, выходящему на автомобильную стоянку, с намерением выскочить из студии и убить незваных гостей, если они еще там; он практически сделал это, когда они находились в студии. Да только испугался. Потому что демонов убить нельзя. Когда их человеческие тела умирали, демоны просто перебирались в других хозяев. А пребывая между телами, демоны выглядели как черные дрозды. Шеф видел демонов в ярких снах, которые приходили, когда он засыпал, а случалось такое все реже и реже.

Они, однако, уехали. Его атман^[89] оказался им не по зубам.

Ренни велел прекратить всю работу в сарае, и Шеф Буши прекратил, но в самом скором времени предстояло вновь запустить несколько горелок. Потому что неделей раньше в Бостон была отправлена большая партия товара, и у него остались сущие крохи. А он не мог не курить. Только этим нынче его атман и питался. Но пока курева хватало.

Он отвернулся от блюза, который когда-то казался ему таким важным в жизни — от Би-Би Кинга, Коко^[90] и Бабника^[91] Тейлор, Мадди^[92] и Воющего Волка,^[93] даже бессмертного Литл Уолтера, — и он больше не трахался. Он практически перестал справлять большую нужду — его заперло с июля. Но его это устраивало. Что унижало тело, то служило пищей атману.

Он еще раз проверил автостоянку и дорогу за ней, убедился, что демоны там не шастают, заткнул автоматический пистолет за ремень на пояснице и направился к сараю-складу, ставшему фабрикой. Фабрику, правда, пришлось закрыть, но это он мог исправить в любую минуту.

Шеф пошел за своей трубкой.

Луч фонаря Расти Эверетта гулял по складу, где хранился пропан. Потому что он и Джинни Томлинсон — теперь главный администратор медицинской службы Честерс-Милла — решили оставить электропитание только в тех частях больницы, которые не могли обесточить ни при каких обстоятельствах. Слева от него, в отдельной пристройке, ревел их большой генератор, с каждым мгновением уменьшая количество остающегося в контейнере пропана.

Большинства контейнеров нет, сказал ему Твитч и не погрешил против истины. *По описи, что висит на двери, на складе должно быть семь контейнеров, а их только два.* В этом как раз ошибся. На складе стоял только один контейнер. Расти прошелся лучом по синей надписи «БОЛЬНИЦА КР» на серебристой боковой стенке контейнера под логотипом компании поставщика «Мертвая река».

— Я же тебе говорил, — раздался за спиной голос Твитча, и Расти от неожиданности вздрогнул.

— Ты говорил неправильно. Контейнер только один.

— Чушь! — Твитч прошел на склад. Оглядел обширную — по большей части пустую — центральную часть склада, тогда как луч фонаря Расти освещал коробки на полках у стен. — Нет, не чушь.

— Согласен.

— Бесстрашный лидер, кто-то крадет наш пропан.

Расти не хотелось в это верить, но и другого объяснения он найти не мог.

Твитч присел.

— Посмотри сюда.

Расти опустился на колено. Участок в четверть акра за больницей заасфальтировали прошедшим летом, и, поскольку холода еще не наступили, асфальт нигде не треснул и не вздыбился, площадка оставалась ровной и темной. Поэтому не составляло труда разглядеть следы от колес грузовика перед сдвижными дверьми склада.

— Похоже, приезжал муниципальный грузовик, — заметил Твитч.

— Или любой другой большой грузовик.

— Тем не менее отчего бы тебе не проверить сарай за муниципалитетом. Твитч не доверять Большой Вождь Ренни. Нехороший человека.

— Зачем ему брать наш пропан? У членов городского управления достаточно своего.

Они направились к двери в прачечную больницы — тоже прекратившую работу, во всяком случае, пока. Около двери стояла скамья. К кирпичной стене крепилась табличка с надписью: «КУРЕНИЕ ЗДЕСЬ БУДЕТ ЗАПРЕЩЕНО С ПЕРВОГО ЯНВАРЯ. БРОСАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ ПРОБЛЕМ».

Твитч достал пачку «Мальборо», предложил Расти. Тот помахал рукой, потом передумал, взял одну. Твитч дал ему прикурить, прикурил сам.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю что?

— Что у них достаточно своего пропана. Ты проверял?

— Нет. Но если уж они решили браконьерствовать, почему на нашей территории? Грабить местную больницу обычно считается дурным тоном у более-менее приличных людей, да и почта находится рядом. У них наверняка есть пропан.

— Может, Ренни и его друзья уже оприходовали пропан с почты. Да и сколько там могло быть? Один контейнер? Два? Семечки.

— Я не понимаю, зачем им пропан. Это же не имеет смысла.

— Тут ничего не имеет смысла. — Твитч так яростно зевнул, что Расти услышал хруст суставов.

— Как я понимаю, ты закончил обход? — Расти не мог не оценить сюрреалистичность своего вопроса. После смерти Хаскела он стал главным врачом больницы, а Твитч — тремя днями ранее медбрат — занял его прежнюю должность: фельдшера.

— Да. — Твитч вздохнул. — Мистер Кэрти этот день не протянет.

Насчет Эда Кэрти Расти придерживался того же мнения. У него выявили последнюю стадию рака желудка, и Расти думал, что старик умрет недель раньше, но он еще цеплялся за жизнь.

— Без сознания?

— Так точно, сэнсэй. — Остальных пациентов Твитч мог сосчитать по пальцам одной руки, и Расти полагал, что в этом им невероятно повезло. Он подумал, что даже мог бы почувствовать себя счастливым, если бы не такая сильная усталость и тревога. — Состояние Джорджа Уэрнера можно считать стабильным. — У Уэрнера, шестидесятилетнего толстяка, проживающего в Истчестере, в День Купола случился инфаркт миокарда. Расти склонялся к тому, что тот выкарабкается... на этот раз. — Что же касается Эмили Уайтхаус... — Твитч пожал плечами. — Тут все гораздо хуже, сэнсэй. — Эмми Уайтхаус, сорокалетняя и без единой унции жира,

тоже лежала с инфарктом миокарда, который свалил ее примерно через час после инцидента с Рори Динсмором. Только у нее инфаркт был куда обширнее, чем у Джорджа Уэрнера: сдвинутая на физических упражнениях, она заполучила его во время занятий в тренажерном зале. «Спортзальный удар», так это называл доктор Хаскел. — Фримен поправляется, Джимми Сируа держится, а Нора Коувленд уже в полном порядке. Выписка после ленча. В целом все не так плохо.

— Да, — кивнул Расти, — но будет хуже. Это я тебе гарантирую. И... если тебе раздробит череп, ты бы хотел, чтобы я тебя прооперировал?

— Пожалуй, что нет. Я продолжаю надеяться, что появится Грегори Хаус.

Расти бросил окурок в урну и посмотрел на практически пустой склад. Может, действительно стоило заглянуть в пристройку за муниципалитетом, где стоял генератор... Кому это могло повредить?

На этот раз зевнул он сам.

— Как долго ты сможешь это выдерживать? — спросил Твитч. Веселое добродушие ушло из голоса. — Я спрашиваю только потому, что сейчас, кроме тебя, у города никого нет.

— Сколько придется. Но от слишком уж сильной усталости могу где-то напортачить, и это меня тревожит. Или я могу столкнуться с тем, что мне не под силу. — Он подумал о Рори Динсморе... и Джимми Сируа. С последним дело обстояло похуже, потому что Рори врачебная ошибка уже не могла повредить. А вот Джимми...

Расти увидел себя в операционной, вслушивающимся в мягкое пиканье оборудования. Увидел, как смотрит на белокожую голую ногу Джимми с черной линией, показывающей, где должен пройти разрез. Подумал о Дуги Твитчеле, демонстрирующем навыки анестезиолога. Почувствовал, как Джинни Томлинсон вкладывает скальпель в его затянутую в перчатку руку, а потом смотрит на него поверх маски холодными синими глазами.

Боже, убереги меня от этого!

Твитч коснулся руки Расти.

— Не бери в голову. Живи сегодняшним днем.

— Хрена с два, сегодняшним часом. — Расти поднялся. — Мне надо пойти в Центр здоровья, посмотреть, что там. Слава Богу, это произошло не летом. Иначе нам пришлось бы иметь дело с тремя тысячами туристов и семью сотнями детей в летних лагерях.

— Составить тебе компанию?

Расти покачал головой.

— Лучше загляни к Эду Кэрти. Выясни, по-прежнему ли он в стране живых.

Расти еще раз взглянул на склад, где хранился пропан, обогнул угол больницы и по диагонали направился к Центру здоровья на другой стороне Кэтрин-Рассел-драйв.

Джинни, разумеется, находилась в больнице; собиралась доставить миссис Коувленд маленькую радость — взвесить перед тем, как отправить домой. За столом регистратора в Центре здоровья сидела семнадцатилетняя Джина Буффалино, медицинский опыт которой составлял ровно шесть недель, проведенных на курсах медсестер-волонтеров. Когда Расти вошел, Джина одарила его испуганным взглядом оленихи, внезапно освещенной фарами, и сердце Расти упало, но приемная пустовала, и он расценил это как добрый знак. Очень даже добрый знак.

— Кто-нибудь звонил?

— Только миссис Вендзино с Блэк-Ридж-роуд. Ее малыш просунул голову между стойками манежа. Она хотела, чтобы прислали «скорую». Я... я посоветовала ей смазать голову ребенка оливковым маслом и посмотреть, не удастся ли вытащить ее из ловушки. Сработало.

Расти улыбнулся. Может, от девочки будет прок. Джина, на лице которой отразилось облегчение, тоже улыбнулась.

— Здесь по крайней мере никого, — отметил Расти. — И это отлично.

— Не совсем. Пришла Андреа Гриннел. Я отправила ее в третью. — Джина замялась. — Она чем-то очень расстроена.

Настроение Расти, уже начавшее подниматься, резко пошло вниз. Андреа Гриннел. И расстроенная. Сие означало, что она хотела увеличить прописанную ей дозу оксиконтин. Чего он, при всем желании, сделать не мог, пусть даже в «Аптечном магазине Энди Сандерса» этого препарата хватало.

— Ладно. — Он двинулся по коридору к смотровой номер три, остановился, посмотрел на Джину: — Но ты не сбросила мне сообщение на пейджер.

Джина покраснела:

— Она попросила меня этого не делать.

Удивление Расти длилось не больше секунды. У Андреа могла быть лекарственная зависимость, но на отсутствие ума она пожаловаться не могла. И понимала, если Расти в больнице, то почти наверняка с Твитчем. А Дуги Твитчела, ее младшего братика, даже в возрасте тридцати девяти лет следовало оберегать от некоторых нелицеприятных фактов жизни.

Расти постоял перед дверью с черной цифрой «3», стараясь собраться с мыслями. Дело предстояло сложное. Андреа не относилась к

воинственным алкоголикам, громогласно заявляющим, что выпивка не имеет никакого отношения к их проблемам; и не имела ничего общего с наркоманами, подсевшими на мет, которых за последний год все прибавлялось и прибавлялось. По существу, Андреа не несла ответственности за случившееся с ней, что только усложняло ситуацию. Конечно же, после падения боль мучила ее. И окси представлялся наиболее оптимальным вариантом, позволившим ей спать и начать лечение. И не было ее вины в том, что препарат, столь ей необходимый, является «деревенским героином», как его прозвали врачи.

Он открыл дверь и вошел, репетируя свой отказ. *Вежливо, но твердо*, говорил он себе. *Вежливо, но твердо*.

Она сидела в углу, под плакатом, предупреждающим о вреде избытка холестерина, склонив голову над лежащей на коленях сумочкой. Крупная женщина, которая теперь выглядела совсем маленькой. Каким-то образом сжавшейся. А когда она подняла голову, чтобы взглянуть на него, и Расти увидел, как осунулось ее лицо — глубокие морщины у рта, почти черная кожа под глазами, он передумал и решил, что все-таки выпишет лекарство на одном из розовых рецептурных бланков доктора Хаскела. А после завершения купольного кризиса, возможно, уговорит ее провести курс детоксикации, пригрозив, что поставит в известность брата. Но теперь он собирался выписать ей лекарство. Потому что редко видел человека, которому оно так требовалось.

— Эрик... Расти... у меня беда.

— Я знаю. Вижу. Я выпишу...

— Нет! — Она в ужасе посмотрела на него. — Нет, даже если я буду молить об этом! Я — наркоманка и должна избавиться от зависимости! Я — чертова старая наркоманка! — Ее лицо перекосилось. Она попыталась справиться с этим, но не смогла и закрыла его руками. Рыдания, которые рвали сердце, прорывались сквозь пальцы.

Расти подошел, опустился на колено, обнял ее:

— Андреа, это хорошо, что ты хочешь остановиться... прекрасно... но, возможно, сейчас не самое лучшее время...

Она посмотрела на него мокрыми от слез, покрасневшими глазами.

— Ты совершенно прав, хуже времени не найти, но мне это надо сделать сейчас. И ты не должен говорить ни Дуги, ни Роуз. Ты сможешь мне помочь? Это возможно? Потому что я не смогу, одна — не смогу. Эти ненавистные розовые таблетки! Я кладу их в аптечный шкафчик и говорю себе: «На сегодня — все», а часом позже снова их достаю! Никогда не попадала в такую передрыгу, никогда в жизни! — Она понизила голос,

словно делясь важным секретом: — Теперь я не думаю, что причина в спине, я думаю, моя голова велит спине болеть, чтобы я могла принять эти чертовы пилюли.

— Почему именно сейчас, Андреа?

Она только покачала головой.

— Сможешь ты мне помочь или нет?

— Смогу. Но если ты думаешь, что будет легко, не обольщайся. Впервые, у тебя... — На мгновение он увидел Джанни, ее всю трясло, она что-то бормотала о Большой Тыкве. — У тебя начнутся судороги.

Она то ли не поняла, то ли пропустила мимо ушей.

— Как долго?

— Чтобы снять физическую зависимость? Две недели. Может, и три. — *И то при благоприятном раскладе*, подумал он, но оставил эту мысль при себе.

Она схватила его за руку ледяными пальцами.

— Слишком долго.

Крайне неприятная мысль сверкнула в голове Расти. Возможно, из-за постоянного стресса у него возникла паранойя, но логике бытия мысль эта не противоречила.

— Андреа, тебя кто-нибудь шантажирует?

— Ты шутишь? Все знают, что я принимаю эти таблетки, городок-то маленький. — Но по мнению Расти, она ушла от ответа на его вопрос. — А какой максимально быстрый срок?

— С уколами витамина B₁₂, плюс тиамин и другие витамины, возможно, хватит и десяти дней. Но для тебя это будут ужасные дни. Ты практически не сможешь спать. Конечности, особенно ноги, будут постоянно дергаться в конвульсиях. Причем сильных. Не зря это называется «дать пинка зависимости». И тебе нужен человек, который будет постоянно снижать дозу. Человек, который будет держать таблетки при себе и не давать тебе лишнего, как бы ты ни просила. Потому что просить ты станешь.

— Десять дней? — с надеждой переспросила Андреа. — К тому времени и с этим все закончится, так? С Куполом?

— Может, уже и сегодня. На это мы все надеемся.

— Десять дней, — повторила она.

— Десять дней, — кивнул он.

Но желание принимать эти чертовы таблетки останется у тебя до конца твоих дней. Но Расти не озвучил эту мысль.

В понедельник с утра народ валил в «Эглантерию», как никогда раньше... но, разумеется, в истории города еще не было такого понедельника. Однако многие посетители без особых протестов разошлись, когда Роуз объявила, что гриль закрыт и не откроется до пяти вечера.

— И к тому времени, возможно, вы сможете добраться до «Моксис» в Касл-Роке и поесть там! — закончила она.

Ее слова вызвали аплодисменты, пусть даже та забежаловка славилась отвратительным качеством еды и грязью на столиках.

— Никакого ленча? — спросил Эрни Кэлверт.

Роуз посмотрела на Барби, тот поднял руки, как бы говоря: «Меня не спрашивай».

— Сандвичи, — ответила Роуз. — Пока они не закончатся.

Вновь раздались аплодисменты. В это утро люди излучали оптимизм: повсюду слышались смех и добродушные шутки. Возможно, самым точным показателем улучшения духовного состояния города служил базарный стол в глубине ресторана: там возобновилась привычная дискуссия.

В немалой степени способствовал тому и работавший над стойкой телевизор, настроенный на канал Си-эн-эн. Говорящие головы распространяли по большей части слухи, но они обнадеживали. Несколько ученых, у которых взяли интервью, заявляли, что у крылатой ракеты большие шансы пробить Купол и положить конец кризису. Один рассчитал, что шансы на успех «выше восьмидесяти процентов». *Но разумеется, он из кембриджского МТИ,* ^[94] *подумал Барбара. Там можно позволить себе оптимизм.*

Когда он отчищал гриль, в дверь постучали. Барби оглянулся и увидел Джулию Шамуэй в окружении троих подростков. В такой компании она выглядела школьной учительницей на экскурсии. Барби направился к двери, вытирая руки о фартук.

— Если мы будем кормить всех, кто хочет есть, то очень скоро останемся без продуктов, — раздраженно бросил Энсон, вытирая столы. Роуз вновь отправилась в «Мир еды», чтобы купить мясо.

— Не думаю, что она хочет есть, — ответил Барби и не ошибся.

— Доброе утро, полковник Барбара. — На губах Джулии играла улыбка Моны Лизы. — Правда, мне хочется называть тебя майор Барбара.

Как в...

— ...в пьесе,^[95] я знаю. — Барбаре и прежде доводилось слышать эту фразу несколько раз. Порядка десяти тысяч. — Это твоя команда?

Команду составляли один очень уж высокий, очень уж тощий подросток с копной каштановых волос, один коренастый паренек в мешковатых шортах и вылинявшей футболке с надписью «50 Центов»^[96] и одна симпатичная миниатюрная девушка с молнией на щеке. Не татуировка — переводная картинка, молния тем не менее придавала ей бесшабашности. Барбара подумал, что девушка не поняла бы, о ком речь, если бы он ей сказал, что она напоминает ему Джоан Джетт,^[97] какой та была в старшей школе.

— Норри Кэлверт. — Джулия коснулась плеча девушки. — Бенни Дрейк. А этот верзила — Джозеф Макклэтчи. Вчерашняя демонстрация протеста — его идея.

— Но я представить себе не мог, что кто-то получит травму.

— Если кто-то и получил, твоей вины в этом нет, — заверил его Барби. — Так что расслабься.

— Вы действительно Главный? — спросил Бенни, окинув Барбару взглядом.

Тот засмеялся:

— Нет. Я даже и пытаться не буду стать Главным без крайней на то необходимости.

— Но вы знаете солдат, которые там стоят? — спросила Норри.

— Лично — нет. Во-первых, они — морпехи. Я служил в армии.

— Ты по-прежнему в армии, если верить полковнику Коксу, — поправила его Джулия. Губы изгибала холодная улыбка, но глаза возбужденно поблескивали. — Можем мы поговорить с тобой? У юного мистера Макклэтчи есть идея, и я думаю, что она — совершенно блестящая. Если ее удастся реализовать.

— Удастся, — уверенно заявил Джо. — Когда речь идет о компьютерной хре... о компьютерах, я — Главный.

— Прощу в мой кабинет. — И Барби повел их к стойке.

Идея действительно оказалась блестящей, но до половины одиннадцатого оставалось совсем ничего, и если они хотели ее реализовать, то следовало поторопиться.

Барбара повернулся к Джулии:

— Мобильник при...

Джулия припечатала мобильник к его ладони, прежде чем он успел закончить фразу.

— Телефон Кокса в записной книжке.

— Отлично. Если б я знал, как добратся до записной книжки.

Джо взял телефон.

— Вы откуда, из Средневековья?

— Да! — воскликнул Барбара. — В ту пору бесстрашными рыцари были, а девы под платьем белья не носили.

Норри громко рассмеялась, а когда подняла маленький кулачок, Барби стукнул по нему своим большим.

Джо нажал пару кнопок на маленькой клавиатуре. Послушал, потом протянул мобильник Барби.

Кокс, должно быть, все еще держал руку на телефоне, потому что уже говорил, когда Барби поднес трубку к уху.

— Как дела, полковник? — спросил Кокс.

— В принципе у нас порядок.

— И это только начало.

Легко вам так говорить, подумал Барбара.

— Как я понимаю, ничего не изменится, пока ракета не отскочит от Купола или не пробьет его, нанеся при этом существенный урон лесам и фермам на нашей стороне. Чему горожане Честерс-Милла сильно порадуются. Что говорят ваши люди?

— Немного. Никто ничего не предсказывает.

— По телевизору я слышу другое.

— У меня нет времени следить за говорящими головами. — Барби почувствовал, что у Кокса все эти прогнозы доверия не вызывают. — Мы надеемся. Думаем, что попали в десятку. Образно говоря.

Джулия сводила и разводила ладони, как бы говоря: «Чего ждем?»

— Полковник Кокс, я сижу с четырьмя друзьями. Один из них — молодой человек, которого зовут Джо Макклэтчи, и у него очень даже

клевая идея. Я прямо сейчас передаю ему мобильник... — Джо так замотал головой, что волосы едва от нее не оторвались. Барби на это внимания не обратил. — ...чтобы он ее изложил. — И протянул мобильник Джо: — Излагай.

— Но...

— Не спорь с Главным, сынок. Излагай.

Джо начал неуверенно, со множеством «э», «ну», «вы понимаете», но идея его захлестнула, он разошелся, заговорил грамотно, стал четко излагать мысли. Потом стал слушать. Через какое-то время заулыбался. Несколькими мгновениями позже воскликнул:

— Да, сэр! Благодарю, сэр! — и протянул мобильник Барби. — Они все проверят и попытаются разогнать наш вай-фай до того, как запустят ракету! Это просто офигительно! — Взглянув на Джулию, он тут же поправился: — Извините, миз Шамуэй, я хотел сказать, не слабо!

— Не важно. Ты действительно сможешь это сделать?

— Вы шутите? Никаких проблем.

— Полковник Кокс! Насчет вай-фая это правда? — спросил Барби.

— Мы не можем остановить то, что вы пытаетесь сделать. Я думаю, ты сам изначально мне на это указал. Вот мы и пытаемся помочь. У вас будет самый быстрый Интернет в мире, во всяком случае, на сегодняшний день. Между прочим, у вас там умный парнишка.

— Да, сэр, и у меня такие же впечатления. — Барби посмотрел на Джо и поднял руку, оттопырив большой палец. Парнишка сиял.

— Если идея парня сработает и вы все запишете, позаботьтесь о том, чтобы мы получили копию. Мы тут тоже все запишем, но ученые, которые занимаются Куполом, захотят увидеть, как это выглядит с вашей стороны Купола.

— Я думаю, у нас получится даже лучше, — ответил Барби. — Если Джо сможет все связать, большая часть населения города будет наблюдать за происходящим вживую.

На этот раз Джулия подняла кулак. Улыбаясь, Барби стукнул по нему.

— Вот дерьмо! — воскликнул Джо. Благоговение, отразившееся на лице, скинуло ему пять лет, превратив в восьмилетнего. Они с Барби стояли примерно в тридцати ярдах от того места, где Купол пересекал Литл-Битчроуд. И взгляд Джо был обращен не на солдат, которые повернулись к ним лицом, чтобы посмотреть, что они будут делать. Его зачаровала предупредительная полоса, которая тянулась по Куполу, и большая красная буква «Х».

— Военные сворачивают лагерь, — заметила Джулия, обращаясь к Барби. — Палаток уже нет.

— Это точно. Примерно... — Барби посмотрел на часы, — через девяносто минут тут станет очень жарко. Сынок, тебе лучше приступить к делу. — Но теперь, стоя на этой пустынной дороге, он засомневался: а сможет ли Джо сделать что обещал?

— Да, но... вы видите деревья?

Барби поначалу не понял. Посмотрел на Джулию, которая пожала плечами. Потом Джо подсказал, и он увидел. Ветви деревьев на стороне Таркера гнулись под достаточно сильным осенним ветром, осыпая стоящих на земле морпехов дождем разноцветных листьев. На стороне Милла ветви едва двигались, и большинство деревьев еще не начали сбрасывать листву. Барби знал, что воздух проходит через барьер, но, судя по всему, ему приходилось просачиваться кое-как. А ветер Купол полностью нивелировал. Он вспомнил, как на пару с Полом Гендроном, парнем в бейсболке Тюленей, набрел на маленький ручеек и увидел, что барьер служит плотиной.

— Листья на нашей стороне, — подала голос Джулия, — ну, не знаю... какие-то вялые. Поникшие.

— Все потому, что на их стороне ветер, а на нашей только легкое дуновение, — ответил Барби, а потом подумал: так ли это? И только ли в отсутствии ветра дело? Но стоило ли гадать о текущем состоянии воздуха в Честерс-Милле, если с этим они ничего не могли поделать? — Давай, Джо. Делай что собирайся.

По пути на «приусе» Джулии они завернули в дом Макклэтчи, чтобы взять «пауэрбук» Джо. (Миссис Макклэтчи заставила Барби поклясться, что ее сын будет в полной безопасности, и Барби поклялся.) Теперь Джо указал на дорогу:

— Здесь?

Барби поднял руки к лицу, посмотрел на красную «Х».

— Чуть левее. Можем мы попробовать? Посмотреть, как это будет выглядеть?

— Да. — Джо открыл «пауэрбук», включил. «Мак», как и всегда, мелодично звякнул, но Барби подумал, что никогда не видел ничего более сюрреалистичного, чем серебристый компьютер с поднятым экраном, стоящий на неровном асфальте Литл-Битч-роуд. Он как будто олицетворял собой события трех последних дней. — Аккумулятор новый, заряжен полностью, проработает не меньше шести часов.

— Он не перейдет в спящий режим? — спросила Джулия.

Джо одарил ее снисходительным взглядом: *Мама, пожалуйста, не надо*. Вновь повернулся к Барби:

— Если ракета сожжет мой комп, вы обещаете купить мне новый?

— Новый тебе купит Дядя Сэм. Я лично напишу заявку.

— Класс!

Джо склонился над «пауэрбуком». Над экраном располагался маленький серебряный бочонок. Одно из современных компьютерных чудес под названием айсайт, объяснил им Джо. Он прошелся пальцем по сенсорной панели, нажал на клавишу «ВВОД», и внезапно экран заполнил яркий кусочек Литл-Битч-роуд. С такого расстояния каждый бугорок на асфальте казался горой. Вдали Барби увидел отрезанные по колено ноги морпехов.

— Сэр! Есть картинка, сэр? — спросил один из них.

Барби поднял голову.

— Вот что я тебе скажу, морпех: если бы я проводил проверку, ты бы сейчас отжимался, а моя нога стояла бы на твоей заднице. На твоём левом ботинке царапина. И это недопустимо при выполнении небоевого задания.

Морпех посмотрел на свой левый ботинок с царапиной на нем. Джулия рассмеялась. Джо — нет. Он увлекся.

— Слишком низко. Миз Шамуэй, есть у вас в машине что-нибудь такое, чтобы мы смогли?.. — Он поднял руку на три фута над асфальтом.

— Есть.

— И принесите мою спортивную сумку. — Он проделал еще какие-то манипуляции с «пауэрбуком», протянул руку: — Мобильник! — Барби передал. Джо нажимал на крошечные кнопки с невероятной скоростью. — Бенни? Ох, Норри, ладно. Вы уже там?.. Отлично. Готов спорить, никогда не бывали в пивной. Вы готовы?.. Отлично. Ждите! — Он послушал, потом улыбнулся. — Ты шутишь? Чувиха, если исходить из того, что я вижу,

штука что надо. Они ускоряют вай-фай. Пока. — Джо выключил мобильник, вернул Барбаре.

Джулия принесла спортивную сумку Джо и картонную коробку, в которой лежали оставшиеся экземпляры воскресного экстренного выпуска «Демократа». Джо поставил «пауэрбук» на картонную коробку (картинка на экране мгновенно устремилась вверх, отчего Барби почувствовал легкое головокружение), проверил его и объявил, что все тип-топ. Порылся в спортивной сумке, достал черную коробочку с антенной, подсоединил к компьютеру. Солдаты, собравшиеся по ту сторону Купола, с интересом наблюдали. *Теперь я знаю, что чувствуют рыбы в аквариуме*, подумал Барби.

— Вроде нормально, — пробормотал Джо. Загорелась зеленая лампочка.

— Не позвонить ли тебе...

— Если все работает, они позвонят мне, — ответил Джо. Потом добавил: — Ох, а вот это, похоже, беда.

Барби подумал, что речь идет о компьютере, но подросток смотрел совсем в другую сторону. Проследив за его взглядом, Барби увидел зеленый автомобиль начальника полиции. Ехал он не торопясь, но с включенными мигалками. Когда остановился, из-за руля вылез Пит Рэндолф. А со стороны пассажирского сиденья (патрульный автомобиль качнуло, когда оно освободилось от придавливающей его массы) появился Большой Джим Ренни.

— И что, по-вашему, вы тут делаете? — спросил он.

В руке Барби зажужжал мобильник. Он протянул его Джо, не отрывая глаз от приближающихся члена городского управления и начальника полиции.

Над дверью «Дипперса» висела вывеска с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА САМУЮ БОЛЬШУЮ ТАНЦПЛОЩАДКУ В МЭНЕ», и впервые в истории ночного клуба народ толпился на этой танцплощадке в 11.45 утра. Томми и Уиллоу Андерсоны приветствовали приезжающих у двери примерно так же, как священники приветствуют прихожан в церкви. В данном случае Первой церкви рок-групп из Бостона.

Поначалу люди стояли спокойно, потому что на большом экране они могли увидеть только одно синее слово «ПОДОЖДИТЕ». Бенни и Норри подключили свое оборудование и настроили телевизор на четвертый канал. Потом внезапно на экране появился кусок Литл-Битч-роуд в цвете, даже с яркими осенними листьями, кружащимися у ног часовых-морпехов.

Толпа отреагировала аплодисментами и радостными криками.

Бенни вскинул руку, ладонью шлепнул по ладони Норри, чего той, однако, показалось недостаточно, и она поцеловала его в губы, поцеловала крепко. И этот момент стал самым счастливым в жизни Бенни, даже лучше тех мгновений, когда он в полный рост мчался по фулл-пайпу.

— Позвони ему! — потребовала Норри.

— Будет исполнено. — Лицо у Бенни пылало, но он улыбался. Нажал на кнопку повторного вызова и приложил мобильник к уху. — Чувак, мы все получили. Картинка такая великолепная, что...

Джо оборвал его:

— Хьюстон, у нас проблема. [\[98\]](#)

— Я не знаю, что вы тут делаете, — поддержал его чиф Рэндолф, — но я хочу получить объяснения, а пока я их не получил, эту штуковину надо выключить. — И он указал на «пауэрбук».

— Простите, сэр, — подал голос один из морпехов, с нашивками второго лейтенанта. — Это полковник Барбара, и в проводимой операции право официального разрешения принадлежит ему.

Большой Джим одарил его самой саркастической из своих улыбок. На шее пульсировала вена.

— Этот человек если и полковник, то смутьянов. Он кашеварит в местном ресторане.

— Сэр, у меня приказ...

Большой Джим потряс пальцем.

— В Честерс-Милле единственное официальное правительство, которое мы признаем, наше собственное, солдат, и я его представитель. — Он повернулся к Рэндолфу: — Чиф, если этот мальчишка не собирается выключать его, вытащи штепсель.

— Насколько я вижу, никакого штепселя нет. — Рэндолф переводил взгляд с Барби на второго лейтенанта морпехов и Большого Джима. Начал потеть.

— Тогда двинь сапогом по этому чертову экрану! Разломай его!

Рэндолф шагнул к компьютеру. Джо, испуганный, но решительный, заслонил собой «пауэрбук» и картонную коробку. В руке он по-прежнему держал мобильник.

— Вам этого лучше не делать. Компьютер мой, и я не нарушаю никакие законы!

— Назад, чиф! — подал голос Барбара. — Это приказ. Если вы по-прежнему признаете правительство страны, в которой живете, вы его исполните.

Рэндолф оглянулся:

— Джим, может...

— Никаких «может»! — отрезал Большой Джим. — В данный момент страна, в которой ты живешь, здесь. Разломай этот ёханный компьютер!

Джулия выступила вперед, схватила «пауэрбук», развернула его так, чтобы камера смотрела на вновь прибывших. Пряди волос вырвались из собранного на затылке пучка и обрамляли розовые щеки. Барби подумал,

что она удивительно красива.

— Спроси Норри, видят ли они! — велела она Джо.

Улыбка Большого Джима застыла гримасой.

— Женщина, поставь это на место!

— Спроси, видят ли они!

Джо заговорил в мобильник. Послушал. Потом ответил:

— Видят. Видят мистера Ренни и патрульного Рэндолфа. Норри говорит: они хотят знать, что происходит.

На лице Рэндолфа отразился страх, на лице Ренни — ярость.

— Кто хочет знать? — спросил Рэндолф.

— Мы ведем прямую трансляцию в «Дипперсе»...

— Этой яме греха! — Большой Джим сжал кулаки.

Барби прикинул, что мужчина весит фунтов на сто больше положенного, и он скорчил гримасу, когда шевельнул правой рукой, будто потянул ее, — но выглядел так, что может ударить. Да, в тот момент Ренни выглядел таким обезумевшим, что вполне мог ударить... хотя Барбара не знал, кому достанется этот удар. Ему, женщине или подростку. Возможно, не знал и сам Ренни.

— Люди начали собираться там без четверти одиннадцать, — продолжила Джулия. — Новости распространяются быстро. — Она улыбнулась, склонила голову набок. — Хочешь помахать рукой своим избирателям, Большой Джим?

— Это блеф! — фыркнул тот.

— С чего мне блефовать, если это так легко проверить? — Джулия повернулась к Рэндолфу: — Позвони кому-нибудь из своих копов и спроси, где в это утро собирается народ. — Она вновь посмотрела на Джима: — Если ты разобьешь этот компьютер, сотни людей узнают, что именно ты не дал им стать свидетелями события, которое напрямую их касается. От которого, возможно, зависит их жизнь.

— У вас нет разрешения!

Барбара, который обычно умел держать себя в руках, почувствовал закипающую злость. Ренни не был глупцом; определенно не был. И именно это особенно выводило Барбару из себя.

— А в чем, собственно, проблема? Вы видите здесь какую-то опасность? Я вот не вижу. Мы просто хотим настроить компьютер, организовать трансляцию, потом уехать.

— Если ракета не принесет желаемого результата, может начаться паника. Узнать о неудаче — это одно, увидеть своими глазами — совсем другое. Люди могут наломать дров.

— Вы очень низкого мнения о людях, которыми руководите.

Большой Джим открыл рот, чтобы ответить (*Что-то вроде «И они подтверждают это мнение, снова и снова»*), как подумал Барби), но вспомнил, что немалая часть населения города видит эту самую стычку на экране большого телевизора. Возможно, с высоким разрешением.

— Советую тебе стереть с лица эту свою улыбочку, Барбара.

— Полиция у нас обеспечивает порядок и в выражениях лиц? — полюбопытствовала Джулия.

Пугало Джо прикрыл рукой рот, но лишь после того, как Рэндолф и Большой Джим увидели его ухмылку. И услышали смешок, прорвавшийся между пальцами.

— Люди, вам бы лучше очистить территорию, — посоветовал второй лейтенант.

— Джулия, направь камеру на меня, — распорядился Барби.

Она так и поступила.

В «Дипперсе» никогда не собиралось так много народу, даже на знаменательное шоу по случаю наступления нового, 2010 года, в котором участвовали «Ватикан секс киттенс».^[99] Более пятисот человек стояли плечом к плечу, ногой к ноге, наблюдая, как «пауэрбук-про» Джо Макклэтчи совершает головокружительный разворот на сто восемьдесят градусов и нацеливается на Дейла Барбару.

— А вот и мой молодец, — пробормотала Роуз Твитчел и улыбнулась.

— Всем привет! — поздоровался Барби, и картинка была так хороша, что несколько человек крикнули: «Привет!» — Я Дейл Барбара, и меня восстановили на службе, присвоив звание полковника армии Соединенных Штатов. — Последнее встретили удивленными криками. — Я целиком и полностью несу ответственность за эту видеотрансляцию с Литл-Битч-роуд, и, как вы могли заметить, я и член городского управления Ренни не сошлись во мнениях на предмет продолжения этой трансляции. — На этот раз крики прозвучали более громкие и уже не радостные. — В это утро у нас нет времени спорить, кто здесь главный. Мы собираемся нацелить камеру на то место, куда должна ударить ракета. Будет трансляция продолжена или нет, целиком и полностью зависит от вашего второго члена городского управления. Если он прекратит передачу, со всеми вопросами, пожалуйста, к нему. Благодарю за внимание.

И Барбара вышел из картинки. Какое-то время собравшиеся на танцплощадке видели только деревья, но картинка повернулась, сместилась, и камера нацелилась на зависшую в воздухе букву «Х». За ней часовые укладывали еще остававшееся снаряжение в два больших грузовика.

Уилл Фримен, владелец местного салона «Тойоты» (и не друг Джеймсу Ренни), сказал прямо в телевизор:

— Оставь компьютер в покое, Джимми, а не то к концу этой недели в Милле появится новый член городского управления.

Толпа одобрительно загудела. Горожане спокойно стояли, не отрывая глаз от экрана и ожидая, продолжится ли текущая программа — и скучная, и невероятно волнительная — или трансляцию оборвут.

— Так что мне делать, Большой Джим? — Рэндолф достал из кармана носовой платок и вытер шею под затылком.

— А что *ты* хочешь сделать? — ответил Большой Джим вопросом.

И впервые с того момента, как он заполучил ключи от зеленого патрульного автомобиля начальника полиции, Пит Рэндолф подумал, что готов отдать их кому-то еще. Вздыхнул.

— Я хочу оставить все, как есть.

Большой Джим кивнул, как бы говоря: «*Что ж, решать тебе*». Потом улыбнулся, если, конечно, оттянутые назад губы могли сойти за улыбку.

— Что ж, ты начальник полиции. — Он повернулся к Барби, Джулии и Пугалу Джо. — Нас перехитрили. Не так ли, мистер Барбара?

— Заверяю вас, у нас и в мыслях такого не было, сэр.

— Собачье... экскременты. Это попытка захватить власть, чистая и неприкрытая. Я видел, как такие попытки приносили успех... и как они проваливались. — Он шагнул к Барбаре, потирая правую руку, которая доставляла ему беспокойство. С такого расстояния до Барби долетали запахи одеколона и пота Ренни. Возможно, Джулия не слышала последующей тирады. Но Барби услышал. — Ты все поставил на кон, сынок. До последнего цента. Если ракета пробьет Купол, ты победил. Если отскочит... берегись меня. — На мгновение его глаза, прячущиеся в складках плоти, но светящиеся холодным, безжалостным умом, поймали взгляд Барбары и уже не отпускали его. Потом он отвернулся. — Поехали, чиф Рэндолф. Ситуация еще больше усложнилась, спасибо мистеру Барбаре и его друзьям. Нам надо вернуться в город. И собрать наши войска на случай бунта.

— Ничего более нелепого я не слышала за всю свою жизнь! — воскликнула Джулия.

Большой Джим отмахнулся от нее, не оборачиваясь.

— Хочешь поехать в «Дипперс», Джим? — спросил Рэндолф. — Время у нас есть.

— Ноги моей не будет в этом гнезде блуда! — Большой Джим открыл пассажирскую дверцу патрульного автомобиля. — Что я хочу, так это лечь и поспать. Но я не лягу, потому что полно дел. На мне лежит огромная ответственность. Я на нее не напрашивался, но она на мне.

— Некоторые люди просто великие, а на некоторых величие валят

лопатой, не правда ли, Джим? — Джулия холодно улыбнулась.

Ренни повернулся к ней, и откровенная ненависть, проступившая на его лице, заставила ее отступить на шаг. Но он не сказал Джулии ни слова.

— Поехали, чиф.

Патрульный автомобиль покатил к Миллу, не выключая мигалок. Они вспыхивали и гасли в подернутом дымкой летнем свете.

— Вау, — покачал головой Джо. — Страшный чувак.

— И я того же мнения, — кивнул Барби.

Джулия посмотрела на него, улыбка исчезла бесследно:

— У тебя был враг. Теперь появился смертельный враг.

— Думаю, у тебя тоже.

Она кивнула:

— Ради нашего спасения всего лишь нужно, чтобы ракетный удар принес требуемый результат.

— Полковник Барбара! — позвал его второй лейтенант. — Мы уходим. И у меня на душе будет спокойнее, если вы трое сделаете то же самое.

Барби кивнул и впервые за несколько лет отдал честь.

Ранним утром того понедельника «В-52» поднялся с военно-воздушной базы в Карсуэлле и кружил в зоне ожидания над Берлингтоном, штат Вермонт, с 10.40 (в ВВС твердо убеждены, что прилетать в нужное место лучше пораньше). Миссия получила кодовое название «БОЛЬШОЙ ОСТРОВ». Командовал экипажем майор Джин Рей, который участвовал в двух войнах — в Заливе и Ираке (в частных разговорах последнюю он называл не иначе как «гребаное шоу Большого Дабьи»^[100]). В бомбовом отсеке находились две крылатые ракеты «фастхок». Эти ракеты отличались повышенной надежностью и мощностью в сравнении со старым, проверенным «томагавком», но майор никак не мог свыкнуться с мыслью, что боевой ракетой придется стрелять по американской цели.

В 12.53 красная лампочка на приборной панели стала янтарной. «КОМКОМ» принял управление самолетом на себя и начал выводить его на исходную позицию. Лежащий внизу Берлингтон ушел под крылья.

— Время близится, сэр, — доложил Рей.

В Вашингтоне ему ответил полковник Кокс:

— Вас понял, майор. Удачи вам. Взорвите ублюдка.

— Так и будет.

В 12.54 янтарная лампочка замигала. В 12.54.55 стала зеленой. Рей щелкнул выключателем с цифрой «1». Бомбардировщик никак не отреагировал, только снизу донесся едва слышный свист, но на экране майор увидел, как «фастхок» начал полет. Быстро разогнался до максимальной скорости и умчался, оставляя инверсионный след, словно кто-то прочертил ногтем по небу.

Джин Рей перекрестился, поцеловал большой палец у основания.

— Лети с Богом, сын мой.

Максимальная скорость «фастхока» равнялась трем с половиной тысячам миль в час. В пятидесяти милях от цели — примерно в тридцати милях от Конуэя, штат Нью-Хэмпшир, и уже на восточной стороне Белых гор — компьютер ракеты сначала рассчитал, а потом утвердил завершающий этап полета. Скорость «фастхока» упала с трех с половиной тысяч до тысячи восьмисот пятидесяти миль в час при одновременном снижении. Ракета уже летела вдоль шоссе номер 302, участок которого составлял Главную улицу Норт-Конуэя. Пешеходы поднимали головы, с тревогой глядя на пролетающий «фастхок».

— Не слишком ли низко летит этот самолет? — спросила какая-то женщина на парковке торгового комплекса «Сеттлерс грин аутлет вилидж» у подруги, с которой приехала за покупками. Если бы компьютер системы наведения «фастхока» мог говорить, он бы ответил: «Ты видела еще далеко не все, сладенькая».

Ракета миновала границу Нью-Хэмпшира и Мэна на высоте трех тысяч футов, от ударной волны на земле у людей стучали зубы и разбивались окна. Когда система наведения нашла шоссе номер 119, ракета спустилась сначала до тысячи футов, потом до пятисот. Теперь компьютер работал на полную мощность, обрабатывая данные системы наведения и проводя коррекцию курса до тысячи раз в минуту.

В Вашингтоне полковник Джеймс Оу Кокс сказал:

— Народ, последний этап. Затаили дыхание.

«Фастхок» нашел Литл-Битч-роуд и спустился практически до уровня земли, а его скорость чуть ли не в два раза превышала скорость звука. Компьютер системы наведения просчитывал каждый подъем и поворот, хвостовая часть раскалилась добела, оставляя за собой шлейф вонючего несгоревшего горючего. Ракета срывала листья с деревьев, некоторые даже поджигала. Она разнесла придорожный киоск в Таркерсе. Доски и разбитые тыквы взлетели к небу. Грохот заставил людей упасть на пол, зажимая уши руками.

Сработает, подумал Кокс. Не может не сработать.

В «Дипперс» набилось уже человек восемьсот. Никто ничего не говорил, хотя губы Лиссы Джеймисон двигались, словно она молилась той сверхдуше Новой эры,^[101] которая на текущий момент привлекала ее внимание. В одной руке она держала магический кристалл. Преподобная Пайпер Либби прижимала к губам материнский крест.

— Летит, — подал голос Эрни Кэлверт.

— Где? — пожелал знать Марти Арсено.

— *Слушайте!* — воскликнула Бренда Перкинс.

И они услышали приближение ракеты: нарастающий рев, доносящийся с западной части города, «р-р-р-р» в считанные секунды усилившийся до «Р-Р-Р-Р». На большом экране телевизора практически ничего не было видно. Только потом, где-то через полчаса после неудачной ракетной атаки, для тех, кто остался в ночном клубе, Бенни Дрейк смог замедлить показ записи до такой степени, что на экран выводились отдельные кадры. Они увидели ракету, появившуюся из-за поворота, известного как Литл-Битч-бенд. Она летела в четырех футах от земли, едва ли не соприкасаясь с собственной чуть смазанной тенью. На следующем кадре «фастхок», оснащенный осколочно-фугасной боеголовкой, взрывающейся при контакте, завис в воздухе над тем местом, где морпехи разбили лагерь.

На нескольких последующих кадрах экран заполняла белизна, такая яркая, что зрителям пришлось прикрывать глаза. Потом, по мере того как яркость белизны начала тускнеть, они увидели осколки ракеты — великое множество черных кусочков, отлетающих в противоположную сторону — и огромное черное пятно на том месте, где была нарисована красная буква «Х». Ракета попала точно в цель.

После этого люди в «Дипперсе» наблюдали, как вспыхнули леса на стороне Таркерса. Наблюдали, как асфальт на той стороне сначала выгнулся, а потом начал плавиться.

— Выстрелите второй, — сухо приказал Кокс, и Джин Рей выстрелил.

Ракета вышибла новые окна и напугала еще больше людей в Восточном Нью-Хэмпшире и Западном Мэне.

Во всем остальном результат остался прежним.

Подстава

Когда запись прекратилась, в доме 19 по Фабричной улице, где жили Макклэтчи, на мгновение повисла мертвая тишина. Потом Норри Кэлверт разрыдалась. Бенни Дрейк и Джо Макклэтчи, переглянувшись над ее склоненной головой — в глазах застыл один и тот же вопрос: *И что мне теперь делать?* — одновременно обняли Норри за трясущиеся плечи, а другой рукой сжали друг другу запястья в духовном рукопожатии.

— И это всё? — недоверчиво спросила Клер Макклэтчи. Мать Джо не плакала, но дело к тому шло, потому что глаза блестели. В руках она держала рамку с фотографией мужа, которую сняла со стены, когда Джо пришел с друзьями, держа в руке ди-ви-ди. — Это всё?

Никто не ответил. Барби устроился на подлокотнике кресла, в котором сидела Джулия. *Теперь я могу попасть в большую беду*, подумал он. Но первой пришла другая мысль, о том, что город попал в большую беду.

Миссис Макклэтчи встала. Она все еще держала фотографию мужа. Сэм уехал на блошиный рынок, который до сильных холодов каждую субботу проводился на автодроме Оксфорда. Он реставрировал мебель, такое у него было хобби, и частенько привозил оттуда интересные вещи. Тремя днями позже Сэм по-прежнему оставался в Оксфорде, жил в мотеле «Автодром» с десятками репортеров и телевизионщиков. Он и Клер не могли говорить друг с другом по телефону, но постоянно переписывались по электронной почте. Пока переписывались.

— Что произошло с твоим компьютером, Джо? — спросила Клер. — Он взорвался?

Джо покачал головой, по-прежнему обнимая плечо Норри и сжимая запястье Бенни.

— Я так не думаю. Он, вероятно, расплавился. — Джо повернулся к Барби. — От такой температуры мог возникнуть пожар и на нашей стороне. Кто-то должен с этим что-то сделать.

— Не думаю, что в городе остались пожарные машины, — заметил Бенни. — Может, одна или две старые.

— Поглядим, что я смогу с этим сделать. — Джулия встала. Клер Макклэтчи возвышалась над ней. Не составляло труда понять, почему Джо такой высокий. — Барби, будет лучше, если я обойдусь без тебя.

— Почему? — недоуменно спросила Клер. Одна слезинка все-таки покатила по щеке. — Джо говорил, что правительство назначило вас

главой города, мистер Барбара... сам президент!

— Я разошелся во мнениях с мистером Ренни и чифом Рэндолфом относительно этой видеотрансляции. Спор вышел довольно-таки жаркий. Сомневаюсь, что кто-то из них сейчас прислушается к моему совету. Джулия, не думаю, что они с благодарностью воспримут и твой. Во всяком случае, пока. Если Рэндолф хотя бы наполовину подходит для этой должности, он пошлет кого-то из копов, чтобы выяснить, что осталось на пожарной станции. По крайней мере там будут шланги и огнетушители.

Джулия на мгновение задумалась, потом повернулась к нему:

— Барби, тебя не затруднит выйти со мной на крыльцо?

Он посмотрел на мать Джо, но Клер больше не обращала на них ни малейшего внимания. Она отодвинула сына и села рядом с Норри, которая тут же уткнулась лицом в ее плечо.

— Чувак, правительство должно мне компьютер, — напомнил Джо, когда Барби и Джулия направились к парадной двери.

— Безусловно, — подтвердил Барбара. — И спасибо тебе, Джо. Получилось у тебя отлично.

— Гораздо лучше, чем у их чертовой ракеты, — пробурчал Бенни.

Стоя на переднем крыльце дома Макклэтчи, Барби и Джулия какое-то время молчали, глядя на городскую площадь, Престил-Стрим и мост Мира. Потом Джулия заговорила, тихо и зло:

— Он и наполовину не подходит. В этом все дело. В этом все чертово дело.

— Кто не подходит?

— Питер Рэндолф и наполовину не подходит для этой должности. Даже на четверть. Я училась с ним начиная с детского сада, где он постоянно дул в штаны, до двенадцатого класса, где он входил в бригаду сдергивателей бюстгалтеров. Ума у Пита было на тройку с минусом, но ставили ему четверку с минусом, потому что его отец входил в школьный совет, и с тех пор мозгов у него не прибавилось. Наш мистер Ренни окружил себя тупицами. Андреа Гриннел — исключение, но она также и лекарственная наркоманка. Оксиконтин.

— Боли в спине, — кивнул Барби. — Роуз мне говорила.

Деревья на городской площади сбросили достаточно листьев, чтобы Барби и Джулия могли видеть Главную улицу. Практически пустынную — большинство людей оставались в «Дипперсе», обсуждая увиденное, — но вскоре тротуары заполнятся ошеломленными, потрясенными зрелищем горожанами, расходящимися по домам. Мужчинами и женщинами, которые пока не решаются спросить друг друга: а что же будет дальше?

Джулия вздохнула, пробежалась руками по волосам.

— Джим Ренни думает, что все будет хорошо, пока контроль целиком и полностью находится в его руках. По крайней мере в его руках и руках его друзей. Он — самый худший из политиков, эгоистичный, слишком эгоцентричный, чтобы осознать, что ему с такой ситуацией не справиться. А еще Ренни — трус, пусть и пыжится изо всех сил. Когда все станет совсем уж плохо, он пошлет город к черту, если решит, что благодаря этому сможет спастись сам. Трусливый лидер — самый опасный человек. Это шоу должен вести ты.

— Я ценю твою уверенность...

— Но такому не бывать, как бы этого ни хотели твой полковник Кокс и президент Соединенных Штатов. Такому не бывать, даже если пятьдесят тысяч человек промаршируют по Пятой авеню Нью-Йорка, размахивая плакатами с твоей физиономией. Не бывать, пока мы накрыты этим гребаным Куполом.

— Всякий раз, когда я слушаю тебя, в твоих речах все меньше от республиканки.

Она стукнула его по бицепсу на удивление крепким кулачком:

— Это не шутки.

— Нет, не шутки. Пора объявлять выборы. И я прошу тебя баллотироваться на должность второго члена городского управления.

Она с жалостью посмотрела на него:

— Ты думаешь, Джим Ренни допустит проведение выборов, пока Купол на месте? В каком мире ты живешь, друг мой?

— Ты недооцениваешь волю города, Джулия.

— А ты недооцениваешь Джеймса Ренни. Он руководит здесь целую вечность, и люди к этому привыкли. Кроме того, он проявляет особый талант, когда требуется найти козла отпущения. И в текущей ситуации на эту роль очень даже подойдет приезжий... практически бродяга. Мы знаем такого человека?

— Я ожидал услышать от тебя идею, а не политический анализ.

На мгновение он подумал, что Джулия вновь ударит его. Но она глубоко вдохнула, выдохнула и улыбнулась.

— То есть ты вроде бы белый и пушистый, но шипы у тебя есть, так? — От муниципалитета донеслись серии громких коротких гудков, разносящихся по теплоту, неподвижному воздуху. — Кто-то сообщил о пожаре, — объяснила Джулия. — Думаю, мы знаем, где он.

Оба посмотрели на запад, где поднимающийся дым пятнал синеву. Барби полагал, что по большей части дым поднимается со стороны

Таркерс-Миллса, но от жара мог загореться лес и в Честерс-Милле. Под Куполом.

— Тебе нужна идея? Я найду Бренду — она или дома, или в «Дипперсе» с остальными — и предложу ей возглавить пожарную операцию.

— А если она откажется?

— Я почти наверняка уверена, что согласится. Ветра-то нет, во всяком случае, под Куполом, так что тушить придется только траву и кусты. Она обратится к людям, чтобы они ей помогли, и это будут хорошие люди. Те, которых выбрал бы и Гови.

— Среди новых копов, как я понимаю, таких нет.

— Выбор я оставляю за ней, но сомневаюсь, что она обратится к Картеру Тибодо или Мелвину Сирлсу. И Фредди Дентона не позовет. Фредди служит в полиции пять лет, но я знаю от Бренды, что Герцог собирался с ним расстаться. Фредди каждый год играет Санта-Клауса в начальной школе, и дети его любят — «хо-хо-хо» ему удастся как никому. Но он также злой и жестокий.

— Тебе опять придется столкнуться с Ренни.

— Да.

— Он тебя загрызет.

— Знаешь, я тоже не беззубая. Как и Бренда, если ее разозлить.

— Ладно, давай. И проследи, чтобы она обратилась к этому Берпи. Если речь пойдет о тушении кустов, я скорее пошел бы к нему, а не на пожарную станцию. В его магазине есть все.

Джулия кивнула:

— Чертовски правильная идея.

— Точно не хочешь, чтобы я тебя сопровождал?

— У тебя есть другие дела. Бренда дала тебе ключ Герцога от атомного убежища?

— Дала.

— Тогда пожар может стать тем отвлекающим фактором, который мы искали. Добудь свой счетчик Гейгера. — Она направилась к «приусу», остановилась, повернулась. — Найти генератор, при условии, что он есть, — вероятно, лучший шанс, который имеется у города. Возможно, единственный шанс. И вот что еще, Барби.

— Я весь внимание, госпожа, — улыбнулся он.

Джулия не улыбалась:

— Пока ты не услышал предвыборную речь Большого Джима Ренни, не списывай его со счетов. Есть причины, по которым он протянул так

долго.

— Умеет призывать к отмщению, как я понимаю.

— Да. И на этот раз гнев города он направит на тебя.

Она уехала на поиски Бренды и Ромео Берпи.

Те, кто наблюдал за неудачной попыткой военно-воздушных сил пробить Купол, покидали «Дипперс», как и предполагал Барби, медленно, с опущенными головами, особо не разговаривая. Многие шли, обняв друг друга. Некоторые плакали. На противоположной стороне дороги стояли три патрульные машины. Шестеро копов привалились к ним, готовые в любой момент вступить в дело. Но никто общественного порядка не нарушал.

Зеленый автомобиль чифа полиции стоял чуть дальше, перед автомобильной стоянкой «Магазина Брауна» (на окне магазина прикреплен лист бумаги с надписью: «ЗАКРЫТО, ПОКА «СВОБОДА» НЕ РАЗРЕШИТ НОВЫЙ ЗАВОЗ!»). Чиф Рэндолф и Ренни сидели в салоне, наблюдали.

— Ну вот! — В голосе Большого Джима слышалось удовлетворение. — Надеюсь, они счастливы.

Рэндолф удивленно глянул на него:

— Ты не хотел, чтобы сработало?

Большой Джим скорчил гримасу, потому что повел травмированным плечом.

— Разумеется, хотел, но не верил, что сработает. А этот парень с девичьим именем вместо фамилии и его новая подружка Джулия сумели приободрить всех и вселить в них несбыточные надежды, так? Да, будь уверен. Знаешь, что во время предвыборных кампаний она никогда не поддерживала меня в своей газетенке? Ни единого раза. — Он указал на пешеходов, направляющихся к городу: — Присмотрись хорошенько, дружище, — вот к чему приводит некомпетентность, ложная надежда и избыток информации. Сейчас люди несчастны и разочарованы, а когда они это переварят, то выйдут из себя. И нам потребуется больше полицейских.

— Больше? У нас их уже восемнадцать, считая тех, кто работает неполную смену, и новых помощников.

— Этого недостаточно. И мы должны... — Послышались серии коротких гудков. Они посмотрели на запад и увидели поднимающийся дым. — ...поблагодарить за это Барбару и Шамуэй.

— Может, нам заняться пожаром?

— Это проблема Таркерс-Миллса. И разумеется, американского правительства. Они учинили пожар этой ёханой ракетой, пусть они его и тушат.

— Но если от жара вспыхнет лес на нашей стороне...

— Перестань причитать, как старуха, и отвези меня в город. Мне надо найти Младшего. Нам есть что обсудить.

Бренда Перкинс и преподобная Пайпер Либби стояли на автомобильной стоянке «Дипперса» у «субару» Пайпер.

— Я не думала, что сработает, — призналась Бренда, — но я бы солгала, если б сказала, что не разочарована.

— Я тоже. Сильно. Я бы отвезла тебя в город, но должна навестить прихожанина.

— Надеюсь, не на Литл-Битч. — Бренда указала на поднимающийся дым.

— Нет, на другой стороне. В Истчестере. Джека Эванса. Он потерял жену в День Купола. Необычный несчастный случай. Хотя у нас теперь все необычное.

Бренда кивнула:

— Я видела Джека на поле Динсмора, он нес плакат с фотографиями жены. Бедный, бедный человек.

Пайпер подошла к открытому окну водительской дверцы. Кlover сидел перед рулем, наблюдая за расхившимися людьми. Она порылась в кармане, дала ему что-то вкусенькое, потом приказала:

— Подвинься, Кlover... ты же помнишь, что провалил экзамен на вождение. — А Бренде доверительно сообщила: — Он не может парковаться задним ходом. — Овчарка прыгнула на пассажирское сиденье. Пайпер открыла дверцу. Посмотрела на дым. — Я уверена, что горят леса на стороне Таркерс-Миллса, но нас это касаться не должно. — Она горько улыбнулась. — Нас защищает Купол.

— Удачи тебе, — попрощалась с ней Бренда. — Передай Джеку мое сочувствие. И любовь.

— Обязательно. — Пайпер села за руль и уехала.

Бренда уже выходила со стоянки, сунув руки в карманы джинсов, гада, как ей провести остаток дня, когда подъехала Джулия Шамуэй и избавила ее от этой проблемы.

Ракеты, взорвавшиеся при ударе о Купол, не разбудили Сэмми Буши. А что разбудило, так это треск ломающегося дерева, за которым последовали истошные крики Литл Уолтера.

Картер Тибодо и его дружки, уходя, забрали всю траву, которая лежала в холодильнике, но трейлер они не обыскали, поэтому коробка из-под обуви с нарисованными на ней черепом и скрещенными костями осталась в стенном шкафу. Вместе с запиской, которую нацарапал Фил Буши заваливающимися назад печатными буквами: «МОЕ ДЕРЬМО! ПРИКОСНИСЬ И УМРЕШЬ!»

В коробке марихуаны не было (Фил всегда пренебрежительно на нее фыркал, называя «наркотиком для коктейль-пати»), а Сэмми не испытывала ни малейшего интереса к мешочку с кристаллами. Знала, что «помощники» с удовольствием выкурили бы их, но Сэмми полагала, что мет — безумный наркотик для безумцев. Кто еще будет вдыхать дым, в котором содержался порошок, соскобленный с чиркаша спичечного коробка и вымоченный в ацетоне? В коробке лежал еще один мешочек, поменьше, с шестью таблетками, которые Фил называл «красотка», и, когда банда Картера отбыла, Сэмми проглотила одну, запив теплым пивом из бутылки, стоявшей под кроватью. На ней она теперь спала одна, если только не клала рядом Литл Уолтера. Или к ней не заглядывала Доди.

У нее в голове мелькнула мысль проглотить всех «красоток» и раз и навсегда поставить точку на своей несчастной, никчемной жизни. Возможно, она так бы и поступила, если б не Литл Уолтер. Умри она, кто о нем позаботится? Он мог бы даже умереть от голода в своей кровати. Ужасно, ужасно.

Самоубийство исключалось, и никогда в жизни она не ощущала себя такой подавленной, опечаленной, обиженной. Еще и грязной. Об нее вытирали ноги и раньше, Бог свидетель, в том числе и Фил (который обожал пришпоренный наркотиками секс втроем, прежде чем полностью утратил интерес к сексу). Иногда это делали другие; случалось, она сама — Сэмми Буши не считала себя своей лучшей подругой.

Конечно же, она приводила мужчин на одну ночь, а однажды в старшей школе, после того как баскетбольная команда «Диких котов» стала чемпионом штата, она отдалась четырем игрокам стартовой пятерки, одному за другим, на вечеринке, где отмечали победу (отдалась бы и

пятому, но он отключился в углу). И эта глупая идея принадлежала ей. И она продавала то, что Картер, Мел и Френки Дилессепс взяли силой. Чаще всего Фримену Брауну, владельцу «Магазина Брауна», где делала большинство своих покупок, потому что Браун открыл ей кредит. Он был старым, и от него не очень хорошо пахло, но еще и похотливым, что, конечно же, следовало считать плюсом. Потому что все быстро заканчивалось. На матрасе в кладовой магазина его обычно хватало на шесть толчков, после чего он хрюкал и выпускал струю. Удовольствия она не получала, зато знала, что кредит никуда не денется, особенно когда в конце месяца деньги иссякали, а Литл Уолтеру требовались памперсы.

И Браун никогда не причинял ей боль.

А прошлой ночью случилось совсем другое. Дилессепс особого вреда не причинил, но после Картера грудь покрылась синяками, а внизу закровило. Потом стало еще хуже; скинув штаны, Мел Сирлс продемонстрировал инструмент, какие она лишь иногда видела в порнофильмах, которые смотрел Фил, прежде чем его интерес к кристаллическому мету взял верх над интересом к сексу.

Сирлс набросился на нее, и пусть она пыталась вспомнить, что они с Доди проделывали двумя днями раньше, это не помогало. Она оставалась сухой, как август без дождя, до того момента, как Картер Тибодо все содрал ей до крови. Потом смазка появилась. Сэмми чувствовала, как она лужей набирается на диване, теплая и липкая. Мокрым стало и ее лицо, слезы текли по щекам и собирались в ушных раковинах. И во время бесконечной гонки, которую устроил ей Мел Сирлс, она даже подумала, что он может этим убить ее. Если бы убил, что стало бы с Литл Уолтером?

И происходило все это под пронзительные сорочки крики Джорджии Ру: «Трахайте ее, трахайте ее, трахайте эту суку! Заставьте ее орать!»

Сэмми орала, можете не сомневаться. Много орала, как и Литл Уолтер из своей кровати в другой комнате.

В конце они предупредили, что она должна держать рот на замке, и ушли, оставив ее заливать кровью диван, корчащуюся от боли, но живую. Сэмми увидела, как лучи фар прошли по потолку гостиной и исчезли: ее мучители уехали в город. И она осталась с Литл Уолтером. Она укачивала его на руках, ходила взад-вперед, взад-вперед, остановилась только раз, чтобы надеть трусы (не розовые — те она надевать больше не хотела) и набить промежность туалетной бумагой. Могла, конечно, воспользоваться «тампаксом», но ее корежило даже от мысли, что туда надо что-то вставить.

Наконец голова Литл Уолтера тяжело упала на ее плечо, и она почувствовала, как его слюна смачивает ей кожу — верный знак, что он

заснул, и заснул крепко. Сэмми положила его обратно в кроватку (молясь, чтобы он проспал всю ночь), а потом достала из шкафа коробку из-под обуви. «Красотка» — какое-то мощное успокоительное, она не знала, какое именно — сначала сняла боль Там Внизу, а потом вырубил Сэмми. Она проспала двенадцать часов.

А теперь это.

Крики Литл Уолтера напоминали лучи яркого света, пробивающие густой туман. Она выпрыгнула из кровати и побежала в его спальню, зная, что наконец-то развалилась эта чертова кроватка, которую Фил собирал, закинувшись и плохо соображая, что делает. Литл Уолтер окончательно растряс ее вчера вечером, когда «помощники» занимались ею. И в результате этим утром кроватка развалилась, едва малыш начал в ней ворочаться...

Литл Уолтер оказался на полу. Теперь полз к ней, а из раны на лбу текла кровь.

— Литл Уолтер! — воскликнула Сэмми и подхватила ребенка на руки.

Повернулась, споткнулась о перекладину от кровати, упала на колено, поднялась и поспешила в ванную с орущим ребенком на руках. Открыла кран, но, разумеется, вода не полилась, потому что не работал обесточенный насос. Она схватила полотенце и промокнула ребенку лицо, открыв царапину, неглубокую, но длинную и с рваными краями. После такой мог остаться шрам. Сэмми прижала полотенце к ране, сильно, насколько могла решиться, стараясь не обращать внимания на возобновившиеся пронзительные крики боли и возмущения Литл Уолтера. Кровь капала на ее босые ступни большими, с десятицентовик, каплями. Посмотрев вниз, Сэмми увидела, что синие трусики, которые она надела после ухода «помощников», теперь стали грязно-пурпурными. Поначалу она подумала, что это кровь Литл Уолтера. Потом увидела, что бедра тоже в кровавых потеках.

Каким-то образом ей удалось удерживать Литл Уолтера достаточно долго, чтобы заклеить царапину тремя полосками пластыря с Губкой Бобом на обратной стороне и надеть на малыша нижнюю рубашку и единственный оставшийся чистый комбинезон (с надписью на груди, вышитой красными буквами: «МАМОЧКИН МАЛЕНЬКИЙ ДЬЯВОЛЕНОК»), Она оделась сама, пока Литл Уолтер ползал кругами по полу ее спальни; его истерические рыдания перешли в вялые всхлипывания. Сэмми начала с того, что выбросила в мусорный бак пропитавшиеся кровью трусы и надела чистые. Положила в них посудное полотенце, взяла с собой еще одно, на замену. Из нее по-прежнему текла кровь. Не лила ручьем, но гораздо сильнее, чем при месячных. И так продолжалось всю ночь. Постель намокла.

Она собрала сумку с вещами Литл Уолтера, потом подняла его. Весил он немало, и она почувствовала новую боль Там Внизу: пульсирующую боль в животе, какая возникает, если съешь что-то несвежее.

— Мы едем в Центр здоровья, — сообщила она малышу, — и не волнуйся, Литл Уолтер. Доктор Хаскел заштопает нас обоих. Опять же, для мальчиков шрамы значения не имеют. Иногда девочки даже думают, что они выглядят сексуально. Я поеду, как смогу, быстро, мы окажемся там в мгновение ока. — Она открыла дверь. — Все будет в порядке.

Но выяснилось, что ее старая, ржавая «тойота» далеко не в порядке. «Помощники» оставили в покое задние колеса, но передние проткнули. Сэмми долго смотрела на автомобиль, чувствуя, что пучина отчаяния все сильнее засасывает ее. Новая мысль, мимолетная, но четкая, пронеслась в голове: она могла разделить оставшиеся «красотки» с Литл Уолтером. Могла растолочь его таблетки и бросить в одну из бутылочек для кормления, которые он называл «богги». И залить шоколадным молоком. Литл Уолтер любил шоколадное молоко. Вместе с этой идеей вспомнилось название одного из старых альбомов Фила: «Все пустое, и что, если так?»^[102]

Идею она оттолкнула.

— Я не из таких мамочек, — сказала Сэмми Литл Уолтеру.

Он таращился на нее, в чем-то напоминая ей Фила; но то, что смотрелось недоуменной глупостью на отрешенном лице мужа, становилось таким милым и бесхитростным у ребенка. Она поцеловала его

в нос, и он улыбнулся. Обаятельно, очень обаятельно, но пластыри на лбу набирали красноты. И вот это ей совершенно не нравилось.

— Планы немного меняются, — сообщила она сыну и вернулась в трейлер. Поначалу не могла найти сумку-кенгуру, но наконец-то заметила ее за Диваном изнасилования, по-другому думать о своем диване уже не могла. В конце концов ей удалось всунуть в «кенгуру» Литл Уолтера. Когда поднимала, тело вновь откликнулось болью. Полотенце в трусах стало влажным, но, проверив промежность тренировочных штанов, пятен она не увидела. Сочла это добрым знаком. — Готов к прогулке, Литл Уолтер?

Тот только прижался щекой к ложбинке у ее плеча. Иногда скудность его словарного запаса тревожила Сэмми — у некоторых подруг дети в шестнадцать месяцев разговаривали целыми предложениями, а Литл Уолтер мог произнести только девять или десять слов, — но не в это утро. В это утро ей хватало и других поводов для тревоги.

День выдался очень уж теплым для последней полной недели октября. Небо над головой раскинулось светло-светло-голубое, свет вроде бы проходил сквозь легкую туманную дымку. Сэмми сразу почувствовала, как на лице и шее выступает пот и низ живота пульсирует болью, которая, казалось, нарастала с каждым шагом, хотя прошла она совсем ничего. Сэмми подумала: а не вернуться ли ей за аспирином? Но не усиливает ли он кровотечение? Да и не помнила она, остался ли у нее аспирин.

Не вернулась Сэмми и по еще одной причине. Ее она не решалась сформулировать даже себе: сомневалась, хватит ли ей духу выйти из трейлера, если вновь в нем окажется.

Под левым дворником «тойоты» белел листок бумаги. С надписью «Всего лишь записка от СЭММИ» поверху, в окружении маргариток. Вырванный из ее блокнота, который лежал на кухне. Конечно же, вид листка вызвал злость. Под маргаритками кто-то написал: «Скажешь кому-нибудь, и мы проткнем не только шины». И ниже, другим почерком: «В следующий раз мы, возможно, перевернем тебя и поиграем на другой стороне».

— Размечтался, ублюдок, — едва слышно, устало вымолвила она.

Сэмми смяла листок, бросила у спущенного колеса — бедная старая «королла» выглядела такой же изнуренной и печальной, как и она сама — и заставила себя двинуться к дальнему концу подъездной дорожки. Там остановилась, привалившись на несколько секунд к почтовому ящику. Металл грел кожу, солнце жгло шею. И ни дуновения ветерка. Октябрь-то — обычно прохладный и бодрящий. *Может, все дело в глобальном потеплении?* подумала Сэмми. Идея эта пришла ей в голову первой, но

потом о том же подумали многие, только слово «глобальное» сменилось «местным».

Перед ней лежала Моттон-роуд, пустынная и неприглядная. Слева, где-то в миле от нее, находились красивые новые дома Истчестера, в которые возвращались высокооплачиваемые работающие папы и мамы Милла, проведя день в магазинах, учреждениях и банках Льюистона-Обурна. Справа — центральная часть Честерс-Милла. И Центр здоровья.

— Готов, Литл Уолтер?

Тот не ответил, готов он или нет. Малыш спал, уткнувшись в ложбинку у плеча и пуская слюни на футболку «Донна Буффало».^[103] Сэмми глубоко вдохнула, пытаясь игнорировать боль Оттуда Что Под, поправила сумку-кенгуру и зашагала к городу.

Когда от муниципалитета донеслись серии коротких гудков, свидетельствующие о пожаре, Сэмми сначала подумала, что они звучат только у нее в голове, с которой определенно творилось что-то странное. Потом она увидела дым, но далеко на западе. К ней и Литл Уолтеру происходящее там не имело никакого отношения... разве что кто-нибудь мог поехать туда, чтобы взглянуть на пожар вблизи. Если б такое произошло, она не сомневалась, что ее по-соседски подбросили бы до Центра здоровья по пути к столь волнующему событию, как лесной пожар.

Она запела песню Джеймса Макмертри, такую популярную прошедшим летом, добралась до «Лишь четверть часа до восьми, и мы идем по тротуарам, наш город мал, и пива не купить» — и замолчала. Во рту слишком пересохло для пения. Сэмми моргнула и увидела, что стоит у самого кювета, да еще не на той стороне дороги, по которой поначалу шла. Каким-то образом она пересекла проезжую часть. Могла очень даже легко угодить под колеса.

Она оглянулась в надежде увидеть хоть одну машину. Не увидела. Пустынная дорога уходила к Истчестеру, асфальт еще не нагрелся до такой температуры, чтобы над ним начал мерцать воздух.

Сэмми вернулась на другую, как она полагала, свою сторону дороги, покачиваясь на подгибающихся ногах. *Пьяный матрос*, подумала она. *С чего тебе изображать пьяного матроса рано утром?* Но утро давно уже уступило место дню, она же долго спала, а когда посмотрела вниз, то увидела, что промежность тренировочных штанов стала пурпурной, цвета трусиков, которые она сменила раньше. *Это пятно не отойдет, а у меня только двое других треников, в которые я влезаю.* Тут Сэмми вспомнила, что у одних штанов большая дыра на зад, и заплакала. Слезы охлаждали ее горящие щеки.

— Все хорошо, Литл Уолтер, — прошептала она. — Доктор Хаскел нас заштопает. Все хорошо. Просто прекрасно. Лучше не...

Тут черная роза начала расцветать у нее перед глазами, а из ног ушла сила, точнее, ее остатки. Сэмми чувствовала, как сила уходит, выливаясь из мышц, будто вода. Она упала, держась за последнюю мысль: *На бок, на бок, не раздави ребенка!*

Это ей удалось. Распластавшись, она лежала на обочине Моттон-роуд, застыв под подернутым дымкой жарким, совсем как в июле, солнцем.

Литл Уолтер проснулся и заплакал. Попытался выбраться из сумки-кенгуру и не смог: Сэмми закрепила его на совесть. Литл Уолтер плакал все громче. Муха села ему на лоб, попробовала кровь, просочившуюся сквозь мультяшные изображения Губки Боба и Патрика, потом улетела. Возможно, чтобы доложить о вкусной находке в мушином штабе и вызвать подмогу.

В траве прыгали кузнечики. Одна серия коротких гудков сменяла другую.

Литл Уолтер, привязанный к потерявшей сознание матери, какое-то время вопил на жаре, потом сдался и замолчал, вяло оглядываясь, тогда как пот крупными каплями выкатывался из-под его волос.

Стоя за заколоченной досками кассой кинотеатра «Глобус», под провисшим навесом над входом («Глобус» уже пять лет как закрылся), Барби хорошо видел и муниципалитет, и полицейский участок. Его добрый друг Младший сидел на ступенях полицейского участка, массируя виски, словно ритмичные гудки вызывали у него головную боль.

Эл Тиммонс вышел из муниципалитета и затрусил по улице. В сером костюме уборщика, но с биноклем на шее и с ручным насосом на спине (но без воды, судя по легкости его шага). Барби догадался, что Эл и включил пожарную сирену.

Давай, Эл. Тем более что тебя еще и подвезут.

Полдюжата автомобилей катили по Главной улице. Первые два — пикапы, третий — автофургон. Все три выкрашенные в столь ярко-желтый цвет, что от него слепило глаза. Дверцы кабин пикапов украшали переводные картинки «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН БЕРПИ». На борту автофургона красовался легендарный слоган: «ВЫПЬЕМ “СЛЕРПИ” В “БЕРПИ”». Ромео сидел за рулем первого пикапа. Бренда Перкинс находилась рядом с ним. В кузове лежали лопаты, шланги, стоял новенький погружной насос еще в наклейках фирмы-изготовителя.

Ромео остановил пикап рядом с Элом Тиммонсом.

— Запрыгивай в кузов, напарник, — предложил он, и Эл запрыгнул.

Барби отошел подальше, в тень навеса заброшенного кинотеатра. Не хотел, чтобы его увезли на тушение пожара на Литл-Битч-роуд; в городе у него было неотложное дело.

Младший оставался на ступенях полицейского участка, по-прежнему тер виски, опустив голову. Барби подождал, пока колонна скрылась из виду, потом торопливо пересек улицу. Младший головы не поднял, а через мгновение его и Барби разделило увитое плющом здание муниципалитета.

Барби поднялся на ступеньках, на мгновение задержался, чтобы прочитать объявление «ГОРОДСКОЕ СОБРАНИЕ, В ЧЕТВЕРГ В 19.00, ЕСЛИ КРИЗИС НЕ РАЗРЕШИТСЯ». Вспомнил слова Джулии: *Пока ты не услышал предвыборную речь Большого Джима Ренни, не списывай его со счетов.* Барби мог получить шанс вечером в четверг; конечно же, Ренни придется выступить, чтобы сохранить контроль над ситуацией.

И чтобы получить больше власти, раздался в его голове голос Джулии, он захочет и этого. Ради блага города.

Здание муниципалитета построили из каменных блоков сто шестьдесят лет назад, и в вестибюле царила прохлада и полумрак. Генератор не работал. И зачем, если здание пустовало.

Впрочем, в этом Барби ошибся. Он услышал голоса, два голоса — один детский, — доносящихся из зала собраний. Он заглянул в приоткрытую двустворчатую дубовую дверь. Увидел сухощавого мужчину с густыми длинными седыми волосами, который сидел за столом членов городского правления напротив симпатичной девочки лет десяти. Между ними лежала шахматная доска. Играли они в шашки. Длинноволосый, обхватив подбородок одной рукой, обдумывал следующий ход. Внизу, в проходе между рядами скамей, молодая женщина играла в чехарду с мальчиком четырех или пяти лет. Игроки в шашки сохраняли предельную сосредоточенность; молодая женщина и мальчик смеялись.

Барби уже собрался ретироваться, но опоздал. Молодая женщина подняла голову.

— Эй! Привет! — Она подхватила мальчишку на руки и направилась к Барби. Подняли головы и шашисты. О секретности пришлось забыть. — Молодая женщина протянула свободную руку, ту, что не поддерживала попку мальчика. — Я — Каролин Стерджес. Тот мужчина — мой друг, Терстон Маршалл. Этот маленький человечек — Эйден Эпплтон. Поздоровайся, Эйден.

— Привет, — прошептал Эйден и тут же сунул в рот большой палец. Мальчик смотрел на Барби большими синими, в меру любопытными глазами.

Девочка выбежала в проход, встала рядом с Каролин Стерджес. Длинноволосый присоединился к ним, только шел он куда медленнее. Выглядел усталым и потрясенным.

— Я — Элис Рейчел Эпплтон, — представилась девочка. — Старшая сестра Эйдена. Вытащи палец изо рта, Эйди.

Эйди не вытащил.

— Что ж, приятно с вами познакомиться. — Своего имени Барби называть не стал. Даже пожалел, что он без фальшивых усов. Но все могло обойтись. Он практически не сомневался, что все четверо — приезжие.

— Вы — городской чиновник? — спросил Терстон Маршалл. — Если вы городской чиновник, я хочу подать жалобу.

— Я всего лишь уборщик. — Тут Барби вспомнил, что они наверняка видели Эла Тиммонса. Черт, даже говорили с ним. — Другой уборщик. С Элом вы, вероятно, познакомились.

— Я хочу к маме, — занял Эйден Эпплтон. — Я очень без нее скучаю.

— Мы познакомились, — кивнула Каролин Стерджес. — Он говорит, что правительство пальнуло ракетами в то, что держит нас здесь, но они отскочили, и начался пожар.

— Это правда, — кивнул Барби.

Маршалл вновь сказал свое веское слово:

— Я хочу подать жалобу. Собственно, я хочу подать судебный иск. На меня напал так называемый сотрудник полиции. Он ударил меня в живот. Несколькими годами раньше у меня вырезали желчный пузырь, и, боюсь, я получил повреждения внутренних органов. К тому же Каролин оскорбили вербально. Назвали словом, которое оскорбляет ее по половому признаку.

Каролин коснулась его руки.

— Прежде чем ты подашь свои жалобы или иски, Терс, помни, что у нас была Т-Р-А-В-А.

— Трава! — подхватила Элис. — Наша мама курит марихуану, потому что она помогает, когда у нее М-Е-С-Я-Ч-Н-Ы-Е.

— Ох! — вырвалось у Каролин. — Точно. — И она кисло улыбнулась.

Маршалл же выпрямился во весь рост.

— Хранение марихуаны — мелкое правонарушение. А то, что сделали они, — преступное нападение! И болит ужасно!

Каролин одарила его взглядом, в котором обожание смешивалось с раздражением. Барби разом понял, какие у них сложились отношения. Страсть-Май встретила с Эрудитом-Ноябрем, и теперь они держались друг за друга, беженцы в новоанглийской версии «Выхода нет».^[104]

— Терс... я не уверена, что суд согласится с этой идеей о мелком правонарушении. — Она виновато улыбнулась Барби: — Травки было много. Они ее забрали.

— Может, они выкурят вещественное доказательство, — предположил Барби.

Каролин рассмеялась. Ее седовласый бойфренд — нет. Его кустистые брови сдвинулись.

— Все равно я собираюсь подать жалобу.

— Я бы подождал, — ответил ему Барби. — Здешняя ситуация... Скажем так, удар в живот не будет рассматриваться чем-то существенным, пока мы под Куполом.

— А я полагаю это очень существенным, мой молодой друг-уборщик.

Теперь молодая женщина выглядела более раздраженной, чем влюбленной.

— Терс!

— Есть и светлая сторона — никто не будет придавать особого

значения и марихуане. Так что вы квиты. А как к вам попали эти дети?

— Копы, от которых нам досталось в коттедже Терстона, потом увидели нас в ресторане, — ответила Каролин. — Женщина, его хозяйка, сказала, что заведение закрыто до ужина, но сжалилась над нами, когда мы сказали, что приехали из Массачусетса. Она дала нам сэндвичи и кофе.

— Она дала нам сэндвичи с арахисовым маслом и джемом и кофе, — уточнил Терстон. — Никакого выбора не предложила, даже тунца. Я сказал ей, что арахисовое масло прилипает к моему верхнему зубному протезу, но она ответила, что продукты нормируются. Ну не дикость ли?

Барби тоже считал, что это дикость, но, раз уж идея принадлежала ему, промолчал.

— Увидев входящих копов, я приготовилась к худшему, — продолжила Каролин, — но Эйди и Элис, которые были с ними, похоже, растопили им сердца.

Терстон фыркнул:

— Не настолько, чтобы они извинились. Или я что-то упустил?

Каролин вздохнула, вновь повернулась к Барби.

— Они сказали, что пастор Конгрегациональной церкви, возможно, сможет найти для нас четверых пустой дом, где мы проживем, пока все не закончится. Как я понимаю, нам придется побыть приемными родителями, во всяком случае, какое-то время.

Она погладила мальчика по волосам. Терстона Маршалла перспектива стать приемным отцом радовала меньше, но он все-таки обнял девочку за плечи, чем заработал у Барби немало очков.

— Один коп был Мла-а-адший, — сообщила ему Элис. — Он хороший. Еще и красавчик. Френки, он не красивый, но тоже хороший. Дал нам батончик «Милкивей». Мама говорит, что мы не должны брать сладости у незнакомых людей, но... — Девочка пожала плечами, показывая, что жизнь кардинально переменилась, и это она с Каролин, судя по всему, понимали лучше Терстона.

— Раньше они хорошими не были, — заметил Маршалл. — Не были они хорошими, когда били меня в живот, маленькая.

— Надо стойко переносить превратности судьбы, — философски заметила Элис. — Так говорит моя мама.

Каролин рассмеялась. Барби последовал ее примеру, а мгновением позже к ним присоединился и Маршалл, хотя держался за живот и с упреком смотрел на свою молодую подругу.

— Я пошла по улице и постучала в дверь церкви, — продолжила свой рассказ Каролин. — Никто мне не ответил, поэтому я вошла... дверь

оставили открытой, но церковь пустовала. Вы можете предположить, когда пастор вернется?

Барби покачал головой.

— На вашем месте я бы взял доску для шашек и пошел в дом пастора. Он за церковью. Вам нужна женщина, которую зовут Пайпер Либби.

— Ищите женщину, — прокомментировал Терстон по-французски.

Барби пожал плечами, потом кивнул.

— Она хороший человек, и, Бог свидетель, в Милле есть пустые дома. Вы даже можете выбирать. И скорее всего в кладовой любого дома вы найдете предостаточно еды.

Последняя фраза напомнила ему об атомном убежище.

Элис тем временем рассовала шашки по карманам, а доску взяла в руки.

— Мистер Маршалл пока выиграл у меня все партии, — призналась она Барби. — Он говорит, это проявление снисходительности — позволять детям выигрывать только потому, что они дети. Но я делаю успехи, так, мистер Маршалл?

Она улыбнулась ему. Терстон Маршалл улыбнулся в ответ. Барби подумал, что члены этого невероятного квартета поладят друг с другом.

— Молодежи надо потакать, моя дорогая Элис, — заметил он. — Но не сразу.

— Я хочу к маме, — гнул свое Эйден.

— Есть только один способ связаться с ней. — Каролин повернулась к девочке: — Элис, ты точно не помнишь ее электронный адрес? — посмотрела на Барби. — Мобильник мама оставила в коттедже, так что ей не дозвонишься.

— У нее горячая почта, ^[105] — ответила Элис. — Это все, что я знаю. Иногда мама говорит, что она — горячая женщина, но об этом заботится папочка.

Каролин посмотрела на своего пожилого бойфренда:

— Уходим отсюда?

— Да. Мы можем подождать и у дома пастора в надежде, что она скоро вернется, закончив свои благотворительные дела.

— Дом пастора вы скорее всего тоже найдете незапертым, — сообщил им Барби. — В крайнем случае загляните под коврик у двери.

— Я бы не отважился, — покачал головой Терстон.

— А я отважусь, — возразила Каролин и хихикнула. Звук этот вызвал улыбку у маленького мальчика.

— Отва-ажусь! — воскликнула Элис Эпплтон и побежала по

центральному проходу, раскинув руки, держа в одной шахматную доску. — Отва-ажусь, отва-ажусь, пошли, давайте отважимся!

Терстон вздохнул, поглядел вслед.

— Если порвешь шахматную доску, Элис, тебе никогда не обыграть меня.

— Нет, обыграю, потому что молодежи надо потакать! — крикнула она, оглянувшись. — А кроме того, мы ее вместе заклеим! Пошли!

Эйден уже нетерпеливо рвался из рук Каролин. Она опустила его на пол, чтобы он мог помчаться за сестрой. Протянула Барби руку:

— Спасибо вам, мистер...

— Всегда рад помочь. — Барби пожал ей руку, потом повернулся к Терстону. Рыбье рукопожатие мужчины показало, что у него интеллектуальные занятия в бесконечной степени превалировали над физическими.

Парочка двинулась вслед за детьми. У двустворчатой двери Терстон Маршалл оглянулся. В столбе дымчатого солнечного света, падающего через одно из высоких окон, выглядел он старше. Лет на восемьдесят.

— Я — редактор текущего номера «Плугов». — Голос дрожал от негодования и печали. — Это очень хороший литературный журнал, один из лучших в стране. Они не имели права бить меня в живот или смеяться надо мной.

— Нет, — поддержал его Барби. — Разумеется, нет. Позаботьтесь о детях.

— Мы позаботимся. — Каролин взяла мужчину за руку, сжала ее. — Пошли, Терс.

Барби подождал, пока закрылась наружная дверь, потом отправился на поиски лестницы, которая вела к залу заседаний и кухне. Джулия говорила, что попасть в атомное убежище он мог оттуда.

Сначала Пайпер подумала, что кто-то оставил на дороге мешок с мусором. Подъехав ближе, поняла, что это тело.

Она так быстро вылезала из машины, что упала на колено и поцарапала его. Когда встала, увидела не одно тело, а два: матери и малыша. Ребенок по крайней мере был жив, слабо размахивал ручками.

Она подбежала к ним, перевернула женщину на спину. Молодую, вроде бы знакомую, но точно не ее прихожанку. С синяками на щеке и лбу. Пайпер вытащила ребенка из сумки-кенгуру, а когда прижала к себе и погладила по мокрым от пота волосам, он хрипло заплакал.

Глаза женщины от этого звука открылись, и Пайпер заметила, что ее штаны промокли от крови.

— Литл Уолтер, — просипела женщина, и Пайпер неправильно истолковала ее слова.^[106]

— Не волнуйтесь. В машине есть вода. Лежите тихо. Ваш ребенок у меня, с ним все в порядке. Я о нем позабочусь.

— Литл Уолтер, — повторила женщина в окровавленных тренировочных штанах и закрыла глаза.

Пайпер побежала к своему автомобилю. Сердце билось так сильно, что удары, казалось, отдавались в глазных яблоках. Во рту появился медный привкус. *Господи, помоги мне!* — молилась она, больше ни о чем не думая и только повторяя: *Господи ох, Господи! Помоги мне помочь этой женщине.*

Кондиционер в «субару» она не включила, несмотря на жаркий день; вообще редко включала. По ее разумению, работающий кондиционер оказывал негативное воздействие на окружающую среду. Но тут включила на полную мощность. Положила ребенка на заднее сиденье, подняла стекла, закрыла все двери, вновь направилась к лежащей в пыли женщине, но внезапно в голове сверкнула ужасная мысль: вдруг ребенок сумеет перебраться на переднее сиденье, нажмет не ту кнопку и заблокирует двери?

Господи, я такая глупая. Самый худший священник в мире, если случается настоящий кризис. Помоги мне не быть такой глупой.

Она поспешила назад, снова открыла водительскую дверцу, посмотрела на заднее сиденье, увидела, что малыш лежал там, где она его и оставила, но теперь, глядя вверх, сосал большой палец. Его взгляд на

короткое время сместился на нее, а потом вновь вернулся к потолку, будто он видел там что-то интересное. Возможно, мультики, открывшиеся только ему. Нижняя рубашка под комбинезоном пропиталась потом. Пайпер крутила брелок дистанционного управления из стороны в сторону, пока не оторвала его от кольца, на котором он висел. Потом побежала к женщине, пытавшейся сесть.

— Подождите! — Пайпер опустилась рядом с ней на колени, поддержала ее рукой. — Не думаю, что вам...

— Литл Уолтер, — прохрипела женщина.

Черт, я забыла про воду! Господи, почему Ты позволил мне забыть про воду?

Женщина уже пыталась подняться. Пайпер ее намерения не нравились, они противоречили всему, что Либби знала о первой помощи, но что она могла поделать? Дорога пустынна, и Либби не могла оставить женщину под палящим солнцем. Поэтому, вместо того чтобы вновь уложить женщину на асфальт, Пайпер помогла ей встать.

— Медленно, — говорила она, держа женщину за талию и направляя ее к автомобилю. — Медленно и не напрягаясь. Тише едешь — дальше будешь. В машине прохладно. И есть вода.

— Литл Уолтер. — Женщину повело в сторону, но она выпрямилась, попыталась прибавить шаг.

— Вода, — кивнула Пайпер. — Совершенно верно. Потом я отвезу вас в больницу.

— Здор... Центр. [\[107\]](#)

Это Пайпер поняла и решительно покачала головой:

— Ни в коем случае. Вам прямая дорога в больницу. Вам и вашему ребенку.

— Литл Уолтеру, — прошептала женщина. Она стояла, покачиваясь, с падающими на лицо волосами, пока Пайпер открывала дверцу со стороны пассажирского сиденья. Потом помогла женщине сесть.

Пайпер взяла с консоли между сиденьями бутылку воды «Поланд спринг», скрутила крышку. Женщина выхватила у нее бутылку, прежде чем Пайпер успела ее предложить, принялась жадно пить, вода выплескивалась на шею, с подбородка капала на футболку.

— Как вас зовут?

— Сэмми Буши. — И потом, пусть ее желудок и раздулся от воды, та самая черная роза вновь начала расцветать перед глазами Сэмми. Бутылка выпала из ее рук на коврик перед сиденьем, забулькала выливающаяся вода, а Сэмми потеряла сознание.

Пайпер ехала, как могла, быстро, то есть очень быстро, учитывая, что Моттон-роуд пустовала, но, прибыв в больницу, узнала, что доктор Хаскел умер днем раньше, а фельдшера Эверетта нет на месте.

Сэмми осмотрел и принял известный медицинский специалист Дуги Твитчел.

Пока Джинни пыталась остановить вагинальное кровотечение Сэмми Буши, а Твитч ставил капельницу с физиологическим раствором сильно обезвоженному Литл Уолтеру, Расти Эверетт спокойно сидел на парковой скамейке на городской площади, с той ее стороны, что примыкала к зданию муниципалитета. Скамейку поставили под раскидистыми ветвями голубой канадской ели, и он полагал, что в такой солнечный день тень делала его невидимым. Если, конечно, особо не шевелиться. А он сидел тихо.

И видел много интересного.

Расти собирался прямым ходом пойти в склад-хранилище, который находился за зданием муниципалитета (Твитч называл его сараем, но на самом деле речь шла о более серьезном сооружении, длинной деревянной постройке, где также стояли четыре снегоочистителя Милла), и проверить, как обстоят дела с пропаном, но тут подъехала одна из полицейских машин, за рулем которой сидел Френки Дилессепс. Из нее вышел Ренни-младший. Они поговорили минуту-другую, а потом Дилессепс уехал.

Младший поднялся по ступеням здания полицейского участка, но, вместо того чтобы войти, сел наверху, потирая виски, словно его донимала головная боль.

Расти решил подождать. Не хотел, чтобы кто-то увидел, как он проверяет городские запасы пропана, — особенно сын второго члена городского управления.

В какой-то момент Младший достал из кармана мобильник, раскрыл. Послушал, что-то сказал, вновь послушал, опять сказал, закрыл мобильник. Продолжил потирать виски. Доктор Хаскел что-то говорил об этом молодом человеке. Вроде бы мигрень? Да, точно мигрень. Расти судил не только по потиранию висков. Младший, похоже, старался не поднимать голову.

Чтобы максимально избегать яркого света, подумал Расти. Наверное, оставил имитрекс или зомиг дома. При условии, что Хаскел прописал ему какой-то из этих препаратов.

Расти уже поднялся, собираясь пересечь аллею Благополучия и подойти к муниципалитету сзади — Младший определенно не тянул на бдительного часового, — когда заметил еще одного человека и снова опустился на скамью. Дейл Барбара, повар блюд быстрого приготовления, которому, по разговорам, присвоили звание полковника (согласно

некоторым, по указу президента), стоял под навесом «Глобуса», прячась в тени, как и Расти. И Барбара, судя по всему, тоже наблюдал за Младшим.

Любопытно.

Вероятно, Барбара пришел к тому же выводу, что и Расти: Младший не караулил, а ждал. Возможно, чтобы его куда-то подвезли. Барбара пересек улицу и, как только здание муниципалитета скрыло его от глаз Младшего, остановился, чтобы прочитать объявление у двери. Потом вошел в муниципалитет.

Расти решил, что посидит еще какое-то время. Под деревом ему нравилось, да и хотелось узнать, кого дожидается Младший. Люди все расходились из «Диппера» (некоторые задержались бы и дольше, если бы продавали спиртное). Большинство из них, как и молодой человек, сидевший на лестнице у полицейского участка, опустили головы. Не от боли, предположил Расти, а в унынии. А может, в сложившейся ситуации боль и уныние являли собой одно и то же. Об этом стоило поразмыслить.

Но тут появилось огромное, раздутое черное страшилище, которое Расти хорошо знал: «хаммер» Большого Джима Ренни. Послышался нетерпеливый гудок: три человека, шагавших по мостовой, торопливо, как испуганные овцы, отскочили на тротуар.

«Хаммер» остановился перед полицейским участком. Младший поднял голову, но не встал. Дверцы раскрылись. Энди Сандерс вылез из-за руля, Ренни — с пассажирского сиденья. Ренни позволил Сандерсу управлять своей любимой черной жемчужиной? Расти вскинул брови. Насколько он мог вспомнить, за рулем этого чудовища всегда сидел только Большой Джим. *Может, он решил повесить Энди из ишаков в шоферы?* — подумал он, но, наблюдая, как Большой Джим поднимается по ступеням к тому месту, где сидел его сын, изменил свое мнение.

Как и большинство медиков с серьезным опытом, Расти мог поставить достаточно точный визуальный диагноз. Он никогда не стал бы основываться на нем при назначении лечения, но мог только по походке определить: то ли человеку шестью месяцами раньше заменили тазобедренный сустав, то ли он на текущий момент страдает от геморроя; мог сказать, что женщине продуло шею, если она поворачивалась всем телом и не оглядывалась; знал, что в летнем лагере ребенок подцепил вшей, если тот постоянно чесал голову. Большой Джим уложил руку на верхнюю часть своего внушительного живота, когда поднимался по лестнице, и это однозначно указывало, что недавно он потянул плечо или верхнее предплечье, а может, и первое, и второе. И уже не приходилось удивляться тому, что Сандерсу доверили управление чудовищем.

Трое поговорили. Младший не встал, зато Сандерс присел рядом с ним, порылся в кармане и достал что-то блеснувшее в дымчатом солнечном свете. На зрение Расти не жаловался, но расстояние составляло никак не меньше пятидесяти ярдов, и он не смог разглядеть, что это за предмет. Стекло или металл — больше сказать ничего не мог. Младший убрал его в карман, и все трое еще какое-то время поговорили. Ренни указал на «хаммер», — сделал это здоровой рукой, — и Младший покачал головой. Тогда Сандерс указал на «хаммер». Младший отклонил и его предложение, опустил голову, вновь принялся массировать виски. Двое мужчин переглянулись. Сандерсу пришлось задрать голову, потому что он сидел. И в тени Большого Джима, как отметил Расти. Ренни пожал плечами, раскинул руки, как бы говоря: *Что тут поделаешь?* Сандерс поднялся, и мужчины вошли в полицейский участок. Большой Джим задержался лишь для того, чтобы похлопать сына по плечу. Младший не отреагировал. Остался на прежнем месте, будто собирался пересидеть вечность. Сандерс послужил Большому Джиму и швейцаром — распахнул дверь и вошел следом.

Едва два члена городского управления покинули сцену, из муниципалитета появился квартет: пожилой мужчина, молодая женщина, девочка и мальчик. Девочка держала за руку мальчика, а в другой руке несла шахматную доску. Мальчик выглядел чуть ли не таким же несчастным, как Младший... и тоже потирал висок свободной рукой. Все четверо пересекли аллею Благополучия, а потом прошли мимо скамьи Расти.

— Привет! — радостно поздоровалась с ним девочка. — Я Элис. Это Эйден.

— Мы собираемся поселиться в доме сущенника, — мрачно сообщил Эйден. Он все еще потирал висок и выглядел очень бледным.

— Как интересно, — улыбнулся Расти. — Иногда я мечтаю о том, чтобы пожить в доме сущенника.

Мужчина и женщина догнали детей. Они держались за руки. Отец и дочь, предположил Расти.

— Мы просто хотим поговорить с пастором Либби, — поправила Эйдена женщина. — Вы не знаете, она еще не вернулась?

— Понятия не имею.

— Что ж, мы пойдем и подождем. У дома сущенника. — Произнося последнюю фразу, она улыбнулась пожилому мужчине. Расти решил, что они, возможно, не отец и дочь. — Так нам посоветовал уборщик.

— Эл Тиммонс? — Расти видел, как Эл запрыгнул в кузов пикапа

«Универсального магазина Берпи».

— Нет, другой, — пояснил пожилой мужчина. — Он сказал, что преподобная сможет помочь нам с жильем.

Расти кивнул.

— Его звали Дейл?

— Если не ошибаюсь, он не назвал нам своего имени, — ответила женщина.

— Пошли! — Мальчик отпустил сестру и потянул женщину за руку. — Я хочу поиграть в другую игру, о которой ты говорила. — Но в голосе звучало скорее недовольство, чем предвкушение. Результат, возможно, легкого шока. Или какой-то болезни. Если второй вариант, Расти надеялся, что обычная простуда. Чего не хватало сейчас Миллу, так это эпидемии гриппа.

— Они остались без мамы, по крайней мере временно, — тихим голосом пояснила женщина. — Мы о них заботимся.

— Это хорошо, — искренне произнес Расти. — Сынок, у тебя болит голова?

— Нет.

— Горло не дерет?

— Нет. — Мальчик, которого звали Эйден, очень серьезно посмотрел на Расти. — Знаешь, что? Если в этом году мы не будем играть в «сладость-или-гадость», я не огорчусь.

— Эйден Эпплтон! — воскликнула Элис, потрясенная до глубины души.

Расти между тем чуть дернулся, стал все больше беспокоиться, ничего не мог с собой поделать. Но он улыбнулся:

— Не огорчишься? Почему?

— Потому что нас водит мама, а мама уехала за продуктами.

— Он хотел сказать — продуктами, — поправила брата Элис.

— Она поехала купить выпы. — Выглядел Эйден маленьким старичком. Маленьким встревоженным старичком. — Я боюсь идти на Хэллоуинин без мамочки.

— Пошли, Каро, — сказал мужчина. — Мы должны...

Расти поднялся со скамьи:

— Могу я поговорить с вами, мэм? Отойдем на пару шагов.

На лице Каролин отразилось недоумение и тревога, но она отошла с ним за голубую ель.

— Судорожной активности вы у мальчика не замечали? — спросил Расти. — К примеру, он внезапно прекращал какое-то свое занятие... вы

понимаете, застывал на месте... или смотрел в одну точку... или чмокал губами...

— Ничего такого, — ответил подошедший к ним мужчина.

— Да, да, — согласилась Каролин, но выглядела она испуганной.

Мужчина это заметил, хмуро взглянул на Расти:

— Вы врач?

— Фельдшер. Я подумал, возможно...

— Конечно же, мы ценим вашу заботу, мистер...

— Эрик Эверетт. Зовите меня Расти.

— Мы ценим вашу заботу, мистер Эверетт, но я уверен, тут вы волнуетесь напрасно. Не забывайте, что дети остались без матери...

— И провели две ночи практически без еды, — добавила Каролин. — Они пытались добраться до города самостоятельно, когда эти двое... *полицейских*, — она поморщилась, словно от этого слова дурно пахло, — их нашли.

Расти кивнул.

— Возможно, объяснение в этом. Но маленькая девочка вроде бы в норме.

— Дети реагируют по-разному. И нам пора. А то они убегают, Терс.

Элис и Эйден бежали через площадь, подбрасывая ногами упавшие листья. Элис размахивала шахматной доской и во весь голос кричала:

— Дом сущенника! Дом сущенника!

Мальчик старался от нее не отстать и тоже кричал.

Мальчик на мгновение задумался о своем, ничего больше, подумал Расти. Остальное — совпадение. Нет, дело даже не в этом. Какой американский ребенок не думает о Хэллоуине во второй половине октября? В одном Расти не сомневался: если этих людей потом спросят, они вспомнят, где именно и когда они видели Эрика Эверетта по прозвищу Расти. Вся секретность насмарку.

Седоволосый мужчина возвысил голос:

— Дети! Дети!

Молодая женщина оглядела Расти. Потом протянула руку:

— Спасибо за вашу озабоченность, мистер Эверетт. Расти.

— Возможно, чрезмерную. Профессиональная вредность.

— Вы полностью прощены. Это был самый безумный уикэнд в истории человечества. Готова подписаться.

— Это точно. Если я вам понадоблюсь, загляните в больницу или Центр здоровья. — Он указал в направлении «Кэтрин Рассел», которую они бы видели, если бы не оставшаяся на деревьях листва. И кто знает, опадет

ли она.

— Или на эту скамью. — Женщина улыбнулась.

— Или на эту скамью, точно, — заулыбался и Расти.

— Каро! — В голосе Терса слышалось нетерпение. — Пошли!

Она попрощалась с Расти взмахом руки — даже не взмахом, только чуть шевельнула кончиками пальцев — и побежала за остальными. Бежала легко, грациозно. Расти задался вопросом: известно ли Терсу, что девушки, которые могли бегать легко и грациозно, практически всегда убегали от своих пожилых любовников, рано или поздно? Может, он это и знал. Может, такое с ним уже случалось.

Расти наблюдал, как они пересекают городскую площадь, держа курс на шпиль церкви Конго. Со временем деревья скрыли их из виду. Когда он посмотрел на полицейский участок, Ренни-младшего там уже не было.

Расти посидел несколько секунд, барабанил пальцами по бедрам. Потом принял решение и встал. Проверка склада-хранилища у муниципалитета на предмет нахождения там пропавших из больницы контейнеров с пропаном могла и подождать. Его больше интересовало другое: что делал в муниципалитете один и единственный на весь Милл офицер армии США.

Когда Расти пересекал аллею Благополучия, направляясь к муниципалитету, Барби одобрительно посвистывал. Атомное убежище длиной не уступало вагону-ресторану компании «Амтрак», и на полках в большом количестве стояли консервы. В основном рыбные: сардины, лосось и нечто, называемое «Жареными ломтиками моллюсков от Сноу». Барби оставалось только надеяться, что пробовать это блюдо ему не придется. Хватало здесь и бакалеи, коробок и пластиковых канистр с надписями: «РИС», «ПШЕНИЧНАЯ МУКА», «СУХОЕ МОЛОКО», «САХАР». Стояли поддоны с бутылками питьевой воды. Он насчитал десять больших коробок с маркировкой «ГАЛЕТЫ ИЗ ГОСРЕЗЕРВА США». Еще на двух коробках прочитал: «ШОКОЛАД ИЗ ГОСРЕЗЕРВА США». На стене, над всеми запасами, висел пожелтевший лозунг: «700 КАЛОРИЙ В ДЕНЬ ПОЛУЧАЕМ — ГОЛОД В УГОЛ НАВСЕГДА ЗАГОНЯЕМ».

— Мечтать не вредно, — пробормотал Барби.

В дальнем конце он увидел дверь. Открыл ее в адскую тьму, нащупал на стене выключатель, повернул. Еще комната, не такая большая, но все-таки приличных размеров. Выглядела она неиспользуемой, но не заброшенной. Эл Тиммонс о ней, вероятно, знал, потому что кто-то вытирал пыль с полок и подметал полы. Но конечно же, кроме него, сюда наверняка никто не заглядывал. Вода хранилась здесь в стеклянных бутылках, а Барби такие видел только во время короткого пребывания в Саудовской Аравии. Он насчитал двенадцать раскладушек плюс простые синие одеяла и матрасы, упакованные в прозрачные пластиковые чехлы на молнии, которые снимались перед использованием. Тут тоже держали разнообразные припасы, в том числе полдюжины картонных ящиков с маркировкой «САНИТАРНЫЙ КОМПЛЕКТ» и еще десяток с защитными масками. Стоял в комнате и вспомогательный генератор, рассчитанный на какой-то минимум электроэнергии. Он работал; вероятно, включился, когда Барби повернул настенный выключатель. По сторонам генератора к стене крепились две полки. Одну занимал радиоприемник, изготовленный в те времена, когда юмористическая песня «Автоколонна», исполненная К. У. Макколлом, возглавляла хит-парады. На другой стояли две спиртовки и металлическая коробка, выкрашенная в ярко-желтый цвет. Надпись на боковой стороне пришла из тех дней, когда аббревиатура «CD»^[108]

означала совсем не компакт-диск. Именно за этой коробкой Барби сюда и пришел.

Поднял ее... и чуть не уронил — такой она оказалась тяжелой. На верхней панели имелась индикаторная шкала с надписью: «ИМПУЛЬСЫ В СЕКУНДУ». При направлении датчика на какой-то предмет стрелка могла остаться в зеленой зоне, перейти в центральную желтую... или уйти в красную. Барби предположил, что последнее нехорошо.

Он включил прибор. Маленькая лампочка, свидетельствующая о подаче электричества, осталась темной, стрелка не сдвинулась с места.

— Батарейка села, — произнес чей-то голос за спиной Барби. Тот чуть не выпрыгнул из штанов. Повернулся и увидел высокого, крепко сложенного мужчину с рыжими волосами, стоящего в дверном проеме между двумя комнатами.

— Расти?

— Он самый. — Мужчина протянул руку. Не без опаски Барби подошел и пожал ее. — Увидел, как вы вошли. И это — он указал на счетчик Гейгера, — вероятно, неплохая идея. Что-то должно удерживать его на месте. — Расти не расшифровал «его», но этого и не требовалось.

— Рад, что вы одобряете. Вы напугали меня чуть ли не до инфаркта. Но как я понимаю, вы бы меня и спасли. Вы же — доктор.

— Фельдшер. То есть...

— Я знаю.

— Ладно, считаем, вы выиграли кухонную посуду с тефлоновым покрытием. — Расти указал на счетчик Гейгера: — Думаю, ему требуется шестивольтовая батарейка. Я уверен, что видел такие в «Берпи». Менее уверен, что сейчас там кто-то есть. Поэтому... может, продолжим розыски?

— Где именно?

— В складе-хранилище за зданием муниципалитета.

— И по какой причине?

— Вот это будет зависеть от результата. Если мы найдем утерянное в больнице, тогда мы с вами скорее всего обменяемся информацией.

— Не поделитесь, что утеряли?

— Пропан, брат.

Барби задумался.

— Почему нет? Давай взглянем.

Младший стоял у шаткой лестницы на боковой стене «Городского аптечного магазина Сандерса», гадая, сумеет ли он, с такой головной болью, подняться по ней. Возможно. Вероятно. С другой стороны, где-то на полпути его череп мог разлететься, как новогодняя шутиха. Точка перед глазом вернулась, подпрыгивала и подпрыгивала в такт ударам сердца, но уже не белая. Стала ярко-красной.

В темноте мне будет хорошо. В кладовой, с моими девочками.

Если все пройдет нормально, он мог пойти туда. В этот самый момент кладовая дома Маккейнов на Престил-стрит казалась самым желанным местом на земле. Разумеется, там был и Коггинс, но что с того?

Младший всегда мог оттолкнуть этого говенного крикуна-проповедника в сторону. А Коггинса приходилось прятать, во всяком случае, какое-то время. Младший не испытывал ни малейшего желания прикрывать отца (сделанное родителем не удивило его и не вызвало ужаса: Младший всегда знал, что Большой Джим способен на убийство), но ему очень хотелось прижать этого Дейла Барбару.

«Если мы все сделаем правильно, то сможем не только убрать его с пути, — сказал ему этим утром Большой Джим. — Мы сможем использовать его для объединения города перед лицом кризиса. И эта ёханая газетчица. Насчет нее у меня тоже есть идея. — Он положил теплую мясистую руку на плечо Младшего. — Мы одна команда, сын».

Может, не навсегда, но на какое-то время, он с отцом действительно оказался в одной упряжке. И они позаботятся о *Ба-а-арби*. Младший даже подумал, что именно Барби виноват в его головных болях. Если тот и вправду побывал за океаном — по слухам, в Ираке, — тогда он мог привезти какие-нибудь нетрадиционные восточные сувениры. К примеру, яд. Младший частенько ел в «Эглантерии», и Барбара легко мог подсыпать ему в еду какой-то дряни, которая действовала медленно, но неотвратно. Или в кофе. А если Барби в тот момент не стоял за грилем, он мог попросить Роуз. Эта сучка находилась под полным его влиянием.

Младший поднялся по лестнице, медленно, останавливаясь через каждые четыре ступеньки. Голова не разорвалась, и на верхней ступеньке он полез в карман за ключом от квартиры, который дал ему Энди Сандерс. Поначалу не мог найти и уже решил, что потерял, но в конце концов пальцы нащупали ключ, спрятавшийся среди мелочи.

Младший осмотрелся. Несколько человек, возвращавшиеся из «Дипперса», шли по улице, но никто не смотрел на него, стоящего на наружной лестнице у квартиры Барби. Ключ повернулся в замке, и Младший проскользнул за дверь.

Не стал включать свет, хотя генератор Сандерса, вероятно, обеспечивал электричеством и квартиру. В сумраке пульсирующая точка перед глазом теряла в яркости. Он огляделся. Увидел книги — полки и полки с книгами. Неужели *Ба-а-арби* собирался оставить их, уходя из города? Или договорился с кем-нибудь, скажем, с Петрой Сирлс, которая работала внизу, куда-то их отправить? Если так, он, вероятно, договорился и об отправке ковра, который лежал на полу в гостиной, — какого-то артефакта, купленного в Ираке на местном базаре в свободное время, когда Барби не устраивал водяную пытку подозреваемым и не трахал маленьких мальчиков.

Потом Младший решил, что ни о чем Барби и не договаривался. Не требовалось ему договариваться, потому что уходить и не собирался. Как только эта идея пришла в голову, Младший удивился, что не додумался до нее раньше. *Ба-а-арби* тут нравилось, и он никогда бы не ушел по собственной воле. Он наслаждался жизнью в этом городе, как червь — в собачьей блевотине.

«Найди что-то такое, от чего ему не отвертеться, — проинструктировал его Большой Джим. — Что-то такое, что может принадлежать только ему. Ты меня понимаешь?»

За кого ты меня держишь, папа? За тупицу? — подумал Младший. *Если я тупица, как получилось, что я спас твою шкуру?*

Вообще-то отец мог крепко ударить, если его выводили из себя, в этом сомнений не было. Но он ни разу не бил Младшего, когда тот был ребенком, ни рукой, ни ремнем, и Младший полагал, что причина — в благотворном влиянии умершей ныне матери. Теперь он подозревал, что дело в другом: отец глубоко в душе понимал, что не смог бы остановиться, если б начал.

— Яблочко от яблони недалеко падает, — засмеялся Младший. От смеха голова болела сильнее, но он все равно смеялся. Не зря же говорили, что смех — лучшее лекарство.

Он прошел в спальню Барби, сел на аккуратно застеленную кровать и подумал, как было бы здорово навалить на нее большую кучу. Да, а потом потереться наволочкой. *Тебе бы это понравилось, Ба-а-арби?*

Но он направился к комоду. Три или четыре пары джинсов в верхнем ящике плюс две рубашки цвета хаки. Под шортами лежал мобильник, и на

мгновение Младший подумал, что нашел то самое. Но нет. Такие приобретались на распродажах; в колледже их называли горельниками или времянками. Барби всегда мог сказать, что мобильник не его.

Во втором ящике он нашел с полдюжину комплектов нижнего белья, четыре или пять пар спортивных носков. Третий пустовал.

Младший заглянул под кровать, боль гулками ударами разносила голову — похоже, лучше ему от сумрака не стало. И там он ничего не нашел, даже катышков пыли. *Ба-а-арби* оказался чистюлей. Младший подумал о том, чтобы принять капсулу имитрекса, которая лежала в карманчике для часов, но не стал. Он уже принял две, с нулевым эффектом, если не считать металлического привкуса во рту. Младший знал, какое ему нужно лекарство: темная кладовая на Престил-стрит. И компания его подружек.

А пока он находился здесь. Для того чтобы что-то найти.

— Что-то особенное, — прошептал Младший. — Должен найти что-то маленькое и особенное.

Он двинулся обратно в гостиную, вытирая слезу из угла пульсирующего левого глаза (не заметив, что она цвета крови), потом остановился, потому что сверкнула идея. Младший вернулся к комоду, вновь выдвинул ящик с носками и нижним бельем. Принялся ощупывать скатанные в шары носки. В старшей школе Младший иной раз прятал в скатанных в шары носках травку или пару «колес»; однажды — трусики Адриетт Нидо. Носки служили отличным тайником. Он доставал шары по одному, тщательно их разминая.

На третьем ему повезло. Он нащупал что-то вроде металлической пластинки. Нет, даже две. Раскрутил носки и потряс ими над комодом.

Выпали армейские идентификационные жетоны Дейла Барбары. И несмотря на дикую головную боль, Младший улыбнулся.

Вот мы тебя и подставили, Ба-а-арби, подумал он. *Крепко подставили.*

На той стороне Литл-Битч-роуд, что находилась в Таркерс-Миллсе, пожар, вызванный взрывом ракет «фастхок», еще бушевал, но чувствовалось, что к ночи его потушат. Этим занимались пожарные команды четырех городов, которым помогали солдаты и морпехи, и они постепенно брали над огнем верх. С пожаром справились бы и быстрее, полагала Бренда Перкинс, если бы не мешал сильный ветер. На стороне Милла такой проблемы не возникало. На тот момент это радовало. Позже могло сильно огорчить. Но знать этого наверняка никто не мог.

Бренда не собиралась по такому поводу тревожиться, потому что пребывала в хорошем настроении. Если бы утром кто-нибудь спросил ее, когда к ней вернется хорошее настроение, она бы ответила: «Может, в следующем году. Может, никогда». Но ей хватало ума, чтобы понимать, надолго это настроение не задержится. Девяносто минут тяжелой физической работы в немалой степени способствовали его улучшению: физическая нагрузка вызывает выброс эндорфинов, будь то зарядка, или бег трусцой, или удары штыком лопаты по горящим кустам. Но эндорфинами дело не ограничивалось. Свою лепту внесло и руководство общими усилиями, с которым у нее получалось. На тушение пожара приехали и другие добровольцы. Четырнадцать мужчин и три женщины стояли по обе стороны Литл-Битч: некоторые с лопатами или резиновыми ковриками — чтобы добить ползущее по земле пламя; некоторые с ручными насосами, их раньше несли на спине, а теперь сняли и положили рядом на проезжую часть.

Эл Тиммонс, Джонни Карвер и Нил Тимоти сворачивали шланги и бросали их в кузов пикапа Берпи. Томми Андерсон из «Дипперса» и Лисса Джеймисон, чуть сдвинувшаяся на почве Новой эры, но сильная, как лошадь, несли к одному из пикапов погружной насос, которым выкачивали воду из Литл-Битч-Крик. Бренда слышала смех и понимала, что не она одна наслаждается выбросом эндорфинов.

Кусты по обе стороны дороги почернели и еще дымились, и несколько деревьев обгорело, но этим все и закончилось. Купол, который блокировал ветер, помог им и в другом. Он практически перекрыл ручей, отчего прилегающая к нему территория медленно, но верно превращалась в болото. На другой стороне ситуация отличалась кардинально. Люди, боровшиеся с огнем, напоминали мерцающих духов, которые едва

просматривались сквозь колеблющийся от жары воздух и оседающую на Куполе сажу.

Ромео Берпи неспешно направился к Бренде. В одной руке он держал мокрую швабру, в другой — резиновый коврик. Еще с ценником, наклепленным на обратную сторону. Ценник заляпала грязь и сажа, но надпись на нем Бренда разобрала без труда: «В «БЕРПИ» РАСПРОДАЖА КАЖДЫЙ ДЕНЬ». Берпи бросил коврик и протянул ей измазанную руку.

Бренда этому удивилась, но уклоняться не стала. Крепко ее пожала.

— По какому поводу, Ромми?

— Ты здесь чертовски хорошо поработала.

Она рассмеялась, смущенная, но довольная.

— Тут любой бы справился, учитывая обстоятельства. Пожар-то пустяковый, да и земля так пропиталась водой, что к закату он сам бы потух.

— Возможно, — не стал спорить Берпи, потом указал на поляну, которая виднелась сквозь деревья, с пересекающей ее полуразрушенной каменной стеной. — Или огонь добрался бы до той высокой травы, потом до деревьев на другой стороне поляны, и пошло-поехало. Все могло бы гореть неделю. А то и месяц. С учетом того, что этой чертовой пожарной команды тут нет. — Он повернул голову и сплюнул. — Даже без ветра огонь не потухнет, если уж разгорелся. На юге шахты горят по двадцать, тридцать лет. Я читал об этом в «Нэшнл джиографик». Под землей никакого ветра нет. И откуда нам знать, что ветер не поднимется? Мы же не знаем, что делает, а чего нет эта хреновина.

Они оба посмотрели на Купол. Сажа и пепел сделали его видимым — в каком-то смысле — до высоты почти в сто футов. Теперь они уже не могли четко разглядеть, что делается на стороне Таркерса, и Бренде это не нравилось. Не то чтобы ей хотелось вникнуть в нужную проблему — так недолго испортить и хорошее настроение, возникшее после тушения пожара, но все же ей это решительно не нравилось. Черная пленка на Куполе заставила ее подумать о вчерашнем необычном закате.

— Дейл Барбара должен позвонить своему вашингтонскому другу, — прервала она паузу. — Сказать ему, что, погасив пожар, следует отмыть Купол с той стороны. Мы же этого сделать не сможем.

— Хорошая идея, — кивнул Ромео. Но его определенно занимало другое. — Ты, конечно, обратила внимание на одну особенность своей команды? Потому что я точно обратил.

На лице Бренды отразилось удивление.

— Они — не моя команда.

— Твоя, твоя! Ты отдавала приказы, а значит, они твоя команда. Ты видишь хоть одного копа?

Бренда огляделась.

— Ни одного, — подтвердил Ромео. — Ни Рэндолфа, ни Генри Моррисона, ни Фредди Дентона или Рупа Либби, ни Джорджи Фредерика... никого из этих новеньких. Этой молодежи.

— Они, возможно, заняты.

— Точно. Заняты чем? Ты не знаешь, и я не знаю. Но чем бы они ни занимались, не уверен, что мне это понравится. Или я подумаю, что этим стоит заниматься. В четверг вечером состоится городское собрание, и я думаю, в руководстве города должны произойти некоторые изменения. Не мне, конечно, решать, но, считаю, ты должна стать начальником полиции и пожарной охраны.

Бренда обдумала его слова, приняла во внимание папку «ВЕЙДЕР», найденную в компьютере мужа, и медленно покачала головой:

— Для этого, пожалуй, рановато.

— А если только начальником пожарной охраны? Это тебе подойдет? — В его голосе теперь сильнее слышался льюистонский выговор.

Бренда оглядела обгоревшие кусты и деревья. Ужасно, это точно, как с фотографии поля боя Первой мировой войны, но уже не опасно. Люди, которые приехали сюда, позаботились об этом. Команда. *Ее команда.*

Она улыбнулась:

— На это я могу согласиться.

Первый раз Джинни Томлинсон убежала по больничному коридору, реагируя на громкий сигнал вызова, который не сулил ничего хорошего, и Пайпер не успела с ней поговорить. Даже и не пыталась. Она пробыла в приемном покое достаточно долго, чтобы понять: три человека — медсестра, медбрат и совсем юная медсестра-волонтер — обслуживали всю больницу. Они справлялись, но на пределе. Когда Джинни вернулась, она шла медленно. С поникшими плечами, в руке несла медицинскую карту.

— Джинни, ты как?

Подумала, что медсестра может рывкнуть на нее, но та лишь печально улыбнулась. И села рядом.

— Все хорошо. Только устала. — Она помолчала. — И Эд Кэрти только что умер.

Пайпер взяла ее за руку:

— Сожалею, что так вышло.

Джинни сжала ее пальцы.

— Не сожалею. Ты знаешь, как женщины говорят о родах? Эта родила легко, та тяжело?

Пайпер кивнула.

— Со смертью то же самое. Мистер Кэрти рожал долго, но теперь разродился.

Пайпер эта идея показалась блестящей. Она подумала, что может использовать такое сравнение в проповеди... только предположила, что в ближайшее воскресенье люди не захотят слушать проповедь о смерти. Если, конечно, Купол не исчезнет. Пайпер попыталась определиться, как лучше задать вопросы, без которых она никак не могла обойтись. Но задавать их ей не пришлось.

— Ее изнасиловали. — Джинни все сказала сама. — Скорее всего не один раз. Я боялась, что Твитчу придется ее зашивать, но смогла остановить кровотечение вагинальным тампоном. — Она помолчала. — Я плакала. К счастью, девушка настолько обдолбанная, что ничего не замечала.

— А ребенок?

— В принципе здоровый полуторагодовалый мальчик, но он нас напугал. У него случился мини-припадок. Вероятно, от того, что он слишком долго пробыл на солнце. Плюс обезвоживание... голод... и его

рана. — Джинни провела пальцем по лбу.

Из коридора появился Твитч, присоединился к ним. От присущей ему небрежно-развязной манеры поведения не осталось и следа.

— Мужчины, которые изнасиловали ее, ранили и ребенка? — Голос Пайпер оставался спокойным, но в рассудке появилась тонкая красная щель.

— Литл Уолтера? Я думаю, он просто упал. Сэмми что-то сказала насчет развалившейся кровати. Говорила не очень связно, но я уверен: это всего лишь несчастный случай. С ребенком, во всяком случае.

Пайпер ошеломленно посмотрела на него:

— Так вот что она говорила. Я думала, что она просила воды.

— Я уверена, что она хотела пить, — вставила Джинни, — но первое имя малыша Сэмми — Литл, а второе — Уолтер. Его так называли, насколько я знаю, в честь блюзмена, который играл на губной гармошке. Она и Фил... — Джинни показала, как затягиваются косячком и задерживают дым в легких.

— Ох, Фил только травкой не ограничивался, — покачал головой Твитч. — Когда дело касалось наркотиков, Фил Буши предпочитал многообразие.

— Он умер? — спросила Пайпер.

Твитч пожал плечами:

— Я не видел его с весны. Если и умер, невелика беда.

Пайпер укоризненно посмотрела на него.

Твитч чуть поник головой.

— Извините, преподобная. — Повернулся к Джинни: — Расте не объявился?

— Ему нужно немного развеяться, и я его отпустила. Он скоро вернется, я уверена.

Пайпер сидела между ними, внешне спокойная. Но внутри красная трещина расширялась. Пайпер вспомнила вечер, когда отец запретил ей пойти на каток в торговом центре, потому что она сказала что-то резкое матери (в подростковом возрасте с губ Пайпер Либби очень уж часто слетали резкости). Она пошла наверх, позвонила подруге, с которой собиралась встретиться, и сказала ей — приятным, ровным голосом, — что у нее возникли неотложные дела и встретиться, увы, не удастся. В следующий уик-энд? Конечно, будь уверена, желаю тебе хорошо провести время, нет, я здорова, пока. После этого вдрызг разнесла свою комнату. Закончила тем, что сдернула со стены постер любимой группы «Оазис» и разорвала. К тому времени она уже ревела, и не в печали. В приступе

ярости. (Приступы эти пролетали сквозь ее подростковые годы, как мощные ураганы.) Отец в какой-то момент подошел к двери, молча взирал на ее художества. Пайпер не знала, сколько он там простоял, пока она его заметила, но, заметив, воинственно уставилась на него, тяжело дыша и думая о том, сколь сильно его ненавидела. Сколь сильно ненавидела обоих родителей. Если б они умерли, она могла бы жить с тетей Рут в Нью-Йорке. Тетя Рут знала, как хорошо проводить время. Не то что некоторые. Он протянул к ней руки, ладонями вверх, и этот искренний, смиренный жест раздавил ее злость и чуть не разорвал сердце.

«Если ты не сможешь держать в узде вспыльчивость, она будет контролировать тебя». — С этими словами он ушел, низко опустив голову. Она не захлопнула дверь. Закрыла ее тихонько.

И в тот год Пайпер начала бороться со своей вспыльчивостью. Подумала, что еще очень долго будет оставаться пятнадцатилетней, если не внесет в свое поведение фундаментальные изменения. Полностью она вспыльчивость не убила — нельзя же убить часть себя, но, работая над самоконтролем, в целом добилась успеха. А если чувствовала, что вспыльчивость вот-вот вырвется на свободу, вспоминала слова отца, его протянутые к ней руки и медленные шаги по коридору в доме, где она выросла. На его похоронах девятью годами позже Пайпер произнесла: «От моего отца я услышала самую важную фразу в своей жизни». Саму фразу она не озвучила, но ее мать знала. Та сидела на первом ряду в церкви, где теперь служила ее дочь.

Последние двадцать лет, ощущая желание накинуться на кого-то, — часто желание практически неудержимое, потому что люди бывали такими глупыми, такими, казалось, намеренно тупыми, — Пайпер вызывала из памяти голос отца: *Если ты не сможешь держать в узде вспыльчивость, она будет контролировать тебя.*

Но теперь красная брешь все расширялась, и Пайпер испытывала острое желание швырять вещи. Раздирать кожу, пока не потечет кровь.

— Ты спросила, кто это сделал?

— Да, конечно. Она не сказала. Напугана.

Пайпер вспомнила, как поначалу приняла лежащих на обочине мать и младенца за мешок с мусором. И конечно же, именно так воспринимали их те, кто это сделал. Она встала.

— Я с ней поговорю.

— Может, сейчас не стоит, — засомневалась Джинни. — Ей дали успокоительное, и она...

— Пусть попробует, — вмешался Твитч. Лицо его побледнело. Руки со

сцепленными пальцами он зажал коленями, костяшки похрустывали. — И постарайтесь, чтобы у вас получилось, преподобная.

Сэмми лежала, смежив веки. Но ее глаза медленно открылись, когда Пайпер села у кровати.

— Вы... та, кто...

— Да. — Пайпер взяла ее за руку. — Меня зовут Пайпер Либби.

— Спасибо вам. — Глаза Сэмми начали закрываться.

— Отблагодари меня, назови имена тех, которые тебя изнасиловали.

В сумраке палаты — теплой палаты, потому что кондиционер не работал — Сэмми покачала головой.

— Они пригрозили, что мне не поздоровится, если я скажу. — Она посмотрела на Пайпер. Коровьим взглядом, полным тупого смирения. — Они могут отыгаться и на Литл Уолтере.

Пайпер кивнула:

— Я понимаю твой испуг. А теперь скажи мне, кто они. Назови их имена.

— Разве вы меня не слышали? — Теперь Сэмми не смотрела на Пайпер. — Они сказали, что...

Для долгих увещеваний времени у Пайпер не было: девушка могла отключиться в любой момент. Она схватила Сэмми за руку.

— Мне нужны эти имена, и ты мне их назовешь.

— Я не могу. — Из глаз Сэмми потекли слезы.

— Назовешь, потому что ты могла умереть, если бы я не подобрала тебя. — Она помолчала и вонзила кинжал еще глубже. После, возможно, о том пожалеет, но не сейчас. Сейчас эта девушка на кровати оставалась единственной преградой на пути к необходимым ей сведениям. — Не говоря уже о твоём ребенке. Он тоже мог умереть. Я спасла твою жизнь, я спасла его, и мне *нужны эти имена!*

— Нет. — Но сопротивление девушки слабело, и какая-то часть преподобной Пайпер Либби получала от этого истинное наслаждение. Потом она ужаснется. Подумает: *Ты ничем не лучше тех парней, насилие — это насилие.* Но тогда Пайпер получала удовольствие, точно так же, как получала его, сдергивая со стены дорогой сердцу постер и разрывая в клочья.

Мне нравится, потому что это горько, думала она. И потому что такова моя натура.

Она наклонилась над плачущей девушкой.

— Вытащи вату из ушей, Сэмми, потому что ты должна это услышать. Что они сделали однажды, они сделают снова. И когда они это сделают, когда какая-нибудь другая женщина появится здесь с окровавленной вульвой и, возможно, беременная от одного из этих насильников, я приду к тебе, и я скажу...

— Нет! Хватит!

— Ты в этом участвовала. Ты в этом участвовала, подзуживая их.

— Нет! — воскликнула Сэмми. — Не я, Джорджия! Джорджия их подзуживала!

Леденящее кровь отвращение охватило Пайпер. Женщина. Там была женщина. Красная брешь в голове еще расширилась. Скоро из нее могла потечь лава.

— Назови мне их имена.

И Сэмми назвала.

Джекки Уэттингтон и Линда Эверетт припарковались около «Мира еды». Супермаркет закрывался в пять вечера вместо привычных восьми. Рэндолф прислал их, опасаясь, что раннее закрытие может вызвать беспорядки. Нелепая идея, поскольку супермаркет практически пустовал. На парковке еще оставался с десяток автомобилей, и в медленных движениях последних покупателей чувствовалось оцепенение, словно всем им приснился один дурной сон. Работал единственный кассир, молодой парнишка Брюс Ярдли, брал наличные и выписывал расписки вместо того, чтобы прокатывать кредитные карточки. Мясной отдел заметно опустел, но курятины хватало, а стеллажи с консервами и бакалеей заполняли товары.

Они дожидались ухода последнего покупателя, когда зазвонил мобильник Линды. Она увидела, кто звонит, и у нее засосало под ложечкой: Марта Эдмундс, с которой оставались Джанель и Джуди в те дни, когда работали и Расти, и Линда, а после появления Купола такое случалось каждый день. Она нажала на кнопку приема.

— Марта? — Линда молила Бога, чтобы ничего не произошло, и Марта позвонила лишь с вопросом: можно ли ей отвести девочек на городскую площадь, что-то в этом роде. — Все в порядке?

— Ну... да. Я думаю, да. — Линда пришла в ужас, слыша тревогу в голосе Марты. — Но... ты видела эти припадки?

— Господи... у нее был припадок?

— Думаю, да, — ответила Марта и тут же добавила: — Сейчас девочки в полном порядке, в другой комнате, раскрашивают картинки.

— Что случилось? Расскажи мне.

— Они сидели на качелях. Я занималась цветами, подготавливала к зиме.

— Марта, *пожалуйста!* — воскликнула Линда, и Джекки коснулась ее руки.

— Извини. Одри начала лаять. Поэтому я обернулась. Спросила: «Сладенькая, ты в порядке?» Она не ответила, просто слезла с качелей и села под ними... ты знаешь, в маленькую выбоину от ног. Она не упала, ничего такого, просто села на землю. Уставилась прямо перед собой и начала чмокать губами, а ты предупреждала, что за этим надо следить. Я подбежала... тряхнула ее... и она сказала... сейчас вспомню.

Вот оно, подумала Линда. Останови Хэллоуин! Ты должен

остановить Хэллоуин!

Но нет. Услышала совсем другое.

— Она сказала: *Падают розовые звезды. Розовые звезды падают в ряд.* Потом добавила: *Так темно и все плохо пахнет.* После этого пришла в себя, и теперь все хорошо.

— Слава Тебе, Господи. — Тут она вспомнила про пятилетнюю дочку. — А как Джуди? Она не расстроилась?

Последовала долгая пауза, прежде чем в трубке послышалось: «Ох!»

— Ох? Что значит ох?

— Это случилось с Джуди, Линда. На сей раз с Джуди.

«Я хочу поиграть в другую игру, о которой ты говорила», — сказал Эйден Каролин Стерджес, когда они остановились на городской площади, чтобы поговорить с Расти. Игра эта называлась «Красный свет», хотя Каролин весьма смутно помнила правила — неудивительно, учитывая, что сама в последний раз играла в нее шести- или семилетней.

Но, стоя под деревом в просторном дворе дома *сущенника*, вспомнила. И что неожиданно, вспомнил их и Терстон, который не просто согласился в нее сыграть — ему не терпелось принять участие в этой игре.

— Помните, — наставлял он детей (которые, судя по всему, еще не познали удовольствий, связанных с этой игрой), — она может считать до десяти сколь угодно быстро, и, если поймает вас в движении, вам придется вернуться назад.

— Меня не поймает, — заявила Элис.

— Меня тоже, — не остался в долгу Эйден.

— Это мы еще посмотрим. — Каролин повернулась лицом к дереву: — Один, два, три четыре... пять, шесть... семь... восемь-девять-десять... *Красный свет!*

Она развернулась. Элис, улыбаясь, стояла, далеко вытянув ногу, не успев сделать огромный шаг. Улыбался и Терстон, выбросив вперед руки, как в «Призраке оперы», пальцы напоминали когти. Каролин уловила только легкое движение Эйдена, но даже не подумала о том, чтобы вернуть его в исходную позицию. Мальчик выглядел очень уж счастливым, и она не собиралась портить ему настроение.

— Хорошо, — кивнула Каролин. — Хорошие маленькие статуи. Теперь второй раунд. — Повернулась к дереву, опять сосчитала до десяти, испытывая сладостный детский страх от осознания того, что люди двигаются, пока она стоит спиной к ним. — Одинадцать четыре пять шесть семь восемь девять десять *Красный свет!*

Она развернулась. Элис находилась всего в двадцати футах от нее. Эйден отстал шагов на десять, дрожал, стоя на одной ноге, на колене виднелась старая царапина. Терс оказался позади мальчика, одну руку прижимал к груди, как оратор, улыбался. Ее, конечно, осалила бы Элис, но ничего плохого Каролин в этом не видела. Во второй игре водить пришлось бы девочке, и в выигрыше остался бы младший брат. Они с Терсом позаботились бы об этом.

Она вновь повернулась к дереву:

— Одиндватриче...

И тут Элис закричала.

Каролин обернулась и увидела лежащего на земле Эйдена Эпплтона. Сначала подумала, что он все еще пытается продолжить игру. Ногу — со старой царапиной на колене — мальчик согнул, словно пытался бежать на спине. Его широко раскрытые глаза смотрели в небо. Губы образовали букву «О». И темное пятно расширялось на шортах. Каролин бросилась к мальчику.

— Что с ним? — спросила Элис, и Каролин увидела, как напряжение этого ужасного уик-энда выплеснулось на ее лицо. — Он в порядке?

— Эйден! — позвал Терс. — Как ты, малыш?

Эйдена продолжало трясти, губы словно что-то всасывали через невидимую соломинку. Согнутая нога разогнулась... потом что-то пнула. Плечи подергивались.

— У него что-то вроде припадка, — пояснила Каролин. — Возможно, переволновался. Думаю, он сам придет в себя, если мы несколько минут не...

— Падают розовые звезды, — сказал Эйден. — Оставляют за собой следы. Это красиво. Это страшно. Все смотрят. Никаких гадостей, только сладости. Трудно дышать. Он называет себя Шефом. Это его вина. Он все заварил.

Каролин и Терстон посмотрели друг на друга. Элис опустилась на колени рядом с братом, взяла его за руку.

— *Розовые звезды*, — повторил Эйден. — Они падают. Падают, па...

— Очнись! — крикнула Элис ему в лицо. — Перестань нас пугать!

Терстон Маршалл мягко коснулся ее плеча:

— Милая, не думаю, что это помогает.

Элис не обратила на него ни малейшего внимания.

— Очнись, ты... ты, *говнюк*!

И Эйден очнулся. В недоумении посмотрел на заплаканное лицо сестры. Потом перевел взгляд на Каролин, улыбнулся — и более сладкой улыбки она не видела никогда в жизни.

— Я выиграл? — спросил он.

Генератор в муниципалитете не содержался в надлежащем порядке (кто-то подставил под него оцинкованный таз, чтобы собирать капающее масло), и Расти предположил, что эффективностью работы он может потягаться с «хаммером» Большого Джима Ренни. Но куда больше его заинтересовал подсоединенный к генератору серебристый контейнер с пропаном.

Барби коротко глянул на генератор, поморщился от запаха выхлопных газов, потом перешел к контейнеру.

— Не такой большой, как я ожидал, — заметил он. Впрочем, контейнер был гораздо крупнее баллонов, которые использовались в «Эглантерии», или того, что он поменял на генераторе в доме Бренды Перкинс.

— Это называется «муниципальный размер», — пояснил Расти. — Я помню с последнего городского собрания. Сандерс и Ренни долго убеждали всех, что контейнеры такого размера обеспечивают немалую экономию в пересчете на год, с учетом большой стоимости энергии. В каждом восемьсот галлонов.

— А по весу это... сколько? Шесть тысяч четыреста фунтов?

Расти кивнул.

— Плюс вес контейнера. Чтобы его поднять, нужен гидроподъемник. Грузоподъемность пикапа «рэм» — шесть тысяч восемьсот фунтов, но он, вероятно, может перевезти и больше. Один такой контейнер среднего размера в него поместится. Будет чуть выходить за габариты, вешаешь сзади красную тряпку и едешь.

— Но он здесь один, и, если его увезти, в муниципалитете погаснет свет.

— Если только Ренни и Сандерс не знают, где другие контейнеры. И готов спорить, они знают.

Барби провел рукой по синей надписи на боковой стенке контейнера «БОЛЬНИЦА КР».

— Это тот, что вы потеряли.

— Мы его не теряли. Его у нас украли. И вот что я думаю. Здесь должны быть еще пять наших контейнеров, потому что всего у нас украли шесть.

Барби осмотрел длинный склад. Выглядел он пустым, несмотря на

снегоочистители и коробки с запчастями. Особенно в той части, где стоял генератор.

— Даже если не брать больничные контейнеры, куда подевались городские?

— Не знаю.

— И для чего их могли использовать?

— Не знаю, — повторил Расти, — но намерен выяснить.

Падают розовые звезды

Барби и Расти вышли со склада, глубоко вдохнули. Воздух пах дымом от недавно потушенного пожара на западе, но казался удивительно свежим по сравнению с вонью выхлопных газов, которых хватало на складе. Едва заметный ветерок чуть поглаживал щеки. Барби нес счетчик Гейгера в коричневом пакете для покупок, который нашел в атомном убежище.

— Я этого так не оставлю. — Лицо Расти напоминало зловещую каменную маску.

— А что ты собираешься делать?

— Сейчас? Ничего. Я вернусь в больницу и проведу обход. А вечером постучусь в дверь Джима Ренни и потребую объяснений. Будет лучше, если он мне их даст, а также вернет нам наш пропан. Потому что послезавтра наш единственный контейнер опустеет, хотя мы отключили все, без чего можно обойтись.

— Послезавтра все, возможно, закончится.

— Ты в это веришь?

— Если надавить на второго члена городского управления Ренни прямо сейчас, он может оказаться крайне опасен, — сказал Барби вместо ответа.

— Прямо сейчас? Сразу ясно, что в городе ты новичок. Я слышал то же самое о Большом Джиме все десять тысяч или сколько там лет, которые он правит этим городом. Он предлагает людям отваливать или просит проявить терпение. «На благо города», — говорит Ренни. Это номер один в его хит-параде. Городское собрание, проведенное в марте, — насмешка. Одобрить строительство новой канализационной системы? Сожалею, город не может позволить себе повышение налогов. Создать новую коммерческую зону? Отличная идея, городу нужен дополнительный доход, но подождем, когда «Уол-март» построит магазин на Сто семнадцатом. Исследование «Окружающая среда в маленьких городах», проведенное Университетом Мэна, говорит о том, что в Честерском пруду слишком много сточных вод? Члены городского управления предлагают провести «круглый стол», поскольку всем известно, что такие исследования проводятся радикальными гуманитариями-атеистами. Но больница — это же на благо города, или ты так не считаешь?

— Разумеется, считаю. — Барби несколько удивил такой эмоциональный взрыв.

Расти смотрел на землю, сунув руки в задние карманы. Потом вскинул глаза.

— Как я понимаю, президент предложил тебе взять власть. Я думаю, самое время это сделать.

— Есть такая идея. — Барби улыбнулся. — Да только... у Ренни и Сандерса есть полиция. А где моя?

Прежде чем Расти успел ответить, зазвонил его мобильник. Он раскрыл его, посмотрел на экран.

— Линда? Что случилось?.. Хорошо, я понимаю. Если ты уверена, что теперь они в порядке. И ты точно знаешь, что это Джуди? Не Джанель?.. Я думаю, это действительно хорошие новости. Утром я видел двух других детей — у них тоже случились кратковременные припадки, которые быстро прошли. Ко мне их привели после припадков, и они прекрасно себя чувствовали. Мне три раза звонили по тому же поводу. Один раз звонили Джинни. Вероятно, это побочный эффект воздействия той силы, что создает Купол. — Расти какое-то время слушал жену. — Потому что не было никакой возможности. — Фразу эту он произнес терпеливым, исключаяющим даже намек на конфронтацию тоном. Барби без труда сформулировал вопрос, заданный Расти: *Весь день у детей припадки, а ты говоришь мне это только теперь?* — Ты их заберешь? — Расти опять обратился в слух. — Ладно. Это хорошо. Если заметишь что-то неладное, звони немедленно. Я тут же прибегу. И Одри обязательно должна находиться при них. Да, конечно. И я тебя люблю. — Он прицепил мобильник к ремню и провел руками по волосам, на мгновение сощурившись, как китаец. — Ох, Иисус ты наш Христос!

— Одри — это кто?

— Наш золотистый ретривер.

— Расскажи мне об этих припадках.

Расти рассказал, не опустив и слов Джанни о Хэллоуине и Джуди — о розовых звездах.

— Сын Динсморов тоже что-то говорил о Хэллоуине.

— Это точно.

— А другие дети? Они что-нибудь говорили о Хэллоуине или розовых звездах?

— Родители, с которыми я сегодня виделся, говорили мне, что во время припадка дети что-то бормотали, но они слишком перепугались, чтобы обращать внимание на слова.

— Сами дети ничего не помнят?

— Сами дети не помнят и о припадках.

— Это нормально?

— Это не аномально.

— Могла ваша дочь копировать старшую? Может... ну, не знаю... чтобы привлечь к себе внимание?

Расти такой вариант не рассматривал... просто не успел. Теперь обдумал.

— Возможно, но маловероятно. — Он указал на древний счетчик Гейгера в мешке: — Ты собираешься поработать с ним?

— Не я. Это собственность города, а местные власти не очень-то меня любят. Не хочу, чтобы меня с ним поймали. — Он протянул пакет Расти.

— Не могу. Сейчас слишком занят.

— Я знаю, — кивнул Барби и объяснил, чего он хочет от Расти.

Последний слушал внимательно, не скрывая улыбки.

— Хорошо. Меня это устроит. А чем займешься ты, пока я буду у тебя на побегушках?

— Приготовлением обеда в «Эглантерии». Сегодня у нас «Цыпленок от Барбары». Хочешь, чтобы я прислал пару порций в больницу?

— Еще бы!

Прежде чем вернуться в «Кэтрин Рассел», Расти завернул в редакцию «Демократа» и передал счетчик Гейгера Джулии Шамуэй.

Она выслушала инструкции Барбары, чуть улыбаясь.

— Этот человек знает, кому и что поручать. Тут надо отдать ему должное. С удовольствием все сделаю.

Расти подумал, что надо бы предупредить Джулию об осторожности — мало ли кто мог увидеть у нее счетчик Гейгера, — но понял, что такой необходимости нет. Пакет уже исчез в нише между тумбами ее стола.

Направляясь к больнице, Расти позвонил Джинни Томлинсон и спросил насчет звонка о припадке.

— Маленький мальчик Джимми Уикер. Звонил его дедушка Билл Уикер. — Расти его знал. Билл приносил почту. — Он сидел с мальчиком, потому что его мать поехала в «Бензин и бакалею». Оказывается, Джонни Карверу хватило наглости поднять цену на бензин до одиннадцати долларов за галлон. *Одиннадцати!* — Расти терпеливо выслушал, думая, что мог бы поговорить об этом с Джинни лицом к лицу, поскольку практически уже дошел до больницы. Когда она закончила сокрушаться, спросил, не говорил ли чего Джимми во время припадка? — Да, говорил. Билл сказал, что много. Кажется, что-то о розовых звездах. Или о Хэллоуине. А может, я путаю с тем, что говорил Рори Динсмор после того выстрела. Люди это обсуждали.

Разумеется, обсуждали, подумал Расти. И снова будут обсуждать, если узнают то, что знаю я. А они скорее всего узнают.

— Хорошо. Спасибо, Джинни.

— Когда возвращаешься, Красный Всадник?^[109]

— Почти вернулся.

— Хорошо. Потому что у нас новая пациентка. Сэмми Буши. Ее изнасиловали. — Расти застонал. — Дальше — больше. Ее привезла Пайпер Либби. Я не смогла узнать у Сэмми имен насильников, но, думаю, Пайпер это удалось. Она вылетела отсюда, словно волосы горели, а зад... — Пауза. Джинни зевнула так, что услышал Расти. — А зад только занялся.

— Джинни, любовь моя, когда ты в последний раз спала?

— Я в норме.

— Иди домой.

— Ты шутишь? — В голосе слышался ужас.

— Нет. Иди домой. Поспи. И не ставь будильник. — Тут его осенило. — Но по пути загляни в «Эглантерию». Сможешь? У них сегодня цыпленок. Я слышал из надежного источника.

— Эту Буши...

— Я буду в ее палате через пять минут. А ты бери ноги в руки — и вперед.

Он закрыл мобильник, прежде чем Джинни снова запротестовала.

Большой Джим Ренни чувствовал себя на удивление хорошо для человека, который прошлой ночью совершил убийство. Отчасти потому, что он не считал случившееся убийством, как не считал убийством смерть своей жены. Ее свел в могилу рак. Неоперабельный. Да, возможно, в последнюю неделю он давал ей слишком много обезболивающих таблеток, а в самом конце ему пришлось помочь супруге уйти, положив подушку на лицо (но легко, очень легко, замедлив ее дыхание и передав ее в руки Иисуса). Но сделал он это из любви и доброты. Конечно, с преподобным Коггинсом все вышло иначе, более грубо — что Ренни признавал, — но проповедник просто пер напролом. Не мог поставить благополучие города выше своего собственного.

— Что ж, этим вечером он обедает с Христом. — Большой Джим вздохнул. — Ростбиф, пюре с подливой, яблочный пирог на десерт. — Сам он ел большую тарелку фетучини «Альфредо», спасибо компании «Стоуфферс». Он понимал, что холестерина в этой тарелке очень даже много, но мог не тревожиться, что доктор Хаскел укажет ему на это. — Я пережил тебя, старая какашка, — сообщил Большой Джим пустому кабинету и добродушно рассмеялся. Тарелка с макаронами и стакан с молоком (алкоголь Большой Джим Ренни не употреблял) стояли на его письменном столе. Он часто ел в кабинете и не видел необходимости менять заведенный порядок только потому, что Лестер Коггинс нашел здесь свою смерть. А кроме того, комната блестела чистотой. Да, он понимал, что команда экспертов, вроде тех, что показывали по телевизору, смогла бы найти достаточно следов крови с помощью люминола, и особой подсветки, и других штучек, но никого из этих людей в обозримом будущем Большой Джим здесь не ждал. Что же касается Пита Рэндолфа... сама идея, что тот мог провести хоть какое-то расследование, представлялась нелепой. Что возьмешь с идиота? — Но, — тон, с которым Большой Джим обращался к пустой комнате, стал нравоучительным, — он *мой* идиот.

Ренни заглотнул остатки макарон, вытер внушительный подбородок салфеткой и вновь начал писать в блокноте, который лежал рядом с тарелкой. С субботы он уже много чего написал, потому дел предстояла уйма. И если Купол останется на месте, их еще прибавится.

Большой Джим даже надеялся, что тот останется хотя бы на какое-то время. Появление Купола открывало новые возможности, и Ренни

чувствовал, что сумеет ими воспользоваться (разумеется, с Божьей помощью). Но прежде всего следовало укрепить свою власть в городе. Ему требовался не просто козел отпущения; ему требовался злодей. И с кандидатом проблем не возникало — Барбара, человек, которого коммуняка-командующий от демократической партии назначил заменой Джеймсу Ренни.

Дверь кабинета открылась. Оторвавшись от своих записей, Большой Джим увидел стоящего на пороге сына. С бледным, застывшим лицом. С Младшим в последнее время что-то происходило. Большой Джим это осознавал, при всей своей занятости городскими делами (и еще одним делом, которое тоже отнимало немало времени). Но все равно верил в мальчика. А если бы Младший его и подвел, Большой Джим не сомневался, что сможет это уладить. Всю жизнь он сам ковал свою удачу и теперь не собирался что-либо менять.

А кроме того, мальчик увез тело. То есть принял участие. Что могло только радовать — особенности жизни маленького городка, знаете ли. В маленьком городке все принимали участие во всем. Как поется в этой глупой песне? «И за команду за одну мы все болеем».

— Сын, у тебя все хорошо?

— Отлично. — Младший соврал, конечно, чувствовал себя неважно, но последний приступ дикой головной боли наконец-то пошел на спад. Он посидел с подружками, и это помогло. Младший знал, что поможет. В кладовой дома Маккейнов пахло не очень, но через какое-то время, которое он провел держа их за руки, Младший привык. Более того, ему начал нравиться тот запах.

— Ты нашел что-нибудь в его квартире?

— Да. — И Младший рассказал о своей находке.

— Это прекрасно, сын. Действительно прекрасно. Ты готов рассказать мне, куда ты положил... куда ты его положил?

Младший медленно покачал головой из стороны в сторону, но его взгляд не сдвинулся с места — не отрывался от лица отца. Это пугало.

— Тебе знать не нужно. Я же говорил. Место безопасное, и этого достаточно.

— Так теперь ты говоришь мне, что я должен знать? — Слова эти Большой Джим произнес ровным голосом, без эмоционального всплеска.

— В этом конкретном случае — да.

Большой Джим всмотрелся в сына:

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? Очень уж ты бледный.

— Все у меня прекрасно. Просто головная боль. Она уже проходит.

— Почему бы тебе не поесть? В морозильнике несколько порций фетучини, и микроволновка творит с этим чудеса. — Он улыбнулся. — Почему не насладиться едой, пока есть такая возможность?

Взгляд темных расчетливых глаз на мгновение сместился к лужице белого соуса на тарелке, потом вернулся к лицу Большого Джима.

— Не голоден. Когда мне найти трупы?

— Трупы? — удивился Большой Джим. — Что значит *трупы*?

Младший улыбнулся, губы разошлись, чтобы показать кончики зубов.

— Не важно. Твоя реакция будет более убедительной, если для тебя это станет таким же сюрпризом, как и для остальных. Скажем так — как только мы нажмем на спусковой крючок, этот город с радостью повесит *Ба-а-арби* на старой яблоне. Когда ты хочешь это сделать? Этим вечером?

Большой Джим обдумал вопрос. Посмотрел на открытый лист блокнота, исписанный чуть ли не до низа (и запачканный соусом «Альфредо»), но только с одной обведенной строкой: *газетная сучка*.

— Не в этот вечер. Мы сможем повесить на него не только убийство Коггинса, если все разыграем правильно.

— А если Купол исчезнет, пока мы будем играть?

— Все у нас будет хорошо, — ответил Большой Джим, подумав: *А если мистер Барбара каким-то образом сумеет вывернуться — маловероятно, но тараканы умеют находить щели, когда вспыхивает свет, — всегда есть ты. Ты и твои другие тела.* — А теперь поешь что-нибудь, хотя бы салат.

Но Младший не сдвинулся с места.

— Не затягивай, папа.

— Не стану.

Младший оценил ответ, оценил отца взглядом темных глаз, которые казались теперь такими странными, потом потерял к этой теме интерес. Зевнул.

— Я поднимусь к себе и посплю. Поем потом.

— Только обязательно поешь. Ты очень похудел.

— Это нынче в моде.

Улыбка, которой он одарил отца, встревожила еще больше, чем глаза. Большому Джиму показалось, что ему улыбнулся череп. Улыбка заставила вспомнить о человеке, который теперь называл себя Шефом, — словно его прежней жизни, когда он был Филом Буши, не существовало. Младший покинул кабинет, и с губ Большого Джима сорвался вздох облегчения, пусть он этого и не заметил.

Ренни вновь взялся за ручку. Он это сделает, и сделает хорошо. И

вполне возможно, когда все закончится, его фотография украсит обложку журнала «Тайм».

Пока генератор еще работал — без дополнительных баллонов с пропаном он долго не протянет, — Бренда Перкинс сумела включить принтер мужа и распечатала все документы из папки «ВЕЙДЕР». Невероятный список преступлений, составленный Гови — и, вероятно, смерть застала его в тот момент, когда он собрался действовать, — на бумаге казался ей более убедительным, чем на экране. И чем дольше она смотрела на этот список, тем больше перечисленные в нем преступления соответствовали тому Джиму Ренни, которого она знала с давних, давних пор. Бренда всегда считала, что он — монстр; только не ожидала, что такой ужасный.

Даже материалы о коггинсовской церкви Пляшущего Иисуса об этом говорили... хотя, если она прочитала все правильно, то была не церковь, а большой святой «Мейтэг», который отмывал деньги, а не одежду. Деньги, полученные от производства наркотиков, причем производства, по мнению ее мужа, «возможно, одного из самых крупных за всю историю Соединенных Штатов».

Но имелись проблемы, наличие которых признавали и начальник полиции Гови Перкинс по прозвищу Герцог, и генеральный прокурор штата. Именно из-за этих проблем этап сбора информации в операции «ВЕЙДЕР» так затянулся. Джим Ренни был не только ужасным, но и умным монстром. Потому и предпочитал оставаться вторым членом городского управления. Энди Сандерс прокладывал для него путь.

И служил мишенью. Долгое время. Вещественными доказательствами Гови располагал только против Энди. Номинально всем руководил он, этот веселый, вечно улыбающийся тупица. Первый член городского управления, первый дьякон церкви Святого Искупителя, первый в сердцах горожан, и именно его подпись стояла на корпоративных документах, след которых в конце концов терялся в финансовых болотах Нассау и острова Большой Кайман. Если б Гови и генеральный прокурор штата поторопились, именно Энди сфотографировали бы для уголовного дела. Возможно, только его, если бы Энди поверил обещаниям Большого Джима и не сказал ни слова. А кто мог молчать лучше чурбана?

Прошедшим летом, однако, ситуация начала меняться, и Гови почувствовал, что дело близится к концу. Фамилия Ренни начала появляться на документах, которые смог добыть генпрокурор штата,

главным образом невадской корпорации «Таун венчурс». Деньги «Таун венчурс» уходили на запад, а не на восток, не в Карибское море, а на материковый Китай, в страну, где ключевые составляющие для производства синтетических наркотиков могли закупать в больших объемах, вызывая минимум вопросов, а то и никаких.

Почему Ренни так подставился? Гови Перкинс смог выдвинуть только одну причину: деньги стали слишком большими для одной святой прачечной, и произошло это слишком быстро. Фамилия Ренни появилась в учредительных документах еще полдесятка фундаменталистских церквей Северо-Запада. «Таун венчурс» и эти другие церкви (не упоминая полдесятка религиозных радиостанций, в том числе и в АМ-диапазоне, пусть и не таких мощных, как ХНВ) стали первой серьезной ошибкой Ренни. Он оставил свободно болтающиеся концы. За такой конец можно потянуть и рано или поздно, — как правило, рано, — распутать весь клубок.

Ты не мог остановиться. Бренда сидела за столом мужа и всматривалась в бумаги. Ты заработал миллионы — может, десятки миллионов, — риски становились все выше, но ты по-прежнему не мог остановиться. Как обезьяна, которую ловят, потому что она не может выпустить из руки еду. Ты сидел на огромных деньгах и все равно жил в старом трехэтажном доме и продавал автомобили в своем паршивом салоне на 119-м. Почему?

Но на самом деле она знала ответ. Ренни держали не деньги, его держал город. *Принадлежащий ему город.* Сидя где-нибудь в Коста-Рике или разъезжая по охраняемому поместью в Намибии, Большой Джим превратился бы в Маленького Джима. Потому что человек, лишенный цели в жизни, пусть даже его банковские счета ломятся от денег, — всегда маленький человек.

Если бы она пришла к нему с этими документами, удалось бы ей с ним договориться? Заставить его уйти с должности в обмен на ее молчание? Уверенности у нее не было. И она боялась этого противостояния. Ужасного, может, и опасного. Она бы хотела, чтобы при этом с ней была Джулия Шамуэй. И Барби. Да только Дейл Барбара сам ходил под дамокловым мечом.

Голос Гови, спокойный, но твердый прозвучал у нее в голове: *Ты можешь позволить себе немного подождать — я ждал, пока не получил неопровержимых улик, — но слишком долго я бы ждать не стал, дорогая. Потому что чем дольше будет отрезан город, тем опаснее будет становиться Ренни.*

Она подумала о Гови, который уже поехал, но потом остановился, чтобы под ярким солнечным светом прижаться к ее губам своими губами, этот рот Бренда знала как собственный и любила его. Чтобы погладить ее по шее. Словно он знал, что конец грядет и другого случая не представится. Незамысловатая и романтическая идея, но она почти в это поверила, и ее глаза наполнились слезами.

Внезапно бумаги и изложенные на них махинации потеряли важность. Как и сам Купол. А что стало действительно важным, так это дыра, внезапно образовавшаяся в ее жизни и высосавшая все счастье, которое она воспринимала как должное. Бренда задалась вопросом: испытывал ли Энди Сандерс то же самое? Предположила, что да.

Я подожду двадцать четыре часа. Если Купол завтра вечером никуда не денется, я пойду к Ренни с этими бумагами — с копиями этих бумаг — и скажу, что он должен уйти в отставку, уступив свое место Дейлу Барбаре. Скажу ему, что он прочитает о своих делишках с наркотиками в газете, если этого не сделает.

— Завтра, — прошептала она и закрыла глаза. Двумя минутами позже уже спала на стуле Гови.

В Честерс-Милле наступил час ужина. Что-то (включая сотню порций «Цыпленка от Барбары») готовилось на электричестве и на газу, спасибо тем генераторам, что еще работали, но многие воспользовались дровяными печами, то ли экономя газ, то ли не имея генератора. Так что дым поднимался в стоячем воздухе из сотен труб.

И расползался.

Передав счетчик Гейгера — получатель взял его с готовностью, даже с жаром, и пообещал пустить в дело уже во вторник утром, — Джулия, с Горасом на поводке, направилась в «Универмаг Берпи». Ромео сказал ей, что на складе у него есть два новеньких копира «Киосера», еще в заводской упаковке. И она может забирать оба.

— Я также припрятал немного пропана, — добавил он, поглаживая Гораса. — Я прослежу, чтобы у тебя в нем не было недостатка... пока, разумеется, он вообще не закончится. Мы должны обеспечить выпуск газеты, или я не прав? Это еще более важно, чем всегда, ты согласна?

Он просто озвучил ее мысли, о чем Джулия ему и сказала. А также поцеловала в щеку:

— Я у тебя в долгу, Ромео.

— Тогда я рассчитываю на скидку по моим еженедельным объявлениям, когда все закончится. — И указательным пальцем он постучал себе по крылу носа, словно у них появился один большой секрет. Возможно, и появился.

Когда Джулия уходила, зазвонил мобильник. Она вытащила его из кармана брюк:

— Привет, это Джулия.

— Добрый вечер, миз Шамуэй.

— Ох, полковник Кокс, как приятно слышать ваш голос! — весело воскликнула она. — Вы и представить себе не можете, как радуемся мы, деревенские мышки, междугородным звонкам. Как жизнь вне Купола?

— В общем жизнь, вероятно, прекрасна. Но там, где нахожусь я, не очень. Насчет ракет вы в курсе?

— Наблюдала, как они ударили. И отскочили. На вашей стороне случился сильный пожар...

— Это не моя...

— ...и на нашей тоже, но поменьше.

— Мне нужен полковник Барбара. Теперь-то он мог бы носить с собой этот чертов мобильник.

— Чертовски верно! — ответила она все тем же веселым тоном.

Джулия остановилась перед магазином «Бензин и бакалея», уже закрывшимся. Прочитала надпись на вывешенном в витрине листке: «МАГАЗИН ЗАКРЫТ. ЗАВТРА РАБОТАЕМ С 11.00 ДО 14.00.

ПРИХОДИТЕ ПОРАНЫШЕ!»

— Миз Шамуэй...

— Мы поговорим о полковнике Барбаре через минуту. А сейчас у меня два вопроса. Первый: когда прессу допустят к Куполу? Потому что американский народ заслуживает того, чтобы знать о нашей ситуации больше, чем сообщает ему правительство. Или вы так не думаете?

Она ожидала услышать, что он так *не думает* и у Купола в обозримом будущем не будет ни «Нью-Йорк таймс», ни Си-эн-эн, но Кокс ее удивил.

— Вероятно, в пятницу, если ни один из козырей, которые у нас в рукаве, не сработает. Что еще вы хотите узнать, миз Шамуэй? Только покороче, пожалуйста, потому что я звоню не из пресс-службы. А у меня жалованье не сказать чтобы очень большое.

— Вы позвонили мне, так что придется терпеть. Терпите, полковник.

— Миз Шамуэй, при всем уважении к вам, в Честерс-Милле ваш мобильник — не единственный, на который я могу позвонить.

— Я уверена, что это так, но не думаю, что Барби заговорит с вами, если дадите мне от ворот поворот. Он не особенно рад своей новой должности коменданта этого форта.

Кокс вздохнул.

— Какой у вас вопрос?

— Я хочу знать, какова температура воздуха у южной или восточной части Купола... реальная температура, без поправки на пожар.

— Зачем...

— Есть у вас эта информация или нет? Я думаю, есть или вы можете ее получить. Я думаю, сейчас вы сидите перед компьютером и у вас есть доступ к любой информации, возможно, включая и размер моего нижнего белья. — Она помолчала. — И если вы скажете, что шестнадцатый, [\[110\]](#) разговор мы закончим.

— Вы сейчас специально демонстрируете свое чувство юмора, миз Шамуэй, или вы всегда такая?

— Я устала и напугана. Не забывайте об этом.

Кокс замолк. Ей показалось, что она слышит, как он нажимает на клавиши.

— В Касл-Роке сорок семь по Фаренгейту. Пойдет?

— Да. — Разница оказалась не такой большой, как она боялась, но существенной. — Я смотрю на термометр в витрине «Бензина и бакалеи». Он показывает пятьдесят восемь. Разница одиннадцать градусов на расстоянии в двадцать миль. Если только по Западному Мэну этим вечером не проходит большой теплый фронт, я бы сказала, что здесь творится что-

то непонятное. Вы согласны?

Он на ее вопрос не ответил, но сказанное им заставило забыть о разнице температур:

— Мы собираемся предпринять еще одну попытку. Около девяти вечера. Я хотел сказать Барби об этом.

— Остается надеяться, что план Б сработает лучше плана А. В данный момент, насколько я понимаю, назначенец президента пытается накормить голодающих в «Эглантерии». По слухам, «Цыплятами от Барбары». — Впереди она увидела освещенные окна, и у нее заурчал желудок.

— Вы выслушаете и передадите сообщение? — Ей показалось, что он хотел добавить еще пару слов: «вздорная сука».

— С радостью. — Она улыбнулась. Потому что могла быть и вздорной сукой. Если по-другому не получалось.

— Мы собираемся опробовать экспериментальную кислоту. Фтористоводородное соединение, сделанное вручную. В девять раз более едкое, чем обычная фтористоводородная кислота.

— Химия повышает качество жизни.

— Мне говорят, что теоретически этим соединением можно прожечь в скале дыру глубиной в две мили.

— С какими интересными людьми вы работаете, полковник.

— Мы собираемся опробовать ее там, где Моттон-роуд вливается в... — Шуршание бумаги. — Вливается в Харлоу. Я подъеду туда.

— Тогда я скажу Барби, что кухонную утварь должен мыть кто-то еще.

— Вы тоже почтите нас своим присутствием, миз Шамуэй?

Она открыла рот, чтобы сказать: «Не позволю себе упустить такую возможность», — когда чуть дальше по улице поднялся дикий шум.

— Что там у вас происходит? — спросил Кокс.

Джулия не ответила. Захлопнула мобильник и сунула в карман уже на бегу. На крики людей накладывался еще какой-то звук. Вроде бы рычание.

Выстрел прозвучал, когда от места события ее еще отделяла половина квартала.

Пайпер вернулась домой и обнаружила ждущих ее Каролин, Терстона и юных Эпплтонов. Обрадовалась, увидев их, потому что смогла отвлечься от мыслей о Сэмми Буши. По крайней мере временно.

Она выслушала рассказ Каролин о припадке Эйдена Эпплтона, но мальчик вроде бы прекрасно себя чувствовал и все глубже зарывался в упаковку печенья с финиками «Фиг ньютонс». На вопрос Каролин, не нужно ли показать мальчика врачу, Пайпер покачала головой:

— Если повторения не будет, мы можем предположить, что причина в голоде и эмоциональном возбуждении, вызванном игрой.

Терстон печально улыбнулся:

— Мы все испытывали эмоциональное возбуждение. Хорошо проводили время.

Когда речь зашла о крыше над головой, Пайпер прежде всего подумала о доме Маккейнов, который находился рядом. Только она не знала, где они прячут запасной ключ.

Элис Эпплтон сидела на полу, скармливая Кloverу крошки «Фиг ньютонс». Овчарка тыкалась мордой ей в лодыжки, показывая, что лучшей подруги у нее нет и быть не может.

— Самая лучшая собака, которую я только видела, — поделилась девочка с Пайпер. — Как бы мне хотелось, чтобы у нас была такая.

— У меня был дракон, — сообщил всем Эйден, уютно устроившийся на коленях Каролин.

Элис пренебрежительно улыбнулась:

— Его придуманный Д-Р-У-Ж-Б-А-Н.

— Понимаю, — кивнула Пайпер. Решила, что при необходимости можно разбить окно в доме Маккейнов; если уж прижимает к стенке, то все средства хороши. Но когда она поднялась, чтобы проверить, как там кофе, в голову пришла более удачная идея: — Думегены! Мне следовало сразу о них подумать. Они уехали в Бостон на конференцию. Корали Думеген просила меня поливать цветы, пока их не будет.

— Я преподаю в Бостоне, — вздохнул Терстон. — В Эмерсоне. И редактирую текущий номер «Плугов». — Снова вздох.

— Ключ под цветочным горшком слева от двери, — объяснила Пайпер. — Не думаю, что у Думегенов есть генератор, но дровяную печь на кухне вы найдете. — Она замялась, подумав: *Люди-то из большого*

города. — Сможете вы приготовить еду на дровяной печи, не устроив пожара?

— Я вырос в Вермонте, — ответил Терстон. — До того как уехал в колледж, растопка обеих печей, в доме и амбаре, лежала на мне. Такие навыки не забываются. — Очередной вздох.

— Я уверена, в кладовой еды хватит, — добавила Пайпер.

Каролин кивнула:

— Уборщик в муниципалитете нам так и сказал.

— А еще Мла-а-а-адший, — влезла Элис. — Он коп. Хитрый.

Уголки рта Терстона опустились.

— Хитрый коп, Элис, ударил меня. Он или второй. Я их различить не могу.

Брови Пайпер поднялись.

— Ударил Терса кулаком в живот, — подтвердила Каролин. — Обозвал нас масснюками — мы вообще-то действительно из Массачусетса, смеялся над нами. На меня это произвело самое ужасное впечатление — как копы смеялись над нами. Они повели себя лучше, когда привезли детей, но... — она покачала головой, — они вышли из-под контроля.

Этого хватило, чтобы Пайпер вспомнила Сэмми. На виске запульсировала жилка, медленными, сильными ударами, но голос преподобной еще оставался ровным:

— Как звали второго полицейского?

— Френки, — ответила Каролин. — Младший называл его Френки Ди. Вы знаете этих парней? Должны знать.

— Знаю, — подтвердила Пайпер.

Она объяснила вновь образованному семейству, как пройти к дому Думегенов (находился он рядом с больницей — немалый плюс, случись у мальчика еще один припадок), и какое-то время посидела за столом, с чашкой чаю. Пила его медленно. Маленький глоток — и ставила чашку на стол. Кlover заскулил. Он знал ее, как никто другой, и Пайпер предполагала, что пес чувствовал ее ярость.

Может, она меняет идущий от меня запах. Может, тот становится более горьким или каким-то еще.

Начала формироваться общая картина. Не очень-то приятная. У этих новых полицейских, очень молодых полицейских — не прошло и двух суток, как их привели к присяге — уже отказали тормоза. Что они и продемонстрировали с Сэмми Буши и Терстоном Маршаллом. Генри Моррисон и Джекки Уэттингтон, копы-ветераны, никогда бы на такое не пошли — так она, во всяком случае, думала, — но Фред Дентон? Тоби Уилен? Возможно. *Вероятно.* При Герцоге эти парни не выходили из рамок. Без нареканий не обходилось, они могли наговорить лишнего, остановив тебя за превышение скорости, но не более того. И разумеется, никого лучше городской бюджет позволить себе не мог. Но как говорила ее мать: «Задешеве дорогого не купишь». И теперь, когда начальником полиции стал Питер Рэндолф...

С этим что-то следовало сделать.

Только от нее требовалось сохранить контроль над своей вспыльчивостью, чтобы вспыльчивость не контролировала ее.

Она сняла поводок с гвоздика у двери. Кlover тут же поднялся, замахал хвостом, уши встали торчком, глаза заблестели.

— Пошли, увалень. Нам предстоит подать жалобу.

Овчарка еще слизывала прилипшие к шерсти крошки печенья, когда Пайпер повела собаку к двери.

Пересекая городскую площадь — Кlover держался у ее правой ноги, — Пайпер чувствовала, что контролирует вспыльчивость. Чувствовала, пока не услышала смех. Он донесся до нее, когда она с Кloverом приближалась к полицейскому участку. Пайпер увидела тех троих, чьи имена назвала ей Сэмми Буши: Дилессепса, Тибодо, Сирлса. Присутствовала и Джорджия Ру, та самая Джорджия, которая, по словам Сэмми, науськивала их: *Трахните ее*. Компанию им составлял Фредди Дентон. Они сидели на верхней ступеньке лестницы, пили, похихатывая, газировку, болтали. Герцог Перкинс никогда бы такого не допустил. Он, если бы увидел подобное из могилы, начал бы вертеться в гробу так быстро, что его останки воспламенились бы.

Мел Сирлс что-то сказал, и они вновь загоготали, хлопая друг друга по спинам. Тибодо обнимал свою подругу, кончики его пальцев ласкали Джорджии грудь. Она что-то сказала, и они засмеялись еще громче.

Пайпер подумала, что причина смеха — изнасилование (как классно у них все вышло), и после этого совет отца забылся напрочь. Ту Пайпер, которая пользовала бедных и больных, освящала брак и отправляла в последний путь, а по воскресеньям проповедовала о милосердии и терпимости, грубо затолкали в глубины сознания, откуда она могла наблюдать за происходящим лишь сквозь мутное стекло. Власть взяла другая Пайпер, та самая, что крушила свою комнату в пятнадцать лет, роняя слезы ярости, а не печали.

Муниципалитет и новое кирпичное здание полицейского участка разделяла вымощенная каменными плитами площадь Военного мемориала. В центре стояла статуя отца Эрни Кэлверта, Люсьена Кэлверта, которого за проявленный в Корее героизм посмертно наградили медалью «Серебряная звезда». На пьедестале этой статуи выбили имена всех жителей Честерс-Милла, погибших на полях сражений всех войн начиная с Гражданской. Тут же находились два флагштока, на вершине которых обычно развевался звездно-полосатый флаг государства и флаг штата с изображениями фермера, моряка и лося. Теперь же флаги понуро обвисли в красноватом свете близящегося заката. Пайпер Либби прошла между двумя флагштоками словно во сне. Кlover, наострив уши, по-прежнему держался у ее правого колена.

«Патрульные», сидевшие на верхней ступени, вновь расхохотались, и

Пайпер подумала о троллях из сказки, которую среди прочих читал ей в детстве отец. Троллях в пещере, злорадствующих на кучах нечестно нажитых сокровищ. Тут вся компания увидела ее и затихла.

— Добрый вечер, преподобная. — Мел Сирлс встал, подтянув при этом ремень.

Вставать в присутствии женщины, подумала Пайпер, этому научила его мать? Вероятно. А вот утонченное искусство изнасилования он освоил где-то еще.

Мел все еще улыбался, когда она добралась до ступеней, но потом улыбка увяла, и во взгляде появилась неуверенность: вероятно, он увидел, какое у нее лицо. Сама Пайпер не знала, какое именно. Судя по внутренним ощущениям, лицо превратилось в маску. Застывшую.

Она увидела, что самый здоровенный из них пристально наблюдает за ней.

Он, как Кlover, чувствует этот запах. Запах ярости.

— Преподобная, все в порядке? — спросил Мел. — Или есть проблемы?

Она поднялась по ступеням, не быстро, но и не медленно. Кlover по-прежнему держался у ее правой ноги.

— Будь уверен, проблема есть. — Она смотрела на него.

— И что...

— Вы! Вы — проблема.

Она толкнула его. Мел этого не ожидал. Он все еще держал стаканчик с газировкой. Взмахнул руками, чтобы сохранить равновесие, но плюхнулся на колени Джорджии Ру. На мгновение выплескивающаяся газировка зависла на фоне краснеющего неба.

Джорджия вскрикнула от неожиданности, когда Мел приземлился на нее. Подалась назад, пролив свой стакан. Газировка полилась по широкой гранитной площадке, которая вела к дверям.

До носа Пайпер долетел запах виски или бурбона. Свою колу они сдобрили тем, что другие горожане купить не могли. Так что не стоило удивляться их громкому смеху. Красная брешь в ее голове добавила ширины.

— Вы не имеете... — заговорил Френки и начал подниматься со ступенек.

Пайпер толкнула и его. В одной далекой, далекой галактике рычал Кlover, обычно добрейшая из собак.

Френки упал на спину, его глаза широко раскрылись от удивления, и на мгновение он очень уж напомнил Пайпер ученика воскресной школы,

каким когда-то был.

— *Изнасилование* — проблема! — прокричала Пайпер. — *Изнасилование!*

— Заткнись! — отчеканил Картер. Он по-прежнему сидел и, хотя Джорджия трусливо жалась к нему, сохранял спокойствие. Мышцы бугрились под синей рубашкой с короткими рукавами. — Заткнись и немедленно проваливай отсюда, если не хочешь провести ночь в камере внизу...

— Это ты проведешь ночь в камере! — оборвала его Пайпер. — Вы все!

— Заставь ее заткнуться. — Джорджия еще не хныкала, но дело к этому шло. — Заставь ее заткнуться, Карт.

— Мэм... — Фредди Дентон сидел с выпущенной из-под пояса рубашкой, и от него пахло бурбоном. Герцог уволил бы его тут же. Уволил бы их всех.

Фредди начал подниматься, но, как и все остальные, предпринявшие такую попытку, тут же повалился обратно. При других обстоятельствах изумление, отразившееся на его лице, могло вызвать смех. Хорошо, что они сидели, а она стояла. Это многое упрощало. Но боль с такой силой билась в висках.

Пайпер повернулась к Тибодо, самому опасному из них. Он по-прежнему взирал на нее с вызывающим бешеную злобу спокойствием. Словно перед ним стояла очередная участница «Шоу уродов», за просмотр которого Тибодо заплатил четвертак. Но он смотрел на нее снизу вверх, и в этом заключалось ее преимущество.

— И та камера будет не внизу. — Теперь Пайпер обращалась непосредственно к Тибодо. — Она будет в Шоушенке, и там с вами будут проделывать то же самое, что вы проделали с девушкой.

— Ты — глупая сука, — произнес Картер спокойно, будто говорил о погоде. — Мы и близко не подходили к ее дому.

— Это точно. — Джорджия уже сидела прямо. Кола пузырилась на ее щеке, где виднелась остаточная подростковая сыпь (вроде бы уже сходила, но цеплялась за последние островки кожи). — А кроме того, все знают, что Сэмми Буши — лживая лесба.

Губы Пайпер растянулись в улыбке. Она повернулась к Джорджии, которая отпрянула от этой безумной женщины, внезапно появившейся на ступенях, когда они так весело встречали закат.

— И как ты узнала имя этой лживой лесбы? Я его не называла.

Рот Джорджии в ужасе раскрылся, превратившись в букву «О». И

впервые что-то мелькнуло на спокойном лице Картера Тибодо. Пайпер не могла сказать — страх или раздражение.

Френк Дилессепс осторожно поднялся:

— Вам бы лучше не разбрасываться обвинениями, которые вы не можете подтвердить, преподобная Пайпер.

— И не нападать на сотрудников полиции, — добавил Фредди Дентон. — На этот раз не буду предпринимать никаких мер — нервы у всех на пределе, — но вы должны воздержаться от подобных обвинений. — Он помолчал, потом, запинаясь, добавил: — И перестать толкаться, разумеется.

Пайпер продолжала сверлить взглядом Джорджию, крепко сжимая правой рукой черную пластмассовую ручку поводка Кловера. Собака рычала, раздвинув передние лапы и наклонив голову. Словно где-то неподалеку на холостых оборотах работал мощный навесной лодочный мотор. Дыбом стоявшая на шее шерсть полностью скрывала ошейник.

— Откуда тебе известно ее имя, Джорджия?

— Я... я... я просто предположила...

Картер схватил ее за плечо и сжал:

— Заткнись, крошка! — А потом обратился к Пайпер, по-прежнему не вставая (*Потому что не хочешь, чтобы тебя вновь усадили, трус*): — Не знаю, какая муха вас укусила, но прошлый вечер мы провели вместе на ферме Олдена Динсмора. Попытались вытянуть хоть слово из оловянных солдатиков, которые несли вахту на Сто девятнадцатом, но не смогли. А Буши живет совсем в другой части города. — Он оглядел друзей.

— Точно, — кивнул Френки.

— Точно, — подтвердил Мел, недоверчиво поглядывая на Пайпер.

— Да! — воскликнула Джорджия. Рука Картера вновь обнимала ее, и все сомнения исчезли. Она воинственно уставилась на Пайпер.

— Джорджи *предположила*, что вы кричали о Сэмми, — продолжил Картер все с тем же бесящим спокойствием. — Потому что всем известно, что второй такой лживой подстилки в городе нет.

Мел Сирлс загоготал.

— Но вы не предохранялись. — Сэмми об этом говорила, и напрягшееся лицо Тибодо подтвердило ее слова. — Вы не предохранялись, а в больнице взяли мазки. — Пайпер понятия не имела, взяли или нет, да ее это и не волновало. По их раскрывшимся глазам она поняла, что ей поверили, а другого и не требовалось. — И когда сравнят ваши ДНК с тем, что нашли...

— Достаточно! — оборвал ее Картер. — Заткнись!

Она яростно ему улыбнулась:

— Нет, мистер Тибодо. Мы только начинаем, сын мой.

Фредди Дентон потянулся к ней. Она тычком его усадила и тут же почувствовала, как ее левую руку схватили и выкрутили. Повернулась и взглянула в глаза вставшего на ноги Тибодо. Спокойствие из них ушло, они сверкали от ярости.

Привет, брат мой, бессвязно подумала она.

— Пошла на хрен, гребаная сука! — И на этот раз толкнули ее.

Пайпер повалилась вниз, инстинктивно попыталась сложиться, чтобы не удариться о каменные ступени головой, зная, что они разобьют ей череп. Такой удар мог ее убить или — еще хуже — оставить овощем. Вместо этого она ударилась левым плечом, ощутив всплеск боли. *Знакомой* боли. Однажды, лет двадцать назад, на футбольном поле Пайпер вывихнула плечо и могла поклясться, что вывихнула его вновь.

Ноги перелетели через голову, она выполнила обратный кувырок, чуть не сломав себе шею, и приземлилась на колени, содрав кожу с обеих. Наконец шлепнулась на грудь и живот. Потом сползла до нижней ступеньки. Кровоточила щека, кровоточил нос, кровоточили губы, болела шея, но, ох, Господи, сильнее всего болело плечо, выгнувшееся бугром, неестественно вывернутое, каким Пайпер его хорошо помнила. Только в прошлый раз этот бугор обтягивал красный нейлон футболки «Диких кошек». Тем не менее она поднялась, слава Богу, ноги ее еще слушались; такое падение могло привести и к параличу.

В какой-то момент поводок она потеряла, и Кlover прыгнул на Картера, собачьи зубы рвали грудь и живот под рубашкой, рвали рубашку, овчарка повалила Тибодо на гранитную площадку, добираясь до его внутренностей.

— Оттащите его! — кричал Картер. От его прежнего спокойствия не осталось и следа. — Он меня убьет!

И да, Кlover пытался. Его передние лапы стояли на бедрах Картера, которые поднимались и опускались, потому что тот пытался вырваться. Казалось, немецкая овчарка катит на велосипеде. Пес изменил направление атаки и укусил Картера в плечо, вызвав у того новый крик. А потом попытался вцепиться ему в шею. Картер едва успел упереться руками в грудь собаки, чтобы уберечь горло.

— Остановите его!

Френк попытался схватить поводок. Кlover повернул голову и щелкнул зубами возле его пальцев. Френк отпрыгнул, и пес вновь сосредоточился на человеке, который сбросил его хозяйку с лестницы.

Пасть открылась, обнажив два ряда сверкающих белых зубов, и овчарка предприняла вторую попытку добраться до шеи Тибодо. Тот поднял руку, а потом закричал от боли, потому что Кlover впился в нее зубами и начал трясти, как одну из своих любимых тряпичных игрушек. Только игрушки не кровоточили, в отличие от руки Картера.

Пайпер с трудом поднималась по лестнице, прижимая к животу левую руку. Лицо превратилось в кровавую маску. Кусок выбитого зуба прилип к уголку рта, как крошка хлеба.

— ОТОРВИТЕ ЕГО, ГОСПОДИ, ОТОРВИТЕ ОТ МЕНЯ ЭТОГО ГРЕБАНОГО ПСА!

Пайпер уже открыла рот, чтобы приказать Кloverу отойти, когда увидела, как Фред Дентон вытаскивает пистолет.

— Нет! — закричала она. — Нет, я его остановлю!

Фред повернулся к Мелу Сирлсу, указал на собаку свободной рукой. Мел выступил вперед и ногой ударил Кloverа под задние лапы. Ударил сильно, как когда-то (и не так давно) бил по футбольному мячу.

Кloverа потащило в сторону, он отпустил кровоточащую, изорванную руку Тибодо, два пальца которых торчали в стороны под неестественным углом, как наклонившиеся стойки указателей.

— НЕТ! — вновь закричала Пайпер, так громко, что перед глазами все застлала серая пелена. — НЕ ТРОГАЙТЕ МОЮ СОБАКУ!

Фред не обратил на эти крики ни малейшего внимания. Как и на Питера Рэндолфа, который появился в дверях с выпущенной из штанов рубашкой, расстегнутой молнией и номером «Аутдорс»,^[111] который читал, сидя на толчке. Фред нацелил пистолет на собаку и выстрелил.

На небольшой площадке между двумя зданиями выстрел прогремел громовым раскатом. Верхнюю часть головы Кloverа снесло, выплеснулась кровь с осколками костей. Пес шагнул к кричащей, залитой кровью хозяйке, сделал второй шаг и упал.

Фред с пистолетом в руке направился к Пайпер и схватил ее за больную руку. Бугор на плече протестующе взревел. Однако она не отрывала глаз от трупa собаки, которая попала к ней еще щенком.

— Ты арестована, свихнувшаяся сука! — Фред, глаза которого на бледном потном лице чуть ли не вылезали из орбит, наклонился к ней так близко, что до нее долетала его слюна. — Все, что ты скажешь, может быть использовано против твоей чокнувшейся задницы.

На другой стороне улицы из «Эглантерии» выбегали люди, среди них Барби, в фартуке и бейсболке. Но первой прибыла Джулия Шамуэй.

Она увидела все сразу и по отдельности: мертвая собака; толпящиеся

копы; окровавленная кричащая женщина, одно плечо которой поднималось выше другого; лысый коп — Фредди чертов Дентон, — трясущий ее за руку, идущую от поврежденного плеча; кровь на ступеньках, говорившая о том, что Пайпер упала с них. Или что ее столкнули.

И Джулия повела себя как никогда прежде: сунула руку в сумочку, достала бумажник, раскрыла и поднялась по лестнице, крича во всю мощь:

— *Пресса! Пресса! Пресса!*

И Фред хотя бы перестал трясти руку Пайпер.

Десятью минутами позже в кабинете, который недавно занимал Герцог Перкинс, Картер Тибодо сидел на диване под фотографиями и сертификатами Герцога, с повязкой на плече и кистью, обмотанной бумажными полотенцами. Рядом с ним расположилась Джорджия. Лоб Тибодо покрывали большие капли пота. Буркнув:

— Думаю, ничего не сломано, — он погрузился в молчание.

Фред Дентон сидел на стуле в углу. Его пистолет лежал на столе чифа. Он отдал его без особых возражений, сказав лишь: «Мне пришлось — посмотрите на руку Карта».

Пайпер сидела на офисном стуле, который теперь принадлежал Питеру Рэндолфу. Джулия бумажными полотенцами практически очистила ее лицо от крови. Пайпер трясло от шока и дикой боли, но глаза оставались ясными.

— Кlover бросился на него, — подбородком она указала на Картера, — лишь после того, как он толкнул меня с лестницы. При падении я выпустила из руки поводок. Моя собака все делала правильно. Кlover защищал меня от преступного нападения.

— Она сама напала на нас! — взвизгнула Джорджия. — Эта рехнувшаяся сука напала на нас! Поднялась по лестнице, гоня пургу...

— Заткнись! — оборвал ее Барби. — Вы все, заткнитесь. — Он посмотрел на Пайпер: — Это не первый вывих вашего плеча, так?

— Я хочу, чтобы вы вышли отсюда, мистер Барбара, — заговорил Рэндолф... но без особой убедительности.

— Я знаю, что с этим делать. — Барби посмотрел на него: — А вы?

Рэндолф не ответил. Мел Сирлс и Френк Дилессепс стояли в дверях. На лицах отражалась тревога.

Барби вновь повернулся к Пайпер:

— Это подвывих — частичное разъединение. Не самое худшее, что могло произойти. Я могу вправить вам плечо до того, как вы поедете в больницу.

— В больницу?! — вскинулся Дентон. — Она арест...

— Заткнись, Фредди! — оборвал его Рэндолф. — Никто не арестован. Во всяком случае, пока.

Барби поймал взгляд Пайпер.

— Но вправить плечо нужно сейчас, до того, как оно сильно опухнет.

Если ждать, пока Эверетт сделает это в больнице, придется использовать анестезию. — Он наклонился к ее уху и прошептал: — Пока вы будете без сознания, они будут рассказывать свою версию, а вы свою рассказать не сможете.

— Что вы ей говорите? — резко спросил Рэндолф.

— Что будет больно. Так, преподобная?

Она кивнула.

— Давайте. Тренер Кромли сделала это прямо у кромки поля, а она была круглой душой. Только поторопитесь. И пожалуйста, не напортачьте.

Барби посмотрел на Джулию:

— Возьмите перевязь из аптечки первой помощи и помогите мне уложить преподобную на спину. — Он сел на пол слева от Пайпер, снял кроссовку, потом обеими руками схватился за предплечье женщины, повыше запястья. — Я не знаю метода тренера Кромли, но так это делал фельдшер в Ираке. Вы считаете до трех, а потом кричите *дужка*.

— *Дужка*, — повторила Пайпер, улыбнулась, несмотря на боль. — Ну ладно, вы — врач.

Нет, подумала Джулия, *ближе всех к врачу у нас Эверетт*. Она позвонила Линде, взяла номер мобильного Расти, но ее звонок сразу перевели на голосовую почту.

Комната затихла. Все, включая Картера Тибодо, наблюдали за действиями Барби. Тот кивнул Пайпер. Капли пота выступили у нее на лбу, но лицо оставалось бесстрастным, за это Барби ее безмерно зауважал. Ногу в носке он сунул ей в левую подмышку, плотно придавил. Потом медленно и плавно потянул за руку, надавливая ногой с другой стороны.

— Я готов. Хочу услышать вас.

— Один... два... три... *Дужка!*

Когда Пайпер закричала, Барби потянул. В комнате все услышали громкий щелчок. Бугор под блузкой Пайпер волшебным образом исчез. Она взвыла от боли, но осталась в сознании. Барби накинул ей перевязь на шею и завел на руку: как мог, ее зафиксировал.

— Лучше?

— Лучше. Намного, слава Богу. Еще болит, но уже совсем не так.

— У меня в сумочке есть аспирин, — вставила Джулия.

— Дай ей аспирин и уходи, — распорядился Рэндолф. — Уходят все, кроме Картера, Фредди, преподобной и меня.

Джулия в изумлении воззрилась на него:

— Ты шутишь? Преподобная идет в больницу. Ты можешь идти, Пайпер?

Та, пошатываясь, поднялась:

— Думаю, да. Если недалеко.

— Сядь, преподобная Либби! — приказал Рэндолф, но Барби знал, что Пайпер уже ушла. Слышал это в голосе чифа.

— Почему бы тебе не заставить меня? — Пайпер осторожно приподняла руку на перевязи. Рука тряслась, но работала. — Я уверена, тебе снова удастся ее вывихнуть, с легкостью. Давай. Покажи этим... этим *мальчишкам*... что ты такой же, как они.

— А я напишу об этом в газете! — радостно объявила Джулия. — Тираж удвоится!

— Предлагаю отложить разбирательство на завтра, чиф, — подал голос Барби. — Позвольте женщине принять что-нибудь посильнее аспирина, да и ссадины на коленях хорошо бы обработать. С учетом Купола шансы на побег невелики.

— Ее собака пыталась меня убить. — Голос Картера, несмотря на боль, вновь звучал спокойно.

— Чиф Рэндолф, я заявляю, что Дилессепс, Сирлс и Тибодо виновны в изнасиловании. — Пайпер покачнулась, Джулии даже пришлось ее обнять, чтобы та не упала, но голос звучал ясно и твердо. — Ру — соучастница изнасилования.

— Хрена с два! — взвизгнула Ру.

— Их нужно немедленно отстранить от несения службы.

— Она лжет, — заявил Тибодо.

Чиф Рэндолф напоминал человека, наблюдающего теннисный матч. Наконец он задержал взгляд на Барби:

— Ты указываешь мне, что делать, парень?

— Нет, сэр, лишь даю совет, основанный на опыте, полученном при прохождении службы в Ираке. Решения вы принимаете сами.

Рэндолф расслабился.

— Тогда ладно. Ладно. — Он, хмурясь, опустил голову, задумался. Чиф обратил внимание на все еще расстегнутую ширинку и исправил этот беспорядок. Наконец оглядел всех. — Джулия, отведи преподобную Пайпер в больницу. Что же касается вас, мистер Барбара, мне без разницы, куда вы пойдете, но здесь вам не место. Этим вечером я возьму показания у моих сотрудников, а завтра — у преподобной Либби.

— Подождите. — Тибодо протянул к Барби руку с вывернутыми пальцами. — Ты можешь с этим что-нибудь сделать?

— Не знаю, — ответил Барби, надеялся, что доброжелательно. Конфликт, так или иначе, разрешился, и приходилось иметь дело с его

последствиями. Схожие ситуации случались в Ираке, где полицейские не слишком отличались от человека, сидевшего сейчас на диване, и от тех, кто стоял в дверях. И там приходилось как-то ладить с людьми, которым ты хотел плюнуть в лицо. — Сможешь крикнуть *дужка*?

Расти выключил мобильник, прежде чем постучаться в дверь дома Большого Джима. И вот теперь тот сидел за столом, а Расти — перед ним на стуле, отведенном для просителей.

В кабинете (Ренни, вероятно, называл его домашним офисом в налоговых декларациях) приятно пахло сосной, словно стены недавно основательно ошкурили, но Расти все равно здесь не нравилось. И причина заключалась не только в картине, изображающей подчеркнуто белокожего Иисуса во время Нагорной проповеди, и не в самовосхваляющих табличках, и не в паркетном полу, который, по-хорошему, следовало прикрыть ковром. Во всем этом и в чем-то еще. Расти Эверетт не верил в сверхъестественное, тем не менее у него сложилось ощущение, что в кабинете призраки.

Все потому, что Большой Джим меня немного пугает, подумал он. *В этом все дело.*

Надеясь, что его внутреннее состояние не отразится на голосе или выражении лица, Расти рассказал Ренни о пропавших из больницы контейнерах с пропаном. О том, что один из них он нашел на складе за зданием муниципалитета, и из этого контейнера в настоящий момент газ поступает в генератор муниципалитета. Причем других контейнеров на этом складе не обнаружилось.

— Так что у меня два вопроса, — закончил Расти, — каким образом контейнер из больницы попал в муниципалитет? И куда подевались остальные контейнеры?

Большой Джим откинулся на спинку стула, заложил руки за шею, раздумчиво уставился в потолок. А Расти вдруг понял, что не может оторвать глаз от золоченого бейсбольного мяча, украшавшего стол Ренни. С благодарственным письмом от Билла Ли, когда-то игравшего за «Ред сокс». Расти мог прочитать письмо, потому что оно смотрело на него. Само собой. Предполагалось, что гости будут читать его и восхищаться. Как и фотографии на стенах, бейсбольный мяч и письмо говорили о том, что Большой Джим Ренни считается своим среди знаменитостей: *Посмотри на мои автографы, ничтожество, и обзавидуйся.* Для Расти бейсбольный мяч и повернутое в его сторону письмо обобщали неприятные ощущения, какие вызывал у него кабинет Ренни. Чистая показуха, демонстрация престижа и власти в маленьком городке.

— Я понятия не имел, что кто-то мог разрешить тебе ошиваться на нашем складе. — Большой Джим говорил в потолок, шея по-прежнему опиралась на переплетенные пальцы. — Может, ты — городской чиновник, а я об этом не ведаю? Если так, моя ошибка... или моя *вина*, как говорит Младший. Я-то думал, что ты — медбрат, выписывающий рецепты.

Расти подумал, что это всего лишь отвлекающий маневр — Ренни попытался разозлить его. Перевести разговор на другое.

— Я не городской чиновник, но я городской наемный работник. И налогоплательщик.

— И что?

Расти почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— А то, что этот склад отчасти и мой склад. — Ему хотелось увидеть реакцию Большого Джима, но человек за столом не посмотрел на него и не ответил. — Кроме того, склад никто не запирает. Так что к делу это не относится, так? Я видел то, что видел, а теперь хочу получить объяснение. Как сотрудник больницы.

— И налогоплательщик. Не забывай об этом.

Расти сидел, глядя на него. Даже не кивнул.

— Я не могу тебе его дать.

Брови Расти приподнялись.

— Правда? Я-то думал, что вы держите руку на пульсе города. Не это ли вы говорили, когда в последний раз баллотировались в члены городского управления? А теперь вы не можете объяснить, куда делся городской пропан? Я в это не верю.

Впервые на лице Большого Джима отразилось раздражение:

— Мне без разницы, веришь ты или нет. Для меня это новость. — Но его глаза метнулись в сторону, словно Ренни хотел проверить, на месте ли его фотография с Тайгером Вудсом; классический прием лжеца.

— Пропан в больнице заканчивается. Без него мы, несколько оставшихся сотрудников, переходим на тот уровень медицинского обслуживания, каким мог похвастаться разве что полевой госпиталь времен Гражданской войны. Наши пациенты, в том числе один человек после инфаркта и еще один — диабетик, которому может понадобится ампутация, окажутся в чрезвычайно сложном положении, если мы лишимся электричества. Ампутация может понадобиться Джимми Сируа. Его машина на больничной парковке. На бампере наклейка: «ВЫБИРАЕМ БОЛЬШОГО ДЖИМА».

— Я это выясню, — сказал Ренни голосом человека, согласившегося оказать услугу. — Городской пропан, возможно, на другом городском

объекте. Насчет больничного ничего сказать не могу.

— А какие другие объекты у города? Есть пожарная станция, есть площадка для складирования песчано-соляной смеси на Год-Крик-роуд, так там даже сторожки нет, и это все известные мне городские объекты.

— Мистер Эверетт, я человек занятой. Прошу меня извинить.

Расти встал. Пальцы попытались сжаться в кулаки, но он им не позволил.

— Я еще раз спрашиваю вас. Прямо и без уверток. Вы знаете, где эти контейнеры?

— Нет. — На этот раз глаза Ренни метнулись к Дейлу Эрнхардту. — И я не собираюсь искать какой-то намек в твоём вопросе, сынок, потому что, если бы попытался, мне пришлось бы возмущаться. Почему бы тебе не уйти и не заглянуть в больницу, посмотреть, как себя чувствует Джимми Сируа? Скажи ему, что Большой Джим шлет ему наилучшие пожелания и обязательно навестит его, как только поутихнет вся эта суета.

Расти еще боролся со своим темпераментом, но этот поединок он определенно проигрывал.

— Уйти? Думаю, вы забыли, что вы слуга народа, а не диктатор. В настоящее время я главный медицинский чиновник города, и я хочу знать...

Зазвонил мобильник Большого Джима. Он его схватил. Послушал. Морщины у рта с опустившимися уголками стали жестче.

— Трёх-тебедох! Всякий раз, стоит мне отвернуться... — Послушал еще. — Если у тебя в кабинете люди, Пит, закрой пасть, прежде чем ты раскроешь ее слишком широко и в нее же провалишься. Позвони Энди. Я сейчас приду, и втроем мы с этим разберемся. — Он выключил мобильник и встал: — Я должен идти в полицейский участок. Там или чрезвычайная ситуация, или очередное недоразумение. Не смогу сказать, пока не побываю на месте. А тебя, как я понимаю, ждут в больнице, или Центре здоровья. Возникла проблема с преподобной Либби.

— Да? И что с ней случилось?

Ледяные глаза Большого Джима смотрели на него из тяжелых складок.

— Я уверен, она расскажет тебе свою историю. Не знаю, насколько она правдива, но ты ее услышишь. Так что делай свою работу, молодой человек, и позволь мне делать свою.

Расти пересек прихожую и вышел из дома. На западе закат залил небо кровью. Воздух застыл, но все равно в нем ощущался запах дыма. Спустившись со ступенек, Расти поднял руку и нацелил палец на слугу народа, который ждал, пока тот покинет его участок, прежде чем сделать это самому. Ренни нахмурился, глядя на палец, но Расти руку не опустил.

— Никому нет нужды говорить мне, что я должен делать. И поиски пропана станут частью моей работы. А если я найду его в неподобающем месте, кто-то еще будет делать вашу работу, член городского управления Ренни. Это я вам обещаю.

Большой Джим пренебрежительно махнул рукой:

— Иди отсюда, сынок. Займись делом.

В первые пятьдесят пять часов существования Купола припадки произошли у более чем двадцати детей. Некоторые, как у дочерей Эвереттов, не остались незамеченными. Большую часть родители проглядели, а в последующие дни новые припадки случались все реже, пока не прекратились вовсе. Расти потом отметит, что с припадками происходило то же самое, что и с легким шоком, который испытывали люди, оказавшиеся в непосредственной близости от Купола. В первый раз возникало электрическое покалывание, от которого волосы на затылке вставали дыбом; после этого большинство людей ничего не чувствовало. Словно получали прививку.

— Ты говоришь, что в этом смысле Купол — та же ветрянка? — потом спросила его Линда. — Один раз переболел, и иммунитет на всю жизнь?

У Джанель случилось два припадка, как и у маленького мальчика, которого звали Норман Сойер, но в обоих случаях второй припадок по силе уступал первому и не сопровождался бормотанием. У большинства же детей, которых наблюдал Расти, все ограничивалось одним и обходилось без последствий.

В те же самые пятьдесят пять часов припадки произошли лишь у двоих взрослых, в понедельник, на закате дня, и в обоих случаях не составило труда найти причину.

Фил Буши, или Шеф, переусердствовал с продуктом, производством которого он и заведовал. Примерно в то время, когда Расти и Большой Джим расстались, Шеф Буши сидел около сарая, построенного за радиостанцией ХНВ, мечтательно наблюдая за закатом (вблизи от места ударов ракет красноте неба затемняла осевшая на Купол сажа), трубка едва не выпадала из руки. Он пребывал в ионосфере, может, и на сотню миль выше. В нескольких низких облаках, которые плавали в этом кровавом свете, он видел лица матери, отца, дедушки; он видел лица Сэмми и Литл Уолтера.

И все облака-лица сочились кровью.

Когда его правая ступня начала дергаться, а потом ей в такт задергалась и левая, Шеф это проигнорировал. Все знали, что под кайфом такое бывает. Но задергались руки, и трубка выпала в высокую траву (желтую и пожухлую, так сказались на ней вредные выбросы работающей здесь фабрики). Мгновением позже начала дергаться и голова, из стороны в

сторону.

Вот оно, подумал Шеф со спокойствием и отчасти облегчением. Наконец-то передозировка. Я ухожу. Может, и к лучшему.

Но он не ушел, даже не отключился. Медленно сполз на бок, дергаясь и наблюдая, как черный камешек поднимается в красное небо. Он увеличился до размеров шара для боулинга, потом стал таким же большим, как надувной пляжный мяч. Продолжал расширяться, пока не пожрал все красное небо.

Конец света. Может, и к лучшему.

На мгновение решил, что ошибся, потому что появились звезды. Но не того цвета. Розовые. А потом, Господи, они начали падать, оставляя за собой длинные розовые следы.

И тут пришел огонь. Из ревущей топки, словно кто-то открыл крышку потайного люка и вывалил ад на Честерс-Милл.

— Это наша сладость, — пробормотал Шеф. Трубка прижалась к его руке, оставив ожог, который он увидит и почувствует позже. Шеф лежал, подергиваясь, на желтой траве, и в белках глаз отражался огненный закат. — Наша хэллоуинская сладость. Сначала гадость... потом сладость.

Огонь преобразовался в лицо, оранжевую версию кровавых лиц, которые он видел в облаках до того, как начался припадок. Лицо Иисуса. Иисус хмурился, глядя на него.

И говорил. Говорил с ним. Говорил ему, что упавший на город огонь — *его вина. Его.* Огонь и... и...

— Чистота, — пробормотал он, улегшись на траву. — Нет... *очищение.*

Теперь Иисус уже не выглядел таким злобным. И Он таял. Почему? Потому что Шеф все понял. Сначала появятся розовые звезды; за ними — очищающий огонь; потом испытание закончится.

А после того как припадок прошел, Шеф соскользнул в сон, первый настоящий сон за недели, а то и месяцы. Проснулся в крошечной темноте — на небе не осталось и намека на красное. Прощупал до костей, но одежда не отсырела.

Роса под Куполом не выпадала.

Пока Шеф лицезрел Христа в воспаленном закате, третий член городского управления Андреа Гриннел сидела на диване и пыталась читать. Ее генератор сдох... да и работал ли он вообще? Она не могла вспомнить. Но у нее была новомодная штучка, которая называлась «Майти брайт», подарок Роуз, ее сестры, на последнее Рождество. Раньше она ни разу подсветкой не пользовалась, а теперь поняла, что это очень даже удобно. Закрепляешь клипсой за обложку книги, включаешь — и вперед. Проще простого. Так что со светом проблем не возникало, но со словами творилось что-то неладное. Они ползали по странице, иной раз даже менялись местами, и проза Норы Робертс, обычно кристально ясная, превратилась в какую-то белиберду. Но Андреа продолжала читать, не представляя себе, чем еще можно заняться.

В доме воняло, даже с открытыми окнами. Андреа замучил понос, а вода перестала спускаться. Она проголодалась, но есть не могла. Попробовала съесть сэндвич, обычный сэндвич с сыром, и ее вырвало через несколько минут после того, как он оказался в желудке. Она едва успела добежать до мусорного ведра. Ее это очень огорчило, потому что она затратила немало усилий, чтобы съесть сэндвич. Андреа обильно потела — один раз уже переделалась, вероятно, ей предстояло проделать это вновь, но она не знала, хватит ли сил, — и ее ноги тряслись и подергивались.

Не зря это называется «дать пинка зависимости», подумала она. И я не смогу прийти на экстренное совещание нынешним вечером, если Джим надумает его провести.

С учетом последнего разговора с Большим Джимом и Энди, может, приходить ей и не следовало. Они вновь могли навалиться на нее. Заставить сделать то, чего ей совершенно не хотелось. Лучше ей держаться от них подальше, пока она не избавится от этого... этого...

— Этого дерьма. — Она смахнула влажные от пота волосы с глаз. — Пока это дерьмо в моем организме.

Избавившись от наркотической зависимости, Андреа смогла бы противостоять Джиму Ренни. С этим она припоздала. Но теперь собиралась это сделать, несмотря на боли в спине, несмотря на паршивое самочувствие (но не агонию, как Андреа ожидала, что стало приятным сюрпризом) — оксиконтин она принимать перестала. Расти хотел, чтобы Андреа заменила

его метадоном. Метадоном, прости Господи! Героин под псевдонимом!

«Если думаешь, что легко отделаешься, не обольщайся, — сказал он ей. — У тебя будут судороги».

По словам Расти, на снятие физической зависимости уйдет десять дней, если пользоваться его рекомендациями, а она сомневалась, что сможет так долго ждать. С учетом того, что город накрыл этот ужасный Купол. И решила, что заканчивать со своей проблемой надо быстро. Придя к такому выводу, бросила все таблетки, не только метадон, но и несколько последних оксиконтинок, которые нашла в ящике прикроватной тумбочки, в унитаз. Дважды спустила воду, прежде чем бачок перестал наполняться, и теперь сидела, дрожа всем телом и пытаясь убедить себя, что поступила правильно.

Это единственный путь. И самый правильный.

Она попыталась перевернуть страницу, но ее непослушная рука задела «Майти брайт». Устройство для подсветки упало на пол. Луч света теперь бил в потолок. Андреа посмотрела на яркую точку над головой и внезапно почувствовала, что поднимается к ней. Причем быстро. Словно в невидимом лифте. Успела взглянуть вниз и увидела свое тело, еще на диване, беспомощно подрагивающее. Пенящаяся слюна стекала по подбородку. Заметила она и темное влажное пятно, расползающееся по промежности джинсов, подумала: *Да... снова придется переодеваться, делать нечего. Если, конечно, я это переживу.*

Потом она проскочила потолок, спальню на втором этаже, чердак, заставленный темными коробками и старыми торшерами, вырвалась в ночь. Млечный Путь раскинулся над ней, но не такой, как всегда. Млечный Путь стал розовым.

А потом начал падать.

И Андреа слышала, как где-то — далеко, далеко внизу — кричит оставленное ею тело.

Барби думал, что обсудит случившееся с Пайпер Либби по пути из города, но они по большей части молчали, занятые своими мыслями. И ни один не сказал, хотя мог, что испытал огромное облегчение, когда неестественно кровавый закат наконец-то начал меркнуть.

Один раз Джулия попыталась включить радио, не нашла ничего, кроме оглушающего «Все молились Тебе», [\[112\]](#) и выключила приемник.

Барби заговорил лишь однажды. После того как они свернули с шоссе номер 119 и поехали по узкой Моттон-роуд, к которой с обеих сторон подступал лес.

— Я поступил правильно?

По мнению Джулии, он много в чем поступил правильно во время стычки в кабинете чифа — в том числе успешно вправил два вывиха, — но она знала, о чем именно говорит Расти.

— Да, это был исключительно неудачный момент для того, чтобы брать власть.

Он согласился, но ощущал усталость, разочарование и полную неготовность к тому, чтобы браться за работу, сущность которой представлял себе все более ясно.

— Я уверен, враги Гитлера говорили то же самое. Они говорили это в тридцать четвертом и были правы. В тридцать шестом, и были правы. В тридцать восьмом тоже. «Неудачное время, чтобы выступить против него». А когда поняли, что наступил удачный момент, протестовали уже в Освенциме или Бухенвальде.

— Это не одно и то же, — возразила Джулия.

— Ты уверена?

Она не ответила, но смысл поняла. Гитлер был оклейщиком обоев, или так гласила легенда; Джим Ренни торговал поддержанными автомобилями. Хрен редьки не слаще.

Впереди яркие лучи просвечивали сквозь деревья. Гравировали тенями покрытый заплатами асфальт Моттон-роуд.

По другую сторону Купола стояли армейские грузовики, уже в Харлоу, и тридцать или сорок солдат деловито сновали туда-сюда. У каждого на ремне висел противогаз. Грузовик-цистерна с надписью на борту «ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСНО — ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ» задним ходом подъехал чуть ли не вплотную к закрашенному спреем прямоугольнику на

поверхности Купола. Пластиковый шланг отходил от крана на заднем торце цистерны. Шланг держали два человека. Его наконечник диаметром не превышал шариковую ручку «Бик». Этих людей облачили в скафандры, на спине каждого крепились баллоны со сжатым воздухом.

Со стороны Честерс-Милла за этим действием наблюдала только одна зрительница. Лисса Джеймисон, городской библиотекарь, стояла рядом со старомодным женским «швинном», над задним крылом которого крепился багажник-корзинка. Сзади корзинку украшала наклейка: «“КОГДА ВЛАСТЬ ЛЮБВИ ПРЕВЗОЙДЕТ ЛЮБОВЬ К ВЛАСТИ, МИР ОБРЕТЕТ ПОКОЙ” — ДЖИМИ ХЕНДРИКС».

— Что ты тут делаешь, Лисса? — спросила Джулия, вылезая из машины. Подняла руку, чтобы прикрыть глаза от ярких огней.

Лисса нервно теребила Ключ жизни,^[113] который на серебряной цепочке висел у нее на шее. Она перевела взгляд с Джулии на Барби, вновь посмотрела на Джулию.

— Я катаюсь на велосипеде, если расстроена или встревожена. Иногда езжу до полуночи. Такие поездки успокаивают мою *pneuma*.^[114] Увидела я свет и поехала на свет, — говорила она нараспев, и на мгновение отпустила Ключ жизни, чтобы нарисовать в воздухе какой-то сложный символ. — А вы что здесь делаете?

— Приехали посмотреть эксперимент, — ответил Барбара. — Если сработает, вы сможете стать первой, кто покинет Честерс-Милл.

Лисса улыбнулась. Получилось довольно-таки натужно, но Барби по достоинству оценил ее усилия.

— Если я это сделаю, то останусь без блюда дня, которое подают в «Эглантирии» по вторникам. Мясной пирог, не так ли?

— Да, планируется мясной пирог, — ответил Барби, не добавив, что в следующий вторник, если Купол останется на месте, *spécialité de la maison*^[115] станет открытый пирог с кабачками.

— Они не разговаривают, — сменила тему Лисса. — Я пыталась.

Коренастый, широкоплечий мужчина вышел из-за грузовика-цистерны в свет прожекторов. В брюках цвета хаки, куртке и в бейсболке с надписью «Черные медведи Мэна». Прежде всего Барби обратил внимание, что полковник Джеймс Оу Кокс располнел. Потом заметил толстую куртку, застегнутую доверху, до самого подбородка, который лишь самую малость не дотягивал до двойного. Барби, Джулия и Лисса обходились без курток. Под Куполом они не требовались.

Кокс отдал честь. Барби ответил тем же, и ему это понравилось.

— Привет, Барби! Как Кен?

— У Кена все прекрасно, а я остаюсь тем бедолагой, которому достается вся приятная работа.

— На этот раз нет, полковник, — возразил Кокс. — На этот раз, похоже, тебе не придется ударить палец о палец.

— Он кто? — прошептала Лисса. Она все теребила Ключ жизни. Джулия подумала, что цепочка скоро порвется, если Лисса будет продолжать в том же духе. — И что они здесь делают?

— Пытаются вытащить нас отсюда, — ответила Джулия. — И после разрекламированной дневной попытки, окончившейся неудачей, теперь предпочли обойтись без лишней огласки. Мудрое решение, должна сказать. — Она шагнула вперед: — Привет, полковник Кокс! Я — ваш любимый редактор газеты. Добрый вечер.

И надо отдать должное Коксу, недовольство в его улыбке если и присутствовало, то в малой степени.

— Миз Шамуэй! Вы еще красивее, чем я себе это представлял.

— Я могу сказать о вас только одно: вам с легкостью удастся... — Барби взял ее за руку, остановив в трех ярдах от Кокса. — Что такое? — повернулась она к нему.

— Фотоаппарат. — Джулия и забыла, что он висит у нее на груди. — Он цифровой?

— Конечно, запасной фотоаппарат Пита Фримена. — Она уже хотела спросить, чем вызван вопрос, потом сообразила сама: Ты думаешь, Купол выведет его из строя?

— Это в лучшем случае. Вспомни, что произошло с кардиостимулятором чифа Перкинса.

— Черт! — вырвалось у нее. — Вроде бы у меня в багажнике лежит старый «Кодак».

Лисса и Кокс смотрели друг на друга, как показалось Барби, в равной степени зачарованные.

— Что вы собираетесь сделать? — спросила она. — Опять бабахнет?

Кокс замялся.

— Скрывать тут нечего, полковник, — вмешался Барби. — Если не скажете вы, скажу я.

Кокс вздохнул.

— Ты настаиваешь на полной открытости, да?

— Почему нет? Если сработает, жители Честерс-Милла расхвалят вас до небес. В неведении вы их держите только в силу привычки.

— Нет. Это приказ моих начальников.

— Они в Вашингтоне, — пожал плечами Барби. — А пресса в Касл-

Роке, вероятно, смотрит «Отвязных девчонок» по платному кабельному каналу. Здесь только мы, подопытные кролики.

Кокс снова вздохнул и указал на выкрашенный прямоугольник, напоминающий дверь:

— Здесь наши люди в защитных костюмах попытаются прожечь Купол экспериментальным составом. Если нам повезет, кислота прорежет щель, а потом мы выьем кусок Купола, как выбивают кусок стекла из оконной панели, очерченный стеклорезом.

— А если нам не повезет? — спросил Барби. — Если Купол разложится, выделяя ядовитый газ, который убьет нас всех? Для этого противогазы?

Кокс неопределенно пожал плечами:

— Если на то пошло, ученые предполагают, что кислота может инициировать химическую реакцию, которая вызовет возгорание Купола. — Тут Кокс увидел испуг на лице Лиссы. — Но все это они считают маловероятным.

— Они считают. — Лисса вновь принялась теребить Ключ жизни. — Не им травиться или поджариваться.

— Я понимаю вашу озабоченность, мисс... — начал Кокс.

— Мелисса, — перебил его Барби. Он вдруг посчитал важным, чтобы Кокс понял, что под Куполом конкретные люди, а не несколько тысяч обезличенных налогоплательщиков. — Мелисса Джеймисон. Лисса для ее друзей. Она городской библиотечкарь. А также куратор в средней школе и, если не ошибаюсь, ведет занятия в группах йоги.

— Группы уже не веду. — Лисса невесело улыбнулась. — Слишком много других дел.

— Очень рад нашему знакомству, мисс Джеймисон. — Кокс улыбнулся. — Послушайте... есть смысл попробовать.

— Если бы мы придерживались иного мнения, вас бы это остановило? — спросила она.

Кокс ушел от прямого ответа.

— Нет оснований предполагать, что эта штукавина, чем бы она ни была, может сама по себе потерять структурную жесткость или разложиться. И если нам не удастся пробить в Куполе брешь, боюсь, вам предстоит находиться под ним очень и очень долго.

— Вы представляете себе, откуда он взялся? Хотя бы приблизительно?

— Понятия не имеем. — Но взгляд Кокса скользнул в сторону точно так же, как и у Большого Джима во время разговора с Расти Эвереттом.

Зачем тебе лгать? — подумал Барби. *Опять обычная реакция,*

свойственная военным? Штатские — что грибы, держи их в темноте и корми дерьмом? Скорее всего причина заключалась только в этом. Но все равно он занервничал.

— Она едкая? — спросила Лисса. — Ваша кислота... она едкая?

— Насколько нам известно, более агрессивной просто не существует, — ответил Кокс, и Лисса отступила на два шага. Он повернулся к людям в космических скафандрах: — Готовы? — Поднялись две затянутые в перчатки руки с оттопыренными большими пальцами. За их спинами всякое движение прекратилось. Солдаты наблюдали за происходящим, положив руки на противогазы. — Тогда начинаем. Барби, я предлагаю отвести этих двух прекрасных дам как минимум на пятьдесят ярдов...

— Посмотрите на звезды. — В тихом голосе Джулии слышалось благоговение.

Голову она запрокинула назад, и в ее изумленном лице Барби увидел девочку-подростка, какой Джулия была тридцатью годами раньше. Он поднял голову и увидел Большую Медведицу, Кассиопею, Орион. Все звезды находились на положенных местах... только как-то расплылись и стали розовыми. Млечный Путь превратился в жевательную резинку, растянутую по огромному куполу ночи.

— Кокс, вы это видите? — спросил он.

Кокс вскинул голову:

— Вижу что? Звезды?

— Да. Как они выглядят?

— Ну... очень яркие, разумеется... в этих краях воздух такой чистый... — Тут в голове Кокса мелькнула мысль, и он щелкнул пальцами. — А что вы видите? Они изменили цвет?

— Они прекрасные. — Лисса смотрела на небо широко раскрытыми сверкающими глазами. — Но и пугающие.

— Они розовые, — пояснила Джулия. — Что происходит?

— Ничего. — Кокс произнес это с явной неохотой.

— Нет-нет, выкладывайте, — потребовал Барби и тут же добавил автоматически: — Сэр.

— В девятнадцать ноль-ноль мы получили метеорологический отчет. Особое внимание в нем уделено направлению ветра. На всякий случай... только на всякий случай. В настоящее время ветер дует в западном направлении до Небраски или Канзаса, там поворачивает на юг, потом к Восточному побережью. Достаточно типичная ситуация для конца октября.

— А какое отношение это имеет к звездам?

— На севере воздушные массы проходят над многими большими и промышленными городами. И все загрязнения, которые собираются там, зависают над Куполом, вместо того чтобы уноситься в Канаду и Арктику. Этих загрязнений уже достаточно для образования некоего оптического фильтра. Я уверен, опасности никакой нет...

— Пока нет, — поправила его Джулия. — А что будет через неделю? Через месяц? Вы сможете пропылесосить воздушное пространство над нами на высоте тридцать тысяч футов, когда звезды станут черными?

Прежде чем Кокс успел ответить, Лисса Джеймисон закричала и указала на небо. Потом закрыла лицо руками.

Розовые звезды падали, оставляя за собой яркие следы.

— Еще наркотика, — мечтательно произнесла Пайпер, когда Расти считал ей пульс.

Расти похлопал ее по правой руке — левую она сильно оцарапала.

— Хватит. Ты уже официально обдолбанная.

— Иисус хочет, чтобы мне еще дали наркотика. — Она говорила все тем же мечтательным голосом. — Я хочу заторчать по-черному.

— Вроде бы это называется «заторчать до дуриков», но я учту твоё пожелание.

Она села. Расти попытался ее уложить, но решил только толкнуть в правое плечо, а этого не хватило.

— Смогу я уйти отсюда завтра? Я должна увидеться с чифом Рэндолфом. Эти парни изнасиловали Сэмми Буши.

— И могли убить тебя, — заметил он. — Даже с вывихом плеча упала ты очень удачно. А заботы о Сэмми предоставь мне.

— Эти копы опасны. — Правой рукой она сжала его запястье. — Они не могут служить в полиции. Они изувечат кого-нибудь еще. — Пайпер облизнула губы: — Во рту пересохло.

— С этим я тебе помогу, но ты должна лечь.

— Ты взял образцы спермы у Сэмми? Сможешь сравнить их со спермой этих парней? Если сможешь, я не отстану от Питера Рэндолфа, пока он не заставит их сдать образцы ДНК. Буду преследовать его днем и ночью.

— У нас нет оборудования для анализа ДНК. — *И у нас нет образцов спермы, мысленно добавил Расти. Потому что Джина Буффалино промыла Сэмми, по ее же просьбе.* — Я принесу тебе что-нибудь попить. Все холодильники, за исключением тех, что в лаборатории, выключены, чтобы экономить электричество, но у нас есть кулер на сестринском посту.

— Сок. — Пайпер закрыла глаза. — Да, сок — это хорошо. Апельсиновый или яблочный. Не «Ви-8». ^[116] Слишком соленый.

— Яблочный, — решил Расти. — Этим вечером смеси тебе действительно ни к чему.

— Мне так плохо без моей собаки, — прошептала Пайпер. Потом отвернулась.

Расти подумал, что она уже будет спать, когда он вернется с соком.

Расти шел по коридору, тут из-за угла выскочил Твитч с широко

раскрытыми, дикими глазами.

— Выйди на улицу, Расти.

— Как только закончу с преподобной Либби...

— Нет, сейчас. Ты должен это увидеть.

Расти поспешил к палате 29, заглянул в нее. Пайпер похрапывала совсем не как леди — неудивительно, с учетом ее распухшего носа.

Он последовал за Твитчем по коридору, почти что бегом, чтобы успеть за большими шагами медбрата.

— Что такое? — спросил он, подразумевая: *«Что еще случилось?»*

— Не могу объяснить. Если б попытался, ты бы мне не поверил. Это надо увидеть самому. — И Твитч вышел через дверь приемного отделения.

На подъездной дорожке, выйдя из-под козырька над дверью, стояли Джинни Томлинсон, Джина Буффалино и Гарриет Бигелоу, подруга Джины, которую та привела, чтобы помочь ухаживать за больными. Все трое обнимали друг друга, словно успокаивая, и смотрели в небо.

Его обсыпало розовыми звездами, и многие падали, оставляя за собой длинные фосфоресцирующие следы. По спине Расти пробежал холодок.

Джуди это предсказала. Розовые звезды, падающие рядами. И они падали. Падали.

Так, словно небеса спускались к людям.

Элис и Эйден Эпплтон спали, когда начали падать розовые звезды, но Терстон Маршалл и Каролин Стерджес — нет.

Они стояли во дворе дома Думегенов и наблюдали, как звезды падают, прочерчивая яркие розовые линии. Иногда эти линии пересекались, и тогда в небе на короткие мгновения появлялись розовые руны.

— Это конец света? — спросила Каролин.

— Совсем нет, это метеорный дождь. Осенью в Новой Англии такие явления наблюдаются очень даже часто. Для Персеид поздновато, но, возможно, налетело случайное облако, скажем, обломки астероида, развалившегося за триллион лет до нашей эры. Подумай об этом, Каро!

Ей не хотелось.

— Метеорные дожди всегда розовые?

— Нет. Я думаю, вне Купола они выглядят белыми, но мы видим метеоры сквозь пленку пыли и мелкодисперсных частиц. Другими словами, сквозь слой загрязнений. Отсюда и изменение цвета.

Каролин думала об этом, пока они наблюдали на небе розовое буйство.

— Терс, маленький мальчик... Эйден... когда у него случился припадок или что-то подобное... он сказал...

— Я помню, что он сказал. Розовые звезды падают, они оставляют за собой линии.

— Как мальчик мог об этом знать?

Терстон покачал головой.

Каролин крепче обняла его. В такие времена (хотя ничего подобного в ее жизни еще не происходило) она радовалась, что по возрасту Терстон мог быть ее отцом. В этот момент ей хотелось, чтобы он был ее отцом.

— Как он мог знать... о грядущем? Как он мог знать?

Эйден в тот пророческий миг произнес и кое-что еще: *Все наблюдают*. И в половине десятого вечера понедельника, когда метеорный дождь достиг максимума, так оно и было.

Новость распространялась посредством мобильных и электронных писем, но главным образом древним и испытанным способом: из уст да в ухо. Без четверти десять Главная улица запружена людьми, наблюдающими за бесшумным космическим фейерверком. В большинстве они молчат. Некоторые плачут. Лео Ламуан, верный прихожанин церкви Иисуса Святого Искупителя, регулярно посещавший проповеди Коггинса, кричит, что это Апокалипсис, и он видит на небе Четырех Всадников, и скоро разверзнется бездна, и так далее, и так далее. Сэм Вердро по прозвищу Бухло — выпущенный из кутузки около трех часов дня, трезвый и злобный, — советует Лео заткнуться, а если он не перестанет орать о своем Апоговнастисе, то звезды засверкают у него перед глазами. Патрульный Руп Либби, положив руку на рукоятку пистолета, велит им замолчать и перестать пугать людей, словно те уже не напуганы. Уиллоу и Томас Андерсоны на парковке у «Дипперса». Уиллоу плачет, положив голову на плечо Томми. Роуз Твитчел и Энсон Уилер, оба в фартуках, обнимают друга друга рядом с «Эглантерией». Норри Кэлверт и Бенни Дрейк со своими родителями; когда рука Норри прокрадывается в руку Бенни, он испытывает восторг, которого не вызвать никаким розовым звездам. Джек Кейл, нынешний управляющий «Мира еды», на стоянке супермаркета. Джек позвонил Эрни Кэлверту, прежнему управляющему, вышедшему на пенсию, ближе к вечеру и спросил, не сможет ли Эрни помочь ему с полной инвентаризацией остающихся запасов. Они энергично принялись за работу, надеясь закончить к полуночи, но тут на Главной улице начал собираться народ. И теперь они стоят бок о бок, наблюдают, как падают розовые звезды. Стюарт и Фернолд Боуи у своего похоронного бюро задрали головы вверх. Генри Моррисон и Джекки Уэттингтон — на другой стороне улицы, вместе с Чэзом Бендером, который преподает историю в старшей школе.

— Это всего лишь метеорный дождь, который мы видим сквозь слой загрязнений, — объясняет Чэз Джекки и Генри... но в его голосе слышится благоговейный трепет.

Сам факт, что загрязнения, накопившиеся в воздухе, изменили цвет звезд, заставляет людей по-новому осознать случившееся, и плачущих

прибавляется. Плач тихий, напоминающий шум дождя.

Большого Джима сами бессмысленные огни в небе совершенно не интересуют, в отличие от значения, которое придают люди их появлению. Он рассчитывает, что в этот вечер они разойдутся по домам. Но завтра, возможно, все пойдет уже по-другому. И страх, который он видит на столь многих лицах, скорее плюс, а не минус. Испуганным людям нужны сильные лидеры, и одно Большой Джим Ренни знает наверняка — он может им стать. Может стать лидером, который необходим этим людям.

Он стоит у дверей полицейского участка с чифом Рэндалфом и Энди Сандерсом. Ниже, у лестницы, сбились в кучку его трудные дети: Тибодо, Сирлс, эта потаскушка Ру и друг Младшего, Френки.

Большой Джим спускается по ступенькам, с которых скатилась преподобная Либби (*Могла бы оказать нам услугу и сломать себе шею*), и хлопает Френки по плечу.

— Наслаждаешься зрелищем?

Испуг в широко раскрытых глазах сбрасывает ему лет десять: Френки выглядит двенадцатилетним подростком.

— Что это, мистер Ренни? Вы знаете?

— Метеорный дождь. Всего лишь приветствие Бога Его людям.

Френк Дилессепс чуть расслабляется.

— Сейчас мы вернемся в участок. — Большой Джим указывает на Рэндалфа и Энди, которые стоят с запрокинутыми головами. — Какое-то время поговорим, а потом я позову вас четверых. И когда я это сделаю, я хочу, чтобы вы рассказали мне одну ёханую историю. Ты меня понял?

— Да, мистер Ренни.

Мел Сирлс смотрит на Большого Джима, глаза у парня — блюдца, челюсть отвисла. Большой Джим думает, что Мел выглядит так, будто его ай-кью может дорасти разве что до 70. Но совсем не обязательно, между прочим, что это плохо.

— Похоже на конец света, мистер Ренни.

— Ерунда. Ты чувствуешь, что попадешь в рай, сынок?

— Думаю, да.

— Тогда тебе волноваться не о чем. — Большой Джим оглядывает их всех, пока его взгляд не останавливается на Картере Тибодо. — И этим вечером, молодые люди, ваш путь к спасению — рассказать мне одну и ту же историю.

Не все видят розовые звезды. Как брат и сестра Эпплтоны, спят обе дочки Расти. Спит и Пайпер. И Андреа Гриннел. И Шеф, распластавшийся в засохшей траве, рядом с, возможно, самой большой в Америке

лабораторией по производству метамфетамина. Спит и Бренда Перкинс, которая, оплакивая мужа, и не заметила, как забылась на диване. Листы распечатки файлов папки «ВЕЙДЕР» рассыпаны по кофейному столику.

Мертвые тоже ничего не видят, если только не смотрят из более светлого места в сравнении с этой темной равниной, где «армии невежд гремят в ночи». ^[117] Майра Эванс, Герцог Перкинс, Чак Томпсон и Клодетт Сандерс пребывают в «Похоронном бюро Боуи»; доктор Хаскел, мистер Кэрти и Рори Динсмор — в морге больницы «Кэтрин Рассел»; Лестер Коггинс, Доди Сандерс и Энджи Маккейн — в кладовой дома Маккейнов. Младший там же. Между Доди и Энджи, держит их за руки. Голова болит, но чуть-чуть. Он думает, что проведет эту ночь здесь.

На Моттон-роуд, в Истчестере (неподалеку от того места, где предпринимается попытка прожечь Купол экспериментальной кислотой: розовые звезды науке не помеха), Джек Эванс, муж погибшей Майры, стоит во дворе своего дома с бутылкой «Джека Дэниелса» в одной руке и пистолетом «Ругер-СР9», купленным для самозащиты, в другой. Он пьет и наблюдает, как падают розовые звезды. Понимает, что видит, загадывает желание на каждой, и желание это — умереть, потому что без Майры жизнь его потеряла смысл. Да, он может жить без нее, как живет крыса в стеклянной клетке, но не хочет. И когда падающих метеоров становится особенно много — в четверть одиннадцатого, примерно через сорок пять минут после того, как начался метеорный дождь, — Джек Эванс допивает бутылку, бросает на траву и вышибает себе мозги. Он — первый из официально зафиксированных самоубийц Милла. Но не последний.

Барби, Джулия и Лисса Джеймисон молча наблюдали, как два солдата в космических скафандрах сняли тонкий наконечник с пластикового шланга, убрали его в непрозрачный пластиковый мешок с закрывающейся горловиной, мешок положили в металлический ящик с надписью «ОПАСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ», который заперли каждый своим ключом, и только потом сняли шлемы. Выглядели они усталыми, вспотевшими и огорченными.

Двое мужчин постарше — слишком старые, чтобы служить в армии — откатили какую-то сложную установку с того места, где трижды проводился эксперимент с кислотой. Барби догадался, что эти двое скорее всего ученые из Министерства национальной безопасности, которые проводили спектрографический анализ. Или пытались его провести. Они сдвинули на волосы защитные маски, которыми пользовались во время эксперимента. Теперь маски выглядели экзотическими шапками. Барби мог спросить Кокса, что намеревались выявить с помощью этого анализа, и Кокс скорее всего дал бы правдивый ответ, но у Барби и без того на душе было слишком тоскливо.

Над головой последние розовые метеоры рассекали небо.

Лисса указала в сторону Истчестера:

— Я слышала что-то вроде выстрела. А вы?

— Вероятно, обратная вспышка в глушителе автомобиля или какой-то мальчишка запустил ракету, — ответила Джулия. Она устала, даже выдохлась. В какой-то момент, когда уже стало ясно, что эксперимент с кислотой провалился, Барби заметил, как Джулия вытирает слезу. Но это ее не остановило: она продолжала фотографировать, щелкая своим «Кодаком».

Кокс направился к ним. В свете установленных военными прожекторов он отбрасывал две тени, падавшие в разные стороны. Указал на нарисованный на Куполе прямоугольник-дверь.

— Предполагаю, что этот маленький эксперимент обошелся американским налогоплательщикам в три четверти миллиона долларов, не считая расходов на разработку и изготовление этого соединения. Кислота съела краску, которую мы нанесли, но больше — абсолютно ни хрена.

— Вы очень точно выразили свою мысль, полковник! — На губах Джулии появилось подобие ее фирменной улыбки.

— Спасибо за понимание, мадам редактор, — мрачно ответил Кокс.

— Вы действительно думали, что сработает? — спросил Барби.

— Нет, но я и не думал, что доживу до того дня, когда люди высадутся на Марс, а русские говорят, что в 2020 году отправят туда экспедицию из четырех человек.

— Я поняла, — кивнула Джулия. — Марсиане прознали об этом и разозлились.

— Если так, то они отыгрались не на той стране.

И тут Барби что-то заметил в его глазах.

— Насколько вы в этом уверены, Джим? — мягко спросил он.

— Не понял?

— В том, что Купол поставлен инопланетянами?

Джулия приблизилась на два шага к невидимой преграде.

— Расскажите нам все, что вы знаете, черт побери!

Кокс поднял руку:

— Стоп! Мы *ничего* не знаем. Однако такая версия есть. Марти, подойди сюда.

Один из тех мужчин в возрасте, которые анализировали эксперимент, подошел к Куполу. Маску он уже держал в руке.

— Какой получили результат? — осведомился Кокс и добавил, заметив колебание ученого: — Говори без утайки.

— Что ж... — Марти пожал плечами. — Следы минералов. Почва и загрязнители воздуха. В остальном — ничего. Если верить спектрографическому анализу, Купола не существует.

— Как насчет Эйч-уай-девятьсот восемь? — спросил Кокс и пояснил Барби и женщинам: — Это та самая кислота.

— Исчезла. То, чего нет, ее сожрало.

— Такое возможно, исходя из того, что вам известно?

— Нет. Но если исходить из нашего уровня знаний, невозможно и существование Купола.

— Не подводит ли это тебя к выводу, что Купол создан некоей разумной формой жизни, обладающей пока недоступными нам знаниями в области физики, химии, биологии, что ни назови?

Марти задумался, и Кокс вновь повторил, что тот может говорить без утайки.

— Это одна из версий. Вторая — Купол создан каким-то земным суперзлодеем. Лексом Лютором^[118] реального мира. А может, это творение страны-изгоя, скажем, Северной Кореи.

— Которая не заявила о своем авторстве? — В голосе Барби

слышалось сомнение.

— Я ставлю на инопланетян. — Марти постучал по Куполу, не поморщившись: успел приобрести иммунитет. — Как и большинство ученых, которые сейчас работают над этой проблемой. Если только можно сказать, что мы работаем, потому что на самом деле мы ничего не делаем. Это же правило Шерлока: когда исключаешь все невозможное, оставшееся и будет истиной, какой бы неправдоподобной она ни казалась.

— Кто-то приземлился на летающей тарелке и потребовал, чтобы его отвели к нашему президенту? — спросила Джулия.

— Нет, — ответил Кокс.

— Вы бы знали, если бы кто-то приземлился? — осведомился Барби и подумал: *Неужели мы обсуждаем подобные вещи? Или мне все это снится?*

— Не обязательно. — Кокс отреагировал после короткой паузы.

— Это может быть какой-то метеорологический феномен, — предположил Марти. — Черт, даже биологический — живое существо. Есть версия, что эта штуковина — некий гибрид кишечной палочки.

— Полковник Кокс, — тихим голосом обратилась к нему Джулия, — мы — чей-то эксперимент? Такое у меня складывается ощущение.

Лисса Джеймисон тем временем все смотрела в сторону красивых домов Истчестера. В большинстве окон свет не горел: то ли хозяева не обзавелись генераторами, то ли сэкономили пропан.

— Там стреляли, — заявила она. — Я уверена, что стреляли.

Шестое чувство

Помимо увлечения городской политикой, за Большим Джимом Ренни числился один-единственный грех — беззаветная любовь к школьному женскому баскетболу, если точнее, к баскетбольной команде «Дикие кошки». Он покупал годовой абонемент с 1998 года и за сезон посещал как минимум десятков игр. В 2004 году, когда «Дикие кошки» выиграли первенство штата среди старших школ, он не пропустил ни одной игры. И хотя люди, приглашенные в его домашний кабинет, замечали прежде всего автографы Тайгера Вудса, Дейла Эрнхардта и Билла Ли по прозвищу Инопланетянин, Большой Джим больше гордился автографом Ганны Комптон, разыгрывающей защитницы, которая в том году училась во втором классе старшей школы. Именно ее стараниями «Дикие кошки» первый и последний раз в своей истории выиграли Золотой мяч.

Обладатель годового абонемента знает других обладателей таких же абонементов, сидящих вокруг, и причины, по которым им нравится этот вид спорта. Большинство — родственники играющих девушек (и зачастую активисты «Клуба поддержки», организующие распродажи домашней выпечки и собирающие деньги для все более дорожающих выездных игр). Другие — баскетбольные пуристы, которые и постараются вам объяснить, что школьный женский баскетбол интереснее. Девушки куда в большей степени заражены командным духом, чем юноши, которые склонны к головокружительным проходам, броскам, данкам, короче, сбиваются на индивидуальные действия. Скорости в женском баскетболе не столь высокие, что позволяет вникнуть в тонкости игры, насладиться каждым заслоном или «стенкой». Болельщики такого баскетбола ценят небольшой счет, с каким обычно заканчиваются игры (поклонники мужского баскетбола фыркают, когда слышат такое мнение), заявляя, что девушки делают упор на защите и стараются помешать броску даже ценой нарушения правил, то есть следуют основным принципам школьного баскетбола, каким он был раньше.

Есть также люди, которым просто нравится наблюдать, как по площадке бегают длинноногие девушки в коротких шортиках.

Большой Джим мог подписаться под всеми этими причинами, но его страсть к школьному женскому баскетболу базировалась совсем на ином. Только эту причину он никогда не озвучивал, обсуждая с другими болельщиками перипетии игры. Это не принесло бы политических

дивидендов.

Девушки воспринимали спорт как что-то личное, а потому проявляли большую ненависть к сопернику.

Юноши хотели выиграть, это так, и иногда игра достигала очень высокого эмоционального накала, особенно если команде противостоял принципиальный соперник (для «Диких котов» Милла — презренные «Ракеты» Касл-Рока), но по большей части юношей интересовали индивидуальные достижения. Попросту говоря, им хотелось показать себя. И когда игра заканчивалась, для них она действительно уходила в прошлое.

А девушки просто терпеть не могли проигрывать. Проигрыш они уносили с собой в раздевалку и долго над ним раздумывали. Более того, они *всей командой* терпеть не могли проигрыш, ненавидели его. Большой Джим часто наблюдал, как эта ненависть давала о себе знать. Во второй половине игры, особенно при равном счете, до него частенько долетало с площадки что-то вроде: «Хрен тебе, маленькая сучка, этот мяч мой!» Такие фразы заряжали его энергией.

До сезона 2004 года «Дикие кошки» только однажды выходили в финальную часть первенства штата, двадцатью годами раньше, и сразу же проиграли Бакфилду. Потом появилась Ганна Комптон. По мнению Большого Джима, умеющая ненавидеть как никто.

Дочь Дейла Комптона, сухопарого лесоруба из Таркерс-Миллса, обычно пьяного и всегда сварливого, Ганна естественным образом обрела выражение лица, которое ясно и понятно говорило всем: отвалите от меня. Перейдя в старшую школу, она почти весь сезон отыграла в команде дублеров. В основной состав попала только в двух последних играх, перебросала всех и оставила свою соперницу из «Ричмондских рысей» корчиться на паркете после жесткого, но чистого защитного приема.

После завершения игры Большой Джим подошел к тренеру Вудхеду:

«Если эта девочка в следующем сезоне не выйдет на площадку в основном составе, ты псих».

«Я не псих», — ответил Вудхед.

Ганна начала сезон на отлично. А закончила еще лучше, оставив такой яркий след, что болельщики «Диких кошек» не могли забыть ее и годы спустя: средний показатель за игру — 27,6 очка. Она могла в любой момент забросить трехочковый, но больше всего Большому Джиму нравилось, как она разрезает оборону противника и рвется к кольцу: курносое лицо сосредоточено до предела, черные глаза предупреждают — не стой на моем пути, конский хвост мотается из стороны в сторону, как поднятый средний палец. Второй член городского управления и главный продавец

подержанных автомобилей влюбился.

В игре за звание чемпиона 2004 года «Дикие кошки» выигрывали у «Ракет» десять очков, когда Ганна уселась на скамейку за пять персональных замечаний. К счастью для «Кошек», произошло это в самом конце игры. Так что в итоге они победили с перевесом в одно очко. Из набранных «Дикими кошками» восьмидесяти шести очков Ганна Комптон записала на свой счет невероятные шестьдесят три. Той же весной ее сварливый папаша оказался за рулем новенького «кадиллака», который Джим Ренни продал ему с сорокапроцентной скидкой. Новые автомобили Большой Джим обычно не продавал, но всегда мог такой достать, если хотел.

Сидя в кабинете Питера Рэндолфа в те самые минуты, когда последние розовые метеоры еще прочерчивали небо (а его трудные дети ждали — и Ренни надеялся, что в тревоге, — пока их призовут и вынесут приговор), Большой Джим вспоминал тот удивительный, поистине фантастический матч, особенно первые восемь минут второй половины, которую «Кошки» начали, отставая на девять очков.

Ганна подмяла игру под себя с жестокостью, с какой Сталин подмял под себя Россию. Ее черные глаза блестели (и видели перед собой некий баскетбольный рай, скрытый от простых смертных), лицо застыло в усмешке, говорившей всем и каждому: *Я лучше тебя, я лучшая, уйди с моего пути, или я, на хрен, раздавлю тебя*. Все ее броски в течение этих восьми минут попадали в кольцо, включая один, совершенно нелепый, из центрального круга, который она сделала только потому, что ноги у нее заплелись, и судьи обязательно отобрали бы мяч за пробежку.

Существуют слова и фразы, определяющие такое состояние, чаще всего говорят: «в ударе». Но Большому Джиму нравилось другое определение — «шестое чувство». «Она это действительно чувствует», — вот что он мог сказать про Ганну в те минуты. Словно ее игра приобрела некий божественный ингредиент, недоступный обычным игрокам (хотя иногда даже обычные игроки обретали шестое чувство, на короткое время трансформировались в богов и богинь, и все физические дефекты исчезали на период их божественного превращения), ингредиент, который может проявиться лишь по особым случаям.

На следующий год Ганне Комптон не удалось сыграть ни одной игры: финальный матч стал для нее прощальным. В то лето, сев за руль пьяным, ее отец убил себя, жену и трех дочерей по пути в Таркерс-Миллс из «Брауна», куда они ездили за фраппе с мороженым. Купленный со скидкой «кадиллак» стал им гробом.

Автомобильная авария с таким количеством жертв, конечно же, попала на первые полосы газет в Западном Мэне — «Демократ» Джулии Шамуэй на той неделе вышел с черной рамкой, — но Большой Джим особо не горевал. Он подозревал, что Ганна не пробились бы в стартовую пятерку команды колледжа; там играли девушки покрупнее, и она могла рассчитывать только на редкие выходы на замену. Ганна с этим бы не смирилась. Ее ненависть подпитывалась постоянным пребыванием на площадке. Большой Джим прекрасно это понимал. Полностью разделял ее чувства. По той самой причине у него не возникало даже желания покинуть Милл. В большом мире он мог бы заработать больше денег, но что есть богатство, как не пиво существования, тогда как власть — шампанское.

Ему нравилось управлять Миллом и в обычные дни, но в кризис удовольствие увеличивалось многократно. В такие времена он буквально летал на крыльях интуиции, зная, что не мог напортачить, абсолютно не мог напортачить. По аналогии с баскетбольной площадкой, он словно просчитывал все действия защиты до того, как эти действия предпринимались, и мяч попадал в кольцо всякий раз, когда оказывался у него в руках. Поскольку возникало шестое чувство, и что могло быть лучше, чем его появление по ходу игры, определяющей чемпиона?

И сейчас шла чемпионская игра Большого Джима, и все складывалось в его пользу. Он чувствовал — абсолютно верил, что все пойдет как надо, в этот магический период. И то, что вроде бы создавало помехи, наоборот, открывало новые возможности, а не превращалось в неприступные оборонительные редуты — по аналогии с отчаянным броском Ганны с середины площадки тот заставил вскочить на ноги всех зрителей, собравшихся тогда в городском центре Дерри: болельщики Милла ликовали, Касл-Рока хватались за головы, не понимая, как такое могло случиться.

Шестое чувство. Благодаря ему Большой Джим не уставал, хотя, казалось бы, должен был валиться с ног. Благодаря ему не волновался из-за Младшего, несмотря на молчаливость и настороженность последнего. Благодаря ему не тревожился из-за Дейла Барбары и сеющих смуту его друзей, особенно этой газетной суки. Благодаря ему лишь улыбался, когда Питер Рэндолф и Энди Сандерс ошеломленно таращились на него. Он мог позволить себе улыбаться. Он руководствовался шестым чувством.

— Закрывать супермаркет? — переспросил Энди. — Многим это не понравится, Большой Джим.

— Супермаркет и «Бензин и бакалею», — поправил его Ренни, продолжая улыбаться. — О «Брауне» можно не беспокоиться, этот магазин

уже закрылся. И это хорошо. Мерзкая забегаловка. — Но не добавил: «где продаются мерзкие порножурналы».

— Джим, в «Мире еды» продуктов предостаточно, — вставил Рэндолф. — Я только сегодня разговаривал с Джеком Кейлом. Мясо подходит к концу, но с остальным полный порядок.

— Я знаю, — кивнул Большой Джим. — Понимаю, что такое инвентаризация, и Кейл это тоже понимает. Должен. В конце концов, он еврей...

— Ну... я просто говорю, что пока у нас более-менее поддерживается порядок. Потому что у людей кладовые набиты всем необходимым. — Тут Рэндолф просиял. — Надо сократить время работы «Мира еды». Думаю, Джека можно на это уговорить. Он, вероятно, уже сам думает об этом.

Большой Джим покачал головой, по-прежнему улыбаясь. Вот и еще один пример того, как все складывается в твою пользу, когда тебя ведет шестое чувство. Герцог Перкинс сказал бы, что это ошибка, особенно сразу после такого жуткого небесного шоу. Но Герцог мертв, что не просто хорошо — божественно.

— Закреть, — повторил он. — И супермаркет, и магазин. На замок. А когда они откроются, продукты будем выдавать мы. Тогда их хватит на более продолжительное время и распределение будет более справедливым. Я объявлю о введении плана нормирования в четверг, на городском собрании. Если, разумеется, Купол к тому времени не исчезнет.

— Я не уверен, что у нас есть право закрывать частные предприятия, Большой Джим. — В голосе Энди слышалась неуверенность.

— При таком кризисе это не только наше право, но и обязанность. — Ренни с силой хлопнул по плечу Пита Рэндолфа. Новый начальник полиции Милла этого не ожидал и испуганно вскрикнул.

— А если начнется паника? — Энди хмурился.

— Что ж, этого исключить нельзя. Если расшевелить мышинное гнездо, мыши обязательно побегут. Нам, возможно, придется увеличить численность полиции, если этот кризис не разрешится в самое ближайшее время.

На лице Рэндолфа отразилось удивление.

— У нас и так двадцать человек. Включая... — Он мотнул головой в сторону двери.

— Да, — кивнул Большой Джим, — и раз уж о них зашла речь, ты приведи их сюда, чиф, чтобы мы закончили с этим делом и отправили ребят спать. Я думаю, завтра у них будет тяжелый день.

И если сегодня их чуть вздрючить, завтра они проявят большее

рвание. А вздрючить их надо, раз уж они не могут держать свои дубинки в штанах.

Френк, Картер, Мел и Джорджия переминались с ноги на ногу, как подозреваемые, привезенные в полицейский участок для опознания. Чувствовалось, что вызывающее выражение их лиц всего лишь ширма. Ганна Комптон подняла бы этих ребят на смех. Они не поднимали глаз, изучая свою обувь. Большой Джим видел — они ждут, что их сейчас уволят, а то и отправят в камеры. Его это устраивало. На страхе играть проще всего.

— А вот и наши доблестные патрульные, — поприветствовал он их.

Джорджия Ру что-то пробормотала себе под нос.

— Говори громче, милая. — Большой Джим поднес сложенную лодочкой руку к уху.

— Мы не сделали ничего плохого. — Голос жалобный, как у школьницы, незаслуженно обвиненной в чем-то учителем.

— А что именно вы сделали? — И когда Джорджия, Френк и Картер начали говорить одновременно, указал на Френка: — Ты. И ради Бога, поубедительнее.

— Мы там были, — начал Френк, — но она пригласила нас.

— Точно! — крикнула Джорджия, сложив руки под внушительной грудью. — Она...

— Заткнись! — Большой Джим наставил на нее мясистый палец. — Один говорит за всех. Так это делается, если вы команда. Вы команда?

Картер Тибодо уже понял, к чему все идет:

— Да, сэр, мистер Ренни.

— Она сказала, что у нее есть пиво, — продолжил Френк. — Мы пошли к ней только по этой причине. Не могли купить в городе, вы знаете. В любом случае мы сидели, пили пиво, каждому досталось по банке, уже в какой-то степени не при исполнении.

— Вообще не при исполнении, — вмешался чиф. — Ты хотел сказать, в свободное от службы время.

Френк кивнул:

— Да, сэр, именно это я и хотел сказать. Мы выпили пива и сказали, что нам лучше уйти, но она сказала, что мы делаем важную работу, она это ценит и хочет поблагодарить каждого из нас. А потом раздвинула ноги.

— Показала свою мохнатку, вы понимаете. — Мел широко и тупо улыбнулся.

Большой Джим поморщился, радуясь тому, что здесь нет Андреа Гриннел. Наркоманка или нет, в такой ситуации она начала бы возмущаться.

— Одного за другим она отвела нас в свою спальню. Я знаю, мы приняли плохое решение, но с ее стороны все было добровольно, — закончил Френки.

— Я в этом уверен, — подал голос чиф Рэндолф. — У девицы та еще репутация. Как и у ее мужа. Наркотики вы там, кстати, не видели?

— Нет, сэр. — Четырехголосый хор.

— А вы не причинили ей боли? — спросил Большой Джим. — Как я понимаю, она заявляет, что ее били.

— Никто ее не бил, — ответил Картер. — Могу я сказать, что думаю по этому поводу?

Большой Джим согласно махнул рукой. У него начало складываться впечатление, что мистер Тибодо может принести пользу.

— Она, вероятно, упала после того, как мы ушли. Может, и пару раз, потому что сильно напилась. Служба опеки должна лишить ее родительских прав до того, как она прибьет своего малыша.

На последнее замечание никто не отреагировал. С учетом сложившихся обстоятельств служба опеки, расположенная в Касл-Роке, могла находиться и на Луне.

— То есть по большому счету вы ни в чем не виноваты, — подвел итог Большой Джим.

— Абсолютно, — подтвердил Френк.

— Что ж, думаю, нам все ясно. — Большой Джим оглядел остальных: — Нам все ясно, господа?

Энди и Рэндолф кивнули, на лицах читалось облегчение.

— Хорошо, — продолжил Ренни. — День выдался длинный, насыщенный событиями, и я уверен, что нам всем надо поспать. Молодежи особенно, потому что завтра вы должны быть на службе в семь утра. Супермаркет и «Бензин и бакалея» закрываются на период кризиса, и чиф Рэндолф думает, что именно вам нужно поручить охрану супермаркета на случай, что появятся люди, которым не понравится новый порядок. Вам это по силам, мистер Тибодо? Учитывая ваше... боевое ранение?

Картер согнул руку:

— Я в порядке. Ее собака сухожилия не порвала.

— Мы можем отправить с ними и Фреда Дентона. — Чиф Рэндолф уже сообразил, что к чему. — Уэттингтон и Моррисона поставим у «Бензина и бакалеи».

— Джим, — Энди повернулся к Ренни, — может, лучше выставить опытных полицейских у супермаркета, а новичков у...

— Я так не думаю. — Большой Джим улыбался. Его вело шестое чувство. — Именно эти молодые люди нужны нам у «Мира еды». Именно они. И кто-то ненароком шепнул мне, что вы держите в своих автомобилях оружие, а некоторые из вас берут его на патрулирование.

Ему ответило молчание.

— В полиции вы пока на испытательном сроке, — напомнил Большой Джим. — Но если у вас есть оружие, вы, как и все американцы, имеете право носить его при себе. Однако если я узнаю, что кто-то из вас будет стоять у «Мира еды» при оружии, да еще пустит его в ход, на том ваша служба в полиции и закончится.

— Совершенно верно, — поддакнул Рэндолф.

Большой Джим оглядел Френка, Картера, Мела и Джорджию.

— Есть насчет этого возражения? У кого-нибудь?

Им это определенно не нравилось. Большой Джим ничего другого и не ожидал, но они и так легко отделались. Тибодо крутил плечом, сгибал и разгибал пальцы, проверяя их состояние.

— А если оружие будет незаряженным? — спросил Френк. — Просто будет, вы понимаете, как предупреждение.

Большой Джим наставительно поднял палец.

— Я скажу тебе то же самое, что говорил мне отец. Незаряженного оружия не существует. У нас хороший город. Люди будут вести себя достойно, я в этом уверен. Если они изменятся, мы тоже изменимся. Понял?

— Да, сэр, мистер Ренни. — Не нравилось это Френку, что вполне устраивало Большого Джима.

Он встал. Только вместо того, чтобы выпроводить их за дверь, протянул им руки. Увидел недоумение на их лицах, кивнул, по-прежнему улыбаясь.

— Подойдите сюда. Завтра у нас знаменательный день, и нам не следует встречать его без молитвы. Так что возьмемся за руки. — Они взялись. Большой Джим закрыл глаза. — Господь наш...

Какое-то время говорил, тогда как остальные внимали.

Барби поднялся по наружной лестнице, ведущей к его квартире, за несколько минут до полуночи с поникшими от усталости плечами, думая о том, что сейчас хочет только одного — шести часов забвения, чтобы встать по будильнику и идти в «Эглантерию» готовить завтрак.

Но усталость как рукой сняло, едва он включил свет: генератор Энди Сандерса обеспечивал электричеством и квартиру над его аптечным магазином.

Кто-то здесь побывал.

Признаки чужого присутствия были настолько неявными, что поначалу Барби не смог их установить. Закрыв глаза, открыл, прошелся взглядом по гостиной, объединенной с кухонькой, ни на чем не заостря внимания, но стараясь ничего не упустить. Книги, которые он намеревался оставить здесь, не передвигали по полкам, стулья стояли на привычных местах, один — у торшера, второй — у единственного в комнате окна с чудесным видом на проулок между домами, кофейная чашка и тарелка оставались там, куда он их и поставил: на сушилке у крошечной раковины.

А потом все сложилось, как обычно и бывает, если не стремиться максимально быстро выйти на правильный ответ. Ковер. Для себя Барби называл его Не-Линдсей.

Примерно пять футов в длину и два в ширину Не-Линдсея выткали повторяющимися синими, красными, белыми и коричневыми ромбами. Барби купил ковер в Багдаде, а иракский полицейский, которому он доверял, заверил его, что сработан ковер на курдской фабрике.

«Очень старый, очень прекрасный, — говорил полицейский. Звали его Латиф Абд аль-Халик Хассан. Хороший солдат. — Выглядит турецким, но нет-нет-нет. — Широкая улыбка. Белые зубы. Через неделю после того дня на рынке пуля снайпера вышибла мозги Латифа Абд аль-Халика Хассана через дыру в затылке. — Не турецкий, иракский!»

Продавец ковров в желтой футболке с надписью «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В МЕНЯ, Я ВСЕГО ЛИШЬ ПИАНИСТ» начал что-то говорить. Латиф слушал, кивая. Потом оба рассмеялись. После чего продавец сделал на удивление американский жест: ладонью правой руки обхватил левую повыше локтя и согнул ее, сжав пальцы в кулак. Они засмеялись еще громче.

«Что такое?» — спросил Барби.

«Он говорит, что американский сенатор Линдсей Грэм купил пять ковров, похожих на этот, за пятьсот долларов. Пятьсот долларов из рук в руки перед прессой. Больше — под прилавком. Но ковры сенатора — подделка. Да-да-да. Этот не подделка, настоящий. Я — Латиф Хассан, говорю тебе это, Барби. Не Линдсей Грэм ковер».

Латиф поднял руку, и Барби ударил по ней своей пятерней. Хороший тогда выдался день. Жаркий, но хороший. Он купил ковер за двести американских долларов и ди-ви-ди-плейер «Коби», твердую валюту в любой стране. Не-Линдсей стал его иракским сувениром. Барби намеревался оставить ковер, уходя из Милла, глубоко в душе полагая, что тем самым окончательно оставляет в прошлом Ирак, но куда там. Где бы ты ни побывал, там ты и оставался. Великая буддийская истина нашего века.

Он никогда не наступал на ковер, испытывал к нему суеверный страх, всегда обходил, будто прикосновение его ноги к ковру могло активировать какой-то компьютер в Вашингтоне, и он вновь оказался бы в Багдаде или Фаллудже. Но кто-то на ковер наступил, потому что кое-где шерстинки Не-Линдсея спутались, примялись, согнулись. А они были прямыми, когда он уходил этим утром, тысячу лет назад.

Барби прошел в спальню. Покрывало, как обычно, аккуратно обтягивало кровать, но ощущение, что здесь побывал чужак, никуда не делось. Остался запах пота? Следы чьей-то ауры? Барби не знал, да и не хотел знать. Он шагнул к комоду, выдвинул верхний ящик и увидел, что линялые джинсы, которые лежали сверху, теперь переместились в самый низ. И шорты цвета хаки, которые он клал молнией вниз, теперь лежали молнией вверх.

Он открыл второй ящик, с носками. Ему потребовалось меньше пяти секунд, чтобы убедиться, что его армейские идентификационные жетоны исчезли, и Барби это не удивило. Совершенно не удивило.

Он схватил свой мобильник, который тоже намеревался оставить в Милле, и вернулся в гостиную. Объединенный телефонный справочник Таркерса и Честерса лежал на столике у двери, тоненький, как брошюра. Он поискал нужный номер, не надеясь, что найдет: телефон начальника полиции в таких справочниках обычно не значился.

Да только в маленьких городках этого правила не придерживались. По крайней мере в этом маленьком городке, хотя про должность Герцога справочник умалчивал, ограничившись скромным: «Г. и Б. Перкинс, 28 Морин-стрит». И пусть уже перевалило за полночь, Барби без колебания набрал номер. Ждать он позволить себе не мог. Чувствовал, что время стремительно уходит.

Зазвонил телефон. Гови, без сомнения, звонил, чтобы предупредить, что задерживается, и ей лучше запереть дверь и лечь... Но тут же реальность вновь обрушилась на нее, как неприятные подарки, посыпавшиеся из отравленной пиньаты.^[119] пришло осознание, что Гови мертв. Бренда не знала, кто может ей звонить — она посмотрела на часы — в двадцать минут первого, но уже поняла, что это не Гови.

Садясь, Бренда поморщилась от боли, потерла плечо, отругала себя за то, что заснула на диване, отругала того, кто разбудил ее в столь поздний час и вновь заставил вспомнить, что она теперь вдова.

Потом в голову пришла мысль, что глубокой ночью ей могли позвонить только по одной причине: Купол исчез или в нем пробита дыра. Бренда ударилась ногой о кофейный столик так сильно, что разлетелись лежавшие на нем листы бумаги, захромала к телефонному аппарату у кресла Гови (у нее защемило сердце при взгляде на пустое кресло) и схватила трубку.

— Что? Кто?

— Это Дейл Барбара.

— Барби! Его взломали? Купол взломали?

— Хотелось бы позвонить по этому поводу, но увы.

— Тогда почему? Уже почти половина первого.

— Вы говорили, что ваш муж расследовал делишки Джима Ренни.

Бренда ответила не сразу, догадываясь, что за этим последует. Поднесла ладонь к шее, к тому месту, которое в последний раз погладил Гови.

— Он, как я вам и говорила, не располагал стопроцентными доказательствами...

— Я помню, что вы мне говорили, — прервал ее Барби. — А сейчас выслушайте меня, Бренда. Можете это сделать? Проснулись?

— Теперь да.

— Ваш муж оставил записи?

— Да. В своем ноутбуке. Я их распечатала.

Она посмотрела на листы распечатки файлов из папки «ВЕЙДЕР», рассыпанные по кофейному столику и полу.

— Хорошо. Надо, чтобы завтра утром вы положили распечатку в конверт и отнесли Джулии Шамуэй. Попросите ее спрятать распечатку в

безопасное место. В сейф, если он у нее есть. В денежный ящик или запирающийся металлический шкаф, если нет. Скажите ей, что вскрыть конверт она должна только в том случае, если с вами или со мной что-то случится, или с нами обоими.

— Вы меня пугаете.

— В противном случае она не должна вскрывать конверт. Если вы ей это скажете, она вас послушает? Интуиция подсказывает мне, что да.

— Разумеется, но почему не дать ей взглянуть на содержимое конверта.

— Потому что, если издатель местной газеты узнает, какой компромат собрал ваш муж на Большого Джима, а Большому Джиму станет известно, что она этот компромат видела, мы практически лишимся того преимущества, которым сейчас располагаем. Вы это понимаете?

— Д-да... — Как бы ей хотелось, чтобы в этом полуночном разговоре участвовал Гови.

— Я говорил, что меня могут арестовать, если с ракетным ударом ничего не получится. Помните?

— Разумеется.

— Что ж, меня не арестовали. Этот сукин сын умеет выжидать. Но долго он теперь выжидать не будет. Я почти на сто процентов уверен, что произойдет это завтра... то есть уже сегодня. Если, конечно, вы не сможете остановить его, пригрозив сделать достоянием общественности компромат, добытый вашим мужем.

— И за что вас арестуют?

— Понятия не имею, но точно не за карманную кражу. А в тюрьме, думаю, со мной произойдет несчастный случай. В Ираке я видел такого предостаточно.

— Это безумие, — сказала она, но его слова обладали той жуткой убедительностью, с какой ей иногда приходилось сталкиваться в кошмарных снах.

— Подумайте об этом, Бренда. Ренни есть что скрывать, ему нужен козел отпущения, а новый начальник полиции у него в кармане. Так что все сошлось.

— В любом случае я собиралась повидаться с Ренни. И я хотела взять с собой Джулию из соображений безопасности.

— Джулию не берите, но и одной вам идти нельзя.

— Вы же не думаете...

— Я не знаю, что он сделает, как далеко зайдет. Кому вы можете довериться, кроме Джулии?

Ей вспомнился прошедший день, почти потушенный пожар, когда она стояла на Литл-Битч-роуд в прекрасном, благодаря выбросу эндорфинов, настроении — несмотря на утрату Гови, — и Ромео Берпи говорил ей, что она должна возглавить как минимум пожарную команду.

— Ромми Берпи.

— Отлично. Пусть он составит вам компанию.

— Я должна сказать ему, что Гови...

— Нет, — оборвал ее Барби. — Он нужен вам только для подстраховки. И вот что еще, спрячьте ноутбук вашего мужа.

— Хорошо... но, если я спрячу ноутбук Гови и оставлю распечатку Джулии, что мне показать Джиму? Впрочем, я могу сделать вторую распечатку.

— Нет. Одной вполне достаточно. По крайней мере на текущий момент. Испугать его — это одно. Загнанный в угол, он может стать непредсказуемым, а это совсем другое. Бренда, вы верите, что он преступник?

Она ответила без запинки:

— Всем сердцем.

Потому что в это верил Гови — чего мне более чем достаточно.

— И вы помните, что в файлах?

— Точные цифры и названия банков, которые они использовали, наверное, нет, но многое другое помню.

— Тогда он вам поверит. Он вам поверит и без второй распечатки.

Бренда положила распечатку файлов из папки «ВЕЙДЕР» в конверт из плотной бумаги. На лицевой стороне написала «ДЖУЛИИ ШАМУЭЙ». Оставила конверт на кухонном столе, пошла в кабинет Гови и убрала компьютер в сейф. Последний оказался маловат, и «Мак» влез в него только по диагонали. Закончила она тем, что дважды, а не один раз повернула наборный диск, выполняя рекомендации усопшего мужа. В этот самый момент погас свет. Бренду охватил какой-то животный страх: второй поворот диска вырубил электричество.

Потом она поняла, что сдох генератор: закончился пропан.

Когда Младший вернулся домой во вторник утром, в пять минут седьмого, с щетиной на бледных щеках и торчащими во все стороны волосами, Большой Джим сидел за кухонным столом в белом банном халате размером с грот клипера. Он пил колу.

Младший указал на банку:

— Хороший день начинается с хорошего завтрака.

Большой Джим отсалютовал ему банкой, глотнул колы, поставил банку на стол.

— Кофе нет. Точнее, кофе есть, но нет электричества. Пропан закончился. Если хочешь, возьми банку и себе. Они еще холодные, и кола, судя по твоему виду, тебе не повредит.

Младший открыл холодильник, заглянул в его темное нутро:

— Я должен поверить, что ты не можешь обеспечить собственный дом сжиженным газом?

Большой Джим вздрогнул, но тут же расслабился. Логичный вопрос, не означающий, будто Младшему что-то известно. *Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним*, ^[120] напомнил себе Большой Джим.

— Скажем так, на данный момент это политически неправильно.

— Ну-ну.

Младший закрыл холодильник и сел по другую сторону стола. Смотрел на отца с легким удивлением (которое тот истолковал как привязанность).

Семья, где убивают вместе, не разваливается, подумал Младший. По крайней мере какое-то время. Пока...

— Политически, — повторил он.

Большой Джим кивнул, изучающе глядя на сына, который, помимо банки колы, прихватил из холодильника копченую колбаску «Биг джерк». Он не спросил: «Где ты был?» Он не спросил: «Что с тобой происходит?», хотя утренний свет, вливающийся через окна на кухню, однозначно показывал, что у Младшего какие-то нелады со здоровьем. Но вопрос задал:

— Там трупы. Несколько. Это так?

— Да. — Младший откусил большой кусок колбаски и запил колой. Без урчания холодильника и бульканья «Мистера Кофе» на кухне царила необычная тишина.

— И все эти трупы можно будет подложить под дверь мистера Барбары?

— Да, все. — Еще кусок колбаски, исчезнувший во рту. Еще один глоток. Младший пристально смотрел на отца, потирая левый висок.

— Сможешь ты случайно найти их около полудня?

— Нет проблем.

— И само собой, улики, свидетельствующие против нашего мистера Барбары.

— Да. — Младший улыбнулся. — Это весомые улики.

— Сегодня утром, сын, в полицейский участок не приходи.

— Мне лучше прийти. Если не приду, это покажется странным. Кроме того, я не устал. Спал с... — Младший покачал головой. — Я спал, на том и остановимся.

Большой Джим не спросил: «С кем ты спал?» Ему и так хватало забот, чтобы еще и волноваться о том, с кем спит его сын. Слава Богу, Младшего не было среди тех, кто занимался этим делом с той отвратительной шлюхой в трейлере на Моттон-роуд. Заниматься этим делом с такими девками — верный способ подцепить что-нибудь и заболеть.

Он уже болен, прозвучал голос в голове Большого Джима. Возможно, затихающий голос жены. Достаточно взглянуть на него.

Голос, вероятно, говорил правду, но в это утро Большого Джима занимали более серьезные проблемы, чем самочувствие сына.

— Я не говорю — ложись спать. Я хочу, чтобы ты поехал по городу и сделал для меня одну работенку. Просто при этом держись подальше от «Мира еды». Я думаю, там будет заварушка.

Глаза Младшего вспыхнули.

— Какая заварушка?

Большой Джим ушел от прямого ответа:

— Ты сможешь найти Сэма Вердро?

— Конечно. Сейчас он в своей маленькой лачуге на Год-Крик-роуд. Обычно утром он отсыпается, но сегодня, наверное, бьется в судорогах. — Младший засмеялся, представив себе эту картину, потом скривился от боли и вновь принялся потирать висок. — Ты действительно думаешь, что именно мне следует с ним поговорить? В настоящий момент я у него не в фаворе. Наверное, он даже удалил меня со своей страницы в «Фейсбуке».

— Не понимаю.

— Это шутка, папа. Забудь.

— Как, по-твоему, его отношение к тебе изменится к лучшему, если ты предложишь ему три кварты виски? И еще больше, если он справится с

полученным делом?

— Эта старая гнида будет целовать мне руки, если я предложу ему полстакана двухбаксовки.^[121]

— Виски ты сможешь взять в «Брауне». Помимо дешевой бакалеи и порнографических журналов, в «Брауне» продавали и спиртное: магазин имел лицензию на торговлю алкогольными напитками. В Милле таких магазинов насчитывалось три, и в полицейском участке хранились ключи от всех. Большой Джим положил ключ на стол: — От двери черного хода. Постарайся, чтобы никто тебя не видел.

— И что Сэм Бухло должен сделать за спиртное?

Большой Джим объяснил. Младший слушал с бесстрастным лицом, если не считать налитых кровью глаз, которые танцевали.

Он задал только один вопрос:

— Думаешь, сработает?

Большой Джим кивнул:

— Обязательно. Есть у меня *такое чувство*.

Младший откусил еще один кусок колбаски, запил колой.

— У меня тоже, папа. У меня тоже.

После ухода Младшего Большой Джим в раздувающемся за спиной халате прошел в кабинет. Достал из среднего ящика стола мобильник, где тот почти всегда и находился. Большой Джим полагал, что мобильники — творения дьявола, способствующие пустопорожним разговорам: сколько часов рабочего времени благодаря им ушли зазря? Не говоря уже о вредном излучении, которым они воздействуют на твою голову, пока ты болтаешь ни о чем.

Однако мобильники могли приносить и пользу. Он знал, что Сэм Вердро в точности выполнит указания Младшего, но знал и другое: не подстраховываться — глупо.

Набрал номер в «тайной» телефонной книге, которая открывалась при наборе цифрового кода. И только после пяти или шести гудков в трубке рявкнул голос отца великого множества Кильянов:

— Чего?

Большой Джим поморщился и на секунду оторвал мобильник от уха. Когда приставил снова, услышал приглушенное кудахтанье.

— Ты в курятнике, Родж?

— Э... да, сэр, Большой Джим. Конечно. Кур надо кормить, несмотря на ад или потоп. — Раздражение в голосе сменилось уважением. И Роджер Кильян не имел права говорить с ним иначе. Большой Джим сделал его трехнатым миллионером. А если тот не мог насладиться жизнью, лишенной финансовых тревог, и по-прежнему вставал на заре, чтобы накормить кур, значит, такова воля Божья. Роджер был слишком тупым, чтобы остановиться. Таким уж создали его Небеса, и сегодня тупость Кильяна могла сослужить Большому Джиму добрую службу.

И городу. Я делаю это ради города. На благо города.

— Роджер, у меня есть работа для тебя и трех твоих старших сыновей.

— Дома только двое. Рики и Рэндолл здесь, но Роланд поехал в Оксфорд за едой, когда возник этот Христов Купол. — Он замолчал, думая о том, что сказал. В трубке слышалось кудахтанье кур. — Извините за богохульство.

— Я уверен, Бог тебя простит, — заверил его Джим. — Тогда, значит, для тебя и двух твоих старших сыновей. Сможете вы приехать в город к... — Большой Джим прикинул, когда именно. Много времени на это не ушло. Когда тебя ведет *шестое чувство*, решения обычно находятся

сразу. — В девять утра, самое позднее в девять пятнадцать.

— Мне придется их разбудить. Что мы будем делать? Нам надо захватить с собой чуток пропа...

— Нет, — оборвал его Большой Джим, — и никому об этом не говори. Бог любит тебя. А теперь слушай.

Большой Джим говорил.

Роджер Кильян, которого любил Бог, слушал.

Под кудахтанье восьмисот кур, клюющих сдобренное стероидами зерно.

— *Что? Что? Почему?*

Джек Кейл сидел за столом в крошечном кабинете управляющего «Мира еды». На столе лежали листы инвентарной описи, которые он и Эрни Кэлверт закончили заполнять в час ночи. Их надежды уложиться до полуночи похоронил метеорный дождь. Теперь Джек сгреб в охапку толстую пачку этих длинных листов из блокнота, заполненных от руки, и потряс перед Рэндолфом, который стоял в дверях. Новый начальник полиции вырядился как на парад.

— Посмотри на это, Пит, прежде чем сделаешь какую-нибудь глупость.

— Извини, Джек, магазин закрыт. Он откроется в четверг уже как раздаточный склад. Все будет выдаваться поровну. Мы будем вести точный учет, так что владельцы супермаркета не потеряют ни цента. Я обещаю тебе...

— Не в этом дело! — Джек чуть не стонал. Тридцати с небольшим лет, с детским лицом, свободной рукой он дергал огненно рыжие, жесткие выющиеся волосы, а другой протягивал Питу Рэндолфу длинные листы, которые тот не собирался брать.

В кабинет вошел Эрни Кэлверт, который поднялся из расположенного в подвале склада. С большим животом, краснолицый, с коротко стриженными седыми волосами. Этой прическе он отдавал предпочтение всю жизнь. Поверх одежды Эрни надел зеленый фартук с логотипом «Мира еды».

— Он хочет закрыть супермаркет! — воскликнул Джек.

— Почему, скажи на милость, ты этого хочешь, если продуктов предостаточно? — сердито спросил Эрни. — Зачем тебе пугать людей? Им еще будет чего пугаться, если так пойдет и дальше. Чья это тупая идея?

— Члены управления проголосовали. И если ты не согласен с этим планом, можешь высказать свои возражения на чрезвычайном городском собрании в четверг вечером. Если, разумеется, к тому времени все не закончится.

— Каким планом?! — прокричал Эрни. — Ты хочешь сказать, что и Андреа Гриннел проголосовала за такое безобразие? Она-то понимает, к чему это может привести.

— Насколько мне известно, у нее грипп. Лежит дома пластом. Так что

решал Энди. Большой Джим его решение поддержал. — Никто не говорил Рэндолфу, что отвечать надо именно так; не было в этом необходимости. Он хорошо знал тактику Большого Джима при ведении городских дел.

— Нормирование в какой-то момент может стать необходимостью, — заметил Джек, — но почему сейчас? — Он вновь потряс исписанными листами, его щеки цветом сравнялись с волосами. — Почему, если у нас по-прежнему так много всего?

— Сейчас лучшее время для того, чтобы начать экономить, — пояснил Рэндолф.

— Умные слова, произнесенные человеком, у которого моторная лодка на озере Сибаго и дом на колесах «Уиннибейго-Вектра» во дворе.

— Не говоря уже о «хаммере» Большого Джима, — поддакнул Эрни.

— Достаточно, — отчеканил Рэндолф. — Члены городского управления решили...

— Двое решили, — поправил его Джек.

— Ты хочешь сказать — один из них, — уточнил Эрни, — и мы знаем кто.

— ...и я сообщаю вам об этом решении, так что говорить не о чем. Вывесите на дверях объявление: «СУПЕРМАРКЕТ ЗАКРЫТ. ОБ ОТКРЫТИИ СООБЩИМ ДОПОЛНИТЕЛЬНО».

— Пит, послушай, прояви благоразумие. — Эрни больше вроде бы и не злился, теперь он чуть ли не умолял. — Такое объявление чертовски перепугает людей. Если уж ты настаиваешь, как насчет того, если я напишу: «МЫ ЗАКРЫТЫ НА ИНВЕНТАРИЗАЦИЮ, СКОРО ОТКРОЕМСЯ»? Может, добавлю: «ИЗВИНИТЕ ЗА ВРЕМЕННЫЕ НЕУДОБСТВА». «Временные» выделю красным или что-то в этом роде.

Питер Рэндолф медленно и значимо покачал головой:

— Не могу позволить тебе этого, Эрн. Не смог бы позволить, будь ты таким же сотрудником супермаркета, как он. — Рэндолф указал на Кейла, который положил листы на стол, чтобы терзать волосы обеими руками. — «Закрыто до последующего уведомления», так сказали мне члены городского управления, и я выполняю их приказы. А кроме того, ложь обязательно тебе же и аукнется.

— Да уж, Герцог Перкинс предложил бы им взять этот конкретный приказ и подтереться им, — фыркнул Эрни. — Стыдно, Пит, смотреть в рот этому жирному говнюку. Он скажет: прыгай, так ты спросишь, как высоко.

— Для вас будет лучше, если вы закроетесь прямо сейчас. — Рэндолф наставил на Эрни чуть трясущийся палец. — А ты, если не хочешь остаток дня провести в камере по обвинению в неуважении, заткнись и выполняй

приказ. Это кризисная ситуация и...

Эрни изумленно переминался с ноги на ногу.

— Обвинение в неуважении? Нет такого обвинения!

— Теперь есть. Если не веришь, продолжай свое и увидишь, что из этого выйдет.

Позже — слишком поздно, чтобы принести хоть какую-то пользу, — Джулия Шамуэй по крупицам соберет всю информацию о том, как начался бунт у «Мира еды», хотя у нее не будет ни единого шанса опубликовать этот материал. Если б даже она и смогла, получилась бы чисто газетная статья с ответами на шесть основных вопросов: кто участвовал, что, где, когда, почему и каким образом все произошло? А если б ее попросили написать об эмоциональной подоплеке случившегося, у нее бы не вышло. Как объяснить, что люди, которых она знала всю жизнь, люди, которых уважала, которых любила, превратились в толпу? Джулия говорила себе: *Я смогла бы все понять, если б находилась там с первых мгновений и видела, как все началось.* Но это всего лишь отговорка, Джулия была не готова встать лицом к лицу с безрассудным, неуправляемым чудовищем, которое может появиться, если спровоцировать испуганных людей. Она видела таких чудовищ в новостных телевизионных выпусках, обычно в далеких странах, и никак не ожидала, что столкнется с ним в родном городе.

А ведь появление такого чудовища не было неизбежным. Эта мысль вновь и вновь приходила Джулии в голову. Всего семьдесят часов прошло с того момента, как Честерс-Милл отрезало от окружающего мира, всего, что ни назови, хватало, за исключением сжиженного пропана, запасы которого таинственным образом куда-то подевались.

Потом она скажет: «Именно в этот момент город наконец-то осознал, что происходит». Наверное, вывод Джулии отчасти соответствовал действительности, но полностью ее не устроил. С полной определенностью Шамуэй могла сказать (и сказала себе) только одно: она наблюдала, как ее город сходит с ума, и после этого ей уже никогда не стать прежней Джулией.

Первыми объявление видят Джина Буффалино и ее подруга Гарриет Бигелоу. Обе девушки в белой униформе медсестер (идея принадлежала Джинни Томлинсон; она полагала, что белая униформа успокаивала пациентов лучше, чем полосатая) и выглядят такими милашками. Также они выглядят усталыми, несмотря на свойственное молодости умение восстанавливать силы. За их плечами остались два тяжелых дня, впереди — еще один, а выспаться им не удалось. Они пришли, чтобы купить шоколадные батончики, — для всех пациентов, кроме бедного диабетика Джимми Сируа, — и девушки говорят о метеорном дожде. Разговор обрывается, когда они видят объявление на двери.

— Магазин не может закрыться, — не верит своим глазам Джина. — Сегодня вторник. — Она прижимается лицом к стеклу, руками отсекает яркий утренний свет, чтобы посмотреть, что происходит внутри.

Пока она этим занимается, прибывает Энсон Уилер в маленьком автофургоне. Рядом с ним на пассажирском сиденье находится Роуз Твитчел. В «Эглантерии» обслуживать последних посетителей они оставили одного Барби: завтрак подходил к концу. Роуз выскакивает из кабины автофургона еще до того, как Энсон заглушает двигатель. Список покупок у нее длинный, и она хочет купить все, что сможет, и побыстрее. Потом замечает объявление о закрытии.

— Какого черта?! Я виделась с Джеком Кейлом вчера вечером, и он ничего такого не говорил.

Обращается она к Энсону, который идет следом, но отвечает ей Джина Буффалино:

— Внутри по-прежнему всего полно. Все полки заставлены.

Подъезжают другие люди. Супермаркет должен открыться через пять минут, и Роуз — не единственная, кто решил начать день с покупок. Люди проснулись по всему городу, увидели, что Купол на месте, и приехали, чтобы пополнить домашние запасы. Если бы Роуз спросили, почему многие изменили привычный распорядок дня, она бы ответила: «Такое случается всякий раз, когда синоптики выдают штормовое предупреждение или сообщают о надвигающемся буране. Сандерс и Ренни не могли выбрать худшего дня, чтобы сыграть в свою грязную игру».

Среди тех, кто приехал пораньше, Второй и Четвертый патрульные автомобили полицейского участка Честерс-Милла. Тут же подкатил и

Френк Дилессепс на своей «нове» (наклейку «ЗАДНИЦА, БЕНЗИН ИЛИ ТРАВКА — НА ХАЛЯВУ НЕ ПОДВОЖУ» он с бампера соскоблил, чувствуя, что для полицейского это перебор). Картер и Джорджия — во Втором, Мел Сирлс и Фредди Дентон — в Четвертом. Они припарковались на улице, около Maison des Fleurs^[122] Леклерка, выполняя приказ чифа Рэндолфа. «Не надо приходить туда слишком рано, — инструктировал их Рэндолф. — Подождите, пока на парковку не съедутся с десятков автомобилей. Возможно, люди прочитают объявление и разъедутся по домам». Этого, разумеется, не происходит, и Большой Джим прекрасно знал, что не произойдет. А появление полицейских, особенно таких молодых и по большей части таких грубых, только разжигает страсти, вместо того чтобы их успокоить.

Роуз накидывается на них первой. Целью для атаки выбирает Фредди, показывает ему длинный список всего, что надо купить, тычет пальцем в окно, за которым на полках выложены практически все товары, за которыми она приехала.

Фредди поначалу вежлив, отдавая себе отчет, что люди (не совсем толпа, пока еще не толпа) наблюдают, но так трудно сдерживаться, когда тебя тюкают и тюкают. Разве Роуз не понимает, что он всего лишь выполняет приказ?

— И кто, по-твоему, кормит этот город, Фред? — спрашивает Роуз. Энсон кладет руку ей на плечо. Роуз ее стряхивает. Она знает, что Фред видит ярость на месте глубокой печали, которую Роуз испытывает, но ничего не может с этим поделать. — Ты думаешь, грузовик «сиско», набитый продуктами, спустится с неба на парашюте?

— Мэм...

— Ты это прекрати! С каких пор я стала для тебя «мэм»? Ты двадцать лет четыре или пять дней в неделю ешь в моем заведении пирожки с черникой и отвратительный непрожаренный бекон, который тебе так нравится, и всегда называл меня Роуз. Но завтра ты есть пирожки не будешь, если я не куплю муку, и разрыхлитель теста, и сироп, и... — Она замолкает. — Наконец-то! Кто-то внял голосу разума. Слава Тебе, Господи!

Джек Кейл открывает половинку одной из двух двустворчатых дверей. Мел и Френк тут же встают перед ней. Потенциальные покупатели — их уже почти два десятка, хотя до открытия магазина (девять утра) еще минута — придвигаются, но останавливаются, когда Джек достает ключ и запирает дверь. Слышится общий стон.

— Какого черта ты это делаешь?! — негодуяще вопрошает Билл Уикер. — Жена послала меня за яйцами.

— С этим к членам городского управления и чифу Рэндолфу, — отвечает Джек. Его волосы торчат во все стороны. Он бросает мрачный взгляд на Френка Дилессепса и еще более мрачный на Мела Сирлса, который безуспешно пытается подавить улыбку, разве что не смеется своим знаменитым «няк-няк-няк». — Я знаю, что теперь случится. Но я сыт по горло всем этим дерьмом. С меня хватит. — Он продирается сквозь толпу, опустив голову, и его щеки пылают ярче волос. Лиссе Джеймисон, только что подъехавшей на велосипеде (все, что ей необходимо, может уместиться в корзинке для молочных бутылок, закрепленной над задним крылом), приходится отступить в сторону, чтобы разминуться с ним.

Картер, Джорджия и Фредди стоят перед большим окном. В обычные дни Джек ставил там тачки и мешки с удобрениями. Пальцы Картера обмотаны пластырем, под рубашкой более плотная повязка. Фредди держит руку на рукоятке пистолета. Роуз продолжает честить его, и Картеру хочется вклеить ей оплеуху. Пальцы в порядке, но плечо чертовски болит. Маленькая толпа покупателей становится большой по мере того, как все новые автомобили сворачивают на стоянку.

Но прежде чем патрульный Тибодо успевает оценить размеры толпы, в его личном пространстве возникает Олден Динсмор. Олден осунулся и, похоже, потерял добрых двадцать фунтов после гибели сына. На рукаве черная траурная повязка, и он мало что соображает.

— Мне надо в магазин, сынок. Жена послала меня за консервами.

Олден не говорит, за какими именно. Возможно, за всем, что консервируют. А может, он просто думал о пустующей кровати на втором этаже, которая теперь навсегда останется пустой, о постере группы «Фу файтерс», на который больше никто не глянет, о модели самолета на столе, которую уже некому собрать до конца, и забыл внести уточнение.

— Извините, мистер Диммерсдейл, — говорит Картер. — Вы не можете туда войти.

— Я — Динсмор, — отсутствующим голосом поправляет его Олден. Идет к дверям.

Они закрыты, он никакие сможет войти, но Картер все равно с силой отталкивает фермера. Впервые у Тибодо возникает сочувствие к учителям, которые оставляли его после уроков. Это так раздражает, если тебя не слушают.

Опять же погода жаркая и плечо болит, несмотря на две таблетки перкосета, которые дала ему мать. Семьдесят пять градусов в девять утра в конце октября — редкий случай, и блекло-синий цвет неба говорит о том, что к полудню станет жарче, а к трем часам дня еще жарче.

Олден спиной врезается в Джину Буффалино, и оба упали бы, но Петра Сирлс — она не из легкой весовой категории — успевает удержать их на ногах. Олден не злится, на лице отражается лишь недоумение.

— Жена послала меня за консервами, — объясняет он Петре.

Собравшиеся откликаются ропотом. В нем еще не слышится злости — пока не слышится. Они приехали за продуктами, и продуктов достаточно, но дверь заперта. А теперь мужчину толкнул парень-недоучка, который не смог закончить старшую школу, а на прошлой неделе еще работал автомехаником.

Джина смотрит на Картера, Мела и Френка Дилессепса, и глаза у нее раскрываются все шире. Она указывает на них пальцем.

— Эти парни изнасиловали ее! — говорит она своей подруге Гарриет, не понижая голоса. — Это те самые парни, которые изнасиловали Сэмми Буши!

Улыбка исчезает с лица Мела. И желание понянчить разом пропадает.

— Заткнись! — выкрикивает он.

В это время на пикапе «шевроле» прибывают Рики и Рэндолл Кильяны. Сэм Вердро чуть-чуть отстаёт, но он, разумеется, добирался до супермаркета на своих двоих: водительского удостоверения его пожизненно лишили ещё в 2007 году.

Джина отступает на шаг, не отрывая от Мела широко раскрытых глаз. Стоящий рядом с ней Олден Динсмор напоминает фермера-робота с севшим аккумулятором.

— И эти парни теперь полиция? — бормочет он. — При-вет!

— История об изнасиловании — ложь шлюхи, — говорит Френк. — И тебе лучше замолчать, если ты не хочешь, чтобы тебя арестовали за нарушение порядка.

— Чертовски верно! — восклицает Джорджия.

Она уже придвинулась к Картеру. Он её игнорирует. Оглядывает толпу. И теперь это толпа. Если пятьдесят человек образуют толпу, то она перед ним. И прибывают все новые люди. Картер сожалеет, что у него нет оружия. Не нравится ему враждебность окружающих.

Велма Уинтер, которая управляет «Брауном» (или управляла, пока магазин не закрылся), прибывает с Томми и Уиллоу Андерсонами. Велма — женщина крепкая, причёска у неё, как у Бобби Дарина,^[123] и выглядит она королевой-воительницей Лесбиянии. Но Велма похоронила двух мужей, и за базарным столом в «Эглантерии» можно услышать историю о том, что она затрахала их до смерти и по средам ищет третьего в

«Дипперсе». Там еженедельно проводятся Вечера караоке округа, на которые приходят люди постарше. Теперь она встает перед Картером, уперев руки в мощные бедра.

— Закрыто, значит? — спрашивает Велма деловым тоном. — Покажи бумагу.

Картер в замешательстве, а замешательство вызывает у него злость.

— Отвали, сука! Не нужны мне никакие бумаги. Нас прислал сюда чиф. Члены городского управления отдали приказ. Здесь будет распределительный склад.

— Нормирование? Это ты хочешь сказать? — Она фыркает. — Не в моем городе. — Протискивается между Мелом и Френком и начинает молотить в дверь: — Открывайте! Открывайте немедленно!

— Никого нет дома, — говорит Френк. — Так что вам лучше прекратить.

Но Эрни Кэлверт не ушел. Он идет по проходу между стеллажами с мукой, макаронами, сахаром. Велма видит его и молотит сильнее:

— Открывай, Эрни! Открывай!

— Открывай! — поддерживают голоса из толпы.

Френк смотрит на Мела и кивает. Вдвоем они хватают Велму и оттаскивают ее двести фунтов от двери. Джорджия Ру поворачивается и машет Эрни рукой: мол, уходи. Эрни не уходит. Застывает как столб.

— Открывай! — орет Велма. — Открывай! Открывай!

Томми и Уиллоу присоединяются к ней. И Билл Уикер, почтальон. И Лисса. Ее лицо горит — всю жизнь она мечтала поучаствовать в такой спонтанной акции протеста и теперь не желает упустить своего шанса. Лисса поднимает руку со сжатыми в кулак пальцами и начинает ритмично ею трясти, два раза чуть-чуть, один раз — с большой амплитудой. Остальные подхватывают заданный Лиссой ритм. «Открывай» превращается в «От-кры-ВАЙ! От-кры-ВАЙ!». Теперь все трясут кулаками в ритме два-один, семьдесят человек, может, восемьдесят, а на стоянку сворачивают и сворачивают автомобили. Тонкая линия синих перед супермаркетом выглядит все тоньше. Четверо молодых копов смотрят на Фредди Дентона в надежде, что он подскажет им, как вести себя в такой ситуации, но никаких идей у Фредди нет.

У него, однако, есть пистолет. *Тебе лучше побыстрее выстрелить в воздух, Лысый, думает Картер, а не то эти люди нас растопчут.*

Еще двое полицейских, Руперт Либби и Тоби Уилен, подъезжают по Главной улице со стороны полицейского участка (где пили кофе и смотрели Си-эн-эн). Они обгоняют Джулию, которая трусцой бежит к супермаркету,

с фотоаппаратом на плече.

Джекки Уэттингтон и Генри Моррисон тоже направляются к «Миру еды», когда оживает рация Генри. Это чиф Рэндолф. Он говорит, что они, Генри и Джекки, должны оставаться у «Бензина и бакалеи».

— Но мы слышим... — начинает Генри.

— Это приказ! — обрывает его Рэндолф, не добавляя, что приказ он только передает, а исходит тот из более высоких инстанций.

— От-кры-ВАЙ! От-кры-ВАЙ! От-кры-ВАЙ! — Толпа трясет кулаками в теплом воздухе. Еще испуганная, но уже и возбужденная, входящая в раж. Окажись тут Шеф, он сразу признал бы в них компанию наркоманов, только начавших приобщаться к метамфетамину, и указал бы, что для полноты картины не хватает только музыки «Грейтфул дэд».

Братья Кильян и Сэм Вердро продираются сквозь толпу. Тоже скандируют — не потому, что не хотят выделяться, просто захватывает настрой готовой к бунту толпы, — но не трясут кулаками, они же на работе. Никто не обращает на них особого внимания. Потом их вспомнят лишь несколько человек.

Медсестра Джинни Томлинсон тоже пробирается сквозь толпу. Ей нужно сказать девушкам, что они нужны в «Кэтрин Рассел». Там новые пациенты, одна женщина в тяжелом состоянии. Это Ванда Крамли из Истчестера. Крамли живут рядом с Эвансами, у самой административной границы с Моттоном. Этим утром Ванда пошла к соседям, чтобы провести Джека, и обнаружила его мертвым в двадцати футах от того места, где Купол отрезал руку Майре Эванс. Джек лежал на земле, бутылка — рядом с ним, и тут же на траве подсыхали его мозги. Ванда побежала к своему дому, выкрикивая имя мужа, и упала в его объятия с инфарктом. Уэнделлу Крамли еще повезло, что он не разбил свой маленький универсал «субару» по пути в больницу: большую часть пути проехал на скорости восемьдесят миль в час. Сейчас больной занимался Расти, но Джинни не думала, что Ванда — пятидесятилетняя, грузная, смолящая сигарету за сигаретой — выживет.

— Девочки, — говорит им она, — вы нужны нам в больнице.

— Это они, миссис Томлинсон! — кричит Джина. Ей приходится кричать, чтобы перекрыть шум скандирующей толпы. Она указывает на копов и начинает плакать — отчасти от страха и усталости, по большей части от ярости. — Это они изнасиловали ее!

На этот раз Джинни отрывает взгляд от белых униформ и осознает, что Джина права. Джинни не обладает легендарной вспыльчивостью Пайпер Либби, но она и не холодная лягушка, и есть повышающий градус фактор:

в отличие от преподобной она видела Сэмми без штанов. Ее распухшее и порванное влагалище, огромные синяки на бедрах, которые открылись глазам Джинни после того, как она смыла кровь. Так много крови.

Джинни забывает о том, что девушки нужны в больнице. Забывает о том, чтобы увести их из этого взрывоопасного места. Она даже забывает о Ванде Крамли, которую привезли в больницу с инфарктом. Большими шагами идет вперед, по пути кого-то отталкивает (Брюса Ярдли, кассира-упаковщика, который трясет кулаком, как и остальные). Она направляется к Мелу и Френку. Те не видят ее приближения, смотрят на становящуюся все более враждебной толпу.

Джинни поднимает обе руки, и на мгновение напоминает плохиша, сдающего шерифу. Потом ее руки вновь приходят в движение, и она одновременно отвешивает молодым людям по оплеухе.

— Мерзавцы! — кричит она. — Как вы могли? Как вы могли вести себя так позорно? Так мерзко! За это вы сядете в тюрьму, вы...

Мел не думает, просто реагирует. Бьет Джинни в лицо, разбивает очки и нос. Она отшатывается, залитая кровью, кричит. Старомодная медсестринская шапочка, выскочив из шпилек, которые удерживали ее, падает с головы. Брюс Ярдли, молодой кассир, пытается поймать шапочку, но промахивается. Джинни ударяется о ряд тележек для покупок, вставленных друг в друга. Они откатываются, как маленький поезд. Джинни падает на руки и колени, крича от боли и шока. Яркие капли крови из ее носа (не сломанного, но заметно изменившего форму) капают на большие желтые буквы надписи на асфальте «ПАРКОВКА ЗАПРЕЩЕНА».

Толпа временно замолкает, Джина и Гарриет бегут к упавшей Джинни.

И тут тишину пререзает голос Лиссы Джеймисон, чистое, идеальное сопрано:

— *Ублюдочные свиньи!*

Именно тогда и полетели камни. Первого камнеметателя так и не определили. Возможно, только это правонарушение Сэма Вердро по прозвищу Бухло осталось безнаказанным.

Младший подвез его до центра города, и Сэм, перед мысленным взором которого плясали бутылки виски, зашагал по левому берегу Престил-Стрим, подыскивая подходящий камень. Большой, но не очень, иначе он не смог бы бросить его с надлежащей точностью, хотя в свое время — иногда казалось, лет сто назад — выходил на поле питчером в стартовом составе «Диких котов» в первой игре чемпионата штата Мэн. Наконец камень он нашел, неподалеку от моста Мира: весом в фунт, может, в полтора, гладкий, как утиное яйцо.

«И вот что еще», — сказал Младший, высаживая Сэма Бухло из автомобиля. Идея принадлежала не Младшему, но он не стал говорить Сэму, от кого она исходила, точно так же, как и чиф Рэндолф не сказал Уэттингтон и Моррисону, кто приказал оставить их у «Бензина и бакалеи». Это аполитично.

«Целься в девку, — вот что напоследок сказал Младший Сэму Бухло перед тем, как уехать. — Она того заслуживает, так что не промахнись».

И когда Джина и Гарриет, обе в белой униформе, падают на колени рядом с рыдающей, окровавленной, сертифицированной медсестрой, которая тоже стоит на коленях, упираясь руками в землю (внимание остальных сосредоточено на них), Сэм размахивается, совсем как в тот давно ушедший день 1970 года, камень летит... и вот он, первый страйк за более чем сорок лет.

Страйк не только в одном смысле этого слова. Кусок гранита с блестками кварца попадает Джорджии Ру точно в рот, ломает челюсть в пяти местах и выбивает все, кроме четырех, зубы. Ее отбрасывает к витрине, челюсть отвисает чуть ли не до груди, из раззявленного рта хлещет кровь.

Мгновением позже летят еще два камня, один — от Рики Кильяна, второй — от Рэндолла. Камень Рики попадает в затылок Билла Оллната и укладывает уборщика на землю, неподалеку от Джинни Томлинсон. *Дерьмо!* — досадует Рики. *Мне же следовало попасть в гребаного копа!* И дело не только в полученном приказе. Ему самому всегда хотелось того же.

У Рэндолла с прицелом получше. Его камень попадает Мелу Сирлсу в лоб. Тот валится как подкошенный.

Короткая пауза — все словно набирают в грудь воздух. Представьте себе автомобиль, катящийся на двух колесах и будто решающий, перевернуться ему или нет. Посмотрите на Роуз Твитчел, оглядывающуюся, недоумевающую, не очень-то понимающую, что происходит, не знающую, как поступить. Посмотрите на Энсона, обнимающего ее за талию. Послушайте крики Джорджии Ру, которые вырываются из ее раскuroченного рта; странным образом крики эти напоминают звуки, которые издает ветер, играющий на лосиной дудке — консервной банке без доньшек, внутри которой натянута воцелная веревка. И пока она кричит, кровь льется из рассеченного языка.

Посмотрите на подкрепления. Первыми прибывают Тоби Уилен и Руперт Либби (он двоюродный брат Пайпер, но она не гордится таким родством). Они оглядывают толпу... и пятятся назад, не предпринимая попытки занять позицию между ней и супермаркетом. Следом появляется

Линда Эверетт. Она патрулировала улицы на ногах в паре с Марти Арсено, который, как и Линда, служил неполный рабочий день. Марти пыхтит, отставая на шаг-другой. Когда Линда пытается вклиниться в толпу, Марти — этим утром он даже не надел форму, поднялся с постели и натянул старые джинсы — хватает ее за плечо. Линда почти что вырывается, потом вспоминает о дочерях. Стыдясь собственной трусости, позволяет Марти отвести ее к тому месту, где Руп и Уилен наблюдают за развитием событий. Из этой четверки оружие сейчас только у Рупа, но будет ли он стрелять? Конечно же, нет. Он видит в толпе жену, которая держит за руку мать (тещу бы Руп пристрелил).

Посмотрите на Джулию, которая едва не догнала Линду и Марти. Она тяжело дышит, но уже хватается за фотоаппарат. Даже роняет крышку, которую сняла с объектива, так торопится начать съемку. Посмотрите на Френка Дилессепса, который опускается на колено рядом с Мелом и благодаря этому уворачивается от еще одного камня, который пролетает у него над головой и пробивает дыру в одной из двустворчатых дверей супермаркета.

Потом...

Потом кто-то кричит. Кто именно, выяснить так и не удалось. Даже с полом кричащего не определились, хотя большинство склонялось к тому, что кричала женщина, а Роуз потом скажет Энсону, что, по ее убеждению, кричала Лисса Джеймисон.

— Бей их!

Кто-то еще кричит: «Продукты!» — и толпа подается вперед.

Фредди Дентон стреляет один раз, в воздух. Потом опускает пистолет и в охватившей его панике едва не разряжает в толпу. Но прежде чем успевает это сделать, кто-то вырывает пистолет из его руки. Фредди падает, крича от боли, а потом мысок большого старого фермерского сапога — Олдена Динсмора — ударяет ему в висок. Полностью патрульный Дентон не отключается, но свет меркнет у него перед глазами, и к тому времени, когда он окончательно приходит в себя, Великий продовольственный бунт уже завершен.

Кровь проступает сквозь повязку на плече Картера Тибодо, и красные розочки расцветают на его синей рубашке, но он — во всяком случае, какое-то время — боли не чувствует. Картер не пытается бежать. Широко расставляет ноги и укладывает на землю первого, кто оказывается в непосредственной близости от него. Это Чарльз Норман по прозвищу Коротышка, которому принадлежит антикварный магазин на шоссе номер 117, расположенный у самой административной границы города.

Коротышка падает, зажимая руками рот, из которого льется кровь.

— Назад, говнюки! — кричит Картер. — Назад, сучьи дети! Никакого грабежа! Назад!

Марта Эдмундс, которая сидит с дочерьми Расти и Линды, наклоняется, пытаюсь помочь Коротышке, и за свои старания получает удар кулаком по скуле от Френка Дилессепса. Она отшатывается, держась за скулу, в изумлении смотрит на молодого парня, который только что ударил ее... а потом оказывается на Коротышке: ее сбивает с ног нахлынувшая волна несостоявшихся покупателей.

Картер и Френк пускают в ход кулаки, но успевают нанести только три удара на двоих, прежде чем их отвлекает жуткий, завывающий крик. Рвется он из груди городского библиотекаря, волосы развеваются вокруг ее обычно спокойного лица. Она толкает перед собой вставленные друг в друга тележки для покупок и скорее всего кричит: «Банзай!» Френк успевает отпрыгнуть, и тележки врезаются в Картера, отбрасывая его в сторону. Он машет руками, пытаюсь сохранить равновесие, и, наверное, ему бы это удалось, если б не ноги Джорджии. Споткнувшись о них, Картер падает на спину, и его топчут. Он переворачивается на живот, закрывает голову руками и ждет, когда все закончится.

Джулия Шамуэй снимает, снимает, снимает. Возможно, на фотографиях проявятся лица, которые она знает, но в видеоискателе Джулия видит только незнакомцев. Толпу.

Руп Либби достает пистолет и четырежды стреляет в небо. Выстрелы раскатываются по теплему воздуху, шумные и помпезные, череда звуковых восклицательных знаков. Тоби Уилен ныряет в патрульный автомобиль, ударяется головой, фуражка сваливается (с надписью желтыми буквами «ПАТРУЛЬНЫЙ ЧЕСТЕРС-МИЛЛА» над козырьком). Он хватает с заднего сиденья мегафон, подносит ко рту и кричит:

— ПРЕКРАТИТЕ ЭТО ДЕЛАТЬ! ОТОЙДИТЕ! ПОЛИЦИЯ! ПРЕКРАТИТЕ, ЭТО ПРИКАЗ!

Джулия фотографирует его.

Толпа не обращает внимания ни на выстрелы, ни на усиленный мегафоном голос. Не обращает она внимания и на Эрни Кэлверта, выбегающего из-за угла здания. Он по-прежнему в зеленом фартуке, который обтягивает то одно, то другое колено.

— Идите к служебному входу! — кричит Эрни. — Вам нет нужды это делать! Я открыл служебный вход!

Толпа намерена сломать все преграды и войти. Люди бьются о двери с надписями «ВХОД», «ВЫХОД», «КАЖДЫЙ ДЕНЬ НИЗКИЕ ЦЕНЫ».

Двери поначалу не поддаются, потом замки не выдерживают напора толпы. Первые — их вдавливают в двери — получают тяжелые травмы: у двоих сломаны ребра, у одного растяжение мышц шеи, еще двое отделяются переломом руки.

Тоби Уилен вновь собирается поднести мегафон к губам, потом очень осторожно кладет его на капот автомобиля, на котором они с Рупом приехали. Поднимает фуражку с надписью «ПАТРУЛЬНЫЙ», отряхивает от пыли, надевает. Он и Руп направляются к магазину, останавливаются, понимая, что ничего не смогут сделать. К ним присоединяются Линда и Марти Арсено. Линда видит Марту и подводит ее к горстке копов.

— Что случилось? — спрашивает Марта. Она еще не пришла в себя. — Кто-то меня ударил? Половина лица горит. Кто с Джуди и Джанель?

— Сегодня утром их взяла твоя сестра. — Линда обнимает ее. — Не волнуйся.

— Кора?

— Уэнди.

Кора, старшая сестра Марты, давно уже живет в Сиэтле. Линда задается вопросом: а не получила ли Марта сотрясения мозга? Она думает, что хорошо бы показать ее доктору Хаскелу, потом вспоминает, что тот или в морге больницы, или в «Похоронном бюро Боуи». Расти теперь все должен делать сам, и сегодня он будет очень занят.

Картер буквально тащит на себе Джорджию к патрульному автомобилю номер Два. Она по-прежнему издает эти жуткие лосинодудочные крики. Мел Сирлс очнулся, но еще ничего не соображает. Френки ведет его к Линде, Марти, Тоби и другим полицейским. Из рваной раны на лбу льется кровь, рубашка мокрая.

Толпа вливается в супермаркет. Люди разбегаются по проходам, толкая перед собой тележки или хватая корзины, которые стоят рядом со стендом, где выложены брикеты древесного угля (рекламный слоган: «УСТРОЙ СЕБЕ ОСЕННИЙ ПИКНИК»). Мануэль Ортега, наемный рабочий Динсмора, и его близкий друг Дейв Дуглас прямиком бегут к кассовым аппаратам и начинают нажимать кнопки «НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ», хватают деньги, рассовывают по карманам, хохочут, как безумные. Супермаркет набит людьми, это день распродажи. В отделе замороженных продуктов две женщины дерутся из-за последнего лимонного торта «Пепперидж фарм». В отделе деликатесов какой-то мужчина легонько стучает другого батоном колбасы и говорит, что надо бы оставить немного нарезки другим. Покупатель нарезки поворачивается и отвешивает тумака любителю

колбасы. Скоро они катаются по полу, мутузя друг друга.

Вспыхивают еще драки. Рэнс Конрой, владелец и единственный сотрудник «Конройс Уэстерн Мэн электрик сервис энд сэпплейс» («Улыбки — наша специальность»), бьет кулаком Брендана Эллерби, вышедшего на пенсию преподавателя физики Университета Мэна, когда тот первым успевает схватить последний десятифунтовый пакет сахара от компании «Домино». Эллерби падает, но не выпускает из рук добычу, а когда Конрой наклоняется, чтобы вырвать пакет, Эллерби шипит: «Хрен тебе!» — и ударяет Рэнса этим пакетом в лицо. Упаковка разрывается, и сахар белым облаком окутывает Рэнса Конроя. Электрика отбрасывает на стеллажи, лицо у него белое, он кричит, что ничего не видит, что ослеп. Карла Вензиано — ребенок сидит у нее на спине в сумке-кенгуру и таращит глаза над плечом матери — отталкивает Генриетту Клавар от стеллажа с рисом «Тексмати». Крошка Стивен любит рис, он также любит играть с пустыми пластиковыми контейнерами, и Клара намерена позаботиться о том, чтобы ему хватило и риса, и контейнеров. Генриетта, ей в январе исполнилось восемьдесят четыре года, плюхается на костлявый, с годами совсем высохший зад. Лисса Джеймисон толкает Уилла Фримена, которому принадлежит местный салон «Тойоты», чтобы добраться до последней курицы в прилавке-холодильнике. Но прежде чем успевает схватить ее, это делает девушка-подросток в футболке с надписью «ЯРОСТЬ ПАНКОВ», показывает ей проколотый язык и убегает с победным воплем.

За звоном разбитого стекла следуют радостные крики. По большей части (но не все) голоса мужские. Многие покупатели, возможно, планировавшие «УСТРОИТЬ СЕБЕ ОСЕННИЙ ПИКНИК», перемещаются в том направлении. Только вместо «от-кры-ВАЙ» скандируется: «Пиво! Пиво! Пиво!»

Другие спускаются в подвал и возвращаются. Некоторые тащат вино бутылками и коробками. Встречаются и такие, кто поставил картонный ящик с бутылками на голову. Они напоминают носильщиков-туземцев из старого фильма о джунглях.

Джулия — под ее туфлями хрустят осколки стекла — фотографирует, фотографирует, фотографирует.

К супермаркету подъезжают остальные городские копы, включая Джекки Уэттингтон и Генри Моррисона, которые по взаимному согласию оставили свой пост у «Бензина и бакалеи». Они присоединяются к группе полицейских, которые стоят в стороне и наблюдают. Джекки видит огорченное лицо Линды Эверетт и обнимает ее. Эрни Кэлверт присоединяется к ним.

— В этом же не было необходимости! В этом не было никакой необходимости, — без конца повторяет он, и по его пухлым щекам текут слезы.

— Что нам теперь делать? — спрашивает Линда, прижимаясь щекой к плечу Джекки. Марта стоит рядом с ними, смотрит на супермаркет, прижимая руку к быстро растущему синяку на щеке. Из «Мира еды» доносятся радостные вопли, смех, иногда крики боли. Внутри летают какие-то предметы. Линда видит, как взмывает в воздух и разматывается рулон туалетной бумаги, образуя арку над проходом отдела «Товары для дома».

— Дорогая, я просто ума не приложу, — отвечает ей Джекки.

Энсон выхватил из руки Роуз список покупок и вбежал в супермаркет, прежде чем женщина успела его остановить. Она задержалась у маленького ресторанный автофургона, сжимая и разжимая кулаки. Гадала: идти следом за ним или нет. Решила не ходить, когда чья-то рука обняла ее за плечи. Она вздрогнула, обернулась и увидела Барби. От безмерного облегчения у нее буквально подогнулись колени. Роуз схватилась за его руку, отчасти чтобы окончательно успокоиться, но в основном чтобы не упасть.

Барби улыбнулся, но как-то невесело:

— Хороша забава, не так ли?

— Я не знаю, что делать. Энсон там... *все там...* а копы *просто стоят*.

— Вероятно, не хотят, чтобы им еще больше наkostenяли. И я их не виню. Это прекрасно спланированная и идеально исполненная провокация.

— Что ты такое говоришь?

— Не важно. Хочешь остановить это безобразие, прежде чем станет еще хуже?

— Как? — Барби взял мегафон с капота патрульного автомобиля, куда его положил Тоби Уилен. Когда попытался отдать Роуз, та отпрянула, прижала руки к груди. — Сделай это сам, Барби.

— Нет. Ты кормила их долгие годы, они знают тебя, именно тебя они и послушают.

Роуз нерешительно взяла мегафон.

— Я не знаю, что сказать. Не могу придумать ничего такого, что их остановит. Уилен пытался. Они не обратили внимания.

— Тоби пытался приказывать. А отдавать приказы толпе все равно что муравейнику.

— Но я не знаю...

— Я тебе скажу. — Говорил Барби спокойно, и это вселило в нее уверенность. Он подозвал Линду Эверетт. Та подошла вместе с Джекки. Они обнимали друг друга за талию. — Вы можете связаться с вашим мужем? — спросил Барби Линду.

— Если включен его мобильник.

— Скажите, пусть едет сюда. Если возможно, на «скорой». Если он не ответит, садитесь в патрульную машину и поезжайте в больницу.

— У него пациенты...

— У него пациенты и здесь, только он этого не знает. — Барби указал на Джинни Томлинсон, которая теперь сидела, привалившись спиной к сложенной из шлакоблоков стене супермаркета и закрыв руками окровавленное лицо. Джина и Гарриет Бигелоу присели на корточки по обе стороны от нее. Джина носовым платком пыталась остановить кровотечение из заметно изменившего форму носа Джинни. Та вскрикивала от боли и отворачивала голову. — Начиная, если я не ошибаюсь, с одной из двух оставшихся у него профессиональных медсестер.

— А что собираетесь делать вы? — спросила Линда, снимая с ремня мобильник.

— Мы с Роуз попытаемся остановить толпу. Так ведь, Роуз?

Роуз переступила порог супермаркета и остановилась, потрясенная царившим перед ней хаосом. В воздухе стоял жгущий глаза запах уксуса, смешанный с запахами рассола и пива. В проходе номер три линолеум, словно блевотиной, замаран кетчупом и горчицей. Облако сахара и муки стояло над проходом номер пять. Люди толкали сквозь него нагруженные тележки. Многие кашляли и чихали. Некоторые тележки то и дело заносило в сторону, когда они катились по сухой фасоли.

— Постой секундочку, — попросил Барби, хотя Роуз и так стояла как вкопанная, прижав мегафон к груди. — Барби нашел Джулию, когда та фотографировала взломанные кассовые аппараты. — Заканчивай с этим и пойдем со мной.

— Нет, я должна снимать, больше некому. Я не знаю, где Пит Фримен, а Тони...

— Все это ты должна не фотографировать, а остановить. Прежде чем случится что-то похуже. — Он указал на Ферна Боуи, который прошел мимо с полной корзинкой в одной руке и банкой пива в другой. Кровь из разбитой брови капала с лица, но выглядел Ферн страшно довольным.

— Как?

Он отвел ее к Роуз.

— Готова, Роуз? Начинаем!

— Я... ну...

— Помни, *спокойствие*. Не пытайся остановить их. Постарайся только понизить напряжение.

Роуз глубоко вдохнула, потом поднесла мегафон ко рту:

— ПРИВЕТ ВСЕМ. ЭТО РОУЗ ТВИТЧЕЛ ИЗ «ЭГЛАНТЕРИИ».

И голос, за что ей надо поклониться в ноги, звучал спокойно. Люди оглядывались, слыша ее голос — не потому, что в нем слышалась тревога, но потому, что ее в нем не слышалось. Барби видел такое в Такрите, Фаллудже, Багдаде. Главным образом после взрывов в самых оживленных местах, когда подъезжали полицейские и военные.

— ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКАНЧИВАЙТЕ С ПОКУПКАМИ КАК МОЖНО СКОРЕЕ И СПОКОЙНЕЕ.

Несколько человек рассмеялись, потом огляделись, будто приходя в себя. В проходе номер семь Карла Вензиано, покрасневшая от стыда, помогла подняться Генриетте Клавар. «Тексмат» хватит нам обеим,

подумала Карла. *Что на меня нашло?*

Барби кивком предложил Роуз продолжить, беззвучно произнес: «Кофе». Услышал еще далекую, но уже приближающуюся сирену «скорой».

— КОГДА ЗАКОНЧИТЕ, ПРИХОДИТЕ В «ЭГЛАНТЕРИЮ» ВЫПИТЬ КОФЕ. БЕСПЛАТНО, ЗА СЧЕТ ЗАВЕДЕНИЯ.

Несколько человек захлопали. Кто-то с луженой глоткой прокричал:

— Кому нужен кофе? У нас есть *пиво*!

Джулия дернула Барби за рукав. Ее лицо пылало, по ее мнению, республиканским негодованием.

— Они не покупают, они крадут.

— Ты хочешь писать передовицу или выпроводить их отсюда до того, как кого-то убьют из-за банки кофе?

Джулия подумала и кивнула, негодование ушло, уступив место улыбке-загадке, которую он успел полюбить.

— Очко в твою пользу, полковник.

Барби повернулся к Роуз, энергично махнул рукой, и та заговорила вновь, повторяя уже сказанное. Вместе с двумя женщинами Барби принялся ходить взад-вперед по проходам, начав с наиболее пострадавших отделов, деликатесов и молочных продуктов, выискивая тех, кто настолько спятил, что мог продолжать начатое. Но таковых не нашлось. Роуз обрела уверенность, торговый зал затихал. Люди уходили. Многие катили перед собой тележки с награбленным, но Барби все равно видел в этом добрый знак: чем скорее они уйдут, тем лучше, сколь много ни уносили бы с собой. А самое главное, люди слышали, что к ним обращаются как к покупателям. А не грабителям. Верните мужчинам и женщинам самоуважение, и в большинстве случаев — не во всех, но в большинстве — к ним вернется способность более-менее ясно мыслить.

К Роуз подошел Энсон с наполненной продуктами тележкой. На лице читался стыд, из пореза на руке, повыше запястья, текла кровь.

— Кто-то бросил в меня стеклянную банку с оливками, — пояснил он. — Теперь я пахну, как итальянский сандвич.

Роуз передала мегафон Джулии, и она стала озвучивать все ту же мысль приятным для слуха голосом: заканчивайте с покупками и побыстрее расходитесь.

— Мы не можем это взять. — Роуз указала на тележку Энсона.

— Но нам это нужно, Роузи. — Несмотря на извиняющиеся нотки, голос звучал твердо. — Действительно нужно.

— Мы оставим деньги, — решила она. — Если кто-нибудь не украл

мою сумочку из кабины.

— Гм... я думаю, это не выход, — покачал головой Энсон. — Некоторые крадут деньги из кассовых автоматов. — Он знал, кто именно, но не хотел говорить. Тем более рядом находилась издательница местной газеты.

Роуз пришла в ужас:

— Да что здесь такое происходит?! Во имя Господа, что *происходит*?!

— Не знаю, — честно ответил Энсон.

К супермаркету подкатила «скорая», сирена смолкла. Через минуту или две, когда Барби, Роуз и Джулия еще ходили по проходам (народу в супермаркете становилось все меньше), за их спинами раздался голос:

— Достаточно. Отдайте его мне.

Барби не удивился, увидев чифа Рэндолфа в парадной форме. Он появился, когда поезд уже ушел. Как и задумывалось.

Роуз все еще звала присутствующих насладиться бесплатным кофе в «Эглантирии», когда Рэндолф вырвал у нее мегафон и принялся отдавать приказы и угрожать:

— УХОДИТЕ НЕМЕДЛЕННО! Я, НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ ПИТЕР РЭНДОЛФ, ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ УЙТИ НЕМЕДЛЕННО! ОСТАВЬТЕ ТО, ЧТО ВЗЯЛИ, И УХОДИТЕ! ЕСЛИ ВЫ ОСТАВИТЕ ТО, ЧТО ВЗЯЛИ, ВАМ НЕ БУДЕТ ПРЕДЪЯВЛЕНО НИКАКИХ ОБВИНЕНИЙ!

Роуз в ужасе посмотрела на Барби. Тот пожал плечами: слова Рэндолфа теперь не имели значения — толпу уже лишили воинственного духа.

Копы, которым не требовалась медицинская помощь — даже Картер Тибодо, пошатывающийся, но на ногах, — начали выпроваживать людей из торгового зала. Если «покупатели» не хотели расставаться со своими приобретениями, копы пускали в ход кулаки, нескольких сбили на пол. Френк Дилессепс, с побледневшим, злобным лицом, перевернул нагруженную тележку.

— Ты не собираешься попридержать своих? — спросила Джулия Рэндолфа.

— Нет, миз Шамуэй, не собираюсь. Эти люди — грабители, и к ним относятся соответственно.

— А чья в этом вина? Кто приказал закрыть супермаркет?

— Отстань от меня. Я работаю.

— Жаль, что вас не было здесь, когда люди ворвались в супермаркет, — вставил Барби.

Рэндолф посмотрел на него. Враждебность во взгляде смешивалась с

удовлетворенностью. Барби вздохнул. Где-то тикали часы. Он это знал, и Рэндолф тоже. И скоро прозвенит будильник. Не будь Купола, Барби смог бы сбежать. Но не будь Купола, ничего этого не случилось бы.

У дверей Мел Сирлс пытался отнять полную корзинку у Эла Тиммонса. Эл корзинку не отдавал. Мел вырвал ее... а потом тычком уложил старика на пол. Эл закричал от боли, стыда и ярости. Чиф Рэндолф рассмеялся. Коротко, отрывисто, невесело: «Ха! Ха! Ха!» — и Барби подумал, что этот жутковатый смех будет все чаще звучать в Честерс-Милле, если Купол не исчезнет.

— Пойдемте, дамы, — предложил он. — Здесь нам делать больше нечего.

Расти и Твитч укладывали раненых — где-то с десятков — в ряд у стены из шлакоблоков, когда из супермаркета вышли Барби, Джулия и Роуз.

Мрачное лицо Расти чуть осветила улыбка, когда он увидел Барби.

— Привет, дружище. Я предлагаю тебе поработать у меня. Ситуация требует, чтобы ты стал медбратом.

— Ты сильно преувеличиваешь мои способности, — ответил Барби, но направился к Расти.

Линда Эверетт пробежала мимо Барби и бросилась мужу на шею. Он обнял ее.

— Могу я помочь, милый? — Линда с ужасом смотрела на Джинни. Та заметила этот взгляд и устало закрыла глаза.

— Нет, — ответил Расти. — Делай что должна. У меня есть Джина и Гарриет, а теперь появился медбрат Барбара.

— Я сделаю все, что смогу, — кивнул Барби и чуть не добавил: «Пока меня не арестуют».

— Все у тебя получится, — заверил его Расти и понизил голос: — Джина и Гарриет всегда рады помочь, но умеют только раздавать таблетки и наклеивать пластырь.

Линда наклонилась к Джинни:

— Мне так жаль.

— Я в порядке, — ответила Джинни, но глаз не открыла.

Линда поцеловала мужа, с тревогой оглядела его и отошла к Джекки Уэттингтон, которая записывала показания Эрни Кэлверта. Рассказывая, Эрни то и дело вытирал руками глаза.

Расти и Барби бок о бок работали больше часа, пока полицейские натягивали желтую ленту перед входом в супермаркет. В какой-то момент подошел Энди Сандерс, чтобы оценить ущерб. Поцокал языком, покачал головой. Барби услышал, как он спросил кого-то: куда же катится мир, если в родном городе жители могут устроить такое? Он также пожал руку чифу Рэндолфу и сказал, что тот чертовски хорошо выполняет работу.

Чертовски хорошо.

Когда ты руководишься шестым чувством, обломов не бывает. В любой схватке победа на твоей стороне. Неудачи оборачиваются роскошными подарками судьбы. Ты принимаешь все это не с благодарностью (по мнению Большого Джима Ренни, подобное чувство свойственно только хлюпикам и лузерам), а как должное. Шестое чувство все равно что волшебные качели, и тебе следует (вновь по мнению Большого Джима) бесстрашно на них раскачиваться.

Если бы он вышел из своего большого старинного особняка на Фабричной улице чуть раньше или чуть позже, не увидел бы того, что открылось его глазам, и мог повести себя с Брендой Перкинс по-другому. Но Ренни вышел в нужное время. А когда еще можно выйти, если тебя ведет шестое чувство? Тут любая защита рушится, и ты врываешься магическим образом в открывающуюся брешь, чтобы одержать легкую победу.

Скандирование: «От-кры-ВАЙ! От-кры-ВАЙ!» вытащило его из кабинета, где он готовил основные положения того, что собирался назвать Кризисной администрацией, в которой веселому, улыбчивому Энди Сандерсу предстояло стать номинальным главой, а вся власть сосредоточилась бы в руках стоящего за тронем Большого Джима. «Что не ломается, не чини» — так звучало правило номер один в политической инструкции, которой руководствовался Большой Джим, а использование Энди в виде ширмы всегда приносило требуемый результат. В большинстве своем жители Честерс-Милла знали, что Энди — идиот, но это не имело значения. Ты мог вновь и вновь проворачивать с людьми один и тот же трюк, потому что девяносто восемь процентов из них были еще большими идиотами. И хотя Большой Джим никогда ранее не планировал политическую кампанию такого масштаба — речь шла об установлении муниципальной диктатуры, — он не сомневался, что все получится.

Бренду Перкинс Ренни не включал в перечень осложняющих факторов, но и это не имело никакого значения. Если тебя ведет шестое чувство, осложняющие факторы исчезают. И это ты тоже принимаешь как должное.

Он шел по тротуару к Главной улице, — расстояние до нее не превышало и сотни шагов, — и его живот мерно покачивался перед ним. Городская площадь находилась прямо по курсу. Чуть дальше, вниз по

склону холма, располагались муниципалитет, полицейский участок и площадь Военного мемориала между ними.

Отсюда Большой Джим не мог видеть «Мир еды», зато видел всю деловую часть Главной улицы. И еще он увидел Джулию Шамуэй. С фотоаппаратом в руке она торопливо выскочила из редакции «Демократа» и трусцой побежала в ту сторону, откуда доносилось скандирование, на ходу пытаясь накинуть лямку фотоаппарата на плечо. Большой Джим смотрел ей вслед: забавно, однако, наблюдать, как она стремилась побыстрее попасть на место довольно-таки печального события.

Тут Джулия остановилась, развернулась, побежала назад, дернула за ручку дверь в редакцию, обнаружила, что дверь открыта, заперла ее, вновь затрусила на встречу с друзьями и соседями, которые так нехорошо себя вели.

Сейчас она впервые поймет, что едва чудовище выскакивает из клетки, оно может укусить кого угодно, где угодно, подумал Большой Джим. *Но не волнуйся, Джулия, я разберусь с тобой, как разбирался всегда. Возможно, тебе придется закрыть свою жалкую, назойливую газетенку, но разве это не малая цена за личную безопасность?*

Разумеется, малая. А если она не уgomонится...

— Иногда всякое случается, — изрек Большой Джим.

Он стоял на тротуаре, сунув руки в карманы и улыбаясь. А когда слышал первые крики... звон разбитого стекла... выстрелы... его улыбка стала шире. Младший, взглянув на все это, употребил бы какое-нибудь грубое выражение, но Большой Джим полагал, что государственная машина должна...

Он нахмурился, согнав улыбку с лица, когда заметил Бренду Перкинс. Большинство людей направлялись по Главной улице к «Миру еды», чтобы посмотреть, что там происходит, а Бренда шла в противоположном направлении. Может, к его дому... что не предвещало ничего хорошего.

Зачем я понадобился ей в это утро? Что может быть более важного, чем продуктовый бунт у местного супермаркета?

Возможно, Бренда шла совсем и не к нему, но радар в его голове запыкал, и теперь Ренни не спускал с нее глаз.

Она и Джулия разминулись, шагая по разным сторонам улицы. Друг друга не заметили. Джулия бежала, на ходу возясь с фотоаппаратом. Бренда смотрела на красное кирпичное здание «Универмага Берпи». У ее бедра висела большая холщовая сумка на длинной лямке.

Добравшись до магазина, Бренда попыталась открыть дверь, но нашла ее запертой. Постояла, оглядываясь, как бывает с людьми, которые

натываются на неожиданное препятствие, мешающее выполнению их планов, и раздумывают, что же делать дальше. Она еще могла бы заметить Джулию Шамуэй, если бы посмотрела в сторону «Мира еды», но не сложилось. Она взглянула на вершину холма, где располагалась городская площадь, потом на редакцию «Демократа», которая находилась от Бренды на противоположной стороне улицы.

Бросив еще один взгляд на «Универмаг Берпи», она пересекла улицу, взялась за ручку двери редакции «Демократа». Естественно, дверь не открылась: Джулия заперла ее на глазах Большого Джима. Бренда предприняла вторую попытку, подергала ручку. Постучала. Заглянула в окно. Потом постояла, уперев руки в бока. И когда она вновь, с болтающейся у бедра сумкой, двинулась по Главной улице, целенаправленно, не оглядываясь вокруг, Большой Джим быстрым шагом ретировался в свой дом. Он не знал, почему ему не хотелось, чтобы Бренда заметила его, но *знать никакой необходимости не было*. Когда тебя ведет шестое чувство, ты должен только действовать. В этом вся прелесть.

Знал Ренни только одно: когда Бренда постучится в его дом, он будет готов к этой встрече. С чем бы она ни пришла.

Надо, чтобы завтра утром вы отнесли распечатку Джулии Шамуэй, сказал ей Барби. Но дверь редакции «Демократа» оказалась запертой, а свет в окнах не горел. Конечно же, Джулия побежала к супермаркету — разбираться, что там произошло. Пит Фримен и Тони Гуэй, наверное, находились там же.

И что ей оставалось делать с распечаткой файлов из папки «ВЕЙДЕР» из компьютера Гови? Рядом почтовый ящик, и можно опустить в него конверт, который сейчас лежал в ее сумке, но почта не работала.

Бренда подумала, что ей следует или найти Джулию у супермаркета, или вернуться домой и подождать, пока все не успокоится, а Джулия не вернется в редакцию. Ни один из вариантов ей не приглянулся, возможно, из-за охватившего ее волнения. Судя по шуму, доносящемуся от «Мира еды», там разгорелся настоящий бунт, и Бренде не хотелось, чтобы ее засосало в водоворот событий. А насчет возвращения домой...

Определенно — более правильное решение. Логичное решение. Разве не любил Гови говорить: *Кто ждет, тот дождется?*

Но умение выжидать как раз и не относилось к числу достоинств Бренды. И у ее матери тоже была своя поговорка: *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. А она хотела сделать это сегодня.* Встретиться с Ренни лицом к лицу, выслушать его болтовню, отрицание вины, оправдания, а потом поставить перед выбором: или он передаст свой пост Дейлу Барбаре, или все прочитают о его грязных делишках на страницах «Демократа». Конфронтация — горькая пилюля, но она знала, что лучший способ — быстро ее принять, а потом прополоскать рот. Бренда собиралась прополоскать рот двойной порцией бурбона и не желала ждать до полудня.

Да только...

«Не ходите одна». Барби сказал и это. А когда спросил, кому еще она доверяет, Бренда ответила, что Ромео Берпи. Но «Универмаг Берпи» она тоже нашла закрытым. И что ей оставалось?

Бренда спросила себя, может ли Большой Джим наброситься на нее, и пришла к выводу, что нет. Не сомневалась: физической угрозы Большой Джим для нее не представляет, пусть Барби и думал иначе. Его опасения являлись скорее всего следствием участия в войне.

Тут, разумеется, Бренда допустила серьезный просчет, но объяснить

его не составляло труда: она по-прежнему исходила из того, что мир оставался таким же, как и до появления Купола.

Однако принятое решение не снимало основной проблемы: что делать с распечаткой файлов из папки «ВЕЙДЕР»?

Бренда боялась языка Ренни больше, чем его кулаков, но понимала, что прийти к нему с распечаткой, лежащей в сумке, — чистое безумие. Он мог отобрать распечатку, даже если бы она и сказала, что у нее есть другие экземпляры. Бренда знала, что на это Большой Джим способен.

Поднимаясь к городской площади, Бренда вышла к Престил-стрит. Первый дом принадлежал Маккейнам, следующий — Андреа Гриннел. И хотя Андреа всегда находилась в тени мужчин, также избранных членами городского управления, Бренда знала, что она — честная и не любит Большого Джима. Как это ни странно, Андреа скорее поддавалась на уговоры Энди Сандерса, хотя Бренда не понимала, каким образом кто-то мог воспринимать его серьезно.

Может, он чем-то держит ее на крючке, слышался в голове голос Гови.

Бренда чуть не рассмеялась. Очень уж нелепо. Но главное — до того как Томми Гриннел женился на ней, Андреа носила фамилию Твитчел, а Твитчелы ни перед кем не прогибались, пусть и предпочитали держаться скромно. Бренда подумала, что сможет оставить конверт с распечаткой у Андреа, если, конечно, не найдет ее дом закрытым и пустым. Но она полагала, что такие опасения напрасны. Вроде бы кто-то говорил ей, что Андреа свалил грипп.

Бренда пересекла Главную улицу, повторяя про себя те фразы, что собиралась сказать: *Не будешь возражать, если этот конверт побудет у тебя? Я вернусь за ним где-то через полчаса. Если не вернусь, передай его Джулии в газету. И дай знать Дейлу Барбаре.*

А если Андреа спросит, с чего такая загадочность? Бренда решила, что скажет правду. Новость, что она собирается заставить Джима Ренни уйти в отставку, возможно, помогла бы Андреа Гриннел больше, чем двойная доза «Терафлю».

Несмотря на желание как можно скорее покончить с этим неприятным делом, Бренда на несколько мгновений задержалась перед домом Маккейнов. Он выглядел покинутым, но в этом не было ничего странного: многие семьи находились вне города, когда его накрыл Купол. Но этот дом чем-то отличался от других. Хотя бы тем, что от него шел слабый запах,

словно в доме что-то протухло.

Внезапно день стал жарче, воздух — гуще, а шум, доносящийся от «Мира еды», отдалился. Бренда поняла, в чем причина — она почувствовала, что за ней наблюдают. Постояла, думая, что все эти зашторенные окна очень уж напоминают закрытые глаза. Но не полностью закрытые, нет. *Подглядывающие глаза.*

Перестань фантазировать, женщина. У тебя есть дела.

Она было пошла к дому Андреа, но все же остановилась, чтобы еще раз взглянуть на жилище Маккейнов. Не увидела и не почувствовала ничего нового — дом стоял с задернутыми шторами окнами и источал слабый запах тухлятины, скорее всего мяса. *Должно быть, Донна и Генри держали морозильную камеру набитой до отказа,* подумала Бренда.

За Брендой наблюдал Младший, стоящий на коленях, в одних трусах, в голове которого гудело и бабахало. Наблюдал из гостиной в щелочку между шторой и оконной рамой. Когда Бренда ушла, он вернулся в кладовую. Понимал, что скоро ему предстоит расстаться с девочками, но пока хотел побыть с ними. Хотел побыть в темноте. Даже хотел полной грудью вдохнуть вонь, идущую от их почерневших тел.

Годилось все, успокаивающее боль, которая разламывала голову.

Трижды повернув барашек старинного звонка, Бренда смирилась с тем, что придется идти домой. И уже отворачивалась от двери, когда услышала медленные, шаркающие шаги. Заранее улыбнулась: «Привет, соседка», — но улыбка разом увяла, едва Бренда увидела хозяйку дома: бледные щеки, темные мешки под глазами, растрепанные волосы, банный халат, под ним пижама. И этот дом тоже вонял — правда, не протухшим мясом, а блевотиной.

Улыбка Андреа вышла такой же бледной, как ее щеки и лоб.

— Я знаю, как выгляжу, — просипела она. — В дом мне тебя лучше не приглашать. Я уже иду на поправку, но, возможно, еще заразная.

— Ты показалась доктору... — Но разумеется, не показалась. Доктор Хаскел умер. — Ты заходила к Расти Эверетту?

— Да, заходила. Он сказал, что я скоро поправлюсь.

— Ты вся в поту.

— Температура еще держится, но уже невысокая. Я могу тебе чем-нибудь помочь, Брен? — Она почти что ответила «нет» — не хотела нагружать эту бледную, явно больную женщину своими поручениями, но Андреа произнесла фразу, которая изменила ее решение. Большие события зачастую начинаются с малого. — Я скорблю по Гови. Я любила этого человека.

— Спасибо, Андреа. — *Не только за сочувствие, но и за то, что назвала его Гови, а не Герцогом.*

Для Бренды он всегда был Гови, ее дорогим Гови, и папка «ВЕЙДЕР» стала последним его расследованием. Бренда внезапно решила дать ему ход без дальнейших задержек. Она сунула руку в холщовую сумку и достала конверт из плотной коричневой бумаги с надписью «ДЖУЛИИ ШАМУЭЙ» на лицевой стороне.

— Может он полежать у тебя? Короткое время? У меня есть одно дело, и я не хочу брать его с собой.

Бренда ответила бы на любые вопросы, но Андреа не задала ни одного. Просто с отсутствующим взглядом взяла конверт. Наверное, поступила правильно. Сэкономила время им обоим. Опять же этот конверт мог спасти политическое будущее Андреа.

— С радостью. А теперь... если ты мне позволишь... думаю, мне лучше лечь. Но поспать не получится, — добавила Андреа, словно боялась,

что Бренда начнет возражать. — Я услышу тебя, когда ты вернешься.

— Спасибо. Тебе надо много пить.

— Пью галлонами. Можешь не торопиться, дорогая. Конверт будет у меня в полной безопасности.

Бренда хотела вновь поблагодарить ее, но третий член городского управления уже закрыла дверь.

Ближе к концу разговора с Брендой желудок Андреа начал трепыхаться. Она боролась с тошнотой, но не могла не проиграть этот поединок. Сказала Бренде, что та может не торопиться, захлопнула дверь перед лицом бедной женщины и побежала в вонючую ванную, а из горла уже доносилось «эрк-эрк».

В гостиной рядом с диваном стоял приставной столик, и Андреа бросила конверт на него. Он заскользил по гладкой поверхности и свалился с другой стороны столика, в темный зазор между ним и диваном.

Андреа помчалась в ванную, поскольку унитаз уже заполняла густая вонючая масса, которая выходила из тела Андреа всю последнюю бесконечную ночь. Она наклонилась над раковиной, и ее рвало до тех пор, пока, казалось, не оторвался пищевод и не вывалился на заблеваный фаянс, еще теплый и подрагивающий. Этого, конечно, не произошло, но мир начало заливать серым, и он уходил от нее, стуча высокими каблуками, уменьшаясь в размерах и становясь нереальным, тогда как она покачивалась и изо всех сил боролась с подступающим обмороком.

Наконец Андреа полегчало, и она вышла из ванной на ватных ногах, одной рукой держась за стену, чтобы сохранить равновесие. Ее так трясло, что женщина слышала стук зубов, и этот ужасный звук не только заполнял уши, но и отдавался в глазах.

Она даже не попыталась подняться в спальню на втором этаже, пошла на застекленное заднее крыльцо. В конце октября на крыльце обычно царила прохлада, но в этот день тепла там хватало с лихвой. Андреа не прилегла на старый шезлонг, а плюхнулась в его пыльные, но такие успокаивающие объятия.

Я поднимусь через минутку, сказала она себе. Возьму в холодильнике последнюю бутылку «Поланд спринг» и смою этот мерзкий привкус во рту...

На том ее мысли оборвались. Она провалилась в глубокий и крепкий сон, из которого Андреа не смогло вырвать даже периодическое подергивание рук и ног. Ей снились разные сны. В одном люди, кашляющие и блюющие, бежали от жуткого пожара в поисках того места, где воздух оставался чистым и прохладным. В другом Бренда Перкинс приходила к ней и отдавала конверт. Когда Андреа вскрыла его, из конверта хлынул бесконечный поток розовых таблеток оксиконтин. Проснувшись она

уже вечером, позабыв эти сны.
И визит Бренды Перкинс.

— Проходи в мой кабинет, — радушно пригласил ее Большой Джим. — Или сначала хочешь что-нибудь выпить? У меня есть кола, но, боюсь, она уже теплая. Генератор сдох этой ночью. Закончился пропан.

— Но ты, как я понимаю, знаешь, где пополнить запасы.

Его брови вопросительно поднялись.

— Метамфетамин, который ты производишь, — терпеливо объяснила Бренда. — Насколько мне известно из записей Гови, именно его твоими стараниями изготавливают в больших количествах. «В объемах, потрясающих воображение», так он написал. Для этого требуется много пропана.

Едва перейдя к делу, она почувствовала, как исчезла внутренняя дрожь. Бренда даже получала удовольствие, наблюдая, как краска заливает сначала щеки, а потом лоб Большого Джима.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Думаю, твоя утрата... — Он вздохнул, раскинул руки с короткими, толстыми пальцами. — Пойдем в дом. Обсудим это, и, думаю, я сумею развеять твои подозрения.

Бренда улыбнулась. Сам факт, что она могла улыбаться, стал для Бренды откровением, и Гови наверняка одобряет это, наблюдая за ней — откуда-то. А также призывает к осторожности. Этому совету она намеревалась последовать.

На лужайке перед домом Ренни среди опавших листьев стояли два складных кресла.

— Давай поговорим здесь. — Она указала на лужайку.

— Я предпочитаю обсуждать дела в доме.

— Ты бы предпочел увидеть свою фотографию на первой странице «Демократа»? Потому что я могу это устроить.

Большой Джим дернулся, словно она ударила его, и на мгновение Бренда увидела ненависть в маленьких, глубоко посаженных, свинячьих глазах.

— Герцог никогда не любил меня, и, полагаю, это естественно, что его отношение ко мне передалось и...

— Его имя — Гови!

Большой Джим раскинул руки, как бы говоря, что для некоторых женщин логика — пустой звук, и повел ее к креслам, стоящим лицом к Фабричной улице.

Бренда Перкинс говорила почти полчаса, с каждым словом становясь все хладнокровнее и злее. Лаборатория по производству мета, в создании которой участвовал Энди Сандерс и, почти наверняка, Лестер Коггинс. Масштабы производства. Примерное местоположение. Оптовые покупатели среднего звена, которые согласились стать свидетелями обвинения в обмен на освобождение от уголовного преследования. Разрастание производства до таких размеров, что местный фармацевт более не мог покупать в Штатах необходимые ингредиенты, не вызывая подозрений, что привело к необходимости импорта.

— В город эти компоненты привозили на грузовиках с надписью на борту «Гидеоновское библейское общество». Комментарий Гови: «Очень уж умно».

Большой Джим сидел, глядя на тихую улицу, на которой находились только жилые дома. Бренда чувствовала кипящие в нем ярость и ненависть. Словно тепло поднималось над подогреваемым блюдом.

— Ты не сможешь этого доказать, — наконец изрек он.

— Мне не будет нужды что-то доказывать, если материалы Гови появятся в «Демократе». У нас не обычное судебное разбирательство, и если кто-то и способен это уяснить, то именно ты.

Он махнул рукой.

— Да, конечно, у Гови что-то есть, но мое имя нигде не упоминается.

— Оно упомянуто в документах «Таун венчурс». — И Большой Джим дернулся, будто она ударила его кулаком в висок. — «Таун венчурс корпорейшн», зарегистрированной в Карсон-Сити. Из Невады денежный след ведет в Чунцин, фармацевтическую столицу Китайской Народной Республики. — Она улыбнулась. — Ты считал себя умником, да? Большим умником?

— Где документы?

— Распечатку этим утром я оставила Джулии. — Упомянуть Андреа она не собиралась ни при каких обстоятельствах, поскольку опасалась, что Ренни или Энди Сандерс каким-то образом сумеют заткнуть Гриннел рот. И решила, что Большой Джим станет более сговорчивым, узнав, что материалы расследования Гови уже у издателя местной газеты.

— Другие копии есть?

— А как ты думаешь?

Он задумался, потом ответил:

— Я держал все вне города.

Бренда промолчала.

— Я старался на благо города.

— Ты многое сделал на благо города, Джим. Поэтому канализационная система у нас та же, что и в тысяча девятьсот шестидесятом году, Честерский пруд грязный, деловой район разрушается. — Она сидела с прямой спиной, взявшись руками за подлокотники кресла. — Ты — гребаный самодовольный червяк!

— Чего ты хочешь? — Он по-прежнему смотрел на пустую улицу. На виске пульсировала крупная вена.

— Ты должен объявить о своей отставке. Барби возьмет на себя управление городом, согласно президентскому...

— Я никогда не уступлю свое место этому ёханому бабаю. — Он повернулся к ней. Улыбаясь. Пугающей улыбкой. — Ты ничего не оставила Джулии, потому что та в супермаркете, наблюдает за продуктовым сражением. Ты, возможно, где-то и спрятала компьютер с файлами Герцога, но копии никому не оставила. Ты пыталась зайти к Ромми, потом к Джулии, после чего пришла сюда! Я видел, как ты поднималась по холму к городской площади.

— Я оставила! Оставила. — А если бы она сказала — кому? Только подставила бы Андреа. Бренда начала подниматься с кресла: — Выбор за тобой. А теперь я ухожу.

— Твоя вторая ошибка: ты решила, что на улице тебе ничего не грозит. Но это *пустынная* улица. — Голос звучал совсем по-доброму, и когда Ренни коснулся руки Бренды, она спокойно повернулась к нему. Большой Джим с обеих сторон сжал ее лицо. И повернул.

Бренда Перкинс услышала резкий хруст, словно ветка обломилась под тяжестью снега, и вслед за этим звуком последовала в чернильную тьму, пытаясь на ходу произнести имя мужа.

Большой Джим вернулся в дом, из стенного шкафа в прихожей взял подарочную шляпу с надписью «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни», а также перчатки. И тыкву из кладовой.

Бренда по-прежнему сидела в складном кресле, подбородок прижимался к груди. Он огляделся. Никого. Мир принадлежал только ему. Ренни надел Бренде шляпу на голову так, чтобы поля прикрывали лицо, перчатки — на руки, тыкву положил ей на колени.

Пусть посидит здесь, пока Младший не вернется и не отвезет ее туда, где лежат остальные жертвы Дейла Барбары. Сейчас со стороны она вполне могла сойти за хэллоуиновскую набивную куклу.

Он проверил сумку Бренды. Бумажник, расческа, книга в обложке. И хорошо. Сумку никто не найдет в подвале, за неработающим нагревательным котлом.

Он оставил Бренду с надвинутой на лицо шляпой и тыквой на коленях, а сам прошел в дом — спрятать сумку и дожидаться возвращения сына.

В кутузке

Предположение второго члена городского управления Ренни, что никто не заметил Бренду, входящую на его участок, оказалось правильным. Но во время утренних хождений ее видели сразу трое человек, причем один из них даже жил на Фабричной улице. Если бы Большой Джим о том знал, его бы это остановило? Едва ли. Он уже ступил на избранный путь и не мог повернуть назад. Но возможно, зная об этом, Ренни призадумался бы (по-своему он был очень вдумчивым человеком) и пришел к выводу, что убийство сродни картофельным чипсам «Лейс»: попробовав один раз, невозможно остановиться.

Большой Джим не видел этих наблюдателей, когда подошел к Главной улице. Не видела их и Бренда, поднимавшаяся по склону холма к городской площади. И все потому, что наблюдатели не хотели, чтобы их видели. Они спрятались на мосту Мира, давно уже пребывавшем в аварийном состоянии. Но в тот момент за ними числился проступок и похуже. Если бы Клер Макклэтчи увидела сигареты, она бы вместо дерьма выдавила из себя кирпич. Чего там, могла выдавить и два. И уж конечно, больше не позволила бы Джо общаться с Норри Кэлверт, даже если от их дружбы зависела судьба города, потому что сигареты принесла она — сильно помятую и погнутую пачку «Винстон», которую нашла на полке в гараже. Ее отец бросил курить годом раньше, и пачка покрылась слоем пыли, но сами сигареты, по разумению Норри, выглядели пригодными для использования по прямому назначению. Сигарет в пачке лежало три — идеальный расклад, по одной на каждого.

— Считайте, что это ритуал, приносящий удачу, — заявила Норри. — Мы выкурим их, как индейцы, молящие богов об удачной охоте. Потом займемся делом.

— Звучит неплохо, — кивнул Джо. Курение давно уже интересовало его. Он не понимал, чем оно так привлекательно, но что-то, вероятно, в нем было, раз уж так много людей этим занимаются.

— Каких богов? — спросил Бенни Дрейк.

— Каких выберешь. — Норри посмотрела на него так, будто видела перед собой самого тупого из всех тупиц. — Божественных богов, если тебе так хочется. — В линялых джинсовых шортах и розовом топики, с волосами, обрамлявшими маленькое лисье личико, а не забранными, как обычно, в конский хвост, мотающийся из стороны в сторону, она выглядела для обоих мальчиков такой симпатичной. Если на то пошло, просто ослепительной. — Я помолюсь Чудо-Женщине.

— Чудо-Женщина — не богиня. — Джо взял одну из преклонного возраста сигарет и выпрямил ее. — Чудо-Женщина — супергерой. — Он задумался. — Может, супергероесса.

— Для меня она богиня. — Серьезные глаза Норри светились искренностью, говорившей о том, что признание это — от души. Она осторожно выпрямила свою сигарету. Бенни их примеру следовать не стал. Подумал, что согнутая сигарета придает крутизны. — До девяти лет я

носила браслеты Силы Чудо-Женщины, а потом потеряла их. Думаю, браслеты сперла эта сука Ивонн Нидо. — Норри чиркнула спичкой и поднесла к сигарете Пугала Джо, потом Бенни. Когда попыталась прикурить сама, Бенни задул спичку. — Зачем ты это сделал?

— Три на одну спичку. К беде.

— Ты в это веришь?

— Не так чтобы очень, но сегодня нам понадобится вся удача, что у нас есть. — Бенни посмотрел на пакет для продуктов, который лежал в корзинке его велосипеда, затем затаился. Кашляя, выдохнул дым, глаза наполнились слезами. — По вкусу крысиное дерьмо!

— И много ты его выкурил, а? — Джо затаился. Не хотел выглядеть слабаком и не хотел кашлять, а то и, возможно, блевать. Дым обжигал, но не без приятности. Может, в конце концов, в этом что-то и было. Только у него уже чуть закружилась голова.

Осторожнее с затяжками, сказал он себе. *Отключиться — так же отстойно, как и блевануть*. Если только не упасть на колени Норри Кэлверт. Это было бы клево.

Норри сунула руку в карман и достала крышку от бутылки сока «Верифайн».

— Используем вместо пепельницы. Индейский ритуал курения — это хорошо, но я не хочу сжечь мост Мира. — Норри закрыла глаза. Губы пришли в движение. Сигарета оставалась между пальцами, столбик пепла увеличивался в размерах.

Бенни посмотрел на Джо, пожал плечами, тоже закрыл глаза.

— Небесный пехотинец Джо, услышь молитву смиренного новобранца Дрейка...

Норри пнула его, не открывая глаз.

Джо встал (голова кружилась, но не так чтобы очень, и второй раз он решил затаиться стоя) и прошел мимо велосипедов к концу моста, выходящего на городскую площадь.

— Ты куда? — спросила Норри, по-прежнему с закрытыми глазами.

— Мне молится лучше, когда я смотрю на природу. — Но на самом деле Джо хотелось глотнуть свежего воздуха. Причина крылась не в табачном дыме, чей аромат ему даже нравился. Но на крытом мосту хватало других запахов: гниющей пищи, разлитого пива, чего-то кислотного — наверное, этот запах поднимался от протекавшего под ними Престил-Стрим (Шеф сказал бы ему, что это тот запах, который он мог бы полюбить).

Но даже снаружи воздух свежестью не отличался. Складывалось

ощущение, что его уже использовали, и Джо вспомнилась прошлогодняя поездка в Нью-Йорк. Примерно так же воздух пах и в подземке, особенно вечером, когда люди в переполненных поездах возвращались домой.

Он стряхнул пепел в ладонь. А когда сдувал его, заметил Бренду Перкинс, поднимающуюся на холм.

Мгновением позже рука коснулась его плеча. Слишком легкая и маленькая, чтобы принадлежать Бенни.

— Это кто? — спросила Норри.

— Лицо знаю, имя — нет.

К ним присоединился Бенни:

— Это миссис Перкинс. Вдова шерифа.

Норри ткнула его локтем:

— Начальника полиции, дундук.

Бенни пожал плечами:

— Какая разница?

Они наблюдали за ней, потому что больше наблюдать было не за кем. Остальные горожане отправились в супермаркет, вероятно, принимать участие в крупнейшем в мире сражении за продукты. Трое подростков провели разведку, но к полю боя не приближались: их не пришлось уговаривать держаться подальше, учитывая ценность прибора, который им вручили.

Бренда перешла Главную улицу, свернула на Престил-стрит. Остановилась у дома Маккейнов, прошла дальше к дому Андреа Гриннел.

— Пошли, — предложил Бенни.

— Мы не можем пойти, пока она не ушла, — возразила Норри.

Бенни пожал плечами:

— Большое дело. Если она и увидит нас, мы всего лишь трое подростков, болтающихся на городской площади. И знаете что? Она, возможно, не заметит нас, даже если посмотрит в упор. Взрослые *никогда* не видят детей. — Он обдумал последний вывод. — Если они не на скейтбордах.

— Или не курят, — добавила Норри. Они посмотрели на дымящиеся сигареты.

Джо указал на корзинку, закрепленную на руле «швинна хай плейнс», велосипеда Бенни:

— У них также есть особенность видеть детей, которые что-то делают с дорогими приборами, принадлежащими городу.

Норри сунула сигарету в уголок рта, мгновенно став потрясающе крутой, потрясающе красивой, потрясающе взрослой.

Подростки продолжили наблюдение. Теперь жена начальника полиции разговаривала с миссис Гриннел. Несколькоими секундами позже та буквально захлопнула дверь перед носом своей гостьи.

— Вау, как грубо, — покачал головой Бенни. — Неделю оставаться в школе после занятий. — Джо и Норри рассмеялись.

Миссис Перкинс еще постояла перед закрытой дверью, словно в недоумении, потом спустилась по ступенькам с крыльца, и все трое инстинктивно подались назад, в тень крытого моста. В итоге потеряли из виду миссис Перкинс, но Джо тут же нашел подходящую щель в боковой стене.

— Возвращается на Главную, — доложил он. — Ага, поднимается по холму... снова пересекает Главную.

Бенни сунул ему под нос воображаемый микрофон:

— Начинаем съемку.

Джо его проигнорировал.

— Теперь она поворачивает на мою улицу. — Он повернулся к Бенни и Норри: — Думаете, она идет к моей маме?

— Чувак, Фабричная улица — это четыре квартала, — заметил Бенни. — Какова вероятность?

Джо ощутил облегчение, хотя и не представлял себе причину, по которой визит миссис Перкинс мог принести что-то плохое. Но после того, как отец остался за Куполом, мать сильно расстроилась и теперь волновалась по любому поводу. Она практически запретила ему участвовать в этой экспедиции. Спасибо миз Шамуэй, та ее отговорила, заявив, что, по мнению Дейла Барбары, никто не справится с этим заданием лучше Джо (Джо — Бенни и Норри тоже — предпочитали называть порученное им дело миссией).

«Миссис Макклэтчи, — сказала Джулия, — если кто и сможет пустить прибор в дело, так это ваш сын. Барби уверен в Джо. И это очень важно».

Конечно же, настроение Джо от такой характеристики поднялось, но одного взгляда на мать — встревоженную, осунувшуюся — хватило, чтобы оно вновь упало. Не прошло и трех дней после появления Купола, а она уже похудела. И у него щемило сердце, когда он видел, как мать держит фотографию отца. Словно думала, что он умер, а не сидит в уютном мотеле, пьет пиво и смотрит Эйч-би-оу.^[124]

Впрочем, она согласилась с Джулией Шамуэй.

— В технике он разбирается, это точно. Всегда разбирался. — Она оглядела сына с головы до ног, вздохнула. — Когда ты успел так вымахать, сынок?

— Не знаю, — честно ответил Джо.

— Если я тебе разрешу, ты будешь осторожен?

— И возьми с собой своих друзей, — вставила Джулия.

— Бенни и Норри? Само собой.

— А также, — добавила Джулия, — соблюдайте осторожность.

Понимаешь, о чем я, Джо?

— Да, понимаю.

То есть не попадайтесь.

Бренда исчезла среди деревьев, растущих вдоль Фабричной улицы.

— Ладно, — кивнул Бенни. — Пошли.

Он аккуратно затушил сигарету в импровизированную пепельницу, потом вытащил из корзинки пакет для продуктов. Внутри лежал желтый счетчик Гейгера, проделавший путь от Барби к Расти, Джулии и наконец к Джо и его команде.

Джо взял крышку от бутылки из-под сока и затушил свою сигарету, думая о том, что хотел бы попробовать вновь, когда у него будет больше времени, чтобы сосредоточиться на ощущениях. С другой стороны, может, и не стоило. Он уже подсел на компьютеры, комиксы Брайана К. Возна^[125] и скейтборд. Возможно, больше одна спина выдержать не могла.

— Люди будут проходить мимо, — напомнил он Бенни и Норри. — Возможно, много людей, как только им надоест эта забава в супермаркете. Нам остается лишь надеяться, что на нас они внимания не обратят.

В голове у него звучал голос миз Шамуэй, говорящей матери о том, какой важной может оказаться эта работа для города. Ему она могла и не говорить; он, возможно, понимал это лучше, чем все остальные.

— А если появятся копы... — начала Норри.

Джо кивнул:

— Счетчик отправится в пакет, а из него появится фрисби.

— Ты действительно думаешь, что какой-то инопланетный генератор зарыт под городской площадью? — спросил Бенни.

— Я же сказал, что такое возможно, — ответил Джо, резче, чем собирался. — Все возможно.

По правде говоря, Джо думал, что такое не просто возможно, а очень даже вероятно. Если у Купола не сверхъестественная природа, тогда это силовое поле. Силовое поле должно чем-то создаваться. Так что у Джо сомнений не было, но он не хотел раздувать их надежды. Да и свои тоже.

— Тогда начнем поиск. — Норри проскользнула под желтой полицейской лентой. — Надеюсь, что вы двое хорошо помолились.

Джо не верил в силу молитвы по части того, что человек мог сделать сам, и помолился он по другому поводу: чтобы Норри Кэлверт осчастливила его еще одним поцелуем, если они найдут генератор. Долгим и сладким.

Утром, когда они проводили короткое совещание в гостиной дома Макклэтчи перед выездом в город, Пугало Джо снял правую кроссовку, а потом и высокий спортивный носок.

— Сладость или гадость! Ты понюхал мои ножки, дай мне жареной картошки! — весело воскликнул Бенни.

— Заткнись, придурок.

— Нехорошо называть друга придурком. — Но, произнося эти слова, миссис Макклэтчи с упреком посмотрела на Бенни.

Норри предпочла промолчать, с интересом наблюдая, как Джо кладет носок на ковер гостиной и разглаживает его.

— Это Честерс-Милл, — пояснил Джо. — Та же форма, так?

— Ты совершенно прав, — согласился Бенни. — Такова наша судьба — жить в городе, похожем на спортивный носок Джо Макклэтчи.

— Или на туфлю старушки, — вставила Норри.

— «В туфле жила старушка одна», — процитировала миссис Макклэтчи. Она сидела на диване, положив на колени фотографию мужа, точно так же, как и вчера под вечер, когда миз Шамуэй принесла счетчик Гейгера. — «Детей нарожала так много она, не знала даже, как ей с ними быть». [\[126\]](#)

— Отлично, мама. — Джо изо всех сил старался не улыбнуться. В средней школе ходила другая версия: «Детей нарожала так много она, что даже у ней отвалилась м...да». — Он вновь посмотрел на носок: — Так где у носка середина?

Бенни и Норри задумались. Джо их не торопил. Среди прочего они нравились ему и потому, что могли заинтересоваться таким вопросом.

— Это не тот центр, как у круга или квадрата, — наконец оборвала паузу Норри. — У нас не геометрическая фигура.

— Я думаю, носок — тоже геометрическая фигура, — не согласился Бенни. — По существу. Только не знаю, как ее назвать. Носкоугольник?

Норри рассмеялась. Даже Клер чуть улыбнулась.

— На карте Честерс-Милл ближе к шестиугольнику, — заметил Джо, — но это не важно. Руководствуйтесь здравым смыслом.

Норри указала на то место носка, где часть, обтягивающая стопу, переходила в верхний цилиндр:

— Вот. Середина здесь.

Джо отметил указанное место шариковой ручкой.

— Я не уверена, что это пятно отойдет, мистер. — Клер вздохнула. — Но наверное, тебе все равно нужны новые. — И прежде чем Джо успел задать следующий вопрос, добавила: — На карте это будет городская площадь. Там вы будете его искать?

— Там мы начнем поиски, — пробубнил Джо, определенно недовольный тем, что идею сняли у него с языка.

— Потому что, если генератор все-таки есть, — продолжила свою мысль Клер Макклэтчи, — его надо бы расположить в самом центре городской территории. Или как можно ближе к нему.

Джо кивнул.

— Круто, миссис Макклэтчи. — Бенни поднял руку. — Дайте пять, мать моего брата по духу.

Чуть улыбаясь, все еще держа фотографию мужа, Клер Макклэтчи шлепнула ладонью по ладони Бенни.

— По крайней мере городская площадь — безопасное место. — Она задумалась, хмурясь. — Я, во всяком случае, на это надеюсь, но кто знает?

— Не волнуйтесь, я за ними пригляжу, — успокоила ее Норри.

— Просто пообещайте мне, если что-то найдете, разбираться с находкой вы позволите специалистам.

Мамуля, подумал Джо, я думаю, мы и есть специалисты. Но этого не сказал. Знал, что еще сильнее ее расстроит.

— Даю слово. — Бенни поднял руку с растопыренными пальцами: — Еще раз дайте пять, о мать моего...

На этот раз обе руки остались на фотографии:

— Я тебя люблю, Бенни, но иногда ты меня утомляешь.

Он печально улыбнулся.

— Моя мама говорит то же самое.

Джо и его друзья направились к эстраде, которая возвышалась в центре городской площади. За их спинами что-то тихонько бормотал Престил-Стрим, сильно обмелевший благодаря дамбе — той части Купола, что отрезала город с северо-запада. И если бы Купол остался еще на день, то Престил-Стрим, по мнению Джо, превратился бы в ручеек, бегущий среди донного ила.

— Ладно, хватит фигней заниматься. Скейтерам пора спасать Честерс-Милл. Запускаем эту крошку.

Осторожно (с истинным благоговением) Джо достал счетчик Гейгера из пакета для продуктов. Исходная батарея, которая снабжала его электроэнергией, давно уже села, а контакты покрылись толстым слоем ржавчины, но двууглекислая сода справилась с коррозией, а Норри нашла в мастерской отца не одну, а три шестивольтовые батареи. «У него просто крыша едет, если дело касается батареек, — призналась она друзьям, — и он когда-нибудь убьется, учась кататься на скейте, но я его люблю».

Джо положил палец на выключатель, мрачно посмотрел на своих друзей.

— Знаете, эта штуковина способна засечь все, что нас облучает, и генератор таки может быть, и не только тот, что излучает альфа- или бета-ча...

— Ради Бога, включай! — воскликнул Бенни. — Ожидание добьет меня!

— Он прав, — кивнула Норри. — Давай.

Но вот что интересно. Джо уже опробовал счетчик Гейгера дома — поднес к нему старые часы с радиом на циферблате, стрелка тогда угрожающе дернулась, счетчик работал отлично. Но здесь — как говорится, в поле — Джо вдруг как заохлодило. Чувствовал выступающий на лбу пот. Чувствовал, как тот собирается в большие капли, которые скоро покатаются по лицу.

Возможно, он еще какое-то время стоял бы столбом, если бы Норри не положила свою руку на его. Потом добавилась рука Бенни. Втроем они сдвинули выключатель-ползун. Стрелка на шкале «ИМПУЛЬСЫ В СЕКУНДУ» мгновенно сместилась на +5, и Норри сжала плечо Джо. Но стрелка вернулась к +2, и девочка ослабила хватку. Они не имели опыта работы с радиационными счетчиками, но догадались, что это всего лишь

фон.

Медленно Джо обошел эстраду. Трубка Гейгера-Мюллера высывалась из свернутого спиралью провода, похожего на телефонный. Лампа-индикатор, показывающая подачу электрического тока, светилась янтарем, стрелка время от времени чуть подергивалась, но держалась около нуля. Джо не удивился — какая-то его часть знала, что сразу ничего не получится, — но одновременно испытывал горькое разочарование. Это удивительно, до чего хорошо разочарование и отсутствие удивления дополняли друг друга, прямо-таки близняшки Олсен. [\[127\]](#)

— Давай я, — предложила Норри, — может, мне повезет больше.

Он отдал счетчик без единого слова протеста. Следующий час или чуть больше они кружили по городской площади, передавая друг другу счетчик Гейгера. Увидели автомобиль, который повернул на Фабричную улицу, но не заметили Ренни-младшего — ему полегчало, — сидящего за рулем. И он не заметил их. «Скорая» проехала вниз по склону в направлении «Мира еды», с включенными мигалкой и сиреной. Ребята удостоили «скорую» короткого взгляда и вернулись к своему занятию, которое слишком их увлекло, чтобы они заметили вновь появившегося Младшего уже за рулем отцовского «хаммера».

Они так и не воспользовались фрисби, принесенной на случай, если придется отвлекать внимание: с головой ушли в поиски источника излучения. Да и не требовалось им никого отвлекать.

Те немногие горожане, что расходились по домам, на городскую площадь не смотрели. Некоторых занимали собственные раны. Большинство несли награбленные продукты, кое-кто катил полные тележки. Все выглядели пристыженными.

К полудню Джо и его друзья уже были готовы сдаться.

— Пошли ко мне, — предложил Джо, — мама нас чем-нибудь накормит.

— Отлично, — кивнул Бенни. — Надеюсь, это будет тушеное мясо с овощами. Твоя мать классно его готовит.

— Может, мы пройдем через мост Мира и сначала проверим другую его сторону? — предложила Норри.

Джо поморщился:

— Но там нет ничего, кроме леса. Опять же это дальше от центра.

— Да, но... — Она замолчала.

— Что?

— Ничего. Есть одна идея. Возможно, глупая.

Джо посмотрел на Бенни. Тот пожал плечами и протянул Норри

счетчик Гейгера.

Они вернулись к мосту Мира, поднырнули под провисшую желтую ленту. На самом мосту царил сумрак, но света хватило, чтобы Джо, заглянув через плечо Норри, увидел, как стрелка дернулась, когда они миновали половину моста, шагая гуськом, чтобы сильно не нагружать прогнившие доски. Когда ребята сходили с моста на другой стороне, щит-указатель сообщил: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГОРОДСКУЮ ПЛОЩАДЬ МИЛЛА, СООРУЖ. В 1808». Утоптанная тропа вела вверх по склону, заросшему дубами, ясенями, березами. Осенняя листва обвисла на ветках и выглядела не веселенькой, а очень грустной.

К тому времени, когда они подошли к началу тропы, стрелка шкалы «ИМПУЛЬСЫ В СЕКУНДУ» уже стояла между +5 и +10. После +10 шкала быстро добиралась до +500, а потом до +1000. Дальний конец шкалы окрасили красным. Стрелка находилась еще очень далеко от красного, но Джо практически не сомневался, что ее нынешние показатели — не общий фон.

Бенни смотрел на чуть подрагивающую стрелку, тогда как Джо — на Норри.

— Так о чем ты подумала? — спросил он. — Не бойсь, выкладывай, потому что, похоже, эта идея совсем не глупая.

— Не глупая, — согласился Бенни. Постучал пальцем по окошку над надписью «ИМПУЛЬСЫ В СЕКУНДУ». Стрелка прыгнула, потом вернулась к +7 или +8.

— Я подумала, что генератор и транслятор в принципе одно и то же, — ответила Норри. — И транслятор не обязательно ставить посередине, достаточно установить его повыше.

— Транслятор ХНВ не на горе, — напомнил Бенни. — Стоит на поляне, вещает во славу Иисуса. Я его видел.

— Да, но дело в том, что это очень мощный передатчик. Отец говорил мне, тысяч в сто ватт. Может, то, что мы ищем, транслирует сигнал на меньшее расстояние. Вот я и подумала... какая самая высокая точка города?

— Блэк Ридж, — ответил Джо.

— Блэк Ридж. — Норри подняла маленький кулачок.

Джо стукнул по нему, потом вытянул руку.

— В ту сторону две мили. Может, три. — Он повернул трубку Гейгера-Мюллера в указанном им направлении, и они наблюдали, как стрелка подошла к +10.

— Чтоб меня трахнули! — воскликнул Бенни.

— Может, и трахнут, лет в сорок, — усмехнулась Норри. Крутая, как и всегда... но покраснела. Чуть-чуть.

— На Блэк-Ридж-роуд есть старый яблоневый сад, — сказал Джо. — Оттуда можно увидеть весь Милл... и Ти-Эр-девяносто тоже. Так, во всяком случае, говорил мне отец. Объект может быть там. Ты — гений, Норри. — Ему не пришлось ждать, пока она поцелует его. Воспользовавшись случаем, поцеловал ее сам, правда, в губы не решился, только в уголок рта.

Норри выглядела довольной, но над переносицей оставалась вертикальная морщинка сомнений:

— Возможно, это ничего не значит. Стрелка не рванула к красному. Сможем мы добраться туда на велосипедах?

— Конечно! — воскликнул Джо.

— После ленча, — добавил Бенни. Он полагал себя самым практичным из троицы.

Пока Джо, Бенни и Норри ели ленч в доме Макклэтчи (именно тушеное мясо с овощами), а Расти Эверетт с помощью Барби и двух юных девушек занимался пострадавшими в продуктовом бунте, доставленными в «Кэтрин Рассел», Большой Джим Ренни сидел в своем кабинете, просматривал список и вычеркивал уже сделанное.

Увидел свой «хаммер», вкатывающийся на подъездную дорожку, и вычеркнул еще один пункт: Бренда лежала вместе с остальными телами. Ренни подумал, что теперь он готов, — во всяком случае, для этого сделано все, что можно. Даже если бы Купол сегодня исчез, Большой Джим полагал, что его зад надежно прикрыт.

Младший вошел и бросил ключи от «хаммера» на стол отца. Бледный, с еще больше отросшей щетиной на щеках, но уже не выглядевший как смерть. Левый глаз оставался красным, но не пламенел.

— Все готово, сын?

Младший кивнул.

— Нас посадят? — В вопросе слышалось лишь любопытство.

— Нет. — Идея, что его могут посадить, не приходила Большому Джиму в голову даже после того, как эта ведьма Перкинс появилась здесь и начала выкладывать свои обвинения. Он улыбнулся: — Но Дейла Барбару посадят.

— Никто не поверит, что он убил Бренду Перкинс.

Большой Джим продолжал улыбаться.

— Поверят. Люди испуганы, и они поверят. Так уж устроена жизнь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я изучаю историю. И тебе не мешает как-нибудь этим заняться. — На кончике языка уже вертелся вопрос: почему он покинул Боудин?^[128] Бросил сам, его вышибли или попросили уйти? Но потом решил, что сейчас не время и не место. Вместо этого спросил: может ли Младший выполнить еще одно поручение?

Тот потер висок:

— Наверное. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

— Тебе понадобится помощь. Ты можешь взять Френка, но я бы предпочел Тибодо, если он сможет двигаться после сегодняшнего. Только не Сирлса. Парень хороший, но глупый.

Младший ничего не сказал. Большой Джим вновь задался вопросом: а

что не так с его сыном? Но хотел ли он действительно это знать? Может, когда закончится кризис. А пока на плите стояло слишком много кастрюль и сковородок, а до обеда оставалось совсем ничего.

— Что мне нужно сделать? — спросил все-таки Младший.

— Сначала хочу кое-что выяснить. — Большой Джим взял мобильник. Всякий раз, когда это делал, ожидал, что пользы от него будет как от козла молока, но мобильник все еще работал. По крайней мере звонки по городу проходили, а ничего больше ему и не требовалось. Он позвонил в полицейский участок. После третьего гудка услышал голос Стейси Моггин, запыхавшийся, а не деловой, как обычно. Большого Джима это не удивило с учетом утренней заварушки. Сейчас он слышал чьи-то крики.

— Полицейский участок! Если у вас не что-то чрезвычайное, пожалуйста, положите трубку и позвоните позже. Сейчас мы ужасно за...

— Это Джим Ренни, милая. — Он знал, что Стейси терпеть не может, когда к ней обращаются *милая*. Потому и обратился. — Соедини меня с чифом. Скоренько.

— Он пытается разнять драку перед столом дежурного. Может, вы сможете перезвонить поз...

— Нет, я не могу перезванивать позже. Думаешь, я стал бы звонить по какому-то пустяку? Пойди туда сама, милая, и прысни в самого агрессивного «Мейсом». Потом отправь Пита в его кабинет, чтобы...

Она не дала ему закончить, но и не попросила подождать. Телефон со стуком упал на стол. Большой Джим удовлетворенно кивнул. Если уж он кого-то достал, ему нравилось об этом знать. Издалека донесся приглушенный голос. Кто-то обозвал кого-то гребаным вором. Большой Джим улыбнулся.

Мгновением позже его перевели на другой телефон. Стейси не удосужилась сообщить ему об этом. Какое-то время он слушал чью-то ругань. Потом кто-то взял трубку. Запыхавшийся Рэндолф.

— Говори быстро, Джим, у нас тут сумасшедший дом. Те, кого не отправили в больницу со сломанными ребрами или с чем-то еще, злые как черти. Каждый винит всех остальных. Я пытаюсь не заполнять камеры внизу, но, похоже, половина из них хочет туда отправиться.

— Идея увеличить численность полиции сегодня кажется тебе более привлекательной, чиф?

— Господи, да. Нам досталось. Одна из моих патрульных, Ру, — в больнице. У нее разломана нижняя половина лица. Выглядит она, как невеста Франкенштейна.

Улыбка Большого Джима расплзлась на все лицо. Сэм Вердро его не

подвел. Но разумеется, это еще одна особенность шестого чувства: когда тебе приходится кого-то о чем-то просить в тех редких случаях, когда ты не можешь что-то сделать сам, ты всегда обращаешься к нужному человеку.

— Кто-то швырнул в нее камень. И в Мела Сирлса тоже. Тот на какое-то время отключился, но теперь вроде бы в порядке. Но рана во весь лоб. Я отправил его в больницу, чтобы его перевязали.

— Это форменное безобразие.

— Кто-то целился в моих патрульных. И думаю, не один человек. Большой Джим, мы можем набрать еще помощников?

— Я думаю, ты найдешь много желающих среди честолюбивых парней этого города. Я и сам могу предложить нескольких, из прихожан церкви Святого Искупителя. К примеру, братьев Кильян.

— Джим, Кильяны тупее полена.

— Знаю, но они парни крепкие и исполнительные. — Он помолчал. — Опять же умеют стрелять.

— Мы собираемся вооружить новых полицейских? — В голосе Рэндолфа звучали и сомнение, и надежда.

— После того, что произошло сегодня? Разумеется. Я думаю, что сначала надо привлечь человек десять — двенадцать. Френк и Младший помогут тебе с выбором кандидатур. И нам понадобится больше, если к следующей неделе все не образуется. Выдай им расписки на жалованье. И в первую очередь снабди товарами, если начнется нормирование. Их самих и семьи.

— Хорошо. Пришли сюда Младшего. Френк уже здесь, Тибодо тоже. Ему у супермаркета тоже досталось, но повязку на плече поменяли, и теперь он в форме. — Рэндолф понизил голос: — Он говорит, что перевязал его Барбара. И перевязал очень неплохо.

— Это хорошо, но нашему мистеру Барбаре недолго осталось менять повязки. Для Младшего у меня есть другая работа. И для патрульного Тибодо тоже. Пришли его ко мне.

— Зачем?

— Если бы я хотел, чтобы ты знал, я бы тебе сказал. Просто пришли его. Младший и Френк смогут составить список новобранцев позже.

— Что ж... раз ты так говоришь... — Рэндолфа прервал какой-то грохот. Кто-то упал или кого-то свалили. Опять грохот, теперь уже что-то разбилось. — *Прекратите!* — проорал Рэндолф. Улыбаясь, Большой Джим отодвинул мобильник на пару дюймов от уха. И так все слышал. — *Схватите этих двоих... не этих, идиот, ДРУГИХ двоих... НЕТ, я не хочу, чтобы их арестовали! Я хочу, чтобы их вышвырнули отсюда! Хоть*

пинками под зад, если по-другому они не желают! — Мгновением позже он вновь говорил с Большим Джимом: — Напомни мне, почему я хотел получить эту работу, а то я уже начал забывать.

— Все войдет в норму, — успокоил его Ренни. — Скоро у тебя будет пять новичков, крепких молодых парней. Позже — еще пятеро. Как минимум пятеро. А теперь пришли ко мне юного Тибодо. И проследи, чтобы камеру в дальнем углу подготовили к приему нового постояльца. Мистер Барбара займет ее уже сегодня.

— По какому обвинению?

— Как насчет четырех убийств и организации бунта в местном супермаркете? Подойдет?

И он отключил связь, прежде чем Рэндолф успел ответить.

— И что ты хочешь от меня с Картером? — спросил Младший.

— Днем? Во-первых, разведка и планирование. С планированием я помогу. Потом ты примешь участие в аресте Барбары. Думаю, это тебе доставит удовольствие.

— Доставит.

— После того как Барбара окажется в камере, ты и патрульный Тибодо плотно поужинаете, потому что настоящая работа будет ждать вас ночью.

— Какая?

— Сжечь редакцию «Демократа». Как тебе это?

Глаза Младшего широко раскрылись.

— Зачем?

Вопрос сына его разочаровал.

— Потому что в ближайшем будущем газета городу не нужна. Есть возражения?

— Папа, тебе приходило в голову, что ты, возможно, чокнутый?

— Не то слово.

— Столько раз я бывала в этой комнате, — произнесла Джинни Томлинсон новым, невнятным голосом, — но не представляла себе, что окажусь на этом столе.

— Даже если бы представляла, наверняка не думала, что оперировать тебя будет тот парень, который утром приготовил тебе стейк и яичницу. — Барби старался шутить, но он зашивал и перевязывал с того самого момента, как первым же рейсом «скорой» прибыл в «Кэтрин Рассел», и очень устал. Он подозревал, что главная причина усталости — стресс: Барби до смерти боялся навредить кому-нибудь вместо того, чтобы помочь. Ту же тревогу он видел на лицах Джинны Буффалино и Гарриет Бигелоу, а у них в голове не тикали часы, заведенные Джимом Ренни, что усугубляло положение Барби.

— Думаю, пройдет немало времени, прежде чем я снова смогу съесть стейк, — вздохнула Джинни.

Расти выправил ее нос, прежде чем заняться другими пациентами. Барби ему ассистировал. Удерживал голову неподвижно, как мог мягко, и бормотал ободряющие слова. Сначала Расти вставил ей в ноздри ватные тампоны, пропитанные медицинским раствором кокаина. Выждав десять минут, чтобы анестезия подействовала (за это время зафиксировал растянутое запястье и наложил эластичную повязку на раздувшееся колено какой-то толстухи), вытащил тампоны и схватил скальпель. Действовал фельдшер с вызывающей восхищение быстротой. Прежде чем Барби предложил Джинни сказать *дужка*, Расти уже вставил державку скальпеля в более широкую ноздрю, прижал к перегородке и использовал как рычаг.

Как человек, подцепляющий колпак на колесе, подумал Барби, прислушиваясь к слабому, но долетающему до ушей хрусту, сопровождающему возвращению носу Джинни прежней (или близкой к ней) формы. Она не закричала, но ногти прорвали бумажную простыню, которой застелили стол, а из глаз покатались слезы.

Теперь Джинни держалась спокойно — Расти дал ей пару таблеток перкосета — но слезы продолжали течь из менее опухшего глаза. Распухли и ставшие фиолетовыми щеки. Барби подумал, что выглядит она, как Рокки Бальбоа после поединка с Аполло Кридом.

— Взгляни на светлую сторону жизни, — сказал он Джинни.

— А она есть?

— Определенно. Вот Ру придется месяц сидеть на супе и молочных коктейлях.

— Джорджии? Я слышала, в нее попал камень. Как сильно?

— Жить она будет, но пройдет много времени, прежде чем она станет красивой.

— Джорджия никогда и не претендовала на звание «Мисс Яблочный Цвет». — Джинни понизила голос: — Это она кричала?

Барби кивнул. Вопли Ру разносились по всей больнице.

— Расти дал ей морфия, но она долго не могла уговориться. Должно быть, здоровья у нее как у лошади.

— А совести как у крокодила, — добавила Джинни все тем же невнятным голосом. — Я бы не хотела, чтобы такое с кем-то случилось, но это чертовски хороший аргумент в пользу неизбежности кармического возмездия. Давно я здесь? Мои чертовы часы сломались.

Барби посмотрел на свои:

— Сейчас половина третьего. То есть получается, ты уже пять с половиной часов на пути к выздоровлению. — Он крутанул бедрами, услышал, что хрустнула поясница, почувствовал, спина чуть расслабилась. Решил, что Том Петти абсолютно прав: ждать — это самое трудное. Предположил, что все станет проще, когда он наконец-то окажется в камере. Если только его не убьют. Ему пришло в голову, что кое-кто может решить, что это наилучший выход — убить его при сопротивлении аресту.

— Чему ты улыбаешься? — спросила Джинни.

— Ничему особенному. — Он взял пинцет. — А теперь лежи тихо и не мешай мне. Раньше начнем, раньше закончим.

— Я должна встать и взяться за дело.

— Если ты встанешь, то сделаешь только одно — грохнешься на пол.

Она посмотрела на пинцет:

— Ты знаешь, как с ним управляться?

— Будь уверена. Выиграл золотую медаль в олимпийском турнире по удалению осколков стекла.

— По части вранья ты перецегаляешь даже моего бывшего мужа. — Джинни слабо улыбнулась. Барби догадался, что улыбка причиняет ей боль, пусть она и приняла болеутоляющее, и ему нравилась твердость ее характера.

— Ты не из тех зануд медиков, которые становятся тиранами, когда им самим приходится лечиться?

— Таким был доктор Хаскел. Однажды он загнал под ноготь большого пальца занозу, а когда Расти предложил ее вытащить, ответил, что ему

нужен специалист. — Она засмеялась, скривилась, застонала.

— Если тебе от этого полегчает, коп, который ударил тебя, получил камнем по голове.

— Опять карма. Он уже оклемался?

— Да. — Мел Сирлс двумя часами раньше покинул больницу с повязкой на голове.

Когда Барби склонился над ней с пинцетом, она инстинктивно отвернула голову. Он повернул ее назад, надавив рукой — очень осторожно — на менее распухшую щеку.

— Я знаю, что ты должен это сделать, — сказала она. — Просто очень боюсь за глаза.

— С учетом того, как сильно тебя ударили, тебе повезло, потому что осколки вокруг глаз, а не в них.

— Знаю. Только не причиняй мне боли, хорошо?

— Конечно. Скоро ты будешь на ногах, Джинни. Я все сделаю быстро.

Он вытер руки, чтобы убедиться, что они сухие (перчатки надевать не хотел, боялся, что те повлияют на точность движений), наклонился ниже. С полдюжины маленьких осколков разбитых линз вонзились в брови и вокруг глаз, но больше всего Барби тревожил один — чуть ниже уголка левого глаза. Барби не сомневался, что Расти удалил бы его сам, если б заметил, но он сосредоточился на носу Джинни.

Сделай это быстро, сказал себе Барби. Неудачу обычно терпит тот, кто колеблется.

Он ухватил осколок кончиками пинцета и бросил в пластиковый контейнер, стоящий на столике. Крошечная капелька крови выступила из ранки. Барби выдохнул.

— Уф! Остальные — ерунда. Никаких проблем.

— Из твоих уст да в уши Господа.

Он едва успел удалить последний осколок, когда Расти открыл дверь смотровой и спросил: не может ли Барби ему помочь? Фельдшер держал в руке жестянку пастилок «Сукретс».

— Помочь с чем?

— С геморроем, который ходит, как человек. Эта анальная язва хочет уйти с украденными товарами. При обычных обстоятельствах я бы порадовался, увидев, как эта паршивая задница выходит за дверь, но сейчас она может принести пользу.

— Джинни? — спросил Барби. — Ты в порядке?

Она махнула рукой в сторону двери. Когда он двинулся следом за Расти, Джинни крикнула:

— Эй, красавчик!

Барби оглянулся, и она послала ему воздушный поцелуй. Барби его поймал.

В Честерс-Милле работал только один стоматолог — Джо Боксер. Его клиника находилась в конце Страут-лейн, и из кабинета открывался прекрасный вид на Престил-Стрим и мост Мира. Прекрасный, если человек сидел. Но большинство гостей занимали горизонтальное положение и смотреть могли только на несколько десятков фотографий чихуахуа Боксера, развешанных по потолку.

«На одной из них эта чертова собака выглядит так, будто собирается нагадить, — поделился Дуги Твитчел с Расти после одного визита. — Не знаю, может, эта порода собак так сидит, но я сомневаюсь. Думаю, я провел полчаса, глядя на эту тряпку с глазами, справляющую большую нужду, пока Бокс удалял мне два зуба мудрости. По ощущениям, отверткой».

Вывеска, которая находилась над входом в клинику Боксера, выглядела, как баскетбольные трусы, снятые со сказочного великана. Золотисто-зеленые — в цветах «Диких котов». Поверху тянулась надпись: «ДЖОЗЕФ БОКСЕР, ДОКТОР-СТОМАТОЛОГ». Ниже вторая: «БОКСЕР БЫСТРЫЙ». И он работал достаточно быстро, с этим соглашались все, но не признавал никаких медицинских страховок, брал только наличными. Если к нему приходил больной с пульпитом, десны которого пылали, а щеки раздулись, как у белки, набившей рот орехами, и начинал что-то говорить о страховке, Боксер предлагал ему добыть деньги в «Антеме», или «Синем кресте», или где-то еще, а потом возвращаться к нему.

Небольшая конкуренция могла бы заставить его смягчить такую драконовскую политику, но полдюжину стоматологов, которые пытались практиковать в Честерс-Милле с начала девяностых, быстро отказывались от своих намерений. Ходили слухи, что добрый друг Боксера, Джим Ренни, помогал тому в борьбе с конкурентами, но доказательств никто привести не мог. А пока Боксер каждый день кружил по городу на своем «порше», и наклейка на заднем бампере оповещала: «МОЙ ВТОРОЙ АВТОМОБИЛЬ — ТОЖЕ «ПОРШЕ»!»

Когда Расти вместе с Барби вышел в коридор, Боксер направлялся к выходу. Или пытался направиться: Твитч ухватил его за руку в холле у дверей. В другой руке Боксер держал корзину, набитую вафлями «Эгго». Ничего больше, только упаковки и упаковки вафель. И Барби задался вопросом — уже не в первый раз, — а может, он лежит в канаве, что проходила за автомобильной стоянкой у «Дипперса», избитый до

полусмерти, и все это видения, рожденные поврежденным мозгом?

— Я здесь не останусь! — кричал Боксер. — Я должен отнести это домой и положить в морозильную камеру! Из того, что вы предлагаете, все равно ничего не выйдет, так что отцепитесь от меня. — Барби заметил маленькую наклепку из пластыря на брови Боксера и повязку на правой руке повыше локтя. Дантист, похоже, с боем добывал замороженные вафли. — Скажи этому громиле, чтоб отпустил меня, — обратился он к Расти, едва увидев его. — Мне оказали помощь, и теперь я иду домой.

— Пока еще нет. Вам оказали помощь, и я ожидаю, что вы за это расплатитесь.

Боксер, мужчина невысокий, выпрямился во все свои пять футов и четыре дюйма, расправил плечи и выпятил грудь.

— Ожидай и будь проклят! Я считаю, что челюстная хирургия — на нее у меня, кстати, нет разрешения штата Мэн — очень уж несоразмерная *quid pro quo*^[129] за пару кусочков пластыря. Я работаю, чтобы жить, Эверетт, и исхожу из того, что моя работа должна оплачиваться.

— Вам все оплатят на небесах, — вставил Барби. — Разве не так говорит ваш друг Ренни?

— Он не имеет никакого от...

Барби приблизился на шаг и всмотрелся в зеленую корзину для покупок, которую Боксер держал в руке. На ручке виднелась четкая надпись: «СОБСТВЕННОСТЬ “МИРА ЕДЫ”». Боксер тут же попытался заслонить корзину, но без особого успеха.

— Раз уж разговор зашел об оплате, вы заплатили за эти вафли?

— Что вы такое говорите? Все брали всё. Я взял только это. — Он воинственно посмотрел на Барби. — У меня очень большая морозильная камера, и я обожаю вафли.

— «Все брали всё» — не такое уж весомое оправдание при обвинении в грабеже, — мягко указал Барби.

Боксер вроде бы не мог вытянуться еще больше, но каким-то образом вытянулся. Его лицо стало не просто красным — пунцовым.

— Так отведите меня в суд! Где он, *этот суд*? Дело закрыто! Ха! — Он начал поворачиваться к двери.

Барби протянул руку и схватился за корзину:

— Тогда я вафли просто конфискую.

— Вы не можете этого сделать!

— Нет? Так отведите меня в суд! — Барби улыбнулся. — Ох, я и забыл... где он, *этот суд*?

Доктор Боксер сверлил его злобным взглядом, губы его чуть

разошлись, открыв верхушки миниатюрных, идеально ровных зубов.

— Мы приготовим эти вафли в кафетерии, — поддержал Барбару Расти. — Вкусно! Ням-ням!

— Да, пока еще есть электричество, чтобы поджарить их, — пробормотал Твитч. — Или можем нацепить их на вилки и приготовить над мусоросжигательной печью.

— Вы не можете этого сделать!

— Давайте определимся со всей ясностью, — настаивал Барби, — если вы не сделаете того, о чем просит вас Расти, я не позволю вам вынести отсюда вафли.

Учитель истории Чэз Бендер, с одной наклейкой из пластыря на переносице, а второй — на шее, рассмеялся. Недобрым смехом.

— Расплачивайся! Так ведь ты всегда говоришь, док?

Боксер перевел злобный взгляд на Бендера, потом на Расти.

— Шансы на то, что получится, почти что нулевые. Вы должны это знать.

Расти открыл жестянку из-под «Сукретс». В ней лежали шесть зубов.

— Тори Макдональд подобрала их около супермаркета. Встала на колени и копалась в лужах крови Джорджии Ру, чтобы найти. И если вы хотите в ближайшем будущем завтракать вафлями «Эгго», вам лучше вставить их обратно в челюсть Джорджии.

— А если я просто уйду?

Чэз Бендер сделал шаг вперед. Сжав кулаки.

— В этом случае, мой продажный друг, я изобью тебя в кровь на автостоянке.

— Я помогу, — вставил Твитч.

— А я помогать не буду, но посмотрю, — внес свою лепту Барби.

Послышались смех и аплодисменты.

Барби это позабавило, но при том засосало под ложечкой.

Плечи Боксера поникли. И сразу он превратился в маленького человечка, у которого возникли большие проблемы.

— Челюстной хирург, работая в оптимальных условиях, мог бы имплантировать эти зубы, и, наверное, они бы прижились, хотя он не стал бы давать никаких гарантий. В моем случае она может считать себя счастливицей, если приживутся один или два. Скорее, зубы попадут к ней в дыхательное горло, и она задохнется.

Полная женщина с копной пламенеющих рыжих волос отодвинула Чэза Бендера в сторону:

— Я посижу рядом, чтобы с ней этого не случилось. Я ее мать.

Доктор Боксер вздохнул:

— Она в сознании?

Прежде чем он получил ответ, к больнице подъехали два патрульных автомобиля, один из них — зеленый чифа. Из одного вылезли Фредди Дентон, Ренни-младший, Френк Дилессепс и Картер Тибодо. С переднего сиденья зеленого — чиф Рэндолф и Джекки Уэттингтон. С заднего — жена Расти. Подойдя к дверям больницы, они достали оружие.

Маленькая толпа, наблюдавшая за противостоянием с Джо Боксером, зашумела и подалась назад. Многие, несомненно, ожидали, что их арестуют за участие в грабеже.

Барби повернулся к Расти:

— Посмотри на меня.

— Что ты...

— Посмотри на меня! — Барби поднял руки, показал их ему с обеих сторон. Потом задрал футболку, продемонстрировал сначала плоский живот, потом спину: — Видишь какие-то ссадины? Синяки?

— Нет.

— Проследи, чтобы они об этом узнали.

На большее у него не хватило времени. Рэндолф со своим войском уже миновал двери.

— Дейл Барбара, шаг вперед!

Барби вышел до того, как Рэндолф наставил на него пистолет. Потому что бывали несчастные случаи. Иной раз совсем не случайные.

Барби увидел недоумение Расти и проникся еще большей симпатией к такому наивному фельдшеру. Увидел Джину Буффалино и Гарриет Бигелу, их широко раскрытые глаза. Но в основном сосредоточился на чифе Рэндолфе и его копах. Все стояли с каменными лицами, разве что в глазах Тибодо и Дилессепса читалась удовлетворенность. Для них это была всего лишь расплата за ту ночь у «Дипперса». И расплачиваться, похоже, предстояло по полной.

Расти встал перед Барби, словно заслоняя его.

— Не делай этого, — прошептал Барби.

— Расти, нет! — вскрикнула Линда.

— Питер, в чем дело? — спросил Расти. — Барби помогает мне и делает это чертовски хорошо.

Барби боялся отодвинуть здоровяка фельдшера, боялся даже прикоснуться к нему. Он лишь поднял руки, очень медленно, ладонями вперед.

Увидев, как Барби поднимает руки, Младший и Фредди Дентон

направились к нему. Быстро. Младший даже толкнул Рэндолфа, и «беретта», зажатая в кулаке чифа, выстрелила. Грохот раздался оглушительный. Пуля вонзилась в деревянный пол в трех дюймах от правой ноги Рэндолфа, оставив на удивление большую дыру. В воздухе повис запах сгоревшего пороха.

Джина и Гарриет закричали и бросились бежать к главному коридору, перепрыгивая через ползущего по полу Джо Боксера. Тот втянул голову в плечи, а его всегда аккуратно зачесанные волосы падали на лицо. Брендэн Эллерби, которому свернули челюсть, пнул стоматолога в плечо, когда тот проползал мимо. Жестянка выскочила из руки Боксера, ударилась о стол регистратора, раскрылась. Зубы, которые с таким тщанием собирала Тори Макдональд, разлетелись в разные стороны.

Младший и Фредди схватили Расти, который и не пытался сопротивляться. На его лице читалось полнейшее недоумение. Копы оттолкнули фельдшера в сторону. Ноги его заплелись. Линда попыталась удержать Расти, но они вместе упали на пол.

— Какого хрена?! — проревел Твитч. — Какого хрена?!

Чуть прихрамывая, Картер Тибодо направился к Барби, который видел, что его ждет, но рук не опускал. Потому что, если б опустил, его могли убить. И не только его. После того как выстрелил один пистолет, шансы, что выстрелят другие, повисились.

— Привет, дружище. А ты, однако, даром времени не терял. — Тибодо ударил Барби в живот.

Тот напряг мышцы, готовясь к удару, но все равно согнулся пополам. Силы у Тибодо хватало.

— Прекратите! — прокричал Расти. На лице все еще отражалось недоумение, но теперь к нему добавилась злость. — Немедленно прекратите, к чертовой матери!

Он пытался подняться, но Линда обвила его руками и не пускала:

— Нет! Нет! Он опасен!

— Что? — Расти повернул голову и изумленно посмотрел на жену: — Ты рехнулась?

Барби по-прежнему поднимал руки, показывая копам, что они пустые. Стоял он согнувшись, так что возникало впечатление, что Барби низко кланяется, приветствуя их.

— Тибодо, отойди! — приказал Рэндолф. — Этого достаточно.

— Убери пистолет, идиот! — крикнул Расти чифу. — Хочешь кого-нибудь убить?

Рэндолф бросил на него полный презрения взгляд, повернулся к

Барби:

— Выпрямляйся, сынок.

Барби выпрямился. Превозмогая боль, но выпрямился. Он знал, что сейчас катался бы по полу, жадно ловя ртом воздух, если б не приготовился к удару Тибодо. И тогда Рэндолф попытался бы поднять его на ноги пинками? И другие копы присоединились бы к нему, несмотря на большое количество зрителей, которые теперь подбирались поближе, чтобы лучше видеть? Разумеется, потому что кровь в копах кипела. Так уж обычно разворачивались события в подобных ситуациях.

— Я арестовываю тебя за убийства Анджелы Маккейн, Дорин Сандерс, Лестера Коггинса и Бренды Перкинс.

От каждого имени Барби вздрагивал, но последнее поразило его в самое сердце. Эта славная женщина забыла про осторожность. Барби не винил ее — она так горевала по мужу, — но мог винить себя, потому что позволил ей пойти к Ренни. Более того, подтолкнул к этому.

— Что произошло? — спросил он Рэндолфа. — Что, во имя Бога, вы сделали?

— Как будто ты не знаешь, — фыркнул Фредди Дентон.

— Что же ты за маньяк такой? — Лицо Джекки Уэттингтон перекошило от презрения, глаза стали маленькими от ярости.

Барби их проигнорировал. Он всматривался в лицо Рэндолфа, по-прежнему не опуская рук. Требовался лишь малейший повод, чтобы копы набросились на него. Даже Джекки, обычно милейшая женщина, могла к ним присоединиться, пусть ей требовалась веская причина, а не повод. А может, и этого не требовалось. Иногда ломались и хорошие люди.

— Тогда у меня есть вопрос получше, — продолжил Барби. — Почему вы позволяете Ренни творить такое? Это же его дела, о чем вы прекрасно знаете. Все следы ведут к нему.

— Заткнись! — Рэндолф повернулся к Младшему: — Надень на него наручники.

Младший потянулся к Барби, но, прежде чем успел коснуться его, Барби убрал руки за спину и развернулся. Расти и Линда оставались на полу. Линда обнимала мужа, удерживая его.

— Помни, — сказал ему Барби, когда пластиковые наручники стянули запястья, врезаясь в кожу.

Расти встал. Когда Линда попыталась удержать его, оттолкнул ее и одарил взглядом, которого она никогда не видела. В нем читалась суровость, упрек, но и жалость.

— Питер, — обратился он к начальнику полиции, а когда тот начал

отворачиваться, возвысил голос до крика: — *Я с тобой говорю!* Смотри на меня, когда я это делаю! — Рэндолф повернулся. Его лицо превратилось в каменную маску. — Барби знал, что вы идете за ним.

— Конечно, знал, — вставил Младший. — Он, возможно, псих, но ведь не дурак.

Расти на него и не посмотрел.

— Он показал мне руки, лицо, поднял футболку, чтобы я мог увидеть его живот и спину. Все чисто, не считая синяка, который появится после удара Тибодо.

— Три женщины! — подал голос Картер. — Три женщины и священник! Он это заслужил.

Расти по-прежнему смотрел на Рэндолфа:

— Это подстава.

— При всем уважении к тебе, Эрик, это не твоя епархия. — Рэндолф убрал пистолет в кобуру. К всеобщему облегчению.

— Совершенно верно, я — лекарь, не коп и не адвокат. И говорю тебе следующее. Если мне доведется увидеть его, пока он будет под твоей опекой, и у него обнаружатся ссадины и синяки, да поможет тебе Бог.

— А что ты собираешься сделать? Позвонишь в Союз гражданских свобод? — Губы Френка Дилессепса побелели от ярости. — Твой друг забил до смерти четырех человек. У Бренды Перкинс сломана шея. Одна из девушек была моей невестой, и она изнасилована. Вероятно, и после смерти, и до нее: так все это выглядит. — Большинство тех, кто разбежались при выстреле, уже вернулись, и теперь по толпе пронесся стон. — И такого парня ты защищаешь? Да тебя самого надо за это посадить в тюрьму!

— Френк, заткнись! — бросила Линда.

Расти посмотрел на Дилессепса, мальчика, которого он лечил от ветряной оспы и свинки, из волос которого выбирал вшей — Френк привез их из летнего лагеря, — которому гипсовал левую руку, сломанную во время игры в бейсбол, а однажды, у двенадцатилетнего, снимал жуткий зуд, вызванный ядовитым плющом. Он видел мало общего между тем мальчиком и этим мужчиной.

— И если меня посадят в тюрьму? Что потом, Френк? Что будет, если у твоей матери случится очередной приступ желчнокаменной болезни, как в прошлом году? Мне придется подождать с лечением, пока ее не пустят в тюрьму?

Френк шагнул к нему, поднимая руку, чтобы отвесить оплеуху или ударить кулаком. Младший перехватил ее:

— Он свое получит, не волнуйся. Все получают, кто на стороне Барби. Когда придет время.

— Стороне? — В голосе Расти слышалось искреннее изумление. — О каких сторонах ты говоришь? У нас тут не футбол. — Младший улыбнулся, словно знал какой-то секрет. Расти повернулся к Линде: — И такое говорят твои коллеги. Тебе это нравится?

Какие-то мгновения она не могла поднять на него глаз. Потом подняла.

— Они озлоблены, это так, но я их не виню. Я тоже зла. Четыре человека, Эрик... или ты не слышал? Он убил их и почти наверняка изнасиловал двух женщин. Я помогала вынимать тела из катафалка у Боуи. Я видела пятна.

Расти покачал головой:

— Я провел с ним все утро, наблюдая, как он помогает людям, а не причиняет им боль.

— Пошли, — подал голос Барби. — Отойди, здоровяк. Сейчас не вре...

Младший ткнул его в ребра. Сильно.

— У тебя есть право молчать, сучий потрох!

— Он это сделал. — Линда протянула руку Расти, поняла, что он не собирается ее взять, и рука упала как плеть. — Его армейские жетоны нашли в руке Энджи Маккейн.

Расти потерял дар речи. Мог только смотреть, как Барби усаживают в автомобиль чифа и запирают на заднем сиденье. Наручники с рук никто не снял. Но на одно мгновение Барби встретился с Расти взглядом. И качнул головой. Один раз, коротко и твердо.

Потом его увезли.

В холле больницы воцарилась тишина. Младший и Френк уехали с Рэндолфом. Картер, Джекки и Фредди Дентон шли ко Второму патрульному автомобилю. Линда стояла и смотрела на мужа с мольбой и злостью в глазах. Потом злость ушла. Она шагнула к нему, подняла руки, ожидая, что ее обнимут, хотя бы на несколько секунд.

— Нет! — отрезал он.

Она замерла:

— Да что с тобой такое?

— А что такое с тобой? Или ты не поняла, что здесь сейчас произошло?

— Расти, Энджи держала в руке армейские жетоны Барби.

Он медленно кивнул:

— И все сразу стало ясно, ты это хочешь сказать?

Ее лицо, на котором отражались боль и надежда, застыло. Линда заметила, что по-прежнему протягивает к нему руки, и опустила их.

— Четыре человека, трое избиты до неузнаваемости. Стороны есть, и ты должен подумать, какую тебе принять.

— И ты тоже, сладенькая.

— Линда, иди сюда! — снаружи позвала Джекки.

Расти внезапно понял, что они не одни и среди тех, кто стоит вокруг, многие постоянно голосовали за Джима Ренни.

— Подумай о происшедшем, Лин. И подумай о том, на кого работает Пит Рэндолф.

— Линда! — вновь позвала Джекки.

Линда Эверетт ушла, опустив голову. Не оглянувшись. Расти держался, пока она не села в патрульный автомобиль. Потом его начало трясти. Он подумал, что упадет, если сейчас же не сядет.

Рука легла на его плечо. Твитча.

— Ты в порядке, босс?

— Да. — Как будто от этого слова все могло прийти в норму. Барби увезли в тюрьму, и Расти впервые поссорился с женой за... сколько?., четыре года?., скорее, за шесть. Нет, он был далеко не в порядке.

— У меня вопрос, — продолжил Твитч, — если людей убили, почему тела увезли в «Похоронное бюро Боуи», а не привезли сюда для посмертного вскрытия? Чья это была идея?

Прежде чем Расти успел ответить, погас свет. Контейнер с пропаном, питающий генератор больницы, опустел.

Когда они втроем смели все тушеное мясо с овощами (на том ее запасы мяса и закончились), Клер предложила им встать перед ней. Серьезно смотрела на них, а они — на нее, такие юные и пугающе решительные. Потом со вздохом протянула Джо рюкзак.

Бенни заглянул в него и увидел три сэндвича с ореховым маслом и джемом, три яйца, три бутылки «снэппла»^[130] и шесть овсяных печений с изюмом. И даже с полным после ленча желудком просиял:

— Великолечно, миссис Макклэтчи! Вы настоящая...

Она не повернулась к нему. Пристально смотрела на Джо.

— Я понимаю, что это важное дело, потому пойду с вами. Даже могу подвезти вас, если...

— Нет никакой необходимости, мама. Доехать туда — пара пустяков.

— И никакой опасности нет, — добавила Норри. — Дороги пустые.

Клер не отрывала от сына строгого материнского взгляда:

— Но я хочу получить два обещания. Первое, вы вернетесь домой до темноты. И я говорю не о том времени, когда сумерки переходят в ночь. Вы должны быть здесь, пока солнце еще будет над горизонтом. И второе, если вы что-то найдете, отметьте место нахождения этого что-то, а потом оставьте его в покое. Я согласна с тем, что в поисках этого что-то лучше вас троих никого нет, но разбираться с ним — дело взрослых. Так вы даете мне слово? Даете, или мне придется ехать с вами в роли наставницы?

На лице Бенни отразилось сомнение.

— Я никогда не бывал на Блэк-Ридж-роуд, миссис Макклэтчи, но проезжал мимо. Не думаю, что эта дорога годится для вашего «цивика».

— Тогда или вы даете слово, или остаетесь здесь. Как это вам?

Джо пообещал. Остальные двое — тоже. Норри даже перекрестилась.

Джо уже собрался закинуть рюкзак за спину, когда Клер сунула в него мобильник:

— Не потеряй его, мистер.

— Не потеряю, мама. — Джо переминался с ноги на ногу, ему не терпелось уйти.

— Норри! Могу я надеяться, что ты не потеряешь голову, если у этих двоих откажут тормоза?

— Да, мэм, — без запинки ответила Норри Кэлверт, как будто за прошлый год не было тысячи случаев, когда на своем скейте она могла не

только переломать все кости, но и сломать шею. — Можете быть уверены.

— Я надеюсь на это. Очень надеюсь. — Клер потерла виски, словно заболела голова.

— Потрясающий ленч, миссис Макклэтчи! — воскликнул Бенни и поднял руку: — Дайте пять.

— Господи, что я делаю? — задала риторический вопрос Клер. Потом хлопнула по его ладони своей.

За высокой, по грудь, стойкой, установленной в просторном холле полицейского участка, куда приходили люди, чтобы сообщить о краже, вандализме или пожаловаться на громко лающую соседскую собаку, находилась дежурная часть со столами, шкафчиками и кофеваркой с ворчливой надписью: «КОФЕ И ПОНЧИКИ НЕ БЕСПЛАТНЫЕ». Там же производилось оформление арестованных. Здесь Барби сфотографировал Фредди Дентон, а Генри Моррисон снял отпечатки его пальцев. Во время этой операции Питер Рэндолф и Дентон стояли рядом с пистолетами наготове.

— Расслабь, расслабь их! — кричал Генри. Это был не тот человек, который обожал поболтать с Барби о соперничестве «Ред сокс» и «Янки» за ленчем в «Эглантерии» (всегда сэндвич с беконом, салатом и помидором плюс соленый огурчик). Сейчас он выглядел так, будто с радостью врезал бы Дейлу Барбаре в нос. — Не катай их, я сам это сделаю, просто расслабь!

Барби хотел сказать Генри, что трудно расслабить руки, когда рядом стоят люди с пистолетами на изготовку, особенно если ты знаешь, что они с удовольствием пустят оружие в ход. Но не раскрыл рта и сосредоточился на том, чтобы расслабить пальцы, давая возможность Генри их откатать. И вроде бы получилось у него неплохо. При других обстоятельствах он бы спросил Генри, а зачем им такие формальности, но не высказался и по этому поводу.

— Хорошо. — Генри наконец решил, что отпечатки получились. — Отведите его вниз. Я хочу вымыть руки. Дотронуться до него — что в грязи извальяться.

Джекки и Линда стояли с одной стороны. Теперь, когда Рэндолф и Дентон убрали пистолеты, обе женщины достали свои. Нацеливать на Барби не стали, но могли это сделать в любой момент.

— Если б я мог, выблевал бы все, чем ты меня кормил, — добавил Генри. — Мне противно на тебя смотреть.

— Я ничего не сделал. Подумай об этом, Генри. — Моррисон только отвернулся.

С тем чтобы подумать, здесь нынче туго, напомнил себе Барби. Не сомневаясь в том, что именно к этому и стремился Ренни.

— Линда, миссис Эверетт...

— Не обращай ко мне. — Ее лицо было бумажно-белым, если не

считать лиловых полукружий под глазами. Они выглядели как синяки.

— Топай, золотце, — фыркнул Дентон и ткнул кулаком в спину Барби, чуть выше почки. — Твои апартаменты ждут.

Джо, Бенни и Нора катили на велосипедах в сторону Блэк-Ридж-роуд. День выдался по-летнему жарким, в душном воздухе висела дымка. Не чувствовалось ни дуновения ветерка. По обеим сторонам дороги в высокой траве сонно стрекотали цикады. Небо на горизонте пожелтело, и Джо поначалу решил, что видит облака. Потом понял, что это смесь пылицы и загрязнений, осевшая на Купол. Здесь река Престил-Стрим находилась совсем рядом с дорогой и бежала на юго-восток, к Касл-Року, чтобы влиться в могучий Андроскоггин. До ушей ребят долетали стрекот цикад и карканье ворон, рассеявшихся вдоль реки по деревьям.

И вот они подъехали к Блэк-Ридж-роуд, проселочной дороге в больших рытвинах. У съезда стояли два покосившихся щита-указателя. На левом они прочитали: «РЕКОМЕНДУЕТСЯ 4-КОЛЕСНЫЙ ПРИВОД». На правом: «МАКСИМАЛЬНО РАЗРЕШЕННЫЙ ВЕС — 4 ТОННЫ. ПРОЕЗД ПО МОСТУ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫХ ГРУЗОВИКОВ ЗАПРЕЩЕН». Оба щита изрешечены пулями.

— Мне нравится город, где жители регулярно упражняются в стрельбе, — заметил Бенни. — Есть уверенность, что Эль Клайдер здесь не пройдет.

— «Аль-Каида», недоумок, — поправил его Джо.

Бенни покачал головой, самодовольно улыбаясь.

— Я говорю об Эль Клайдере, знаменитом мексиканском бандите, который перебрался в Западный Мэн, чтобы избежать...

— Давайте опробуем счетчик Гейгера. — Норри спешила.

Счетчик вновь лежал в корзинке, закрепленной над задним крылом «швинна» Бенни. Они завернули его в несколько полотенец, позаимствованных из корзины для тряпок в доме Макклэтчи. Бенни достал счетчик и протянул Джо; желтый прибор ярким пятном выделялся на тусклом ландшафте. Улыбка Бенни исчезла.

— Сделай это ты. Я слишком нервничаю.

Джо какое-то время смотрел на счетчик Гейгера, потом отдал его Норри.

— Трусохвосты, — добродушно прокомментировала она и включила прибор. Стрелка тут же прыгнула к +50. Увидев это, Джо почувствовал, как сердце вдруг забилося в горле, а не в груди.

— Вау! — воскликнул Бенни. — Мы взяли след!

Норри оторвала взгляд от стрелки, застывшей на достаточно большом (примерно половина шкалы) расстоянии от красного, и посмотрела на Джо:

— Идем дальше?

— Черт, конечно!

В полицейском участке проблем с энергоснабжением не наблюдалось — по крайней мере пока. Выложенный зелеными плитками коридор тянулся на всю длину подвала. Флуоресцентные лампы под потолком круглосуточно заливали подвал ровным депрессивным светом. На рассвете или глубокой ночью — здесь всегда царил полдень. Чиф Рэндолф и Фредди Дентон эскортировали Барби (если так можно сказать, потому что они сжимали ему бицепсы) вниз по ступенькам. Женщины-патрульные шли следом с пистолетами в руках.

Слева находился архив. Справа — пять камер, две на каждой стороне и одна в дальнем конце. Последняя уступала остальным в размерах, с узкой койкой и стальным унитазом без сиденья, и именно к ней потащили Барби.

По приказу Пита Рэндолфа — он получил его от Большого Джима — даже самых худших актеров, участвовавших в пьесе «Погром супермаркета», отпустили на все четыре стороны (не интересуясь, куда они теперь пойдут), так что камеры вроде бы пустовали. Поэтому для всех стало сюрпризом внезапное появление Мелвина Сирлса из камеры номер четыре, где тот затаился. В руке он держал спортивный носок, набитый чем-то тяжелым, — самодельную дубинку. Повязка низко сползла на лоб, черные очки прикрывали синяки вокруг глаз. Поначалу Барби решил, что на него сейчас нападет Человек-невидимка.

— Ублюдок! — прокричал Мел и замахнулся носком. Барби пригнулся. Носок просвистел над головой и ударил Фредди Дентона по плечу. Тот взревел и выпустил руку Барби. Позади них закричали женщины. — Гребаный убийца! Кому ты заплатил, чтобы мне разбили голову? А? — Мел вновь размахнулся и на этот раз попал по левому бицепсу Барби. Рука онемела. В носок Мел насыпал не песок, положил что-то тяжелое. Металлическое или стеклянное, но, во всяком случае, круглое. Если б с острыми углами — потекла бы кровь. — Ты, гребаный, вонючий гондон! — проревел Сирлс и вновь замахнулся носком-дубинкой.

Чиф Рэндолф отскочил назад, тоже отпустив руку Барби. Тот схватился за верхнюю часть носка, поморщившись, когда груз врезался в запястье, с силой дернул на себя, вырвал носок-дубинку из руки Мела. В этот самый момент повязка налезла тому на черные очки.

— Стоять, стоять! — крикнула Джекки Уэттингтон. — Немедленно прекрати, заключенный, это единственное предупреждение!

Барби почувствовал, как холодное металлическое кольцо прикоснулось к его спине между лопатками. Не мог его видеть, но и так знал, что Джекки вдавила ему в спину пистолет. *Если она выстрелит, пуля войдет именно туда. И она может выстрелить, потому что это маленький город, где причина самой большой беды — чужак и где даже профессионалы являются дилетантами.*

Он выронил носок. То, что в нем лежало, стукнулось о линолеум. Потом поднял руки.

— Мэм, я его бросил. Мэм, я безоружен, пожалуйста, опустите пистолет.

Мел сдвинул ослепившую его повязку. Она начала разматываться, словно тюрбан. Он ударил Барби дважды, в солнечное сплетение и живот. На этот раз к ударам Барби не подготовился, так что воздух вырвался из легких с громким «ПАХ!». Он согнулся пополам, потом упал на колени. Мел врезал ему по шее — а может, это сделал Фредди; насколько мог знать Барби, такой удар мог нанести и сам Бесстрашный Лидер, — и он растянулся на зеленом полу, а мир уходил все дальше и становился все тише. Что он видел ясно и отчетливо — так это выбоину на одной из плит. И почему нет? Она находилась менее чем в дюйме от его глаз.

— Прекратите, прекратите, прекратите его бить! — Голос доносился из далекого далека, но Барби не сомневался, что принадлежит он жене Расти. — Он лежит, разве вы не видите, что он лежит?

Вокруг в сложном танце двигались ноги. Кто-то наступил ему на задницу, споткнулся, крикнул: «Твою мать!» Барби пнули в бедро. Только происходило это где-то далеко. Возможно, потом бедро разболится, но пока все было не так уж плохо.

Чьи-то руки схватили его и привели в вертикальное положение. Барби попытался поднять голову, но потом понял, что лучше позволить ей висеть. Его потащили к камере в конце коридора, зеленые плиты скользили под ногами. Что там сказал Дентон наверху? «Твои апартаменты ждут».

Но я сомневаюсь, что горничная положила на подушку мятную конфетку, подумал Барби. Впрочем, его это не волновало. Он хотел остаться один, чтобылизать свои раны.

У двери в камеру кто-то приложился ногой к его заду, чтобы придать ему дополнительное ускорение. Барби бросило вперед, он выставил перед собой правую руку, чтобы не врезаться лицом в зеленую стену из шлакоблоков. Попытался поднять и левую, но она оставалась онемевшей ниже локтя. Впрочем, ему удалось защитить голову, и это радовало. Он ткнулся правой рукой в стену, отшатнулся, вновь упал на колени, на этот

раз рядом с койкой, словно собирался произнести молитву перед сном. За его спиной с грохотом закрывалась сдвижная дверь-решетка.

Барби оперся руками о койку и поднялся, левая рука начинала слушаться. Повернулся и увидел уходящего Рэндолфа — сжатые кулаки, опущенная голова. За его спиной Дентон поправлял повязку на голове Сирлса, тогда как сам Сирлс смотрел на Барби (ярость его взгляда приглушали очки, чуть съехавшие с носа). За мужчинами, почти у лестницы, стояли женщины, на лицах обеих читались ужас и растерянность. Линда Эверетт побледнела еще больше, и Барби подумал, что ее глаза блестят от слез.

Он собрал всю волю в кулак и обратился к ней:

— Патрульная Эверетт. — Она подпрыгнула от неожиданности. Раньше называл ее кто-нибудь «патрульная Эверетт»? Если только школьники, когда она регулировала переход через дорогу — вероятно, исполняла самое сложное поручение, какое давали копу с частичной занятостью. Во всяком случае, до этой недели. — Патрульная Эверетт! Мэм! Пожалуйста, мэм!

— Заткнись! — рявкнул Фредди Дентон.

Барби не обратил на него ни малейшего внимания. Он думал, что вот-вот лишится чувств, во всяком случае, рухнет, но пока держался на ногах.

— Попросите вашего мужа осмотреть тела! Особенно миссис Перкинс! Мэм, он *должен* осмотреть тела! В больницу они не попадут! Ренни этого не допустит...

Вернулся Питер Рэндолф. Барби увидел, что он снял с ремня Фредди Дентона, и попытался прикрыть лицо руками, но те оказались слишком тяжелыми.

— Достаточно, сынок. — Рэндолф просунул между прутьями решетки баллончик с «Мейсом» и нажал на клапан.

На середине изъеденного ржавчиной моста Блэк-Ридж Норри остановила велосипед и посмотрела куда-то вперед.

— Нам бы не останавливаться, — заметил Джо. — Надо использовать оставшуюся часть дня.

— Я знаю, но посмотри. — Норри указала, куда надо смотреть.

На другом берегу, под крутым склоном и на сухой глине, появившейся на том месте, где до возникновения Купола текли воды Престил-Стрим, лежали четыре дохлых оленя: самец, две самки и однолетка. Все крупных размеров. Лето в Милле выдалось хорошим, и олени нагуляли вес. Джо видел облака мух, которые роились над трупами, даже слышал их сонное жужжание. В обычный день его перекрыл бы шум бегущей воды.

— Что с ними случилось? — спросил Бенни. — Ты думаешь, причина в той штуковине, которую мы ищем?

— Если ты говоришь о радиации, не думаю, что она убивает так быстро, — сказал Джо.

— Если только это не очень сильная радиация. — В голосе Норри слышалась тревога.

Джо указал на стрелку счетчика Гейгера:

— Возможно, ты права, но радиация не очень сильная. Даже если стрелка пройдет всю красную зону, не думаю, что этого хватит, чтобы убить такое большое животное, как олень, за три дня.

— Самец сломал ногу, это и отсюда видно, — поделился своими наблюдениями Бенни.

— Я уверена, одна из самок сломала две. — Норри прикрывала глаза рукой. — Передние. Видите, как они вывернуты?

Джо подумал, что самка умерла, пытаясь выполнить какой-то сложный акробатический кульбит.

— Думаю, они прыгнули, — предположила Норри. — Прыгнули с берега, как прыгают те похожие на крыс зверушки.

— Лемоны, — подсказал Бенни.

— Лемминги, куриные мозги, — поправил его Джо.

— Пытаясь от чего-то убежать? — спросила Норри. — Поэтому они прыгнули?

Ни один из мальчиков не ответил. Оба выглядели моложе, чем неделей раньше, как дети, которых заставляют слушать у походного костра очень

уж страшную историю. Все трое стояли у велосипедов, глядя на мертвых оленей и слушая монотонное жужжание мух.

— Пошли? — предложил Джо.

— Думаю, это наш долг. — Норри перекинула ногу через раму, но поставила на землю.

— Точно. — Джо уселся на свой велосипед.

— Олли, это еще одна передряга, в которую ты меня втянул, — сказал Бенни.

— Что?

— Не важно. Поехали, мой брат по духу. Поехали.

Добравшись до дальнего края моста, они увидели, что ноги сломаны у всех оленей. Однолетка раздробил череп, вероятно, ударившись о валун, который в обычное время скрывала вода.

— Включи счетчик Гейгера, — предложил Джо.

Норри включила. На этот раз стрелка заплясала у +75.

Пит Рэндолф достал старый диктофон из одного из ящиков стола Герцога Перкинса, проверил его, убедился, что батарейки не сели. Когда вошел Ренни-младший, Рэндолф нажал на кнопку «ЗАПИСЬ» и поставил маленькое изделие «Сони» на край стола, где молодой человек мог его видеть.

Последний приступ мигрени Младшего практически сошел на нет. Лишь левая сторона головы чуть гудела, и он чувствовал себя совершенно спокойным; они с отцом отрепетировали показания, и Младший знал, что ему говорить.

«Это чистая проформа, — объяснил Большой Джим. — Пустая формальность».

Так оно и вышло.

— Как ты нашел тела, сынок? — Рэндолф откинулся на спинку вращающегося стула. Все личные вещи Перкинса он убрал в шкаф, стоящий у боковой стены. Теперь, после смерти Бренды, полагал, что выкинет их на помойку. Личные вещи могли представлять какую-то ценность только для родственников.

— Ну... — начал Младший, — я возвращался после патрулирования Сто семнадцатого... пропустил всю эту заваруху у супермаркета...

— Считай, что тебе повезло, — сказал Рэндолф. — Полнейшая хренотень, уж прости мой французский. Кофе?

— Нет, спасибо. У меня бывают мигрени, и кофе, похоже, только усиливает головную боль.

— Плохая привычка, между прочим. Не такая плохая, как сигареты, но плохая. Ты знал, что я курил, пока не был Спасен?

— Нет, сэр, не знал. — Младший надеялся, что этот идиот перестанет балаболить и позволит ему рассказать свою историю, чтобы он мог скорее выбраться отсюда.

— Да, Лестером Коггинсом. — Рэндолф прижал руки к груди. — Погружение с головой в Престил-Стрим. Сразу отдал сердце Иисусу. Особо усердным прихожанином, как некоторых, меня не назовешь; конечно же, в этом смысле меня не сравнить с твоим отцом, но преподобный Коггинс был хороший человек. — Рэндолф покачал головой. — На совести Дейла Барбары много чего. При условии, что у него есть совесть.

— Да, сэр.

— И за многое ему придется ответить. Я попотчевал его «Мейсом», и это всего лишь малая часть того, что его ждет. Итак. Ты возвращался с патрулирования и...

— И тут вспомнил, что кто-то говорил мне об автомобиле Энджи, который видел в гараже. Вы понимаете, в гараже дома Маккейнов.

— А кто тебе все-таки сказал?

— Френк? — Младший потер висок. — Думаю, Френк.

— Продолжай.

— Короче, я заглянул в одно из окон гаража и увидел, что ее машина там. Подошел к парадной двери и позвонил, но мне ее никто не открыл. Я пошел к двери черного хода, потому что встревожился. Там... пахло.

Рэндолф сочувственно кивнул.

— В принципе тебя вел нюх. Хорошая полицейская работа, сынок. — Младший пристально взглянул на Рэндолфа, гадая, это шутка или шпилька, но в глазах чифа читалось только искреннее восхищение. Младший осознал, что его отец нашел помощника (первым на ум пришло другое слово — *сообщника*) еще более тупого, чем Энди Сандерс. Хотя Младший представить себе не мог, что такое возможно. — Продолжай. Я понимаю, как это болезненно для тебя. Это болезненно для нас всех.

— Да, вы все говорите правильно. Заднюю дверь я нашел незапертой, сэр. Запах привел меня к кладовой. Я с трудом поверил тому, что там увидел.

— Ты увидел его армейские жетоны.

— Да. Нет. В каком-то смысле. Я увидел, что Энджи что-то держит в руке... на цепочке... но не мог сказать, что именно, ни к чему не хотел прикасаться. — Младший скромно потупил глаза. — Я знаю, что я всего лишь новобранец.

— Правильное решение! Умное решение. Знаешь, при обычных обстоятельствах мы бы вызвали целую команду экспертов из прокуратуры штата, чтобы действительно прижать Барбару к стене, но у нас необычные обстоятельства. Однако улик и так достаточно. Он, должно быть, круглый идиот, если оставил на месте преступления свои армейские идентификационные жетоны.

— Я достал мобильник и позвонил отцу. Судя по разговорам по радио, я понял, что вы здесь очень заняты...

— Заняты? — Рэндолф закатил глаза. — Сынок, ты еще просто мало знаешь. Но ты поступил правильно, позвонив отцу. Он, по существу, сотрудник полиции.

— Отец нашел двух патрульных, Фреда Дентона и Джекки

Уэттингтон, и они приехали к дому Маккейнов. Линда Эверетт присоединилась к нам, когда Фредди фотографировал место преступления. Потом на катафалке приехали Стюарт Боуи и его брат. Отец подумал, что это наилучший вариант, потому что после бунта в больницу поступило много раненых и все такое.

Рэндолф кивнул:

— Правильное решение. Помогай живым, хорони мертвых. Кто нашел армейские жетоны?

— Джекки. Она карандашом разжала пальцы Энджи, и они выпали на пол. Фредди все сфотографировал.

— На суде это нам поможет. Нам придется провести его самим, если Купол останется на месте. Но мы это сделаем. Помнишь, что говорится в Библии? С верой мы можем сдвинуть горы. В котором часу ты нашел трупы, сынок?

— Около полудня. — *После того как попрощался с моими девочками.*

— И ты сразу позвонил отцу?

— Не сразу. — Младший посмотрел на Рэндолфа честными и искренними глазами. — Сначала я вышел из дома, и меня вырвало. Их страшно избили. Я никогда такого не видел. — Он шумно выдохнул, содрогнулся. Диктофон, разумеется, этого зафиксировать не мог, но Рэндолф увидел и запомнил. — Когда меня перестало рвать, я позвонил отцу.

— Ладно, думаю, это все, что мне нужно. — Больше никаких вопросов не было, не последовало даже требования написать рапорт (и хорошо, подумал Младший, потому что теперь у него начинала болеть голова, стоило ему взять в руки ручку). Рэндолф наклонился вперед, чтобы выключить диктофон. — Спасибо тебе, Младший. Почему бы тебе не закончить на сегодня? Иди домой и отдохни. Ты выглядишь уставшим.

— Я бы хотел быть здесь, когда вы будете его допрашивать, сэр. Барбару.

— Можешь не беспокоиться, что сегодня ты что-то упустишь. Мы дадим ему двадцать четыре часа, чтобы он поварился в собственном соку. Идея твоего отца, и очень хорошая. Мы допросим его завтра, во второй половине дня или вечером, и ты тут будешь. Даю тебе слово. Мы собираемся допросить его *с пристрастием*.

— Да, сэр. Хорошо.

— Без всей этой хрени о праве молчать.

— Понимаю, сэр.

— И спасибо Куполу, нам не придется передавать Барбару шерифу

округа. — Рэндолф пристально посмотрел на Младшего. — Сынок, это будет тот самый случай, когда произошедшее в Вегасе останется в Вегасе.

Младший не знал, отвечать на его слова «да, сэр» или нет, потому что понятия не имел, о чем толкует этот идиот, сидевший за столом начальника полиции.

Рэндолф еще несколько мгновений пристально смотрел на него, словно хотел удостовериться, что они понимают друг друга, потом хлопнул в ладоши и поднялся.

— Иди домой, Младший. Вижу, тебе сегодня досталось.

— Да, сэр. И я думаю, что пойду. Немного отдохну.

— У меня в кармане лежала пачка сигарет, когда преподобный Коггинс окунул меня с головой, — сказал Рэндолф тоном человека, вспоминающего что-то очень дорогое его сердцу. Он обнял Младшего за плечи, когда они пошли к двери. Судя по выражению лица, Младший почтительно внимал, но ему хотелось орать от тяжести этой крепкой руки. Все равно что ему на шею надели мясное ярмо. — Они, разумеется, намокли и больше ни на что не годились. А другую пачку я так и не купил. Спасенный от дьявольской травы Сыном Господа. Как тебе такая милость?

— Захватывает дух, — удалось выдать Младшему.

— Кто привлечет внимание, так это Бренда и Энджи, что совершенно нормально. Уважаемая женщина и юная девушка, перед которой лежала вся жизнь, но и у преподобного Коггинса были свои поклонники. Не говоря уже о большой и любящей пастве.

Краем левого глаза Младший видел тупые, широкие пальцы Рэндолфа. Задался вопросом, а что бы тот сделал, если б он наклонил голову и вгрызся в эти пальцы. Может, откусил бы один и выплюнул на пол.

— И не забывайте Доди. — Младший не знал, почему он это сказал, но сработало. Рука Рэндолфа соскользнула с его плеча. Чиф застыл как громом пораженный. И Младший осознал: Рэндолф забыл про Доди.

— Господи! — простонал Рэндолф. — Доди. Кто-нибудь позвонил Энди и сказал ему?

— Не знаю, сэр.

— Твой отец наверняка позвонил, а?

— Он так занят.

И Младший говорил правду. Большой Джим сидел в домашнем кабинете, готовил речь для городского собрания в четверг, которую собирался произнести перед тем, как горожане проголосовали бы за наделение членов городского управления чрезвычайными полномочиями на период кризиса.

— Мне лучше позвонить ему. Но сначала, наверное, надо помолиться. Не хочешь преклонить со мной колени, сынок.

Младший предпочел бы вылить жидкость для заправки зажигалок себе в штаны и поджечь собственные яйца, но он этого не сказал.

— Говори с Богом один на один, и ты яснее услышишь Его ответ. Так часто повторяет мой отец.

— Хорошо, сынок. Это дельный совет.

Прежде чем Рэндолф успел сказать что-то еще, Младший выскользнул из кабинета, а потом и из полицейского участка. Он пошел домой, глубоко задумавшись, скорбя о потерянных подружках и гадая, сможет ли он найти новую. Хорошо бы и не одну.

Под Куполом всякое могло случиться.

Рэндолф пытался молиться, но одолевали совсем другие мысли. А кроме того, Бог помогал тем, кто помогал себе сам. Он не был уверен, что так написано в Библии, но точно знал, что это правда. Он позвонил Сандерсу на мобильник, взяв номер из списка, приколотого к информационной доске на стене. Надеялся, что не дождется ответа, но услышал голос Энди после первого гудка... Закон подлости, понятное дело.

— Привет, Энди. У меня печальная весть, друг мой. Может, тебе лучше сесть.

Разговор вышел трудный. Ужасный, если по-честному. Закончив его, Рэндолф забарабанил пальцами по столу. Подумал — снова, — что не очень-то огорчился бы, если б сейчас за этим столом сидел Герцог Перкинс. Может, совсем не огорчился. Получалось, что это куда более тяжелая и грязная работа, чем он себе представлял. Отдельный кабинет не стоил такой ноши, что легла теперь на него. Даже зеленый автомобиль чифа не стоил; всякий раз, когда он садился за руль и его зад соскальзывал во впадину, оставленную куда более массивными ягодицами Герцога, в голове мелькала мысль: *Ты для этого не годишься.*

Сандерс уже направлялся сюда. Хотел встретиться с Барбарой лицом к лицу. Рэндолф пытался его отговорить: мол, Энди лучше бы провести ближайшее время на коленях, молясь за упокой жены и дочери, не говоря уж о том, чтобы попросить у Господа сил нести этот крест, но Энди сразу же оборвал связь.

Рэндолф вздохнул и набрал другой номер. После двух гудков в его ухо ворвался раздраженный голос Большого Джима:

— Что? Что?

— Это я, Джим. Я знаю, что ты работаешь, и мне очень не хочется отрывать тебя, но не мог бы ты приехать? Мне нужна помощь.

Трое подростков стояли в ярком послеполуденном свете, под небом, определенно отливавшим желтым, и смотрели на мертвого медведя, лежащего у телеграфного столба. Столб наклонился. В четырех футах от земли из пропитанного креозотом дерева торчали щепки и его марала кровь. И что-то другое. Белое. Похоже, осколки кости. И серое, губчатое. Должно быть, мозги...

Джо отвернулся, пытаясь взять под контроль рвотный рефлекс. И ему это почти удалось, но тут с громким хлопанием Бенни вырвало, и Норри последовала его примеру. Тут уж и Джо составил им компанию.

Когда они чуть оклемались, Джо снял рюкзак, откинул клапан, распустил веревку, достал три бутылки «снэппла» и раздал. Первым глотком прополоскал рот и выплюнул. Бенни и Норри повторили. Потом все начали пить. Сладкий чай заметно согрелся, но для пересохшего горла казался бальзамом.

Норри сделала два осторожных шага к черной облепленной мухами туше у основания столба.

— Та же история, что и с оленями. Бедняга не нашел речного берега, чтобы прыгнуть с него, вот и вышиб себе мозги, колотясь головой о телеграфный столб.

— Может, у него бешенство, — сиплым голосом предположил Бенни. — Может, у оленей тоже.

Джо подумал, что такая возможность существует, но вероятность крайне мала.

— Насчет этих самоубийств... вот что я думаю. — Он ненавидел дрожь в голосе, но иначе говорить не получалось. — Киты и дельфины такое делают — выбрасываются на берег. Я видел по телику. И отец говорил мне, то же случается и с осьминогами.

— О, осьминоги, — поправила его Норри.

— Как ни назови. Отец говорит, когда загрязняется среда их обитания, они отгрызают собственные щупальца.

— Чувак, ты хочешь, чтобы меня снова вырвало? — Голос Бенни звучал устало и раздраженно.

— Именно это здесь и происходит? — спросила Норри. — Загрязнение окружающей среды?

Джо посмотрел на пожелтевшее небо. Потом указал на юго-запад, где

на Купол осела сажа после пожара, вызванного ракетным ударом. Высота пятна составляла двести или триста футов, ширина — милю. А то и больше.

— Да, но это другое, — прокомментировала Норри. — Ведь так?

Джо пожал плечами.

— А вдруг у нас может появиться острое желание покончить с собой, так не пора ли нам повернуть назад? — мрачно произнес Бенни. — Потому что мне есть ради чего жить. Я еще ни разу не победил в «Вархаммер».

— Попробуем счетчик Гейгера на медведе, — предложила Норри.

Джо направил трубку на тушу. Стрелка не ушла к нулю, но и не двинулась дальше.

Норри указала на восток. Впереди дорога выходила из рощи черных дубов, которые и дали название этому месту. Джо подумал, что, выйдя из-под деревьев, они смогут увидеть яблоневый сад на вершине Блэк-Риджа.

— Давайте выйдем из-под деревьев, — словно прочитала его мысли Норри. — Там посмотрим, что покажет счетчик. Если стрелка двинется дальше, мы вернемся в город и скажем доктору Эверетту, или этому Барбаре, или им обоим. Пусть они сами разбираются.

На лице Бенни отражалось сомнение:

— Ну, не знаю.

— Если мы как-то странно себя почувствуем, то повернем немедленно, — нашел компромисс Джо.

— Если это может помочь, мы должны это сделать, — настаивала Норри. — Я хочу выбраться из Милла до того, как окончательно свихнусь.

Она улыбнулась, чтобы показать, что это шутка, но слова не прозвучали как шутка, и Джо не воспринял их шуткой. Многие прохаживались насчет того, какой маленький городок этот Милл, — вероятно, потому-то здесь и стала такой популярной песня Джеймса Макмертри. И еще демографический аспект. Он мог вспомнить только одну азиатку — Памелу Чен, которая иногда помогала Лиссе Джеймисон в библиотеке, а черных людей здесь не было вовсе, после того как Лаверти уехали в Обурн. Никакого «Макдоналдса», не говоря уже о «Старбаксе», и кинотеатр давно закрылся. Но раньше этот город казался ему очень большим, ему вполне хватало места, чтобы познавать мир. Удивительно, как сильно сжался Милл в мыслях Джо, едва только выяснилось, что он, и мать, и отец не могут сесть в автомобиль и поехать в Льюистон, чтобы поесть жареных моллюсков и мороженое в «Йодерсе». Конечно, город располагал немалыми запасами, но в какой-то момент закончатся и они.

— Ты права, — кивнул он. — Это важно. Стоит рискнуть. По крайней

мере я так думаю. Если хочешь, Бенни, ты можешь остаться здесь. Эта часть миссии сугубо добровольная.

— Нет, я с вами! Если позволю вам пойти без меня, вы приравняете меня к собакам.

— Уже приравняли! — одновременно воскликнули Джо и Норри, потом переглянулись и рассмеялись.

— Это правильно, плачь!

Голос доносился очень уж издалека. Барби повернулся на голос, но никак не мог открыть горящие глаза.

— Тебе есть много о чем плакать!

Человек, произносящий эти фразы, похоже, сам плакал. И голос казался знакомым. Барби попытался посмотреть на него, но веки раздулись и отяжелели. А глазные яблоки под ними пульсировали в такт ударам сердца. И носовые пазухи так забились, что в ушах трещало, стоило ему сглотнуть.

— Почему ты убил ее? Почему ты убил мою девочку?

Какой-то сукин сын вырубил меня «Мейсом». Дентон? Нет, Рэндолф.

Барби удалось разлепить глаза, прижав ладони к бровям и потянув их вверх. Он увидел Энди Сандерса, который стоял у его камеры. По щекам катились слезы. И что видел Сандерс? Человека в камере, а сидящий в камере всегда выглядит виновным.

— Она — это все, что у меня было! — прокричал Сандерс.

Рэндолф стоял у него за спиной, выглядел недовольным и переминался с ноги на ногу, будто мальчишка, которому уже минут двадцать как следовало отпроситься в туалет. Даже с горящими глазами и забитым носом Барби не удивился, что Рэндолф позволил Сандерсу спуститься в подвал. Энди Сандерс был первым членом городского управления, и чиф находил практически невозможным сказать ему «нет».

— Ладно, Энди, этого достаточно, — заговорил Рэндолф. — Ты хотел его увидеть, и я тебе разрешил, пусть даже это и не по правилам. Он за решеткой, как и должно, и он заплатит за все, что сделал. А теперь пойдем наверх, я налью тебе чашку...

Энди схватил Рэндолфа за грудки. Чиф возвышался над ним на добрых четыре дюйма, но все равно выглядел испуганным. Барби его не винил. Он смотрел на мир сквозь густо-красную пелену, но мог разглядеть распиравшую Энди ярость.

— Дай мне твой пистолет! Суд для него — большая честь. Он все равно выскользнет. У него друзья в высоких местах. Джим так говорит! Я хочу посчитаться с ним! Я имею право посчитаться с ним, *так что дай мне твой пистолет!*

Барби не думал, что желание Рэндолфа ублажить руководство города

простирается так далеко, сомневался, что чиф отдаст пистолет, чтобы Энди смог пристрелить его, как крысу в дождевой бочке, но полной уверенности у него не было. Возможно, существовала какая-то другая причина, помимо желания ублажить, по которой Рэндолф привел Сандерса вниз, и привел одного.

Барби с трудом поднялся на ноги.

— Мистер Сандерс. — «Мейс» попал и в рот. Язык и горло раздулись. Он не говорил, а кричал. — Я не убивал вашу дочь, сэр. Я никого не убивал. Если вы подумаете об этом, то поймете, что вашему другу Ренни необходим козел отпущения, и я — самая удобная...

Но в таком состоянии Энди ни о чем думать не мог. Он схватился руками за кобуру Рэндолфа и начал выдирать из нее пистолет. Перепугавшись, чиф всеми силами пытался оставить оружие на месте.

И в этот момент по лестнице спустился мужчина с внушительным животом,двигающийся, несмотря на габариты, легко и даже грациозно.

— Энди! — прогремел Большой Джим. — Энди, дружище, иди ко мне.

Он раскрыл объятия. Энди прекратил борьбу за пистолет и бросился к Ренни, как плачущий ребенок в руки отца. И Большой Джим обнял его.

— Мне нужен пистолет! — пробормотал Энди, подняв залитое слезами, с соплями под носом, лицо, чтобы посмотреть Большому Джиму в глаза. — Дай мне пистолет, Джим. Сейчас! Прямо сейчас! Я хочу застрелить его за то, что он сделал! Это мое право, как отца! Он убил мою маленькую девочку!

— Может, не только ее. Может, не только Энджи, Лестера и бедную Бренду.

Эти слова заставили Энди замолчать. Он в недоумении уставился на массивное лицо Большого Джима. Как зачарованный.

— Может, и твою жену тоже. Герцога. Майру Эванс. Всех остальных.

— Что...

— Ведь Купол появился здесь чьими-то стараниями, дружище. Или я не прав?

— Ну... — На большее Энди не хватило, но Большой Джим уже кивнул, принимая ответ.

— И мне представляется, что люди, которые это сделали, должны иметь здесь своего человечка. Который будет устраивать бучу. И кто подойдет для этого лучше, чем повар из забегаловки? — Он обнял Энди за плечи и повел к чифу Рэндолфу. Большой Джим глянул на красное и распухшее лицо Барби с таким видом, будто перед ним какое-то незнакомое ему насекомое. — Доказательства мы найдем. Я в этом не сомневаюсь. Он

уже показал, что ему не хватает ума заметать следы.

Барби смотрел на Рэндолфа.

— Это подстава, — прогнусавил он. — Возможно, все это началось потому, что Ренни хотел прикрыть свой зад, но теперь идет только борьба за власть. Пока вы, возможно, незаменимы, чиф, но, когда замена отыщется, от вас тоже избавятся.

— Заткнись! — бросил Рэндолф.

Ренни гладил Энди по волосам. Барби подумал о своей матери, которая частенько гладила их кокер-спаниеля Мисси, когда та стала старой, глупой и страдающей недержанием мочи.

— Он заплатит свою цену, Энди, даю тебе слово. Но сначала мы должны выяснить подробности: что, где, почему, кто еще в этом участвует. Потому что он не одиночка, можешь поставить на это свой последний зуб. У него есть сообщники. Он заплатит свою цену, но сначала мы должны выжать из него всю информацию.

— Какую цену? — Теперь Энди смотрел на Большого Джима, жадно ловя каждое слово. — Какую цену он заплатит?

— Что ж, если он знает, как убрать Купол, а я этого не исключаю, то мы удовлетворимся тем, что отправим его в Шоушенк. До конца жизни, без права условно-досрочного освобождения.

— Этого недостаточно, — прошептал Энди.

Ренни все еще поглаживал его по голове.

— А если Купол не исчезнет? — Он улыбнулся. — В этом случае нам придется судить его самим. И, признав виновным, мы его казним. Тебе это нравится больше?

— Гораздо, — прошептал Энди.

— И мне тоже, дружище. — Поглаживая, поглаживая. — И мне тоже.

Они выехали из леса вместе, рядом, и остановились, глядя вверх на яблоневый сад, занимающий вершину Блэк-Риджа.

— Там что-то есть! — воскликнул Бенни. — Я вижу! — В голосе слышалось волнение, но Джо показалось, что звучит он как-то отчужденно.

— И я тоже, — подхватила Норри. — Это похоже на... на... — Она хотела сказать «радиомаяк», но на все слово ее не хватило. Она сумела произнести только «ррр-ррр-ррр», как малыш, играющий с грузовиком в песочнице. Потом свалилась с велосипеда. Лежала на дороге, и у нее подергивались руки и ноги.

— Норри? — Джо посмотрел на нее скорее в изумлении, чем в тревоге, потом на Бенни. Их взгляды на мгновение встретились, а после уже Бенни повалился на землю, потянув за собой велосипед. Начал дергаться, пинками отбросил «Хай плейнс» в сторону. Счетчик Гейгера вывалился из корзинки лицевой стороной вниз.

Джо шагнул к нему, протянул руку, которая, казалось, растягивалась, как резина. Перевернул желтый прибор. Стрелка прыгнула к +200 и находилась у самой границы красной зоны. Он успел это увидеть, прежде чем провалился в черную дыру, заполненную оранжевыми языками пламени. Те поднимались от огромной кучи тыкв, сложенных в форме погребальной пирамиды. Откуда-то доносились голоса, потерянные и испуганные. Потом Джо поглотила тьма.

Когда Джулия пришла в редакцию «Демократа» из супермаркета, Тони Гуэй, ранее спортивный репортер, а теперь взявший на себя весь отдел новостей, что-то печатал на ноутбуке. Она протянула ему фотоаппарат:

— Оторвись от того, что делаешь, и распечатай эти фотографии.

Сама села за компьютер, чтобы напечатать свою статью. Начало держала в голове, пока шла по Главной улице: *Эрни Кэлверт, бывший управляющий «Мира еды», призвал людей войти через служебный вход. Сказал, что открыл им дверь. Но опоздал. Бунт уже набрал силу.* Начало ей нравилось. Проблема заключалась в том, что она не могла это напечатать. Пальцы то и дело били не по тем клавишам.

— Иди наверх и приляг, — предложил Тони.

— Нет, я должна написать...

— В таком состоянии ты ничего не напишешь. Ты дрожишь, как лист на ветру. Это шок. Приляг на часок. Я выведу фотографии и перешлю их в твой компьютер. Расшифрую твои записи. Иди наверх.

Ей не нравились его слова, но он вещал истину. Только прилегла она, как выяснилось, не на часок. Выспаться не удавалось с пятницы, а после нее, казалось, прошла целая вечность, так что Джулия провалилась в глубокий сон, едва ее голова коснулась подушки.

Проснувшись, в панике увидела, какие длинные тени у нее в спальне. Скоро вечер, а Горас не выгулян! Должно быть, напустил лужу в каком-нибудь углу и теперь будет виновато смотреть на нее, хотя сам совершенно ни при чем: вина целиком и полностью ее.

Сунув ноги в кроссовки, Джулия поспешила на кухню и нашла корги не подвывающим у двери, а мирно спящим на своей подстилке между плитой и холодильником. На столе ее ждала записка, прислоненная к солонке и пепельнице.

15.00

Джулия!

Мы с Питом Ф. на пару написали статью про супермаркет. Не такой уж шедевр, но станет им, когда ты пройдешься по ней рукой мастера. Также он говорит, что ты должна написать передовицу. Фотографии ты сделала неплохие. Заходил Ромми Берпи, и он говорит, что бумаги у него предостаточно, так что об

этом можно не беспокоиться. Также он говорит, что ты должна написать передовицу о случившемся. «Решение совершенно ненужное, — сказал он о закрытии супермаркета, — и абсолютно некомпетентное. Если только они не хотели, чтобы все так вышло. Я бы этот вариант не отбрасывал, и я говорю не о Рэндолфе». Мы с Питом согласились, что это должна быть передовица, но нам нужно выждать, пока не соберутся все факты. Мы также согласились, что тебе надо выспаться, если мы хотим, чтобы ты написала ее так, как она должна быть написана. У тебя чемоданы под глазами, босс! Я иду домой, чтобы немного побыть с женой и детьми. Пит ушел в полицию. Говорит, случилось что-то важное, и он хочет выяснить, что именно.

Тони Г.

P.S. Я выгулял Гораса. Он сделал все свои дела.

Джулия, которая не хотела, чтобы Горас забыл, что она — часть его жизни, разбудила пса и скормила ему половину колбаски «Беггинс стрип», после чего спустилась вниз: выправить статью и написать передовицу, как предлагали Тони и Пит. И только села за компьютер, как зазвонил ее мобильник.

— Шамуэй, «Демократ».

— Джулия! — раздался голос Пита Фримена. — Я думаю, тебе лучше прийти сюда. Марти Арсено дежурит, и он не пускает меня. Велел мне выйти вон! Он же не полицейский, просто тупой толстяк, который подрабатывает в полиции, регулируя транспорт в летнее время, но теперь ведет себя так, будто самый крутой коп.

— Пит, у меня масса работы, поэтому...

— Бренда Перкинс мертва. И Энджи Маккейн, Доди Сандерс...

— Что?! — Она резко вскочила, опрокинув стул.

— ...и Лестер Коггинс. Все убиты. И слушай внимательно: Дейл Барбара арестован за эти убийства. Он внизу, в камере.

— Я уже бегу.

— Ух, черт! Сюда идет Энди Сандерс, и слезы так и катятся из его чертовых глаз. Попытаться задать ему вопрос или...

— Нет, этот человек три дня назад потерял жену, а теперь дочь. Мы не «Нью-Йорк пост». Сейчас приду.

Она разорвала связь, не дожидаясь ответа Пита. Поначалу не

испытывала особого волнения, даже вспомнила, что надо запереть дверь редакции. Но когда оказалась на тротуаре, на жаре и под табачного цвета небом, спокойствие ушло, и Джулия побежала.

Джо, Норри и Бенни, подергивая руками и ногами, лежали на Блэк-Ридж-роуд под ставшим каким-то рассеянным солнечным светом. Жара плотно окутывала их. Ворона, ни в малейшей степени не проявляющая суицидальных тенденций, села на телефонный провод, уставилась на них блестящими умными глазками. Громко каркнула и, махая крыльями, улетела сквозь странный послеполуденный воздух.

— Хэллоуин, — пробормотал Джо.

— Заставьте их перестать кричать, — простонал Бенни.

— Нет солнца. — Руки Норри хватали воздух. Она плакала. — Нет солнца, Господи, больше нет солнца.

Наверху, в яблонево́м саду, из которого открывался вид на весь Честерс-Милл, мигал яркий розовато-лиловый свет. Вспыхивал каждые пятнадцать секунд.

Джулия, с еще опухшим от сна лицом и волосами, торчком стоящими на затылке, взбежала по лестнице к дверям полицейского участка. Когда Пит пристроился к ней, покачала головой:

— Лучше останься здесь. Я, возможно, позову тебя, когда буду брать интервью.

— Я люблю позитивное мышление, но я бы на это не рассчитывал. Как думаешь, кто появился после Энди? — Пит указал на «хаммер», припаркованный перед пожарным гидрантом. Около него стояли Линда Эверетт и Джекки Уэттингтон, увлеченные разговором. Чувствовалось, что обе женщины очень взволнованы.

В участке Джулию прежде всего поразила жара: кондиционер отключили, вероятно, чтобы экономить электричество. А потом — количество находившихся там молодых людей, включая двух из бог знает скольких братьев Кильян: эти узнавались безошибочно по крючковатым носам и круглым головам. Молодые люди заполняли какие-то бланки.

— А если у меня не было последнего места работы? — спросил один другого.

Снизу доносились крики попеременно с рыданиями Энди Сандерса.

Джулия через просторный холл направилась к лестнице в подвал. Она бывала тут много лет, даже вносила деньги в фонд кофе и пончиков (их клали в проволочную корзинку). Ее никогда не останавливали, но тут Марти Арсено сказал:

— Вы не можете туда пройти, миз Шамуэй. Таков приказ. — В голосе звучали извиняющиеся, примиренческие нотки, которых, вероятно, не было и в помине, когда он выпроваживал из участка Пита Фримена.

И в этот самый момент Большой Джим Ренни и Энди Сандерс появились из Курятника, как называли подвал сотрудники полицейского участка Милла. Энди плакал. Большой Джим обнимал его и что-то говорил успокаивающим тоном. Питер Рэндолф следовал за ними. Форма чифа выглядела так, будто он идет на парад, но лицо принадлежало человеку, который едва спасся при взрыве бомбы.

— Джим! Питер! — обратилась к ним Джулия. — Я хочу поговорить с вами, для «Демократа».

Большой Джим повернулся к ней лишь на мгновение, чтобы одарить взглядом, в котором ясно читалось, что грешники в аду могут хотеть

ледяной водицы. Потом повел Энди к кабинету чифа, говоря о том, что сейчас надо помолиться.

Джулия попыталась проскочить мимо стола дежурного. С виноватым выражением лица Марти схватил ее за руку.

— В прошлом году ты попросил меня ничего не писать о ссоре с женой, Марти, — напомнила ему Джулия. — Я не написала. Потому что иначе ты потерял бы работу. Поэтому, если тебе знакомо чувство благодарности, пропусти меня.

Марти отпустил ее руку.

— Я пытался тебя остановить, но ты не послушалась, — прошептал он. — Запомни это.

Джулия последовала за Ренни и компанией.

— Одну минуту! — обратилась она к Большому Джиму. — Ты и чиф Рэндолф — городские чиновники, и вам придется поговорить со мной.

На этот раз во взгляде Большого Джима читались злость и презрение.

— Нет. Не будем мы с тобой говорить. И ты не имеешь права здесь находиться.

— А он имеет? — Джулия указала на Энди Сандерса. — Если то, что я слышала о Доди, правда, он тем более не имел никакого права спускаться вниз.

— Этот сукин сын убил мою любимую девочку! — взвизгнул Сандерс.

Большой Джим наставил палец на Джулию:

— Ты все узнаешь, когда мы будем готовы ознакомить тебя с подробностями. Но не раньше.

— Я хочу видеть Барбару.

— Он арестован за четыре убийства. Ты рехнулась?

— Если отец одной из его предполагаемых жертв виделся с ним, почему нельзя мне?

— Потому что ты не жертва и не родственница жертв. — Верхняя губа Большого Джима приподнялась, обнажая зубы.

— У него есть адвокат?

— Наш разговор закончен, жен...

— Ему не нужен адвокат, его нужно повесить! ОН УБИЛ МОЮ ЛЮБИМУЮ ДЕВОЧКУ!

— Пошли, дружище! Мы скажем об этом Господу в молитве.

— И какие у вас улики? Он сознался? Если нет, какое у него алиби? Как оно соотносится со временем смертей? Вы вообще установили время смерти каждого? Если тела только что нашли, как вы можете так уверенно обвинять его? Их застрелили, зарезали или...

— Пит, избавься от этой болтливой ведьмы, — бросил Большой Джим не оборачиваясь. — Если она не уйдет сама, выстави ее. И скажи тому, кто сидит за столом дежурного, что он уволен.

Марти Арсено скривился, провел рукой по глазам. Большой Джим увел Энди в кабинет чифа и закрыл дверь.

— Ему предъявлены обвинения? — спросила Джулия Рэндолфа. — Нельзя предъявлять обвинения без адвоката, ты знаешь. Это незаконно.

И хотя он не выглядел опасным, только ошеломленным, от слов Пита Рэндолфа у нее похолодело сердце:

— Пока Купол на месте, Джулия, мы решаем, что законно, а что — нет.

— Когда их убили? Уж это ты можешь мне сказать.

— Что ж, похоже, обе девушки были пер...

Дверь кабинета открылась, и Джулия не сомневалась, что Большой Джим стоял с другой стороны двери, вслушиваясь в каждое слово. Энди сидел за столом теперь уже Рэндолфа, закрыв лицо руками.

— Выстави ее отсюда! — рявкнул Большой Джим. — Не хочу больше этого повторять!

— Вы не можете держать Барбару в полной изоляции и не можете лишать информации жителей этого города! — прокричала Джулия.

— Ты не права по обоим пунктам. Слышала выражение: «Если ты не часть решения, то становишься частью проблемы»? Что ж, находясь здесь, ты ничего не решаешь. Ты — надоедливая смутьянка. Всегда такой была. И если ты не уйдешь, тебя арестуют. Последнее предупреждение.

— Отлично! Арестуй меня! Посади в камеру в подвале! — Она вытянула руки запястьями вместе, как бы подставляя их под наручники.

На мгновение подумала, что Джим Ренни сейчас ударит ее. Такое желание явно читалось на его лице. Вместо этого он обратился к Питу Рэндолфу:

— Говорю последний раз: выстави отсюда эту смутьянку. Будет сопротивляться, вышвырни ее. — И он захлопнул дверь.

Не решаясь встретиться с ней взглядом, со щеками цвета только что обожженного кирпича, Пит Рэндолф взял ее за руку. На этот раз Джулия подчинилась. Когда проходила мимо стола дежурного, Марти обратился к ней, скорее печальным, чем злым голосом:

— Видишь, как вышло. Теперь мое место займет один из этих бандитов, которые не могут отличить собственный зад от локтя.

— Ты не потеряешь работу, Марти, — успокоил его Рэндолф. — Я договарюсь.

Мгновением позже Джулия стояла на улице, моргая от яркого

солнечного света.

— Как все прошло? — спросил Пит Фримен.

Бенни очнулся первым. И чувствовал себя в полном порядке, разве что донимала жара: рубашка прилипла к мокрой от пота и далеко не могучей груди. Он подполз к Норри, тряхнул за плечо. Она открыла глаза, посмотрела на него, ничего не соображая. Пряди волос облепляли влажные от пота щеки.

— Что случилось? — спросила она. — Я, должно быть, заснула. Мне что-то снилось, только не могу вспомнить, что именно. Но плохое. Я точно знаю.

Джо Макклэтчи перекатился на живот, поднялся на колени.

— Джо-Джо? — обратился к нему Бенни. Так он не называл друга уже с четвертого класса. — Ты как?

— Нормально. Горели тыквы.

— Какие тыквы?

Джо покачал головой. Не мог вспомнить. Знал только одно: ему хотелось уйти в тень и допить «снэппл». Потом он подумал о счетчике Гейгера. Вытащил его из канавы и с облегчением увидел, что прибор по-прежнему работает: в двадцатом столетии все, похоже, делали на совесть.

Он показал шкалу Бенни — все те же +200, хотел показать Норри, но та смотрела вверх по склону на яблоневый сад на вершине Блэк-Ридж.

— Это что? — указала она рукой.

Сначала Джо ничего не увидел. Потом полыхнула яркая пурпурная вспышка. Такая яркая, что слепила глаза. Через какое-то время полыхнула вновь. Он посмотрел на часы, чтобы засечь время между вспышками, но они остановились в 16.02.

— Я думаю, это то, что мы искали. — Джо встал. Ожидал, что ноги стали ватными и не удержат его, но ошибся. Если не считать жары, чувствовал он себя прекрасно. — Выметаемся отсюда, пока эта хреновина нас не стерилизовала или что-то в таком роде.

— Чувак, да кому нужны дети? Они могут вырасти такими же, как я. — Тем не менее Бенни оседлал велосипед.

Возвращались они тем же путем и не остановились, чтобы отдохнуть и перекусить, пока не миновали мост и не добрались до шоссе номер 119.

Соль

Женщины-патрульные, которые стояли у «хаммера» Большого Джима, всё разговаривали — теперь Джекки нервно курила, — но замолчали, когда Джулия прошествовала мимо них.

— Джулия? — нерешительно позвала Линда. — Что...

Джулия не повернула головы. Она вся кипела, и меньше всего ей хотелось говорить с представителями того закона, который теперь установился в Честерс-Милле. Она отшагала половину пути до «Демократа», прежде чем поняла, что, хотя ее и разбирает злость, доминировало совсем другое чувство. Она остановилась под навесом книжного магазина (в витрине висело написанное от руки объявление «ЗАКРЫТО ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ») отчасти для того, чтобы чуть успокоить сердцебиение, и в основном — чтобы заглянуть себе в душу. Много времени на это не ушло.

— Я прежде всего напугана. — Она вздрогнула от собственного голоса. Не собиралась произносить эти слова вслух.

Ее догнал Пит Фримен:

— Ты в порядке?

— Все отлично. — Джулия солгала, но вроде бы голос звучал убедительно. Разумеется, она не могла знать, о чем говорит ее лицо. Джулия попыталась пригладить волосы на затылке. Они улеглись... потом снова встали торчком. *Еще и прическа как после постели*, подумала она.

— Я думал, Ренни прикажет новому начальнику полиции арестовать тебя. — Глаза Пита округлились, и выглядел он куда моложе своих тридцати с лишним лет.

— Я на это надеялась. — Джулия руками обвела рамкой невидимый заголовок: — «ПОСАЖЕННЫЙ В КАМЕРУ РЕПОРТЕР «ДЕМОКРАТА» БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ У ОБВИНЕННОГО В УБИЙСТВЕ».

— Джулия, что происходит? Я не про Купол. Ты видела этих парней, заполняющих бланки? Страшно, однако.

— Я видела и собираюсь об этом написать. Собираюсь обо всем написать. И на собрании, которое состоится в четверг, думаю, серьезные вопросы к Джеймсу Ренни возникнут не только у меня. — Она коснулась руки Пита. — Я собираюсь выяснить все, что смогу, о тех убийствах, а потом напишу об этом. Плюс передовица, резкая и решительная, только что без призывов к самосуду. — Она невесело рассмеялась. — Если дойдет до

самосуда, у Джима Ренни преимущество своего поля.

— Я не понимаю, о чем ты...

— Ладно, займемся делом. Мне нужны две минуты, чтобы взять себя в руки. Потом надо определиться, с кем переговорить в первую очередь. Времени у нас немного, если мы хотим напечатать газету сегодня.

— Ксерокопировать.

— Что?

— Хотим ксерокопировать газету сегодня.

Джулия нервно ему улыбнулась, взмахом руки отправила в путь. У двери редакции он обернулся. Джулия вновь взмахнула рукой, показывая, что все у нее хорошо, затем уставилась в пыльную витрину книжного магазина. Кинотеатр в центре города уже лет пять как закрылся, автокинотеатр вне города приказал долго жить еще раньше (там, где большой экран когда-то возвышался над шоссе номер 119, теперь располагалась дополнительная автостоянка салона Ренни), но Рею Таулу каким-то образом удавалось поддерживать на плаву этот маленький магазинчик. Половину витрины заполняли различные самоучители. На второй половине лежали книги карманного формата, обложки которых украшали старинные, окутанные туманом особняки, попавшие в беду женщины и красавцы здоровяки с голой грудью, как твердо стоящие на земле, так и скачущие верхом. Некоторые из вышеуказанных здоровяков, одетых лишь в исподнее, размахивали мечами. Над этими книгами в витрине висел транспарант с надписью: «ПРИСТРАСТИСЬ К ТАЙНЫМ ЗАГОВОРАМ».

Вот уж действительно тайные заговоры.

Мало нам одного Купола, объявился еще и член городского управления из ада.

Она осознала, что больше всего ее тревожит — чего там, больше всего пугает — темпы, с которыми происходили перемены. Ренни и раньше был самым большим, самым злобным петухом на птичьем дворе, и Джулия ожидала, что он обязательно попытается укрепить свою власть в городе... скажем, через неделю или месяц после того, как их отрезало от остального мира. Но прошло всего три дня, и уже такие изменения. Допустим, Кокс и его ученые этим вечером пробьют Купол? Допустим, тот исчезнет сам? Большой Джим немедленно сожмется до прежних размеров, только на этот раз ему придется держать ответ.

— Какой ответ? — спросила она себя, по-прежнему глядя на «ТАЙНЫЕ ЗАГОВОРЫ». — Он просто скажет, что действовал во благо города, с учетом обстоятельств. И ему поверят.

Вероятно, так и думает Ренни. Но все это не объясняет, почему он проявил такую поспешность.

Видимо, что-то пошло не так и ему пришлось действовать быстро. К тому же...

— К тому же я думаю, что у него не все в порядке с головой, — сказала она книгам в обложке. — И это не возникло только теперь. — Даже если и тут она не ошиблась, как объяснить, что люди, у которых в домах кладовые ломились от продуктов, разграбили местный супермаркет? Это же не имело никакого смысла, если только... — Если только Ренни сам все не подстроил.

Нелепо, блюдо дня на синей тарелке^[131] в кафе «Паранойя»? Или нет? Джулия поняла, что должна опросить людей, которые участвовали в погроме «Мира еды», выяснить, что они видели, да только убийства представлялись более важными. Она оставалась единственным настоящим репортером, которым располагала газета, и...

— Джулия? Миз Шамуэй?

Джулия так глубоко ушла в свои мысли, что вздрогнула от неожиданности. Резко развернулась и упала бы, не поддержи ее Джекки Уэттингтон. Рядом с ней стояла Линда Эверетт, это она позвала Джулию. Обе выглядели испуганными.

— Можем мы с тобой поговорить? — спросила Джекки.

— Разумеется. Именно этим я и занимаюсь: слушаю, что говорят люди. Побочный эффект — я публикую все, что они говорят. Вы это знаете, не так ли?

— Но вы не должны упоминать наши имена, — указала Линда. — Если не согласитесь на это, забудьте о нашем разговоре.

— Для меня достаточно, что вы — источник, близкий к расследованию. — Джулия улыбнулась. — Это вас устроит?

— Если вы пообещаете ответить на наши вопросы, — уточнила Джекки. — Ответите?

— Хорошо.

— Вы были в супермаркете, так? — спросила Линда.

Все страньше и страньше, как говорила Алиса в Стране чудес.

— Да. Как и вы двое. Давайте поговорим. Обменяемся впечатлениями.

— Не здесь, — покачала головой Линда. — Не на улице. Слишком уж на виду. И не в редакции газеты.

— Расслабься, Лин. — Джекки положила руку ей на плечо.

— Это ты можешь расслабиться. У тебя нет мужа, который думает, что ты помогла отправить за решетку невинного человека.

— У меня нет мужа, — кивнула Джекки (*И это правильно*, подумала Джулия, *благоразумно, мужья слишком часто только осложняют жизнь*). — Но я знаю место, куда мы можем пойти. Уединенное место и без замка на двери... — Она запнулась. — По крайней мере до появления Купола замка там не было.

Джулия, которая недавно размышляла, с кого ей начать опрос, не собиралась упускать эту парочку.

— Пошли. Только будем идти по разным сторонам улицы, пока не минуем полицейский участок, хорошо?

Тут Линда выдавила улыбку:

— Дельная мысль.

Пайпер Либби осторожно преклонила колени перед алтарем Первой Конгрегациональной церкви, поморщилась от боли, пусть и подложила подушечку со скамьи под поцарапанные и опухшие колени. Помогала себе правой рукой, левая, недавно вывихнутая, осталась прижатой к боку. Вроде бы хлопот она не доставляла — и не болела, в отличие от колен, — но Пайпер старалась не напрягать ее без необходимости. Чтобы вывихнуть плечо вновь, прилагать особых усилий не требовалось; так ей сказали (и очень строго) после первой травмы, полученной на футбольном поле. Пайпер сложила руки перед собой и закрыла глаза. Мгновенно ее язык сместился к дырке, на месте которой еще вчера был зуб. Но в ее жизни появилась дыра куда страшнее этой.

— Привет, Которого-нет, — начала она. — Это снова я, вернулась, чтобы Ты вновь помог любовью и милосердием. — Слеза появилась из-под опухшего века и потекла по опухшей (не говоря уж про изменение цвета) щеке. — Мой пес где-то рядом? Я спрашиваю только потому, что мне его очень недостает. Если рядом, надеюсь, Ты дашь ему духовный эквивалент сахарной косточки. Он заслуживает. — Еще слезы, медленные, и горячие, и щиплющие. — Но большинство основных религий соглашается в том, что собаки на Небеса не попадают, хотя отдельные секты — и, если не ошибаюсь, «Ридерс дайджест» — с этим не согласны.

Разумеется, если не было никаких Небес, обсуждаемый вопрос терял всякий смысл, и идея этого безнебесного существования, этой безнебесной космологии все больше чувствовала себя как дома в том месте, где ранее жила ее вера. Может, всех ждало забвение, может, что-то и похуже. Скажем, бескрайняя, без единого следа, равнина под белесым небом, место, где время — никогда, пункт назначения — никуда, а спутники — никто. Другими словами, одно большое древнее Нигде: для плохих копов, для женщин-священников, подростков, которые случайно подстреливают себя, и немецких овчарок, которые гибнут, пытаясь защитить своих хозяек. Никакого Высшего Существа, отделяющего зерна от плевел. Было что-то фиговское в молитве подобной идее (если не сказать, богохульное), но иногда такая молитва помогала.

— Но Небеса сейчас не главное, — подвела она итог. — Главное сейчас — понять, сколь многое из того, что произошло с Кloverом, моя вина. Я знаю, вина лежит и на мне — вспыльчивость взяла верх над

благоразумием. Опять. Моя религия учит, что Ты заложил в меня короткий фитиль, и это моя забота — не дать вспыхнуть пороху, но я ненавижу такой расклад. Я не могу полностью отвергнуть его, но ненавижу. Мне это напоминает ситуацию в автомастерской. Если пригоняешь туда автомобиль, тебе обязательно скажут, что в поломке виновата именно ты. Или слишком много едешь, или слишком мало едешь, или забыла снять машину с ручника, или забыла поднять стекла, и дождь испортил проводку. И знаешь, что хуже всего? Если Ты — Которого-нет, я не могу переложить на Тебя даже часть вины. И что тогда остается? Гребаная генетика? — Она вздохнула. — Сожалею о нехороших словах; почему бы Тебе не притвориться, что Ты их не слышал? Так обычно поступала моя мать. А тем временем у меня другой вопрос: что мне делать? Этот город в ужасной беде, и я бы хотела что-нибудь сделать, чтобы помочь, только не могу решить что. Я ощущаю себя глупой, и слабой, и сбитой с толку. Полагаю, будь я отшельницей из Ветхого Завета, я бы сказала, что мне нужен знак. В данный момент сгодятся даже «УСТУПИ ДОРОГУ» или «ЗОНА ОГРАНИЧЕНИЯ СКОРОСТИ У ШКОЛЫ».

Едва она произнесла эти слова, открылась входная дверь, потом с грохотом захлопнулась. Пайпер оглянулась, ожидая увидеть ангела с крыльями и в сияющем белом одеянии. *Если он хочет со мной бороться, сначала ему придется излечить мне руку*, подумала она.

Но в церкви появился не ангел, а Ромми Берпи. Подол рубашки наполовину вылез из брюк и болтался у середины бедра; выглядел Ромми таким же подавленным, как и она. Он двинулся по центральному проходу, увидел ее, остановился, удивленный не меньше, чем Пайпер.

— Ух ты! — В голосе явно слышался льюистонский выговор. — Извините, не знал, что вы здесь. Я зайду позже.

— Нет. — Она поднялась, вновь опираясь только на правую руку. — Я все равно уже закончила.

— Вообще-то я католик, — пояснил Берпи (*Один хрен*, подумала Пайпер), — но католического храма в Милле нет... о чем вы, будучи священником, конечно, знаете... и вы знаете, что говорится о тихой гавани во время шторма. Я решил зайти сюда, чтобы помолиться за упокой души Бренды. Всегда любил эту женщину. — Он потер щеку. Шуршание его ладони о щетину в церковной тишине прозвучало очень уж громко. Его кок Элвиса теперь рассыпался по ушам. — Любил ее, никогда не говорил, но, думаю, она знала.

Пайпер смотрела на него с нарастающим ужасом. Она не выходила из дома весь день и, хотя знала о случившемся в «Мире еды» — ей позвонили

несколько прихожан, — о смерти Бренды услышала впервые.

— Бренда? Что с ней случилось?

— Ее убили. Других тоже. Говорят, это сделал тот парень, Барби. Он арестован.

Пайпер закрыла рот рукой, пошатнулась. Ромми подскочил к ней, обнял за талию. Так они и стояли перед алтарем, словно мужчина и женщина, готовые пожениться, когда вновь открылась дверь, и в церковь вошла Джекки, а за ней Линда и Джулия.

— Может, это не такое уж хорошее место, — усомнилась Джекки в своем же решении.

Церковь отличала отменная акустика, а потому, пусть она говорила негромко, Пайпер и Берпи ее слышали.

— Не уходите! Не уходите, если пришли поговорить о том, что произошло. Я не могу поверить, что мистер Барбара... Я уверена, он на такое не способен. Он вправил мне плечо после вывиха. Сделал все так нежно и осторожно... — Пайпер задумалась. — Нежно и осторожно, насколько позволяли обстоятельства. Пройдите сюда. Пожалуйста, пройдите сюда.

— Человек может вправить вывих плеча и одновременно быть убийцей, — произнесла Линда, но при этом кусала губу и вертела на пальце обручальное кольцо.

Джекки сжала ей запястье:

— Мы хотели не высовываться, Лин, помнишь?

— Слишком поздно, — ответила Линда. — Если Джулия напишет статью, а эти двое скажут, что видели нас с ней, мы окажемся во всем виноватыми.

Пайпер не очень-то понимала, о чем именно речь, но суть уловила правильно. Подняла правую руку, обвела зал:

— Вы в моей церкви, миссис Эверетт, и все, что будет здесь сказано, здесь и останется.

— Вы обещаете?

— Да. Так почему бы нам не поговорить по душам? Я молилась о знаке, и вот вы здесь.

— Я в это не верю, — покачала головой Джекки.

— Если на то пошло, я тоже. — И Пайпер рассмеялась.

— Мне это не нравится, — повернулась Джекки к Джулии. — Что бы она ни говорила, здесь слишком много людей. Потерять работу, как Марти, это одно. Я это переживу, жалование все равно жалкое. А вот разозлить Джима Ренни... — Она покачала головой. — Идея не из лучших.

— Не так уж нас и много, — возразила Пайпер. — Столько, сколько нужно. Мистер Берпи, вы можете хранить секреты?

Ромми Берпи, который провернул немало сомнительных сделок, кивнул и поднес палец к губам: «Буду нем как рыба».

— Пойдемте ко мне, — предложила Пайпер, когда увидела, что Джекки все еще сомневается, протянула к ней левую руку... очень осторожно: — Пойдемте, вместе все и обсудим. Может, за капелькой виски?

Последнее таки убедило Джекки.

31 ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ ЗВЕРЬ БУДЕТ
 БРОШЕН В ОЗЕРО ОГНЕННОЕ ГОРЯЩЕЕ (ОТКР. 19:20)
 И БУДУТ МУЧИТЬСЯ ДЕНЬ И НОЧЬ ВО ВЕКИ ВЕКОВ (20:10)^[132]
 СЖЕЧЬ НЕЧИСТЫХ
 ОЧИСТИТЬ ПРАВЕДНЫХ
 ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ 31

31 ИИСУС ОГНЯ ИДЕТ 31

Трое мужчин, втиснутые в кабину грохочущего грузовика департамента общественных работ, с изумлением смотрели на это загадочное послание. Написано оно было краской на стене складского здания, построенного позади студии ХНВ, черным на красном, такими большими буквами, что заняло едва ли не всю стену.

Круглоголовый Роджер Кильян, фермер, выращивающий кур, повернулся к Стюарту Боуи, который вел грузовик:

— Что это означает, Стюи?

Ответил ему Ферн Боуи:

— Это означает, что чертов Фил Буши стал еще безумнее, вот что это означает. — Он открыл бардачок, вытащил пару запачканных маслом рукавиц, потом достал револьвер тридцать восьмого калибра. Проверил, во всех ли гнездах патроны, легким круговым движением руки вернул барабан на место и засунул револьвер за брючный ремень.

— Знаешь, Ферни, это самый лучший способ отстрелить детородные органы, — заметил Стюарт.

— Обо мне не волнуйся, волнуйся о нем. — Ферн указал на студию. Оттуда до них доносилась церковная музыка. — Большую часть года Фил ловит кайф от продукта собственного производства, и теперь по надежности он — чистый нитроглицерин.

— Нынче Филу нравится, чтобы его называли Шеф, — вставил Роджер Кильян.

Сначала они остановились около студии, и Стюарт нажал на клаксон — не один раз; Фил Буши не показывался. То ли прятался в студии, то ли бродил по лесам, среди которых построили радиостанцию. Стюарт полагал, что Буши мог находиться и в лаборатории. Параноик. Опасный. И тем не

менее без оружия лучше. Он наклонился, вытащил револьвер из-за ремня Ферна, положил под водительское сиденье.

— Эй! — недовольно воскликнул Ферн.

— Здесь стрелять нельзя. Ты можешь отправить нас всех на луну. — Стюарт посмотрел на Роджера: — Когда ты в последний раз видел этого тощего козла?

Роджер задумался.

— Недели четыре назад как минимум, когда из города ушла последняя большая партия. Когда прилетал вертолет «чинук». — Название вертолета он произнес, как «шин-ууук». Ромми Берпи его бы понял.

Стюарт задумался. Если Буши бродил по лесу, это хорошо. Если чертов параноик, принявший их как-то за федералов, прятался в студии, наверное, тоже не страшно... если, конечно, он не начнет стрелять.

А вот если Буши затаился на складе, тогда... да, могли возникнуть проблемы.

Стюарт повернулся к брату:

— В кузове лежат деревянные бруски. Если Фил появится и начнет бузить, угомони его.

— А если он вооружен? — задал Роджер вполне логичный вопрос.

— Нет, — ответил Стюарт, хотя наверняка знать этого не мог. Он получил приказ: взять два контейнера с пропаном и спешно доставить их в больницу. «И остальные мы должны вывезти оттуда как можно быстрее, — пояснил Большой Джим. — С производством мета мы закончили».

Это радовало. После того как город избавится от Купола, Стюарт собирался выйти и из похоронного бизнеса. Переехать в какое-нибудь теплое местечко. На Ямайку или Барбадос. Не хотел больше видеть ни одного трупа. Не хотел и говорить «Шефу» Буши, что они закрыли лавочку, о чем прямо заявил Большому Джиму.

«Шефа оставь мне», — ответил Большой Джим.

Стюарт на большом оранжевом грузовике объехал склад и задним ходом подогнал его к воротам. Глушить двигатель не стал, чтобы обеспечить работу подъемника и лебедки. Все вылезли из кабины.

— Вы только посмотрите! — В голосе Роджера Кильяна слышалось восхищение. Смотрел он на запад, где солнце опускалось вызывающим тревогу красным мазком. Скоро светилу предстояло скользнуть под верхнюю границу черного пятна, оставленного лесным пожаром, и изменить цвет и форму. — Видали когда-нибудь такую хрень?

— Хватит пялиться! — одернул его Стюарт. — Я хочу покончить с этим и уехать. Ферни, бери брусок. И поувесистее.

Ферн перелез через лебедку и выбрал дубинку длиной с бейсбольную битку. Ухватился за нее обеими руками, махнул в одну сторону, в другую.

— Пойдет.

— «Баскин Роббинс», — мечтательно произнес Роджер Кильян, он прикрывал глаза и, щурясь, смотрел на запад. Прищуривание его не красило. Он более всего напоминал сказочного тролля.

Стюарт прервал свое занятие: он открывал ворота склада, для чего требовалось отомкнуть два замка и снять металлическую планку.

— О чем ты?

— Тридцать один вкус. — Роджер улыбнулся, открыв гнилые зубы, которые никогда не видел ни Джо Боксер, ни, возможно, какой-либо другой дантист.

Стюарт понятия не имел, о чем говорил Роджер, а его брат все понял.

— Не думаю, что на стене нарисовали рекламу мороженого, — возразил Ферн. — Если только про «Баскин Роббинс» не написано в Книге Откровений.

— Заткнитесь оба! — приказал Стюарт. — Ферни, стой наготове. — Он открыл ворота, заглянул внутрь: — Фил!

— Зови его Шеф, — посоветовал Роджер. — Как повара-ниггера из «Саут-Парка». Ему так нравится.

— Шеф! — позвал Стюарт. — Ты здесь, Шеф?

Ответа не последовало. Стюарт шагнул в сумрак, ожидая, что его в любой момент схватят за руку, повернул выключатель. Вспыхнул свет, открыв помещение, занимающее три четверти складского здания. Отделку стен не закончили, между рейками торчала розовая изоляция. Помещение заполняли контейнеры и баллоны с пропаном самых разных форм и размеров. Стюарт не знал, сколько их здесь, но, если б его попросили ответить навскидку, сказал бы, что от четырехсот до шестисот.

Он медленно шел по центральному проходу, всматриваясь в надписи на контейнерах. Большой Джим дал ему четкие указания, предупредил, что нужные контейнеры находятся в глубине, и, слава Богу, там они и оказались. Стюарт остановился около пяти контейнеров «муниципального размера» с надписью «БОЛЬНИЦА КР». Они стояли между другими, позаимствованными, судя по надписям, из почтового отделения и средней школы Милла.

— Нам велено взять два. — Он повернулся к Роджеру. — Принеси цепь, и начнем. Ферни, иди к дальней стене и проверь дверь в лабораторию. Если она не заперта, запри ее. — И он бросил Ферну кольцо с ключами.

Ферн с удовольствием обошелся бы без этого поручения, но он всегда слушался старшего брата. Пошел к двери. Контейнеры и баллоны громоздились по обе стороны центрального прохода. Лишь последние десять футов до двери оставались пустыми. Сердце Ферна упало, когда он увидел, что дверь приоткрыта. За спиной слышалось звяканье цепи, потом визг лебедки и шуршание: первый контейнер уже тащили к грузовику. Но звуки эти раздавались, казалось, в каком-то далеком далеке, особенно когда он представил себе Шефа, затаившегося по другую сторону двери, с красными глазами и безумного, обкуренного и вооруженного пистолетом-пулеметом «ТЕК-9».

— Шеф! — позвал он. — Ты здесь, дружище?

Ответа не последовало. И хотя соваться туда ему не следовало — только безумец мог пойти на такое, — любопытство взяло верх, и своей дубинкой он полностью распахнул дверь.

В лаборатории горели флуоресцентные лампы, но и эта часть складского здания при радиостанции «Христос наш Владыка» пустовала. Двадцать больших горелок, каждая со своей вытяжкой и баллоном пропана, не работали. Кастрюли, мерные стаканы, дорогие колбы стояли на полках. В лаборатории воняло (*Всегда воняло, всегда будет вонять*, подумал Ферн), но пол чисто подметен и везде царит порядок. На стене висел календарь «Салона подержанных автомобилей Джима Ренни», открытый на августе. *Вероятно, в том месяце этот козел потерял контакт с реальностью*, подумал Ферн. *Просто уплыл в свой мир*. Он продвинулся чуть дальше. Мет их всех озолотил, но ему это дело никогда не нравилось. И здешний запах очень уж напоминал тот, что встречал его в подвальной комнате похоронного бюро, где готовились тела к отправлению в последний путь.

В одном углу часть стены занимала толстая стальная панель с дверцей посередине. Там — Ферн это знал — хранился произведенный Шефом продукт, прозрачные кристаллы мета, расфасованные не в багги объемом с галлон, а в большие мусорные мешки «Хефти». Никакой мелочевки. Не те крохи, которых хватило бы наркоману, рыщущему по улицам Нью-Йорка или Лос-Анджелеса в поисках дозы мета. Когда хранилище заполнялось, мета хватало для того, чтобы обеспечить потребности всех Соединенных Штатов на несколько месяцев, может, и на год.

Почему Большой Джим позволял ему изготавливать так много мета? — спросил себя Ферн. Почему мы ему помогали? О чем мы думали? И не смог найти другого ответа, кроме самого очевидного: потому что имели такую возможность. Сочетание мастерства Буши и дешевизны ингредиентов

китайского производства подкупило их. Опять же на эти деньги субсидировалась «ХНВ корпорейшн», творящая добрые дела во имя Господа на всем Восточном побережье. И если кто-то спрашивал, Большой Джим всегда на это указывал. И цитировал Писание: «Ибо трудящийся достоин награды за труды свои» (Евангелие от Луки) и «...не заграждай рта у вола молотящего» (Первое послание к Тимофею).

Ферн так и не понял, как толковать цитату о волах.

— Шеф! — Он еще чуть продвинулся в лабораторию. — Дружище?!

Ответа не получил. Поднял голову, оглядел деревянные галереи, что тянулись вдоль двух стен. Они использовались для хранения ингредиентов, и содержимое коробок, которые там стояли, очень заинтересовало бы ФБР, Администрацию по контролю за продуктами питания и лекарствами, а также Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия. Наверху тоже никого не было, но появилось нечто новенькое: белый шнур тянулся вдоль поручней обеих галерей, прикрепленный к дереву скобками. Электрический провод? И куда он тянулся? Этот псих поставил горелки и наверху? Провод выглядел слишком толстым, чтобы подводить ток к простому устройству, вроде телевизора или радио...

— Ферн! — От крика Стюарта он вздрогнул. — Если Буши там нет, иди сюда и помоги нам. Я хочу побыстрее убраться отсюда. В шесть вечера по телевизору будут показывать информационный выпуск. Я хочу узнать, что они теперь думают.

В Честерс-Милле под «они» теперь подразумевали всех, кто находился за пределами города.

Ферн вышел, не посмотрев на стену над дверью и не увидев, куда тянулись новые электрические провода: к большому кому белого вещества, внешне похожему на глину, который лежал на маленькой полке. К взрывчатке.

Изготовленной Шефом по собственному рецепту.

— Хэллоуин, — произнес Роджер, когда они отъехали от склада. — Это тоже тридцать один.

— Ты — просто кладезь информации, — буркнул Стюарт.

Роджер постучал по виску:

— Я запасаю ее здесь. Не специально. Она сама откладывается.

Ямайка, подумал Стюарт. Или Барбадос. Обязательно в теплых краях. Как только исчезнет Купол. Не хочу видеть никаких Кильянов. Или кого-то еще из этого города.

— А еще тридцать одна карта в колоде, — продолжил Роджер.

Ферн резко повернулся к нему:

— Что ты, твою мать, несешь?!

— Пошутил, просто пошутил! — расхохотался Кильян. От этого жуткого, пронзительного смеха у Стюарта заболела голова.

Они уже подъезжали к больнице. Стюарт увидел серый «форд-таурус», выруливающий из «Кэтрин Рассел».

— Эй, это же доктор Расти! — воскликнул Ферн. — Готов спорить, он порадуетсЯ возвращению пропана. Погуди ему, Стюи.

Стюарт погудел.

Когда безбожники уехали, Шеф Буши наконец-то выпустил из руки пульт дистанционного управления воротами гаража, который держал все это время. Он наблюдал за Роджером Кильяном и братьями Боуи из окна мужского туалета радиостудии. Большой палец лежал на кнопке, пока эти люди находились на складе, что-то там делали. Если они выйдут с продуктом, он нажмет на кнопку, и склад взлетит к небесам.

— Все в Твоих руках, мой Иисус, — пробормотал он. — Как мы говорили в детстве. Я не хочу, но сделаю.

И Иисус все устроил наилучшим образом. Шеф почувствовал, что так и будет, когда Джордж Дау и «Госпел-Тоунс» запели «Господь, как Ты заботишься обо мне», и Шеф почувствовал, что так оно и есть, что это не просто записанная на пленку песня, а Знак Свыше. Те трое приехали не за метом, а за двумя контейнерами с пропаном.

Он наблюдал за их отъездом, потом вышел на тропинку, которая соединяла студию и складское здание, где находилась лаборатория. Теперь это здание принадлежало ему, и весь мет принадлежал ему, по крайней мере пока не придет Иисус и не возьмет все себе.

Может, на Хэллоуин.

Может, раньше.

Тут было о чем подумать, и в эти дни ему думалось легче после того, как он покурит.

Гораздо легче.

Джулия маленькими глоточками пила виски, растягивая удовольствие, а вот женщины-полицейские разобрались с налитым одним махом, как гусары. Они не опьянели, но алкоголь развязал им язык.

— Дело в том, что я в ужасе. — Джекки Уэттингтон не поднимала глаз, вертела в руках пустой стакан для сока, а когда Пайпер предложила повторить, покачала головой. — Такого никогда бы не случилось, будь Герцог жив. И эта мысль не отпускает меня. Даже если бы он имел основания подозревать, что Барбара убил его жену, то следовал бы установленному порядку. Только так и не иначе. А позволить отцу жертвы спуститься в Курятник и оказаться лицом к лицу с подозреваемым? *Никогда.* — Линда согласно мотнула головой. — Я боюсь думать о том, что может случиться с этим парнем. И потом...

— Если такое могло случиться с Барби, то может и с каждым? — спросила Джулия.

Джекки кивнула. Кусая губы. Вертя в руках стакан.

— Если что-то случится с ним... я даже не про суд Линча, просто несчастный случай в камере... не знаю, смогу ли я снова надеть эту форму.

Тревога Линды определялась более простой и очевидной причиной. Ее муж верил в невиновность Барбары. В ярости (и отвращении, вызванном тем, что она увидела в кладовой дома Маккейнов) Линда с порога отвергла эту идею, ведь армейские жетоны Барби нашли в посеревшей и закорженевшей руке Энджи. Но чем больше она об этом думала, тем сильнее нарастала ее тревога. Отчасти потому, что она уважала суждения Расти — не только сейчас, но и всегда, — но также из-за тех слов, которые прокричал Барби, прежде чем Рэндолф вывел его из строя «Мейсом». «Попросите вашего мужа осмотреть тела! Мэм, он должен осмотреть тела!»

— И еще, — Джекки все вертела стакан, — в заключенного не прыскают «Мейсом» только потому, что он кричит. Иногда по субботам, особенно после важных матчей, в камерах кричат, как в зоопарке перед раздачей еды. Но им просто не мешают кричать. Со временем они устают и ложатся спать.

Джулия тем временем изучающе смотрела на Линду. И когда Джекки закончила, обратилась к ней:

— Повторите еще раз, что сказал Барби.

— Он хотел, чтобы Расти осмотрел тела, особенно Бренды Перкинс. Сказал, что в больницу их не привезут. Он это знал. Они у Боуи, и это неправильно.

— Чертовски странно, что они убиты, — вставил Ромео. — Извините за грубое слово, преподобная.

Пайпер махнула рукой:

— Если Барби их убил, не понимаю, почему для него так важен осмотр тел. Но если не убивал, он, наверное, подумал, что вскрытие обелит его.

— Бренда — самая последняя жертва, так? — спросила Джулия.

— Да, — подтвердила Джекки. — У нее началось окоченение, но не закончилось. По крайней мере мне Бренда окоченевшей не показалась.

— Она и не окоченела, — сказала Линда. — А поскольку окоченение начинается примерно через три часа после смерти, то, по моим расчетам, Бренду убили где-то около восьми-деяти утра. Но я не врач. — Она вздохнула и прошлась руками по волосам. — Расти тоже, но он смог бы определить время смерти гораздо точнее, чем я, если б его позвали. Никто этого не сделал. Включая меня. Я так испугалась... столько всего навалилось...

Джекки отодвинула стакан.

— Послушай, Джулия, утром ты была у супермаркета с Барбарой, так?

— Да.

— Чуть позже девяти, когда бунт уже начался?

— Да.

— Кто пришел первым, он или ты? Потому что я не знаю.

Джулия пояснила, что она пришла первой, а Барби появился после нее и позже, чем Роуз Твитчел и Энсон Уилер.

— Барби показал нам, как успокоить людей, — добавила она. — Возможно, спас многих от серьезных травм. Это никак не вяжется с вашими находками в той кладовой. Есть у вас какие-то предположения об очередности смертей? Помимо Бренды, которую убили последней?

— Энджи и Доди стали первыми жертвами, — ответила Джекки. — Разложение у них зашло дальше, чем у Коггинса, так что его убили позже.

— Кто их нашел?

— Ренни-младший. Он что-то заподозрил, потому что увидел автомобиль Энджи в гараже. Но это не важно. Куда важнее Барбара. Ты уверена, что он прибыл после Роуз и Энса? Потому что это выглядит не очень хорошо.

— Я уверена. Поэтому если предположить, что Барби не убивал

людей, тогда чем он занимался? — Но ответ напрашивался очевидный. — Пайпер, я могу воспользоваться твоим телефоном?

— Разумеется.

Джулия заглянула в телефонный справочник, размером с брошюру, потом по мобильнику Пайпер позвонила в «Эглантерию». Услышала резкий ответ:

— Мы закрыты до последующего уведомления. Эти говнюки арестовали моего повара.

— Роуз? Это Джулия Шамуэй.

— Ох, Джулия. — Голос Роуз смягчился на самую малость. — Чего ты хочешь?

— Пытаюсь установить алиби Барбары. Хочешь помочь?

— Будь уверена. Сама идея, что Барби убивал людей, нелепа. Что ты хочешь знать?

— Я хочу знать, был ли он в «Эглантерии», когда начался бунт в «Мире еды»?

— Естественно. — В голосе Роуз слышалось недоумение. — А где еще он мог быть после завтрака? Когда мы с Энсоном уехали, он отчищал гриль.

Солнце садилось, тени удлинялись, и Клер Макклэтчи нервничала все сильнее. Наконец пошла на кухню, чтобы сделать то, что откладывала и откладывала: воспользоваться мобильником мужа (он забыл его субботним утром, постоянно забывал), чтобы позвонить на свой. Она боялась, что после четырех гудков услышит собственный голос, веселый и чирикающий, записанный до того, как весь город оказался в тюрьме за невидимой решеткой. *Привет, это голосовая почта Клер. Оставьте сообщение после звукового сигнала.*

И что она тогда скажет? *Джо, позвони мне, если ты не умер?*

Она поднесла руку к кнопкам, замерла. *Помни, если Джо не ответит в первый раз, значит, он едет на велосипеде и не успеет слезть с него и достать мобильник из рюкзака до того, как включится голосовая почта. Он будет готов принять звонок, когда ты позвонишь второй раз, зная, что это ты.*

А если звонок будет переключен на голосовую почту во второй раз? И в третий? Почему она вообще отпустила его? Должно быть, рехнулась.

Клер закрыла глаза, и перед мысленным взором возникла картинка, четкостью не уступающая тем, что она иногда видела в кошмарных снах: телеграфные столбы и витрины Главной улицы заклеены фотографиями Джо, Бенни и Норри, которые выглядели точно так же, как дети, чьи снимки вывешивают на информационных досках, установленных в зонах отдыха на автострадах. Всегда с надписью: «ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕГО/ЕЕ ВИДЕЛИ В...»

Клер открыла глаза и быстро набрала номер, потому что могла струсить. Приготовилась оставить сообщение: *Я позвоню через десять секунд, и тебе лучше ответить, мистер...* — Но к ее изумлению, Джо ответил, чисто и ясно, на середине первого гудка.

— Мама! Привет, мама! — Живой, и даже больше чем живой: судя по голосу, его распирало радостное возбуждение.

Где ты? — хотела она спросить, но сначала не могла ничего вымолвить. Ни единого слова. Ноги стали губчато-эластичными. Она привалилась к стене, чтобы не грохнуться на пол.

— Мама! Ты на связи?

Клер услышала шум подъезжающего автомобиля и голос Бенни, приглушенный, но отчетливый, кричащий:

— Доктор Расти! Эй, чувак, стой!

Наконец к ней вернулся дар речи:

— Да. На связи. Вы где?

— На вершине холма у городской площади. Я собирался позвонить тебе, потому что уже начало смеркаться, сказать, чтобы ты не волновалась, и телефон зазвонил у меня в руке. От неожиданности я чуть его не выронил.

Да уж, вечно родители волнуются понапрасну. *На вершине холма у городской площади. Они будут здесь через десять минут. Бенни, наверное, захочет съесть еще три фунта еды. Спасибо Тебе, Господи.*

Норри что-то говорила Джо. Вроде бы: «Скажи ей, скажи ей». Потом в мобильнике вновь зазвучал голос ее сына, такой громкий и радостный, что ей пришлось чуть отнести мобильник от уха.

— Мама, я думаю, мы его нашли. Я практически уверен. Он в яблоневом саду на вершине Блэк-Ридж.

— Нашли что, Джо?

— Я не знаю наверняка, не хочу делать поспешные выводы, но, возможно, штуковину, которая создает Купол. Скорее всего. Мы видели мигалку, вроде той, что ставят на вышках-трансляторах, чтобы предупреждать пилотов, только находилась она на земле и мигала пурпурным, а не красным. Мы не подходили достаточно близко, чтобы увидеть что-то еще. Мы отключились, все. Очнулись в полном порядке, но поняли, что уже поз...

— Отключились? — чуть ли не выкрикнула Клер. — Что значит — отключились? Быстро домой! Немедленно домой, чтобы я могла взглянуть на тебя!

— Я в порядке, мама, — поспешил успокоить ее Джо. — Я думаю, это... ты знаешь, когда люди прикасались к Куполу, они испытывали что-то похожее на легкий удар током, а потом эти ощущения пропадали. Я думаю, ты отключаешься один раз, а потом приобретаешь иммунитет. Получаешь прививку, и никакой опасности. И Норри так думает.

— Мне без разницы, что думает она или ты, мистер. Немедленно домой, чтобы я убедилась, что ты в порядке, или мне придется делать прививку твоему задку.

— Хорошо, но мы должны связаться с мистером Барбарой. Он первым подумал о счетчике Гейгера и оказался прав. И надо поставить в известность доктора Расти. Он только что проехал мимо нас. Бенни пытался остановить его, но не вышло. Мы найдем Расти и мистера Барбару, чтобы они тоже пришли в дом, хорошо? Надо обдумать наш следующий

шаг.

— Джо... мистер Барбара...

Клер замолчала. А что говорить? Что мистер Барбара, которого некоторые люди начали называть полковник Барбара, арестован по обвинению в совершении нескольких убийств?

— Что? — спросил Джо. — Что с ним? — Триумф в его голосе сменила озабоченность.

Клер предполагала, что он чувствует ее настроение точно так же, как она чувствует его. И Джо, несомненно, очень надеялся на Барбару — как и Бенни, как и Норри. Она, разумеется, не смогла бы держать их в неведении (даже если бы и хотела), но не собиралась сообщать об аресте Барбары и предъявленных ему обвинениях по телефону.

— Приезжайте домой, — услышал от нее Джо. — Поговорим здесь. И, Джо... я очень вами горжусь.

Джимми Сируа умер во второй половине дня, примерно в то время, когда Джо и его друзья катили на велосипедах в город.

Расти сидел в коридоре, обнимая Джину Буффалино и не мешая ей плакать у него на груди. В другое время он бы чувствовал себя крайне неловко, сидя в обнимку с девушкой, которой едва исполнилось семнадцать, но времена изменились. Одного взгляда на коридор — освещенный теперь лампами Коулмана, а не залитыми флуоресцентным светом — хватало, чтобы понять, что времена изменились. Больница превратилась в заполненную тенями аркаду.

— Не твоя вина, — успокаивал он ее. — Не твоя вина, не моя, даже не его. Он не напрашивался на диабет.

Хотя, Бог свидетель, очень многие жили с диабетом долгие годы. Но эти люди заботились о себе. Джимми, предпочитавший жизнь отшельника на Год-Крик-роуд, к таковым не относился. Когда он наконец-то приехал в Центр здоровья — в прошлый четверг, — то не смог самостоятельно вылезти из автомобиля, жал на клаксон, пока Джинни не вышла, чтобы посмотреть, что там такое. И, стянув со старика штаны, Расти увидел, что правая нога — дряблая и посиневшая. Даже если бы Джимми выкарабкался, чувствительность нервных окончаний восстановить бы не удалось.

«Совсем не больно, док», — заверил Джимми Рона Хаскела перед тем, как впасть в кому. С тех пор он то приходил в сознание, то уплывал в забытие, а нога становилась все хуже. Расти откладывал ампутацию, хотя знал, что без этого не обойтись, если он хотел дать Джимми шанс на спасение.

Когда прекратилась подача электричества, Джимми и еще двум пациентам внутривенно вводились антибиотики. Те все равно продолжали поступать, но расходомеры выключились, а потому медсестры не знали, какая поступила доза. Кроме того, отключился кардиомонитор Джимми и респиратор, подающий воздух в легкие. Расти убрал респиратор, положил на лицо старика маску и показал Джине, как пользоваться кислородной подушкой. У нее получалось, и она старалась, но в шесть вечера Джимми все равно умер.

И теперь Джина рыдала.

Оторвала залитое слезами лицо от груди Расти, чтобы спросить:

— Я дала ему слишком много кислорода? Слишком мало? Я задушила его и убила?

— Нет. Джимми, вероятно, все равно бы умер, а так ему не пришлось лечь под нож, и он обошелся без ампутации.

— Не думаю, что я смогу сделать это снова. — Джина вновь зарыдала. — Так страшно. А теперь мне очень плохо.

Расти не знал, как на это реагировать, и тут подоспела неожиданная помощь.

— Ты оклемаешься, — раздался хриплый, гнусавый голос. — Должна, милая, потому что без тебя нам не обойтись. — По коридору к ним медленно шла Джинни Томлинсон.

— Не следовало тебе вставать, — покачал головой Расти.

— Наверное, — согласилась Джинни и со вздохом облегчения села по другую сторону Джины. Заклеенный пластырем нос, полоски пластыря под глазами придавали ей сходство с хоккеистом после трудного матча. — Но тем не менее я возвращаюсь к работе.

— Может, завтра... — начал Расти.

— Нет, теперь. — Она взяла Джину за руку. — И ты тоже, милая. Когда я училась в медицинском училище, одна старая медсестра говорила: «Ты можешь уйти, когда кровь высохнет, а родео закончится».

— А если я ошибусь? — прошептала Джина.

— Все ошибаются. Главное — ошибаться как можно реже. И я тебе помогу. Тебе и Гарриет. Что скажешь?

Джина с сомнением посмотрела на опухшее лицо Джинни: его к тому же не красили и старые очки, которые та где-то нашла.

— Такой энтузиазм можно только приветствовать, — заявил Расти, — но, если почувствуешь, что валишься с ног, найди свободную кровать и приляг. Приказ доктора Расти.

Джинни поморщилась, когда кончики губ в улыбке потянулись к крыльям носа.

— Кому нужна кровать, если я всегда могу воспользоваться старым диваном доктора Хаскела в комнате отдыха.

Зазвонил мобильник Расти. Он махнул женщинам рукой, предлагая заняться делом. Они ушли, разговаривая. Джина обнимала Джинни за талию.

— Алло, это Эрик, — ответил он.

— А это жена Эрика. — Приглушенный голос. — Звонит, чтобы извиниться перед Эриком.

Расти прошел в пустую смотровую и закрыл за собой дверь.

— Никакие извинения не нужны. — Впрочем, он сомневался в правдивости своих слов. — Влияние момента. Его отпустили? — Вопрос казался ему совершенно логичным. Тот Барби, которого он знал, никого убить не мог.

— Я бы предпочла не обсуждать это по телефону. Ты можешь приехать домой? Пожалуйста! Нам надо поговорить.

Расти полагал, что мог. В критическом состоянии у него был только один пациент, который, умерев, существенно упростил его профессиональную жизнь. Но хотя он ощутил облегчение от того, что в ссоре с любимой женщиной поставлена точка, ему не понравилась осторожность, которая явственно звучала в ее голосе.

— Могу, но ненадолго. Джинни уже на ногах, но, если я не буду ее контролировать, она снова свалится. Пообедаем?

— Да. — У нее словно гора с плеч свалилась, что очень порадовало почувствовавшего это Расти. — Я разогрею куриный суп. Нам лучше съесть побольше замороженных блюд, пока не закончился пропан.

— И еще. Ты по-прежнему думаешь, что Барби виновен? Независимо от того, что думают остальные?

Долгая пауза.

— Мы поговорим дома. — И она отключила связь.

Расти привалился задом к столу, на котором проходил осмотр пациентов. Какое-то время смотрел на мобильник, потом нажал кнопку с красной трубкой. Многие казалось ему неясным — он напоминал себе человека, плавающего в море вопросов, — но в одном сомнений не было: его жена думала, что кто-то может подслушивать их разговор. Кто же? Армия? Министерство национальной безопасности?

Большой Джим Ренни?

— Нелепо, — сообщил Расти пустой комнате. Потом вышел в коридор, чтобы найти Твитча и сказать ему, что на короткое время уезжает.

Твитч согласился приглядывать за Джинни и следить, чтобы та не перетрудилась, но поставил условие: Расти перед отъездом осмотрит Генриетту Клавар, которая пострадала во время продуктового бунта.

— Что с ней? — спроста Расти, страшась наихудшего. Генриетта на здоровье особо не жаловалась, но ей, между прочим, восемьдесят четыре года.

— Она говорит, и я цитирую: «Одна из этих никчемных сестер Мерсье сломала мой чертов зад». Она имеет в виду Карлу Мерсье, которая теперь Вензиано.

— Хорошо. Наш город мал, и за команду за одну мы все болеем. Это так?

— Что — так, сэнсэй?

— Зад сломан?

— Не знаю. Она мне его не показывает. Говорит, и я цитирую: «Я покажу мои подштанники только профессиональному глазу».

Оба расхохотались, стараясь приглушить смех.

Из-за закрытой двери донесся хрипловатый и недовольный голос старушки:

— У меня сломана задница, а не уши. Я все слышу.

Расти и Твитч расхохотались еще сильнее. Лицо Твитча побагровело.

— Будь это ваши задницы, — заметила Генриетта, — вам было бы не до смеха.

— Извините, миссис Клавар. — Расти, все еще улыбаясь, вошел в смотровую.

Она стояла, а не сидела и, к безмерному облегчению Расти, улыбалась сама.

— Не за что. В нашей катавасии хоть что-то должно быть смешным. Пусть это буду я. — Она помолчала. — А кроме того, я крала вместе с остальными. Наверное, заслужила сломанный зад.

Как выяснилось, Генриетта отделалась синяками, а не переломами. Чему оставалось только порадоваться, потому что в сломанном копчике ничего смешного нет. Расти дал старушке тюбик обезболивающей мази, убедился, что дома у нее есть адвил, и отправил домой, хромающую, но довольную. Насколько могла быть довольна дама ее возраста и темперамента.

При второй попытке Расти покинуть больницу, через пятнадцать минут после звонка Линды, Гарриет Бигелоу остановила его у самой двери на автостоянку.

— Джинни говорит, вы должны знать, что Сэмми Буши ушла.

— Ушла куда? — спросил Расти. Со школы он считал, что самый глупый вопрос — тот, что остался незадаанным.

— Никто не знает. Просто ушла.

— Может, она пошла в «Эглантерию», чтобы узнать, будет ли там обед? Я на это надеюсь, потому что у нее могут разойтись все швы, если она пойдет пешком к своему трейлеру.

На лице Гарриет отразилась тревога:

— Она может... истечь кровью и умереть? Если кровь течет из твоей ву-ву... это же плохо.

Расти слышал много синонимов слова «вагина», но этот — впервые.

— Умереть — вряд ли, но ей придется вернуться сюда на более продолжительный срок. А ребенок?

На лице Гарриет отразился ужас. Эта милая девушка, нервничая, начинала часто-часто моргать за толстыми стеклами очков. Такие девушки, подумал Расти, доводили себя до нервного расстройства лет через пятнадцать после окончания колледжей Вассара или Смита.

— Ребенок! Святой Боже, Литл Уолтер! — Она убежала, прежде чем Расти успел ее остановить, вернулась с написанным на лице облегчением. — Все еще здесь. Он не очень шустрый, но, наверное, такой у него характер.

— Тогда Сэмми вернется. Какие бы ни были у нее проблемы, ребенка она любит. По-своему.

— Что? — Гарриет заморгала.

— Не важно. Я постараюсь вернуться побыстрее. Не опускай крылья.

— Не опускай крылья?

— Занимайся больными, я хотел сказать.

Гарриет просияла:

— Это я смогу, доктор Расти, нет проблем.

Эверетт повернулся, чтобы наконец-то уйти, но теперь перед ним стоял мужчина — тощий, симпатичный, если не обращать внимания на крючковатый нос, с густыми седыми волосами, забранными в конский хвост. Расти вспомнил, что не так давно видел его с молодой женщиной и двумя детьми, и задался вопросом: «А удастся ли тебе, доктор, когда-нибудь выбраться из больницы?»

— Могу я вам помочь, сэр?

— Честно говоря, я думал, что, возможно, сумею вам помочь. — Он протянул костлявую руку: — Терстон Маршалл. Мы с коллегой проводили уик-энд у Честерского пруда и угодили сами знаете во что.

— Очень сожалею.

— Дело в том, что у меня есть некоторый медицинский опыт. Я поступил на альтернативную службу во время вьетнамской войны. Подумывал об эмиграции в Канаду, но я собирался... впрочем, это не важно. Я записался в альтернативщики и провел два года в госпитале для ветеранов в Массачусетсе.

Расти это заинтересовало.

— В «Эдит Ноурс Роджерс»?

— Именно. Я, конечно же, отстал от жизни, но...

— Мистер Маршалл, у меня есть для вас работа.

Уже на шоссе номер 117 Расти услышал автомобильный гудок. Посмотрел в зеркало и увидел, что грузовик департамента общественных работ готовится свернуть на подъездную дорожку к больнице. Красный свет заходящего солнца не прибавлял видимости, но ему показалось, что за рулем грузовика сидел Стюарт Боуи. Второй взгляд Расти порадовал: вроде бы в кузове лежали два контейнера с пропаном. Разобраться с тем, откуда они взялись, он мог позже, возможно, даже задал бы несколько вопросов, но пока испытал облегчение: скоро в больнице вновь вспыхнет свет, заработают мониторы и респираторы. Может, ненадолго, но он уже привык жить сегодняшним днем.

На вершине холма у городской площади Расти увидел своего постоянного пациента Бенни Дрейка, известного скейтера, и парочку его друзей. В том числе и Джо Макклэтчи, который организовал видеотрансляцию ракетного удара в режиме реального времени. Бенни махал руками и что-то кричал, несомненно, хотел, чтобы Расти остановился и поговорил с ними. Расти помахал ему рукой, но скорость не сбросил. Ему не терпелось увидеться с Линдой. Конечно, он хотел услышать, что она скажет, но, главное, стремился увидеться с ней, обнять ее и окончательно помириться.

Барби хотелось отлить, но он держался. Он проводил допросы в Ираке и знал, как обстояло дело там. Не мог утверждать, что здесь будет то же самое, но случиться могло всякое. Ситуация менялась очень быстро, и Большой Джим показал безжалостную способность не отставать от хода событий. Как и большинство талантливых демагогов, он адекватно оценивал готовность целевой аудитории принимать на веру любой абсурд.

Барби также мучила жажда, и он совершенно не удивился, когда один из новых полицейских появился у его камеры со стаканом воды в одной руке и листом бумаги и ручкой в другой. Да, именно так все делалось в Фаллудже, Такрите, Хилле, Мосуле и Багдаде. А теперь, похоже, и в Честерс-Милле.

Стакан с водой, ручку и лист бумаги держал в руках Ренни-младший.

— Ты только посмотри на себя, — начал он, — не очень-то ты готов к тому, чтобы справляться с парнями хитрыми армейскими приемчиками. — Он поднял руку, в которой держал лист бумаги и ручку, и потер левый висок кончиками пальцев.

— Ты и сам не шибко хорошо выглядишь.

Младший опустил руку.

— Я здоров как огурец.

Однако странно, подумал Барби. Люди говорят, здоров как бык или свеж как огурчик, но выражения «здоров как огурец» он никогда не слышал. Вероятно, это ничего не значило, но...

— Ты уверен? У тебя красный глаз.

— Все у меня чертовски хорошо. И я здесь не для того, чтобы обсуждать меня.

Барби, который знал, почему Младший здесь, спросил:

— Это вода?

Младший посмотрел на стакан, словно уже и забыл про него.

— Да. Чиф сказал, что тебя, возможно, мучает жажда. Четверг во вторник, понимаешь. — Он громко рассмеялся, будто с его губ никогда не слетало ничего остроумнее этой малопонятной фразы. — Хочешь?

— Да, пожалуйста.

Младший протянул стакан. Барби потянулся за ним. Младший отдернул руку. Естественно. Так это всегда и делалось.

— Почему ты их убил? Мне любопытно, *Ба-а-арби*. Энджи тебе

больше не дала? А потом, когда ты попробовал Доди, выяснилось, что она больше любит лизать, чем сосать? Может, Коггинс увидел нечто такое, чего видеть ему не следовало? И у Бренды возникли подозрения. Почему нет? Она сама была копом. Муж и жена, сам знаешь. — Младший опять загоготал, но под смехом пряталось настороженное внимание. И боль. Барби мог в этом поклясться. — Что? Нечего сказать?

— Я уже сказал. Хочу пить. Меня мучает жажда.

— Да, еще бы. Этот «Мейс» — мерзость, так? Я понимаю, ты служил в Ираке. И как там было?

— Жарко.

Младший загоготал вновь, плескнул водой себе на запястье. Дрожь в руках? И из уголка воспаленного красного глаза сочились слезы. *Младший, что с тобой? Мигрень? Другая напасть?*

— Ты кого-нибудь убил?

— Ну да, моей стряпней.

Младший улыбнулся, как бы говоря: Удачный прикол, удачный.

— Там ты ничего не готовил, *Ба-а-арби*. Ты служил связным офицером. Так, во всяком случае, сказано про твою службу. Отец нашел тебя в Интернете. Написано о тебе немного, но кое-что есть. Он считает, что ты занимался допросами подозреваемых. Может, участвовал в тайных операциях. Эдакий армейский Джейсон Борн. Так?

Барби молчал.

— Выкладывай, ты кого-нибудь там убил? Или мне следует спросить, скольких ты убил? Помимо тех, кого ты прикончил здесь.

Барби молчал.

— Парень, готов спорить, вода хороша. Из кулера наверху. Такая прохладненькая.

Барби молчал.

— Такие парни возвращаются со множеством проблем. По крайней мере так говорят и показывают по телику. Это правильно или ложь? Правда или неправильно?

«Нет, причина не в мигрени. Мигрень, насколько я знаю, не приводит к тому, что человек путает слова».

— Младший, как давно у тебя болит голова?

— Совсем не болит.

— Как давно у тебя головные боли?

Младший осторожно поставил стакан на пол. В этот вечер у него на ремне висел пистолет. Он вытащил его и между прутьями направил на Барби. Ствол чуть подрагивал.

— Хочешь и дальше играть в доктора?

Барби посмотрел на пистолет. Пистолета в сценарии не было, он в этом не сомневался — Большой Джим строил на его счет определенные планы, возможно, для Барби не самые радужные, но в эти планы не входил Дейл Барбара, застреленный в камере, поскольку кто-то мог сбежать по ступенькам и увидеть, что дверь камеры по-прежнему заперта, а жертва без оружия. Но он не мог уповать на то, что Младший будет следовать сценарию, ведь этот парень явно чем-то болен.

— Нет. С экскурсом в медицину покончено. Очень сожалею.

— Да, ты сожалеешь, это точно. Ты сожалеющая куча говна. — Но Младшего тем не менее извинение Барбары устроило. Он сунул пистолет в кобуру, поднял с пола стакан с водой. — Моя версия — ты вернулся сюда не в своем уме от того, что ты там видел и что делал. Ты понимаешь, ПТСР, ПМС, ВБ. [\[133\]](#) Моя версия — ты просто рехнулся. Правильно?

Барби молчал.

Но Младшего ответ, похоже, и не интересовал. Он просунул руку со стаканом между прутьями:

— Бери, бери.

Барби потянулся за стаканом в уверенности, что Младший отдернет руку, но этого не произошло. Он попробовал воду. Теплая и непригодная для питья.

— Давай, — поощрил его Младший. — Я вытряс в нее только половину солонки, так что тебе она подойдет. Ты же солишь хлеб, правда?

Барби только посмотрел на Младшего.

— Ты же солишь хлеб? Солишь хлеб, гондон? А?

Барби протянул стакан между прутьями.

— Оставь его себе, оставь. — Младший великодушно махнул рукой. — И это возьми. — Он просунул в камеру бумагу и ручку.

Барби взял, прочитал текст. Все, как он и ожидал. И место для его росписи внизу.

Барби протянул бумагу Младшему, но тот уже отходил от камеры, пританцовывая, улыбаясь и качая головой.

— И это оставь. Мой отец сказал, что сразу ты не подпишешь, но подумаешь об этом. И подумаешь о том, как получить стакан воды без соли. И еду. Скажем, большой чизбургер. Может, и колу. Наверху в холодильнике есть несколько банок. Ты бы не хотел выпить холодной колы?

Барби молчал.

— Ты солишь хлеб? Говори, не стесняйся, солишь, говнюк?

Барби молчал.

— Ты подпишешь, если как следует проголодаешься и захочешь пить. Так говорит мой отец, и в подобных делах он обычно не ошибается. Пока-пока, *Ба-а-арби*. — Он двинулся к лестнице, потом вернулся. — Не следовало тебе поднимать на меня руку, знаешь ли. Это была твоя большая ошибка.

Когда он пошел по лестнице, Барби отметил, что Младший чуть прихрамывал... или *подволакивал ногу*? Да, подволакивал левую ногу и, чтобы удержать равновесие, хватался за перила правой рукой. Барби задался вопросом: какой диагноз поставил бы Расти Эверетт Младшему по всем этим симптомам? Задался вопросом: а будет ли у него вообще шанс о чем-то спросить Расти?

Барби вновь посмотрел на неподписанное признание. Ему хотелось разорвать его и выбросить обрывки в коридор, но он решил, что это будет ненужная провокация. Барби попал в лапы кошки, и лучшее для него в такой ситуации — сидеть тихо. Он положил лист бумаги на койку, ручку — на бумагу. Потом поднял с пола стакан воды. Щедро сдобренной солью. Барби чувствовал, как она воняет. Подумал, что такой же сейчас и Честерс-Милл... только не стал ли он таким еще раньше? До Купола? С помощью Большого Джима и его друзей? Барби полагал, что да. И он подумал, что только чудом сможет выйти из этой камеры живым.

Тем не менее в этом деле его оппоненты были дилетантами: забыли про туалет. Вероятно, никому из них не довелось побывать в стране, где даже текущая по сточной канаве вода выглядит очень привлекательно, когда ты тащишь на себе девяносто фунтов снаряжения, а температура сорок шесть градусов по Цельсию.

Барби вылил соленую воду в угол камеры. Помочился в стакан и поставил под кровать. Потом опустился на колени перед унитазом, как молящийся, и пил, пока не раздулся живот.

Когда Расти подъехал, Линда сидела на ступеньках переднего крыльца. Во дворе Джекки Уэттингтон раскачивала маленьких девочек на качелях, те просили, чтобы она толкала их сильнее, и они взлетали все выше.

Линда подошла к нему, протягивая руки. Поцеловала в губы, отпрянула, чтобы посмотреть на него, поцеловала снова, коснувшись ладонями щек, с открытым ртом. Он почувствовал короткое прикосновение ее языка, и у него тут же все встало. От внимания Линды это не укрылось, и она сильнее прижалась к нему.

— Вау! — вырвалось у Расти. — Нам надо почаще ссориться на людях. И если ты не остановишься, мы прилюдно займемся кое-чем еще.

— Мы займемся, но не на людях. Сначала... я должна снова извиниться?

— Нет.

Она взяла его за руку и повела к крыльцу.

— Хорошо. Потому что нам нужно поговорить о делах. Серьезных делах.

Второй рукой он накрыл ее руку.

— Я слушаю.

Она рассказала ему о произошедшем в полицейском участке — Джулию выгнали вскоре после того, как Энди Сандерсу позволили спуститься вниз и лицом к лицу встретиться с арестованным. Она рассказала о походе в церковь, где они с Джекки собирались поговорить с Джулией наедине, о том, что в доме пастора к ним добавились Пайпер Либби и Ромми Берпи. Когда она начала рассказывать о только начавшемся окоченении тела Бренды Перкинс, которое заметили они с Джекки, Расти наострил уши.

— Джекки! — позвал он. — Насчет окоченения ты уверена?

— Более чем!

— Привет, папуля! — крикнула Джуди. — Мы с Джанни будем вертеть «солнышко».

— Нет, не будете. — Расти поднялся, чтобы с ладоней обеих рук послать им воздушные поцелуи. Обе девочки их поймали: в ловле воздушных поцелуев им не было равных.

— В какое время вы увидели тела, Лин?

— Где-то после полудня. Беспорядки у супермаркета давно

закончились.

— И если Джекки права насчет того, что окоченение только началось... но мы не можем быть в этом абсолютно уверены, так?

— Нет, но послушай. Я говорила с Роуз Твитчел. Барбара появился в «Эглантерии» без десяти шесть. С этого момента и до того времени, когда обнаружили тела, у него твердое алиби. И когда он мог ее убить? В пять утра? В половине шестого? Насколько это вероятно, если окоченение только началось?

— Маловероятно, но возможно. Трупное окоченение зависит от многих факторов. К примеру, температуры воздуха там, где находится тело. В той кладовой было жарко?

— Тепло, — признала она, скрестила руки на груди, обхватила плечи. — Тепло и вонюче.

— Видишь, о чем я? При таких обстоятельствах он мог убить ее в четыре утра, притащить в этот дом и бросить...

— Я думала, ты на его стороне.

— Это так, и моя версия в действительности маловероятна, потому что в четыре утра в кладовой было куда прохладнее. Да и как он мог оказаться с Брендой в четыре утра? Что на этот счет могут сказать копы? Что он трахал ее? Даже если ему нравятся женщины старше его... гораздо старше... через три дня после смерти ее мужа, с которым она прожила больше сорока лет?

— Они скажут, что не по взаимному согласию, — сухо ответила Линда. — Они скажут, это изнасилование. То же самое, что они уже сказали про тех двух девушек.

— А Коггинс?

— Если Барбару подставляют, они что-нибудь придумают.

— Джулия собирается все это напечатать?

— Она собирается написать статью и задать некоторые вопросы, но придержит информацию о ранней стадии окоченения. Рэндолф, возможно, слишком глуп, чтобы понять, кто проговорился, но Ренни обязательно поймет.

— Это все равно опасно. Если они заткнут ей рот, она не сможет обратиться в Эй-си-эл-ю. [\[134\]](#)

— Я думаю, ей без разницы. Она чертовски зла. Она даже считает, что продуктовый бунт тоже подстроен.

Очень даже вероятно, подумал Расти. Но сказал другое:

— Черт, мне бы очень хотелось увидеть тела.

— Возможно, тебе и удастся.

— Я знаю, о чем ты думаешь, милая, но вы с Джекки можете потерять работу. И не только, если Большой Джим теперь избавляется от тех, кто ему мешает.

— Мы не можем стоять в стороне...

— Опять же будет ли польза от такого риска? Вероятно, не будет. Если трупное окоченение уже наступило, я мало что смогу сказать по внешнему осмотру тела. У судебно-медицинского эксперта округа Касл, возможно, есть специальное оборудование, но он недостижим, как и Эй-си-эл-ю.

— Может, ты увидишь что-то еще. Что-то в ее трупе или других. Ты же знаешь о надписи, которая украшает некоторые из анатомических театров: «Здесь мертвые говорят с живыми».

— Невелик шанс. Знаешь, что лучше? Если бы кто-то видел Бренду живой после того, как Барби пришел на работу в пять пятьдесят. Такую дыру в борту их корабля уже не заткнуть.

Джуди и Джанель, обе в пижамах, прибежали обниматься. Расти их ожидания оправдал в полной мере. Джекки Уэттингтон, которая шла следом, услышала последние фразы Расти.

— Я поспрашиваю.

— Только без лишнего шума.

— Будь уверен. Но... его армейские идентификационные жетоны нашли в руке Энджи...

— И Барби не хватился их в достаточно большой промежуток времени, прошедший от первого убийства до обнаружения всех тел?

— Каких тел, папочка? — спросила Джанни.

Расти вздохнул:

— Это все очень сложно, сладенькая. И не для маленьких девочек.

Глаза Джанни говорили, что такое объяснение ее устроило. Ее младшая сестра тем временем отошла, чтобы сорвать несколько цветочков, но вернулась с пустыми руками.

— Они умирают, — доложила она. — Все коричневые и пожухли по краям.

— Им, вероятно, слишком жарко, — предположила Линда, и на мгновение Расти подумал, что она сейчас заплачет. Бросился на амбразуру.

— Девочки, чистить зубы и спать! Возьмите немного воды из кувшина на столике. Джанни, разливать воду поручаю тебе. Теперь идите. — И повернулся к женщинам. Точнее, к Линде: — Ты как?

— Нормально. Просто... меня все это достает с разных сторон. Я думаю: «Эти цветы не должны умирать». И тут же думаю: «Ничего такого вообще не должно было произойти».

Они помолчали. Потом заговорил Расти:

— Нам лучше подождать и посмотреть: предложит ли мне Рэндолф осмотреть тела? Если предложит, я сделаю свою работу без риска подставить вас. Если не предложит — нам это кое-что скажет.

— А пока Барби в тюрьме, — напомнила Линда. — И прямо сейчас, возможно, из него выбивают признание.

— Ну, допустим, вы покажете ваши полицейские жетоны и проведете меня в похоронное бюро. Допустим, я найду что-либо, оправдывающее Барби. Вы думаете, *они* скажут: «Ох, черт, ошиблись!» — и выпустят его? А потом позволят взять власть в городе? Потому что именно этого добивается правительство? Вы думаете, Ренни позволит... — Зазвонил мобильник Расти. — Самое худшее изобретение всех времен, — прокомментировал он, но по крайней мере звонили не из больницы.

— Мистер Эверетт? — Женщина. Голос он знал, но не мог припомнить, кому тот принадлежит.

— Да, но, если нет ничего чрезвычайного, я сейчас немного занят...

— Я не знаю, чрезвычайное ли это дело, но очень, очень важное. И поскольку мистер Барбара — или, точнее, полковник Барбара — арестован, именно вы должны им заняться.

— Миссис Макклэтчи?

— Да, но поговорить вам надо с Джо. Он здесь.

— Доктор Расти?! — Голос взволнованный, срывающийся.

— Привет, Джо! Что у тебя?

— Думаю, мы нашли генератор. И что нам теперь делать?

Свет померк так резко, что все трое ахнули, а Линда схватилась за руку Расти. Но солнце всего лишь опустилось за большое пятно сажки на западной части Купола.

— Где?

— Блэк-Ридж.

— Нашли по радиации? — Но Расти и так знал ответ. Как еще они могли его найти?

— Последнее зафиксированное нами значение — плюс двести. Еще не в красной зоне. Так что нам делать?

Расти пробежался свободной рукой по волосам. Слишком многое происходило вокруг. Слишком многое и слишком быстро. Особенно для костоправа из маленького городка, который никогда не считал, что принятие решений, а тем более лидерство ему по плечу.

— Этим вечером ничего. Уже почти стемнело. А пока, Джо, ты должен мне кое-что пообещать. Никому не говори о вашей находке. Ты знаешь,

Бенни и Норри знают, и твоя мама знает. Пусть так и будет.

— Хорошо. — Энтузиазма у Джо поубавилось. — Нам надо столько вам рассказать, но, думаю, с этим можно подождать до завтра. — Он глубоко вдохнул. — Это немного пугает.

— Да, это немного пугает.

Мужчина, держащий в своих руках судьбу Милла, сидел за столом в своем кабинете и большими кусками ел бифштекс на ржаном гренке, когда в дверях возник Младший. Ранее Большой Джим поспал сорок пять минут и теперь чувствовал себя бодрым и готовым к дальнейшим действиям. На столе лежали вырванные из блокнота листы, которые он собирался этим же вечером отправить в мусоросжигательную печь. Лишняя предосторожность никому не мешала.

Кабинет освещали шипящие лампы Коулмана, дающие ярко-белый свет. Бог свидетель, Ренни знал, где хранятся немалые запасы пропана — их хватило бы, чтобы пятьдесят лет освещать дом и обеспечивать электроэнергией все бытовые приборы, — но предпочитал пользоваться лампами Коулмана. Он хотел, чтобы люди, проходившие мимо, видели их ярко-белый свет и знали, что член городского управления Ренни не имеет никаких привилегий, что член городского управления Ренни такой же, как они, а потому заслуживает полного доверия.

Младший прихрамывал. Лицо у него осунулось.

— Он не сознался.

Большой Джим и не рассчитывал, что Барбара так быстро сознается, и реплику проигнорировал.

— Что с тобой? Ты ужасно выглядишь.

— Еще один приступ головной боли, но мне уже легче. — И он говорил правду, хотя во время разговора с Барби ему было совсем худо. И эти сине-серые глаза то ли слишком много видели, то ли прикидывались, что видят.

Мы знаем, что ты делал с ними в кладовой, говорили они. *Мы знаем все.*

Младшему потребовалась вся его сила воли, чтобы не нажать на спусковой крючок после того, как он вытащил пистолет. А так хотелось, чтобы эти глаза закрылись навсегда.

— Ты еще и прихрамываешь.

— Это из-за детей, которых мы нашли на Честерском пруду. Я нес одного и, думаю, потянул мышцу.

— Ты уверен, что причина только в этом? Вы с Тибодо должны выполнить одну работенку, — Большой Джим посмотрел на часы, — через три с половиной часа, и напортачить нельзя. Все должно пройти идеально.

— Почему нельзя это сделать до наступления темноты?

— Потому что ведьма вместе с двумя ее троллями верстает газету. С Фрименом и другим... Спортивный репортер, который всегда наезжает на «Диких котов».

— Тони Гуэй.

— Да, он самый. Меня не волнует, если им достанется, особенно ей, — верхняя губа Большого Джима приподнялась в собачьей улыбке, — но свидетелей, которые что-то увидят, быть не должно. Насчет услышать... это совсем другое дело.

— А что они должны услышать, папа?

— Ты уверен, что тебе хватит сил? Потому что я могу послать с Картером Френка.

— Нет! Я помогал тебе с Коггинсом, и я помогал тебе этим утром со старухой, так что заслуживаю право пойти и туда!

Большой Джим оценивающе смотрел на него. Потом кивнул:

— Хорошо! Но тебя не должны поймать или даже заметить.

— Не волнуйся. Что ты хочешь... что должны услышать свидетели?

Большой Джим сказал. Большой Джим сказал ему все. Отличная идея! — подумал Младший. Не мог не признать: его дорогой отец не упускал ни единого шанса.

Когда Младший поднялся на второй этаж, чтобы «дать отдых ногам», Большой Джим доел сандвич, вытер жир с подбородка и позвонил на мобильник Стюарта. Начал разговор с вопроса, который задавал всегда, если звонил на мобильник:

— Ты где?

Стюарт ответил, что они направляются в похоронное бюро, чтобы выпить. Зная отношение Большого Джима к спиртному, отвечал он с воинственностью рабочего человека:

— Свою работу я сделал, так что теперь не мешай мне получить удовольствие.

— Хорошо, но только один стаканчик. Этот день для тебя еще не закончился. Для Ферна и Роджера тоже. — Стюарт энергично запротестовал. Когда закончил свою тираду, Большой Джим продолжил: — Я хочу, чтобы вы трое в половине десятого подошли к зданию средней школы. Там будут несколько новых патрульных, включая мальчиков Роджера, и вы трое тоже мне там нужны. — Тут его осенило: — Я хочу назначить вас сержантами в городской службе безопасности Честерс-Милла.

Стюарт напомнил Большому Джиму, что у него с Ферном четыре новых покойника.

— Покойники из кладовой Маккейнов могут подождать, — ответил Большой Джим. — Все равно они мертвы. У нас чрезвычайная ситуация, если ты этого не заметил. Пока кризис не закончился, нам всем приходится напрягаться. Внеси свою лепту. Поддержи команду. В половине десятого у здания средней школы. Но сначала я хочу, чтобы вы сделали кое-что еще. Много времени на это не уйдет. Передай мобильник Ферну.

Стюарт спросил, почему Большой Джим хочет говорить с Ферном, которого воспринимал — и не без оснований — законченным дурнем.

— Не твоего ума дела. Просто отдай ему мобильник.

Ферн поздоровался. Большой Джим не соизволил, сразу перешел к делу:

— Ты входил в добровольную пожарную дружину, так? Пока ее не распустили?

Ферн ответил, что действительно входил в это неофициальное приложение к пожарной команде Честерс-Милла, не упомянув, что вышел

из дружины за год до ее расформирования (после того как члены городского управления рекомендовали не выделять на нее деньги в бюджете 2008 года). Не упомянул и о другом: на сбор пожертвований для дружины уходило время, которое он мог бы потратить с большей пользой — на выпивку.

— Я хочу, чтобы ты пошел в полицейский участок и взял ключи от пожарной части. Потом посмотри, стоят ли там ручные пожарные насосы, которые вчера использовал Берпи. Мне сказали, что он и эта Перкинс поставили их туда, лучше проверить.

Ферн ответил, что ручные насосы брали из «Универмага Берпи» и это собственность Ромми. У дружины тоже были насосы, но их продали на интернет-аукционе после ее расформирования.

— Раньше они могли принадлежать ему, но теперь уже нет, — возразил Большой Джим. — На период кризиса насосы — собственность города. И мы будем поступать так со всем, что нам потребуется. Потому что это делается для общего блага. А если Ромео Берпи думает, что он снова сможет организовать пожарную дружину, то напрасно.

Ферн заметил — осторожно, — что, судя по разговорам, Берпи удалось очень быстро потушить пожар, возникший после ракетного удара.

— Там он тушил окурки, тлеющие в пепельнице, — фыркнул Большой Джим. Вена пульсировала на виске, и сердце билось слишком уж гулко. Он знал, что поел очень быстро — опять, — но ничего не мог с этим поделать. Оголодав, буквально заглатывал все, что лежало перед ним. Такая уж натура. — Любой смог бы его потушить. Ты бы смог. Речь о том, что я знаю, кто голосовал за меня в прошлый раз, а кто — нет. И те, кто не голосовал, не получают ёханую конфетку.

Ферн спросил Большого Джима, что он, Ферн, должен сделать с насосами.

— Убедись, что они в пожарной части. Потом иди в среднюю школу. Мы будем в спортивном зале.

Ферн сказал, что с ним хочет поговорить Роджер Кильян.

Большой Джим закатил глаза, но ждал.

Роджер желал знать: какие из его мальчиков пойдут в копы?

Ренни вздохнул, порылся среди бумаг, наваленных на столе, нашел лист со списком новых патрульных. Большинство — учащиеся старшей школы, все мужчины. Самому младшему, Микки Уэрдлоу, было только пятнадцать, но он уже прослыл хулиганом. Играл на месте правого защитника в футбольной команде, пока его не вышибли за пьянство.

— Рики и Рэндолл.

Роджер запротестовал. Они — самые старшие и единственные, на кого он мог положиться. Кто, спросил Роджер, будет помогать ему с курами? Большой Джим закрыл глаза и попросил Господа дать ему сил.

Сэмми очень даже чувствовала тупую, перекатывающуюся боль в нижней части живота — как при менструации — и более острые уколы боли пониже. Игнорировать их не было никакой возможности, потому что каждый шаг сопровождался новым уколом. Тем не менее она упрямо брела по шоссе номер 119, направляясь к Моттон-роуд. Намеревалась идти и идти, несмотря на боль. Она точно знала конечную цель своего похода, и речь шла не о ее трейлере. Того, что ей требовалось, в трейлере не было, но она знала, где взять. И шла бы, если б потребовалось, всю ночь. А если бы боль стала невыносимой, в кармане джинсов лежали пять таблеток перкосета, и она могла их сжевать. Разжеванные таблетки действовали быстрее. Фил ей это говорил.

Трахни ее!

Нам придется снова прийти сюда и заняться тобой по-настоящему.

Трахни эту суку!

Ты должна научиться открывать рот, только когда стоишь на коленях.

Трахни ее, трахни эту суку!

Тебе все равно никто не поверит.

Но преподобная Либби поверила, и посмотрите, что с ней случилось. Вывихнутое плечо, убитая собака.

Трахни эту суку!

Сэмми думала, что пронзительный, возбужденный голос этой твари будет звучать у нее в голове до конца жизни.

Потому-то она и шла. Над головой зажглись первые розовые звезды, искры, проглядывающие сквозь грязное стекло.

Позади появились фары. Ее тень вытянулась по дороге. Подъехал старый раздолбанный фермерский пикап, остановился.

— Эй, залезай! — раздался мужской голос. Но фраза эта, произнесенная заплетающимся языком, прозвучала как «эй-й-за-а-ле-за-ай»: за рулем сидел пьяный Олден Динсмор, отец погибшего Рори.

Тем не менее Сэмми залезла в кабину, с осторожностью инвалида.

Олден этого не заметил. Между ног стояла шестнадцатиунцевая банка пива «Бад», рядом с ним — наполовину опустевший ящик. Пустые банки катались под ногами Сэмми и стукались о них.

— Куда идем? В Моттон? — Олден рассмеялся, чтобы показать, что

способен шутить, пьяный или нет.

— Только на Моттон-роуд, сэр. Вам по пути?

— Мне всюду по пути. Я просто еду. Еду и думаю о моем мальчике. Он умер в субботу.

— Я очень сожалею о вашей утрате.

Он кивнул и глотнул пива.

— Мой отец умер прошлой зимой, знаешь ли. Не мог дышать, бедняга. Последний год жил на кислороде. Рори менял ему баллоны. Любил старика.

— Сожалею. — Она уже это говорила, но что еще могла сказать?

Слеза скатилась по щеке Олдена.

— Я поеду, куда скажете, мисси Лу. Собираюсь ездить, пока не закончится пиво. Пива хотите?

— Да, пожалуйста. — Пиво было теплым, но Сэмми пила с жадностью. Ее мучила жажда. Она выудила из кармана таблетку перкосета, бросила в рот, запила еще одним длинным глотком. Почувствовала, как загудело в голове. И хорошо. Она вытащила из кармана еще одну таблетку, предложила Олдену: — Хотите? Настроение поднимется.

Он взял, проглотил, запив пивом, не спрашивая, что она ему дала. Они подъехали к Моттон-роуд. Перекресток Олден заметил поздно, поворачивал по широкой дуге. Сшиб почтовый ящик Крамли. Сэмми не возражала.

— Возьмите еще, мисси Лу.

— Спасибо, сэр.

Она взяла банку пива, оторвала язычок крышки.

— Хотите посмотреть на моего мальчика? — В свете приборного щитка глаза Олдена были желтые и влажные. Глаза пса, который сломал лапу, угодив в яму. — Хотите взглянуть на моего мальчика Рори?

— Да, сэр. Конечно, хочу. Я там была, знаете ли.

— Все были. Я сдавал в аренду поле. Помогал убить его. Не знал, как обернется. Никто не знал, правда?

— Никто.

Олден сунул руку в нагрудный карман комбинезона и вытащил потертый бумажник. Чтобы открыть его, отпустил руль, прищурился, начал рыться в отделениях, разделенных целлулоидными стенками.

— Мои мальчики подарили мне этот бумажник. Рори и Орри. Орри еще жив.

— Красивый бумажник. — Сэмми наклонилась к Олдену и взялась за руль. Она проделывала то же самое, когда жила с Филом. Много раз. Пикап мистера Динсмора, выписывая на дороге пологие дуги, едва разминул с

еще одним почтовым ящиком. Но значения это не имело. Скорость не превышала и двадцати миль, а других автомобилей на Моттон-роуд не было. Радио приглушенно работало на частоте ХНВ. «Слепые мальчики Алабамы» пели «Сладкую надежду Небес».

Олден сунул ей бумажник:

— Вот он. Это мой мальчик. С его дедом.

— Вы будете вести машину, пока я посмотрю?

— Конечно. — Олден вновь взялся за руль. Пикап прибавил скорости, траектория его движения выпрямилась, хотя иной раз он и пересекал разделительную линию.

На вылинявшей цветной фотографии Сэмми увидела мальчика и старика, обнимающих друг друга. Старик в бейсболке «Ред сокс» и кислородной маске. Мальчик с широкой улыбкой.

— Красивый мальчик, сэр, — прокомментировала Сэмми.

— Да, красивый мальчик. Красивый умный мальчик. — Из груди Олдена вырвалось рыдание, по звуку похожее на ослиный крик. С губ полетела слюна. Пикап резко ушел в сторону, потом вернулся на положенную полосу движения.

— У меня тоже красивый мальчик. — И Сэмми заплакала. Она вспомнила, что когда-то ей нравилось мучить Брэтцев. Теперь Сэмми знала, каково это — побывать в микроволновке. Гореть в микроволновке. — Я собираюсь поцеловать его, когда увижу. Поцеловать еще раз.

— Поцелуй его.

— Обязательно.

— Поцелуй, обними и прижми к себе.

— Обязательно, сэр.

— Я бы поцеловал моего мальчика, если б смог. Я бы поцеловал его холодную-холодную щеку.

— Я знаю, что поцеловали бы.

— Но мы похоронили его. Этим утром. В могиле.

— Я очень сожалею о вашей утрате, сэр.

— Возьми еще пива.

— Спасибо. — Сэмми взяла еще одну банку. Она напивалась. Чувствовала, как это приятно — напиваться.

Так они и ехали, а розовые звезды становились все ярче, мерцали, но не падали: эта ночь обошлась без метеорных дождей. Они миновали трейлер Сэмми — больше ей побывать в нем уже не удастся, — не снижая скорости.

Где-то без четверти восемь Роуз Твитчел постучалась в стеклянную дверь редакции «Демократа». Джулия, Пит и Тони стояли у длинного стола, изготавливая четырехстраничные экземпляры последнего номера. Пит и Тони подбирали страницы, Джулия скрепляла их степлером и добавляла в пачку.

Увидев Роуз, Джулия энергично помахала ей рукой. Роуз открыла дверь, потом отшатнулась:

— Ох, жарко у вас.

— Выключили кондиционер, чтобы сэкономить пропан, — ответил Пит, — и копир сильно нагревается от долгой работы. Как сегодня вечером. — Но выглядел он гордым. Все они выглядели гордыми.

— Я думал, работы у тебя в ресторане будет выше крыши, — заметил Тони.

— Как раз наоборот. Посетителей наперечет. Думаю, многие люди не хотят встречаться со мной, потому что моего повара арестовали за убийства. И думаю, многие люди не хотят видеть друг друга из-за случившегося этим утром в «Мире еды».

— Подойди сюда и возьми газету, — предложила Джулия. — Ты девушка с обложки, Роуз.

Для верхней строки Джулия предпочла красный цвет: «БЕСПЛАТНО КУПОЛ КРИЗИСНЫЙ ВЫПУСК БЕСПЛАТНО». Ниже, набранный шестнадцатым кеглем, которым Джулия не пользовалась до двух последних номеров «Демократа», следовал заголовок:

БУНТ И УБИЙСТВА ПО МЕРЕ РАЗРАСТАНИЯ КРИЗИСА

Далее следовала фотография Роуз. В профиль. С мегафоном у рта. Прядь волос падала на лоб, и выглядела Роуз потрясающе красивой. Фоном служил отдел с макаронами и приправами, где об пол разбили несколько бутылок, судя по всему, соуса для спагетти. Подпись гласила: «Сокрушение бунта: Роуз Твитчел, хозяйка «Эглантерии», утихомиривает бунт с помощью Дейла Барбары, арестованного за убийства (см. статью ниже и передовицу, с. 4)».

— Господи Иисусе! — выдохнула Роуз. — Что ж... по крайней мере ты отметила мою хорошую сторону. Если можно сказать, что она у меня есть.

— Роуз, ты выглядишь, как Мишель Пфайффер, — произнес Тони

Гуэй со всей серьезностью.

Роуз фыркнула и отмахнулась. Она уже начала читать передовицу.

ПАНИКА СЕГОДНЯ, СТЫД ЗАВТРА

Джулия Шамуэй

Не все в Честерс-Милле знают Дейла Барбару — человека в нашем городе относительно нового, — но большинство горожан ели приготовленные им блюда в «Эглантерии». Те, кто знал его, сказали бы, до сегодняшнего дня, что нашему городу он пришелся ко двору, вспоминая его участие в софтбольных играх в июле и августе, кампании по покупке учебников для средней школы в сентябре, сборе мусора на Дне чистоты двумя неделями раньше.

А сегодня Барби (так называют его те, кто знает этого человека) арестовали за четыре шокирующих убийства. Убийства людей, которых в городе хорошо знали и любили. Людей, которые, в отличие от Дейла Барбары, прожили в городе всю жизнь.

При обычных обстоятельствах Барби отвезли бы в тюрьму округа Касл, предложили сделать один телефонный звонок и обеспечили бы адвокатом, если бы он не смог оплатить его услуги. Ему предъявили бы обвинение, и начался бы — экспертами, которые знают, как это делается — сбор доказательств.

Ничего подобного не произошло, и мы знаем почему: Купол отрезал нас от окружающего мира. Но разве в такой ситуации мы должны отказываться от необходимости вести дознание как положено? Должны действовать вопреки здравому смыслу? Каким бы шокирующим ни было преступление, недоказанных обвинений недостаточно для того, чтобы извинить проявленную к Дейлу Барбаре жестокость, или объяснить отказ нового начальника полиции ответить на вопросы, или хотя бы позволить вашему корреспонденту убедиться в том, что Дейл Барбара еще жив. А вот отцу погибшей Дороти Сандерс — первому члену городского управления Эндрю Сандерсу — разрешили не только посетить арестованного, которому еще не предъявлялось обвинение, но и клеветать на него...

— Уф! — Роуз подняла голову. — Ты действительно хочешь это напечатать?

Джулия указала на пачки готовых экземпляров:

— Уже напечатала. А что? Ты возражаешь?

— Нет, но... — Роуз быстро дочитала передовицу, очень длинную и агитирующую за Барби. Заканчивалась она просьбой ко всем, располагающим какой-либо информацией об этих убийствах, связаться с газетой и предположением, что по завершении кризиса деятельность тех, кто занимается данными убийствами, будет тщательно расследована властями штата Мэн или соответствующими федеральными ведомствами. — Не боишься нарваться на неприятности?

— Свобода прессы, Роуз. — Голосу Пита определенно не хватало уверенности.

— Именно так поступил бы Горас Грили, — твердо заявила Джулия, и при упоминании своей клички ее корги, который спал на подстилке в углу, поднял голову. Увидел Роуз и подошел в надежде, что его погладят по голове, что Роуз с удовольствием и сделала.

— Тебе известно больше, чем здесь написано? — спросила она, постучав пальцем по передовице.

— На чуть-чуть. Это я придержала. В надежде узнать что-нибудь еще.

— Барби никогда бы такого не сделал, но я все равно боюсь за него.

Зазвенел один из мобильных, лежащих на столе. Тони схватил его:

— «Демократ», Гуэй. — Послушал, протянул мобильник Джулии: — Полковник Кокс. Тебя. Голос нерадостный.

Кокс. Джулия напрочь про него забыла. Она взяла мобильник.

— Миз Шамуэй, я должен поговорить с Барби и узнать, каковы его успехи в установлении контроля над городом.

— Не думаю, что он чего-то добьется в ближайшее время. Он в тюрьме.

— *В тюрьме?! В чем его обвиняют?*

— В убийстве. Если точнее, в четырех.

— Вы шутите.

— По голосу чувствуется, что я шучу, полковник?

Последовала короткая пауза. Она слышала чьи-то голоса.

Кокс заговорил вновь, уже понизив тон:

— Пожалуйста, объясните.

— Нет, полковник Кокс, не буду. Я писала об этом два часа, и, как говорила моя мать, когда я была маленькой девочкой, я не жую одну кочерыжку дважды. Вы все еще в Мэне?

— В Касл-Роке. Тут наша передовая база.

— Тогда я предлагаю встретиться на том же месте, что и в прошлый раз. Моттон-роуд. Я не смогу дать вам экземпляр завтрашнего номера «Демократа», пусть он и бесплатный, но прислону его к Куполу, и вы все прочитаете сами.

— Отправьте его мне по электронной почте.

— Не отправлю. Я думаю, неэтично так отправлять газету. Тут я очень уж старомодна.

— Умеете вы раздражать, милая дамочка.

— Раздражать умею, но я вам не милая дамочка.

— Скажите мне, это подстава? Что-то связанное с Сандерсом и Ренни?

— Полковник, исходя из вашего опыта, медведь испражняется в лесу?

Пауза. Потом:

— Я встречу с вами через час.

— Я приеду не одна. С работодателем Барби. Думаю, вам будет интересно услышать, что она скажет.

— Отлично.

Джулия выключила мобильник.

— Хочешь прокатиться со мной к Куполу, Роуз?

— Если это поможет Барби — конечно.

— Будем надеяться, но, боюсь, здесь рассчитывать мы можем только на себя. — Джулия повернулась к Питу и Тони: — Вы двое скрепите остальные экземпляры? Сложите их у двери и закройте ее, когда будете уходить. Выспитесь хорошенько, потому что завтра нам всем предстоит стать разносчиками газет. Такая уж судьба этого номера. Доставим его в каждый дом нашего города, отвезем на ближайшие фермы. И в Истчестер, разумеется. Там много людей, которые приехали в город относительно недавно, они менее податливы к демагогии Большого Джима.

Пит вскинул брови.

— Но наш мистер Ренни — нынче хозяин поля, — продолжила Джулия. — В четверг, на чрезвычайном городском собрании, он собирается взобраться на пенек и завести город, как часовую пружину. У гостей, правда, право подавать первыми. — Она указала на газеты: — Это наша подача. Если газеты прочтает достаточно много людей, ему придется ответить на некоторые неудобные вопросы, прежде чем он перейдет к речи. Может, нам удастся немного сбить его с ритма.

— Может, собьем совсем, если выясним, кто бросал камни у «Мира еды», — вставил Пит. — И знаешь, что я тебе скажу? Думаю, мы узнаем. Думаю, мы во всем разберемся. Должны же быть свободные концы.

— Я лишь надеюсь, что Барби еще будет жив, когда мы за них потянем. — Джулия посмотрела на часы. — Пошли, Роузи, прокатимся на автомобиле. Хочешь с нами, Горас?

Горас захотел.

— Высадите меня здесь, сэр, — попросила Сэмми, когда они подъехали к одному из элегантных домов Истчестера. И хотя в доме не горели окна, лужайку заливал свет, потому что участок находился вплотную к Куполу и по ту сторону границы между Честерс-Миллом и Харлоу горели яркие прожектора.

— Хотите взять пива на дорожку, мисси Лу?

— Нет, сэр, я уже в конце пути. — Хотя это было не так. Ей еще предстояло вернуться в город. В желтом свете прожекторов Олден Динсмор выглядел восьмидесятипятилетним стариком, а не мужчиной сорока пяти лет. Она никогда не видела такого грустного лица... за исключением, возможно, собственного, в зеркале больничной палаты, из которой она отправилась в это путешествие. Сэмми наклонилась и поцеловала его в щеку. Щетина уколола губы. Он поднес руку к месту поцелуя и чуть улыбнулся. — Сейчас вам надо ехать домой, сэр. У вас жена, которую надо поддержать. И другой мальчик, о котором надо заботиться.

— Наверное, вы правы.

— Я права.

— С вами ничего не случится?

— Нет, сэр. — Она вылезла из кабины, повернулась к Олдену: — Вы поедете?

— Попытаюсь.

Сэмми захлопнула дверцу и постояла в самом начале подъездной дорожки, наблюдая, как он разворачивается. Одно колесо пикапа угодило в придорожную канаву, но та была сухой, и Олден выбрался на проезжую часть. Покатил к шоссе номер 119, сначала выписывая дуги. Потом задние огни двинулись по прямой, с незначительными отклонениями. Олден ехал посреди дороги — трахая разделительную линию, как сказал бы Фил, — но Сэмми подумала, что это даже хорошо. Часы показывали половину девятого, уже стемнело, и она не думала, что Олден кого-нибудь встретит.

Когда задние огни пикапа исчезли из виду, Сэмми зашагала к темному дому. Он, конечно, не мог сравниться со старинными особняками на вершине холма у городской площади, но выглядел куда лучше тех домов, где жила она. И внутри все было такое красивое. Однажды она побывала здесь с Филом, в те далекие дни, когда он продавал немного травы и варил за трейлером немного мета для собственных нужд. До того как у него

возникли странные идеи насчет Иисуса и он начал ходить в ту говняную церковь, прихожане которой верили, что в ад попадут все, кроме них. С религии и начались все беды Фила. Религия привела его к Коггинсу, а Коггинс или кто-то другой превратил его в Шефа.

Люди, которые жили в этом доме, не употребляли мет. Наркоманы, подсевшие на мет, не смогли бы долго жить в таком доме, потому что все деньги, которые следовало выплачивать по закладной, ушли бы на наркотик. Но Джек и Майра Эванс любили время от времени покурить травку, и Фил Буши с радостью их ею снабжал. Они были милыми людьми, и Фил вел себя с ними соответственно. Тогда он еще мог вести себя с людьми по-человечески.

Майра угостила их кофе со льдом. Сэмми уже месяцев семь или чуть больше носила под сердцем Литл Уолтера, так что живот лез на нос, и Майра спросила ее: хочет она девочку или мальчика? Ни в коей мере не глядя на нее свысока. Джек увел Фила в маленький кабинет, чтобы расплатиться с ним. Оттуда Фил ей крикнул:

«Крошка, ты должна на это взглянуть!»

Как же это было давно.

Сэмми попыталась открыть парадную дверь. Заперта. Она подняла один из декоративных камней, которыми Майра обложила цветочную клумбу перед панорамным окном, и встала перед ним с камнем в руке. Потом решила не бросать его, а обойти дом сзади. Потому что в ее теперешнем состоянии скорее всего не сумела бы забраться в дом через окно. А если бы и сумела (и осторожно), то могла сильно порезаться осколками стекла, и эти порезы способны были помешать ее планам на вечер.

Опять же дом красивый, и ей не хотелось его уродовать без крайней на то необходимости.

И Сэмми таки без этого обошлась. Тело Джека увезли, тут в городской жизни ничего не изменилось, но никто не удосужился запереть дверь черного хода. Сэмми вошла. Генератором Эвансы не обзавелись, и в доме было темнее, чем в заднице енота, но на кухонной плите лежала коробка спичек, и первая, которую зажгла Сэмми, осветила ручной фонарик на кухонном столе. Он работал отлично. Луч обнаружил на полу пятно, вроде бы крови. Сэмми торопливо отвела фонарь в сторону и направилась к кабинету Джека Эванса. Он находился рядом с гостиной, крохотная клетушка, в которой хватало места только для письменного стола и застекленного шкафа.

Сэмми прошлась лучом по столу, потом подняла фонарь, и свет

отразился от стеклянных глаз охотничьего трофея Джека, которым тот очень гордился: головы лося, подстреленного им в Ти-Эр-90 тремя годами раньше. Фил тогда позвал ее, чтобы она взглянула именно на эту голову.

«В тот год я получил последнюю лицензию из тех, что разыгрывались в лотерею, — сообщил им Джек. — И завалил его из этого карабина». — Он указал на стоящий в шкафу карабин. Устрашающего вида, с оптическим прицелом.

Майра вошла в кабинет, лед позвякивал в ее стакане с кофе, стильная, красивая, улыбающаяся — женщина, какой Сэмми (и она это знала) никогда бы не стала.

«Он стоил слишком дорого, но я позволила мужу его купить после того, как Джек обещал, что в следующем декабре мы на неделю поедem на Бермуды».

— Бермуды, — повторила теперь Сэмми. Но ей так и не довелось съездить туда. Очень печально.

Фил уже засовывал конверт с деньгами в задний карман.

«Карабин потрясающий, но не очень годится для защиты дома».

«Об этом я тоже позаботился, — ответил Джек и, пусть не показал Филу, как именно, многозначительно похлопал по столу. — Прикупил пару чертовски хороших пистолетов».

Фил кивнул в ответ, не менее многозначительно. Сэмми и Майра тут же переглянулись, словно сказав друг другу: *«Мальчишки, они всегда мальчишки»*.

Сэмми до сих пор помнила, сколько удовольствия принес ей этот перегляд, позволил почувствовать, что она здесь своя — и, вероятно, в том числе и по этой причине пришла сюда, а не попыталась найти оружие в каком-то другом доме, ближе к городу.

Сэмми проглотила еще таблетку перкосета, потом принялась выдвигать ящики стола. Ни один не заперли, как и деревянную коробку, которую она нашла в третьем по счету. В коробке лежал автоматический пистолет сорок пятого калибра «Спрингфилд-эйч-ди», один из двух пистолетов покончившего с собой Джека Эванса. Сэмми достала пистолет, немного повозившись, вытащила обойму. Убедилась, что оружие полностью заряжено. Запасная обойма лежала в ящике. Сэмми взяла и ее. Вернулась на кухню, чтобы найти пакет, в который могла положить находку. И разумеется, ключи. От того автомобиля, что стоял в гараже Джека и Майры. Она не собиралась возвращаться в город пешком.

Джулия и Роуз обсуждали, какое будущее может ждать Честерс-Милл, когда их настоящее едва не оборвалось. И оно бы оборвалось, если б они встретили старый раздолбанный фермерский пикап в повороте Исти, примерно за полторы мили до пересечения Моттон-роуд с Куполом. Но женщины успели миновать поворот, и Джулия вовремя увидела, что пикап на ее полосе и идет в лобовую атаку.

Она автоматически, не думая, крутанула руль «приуса» влево, выехав на полосу встречного движения, и автомобили разминулись на считанные дюймы. Горас, который сидел на заднем сиденье с написанным на мордочке удовольствием, — «ну-дочего-же-хороши-автомобильные-прогулки», — свалился на пол, от изумления тявкнув. Только этот звук и разорвал тишину. Ни одна из женщин не закричала. Даже не вскрикнула. Все произошло слишком быстро. Смерть или серьезная травма на мгновение нависли над ними, а потом их пути разошлись.

Джулия вернула «приус» на свою полосу движения, съехала на обочину, перевела ручку переключения скоростей на «парковку». Повернулась к Роуз. Та смотрела на нее, все лицо занимали открытый рот и широко распахнутые глаза. Горас запрыгнул на заднее сиденье и коротко гавкнул, как бы спрашивая, с чего задержка. Услышав его, женщины рассмеялись, и Роуз начала потирать грудь, повыше внушительных полушарий.

— Сердце, мое бедное сердце, — простонала она.

— Да, мое тоже. Ты видела, что мы едва разъехались?

Роуз снова рассмеялась, нервно.

— Ты шутишь? Дорогая, если б я ехала, высунув из окна руку, этот сукин сын ампутировал бы ее по локоть.

Джулия покачала головой.

— Наверное, пьяный.

— Точно, пьяный, — фыркнула Роуз.

— Готова ехать дальше?

— А ты?

— Да. Как насчет тебя, Горас?

Тот гавкнул, говоря, что он всегда готов, с самого рождения.

— Смерть, проходя рядом, забирает все неудачи, — сказала Роуз. — Так всегда говорил дедушка Твитчел.

— Надеюсь, он был прав. — Джулия вновь вырулила на дорогу. Теперь она пристально всматривалась в темноту, чтобы вовремя засечь приближающиеся фары, но навстречу больше никто не ехал, и лишь в конце пути дорогу осветили прожектора, ярко горевшие по ту сторону Купола, на территории Харлоу.

Сэмми Буши ни Джулия, ни Роуз не заметили. Сэмми их видела: она стояла перед гаражом Эвансов, держа в руке ключи от «малибу» Майры. Когда женщины проехали мимо, Сэмми подняла ворота (ей пришлось это делать вручную, и низ живота отдавался болью) и села за руль.

Переулок между «Универмагом Берпи» и магазином «Бензин и бакалея» соединял Главную и Западную улицы. Заезжали в него в основном грузовики, доставлявшие товар. В тот вечер, в четверть десятого, Ренни-младший и Картер Тибодо прошли этим переулком практически в полной темноте. Картер нес в руке пятигаллонную канистру, красную, с желтой диагональной полосой на боковой поверхности. «БЕНЗИН» — гласила надпись на полосе. В другой руке он держал мегафон, работающий на батарейках. Мегафон был белый, но Картер обклеил его полосками черной изоленты, чтобы он не бросался в глаза, если кто-то посмотрит в их сторону до того, как они успеют вновь нырнуть в переулок.

Младший шагал с рюкзаком на спине. Голова больше не болела, хромота практически исчезла. Он твердо верил, что организм наконец-то справился с болезнью, которая так донимала его. Возможно, он подхватил какой-то вирус. В колледже этого дерьма выше крыши, и, наверное, надо только радоваться, что он вылетел из него за избиение того парня.

Они вышли на Главную улицу. Окна редакции лежали как на ладони. Свет лился на пустынный тротуар. В редакции Фримен и Гуэй переносили пачки газет к двери и складировали там. Старый деревянный дом, который занимала редакция газеты и квартира Джулии, располагался между «Городским аптечным магазином Сандерса» и книжным магазином, но не вплотную к ним. От книжного магазина дом отделяла Дип-Кат-роуд, от аптеки — переулок, такой же, как и тот, по которому они только что прошли. Ночь выдалась безветренная, и Младший подумал, что большого урона удастся избежать, если его отец достаточно быстро мобилизует свои войска. Впрочем, его это особо не волновало. Младшего вполне бы устроило, если б сгорела вся восточная часть Главной улицы. Тем хуже для Барбары. Он до сих пор чувствовал на себе взгляд этих холодных, оценивающих глаз. Никто не имел права так смотреть на него, тем более человек, сидящий за решеткой. Гребаный *Ба-а-арби*.

— Лучше б я его застрелил, — пробормотал Младший.

— Что? — спросил Картер.

— Ничего. — Младший вытер лоб. — Жарко.

— Да. Френк говорит, если так пойдет и дальше, мы спечемся и будем ходить красно-лиловыми, как сливы. Когда мы должны это сделать?

Младший пожал плечами. Отец говорил ему, но он не мог вспомнить.

Может, в десять часов? Да какое это имело значение. Пусть эти двое сгорят. А если эта газетная сучка наверху — может, расслабляется со своим любимым дилдо после тяжелого дня, — пусть сгорит и она. Еще больше проблем для *Ба-а-арби*.

— Давай сделаем это сейчас.

— Ты уверен, брат?

— Видишь кого-нибудь на улице?

Картер огляделся. Главная улица по большей части темна, и народу никого. Работали только два генератора: за зданием редакции и за аптечным магазином. Он пожал плечами:

— Хорошо. Почему нет?

Младший снял с себя рюкзак, откинул клапан. Сверху лежали две пары перчаток. Одну он отдал Картеру. Вторую надел сам. Под перчатками, завернутые в банное полотенце, находились четыре пустые винные бутылки. Младший осторожно развернул полотенце, поставил бутылки на залатанный асфальт. Со дна рюкзака вытащил жестяную воронку. Вставил в горлышко одной из бутылок и потянулся за бензином.

— Лучше позволь мне, брат, — остановил его Картер. — У тебя трясутся руки.

Младший в изумлении уставился на них. Он не чувствовал никакой дрожи, но да, руки тряслись.

— Я не боюсь, если ты об этом подумал.

— Никто и не говорит, что боишься. Это как-то связано с твоей головой. Любому понятно. Ты должен пойти к Эверетту, потому что чем-то болен, а он у нас нынче за врача.

— Я прекрасно себя чу...

— Заткнись, пока тебя кто-нибудь не услышал. Займись полотенцем, а я залью бензин.

Младший достал пистолет из кобуры и выстрелил Картеру в глаз. Его голова взорвалась, кровь и мозги разлетелись во все стороны. Потом Младший встал над ним и выстрелил *снова, и снова, и снова, и...*

— Младший?

Он потряс головой, чтобы избавиться от наваждения — очень уж яркой вышла галлюцинация, — и осознал, что его рука действительно сжимает рукоятку пистолета. Может, полностью избавиться от вируса еще не удалось?

А может, совсем это и не вирус.

Тогда что? Что?

Едкий запах бензина ударил в ноздри с такой силой, что начало жечь

глаза. Картер наполнял первую бутылку. «Буль-буль-буль» — доносилось из канистры. Младший расстегнул молнию бокового кармана рюкзака, вынул ножницы, доставшиеся от матери. Отрезал четыре полоски от полотенца. Одну скрутил, засунул в первую бутылку. Вытащил, засунул другим концом, оставив висеть часть пропитанной бензином ткани. Прodelал то же самое с остальными бутылками.

Этой работе дрожь в руках не мешала.

Полковник Кокс изменился с их последней встречи. Он побрился и причесался перед тем, как приехать к Куполу, но брюки уже не выглядели отутюженными, да и куртка болталась на нем, словно полковник за прошедшее время сильно похудел. Он стоял перед несколькими пятнами краски, оставшимися на Куполе после неудачного эксперимента с кислотой, и хмуро смотрел на контуры дверного проема, словно думал, что сможет войти в него, если предельно сконцентрируется.

Закрой глаза и трижды щелкни каблуками, подумала Джулия. *Потому что второго такого места, как Купол, нет.*

Она представила Роуз Коксу, а Кокса — Роуз. И пока они знакомились друг с другом, огляделась. Не нравилось Джулии то, что она увидела. Прожектора по-прежнему горели, подсвечивая периметр, и где-то урчали генераторы, от которых поступал электрический ток, но грузовики уехали. Исчезла и большая зеленая штабная палатка, ранее стоявшая на дороге в сорока — пятидесяти ярдах от Купола. На том месте только поблескивали осколки стекла. Кокса сопровождали два солдата, но не выглядели они лощеными адъютантами, готовыми в любой момент предстать перед телекамерами. Часовые, возможно, оставались, но от Купола их отодвинули, и теперь к ним уже не мог обратиться какой-нибудь бедолага, подошедший со стороны Милла, чтобы спросить, как идут дела в окружающем мире.

Спрашивай сейчас, молись потом, подумала Джулия.

— Введите меня в курс дела, миз Шамуэй, — попросил Кокс.

— Сначала ответьте на вопрос.

Он закатил глаза (и за это она с удовольствием влепила бы ему пощечину, если б могла до него добраться; Джулия еще не пришла в себя после случившегося по пути), но предложил его задать.

— Нас бросили?

— Нет, ни в коем разе, — без запинки ответил он, но не встретился с ней взглядом.

И она подумала, что это плохой знак, гораздо хуже пустоты, которую Джулия видела по ту сторону Купола. Будто раньше там стоял цирк, но теперь уехал.

— Прочитайте вот это. — Она приложила первую страницу завтрашнего номера к невидимой поверхности Купола, напоминая

женщину, устанавливающую в витрине универмага плакат с сообщением о завтрашней распродаже. Кончиками пальцев почувствовала слабую вибрацию, эдакий статический шок, который можно получить холодным зимним утром, прикоснувшись на улице к чему-то металлическому. Потом — ничего.

Кокс прочитал всю газету. Молча, только просил переворачивать страницы. На это у него ушло десять минут.

Когда закончил, Джулия заговорила первой:

— Как вы, вероятно, заметили, места для рекламных объявлений поубавилось, но я надеюсь, что качество текстов повысилось. В сложных ситуациях я всегда начинаю писать лучше.

— Миз Шамуэй...

— Почему бы вам не называть меня Джулия? Мы уже давние друзья.

— Хорошо. Вы Джулия, я Джей-Си.

— Постараюсь не спутать с тем, кто ходил по воде. [\[135\]](#)

— Вы уверены, что этот Ренни хочет утвердить свою диктатуру? Стать Мануэлем Ортегой, только в Мэне?

— Я боюсь, что он метит в Пол Поты.

— Вы думаете, такое возможно?

— Двумя днями раньше такая идея вызвала бы у меня смех. Он продает поддержанные автомобили, когда не ведет заседания городского управления. Но двумя днями раньше у нас не было продовольственного бунта. И мы ничего не знали об этих убийствах.

— Только не Барби. — Роуз решительно покачала головой: — *Никогда.*

Кокс не отреагировал, и, Джулия чувствовала, не потому, что игнорировал Роуз. Просто находил эту идею слишком нелепой, чтобы отвлекаться на нее.

— Джулия, вы думаете, убийства совершил Ренни?

— Что вам сказать... Все, что он делал после появления Купола — от запрета продажи спиртного до назначения начальником полиции круглого идиота, — решения политические, направленные на укрепление собственной власти.

— А убийства — в его репертуаре?

— Когда умерла его жена, ходили слухи, что он мог помочь ей уйти. Я не говорю, что эти слухи — правда, но они обычно появляются прежде всего потому, что люди считают человека способным на такое.

Кокс согласно хмыкнул.

— Но мне непонятно, какие политические дивиденды могут принести убийство и сексуальное надругательство над двумя молодыми женщинами?

— Барби тут ни при чем, — гнула свое Роуз.

— Непонятно и с Коггинсом, хотя его церковь — особенно радиостанция — располагала подозрительно большими деньгами. Бренда Перкинс? Да, это, возможно, политическое убийство.

— И вы не можете послать морскую пехоту, чтобы остановить его, так? — спросила Роуз. — Вы можете только наблюдать. Как дети, вы смотрите в аквариум, где большая рыба сжирает всю еду, а потом начинает есть тех, что поменьше.

— Я могу отключить мобильную связь, — ответил Кокс. — Я могу отключить Интернет. Это мне по силам.

— У полиции есть рации, — указала Джулия. — Ренни переключится на них. А на собрании в четверг, когда люди будут жаловаться на потерю связи с внешним миром, он во всем обвинит вас.

— Мы собирались провести в пятницу пресс-конференцию. Я могу ее отменить.

От этих слов Джулию бросило в холод:

— Не вздумайте. Тогда ему не придется объяснять свое поведение внешнему миру.

— Плюс, — добавила Роуз, — если вы отключите мобильную связь и Интернет, никто не сможет сказать вам или кому-то еще, что здесь творится.

Кокс какое-то время постоял, глядя себе под ноги.

— Как насчет гипотетического генератора, который создает Купол? Есть результаты?

Джулия не знала, сказать ли Коксу, что на поиски отправились ученики средней школы. Как выяснилось, говорить ей все равно бы ничего не пришлось, потому что в этот самый момент завывала городская пожарная сирена.

Пит Фримен положил у двери последнюю пачку газет. Выпрямился, потянулся, упершись руками в поясницу. Тони Гуэй услышал заполнивший комнату хруст.

— Судя по звуку, должно болеть.

— Наоборот, самочувствие прекрасное.

— Моя жена уже спит, а в гараже у меня запрятана бутылочка. — Тони подмигнул Питу: — Хочешь пропустить стаканчик по пути домой?

— Нет, думаю, я просто... — начал Пит, и в этот момент первая бутылка влетела в окно. Краем глаза он увидел горящий фитиль и сделал шаг назад. Только один, но он спас Пита от серьезных ожогов, а то и от мучительной смерти.

Оконные стекла и бутылка разлетелись. Бензин вспыхнул, превратившись в огненную мантию. Пит упал на пол и откатился в сторону. Огненная мантия пролетела над ним, воспламенив только один рукав рубашки, прежде чем выплеснуться на ковер перед столом Джулии.

— Какого хре... — успело сорваться с губ Тони, прежде чем в дыру влетела вторая бутылка. Эта ударилась о поверхность стола Джулии и покатилась по нему, поджигая лежащие на нем бумаги и изливаясь огнем вниз. Воздух пропитался жарким запахом горящего бензина.

Пит побежал к стоящему в углу кулеру, одновременно пытаясь погасить вспыхнувший рукав. Поднял бутылку за середину, подставил горящий рукав (чувствовал, что рука под ним сильно обгорела) под льющуюся из горлышка воду.

Третья бутылка с коктейлем Молотова, вылетевшая из ночи, в цель не попала. Разбилась о тротуар, и на бетоне вспыхнул костер. Щупальца бензина потянулись к сливной канаве.

— Лей воду на ковер! — закричал Тони. — Лей воду на ковер, а не то здесь вспыхнет все!

Пит только смотрел на него, мало что соображая и тяжело дыша. Вода из бутылки лилась на ковер, но на ту его часть, которая не нуждалась в смачивании.

Тони Гуэй не только писал о молодежном спорте, но и сам дружил со спортом в старшей школе. И быстрота его реакции за десять лет практически не изменилась. Он выхватил бутылку из рук Пита и принялся поливать сначала бумаги на столе, потом горящий ковер. Огонь все равно

распространялся, но Тони надеялся, что не зря теряет время и в чулане, который в коридоре, найдутся еще парочка бутылей.

— Еще воды! — крикнул он Питу, который все таращился на обгоревший рукав. — В чулане, дверь в коридоре!

В первое мгновение Пит вроде бы не понял. Потом до него дошло, и он рванул к коридору. Тони обогнул стол и вылил остававшиеся в бутылки одну или две пинты воды на языки пламени.

Последняя бутылка с коктейлем Молотова, вылетевшая из темноты, причинила наибольший урон. Она попала на пачки с газетами, которые мужчины сложили у двери. Горящий бензин потек вдоль плинтусов и взвился языками пламени. За ними Главная улица покачивалась, как мираж. На дальней стороне этого миража Тони разглядел два смутных силуэта. В поднимающемся горячем воздухе они, казалось, плясали.

— ОСВОБОДИТЕ БАРБАРУ, ИЛИ ЭТО БУДЕТ ТОЛЬКО НАЧАЛОМ! — проревел усиленный мегафоном голос. — НАС МНОГО, И МЫ СОЖЖЕМ ЭТОТ ЧЕРТОВ ГОРОД! ОСВОБОДИТЕ БАРБАРУ ИЛИ ПЕНЯЙТЕ НА СЕБЯ!

Тони посмотрел вниз и увидел тоненький ручеек огня, бегущий у него между ног. И больше не было воды, которой он мог бы его загасить. Еще немного, и огонь, покончив с ковром, примется за дерево под ним. Тем временем уже занялась передняя стена редакции, с окнами и дверью.

Тони бросил пустую бутылку и отступил к коридору. Температура в комнате уже значительно поднялась. Он чувствовал жар огня. *Если бы не эти чертовы газеты, я бы, возможно, сумел...*

Но для условного наклонения время вышло. Он повернулся и увидел Пита, стоящего у двери, за которой начинался коридор, с полной бутылкой «Поланд спринг» в руках. От рукава рубашки остались обгорелые лохмотья. Кожа на руке покраснела.

— Слишком поздно! — крикнул Тони. По широкой дуге обогнул стол Джулии, превратившийся в колонну огня, одной рукой прикрывая лицо от жара. — Слишком поздно, уходим через черный ход!

Пита Фримена уговаривать не пришлось. Он бросил бутылку в набирающий силу огонь и побежал.

Кэрри Карвер не желала иметь никаких дел с магазинчиком «Бензин и бакалея», хотя он долгие годы обеспечивал ей и мужу более чем сносную жизнь. Считала себя Выше Этого. Но когда Джонни предложил подъехать туда и забрать оставшиеся консервированные продукты в дом — «целее будут», так он объяснил свою идею, — она согласилась сразу. И хотя физический труд Кэрри не уважала (предпочитала смотреть сериалы по телевизору), тут сама вызвалась помочь. Она не участвовала в погроме «Мира еды», но побывала там позже со своей подругой Лией Андерсон, и увиденное — разбитые окна и кровь на асфальте — сильно напугало ее. Испугалась она и за будущее.

Джонни таскал картонные ящики с супами, тушенкой, фасолью, соусами, Кэрри укладывала их в кузове «доджа-рэма». Уже заполнили половину кузова, когда на другой стороне улицы вспыхнул пожар. Они слышали усиленный мегафоном голос. Кэрри вроде бы увидела две или три фигуры, бегущие по переулку между заправочной станцией и «Универмагом Берпи», но полной уверенности у нее не было. Потом уверенность эта *появится*, и число убежавших возрастет до четырех. Может, и до пяти.

— Что все это значит? — спросила она. — Дорогой, что все это значит?

— Этот чертов убийца не один, — ответил Джонни. — У него целая банда.

Кэрри уже держалась за руку мужа, а теперь вонзила в нее ногти. Джонни высвободил руку и побежал к полицейскому участку, во всю глотку крича: «Пожар! Пожар!» Но Кэрри не последовала за ним, а продолжила погрузку. Теперь она еще больше боялась за будущее.

Помимо Роджера Кильяна и братьев Боуи, на скамьях в спортивном зале средней школы сидели еще десять новых бойцов городской службы безопасности Честерс-Милла, и Большой Джим только начал речь об ответственности, которая ложится на них, когда завывла пожарная сирена. *Мальчик поторопился, подумал Ренни. Я не могу довериться ему в спасении моей души. Никогда не мог, а теперь он стал только хуже.*

— Что ж, парни, — он говорил, глядя на юного Микки Уэрдлоу (*Господи, ну и здоровяк!*), — мне хотелось многое вам сказать, но, похоже, от слов надо переходить к делу. Ферн Боуи, ты, часом, не знаешь, есть ли в пожарной части ручные насосы?

Ферн ответил, что заглянул туда чуть раньше, просто чтобы посмотреть, какое пожарное оборудование осталось в городе, и увидел с десяток ручных насосов. Все с залитыми водой баками.

Большой Джим, справедливо решив, что сарказм лучше приберечь для тех, кому хватит ума понять, что это такое, сказал, что Господь, в доброте своей, приглядывает за ними. И добавил, что командование тушением пожара, если тревога не ложная, он берет на себя, а Стюарт Боуи становится его заместителем.

Вот тебе, пронырливая ведьма, думал он, глядя, как его новые бойцы с горящими глазами поднимаются со скамей. *Теперь поглядим, будешь ли ты и дальше совать нос в мои дела.*

— Куда пойдешь? — спросил Картер. Он отогнал свою машину к Т-образному пересечению Западной улицы и шоссе номер 117. Там находилась закрытая еще в 2007 году заправочная станция «Тексако». Младший и Тибодо оставались совсем рядом с деловым районом, но при этом станция укрывала их от ненужных взглядов. В той стороне, откуда они приехали, продолжала выть пожарная сирена и в небо начали подниматься первые языки пламени, пока скорее розовые, чем оранжевые.

— Что? — Младший смотрел на разрастающееся зарево. Пожар его возбудил. Заставил пожалеть о том, что у него больше нет подружки.

— Я спросил, куда пойдешь? Твой отец говорил, что у нас должно быть алиби.

— Я оставил патрульный автомобиль номер Два за почтой. — Младший с неохотой отвел взгляд от огня. — Мы сегодня дежури́м с Фредди Дентоном. И он скажет, мы были вместе. Весь вечер. Туда я сейчас и пойду. Может, даже по Западной улице. Посмотрю, как полыхает. — Он пронзительно рассмеялся девичьим смехом, заставив Картера недоуменно взглянуть на него.

— Долго не смотри. Поджигателей всегда ловят на том, что они возвращаются, чтобы посмотреть на устроенный ими пожар. Я видел это в программе «Самые разыскиваемые преступники Америки».

— Никого не обвинят в поджоге, кроме этого гребаного *Ба-а-арби*. А ты? Куда пойдешь ты?

— Домой. Моя мать скажет, что я провел дома весь вечер. Попрошу ее переменить повязку на плече — эти чертовы собачьи укусы сильно болят. Приму аспирин. Потом пойду в город, помогать тушить пожар.

— В Центре здоровья есть таблетки покруче аспирина. И в больнице тоже. И в аптеке. Нам бы надо там кое-чего позаимствовать.

— Это точно.

— Или... мет не потребляешь? Думаю, я смогу достать.

— Мет? Никогда с ним не связывался. Но против окси я бы не возражал.

— Окси! — воскликнул Младший. Почему он никогда об этом не думал? Окси наверняка снимет его головную боль лучше зомига или имитрекса. — Да, брат, ты говоришь правильно.

Он поднял кулак, и Картер стукнул по нему, но он не собирался ловить

кайф в компании Младшего. Тот стал каким-то странным.

— Ты лучше иди, Младший.

— Уже ушел. — Он открыл дверцу и зашагал по Западной улице, немного прихрамывая.

Картер изумился облегчению, которое ощутил после ухода Младшего.

Барби проснулся от воя пожарной сирены и увидел Мелвина Сирлса, стоящего у его камеры. Парень уже расстегнул ширинку и держал в руке свой внушительный агрегат. Когда заметил, что Барби на него смотрит, пустил струю. Определенно хотел достать до его койки, но не вышло, и Мел удовлетворился тем, что нарисовал на бетоне букву «S».

— Давай, Барби, попей. Тебе наверняка хочется. Водичка немножко солоноватая, но что с того?

— Что горит?

— Как будто ты не знаешь? — Мел улыбался. Все еще бледный — потерял немало крови, — но в белой, без единого пятнышка повязке.

— Будем считать, что нет.

— Твои дружки подожгли редакцию газеты. — Улыбка Мела стала шире, обнажив зубы. Барби понял, что парнишка в ярости. И испуган. — Попытались запугать нас, чтобы мы тебя выпустили. Но мы... не... боимся.

— С чего мне жечь редакцию? Почему не муниципалитет? И кто эти мои дружки?

Мел заталкивал свой член в штаны.

— Завтра тебя не будет мучить жажда, Барби. Об этом не волнуйся. Мы наберем целую ванну воды и напишем на ней твое имя. Добавим и губку.

Барби молчал.

— Ты видел пытку водой в Айраке? — Мел кивнул, словно Барби подтвердил, что видел. — Теперь ты испытаешь на себе, что это такое. — Он наставил на него палец. — Мы собираемся выяснить, кто твои сообщники. И мы собираемся выяснить, что ты сделал, чтобы отрезать город. Эта пытка водой. Никто ее не выдерживает. — Он уже отошел, потом вернулся. — Не чистой водой. Соленой. Будь уверен. Подумай об этом. — Мел ушел. Поднимался по лестнице, опустив перевязанную голову.

Барби сидел на койке, глядя на подсыхающую змею, нарисованную мочой Мела, и слушая пожарную сирену. Он думал о девушке в пикапе. Блондинке, которая уже собралась его подвезти, а потом передумала. Он закрыл глаза.

Прах

Расти стоял на разворотном круге перед больницей и смотрел на языки пламени, поднимающиеся где-то на Главной улице, когда зазвонил закрепленный на ремне мобильник. Рядом находились Твитч и Джина. Она держала Твитча за руку, словно ища защиты. Джинни Томлинсон и Гарриет Бигелоу спали в комнате отдыха медсестер. Старик, который вызвался им помогать, Терстон Маршалл, обходил пациентов. Он оказался на удивление хорошим специалистом. Свет горел, оборудование работало, и на какое-то время все пришло в норму. До того как завывала пожарная сирена, Расти даже позволил себе пребывать в хорошем расположении духа.

Он увидел на дисплее «ЛИНДА» и спросил:

— Милая? Все в порядке?

— Здесь — да. Дети спят.

— Ты не знаешь, что го...

— Редакция газеты. Молчи и слушай, потому что через минуты полторы после нашего разговора я отключу телефон, чтобы никто не позвонил мне и не приказал помогать в тушении пожара. Джекки здесь. Она присмотрит за детьми. Ты должен встретиться со мной у похоронного бюро. Там будет и Стейси Моггин. Она пришла раньше. Она с нами.

Имя, пусть и знакомое, не сразу вызвало в памяти лицо. А что резануло, так это *она с нами*. Значит, действительно пошло разделение на стороны, кто-то *с нами*, а кто-то *с ними*.

— Лин...

— До встречи. Через десять минут. Опасности нет, пока тушат пожар, потому что братья Боуи в этой команде. Так говорит Стейси.

— Как они сумели собрать команду, так бы...

— Не знаю, и мне без разницы. Ты сможешь прийти?

— Да.

— Хорошо. Не пользуйся парковкой рядом с похоронным бюро. Заезжай на маленькую, которая за зданием. — И связь оборвалась.

— Что горит? — спросила Джина. — Ты знаешь?

— Нет. Потому что никто не звонил. — И Расти строго посмотрел на них обоих.

Джина не поняла, но Твитч тут же врубился:

— Никаких звонков.

— Я просто уехал, возможно, на вызов, но вы не знаете куда. Я не

сказал. Так?

Джина, все еще с написанным на лице недоумением, кивнула. Потому что она теперь с ними, для нее этот вопрос — решенный, хотя Джине только семнадцать. Они и мы, думал Расти. *В любом случае будет несладко. Особенно семнадцатилетним.*

— Возможно, на вызов, — повторила Джина. — Мы не знаем куда.

— Не знаем, — подтвердил Твитч. — Ты стрекоза, мы жалкие муравьи.

— Только не думайте, что дело серьезное, вы оба, — предупредил Расти.

Но все было очень даже серьезно, и он это уже знал. Надвигалась беда. И Джина могла оказаться не единственным вовлеченным в эту историю ребенком. У них с Линдой было двое детей, которые спали и понятия не имели о том, что их отец и мать плыли сейчас навстречу шторму, возможно, губительному для их маленькой лодки.

И все же...

— Я вернусь. — Расти надеялся, что так и будет.

Сэмми Буши прибыла в «Кэтрин Рассел» на «малибу» Эвансов вскоре после отъезда Расти в «Похоронное бюро Боуи». Они проехали мимо друг друга на холме у городской площади. Твитч и Джина ушли в больницу, так что разворотный круг у парадного входа опустел, но Сэмми там не остановилась: пистолет, который лежал рядом на пассажирском сиденье, добавил ей осторожности (Фил сказал бы, что у нее паранойя). Она проехала дальше, на стоянку для сотрудников. Схватила пистолет сорок пятого калибра, сунула за пояс джинсов, прикрыла подолом футболки. Пересекла стоянку, задержалась у двери в прачечную, прочитала вывешенное объявление: «КУРЕНИЕ ЗДЕСЬ БУДЕТ ЗАПРЕЩЕНО С ПЕРВОГО ЯНВАРЯ. БРОСАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ НЕУДОБСТВ». Сэмми посмотрела на ручку, зная, что откажется от своих планов, если она не повернется. Это мог быть Божий знак. Ну а если дверь не заперта...

Так и вышло. Она проскользнула в больницу, бледный и хромающий призрак.

Терстон Маршалл устал — скорее, вымотался, — но уже долгие годы не чувствовал себя таким счастливым. Конечно, это тянуло на извращение: он — штатный профессор, публикуемый поэт, редактор престижного литературного журнала. И постель с ним делила роскошная женщина, умная и уверенная, что лучше его никого нет. Если раздача таблеток, нанесение мази, опорожнение уток (не говоря уже о вытирании грязной задницы ребенка Буши часом раньше) делали его счастливее, чем все вышеуказанные достижения, то выходило, что он извращенец, но такие уж у него возникали ощущения. Больничные коридоры с их запахами дезинфицирующих средств и полироля для пола перенесли его в давно ушедшую молодость. Нахлынули яркие воспоминания — резкий аромат масла пачулей в квартире Дэвида Перны^[136] и бандана с узором «пейсли», или «турецкий огурец», которую Терс надевал на мемориальную службу при свечах за упокой души Бобби Кеннеди. Он ходил по палатам, тихонько напевая «Большеную женщину».^[137]

Терстон заглянул в комнату отдыха и увидел, что медсестра с разбитым носом и симпатичная юная помощница медсестры Гарриет спят на койках, которые затащили туда. Диван пустовал, и скоро ему следовало поспать несколько часов здесь или вернуться в дом на Хайленд-авеню, в котором они временно поселились. Он склонялся к тому, чтобы остаться здесь.

Странное развитие событий.

Станный мир.

Но сначала следовало еще раз проверить своих пациентов, как он уже их воспринимал. Много времени на это уйти не могло. Большинство палат пустовали. Билл Олнат, который не мог заснуть до девяти из-за травмы, полученной у «Мира еды», теперь крепко спал и похрапывал, лежа на боку, чтобы подушка не давила на рану на затылке.

Ванда Крамли находилась через две палаты от него. Кардиомонитор пикал, и давление выровнялось, но она дышала кислородом, и Терс опасался, что выкарабкаться ей не удастся. Слишком большой вес, слишком много сигарет. Ее муж и младшая дочь сидели рядом. Терс показал Уэнделлу два пальца, разведенные в букву «V» — знак победы теперь, знак мира в годы его молодости, — и Уэнделл, улыбнувшись, ответил тем же.

Тенси Фримен, поправляющаяся после удаления аппендикса, читала

журнал.

— Почему включили пожарную сирену? — спросила она.

— Не знаю, милая. Как живот?

— Побаливает, — деловито ответила она. — Иногда сильно. Я смогу завтра уйти домой?

— Это решать доктору Расти, но мой хрустальный шар говорит, что да. — И от того, как она просияла, Терсу, и он не мог сказать почему, захотелось плакать.

— Мать малыша вернулась, — добавила Тенси. — Я видела, как она проходила по коридору.

— Хорошо, — кивнул Терс, хотя малыш никаких проблем не создавал. Раз или два заплакал, по большей части спал, ел или лежал в кроватке, безучастно глядя в потолок. Звали его Уолтер (Терсу и в голову не пришло, что «Литл», написанное на дверной карточке, его первое имя). Тем более что про себя Терстон Маршалл называл его «торазиновый^[138] ребенок».

Теперь он открыл дверь палаты 23, с приклеенной скотчем желтой табличкой «ЗДЕСЬ РЕБЕНОК», и увидел, что молодая женщина — жертва изнасилования, уже шепнула ему Джина — сидит на стуле у кровати. Ребенок лежит у нее на коленях, и она кормит его из бутылочки.

— Вы в порядке... — Терс глянул на дверную табличку, — миссис Буши?

Фамилию ее он произнес как «Бушес», но Сэмми не стала его поправлять или говорить, что парни прозвали ее Буша-Туша.

— Да, доктор.

И Терс не стал ее поправлять. Необъяснимой радости — той, что приходит со скрытыми в ней слезами — только прибавилось. И когда он подумал о том, что мог не прийти в больницу... если бы Каро активно не поддержала его... и лишиться всего этого...

— Доктор Расти будет рад вашему возвращению. А Уолтер уже рад. Вам нужно что-нибудь обезболивающее?

— Нет. — И она говорила правду. Боль из интимного места не уходила, но как-то очень уж отдалилась. Сэмми казалось, что она летает над собой, привязанная к земле тончайшей нитью.

— Хорошо. Это значит, что вы поправляетесь.

— Да, скоро все пройдет.

— После того как вы закончите его кормить, почему бы вам не прилечь? Доктор Расти осмотрит вас утром.

— Хорошо.

— Спокойной ночи, миссис Бушес.

— Спокойной ночи, доктор.

Терс мягко закрыл дверь и двинулся дальше. В конце коридора находилась палата Джорджии Ру. Он решил заглянуть в нее и на том закончить.

Она не спала, лежала, уставившись в потолок. В отличие от молодого человека, который пришел ее навестить. Тот сидел в углу, на единственном в палате стуле, и похрапывал. На коленях лежал спортивный журнал, длинные ноги он вытянул перед собой.

Джорджия рукой подозвала Терса, а когда тот наклонился над кроватью, что-то прошептала. Из-за тихого голоса и практически полного отсутствия зубов он разобрал только одно или два слова. Наклонился ниже.

— Не футите ефо. — Терсу этот голос напомнил Гомера Симпсона. — Он единфтенный, кто пишел меня навэфтить.

Терс кивнул. Конечно, в столь поздний час находиться в палатах посетителям не полагалось, а учитывая синюю форму и оружие, молодому человеку, возможно, объявят взыскание за то, что он не на пожаре, но... кому от этого хуже? Один лишний пожарный погоды не сделает, а если парня не смогла разбудить пожарная сирена, то пользы от него будет немного. Терс прижал палец к губам и прошептал: «Ш-ш-ш», — показывая молодой женщине, что он с ней заодно. Она попыталась улыбнуться, но лишь скривилась от боли.

Терстон не стал предлагать ей болеутоляющее, прочитав на ее карте, которая висела на изножье кровати, что до двух утра она уже на максимальной дозе. Вместо этого вышел, тихонько закрыл за собой дверь и пошел по спящему коридору. Не заметил, что дверь с приклеенной скотчем желтой табличкой «ЗДЕСЬ РЕБЕНОК» чуть приоткрыта. Диван в комнате отдыха манил к себе, но он решил вернуться в дом на Хайленд-авеню, чтобы проведать детей.

Сэмми сидела у кровати с Литл Уолтером на коленях, пока новый доктор не ушел. Потом поцеловала сына в обе щеки и губы.

— Будь хорошим мальчиком. Мама увидит тебя на Небесах, если ее туда пустят. Я думаю, пустят. В аду я уже побывала.

Она положила малыша в кроватку, затем открыла дверцу тумбочки. Пистолет лежал на верхней полке: Сэмми не хотела, чтобы рукоятка упиралась в малыша, когда она держала его на руках и кормила в последний раз. Теперь Сэмми достала пистолет.

Главную улицу со стороны Моттон-роуд блокировали поставленные поперек два патрульных автомобиля с включенными мигалками. Толпа, молчаливая и насупившаяся, можно сказать, мрачная, наблюдала, стоя за ними.

Горас — обычно спокойный пес, который радостно лаял лишь по случаю возвращения хозяйки домой или отрывисто тявкал, чтобы напомнить ей о своем существовании, но когда Джулия остановила «приус» около «Maison des Fleurs», он завыл, сидя на заднем сиденье. Джулия протянула к нему руку, погладила по голове. Утешала и утешалась.

— Джулия, Господи! — выдохнула Роуз.

Они вышли из машины. Первоначально Джулия собиралась оставить Гораса в салоне, но он снова взвыл — как будто знал, как будто действительно знал, — и она вытащила из-под переднего пассажирского сиденья поводок, после чего открыла заднюю дверцу, чтобы он спрыгнул на землю, и прицепила поводок к ошейнику. Вытащила фотоаппарат, портативный «Касио», из кармана на задней спинке сиденья, прежде чем захлопнуть дверцу. Они протолкались сквозь толпу зевак, стоявшую на тротуаре. Горас шел первым, натягивая поводок.

Руп, кузен Пайпер Либби, который работал в полиции неполную смену и приехал в Милл пятью годами раньше, попытался их остановить:

— Дальше никому хода нет, дамы.

— Это мой дом, — возразила Джулия. — Наверху все, что принадлежит мне в этом мире, — одежда, книги, личные вещи. Внизу газета, которую основал мой прадед. За более чем сто двадцать лет она не вышла в срок только четыре раза. И теперь все превращается в дым. Если ты хочешь, чтобы я не увидела, как это происходит — и вблизи, — тебе придется меня застрелить.

На лице Рупа отразилась неуверенность, но, когда она двинулась дальше (Горас теперь жался к ее колену и недоверчиво смотрел на этого лысеющего мужчину), коп отступил в сторону. Но только на мгновение.

— Тебе нельзя, — попытался остановить он Роуз.

— Мне можно, если только ты не хочешь, чтобы тебе насыпали слабительного в следующую порцию шоколадного фраппе, которое ты у меня закажешь.

— Мэм... Роуз... у меня приказ.

— К дьяволу твои приказы! — В голосе Джулии слышалась скорее усталость, чем воинственность. Она взяла Роуз за руку и повела по тротуару, остановившись только в тот момент, когда жар, идущий от пожара, стал нестерпимым для кожи.

Здание, в котором располагались редакция «Демократа» и ее квартира, превратилось в огромный костер. Дюжина или около того копов и не пытались его погасить, но ручных насосов у них хватало (на некоторых оставались наклейки «СПЕЦИАЛЬНАЯ ЦЕНА В ДНИ РАСПРОДАЖ В “УНИВЕРМАГЕ БЕРПИ”»), и они поливали водой книжный и аптечный магазины. С учетом полного отсутствия ветра Джулия полагала, что им удастся отстоять оба дома, то есть все остальные офисные здания в восточной части Главной улицы.

— Просто удивительно, как быстро они тут появились, — прокомментировала Роуз.

Джулия ничего не сказала, только смотрела на языки пламени, вздымающиеся в темноту, гася розовые звезды. Она была слишком потрясена, чтобы плакать.

Все погибло, думала она. Все. Потом вспомнила про пачку газет, которую бросила в багажник перед тем, как уехать на встречу с Коксом, и поправилась: *Почти все.*

Пит Фримен протолкался сквозь шеренгу полицейских, поливавших водой фасад и северную стену «Аптечного магазина Сандерса». На закопченном лице чистыми оставались только дорожки от слез.

— Джулия, мне чертовски жаль! — Он чуть не рыдал. — Мы почти его погасили... погасили бы... но последняя бутылка, которую бросили эти мерзавцы, упала на газеты, сложенные на полу, и... — Остатком рукава Фримен вытер лицо, только размазав сажу. — Мне чертовски жаль.

Она обняла его, как ребенка, хотя Пит возвышался над ней на шесть дюймов и весил на сто фунтов больше.

— Что произошло? — спросила Джулия.

— Зажигательные бомбы. Этот гребаный Барбара!..

— Он в тюрьме, Пит.

— Его друзья! Его чертовы друзья! Они это сделали.

— *Что?* Ты их видел?

— Слышал. — Он отстранился, чтобы взглянуть на нее. — Трудно было не услышать. Они говорили в мегафон. Сказали, что сожгут весь город, если Барбару не освободят. — Пит горестно улыбнулся. — *Освободить* его? Мы должны его повесить! Дайте мне веревку, и я сам это сделаю!

Размашистым шагом к ним подошел Большой Джим. Огонь окрашивал его щеки в оранжевый цвет. Он так широко улыбался, что губы растянулись чуть ли не до мочек.

— Как теперь тебе нравится твой друг Барби, Джулия?

Джулия надвинулась на него, и, должно быть, он что-то увидел в ее лице, поскольку отступил на шаг, словно боялся, что она ударит его.

— В этом нет смысла. Никакого. И ты это знаешь.

— Я думаю, есть. Если ты согласишься с тем, что Дейл Барбара и его дружки установили Купол, смысл сразу тебе откроется. Это в чистом виде акт терроризма.

— Чушь собачья! Я была на его стороне, а это означало, что и газета была на его стороне. Он это *знал*.

— Но они сказали... — начал Пит.

— Да, — оборвала его Джулия, не поворачивая головы. Не отрывала глаз от освещенного пожаром лица Ренни. — Они сказали, они сказали. Но кто, черт побери, эти *они*?! Задай себе простой вопрос, Пит: если это не Барби — у которого не было мотива, — тогда у кого *был* мотив? Кто выиграет, заткнув рот нарушающей спокойствие Джулии Шамуэй?

Большой Джим повернулся и подозвал двух новых полицейских — на их принадлежность к стражам порядка указывали лишь синие платки, завязанные на правом бицепсе. Лицо одного — высокого, крепкого парня, показывало, что он еще мальчишка, несмотря на столь внушительные габариты. Второй мог быть только Кильяном: круглая голова и крючковатый нос служили фирменным знаком.

— Микки. Ричи. Уведите отсюда этих двух женщин. — Горас, натянув поводок до отказа, зарычал на Большого Джима. Тот с презрением посмотрел на маленькую собачонку. — А если они не уйдут добровольно, я разрешаю вам завернуть им руки и уложить на капот ближайшего патрульного автомобиля.

— Мы еще не закончили. — Джулия направила на него палец. Теперь она тоже начала плакать, но слезы, жаркие и болезненные, не могли быть слезами печали. — Мы еще не закончили, сукин ты сын.

На лице Большого Джима вновь появилась улыбка, сверкающая, как полировка его «хаммера». И такая же черная.

— Наоборот, все кончено, — ответил он. — Дело закрыто.

Большой Джим шагнул к огню — он хотел наблюдать за пожаром, пока от газетенки этой смутьянки не останется только горка пепла — и глотнул дыма. Сердце внезапно остановилось в груди, и мир поплыл перед глазами, будто благодаря какому-то спецэффекту. Потом сердце заработало вновь, но трепыхаясь и неритмично. Он ударил себя кулаком по левой стороне груди и сильно кашлянул — этому быстрому способу избавления от аритмии научил его доктор Хаскел.

Поначалу сердце продолжало капризничать (удар... пауза... трепыхание... пауза). На мгновение он увидел свое сердце, заколоченное в плотной капсуле из желтого жира, существо, похороненное заживо и пытающееся освободиться до того, как закончится воздух. Потом вытолкал этот образ из головы.

Я здоров. Просто перенапрягся. Семь часов сна все исправят.

Подошел чиф Рэндолф с ручным насосом, закрепленным на его широкой спине. По лицу бежал пот.

— Джим? Ты в порядке?

— Все отлично. — Большой Джим сказал правду. Правду! То была почти вершина его жизни и шанс достичь величия, которое — Ренни это знал — он заслужил по праву. И никакое больное сердце не могло отобрать у него близкий триумф. — Немного устал. Довольно давно бегу без остановки.

— Иди домой. Никогда не думал, что буду благодарить Бога за Купол, и сейчас не благодарю, но тот по крайней мере защищает от ветра. Я думаю, все будет хорошо. У меня люди на крышах аптеки и книжного магазина на случай, если туда попадет искра, так что иди домой и...

— Какие люди? — Сердцебиение приходило в норму, приходило в норму. Хорошо.

— Генри Моррисон и Тоби Уилен на крыше книжного магазина, Джордж Фредерик и один из новых парней на крыше аптеки. Один из Кильянов, думаю. Ромми Берпи вызвался подняться с ними.

— У тебя есть рация?

— Разумеется.

— И у Фредерика тоже?

— Она есть у всех штатных патрульных.

— Скажи Фредерику, пусть приглядывает за Берпи.

— Ромми? Господи, почему?

— Я ему не доверяю. Возможно, он — друг Барбары. — Хотя в случае с Берпи Большой Джим волновался не из-за Барбары. Этот человек дружил с Брендой. И ума ему хватало.

Потное лицо Рэндолфа прорезали морщины.

— И сколько их, по-твоему? Сколько людей на стороне этого сукина сына?

Большой Джим покачал головой:

— Трудно сказать, Пит, но это — большое дело. Наверняка планировалось и готовилось долгое время. Нельзя указать только на тех, кто недавно появился в городе, и заявить — это они. Некоторые могли жить годы, десятки лет. Таких называют кротоми.

— Господи. Но почему, Джим? *Почему?*

— Я не знаю. Может, это эксперимент и мы — подопытные кролики. Может, борьба за власть. Я не удивлюсь, если в этом окажется замешан бандит, который сидит сейчас в Белом доме. Главное, мы должны повышать бдительность и следить за лжецами, которые пытаются торпедировать наши усилия по наведению порядка.

— Ты думаешь, она? — Чиф мотнул головой в сторону Джулии, которая наблюдала, как ее дом и дело всей жизни превращается в дым, тогда как Горас сидел рядом и тяжело дышал от жары.

— Точно я не знаю, Пит, но как она вела себя днем? Ворвалась в участок, требовала встречи с Барбарой. Что ты про это скажешь?

— Да. — Рэндолф теперь пристально смотрел на Джулию Шамуэй. — И сожгла собственный дом, что может быть лучшим прикрытием?

Большой Джим наставил на него палец, словно говоря: *Тут ты попал в десятку.*

— Мне надо прилечь. Свяжись с Джорджем Фредериком. Скажи ему, пусть не спускает глаз с этого льюистонского канака.

— Хорошо. — Рэндолф отцепил рацию.

За их спиной закричал Фернолд Боуи:

— Крыша падает! Все, кто на улице, отходите! Те, кто на крышах соседних зданий, приготовьтесь! Приготовьтесь!

Большой Джим, положив руку на дверцу «хаммера», наблюдал, как обрушилась крыша «Демократа» и в черное небо взвились мириады искр. Мужчины, стоявшие на крышах соседних домов, проверили, что сопла насосов их коллег смотрят на цель, и застыли наготове, чтобы залить любую искру, которая добралась бы до крыши.

Выражение лица Шамуэй в момент обрушения крыши «Демократа»

принесло сердцу Большого Джима больше пользы, чем все ёханные лекарства и кардиостимуляторы этого мира. Долгие годы ему приходилось мириться с ее еженедельными тирадами, и пусть он никогда бы не признал, что боялся Шамуэй, раздражала она его изрядно.

Но посмотрите на нее теперь. Выглядит так, будто пришла домой и нашла мать умершей на горшке.

— Сейчас ты смотришься лучше, — заметил Рэндолф. — И бледность с лица ушла.

— Я и чувствую себя лучше. Но все равно поеду домой. Немного придавлю.

— Хорошая идея! Ты нам нужен, друг мой. Больше, чем когда бы то ни было. И если этот Купол не исчезнет... — Рэндолф покачал головой, его глаза по-собачьи преданно смотрели в лицо Большому Джиму. — Не знаю, как мы выживем без тебя, вот что я хочу сказать. Я люблю Энди Сандерса, как брат, но в голове у него пустовато. И от Андреа Гриннел пользы, что от жестянки, после того как она упала и повредила спину. Ты тот клей, что сцепляет Честерс-Милл в единое целое.

Большого Джима тронули эти слова. Он схватил руку Рэндолфа и пожал.

— Я отдам жизнь за этот город. Так я его люблю.

— Знаю. Я тоже люблю. И никому не удастся украсть его у нас.

— Ты все понимаешь правильно.

Ренни уехал, взобравшись на тротуар, чтобы обогнуть кордон из двух полицейских автомобилей, которые блокировали въезд в деловой район со стороны городской площади. Сердце вновь билось ровно (ну, почти), но тревога тем не менее не отпускала его. Он понимал, что должен повидать Эверетта. Мысль эта ему не нравилась. Эверетт входил в число смутьянов, которые поднимали бучу в тот самый момент, когда городу требовалось сплотиться. Опять же врачом он не был. Большой Джим скорее обратился бы со своими сердечными проблемами к ветеринару, но в городе не имелось ни одного. Ему оставалось лишь надеяться, что Эверетт подскажет ему эффективное лекарство, если оно потребуется, чтобы упорядочить сердцебиение.

Что ж, подумал он, любое его назначение я смогу проверить через Энди.

Ренни больше тревожило совсем другое, связанное с фразой Пита: «Если этот Купол не исчезнет...»

Правда, именно по такому поводу Большой Джим как раз не волновался, даже наоборот. Но если бы Купол исчез слишком быстро,

Ренни оказался бы в щекотливом положении, пусть даже лабораторию по производству мета и не обнаружат. Обязательно найдутся ёханные бабаи, которые поставят под сомнение его решения. Одно из правил политической жизни, которое он усвоил давным-давно, гласило: «Те, кто может, делают; те, кто не может, задают вопросы по решениям тех, кто может». И вот эти последние никогда не поймут: все, что он делал или приказывал сделать, даже бросание камней у супермаркета нынешним утром, служило на благо города. И в первую очередь этого не поймут влиятельные друзья Барбары, потому что не захотят понять. В том, что у Барбары есть друзья, могущественные друзья, Большой Джим не сомневался с того самого момента, как увидел письмо президента. Но сейчас сделать они ничего не могли. И Большой Джим хотел, чтобы ситуация оставалась неизменной еще пару недель. Может, месяц-другой.

По правде говоря. Купол ему очень даже нравился.

И такое вот отношение к Куполу у Большого Джима не изменится по крайней мере до того момента, пока пропан, сосредоточенный у радиостанции, не будет вновь распределен по всему городу. Пока лаборатория не будет демонтирована, а складское помещение, в котором она располагалась, не превратится в пепел (еще одно преступление, которое спишут на сообщников Барбары). Пока Барбара не будет предан суду и полицейская расстрельная команда не приведет приговор в исполнение. Пока вина за проделанное в период кризиса не ляжет на многих и многих, а все почести достанутся ему одному.

Так что пока Купол мог и постоять.

Большой Джим решил, что преклонит колени и помолится за это перед тем, как лечь спать.

Сэмми хромала по больничному коридору, глядя на фамилии на дверях палат и заглядывая в те, где имен не было, на всякий случай. Она уже начала волноваться, что этой суки здесь нет, когда подошла к последней и увидела пришпиленную кнопкой открытку, на которой мультяшный пес спрашивал: «Я слышал, тебе нездоровится?»

Сэмми достала из-за пояса джинсов пистолет Джека Эванса (пояс уже не впивался в тело, ей наконец-то удалось немного похудеть, лучше поздно, чем никогда). Мушкой раскрыла открытку. Внутри мультяшный пес лизал себе яйца и спрашивал: «Тебе полизать зад?» Подписали ее Мел, Ренни-младший, Картер и Френк. Именно такого изысканного юмора и следовало, по мнению Сэмми, от них ожидать.

Стволом она распахнула дверь. Увидела, что Джорджия не одна. Но присутствие второго человека не поколебало спокойствия и полнейшей умиротворенности, которые ощущала Сэмми. Возможно, поколебало бы, если б на стуле спал невинный человек — скажем, отец этой суки или дядя, — но на стуле спал Френки, большой любитель полапать сиськи. Тот, кто изнасиловал ее первым, говоря ей, что она должна раскрывать рот, только когда стоит на коленях. И тот факт, что он спал, ничего не менял. Потому что такие парни, просыпаясь, всегда брались за старое.

Джорджия не спала: боль не отпускала, а длинноволосый, который заходил ее проведать, не предложил ничего болеутоляющего. Она увидела Сэмми, и глаза ее широко раскрылись.

— Ты шего? Убийайша отшеда.

Сэмми улыбнулась:

— Ты говоришь, как Гомер Симпсон.

Когда же Джорджия заметила пистолет, ее глаза округлились. Она раскрыла практически беззубый рот и закричала.

Сэмми продолжала улыбаться. Если на то пошло, улыбка стала шире. Крики Джорджии музыкой звучали в ушах, бальзамом проливались на ее раны.

— Трахни эту суку, — повторила она слова Джорджии. — Так, Джорджия? Это ты говорила, бессердечная сучка?

Френк проснулся, огляделся, не понимая, что к чему. Его зад уже проделал путь к краешку стула, а когда Джорджия закричала вновь, он дернулся и свалился на пол. Теперь он ходил с оружием — как и все новые

копы — и потянулся к нему, говоря:

— Опустит пистолет, Сэмми, просто опусти, мы же все здесь друзья, давай останемся друзьями.

— *Ты должен открывать рот, только когда стоишь на коленях и сосешь член своего дружка Младшего.* — Сэмми нажала на спусковой крючок «спрингфилда».

От грохота выстрела у нее чуть не лопнули барабанные перепонки. Пуля пролетела над головой Френка и разбила окно. Джорджия вновь закричала. Она пыталась выбраться из кровати, освобождаясь от проводов монитора и трубок капельниц. Сэмми толкнула ее, и она шлепнулась на спину.

Френки все не мог вытащить пистолет. В страхе и панике дергал за кобуру, вместо того чтобы схватиться за рукоятку, и смог лишь сдвинуть пряжку ремня.

Сэмми подошла к нему на два шага, схватила пистолет двумя руками, как делали люди в телике, и выстрелила снова. Левая сторона головы Френка отлетела. Клок кожи с волосами прилип к стене. Френк приложил руку к ране. Кровь заструилась между пальцами. Потом его пальцы пропали, утонули в сочащейся кровью губчатой массе, появившейся на месте кости.

— *Хватит!* — закричал он. Из ставших огромными глаз текли слезы. — *Хватит, не надо больше! Мне больно!* — А потом: — *Мама! МАМОЧКА!*

— Не поминай ее, она плохо тебя воспитала, — фыркнула Сэмми и выстрелила снова.

На этот раз пуля попала в грудь. Френка отбросило к стене. Рука оторвалась от раны на голове и ударилась об пол. Из уже образовавшейся там лужи крови полетели брызги. Сэмми всадила в него и третью пулю, в то место, которым он причинил ей боль. Потом повернулась к кровати.

Джорджия свернулась калачиком. Монитор у кровати пикал как безумный, потому что она сорвала с себя все датчики. Волосы падали на глаза. Она кричала и кричала.

— Так ты говорила: трахни эту суку, да?

— Я шошалею!

— Что?

Джорджия попыталась еще раз:

— Я шошалею! Я шошалею, Шэмми! — А потом, доводя все до абсурда: — Я бефу шлова нахад!

— Слово — не воробей. — И Сэмми выстрелила Джорджии в лицо, а

потом в шею. Джорджия подпрыгнула, как чуть раньше Френки, и затихла.

Сэмми услышала доносящиеся из коридора топот ног и крики. Сонные крики тревоги раздавались и в палатах. Она сожалела, что побеспокоила людей, но иногда другого выхода просто нет. Иногда приходится делать то, что ты должна сделать. А когда все сделано, можно и уйти с миром.

Она приставила пистолет к виску.

— Я люблю тебя, Литл Уолтер. Мамочка любит своего мальчика.

И нажала на спусковой крючок.

Расти воспользовался Западной улицей, чтобы объехать пожар, а потом выехал на Нижнюю Главную, там, где она разделялась на шоссе номер 117 и шоссе номер 119. «Похоронное бюро Боуи» стояло темное, только в окнах фасада горели маленькие электрические свечки. Он объехал здание и припарковался на маленькой стоянке, как и велела жена, рядом с катафалком, длинным серым «кадиллаком». Где-то совсем рядом рычал генератор.

Расти потянулся к ручке дверцы, когда затренькал мобильник. Он выключил его, даже не посмотрев, кто звонит, а когда поднял голову, у автомобиля стоял коп. С пистолетом в руке.

Женщина. Когда она наклонилась к окошку, Расти увидел светлые вьющиеся волосы и наконец-то связал лицо, которое они обрамляли, с именем, упомянутым женой. Диспетчер полиции и дежурная дневной смены. Расти догадался, что после Дня Купола круг ее обязанностей расширился. Но в этот вечер охрану трупов в «Похоронном бюро Боуи» она взяла на себя добровольно.

Женщина убрала пистолет.

— Привет, доктор Расти. Стейси Моггин. Два года назад вы лечили меня от ожогов ядовитого дуба. Понимаете, на моем... — Она похлопала себя по заду.

— Я помню. Приятно видеть вас уже в штанах, мисс Моггин.

Она засмеялась, потом спросила:

— Надеюсь, я вас не напугала?

— Чуть-чуть. Я выключал мобильник, и тут появились вы.

— Извините. Проходите в дом. Линда ждет. Времени у нас не много. Я буду перед домом. Если кто-то появится, дам сигнал на рацию Линды. Если приедут Боуи, они припаркуются на стоянке у похоронного бюро, и мы сможем незамеченными уехать по Восточной улице. — Она склонила голову и улыбнулась. — Это, может быть, излишне оптимистично, но надеюсь, что уедем неопознанными. Если нам повезет.

Расти последовал за ней, ориентируясь по копне светлых волос.

— Вы взломали дверь, Стейси?

— Господи, нет. В полицейском участке есть ключ. Практически все частные фирмы, расположенные на Главной улице, оставляют нам ключи.

— Почему вы в этом участвуете?

— Из-за того, что нагнетается страх. Герцог Перкинс давно бы это остановил. Идемте. И сделайте все быстро.

— Этого я обещать не могу. Я ничего не могу обещать. Я не патологоанатом.

— Тогда как сможете быстро.

Расти последовал за ней. Мгновением позже Линда уже обнимала его.

Гарриет Бигелоу дважды вскрикнула, потом лишилась чувств. Джина Буффалино таращилась, оцепенев от шока.

— Уведите отсюда Джину! — рявкнул Терс. Уже на автостоянке он услышал выстрелы и бегом вернулся, чтобы увидеть этот кошмар. Эту бойню.

Джинни обняла Джину за плечи и вывела ее в коридор, где столпились пациенты, включая Билла Оллната и Тенси Фримен. Они стояли, широко раскрыв глаза, испуганные.

— Унесите ее отсюда. — Терс указал Твитчу на Гарриет. — И одерните ей юбку, бедная девочка должна выглядеть благопристойно.

Твитч выполнил указание. Когда он и Джинни вновь вошли в палату, Терс стоял на коленях у тела Френка Дилессепса, который умер, потому что пришел вместо бойфренда Джорджии и задержался допоздна. Терс уже накрыл тело Джорджии простыней, и на ней расцвели кровавые маки.

— Можем мы что-нибудь сделать, доктор? — спросила Джинни. Она знала, что Маршалл — не врач, но от шока слова сорвались с губ автоматически. Она смотрела на лежащее на полу тело Френка, и ее рука поднялась ко рту.

— Да. — Терс поднялся, и костлявые колени хрустнули, как пистолетные выстрелы. — Позвоните в полицию. Это место преступления.

— Все полицейские, которые на вахте, тушат пожар в центре города, — сказал Твитч. — Остальные или едут туда, или выключили мобильники.

— Тогда позвоните кому-нибудь, ради Бога, и выясните, должны ли мы что-нибудь сделать до того, как приберемся здесь. Сфотографировать все это или что-то еще. Хотя в том, что тут произошло, двух мнений быть не может. Прошу меня извинить. Должен блевануть.

Джинни отступила в сторону, чтобы Терстон мог пройти в крошечную ванную, примыкающую к палате. Он закрыл за собой дверь, но звуки из ванной все равно доносились достаточно громкие, словно ревел двигатель буксующего в грязи автомобиля.

Джинни почувствовала накатившую волну слабости, которая поднимала ставшее легким как пушинка тело. Попыталась перебороть ее и не грохнуться в обморок. Повернулась к Твитчу. Тот как раз закрывал мобильник.

— Расти не отвечает. Я оставил сообщение на голосовой почте. Кому-нибудь еще? Как насчет Ренни?

— Нет! — Она содрогнулась. — Только не ему.

— Моей сестре? Андреа, я хотел сказать.

Джинни молча смотрела на него.

Твитч какие-то мгновения выдерживал ее взгляд. Потом отвел глаза.

— Пожалуй, не стоит, — пробормотал он.

Джинни коснулась его руки, кожа была холодной от шока. Она полагала, что такая же и ее собственная.

— Если это может хоть как-то тебя успокоить, думаю, Андреа пыталась избавиться от налипшей на нее гадости. Она приходила, чтобы повидаться с Расти, и я уверена, что причина в этом.

Твитч прошелся руками по лицу, превратив его в оперную маску печали.

— Это кошмар.

— Да. — Джинни достала мобильник.

— Кому собираешься звонить? — с кислой улыбкой спросил Твитч. — Охотникам за привидениями?

— Нет. Если Андреа и Большой Джим отпадают, кто остается?

— Сандерс, но пользы от него, как от собачьего дерьма, и ты это знаешь. Почему бы нам самим тут не прибраться? Терстон прав: случившееся очевидно.

Терстон вышел из ванной, вытирая рот бумажным полотенцем:

— Потому что есть правила, молодой человек. И при сложившихся обстоятельствах для нас лучше им следовать. Или по крайней мере пытаться.

Твитч поднял голову и увидел мозги Сэмми Буши, подсыхающие на одной стене у самого потолка. То самое, чем она раньше думала, выглядело теперь как комок овсяной каши. Он разрыдался.

Энди Сандерс сидел в квартире Дейла Барбары на кровати Дейла Барбары. Окно заполняло оранжевое зарево от горевшего здания, в котором располагалась редакция «Демократа». Над головой слышались шаги и приглушенные голоса — люди на крыше, предположил он.

В квартиру Энди поднялся из аптеки по внутренней лестнице. С собой принес пакет из коричневой бумаги, содержимое которого теперь разложил перед собой: стакан, бутылку воды «дасани», пузырек с таблетками — таблетками оксиконтин. С надписью на полоске бумаги, наклеенной на пузырек: «ХРАНИТЬ ДЛЯ А. ГРИННЕЛ». Розовые таблетки по двадцать миллиграммов. Он вытряс несколько, сосчитал, вытряс еще. Двадцать. Четыреста миллиграммов. Этого могло не хватить, чтобы убить Андреа, у которой развилось привыкание, но Энди не сомневался, что его такая доза точно прикончит.

Жар проникал сквозь стену. Сандерс начал потеть. Температура воздуха в комнате наверняка поднялась до ста градусов, может, и выше. Энди вытер лицо покрывалом.

Жару терпеть придется недолго. На Небесах дует прохладный ветерок, и мы все сядем обедать за стол Иисуса.

Донышком стакана он начал толочь таблетки в порошок, с тем чтобы наркотик сразу подействовал. Как удар кувалды по лбу бычка. Просто лечь на кровать, закрыть глаза, а потом — доброй тебе ночи, дорогой фармацевт, и вечный покой под песни ангелов.

Я... и Клоди... и Доди. Вместе навсегда.

Не думай так, брат. Голос Коггинса, предельно суровый и напыщенный. Энди даже перестал толочь таблетки. *Самоубийцы не ужинают со своими близкими, друг мой; они отправляются в ад, где их кормят раскаленными углями, которые целую вечность жгут их живот. Можешь сказать мне «аллилуйя», подтверждая это? Можешь сказать «аминь»?*

— Чушь, — прошептал Сандерс и вернулся к прерванному занятию. — У тебя рыльце в пуху так же, как и у всех нас. Почему я должен тебе верить?

Потому что я говорю правду. Твоя жена и дочь сейчас смотрят на тебя сверху, умоляя не делать этого. Или ты их не слышишь?

— Нет. И это не ты. Это всего лишь часть моего разума, которая

трусит. Она руководила мною всю жизнь. Именно из-за нее Большой Джим взял меня в оборот. Именно из-за нее я оказался замешан в этой истории с метом. Я не нуждался в деньгах, я даже не понимаю таких больших денег, но я просто не знал, как сказать «нет». Но на этот раз я сказать могу. Нет, сэр. Мне больше незачем жить, и я ухожу. Можешь что-то возразить?

Судя по всему, возразить Лестер Коггинс не мог. Энди дотолок таблетки, наполнил стакан водой. Ладонью смахнул розовую пыль в стакан, размешал пальцем. Снаружи доносились только треск пожара, приглушенные крики людей, которые боролись с огнем на улице и на крыше, а также звуки шагов над головой.

— До дна! — сказал он себе... но не выпил. Рука держала стакан, но трусливая часть его разума — та часть, что не хотела умирать, пусть жизнь потеряла смысл — не позволяла поднести стакан ко рту. — Нет, в этот раз тебе не победить. — Но снова опустил стакан, чтобы вытереть покрывалом струящийся по лицу пот. — Не каждый раз, и не в этот раз.

Он опять поднес стакан ко рту. Внутри колыхалось розовое забвение. Но вновь поставил стакан на стол.

Трусливая часть по-прежнему рулила им. Бог бы побрал эту трусливую часть.

— Господи, дай мне знак, — прошептал Энди. — Дай знак, что выпить этот стакан правильно. Если не по другим причинам, то хотя бы потому, что только так я смогу покинуть этот город.

Совсем рядом обрушилась крыша здания, где находилась редакция «Демократа». У него над головой кто-то — судя по голосу, Ромео Берпи — крикнул:

— Готовьтесь, парни, теперь будьте наготове!

Будьте наготове. Это знак, конечно же. Энди Сандерс поднял стакан смерти, и на этот раз трусливая часть не удержала его руку. Трусливая часть, похоже, сдалась.

В его кармане мобильник заиграл первые фразы песни «Ты прекрасна», сентиментальной белиберды, которая нравилась Клоди. Он все равно собирался выпить содержимое стакана, но тут какой-то голос прошептал, что это, возможно, тоже знак. Он не мог сказать, чей голос — трусливой части, Коггинса или собственного сердца. А потому, что не мог, ответил на звонок.

— Мистер Сандерс? — Женский голос, усталый, несчастный и испуганный. Энди почувствовал родственную душу. — Вирджиния Томлинсон, из больницы.

— Джинни, ну конечно. — Странно, но его голос звучал весело, как и

всегда.

— Боюсь, у нас тут сложная ситуация. Вы сможете подойти?

Луч света прорезал темноту в голове Энди. Сердце наполнилось изумлением и благодарностью. Ему сказали: «Вы сможете подойти?» Неужто он забыл, какие теплые чувства вызывали в нем эти слова? Наверное, забыл, хотя ради таких слов он и баллотировался на должность первого члена городского управления. Не для того, чтобы получить власть: это интересовало Большого Джима. Только чтобы протянуть руку помощи. С этого он начинал; возможно, этим он сможет и закончить.

— Мистер Сандерс? Вы меня слышите?

— Да. Будь уверена, Джинни. Я сейчас подойду. — Он помолчал. — И никакого мистера Сандерса — Энди. Мы все в одной лодке, помнишь?

Он отключил связь, отнес стакан в ванную, вылил содержимое в унитаз. Ощущение радости — ощущение легкости и изумления — длилось до того самого момента, когда он спустил воду. Потом депрессия навалилась на него, как старое вонючее пальто. Он кому-то нужен? Смех, да и только. Он, старый глупый Энди Сандерс, дундук, сидящий на коленях Большого Джима. Рупор. Трепло. Человек, который озвучивал идеи и предложения Большого Джима, словно они исходили от него. Человек, который оказывался очень нужным каждые два года, когда подходило время очаровывать избирателей. Большой Джим делать этого не умел или не хотел.

В пузырьке еще оставались таблетки. Внизу, в холодильнике, стояли бутылки «дасани». Но Энди всерьез об этом не думал. Он пообещал Джинни Томлинсон, что придет, и относился к тем людям, которые держали слово. Идею самоубийства он не отверг, только отложил. Сунул под сукно, как говорили в политической тусовке маленького городка. И до чего же приятно выйти из этой спальни, которая едва не стала для него камерой смерти.

Она заполнялась дымом.

Рабочий зал «Похоронного бюро Боуи» находился в подвале, и Линда решила, что можно включить свет. Без него Расти не мог произвести осмотр трупов.

— Ты только посмотри на это безобразие, — указал он на пол, выложенный квадратами линолеума, грязный, со следами подошв, на банки из-под пива и газировки на боковых столиках, на открытый мусорный бак в углу с вьющимися над ним мухами. — Если бы Совет погребальных услуг штата это увидел... или департамент здравоохранения... эту контору закрыли бы в одно мгновение.

— Не забывай, где мы находимся, — напомнила ему Линда. Она смотрела на стол из нержавеющей стали, который занимал середину комнаты. На поверхности хватало пятен от жидкостей, которые лучше не называть, а в канавке для стока лежала смятая обертка от «сникерса». — Думаю, мы даже не в Мэне. Поторопись, Эрик, здесь воняет.

— Более чем. — Расти эти грязь и беспорядок оскорбляли, вызывали ярость. Будь его воля, он бы врезал Стюарту Боуи в нос только за обертку от батончика, оставленную на столе, где из умерших горожан выпускали кровь.

В дальнем конце зала находилось шесть стальных ящиков для тел. Оттуда же доносилось гудение холодильной установки.

— Здесь с пропаном никаких проблем, — пробормотал Расти. — Братья Боуи живут на широкую ногу.

Таблички с именами на торцах ящиков отсутствовали — еще одно свидетельство неряшливости, — так что Расти выдвинул все шесть. Первые два оказались пустыми, но его это не удивило. Большинство из тех, кто умер под Куполом, включая Рона Хаскела и Эвансов, похоронили быстро. Джимми Сируа, у которого не было близких родственников, все еще лежал в маленьком морге «Кэтрин Рассел».

В следующих четырех лежали тела, ради которых он сюда и пришел. Запах разложения ударил в нос, едва Расти выдвинул ящики из ниш. Он перебил неприятные, но менее агрессивные запахи консервантов и бальзамирующих мазей. Линда отступила, зажав рукой рот.

— Только не блевани, Линни. — Расти направился к шкафчикам у стены. В первом выдвинутом ящике лежали пачки журнала «Филд-энд-стрим», и он выругался. В другом, ниже, нашлось то, что он искал. Расти

вытащил стилет троакара, который, похоже, никогда не мыли, и пару зеленых масок, еще в упаковке. Одну маску протянул Линде, другую надел сам. Заглянул в следующий ящик и достал пару резиновых перчаток. Ярко-желтых, чертовски веселеньких. — Если думаешь, что тебя вырвет, несмотря на маску, иди наверх, к Стейси.

— Все будет хорошо. Я останусь свидетелем.

— Не думаю, что кто-то примет в расчет твои показания: ты, в конце концов, моя жена.

— Я останусь свидетелем. Только сделай все побыстрее.

Грязи хватало и в ящиках для тел. После уже увиденного Расти это не удивило, но возмущало по-прежнему. Линда протянула ему старый кассетный магнитофон, который нашла в гараже. Расти нажал на клавишу «ЗАПИСЬ», проверил результат, удивился, что получается очень даже ничего. Поставил старенький «Панасоник» на один из пустых ящиков. Натянул перчатки. Времени ушло чуть больше, чем он думал: руки вспотели. Где-то наверняка лежал тальк или присыпка «Джонсонс беби», но он не хотел и дальше заниматься поисками. И так чувствовал себя взломщиком. Черт, он и был взломщиком.

— Ладно, мы начинаем. Двадцать два сорок пять, двадцать четвертое октября. Осмотр производится в зале для подготовки усопших в последний путь «Похоронного бюро Боуи». Здесь, между прочим, грязно. До безобразия. Я вижу четыре тела, три женских и одно мужское. Две женщины молодые, чуть старше двадцати лет. Это Анджела Маккейн и Доди Сандерс.

— Дороти, — поправила его Линда с дальней стороны большого стола. — Ее зовут... звали... Дороти.

— Вношу поправку. Дороти Сандерс. Третья женщина в позднем среднем возрасте. Это Бренда Перкинс. Мужчине около сорока. Он — преподобный Лестер Коггинс. Для сведения, я могу опознать всех этих людей.

Он подозвал жену и указал на тела. Она посмотрела, ее глаза наполнились слезами, приподняла маску, чтобы сказать:

— Я — Линда Эверетт, служу в полицейском участке Честерс-Милла. Регистрационный номер моего полицейского жетона семь-семь-пять. Я также опознаю все четыре тела.

Она вернула маску на место. Над ней на Расти смотрели молящие глаза жены.

Взмахом руки он позволил ей вернуться на прежнее место. Все равно спектакль. Он это понимал, и Линда, само собой, тоже. Однако никакой

депрессии Расти не чувствовал. С детства он хотел идти в медицину и, конечно, стал бы врачом, если б ему не пришлось бросить школу, чтобы ухаживать за родителями. Теперь им двигало то же, что и в старшей школе, когда на уроках биологии он препарировал лягушек: чистое любопытство. Жажда знаний. И он собирался узнать, пусть не все, но по крайней мере кое-что.

Здесь мертвые помогают живым. Так, кажется, сказала Линда?

Так или иначе, но они, конечно, помогут, чем смогут.

— Косметика еще не использовалась, насколько я вижу, но все четыре тела бальзамировались. Я не знаю, завершен ли этот процесс, но подозреваю, что нет, потому что подводные трубки все еще в бедренной артерии. Анджела и Доди... простите, Дороти... сильно избиты, и процесс разложения зашел довольно далеко. Коггинс тоже избит — зверски, судя по тому, что я вижу, — и процесс разложения тоже начался, но он на более ранней стадии. Мышцы на его лице и руках только начали обвисать. Бренда... Бренда Перкинс, я хочу сказать... — Он замолчал и склонился над ней.

— Расти! — нервно окликнула Линда. — Дорогой!

Он протянул к трупам затылок в перчатку руку, передумал, снял перчатку и обхватил пальцами шею. Потом приподнял голову Бренды и пощупал очень большой узел, образовавшийся чуть ниже затылка. Отпустил голову, перевернул тело на бок, чтобы осмотреть спину и ягодицы.

— Господи! — вырвалось у него.

— Расти, что?

Во-первых, она все еще в дерьме, подумал он... но не собирался этого озвучивать. Не собирался, даже если бы Рэндолф или Ренни слушали бы пленку только первые шестьдесят секунд, прежде чем раздавить кассету каблуком и сжечь. Эту подробность в описании тела Бренды он считал необходимым опустить.

Но знал, что не забудет.

— Ну что? — теребила его Линда.

Расти облизнул губы.

— У Бренды Перкинс трупное окоченение ягодиц и бедер, указывающее, что она мертва часов двенадцать, может, четырнадцать, трудно сказать. На обеих щеках синяки. В форме ладоней. В этом сомнений у меня нет. Кто-то взялся за ее лицо и резко повернул голову налево. Раздробил первый и осевой шейные позвонки, Цэ-один и Цэ-два. Возможно, сломал и позвоночник.

— Ох, Расти! — простонала Линда.

Он приподнял большим пальцем одно веко Бренды, потом другое и увидел то, чего боялся.

— Синяки на щеках и кровоизлияния в склеры — кровавые пятна на белках глаз — указывают на то, что смерть не была мгновенной. Она не могла дышать и задохнулась. Она могла быть в сознании. Но будем надеяться, что нет. Это все, что, к сожалению, я могу сказать. Девушки — Анджела и Дороти — умерли раньше всех. Состояние их разлагающихся тел предполагает, что находились они в теплом месте. — Он выключил магнитофон. — Другими словами, я не вижу ничего, что абсолютно обеляет Барбару, и ничего такого, чего мы уже не знали.

— А если его руки не соответствуют синякам на лице Бренды?

— Форма синяков слишком расплывчатая, чтобы что-то утверждать. Линда, я ощущаю себя величайшим глупцом этого мира. — Он вернул девушек, которым ходить бы по торговому центру Обурна, прицениваться к серьгам, покупать одежду, обсуждать бойфрендов, в темноту, закатив ящики с их телами в ниши. Потом вернулся к Бренде. — Дай мне тряпку. Я видел, что несколько лежат у раковины. Они даже выглядят чистыми, что в таком свинарнике тянет на чудо.

— Что ты...

— Просто дай мне тряпку. Лучше две. Намочи их.

— У нас нет времени...

— Придется найти.

Линда молча наблюдала, как ее муж тщательно оттирает ягодичы и бедра Бренды. Покончив с этим, он бросил грязные тряпки в угол, думая, что с удовольствием засунул бы одну в рот Стюарту, а другую — Фернолду, будь они здесь.

Он поцеловал Бренду в холодный лоб и закатил ящик с ее телом в охлаждаемую нишу. Уже взялся за ящик с Коггинсом, чтобы проделать с ним то же самое, но остановился. Лицо преподобного как следует не обмыли: кровь оставалась в ушах, ноздрах, въелась в лоб.

— Линда, намочи мне еще тряпку.

— Дорогой, мы здесь уже десять минут. Я люблю тебя за проявление уважения к мертвым, но есть и живые...

— Возможно, здесь кое-что есть. Коггинса избili по-другому. Я вижу это и без... намочи тряпку.

Больше Линда спорить не стала, намочила тряпку, отжала, протянула мужу. Наблюдала, как Расти стирает оставшуюся кровь с лица покойника, действуя мягко, но без той нежности, которую он выказывал, обмывая

Бренду.

Она недолюбливала Лестера Коггинса (который однажды объявил в своем недельном радиообращении, что дети, которые поехали на встречу с Майли Сайрус, [\[139\]](#) рискуют попасть в ад), но от того, что открывалось ее глазам усилиями Расти, щемило сердце.

— Господи, он выглядит, как пугало после того, как подростки, бросая камни, использовали его вместо мишени.

— Об этом я тебе и говорю. Избивали его по-другому. Не кулаками, даже не ногами.

— А что это у него на виске? — указала Линда.

Расти не ответил. Только глаза над маской зажглись изумлением. И кое-чем еще: он начал смекать, что к чему.

— Что это, Эрик? Выглядит... ну, не знаю... как стежки.

— Все ясно. — Его маска дернулась, когда рот под ней растянулся в улыбке. Не радости — удовлетворенности. Мрачной улыбке. — И на лбу тоже. Видишь? И на челюсти. Этот удар сломал ему челюсть.

— И какое оружие оставляет такие следы?

— Бейсбольный мяч. — Расти задвинул ящик. — Не обычный, но золоченый. Да. Если ударить им с большого замаха, я думаю, может оставить. Я думаю, оставил. — Он наклонился к жене. Их маски соприкоснулись. Расти смотрел ей в глаза. — Такой мяч есть у Джима Ренни. Я видел его на письменном столе в кабинете, когда заходил, чтобы поговорить об исчезнувшем пропане. Насчет остальных я сказать ничего не могу, но, думаю, мы знаем, где умер Лестер Коггинс. И кто его убил.

После того как рухнула крыша, Джулия смотреть на пожар больше не могла.

— Пойдем ко мне, — предложила Роуз. — Комната для гостей в полном твоём распоряжении, на любое время.

— Благодарю, но нет. Сейчас мне нужно побыть одной, Роузи. Ну, ты понимаешь... с Горасом. Мне надо подумать.

— Где ты остановишься? С тобой все будет в порядке?

— Да. — Но Джулия не знала: будет или нет. Голова у нее работала, с процессом мышления ничего не изменилось, зато эмоциям кто-то вколол большую дозу новокаина. — Может, я зайду позже.

После ухода Роуз (она шла по другой стороне улицы и на прощание обернулась, чтобы помахать рукой) Джулия вернулась к «приусу», устроила Гораса на переднем сиденье, потом села за руль. Поискала взглядом Пита Фримена и Тони Гуэя, ни одного не увидела. Возможно, Тони повел Пита в больницу, чтобы тому смазали ожог какой-нибудь мазью. Казалось чудом, что ни один из них серьезно не пострадал. А если бы она не взяла Гораса на встречу с Коксом, собака, возможно, сгорела бы со всем остальным.

Когда пришла эта мысль, Джулия поняла, что эмоции совсем и не под наркозом, просто спрятались. Какой-то звук — вроде бы вой — вырвался у нее из груди. Горас наострил большие уши, озабоченно посмотрел на нее. Она пыталась сдержаться и не смогла.

Газета ее отца.

Газета ее деда.

Газета ее прадеда.

Пепел и зола.

Она поехала на Западную улицу, где свернула на заброшенную автостоянку за кинотеатром «Глобус». Заглушила двигатель, притянула к себе Гораса и минут пять плакала, прижавшись к его волосатому мускулистому плечу. Горас стоически это выдержал.

Выплакавшись, Джулия почувствовала себя лучше. Спокойнее. Возможно, спокойствие это обуславливалось шоком, но по крайней мере она могла думать. И подумала Джулия о том, что в багажнике лежала одна-единственная пачка газет. Перегнулась через Гораса, который по-дружески лизнул ее в шею, и открыла бардачок, набитый всякой всячиной, но Джулия подумала, что там... возможно...

И как подарок Божий, она нашла то, что искала. Пластмассовую коробочку с канцелярскими гвоздиками, аптечными резинками, чертежными кнопками и скрепками. Резинки и скрепки ей помочь не могли, а вот кнопки и канцелярские гвоздики...

— Горас, хочешь прогуляться?

Тот гавкнул, показывая, что очень даже хочет.

— Хорошо. Потому что я тоже хочу.

Она достала газеты, а потом вернулась на Главную улицу. Здание «Демократа» уже превратилось в пылающую грудку досок и бревен, которую копы заливали водой (*из таких удобных насосов, которые вдруг оказались под рукой, причем заправленные*). Конечно же, при взгляде на этот костер у Джулии щемило сердце, но уже не так сильно, потому что теперь она нашла себе занятие.

Джулия шла по улице (Горас трусил рядом) и к каждому телеграфному столбу прикрепляла экземпляр последнего номера «Демократа». Заголовок «БУНТ И УБИЙСТВА ПО МЕРЕ РАЗРАСТАНИЯ КРИЗИСА» бросался в глаза в отсвете пожарища. Но Джулия жалела, что не ограничилась одним словом: «БЕРЕГИТЕСЬ».

Она прищипливала к столбам экземпляры газеты, пока они не закончились.

У Питера Рэндолфа, стоявшего на противоположной от пожара стороне улицы, трижды пропищала рация. Срочно. Страшась того, что может услышать, он нажал кнопку приема:

— Чиф Рэндолф. Слушаю.

На связь вышел Фредди Дентон, который, как старший ночной смены, стал, по существу, заместителем начальника полиции.

— Только что позвонили из больницы, Пит. Двойное убийство.

— Что?! — вскричал Рэндолф. Один из новых копов, Микки Уэрдлоу, вытаращился на него, как монгольский идиот, впервые попавший на окружную ярмарку.

Дентон продолжил, в голосе слышалось то ли спокойствие, то ли самодовольство. Если последнее, Рэндолф собирался ему это припомнить.

— ...и самоубийство. Стреляла та женщина, что обвиняла наших парней в изнасиловании. Жертвы тоже наши, чиф, — Ру и Дилессепс.

— Ты... пудришь мне мозги!

— Я отправил туда Рупа и Мела Сирлса. Светлая сторона: все закончилось, и нам не придется сажать ее в Курятник к Барбаре.

— Тебе следовало поехать самому, Фред. Ты — старший смены.

— А кто бы тогда остался в конторе?

Рэндолф не нашелся с ответом — любой получился бы слишком умным или совсем глупым. И понял, что в «Кэтрин Рассел» ему придется тащиться самому.

Не хочу я больше эту работу. Нет. Совершенно не хочу.

Но отказаться чиф уже не мог. Оставалась лишь надежда, что с помощью Большого Джима он справится; Большой Джим направит его и поддержит.

Марти Арсено хлопнул его по плечу. Рэндолф едва не развернулся и не врезал ему. Но Арсено ничего этого не замечал. Смотрел на другую сторону улицы, где Джулия Шамуэй выгуливала собаку. Выгуливала и... что?

Развешивала газеты, вот что. Пришпиливала их к чертовым телеграфным столбам.

— Эта сука никак не уgomонится, — выдохнул Рэндолф.

— Хочешь, чтобы я подошел и уgomонил ее? — спросил Арсено.

Марти очень уж хотелось выполнить это задание, и чиф почти отдал

ему такой приказ. Но в последний момент покачал головой.

— Она поднимет крик насчет ее чертовых гражданских прав. Словно не понимает, что раздуть слона из каждой паршивой мухи не в интересах города. — Он вновь покачал головой. — Скорее всего не понимает. Она невероятно... — Было, было слово, которое целиком и полностью характеризовало Джулию Шамуэй, французское слово, которое он выучил в старшей школе. Рэндолф никак не ожидал, что вспомнит его, но вспомнил. — Она невероятно naïve. ^[140]

— Я ее остановлю, чиф, без проблем. Что она сделает, позвонит своему адвокату?

— Пусть забавляется. Главное, чтоб нам не мешала. Я пойду в больницу. Дентон говорит, эта Буши убила Френка Дилессепса и Джорджию Ру. Потом застрелилась.

— Господи, — прошептал Марти. Побледнел. — Думаешь, и это происки Барбары?

Рэндолф уже собрался ответить, что нет, но передумал. Буши обвинила его парней в изнасиловании. Самоубийство говорило о том, что обвинения не беспочвенны, а слухи, что полицейские Милла способны на такое, очерняли вверенную ему службу, что никак не могло пойти на благо городу. Он это понимал и без Большого Джима.

— Не знаю, — пожал плечами Рэндолф, — но все возможно.

Глаза Марти слезились то ли от дыма, то ли от горя. Может, по обоим причинам.

— Надо поставить в известность Большого Джима, Пит.

— Я поставлю. А пока... — Рэндолф мотнул головой в сторону Джулии, — приглядывай за ней, и, когда она наконец устанет и уйдет, сорви все это дерьмо и брось туда, где ему самое место. — И он указал на костер, пылающий там, где ранее находилась редакция газеты. — Избавь город от мусора.

Марти хохотнул:

— Будет исполнено, босс.

Именно так патрульный Арсено и поступил. Но лишь после того, как горожане забрали несколько газет, чтобы прочитать их при более ярком свете. Может, полдюжины, может, десять. Последующие два или три дня их передавали из рук в руки и читали, пока они не разлезлись.

Придя в больницу, Энди увидел Пайпер Либби. Она сидела на скамье в вестибюле, говорила с двумя девушками, одетыми в белые нейлоновые брючки и блузоны медсестер, хотя Энди показалось, что они слишком юны, чтобы быть настоящими медсестрами. Обе недавно плакали и выглядели так, будто скоро снова заплачут, но Энди видел, что преподобная Либби действовала на них, как таблетка успокаивающего. В чем он разбирался, так это в человеческих эмоциях. Иногда Энди сожалел, что не мог так же хорошо ориентироваться и в человеческих помыслах.

Джинни Томлинсон стояла невдалеке, разговаривала с пожилым мужчиной. Оба выглядели ошарашенными и потрясенными. Джинни увидела Энди и подошла к нему. Мужчина последовал за ней. Она представила его как Терстона Маршалла, сказала, что он им помогает.

Энди широко улыбнулся незнакомцу, тепло пожал руку:

— Рад познакомиться с вами, Терстон. Я — Энди Сандерс, первый член городского управления.

Пайпер глянула на него со скамьи:

— Будь ты действительно первым, Энди, ты бы держал в узде второго.

— Я понимаю, последние дни выдались для тебя тяжелыми. — Энди продолжал улыбаться. — Как и для нас всех.

Пайпер бросила на него ледяной взгляд, потом спросила девушек: не хотят ли они пойти к ней и выпить по чашке чаю?

— Мне самой чашка чаю не повредит, — добавила она.

— Я позвонила ей после тебя, — объяснила Джинни после того, как преподобная и юные медсестры отбыли. В голосе слышались извиняющиеся нотки. — И я позвонила в полицейский участок. Поговорила с Фредом Дентоном. — Она наморщила нос, как бывает, если до ноздрей долетает неприятный запах.

— Да, Фредди хороший парень! — с жаром воскликнул Энди. Все это его совершенно не занимало — ему хотелось вновь сидеть на кровати Дейла Барбары, готовясь выпить отравленную розовым воду, — но играть привычную роль не составляло труда. Привести все в норму, утихомирить разбушевавшиеся эмоции — это он умел, как никто другой. — Расскажи мне, что здесь произошло.

Она рассказала. Энди слушал с удивительным спокойствием, учитывая, что семью Дилессепс он знал всю жизнь, а учась в старшей

школе, однажды пригласил мать Джорджии Ру на свидание (Элен целовалась с открытым ртом, и это радовало, чего он не мог сказать о ее вонючем дыхании). Энди думал, что его эмоциональное безразличие обусловлено одной простой причиной: если бы не зазвонил его мобильник, он бы сейчас лежал без сознания. Может, и мертвый. А такое позволяет видеть мир в истинном свете.

— Двое из наших новобранцев-патрульных мертвы. — Ему показалось, что говорит он голосом автоответчика, который слышишь, позвонив в кинотеатр, чтобы узнать начало сеансов. — И еще один получил серьезную травму, защищая супермаркет от погрома. Ой-ой-ой.

— Наверное, сейчас не время говорить об этом, но я не в восторге от вашей полиции, — вставил Терстон. — Хотя, конечно, подавать жалобу смысла нет, раз уж патрульный, который ударил меня, теперь мертв.

— Какой патрульный? Френк или эта Ру?

— Молодой человек. Я узнал его, несмотря на... смертельное ранение, изменившее его внешность.

— Френк Дилессепс ударил вас? — Энди просто не мог в это поверить. Френк четыре года привозил ему «Льюистон сан», не пропустив ни дня. Ну, может, один или два, если уж вспоминать хорошенько, но такое случалось во время сильных буранов. И однажды он болел корью. Или свинкой?

— Если так его звали.

— Знаете... это... — Это что? Имело это значение? И какое? Однако привычка брала свое. — Это прискорбно, сэр. В Честерс-Милле мы помним о нашей ответственности. Стараемся все делать правильно. Просто сейчас мы живем под дулом пистолета. Обстоятельства выше нас, вы знаете.

— Я знаю, — кивнул Терс. — Если вы спросите меня, я скажу, что вода переклестнула через дамбу. Но, сэр, эти патрульные — очень уж молодые. И предельно наглые. Женщина, которая была со мной, тоже подверглась нападению.

Энди просто не мог поверить, что этот человек говорил правду. Копы Честерс-Милла не причиняли вреда людям, если их на это не провоцировали (*сильно* провоцировали); такое случается только в больших городах, где люди не знают, как должно себя вести. Разумеется, он мог бы сказать, что для Милла нехарактерно и случившееся в больнице: никогда девушка не убивала двух копов, чтобы потом покончить с собой.

Но это все не важно, подумал Энди. Он ведь не просто приезжий, он еще и из другого штата.

— Теперь, когда ты здесь, Энди, я даже не знаю, что ты можешь сделать, — вмешалась Джинни. — Твитч занимается телами, и...

Прежде чем она успела продолжить, открылась дверь, и в вестибюль больницы вошла молодая женщина, которая вела за руки двух сонных детей. Старик — Терстон — обнял ее, тогда как дети, мальчик и девочка, оглядывались. Оба были босиком и в футболках, которые служили ночными рубашками. На футболке мальчика, которая доходила ему до лодыжек, Энди прочитал «ЗАКЛЮЧЕННЫЙ 9091» и «СОБСТВЕННОСТЬ ШОУШЕНКА, ТЮРЬМЫ ШТАТА». Дочь Терстона и внуки, предположил Энди, и с новой силой ощутил горечь утраты Клодетт и Доди. Он вытолкал из головы мысли о них. Джинни позвала его, чтобы он помог, и не вызывало сомнений, что помощь не помешала бы и ей самой. А это, без сомнения, означало, что ему предстоит вновь выслушивать всю историю — рассказывать она будет не только ради него. Выговариваясь, Джинни облегчала себе душу. Энди не возражал. Слушать он умел, и это все лучше, чем смотреть на три трупа, один из которых — его давний разносчик газет. Слушать — если подумать, так просто, даже идиот может слушать, но у Большого Джима это как раз и не получалось. Зато Большой Джим умел говорить. И планировать — тоже. Им повезло, что в час такой беды он оказался с ними.

И пока Джинни по второму разу рассказывала о случившемся, в голову Энди пришла мысль. Возможно, важная.

— Кто-нибудь...

Тут подошел Терстон с женщиной и детьми:

— Член городского управления Сандерс... Энди... это моя коллега, Каролин Стерджес. А это дети, которых мы опекаем, Элис и Эйден.

— Мне нужна моя соска, — капризничал Эйден.

— Ты уже слишком большой, чтобы сосать пустышку. — Элис ткнула его локтем.

Лицо мальчика скривилось, но он не заплакал.

— Элис, — одернула ее Каролин Стерджес, — ты поступаешь нехорошо. И что мы знаем о плохих людях?

Элис просияла.

— От плохих людей тошнит! — воскликнула она и рассмеялась. Через несколько мгновений к ней присоединился и Эйден.

— Извините. — Каролин повернулась к Энди. — Я никому не могла их оставить, а Терс, когда позвонил, говорил таким расстроенным голосом...

В такое верилось с трудом, но, похоже, старик приходился молодой женщине совсем не отцом. Но мысль эта совершенно не заинтересовала

Энди. Хотя в другой ситуации он мог обдумать ее более обстоятельно, представляя себе, в каких позах они этим занимаются, ублажает ли она его своими влажно поблескивающими губами, и так далее, и так далее. Теперь же его одолевали совсем другие проблемы.

— Кто-нибудь сообщил мужу Сэмми, что она мертва? — спросил он.

— Филу Буши? — Дуги Твитчел вошел в вестибюль из коридора. Плечи его поникли, лицо стало серым. — Этот сукин сын ушел от нее и из города. Давным-давно. — Его взгляд упал на Элис и Эйдена Эпплтон. — Извините, дети.

— Все нормально, — ответила ему Каролин. — У нас в доме выражаться не запрещено. И это правильно.

— Именно так, — поддакнула Элис. — Мы можем говорить «говно» и «ссаки», когда хотим, во всяком случае, пока мама нас не останавливает.

— Но не сука, — уточнил Эйден. — Сука под запретом.

Каролин словно их и не слышала.

— Терс, что случилось?

— Не при детях. Пусть ругательства их и не смущают.

— Родителей Френка в городе нет, — продолжил Твитч, — но я связался с Элен Ру. Она восприняла это довольно-таки спокойно.

— Пьяная? — спросил Энди.

— В стельку.

Энди прошелся по коридору. Несколько пациентов в больничных халатах и шлепанцах стояли спиной к нему. Вероятно, смотрели на место бойни. Ему смотреть не хотелось, и Энди порадовался, что Дуги Твитчел обо всем позаботился. Энди — фармацевт и политик. Его работа — помогать живым, а не возиться с мертвыми. И он знал то, чего эти люди не знали. Он не мог сказать им, что Фил Буши до сих пор в городе, живет отшельником на радиостанции, но он мог сказать Филу, что жена, от которой тот ушел, мертва. Мог сказать и решил, что скажет. Разумеется, предвидеть реакцию Фила не представлялось возможным: в эти дни Фил был не в себе. Он мог наброситься на него. Мог даже убить принесшего дурную весть. Но разве это так уж ужасно? Самоубийцам прямая дорога в ад, где они до конца вечности будут обедать раскаленными углями, но жертвы убийц, Энди в этом не сомневался, отправлялись на Небеса, где их ту же вечность ждали ростбиф и пирог с персиками за столом Спасителя.

За которым уже сидели его близкие.

Несмотря на несколько часов, которые она поспала днем, Джулия никогда в жизни не ощущала такой усталости. И поскольку она отвергла предложение Роуз, идти ей было некуда. Кроме как к своему автомобилю.

Она и пошла, отцепила поводок от ошейника Гораса, чтобы он мог запрыгнуть на пассажирское сиденье, сама села за руль, попыталась обдумать ситуацию. Она прекрасно относилась к Роуз Твитчел, но та наверняка хотела отдохнуть после долгого и насыщенного событиями дня. Кроме того, Роуз захочет узнать, что можно сделать — если можно — для спасения Дейла Барбары. Обратится к ней за идеями, а они у Джулии отсутствовали напрочь.

Все это время Горас смотрел на хозяйку, стоящими торчком ушами и яркими глазками спрашивая: и что теперь? Глядя на него, она подумала о женщине, которая потеряла свою собаку, Пайпер Либби. Та приняла бы ее и предоставила кровать, не докучая разговорами. После ночи крепкого сна к Джулии вернулась бы способность думать. Может, она даже смогла бы строить какие-то планы.

Джулия завела «приус» и поехала к церкви Конго. Но нашла, что дом преподобной темен, а к двери прикреплена записка. Джулия вытащила кнопку, с запиской вернулась к автомобилю, прочитала ее при свете лампочки под крышей.

«Я ушла в больницу. Там стреляли».

Джулия застонала, но, как только Горас начал подвывать, пытаясь поймать ритм, заставила себя замолчать. Она вернулась к дому и прикрепила записку на прежнее место на случай, если другой прихожанин с грузом проблем на своих плечах придет повидаться с единственным оставшимся в Милле пастырем.

А куда теперь? Все-таки к Роуз? Но Роуз уже наверняка спит. В больницу? Джулия смогла бы заставить себя поехать туда, несмотря на шок и усталость, если б эта поездка имела какую-то цель, да только теперь не было газеты, в которой она могла написать о случившемся там, а без газеты Джулия не видела смысла смотреть на новые ужасы.

Задним ходом она вернула «приус» на Главную улицу и ехала безо всякой цели, пока не добралась до пересечения с Престил-стрит. Три минуты спустя ее автомобиль уже стоял на подъездной дорожке Андреа Гриннел. Однако и в этом доме не горело ни единого окна. Никто не

ответил и на ее тихий стук. Не зная, что Андреа крепко спит, Джулия предположила, что та или пошла к своему брату, или осталась на ночь у кого-то из подруг.

Горас при этом сидел на коврике у двери, смотрел на хозяйку и ждал, когда она что-нибудь предпримет, как и происходило всегда. Но Джулия понятия не имела, что же ей теперь делать, и слишком устала, чтобы ехать куда-то еще. Она практически не сомневалась, что, вернувшись на дорогу, тут же с нее съедет и во что-нибудь врежется, убив их обоих.

И думала Джулия не о горящем здании, в котором осталась вся ее жизнь, а о том, как выглядел полковник Кокс, когда она спросила его: бросили ли их, жителей Честерс-Милла?

«Нет, ни в коем разе», — без запинки ответил он. Но, произнося эти слова, не решался смотреть на нее.

На крыльце стоял диван-качалка. При необходимости она могла улечься и на нем. Но возможно...

Джулия попыталась открыть дверь и обнаружила, что она не заперта. Джулия замялась, Горас — нет. В полной уверенности, что его везде встретят с распростертыми объятиями, он без задержки вошел в дом. Джулия последовала за ним на другом конце поводка, думая: *Теперь решения принимает моя собака. Вот до чего дошло.*

— Андреа! — позвала она. — Анди, ты здесь? Это Джулия.

Наверху Андреа лежала на спине и храпела, как дальнобойщик, гнавший без отдыха четыре дня. Шевелилась только одна ее часть: левая ступня продолжала подергиваться.

В гостиной царил сумрак, но не полная тьма: на кухне Анди оставила включенной лампу, работающую на батарейках. И стоял характерный запах. Даже при открытых окнах, но при полном отсутствии ветра запах рвоты завис в воздухе. Кто-то говорил, что Андреа больна. Вроде бы у нее грипп?

Может, и грипп, но, возможно, и ломка, если у нее закончились таблетки, которые она принимала.

В любом случае речь шла о болезни, а больные люди, как правило, не хотели оставаться в одиночестве. И это означало, что дом пуст. А Джулия так устала. У противоположной стены стоял удобный длинный диван, который так и манил к себе. Если Анди придет завтра и найдет здесь ее, Джулию, она поймет.

— Возможно, даже угостит меня чашкой чаю, — сказала Джулия. — И мы над всем этим посмеемся. — Хотя в тот момент казалось, что больше она уже никогда и ни над чем смеяться не сможет. — Пошли, Горас.

Джулия отцепила поводок и потащилась через комнату. Горас наблюдал, пока она не легла и не подложила диванную подушку под голову. Тогда улегся и он, положил морду на лапу.

— Хороший мальчик, — похвалила его Джулия и закрыла глаза. И увидела глаза Кокса, которые никак не хотели встретиться с ее глазами: Кокс думал, что они надолго останутся под Куполом.

Но телу ведомо сострадание, недоступное мозгу. Джулия заснула, и ее голова находилась менее чем в четырех футах от конверта из плотной коричневой бумаги, который Бренда пыталась передать ей этим утром. В какой-то момент Горас забрался на диван и свернулся калачиком у ее колен.

Такими и нашла их Андреа, когда спустилась вниз утром двадцать пятого октября, впервые за последние годы чувствуя себя истинной Андреа.

В гостиной дома Эвереттов собрались четверо: Линда, Джекки, Стейси Моггин и Расти. Он раздал всем стаканы с ледяным чаем, потом рассказал о своих находках в подвале «Похоронного бюро Боуи».

Первый вопрос задала Стейси, сугубо практичный:

— Вы не забыли запереть дверь?

— Нет, — ответила Линда.

— Тогда дайте мне ключ. Нужно вернуть его на место.

Мы и они, вновь подумал Расти. *Вот о чем пойдет разговор. О чем он уже идет. Наши секреты. Их сила. Наши планы. Их намерения.*

Линда передала ключ, потом спросила Джекки: не доставили ли девочки хлопот?

— Никаких припадков, если ты об этом. Спали, как овечки, пока вы отсутствовали.

— И что мы собираемся теперь делать? — спросила Стейси. Миниатюрная, но целеустремленная. — Если вы хотите арестовать Ренни, в этом нам четверым придется убеждать Рэндолфа. Нам, трем женщинам, как патрульным, Расти — как патологоанатому.

— Нет! — одновременно воскликнули Джекки и Линда. Джекки — решительно, Линда — в страхе.

— У нас только гипотеза, а не вещественные доказательства, — добавила Джекки. — Я сомневаюсь, что Пит Рэндолф поверит нам, даже если бы мы располагали фотографиями, на которых Большой Джим ломает Бренде шею. Он и Ренни теперь повязаны, вместе утонут или выплывут. И большинство копов будут на стороне Пита.

— Особенно новые. — Стейси пригладила пушистые волосы. — В большинстве своем они неумны, но готовы выполнить любой приказ. И им нравится ходить с оружием. Плюс, — она наклонилась над столом, — сегодня их стало на шесть или восемь больше. Ученики старшей школы. Здоровые, глупые, энергичные. Они чертовски меня пугают. И вот что еще. Тибодо, Сирлс и Ренни-младший просят новеньких порекомендовать кого-то еще, через пару дней у нас будет не полиция, а армия тинейджеров.

— Никто нас не послушает? — спросил Расти. Не потому, что не поверил женщинам. Просто хотел исключить все неясности. — Ни один коп?

— Генри Моррисон может, — ответила Джекки. — Он видит, что

происходит, и ему это не нравится. Остальные? Они пойдут за Ренни и Рэндолфом. Отчасти потому, что испуганы, отчасти потому, что им нравится власть. У таких, как Тоби Уилен и Джордж Фредерик, ее никогда не было, а такие, как Фредди Дентон, просто злые.

— И что это означает? — спросила Линда.

— Это означает, что полученная информация должна у нас и остаться. Если Ренни убил четверых, он очень, очень опасен.

— Выжидание приведет к тому, что он станет еще более опасен, — возразил Расти.

— Нам надо тревожиться о Джуди и Джанель, — указала Линда. Она грызла ногти, чего Расти не замечал за ней многие годы. — Мы не можем рисковать их благополучием. Я не хочу даже думать об этом и тебе не позволю.

— У меня тоже есть ребенок, — напомнила Стейси. — Кэлвин. Ему только пять. Мне пришлось собрать все мужество в кулак, чтобы сегодня охранять вас у похоронного бюро. Сама мысль обратиться к этому идиоту Рэндолфу... — Она замолчала, но бледность ее щек стала красноречивой заменой недосказанному.

— Никто и не просит тебя к нему идти, — сказала Джекки.

— На текущий момент я могу только доказать, что Коггинса убили тем бейсбольным мячом, — отметил Расти. — Но его мог использовать кто угодно. Черт, даже сын Ренни.

— И я бы этому не удивилась, — отметила Стейси. — Младший в последнее время такой странный. Его вышибли из Боудина за драку. Я не знаю, известно ли об этом его отцу, но полицию вызывали в спортивный зал, где она произошла, и нам прислали рапорт. И две девушки... если это половые преступления...

— Именно, — кивнул Расти. — Все так отвратительно. Вам лучше не знать подробности.

— Но над Брендой сексуального насилия нет, — подчеркнула Джекки. — Что для меня означает, что убийства Коггинса и Бренды — это одно, а двух девушек — совсем другое.

— Может, Младший убил девушек, а его отец — Бренду и Коггинса. — Расти замолчал, ожидая общего смеха. Но никто не засмеялся. — Если так, почему?

Все дружно покачали головами.

— Должен быть мотив, — продолжил Расти, — но я сомневаюсь, что это секс.

— Ты думаешь, Большому Джиму есть что скрывать. —

Вопросительные нотки в голосе Джекки отсутствовали.

— Да, думаю. И я подозреваю, что есть человек, который знает, что именно. Он заперт в подвале полицейского участка.

— Барбара? — спросила Джекки. — Почему ты так решил?

— Потому что он говорил с Брендой. Довольно долго, во дворе ее дома, на следующий день после того, как возник Купол.

— Откуда ты можешь это знать? — удивилась Стейси.

— Буффалино живут рядом с Перкинсами, и окно спальни Джинны Буффалино смотрит на двор Перкинсов. Она их видела и сказала мне об этом. — Расти заметил, что Линда вопросительно посмотрела на него, и пожал плечами: — А почему бы нет? Наш город мал. И за команду за одну мы все болеем.

— Я надеюсь, ты велел ей держать рот на замке? — спросила Линда.

— Нет, потому что у меня не было причин подозревать Большого Джима в убийстве Бренды, когда она мне это говорила. Или в том, что он разбил голову Лестера Коггинса сувенирным бейсбольным мячом. Я даже не знал, что они мертвы.

— Мы по-прежнему не знаем, что известно Барбаре, — покачала головой Стейси. — Кроме того, что он знает, как приготовить потрясающий омлет с грибами и сыром.

— Кому-то придется его спросить. — Джекки оглядела сидящих за столом. — Я выбираю меня.

— Даже если ему что-то известно, какая нам от этого польза? — спросила Линда. — У нас уже почти диктатура. Я только сейчас это осознала, а не раньше, наверное, потому, что туго соображаю.

— Ты скорее доверчивая, а не тугодумка, — возразила Джекки, — и в принципе доверять людям — это правильно. Что же касается полковника Барбары, мы не знаем, какую пользу он может нам принести, пока мы его не спросим. — Она помолчала. — Но не это главное, вы понимаете. Он невиновен. Вот что главное.

— А если его убьют? — резко спросил Расти. — Застрелят при попытке побега?

— Я практически уверена, что этого не произойдет, — ответила ему Джекки. — Большому Джиму нужен показательный суд. Об этом говорят в участке. — Стейси кивнула. — Он и его приспешники хотят заставить людей поверить, что Барбара — паук, который сплел обширную паутину заговора. Потом эти люди его казнят. Но даже если они будут двигаться с максимальной скоростью, на это уйдет несколько дней. Недели, если нам повезет.

— До такой степени нам не повезет, — не согласилась Линда. — Ренни наверняка хочет быстро довести дело до конца.

— Может, ты права, но он назначал на четверг экстренное городское собрание. И конечно, захочет допросить Барбару. Если Расти знает, что Барби общался с Брендой, тогда об этом знает и Ренни.

— Разумеется, знает. — В голосе Стейси слышалось нетерпение. — Бренда была с Барбарой, когда тот показал Джиму письмо президента.

С минуту все обдумывали услышанное.

— Если Ренни что-то скрывает, — прервала паузу Линда, — ему потребуется время, чтобы избавиться от компромата.

Джекки рассмеялась. В напряженной атмосфере маленькой комнаты от этого смеха все нервно передернулись.

— Попутного ему ветра. Что бы там ни было, он не сможет погрузить компрометирующие его улики в кузов грузовика и вывезти из города.

— Это как-то связано с пропаном? — спросила Линда.

— Возможно, — кивнул Расти. — Джекки, ты служила в армии, так?

— Да, два срока. Военная полиция. В боевых действиях не участвовала, зато видела много раненых, особенно во второй срок. В немецком Вюрцбурге. Там дислоцировалась Первая пехотная дивизия. Вы знаете, Большая красная единица.^[141] В основном останавливала драки в барах и стояла на посту у госпиталя. Я знала таких парней, как Барби, и я многое бы отдала, чтобы он вышел из подвала и оказался на нашей стороне. Есть причина, по которой президент назначил его старшим. Или пытался назначить. — Она помолчала. — Его нужно оттуда вытащить. Об этом стоит подумать.

Две другие женщины — сотрудники полиции, но также и матери — на это ничего не сказали, но Линда продолжила грызть ногти, а Стейси — дергать себя за волосы.

— Я понимаю, — вздохнула Джекки.

Линда покачала головой.

— Если у тебя не спят наверху дети, которых утром только ты можешь накормить завтраком, ты не понимаешь.

— Может, и нет, но спросите себя: если мы отрезаны от всего мира, а мы отрезаны, и, если человек, который всем верховодит — безумный убийца, а возможно, так оно и есть, станет ли лучше, если мы будем просто сидеть и ничего не предпринимать?

— Если мы освободим Барби, что нам с ним делать? — спросил Расти. — Программа защиты свидетелей здесь не работает.

— Не знаю. — Джекки вновь вздохнула. — Мне известно только одно:

президент приказал ему взять в городе власть, а Большой Джим, гребаный Ренни, сфальсифицировал против него обвинения в убийстве, чтобы он взять эту власть не смог.

— Прямо сейчас ты ничего делать не будешь. — Расти посмотрел на Джекки. — Даже не предпримешь попытки поговорить с ним. Потому что есть еще один важный момент, который может все изменить.

Он рассказал о счетчике Гейгера: как он к нему попал, кому он его передал и что с его помощью нашел Джо Макклэтчи.

— Ну, не знаю. — В голосе Стейси слышалось сомнение. — Так хорошо, что верится с трудом. Этот Макклэтчи... сколько ему? Четырнадцать?

— Думаю, тринадцать. Но паренек очень смывленный, и, если он говорит, что удалось засечь источник радиации на Блэк-Ридж-роуд, я ему верю. Если действительно найдена та штуковина, что создает Купол, и мы сможем ее отключить...

— Тогда все закончится! — воскликнула Линда. Ее глаза сверкали. — И Джим Ренни сдуется... как пробитый воздушный шар у «Мейси» в День благодарения.

— Было бы здорово, — усмехнулась Джекки Уэттингтон. — Если б показывали по телику, я бы даже поверила.

— Фил! — позвал Энди. — Фил!

Он возвысил голос, чтобы его услышали. Бонни Нанделла и «Ридемпшн» во всю мощь динамиков пели «Моя душа — свидетель». Весь этот грохот немного дезориентировал. Даже яркий свет в радиостудии ХНВ дезориентировал. Только оказавшись под этими флуоресцентными лампами, Энди осознал, каким темным стал Милл. И как он привык к приглушенному свету.

— Шеф?!

Ответа не последовало. Энди посмотрел на экран телевизора (канал Си-эн-эн, без звука), потом через большое окно — в саму студию. Свет там тоже горел, оборудование работало (у него мурашки побежали по коже, хотя Лестер Коггинс, раздуваясь от гордости, объяснил ему, что всем управляет компьютер), но никакого Фила.

Внезапно он ощутил запах пота, затхлый и кислый. Обернулся — перед ним стоял Фил, словно выскочил из-под пола. В одной руке держал что-то похожее на пульт дистанционного управления гаражными воротами, в другой — пистолет. Дуло пистолета смотрело в грудь Энди. Костяшки пальца, лежащего на спусковом крючке, побелели, мушка пистолета чуть подрагивала.

— Привет, Фил. То есть Шеф.

— Что ты здесь делаешь? — Ядреный запах пота Шефа валил с ног. Джинсы и футболка с надписью «ХНВ» на груди от грязи изменили цвет. К ногам (он был босиком, потому-то, вероятно, Энди и не услышал его шагов) прилипла земля. Голову он, наверное, мыл в последний раз год назад. Может, и не мыл. Но больше всего пугали глаза, налитые кровью, безумные. — Говори быстро, старина, или ты больше никому ничего не скажешь.

Энди, который совсем недавно в самый последний момент обманул смерть, вылив в унитаз розовую воду, встретил угрозу Шефа хладнокровно, можно сказать, даже с улыбкой.

— Поступай, как считаешь нужным, Фил. То есть Шеф.

Шеф удивленно вскинул брови:

— Правда?

— Абсолютно.

— Почему ты пришел?

— Я принес дурную весть. Извини.

Шеф обдумал его ответ, улыбнулся, обнажив считанные оставшиеся зубы:

— Дурных вестей нет. Христос возвращается, и это хорошая весть, в которой растворяются все дурные. Это очень хорошая весть. Ты согласен?

— Да, и я говорю аллилуйя. К сожалению — или к счастью, наверное, ты скажешь, к счастью, — твоя жена уже с Ним.

— Что?

Энди протянул руку и толкнул мушку к полу. Шеф не пытался его остановить.

— Саманта мертва, Шеф. Должен сообщить тебе, что этим вечером она покончила с собой.

— Сэмми? Мертва? — Шеф бросил пистолет в лоток для исходящих документов на ближайшем столе. Опустил и руку с пультом; последние два дня не выпускал его даже во время становящихся все более редкими периодов сна.

— Я сожалею, Фил. Шеф.

Энди пересказал обстоятельства смерти Сэмми, как он их понимал, закончив более радостной новостью: с ребенком все хорошо (даже в отчаянии Энди Сандерс помнил, когда и что надо говорить).

Шеф отмахнулся от благополучия Литл Уолтера пультом.

— Она уложила двух свиней?

Энди напрягся.

— Патрульных, Фил. Хороших людей. Она сошла с ума, я в этом уверен, раз совершила такой плохой поступок. Ты должен взять эти слова назад.

— Какие слова?

— Я бы не хотел, чтобы ты называл наших полицейских свиньями.

Шеф задумался.

— Д-да, ладно. Беру их назад.

— Спасибо тебе.

Шеф наклонился (рост у него бы немалый, но теперь казалось, что наклонился скелет) и всмотрелся в лицо Энди:

— Храбрый маленький ублюдок, да?

— Нет, — честно ответил Энди. — Просто мне все равно.

И Шеф вроде бы уловил, что Энди и сам в печали. Схватил его за плечо:

— Брат, ты в порядке?

Энди разрыдался и плюхнулся на офисный стул под плакатом с

надписью: «ХРИСТОС СМОТРИТ КАЖДЫЙ КАНАЛ, ХРИСТОС СЛУШАЕТ НА ВСЕХ ВОЛНАХ». Привалился затылком к стене под этим странным, зловещим слоганом и плакал, как ребенок, которого наказали за кражу джема. Причиной стало слово *брат*, это совершенно неожиданное слово.

Шеф выдвинул стул из-за стола управляющего радиостанцией и смотрел на Энди, как натуралист, наблюдающий за каким-то редким животным в его естественной среде обитания. Через какое-то время спросил:

— Сандерс, ты пришел сюда, чтобы я тебя убил?

— Нет, — ответил Сандерс сквозь рыдания. — Возможно. Да. Не могу сказать. Но все в моей жизни пошло не так. Мои жена и дочь погибли. Думаю, Бог наказывает меня за продажу этого дерьма...

Шеф кивнул:

— Такое возможно.

— ...и я ищу ответы. Или смерть. Или что-то. Разумеется, я также хотел сказать тебе о твоей жене, это важно, поступать правильно...

Шеф похлопал его по плечу:

— Ты так и поступил, брат. Я это ценю. На кухне проку от нее не было, за чистотой в доме она не следила, но иногда, обкурившись, трахалась фантастически. А чего она так рассердилась на этих парней в синем?

Даже горя, Энди не собирался говорить об обвинении в изнасиловании.

— Думаю, она сильно расстроилась из-за Купола. Ты знаешь о Куполе, Фил? Шеф?

Тот махнул рукой, вероятно, отвечая положительно.

— Насчет мета ты говоришь правильно. Продавать — это плохо. Служение дьяволу. А производить — нет, это Божья воля.

Энди опустил руки и уставился на Шефа опухшими глазами:

— Ты так думаешь? Потому что я не уверен, что это правильно.

— Ты когда-нибудь пробовал?

— Нет! — воскликнул Энди, будто Шеф спросил его, наслаждался ли он соитием с кокер-спаниелем.

— Ты принимаешь лекарство, которое прописывает тебе врач?

— Ну... да, конечно... но...

— Мет — это лекарство. — Шеф очень серьезно смотрел на него, потом для убедительности постучал пальцем по груди Энди. Все ногти Шеф обглодал. — *Мет — это лекарство.* Повтори.

— Мет — это лекарство. — В голосе Энди слышалось согласие.

— Совершенно верно. — Шеф встал. — Мет — лекарство от меланхолии. Это из Рэя Брэдбери. ^[142] Ты когда-нибудь читал Рэя Брэдбери?

— Нет.

— Брэдбери — это голова. Он *знал*. Написал эту злогребучую книгу.

^[143] Скажи «аллилуйя». Пошли со мной. Я изменю твою жизнь.

Первому члену управления Честерс-Милла мет приглянулся, как комары — лягушке.

За выстроившимися в ряд горелками стоял старый скрипучий диван, и на нем устроились Энди и Шеф Буши под картиной Христа на мотоцикле (называлась картина «Твой невидимый попутчик»), передавая друг другу трубку. Горящий мет пахнул, как трехдневная моча, оставленная в закрытом горшке, но после первой осторожной затяжки Энди почувствовал правоту Шефа: продавая мет, ты работаешь на Сатану, однако сам продукт угоден Богу. Мир вдруг стал четким и ярким, каким Энди никогда раньше его не видел. Сердцебиение участилось, кровеносные сосуды на шее вздулись, в деснах ощущалось покалывание, яйца зашевелились, совсем как в юности. Но самое главное, исчезла усталость, тяжелой ношей лежавшая на плечах и путающая мысли. Он чувствовал, что может на тачке перевезти горы.

— В райском саду есть Дерево. — Шеф передал ему трубку. С обоих концов вился зеленый дымок. — Дерево Добра и Зла. Сечешь?

— Да. Это из Библии.

— Зуб даю. И на этом Дереве росло Яблоко.

— Точно, точно. — Энди сделал маленькую затяжку, как что-то пригубил. Хотел больше — хотел всё, — но боялся, что после глубокой затяжки голова оторвется от шеи и начнет летать по лаборатории, как ракета, на выхлопной струе из крови и мозгов.

— Мякоть этого Яблока — Истина, а кожа этого Яблока — Мет. — Шеф довел до конца свою мысль.

Энди посмотрел на него.

— Это потрясающе.

Шеф кивнул:

— Да, Сандерс. Так и есть. — Взял трубку. — Это хорошее дерьмо, или как?

— Потрясное дерьмо.

— Христос возвращается на Хэллоуин, — сообщил Шеф. — Может, несколькими днями раньше. Не могу сказать. Сезон Хэллоуина уже начался, знаешь ли. Сезон злогребучей ведьмы. — Он протянул Энди трубку, указал рукой, которая сжимала пульт: — Видишь это? В конце галереи? Над дверью со стороны склада?

Энди посмотрел:

— Что? Тот белый ком? Выглядит как глина.

— Это не глина. Это Тело Христа, Сандерс.

— Что за провода из него выходят?

— Сосуды с бегущей по ним Кровью Христа.

Энди обдумал эту концепцию и нашел ее блестящей.

— Хорошо. — Подумал еще. — Я люблю тебя, Фил. Шеф, я хочу сказать. Я рад, что пришел сюда.

— Я тоже. Послушай, не хочешь прокатиться? Где-то у меня есть машина, кажется, но у меня немного трясутся руки.

— Конечно. — Энди встал. Мир в первые мгновения закачался, потом вновь обрел устойчивость. — Куда хочешь поехать?

Шеф ему сказал.

Джинни Томлинсон спала за столом регистратора, положив голову на обложку журнала «Пипл» — Брэд Питт и Анджелина Джоли бегали в прибое на каком-то маленьком, сексуально возбуждающем острове, где официанты приносят напитки с маленьким бумажным зонтиком над стаканом. Когда что-то разбудило ее, уже в среду, без четверти два утра, она, открыв глаза, увидела перед собой странную личность: высокого, худющего мужчину с завалившимися глазами и торчащими во все стороны волосами, одетого в футболку с надписью «ХНВ» и джинсы, которые едва не сваливались с его тощих бедер. Поначалу она подумала, что ей снится кошмар о ходячих мертвяках, но потом уловила идущий от личности запах. Ни в одном сне такого мерзкого запаха быть просто не могло.

— Я — Фил Буши, — представилась личность. — Я пришел за телом моей жены. Собираюсь ее похоронить. Покажи мне, где она.

Джинни спорить не стала. Она отдала бы ему все тела только для того, чтобы избавиться от них. Провела его мимо Джинны Буффалино, которая стояла рядом с каталкой, подозрительно оглядывая Шефа. Когда тот повернулся к ней, она сжалась и подалась назад.

— Есть у тебя костюм на Хэллоуин, детка? — осведомился Шеф.

— Да...

— И кем будешь?

— Глиндой, [\[144\]](#) — прошептала девушка. — Хотя, наверное, на вечеринку я не пойду. Она будет в Моттоне.

— Я оденусь Иисусом. — Шеф последовал за Джинни, грязный призрак в старых кедах. Потом обернулся, улыбаясь, с пустыми глазами: — И буду зол.

Шеф Буши вышел из больницы десятью минутами позже, неся на руках завернутое в простыню тело Сэмми. Одна босая нога, с облупившимся розовым лаком на ногтях, выскользнула из простыни и покачивалась. Джинни подержала ему дверь. Не посмотрела, кто сидел за рулем автомобиля, который стоял с работающим на холостых оборотах двигателем на разворотном круге перед больницей, что только порадовало Энди. Он подождал, пока Джинни закроет дверь, после чего вылез и открыл задние дверцы для Шефа, который очень уж легко управлялся со своей ношей, если учесть, что выглядел обтянутым кожей скелетом. *Возможно, подумал Энди, мет еще и придает сил.* А его силы явно шли на убыль. Депрессия возвращалась. Усталость — тоже.

— Готово, — подвел итог Шеф. — Поехали. Но сначала отдай мне это.

Ранее он передал Энди пульт на ответственное хранение. Энди вернул пульт.

— В похоронное бюро? — спросил он.

Шеф посмотрел на него, как на безумца.

— Обратно на радиостанцию. Именно туда придет Христос, когда вернется.

— На Хэллоуин.

— Совершенно верно. Или, возможно, раньше. А пока ты поможешь мне похоронить это дитя Божье?

— Разумеется, — ответил Энди. Потом добавил: — А можем мы сначала немного покурить?

Шеф рассмеялся и хлопнул Энди по плечу:

— Тебе понравилось, так? Я знал, что понравится.

— Лекарство от меланхолии, — напомнил Энди.

— Именно, брат. Именно.

Барби сидел на койке, дожидаясь рассвета и всего, что могло последовать. Во время службы в Ираке он научил себя не волноваться о том, что последует, и, хотя не достиг в этом совершенства, обладал определенным навыком. В конце концов, существовали только два правила жизни со страхом (он пришел к выводу, что победа над страхом — миф), и он повторял их себе, лежа в ожидании: *Я должен принимать как данность то, что не могу контролировать. Я должен обращать мои беды в преимущества.*

Второе правило означало, что он должен тщательно собирать все ресурсы и планировать их возможное использование.

Один такой ресурс Барби засунул в матрас: швейцарский армейский нож. Маленький, всего лишь с двумя лезвиями, но даже короткого хватало, чтобы перерезать человеку горло. Ему невероятно повезло в том, что нож остался при нем, и он это знал.

Внутренние порядки, установленные Говардом Перкинсом, затрещали по швам после его смерти и назначения Питера Рэндолфа. Потрясения, обрушившиеся на город в последние четыре дня, выбили бы из колеи любой полицейский участок, полагал Барби, но этим дело не ограничивалось. Как выяснилось, Рэндолфа отличала не только глупость, но еще и безалаберность, а в любой бюрократической структуре подчиненные всегда берут пример с руководителя.

Барби откатали пальчики, сфотографировали, но прошло пять часов, прежде чем Генри Моррисон, с написанными на лице усталостью и отвращением, спустился вниз и остановился в шести футах от камеры Барби, далеко за пределом досягаемости.

— Что-то забыл, так? — спросил Барби.

— Выверни карманы и брось все в коридор, — приказал Генри. — Затем сними штаны и просунь между прутьями решетки.

— Если я это сделаю, дадут мне что-нибудь попить, чтобы не пришлось черпать воду из толчка?

— О чем ты говоришь? Младший принес тебе воды. Я сам видел.

— Он насыпал в нее соли.

— Абсолютно правильно. — Но не выглядел Генри очень уж уверенно. Возможно, какая-то часть его мозга сохраняла способность думать. — Делай, что я говорю, Барби. То есть Барбара.

Он вытащил из карманов все: бумажник, ключи, монеты, несколько сложенных купюр, медальон святого Христофора, который носил с собой как амулет удачи.

— Если хочешь, можешь звать меня Барби и надевая мне на шею веревку, чтобы повесить. Такие у Ренни мысли? Казнь через повешение? Или все-таки расстрельная команда?

— Заткнись и просунь между прутьями штаны. Рубашку тоже. — Говорил он, как типичный тупой служака из маленького городка, но Барби подумал, что выглядит Моррисон все более неуверенно. Хорошо. Какое-то, но начало.

Двое новых копов-подростков спустились в подвал. Один с баллончиком «Мейса», второй с электрошокером «Тазер».

— Нужна помощь, патрульный Моррисон? — спросил один.

— Нет, но вы можете постоять у лестницы и наблюдать за ним, пока я не закончу.

— Я никого не убивал, — говорил Барби спокойно, но с максимальной искренностью, на которую был способен. — И я думаю, ты это знаешь.

— Я знаю, что тебе лучше заткнуться, если не хочешь получить тазерную клизму.

Генри ощупал одежду, но не попросил Барби раздеться догола и раздвинуть ягодицы. Столь поздний обыск результата дать не мог, но Барби записал в актив Моррисона несколько очков, потому что тот все-таки вспомнил о необходимости обыска, тогда как остальные — нет.

Закончив, Генри ногой отбросил джинсы, с пустыми и вывернутыми карманами, к решетке.

— Могу я получить медальон?

— Нет.

— Генри, подумай об этом. С чего мне...

— Заткнись.

Моррисон прошел между парнишками-копами к лестнице, неся в руках личные вещи Барби. Юные копы последовали за ним, но один задержался, чтобы усмехнуться, глядя на Барби, и провести пальцем по горлу.

С того момента он оставался один, лежал на койке и смотрел на маленькое узкое окошко из матового армированного стекла, ждал рассвета и гадал, действительно ли они собираются подвергнуть его водяной пытке или Сирлс только его пугал. Если эти парни все-таки попытаются и окажутся такими же умелыми, как и при аресте, они его попросту утопят.

Еще он задавался вопросом: зайдет ли кто к нему до рассвета? Кто-то с

ключом. Кто-то мог подойти слишком близко к решетке. Нож оставался при нем, так что вероятность побега не равнялась нулю. Может, ему следовало попытать счастья с Младшим, когда тот просунул между прутьями стакан с водой... да только Младшему не терпелось пустить в ход оружие. Конечно, особых надежд на успех Барби не питал и чувствовал, что еще не готов на отчаянный поступок. Тогда чувствовал, что не готов.

А кроме того, куда мне идти?

Даже если бы он сбежал и его не сумели поймать, он мог подставить своих друзей под удар. После допроса с пристрастием такими копами, как Мелвин и Младший, те считали бы Купол самой меньшей из своих проблем. Большой Джим сейчас был на коне, а подобные ему, дай им волю, гонят во весь опор. Иногда — пока лошадь не падает замертво.

Он забылся некрепким тревожным сном. Снилось ему блондинка, сидевшая за рулем старого фордовского пикапа. Снилось ему, как она останавливает автомобиль и они вместе уезжают из Честерс-Милла до появления Купола. Она расстегивала блузку, чтобы показать лавандовые чашечки бюстгальтера, когда голос произнес:

— Эй, хрен моржовый! Просыпайся.

Джекки Уэттингтон осталась на ночь в доме Эвереттов и, хотя дети спали тихо, а кровать в спальне для гостей была удобной, лежала без сна. К четырем утра она решила, что надо сделать. Понимала, на какой идет риск, но понимала и другое: не будет ей покоя, пока Барби сидит в подвале полицейского участка. Если она могла выступить вперед и организовать хоть какое-то сопротивление — или хотя бы серьезное расследование убийств, — то Джекки уже двинулась бы по этому пути. Но она слишком хорошо себя знала, чтобы даже не лелеять такую мечту. Джекки достойно проявила себя на Гуаме и в Германии — вытаскивая пьяных из бара, отыскивая ушедших в самоволку, наводя порядок на месте автомобильных аварий, чем по большей части и приходилось заниматься, — но человек, получавший жалованье мастер-сержанта, определенно не мог справиться с тем, что творилось в Честерс-Милле. Не могла справиться с этим и единственная в участке женщина-коп, работавшая на полную ставку, та самая, кого за спиной мужчины этого городка называли патрульная Буфера. Они думали, что Джекки не в курсе, но нет, она знала. Однако сейчас этот сексизм волновал ее в наименьшей степени. Требовалось покончить с тем произволом, что творился в городе, и президент выбрал Дейла Барбару, чтобы он с этим покончил. Но двигало Джекки даже не желание порадовать верховного главнокомандующего. Главную роль играло первое на войне правило: ты не оставляешь в беде своих друзей. Священное правило.

Так что для начала следовало дать понять Барби, что он не один. А уж потом, исходя из этого, он мог планировать свои действия.

Когда Линда, еще в халатике, спустилась вниз в пять утра, первый свет только забрезжил за окнами, открывая взгляду застывшие кусты и деревья. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

— Мне нужен пластиковый контейнер, — обратилась к ней Джекки. — Чашеобразный. Небольшой и непрозрачный. Есть у тебя что-нибудь такое?

— Конечно, но зачем?

— Потому что мы отнесем завтрак Дейлу Барбаре. Хлопья. А на дно положим записку.

— Что ты такое говоришь, Джекки? Я не могу этого сделать. У меня дети.

— Знаю. Но я не могу сделать это без тебя, потому что мне не позволят спуститься вниз одной. Может, будь я мужчиной, позволили бы,

но не с этими причиндалами. — Она указала на свою грудь. — Ты мне нужна.

— Какую записку?

— Я собираюсь вытащить его оттуда завтра вечером. — Говорила Джекки спокойно, хотя спокойствия не чувствовала. — Во время общегородского собрания. Для этого ты мне не нужна...

— В таком ты меня участвовать не уговоришь! — Линда запахнула халатик.

— Не шуми. Я думаю о Ромео Берпи... если мне удастся убедить его, что Барби не убивал Брендю. Мы натянем на лица лыжные шапочки с разрезами для глаз, так что нас не опознают. Никто и не удивится; все в этом городе и так думают, что у Барби есть сообщники.

— Ты рехнулась!

— Нет. Во время собрания в полицейском участке останутся несколько человек, трое, четверо. Может, и двое. Я в этом уверена.

— А я нет!

— Но до завтрашнего вечера еще очень далеко. И до этого времени ему придется водить их за нос. А теперь давай контейнер.

— Джекки, я не могу этого сделать.

— Нет, можешь! — Расти стоял в дверях и выглядел огромным в семейных трусах и футболке с надписью «НОВОАНГЛИЙСКИЕ ПАТРИОТЫ». — Пора идти на риск, есть дети или нет. Мы предоставлены сами себе, и Ренни надо остановить.

Линда какие-то мгновения смотрела на него, кусая нижнюю губу. Потом наклонилась к одному из шкафчиков под столешницей.

— Контейнеры у меня здесь.

Когда они вошли в полицейский участок, стол дежурного пустовал — Фредди Дентон ушел домой, чтобы немного поспать, — но с полдюжины юнцов толклись в дежурной части, пили кофе и болтали. Многие ловили кайф от того, что по-прежнему бодрствовали ранним утром, хотя обычно в это время еще не просыпались. Среди них Джекки увидела двоих из многочисленных братьев Кильян, маленькую байкершу Лорен Конри, постоянно оттирающуюся в «Дипперсе», и Картера Тибодо. Имена других она назвать не могла, но узнала двух хронических прогульщиков из старшей школы, которые неоднократно попадали в участок за мелкие правонарушения. Эти новые «патрульные» — самые новые — даже не носили форму. Принадлежность к полиции подтверждала только нарукавная повязка из синей ткани.

Зато все как один были при оружии.

— Чего это вы двое так рано? — спросил Тибодо, подходя к ним. — У меня есть причина — закончились обезболивающие таблетки.

Остальные заржали, как тролли.

— Принесла завтрак для Барбары. — Джекки боялась взглянуть на лицо Линды. Боялась того, что могла на нем увидеть.

Тибодо заглянул в контейнер:

— Без молока?

— Молоко ему не понадобится. — Джекки плюнула на хлопья. — Я сама их смочу.

Вновь радостный гогот. Некоторые захлопали.

Джекки и Линда добрались до лестницы, когда их остановил голос Тибодо:

— Дайте-ка сюда.

На мгновение Джекки обмерла. Мысленным взглядом увидела, как бросает контейнер в Тибодо, а потом срывается с места. Остановило ее только одно: некуда им было бежать. Даже если бы они вырвались из полицейского участка, их бы догнали у Военного мемориала.

Линда взяла контейнер из рук Джекки и протянула Тибодо. Тот заглянул в него, но, вместо того чтобы порыться в хлопьях, поискать что-то запрещенное, тоже плюнул:

— Мой взнос.

— Минуточку, минуточку, — проверещала Конри, рыжеволосая, с

фигурой модели и с россыпью угрей по щекам. Она чуть гнусавила, потому что говорила, засунув палец в ноздрю. — Мне тоже есть что ему передать. — Палец появился со здоровенным козлом. Мисс Конри отправила его на хлопья.

Вновь раздались аплодисменты, кто-то крикнул:

— Лори добыла зеленого золота!

— В каждой коробке хлопьев должен быть сюрприз. — Лори рассеянно улыбнулась и положила руку на рукоятку пистолета сорок пятого калибра, который висел у нее на ремне. Джекки подумала, что при комарином весе Лори отдача сшибет ее с ног, если той придется стрелять.

— Отлично, — кивнул Тибодо. — Я составлю вам компанию.

— Хорошо, — ответила Джекки, а внутри у нее все похолодело: в последний момент она едва не положила записку в карман, чтобы самой передать ее Барби. Вновь подумала, что они идут на безумный риск... но теперь уже нельзя давать задний ход. — Только останься у лестницы. И ты, Линда, держись позади. Лучше не рисковать.

Она боялась, что Тибодо возразит, но этого не произошло.

Барби сидел. По другую сторону решетки стояла Джекки Уэттингтон с белым пластмассовым контейнером в руке. За ее спиной — Линда Эверетт с пистолетом, который держала двумя руками, правда, направив дулом в пол. Картер Тибодо расположился у самой лестницы, с взлохмаченными после сна волосами и в расстегнутой синей форменной рубашке, так что Барби видел часть повязки, наложенной на место собачьего укуса.

— Привет, патрульная Уэттингтон! — Слабый утренний свет прокрадывался в узкое окно. При таком свете жизнь обычно казалась самой удачной шуткой из всех возможных. — Я ни в чем не виновен. Хотя обвинениями это назвать нельзя, потому что меня...

— Заткнись! — оборвала его Линда. — Нам неинтересно.

— Говори, говори, блондинчик. А ты иди, девушка. — Картер зевнул и почесал кожу у повязки.

— Сиди, где сидишь, — предупредила Джекки. — Не шевели и пальцем.

Барби замер. Джекки просунула контейнер между прутьями. Маленький, он аккуратно прошел между ними.

Барби наклонился вперед и взял контейнер. Вроде бы его наполняли хлопья «Спешл К». На них блестела слюна. И лежало кое-что еще: большущий козел, влажный и со следами крови. Но желудок все равно урчал. Очень хотелось есть.

Но при этом Барби почувствовал, как защемило сердце. Он-то думал, что Джекки Уэттингтон (Барби с первого взгляда распознал, что та служила в армии, и по прическе, и по манере держаться) — не такая. Отвращение Генри Моррисона он стерпеть мог. А тут сильно огорчился. И вторая женщина-коп — жена Расти Эверетта — смотрела на него, как на редкую разновидность ядовитого насекомого. Он-то надеялся, что хоть кто-то из копов-старослужащих...

— Ешь! — крикнул Тибодо, стоявший у лестницы. — Мы приготовили тебе отличный завтрак. Не так ли, девочки?

— Да, — кивнула Линда. Уголки ее рта опустились.

Это не тик. На душе у Барби полегчало. Линда, похоже, только имитировала враждебность. Может, он надеялся на слишком многое, но...

Она чуть двинулась, так чтобы Тибодо не видел Джекки, хотя необходимости в этом не было: Картер пытался что-то вытащить из-под

края повязки.

Джекки оглянулась, убедилась, что Тибодо ее не видит, и указала на контейнер. Подняла руки, вскинула брови: *Извини, мол.* Потом нацелила два пальца на Барби. *Будь внимательнее.*

Он кивнул.

— Наслаждайся завтраком, хрен моржовый. В обед принесем тебе что-нибудь получше. Думаю, писсбургер.

Тибодо, продолжая возиться с повязкой, заржал.

— Если к тому времени у тебя останутся зубы, чтобы съесть его, — добавила Линда.

Барби решил, что ей бы лучше промолчать. В голосе не слышалось ни садизма, ни злости. Только страх. Этой женщине хотелось быть где угодно, но только не здесь. Тибодо, впрочем, ничего не заметил. Его занимало собственное плечо.

— Пошли. — Джекки отвернулась. — Не хочу смотреть, как он ест.

— Смочено достаточно? — спросил Тибодо. Женщины уже шли к нему, Линда убирала оружие в кобуру. — Потому что, если нет, я могу... — Он отхаркнулся.

— Достаточно, — ответил Барби.

— Ну и хорошо. До скорого.

Они поднялись по ступеням. Тибодо — последним, и не преминул шлепнуть Джекки по задку. Та засмеялась, игриво ударила его по руке. Получалось у нее хорошо, гораздо лучше, чем у Эверетт. Но обе проявили мужество. Мужество, заслуживающее уважения.

Барби достал козла и бросил в угол, куда ранее отлил. Вытер руки о рубашку. Потом порылся в хлопьях. На дне нащупал полоску бумаги.

«Постарайся дотянуть до завтрашнего вечера. Если мы сможем тебя вытащить, подумай о безопасном месте. Ты знаешь, что с этим надо сделать».

Барби знал.

Через час после того, как Барби съел сначала записку, а потом хлопья, на лестнице послышались тяжелые шаги. Прибыл Большой Джим Ренни, уже в костюме и при галстукe, готовый к очередному дню правления под Куполом. За ним следовали Картер Тибодо и еще один полицейский, судя по форме головы, кто-то из Кильянов. Тот нес стул, и даже это получалось у него плохо. Очень уж он тянул на дебила.

Внизу Кильян передал стул Тибодо, который поставил его перед камерой в конце коридора. Ренни сел, подтянув штанины, чтобы не помялись стрелки.

— Доброе утро, мистер Барбара! — В формальном приветствии чувствовалась удовлетворенность.

Барби отреагировал вопросом:

— Член городского управления Ренни, что я могу сделать для вас, кроме как назвать имя, звание и армейский идентификационный номер... который я скорее всего не помню?

— Признайся. Избавь нас от хлопот и успокой собственную душу.

— Мистер Сирлс вчера вечером упомянул водяную пытку. Спросил, видел ли я ее в Ираке.

Рот Ренни искривился в легкой улыбке, вполне заменившей: *Скажи мне что-нибудь еще: говорящие животные такие интересные.*

— Если на то пошло, я видел. Понятия не имею, как часто она использовалась там — цифры разнятся, — но я видел ее дважды. Один мужчина признался, хотя его признание оказалось бесполезным. Человек, которого он назвал, не изготавливал бомбы для «Аль-Каиды». Он оказался школьным учителем, который четырнадцатью месяцами раньше уехал из Ирака в Кувейт. Для второго все закончилось конвульсиями и необратимыми повреждениями мозга, так что никаких признаний. Но ему было в чем признаваться, и я уверен, он бы признался. Признаются все, кого подвергают водяной пытке, обычно в течение нескольких минут. И у меня нет сомнений, что я тоже признаюсь.

— Так избавь себя от лишних мучений, — предложил Большой Джим.

— Вы выглядите усталым, сэр. Нездоровится?

Легкая улыбка ушла, Большой Джим нахмурился. Между сошедшимися бровями появилась глубокая морщина.

— Состояние моего здоровья тебя не касается. Мой тебе совет, мистер

Барбара: не задевай меня, и я не буду задевать тебя. Почему бы тебе не озаботиться собственным здоровьем? Сейчас оно, возможно, отменное, но все может измениться. За несколько минут. Видишь ли, я действительно думал о водяной пытке. Более того, серьезно рассматривал ее применение. Так что признавайся в убийствах. Зачем тебе вся эта боль?

— Мне признаваться не в чем. А если вы подвергнете меня водяной пытке, я заговорю много о чем. Возможно, вам следует иметь это в виду, когда будете решать, кто окажется рядом и услышит меня.

Ренни задумался. И хотя держался он бодро, особенно для такого раннего часа, землистый цвет лица и лиловый цвет кожи вокруг глаз указывали, что со здоровьем у него нелады. Если бы Большой Джим прямо сейчас умер, Барби видел два варианта развития событий. В первом политическая буря в Милле утихала, обойдясь без новых торнадо. Во втором начиналась кровавая бойня: его, Барби, скорее всего линчуют — не расстреляют, а потом возьмутся за его предполагаемых сообщников. Джулия возглавит список. Роуз займет в нем вторую строку. Перепуганные люди уверены в вине всех, кто общался с главным злодеем.

Ренни повернулся к Тибодо:

— Отойди, Картер. К самой лестнице, пожалуйста.

— Но если он попытается схватить вас...

— Тогда ты его убьешь. И он это знает. Так, мистер Барбара?

Барби кивнул.

— А кроме того, ближе я подходить не собираюсь. Поэтому и прошу тебя отойти. У нас тут личный разговор.

Тибодо отошел.

— А теперь, мистер Барбара... о чем ты можешь заговорить?

— Я все знаю о лаборатории по производству мета. — Барби понизил голос: — Чиф Перкинс знал и собирался вас арестовать. Бренда нашла соответствующий файл в его компьютере. Поэтому вы и убили ее.

Ренни улыбнулся:

— Это все претенциозные фантазии.

— Генеральный прокурор штата так не подумает, учитывая ваш мотив. Мы говорим не об изготовлении крох для собственных нужд в каком-то доме на колесах. Мы говорим о производстве в промышленных масштабах.

— К концу дня компьютер Перкинса будет уничтожен, — отчеканил Ренни. — И ее компьютер тоже. Полагаю, копия неких документов может лежать в сейфе дома Перкинсов. Ничего не значащих, разумеется. Лживый, политически мотивированный поклеп, сочиненный человеком, который ненавидел меня. Что ж, сейф будет вскрыт. А бумаги сожжены. Для блага

города — не моего. У нас кризисная ситуация. Мы все должны сплотиться.

— Бренда отдала распечатку этого файла, прежде чем умерла.

Большой Джим усмехнулся, продемонстрировав два ряда маленьких зубов.

— Одна фантазия заслуживает другой, мистер Барбара. Могу я пофантазировать?

Барби раскинул руки: *будьте любезны.*

— В моей фантазии Бренда приходит ко мне и говорит то же самое. Она говорит, что отдала упомянутую тобой копию Джулии Шамуэй. Но я знаю, что это ложь. Она, возможно, и собиралась, но не отдала. Даже если бы отдала... — Он пожал плечами. — Твои пособники прошлой ночью сожгли редакцию газеты Шамуэй. С их стороны плохое решение. Или идея принадлежала тебе?

Барби повторил:

— Есть еще одна копия. Я знаю, где она. Если вы подвергнете меня водяной пытке, я выдам местонахождение документов. Громко.

Ренни рассмеялся.

— Сказано так искренне, мистер Барбара, но я провел жизнь в политике и торговле, так что узнай блеф, если слышу его. Возможно, мне лучше просто тебя расстрелять. Город только порадует.

— И как громко будет он радоваться, если вы это сделаете, не выяснив имен моих сообщников? Даже Питер Рэндолф может засомневаться в этом решении, а он — всего лишь тупой и перепуганный задолиз.

Большой Джим встал. Обвислые щеки обрели цвет старого кирпича.

— Ты просто не знаешь, с кем затеял игру.

— Конечно же, знаю. Частенько видел таких, как вы, в Ираке. Они носят тюрбаны вместо галстуков, но в остальном ничем от вас не отличаются. Вплоть до постоянного поминания Бога.

— Ладно, ты отговорил меня от водяной пытки. — Большой Джим покачал головой. — Жаль, конечно, очень хотелось увидеть ее наяву.

— Охотно верю.

— А пока мы оставим тебя в этой уютной камере, так? Не думаю, что тебя будут часто кормить, потому что сытость мешает думать. Как знать, может, пораскинув мозгами, ты найдешь более веские причины, которые убедят меня, что тебя лучше оставить в живых. К примеру, назовешь имена тех, кто мне не друг, а враг. Полный список. Я даю тебе сорок восемь часов. И если по истечении этого срока ты не убедишь меня, что без тебя мне не обойтись, мы расстреляем тебя на площади Военного мемориала на глазах всего города. Твоя смерть послужит предметным уроком.

— Вы действительно неважно выглядите, член городского управления. Ренни пристально смотрел на него:

— Из-за таких, как ты, в мире по большей части и возникают проблемы. Если бы я не думал, что твоя публичная казнь послужит объединению города и его очищению от скверны, то приказал бы мистеру Тибодо пристрелить тебя прямо сейчас.

— Прикажи, и все выплывет наружу. Люди всего города узнают о производстве мета. А потом попытайся достигнуть согласия на собрании вашего паршивого городишки, самовлюбленный тиран.

Вены вздулись на шее Большого Джима и на его лбу. Казалось, он сейчас взорвется, но все закончилось улыбкой:

— Пятерка за старание, мистер Барбара. Но ты лжешь.

Он ушел. Они все ушли. Барбара, весь в поту, опустился на койку. Он знал, как близко подошел к краю пропасти. У Ренни были причины сохранять ему жизнь, но не такие уж весомые. А еще он помнил о записке, которую принесли Джекки Уэттингтон и Линда Эверетт. Выражение лица Линды показывало, что она знала достаточно, чтобы бояться, и не только за себя. Получалось, что для него безопаснее попытаться бежать, пустив в ход нож. Учитывая нынешний уровень профессионализма в полицейском участке Честерс-Милла, Барби полагал, что это не безнадежный вариант. Да, ему потребуется удача, но все может получиться. Он, однако, не мог сообщить Джекки и Линде, что попытается выйти из тюрьмы самостоятельно.

Барби лег, положил руку под голову. Один вопрос не давал ему покоя больше остальных: что случилось с распечаткой файлов из папки «ВЕЙДЕР», которая предназначалась Джулии? Потому что к ней эти документы не попали. Барби не сомневался, что тут Ренни сказал правду.

Узнать он никак не мог, так что оставалось только ждать.

Лежа на спине и глядя в потолок, Барби предался этому занятию.

«Сыграй эту песню погибшей группы»

Когда Линда и Джекки вернулись из полицейского участка, Расти с девочками сидел на крыльце, дожидаясь их. Сестрички еще не сняли ночные рубашки — хлопчатобумажные, а не фланелевые, в каких обычно спали в это время года. Хотя не было еще и семи часов, термометр за окном кухни показывал шестьдесят шесть градусов.

Обычно, встречая мать на дорожке, девочки далеко обгоняли Расти, но тут он опередил их на несколько ярдов. Схватил Линду за талию, а она обняла его за шею со всей силой, словно не приветствовала его, а тонула.

— Ты в порядке? — прошептал он ей на ухо.

Волосы прошлись по его щеке сначала вниз, потом вверх — она кивнула. Отстранилась. Ее глаза блестели.

— Я не сомневалась, что Тибодо начнет рыться в хлопьях. Это Джекки придумала плюнуть в них. Идея гениальная, но я все равно...

— Почему мамочка плачет? — спросила Джудди, сама готовая разреветься.

— Я не плачу. — Линда вытерла глаза. — Ну, может, чуть-чуть. Я очень рада, что вижу твоего папочку.

— Мы все рады видеть его! — сообщила Джанель Джекки. — Потому что мой папочка — *главный*!

— Для меня это новость. — И Расти поцеловал Линду в губы, крепко.

— Поцелуйчик-в-губки! — завороченно воскликнула Джанель. Джудди закрыла глаза и захихикала.

— Пойдемте, девочки, на качели, — предложила Джекки. — А потом будем одеваться в школу.

— Я хочу на качели! — закричала Джанель и побежала первой.

— В школу? — спросил Расти. — Правда?

— Правда, — ответила Линда. — Только для маленьких, занятия в Начальной школе на Восточной улице. В первой половине дня. Уэнди Голдстоун и Эллен Вейндестин вызвались их вести. Одна возьмет с первого по третий классы, вторая — с четвертого по шестой. Не думаю, что это будут настоящие занятия, но зато дети смогут куда-то пойти, вернуться к привычному образу жизни. — Она посмотрела на небо, безоблачное и с желтым отливом. *Как синий глаз с растущей катарактой*, подумала Линда. — Мне бы тоже не помешало что-то привычное. Посмотри на это небо.

Расти бросил короткий взгляд вверх, потом отстранился от жены на расстояние вытянутой руки, чтобы всмотреться в нее.

— Вы проскочили? Ты уверена?

— Да, но на пределе. Такое может выглядеть забавным в шпионских фильмах, но в реальной жизни мало не покажется. Я не хочу вытаскивать его оттуда, дорогой. Из-за девочек.

— Диктаторы всегда брали детей в заложники. Но в какой-то момент люди должны понять, что больше такое не срабатывает.

— Но я не хочу проверять это здесь и сейчас. Идея принадлежит Джекки, пусть она ее и реализует. Я принимать в этом участия не буду и тебе не позволю.

Однако Расти знал: она сделает все, как он скажет, что читалось на ее лице. Потому и дети считали его «главным», но сейчас он таковым быть не хотел.

— Ты собираешься на работу?

— Естественно. Дети идут к Марте, Марта отводит детей в школу. Линда и Джекки приходят в участок, чтобы отработать еще один день под сенью Купола. Иначе на нас косо посмотрят. Так мне все это не нравится. — Линда шумно выдохнула. — И потом, я устала. — Она оглянулась, чтобы убедиться, что дети ее не услышат. — Чертовски выдохлась. Ночью практически не сомкнула глаз. Ты едешь в больницу?

Расти покачал головой:

— Джинни и Твитчу до полудня придется обходиться без меня... хотя с этим новым парнем, который им помогает, думаю, они справятся. Терстон из тех, кто тяготеет к Новой эре, но свое дело знает. Я поеду к Клер Макклэтчи. Мне надо поговорить с теми ребятами и выяснить, где находится источник радиации, зафиксированный счетчиком Гейгера.

— А что мне говорить людям, которые будут спрашивать, где ты?

Расти задумался.

— Полагаю, правду. Хотя бы часть. Говори, что я поехал на поиски генератора, который, возможно, создает Купол. Это, надеюсь, заставит Ренни дважды подумать, прежде чем сделать следующий намеченный им шаг.

— А если меня спросят, куда ты поехал? И ведь спросят.

— Говори, что не знаешь, но вроде бы в западную часть города.

— Блэк-Ридж на севере.

— Да. Если Ренни прикажет Рэндолфу послать кого-то из его подчиненных, я хочу, чтобы они поехали не туда, где буду я. Если кто-то потом укажет тебе на это, скажешь, что очень устала, потому и напутала. И

послушай, лапочка, прежде чем ты пойдешь в полицейский участок, составь список людей, которые могут поверить, что Барби невиновен в убийствах. — Вновь подумал: *Мы и они*. — Нам нужно переговорить с этими людьми перед завтрашним городским собранием. Не привлекая внимания.

— Расти, ты в этом уверен? Потому что после пожара прошлой ночью весь город настроен искать друзей *Дейла Барбары*.

— Уверен ли я? Да. Мне это нравится? Абсолютно нет.

Линда вновь посмотрела на подернутое желтизной небо, потом на два дуба, растущих на лужайке перед домом. Листья повисли и не шевелились, из зеленых стали бурыми. Она вздохнула.

— Если Ренни сфальсифицировал улики против Барбары, он, вероятно, и сжег редакцию газеты. Ты это знаешь, так?

— Знаю.

— И если Джекки сможет вытащить Барбару из тюрьмы, где она его спрячет? Есть ли в городе безопасное место?

— Об этом надо подумать.

— Если ты сможешь найти и отключить генератор, тогда вся эта шпионская возня станет ненужной.

— Молись, чтобы все так и вышло.

— Буду. А радиация? Я не хочу, чтобы ты вернулся с лейкемией или чем-то таким.

— На этот счет у меня есть идея.

— Мне спросить?

Расти улыбнулся:

— Пожалуй, что нет. Очень уж она безумная.

Линда переплела его пальцы своими:

— Будь осторожен.

Он легонько ее поцеловал:

— Ты тоже.

Они посмотрели на Джекки, раскачивающую девочек на качелях. У них хватало причин проявлять осторожность. Но при этом Расти отдавал себе отчет, что риск становится главным фактором его жизни. Понимал и другое: он должен рисковать, если при утреннем бритье хочет и дальше смотреть в глаза своему отражению в зеркале.

Корги Горас любил человеческую еду.

Если точнее, корги обожал человеческую еду. Маленькой собачке с избыточным весом (не говоря уже о седине, которая появилась вокруг пасти в последние годы) не следовало есть такое, и Джулия прислушалась к совету ветеринара, который прямо сказал, что щедрость за столом сокращает жизнь ее любимцу. Разговор этот произошел шестнадцатью месяцами раньше; с тех пор Гораса ограничили «Бил-Джеком» и изредка диетическими собачьими деликатесами. Деликатесы эти напоминали пузырчатую упаковку из пенополистирола, и, судя по укоризненным взглядам, которые бросал на хозяйку Горас, когда их ел, вкусом они тоже напоминали пузырчатую упаковку. Но она твердо стояла на своем: больше никакой куриной кожицы, никаких чипсов, никаких кусочков утреннего пончика.

Это ограничивало количество *verboden*^[145] вкуснятины, но не полностью ее отсекало: навязанная диета побуждала Гораса добывать лакомства самому, что ему даже нравилось — он превращался в охотника, какими были его далекие предки. Утренние и вечерние прогулки приносили особо большой урожай кулинарных радостей. Просто удивительно, сколько всего оставляли люди в придорожных канавах Главной и Западной улиц, по которым пролегал его обычный маршрут. И картофель фри, и картофельные чипсы, и крекеры с ореховым маслом, иной раз обертку от мороженого с налипшим на ней шоколадом. Однажды он нашел целый пирожок «Тейбл ток». Он оказался в желудке Гораса, прежде чем вы произнесли бы слово *холестерин*.

Правда, ему не удавалось съесть все вкусненькое, попавшееся на пути. Иногда Джулия видела, на что он нацелился, и дергала за поводок до того, как Горас успевал полакомиться находкой. Но ему доставалось многое, потому что хозяйка обычно прогуливала его, держа в руке книгу или свежий номер «Нью-Йорк таймс». Предпочтение, отдаваемое «Таймс», радовало не всегда, — особенно если хотелось, чтобы тебе почесали животик, — но во время прогулок Горас предпочитал, чтобы игнорировали его как можно чаще. Для маленьких корги такое безразличие хозяев означало вкусный перекус.

Игнорировали его и в это утро. Джулия и другая женщина — хозяйка дома, потому что ее запах чувствовался везде, особенно в той комнате, куда

люди уходят, чтобы оставить какую и пометить территорию — разговаривали. Однажды другая женщина заплакала, и Джулия обняла ее.

— Мне лучше, но не совсем хорошо, — говорила Андреа. Они сидели на кухне. До Гораса долетал запах кофе. Холодного кофе, не горячего. И маленьких пирожных. С глазурью. — Все равно меня на них тянет. — Если она говорила о пирожных с глазурью, то Горас тоже не отказался бы от одного или двух.

— Тяга может остаться надолго, однако не это самое важное. Я хвалю тебя за храбрость, но Расти прав. Полный отказ от них — глупо и опасно. Тебе чертовски повезло, что обошлось без припадков.

— Насколько мне известно, не обошлось. — Андреа выпила кофе. Горас услышал, как она шумно втянула его. — И мне снились такие чертовски яркие сны. Один — о пожаре. Большом пожаре. На Хэллоуин.

— Но теперь тебе лучше.

— Немного. И я уже начинаю думать, что смогу выкарабкаться. Джулия, я буду рада, если ты останешься у меня, но, думаю, ты сможешь найти местечко и получше. Этот запах...

— С запахом мы попытаемся справиться. Возьмем у Берпи вентилятор на батарейках. Если ты предлагаешь стол и кров — как мне, так и Горасу, — я твоё предложение принимаю. Нельзя оставаться одной, пытаюсь избавиться от наркотической зависимости.

— Не думаю, что есть какой-то иной способ, дорогая.

— Ты знаешь, о чем я. Почему ты это делаешь?

— Потому что впервые с моего избрания я, возможно, нужна городу. И потому, что Джим Ренни пригрозил лишить меня таблеток, если я попытаюсь противодействовать его планам.

Дальше Горас слушать не стал. Куда больше его интересовал запах, источник которого находился между стеной и краем дивана. На этом диване Андреа любила сидеть в те дни, когда чувствовала себя куда как лучше (спасибо таблеткам), и смотреть телесериал «Гонимые» (продолжение «Остаться в живых»), шоу «Танцы со звездами» или какой-нибудь фильм по Эйч-би-оу. Когда показывали фильмы, Андреа частенько ела приготовленный в микроволновке поп-корн. Ставила миску на столик у дивана. Иной раз раздутые кукурузные зерна выскальзывали из ее руки и падали под столик. Там их Горас и учуял.

Оставив женщин с их болтовней, он полез под столик, в щель между ним и диваном, пытаясь добраться до вкусенького. Конечно, в узком пространстве продвижение давалось ему нелегко, но Горас был небольшой собачкой, да еще и заметно похудел, посаженный на диету. Первые

зернышки лежали аккуратно за конвертом из плотной коричневой бумаги с распечаткой документов из папки «ВЕЙДЕР». Горас в прямом смысле стоял на имени своей хозяйки, написанном аккуратным почерком Бренды Перкинс, и уже приступил к поглощению первых гранул этого невероятно богатого клада, когда Андреа и Джулия вошли в гостиную.

Какая-то женщина произнесла: *«Отнеси это ей»*.

Горас поднял голову, прислушался. Говорила не Джулия, не другая женщина. Он слышат голос мертвой. Горас, как и все собаки, часто слышал голоса мертвых, иногда и видел их обладателей. Мертвых вокруг хватало, но живые увидеть их не могли, как не могли унюхать большую часть десяти тысяч запахов, которые ежеминутно, изо дня в день, окружали людей.

Отнеси это Джулии, ей это нужно, это ее.

Горас не понимал, чего от него хотят. Джулия никогда не стала бы есть то, что уже побывало у него в пасти. Горас это знал по собственному многолетнему опыту. Даже если бы он только толкал гранулы носом, она не стала бы их есть. Да, он нашел человеческую еду, но теперь это была и еда с пола.

Не поп-корн. Ко...

— Горас! — Резкий голос Джулии говорил о том, что он ведет себя плохо. Вы понимаете: *Ах ты, негодник, ты знаешь, что этого нельзя делать!* И бла-бла-бла. — Чего ты туда полез? Немедленно вылезай.

Горас дал задний ход. Одарил Джулию самой обаятельной улыбкой — *Джулия, как же я тебя люблю* — в надежде, что крошки поп-корна не прилипли к носу. Он съел лишь несколько раздутых кукурузных зерен, но чувствовал, что до основной жилы еще не добрался.

— Ты что-то ел?

Горас сел, глядя на нее с обожанием. Ему не приходилось притворяться: он действительно очень любил Джулию.

— Лучше изменить вопрос, что ты там ел? — Она наклонилась, чтобы заглянуть в щель между диваном и стеной.

Но прежде чем успела это сделать, в горле другой женщины булькнуло. Она обхватила себя руками, чтобы унять дрожь, но успеха не добилась. Запах женщины изменился, и Горас знал, что ее сейчас вырвет. Поэтому пристально наблюдал за ней. Иногда в людской рвоте попадалось вкусненькое.

— Анди, ты в порядке?

Глупый вопрос, подумал Горас. *Или она не чувствует, как от нее пахнет?* Впрочем, и это был глупый вопрос. Джулия не чувствовала даже

запаха собственного пота.

— Да. Нет. Не следовало мне есть булочку с изюмом. Меня сейчас... — Андреа выскочила из комнаты, чтобы добавить новые запахи к тем, что уже шли из писи-какальной комнаты, предположил Горас. Джулия поспешила за ней. Горас подумал, а не забраться ли ему вновь под столик, но он уловил тревогу в голосе хозяйки, а потому побежал следом.

Про голос мертвой он уже напрочь забыл.

Расти позвонил Клер Макклэтчи из автомобиля. Несмотря на ранний час, она ответила после первого гудка, что его не удивило. В эти дни в Честерс-Милле никто долго не спал, во всяком случае, без снотворного.

Она пообещала, что самое позднее к половине девятого Джо и его друзья будут в доме, даже если ей придется сходить за ними самой. Понизив голос, добавила:

— Я думаю, Джо втюрился в малышку Кэлверт.

— Только дурак бы не втюрился.

— Вы хотите взять их с собой?

— Да, но только не в зону высокой радиации. Это я вам обещаю, миссис Макклэтчи.

— Клер. Если я собираюсь разрешить моему сыну поехать с тобой туда, где животные, судя по всему, совершают самоубийства, думаю, мы должны обращаться друг к другу по именам.

— Ты приводишь Бенни и Норри в дом, а я обещаю приглядывать за ними во время нашей экспедиции. Тебя это устраивает?

Клер ответила, что да. Через пять минут после разговора с ней Расти свернул с необычно пустой Моттон-роуд на Драммонд-лейн, короткую улицу, вдоль которой выстроились самые красивые дома Истчестера. И на почтовом ящике красивейшего из самых красивых прочитал «БЕРПИ». Уже скоро он сидел на кухне и пил кофе (горячий, генератор у Берпи еще работал) с Ромео и его женой Мишелой. Супруги выглядели бледными и мрачными. Ромео уже надел костюм, Мишела оставалась в домашнем халате.

— Ты думаешь, этот Барби действительно убил Брен? — спросил Ромми. — Потому что, если он это сделал, друг мой, я убью его сам.

Мишела коснулась его рукой:

— Ты не настолько глуп, мой дорогой.

— Я так не думаю, — ответил Расти. — По-моему, его подставили. Но если ты передашь кому-нибудь мои слова, у нас могут возникнуть неприятности.

— Ромми всегда любил эту женщину. — Мишела улыбалась, но говорила ледяным тоном. — Я иногда думаю, больше меня.

Ромми это не подтвердил, но и не опроверг — сложилось ощущение, что и не слышал. Наклонился к Расти, карие глаза не отрывались от лица

гостя.

— О чем ты говоришь, док? Как подставили?

— Сейчас я не хочу вдаваться в подробности. Приехал по другому делу. И боюсь, это тоже секрет.

— Тогда я не хочу его слышать. — Мишела покинула кухню, захватив с собой чашку кофе.

— Вечером мне от этой женщины любви не дожидаться, — вздохнул Ромми.

— Извини.

Ромми пожал плечами:

— У меня есть еще одна, на другом конце города. Миша знает, хотя и не выдает себя. Расскажи мне о втором деле, док.

— Несколько подростков думают, что они нашли генератор, который создает Купол. Они юные, но умные. Я им доверяю. Они взяли с собой счетчик Гейгера и обнаружили источник радиации на Блэк-Ридж-роуд. В опасную для здоровья зону не полезли, но подошли близко.

— Близко к чему? Что они увидели?

— Мерцающий пурпурный огонек. Ты знаешь, где старый яблоневый сад?

— Черт, да! Ферма Маккоя. Бывало, парковался там с девочками. Весь город как на ладони. У меня был старый «виллис»... — На мгновение он замолчал, погрузившись в воспоминания. — Не важно. Только мерцающий огонек?

— Они также наткнулись на множество мертвых животных — медведя, стадо оленей. И по мнению подростков, выглядели животные так, будто совершили самоубийство.

Ромми пристально посмотрел на Расти:

— Я с тобой поеду.

— Это хорошо. Теперь к делу. Один из нас должен дойти до генератора, и это буду я. Но мне нужен радиационный костюм.

— Что ты замыслил, док?

Расти рассказал. Когда закончил, Ромми достал пачку «Винстона», предложил Расти.

— Мои любимые ядовитые палочки. — Расти взял одну. — Так что ты думаешь?

— Да, я могу тебе помочь. — Ромми чиркнул зажигалкой, дал прикурить гостю, прикурил сам. — В моем универмаге есть все, как известно всему городу. — Он указал дымящейся сигаретой на Расти. — Но ты не захочешь увидеть свою фотографию в газете, потому что будешь

выглядеть чертовски странно.

— Это меня не волнует. Да и газета сгорела прошлой ночью.

— Я слышал. Опять этот парень Барбара. Его друзья.

— Ты в это веришь?

— Ох, у меня такая доверчивая душа! — В голосе прибавилось французского акцента. — Когда Буш сказал, что в Ираке атомные бомбы, я этому поверил. Я говорил людям: «Он — человек, который знает». Также я верю, что Освальд действовал один.

Из соседней комнаты крикнула Мишела:

— Перестань коверкать язык на этот паршивый французский манер!

Ромми усмехнулся, взглянув на Расти, как бы говоря: *Видишь, что мне приходится терпеть.*

— Да, моя дорогая! — И в его голосе не слышалось даже намека на акцент счастливчика Пьера. Он вновь повернулся к Расти: — Оставь свой автомобиль здесь. Мы возьмем мой фургон. Больше места. Отвези меня к магазину, потом съезди за детьми. Я соберу радиационный костюм. Но перчатки... не знаю.

— Возьмем выложенные свинцом перчатки в подсобке рентгеновского кабинета больницы. Они до локтя. Я также возьму один из защитных фартуков.

— Хорошая идея, не хочу, чтобы в твоей сперме стало меньше...

— Там могут быть одна или две пары покрытых свинцом защитных очков, какими техники и рентгенологи пользовались в семидесятые годы. Хотя их, возможно, и выкинули. Но я надеюсь, уровень радиации не будет таким высоким. Подростки говорят, что при последнем замере стрелка не выходила из зеленой зоны.

— Но ты сказал, что близко они не подходили.

Расти вздохнул.

— Если стрелка на счетчике Гейгера подскочит к восьмистам или к тысяче, сохранение способности к воспроизведению потомства будет самой меньшей из моих забот.

Перед тем как они ушли, Мишела вернулась на кухню, уже в короткой юбке и облегающем свитере, и принялась честить мужа. Это все из-за него. Такое уже случалось, а теперь повторится. Только на этот раз будет гораздо хуже.

Ромми обнял ее и быстро заговорил по-французски. Она отвечала на том же языке, выплевывая слова. Он гнул свое. Она дважды ударила его кулачком по плечу, заплакала и поцеловала.

Когда они вышли из дома, Ромми повернулся к Расти, виновато

посмотрел на него и пожал плечами.

— Мишела ничего не может с собой поделать. У нее поэтическая душа, но свои чувства она выражает как собака со свалки.

Когда Расти и Ромео Берпи приехали в магазин, они нашли там Тоби Мэннинга, готового открыть универмаг и начать обслуживать покупателей, если таковым будет желание Ромми. Петра Сирлс, которая работала в аптеке напротив, сидела рядом с ним. Они устроились на подлокотниках шезлонгов с биркой «КОНЕЦ ПОЛНОЙ ЛЕТНЕЙ РАСПРОДАЖИ».

— Ты уверен, что не хочешь рассказать мне об этом радиационном костюме, который будешь собирать до... — Расти посмотрел на часы, — десяти часов?

— Пожалуй, не стоит. Ты еще назовешь меня психом. Поезжай, док. Привези эти перчатки, и защитные очки, и фартук. Поговори с детьми. Дай мне немного времени.

— Мы открываемся, босс? — спросил Тоби, когда Ромми вылез из машины.

— Нет. Может, во второй половине дня. Этим утром у меня кое-какие дела.

Расти уехал. И уже поднялся на холм у городской площади, когда осознал, что и у Тоби, и у Петры синие нарукавные повязки.

Он нашел перчатки, фартук и защитные очки в подсобке рентгеновского кабинета буквально за две секунды до того, как уже собрался прекратить поиски. Эластичная лента очков порвалась, но Расти полагал, что Берпи найдет чем ее скрепить. И ему никому не пришлось объяснять, что и зачем он делает. Вся больница спала.

Расти вышел на улицу, понюхал воздух — застывший, с неприятным привкусом дыма, — посмотрел на запад, где большущее пятно чернело на той части Купола, куда попали ракеты. Оно напоминало кожную раковую опухоль. Расти понимал, что должен сконцентрироваться на Барби, и Большом Джиме, и убийствах, потому что в людях и их поведении он худо-бедно разбирался. Но игнорирование Купола являлось ошибкой — потенциально роковой. Его требовалось убрать, и побыстрее, иначе у пациентов больницы с астмой и хроническими легочными заболеваниями могли начаться проблемы. А эти больные, по существу, выполняли роль канареек в шахтах.

Небо будто заволкло никотином.

— Ничего хорошего, — пробурчал он и бросил добычу в заднюю часть фургона. — Совсем ничего.

Все трое подростков уже собрались в доме Макклэтчи, когда Расти прибыл туда, и выглядели они подавленными, несмотря на то что могли стать национальными героями, улыбнись им удача.

— Все готовы? — спросил Расти с энтузиазмом, которого не чувствовал. — Прежде чем отправимся на место, мы завернем к Берпи, но о том, что мы там...

— Сначала они хотят тебе кое-что сказать, — прервала его Клер. — Лучше б не говорили. Все становится только хуже. Выпьешь стакан апельсинового сока? Мы стараемся выпить его, пока он не испортился.

Расти свел большой и указательный пальцы почти вплотную, показывая, что выпьет чуть-чуть. Никогда не был фанатом апельсинового сока, но хотел, чтобы Клер вышла из комнаты, и чувствовал, что она тоже этого хочет. Женщина побледнела, а в голосе слышался испуг. И он не думал, что испуг вызван находкой подростков на Блэк-Ридж; речь шла о чем-то другом.

Только этого мне и не хватало, подумал Расти.

— Выкладывайте, — обратился он к троице, едва за Клер закрылась дверь.

Бенни и Норри повернулись к Джо. Тот вздохнул, откинул волосы со лба, снова вздохнул. Ничем этот серьезный, умный подросток не напоминал мальчишку, который тремя днями раньше размахивал плакатом и гнал волну на поле Олдена Динсмора. Бледностью его лицо не уступало лицу матери, несколько прыщей — возможно, первые — появилось на лбу. Расти уже сталкивался с такими высыпаниями. Причина крылась в стрессе.

— Что еще, Джо?

— Люди говорят, что я умный, — начал Джо, и Расти встревожился, увидев, что мальчишка на грани слез. — Наверное, это так, но иногда мне хочется быть глупым.

— Не волнуйся, — вставил Бенни, — во многом и важном ты глуп.

— Заткнись, Бенни! — беззлобно одернула его Норри.

Джо этого обмена репликами и не заметил.

— Уже в шесть я мог обыграть отца в шахматы, а маму — в восемь. В школе получаю только пятерки. Всегда выигрываю научные конкурсы. Уже два года пишу программы на моем компьютере. Я не хвлюсь. Знаю, что я — гик. — Норри улыбнулась и накрыла его руку своей. Он ее сжал. — Но я

всего лишь устанавливаю причинно-следственную связь, понимаете? Если «а», тогда «б». Если нет «а», неоткуда взяться «б». И вероятно, всему алфавиту.

— О чем мы говорим?

— Я не думаю, что эти убийства совершил повар. Точнее, мы не думаем.

На его лице отразилось облегчение, когда Норри и Бенни кивнули. Но оно сменилось радостью и даже изумлением, когда он услышал от Расти:

— Я тоже не думаю.

— Говорил тебе, что котелок у него варит, — сказал Бенни Джо. — И швы он накладывает фантастические.

Клер вернулась с маленьким стаканчиком сока. Расти его пригубил. Теплый, но сносный. Без генератора к завтрашнему дню обязательно начнет горчить.

— Почему вы не думаете, что убил он? — спросила Норри.

— Вы рассказываете первыми. — Про генератор на Блэк-Ридж Расти уже почти забыл.

— Мы видели миссис Перкинс вчера утром, — объявил Джо. — Мы находились на мосту Мира, только собирались опробовать счетчик Гейгера. Она поднималась по склону холма у городской площади.

Расти поставил стакан на столик у своего кресла. Наклонился вперед, зажав руки между коленями:

— В котором часу?

— Мои часы остановились у Купола в воскресенье, поэтому точно сказать не могу, но большое сражение у супермаркета уже шло, когда мы увидели ее. То есть где-то в четверть десятого. Не позже.

— Но и не раньше. Потому что у супермаркета уже началась потасовка. Вы это слышали.

— Да, — кивнула Норри. — Шума хватало.

— И вы уверены, что видели Бренду Перкинс, а не какую-то другую женщину? — У Расти гулко билось сердце. Если Бренда была жива после начала продовольственного бунта, тогда Барби действительно ни в чем не виновен.

— Мы все ее знаем, — ответила Норри. — Она была наставницей в моем отряде герлскаутов до того, как я оттуда ушла. — Упомянуть, что ее вышибли за курение, Норри сочла неуместным, поэтому развивать тему не стала.

— И я знаю от мамы, что говорят об этих убийствах, — продолжил Джо. — Она рассказала мне все, что знала. Вы понимаете, об армейских

идентификационных жетонах.

— Мама не хотела говорить все, что знала, — пояснила Клер, — но мой сын умеет проявить настойчивость, и это оказалось важным.

— Да, — кивнул Расти. — Куда пошла миссис Перкинс?

На этот вопрос ответил Бенни:

— Сначала к миссис Гриннел, но, что бы она там ни сказала, натолкнулась на холодный прием, потому что миссис Гриннел захлопнула дверь перед ее лицом.

Расти нахмурился.

— Это правда, — подтвердила Норри. — Я думаю, миссис Перкинс передавала ей почту или что-то такое. Она дала миссис Гриннел конверт. Та его взяла, а потом захлопнула дверь. Как и сказал Бенни.

— Ясно, — кивнул Расти. Помня, что с пятницы никакой почты в Честерс-Милле не разносили. Но главное он видел в другом: Бренда была жива и выполняла чье-то поручение после девяти утра, а Барби уже с шести мог отчитаться за каждую минуту, то есть его алиби не вызывало сомнений. — Куда она пошла потом?

— Пересекла Главную улицу и повернула на Фабричную, — ответил Джо.

— Эту улицу.

— Точно.

Расти повернулся к Клер:

— Она...

— Сюда она не заходила. Правда, я какое-то время провела в подвале, смотрела, как обстоят дела с консервами. Спустилась туда на полчаса. Может, на сорок минут. Я... я не хотела слышать этот шум у супермаркета.

Бенни повторил вчерашнюю фразу:

— Фабричная улица — это четыре квартала. Много домов.

— Для меня это не самое важное, — продолжил Джо. — Я позвонил Энсону Уилеру. Он раньше был скейтером, да и сейчас ездит в Оксфорд покататься в «Яме». Я спросил его, работал ли вчера мистер Барбара, и Энсон ответил, что да. Сказал, что мистер Барбара ушел в «Мир еды», когда начался бунт. И с того момента находился там с Энсоном и миз Твитчел. Поэтому мистер Барбара никак не мог убить миссис Перкинс, и помните, как я сказал? Если нет «а», то нет и «б»? И всего алфавита тоже.

Расти подумал, что метафора слишком математическая для приложения к делам человеческим, но он понял, о чем толковал Джо. По части других жертв алиби у Барби, возможно, и не было, но свалка трупов говорила за то, что убийца один. И раз Большой Джим убил как минимум

одного из четырех покойников — на это указывали отметины на голове Коггинса, — получалось, что он уколошил и остальных.

Или их убил Младший, который нынче служил в полиции и ходил с оружием.

— Мы должны идти с этим в полицию, так? — спросила Норри.

— Я этого боюсь, — подала голос Клер. — Я этого очень, очень боюсь. Что, если Ренни убил Бренду Перкинс? Он тоже живет на Фабричной улице.

— Именно это я и сказала вчера, — кивнула Норри.

— И вполне вероятно, что Бренда, приход которой к одному члену управления закончился тем, что перед ее носом захлопнули дверь, пошла к другому, который живет по соседству.

— Я сомневаюсь, что здесь есть какая-то связь, мама. — В голосе Джо слышалась легкая снисходительность.

— Может, и нет, но она все равно могла зайти к Джиму Ренни. А Питер Рэндолф... — Клер покачала головой. — Если Большой Джим скажет — прыгай, Питер спросит, как высоко.

— Хороший прикол, миссис Макклэтчи! — воскликнул Бенни. — Вы рулите, о мать моего...

— Спасибо, Бенни, но в этом городе рулит Большой Джим.

— Что нам делать? — Джо с тревогой смотрел на Расти.

Тот вновь подумал о черном пятне. О желтом небе. О запахе дыма в воздухе. Подумал о решимости Джекки Уэттингтон вытащить Барби из тюрьмы. Опасно, конечно, но куда лучший шанс на спасение, чем свидетельские показания троих детей, учитывая, что начальник полиции, который будет их слушать, не способен подтереть задницу, не заглянув в инструкцию.

— Сейчас — ничего. Дейл Барбара пока в безопасности. — Расти надеялся, что это правда. — Мы должны заняться другим. Если вы действительно нашли генератор и мы сможем его отключить...

— Остальные проблемы разрешатся сами по себе, — закончила за него Норри Кэлверт. В голосе слышалось безмерное облегчение.

— Скорее всего, — согласился Расти.

После того как Петра вернулась в аптечный магазин (чтобы провести инвентаризацию, объяснила она), Тоби Мэннинг спросил Ромми: может ли он чем-нибудь помочь? Тот покачал головой:

— Отправляйся домой. Посмотри, может, чем-то поможешь отцу и матери.

— Дома только отец. Мать в субботу поехала в супермаркет в Касл-Рок. Она говорит, что цены в «Мире еды» слишком высокие. А вы чем займетесь?

— Особо ничем. Скажи мне, Тоби... почему вы с Петрой ходите с этими синими тряпками?

Тоби посмотрел на руку, словно забыл про синюю повязку.

— Демонстрируем солидарность. После того, что произошло прошлой ночью в больнице... после всего, что случилось...

Ромми кивнул.

— Ты записался в полицейские, или как?

— Черт, нет. Это скорее... вы помните, после одиннадцатого сентября все хотели носить фуражку или рубашку Противопожарного департамента Нью-Йорка или Управления полиции? У нас то же самое. — Он задумался. — Наверное, если городу понадобилась бы помощь, я бы записался, но, похоже, копы и так прекрасно справляются. А вам точно помощь не нужна?

— Нет. А теперь катись отсюда. Я тебе позвоню, если решу открыть магазин во второй половине дня.

— Хорошо. — Глаза Тоби сверкнули. — Может, мы устроим распродажу «Под Куполом»? Вы же знаете, как говорят: когда жизнь подсовывает тебе лимоны, готовь лимонад.

— Возможно, возможно. — Но Ромми сомневался, что такая распродажа состоится. В это утро его не очень-то интересовал даже сбыт залежалого товара. Он чувствовал большие перемены, произошедшие с ним за три последних дня, как в части отношения к жизни, так и в видении будущего. Свою роль сыграли борьба с огнем и возникший при этом дух товарищества. Город показал себя. Свою лучшую сторону. Но конечно, по большей части перемены эти вызвало убийство его давней возлюбленной Бренды Перкинс... которая для Ромми по-прежнему оставалась Брендой Морс. Она была такой красоткой, и если бы он узнал, кто ее убил — при

условии, что Расти прав и Дейл Барбара ни при чем, — этому человеку пришлось бы дорого заплатить. О чем Ромми Берпи позаботился бы лично.

В глубине его просторного универмага находился отдел «Все для ремонта», расположенный, что сэкономило время, рядом с отделом «Сделай сам». В последнем Ромми взял с полки крепкие ножницы для резки металла, затем проследовал в первый отдел и направился в самый дальний, темный и пыльный угол своего торгового королевства. Там нашел два десятка пятидесятифунтовых санта-роузовских ^[146] рулонов ленты из свинца, которая обычно использовалась для изоляции кровли, печных труб, канализационных систем. Два рулона и ножницы для резки металла загрузил в тележку для покупок и покатыл ее по универмагу, пока не добрался до отдела спортивных товаров. Принялся отбирать все необходимое. Несколько раз разражался смехом. Он не сомневался, что сумеет сделать костюм, защищающий от радиации, но выглядеть в нем Расти Эверетт будет *très amusant*. ^[147]

Закончив, Ромми потянулся, разминая спину, и его взгляд упал на оленя в перекрестье прицела, изображенного на постере, который висел у стены спортивного отдела. Надпись над оленем напоминала: «ДО НАЧАЛА ОХОТНИЧЬЕГО СЕЗОНА СОВСЕМ НИЧЕГО — ПОРА ВООРУЖАТЬСЯ».

Учитывая уже создавшуюся ситуацию и ее вероятное развитие, Ромми подумал, что вооружиться — хорошая идея. Тем более хорошая, если Ренни или Рэндолф решат конфисковать все оружие, кроме принадлежащего копам.

Он прикатил другую тележку к запертым стендам, в которых стояло оружие. Открыл стенды ключами с кольца, которое крепилось к ремню. Ромми продавал исключительно продукцию компании «Винчестер» и, с учетом того, что до начала сезона охоты на оленей действительно оставалась только неделя, полагал, что без проблем объяснит, почему на стендах образовались пустоты. Он выбрал «Дикого кота» двадцать второго калибра, помповик «Черная тень», два помповика «Черный защитник». Добавил «Модель 70: экстремальная погода» (с оптическим прицелом) и «70: пушинка» (без оптического прицела). Взял патроны для отобранных карабинов и помповиков и покатыл тележку в свой кабинет, где запер оружие в большой напольный сейф.

Это паранойя, знаешь ли, подумал он, закрывая сейф на кодовый замок.

Но параноиком Ромми себя не чувствовал. Выходя из магазина, чтобы

дождаться Расти и детей на улице, он напомнил себе, что надо повязать на рукав синюю тряпку. И сказать Расти сделать то же самое. Маскировка — дело стоящее.

Это знал любой охотник на оленей.

В восемь утра Большой Джим вернулся в домашний кабинет. Картер Тибодо — Ренни решил, что какое-то время тот побудет его личным телохранителем — уткнулся в журнал «Кар энд драйвер», читая большую статью, в которой сравнивались «БМВ» модели 2012 года с гибридным двигателем и фордовский «Веспер Р/Т» выпуска 2011 года. Оба автомобиля выглядели потрясающе, но только безумец не знал, что рулит «БМВ». И вышесказанное, полагал Картер, относилось ко всем тем, кто не понимал, что сейчас для Честерс-Милла мистер Ренни — «БМВ» с гибридным двигателем.

Большой Джим чувствовал себя очень даже ничего отчасти потому, что немного поспал после визита к Барбаре. В ближайшие дни он намеревался почаще отдыхать, чтобы в промежутках быть в форме. И по другой причине, в которой не хотел себе признаваться: чтобы избежать новых приступов аритмии.

Постоянное присутствие рядом Тибодо успокаивало, если учесть сумасбродное поведение Младшего (*А как еще назвать его поведение*, думал Большой Джим). Тибодо выглядел бандитом, но вроде бы подходил на роль адъютанта. Полной уверенности у Большого Джима еще не было, но ему казалось, что Тибодо умнее Рэндолфа.

Он решил это проверить:

— Сколько людей охраняют супермаркет, сынок? Ты знаешь?

Картер отложил журнал и достал из заднего кармана маленький потрепанный блокнот. Большому Джиму это понравилось.

Картер пролистал несколько страниц, потом ответил:

— Прошлой ночью пять человек, трое штатных, двое новеньких. Никаких проблем. Днем будет только трое. Все новенькие. Обри Таул — его брату принадлежит книжный магазин, вы знаете, — Тодд Уэндлстет и Лорен Конри.

— Ты солидарен с тем, что этого достаточно, Картер?

— Чего?

— Ты согласен, Картер? Солидарен — значит согласен.

— Да, вполне. День и все такое.

Никакой паузы, чтобы подумать, какой ответ хочет услышать босс. И это Ренни понравилось.

— Ладно. Теперь слушай. Я хочу, чтобы ты этим утром связался со

Стейси Моггин. Скажи ей, пусть позвонит каждому патрульному из нашего списка. Я хочу, чтобы в семь вечера все они пришли к «Миру еды». Я собираюсь с ними поговорить. — Собственно, он собирался произнести еще одну речь и на этот раз расставить все точки над *i*. Завести этих ребят, как старые дедовы часы.

— И пусть она скажет им, чтобы каждый привел еще по одному человеку.

— Хорошо. — Картер прошелся обгрызенным карандашом по списку в адъютантском блокноте: — Нас уже... дайте глянуть... двадцать шесть.

— Этого недостаточно. Вспомни, что произошло у супермаркета вчера утром, и поджог редакции газеты прошлым вечером. Или мы, или анархия, Картер. Ты знаешь, что означает это слово?

— Да, сэр. — Картер Тибодо полагал, что это слово имеет какое-то отношение к стрельбе, и посчитал, что новый босс опасается, как бы Милл не превратился в стрельбище, если они не возьмут все под контроль. — Может, нам стоит собрать оружие или что-то в этом роде.

Большой Джим улыбнулся. Да, этот парень его только радовал.

— Этим мы еще займемся, вероятно, с самого начала следующей недели.

— Если Купол останется. Вы думаете, останется?

— Думаю, да. — Купол не мог не остаться. Предстояло еще так много сделать. Развезти запас пропана по всему городу. Уничтожить все следы лаборатории по производству мета, построенной за радиостудией. Опять же — что было главным — он еще не достиг величия, которого заслуживал. Хотя и немало прошел по пути к этому.

— А пока отправь пару патрульных — *штатных патрульных* — в «Универмаг Берпи», чтобы они конфисковали все оружие. Если Ромео Берпи станет возражать, пусть скажут: мы не хотим, чтобы оружие попало в руки сообщников Дейла Барбары. Ты это понял?

— Да. — Картер сделал еще одну пометку. — Дентона и Уэттингтон? Они подойдут?

Большой Джим нахмурился. Уэттингтон, девица с большими буферами. Он ей не доверял. Пожалуй, вообще не любил копов с буферами — женщинам, по его разумению, служить в полиции не полагалось, но тут речь шла о другом. Не нравилось Большому Джиму, как она на него смотрела.

— Фредди Дентон — да, Уэттингтон — нет. И не Генри Моррисон. Пошли Дентона и Джорджа Фредерика. Скажи им, пусть положат все, что привезут, в оружейную комнату.

— Понял.

Зазвонил телефон Большого Джима, он нахмурился. Взял трубку:

— Член городского управления Ренни.

— Привет, член городского управления. Это полковник Джеймс Оу Кокс. Я руковожу операцией, которая называется «Проект “Купол”». Подумал, что пора нам и поговорить.

Большой Джим, улыбаясь, откинулся на спинку стула:

— Так говорите, полковник, и благословит вас Бог.

— По моей информации, вы арестовали человека, которому президент поручил решать все вопросы в Честерс-Милле.

— Это правильно, сэр. Мистер Барбара арестован по обвинению в убийствах. Четырех. Я не думаю, что президенту хочется, чтобы в Честерс-Милле все вопросы решал серийный убийца.

— И в результате все вопросы решаете вы.

— Нет, нет. — Улыбка Ренни стала шире. — Я — всего лишь скромный второй член городского управления. Вопросы решает Энди Сандерс, а арестовал Барбару Питер Рэндолф, как вам, возможно, известно, наш новый начальник полиции.

— Другими словами, у вас руки чисты. Такой будет ваша позиция после того, как Купола не станет и начнется расследование.

Большой Джим наслаждался раздражением, которое слышалось в голосе этого ёханого бабая. Пентагоновский щучий сын привык, чтоб все подчинялись ему. Теперь пришла пора учиться подчиняться самому.

— А с чего им быть грязными, полковник? У одной из жертв найдены армейские идентификационные жетоны Барбары. Можно ли представить себе более весомые улики?

— Которые весьма кстати там оказались.

— Пусть так.

— Если вы настроитесь на новостные каналы, то услышите, что арест Барбары вызывает серьезные вопросы в свете его послужного списка, который безупречен. Вопросы также задают и относительно вашего послужного списка, где безупречностью и не пахнет.

— Вы думаете, меня это удивляет? В манипулировании новостями вы мастера. Занимаетесь этим со времен Вьетнама.

— В Си-эн-эн раскопали историю о том, как в конце девяностых вы привлекали покупателей низкими ценами, а потом предлагали другой товар и по куда более высоким ценам, что классифицируется как мошенничество. В Эн-би-си сообщили, что в 2008 году проводилось расследование, касающееся выдачи вами ссуд. Как я понимаю, вы брали с клиентов очень

уж высокий процент, запрещенный законом. Что-то порядка сорока? Также сообщается, что за некоторые легковушки и пикапы вы брали в два, а то и в три раза больше их реальной стоимости. Ваши избиратели, вероятно, узнают о ваших деяниях из новостей.

Все эти обвинения канули в Лету. Ренни заплатил большие деньги, чтобы заставить их кануть в Лету.

— Жители моего города знают, что в новостях покажут любую нелепицу, если это поможет продать лишний десяток тюбиков с кремом от геморроя или несколько пузырьков с таблетками снотворного.

— Это еще не все. Согласно заявлению генерального прокурора штата Мэн, прежний начальник полиции, который умер в прошлую субботу, расследовал вашу деятельность на предмет уклонения от уплаты налогов, махинаций с городскими фондами и собственностью, а также участия в незаконном производстве наркотиков. О последнем мы пока прессе не сообщили и не собираемся сообщать... если вы пойдете на компромисс. Уйдите в отставку с поста члена городского управления. Мистер Сандерс должен поступить так же. Объявите, что руководство городом переходит к Андреа Гриннел, третьему члену городского управления, которая становится губернатором, и Жаклин Уэттингтон, как представителю президента в Честерс-Милле.

К этому моменту от бывшего добродушного Большого Джима не осталось и следа.

— Вы рехнулись? Анди Гриннел — наркоманка, сидящая на оксиконтине, а у этой Уэттингтон в чертовой голове нет мозгов!

— Заверяю вас, это не так, Ренни. — Кокс обошелся без *мистера*, эра мирных отношений закончилась. — Уэттингтон получила благодарность за раскрытие сети наркоторговцев, действовавших на базе Шестьдесят седьмого тылового госпиталя в немецком Вюрцбурге, и ее лично рекомендовал Джек Ричер,^[148] самый крутой из когда-либо служивших военных копов, по моему скромному мнению.

— В вас нет ничего скромного, полковник, и ваш святотатственный язык мне противен. Я — христианин.

— Торгующий наркотиками христианин, согласно имеющейся у меня информации.

— Палки и камни ломают кости, но бранные слова не причиняют вреда. — Большой Джим улыбнулся, подумав: *Особенно здесь, под Куполом.* — У вас есть вещественные доказательства?

— Перестаньте, Ренни. Спрашиваю как один крутой другого, разве это имеет значение? Купол — самое большое информационное событие после

одиннадцатого сентября. И пока большая пресса вам сочувствует. Но если не начнете сотрудничать, я вымажу лично вас так, что отмыться уже не удастся. Как только Купола не станет, я позабочусь о том, чтобы вы предстали перед сенатским комитетом, большим жюри, а потом отправились в тюрьму. Я вам это обещаю. Но дайте обратный ход, и ничего такого не будет. Это я вам тоже обещаю.

— Как только Купола не станет, — промурлыкал Ренни. — И когда это произойдет?

— Может, скорее, чем вы думаете. Я планирую оказаться внутри первым и прежде всего прикажу надеть на вас наручники и самолетом отправить в Форт-Ливенуорт, штат Канзас, где вы будете дожидаться суда.

От такой наглости Большой Джим на мгновение лишился дара речи. Потом рассмеялся.

— Если вы действительно хотите что-то сделать на благо города, уйдите в отставку, — продолжил Кокс. — Посмотрите, что произошло за время вашего единоличного правления: шесть убийств, как мы понимаем, два в больнице прошлой ночью, самоубийство, продовольственный бунт. Вы не годитесь для этой работы.

Пальцы Большого Джима сомкнулись на золоченом бейсбольном мяче и сжали его. Картер Тибодо уже с тревогой смотрел на своего босса.

Будь ты здесь, полковник Кокс, я бы отделал тебя так же, как и Коггинса. Бог мне свидетель, отделал бы.

— Ренни?

— Я здесь. — Пауза. — А вы там. — Вновь пауза. — И Купол никуда не денется. Думаю, мы оба это знаем. Сбросьте на него самую большую атомную бомбу, на двести лет выжгите жизнь в окрестных городках, убейте всех в Честерс-Милле радиацией, которая проникнет сквозь Купол, и он все равно никуда не денется. — Дышал он теперь часто, но сердце билось в груди сильно и ровно. — Потому что поставлен Купол Божьей волей.

И в это он уже верил всем сердцем. Как верил и в то, что волей Господа должен взять власть в Честерс-Милле и провести город через все испытания, которые выпадут на их долю в последующие недели, месяцы, годы.

— *Что?*

— Вы меня слышали. — Он уже понимал, что ставит все, в том числе и собственное будущее, на продолжительное существование Купола. Также зная, что некоторые люди сочтут его за такое безумцем. Также зная, что эти люди — неверующие дикари. Вроде полковника Джеймса Оу Гребаного Кокса.

— Ренни, проявите благоразумие, пожалуйста.

«Пожалуйста» Большому Джиму понравилось; благодушное настроение разом вернулось к нему.

— Давайте подведем итог, полковник Кокс. Руководит здесь Энди Сандерс, не я. Хотя, естественно, я ценю звонок вежливости от такой шишки, как вы. И Энди, несомненно, оценит ваше предложение управлять оттуда, дистанционно... Думаю, я уже сейчас могу передать вам его ответ. Он посоветует вам взять ваше предложение и засунуть в то самое место, куда не заглядывает солнце. Мы здесь предоставлены сами себе и собираемся выпутываться самостоятельно.

— Да вы — безумец! — В голосе Кокса слышалось крайнее изумление.

— Так безбожники всегда называют верующих. Это их последний рубеж обороны против веры. Мы к такому привыкли, так что в этом я вас винить не стану. — Тут он солгал. — Могу я задать вопрос?

— Конечно.

— Вы собираетесь отключить наши телефоны и компьютеры?

— Вам бы это понравилось, так?

— Разумеется, нет. — Опять ложь.

— Телефоны и компьютеры остаются. Как и пресс-конференция в пятницу. На которой, уверяю вас, вам придется ответить на очень трудные вопросы.

— В обозримом будущем я не собираюсь посещать никакие пресс-конференции, полковник. И Энди тоже. И от миссис Гриннел толку не будет, бедняжки. Так что вы можете отменить вашу...

— Нет, нет. Отнюдь. — Неужто на лице Кокса играла улыбка? — Пресс-конференция состоится в полдень пятницы, чтобы она помогла продать много тюбиков крема от геморроя в вечерних новостях.

— И кто на ней будет присутствовать от города?

— Все, Ренни. Абсолютно все. Потому что мы намерены разрешить их родственникам подойти к Куполу. Со стороны административной границы с Моттоном, там, где рухнул самолет и погибла жена мистера Сандерса, о чем вы, вероятно, помните. Пресса будет фиксировать все. Это будет день открытых дверей в тюрьме, только в ней никто ни в чем не виновен. За исключением, возможно, вас.

Ренни снова охватила ярость:

— Вы не можете этого сделать!

— Конечно, могу! — Он таки улыбался. — Вы сможете сидеть на своей стороне Купола и показывать мне нос; я смогу сидеть на моей и

отвечать вам тем же. Гости выстроятся вдоль периметра, и все, кто согласится, наденут футболки с надписями: «ДЕЙЛ БАРБАРА НЕВИНОВЕН», и «СВОБОДУ ДЕЙЛУ БАРБАРЕ», и «ДЖЕЙМСА РЕННИ В ОТСТАВКУ». Будут слезы счастья и руки, прижатые к рукам, с Куполом между ними, может, даже попытки поцеловаться. Все это будет прекрасно смотреться на экранах телевизоров, не говоря уже о мощнейшем пропагандистском эффекте. И главное, все это заставит жителей вашего города задуматься, что им делать, если у руля стоит такая некомпетентная личность, как вы.

Голос Большого Джима превратился в рычание:

— Я им не позволю!

— И как вы их остановите? Более тысячи людей! Вы не сможете их всех расстрелять. — Кокс замолчал, а когда заговорил вновь, голос его стал спокойным и рассудительным: — Послушайте, член городского управления, давайте обо всем договоримся. Вы еще можете выйти сухим из воды. Вам только нужно передать руководство городом другому человеку.

Большой Джим увидел, как Младший идет по коридору к двери на улицу, похожий на призрака, в пижамных штанах и шлепанцах, и никак на это не отреагировал. Младший мог упасть замертво в прихожей, но Большой Джим остался бы сидеть, нависнув над столом, с золоченым бейсбольным мячом, зажатым в одной руке, и телефоном во второй. В голове колотилась только одна мысль: передать руководство Андреа Гриннел, помогать которой будет патрульная Буфера.

Шутка, однако.

Плохая шутка.

— Полковник Кокс, а не пойти ли вам на хрен.

Он отключил связь, развернулся на стуле и швырнул золоченый бейсбольный мяч. Тот попал в фотографию Тайгера Вудса с его автографом. Зазвенело разбитое стекло, рамка упала на пол, и Картер Тибодо, привыкший к тому, что его боятся, но сам редко испытывающий страх, вздрогнув, вскочил на ноги.

— Мистер Ренни, с вами все в порядке?

Выглядел тот не очень. На щеках пламенели пурпурные пятна. Маленькие глазки заметно увеличились в размерах, потому что вылезли из орбит. На лбу пульсировала вена.

— Они никогда не отнимут у меня этот город, — прошептал Большой Джим.

— Конечно, не отнимут, — поддакнул Картер. — Без вас мы пойдем ко дну.

Эта фраза помогла Большому Джиму чуть расслабиться. Он потянулся к телефону, потом вспомнил, что Рэндолф пошел домой, чтобы поспать. После начала кризиса новому начальнику полиции практически не удавалось сомкнуть глаз, и он сказал Большому Джиму, что будет спать как минимум до полудня. И хорошо. Толку от него все равно не было никакого.

— Картер, пиши. Записку покажешь Моррисону, если он этим утром за главного, а потом оставишь на столе Рэндолфа. Потом возвращайся сюда. — Он помолчал, хмурясь. — И посмотри, пришел ли Младший в участок. Он вышел из дома, пока я разговаривал по телефону с этим полковником Делай-Что-Я-Хочу. Если он туда не пришел, искать тебе его не надо. А если пришел, убедись, что с ним все в порядке.

— Конечно. Что писать?

— «Дорогой чиф Рэндолф! Патрульную Уэттингтон надо немедленно убрать из полиции Честерс-Милла».

— В смысле уволить?

— Именно. — Картер начал писать в своем блокноте, и Большой Джим дал ему время. Он вновь хорошо себя чувствовал. Лучше, чем хорошо. Его вело шестое чувство. — Добавь: «Дорогой патрульный Моррисон! Когда Уэттингтон придет сегодня в участок, пожалуйста, сообщи ей, что она уволена, и пусть заберет вещи из шкафчика в раздевалке. Если она спросит о причине, скажи ей, что мы реорганизуем полицию и в новой структуре ее услуги не требуются».

— Реорганизуем пишется через «о», мистер Ренни?

— Не важно, как пишется. Главное — смысл.

— Ясно. Написал.

— Если у нее возникнут вопросы, пусть придет ко мне.

— Понял. Это все?

— Нет. Скажи, что тот, кто увидит ее первым, должен забрать ее полицейский жетон и пистолет. Если она заупрямится и скажет, что это ее личное оружие, пусть ей напишут расписку, что после завершения кризиса она получит или пистолет, или возмещение его стоимости.

Картер записал, поднял голову.

— А что, по-вашему, не так с Младшим, мистер Ренни?

— Не знаю. Полагаю, просто мигрень. Но в любом случае сейчас у меня нет времени этим заниматься. Есть дела поважнее. — Он указал на блокнот: — Принеси.

Картер принес. Писал он такими же каракулями, что и третьеклассник, но ничего не упустил. Ренни расписался.

Картер отнес результаты своего секретарского труда в полицейский участок. Генри Моррисон, прочитав записку, чуть не взбунтовался. Картер также поискал глазами Младшего, но он в участок не заходил, и никто его не видел. Картер попросил Генри приглядывать за Младшим, если тот вдруг покажется.

Потом, подчиняясь внезапному импульсу, спустился вниз, к Барбаре, который лежал на койке, заложив руки за голову.

— Звонил твой босс, — сообщил Тибодо. — Этот Кокс. Мистер Ренни называет его полковник Делай-Что-Я-Хочу.

— Готов спорить, что называет.

— Мистер Ренни послал его на три веселых буквы. И знаешь что? Твоему армейскому приятелю пришлось это проглотить и улыбнуться. Что ты об этом думаешь?

— Я не удивлен. — Барби продолжал смотреть в потолок. Голос его звучал спокойно. Это раздражало. — Картер, ты не задумывался о том, что здесь творится? Не пытался заглянуть в будущее?

— Будущего нет, *Ба-а-арби*. Во всяком случае, здесь.

Барби по-прежнему смотрел в потолок, легкая улыбка чуть кривила уголки рта. Как будто знал что-то неведомое Картеру. И Тибодо очень уж захотелось открыть камеру и вышибить дух из этого говнюка. Но потом он вспомнил, что произошло на парковке у «Дипперса». И решил, пусть лучше Барбара отрабатывает свои боевые приемы на расстрельной команде, если у него получится.

— Еще увидимся, *Ба-а-арби*.

— Я в этом уверен. — Барби так и не удосужился взглянуть на Тибодо. — Наш город мал, сынок, и за команду за одну мы все болеем.

Когда зазвонили в дверь, Пайпер Либби еще не успела снять футболку «Бостонских медведей» и шорты, которые служили ей пижамой, и надеть что-нибудь более приличное. Она открыла дверь в уверенности, что это Элен Ру, пришедшая за час до оговоренной встречи в десять утра, на которой они хотели обсудить похороны Джорджии. Но на пороге стояла Джекки Уэттингтон. В полицейской форме, однако без жетона на груди и пистолета у бедра. Выглядела она ошарашенной.

— Джекки, что случилось?

— Меня уволили. Этот мерзавец затаил на меня зло с рождественской вечеринки в полицейском участке, когда попытался меня поlapать, а я дала ему по рукам. Но я сомневаюсь, что причина только в этом, думаю, он...

— Заходи! — Пайпер отступила в сторону. — Я нашла в одном из шкафов кладовой спиртовку; наверное, осталась от моего предшественника, и она — это просто чудо — еще работает. Хочешь чашку горячего чаю?

— С удовольствием. — Слезы переполняли ее глаза и катились по щекам. Она чуть ли не сердито их вытирала.

Пайпер привела ее на кухню, зажгла походную спиртовку «Бринкман», которая стояла на столешнице.

— А теперь расскажи мне все.

Джекки рассказала, не опустив соболезнования Генри Моррисона, неловкие, но искренние.

— Он мне их прошептал. — Она взяла чашку у Пайпер. — Там теперь прямо-таки гребаное гестапо. Уж извини, что выражаюсь.

Пайпер отмахнулась.

— Генри сказал: если я стану протестовать на городском собрании, мне будет только хуже. Ренни обвинит меня в некомпетентности. И возможно, будет прав. Но если уж говорить о некомпетентности, то здесь лидирует тот, кто возглавляет нашу полицию. Что же касается Ренни... Он набирает копов, которые будут верны именно ему на случай организованного сопротивления его планам.

— Понятное дело, — кивнула Пайпер.

— Большинство новобранцев слишком молоды, чтобы купить пиво, но они ходят с оружием. Я хотела сказать Генри, что тот — следующий кандидат на вылет — он высказывался по поводу руководства Рэндолафа, и,

разумеется, эти подхалимы передадут его комментарии, — но по лицу Генри поняла, что он и сам это знает.

— Ты хочешь, чтобы я зашла к Ренни?

— Пользы от этого не будет. Я, если честно, не жалею, что больше не служу в полиции; просто противно, что меня уволили. Так или иначе, увольнение не повлияет на то, что я буду выглядеть очень уж нехорошей для того, что произойдет завтра вечером. Возможно, мне придется скрываться вместе с Барби. Если, конечно, мы найдем место, где скрываться.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я знаю и собираюсь ввести тебя в курс дела. Только учти, что это риск. Если ты кому-нибудь скажешь, я сама окажусь в Курятнике. Может, даже буду стоять рядом с Барби, когда Ренни выведет свою расстрельную команду.

Пайпер пристально смотрела на нее:

— Через сорок пять минут придет мать Джорджии Ру. Этого времени тебе хватит, чтобы все рассказать?

— С лихвой. — Джекки начала с осмотра тел в похоронном бюро. Описала похожие отметины на лице Коггинса и золоченый бейсбольный мяч, который видел Расти. Глубоко вдохнула, прежде чем перейти к своему плану освобождения Барби во время чрезвычайного городского собрания. — Хотя я понятия не имею, где мы его спрячем, если нам и удастся вытащить его из тюрьмы. — Она пригубила чай. — Так что ты думаешь?

— Пока собираюсь налить себе еще чаю. А тебе?

— Мне хватит, спасибо.

Пайпер подошла к спиртовке.

— Твой план очень опасен — сомневаюсь, что мне надо тебе это говорить, — но, возможно, нет другого способа спасти жизнь невинного человека. Я ни на секунду не верила, что Дейл Барбара виновен в этих убийствах, а после моих непосредственных контактов с местными копами совершенно не удивлюсь, если они его расстреляют, лишь бы не позволить ему взять власть. — А потом, сама того не зная, она продолжила мысль Барби: — Ренни в будущее не заглядывает, и копы — тоже. Их сейчас волнует только одно — кто царь горы? С таким образом мышления ждать можно только беды. — Она вновь села за стол. — С того дня, как вернулась в город, чтобы стать пастором, о чем я мечтала с детства, я знала, что Джим Ренни — эмбрион монстра. А теперь — уж ты прости мелодраматический оборот — монстр родился.

— Слава Богу!

— Ты благодаришь Бога за рождение монстра? — Пайпер улыбнулась и вскинула брови.

— Нет, слава Богу, ты со мной согласна.

— Но ты сказала еще не все, так?

— Не все, если, конечно, ты не откажешься в этом участвовать.

— Дорогая, я уже участвую. Если тебя можно посадить за подготовку, то меня — за то, что я знала и не донесла. Мы теперь, как любит говорить наше правительство, «доморощенные террористы».

Джекки промолчала.

— Ты думаешь не только об освобождении Дейла Барбары, так? Ты хочешь организовать активное движение сопротивления?

— Полагаю, что да. — Джекки рассмеялась, но в ее смехе слышалась беспомощность. — После шести лет службы в армии США я такого от себя не ожидала... всегда выполняла приказы. Тебе приходило в голову, что Купол может не исчезнуть? Ни этой осенью, ни зимой? Может, и в следующем году? Может, простоит и до конца нашей жизни?

— Да. — Голос Пайпер звучал спокойно, но щеки побледнели. — Приходило. Я думаю, мысль эта приходила в голову всем жителям Милла, пусть даже они и не рассматривали ее серьезно.

— А теперь подумай о другом. Ты хочешь провести год или пять при диктатуре этого убийцы-идиота? При условии, что мы проживем еще пять лет?

— Разумеется, нет.

— Тогда остановить его можно только сейчас. Он уже не эмбрион, но структура, которую он строит — эта полицейская машина, — еще в зачаточном состоянии. Сейчас самое лучшее время. — Джекки помолчала. — А если он отдаст приказ полиции забирать оружие у обычных граждан, другого времени просто не будет.

— Чего ты от меня хочешь?

— Давай устроим собрание в твоем доме. Этим вечером. Пригласим надежных людей. — Из заднего кармана она достала список, который составила вместе с Линдой Эверетт.

Пайпер развернула листок блокнота, прочитала список из восьми имен.

— Лисса Джеймисон, библиотекарь с кристаллами? Эрни Кэлверт? Ты уверена в этих двоих?

— Можно ли найти лучшего соратника, чем библиотекарь, когда нам противостоит растущая диктатура? Что же касается Эрни... Насколько я понимаю, после того, что случилось у супермаркета, если он увидит на

улице корчащегося в огне Джима Ренни, то не остановится, чтобы отлить на него и загасить огонь.

— Да уж, образнее не скажешь.

— Я собиралась попросить Джулию Шамуэй зайти к Эрни и Лиссе, но теперь сделаю это сама. Свободного времени у меня заметно прибавилось.

В дверь позвонили.

— Должно быть, скорбящая мать. — Пайпер поднялась. — Как я понимаю, уже набравшаяся. Она обожает бренди со вкусом кофе, но я сомневаюсь, что этот напиток сильно приглушает боль.

— Ты не сказала мне, как относишься к этому собранию. — Поднялась и Джекки.

Пайпер Либби улыбнулась.

— Скажи нашим доморощенным террористам, пусть приходят от девяти до половины десятого вечера. На своих двоих и по одному — стандартные правила французского Сопротивления. Незачем давать знать другим, что мы делаем.

— Спасибо тебе. Огромное.

— Пустяки. Это и мой город. Не будешь возражать, если я предложу тебе выйти через черный ход?

В фургоне Ромми Берпи нашлась и стопка чистых тряпок. Расти связал две вместе, превратив в бандану и обвязав ею пол-лица. Тем не менее в носу, горле, легких оставался запах дохлого медведя, у которого первые червяки уже копошились в глазах, открытой пасти, на раскроенном черепе.

Расти встал, попятился, покачнулся. Ромми схватил его за локоть.

— Если он отключится, поймите его, — занервничал Джо. — Может, на взрослых это действует на большем расстоянии.

— Это просто запах, — успокаивающе произнес Расти. — Уже все хорошо.

Но и на достаточном расстоянии от медведя окружающий мир пахнул плохо: воздух стал дымным и тяжелым, будто весь Честерс-Милл превратился в одну большую закрытую комнату. Помимо запахов дыма и разлагающегося животного, Расти чувствовал запах гниющих растений и болотную вонь, идущую, несомненно, от мелеющего Престил-Стрим. *Если бы только подул ветер*, подумал Расти, но редкие, едва заметные дуновения приносили еще более мерзкие запахи. Далеко на западе виднелись тучи — вероятно, в Нью-Хэмпшире лило как из ведра, — но, достигая Купола, облака разделялись, как река, уткнувшаяся в огромный скальный выступ. Расти сказал себе, что надо бы заглянуть на какой-нибудь метеорологический сайт... если для этого найдется время. Дел становилось все больше, а порядка — все меньше.

— Мог медведь умереть от бешенства, док? — спросил Ромми.

— Сомневаюсь. Думаю, это самоубийство, как и сказали дети.

Они вновь загрузились в фургон. Ромми сел за руль, и они медленно поехали по Блэк-Ридж-роуд. Счетчик Гейгера лежал у Расти на коленях. Щелкал и щелкал. Расти наблюдал, как стрелка ползет к +200.

— Остановитесь здесь, мистер Берпи! — воскликнула Норри. — До того как выедете из леса! Если вы отключитесь, я бы предпочла, чтобы произошло это не на ходу, даже если скорость десять миль в час.

Ромми послушно нажал на педаль тормоза.

— Выходите, детки. Я буду вас пасти. Дальше док поедет сам. — Он повернулся к Расти: — Садись за руль, но не разгоняйся и остановись, как только радиация превысит опасный уровень. Или если почувствуешь, что тебе нехорошо. Мы пойдем следом.

— Будьте осторожны, мистер Эверетт, — предупредил Джо.

— Не волнуйтесь, если отключитесь и съедете в кювет, — добавил Бенни. — Мы вытащим вас на дорогу, когда вы придете в себя.

— Спасибо, — кивнул Расти. — У тебя такое доброе сердце.

— Что?

— Не важно.

Расти перебрался за руль, захлопнул водительскую дверцу. На пассажирском сиденье пощелкивал счетчик Гейгера. Фургон выехал — очень медленно — из леса. Впереди Блэк-Ридж-роуд поднималась к яблоневому саду. Поначалу Расти не видел ничего необычного и на мгновение испытал острое разочарование. Потом яркая пурпурная вспышка ударила по глазам, и он резко нажал на педаль тормоза. Что-то там, несомненно, находилось, что-то яркое среди кустов и неухоженных яблонь. В зеркало заднего обзора он увидел, что остановились и остальные.

— Расти! — позвал Ромми. — Все в порядке?

— Я *это* вижу.

Он сосчитал до пятнадцати, и вновь сверкнул пурпурный свет. Расти тянулся к счетчику Гейгера, когда у водительской дверцы возник Джо. Новые прыщи пламенели на коже, как стигматы.

— Вы что-нибудь чувствуете? Слабость? Головокружение?

— Нет.

Джо указал вперед:

— Вон там мы отключились. Совсем рядом.

Расти увидел широкие отметины на пыли по левой стороне дороги.

— Подойдите туда, — велел он. — Все четверо. Давайте поглядим, отключитесь ли вы снова.

— Оосподи! — Бенни присоединился к Джо. — Я кто, подопытный кролик?

— Если на то пошло, я думаю, что подопытный кролик у нас Ромми. Ты готов, Ромми?

— Да. — Он повернулся к молодняку: — Если я отключусь, а вы — нет, оттащите меня сюда. Здесь, похоже, никому ничего не грозит.

Квартет двинулся к отметинам на пыли. Расти пристально наблюдал за ними, наклонившись над рулем фургона. И они почти дошли до примятой пыли, когда Ромми сначала замедлил шаг, потом покачнулся. Норри и Бенни подскочили с одной стороны, чтобы поддержать его, Джо — с другой. Но Ромми не упал. Мгновением позже выпрямился.

— Не знаю, то ли это настоящее, то ли... как это называется... сила внушения, но теперь все в норме. У меня на секунду закружилась голова. А вы, детки, что-нибудь почувствовали?

Они покачали головами. Расти это не удивило. Та же ветрянка — болезнь, которой болеют чуть ли не все дети, но только один раз.

— Поезжай, док, — махнул рукой Ромми. — Не хочется тебе, конечно, нести на себе эту свинцовую ленту без крайней на то необходимости, но будь осторожен.

Расти медленно поехал. Услышал ускоряющееся пощелкивание счетчика Гейгера, но пока не ощущал абсолютно ничего необычного. В яблонево́м саду каждые пятнадцать секунд что-то вспыхивало. Он поравнялся с Ромми и детьми, миновал их.

— Я ничего не чувств... — начал он, а потом необычное случилось: не совсем головокружение, а ощущение какой-то отстраненности и удивительной ясности. В этот короткий период ему казалось, что голова его — телескоп и он может увидеть все, что пожелает, на любом расстоянии. Мог увидеть, если б захотел, своего брата, едущего на работу в Сан-Диего.

Откуда-то, из соседней Вселенной, донесся голос Бенни:

— Вау, доктор Расти от нас уходит!

Но он никуда не уходил, четко видел проселочную дорогу. На удивление четко. Каждый камень и каждую блестку слюды. И если бы он свернул с дороги, то лишь затем, чтобы избежать столкновения с мужчиной, который внезапно появился перед ним. Сухощавым мужчиной, который казался очень высоким благодаря нелепому красно-бело-синему цилиндру, смешно сдвинутому набекрень. Он был одет в джинсы и футболку с надписью: «“НАША РОДНАЯ АЛАБАМА”^[149] — СЫГРАЙ ЭТУ ПЕСНЮ ПОГИБШЕЙ ГРУППЫ».

Это не человек, это хэллоуиновская кукла.

Да, конечно. Кто еще это мог быть, с зелеными садовыми совками в руках, головой из мешковины и вышитыми белыми крестами вместо глаз.

— Док! Док! — Голос Ромми.

Хэллоуиновская кукла вспыхнула яркими языками пламени.

Мгновением позже все ушло. Остались только дорога, яблоневый сад на вершине и пурпурный свет, вспыхивающий каждые пятнадцать секунд, как бы говоривший: *Иди сюда, иди, иди.*

Ромми распахнул водительскую дверцу.

— Док... Расти... ты как?

— Отлично. Это пришло, это ушло. Полагаю, как у тебя. Ромми, ты что-нибудь видел?

— Нет. На мгновение подумал, что пахнет огнем. Но думаю, просто воздух очень задымленный.

— Я видел костер из горящих тыков, — вставил Джо. — Я вам это говорил, так?

— Да. — Расти тогда не придавал значения словам Джо, несмотря на то, что слышал эти же слова из уст собственной дочери. Теперь вот придавал.

— Я слышал крики, — поделился своими впечатлениями Бенни, — но забыл все остальное.

— Я тоже их слышала, — кивнула Норри. — Происходило все днем, но стояла темень. Где-то кричали. И думаю, мне на лицо падала сажа.

— Док, может, нам лучше вернуться, — предложил Ромми.

— Этому не бывать. Не бывать, пока у меня есть шанс вывести отсюда своих детей — и всех остальных детей.

— Готов спорить, некоторые взрослые тоже захотят уйти, — ввернул Бенни. Джо врезал ему локтем.

Расти посмотрел на счетчик Гейгера. Стрелка прилепилась к +200.

— Оставайтесь здесь, — распорядился он.

— Док, а если радиация увеличится, а вы потеряете сознание? Что нам тогда делать? — осведомился Джо.

Расти обдумал вопрос.

— Если я буду рядом, вытаскивайте меня оттуда. Но не ты, Норри. Только мужчины.

— Почему не я?

— Потому что придет день, когда тебе захочется иметь детей. Только с двумя глазами, и чтобы руки-ноги были, где им положено.

— Понятно, — кивнула Норри. — Остаюсь здесь.

— Для остальных короткое пребывание в зоне повышенной радиации вреда не принесет. Но я говорю про очень короткое пребывание. Если я пройду половину пути по склону или окажусь уже в саду, оставьте меня там.

— Так нельзя, док, — покачал головой Ромми.

— Не насовсем. У тебя в магазине есть еще свинцовая лента?

— Да. Нам следовало привезти ее сюда.

— Согласен, но всего не предусмотреть. Если произойдет худшее, привезите ленту, закройте кусками окна авто, на котором приедете, и забирайте меня. Черт, к тому времени я уже могу оклематься и идти к городу на своих двоих.

— Да. Или лежать, получая смертельную дозу.

— Знаешь, Ромми, мы, вероятно, волнуемся понапрасну. Я думаю, это короткое воздействие — аналог потере сознания у детей — по характеру не отличается от других феноменов, связанных с Куполом. Ты ощущаешь его лишь однажды, а дальше все хорошо.

— Ты, возможно, ставишь на кон свою жизнь.

— В какой-то момент мы должны начать делать ставки.

— Удачи вам! — Джо сунул в окно кулак.

Расти легонько стукнул по нему, потом проделал то же самое с кулаками Норри и Бенни. Ромми от них не отстал.

— Что хорошо для детей, хорошо и для меня.

В двадцати ярдах за тем местом, где Расти привиделась кукла в шляпе-цилиндре, щелчки, которые издавал счетчик Гейгера, участились. Он увидел, что стрелка подтянулась к +400, чуть войдя в красную зону.

Расти остановился и вытащил из фургона снаряжение, которое предпочел бы не надевать. Посмотрел на остальных.

— Первое и единственное предупреждение. И оно прежде всего относится к вам, мистер Бенни Дрейк. Если засмеешься, пойдешь домой пешком.

— Я смеяться не буду, — ответил Бенни, и тут же все они рассмеялись, включая и Расти.

Он снял джинсы, натянул поверх трусов футбольные тренировочные штаны. Накладки на бедра и ягодицы заменили предварительно вырезанные куски свинцовой ленты. Затем он надел наголенники кэтчера, их тоже обернул свинцовой лентой. Далее последовали свинцовый воротник для защиты щитовидной железы и свинцовый фартук, прикрывающий перед. Расти взял самый большой, так что он доходил до ярко-оранжевых наголенников. Расти уже хотел прикрыть спину вторым фартуком (лучше нелепо выглядеть, чем умереть от рака легких), но все-таки передумал. Он уже увеличил собственный вес до трехсот фунтов. Радиация с тыла не заходит. Если держаться к ее источнику лицом, ничего с ним не случится.

Ну, возможно, ничего.

До этого момента Ромми и дети сдерживались, ограничиваясь смешками и сдавленным хихиканьем. Контроль заметно ослабел, когда Расти надел на голову резиновую шапочку, вложив в нее два слоя свинцовой ленты, но полностью они сдались лишь после того, как он натянул на руки длинные, до локтей, перчатки, а его глаза скрылись под защитными очками.

— Оно живое! — закричал Бенни, размахивая вытянутыми руками, как чудовище Франкенштейна. — Хозяин, оно живое!

Ромми, покачиваясь, сошел с дороги и, гогоча, сел на валун. Джо и Норри просто рухнули на проезжую часть и катались по ней, словно цыплята, принимающие пылевую ванну.

— Домой пойдете пешком, вы все, — пробурчал Расти, но и он улыбался, когда залезал (не без труда) в фургон.

А впереди, совсем как маяк, мерцал пурпурный огонек.

Генри Моррисон покинул полицейский участок. Шумное, больше подходящее для раздевалки школьного спортивного зала поведение новобранцев окончательно достало его. Все шло не так, решительно все. Вероятно, он это понял еще до того, как Тибодо, бандит, который теперь охранял члена городского управления Ренни, появился с подписанным приказом об увольнении Джекки Уэттингтон — отличной патрульной и, более того, прекрасной женщины.

Этот приказ Генри воспринял как первый шаг к полной зачистке полицейского участка от прежних патрульных, которых Ренни считал тайными сторонниками Герцога Перкинса. Он не сомневался, что будет следующим. Фредди Дентон и Руперт Либби останутся: Руперт — терпимый говнюк, Дентон — злобный. Линда Эверетт — еще один кандидат на увольнение. Вероятно, та же судьба ждала и Стейси Моггин. И тогда, за исключением слабоумной Лорен Конри, полицейский участок Честерс-Милла стал бы мужским клубом.

Он ехал по Главной улице, совершенно пустынной, совсем как улица города-призрака в каком-нибудь вестерне. Сэм Вердро по прозвищу Бухло сидел под козырьком «Глобуса», и Моррисон сомневался, что в бутылке, которую он зажимал между колен, пепси-кола, но останавливаться не стал. Чего лишать удовольствия старого алкоголика.

Джонни и Кэрри Карвер закрывали листами фанеры окна магазина «Бензин и бакалея». Оба с синими повязками на рукаве, которые появились по всему городу. От одного их вида по коже Генри бежали мурашки.

Он так жалел о том, что не перешел в полицию Ороно, отказавшись от сделанного ему в прошлом году предложения. Конечно, Генри не получал повышения по службе, и иметь дело с пьяными или обкуренными студентами — удовольствие маленькое, однако платили там больше, и Фрида говорила, что лучших школ, чем в Оноро, не найти.

Но Герцог убедил его остаться, пообещав пяти тысячную прибавку к годовому жалованью после очередного городского собрания и сказав, — на условиях абсолютной секретности, — что намерен уволить Питера Рэндолфа, если тот добровольно не уйдет в отставку. «Ты станешь моим заместителем, а это еще десять тысяч в год, — услышал он от Герцога. — Когда я уйду на пенсию, сможешь занять мое место, если захочешь. Альтернатива — развозить по общежитиям студентов Университета Мэна с

высыхающей на штанах блевотиной. Подумай об этом».

Ему слова Герцога понравились, и Фриде они понравились (чего там, — сказочно понравились), и, разумеется, дети облегченно вздохнули (они идею переезда встретили в штыки). Да только теперь Герцог умер, Честерс-Милл накрыло Куполом, а полицейский участок превращался в нечто дурно пахнущее.

Он повернул на Престил-стрит и увидел Младшего, в одних лишь пижамных штанах и шлепанцах, который стоял у желтой полицейской ленты, натянутой вокруг дома Маккейнов. Его заметно качало, и поначалу Моррисон подумал, что сегодня у Младшего и Сэма Бухло много общего.

Потом Генри подумал о чести полицейского участка. Он, конечно, мог в самом скором времени вылететь со службы, но пока оставался патрульным, а одно из неукоснительно соблюдаемых правил Герцога Перкинса гласило: «Фамилии полицейского Честерс-Милла не место в колонке “Площадка позора”». Колонка эта появлялась в каждом номере «Демократа». А Младший, нравился он Моррисону или нет, служил в полиции Милла.

Генри припарковал патрульный автомобиль у тротуара и пошел к покачивающемуся из стороны в сторону Младшему.

— Эй, Младший, давай-ка я отвезу тебя в участок, напою кофе и... — «и ты чуток протрезвеешь», так он собирался закончить фразу, да только увидел, что пижамные штаны у парня мокрые. Младший обдурлся.

Встревоженный и разозлившийся — никто не должен этого видеть, Герцог перевернется в могиле, — Генри протянул руку и схватил Младшего за плечо:

— Пошли, сынок. Тыставляешь себя на посмешище.

— Они были моими ружподками. — Младший не повернулся к нему. Раскачивался все быстрее. С мечтательным — теперь Генри это видел — и отсутствующим выражением лица. — Я их кубил, поэтому мог пончать в них. Не как обычно. По-французски. — Он рассмеялся, потом сплюнул. Или попытался. Густая и белая слюна нитью повисла на подбородке, раскачиваясь как маятник.

— С тебя достаточно. Я отвезу тебя домой.

Тут Младший повернулся, и Генри увидел, что он не пьян. Левый глаз пылал красным. Зрачок стал очень уж большим. Левый угол рта опустился, обнажив несколько зубов. Застывший взгляд заставил Генри вспомнить «Мистера Сардоника», фильм, который в детстве так его пугал.

Младшего не требовалось везти в участок, чтобы он выпил кофе, и не требовалось возвращать домой, чтобы он мог поспать. Его ждала больница.

— Пошли, парень, — сказал Генри. — Шагай.

Поначалу Младший не сопротивлялся, прошел большую часть пути до автомобиля, пока вновь не остановился.

— Они пахнули одинаково, и мне это нравилось, — сообщил он. — Ужастик, ужастик, ужастик, шоу сейчас начнется.

— Правильно, абсолютно. — Генри собирался обойти патрульный автомобиль спереди и посадить Младшего на переднее сиденье, но теперь счел это непрактичным. Заднее подошло бы в большей степени, пусть даже в патрульных автомобилях от задних сидений шел специфический запах. Младший обернулся на дом Маккейнов, и на его частично застывшем лице возникло некое подобие страсти.

— Ружподки! Долговременные! Не как обычно, по-французски! Только по-французски, козел! — Младший высунул язык, быстро-быстро зашлепал им по губам. Такой же звук обычно доносился с экрана перед тем, как Дорожный Бегун убегал от Хитрого Койота^[150] в облаке пыли. Он рассмеялся, повернулся и зашагал обратно к дому Маккейнов.

— Нет, Младший. — Генри схватил его за пояс пижамных штанов. — Мы должны...

Младший развернулся к нему с невероятной скоростью. Он больше не смеялся. Лицо перекосило от ненависти и ярости. Он бросился на Генри, размахивая кулаками. Высунул язык, в который впился зубами. Заговорил на странном наречии, вроде бы лишенном гласных.

Генри на это смог ответить только одним — отступил в сторону. Младший проскочил мимо него, принялся молотить кулаками по мигалкам на крыше патрульного автомобиля, разбил одну. В кровь порезал руки. Несколько человек вышли из домов, чтобы посмотреть, что происходит.

— Гтн бннт мнт! — ревел Младший. — Мнт! Мнт! Гтн! Гтн! — Одна нога соскользнула с бордюрного камня в придорожную канаву. Младший покачнулся, но не упал. По подбородку теперь текла не только слюна, но и кровь. Капала она и с обеих порезанных рук. — Она заставила меня озвереть! — проорал Младший. — Я удрил ее кленом, чтоб закнут асть, а она сфокла! Везде говно! Я... я... — Он вдруг замолчал. Вроде бы пришел в себя. — Мне нужна помощь. — После этого чмокнул губами — громко, будто выстрелил из пистолета двадцать второго калибра — и повалился лицом вниз между патрульным автомобилем и тротуаром.

Генри отвез его в больницу, включив мигалку и сирену. Совершенно не думая при этом о последних словах Младшего, которые не составило бы труда истолковать правильно. Ему было не до того.

Хватало своих проблем.

Расти медленно поднимался по склону Блэк-Риджа, все чаще поглядывая на счетчик Гейгера, который ревел теперь, как радиопомехи на АМ-диапазоне между станциями. Стрелка от +400 поднялась до +1К, и Расти ставил на то, что, когда он поднимется на вершину, она подберется к +4К. Понимал, что в этом нет ничего хорошего — самодельный радиационный костюм, конечно же, надежной защиты не обеспечивал, — но он продолжал продвигаться вперед, напоминая себе, что радиация накапливается; если не задерживаться, можно избежать смертельной дозы. *Я могу временно потерять волосы, но уж никак не схвачу смертельную дозу. Думай об этом как об установке мины: прийти, сделать свое дело — и сразу назад.*

Он включил радио, услышал квартет «Могучие облака радости» на волне ХНВ, тут же выключил радио. Пот катился в глаза, и Расти часто моргал, чтобы стряхнуть его. Кондиционер работал на полную мощность, но в кабине все равно царила адская жара. Он посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел, что остальные исследователи сбились в кучку. Выглядели они такими маленькими.

Рев счетчика Гейгера стих. Расти взглянул на него. Стрелка стояла на нуле.

Расти едва не остановил автомобиль, потом понял, что делать этого не нужно: Ромми и остальные подумали бы, что он в беде. Кроме того, у счетчика могла сесть аккумуляторная батарея. Но, взглянув еще раз, увидел, что лампочка-индикатор, показывающая подачу тока, горит так же ярко.

На вершине холма дорога закончилась разворотным кругом перед длинным красным амбаром. Здесь стояли старый грузовик и еще более древний трактор, накренившийся, с одним колесом. Амбар, наоборот, выглядел пристойно, пусть несколько окон и разбито. За ним виднелся фермерский дом, часть крыши которого провалилась, вероятно, под тяжестью выпавшего зимой снега.

Стекла Расти поднял, кондиционер работал на полную мощь, но через распахнутые ворота амбара до Расти долетал запах перепревших яблок. Он остановил фургон перед ступенями, ведущими к дому. Их перегораживала цепь, с которой свисала табличка с надписью: «НАРУШИТЕЛИ БУДУТ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ». Повесили табличку давно, она уже

проржавела, и, очевидно, внимания на нее не обращали. Пустые пивные банки валялись на крыльце, где когда-то семья Маккой сидела в летние вечера, наслаждаясь легким ветерком и любуясь открывающимся видом: справа — весь город Честерс-Милл, слева — леса, уходящие в Нью-Хэмпшир. На стене, когда-то красной, а теперь блекло-розовой, кто-то написал спреем «“ДИКИЕ КОТЫ” РУЛЯТ». На полу, спреем другого цвета, вывели «ПЛОЩАДКА ОРГИЙ». Расти решил, что эта мысль пришла в голову кому-то из сексуально озабоченных подростков. А может, кто-то написал название своей любимой металлической группы.

Он поднял счетчик Гейгера и постучал по нему пальцем. Стрелка дернулась, прибор несколько раз щелкнул. Похоже, работал как положено; просто никакого источника радиации поблизости не было.

Расти вылез из кабины и после короткого внутреннего спора освободился от большей части радиационного костюма, оставив только фартук, перчатки и защитные очки. Потом пошел вдоль сарая, держа перед собой счетчик Гейгера, обещая себе, что вернется за остальными частями костюма, как только стрелка рванет с нуля.

Однако, когда он миновал сарай и таинственный огонек вспыхнул в каких-то сорока ярдах от него, стрелка не шевельнулась. Такое казалось невозможным при условии, что радиация связана с мигающим огнем. Расти мог предложить только одно объяснение: генератор создавал радиационный пояс, чтобы отводить таких исследователей, как он. Защитить себя. По той же причине Расти испытал головокружение, а дети лишились чувств. Средства защиты, как иглы у дикобраза или вонь у скунса.

А может, причина в неисправности счетчика? И я каждую секунду получаю смертельную дозу гамма-лучей? Этот чертов счетчик — реликт “холодной войны”.

Но, подходя к краю сада, Расти увидел белку, которая пробежала по траве и взобралась на дерево. Замерла на ветке, на которой висели несобранные яблоки, и, подняв хвост трубой, блестящими глазками посмотрела на двуногого пришельца. Выглядела белка вполне здоровой, и на траве, как и в кустах, выросших в междурядьях, Расти не видел трупов животных: здесь никто не совершал самоубийства и, похоже, не подвергался радиационному воздействию.

Теперь Расти находился совсем близко от источника света, и вспыхивал тот так ярко, что Расти всякий раз щурился. Справа у его ног лежал целый мир. Он видел город, прямо-таки игрушечный, от которого его отделяли четыре мили. Решетка улиц, шпиль церкви Конго, несколько движущихся автомобилей, поблескивающих на солнце. Видел он и низкое

кирпичное здание больницы «Кэтрин Рассел», а далеко на западе — черное пятно в месте удара крылатых ракет. Оно висело в воздухе, мушка на щеке дня. Над головой небо оставалось светло-синим, почти сохранив естественный цвет, но по мере продвижения к горизонту синева переходила в ядовитую желтизну. Он не сомневался, что перемена цвета вызвана загрязнениями — по той же причине звезды стали розовыми, — но подозревал, что загрязнения эти куда как хуже, чем осенняя пыльца, осевшая на невидимой поверхности Купола.

Расти двинулся дальше. Чем дальше он находился здесь — особенно в саду, скрытый от глаз остальных, — тем больше нервничали его друзья. Он хотел напрямик подойти к источнику пурпурного света, но сначала вышел из сада к краю склона. Отсюда он видел подростков и Ромми, пусть они стали совсем маленькими, превратились чуть ли не в точки. Расти положил счетчик Гейгера на землю, медленно помахал обеими руками над головой, показывая, что с ним все в порядке. Они помахали в ответ.

— Хорошо, — выдохнул он. В тяжелых перчатках руки стали липкими от пота. — Теперь поглядим, что тут у нас.

В начальную школу на Восточной улице пришла большая перемена, когда дети могли съесть принесенную из дома еду. Джуди и Джанель Эверетт устроились в дальнем конце игровой площадки со своей подругой, шестилетней Дианой Карвер, которая по возрасту попадала аккурат между двумя сестричками. На левом рукаве футболки Диана носила маленькую синюю повязку. Она настояла на том, чтобы Кэрри повязала ей эту повязку перед тем, как пойти в школу, чтобы выглядеть, как ее родители.

— Зачем это? — спросила Джанель.

— Она означает, что я люблю полицию, — ответила Диана, жуя фруктовый рулет.

— Я тоже хочу такую! — воскликнула Джуди. — Только желтую. — Последнее слово она выговорила очень аккуратно. Маленькой называла желток шелтком, и Джанни смеялась над ней.

— Не могут они быть желтыми, — возразила Диана. — Только синими. Вкусный рулет. Я бы съела таких миллиард.

— Ты стала бы толстой, — указала ей Джанель. — Ты бы лопнула.

Они посмеялись, потом какое-то время молчали, наблюдая за более старшими детьми, при этом сестрички ели домашние крекеры с арахисовым маслом. Несколько девочек играли в классы. Мальчики забирались на шведскую стенку. Мисс Голдстоун раскачивала на качелях близняшек Пруитт. Миссис Вейндестин организовывала игру в кикбол. ^[151]

Вроде бы все выглядит нормальным, думала Джанель, да только ничего нормального нет. Никто не кричал, никто не жаловался на поцарапанную коленку. Минди и Мэнди Пруитт не умоляли мисс Голдстоун восхититься их одинаковыми прическами. Все выглядели так, будто они только притворялись, что у них время перекуса, даже взрослые. И все — включая ее — украдкой поглядывали на небо, вроде бы синее, но не совсем.

Все это, конечно, не было самым худшим. Самое худшее — после припадков — заключалось в нарастающей уверенности, что должно произойти нечто плохое.

— На Хэллоуин я хотела быть маленькой Русалочкой, — прервала паузу Диана, — но теперь нет. Никем не хочу быть. Не хочу выходить из дома. Я боюсь Хэллоуина.

— Тебе приснился плохой сон? — спросила Джанель.

— Да. — Диана протянула руку в сторону сестер с остатком фруктового рулета: — Хотите доесть? Я не так голодна, как думала.

— Нет, — ответила Джанель. Она даже не хотела доедать крекеры с арахисовым маслом, чего раньше за ней не замечалось. Джанель вспомнила, что однажды увидела, как Одри загнала мышь в угол гаража. Лаяла и прыгала на мышь, а та пыталась вырваться оттуда. От этого зрелища девочке стало очень грустно, и она позвала мать, чтобы та забрала Одри и не дала собаке съесть мышь. Мамочка рассмеялась, но выполнила просьбу дочери.

А теперь *они* стали той мышью. Джанель забыла большую часть снов, которые ей снились во время припадков, но уж это знала точно: теперь их загнали в угол.

— Я просто останусь дома. — В уголке левого глаза Дианы появилась слеза, яркая, чистая, идеально круглая. — Останусь дома на Хэллоуин. Даже не пойду в школу. Не пойду. Никто не сможет меня заставить.

Миссис Вейндестин закончила с кикболом и принялась звонить в колокол общего сбора, но поначалу никто из девочек не встал.

— Уже Хэллоуин, — подала голос Джуди. — Посмотри. — Она кивнула на другую сторону улицы, где на крыльце дома Уилеров стояла тыкva. — И туда. — Джуди указала на двух призраков из картона по обе стороны двери почты. — И туда.

Теперь она смотрела на лужайку перед библиотекой. Лисса Джеймисон выставила на траву набивную куклу. Она, конечно, хотела позабавить людей, но то, что забавляет взрослых, часто пугает детей. У Джанель создалось ощущение, что этой ночью набивная кукла с лужайки может прийти к ним в дом, когда она будет лежать в темноте и ждать сна.

Голову сделали из мешковины, глаза обозначили вышитыми белыми крестами. Шляпу словно сняли с кота в истории доктора Сьюза.^[152] Кисти заменяли садовые совки (*Нехорошие, дряхлые, загребущие руки*, подумала Джанель), и на рубашке что-то написали. Джанель не понимала, что это значит, могла только прочесть слова: «НАША РОДНАЯ АЛАБАМА» — СЫГРАЙ ЭТУ ПЕСНЮ ПОГИБШЕЙ ГРУППЫ».

— Видишь? — Джуди не плакала, но ее очень серьезные глаза широко раскрылись, полные знаний, слишком для нее сложных и темных, чтобы она могла выразить их словами. — Хэллоуин уже пришел.

Джанель взяла маленькую сестру за руку и потянула, чтобы та встала.

— Нет, еще нет. — Джанель боялась, что Хэллоуин действительно уже пришел. Что-то плохое ждало их впереди, что-то плохое и связанное с огнем. Никаких сладостей, только гадости. *Злые гадости. Плохие*

гадости. — Пошли в школу, — сказала она Джуди и Диане. — Попоем и все такое. Будет хорошо.

Обычно так и бывало, но не в этот день, даже до того, как в небе сильно грохнуло, хорошего не было. Джанель думала о набивной кукле с белыми вышитыми крестами вместо глаз. И в какой-то ужасной рубашке: «СЫГРАЙ ЭТУ ПЕСНЮ ПОГИБШЕЙ ГРУППЫ».

За четыре года до появления Купола дед Линды Эверетт умер и оставил каждому внуку и внучке приличную сумму денег. Линда получила 17 232 доллара и четыре цента. Большую часть отложили на обучение девочек в колледже, но она сочла оправданным потратить несколько сотен долларов на Расти. Приближался его день рождения, и ему хотелось приобрести «Эппл ти-ви» с тех пор, как они появились на рынке несколькими годами раньше.

За период их совместной жизни Линда покупала ему подарки и подороже, но ни один не доставил Расти большего удовольствия. Сама идея, что он может загружать фильмы из Сети, а потом смотреть их на телевизионном экране, а не на куда меньшем по размерам мониторе компьютера, безмерно веселила его. Устройство представляло собой квадратную коробочку из белого пластика со стороной примерно в семь дюймов и толщиной в три четверти дюйма. Объект, который Расти нашел на Блэк-Ридж, внешне очень уж напоминал «Эппл ти-ви». Поначалу он даже подумал, что перед ним то самое устройство — только модифицированное, разумеется, раз уж могло держать под колпаком целый город, а не только транслировать «Маленькую Русалочку» на твой телевизор посредством вай-фая и с высоким разрешением.

Объект, который лежал на границе яблоневого сада Маккоя, отличался и цветом, темно-серый — не белый, а на месте привычного логотипа на верхней крышке Расти увидел символ, вызвавший внутреннюю тревогу:

Над символом из верхней крышки выпирал нарост размером с фалангу мизинца Расти, накрытый козырьком. Под козырьком находилась линза то ли из стекла, то ли из кристалла. Она периодически испускала пурпурный свет.

Расти наклонился и прикоснулся к поверхности генератора — если это был генератор. Сильный разряд тут же поднялся по руке и пробил все тело. Он попытался оторвать руку и не смог. Мышцы застыли. Счетчик Гейгера издал резкий, неприятный звук и затих. Расти понятия не имел, запрыгнула ли стрелка в опасную зону, потому что не мог пошевелить и глазами. Свет покидал мир, скукоживался, совсем как поверхность воды, стекающей в сливное отверстие ванны после того, как из него вытащили затычку. Спокойно, с невероятной ясностью Расти подумал: *Сейчас я умру. До чего же глупый способ уй...*

Потом из темноты появились лица, только не человеческие лица, а позднее он уже и не знал — лица ли. Что-то массивное и покрытое кожей. Отдаленно человеческими казались только ромбовидные нащепки с двух сторон. Возможно, уши. Головы — если он видел перед собой *головы* — повернулись друг к другу, то ли чтобы поговорить, то ли для чего-то другого, что походило на разговор. Расти подумал, что услышал смех. Подумал, что ощутил возбуждение. Представил себе детей на игровой площадке у начальной школы на Восточной улице — своих дочек, возможно, и их подружку Диану Карвер, — обменивающихся едой, принесенной из дома, и делящихся секретами на большой перемене.

Все это продолжалось секунды, четыре-пять, не больше. Потом ушло. Разряда как не бывало, он исчез внезапно и полностью, точно так же, как это происходило с людьми, прикоснувшимися к Куполу, так же быстро, как исчезло головокружение и видение хэллоуиновской куклы в сдвинутом набекрень цилиндре. Он всего лишь стоял на коленях на гребне холма, возвышающегося над городом, и потел в свинцовом наряде.

Однако образ кожаных голов оставался. Они наклонились друг к другу и смеялись, объединившись в каком-то непристойном детском заговоре.

Мои друзья смотрят на меня снизу. Надо помахать им рукой. Показать, что все в порядке.

Он поднял обе руки над головой — теперь двигались они легко и плавно — и медленно помахал из стороны в сторону, словно его сердце не билось, как отбойный молоток, словно пот не бежал по груди и спине пахучими ручьями.

Внизу, на дороге, Ромми и дети помахали ему.

Расти несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, потом нацелил счетчик Гейгера на плоскую темно-серую квадратную коробочку, стоявшую на траве. Стрелка не добралась до +5. Фон, ничего больше.

Расти не сомневался, что этот плоский квадратный объект и есть источник их бед. Создания — не человеческие существа, *создания* —

использовали его, чтобы держать их в тюрьме, но и не только. Они использовали его, чтобы наблюдать за ними.

И развлекаться. Поганцы *смеялись*. Расти их слышал.

Он снял фартук, накрыл им коробочку с выступом, в котором находилась линза, поднялся, попятился. В первые мгновения ничего не случилось. Потом фартук загорелся. В воздухе возник новый резкий и неприятный запах. Расти наблюдал, как блестящая поверхность пузырится, вспучивается, потом загорается. И наконец фартук, по существу, тонкая пластина свинца, обтянутая пластиком, просто развалился. Еще какие-то мгновения отдельные части горели, смая большая лежала на коробочке. А чуть позже фартук — вернее, то, что еще от него оставалось, — дезинтегрировался. Осталось несколько щепоток золы — и запах, — но в остальном... пуф! И нет фартука.

Я это видел? — спросил себя Расти. Потом повторил вопрос вслух, адресуя его окружающему миру. До ноздрей по-прежнему долетал запах горелого пластика и другой, более тяжелый запах, вероятно, горевшего свинца — безумие, быть такого не могло, но фартук тем не менее исчез.

— Неужели я действительно это *видел*?

И словно в ответ пурпурный свет вспыхнул под козырьком выступа на верхней поверхности коробочки. Эти импульсы восстанавливали Купол, как прикосновение пальца к клавиатуре восстанавливало рабочую страницу на мониторе? Они позволяли кожаным головам наблюдать за городом? Обеспечивали и первое, и второе? Не имели к этому никакого отношения?

Расти приказал себе более не приближаться к плоской коробочке. Он сказал себе, что по-хорошему должен бежать к фургону (без фартука он мог бежать), а потом на полной скорости мчаться обратно в город, притормозив лишь для того, чтобы посадить в фургон своих спутников, которые ждали его внизу.

Вместо этого он вновь подошел к коробочке и упал перед ней на колени, словно молился, и сравнение это Расти определенно не нравилось.

Он снял одну перчатку, прикоснулся к земле рядом с коробочкой, тут же отдернул руку. Горячо. От горящего фартука загорелась и трава. Потом Расти потянулся к коробочке, внутренне сжавшись, ожидая ожога или разряда... хотя больше всего боялся другого, боялся вновь увидеть эти кожистые лица, эти не-совсем-головы, наклонившиеся друг к другу в каком-то веселящем их заговоре.

Ничего не произошло. Расти не увидел лиц, не ощутил жара. Серая коробочка была холодной на ощупь, хотя он своими глазами видел, как лежащий на ней свинцовый фартук сначала стал пузыриться, а потом

загорелся.

Полыхнула пурпурная вспышка. Он следил за тем, чтобы рука не оказалась перед линзой. Расти схватился обеими руками за боковые стороны коробочки, мысленно прощаясь с женой и дочками, прося прощения за то, что он такой дурак. Ожидал, что сейчас вспыхнет и сгорит. Когда не вспыхнул, попытался поднять коробочку. И хотя площадью она не превышала мелкой тарелки, да и высотой не очень-то отличалась от нее, оторвать генератор от земли Расти не смог. Казалось, коробка приварена к колонне, уходившей в землю Новой Англии на добрых девяносто футов. Да только никто коробочку ни к чему не приваривал. Она лежала на траве, и когда Расти подsunул под нее пальцы, они соприкоснулись. Он их переплел и вновь попытался поднять генератор. Разряда не ощутил, ничего не увидел, его не опалило жаром, но и коробочка не сдвинулась с места. Даже не шевельнулась.

Я держу в руках инопланетный артефакт. Машину из другого мира. Я, возможно, даже увидел тех, кто ею управляет.

Интеллектуально эта мысль изумляла, даже потрясала, но не вызывала каких-то особых эмоций. Возможно, потому, что Расти с головой накрыла лавина информации, которую он не мог переварить.

Что же теперь делать? Что, черт побери, теперь делать?

Расти не знал. Но похоже, эмоции все-таки появились — его охватило отчаяние, и остановить это отчаяние, не дать ему взять верх Расти смог, только обратив его в крик. Четыре человека, которые стояли внизу, могли услышать этот крик и подумать, что он в беде. Так, разумеется, и было. И попал в эту беду не только он.

Расти поднялся на ватные, трясущиеся ноги, которые грозили подогнуться. Горячий, недвижный воздух, казалось, лежал на коже, как масло. Между яблонями он медленно пошел к фургону. Не сомневался только в одном: ни при каких обстоятельствах Большой Джим Ренни не должен прознать про генератор. Не потому, что Большой Джим мог попытаться уничтожить его. Наоборот, он выставил бы охрану, чтобы никому не дать его уничтожить. Чтобы генератор продолжал работать, а он, Ренни, мог продолжить делать то, что делает. Потому что пока Большому Джиму определенно нравилось происходящее в городе.

Расти открыл водительскую дверцу фургона, и именно в этот момент, менее чем в миле к северу от Блэк-Риджа, гигантский взрыв потряс день. Словно Бог наклонился вниз и пальнул из небесного дробовика.

Расти от неожиданности вскрикнул и поднял голову. И тут же прикрыл глаза от яркого яростного солнца, вспыхнувшего в небе на границе

Честерс-Милла и Ти-Эр-90. Еще один самолет врезался в Купол. Только уже не маленький «Сенека-V». Черный дым поднимался вверх от места удара, расположенного, по прикидкам Расти, на высоте двадцати тысяч футов. Если черное пятно, оставленное пожаром после ракетного удара, ассоциировалось у него с мушкой на щеке дня, то новое больше походило на кожную раковую опухоль, которой позволили разрастаться.

Расти забыл про генератор. Забыл про четырех человек, которые ждали его. Забыл про собственных детей, ради которых только что пошел на отчаянный риск: мог вспыхнуть факелом и исчезнуть. Последующие две минуты этот черный ужас полностью занимал его разум.

Обломки падали на землю с другой стороны Купола. За разбитой носовой четвертью авиалайнера последовал объятый пламенем двигатель; за двигателем — дождь самолетных кресел, во многих сидели пристегнутые ремнями безопасности пассажиры; за креслами — огромное, сверкающее крыло, изгибающееся, как полоска бумаги на ветру; за крылом — хвост, вероятно, «Боинга-767». Темно-зеленый хвост с чем-то светло-зеленым, нарисованным на нем. Расти сначала показалось, что это клевер.

Не клевер — трилистник.

Фюзеляж самолета ударился о землю, как сломанная стрела, и поджег окружающий лес.

Взрыв потряс город, и все высыпают на улицу, чтобы посмотреть, что произошло. По всему Честерс-Миллу люди стоят перед домами, на подъездных дорожках, на тротуарах, посреди Главной улицы. И хотя небо к северу от их тюрьмы по большей части в облаках, им приходится прикрывать глаза от яркого света — Расти, который стоял на вершине Блэк-Риджа, вообще сначала подумал, что вспыхнуло второе солнце.

Разумеется, люди понимают, что произошло. Наиболее остроглазые даже успевают прочесть название компании на фюзеляже потерпевшего катастрофу самолета до того, как он скрывается за деревьями. Тут нет ничего сверхъестественного, такое здесь уже случалось, не прошло и недели (хотя та катастрофа не идет ни в какое сравнение с этой). Но у жителей Честерс-Милла чудовищный взрыв вызывает ужас, тиски которого так и не отпустят город до самого конца.

Любой, кто ухаживал за смертельно больным, скажет вам, что приходит критический момент, когда сопротивление умирает, уступая место смирению. Для большинства жителей Честерс-Милла этот самый критический момент наступил утром двадцать пятого октября, когда они стояли, в одиночестве или рядом с соседями, наблюдая, как более трехсот людей падают в леса Ти-Эр-90.

До того, возможно, только пятнадцать процентов населения носило синие нарукавные повязки «солидарности». К закату солнца этой среды их станет в два раза больше, а уж утром в четверг повязки появятся у более чем пятидесяти процентов.

Сопротивление уступает место смирению, смирение переходит в зависимость. Любой, кто ухаживал за смертельно больным, скажет вам и это. Больным необходим человек, который будет приносить им таблетки и стаканы холодного сладкого сока, чтобы запивать их. Человек, который снимет боль в суставах, намазав их гелем с экстрактом арники. Человек, который будет сидеть с ними, когда ночь особенно темна, а часы слишком уж тянутся. Человек, который скажет им: *А теперь спи, утром тебе станет лучше. Я здесь, так что спи. Теперь спи. Спи и позволь мне позаботиться обо всем.*

Спи.

Патрульный Генри Моррисон привез Младшего в больницу — к тому времени парень вроде бы пришел в сознание, но продолжал что-то бессвязно лепетать, — где Твитч уложил его на каталку и увез, к безмерному облегчению Моррисона.

Генри нашел через справочную домашний телефон Большого Джима и телефон его кабинета в муниципалитете, — оба номера были проводными, — но вызвонить Ренни не смог. Он как раз слушал робота, который говорил, что номер мобильного Джеймса Ренни не внесен в справочник, когда взорвался авиалайнер. Генри выбежал из больницы вместе со всеми и стоял на разворотном круге, глядя на новую черную отметину на невидимой поверхности Купола. Последние обломки еще продолжали падать.

Большой Джим между тем находился в своем кабинете в муниципалитете, но телефон выключил, чтобы спокойно и без помех поработать над двумя речами — сегодняшней перед копами и завтрашней на общегородском собрании. Он услышал взрыв и поспешил наружу. Прежде всего подумал, что Кокс взорвал атомную бомбу. Ёханую атомную бомбу! Пробей она Купол, рухнули бы все его замыслы!

Рядом оказался Эл Тиммонс, уборщик муниципалитета. Он указывал на север, высоко в небо, где еще поднимался дым. Выглядело все это для Большого Джима как взрыв самолета после попадания зенитного снаряда в старом фильме о Второй мировой войне.

— Это был самолет! — прокричал Эл. — Большой самолет! Господи! Неужели их не предупредили?

Большой Джим начал успокаиваться, и его сердце, стучащее в три раза чаще положенного, чуть замедлило ход. Если самолет... если *всего лишь* самолет, а не атомная бомба или какая-то суперракета...

Затренькал мобильник. Большой Джим выхватил его из кармана пиджака, раскрыл:

— Питер, это ты?

— Нет, мистер Ренни. Полковник Кокс.

— Что вы сделали?! — заорал Ренни. — Что, во имя Господа, вы теперь сделали?!

— Ничего. — Из голоса Кокса напрочь исчезла прежняя властность. Он сам ничего не понимал. — Мы тут совершенно ни при чем. Это... один

момент.

Ренни ждал. Главная улица заполнилась людьми, которые разинув рты смотрели в небо. Для Ренни эти зеваки выглядели овцами в человеческой одежде. Завтра вечером они соберутся в зале собраний и заблеют, спрашивая, когда все наладится. Блея, будут просить позаботиться о них, пока не наступят лучшие времена. И он позаботится. Не потому, что этого хотел. Просто такова Божья воля.

В трубке вновь раздался голос Кокса. К ошарашенности добавилась усталость. С ним говорил совсем не тот человек, который убеждал его уйти в отставку. *Именно таким я и хочу слышать твой голос, приятель. Именно таким.*

— По предварительной информации, в Купол врезался и взорвался самолет авиакомпании «Эр Айленд», следовавший рейсом сто семьдесят девять из Шеннона в Бостон. Два независимых источника уже подтвердили, что видели трилистник на хвосте, и съемочная группа Эй-би-си, которая работает на границе карантинной зоны в Харлоу, возможно... еще секундочку...

Пауза длилась больше секунды; больше минуты. Частота сердцебиения Большого Джима медленно приходила в норму (если за такую считались сто двадцать ударов в минуту), но вдруг сердце ускорило бег, и один раз словно перевернулось. Большой Джим кашлянул и ударил себя в грудь. Сердце опять начало успокаиваться, а потом ритм совсем разладился. На лбу Большого Джима выступил пот. Дневной свет, доселе тусклый, внезапно стал слишком ярким.

— Джим?! — обратился к нему Эл Тиммонс, и, хотя стоял рядом с Большим Джимом, голос доносился из далекой, далекой галактики. — Ты в порядке?

— Все отлично. Стой здесь. Может, ты мне понадобишься.

Кокс вернулся.

— Действительно, это самолет «Эр Айленд». Я смотрел репортаж Эй-би-си о катастрофе. Журналистка готовила материал с места событий, и катастрофа произошла буквально у нее над головой. Они засняли все.

— Я уверен, рейтинги пойдут вверх.

— Мистер Ренни, у нас, возможно, разное отношение к случившемуся, но я надеюсь, что вы сообщите вашим избирателям, что тревожиться им совершенно не о чем.

— Вы просто скажите мне, как такое... — Сердце перевернулось вновь. Он набрал воздух в легкие, а выдохнуть не смог. Опять ударил себя в грудь — на этот раз сильнее, и сел на скамью, которая стояла у дорожки,

ведущей от муниципалитета к тротуару. Эл смотрел уже на него, а не на черный шрам, появившийся на Куполе, на лице читалась озабоченность и, как подумал Большой Джим, страх. Даже теперь, несмотря на недомогание, Ренни радовало выражение лица Эла Тиммонса, радовала собственная незаменимость. Овцам нужен пастух.

— Ренни? Вы здесь?

— Здесь. — Как и его сердце, с которым происходило что-то нехорошее. — Как это случилось? Как могло случиться? Я думал, вы всех предупредили.

— Точно мы сможем сказать только после того, как найдем черный ящик, но гипотеза у нас есть. Мы отправили директиву с требованием всем пассажирским авиалайнерам держаться подальше от Купола, но он находится на маршруте рейса сто семьдесят девять. Мы думаем, кто-то забыл перепрограммировать автопилот. Ничего больше. Я сообщу вам подробности, как только они станут нам известны, но сейчас главное — предотвратить панику до того, как она захлестнет город.

При определенных обстоятельствах паника могла принести пользу. При определенных обстоятельствах она, — как продовольственные бунты и поджоги, — лила воду на мельницу Большого Джима.

— Это, разумеется, разгильдяйство с тяжелыми последствиями, но все равно несчастный случай, — продолжал Кокс. — Позаботьтесь о том, чтобы горожане об этом узнали.

«Они узнают то, что я им скажу, и поверят тому, что услышат от меня».

Сердце Ренни подергивалось, как жир на горячей сковороде, на короткое время забило нормально, вновь начало подергиваться. Он нажал на красную кнопку, не ответив Коксу, и сунул мобильник в карман. Потом посмотрел на Эла.

— Я хочу, чтобы ты отвез меня в больницу. — Говорил он, как мог, спокойно. — Что-то мне нехорошо.

Эл — с нарукавной повязкой солидарности — встревожился еще больше:

— Конечно, Джим. Посиди здесь, пока я подгоню мою машину. Мы не можем допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ты нужен городу.

Как будто я этого не знаю, подумал Большой Джим, сидя на скамье и глядя на большой черный шрам в небе.

— Найди Картера Тибодо и скажи ему, пусть встретится со мной там. Он мне нужен.

Большой Джим хотел дать Элу и другие инструкции, но тут его сердце

остановилось полностью. На мгновение пропасть разверзлась у его ног, черная и бездонная. Ренни ахнул и опять ударил себя в грудь. Сердце рвануло с места в карьер.

Не подведи меня сейчас, мне надо так много сделать. Не вздумай, ёханая тикалка. Не вздумай.

— Что это было? — спросила Норри высоким, детским голосом, потом сама же и ответила: — Самолет. Самолет, полный людей. — Она разрыдалась.

Мальчишки попытались сдержать слезы, но не смогли. Ромми почувствовал, что и ему хочется плакать.

— Да, — кивнул он. — Думаю, самолет.

Джо повернулся к фургону, который направлялся к ним. Спустившись с холма, он ускорился, словно Расти не терпелось вернуться в город. Когда фургон остановился и медик выпрыгнул из кабины, Джо понял, что у Расти есть и другая причина для спешки: он лишился свинцового фартука.

Прежде чем Расти успел произнести хоть слово, зазвонил его мобильник. Он откинул крышку, посмотрел на номер, принял звонок. Ожидал, что звонит Джинни, но услышал голос новичка, Терстона Маршалла.

— Да, что? Если насчет самолета, я видел... — Он послушал, сначала хмурясь, потом кивая. — Ладно, да. Хорошо. Уже еду. Скажите Джинни или Твитчу, пусть дадут ему два миллиграмма валиума. Нет, лучше три. И предложите ему успокоиться. Для него это внове, но пусть попробует. Сыну дайте пять миллиграммов. — Он захлопнул мобильник и посмотрел на них. — Оба Ренни в больнице, старший с аритмией, что с ним уже случалось. Чертову дураку следовало поставить кардиостимулятор двумя годами раньше. Терстон говорит, что у младшего симптомы глиомы. Я надеюсь, он ошибается.

Норри посмотрела на Расти. По ее лицу текли слезы. Одной рукой она обнимала Бенни Дрейка, который яростно тер глаза. Когда Джо подошел и встал рядом с ней, она обняла его свободной рукой.

— Это опухоль мозга, да? — спросила Норри. — Злокачественная?

— Если такие опухоли появляются у молодых людей возраста Ренни-младшего, они почти всегда злокачественные.

— Что ты там нашел? — осведомился Ромми.

— И что случилось с вашим фартуком? — добавил Бенни.

— Я нашел то самое, что и предполагал Джо.

— Генератор? — уточнил Ромми. — Док, ты уверен?

— Да. Ничего такого я прежде не видел. Я практически уверен, что никто на Земле раньше такого не видел.

— Что-то с другой планеты, — произнес Джо слишком тихо даже для шепота. — *Я знал.*

Расти строго глянул на него:

— Ты не должен этого говорить. Никому. Никто не должен. Если вас спросят, мы смотрели и ничего не нашли.

— Даже моей маме? — жалобно спросил Джо.

Расти почти смиротворился, но потом взял себя в руки. Этот секрет уже знали пять человек, слишком много для обеспечения безопасности. Но детки имели право знать, да и Джо Макклэтчи все равно догадался бы.

— Даже ей, во всяком случае, пока.

— Я не смогу ей солгать, — признался Джо. — Да и не получится. У нее материнская интуиция.

— Тогда скажи, что я заставил тебя дать слово никому ничего не говорить, и для нее так лучше. Если она будет настаивать, предложи ей поговорить со мной. Поехали, мне надо как можно быстрее вернуться в больницу. Ромми, сядь за руль, я весь на нервах.

— Ты не собираешься... — начал Ромми.

— Я расскажу вам все. По пути назад. Возможно, мы даже сообразим, что, черт побери, с этим делать.

Через час после того, как «Боинг-767» авиакомпании «Эр Айленд» врезался в Купол, Роуз Твитчел решительным шагом вошла в полицейский участок Честерс-Милла, держа в руках накрытую салфеткой тарелку. Стейси Моггин сидела за столом, выглядела уставшей и печальной. Те же чувства испытывала и Роуз.

— Что это? — спросила Стейси.

— Ленч. Для моего повара. Два поджаренных сэндвича с беконом, салатом и помидором.

— Роуз, я не могу позволить тебе спуститься туда. Я никому не могу позволить спуститься туда.

Мел Сирлс говорил с двумя новыми рекрутами о шоу грузовиков, которое он видел в Общественном центре Портленда прошлой весной. Теперь повернулся к Роуз:

— Я отнесу их ему, миз Роуз.

— Ты не отнесешь, — возразила Роуз.

На лице Мела отразилось удивление. И обида. Он всегда любил Роуз, и она вроде бы благоволила к нему.

— Я не доверяю тебе, потому что ты можешь выронить тарелку, — объяснила Роуз, хотя сказала не всю правду: она вообще ему не доверяла. — Я видела, как ты играешь в футбол, Мелвин.

— Да перестаньте, не такой уж я неуклюжий.

— И еще потому, что я хочу посмотреть, все ли в порядке с Барби.

— К нему никто не должен заходить. Так велел чиф Рэндолф, а он получил такой приказ от члена городского управления Ренни.

— Что ж, я иду вниз. Тебе придется воспользоваться «Тазером», чтобы остановить меня, а если ты это сделаешь, то никогда больше не получишь клубничных вафель, как ты их любишь, с растопленным посередине маслом. — Она огляделась: — А кроме того, названных тобой людей я здесь не вижу. Или они прячутся от меня?

Мел хотел было изобразить крутого и произвести впечатление на новичков, потом передумал. Роуз ему действительно нравилась. И ему нравились приготовленные ею вафли, особенно пропитавшиеся маслом. Он подтянул штаны.

— Ладно. Но я должен пойти с вами, и вы ничего ему не отнесете, пока я не загляну под салфетку.

Роуз подняла салфетку. Под ней лежали два сэндвича с салатом и помидорами и записка, написанная на обороте чека, какие получали в «Эглантирии» клиенты: «Держись. Мы в тебя верим».

Мел взял записку, скомкал. Бросил в сторону корзинки для мусора. Не попал, и один из рекрутов поспешил поднять ее и переправить в корзинку.

— Пошли. — Он уже двинулся к лестнице, остановился, взял с тарелки половину сэндвича, откусил здоровенный кусок. — Ему все равно столько не съесть.

Роуз промолчала, но, когда он первым спускался по лестнице, подумала, а не оглушить ли его тарелкой?

Они прошли половину подвального коридора, когда Мел остановился.

— Ближе вам подходить нельзя, миз Твитчел. Остаток пути тарелку понесу я. — Она передала ему тарелку и с тоской наблюдала, как Мел присел, просунул тарелку сквозь прутья и объявил: — Ленч подан, мон-говнёр.

Барби его проигнорировал. Смотрел на Роуз:

— Спасибо. Хотя, если их жарил Энсон, не знаю, буду ли я благодарен после первого куска.

— Их приготовила я, — ответила Роуз. — Барби... почему они тебя избили? Ты пытался сбежать? Ты ужасно выглядишь.

— Бежать не пытался, не сопротивлялся аресту. Не так ли, Мел?

— Ты особо не трепись, иначе я зайду и отберу у тебя сэндвичи.

— Ты можешь, конечно, попытаться. Но не уверен, что у тебя получится. — А поскольку Мел не выказал желания добаться до сэндвичей, Барби вновь сосредоточился на Роуз. — Опять самолет? По звукам — самолет. И большой.

— Эй-би-си говорит: лайнер «Эр Айленд». Полностью загруженный.

— Кажется, я все понял. Самолет летел в Бостон или Нью-Йорк, и какой-то идиот забыл перепрограммировать автопилот.

— Не знаю. Об этом еще не говорили.

— Пошли. — Мел взял ее за руку. — Поговорили, и хватит. Вам надо уйти до того, как я схлопочу неприятности.

— Ты в порядке? — спросила Роуз Барби, не двигаясь с места.

— Да. Как насчет тебя? Ты помирилась с Джекки Уэттингтон?

И какой правильный ответ? Насколько Роуз знала, с Джекки она не ссорилась. Кажется, Барби чуть покачал головой. Роуз оставалось только надеяться, что ей это не почудилось.

— Еще нет.

— Ты должна. Скажи ей, что хватит быть сукой.

— Вот-вот, — пробормотал Мел. Дернул Роуз за руку: — Пойдемте, пора. Не заставляйте тащить вас наверх.

— Передай ей, я сказал тебе: ты хорошая! — крикнул Барби, когда Роуз поднималась по лестнице, уже впереди Мела. — Вам действительно надо поговорить. И спасибо за сэндвичи.

Передай ей, я сказал тебе: ты хорошая.

Послание, Роуз в этом нисколько не сомневалась. Она не думала, что Мел сообразил, что к чему. Если он чем-то и отличался, так это тупостью, и под Куполом ума у него не прибавилось. Именно поэтому Барби, вероятно, и пошел на риск.

Роуз решила как можно быстрее найти Джекки и передать послание: *Барби говорит, что мне можно доверять. Барби говорит, что ты можешь говорить со мной открыто.*

— Спасибо тебе, Мел, — поблагодарила Роуз Сирлса, когда они поднялись наверх. — Ты меня очень выручил.

Мел огляделся, увидел, что главней его никого нет.

— Никаких проблем, но едва ли вы сможете спуститься вниз с ужином, потому что этому не бывать. — Он задумался и вдруг принялся философствовать: — Но думаю, Барби все-таки заслуживает чего-то вкусного. Потому что к этому дню на следующей неделе его поджарят, как эти сэндвичи, которые вы приготовили.

Это мы еще посмотрим, подумала Роуз.

Энди Сандерс и Шеф сидели у склада, который располагался за радиостанцией ХНВ, и курили мет. Прямо перед ними, на поле, окружавшем башню-транслятор, высился земляной холмик, на котором стоял крест, сколоченный из досок. Под холмиком покоилась Сэмми Буши, мучительница Брэтцев, жертва изнасилования, мать Литл Уолтера. Шеф сказал, что позже он украдет настоящий крест с кладбища у Честерского пруда. Если хватит времени. Могло и не хватить.

Он поднял гаражный пульт, дабы подчеркнуть весомость последней фразы.

Энди жалел об уходе Сэмми точно так же, как жалел об уходе Клодетт и Доди, но теперь сожаление это стало отстраненным, хранящимся внутри собственного купола Сандерса. Он принимал во внимание существование этого сожаления, но не мог соединиться с ним. Что было хорошо. Он пытался объяснить это Шефу Буши, но тот потерял ход его мыслей где-то посередине — концепция предлагалась сложная. Шеф, однако, кивнул и передал Энди большую трубку для курения мета с выгравированной на боковой поверхности надписью: «Продажа запрещена законом».

— Хорошо, правда?

— Да! — кивнул Энди.

Какое-то время они обсуждали два важных для наркоманов момента: какой хороший мет они курили и как много труда положили, чтобы мет получился таким хорошим. На дискуссию наложился мощнейший взрыв на севере. Энди прикрыл глаза, которые жег дым мета. Чуть не выронил трубку, но Шеф успел ее подхватить.

— Твою мать, это ж *самолет*! — Энди попытался встать, но ноги, хотя и вибрировали распирающей их энергией, держать его тело отказались. Он вновь сел.

— Нет, Сандерс. — Шеф попыхивал трубкой. Сидел, подбоченясь, и напоминал Энди индейца, курящего трубку мира.

У стены между ними стояли четыре автомата АК-47, разработанные в России, но импортированные, как и много других полезных вещей, которые хранились на складе, из Китая. С ними соседствовали пять поставленных друг на друга ящичков со снаряженными рожками по тридцать патронов в каждом и коробка с гранатами РГД-5. Шеф разъяснил Энди смысл идеограмм на ящике с гранатами: «Не роняй эту хреновину».

Шеф взял один автомат и положил на колени.

— Это не самолет, — отчеканил он.

— Нет? Тогда что?

— Знак Божий. — Шеф посмотрел на собственноручную надпись на стене: две цитаты (с литературной обработкой) из Книги Откровений и четко выделяющееся число 31. Потом перевел взгляд на Энди. На севере облако дыма в небе рассасывалось. Зато снизу поднимался новый дым: рухнувший самолет поджег лес. — С датой я ошибся. — Голос звучал задумчиво. — В этом году Хэллоуин придет раньше. Может, сегодня, может, завтра. Может, послезавтра.

— Или еще днем позже, — добавил Энди, стараясь помочь.

— Возможно. Но я думаю, он придет раньше. Сандерс!

— Что, Шеф?

— Возьми автомат. Ты теперь в армии Господа. Ты — Христов воин. В прошлом дни, когда ты лизал зад этому богоотступному сукину сыну.

Энди взял автомат и положил на голые ноги. Ему понравились и вес оружия, и тепло нагретого металла. Он проверил, поставлен ли автомат на предохранитель. Убедился, что поставлен.

— О каком богоотступном сукином сыне ты говоришь, Шеф?

Тот одарил его полным презрения взглядом, но когда Энди протянул руку за трубкой, передал с готовностью. Мета хватало им обоим, и хватит до конца — благо, ждать его оставалось недолго.

— Про Ренни. Про этого богоотступного сукина сына.

— Он мой друг, мой товарищ, но он может быть говнюком, это точно, — признал Энди. — Боже, но до чего же хорош этот мет!

— Хорош, — задумчиво согласился Шеф, взял трубку (Энди теперь думал о ней как о Курительной трубке мира). — Самые длинные кристаллы, чистейшие из чистых, и что это, Сандерс?

— Лекарство от меланхолии! — с умным видом ответил Энди.

— А там что такое? — Шеф указал на новую черную отметину на Куполе.

— Знак! От Бога!

— Да. — Голос Шефа смягчился. — Именно так. Мы на пути, указанном Богом, Сандерс. Ты знаешь, что случилось, когда Бог вскрыл седьмую печать? Ты читал Книгу Откровений?

Энди помнил — по лагерю юных христиан, куда ездил подростком — ангелов, которые выскакивали из вскрытой седьмой печати, как клоуны из маленького автомобильчика в цирке, но не хотел говорить об этом такими словами. Шеф мог счесть их богохульством. Поэтому покачал головой.

— Так и думал, — кивнул Шеф. — Ты мог проповедовать в Святом Искупителе, но проповедование — не образование. Проповедование — не настоящая визуализация. Ты это понимаешь?

Энди понимал только одно: ему хотелось еще раз затянуться метом, — но кивнул.

— Когда седьмая печать открылась, появились семь ангелов с семью трубами. И всякий раз, когда один из них трубил, на Земле случалась беда. Давай затянись, это поможет тебе сосредоточиться.

Как долго они курили? Казалось, многие часы. Они действительно видели крушение самолета? Энди полагал, что да, но теперь уже не мог утверждать наверняка. Очень уж походило на глюк. Может, ему стоило прилечь и немного поспать? Но с другой стороны, это такой кайф — сидеть рядом с Шефом, курить мет и набираться знаний.

— Я чуть не покончил с собой, но Бог меня спас, — признался он Шефу. И от благодарности его глаза наполнились слезами.

— Да, да, это очевидно. А вот другое — нет. Так что слушай.

— Я слушаю.

— Первый ангел вострубил и вылил на землю кровь. Второй ангел вострубил, и гора огня низверглась в море. Это вулканы и прочее дерьмо.

— Да! — вскричал Энди и непроизвольно нажал на спусковой крючок АК-47, лежавшего у него на коленях.

— Ты с этим повнимательнее. Если б не предохранитель, моя штучка висела бы сейчас вон на той сосне. Затянись. — Он протянул Энди трубку. Тот и не помнил, что отдавал трубку Шефу, но, должно быть, отдавал. И который нынче час? Вроде бы полдень, но откуда ему знать? Ему не хотелось съесть ленч, тогда как раньше хотелось всегда. Из всех дневных приемов пищи ленч нравился ему больше всего. — Теперь слушай, Сандерс, потому что это самая важная часть. — Шеф мог цитировать по памяти, потому что изучил Книгу Откровений от корки до корки после того, как перебрался на радиостанцию. Читал и перечитывал ее как одержимый, иногда до рассвета. — И третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда! Горящая, словно лампа!

— Мы только что видели ее.

Шеф кивнул. Он смотрел на черную отметину, оставшуюся там, где завершился полет рейса 179 авиакомпании «Эр Айленд».

— Имя этой звезде Полярная, и многие люди умерли, потому что они стали горькими. Ты горький, Сандерс?

— Нет! — заверил его Энди.

— Нет. Мы *сладкие*. Но теперь, раз звезда Полярная полыхнула в небе,

горькие люди придут. Бог предупредил меня, Сандерс, и это не чушь. Проверь меня, Сандерс, и ты убедишься, что я не несу чушь. Они попытаются отнять все это у нас. Ренни и его говенные дружки.

— Никогда! — воскликнул Сандерс. Внезапный ужас охватил его. Они уже здесь! Говенные дружки крадутся между деревьями. Говенные дружки едут по Литл-Битч-роуд колонной грузовиков и пикапов! И теперь, когда Шеф заговорил об этом, он даже понял, почему Ренни хочется это сделать. Он же намеревался «избавиться от улик». — Шеф! — Энди схватил нового друга за плечо.

— Полегче, Сандерс. Больно.

Энди ослабил хватку.

— Большой Джим уже говорил о том, чтобы приехать и забрать баллоны и контейнеры с пропаном — *это первый шаг!*

Шеф кивнул:

— Однажды они уже приезжали. Забрали два контейнера. Я им позволил. — Он помолчал, похлопал по гранатам: — Больше не позволю. Ты со мной заодно?

Энди подумал о фунтах наркотика, хранящихся в здании, к стене которого они привалились спинами, и ответил, как и ожидал Шеф:

— Брат мой. — И обнял Шефа.

Вонючего и горячего, но Энди обнимал его от души. Слезы катились у него по щекам, которые он не побрил в рабочий день недели впервые за двадцать лет. Это было здорово. Это было... было...

Это сближало!

— Брат мой, — рыданием вырвалось у него в ухо Шефа. Шеф обнял его, торжественно посмотрел в глаза.

— Мы — агенты Господа.

И Энди Сандерс — теперь один-одинешенек в этом мире, если не считать худющего пророка, сидевшего рядом, — ответил:

— Аминь.

Джекки нашла Эрни Кэлверта за домом, где тот пропалывал огород. Она немного тревожилась, излагая Эрни свое предложение, о котором переговорила с Пайпер, но, как выяснилось, понапрасну. Он схватил ее за плечи на удивление сильными для мужчины небольшого росточка и с животиком руками. Его глаза сверкали.

— Слава Богу, кто-то понимает, что задумал этот раздувшийся индюк! — Эрни опустил руки. — Извини. Запачкал твою блузу.

— Ничего страшного.

— Он опасен, патрульная Уэттингтон. Ты это знаешь, так? — Да.

— И умен. Он устроил этот бунт в супермаркете точно так же, как террорист устраивает взрыв бомбы.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Но он также и глуп. Ум и глупость — страшное сочетание. Такие умеют убеждать людей идти за ними. До самого ада. Посмотри на этого Джима Джонса, [\[153\]](#) помнишь его?

— Он убедил своих последователей выпить яд. Так ты придешь на встречу?

— Будь уверена. И никому ничего не скажу. Если только ты не хочешь, чтобы я поговорил с Лиссой Джеймисон. С радостью это сделаю.

Но прежде чем Джекки ответила, зазвонил ее мобильник. Личный. Выданный в полицейском участке она сдала вместе с жетоном и пистолетом.

— Алло, это Джекки.

— *Mihi portatote vulneratos*, сержант Уэттингтон. — Незнакомый мужской голос.

Услышав девиз ее прежней части в Вюрцбурге — *принесите нам ваших раненых*, — Джекки ответила без запинки:

— «Хоть волоком, хоть на себе, своих не бросим мы в беде». Кто это, черт побери?

— Полковник Кокс, сержант.

Джекки опустила руку с мобильником.

— Дашь мне минутку, Эрни? — Тот кивнул и вернулся в огород. Джекки отошла к забору. — Что я могу для вас сделать, полковник? Эта линия не прослушивается?

— Сержант, если ваш Ренни может прослушивать телефонные звонки,

которые идут извне, мы в большой беде.

— Он не мой.

— Приятно это слышать.

— И я больше не в армии. Шестьдесят седьмой нынче не увидишь в зеркале заднего обзора.

— Это не совсем так, сержант. По приказу президента Соединенных Штатов вас вновь призвали на службу. Добро пожаловать в наши ряды.

— Сэр, я не знаю: то ли мне поблагодарить вас, то ли послать куда подальше.

Кокс рассмеялся, но без особого веселья.

— Джек Ричер передает привет.

— Мой номер вы получили от него?

— Номер и рекомендации. Рекомендация Ричера дорогого стоит. Вы спросили: что вы можете для меня сделать? Ответ состоит из двух частей, обе простые. Первая — вытащить Дейла Барбару из кутузки. Если только вы не думаете, что он виновен по всем пунктам.

— Наоборот, сэр, я уверена, что он невиновен. Более того, мы уверены. Нас несколько.

— Хорошо. *Очень* хорошо. — Облегчение, которое слышалось в голосе мужчины, не вызывало сомнений. — Второе: вы должны сшибить Ренни с его насеста.

— Это работа для Барбары. Если... Вы уверены, что эта линия не прослушивается?

— Абсолютно.

— Если мы сможем вытащить его.

— Эта работа ведется?

— Да, сэр.

— Прекрасно. И сколько у Ренни чернорубашечников?

— В настоящий момент около тридцати, но он нанимает новых. В Милле они синерубашечники, но я вас поняла. Не следует недооценивать его, полковник. Большая часть города у него в кармане. Мы можем попытаться вытащить Барбару, и вам лучше надеяться на наш успех, потому что самой мне с Большим Джимом не справиться. Скидывать диктаторов без помощи извне мне не по чину. Не по жалованью простой патрульной. Тем более моя служба в полиции Честерс-Милла закончилась. Ренни меня вышиб.

— Держите меня в курсе. Освободите Барбару и передайте ему руководство сопротивлением. Мы посмотрим, кого еще вышибут.

— Сэр, как я понимаю, вы хотели бы быть здесь?

— Всем сердцем, — ответил Кокс без малейшего колебания. — Я бы в течение двенадцати часов вырвал ему все перышки.

Джекки в этом сильно сомневалась, под Куполом все обстояло иначе. Посторонние не понимали. Даже время текло по-другому. Пятью днями раньше здесь царил полный порядок. А теперь...

— И еще, — продолжил полковник Кокс, — найдите время, чтобы посмотреть телевизор. Мы, со своей стороны, приложим все силы для того, чтобы осложнить Ренни жизнь.

Джекки попрощалась и разорвала связь. Вернулась в огород, где копался Эрни.

— Генератор у тебя есть?

— Сдох прошлой ночью. — Эрни кисло усмехнулся.

— Ладно, пойдем куда-нибудь, где работает телик. Мой друг говорит, что нам лучше смотреть новости.

Они направились к «Эглантерии». По пути встретили Джулию и увели с собой.

Избит и арестован

«Эглантерия» закрылась до пяти вечера, когда Роуз намеревалась предложить посетителям легкий ужин, в основном то, что оставалось после обеда. Она готовила картофельный салат и одним глазом смотрела телевизор, когда в дверь постучали. Пришли Джекки Уэттингтон, Эрни Кэлверт и Джулия Шамуэй. Роуз пересекла пустой зал, вытирая руки о фартук, открыла дверь. Корги Горас трусил у ноги Джулии, с ушками торчком, дружески улыбаясь. Роуз пригласила их войти, убедилась, что табличка «ЗАКРЫТО» на месте, потом заперла за ними дверь.

— Спасибо, — поблагодарила ее Джекки.

— Не за что. Я, кстати, хотела повидаться с тобой.

— Мы пришли ради этого, — указала Джекки на телевизор. — Я была у Эрни, а Джулию мы встретили по пути. Она сидела напротив пожарища, скорбела об утрате.

— Я не скорбела, — покачала головой Джулия. — Мы с Горасом думали, как выпустить газету после городского собрания. Она будет маленькая, в две странички, но все равно газета. Я решила, что обязательно ее выпущу.

Роуз глянула на телевизор. На экране красивая молодая женщина смотрела прямо в объектив. Под ней на бегущей строке повторялась фраза: «СЕГОДНЯШНЯЯ СЪЕМКА, С РАЗРЕШЕНИЯ ЭЙ-БИ-СИ». Тут же что-то грохнуло, в небе расцвел огненный шар. К этому моменту камера уже не смотрела на женщину. Оператор снимал падающие на землю обломки авиалайнера «Эр Айленд».

— Это всего лишь повтор съемки катастрофы. — На лице Роуз не читалось никакого интереса. — Если вы не видели раньше, конечно же, посмотрите. Джекки, утром я виделась с Барбарой. Отнесла ему сандвичи, и мне разрешили спуститься в подвал, где камеры. Меня сопровождал Мелвин Сирлс.

— Тебе повезло, — фыркнула Джекки.

— Как он? — спросила Джулия. — В порядке?

— Выглядит как страх Господний, но, думаю, да. Он сказал... может, мне стоит передать это только тебе, Джекки?

— Что бы там ни было, думаю, ты можешь говорить в присутствии Эрни и Джулии.

Роуз задумалась над ее словами лишь на мгновение. Если она не могла

доверять Эрни Кэлверту и Джулии Шамуэй, то кто вообще заслуживал доверия?

— Он сказал, что я должна поговорить с тобой. Помириться, как будто мы ссорились. Он просил передать тебе, что я хорошая.

Джекки повернулась к Эрни и Джулии. Роуз показалось, что она задала вопрос и получила ответ.

— Если Барби так говорит, значит, так оно и есть. — Эрни энергично кивнул. — Дорогая, вечером мы проводим небольшую встречу. В доме Пайпер. Это в каком-то смысле секрет...

— Во всех смыслах, — поправила его Джулия. — И с учетом того, как развиваются события в городе, ему бы лучше остаться секретом.

— Если я правильно понимаю, о чем пойдет речь, то я с вами. — Роуз понизила голос: — Но не Энсон. Он носит одну из этих чертовых синих нарукавных повязок.

В этот самый момент на экране появилась заставка «ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК НОВОСТЕЙ СИ-ЭН-ЭН», сопровождаемая раздражающим музыкальным отрывком, которым канал предвещал каждый новый материал о Куполе. Роуз ожидала увидеть Андерсона Купера или своего любимого Вольфи — оба теперь базировались в Касл-Роке, но на экране появилась Барбара Старр, пентагоновский корреспондент канала. Она стояла около палаточного городка передовой армейской базы в Харлоу.

— Дон, Кайра... полковник Джеймс Оу Кокс, специальный уполномоченный Пентагона с того самого момента, как в субботу возникла эта гигантская загадочная преграда, именуемая Куполом, собирается выступить перед прессой, всего лишь второй раз с начала кризиса. Тему репортерам объявили только что, и она, конечно же, привлечет внимание десятков тысяч американцев, близкие которых проживают в отрезанном городке Честерс-Милл. Нам сообщили... — Она послушала, что ей говорили по наушнику. — А вот и полковник Кокс.

Четверо в ресторане, которые смотрели телевизор, расположившись на высоких стульях у стойки, наблюдали за сменой картинки: включилась камера внутри большой палатки. Примерно сорок репортеров сидели на складных стульях, еще больше стояли за их спинами. Многие тихонько переговаривались между собой. В дальнем конце палатки находилось наскоро сооруженное возвышение. На нем стояла трибуна, уставленная микрофонами, с американскими флагами по бокам. За трибуной белел экран.

— Очень профессионально для полевых условий, — пробормотал Эрни.

— Я думаю, это домашняя заготовка, — заметила Джекки. Она вспоминала разговор с Коксом. «Мы, со своей стороны, приложим все силы для того, чтобы осложнить Ренни жизнь».

На левой стене палатки откинулся полог, и в нее вошел невысокий подтянутый мужчина с седеющими волосами. Пружинистым шагом направился к возвышению. Никто не удосужился снабдить платформу с трибуной парой ступеней или хотя бы ящиком, чтобы встать на него, но ожидаемый всеми оратор прекрасно без этого обошелся. Легко запрыгнул на возвышение, даже не сбавив шага. На пресс-конференцию он пришел в простой полевой форме цвета хаки. Если его и награждали государственными наградами, орденские планки отсутствовали. Имелась лишь нашивка с надписью «П-К ДЖ. КОКС». Никаких бумажек в руках он не держал. Репортеры разом притихли, и Кокс одарил их легкой улыбкой.

— Этому парню следует постоянно проводить конференции, — прокомментировала Джулия. — Он хорошо смотрится.

— Помолчи, Джулия, — вырвалось у Роуз.

— Дамы и господа, спасибо, что пришли, — начал Кокс. — Я сделаю короткое сообщение, а потом отвечу на несколько вопросов. Ситуация, связанная с городом Честерс-Милл и тем, что мы называем Куполом, такова: город по-прежнему отрезан, мы по-прежнему понятия не имеем, по какой причине возник Купол и каким образом, и пока нам не удалось пробить этот барьер. Вы бы обязательно узнали, если б удалось. Лучшие ученые Америки — лучшие во всем мире — занимаются этой проблемой, и мы рассматриваем несколько возможных вариантов ее решения. Не спрашивайте меня о них, потому что в этот раз никаких ответов вы не получите. — Репортеры недовольно загудели. Кокс им не мешал. Под ним Си-эн-эн высветила фразу: «НА ЭТОТ РАЗ НИКАКИХ ОТВЕТОВ». Когда ропот смолк, Кокс продолжил: — Как вам известно, мы ввели карантинную зону вокруг Купола, сначала в милю, в воскресенье расширили ее до двух миль, во вторник — до четырех. Для этого имелись веские причины, и самая важная из них состоит в том, что Купол опасен для людей с вживленными приборами, такими, скажем, как кардиостимулятор. Вторая причина — мы полагали, что энергетическое поле, создающее Купол, может оказывать на человека некое вредное воздействие, о котором нам пока неизвестно.

— Вы говорите о радиации, полковник? — спросил кто-то.

Кокс заморозил его взглядом, а когда посчитал, что репортер получил должную выволочку (не Вольфи, удовлетворенно отметила Роуз, а какой-то лысеющий япповатый парень из «Фокс ньюс»), продолжил:

— Теперь мы уверены, что вредного воздействия это силовое поле не оказывает, во всяком случае, за короткое время, а потому запланировали провести в пятницу, двадцать седьмого октября, послезавтра, День встреч у Купола.

После такого заявления Кокса, понятное дело, закидали вопросами. Полковник подождал, пока репортеры не выдохнутся, а когда их словесный напор ослабел, взял с полочки трибуны пульт дистанционного управления и нажал на кнопку. Фотография высокого разрешения (по мнению Джулии, гораздо лучшего качества, чем те, что загружались с сайта «Гугл-Земля») появилась на белом экране. Она показывала Милл и оба города, расположенных южнее, Моттон и Касл-Рок. Кокс отложил пульт и взял лазерную указку.

Строка под ним поменялась: «ПЯТНИЦА ОБЪЯВЛЕНА ДНЕМ ВСТРЕЧ У КУПАЛА».

Джулия улыбнулась. Кокс подловил Си-эн-эн: в спешке они забыли подключить к ленте опцию «Проверка орфографии».

— Мы уверены, что сможем принять и доставить к Куполу тысячу двести гостей, — продолжил Кокс твердым голосом. — Это будут только близкие родственники... и мы все надеемся и молимся, что второй такой встречи не потребуются. Места сбора — здесь, на территории ярмарки в Касл-Роке, и здесь, на автодроме «Оксфорд плейнс». — Луч высветил оба указанных места. — Мы предоставим две дюжины автобусов, по двенадцать там и там. Автобусы нам одолжат шесть близлежащих школьных округов, которые отменяют в этот день занятия, чтобы помочь нам в организации Дня встреч, за что мы выражаем им искреннюю признательность. Двадцать пятый автобус, для прессы, будет стоять у магазина «Приманка и рыболовные снасти Шайнера» в Моттоне. — Сухо добавил: — Поскольку там продается и спиртное, большинство из вас, как я понимаю, знают, где он расположен. Сопровождать прессу будет одна, повторяю, только одна передвижная телевизионная станция. Так что картинка, дамы и господа, окажется у всех одинаковая, а того, кто будет ее предоставлять, определит лотерея.

Репортеры застонали, но не так чтобы громко.

— В автобусе для прессы сорок восемь мест, и, очевидно, здесь собрались сотни представителей средств массовой информации со всего мира...

— *Тысячи!* — крикнул седовласый мужчина, и репортеры рассмеялись.

— Я рад, что кому-то весело, — с горечью прокомментировал Эрни

Кэлверт.

Кокс позволил себе улыбнуться.

— Поправка принимается, мистер Грегори. Места будут распределяться по новостным агентствам — телевизионные компании, Рейтер, ТАСС, АП и так далее, а агентства вольны сами выбирать своих представителей.

— Пусть от Си-эн-эн поедет Вольфи, это все, что мне нужно! — воскликнула Роуз.

Репортеры оживленно переговаривались.

— Позвольте продолжить? — спросил Кокс. — И те из вас, кто посылает эсэмэски, будьте любезны это прекратить.

— О-о-о, — протянула Джекки. — Мне нравятся мужчины, которые умеют убеждать.

— Конечно же, вы помните, что привело вас сюда? Вели бы вы себя так, если б случился пожар на шахте или люди находились под обрушившимися после землетрясения домами?

В палатке воцарилась тишина, похожая на ту, что возникает на уроке четвертого класса, когда учитель наконец-то выходит из себя. Он действительно *умеет убеждать*, подумала Джулия, и всем сердцем пожелала, чтобы Кокс перенесся сюда, под Купол, и взял управление городом в свои руки. Но разумеется, если бы свиньи имели крылья, бекон мог бы летать.

— Ваша работа, дамы и господа, состоит из двух частей: во-первых, вы должны помочь нам донести до всех информацию о Дне встреч, а во-вторых, сделать все, чтобы День встреч у Купола прошел без инцидентов.

Си-эн-эн вновь сменила строку: «ПРЕССА ДОЛЖНА ПОМОЧЬ ГОСТЯМ В ПЯТНИЦУ».

— Меньше всего мы хотим, чтобы лавина родственников со всей страны хлынула в Мэн. В непосредственной близости от Купола сейчас находятся порядка десяти тысяч родственников тех, кого он отрезал. Отели, мотели и кемпинги забиты до отказа. Родственникам в других частях страны вы должны дать знать ясно и четко: «Если вы не здесь — не приезжайте». Тем, кто приедет, не только не дадут пропуск на День встреч, но и завернут на блокпостах, расположенных здесь, здесь, здесь и здесь. — Он высветил Льюистон, Обурн, Норт-Уиндэм и Конуэй, штат Нью-Хэмпшир. — Родственники, которые уже находятся в этих местах, должны зарегистрироваться у уполномоченных офицеров, которых они найдут на ярмарке и автодроме. Если вы собираетесь прямо сейчас прыгнуть в машину и мчаться туда, не делайте этого. У нас не белая распродажа ^[154] в

универмаге «Файленс», и если вы окажетесь первыми в очереди, то ничего не выиграете. Участников будут выбирать с помощью лотереи, для которой вам следует зарегистрироваться. Те, кто хочет участвовать в Дне встреч, должны приехать к регистраторам с двумя фотографиями, такими же, как на удостоверении личности. Мы попытаемся отдавать преимущество тем, у кого в Честерс-Милле двое и более родственников, но я этого не гарантирую. И хочу сразу предупредить: если в пятницу вы появитесь, чтобы сесть в автобус без пропуска или с поддельным пропуском, если вы будете мешать проведению нашей операции, вас арестуют. Не заставляйте меня доказывать это на практике. Посадка в автобусы в пятницу утром начнется в восемь ноль-ноль. Если не возникнет никаких помех, вам удастся провести с вашими близкими как минимум четыре часа, может, и больше. Устройте затор, и процесс с нашей стороны Купола замедлится. Последние автобусы уедут от Купола в семнадцать ноль-ноль.

— Где будет происходить встреча?! — крикнула какая-то женщина.

— Я как раз подхожу к этому, Андреа. — Кокс взял пульт и увеличил шоссе номер 119 и прилегающую к нему территорию.

Джекки это место знала прекрасно. Именно здесь едва не сломала нос о Купол. Она видела крыши дома Динсморов, хозяйственных построек, коровников.

— Это блошиный рынок со стороны Моттона. — Кокс нацелил на карту огонек указки. — Автобусы припаркуются здесь. Родственники выйдут из автобусов и пешком направятся к Куполу. С обеих сторон шоссе — поле, места хватит для всех. Все обломки к пятнице уберут.

— Как близко к Куполу позволят подходить людям? — спросил мужской голос.

Кокс вновь повернулся лицом к камере, отвечая потенциальным участникам Дня встреч. Роуз могла представить себе надежду и страх, которые сейчас испытывали эти люди — они смотрели трансляцию в барах и мотелях, слушали по автомобильным радиоприемникам.

— Гостям будет разрешено находиться на расстоянии двух ярдов от Купола. Мы полагаем, что это безопасно, хотя не даем никаких гарантий. Это не аттракцион парка развлечений, безопасность которого можно проверить. Людям с вживленными электронными устройствами следует держаться подальше. И они сами должны позаботиться об этом. Мы не можем проверять каждого на предмет наличия шрама от установки кардиостимулятора. Гости также оставят в автобусах все электронные устройства, включая айподы, мобильники, коммуникаторы. Репортеры с микрофонами и камерами не должны подходить к Куполу. Там место

только гостям, и то, что будет происходить между ними и их близкими по другую сторону Купола, никого не должно касаться. Я уверен, что все сработает, если вы нам в этом поможете. Выражаясь терминологией «Звездного пути», помогите нам это сделать. — Он опустил указку. — А теперь я отвечу на несколько вопросов. Только на несколько. Мистер Блитцер.

Роуз просияла. Подняла чашку с кофе и отсалютовала экрану телевизора:

— Хорошо выглядишь, Вольфи! Можешь есть крекеры в моей кровати, когда пожелаешь.

— Полковник Кокс, есть ли планы провести пресс-конференцию с городскими чиновниками? Как мы понимаем, сейчас там всем заправляет второй член городского управления Джеймс Ренни. Что делается в этом направлении?

— Мы прилагаем максимум усилий для того, чтобы провести такую пресс-конференцию с мистером Ренни и другими городскими чиновниками, которые захотят принять в ней участие. Если все пойдет по намеченному плану, она состоится в полдень.

Эти слова удостоились взрыва аплодисментов. Репортеры обожали пресс-конференции. Выше они ставили только одно: застукать высокопоставленного политика в постели с высокооплачиваемой проституткой.

— В идеале прессуху лучше всего провести прямо на шоссе, чтобы городские чиновники, кем бы они ни были, стояли со своей стороны Купола, а вы, дамы и господа, со своей.

Радостные крики. Журналистам нравились визуальные эффекты.

— Мистер Холт, — указал Кокс.

Лестер Холт^[155] вскочил с места:

— Есть ли у вас уверенность, что мистер Ренни придет на пресс-конференцию? Я спрашиваю потому, что проходила информация о его финансовых махинациях, а также о том, что генеральный прокурор штата Мэн ведет расследование его преступной деятельности.

— Я об этом слышал. Но не готов комментировать данную информацию, хотя, возможно, у мистера Ренни такое желание и возникнет. — Кокс помолчал, губы чуть изогнулись в подобии улыбки. — У меня бы на его месте возникло.

— Рита Брейвер, Си-би-эс. Это правда, что Дейл Барбара, человек, которого вы рекомендовали в администраторы Честерс-Милла, арестован за убийство? Что полиция Честерс-Милла видит в нем серийного убийцу?

Полнейшее молчание прессы. Репортеры превратились в уши, ловящие каждый звук. Четыре человека, сидящие у стойки в «Эглантерии», — тоже.

— Это правда. — Репортеры зашептались. — Но у нас нет возможности удостовериться в справедливости обвинений или проверить улики, доказывающие вину Дейла Барбары. И располагаем мы только болтовней по телефону и Интернету, то есть пользуемся теми же источниками информации, что и вы, дамы и господа. Но Дейл Барбара — офицер-орденоносец. Его никогда ни за что не арестовывали. Я знаю его много лет и поручился за него перед президентом. Если исходить из того, что мне известно на текущий момент, у меня нет причин считать, что я допустил ошибку.

— Рей Суарес, Пи-би-эс. Вы верите, что обвинения против капитана Барбары, теперь полковника Барбары, могут быть политически мотивированы? Что Джеймс Ренни мог посадить его в тюрьму, чтобы не позволить взять власть в городе, как приказал президент?

А ведь все затеяно ради второй половины этого шоу, осознала Джулия. Кокс превратил новостную прессу в «Голос Америки», а мы — люди, отгороженные Берлинской стеной. И пришла в телячий восторг.

— Если в пятницу у вас появится шанс задать вопрос члену городского управления Ренни, конечно же, спросите его об этом. — Кокс говорил с ледяным спокойствием. — Дамы и господа, это все, что я хотел вам сказать.

Он вышел из палатки той же пружинистой походкой и скрылся за пологом, прежде чем собравшиеся журналисты начали выкрикивать вопросы.

— Супер, — пробормотал Эрни.

— Это точно, — согласилась Джулия.

Роуз выключила телевизор. Она просто сияла.

— А в котором часу встреча? Я только рада, что полковник Кокс все это сказал, но Барби не поздоровится.

Барби узнал о пресс-конференции Кокса со слов спустившегося в подвал красномордого Мануэля Ортеги. Ортега, ранее наемный рабочий Олдена Динсмора, теперь носил синюю футболку с длинными рукавами, полицейский жетон, который выглядел самодельным, и револьвер сорок пятого калибра на втором ремне, застегнутом ниже на бедрах, что придавало Ортеге сходство с гангстером. Барби знал его как тихого парня, с редкими волосами и обгоревшей на солнце кожей, предпочитающего заказывать завтрак в обед — оладьи, бекон, глазунья, которую незадолго до готовности переворачивают желтками вниз — и говорить о коровах. Особенно он сокрушался, что мистер Динсмор не хочет покупать коров «опоясанной» галловейской породы.^[156] Мануэль Ортега был янки до мозга костей, несмотря на имя и фамилию, и его отличал суховатый юмор. Барби он всегда нравился.

Но в подвал спустился другой Мануэль, начисто лишенный привычного юмора. Последние новости, с которыми он пришел, Мануэль прокричал сквозь прутья решетки, разбавляя слова брызжущей слюной. Его лицо буквально излучало ярость.

— Ни слова о том, что твои армейские жетоны нашли в руке бедной девочки, ни единого гребаного слова! А потом этот солдафон принялся обвинять во всех смертных грехах Джима Ренни, который держит Милл на плаву после того, что произошло. Сам! Голыми руками и на живую нитку!

— Успокойся, Мануэль.

— Я тебе патрульный Ортега, гондон!

— Хорошо. Патрульный Ортега. — Барби сидел на койке и думал, как это просто для Ортеги достать из кобуры старенький «скофилд» и начать стрелять. — Я — здесь, Ренни — там. И я уверен: все у него хорошо.

— Заткнись! — заорал Мануэль. — Мы все здесь! Все под этим гребаным куполом! Олден ничего не делает, только пьет, мальчик, который остался, ничего не ест: миссис Динсмор только оплакивает Рори. Джек Эванс вышиб себе мозги, ты это знаешь? А эти козлы-военные, которые там, не нашли лучшего занятия, чем бросаться грязью. Сплошная ложь и выдумки, тогда как ты устраиваешь продуктовые бунты и даже сжигаешь редакцию нашей газеты! Вероятно, для того, чтобы миз Шамуэй не смогла напечатать *правду о тебе!*

Барби молчал. Подумал, что даже одно слово в собственную защиту

могло стоять ему жизни.

— Так *они* поступают с каждым политиком, который им не нравится. *Они* хотят, чтобы городом управлял убийца и насильник, который насилует мертвых, а не добропорядочный христианин? Это уже чересчур.

Мануэль вытащил револьвер, поднял, нацелил между прутьями. Для Барби дыра в дульном срезе казалась огромной, как железнодорожный тоннель.

— Если Купол исчезнет до того, как тебя поставят у ближайшей стены перед расстрельной командой и провентилируют, — продолжил Мануэль, — я выкрою минутку, чтобы сделать это самому. Я — первый в очереди, и она длинная, потому что сейчас в Милле очень много тех, кто ждет случая, чтобы посчитаться с тобой.

Барби молчал, не зная, умрет он сейчас или продолжит дышать. Принесенные Роуз Твитчел сандвичи с беконом, салатом и помидором пытались подобраться к горлу и задушить его.

— Мы пытаемся выжить, а они могут только одно — лить грязь на человека, который не дает воцариться хаосу. — Резким движением он убрал револьвер в кобуру: — Да пошел ты. Не хочу марать руки.

Ортега повернулся и широким шагом двинулся к лестнице, опустив голову, с поникшими плечами.

Барби привалился к стене, выдохнул. Лоб покрывал пот, рука, которую он поднял, чтобы вытереть его, тряслась.

Когда фургон Ромео Берпи свернул на подъездную дорожку Макклэтчи, Клер выбежала из дома. Она плакала.

— Мама! — выкрикнул Джо и выскочил из салона даже до того, как фургон полностью остановился. Остальные последовали за ним. — Мама, что случилось?

— Ничего. — Клер рыдала, обнимая сына, прижимая его к себе. — У нас будет День встреч! В пятницу! Джо, я думаю, мы сможем повидаться с твоим папой!

Джо издал радостный вопль и заплясал вокруг Клер. Бенни обнял Норри и... воспользовался возможностью, чтобы сорвать поцелуй. «Ох, маленький хитрец», — подумал заметивший это Расти.

— Отвези меня в больницу, Ромми, — попросил он. Помахал рукой Клер и детям, когда они задним ходом выезжали на улицу. Расти радовался, что ему не пришлось говорить с миссис Макклэтчи. Материнская интуиция могла сработать и с фельдшером. — И сделай одолжение, говори по-английски, а не на этом *parle*^[157] из комиксов.

— Не у всех имеется культурное наследие, на которое можно опереться, и тогда возникает зависть к тем, у кого оно есть.

— Да, и твоя мать носит галоши.

— Совершенно верно, но лишь когда идет дождь.

Звякнул мобильник Расти: пришло сообщение. Он откинул крышку и прочитал: «ВСТРЕЧА В 21.30 В ДОМЕ ПАЙПЕР ПРИХОДИ ТОЧНО ДЖУ».

— Ромми, — он закрыл мобильник, — при условии, что я переживу общение с обоими Ренни, как насчет того, чтобы этим вечером пойти со мной на одну встречу?

В больнице Джинни встретила его в вестибюле.

— В «Кэтрин Рассел» сегодня день Ренни, — объявила она, не выказывая особого недовольствия. — Терс Маршалл побывал у обоих. Расти, этот человек — дар Божий. Ему определенно не нравится Младший — тот вместе с Френки грубо обошлись с ним у пруда, — но Терс показал себя настоящим профессионалом. Этот человек зарывает свой талант на кафедре английского языка и литературы какого-то колледжа. Ему следовало бы работать в больнице. — Она понизила голос: — Он точно лучше меня. И возможно, лучше Твитча.

— Где он сейчас?

— Пошел в дом, где они живут, чтобы повидаться со своей молодой подругой и двумя детьми, которых они опекают. Похоже, он искренне привязался к ним.

— Господи, Джинни, ты влюбилась. — Расти широко улыбнулся.

— Что за бред! — вскипела Джинни.

— В каких палатах Ренни?

— Младший в седьмой, старший в девятнадцатой. Старший пришел сюда с Тибодо, но потом отправил того по каким-то делам, потому что к своему сыну заходил один. — Она с определенным злорадством улыбнулась. — Долго там не задержался. По большей части говорил по мобильнику. Младший просто сидит, хотя уже в своем уме. Таким не был, когда Моррисон привез его.

— У Большого Джима аритмия? И как наши успехи?

— Терстон вернул ритм в норму.

На время, подумал Расти, не без некоторого удовольствия. Когда прекратится действие валиума, сердце снова запрыгает.

— Первым осмотри Младшего. — В вестибюле они были вдвоем, но Джинни все равно говорила почти шепотом. — Мне он не нравится, никогда не нравился, но теперь мне его жалко. Не думаю, что он долго протянет.

— Терстон что-нибудь сказал Ренни о состоянии Младшего?

— Да, что проблема потенциально серьезная. Но очевидно, не столь серьезная, как все звонки Ренни по мобильному. Вероятно, кто-то сообщил ему о Дне встреч в пятницу. Ренни страшно из-за этого злится.

Расти подумал о коробочке на Блэк-Ридж, тонкой коробочке площадью

в каких-то пятьдесят квадратных дюймов, которую он не смог поднять. Или даже шевельнуть. Он также подумал о смеющихся кожаных головах, которые видел считанные мгновения.

— Некоторые просто не любят гостей, — вздохнул Расти.

— Как себя чувствуешь. Младший?

— Нормально. Лучше, — безжизненным голосом ответил тот. Его переодели в больничный халат, и он сидел у окна. Свет не щадил его осунувшееся лицо. Выглядел Младший сорокалетним мужчиной, которому пришлось много чего пережить.

— Скажи мне, что произошло перед тем, как ты потерял сознание.

— Я собирался в школу, но вместо этого пошел к дому Энджи. Хотел сказать, что она должна помириться с Френком. Он очень переживает.

Расти чуть не спросил, знает ли Младший о смерти Френки и Энджи, но в последний момент передумал: какой смысл? Задал другой вопрос:

— Ты собирался в школу? А как же Купол?

— Точно. — Все тот же безжизненный, лишенный эмоций голос. — Я про него забыл.

— Сколько тебе лет, сынок?

— Двадцать... один?

— Как звали твою мать?

Младший задумался.

— Джейсон Джамби, [\[158\]](#) — наконец ответил он, потом пронзительно рассмеялся. Но лицо осталось апатичным и осунувшимся.

— Когда появился Купол?

— В субботу.

— И как давно он стоит?

Младший нахмурился.

— Неделю? Две недели? Какое-то время он здесь, это точно. — Он взглянул в лицо Расти. Глаза блестели от валиума, который вколол ему Терс Маршалл. — Ты задаешь все эти вопросы с подачи *Ба-а-арби*? Он их убил, знаешь ли. — Младший кивнул. — Мы нашли его жентификационные идетоны. — Пауза. — Идентификационные жетоны.

— Барби не имеет к этим вопросам никакого отношения. Он в тюрьме.

— И очень скоро будет в аду. — Голос ровный, безо всяких эмоций. — Мы собираемся его судить, а потом казним. Так сказал мой отец. В штате Мэн нет смертной казни, но он говорит, что сейчас мы живем по условиям военного времени. В яичном салате слишком много калорий.

— Это точно. — Расти принес с собой стетоскоп, манжету для измерения давления, офтальмоскоп. И теперь обернул манжетой бицепс

Младшего. — Ты можешь назвать трех последних президентов Америки, Младший?

— Конечно, Буш, Пуш и Туш. — Он вновь захохотал, но выражение лица не изменилось.

Давление у Младшего оказалось повышенным, 147 на 120, но Расти готовился к худшему.

— Ты помнишь, кто приходил к тебе до меня?

— Да. Старик, которого мы с Френки нашли у пруда перед тем, как нашли детей. Надеюсь, дети в порядке. Они такие милые.

— Ты помнишь, как их зовут?

— Эйден и Элис Эпплтон. Мы поехали в клуб, и та девица с рыжими волосами гоняла мне шкурку под столом. Думала, что этим отделается.

— Понятно. — Расти взялся за офтальмоскоп. С правым глазом полный порядок. Диск зрительного нерва левого глаза выпучился. *Отек диска зрительного нерва, типичный симптом при запущенных опухолях мозга.*

— Увидел что-нибудь интересное?

— Нет. — Расти положил офтальмоскоп, потом поднял руку с оттопыренным указательным пальцем. Палец оказался аккурат на уровне носа Младшего. — Коснись пальцем моего пальца, а потом своего носа. — Младший так и сделал. Расти медленно задвигал пальцем из стороны в сторону: — Продолжай.

Первый раз Младший коснулся и движущегося пальца, и своего носа. Второй — коснулся пальца, но потом попал в щеку. В третий — промахнулся мимо пальца и коснулся правой брови.

— Bay! Хочешь еще? Я могу заниматься этим целый день, знаешь ли.

Расти отодвинул стул и поднялся.

— Я пришлю к тебе Джинни Томлинсон с назначенными лекарствами.

— После этого я смогу отчалить? В смысле пойти домой?

— Ты останешься у нас на ночь, Младший. Для наблюдения.

— Но я же здоров, так? Утром у меня болела голова, жутко болела, но теперь боль ушла. Я в порядке, так?

— Сейчас я ничего тебе сказать не могу. Мне надо поговорить с Терстоном Маршаллом и заглянуть в пару-тройку книг.

— Чел, он же не доктор. Он учитель английского.

— Может, и так, но тебе он все сделал правильно. Как я понимаю, отнесся к тебе лучше, чем вы с Френки к нему.

Младший отмахнулся:

— Мы просто забавлялись. А кроме того, к детям мы отнеслись как

положено, да?

— Насчет этого спорить не буду. Пока отдыхай, Младший. Если хочешь, посмотри телевизор.

Младший обдумал предложение, потом спросил:

— Что на ужин?

При сложившихся обстоятельствах Расти мог подумать только об одном: уменьшить внутричерепное давление Джеймсу Ренни-младшему внутривенным вливанием маннитола. Он вытащил из ячейки на двери карту пациента и увидел прикрепленную к ней записку, написанную незнакомым почерком, округлыми буквами:

Дорогой доктор Эверетт!

Что вы думаете о маннитоле для этого пациента? Я не могу дать указание, потому что понятия не имею, какова правильная доза.

Терс.

Расти написал дозу. Джинни не ошиблась: Терстон Маршалл многое знал и умел.

Дверь в палату Большого Джима Расти нашел открытой, саму палату — пустой. Зато услышал его голос, доносящийся из комнаты, где любил подремать умерший доктор Хаскел. Расти направился туда, не удосужившись взять карту Большого Джима, и об этом просчете ему еще предстояло пожалеть.

Ренни, полностью одетый, сидел у окна, приложив мобильник к уху, хотя на стене висел постер с перечеркнутым изображением ярко-красного мобильного. Расти подумал, что получит безмерное удовольствие, запретив Большому Джиму использовать телефон. Возможно, не самое политически грамотное начало разговора, который мог превратиться в нечто среднее между допросом и дискуссией, но он собирался это сделать. Шагнул к Большому Джиму и остановился. Как вкопанный.

В голове сверкнуло яркое воспоминание: сон не идет, он встает с кровати, чтобы спуститься вниз и съесть кусок клюквенно-апельсинового хлеба, испеченного Линдой, слышит тихий вой Одри, доносящийся из комнаты девочек. Идет проверить, как там его малышки. Садится на кровать Дженни под Ханной Монтаной, ^[159] ее ангелом-хранителем.

Почему это воспоминание пришло только сейчас? Почему не при разговоре с Большим Джимом в его домашнем кабинете?

Потому что тогда я ничего не знал об убийствах; меня интересовал только пропан. И потому что у Джанель не было припадка, она просто находилась в фазе быстрого сна. Разговаривала во сне.

У него золотистый бейсбольный мяч, папочка. Это плохой бейсбольный мяч.

Даже прошлым вечером в похоронном бюро это воспоминание не проявило себя. Только теперь: возможно, уже слишком поздно.

Но подумай, что это означает: устройство на Блэк-Ридж, возможно, не только излучает радиацию определенного уровня, но и вызывает что-то еще. Назови это наведенным ясновидением, назови чем-то, не имеющим названия, но, как ни назови, это что-то имеет место быть. Если Джанни права насчет золоченого бейсбольного мяча, тогда все дети, предсказывавшие беду на Хэллоуин, возможно, тоже правы. Но случится ли беда именно в тот день? Или может прийти раньше?

Расти решил, что второй вариант более реален. Потому что для многих городских подростков, перевозбужденных по части сладости-или-гадости,

Хэллоуин уже наступил.

— Мне без разницы, чем ты занят, Стюарт, — говорил Большой Джим. Три миллиграмма валиума, похоже, совершенно его не успокоили: он, как всегда, кипел. — Поезжай туда с Фернолдом и возьми Роджера с... Что?.. Я мог бы тебе этого и не говорить! Ты не смотрел этот ёханный телевизор? Если он будет пререкаться, ты... — Он поднял голову и увидел стоящего в дверях Расти. Только мгновение по лицу Большого Джима чувствовалось, что он лихорадочно вспоминает сказанное в последнюю минуту-другую, пытаюсь понять, как много удалось услышать постороннему человеку. — Стюарт, сюда пришли. Я тебе перезвоню, а когда буду перезванивать, тебе лучше сказать мне то, что я хочу услышать. — Он разорвал связь, протянул мобильник Расти и оскалил в улыбке верхние зубы. — Я знаю, знаю, проявил непослушание, но городские дела не могут ждать. — Ренни вздохнул. — Не так просто быть человеком, от которого все зависит, особенно если сам неважно себя чувствуешь.

— Должно быть, трудно.

— Мне помогает Бог. Хочешь знать принцип, по которому я живу, дружище?

Нет.

— Конечно.

— Когда Бог закрывает дверь, Он открывает окно.

— Вы так думаете?

— Я это знаю. А еще всегда стараюсь помнить: когда ты молишься и просишь о том, чего ты хочешь, Бог поворачивается ухом, которое не слышит. А когда ты молишься о том, что тебе необходимо, Он не пропускает ни слова.

— Ну-ну. — Расти вошел в комнату отдыха. На стене работал телевизор: канал Си-эн-эн с приглушенным звуком. За говорящей головой висела фотография Джеймса Ренни-старшего, черно-белая, запечатлевшая его не в выигрышной позе. Большой Джимми стоял с одним вскинутым пальцем и поднявшейся верхней губой. Не в улыбке, а в мрачном зверином оскале. Строка в самом низу экрана вопрошала: «Город под Куполом был наркораем?» Говорящая голова и фотография уступили место рекламному ролику салона подержанных автомобилей, который всегда раздражал Расти, заканчиваясь крупным планом одного из продавцов (никогда — самого Ренни), кричащего в объектив: «С тачкой будет вам везуха, Большой Джим тому порука!»

Большой Джим указал на строку и печально улыбнулся:

— Видишь, что творят со мной друзья Барбары с той стороны? Черт,

да разве это удивительно? Когда Христос пришел, чтобы спасти человечество, Его заставили нести собственный крест на Голгофу, где Он и умер в крови и пыли.

Расти отметил, уже не в первый раз, какой странный препарат этот валиум. Он не знал — действительно ли *veritas in vino*, но в валиуме истины точно хватало. Когда люди его получали, особенно внутривенно, зачастую они честно говорили, что о себе думали.

Расти пододвинул стул и приготовил стетоскоп.

— Поднимите рубашку. — И когда Большой Джим отложил мобильник, чтобы это сделать, взял его и сунул в нагрудный карман. — Я телефон возьму, хорошо? Оставлю на столе в вестибюле, откуда можно звонить по мобильнику. Стулья там не такие удобные, как здесь, но сидеть на них можно.

Он ожидал, что Большой Джим запротестует, может, взорвется, но тот даже не пикнул, обнажил толстенный живот и большую дряблую грудь. Расти наклонился вперед, начал слушать. Все оказалось не так плохо, как он ожидал. Его бы порадовали сто десять ударов в минуту с редкими нарушениями ритма, но сердце Большого Джима билось ровно и устойчиво девяносто раз в минуту.

— Я чувствую себя гораздо лучше, — сказал Ренни. — Все дело в стрессе. Напряжение жуткое. Я собираюсь отдохнуть здесь часок-другой — ты знаешь, что из этого окна виден весь деловой район, дружище? — а потом еще раз навещу Младшего. После этого ты еще раз померяешь мне давление и...

— Это не только стресс. У вас лишний вес, и вы не в форме.

Большой Джим обнажил верхние зубы в псевдоулыбке:

— Я, между прочим, тащу на себе и город, и бизнес, дружище. Поэтому у меня остается мало времени для беговых дорожек, велотренажеров и тому подобного.

— Вам уже два года как следовало поставить кардиостимулятор. У вас пароксизмальная тахикардия.

— Я знаю, что у меня. Я ездил в клинику, и мне сказали, что даже здоровые люди часто испытывают...

— Рон Хаскел прямо говорил вам, что надо сесть на диету и взять вес под контроль, что аритмию надо взять под контроль, подобрав препарат и дозу. А если медикаментозное лечение не поможет, обратиться к хирургии, чтобы решить имеющуюся проблему.

Большой Джим выглядел теперь, как опечаленный ребенок, который не может вылезти из высокого стульчика.

— Господь сказал мне не делать этого! Господь сказал: никаких кардиостимуляторов! И Господь оказался прав! Герцог Перкинс поставил кардиостимулятор, и посмотри, чем это для него закончилось.

— Не говоря уже про вдову, — мягко вставил Расти. — Ей тоже очень уж не повезло. Должно быть, оказалась не в том месте не в то время.

Большой Джим уставился на него маленькими свинячьими глазками. Потом перевел взгляд на потолок.

— Свет опять горит, так? Я вернул ваш пропан, как ты и просил. От некоторых благодарности не дождешься. Впрочем, я к этому уже привык.

— Завтра вечером пропан у нас снова закончится.

Большой Джим покачал головой:

— Завтра вечером у вас будет столько пропана, что его хватит до Рождества, если возникнет такая необходимость. Обещаю тебе, раз уж ты так хорошо заботишься о пациентах, да и вообще славный парень.

— Мне сложно кого-то благодарить за то, что с самого начала принадлежало мне. Такой уж я человек.

— Ага, так теперь ты равняешь себя с больницей? — фыркнул Большой Джим.

— Почему нет? Вы же равняете себя с Христом. Давайте вернемся к медицинским аспектам, хорошо?

Большой Джим пренебрежительно взмахнул большими, с толстыми пальцами, руками.

— Валиум аритмию не лечит. Если вы уйдете отсюда, то к пяти вечера у вас вновь появятся экстрасистолы. А это может привести к тромбоэмболии. Есть, конечно, и светлая сторона — возможно, вы встретитесь с нашим Спасителем еще до наступления темноты.

— И что ты порекомендуешь? — спокойным голосом спросил Ренни. Самообладание уже вернулось к нему.

— Я мог бы дать вам кое-что и, возможно, решить проблему. Это лекарство.

— Какое лекарство?

— Но вам придется заплатить.

— Я так и знал. — Голос Ренни стал вкрадчивым. — Я знал, что ты на стороне Барбары с того самого дня, как ты пришел в мой кабинет и принялся требовать то одно, то другое.

Тогда Расти требовал только пропан, но уточнять он не стал.

— А откуда вы знали, что у Барбары и тогда была своя сторона? Убийства еще не раскрыли, так откуда вы это знали?

Глазки Ренни заблестели весельем и паранойей, а может, и первым, и

вторым.

— Есть у меня такие способы. Так какова цена? Что бы ты хотел получить в обмен на лекарство, которое излечит мою сердечную болезнь? — И прежде чем Расти ответил, продолжил: — Позволь догадаться. Ты хочешь, чтобы Барбара обрел свободу, так?

— Нет. Город линчует его, как только он выйдет из полицейского участка.

Большой Джим рассмеялся:

— Иной раз ты демонстрируешь зачатки здравого смысла.

— Я хочу, чтобы вы ушли в отставку. Вместе с Сандерсом. Передайте власть Андреа Гриннел. И пусть Джулия Шамуэй ей помогает. Пока Андреа полностью не избавится от лекарственной зависимости.

На этот раз Большой Джим рассмеялся громче, шлепнул себя по коленке.

— Я думал, что Кокс ничего не соображает — он хотел, чтобы Андреа помогала эта тетка с большими буферами, но ты гораздо хуже. Шамуэй! Эта ведьма-словоблудница не может управлять даже собой!

— Я знаю, что вы убили Коггинса.

Расти не собирался этого говорить, но фраза сорвалась с языка. Прежде чем он успел ее удержать. Да и почему нет? Они же сейчас только вдвоем, если не считать Джона Робертса из Си-эн-эн, который смотрел на них с экрана. А результат оказался удачным. Впервые с того момента, как Честерс-Милл накрыло Куполом, Большой Джим пропустил удар. Он предпринял немалые усилия для того, чтобы лицо осталось бесстрастным, но не вышло.

— Ты рехнулся.

— Вы знаете, что нет. Прошлой ночью я побывал в «Похоронном бюро Боуи» и осмотрел тела четырех жертв.

— Ты не имел права этого делать! Ты не патологоанатом! Ты даже не ёханный врач!

— Расслабьтесь, Ренни. Сосчитайте до десяти. Помните о сердце. — Расти помолчал. — С другой стороны, на хрен ваше сердце. После того, что вы уже натворили и продолжаете творить, на хрен ваше сердце. На лице и голове Коггинса шрамы. Очень нетипичные шрамы, но легко идентифицируемые. И у меня нет ни малейших сомнений, что они — от сувенирного бейсбольного мяча, который я видел у вас на письменном столе.

— Это ничего не значит. — Ренни посмотрел в сторону открытой двери в ванную.

— Это многое значит. Особенно если учесть, что все тела найдены в одном месте. Мне это говорит о том, что убийца Коггинса убил и остальных. Я думаю — вы. А может, вы и Младший. Как насчет отца и сына, работавших в тандеме? Как насчет этого?

— Я отказываюсь такое слушать. — Большой Джим начал подниматься. Расти тычком усадил его. Далось ему это на удивление легко. — Оставайся на месте! — прокричал Ренни. — Еж тебя побери, оставайся на месте!

— Почему вы его убили? Он угрожал, что расскажет всем о производстве наркотиков? Он в этом участвовал?

— Оставайся на месте! — повторил Большой Джим, хотя Расти уже сидел на стуле. Но ему и в голову не пришло, что Ренни мог обращаться к кому-то еще.

— Я могу никому об этом не говорить. И я могу дать вам лекарство, которое при аритмии помогает лучше, чем валиум. Цена — ваша отставка. Объявите, что вы уходите с должности по состоянию здоровья и передаете власть Андреа завтра вечером, на городском собрании. Тогда вы останетесь героем.

Большой Джим не может отказаться, подумал Расти. Он загнан в угол.

Ренни повернулся к открытой двери в ванную:

— Теперь можно выходить.

В комнате отдыха появился Картер Тибодо, а потом и Фредди Дентон: они прятались в ванной... и слушали.

— Черт побери! — выругался Стюарт Боуи. Он и его брат работали в подвале похоронного бюро. Стюарт готовил к похоронам Арлетт Кумбс, последнюю самоубийцу Милла, только-только поступившую к братьям. — Этот паршивый, мерзкий, гребаный говнюк!

Он бросил мобильник на столик, из широкого нагрудного кармана фартука достал упаковку крекеров с арахисовым маслом «Ритц битс». Стюарт всегда ел, если расстраивался, и всегда неряшливо («Здесь ели свиньи», — обычно говорил его отец, глянув на то, что оставалось на столе после Стюарта). Теперь крошки посыпались на лицо Арлетт, которое выглядело далеко не умиротворенным: если она думала, что, выпив гель для прочистки засоров «Ликвид-пламр», — быстро и безболезненно сбежит из-под Купола, то сильно просчиталась. Едкое вещество разъело ей желудок и вышло через спину.

— Что не так? — спросил Ферн.

— Почему я только связался с этим злогребучим Ренни?

— Ради денег?

— Да какой сейчас прок от денег! — взвился Стюарт. — Что мне с ними делать, скупить весь «Универмаг Берпи»? — Он открыл рот пожилой вдовы и принялся заталкивать в него оставшиеся крекеры: — Жри, ведьма, пора тебе закусить.

Стюарт схватил мобильник, открыл телефонную книгу, выбрал нужный номер.

— Если он не ответит, — обращался Стюарт, возможно, к Ферну, но скорее к самому себе, — я поеду туда, найду его и засуну курицу в его гребаную жо...

Но Роджер Кильян ответил. И находился он, судя по фону, в курятнике. Стюарт слышал кудахтанье. И еще завывание скрипок оркестра Мантовани, доносящееся из развешанных по курятнику динамиков. Когда там работали сыновья, куры слушали «Металлику» или «Пантеру».

— Да?

— Роджер, это Стюи. Ты трезвый, брат?

— Само собой, — ответил Роджер. Что могло означать: он не пил, а всего лишь курил мет, но значения это не имело.

— Приезжай в город. Встретимся в городском гараже. Мы возьмем два больших грузовика — те, что с лебедками — и поедem на радиостанцию.

Весь пропан необходимо перевезти обратно в город. Мы не сможем это сделать в один день, но Джим говорит, что начать нужно сегодня. Завтра я подберу еще шесть-семь парней, которым мы можем доверять — частично из чертовой армии Джима, если он отдаст их нам, — и все закончим.

— Стюарт, нет... я должен покормить кур! Мальчики, которые у меня оставались, теперь стали копами!

И это означает, подумал Стюарт, что ты хочешь сидеть в своем маленьком закутке-кабинете, курить мет, слушать эту говенную музыку и смотреть на компьютере видео с лесбиянками. Он не знал, как можно сексуально возбудиться, если запах куриного помета такой густой, что его, казалось, можно резать ножом, но Роджеру Кильяну это удавалось.

— Это не добровольная миссия, брат мой. Я получил приказ, а теперь приказываю тебе. Встречаемся через полчаса. И если увидишь кого-нибудь из своих сыновей, бери их с собой.

Он отключил связь, прежде чем Роджер успел что-то сказать, и несколько мгновений постоял, кипя от злости. Меньше всего ему хотелось до самого вечера перетаскивать контейнеры и баллоны с пропаном в грузовики... но, похоже, именно этим ему и предстояло заниматься. Да, да.

Он выхватил шланг из раковины, сунул конец между зубными протезами Арлетт Кумбс, открыл кран. Вода пошла под напором, так что труп подпрыгнул на столе.

— Надо вымыть крекеры, бабуля! — рявкнул он. — Нельзя допустить, чтобы они заткнули тебе глотку и ты задохнулась.

— Стой! — крикнул Ферн. — Она потечет из дыры в ее...

Он опоздал.

Большой Джим улыбнулся Расти. Его улыбка говорила: «Видишь, чего ты добился». Потом повернулся к Картеру и Фредди Дентону:

— Вы слышали, к чему принуждал меня мистер Эверетт?

— Конечно, слышали, — ответил Фредди.

— Вы слышали, как он угрожал не дать мне лекарство, необходимое по жизненным показаниям, если я откажусь уйти в отставку?

— Да, — кивнул Картер и бросил на Расти суровый взгляд. Расти же задавался вопросом: ну как он мог так сглупить?

День выдался долгим — спиши на это.

— Речь идет о лекарстве, которое называется верапамил. Мне ввел его внутривенно тот мужчина с длинными волосами. — Большой Джим обнажил маленькие зубы еще в одной неприятной улыбке.

Верапамил. Расти отругал себя за то, что не достал медицинскую карту Большого Джима из ячейки на двери и не заглянул в нее.

— И как, по-вашему, о каком преступлении мы тут говорим? — продолжил Большой Джим. — Попытка добиться своего угрозами?

— Конечно, и принуждение, — поддакнул Фредди.

— Хрена с два! Это — покушение на убийство! — не согласился Картер.

— И кто, по-вашему, его на это подговорил?

— Барби, — ответил Картер и врезал Расти кулаком по лицу.

Тот совершенно такого не ожидал, даже не попытался уклониться от удара или подставить руку. Его отбросило назад, он споткнулся о стул, боком повалился на него, из разбитых губ потекла кровь.

— Губы тебе разбили при сопротивлении аресту, — заявил Большой Джим, — но этого недостаточно. Прижмите его к полу, ребята. Мне он нужен на полу.

Расти попытался убежать, но едва успел подняться со стула, как Картер схватил его руку и завернул за спину. Фредди сунул ногу между ног Расти. Картер толкнул. *Как дети в школьном дворе*, подумал Расти, ваяясь на пол.

Картер последовал за ним. Расти смог нанести удар. Попал по левой щеке Картера. Тот нетерпеливо отбросил его руку, словно отгоняя надоедливую муху. А мгновением позже уже сидел у Расти на груди, улыбаясь ему в лицо. Да, совсем как в школьном дворе, только никто не

следил за происходящим по монитору, чтобы прекратить это безобразие.

Расти повернул голову к Ренни, который уже встал.

— Вы же не хотите этого делать, — выдохнул он. Сердце гулко билось. Воздуха не хватало. Очень уж много весил Тибодо. Фредди Дентон стоял на коленях рядом с ними. Расти он казался судьей борцовской схватки.

— Я хочу, Эверетт, — ответил ему Большой Джим. — Более того, да благословит тебя Бог, я должен. Фредди, возьми мой мобильник в его нагрудном кармане. Я не хочу, чтобы телефон разбился. Ёханный бабай украл его. Можешь добавить это в список преступлений, когда вы доставите его в участок.

— Другие люди знают. — Расти никогда не чувствовал себя таким беспомощным. И таким глупцом. Мысль о том, что он оказался не первым, кто недооценивал Джеймса Ренни, особо не помогала. — Другие люди знают о том, что вы сделали.

— Возможно, — пожал плечами Большой Джим. — Но кто они? Другие друзья Дейла Барбары, вот кто. Те, кто начал продовольственный бунт, те, кто поджег редакцию газеты. Те самые, усилиями которых здесь появился Купол, я в этом не сомневаюсь. Какой-то правительственный эксперимент, я думаю. Но мы не крысы в клетке, так? Так, Картер?

— Да.

— Фредди, чего ты ждешь?

Фредди слушал Большого Джима, и на его лице читалось: *Теперь я все понял*. Он вытащил мобильник Большого Джима из нагрудного кармана Расти, бросил на диван. Потом наклонился к Расти:

— Как давно вы это планировали? Как давно вы планировали запереть нас в городе, чтобы вы могли посмотреть, что мы будем делать?

— Фредди, ты послушай себя. — Расти с трудом удавалось шептать. Господи, какой же тяжелый этот Тибодо! — Это бред. Не имеет смысла. Разве ты не видишь...

— Прижми его руку к полу, — распорядился Большой Джим. — Левую...

Фредди выполнил приказ. Расти попытался воспротивиться, но Тибодо зажал его бицепсы, так что шансов не было.

— Сожалею, парень, что приходится делать это с тобой, но люди в нашем городе должны видеть, что террористы у нас под контролем.

Ренни мог бы говорить «сожалею» сколько хотел, но за мгновение перед тем, как он опустил каблук туфли — и все свои двести тридцать фунтов — на сжатую в кулак левую кисть Расти, тот увидел: габардиновые

брюки второго члена городского управления вдруг встопорщились. Ренни получал удовольствие, и не в интеллектуальном смысле.

Потом каблук опустился и начал размалывать руку: сильно, сильнее, еще сильнее. Лицо Большого Джима закаменело. Капли пота выступили под глазами. Между зубами появился кончик языка.

Не кричи. На крик прибежит Джинни и тоже влипнет. Опять же он этого хочет. Не доставляй ему удовольствия.

Но, услышав хруст под каблуком Большого Джима, Расти закричал. Ничего не мог с собой поделать.

Второй хруст. Третий.

Ренни отступил на шаг, удовлетворенный.

— На ноги его — и в тюрьму. Пусть навестит своего дружка.

Фредди осмотрел кисть Расти, которая уже начала распухать. Три пальца торчали под неестественными углами.

— Сломаны, — вынес он вердикт с чувством глубокого удовлетворения.

В дверях комнаты отдыха появилась Джинни, глаза превратились в плоскости.

— Что вы делаете?!

— Арестовываем мерзавца за преступную деятельность и попытку убийства, — ответил Фредди Дентон, тогда как Картер рывком поднял Расти на ноги. — И это только начало. Он сопротивлялся аресту, и нам пришлось его успокоить. Пожалуйста, отойдите в сторону, мэм.

— Вы рехнулись! — воскликнула Джинни. — Расти, твоя рука!

— Я в порядке. Позвони Линде. Скажи ей, эти бандиты...

Больше он ничего произнести не успел. Картер схватил его за шею и направил в дверь. На ухо прошептал:

— Если б я точно знал, что старик понимает в медицине не меньше твоего, я бы сам тебя убил.

И для всего этого хватило четырех дней, изумлялся Расти, в то время как Картер вел его по коридору, сжимая шею и заставив согнуться пополам. Левая рука перестала быть рукой, превратилась в колоду боли, начинающейся от запястья. Всего четыре дня.

Он задался вопросом: а наслаждались ли шоу козеголовые, чем бы или кем бы они ни были?

Уже далеко за полдень Линда наконец-то нашла библиотекаря Милла. Лисса ехала на велосипеде по шоссе номер 117, возвращалась в город. Сказала, что разговаривала с часовыми, стоявшими по периметру Купола, стараясь выяснить подробности о Дне встреч.

— Они не должны общаться с горожанами, но некоторые общаются. Особенно если оставляешь расстегнутыми три верхние пуговицы блузки. Это очень помогает завязать разговор. С солдатами, во всяком случае. А вот морпехи... Думаю, если б я разделась догола и начала танцевать макарену, они бы все равно не сказали ни слова. У этих ребят, похоже, прививка от полового влечения. — Она рассмеялась. — Правда, и меня не спутаешь с Кейт Уинслет.

— Узнала что-нибудь интересное?

— Нет. — Лисса не слезла с велосипеда, смотрела на Линду через окошко пассажирской дверцы. — Они ничего не знают. Но очень переживают за нас; меня это тронуло. И они слышали столько же слухов, что и мы. Один спросил: действительно ли уже больше ста человек покончили с собой?

— Ты можешь на минутку сесть ко мне в машину?

Улыбка Лиссы стала шире:

— Я арестована?

— Мне надо кое о чем с тобой поговорить.

Лисса поставила велосипед на откидную опору и села на переднее сиденье, отодвинув блокнот для выписки квитанций и отключенный радар. Линда рассказала ей о тайном визите в похоронное бюро, потом о намеченной встрече в доме Пайпер. Лисса отреагировала сразу же и с жаром:

— Я приду, только попробуйте меня не пустить.

Затрещала рация, послышался голос Стейси:

— Четвертый, Четвертый. Срочно, срочно, срочно.

Линда схватила микрофон. Подумала не о Расти, а о девочках.

— Четвертый слушает, Стейси. Говори.

От слов Стейси Моггин тревога Линды обратилась в ужас.

— У меня для тебя плохие новости, Лин. Я бы сказала, возьми себя в руки, но не думаю, что сейчас тебе это удастся. Расти арестовали.

— *Что?* — чуть ли не выкрикнула Линда, но забыла нажать на кнопку

«Передавать» на боковой поверхности микрофона, так что услышала ее только Лисса.

— Его посадили в Курятник, к Барби. Он вроде бы ничего, но мне показалось, что у него сломана рука. Расти прижимал ее к груди, и она распухла. — Стейси понизила голос: — *Они* говорят, это случилось при сопротивлении аресту. Прием.

На этот раз Линда вспомнила про кнопку.

— Я сейчас приеду. Скажи Расти, я сейчас приеду. Прием.

— Не могу. Никому не разрешено спускаться вниз, за исключением патрульных из особого списка... и меня в нем нет. Целый букет обвинений, включая попытку убийства и пособничество убийству. В город не гони. Тебя все равно к нему не пустят, поэтому, если во что-то врежешься или слетишь с дороги, пользы не будет.

— Я с ним все равно повидаюсь, — упорствовала Линда.

Но не повидалась. Чиф Питер Рэндолф, выглядевший отдохнувшим, проспав чуть ли не весь день, встретил ее на верхней ступени лестницы, которая вела в полицейский участок, и велел сдать полицейский жетон и пистолет: как жена Расти, она тоже находилась под подозрением в подрывной деятельности против законного правительства города и разжигании мятежа.

Прекрасно, хотела она сказать ему. *Арестуйте меня и отправьте вниз к моему мужу*. Но потом подумала о девочках, которые сейчас находились у Марты и ждали, когда она за ними придет, чтобы рассказать ей обо всем, что случилось за день в школе. Линда также подумала о встрече в доме Пайпер сегодняшним вечером. Она бы не могла там присутствовать, если б ее посадили в подвал, а теперь встреча эта приобретала еще более важное значение.

Потому что если завтра вечером они собирались освободить одного заключенного, то почему не могли освободить двух?

— Скажите ему, что я его люблю. — Линда расстегнула пряжку, сняла с ремня кобуру. Пистолетом она особо и не пользовалась. Переводить малышей через дорогу, потребовать от учеников средней школы затушить сигареты или прекратить сквернословить — в этом по большей части и заключалась ее работа.

— Я передам ему ваши слова, миссис Эверетт.

— Кто-нибудь посмотрел его руку? Я слышала, что она, возможно, сломана.

Рэндолф нахмурился:

— Кто вам это сказал?

— Я не знаю, кто связался со мной по рации. Он не назвался. Один из наших парней, думаю: связь на Сто семнадцатом шоссе не очень хорошая.

Рэндолф обдумал ее слова, решил не развивать тему:

— Рука Расти в полном порядке. И наши парни больше не ваши парни. Идите домой. Я уверен, у нас еще будут к вам вопросы.

Она почувствовала, как на глазах выступают слезы, но сдержала их.

— И что мне сказать моим девочкам? Что их папочка в тюрьме? Вы знаете, что Расти — хороший человек, вы это *знаете*. Господи, в прошлом году именно он диагностировал у вас камень в желчном пузыре!

— Здесь я ничем не могу вам помочь, миссис Эверетт. — Дни, когда он называл ее Линда, ушли в прошлое. — Но я предлагаю не говорить им, что их папочка участвовал вместе с Дейлом Барбарой в убийстве Бренды Перкинс и Лестера Коггинса. Насчет двух других мы пока не уверены, это наверняка преступления на сексуальной почве, и Расти мог о них не знать.

— Это же безумие!

Рэндолф словно и не слышал.

— Он также пытался убить члена городского управления Ренни, отказывая ему в жизненно необходимом лекарстве. К счастью, Большому Джиму хватило ума спрятать поблизости двух патрульных. — Начальник полиции покачал головой. — Угрожал не дать жизненно необходимое лекарство человеку, который не жалеет себя ради нашего города. И это ваш хороший парень; это ваш гребаный хороший парень.

Здесь ее едва терпели, о чем Линда знала. И она ушла, прежде чем терпение могло лопнуть. До встречи в доме Пайпер оставалось четыре часа, бесконечно долгий срок. Линда не знала, куда пойти, чем себя занять.

Потом нашла выход.

Рука Расти была далеко не в порядке. Даже Барби это видел, а между ними находились три пустые камеры.

— Расти, могу я что-нибудь сделать?

Расти выдавил из себя улыбку.

— Нет, если не бросишь мне пару таблеток аспирина. Лучше дарвосета.

— Закончились. Они тебе ничего не дали?

— Нет, но боль уходит. Я выживу. — Слова мало соответствовали действительности. Рука болела ужасно, и то, что он задумал, только усилит боль. — Я должен кое-что сделать с пальцами.

— Удачи тебе.

Чудо, конечно, но Ренни не сломал ему ни один из пальцев, только кость в кисти. Одну из пястных, пятую. Тут он мог только нарвать полосок от футболки и использовать их как фиксатор. Но сначала...

Расти схватился за указательный палец, вывихнутый в проксимальном межфаланговом суставе. В фильмах такое происходило быстро. К сожалению, в реальной жизни быстрота могла не помочь, а только ухудшить дело. Он не торопился, не дергал, постепенно усиливая давление. Боль стала жуткой. Уже отдавалась в зубах. Расти чувствовал, что палец скрипит, как петли давно не открывавшейся двери. Где-то, достаточно близко и в другой стране, Барби — он это заметил — стоял у решетки своей камеры и наблюдал.

Потом внезапно палец магическим образом выпрямился, и боль ослабла. Во всяком случае, в этом пальце. Расти плюхнулся на койку, часто дыша, как бегун, только что пересекший финишную черту.

— Готово?

— Не совсем. Должен вправить тот палец, которым посылают на три буквы. Он может мне понадобиться.

Расти взялся за средний палец и начал проделывать с ним то же, что и с указательным. И вновь, когда боль стала уже совсем непереносимой, вывихнутый сустав занял положенное ему место. Теперь остался только мизинец, который торчал в сторону, словно Расти хотел произнести тост.

И я бы произнес, если б мог. За самый дерьмовый день в жизни. Во всяком случае, в жизни Расти Эверетта.

Он занялся мизинцем. И этот палец болел, а с ним быстро получиться

не могло.

— Что ты такого сделал? — спросил Барби, потом дважды резко щелкнул пальцами, указал на потолок, приложил ладонь к уху.

Он действительно знал, что Курятник прослушивается, или только предполагал? Расти решил, что значения это не имеет. Лучше исходить из того, что прослушивается. Хотя с трудом верилось, что кто-то из этих остолопов мог до такого додуматься.

— Допустил ошибку, попытавшись заставить Большого Джима уйти в отставку. Я не сомневаюсь, что мне добавят еще с десяток обвинений, но в принципе меня посадили за то, что я посоветовал ему не гнать лошадей, а не то он свалится с инфарктом. — Конечно, Расти не упомянул про Коггинса, подумал, что этот момент лучше не затрагивать: может оказаться вредным для здоровья. — Как здесь с едой?

— Неплохо. Роза приносила мне ленч. С водой, впрочем, надо соблюдать осторожность. Могут и посолить.

Барби развел два пальца правой руки, нацелил на глаза, потом сложил и указал на рот: *наблюдай*.

Расти кивнул.

— Завтра вечером, — одними губами произнес Барби.

— Знаю, — так же ответил Расти. Губы у него треснули. Вновь потекла кровь.

Барби добавил:

— Нам... нужно... безопасное... место.

Расти подумал, что он такое знает: спасибо Джо Макклэтчи и его друзьям.

У Энди Сандерса случился припадок.

Неизбежный: он только пристрастился к мету, но выкурил его очень уж много. Энди находился в студии ХНВ, слушал «Как велик Ты» в исполнении музыкальной группы «Хлеб наш насущный» и дирижировал невидимым оркестром. Потом увидел, как летит по скрипичным струнам вечности.

Шеф ушел куда-то с трубкой, но оставил Энди толстые сигареты-самокрутки, которые называл жарешками. «С ними будь осторожнее, Сандерс, — предупредил Шеф. — Это динамит. «Ибо тот, кто не привык пить вино, не должен на него налегать».^[160] Первое послание Тимофею. Но относится также и к жарешкам».

Энди с умным видом кивнул, но задымил, как демон, едва только за Шефом закрылась дверь: выкурил две жарешки, одну за другой. И каждую — до крошечного бычка, обжигающего пальцы. Отдающий кошачьей мочой запах сгоревшего мета уже поднялся на первую строчку в его ароматическом хит-параде. Он выкурил половину третьей жарешки и дирижировал, как Леонард Бернстайн, когда особенно глубоко затянулся и мгновенно отключился. Упал на пол и лежал, дергаясь в реке церковной музыки. Пена пузырилась меж его сжатых зубов. Полузакрытые глаза вращались в глазницах, видя то, чего не произошло. Пока не произошло.

Десять минут спустя он очнулся, достаточно живой, чтобы вихрем пронестись по тропке между студией и длинным красным складским зданием, построенным позади нее.

— Шеф! — кричал он. — Шеф, ты где? Они едут!

Шеф Буши вышел из боковой двери складского здания. Волосы сальными иглами торчали во все стороны. На промежности грязных пижамных штанов виднелись пятна от мочи, сзади — от травы. Мультишные лягушки, скакавшие по штанам, говорили: «Ква-ква-ква». Сами штаны едва не спадали с бедер, открывая часть лобковых волос спереди и начало расщелины между тощими ягодицами сзади. В одной руке Шеф держал АК-47 с аккуратно выведенными на прикладе словами: «БОЖИЙ ВОИН», в другой — пульт от гаража. «Божьего воина» поставил на землю, но «Божий пульт» из руки не выпустил. Схватил Энди за плечи и сильно потрянул:

— Прекрати, Сандерс, у тебя истерика!

— Они едут! Горькие люди! Как ты и говорил!

Шеф задумался.

— Тебе кто-то позвонил и предупредил?

— Нет, мне было видение! Я отключился, и мне было видение!

Глаза Шефа широко раскрылись. Подозрительность уступила место уважению. С Энди он перевел взгляд на подъездную дорожку, ведущую к Литл-Битч-роуд, вновь посмотрел на Энди:

— Что ты видел? Как много? Они едут все или лишь несколько, как в прошлый раз?

— Я... я... я...

Шеф тряхнул его вновь, уже мягче:

— Успокойся, Сандерс. Ты теперь в Христовом воинстве и...

— Христов солдат!

— Да, да, да. И я — твой командир. Так что докладывай.

— Они едут на двух грузовиках.

— Только двух?

— Да.

— Оранжевых?

— Да!

Шеф подтянул пижамные штаны (они сразу же сползли на прежнее место) и кивнул:

— Городские грузовики. Вероятно, те же долдоны, братья Боуи и мистер Куриц.

— Мистер?..

— Кильян, Сандерс, кто же еще? Он курит мет, но не понимает *предназначения* мета. Он дурак. Они едут за пропаном.

— Мы спрячемся? Спрячемся и позволим им взять пропан?

— Это я делал раньше. Но не теперь. Больше не буду прятаться и позволять людям брать, что им хочется. Звезда Полынь уже просияла. Пора людям Божьим поднять флаг. Ты со мной?

И Энди, после появления Купола потерявший все, ради чего стоило жить, ответил без запинки:

— Да!

— До конца, Сандерс?

— До конца!

— И куда ты подевал свой автомат?

Энди смутно помнил, что оставил его в студии, прислонив к стене с постером Пэта Робертсона, ^[161] обнимающего ушедшего из этого мира Лестера Коггинса.

— Пошли за ним. — Шеф подхватил «Божьего воина», проверил рожок. — И отныне ты будешь всюду носить его с собой, понял?

— Да.

— Ящик с патронами там?

— Да. — Энди только часом раньше перенес в студию один ящик с рожками. По крайней мере он думал, что часом раньше. Эти жарешки сильно изменяли время.

— Одну минуту! — Шеф скрылся за углом складского здания, направившись к коробке с китайскими гранатами, и принес три, две отдал Энди, велел сунуть в карманы. Третью за кольцо чеки повесил на мушку «Божьего воина». — Сандерс, мне сказали, что есть семь секунд после того, как выдернешь чеку, чтобы избавиться от всяких членососок, но, когда я проверил одну в гравийном карьере неподалеку, получилось, что взрываются они секунды через четыре. Азиатам доверять нельзя. Запомни это.

Энди ответил, что запомнит.

— Хорошо, пошли. Возьмем твое оружие.

Помявшись, Энди спросил:

— Нам придется их убить?

На лице Шефа отразилось недоумение.

— Нет. Без крайней на то необходимости — нет.

— Хорошо. — Энди, несмотря ни на что, никому не хотелось причинять вреда.

— Но если они будут настаивать, переть напролом, нам не останется ничего другого. Ты это понимаешь?

— Да.

Шеф дружески хлопнул Энди по плечу.

Джо спросил мать: смогут ли Бенни и Норри остаться на ночь? Клер ответила: пусть остаются, если их родители не будут возражать. Ее это устраивало. После их приключений на Блэк-Ридж пусть уж лучше будут на виду. На дровяной плите они приготовили себе поп-корн и продолжили шумную игру в «монополию». Слишком шумную, если на то пошло. Их пронзительные крики и смех звучали очень уж нервно.

Мать Бенни согласилась, как и — Клер это удивило — мать Норри.

— Отлично, — сказала Джоани Кэлверт. — Я хотела напиться с тех пор, как это случилось. Похоже, нынешним вечером у меня есть шанс. Клер, скажи Норри, чтобы завтра она нашла своего деда и поцеловала его от меня.

— А кто ее дед?

— Эрни. Ты знаешь Эрни, да? Все знают Эрни. Он очень о ней тревожится. Я тоже, иногда. Этот скейт... — В голосе Джоани слышалась дрожь.

— Я ей скажу.

Клер только положила трубку, как раздался стук в дверь. Поначалу она не узнала женщину средних лет с бледным, напряженным лицом. Потом поняла, что это Линда Эверетт, которая обычно переводила малышей через дорогу и штрафовала тех водителей, которые слишком уж надолго оставляли автомобили на парковочных зонах Главной улицы, где стоянка ограничивалась двумя часами. И она была совсем не средних лет, просто так выглядела.

— Линда! — воскликнула Клер. — Что случилось? Что-то с Расти? Что с ним? — Она подумала о радиации, во всяком случае, такая была первая мысль. За ней последовали другие, куда как хуже.

— Его арестовали.

В столовой игра в «монополию» прекратилась. Участники появились в дверном проеме между столовой и гостиной, не отрывая глаз от Линды.

— Ему предъявлен целый букет обвинений, включая соучастие в убийствах Лестера Коггинса и Бренды Перкинс.

— Нет! — воскликнул Бенни.

Клер подумала, а не предложить ли детям покинуть комнату, потом решила, что это бесполезно. Она понимала причину прихода Линды, но все равно сердилась на нее. И на Расти тоже, потому что он вовлек в эту

историю детей. Впрочем, все они в ней участвовали. Для тех, кто оказался под Куполом, участие во всем этом деле более не было вопросом выбора.

— Он помешал Ренни, — продолжила Линда. — Об этом речь. В этом все дело, когда мы говорим о Большом Джиме: кому с ним по пути, а кому — нет. Он совершенно забыл о той ужасной ситуации, в какой мы все оказались. Нет, хуже того. Он использует эту ситуацию.

Джо пристально посмотрел на Линду:

— Мистер Ренни знает, куда мы ездили этим утром, миссис Эверетт? Он знает о той коробочке? Я не думаю, что ему следует знать о той коробочке.

— Какой коробочке?

— Мы ее нашли на Блэк-Ридж, — пояснила Норри. — Мы видели только свет, который она испускает. Расти поднимался туда и осматривал ее.

— Это генератор, — добавил Бенни. — Только Расти не смог его отключить. Не смог даже поднять, хотя сказал, что генератор совсем маленький.

— Я ничего об этом не знаю, — пожала плечами Линда.

— Значит, не знает и Ренни. — Джо выглядел так, словно с его плеч свалилась тяжелая ноша.

— Почему ты так решил?

— Потому что он прислал бы копов, чтобы допросить нас. А если бы мы не ответили, нас бы посадили в тюрьму.

Издалека донеслись пара хлопков. Клер склонила голову, нахмурилась.

— Это петарды или выстрелы?

Линда не знала, да ее хлопки и не обеспокоили, потому что донеслись они не из города — для этого были слишком слабые.

— Дети, расскажите, что случилось на Блэк-Ридж, — предложила она. — Расскажите все. Что видели вы и что видел Расти. А вечером вам придется рассказать это еще нескольким людям. Пора нам собрать вместе все, что мы знаем. Собственно, так следовало сделать гораздо раньше.

Клер открыла рот, чтобы сказать, что не хочет в этом участвовать, но не сказала. Потому что выбора не было. Она, во всяком случае, его не видела.

Студия ХНВ находилась достаточно далеко от Литл-Битч-роуд, и длина подъездной дорожки (с твердым покрытием, в куда лучшем состоянии, чем сама дорога) составляла почти четверть мили. На Литл-Битч-роуд она выходила между двумя столетними дубами. Их осенний наряд, в это время обычно такой яркий и красивый, что просился на обложку туристического буклета, сейчас представлял собой жалкое зрелище: листья стали коричневыми, обвисли и пожухли.

Энди Сандерс стоял за шершавым стволом одного дуба, Шеф — другого. Они слышали приближающийся рев дизельных двигателей тяжелых грузовиков. Пот стекал со лба на глаза Энди, и он его вытирал.

— Сандерс!

— Что?

— Ты снял автомат с предохранителя?

Энди проверил:

— Да.

— Хорошо. Слушай и запомни все правильно с первого раза. Если я скажу тебе «стреляй», залей свинцом этих ублюдков! Сверху донизу, справа налево! Если я не скажу тебе «стреляй», просто стой. Усек?

— Д-да.

— Не думаю, что нам придется убивать.

Слава Богу, подумал Энди.

— Не придется, если приедут только Боуи и мистер Куриц. Но я в этом не уверен. Если мне придется начать, ты меня поддержишь?

— Да. — Без малейшего колебания.

— А теперь убери палец со спускового крючка, а не то оторвешь собственную голову.

Энди посмотрел вниз, увидел, что палец действительно облегает спусковой крючок автомата, и торопливо его убрал.

Они ждали. Энди слышал, как сердце гулко бьется посреди головы. Сказал себе, что бояться глупо — если бы не счастливый телефонный звонок, он бы уже умер, — но эта логика теперь не помогала. Потому что перед ним открылся новый мир. Энди понимал, что, возможно, это ложный мир (он же видел, что сделали наркотики с Анди Гриннел), но все лучше того говенного мира, в котором он жил.

Господи, пусть они уедут, взмолился он. Пожалуйста.

Появились грузовики. Ехали медленно, выпуская клубы черного дыма в сумеречные остатки дня. Выглянув из-за дерева, Энди увидел в кабине первого двух мужчин. Вероятно, братья Боуи.

Долгое время Шеф не двигался. Энди уже решил, что он передумал, а это означало, что приезжие смогут взять пропан. Потом Шеф выступил из-за ствола и выстрелил дважды.

Под кайфом или нет, стрелял Шеф метко. Оба передних колеса первого грузовика сдулись. Решетка радиатора три или четыре раза качнулась вверх-вниз, и грузовик остановился. Едущий следом едва в него не врезался. До Энди донеслась музыка, какой-то псалом, и он догадался, что тот, кто сидел за рулем второго грузовика, из-за музыки выстрелов не слышал. Кабина же первого грузовика опустела. Оба мужчины пригнулись, чтобы не служить легкой целью.

Шеф Боуи, по-прежнему босиком и в пижамных штанах с квакающими лягушками (гаражный пульт болтался на поясе, как бипер), прятаться за дуб не стал.

— Стюарт Боуи! — крикнул он. — Ферн Боуи! Вылезайте из кабины и поговорите со мной! — Он приставил «Божьего воина» к дубу.

Из кабины первого грузовика никто не вышел, зато открылась водительская дверца второго, и на землю спрыгнул Роджер Кильян.

— Почему задержка?! — прокричал он. — Мне надо вернуться и накормить моих кур... — Тут он увидел Шефа: — Привет, Филли, что такое?

— Ложись! — проревел один из Боуи. — Этот обезумевший сукин сын стреляет!

Роджер посмотрел на Шефа, потом на прислоненный к дубу АК-47.

— Может, стрелял, но теперь поставил автомат на землю. А кроме того, здесь только он. В чем проблема, Фил?

— Я теперь Шеф, зови меня Шефом.

— Хорошо, Шеф, но в чем проблема?

— Выходи, Стюарт! — крикнул Шеф. — И ты, Ферн. Никому ничего не грозит. — Дверцы кабины переднего грузовика распахнулись. Не поворачивая головы, Шеф распорядился: — Сандерс, если у кого-то из этих двух дураков окажется пистолет, сразу стреляй. И не одиночными выстрелами. Преврати их в швейцарский сыр.

Но братья Боуи вылезли из кабины безоружными. Ферн даже поднял руки.

— С кем ты говоришь, дружище? — спросил Стюарт.

— Выходи, Сандерс! — приказал Шеф.

Энди вышел. Теперь, когда угроза немедленной бойни отступила, ему все это начало нравиться. А если бы он догадался принести с собой одну из жарешек Шефа, понравилось бы еще больше.

— Энди?! — изумился Стюарт. — И что ты тут делаешь?

— Я записался в воинство Христово. Вы — горькие люди. Мы все о вас знаем, и вам тут не место.

— Что? — Ферн опустил руки. Переднюю часть большого грузовика медленно тянуло к земле, по мере того как колеса продолжали сдвигаться.

— Хорошо сказано, Сандерс, — похвалил его Шеф. Потом обратился к Стюарту: — Вы все можете сесть в кабину второго грузовика. Разверните его и отваливайте отсюда. Когда доберетесь до города, скажите этому богоотступному сыну дьявола, что ХНВ теперь наша. Включая лабораторию и все запасы.

— Что за хрень ты несешь, Фил?

— Шеф.

Стюарт раздраженно махнул рукой.

— Называй себя, как хочешь, просто скажи мне, что все это зна...

— Я знаю, что твой брат глупец, — оборвал его Шеф, — и мистер Куриц, вероятно, не может завязать шнурки без инструкции...

— Эй! — рявкнул Роджер. — Придержи язык!

Энди поднял автомат. Подумал, что напишет на прикладе «КЛОДЕТТ», если представится такая возможность.

— Нет, это ты придержи свой.

Роджер Кильян побледнел и отступил на шаг. Такого не бывало, когда Энди выступал на городском собрании, и первому члену городского управления это понравилось.

Шеф продолжил, будто его и не прерывали:

— Но у тебя-то мозгов хотя бы на полголовы, Стюарт, так что используй их по назначению. Оставьте первый грузовик там, где он стоит, и возвращайтесь в город на втором. Скажи Ренни, что здесь ему больше ничего не принадлежит, все это принадлежит Богу. Скажи ему, что звезда Полынь полыхнула, и, если он не хочет, чтобы Апокалипсис пришел слишком рано, ему лучше оставить нас в покое. — Шеф помолчал, потом добавил: — Можешь также сказать ему, что мы будем по-прежнему транслировать музыку. Я сомневаюсь, что его это волнует, но некоторым горожанам такая музыка наверняка по душе.

— Ты знаешь, сколько у него теперь копов? — спросил Стюарт.

— Мне на это начхать.

— Я думаю, около тридцати. К завтрашнему дню будет пятьдесят. И

половина города носит эти чертовы синие повязки, поддерживая его. Если он прикажет им разобраться с тобой, проблем не возникнет.

— Ему это не поможет. Мы верим в Господа, и вера удесятеряет нашу силу.

— Что ж, вас все равно только двадцать, — продемонстрировал Роджер свои математические способности, — а их больше.

— Заткнись, Роджер! — осадил его Ферн.

Стюарт предпринял еще одну попытку:

— Фил... я хотел сказать — Шеф... тебе надо прийти в себя, потому что это не шутки. Нам не нужен наркотик, только пропан. В городе не работает половина генераторов. К концу недели сдохнут три четверти. Позволь нам взять пропан.

— Мне он нужен для готовки. Извини.

Стюарт смотрел на Шефа, как на безумца. *Он, наверное, и вправду рехнулся, подумал Энди. Мы, наверное, оба рехнулись. Но, разумеется, Джим Ренни тоже безумен, так что мы все одного поля ягоды.*

— Теперь уезжайте, — подвел итог Шеф. — И передайте Ренни, если он попытается послать против нас полицию, то горько об этом пожалеет.

Стюарт подумал, потом пожал плечами:

— Мне, между прочим, без разницы. Ферн, Роджер, поехали. Я сяду за руль.

— Я только за, — пожал плечами Роджер Кильян. — Ненавижу переключать передачи. — Он недоверчиво оглядел Шефа и Энди, потом направился ко второму грузовику.

— Да благословит вас Бог, парни! — крикнул вслед Энди.

Стюарт обернулся, одарил его мрачным взглядом поверх плеча.

— Да благословит Бог и тебя. Потому что, Бог свидетель, тебе Его благословение понадобится.

Новые владельцы самой большой в Северной Америке лаборатории по производству мета стояли бок о бок, наблюдая, как оранжевый грузовик задним ходом выезжает на дорогу, неуклюже разворачивается и отбывает.

— Сандерс!

— Да, Шеф?

— Я хочу более живую музыку. Этому городу нужны Мейвис Стэйплс^[162] и «Сестры Кларк».^[163] А после того как я подготовлю программу, давай покурим.

Глаза Энди наполнились слезами. Он обнял костлявые плечи Фила Буши, ставшего Шефом, и прижал его к груди:

— Я люблю тебя, Шеф.

— Спасибо, Сандерс. И я тебя. Только не забывай держать автомат заряженным. С этого момента нам придется нести вахту.

Большой Джим сидел у кровати сына, когда надвигающийся закат окрасил день в оранжевый цвет. В палату заходил Дуглас Твитчел, чтобы сделать Младшему укол. Теперь тот крепко спал. Большой Джим понимал, что, умерев, Младший во многом облегчил бы ему жизнь. Живой и с давящей на мозг опухолью... никто не знал, что он может сказать или сделать. Разумеется, мальчик был его плотью и кровью, но тут на первый план выступали не отцовские чувства, а благо города. Одна из запасных подушек, что лежали в стенном шкафу, вероятно, могла бы решить проблему...

И тут зазвонил мобильник. Большой Джим посмотрел на высветившееся на дисплее имя звонившего и нахмурился. Что-то пошло не так. Иначе Стюарт бы не позвонил так скоро.

— Что? — Он слушал с нарастающим изумлением. *Энди там? Энди с автоматом?* Стюарт ждал ответа. Ждал, чтобы ему сказали, что делать. *Кто бы сказал мне, дружище,* подумал Большой Джим и вздохнул. — Дай мне минутку. Тут надо подумать. Я тебе перезвоню.

Он отключил связь и сосредоточился на новой проблеме. Ренни мог этим вечером направить туда копов. Не самая плохая идея. Накрутить их в «Мире еды», а потом бросить в бой. Если б Энди убили, он бы горевать не стал. В этом случае именно Джеймс Ренни-старший возглавил бы городское правительство.

Но на завтрашний вечер назначено экстренное общегородское собрание. Придут все, будут вопросы. Он не сомневался, что сможет повесить лабораторию по производству мета на Барбару и друзей Барбары (в голове Большого Джима Энди Сандерс уже стал другом Барбары в руководстве города), но все же... нет.

Нет.

Он хотел, чтобы паства боялась, но не запаниковала. Паника не служила его цели — установлению полного контроля над городом. И если Энди и Буши какое-то время останутся там, где они сейчас, что в этом плохого? Наоборот, есть даже плюсы. У них прибавится самоуверенности. Они даже подумают, что о них забыли. Потому что в наркотиках так много витамина глупости.

С другой стороны, пятницу — послезавтра — этот ёханный Кокс объявил Днем встреч. Все вновь устремятся к ферме Динсмора. Берпи,

несомненно, организует продажу хот-догов. И пока будет продолжаться эта мутня, пока Кокс в одиночестве будет проводить свою пресс-конференцию, Большой Джим сам сможет повести шестнадцать — восемнадцать полицейских к радиостанции и ликвидировать этих двух обкурившихся метом смутьянов.

Да. Это искомый ответ.

Он позвонил Стюарту и сказал, чтобы тот занялся своими делами.

— Но я думал, тебе нужен пропан, — проворчал Стюарт.

— Мы его добудем. И ты поможешь нам разобраться с этой парочкой, если захочешь.

— Будь уверен, захочу. Этого сукина сына — извини, Большой Джим, — этого щучьего сына Буши надо поставить на место.

— Мы и поставим. В пятницу днем. Ничем не занимай это время.

Большой Джим вновь чувствовал себя прекрасно, сердце билось медленно и ровно, безо всяких остановок или трепыханий. И это радовало, потому что предстояло столько сделать, начиная с выступления перед полицией в «Мире еды»: самое подходящее место, чтобы внушить копановичкам уважение к порядку. Действительно, место погрома в наибольшей степени побуждает людей следовать за своим лидером.

Он уже двинулся к двери, потом вернулся и поцеловал спящего сына в щеку. Возможно, все же будет необходимо избавиться от Младшего, но пока с этим тоже можно подождать.

Еще одна ночь опускается на Честерс-Милл; еще одна ночь под Куполом. Но отдыха нам нет и не будет; мы должны побывать на двух собраниях, и мы также должны провести Гораса перед тем, как заснем. Горас этот вечер проводит в компании Андреа Гриннел и выжидает, выбирая самый удачный момент: он не забыл про поп-корн между диваном и стеной.

Так что продолжим бодрствовать, вы и я, пока вечер расплзается по небу, укладывается там, будто усыпленный эфиром пациент на столе. Давайте бодрствовать, пока изменившие цвет звезды появляются над головой. В этот вечер звезды видны только в Честерс-Милле. В четырех окрестных штатах северной Новой Англии льет дождь, и зрители кабельных каналов скоро увидят удивительные фотографии, сделанные со спутников: дыру в облаках, полностью повторяющую носкообразную форму Честерс-Милла. Здесь звезды светят, но это грязные звезды, потому что сам Купол грязный.

Сильнейший ливень обрушился на Таркерс-Миллс и часть Касл-Рока, известную как Касл-Вью. Синоптик Си-эн-эн Рейнольдс Вольф (не родственник обожаемого Роуз Твитчел Вольфи) говорит, пусть и добавляя, что полной уверенности нет: воздушные потоки,двигающиеся с запада на восток, прижимают облака к западной стороне Купола и выдавливают из них воду, как из губки, прежде чем облака уходят на север или на юг. Он называет это «удивительным феноменом». Сюзанн Мальво, ведущая, спрашивает его о долговременном прогнозе погоды под Куполом при условии, что кризис затянется.

— Сюзанн, — отвечает ей Вольф, — это хороший вопрос. Наверняка мы знаем только одно — нынешним вечером дождя в Честерс-Милле не будет, хотя поверхность Купола достаточно проницаема, чтобы влага просочилась внутрь в тех местах, где льет особенно сильно. Метеорологи Национального управления океанических и атмосферных исследований говорили мне, что долговременные прогнозы по выпадению осадков под Куполом неутешительные. И мы знаем, что их основная водная артерия города, река Престил-Стрим, практически пересохла. — Он улыбается, демонстрируя великолепные телезубы. — Возблагодарим Господа за артезианские скважины!

— Это точно, Рейнольдс, — кивает Сюзанн, а потом на экранах

Америки появляется геккон Гейко. ^[164]

Но хватит о новостных выпусках кабельных каналов. Давайте пролетим вдоль практически пустынных улиц, мимо церкви Конго и дома Пайпер, где еще не началась встреча (Пайпер уже залила воду и засыпала кофе в большую кофеварку, а Джулия нарезает сэндвичи при свете шипящей лампы Коулмана), мимо дома Маккейнов, окруженного провисшей желтой полицейской лентой, вниз по холму мимо городской площади, мимо муниципалитета, где уборщик Эл Тиммонс и пара его друзей стирают пыль с мебели и подметают пол, готовясь к общегородскому собранию, назначенному на завтрашний вечер, мимо площади Военного мемориала, где статуя Люсьена Кэлверта (прадедушки Норри; вероятно, я мог бы вам этого не говорить) продолжает нести долгую вахту.

Мы остановимся, чтобы быстренько проверить: как там Барби и Расти, правда? Спуститься вниз — не проблема; в дежурной части только трое полицейских, а Стейси Моггин, оставленная за старшую, спит за столом, положив голову на руки. Остальной личный состав полицейского участка в «Мире еды» слушает зажигательную речь Большого Джима, но, даже если бы они все были здесь, значения это не имело, потому что мы невидимые. Копы почувствовали бы разве что легкое дуновение ветерка, когда мы проскальзывали бы мимо.

В Курятнике многого не увидеть, потому что надежда такая же невидимая, как и мы. Двоим мужчинам не остается ничего другого, как ждать завтрашнего вечера и надеяться, что все пройдет по плану. Рука Расти болит, но боль не такая сильная, как он ожидал, и опухоль не такая большая, как он опасался. Опять же Стейси Моггин, да благословит Бог ее сердце, около пяти вечера сумела спуститься вниз и сунуть ему пару таблеток экседрина.

Уже какое-то время эти двое мужчин — полагаю, наши герои — сидят на своих койках и играют в «двадцать вопросов». Очередь отгадывать Расти.

- Животное, растение или минерал? — спрашивает он.
- Ничего такого.
- Как это — ничего такого? Должно быть одно из них.
- Нет, — отвечает Барби. Думает он о Папе Смурфе. ^[165]
- Ты меня разыгрываешь.
- Нет.
- По-другому быть не может.

- Хватит препираться и начинай спрашивать.
- Можешь хотя бы намекнуть?
- Нет. Это твое первое «нет». Осталось девятнадцать.
- Подожди минутку. Это несправедливо.

Мы оставим их пережидать следующие двадцать четыре часа, ничего другого не остается, так ведь? Давайте проследуем мимо все еще мерцающей груды углей, в которую превратилось здание, где ранее размещалась редакция газеты «Демократ» (увы, газета более не служит *«маленькому городку, напоминающему башмак»*), мимо «Городского аптечного магазина Сандерса» (закопченного, но в остальном не пострадавшего, хотя Сандерсу больше не придется входить в него), мимо книжного магазина и «Maison des Fleurs» Леклерка, где все цветы завяли или увядают. Давайте проскочим под неработающим светофором (мы задеваем его, но чуть-чуть, скоро он перестает раскачиваться), где Главная улица расходится на шоссе номер 117 и 119, и пересечем автомобильную стоянку у «Мира еды». Мы тихие, как дыхание спящего ребенка.

Большие витрины супермаркета забиты листами фанеры, реквизированными на лесопилке Тэбби Моррела, большинство пятен на полу Джек Кейл и Эрни Кэлверт оттерли, но «Мир еды» представляет собой жалкое зрелище со всеми этими распотрошенными коробками и разбросанной бакалеей. Кое-какие продукты (которые не растащили по различным кладовым и не складировали в гараже за полицейским участком) остались на полках. Кулеры для газировки и пива и фризер для приготовления мороженого разбиты. Воняет разлитым вином. Большой Джим и хотел, чтобы этот оставленный бунтом хаос увидели его новые — и по большей части совсем юные — полицейские. Он хочет, чтобы они поняли, что так может выглядеть весь город, и Ренни достаточно умен, чтобы знать: вслух говорить об этом необходимости нет. Они и так поймут главное: такое происходит, если пастух ослабляет контроль и стадом овладевает паника.

Надо ли нам слушать его речь? Нет. Мы послушаем Большого Джима завтрашним вечером, что нам вполне хватит. А кроме того, мы знаем, что это за речь; Америка сильна демагогами и рок-н-роллом, и мы уже наслушались и того, и другого.

Однако перед уходом нам стоит обратить внимание на лица слушателей. Отметить, какие они восторженные, потом напомнить себе, что многие из нынешних копов (Картер Тибодо, Микки Уэрдлоу, Тодд Уэндлстет, назовем только троих) не могли отучиться даже неделю, чтобы их не оставили в школе после занятий за плохое поведение на уроке или

драку в туалете. Но они загипнотизированы Ренни. Он не производит особого впечатления в разговоре один на один, но когда выступает перед толпой, умеет ее завести, так говорил старый Клайтон Брэсси, когда еще малая толика его мозга оставалась в рабочем состоянии. Большой Джим говорит им о «тонкой синей линии», и о «гордости, которую испытываю, выступая перед вами», и о том, что «город надеется на вас». Говорит и другое. Правильные слова, которые никогда не теряют своего обаяния.

Большой Джим переключается на Барби. Говорит им, что друзья Барби по-прежнему здесь, сеют смуту и панику, чтобы добиться своих грязных целей. Понизив голос, добавляет:

— Они попытаются опорочить меня. И готовы лгать без стыда и совести.

Неодобрительный ропот прокатывается по слушателям.

— Вы будете слушать их ложь? Вы позволите им порочить меня? Вы позволите городу остаться без сильного лидера в час самой большой беды?

Ответ, естественно, оглушительный:

— НЕТ!..

И хотя Большой Джим продолжает говорить (как и большинство политиков, он уверен, что кашу маслом не испортишь), на этом мы можем его покинуть.

Давайте направимся по пустынным улицам к дому пастора церкви Конго. И посмотрите! Перед нами тринадцатилетняя девочка в линялых джинсах и футболке с «Крылатым Риппером», символом старой школы скейтеров. Мятежного выражения лица, которое приводит в отчаяние мать Норри Кэлверт, сейчас как не бывало. Вместо этого на нем читается изумление, благодаря чему девочка выглядит восьмилетней, какой и была не так уж давно. Проследим за ее взглядом и увидим полную луну, которая поднимается из облаков к востоку от города. По цвету и форме она не слишком отличается от только что разрезанного розового грейпфрута.

— Боже мой, — шепчет Норри. Прижимая сжатую в кулачок руку к груди, между двух только-только проклюнувшихся бутончиков, она смотрит на это розовое уродище. Потом идет дальше, не настолько потрясенная, чтобы время от времени не оглядываться, помнит, что нельзя привести с собой хвост. Таков приказ Линды Эверетт: приходить поодиночке, не привлекать к себе внимания, убедиться, что никто не идет следом.

— Это не игра, — наставляла их Линда. На Норри большее впечатление производили не слова, а бледное, напряженное лицо женщины. — Если нас поймают, то не просто снимут с нас очки или

заставят пропустить ход в игре. Вы это понимаете?

— Могу я пойти с Джо? — спросила миссис Макклэтчи, почти такая же бледная, как миссис Эверетт.

Та покачала головой:

— Плохая идея.

И это впечатлило Норри больше всего. Нет, тут не игра; тут жизнь или смерть.

Но мы уже у церкви, а позади и чуть справа дом пастора. Норри видит яркий белый свет ламп Коулмана, судя по всему, льющийся из окон кухни. Скоро Норри будет под крышей, укроется от взгляда этой жуткой розовой луны. Скоро она будет в безопасности.

Так думает девочка, когда тень выскальзывает из более густой тени и берет ее за руку.

Прикосновение так ошарашило Норри, что она не смогла закричать, и хорошо: когда розовая луна осветила лицо человека, подошедшего к ней, девчонка увидела, что это Ромео Берпи.

— Вы до смерти напугали меня, — прошептала она.

— Извини. Я просто смотрел, кто идет. — Ромми отпустил ее руку, огляделся: — А где твои бойфренды?

Норри улыбнулась:

— Не знаю. Мы должны приходить по одному и разными путями. Так сказала миссис Эверетт. — Она посмотрела вниз по склону: — Думаю, идет мама Джо. Нам лучше пройти в дом.

Они пошли на свет ламп. Нашли дверь в дом Пайпер незапертой. Ромми тем не менее мягко постучал:

— Ромми Берпи и подруга. Если нужен пароль, мы его не знаем.

Пайпер Либби открыла дверь ипустила их в дом. С любопытством посмотрела на Норри:

— Ты кто?

— Черт меня побери, если это не моя внучка! — Эрни вошел в комнату. Он улыбался, держа в руке стакан с лимонадом. — Иди сюда, девочка. Я по тебе соскучился.

Норри крепко его обняла и поцеловала, как и велела мать. Она не ожидала, что ей удастся так быстро выполнить ее наказ, но этому только порадовалась. И ему она могла сказать правду, слова, которые в присутствии других не слетели бы с ее губ даже под пыткой.

— Дедушка, я так боюсь.

— Мы все боимся, сладенькая моя. — Он еще крепче прижал девочку к себе, посмотрел ей в лицо. — Я не знаю, что ты здесь делаешь, но, раз уж пришла, как насчет стакана лимонада?

Норри увидела кофеварку.

— Я бы предпочла кофе.

— И я, — вздохнула Пайпер. — Уже залила воду и положила кофе, прежде чем вспомнила, что электричества нет. — Она тряхнула головой, словно прочищала ее. — Купол достает со всех сторон.

Вновь послышался стук, и вошла Лисса Джеймисон с раскрасневшимися щеками.

— Я поставила велосипед в ваш гараж, преподобная Либби. Надеюсь,

вы не против.

— Отнюдь. И раз уж все мы участники преступного заговора — как, без сомнения, назовут наши деяния Ренни и Рэндолф, — называй меня Пайпер, и будем на ты.

Все собрались раньше, и в самом начале десятого Пайпер объявила заседание Революционного комитета Честерс-Милла — так она их назвала — открытым. Что поразило ее в самом начале, так это состав «комитета»: восемь женщин и четверо мужчин. Причем один — пенсионного возраста, а двоих без родителей не пустили бы в кинотеатр на фильм категории «R». Ей пришлось напомнить себе, что в сотнях партизанских армий по всему миру оружие раздают женщинам и детям не старше тех, что находились сейчас в ее доме. Конечно, это неправильно, но иногда правила и необходимость вступают в конфликт.

— Я бы хотела, чтобы мы все на минуту склонили головы, — начала Пайпер. — Я не собираюсь произносить молитву, потому что больше не уверена в том, с кем говорю, когда это делаю. Но вы, возможно, захотите сказать слово Богу, которому верите, потому что сегодня нам понадобится вся помощь, какую мы только сможем получить.

Они так и поступили. Некоторые еще сидели, опустив голову и закрыв глаза, когда Пайпер подняла свою и посмотрела на них: двух только что уволенных женщин-полицейских, вышедшего на пенсию управляющего продуктового супермаркета, издательницу, оставшуюся без газеты, библиотекаря, владелицу местного ресторана, вдову Купола, которая не переставала вертеть на пальце обручальное кольцо, хозяина местного универмага и трех подростков, которые с очень уж серьезными лицами сидели на диване, прижавшись друг к другу.

— Ладно, аминь. Я передаю ведение собрания Джекки Уэттингтон, которая знает, что делает.

— Это, вероятно, слишком оптимистично, — заметила Джекки. — Не говоря о том, что поспешно. Потому что я хочу передать слово Джо Макклэтчи.

Джо изумленно вытаращился на нее:

— Мне?

— Но прежде чем он начнет, — продолжила Джекки, — я хочу попросить его друзей послужить нам часовыми. Норри — перед домом, Бенни — во дворе. — По лицам она поняла, что ребята сейчас запротестуют, и подняла руку, чтобы пресечь возражения: — Это не предлог выпроводить вас из комнаты — вам поручается важное дело. Мне нет нужды говорить вам, что все может обернуться плачевно, если нас

здесь поймают. Вы двое — самые маленькие. Найдите темное место и затаитесь. Если увидите кого-то подозрительного или городскую патрульную машину, хлопните в ладоши, вот так. — Джекки хлопнула раз, после паузы дважды и еще раз. — Потом вам все расскажут, я обещаю. Новое правило дня — делиться информацией, а не секретничать. — Когда они ушли, Джекки повернулась к Джо: — Коробочка, о которой ты говорил Линде. Расскажи всем. С начала и до конца.

Джо рассказывал стоя, словно отвечал на уроке у доски.

— Потом мы вернулись в город, — закончил он, — и этот мерзавец Ренни арестовал Расти. — Джо вытер пот со лба и сел на диван.

Пришедшая тоже на собрание Клер обняла его за плечи.

— Джо говорит, что Ренни не должен узнать о коробочке. Он уверен, что Ренни, скорее, заинтересован в том, чтобы она и дальше делала то, что делает. Он не попытается отключить ее или уничтожить.

— Думаю, Джо прав, — кивнула Джекки. — Поэтому существование коробочки и ее местонахождение — наш первый секрет.

— Я не уверен, — вдруг подал голос Джо.

— То есть? — удивилась Джулия. — Ты считаешь, Ренни следует поставить в известность?

— Возможно. В каком-то смысле. Мне надо подумать.

Джекки продолжила, не задавая Джо новых вопросов.

— Второй пункт нашей повестки дня. Я хочу попытаться вытащить Барби и Расти из тюрьмы. Завтра вечером, во время общегородского собрания. Президент назначил Барби главой городской администрации и...

— Кто угодно, только не Ренни! — прорычал Эрни. — Этот невежественный сукин сын думает, что город принадлежит ему.

— Он хорош только в одном, — поддержала его Линда, — замутить воду, когда это ему на руку. Продовольственный бунт и поджог редакции... Я думаю, все сделано по его приказу.

— Разумеется, по его, — кивнула Джекки. — Тот, кто может убить своего пастора...

Роуз вытаращилась на него:

— Ты говоришь, что Ренни убил Коггинса?

Джекки рассказала о визите в подвал «Похоронного бюро Боуи», о том, что отметины на лице Коггинса наверняка оставлены золоченым бейсбольным мячом, который Расти видел в кабинете Ренни. Присутствующие слушали с ужасом, но недоверия на лицах не читалось.

— Девушек тоже он? — спросила Лисса Джеймисон, и ее тихий голос наполнял страх.

— Я думаю, его сын, — отчеканила Джекки. — И эти убийства, вероятно, никак не связаны с политическими махинациями Большого Джима. Младший сегодня утром потерял сознание. У дома Маккейнов, между прочим, где и обнаружили тела. И нашел их он.

— Какое совпадение! — фыркнул Эрни.

— Он сейчас в больнице. Джинни Томлинсон говорит, что у него почти наверняка опухоль мозга, которая может стать причиной проявления неконтролируемого насилия.

— Семейная команда убийц? — Клер еще сильнее прижала к себе Джо.

— Не команда, — покачала головой Джекки. — Лучше назвать это наследственными отклонениями в поведении, которые проявляются в стрессовой ситуации.

— Но тот факт, что тела найдены в одном месте, однозначно указывает, что убийцы, если их было двое, действовали сообща, — вновь заговорила Линда. — И получается, что мой муж и Дейл Барбара в руках убийцы, который использует их для того, чтобы построить теорию большого заговора. Они до сих пор не убиты только потому, что Ренни намерен на их примере преподать всем урок. Он хочет, чтобы их казнили прилюдно. — На мгновение у нее перекосило лицо, но она сумела побороть слезы.

— Я не могу поверить, что он зашел так далеко. — Лисса теребила Ключ жизни. — Господи, он всего лишь *торговец поддержанными автомобилями*.

Ответом ей было молчание.

— А теперь послушайте, — нарушила Джекки затягивающуюся паузу. — Сказав вам, что мы с Линдой собираемся сделать, я действительно превратила нас в заговорщиков. Поэтому я хочу попросить вас проголосовать. Если вы хотите в этом участвовать, поднимите руку. Те, кто не поднимет, может уйти. Пообещав, что никому не расскажет о нашем разговоре. Думаю, никто и так не захочет этого делать. Если вы никому не скажете, кто здесь был и что обсуждалось, вам не придется объяснять, как вы сами сюда попали. Это опасно. Мы все можем оказаться в тюрьме, но это не самое худшее. А теперь хочу увидеть ваше решение. Кто остается?

Джо поднял руку первым, но Пайпер, Джулия, Роуз и Эрни Кэлверт от него практически не отстали. Линда и Ромми подняли руки вместе. Лисса посмотрела на Клер Макклэтчи. Та вздохнула и кивнула. Обе женщины подняли руки.

— Все правильно, мама, — поддержал ее Джо.

— Если ты скажешь отцу, во что я позволила тебе впутаться, для того чтобы казнить тебя, Джеймс Ренни не потребуется, — предупредила Клер сына. — Я сделаю это сама.

— Линда не может идти в полицейский участок, чтобы освобождать арестованных. — Ромми обращался к Джекки.

— Тогда кто?

— Ты и я, милая. Линда пойдет на общегородское собрание, чтобы шестьсот или восемьсот человек подтвердили, что видели ее там.

— Почему я не могу пойти с вами? — спросила Линда. — В тюрьме держат моего мужа.

— Именно поэтому, — по-простому объяснила Джулия.

— Как ты собираешься это сделать? — спросил Ромми Джекки.

— Думаю, нам надо надеть маски...

— Понятное дело. — Роуз скорчила гримасу, и все рассмеялись.

— Нам повезло, — объявил Ромми. — У меня в магазине много хэллоуиновских масок.

— Может, мне стать маленькой Русалочкой? — В голосе Джекки слышались мечтательные интонации. Она осознала, что все на нее смотрят, и покраснела. — В любом случае нам потребуется оружие. У меня дома есть пистолет, «беретта». А у тебя, Ромми?

— Я припрятал несколько карабинов и помповиков в сейфе магазина. Один с оптическим прицелом. Не могу сказать, что предвидел нападение на полицейский участок, но чувствовал, что оружие может понадобиться.

— Вам также понадобится автомобиль, на котором вы уедете, — вмешался Джо. — И не ваш фургон, Ромми, потому что его все знают.

— Насчет этого у меня есть идея, — сказал Эрни. — Давайте возьмем машину со стоянки «Салона подержанных автомобилей Джима Ренни». Прошлой весной он приобрел полдюжину микроавтобусов телефонной компании с большим пробегом. Они так и стоят в самой глубине. Полагаю, если мы воспользуемся одним из них, это будет, как говорится, идеальной справедливостью.

— А как мы добудем ключ зажигания? — спросил Ромми. — Взломаем кабинет Ренни в салоне?

— Если в микроавтобусе, который мы возьмем, зажигание будет не электронным, я смогу завести двигатель без ключа. — Эрни строго посмотрел на Джо и добавил: — Я бы предпочел, молодой человек, чтобы ты не передавал этого моей внучке.

Джо знаками показал, что застегивает рот на молнию, вызвав общий

смех.

— Общегородское собрание начнется завтра в семь вечера, — напомнила Джекки. — Если мы войдем в полицейский участок около восьми...

— Мы можем все рассчитать точнее, — прервала ее Линда. — Если уж мне придется идти на это чертово собрание, я могу принести какую-то пользу. Надену платье с большими карманами и положу в один полицейскую рацию. У меня осталась одна в моем личном автомобиле. Вы двое будете сидеть в микроавтобусе, наготове.

В комнате стало напряженнее: все вдруг осознали, что приступили к делу всерьез.

— У погрузочной платформы за моим универмагом, — уточнил Ромми, — где нас никто не увидит.

— Как только Ренни начнет речь, я трижды пикну по рации. Это и станет сигналом.

— Сколько полицейских будет в участке? — спросила Лисса.

— Я это выясню у Стейси Моггин, — ответила Джекки. — Но едва ли много. Зачем им там торчать? Насколько известно Большому Джиму, настоящих друзей Барби в городе нет — только соломенные пугала, которые он поставил.

— Ренни также захочет позаботиться о том, чтобы его нежный зад хорошо охранялся, — добавила Джулия.

Кто-то рассмеялся, но на лице матери Джо отражалась тревога:

— Все равно в участке кто-то будет. И что вы собираетесь сделать, если вам окажут сопротивление?

— Не окажут, — уверенно заявила Джекки. — Я запру дежурных в подвальных камерах до того, как они поймут, что происходит.

— А если все-таки окажут?

— Без крайней необходимости их не убьют. — Голос Линды звучал спокойно, но глаза показывали, что она прилагает отчаянные усилия для того, чтобы сдержать слезы. — Но убийства все равно будут, если Купол простоит еще какое-то время. И расстрел Барби и моего мужа на площади Военного мемориала только положат им начало.

— Допустим, вы вытащили их оттуда, — кивнула Джулия. — Куда вы их отвезете? Сюда?

— Нет, нет, — возразила Пайпер и коснулась еще остающихся опухшими губ. — Я уже в черном списке Ренни. Не говоря уж про того парня, который теперь его личный телохранитель. Тибодо. Мой пес его покусал.

— Да и потом, твой дом очень близко к центру. В центре ни один дом не подходит, — заметила Роуз. — Ренни может устроить повальные обыски. Бог свидетель, копов у него теперь предостаточно.

— Плюс все эти люди с нарукавными повязками, — добавил Ромми.

— Как насчет одного из летних коттеджей у Честерского пруда? — предложила Джулия.

— Возможно, — кивнул Эрни, — но Ренни тоже может об этом подумать.

— И все-таки это, наверное, наилучший вариант, — согласилась с Джулией Лисса.

— Мистер Берпи, у вас еще осталась эта широкая свинцовая лента? — спросил Джо.

— Конечно, тонны. И зови меня Ромми.

— Если мистер Кэлверт сможет украсть микроавтобус завтра, сможете вы подъехать к вашему магазину и загрузить в салон предварительно нарезанные свинцовые пластины? Достаточно большие, чтобы закрыть окна?

— Полагаю, что да...

Джо посмотрел на Джекки:

— А вы сможете связаться с полковником Коксом, если возникнет такая необходимость?

— Да. — Джекки и Джулия ответили одновременно, потом удивленно переглянулись.

Глаза Ромми сверкнули.

— Ты думаешь о доме Маккоя, так? На Блэк-Ридж. Где находится коробочка.

— Да, возможно, плохая идея, но, если нам всем придется бежать... если мы соберемся там... мы сможем защитить коробочку. Я знаю, звучит безумно, поскольку от нее все проблемы, но мы не можем позволить Ренни заполучить ее.

Ромми кивнул:

— Я тебя понимаю и надеюсь, что нам удастся избежать еще одной битвы за Аламо, [\[166\]](#) только в яблонево́м саду.

— Мы можем сделать и кое-что еще, — продолжил Джо. — Это немного рискованно. Может не сработать, но...

— Выкладывай. — Джулия смотрела на Джо Макклэтчи чуть ли не с благоговением.

— Что ж... счетчик Гейгера все еще в вашем фургоне, Ромми?

— Думаю, да.

— Может, кто-то сумеет вернуть его в атомное убежище, откуда его взяли. — Джо повернулся к Джекки и Линде: — Может кто-то из вас попасть туда? Я про то, что вы уволены со службы.

— Думаю, Эл Тиммонс нас пустит туда, — ответила Линда. — И наверняка пустит Стейси Моггин. А она с нами. Ее здесь нет только потому, что Стейси сейчас на службе. А зачем вообще это надо, Джо?

— Дело в том... — Он говорил с не свойственной ему медлительностью, словно взвешивал каждое слово. — На Блэк-Ридж радиация, понимаете? Сильная радиация. Но это всего лишь узкая зона... Я готов спорить, ее можно проскочить без всякой защиты, и никакого вреда не будет, если ехать быстро и не пересекать ту зону часто... о чем люди Большого Джима не знают. Беда в том, что они ничего не знают и о тамошней радиации. И не узнают, если у них не будет счетчика Гейгера.

Джекки хмурилась:

— Идея классная, малыш, но мне не нравится один момент. Мы сами укажем Ренни, где нас искать. Не думаю я, что наша безопасность от этого возрастет.

— Нам ничего указывать не нужно. — Джо по-прежнему говорил медленно, выискивая в своем плане слабые места. — Во всяком случае, напрямую. Кто-нибудь из вас свяжется с Коксом. И попросит его позвонить Ренни и сказать ему, что под Куполом засечен сильный источник радиации. Кокс может сказать что-то вроде: «Мы не можем точно определить место, потому что радиация появляется и исчезает, но уровень ее достаточно высокий, возможно, даже смертельный. Поэтому будьте осторожны. У вас, часом, нет счетчика Гейгера?»

Последовала долгая пауза: все обдумывали предложение Джо. Первым заговорил Ромми:

— Мы отвезем Барбару и Расти на ферму Маккоя. Отправимся туда сами, если придется... и, вероятно, придется. А если копы попытаются проникнуть туда...

— Они увидят такой всплеск радиации на счетчике Гейгера, что помчатся обратно в город, зажимая свои никчемные яйца, — проскрипел Эрни. — Клер Макклэтчи, твой сын — гений.

Клер крепко, обеими руками, обняла Джо:

— Лучше б он в своей комнате как следует прибирался.

Горас лежал на ковре в гостиной Андреа Гриннел, положив морду на лапу и одним глазом поглядывая на женщину, у которой он оставлен хозяйкой. Обычно Джулия всюду брала его с собой — спокойный пес, он никогда не доставлял ей хлопот, даже если в доме жили кошки; у него не возникало желания подойти к ним из-за их неприятного запаха. В этот вечер, однако, Джулия подумала, что Пайпер Либби, у которой только-только погибла собака, опечалится, увидев живого Гораса. Она также заметила, что Анди Горас нравится, и решила, что корги отвлечет эту женщину от мыслей о ломке, симптомы которой проявлялись уже не так сильно, но еще не сошли на нет.

Какое-то время все шло как задумывалось. Анди нашла резиновый мячик в коробке с игрушками, которую держала для своего единственного внука (тот уже миновал период интереса к ящику с игрушками). Горас послушно бегал за мячом, приносил его, когда требовалось, хотя особого удовольствия не получал: предпочитал мячи, которые мог хватать на лету. Но работа есть работа, и он участвовал в этом действе, пока Анди вдруг не начала дрожать, словно замерзла.

— Ох! Ох, черт, опять начинается.

Она легла на диван, дрожа всем телом. Прижала одну из диванных подушек к груди и уставилась в потолок. Очень скоро у нее начали стучать зубы — по мнению Гораса, звук этот очень раздражал.

Он принес мяч, надеясь ее отвлечь, но женщина оттолкнула его:

— Нет, милый, не сейчас. Позволь мне через это пройти.

Горас отнес мяч к неработающему телевизору и лег. Дрожь теряла силу, а вместе с ней слабел идущий от женщины запах болезни. Пальцы, сжимавшие диванную подушку, расслабились, как только она начала засыпать. Потом и захрапела.

И это означало, что пришло время перекусить.

Горас вновь полез под столик, огибая конверт, в котором находилась распечатка файлов из папки «ВЕЙДЕР». За конвертом его ждал попкорновый рай. Он мог считать себя счастливой собакой.

Горас еще пировал, его бесхвостый зад качался из стороны в сторону от удовольствия, близкого к экстазу (разбросанные по полу гранулы были невероятно масляными, невероятно солеными и, что самое главное, созревшими до совершенства), когда вновь заговорил мертвый голос:

Отнеси это ей.

Но он не мог. Его хозяйка ушла.

Другой ей.

Мертвый голос не потерпел бы отказа, да и от поп-корна почти ничего не осталось. Горас решил, что оставшимися гранулами он займется в следующий раз, и пятился, пока конверт не оказался перед ним. На мгновение забыл, чего от него хотят. Потом вспомнил и ухватил конверт зубами.

Хороший песик.

Что-то холодное лизнуло щеку Андреа. Она отмахнулась и повернулась на бок. На несколько мгновений погрузилась в исцеляющий сон, но тут раздался лай.

— Заткнись, Горас. — Она сунула диванную подушку под голову.

Но собака вновь залаяла, а потом тридцать четыре фунта корги приземлились ей на ноги.

— Ах! — воскликнула Анди, садясь. Посмотрела в пару блестящих, красновато-коричневых глаз и лисью улыбающуюся мордочку. Только улыбку что-то скрывало. Конверт из плотной коричневой бумаги.

Горас бросил его на живот Андреа и спрыгнул на пол. Он никогда не запрыгивал на чужую мебель, но мертвый голос дал понять, что дело не терпит отлагательства.

Андреа взяла конверт, с вмятинами от зубов Гораса. К нему также прилипла гранула поп-корна, которую она смахнула. Внутри лежало что-то достаточно объемистое. На лицевой стороне Андреа прочитала две надписи, обе большими буквами: «ПАПКА ВЕЙДЕР» и ниже — «ДЖУЛИИ ШАМУЭЙ».

— Горас? Где ты это взял?

Пес ответить, разумеется, не мог, но ответа и не требовалось. Гранула поп-корна ей все сказала. Всплыло воспоминание, такое расплывчатое и нереальное, что больше походило на сон. Ей это приснилось, или Бренда Перкинс действительно приходила к ее двери после первой ужасной ночи ломки? Когда в другой части города бушевал продовольственный бунт?

Может он полежать у тебя? Короткое время? У меня есть одно дело, и я не хочу брать конверт с собой.

— Она приходила, — сообщила Андреа Горасу, — с этим конвертом. Я взяла его... во всяком случае, думаю, что взяла... но потом меня затошнило. Вырвало. *Опять* вырвало. Наверное, я бросила его на столик, когда бежала в сортир. Так он упал? Ты нашел его на полу?

Горас громко гавкнул. Или ответил утвердительно, или говорил: *Если хочешь, я готов снова поиграть в мяч.*

— Что ж, спасибо. Хороший песик. Я отдам конверт Джулии, как только она вернется.

Спать ей уже не хотелось, и пока ее — какое-то время — не трясло. Зато разбирало любопытство. Потому что Бренда умерла. Ее убили. И

вероятно, произошло это вскоре после того, как она оставила здесь конверт. То есть в нем могло лежать что-то важное.

— Я только загляну, хорошо?

Горас вновь твякнул. Для Анди это прозвучало как: *Почему нет?*

Андреа открыла конверт, и большинство секретов Большого Джима Ренни высыпалось ей на колени.

Клер вернулась домой первой. Потом пришли Бенни, Норри. Все трое сидели на крыльце дома Макклэтчи, когда появился Джо, пересекая лужайки и держась в тени.

Бенни и Норри пили теплую крем-соду. Клер держала в руках бутылку пива мужа, медленно покачиваясь в кресле-качалке. Джо сел рядом с ней, и Клер обняла его за костлявые плечи. *Он такой хрупкий*, подумала она. *Он этого не знает, но так оно и есть. Косточки, как у птички.*

— Чувак, — Бенни протянул Джо остатки газировки, которые приберег для него, — мы уже начали волноваться.

— Миз Шамуэй задала мне несколько вопросов о коробочке. И таких, что я ответить не смог. Господи, какая эта вода теплая. Как летняя ночь. — Джо вскинул голову к небу: — И посмотрите на эту луну.

— Не хочу, — ответила Норри. — Она пугает.

— Все хорошо, милый? — спросила Клер.

— Да, мама. А как ты?

Она грустно улыбнулась:

— Не знаю. Это сработает? Как думаете? Только по правде? Какие-то мгновения никто не отвечал, и это испугало Клер еще больше. Потом Джо поцеловал ее в щеку.

— Сработает.

— Ты уверен?

— Да.

Она всегда чувствовала, если сын лжет — хотя знала, что эта способность может уйти от нее, когда он станет старше, — но на сей раз не уловила даже намека на ложь.

Клер поцеловала Джо — он подумал, что ее теплое дыхание от пива стало таким же, как у отца.

— Главное, чтобы не пролилась кровь.

— Не прольется, — заверил он мать.

Клер вновь улыбнулась:

— Ладно, тогда меня все устраивает.

Они еще какое-то время посидели в темноте, практически не разговаривая. Потом ушли в дом, оставив город спать под розовой луной.

В самом начале первого.

Всюду кровь

Джулия вошла в дом Андреа уже двадцать шестого октября. В половине первого. Вошла тихонько, но могла бы и не стараться, потому что услышала музыку: играл портативный радиоприемник Анди. «Стэпл сингерс» надирали всем задницу песней «Выбери правильную церковь». Горас вышел в прихожую, чтобы поприветствовать ее, виляя задом и улыбаясь чуть безумной улыбкой, на какую, похоже, способны только корги. Расставил лапы, наклонил голову, и она почесала его за ушами, где находились самые чувствительные местечки.

Андреа сидела на диване, пила чай.

— Извини за музыку. — Она приглушила звук. — Не могла заснуть.

— Это твой дом, дорогая. А для ХНВ это просто рок-н-ролл.

Анди улыбнулась:

— Знаешь, под вечер пошел сплошь ускоренный госпел. У меня такое ощущение, будто я сорвала банк. Как прошла встреча?

— Хорошо. — Джулия села.

— Хочешь об этом поговорить?

— Тебе незачем тревожиться. Сосредоточься на собственном самочувствии. И знаешь что? Ты выглядишь лучше.

Она сказала правду. Лицо Анди оставалось бледным, заметно осунулось, но черные мешки под глазами поблекли, а в глазах заблестели искорки.

— Спасибо за добрые слова.

— Горас вел себя хорошо?

— Более чем. Мы поиграли в мяч, а потом немного поспали. Если я выгляжу лучше, то, вероятно, по этой причине. Дневной сон всегда девушкам к лицу.

— Как твоя спина?

Андреа улыбнулась. Многозначительной улыбкой, лишь с чуточкой веселья.

— Не так чтобы плохо. Едва дает о себе знать, даже когда я нагибаюсь. И знаешь, что я думаю?

Джулия покачала головой.

— Я думаю, когда дело касается наркотиков, тело и мозг сотрудничают. Если мозгу нужны наркотики, тело ему помогает. Говорит: «Не волнуйся, не чувствуй себя виноватым, все в порядке, мне

действительно больно». Это не ипохондрия в чистом виде, я не об этом, не все так просто. Но... — Она замолчала, глаза затуманились, словно мысленно Андреа перенеслась совсем в другое место.

В какое? — задалась вопросом Джулия.

— Человеческая природа может нацеливаться на уничтожение. Скажи мне, ты когда-нибудь воспринимала город как тело?

— Да, — без раздумий ответила Джулия.

— Может оно говорить «больно», чтобы мозг принял наркотики, которых так жаждет тело?

Джулия подумала, потом кивнула:

— Да.

— И в данный момент Большой Джим Ренни — мозг города, так?

— Да, дорогая. Я бы сказала, что да.

Андреа сидела на диване, наклонив голову. Потом выключила маленький приемник и встала:

— Думаю, я пойду спать. И знаешь, мне кажется, что я действительно сумею заснуть.

— Это хорошо, — кивнула Джулия, а потом вроде бы без всякой на то причины спросила: — Анди, пока меня не было, что-то произошло?

На лице Андреа отразилось удивление.

— Да, конечно. Мы с Горасом поиграли в мяч. — Она наклонилась, не поморщившись от боли. — Неделю назад сказала бы, что никогда в жизни такого не сделать. — И протянула руку. Горас подошел и опустил голову, чтобы его погладили. — Он так здорово ловит мяч.

В спальне Андреа села на кровать, взяла распечатку документов из папки «ВЕЙДЕР» и начала читать вновь. На этот раз более внимательно. Убрала листы в конверт из плотной бумаги чуть ли не в два часа ночи. Конверт положила в ящик прикроватной тумбочки, в котором уже лежал револьвер тридцать восьмого калибра. Два годами раньше револьвер подарил ей на день рождения ее брат Дуглас. Она ужаснулась, но Дуги настоял на своем, говоря, что женщина, которая живет одна, нуждается в защите.

Теперь Анди достала револьвер, откинула цилиндр, проверила патроны. Гнездо, которое находилось под ударником в момент нажатия на спусковой крючок, пустовало, как рекомендовал Твитч. Остальные пять заполняли патроны. Запасные лежали на верхней полке стенного шкафа, но ей не дали бы шанса перезарядить револьвер. Маленькая армия копов уложила бы ее.

Но если она не сможет убить Ренни пятью выстрелами, наверное, ей не стоит и жить.

— В конце концов, — пробормотала Андреа, вернув револьвер в ящик, — для чего я избавлялась от наркотической зависимости? — Ответ пришел четкий и ясный, потому что окси больше не туманил разум: чтобы рука не дрожала и могла навести оружие точно на цель. — Именно для этого. — Она кивнула и выключила свет.

Через пять минут Андреа крепко спала.

Младший не спал. Сидел у окна больничной палаты на единственном стуле, наблюдал, как странная розовая луна высвечивает темное пятно на Куполе, которого он раньше не видел. Размером побольше и располагавшееся гораздо выше другого пятна, того, что осталось после неудачного ракетного удара. Пока он лежал без сознания, предпринималась еще одна попытка пробить Купол? Младший не знал, да его это и не волновало. Главное заключалось в том, что Купол стоял на прежнем месте. Если б не стоял, город сверкал бы, как Вегас, а улицы наводнили бы солдаты. Нет, тут и там светились огни, показывая, где живут твердолобые полуночники, но по большей части Честерс-Милл спал. И хорошо, потому что ему, Младшему, было о чем подумать и не хотелось, чтобы его отвлекали.

Подумать о *Ба-а-арби* и его друзьях.

Голова у Младшего не болела, когда он сидел у окна, и память вернулась, но молодой Ренни уже отдавал себе отчет, что тяжело болен. Подозрительная слабость ощущалась во всей левой половине тела, и иногда слюна самопроизвольно вытекала из левого уголка рта. А если он вытирал ее левой рукой, то иногда чувствовал прикосновение кожи к коже, а иногда нет. Кроме того, черное пятно, формой похожее на замочную скважину и довольно большое, плавало в левой половине поля зрения. Словно в левом глазу что-то оборвалось. И наверное, так оно и было.

Младший помнил бешенство, которое охватило его в День Купола. Помнил, как преследовал Энджи по коридору на кухню, как бросил ее на холодильник, как ударил коленом в лицо. Он помнил звук, который при этом раздался, словно под его коленом фарфоровое блюдо разбилось где-то за ее глазами. То бешенство уже ушло. Его место заняла более ровная ярость, растекавшаяся по всему телу из какого-то бездонного источника, находившегося у него в голове, ключа, который одновременно леденил и очищал.

Старый козел, которого они с Френки поставили на место у Честерского пруда, приходил вечером, чтобы осмотреть его.

Корчил из себя профессионала, померил температуру и давление, спросил, болит ли голова, даже проверил коленные рефлексy маленьким, обтянутым резиной молоточком. Потом, после его ухода, Младший услышал разговор и смех. Упоминалось имя Барби. Младший подкрался к

двери.

Увидел старого козла и одну из юных медсестричек, симпатичную италяйшку по фамилии Буффало или похожую на Буффало. Старый козел расстегнул ей блузку и лапал сиськи. Она расстегнула ему ширинку и гоняла шкурку. Их окружал ядовито-зеленый свет.

«Младший и его друг избili меня, — жаловался старый козел, — но теперь его друг мертв, и скоро он тоже умрет. Приказ Барби».

«Мне нравится сосать конец Барби, как мятный леденец», — ответила Буффало, и старый козел сказал, что ему тоже это нравится.

Потом, после того как Младший моргнул, те двое уже шли по коридору. Ни зеленой ауры, ни шаловливых ручонок. Может, это была галлюцинация. Но может, и нет. Одно сомнений не вызывало: они все заодно. В одной команде с *Ба-а-арби*. Тот в тюрьме, но это временно. Вероятно, чтобы вызвать к себе сочувствие. Составная часть *пла-а-ана Ба-а-арби*. Плюс, он думал, в тюрьме Младшему до него не добраться.

— В этом он ошибается, — прошептал Младший, сидя у окна, глядя в ночь глазами, которые теперь подводили его. — *Ошибается*.

Младший теперь точно знал, что с ним произошло: осознание пришло вспышкой, логичность вывода не вызывала сомнений. Отравление таллием, как у того русского в Англии. Армейские жетоны Барби покрывала пыль таллия, Младший прикоснулся к ним и теперь умирает. А раз отец послал его в квартиру Барби, значит, он тоже причастен к отравлению сына. Отец — еще один из Барбиевых... как называют таких людей?..

— Миньонов, — прошептал Младший. — Всего лишь один из филе-миньонов Барби.

Как только он об этом подумал — как только его разум *очистился*, — все встало на свои места. Отец хотел заткнуть ему рот, чтобы он никому не рассказал ни о Коггинсе, ни о Перкинс. Отсюда — отравление таллием. Все складывалось.

Снаружи, за лужайкой, волк пересекал автомобильную стоянку. На лужайке две обнаженные женщины лежали в позиции 69. «Шестьдесят девять для двух девок», — мальчишками кричали они с Френки, если видели двух девушек, шагающих вместе, не зная, о чем речь, зная только, что это грубо. Одна из щелколизок выглядела как Сэмми Буши. Медсестра — ее звали Джинни — сказала Младшему, что Сэмми умерла, то есть соврала, а значит, и у Джинни рыльце в пушку и она заодно с *Ба-а-арби*.

А оставался ли в городе хоть один человек, который не был заодно с ним? Кто *наверняка* не входил в число его сторонников?

Да, осознал Младший, таких даже не один, а двое. Дети, которых они с

Френки нашли около пруда, Элис и Эйден Эпплтон. Он помнил их затравленные глазки, помнил, как девочка обняла его, когда Младший взял ее на руки. Когда он сказал ей, что теперь она в безопасности, Элис спросила: «Ты обещаешь?» — Младший ответил «да». И это обещание сразу подняло ему настроение. А от доверчивости прижимающейся к нему девочки на душе стало легче.

Тут Младший и принял внезапное решение: он убьет Дейла Барбару. А если какие-то люди встанут у него на пути, он убьет и их. Потом найдет своего отца и убьет его... о чем Младший мечтал долгие годы, но только сейчас признался себе, как ему этого хотелось.

После разыщет Эйдена и Элис. А тех, кто попытается помешать ему в этом, он тоже убьет. Отвезет детей к Честерскому пруду и станет о них заботиться. Будет выполнять обещание, которое дал Элис. И пока будет выполнять, не умрет. Бог не позволит ему умереть от отравления таллием, пока он будет заботиться об этих детях.

Теперь Энджи Маккейн и Доди Сандерс в танце пересекали автомобильную стоянку, одетые в короткие юбочки участниц группы поддержки и спортивные майки с большими «ДК» — что означало «Дикие коты» — на груди. Они заметили, что Младший смотрит на них, и начали вертеть бедрами и задирать юбки. Их расползающиеся, разлагающиеся лица покачивались из стороны в сторону, вверх-вниз. Они скандировали: *«Дверь кладовой открывай! И конец свой доставай! Вперед, ЗА КОМАНДУ!»*

Младший закрыл глаза. Открыл. Его подружки исчезли. Опять галлюцинация, как и волк на автомобильной стоянке. А вот девушки в позиции 69, наверно, были на самом деле.

Может, детей не стоит везти к пруду? Может, лучше он привезет их в кладовую дома Маккейнов? Это ближе. Еды достаточно.

И разумеется, там темно.

— Я позабочусь о вас, детки, — прошептал Младший. — Со мной вы будете в безопасности. Как только Барби умрет, весь заговор рухнет.

Вскоре он привалился лбом к стеклу, а потом заснул.

Генриетта Клавар только ушибла зад, не сломала, но болело ужасно. Впрочем, она уже знала, что в восемьдесят четыре года, если что-то болит, то обязательно ужасно. И поначалу Генриетта решила, что именно боль в задку разбудила ее на рассвете этого четверга. Но таблетка тайленола, которую она приняла в три утра, вроде бы еще действовала. Кроме того, Генриетта нашла специальное кольцо покойного мужа (Джон Клавар страдал от геморроя), и оно очень даже помогло. Нет, причина пробуждения заключалась в другом, и вскоре она поняла, в чем дело.

Был Бадди, ирландский сеттер Фрименов. Самая воспитанная собака на Бэтл-стрит, короткой улочке, отходящей от Кэтрин-Рассел-драйв, Бадди никогда раньше не выл. Опять же стих генератор Фрименов. Генриетта подумала, что проснулась именно поэтому, а не от собачьего воя. Конечно же, именно урчание генератора убаюкало ее вчера вечером. Генератор Фрименов не грохотал, не ревел, не выбрасывал в воздух облака сизого дыма. Его монотонное, не такое уж громкое урчание успокаивало. Генриетта полагала, что такой генератор стоил больших денег, но Фримены могли себе его позволить. Уиллу принадлежал салон «Тойоты», который в свое время хотел заполучить Большой Джим Ренни, и, хотя для продавцов автомобилей времена наступили тяжелые, Уилл являл собой исключение из общего правила. Только в прошлом году он и Лу добавили к дому симпатичную пристройку.

Но этот вой. Собаку, похоже, мучила боль. И такие милые люди, как Фримены, должны были сразу откликнуться на жалобы их любимца... так почему не откликались?

Генриетта выбралась из кровати (чуть поморщилась, когда зад расставался с уютной серединой поролонового пончика) и подошла к окну. Двухуровневый дом Фрименов лежал как на ладони, пусть и в серотусклом свете, а не ярком и чистом, обычном для раннего утра в конце октября. У окна Бадди она слышала еще лучше, но не увидела, чтобы у Фрименов кто-нибудь двигался. Дом стоял совершенно темный, ни в одном окне не горела даже лампа Коулмана. Она могла бы предположить, что хозяева куда-то уехали, но оба автомобиля стояли на подъездной дорожке. Да и куда они могли поехать?

Бадди продолжал выть.

Генриетта надела халат и шлепанцы, вышла из дому. Уже добралась до

тротуара, когда рядом остановилась машина. Дуглас Твитчел, несомненно, по пути в больницу. От недосыпания у него припухли глаза, а в руке, вылезая из кабины, он держал вощенный стакан с логотипом «Эглантерии»: чтобы не терять времени, кофе захватил с собой.

— Вы в порядке, миссис Клавар?

— Что-то не так у Фрименов. Ты слышишь?

— Да.

— Вот и они должны. Их автомобили на месте, так почему Фримены это не прекратят?

— Я посмотрю. — Твитч глотнул кофе, потом поставил стакан на капот своей машины. — Вы оставайтесь здесь.

— Чушь! — отмахнулась Генриетта.

Они прошли по тротуару ярдов двадцать, свернули на подъездную дорожку Фрименов. Собака выла и выла. От этого звука по коже Генриетты побежали холодные мурашки, хотя утро выдалось теплым.

— Воздух очень плохой, — пожаловалась она. — Так он пах в Рамфорде, когда я только вышла замуж и бумажные комбинаты еще работали. Для людей он вреден.

Твитч что-то пробурчал и нажал на кнопку звонка Фрименов. Не вызвав ответной реакции, постучал в дверь, потом забарабанил.

— Посмотри: может, не заперто, — предложила Генриетта.

— Не знаю, удобно ли, миссис...

— Да перестань. — Генриетта протолкнулась мимо него и взялась за ручку. Она повернулась. Генриетта открыла дверь. В доме царила тишина. Комната пряталась в густых утренних тенях. — Уилл?! Лу?! Вы здесь?

Никто не ответил, только собака продолжала выть.

— Собака, похоже, во дворе, — сказал Твитч.

Короткий путь туда лежал через дом, но у них не возникло желания им воспользоваться, поэтому они вернулись на подъездную дорожку, а потом прошли по выложенной плитками тропе между домом и гаражом, где Уилл держал не автомобили, а свои игрушки: два снегохода, квадроцикл, внедорожный мотоцикл «ямаха», хондовский мотоцикл «голд уинг».

Двор Фрименов окружал высокий, глухой забор. Мощеная тропка упиралась в калитку. Твитч открыл ее, и тут же в него врезались семьдесят фунтов испуганного ирландского сеттера. Твитч вскрикнул от неожиданности, поднял руки, но собака и не пыталась укусить его: Бадди радовался спасению. Поставив передние лапы на последнюю чистую блузу Твитча и вымазав ее грязью, он принялся лизать лицо медбрата.

— Прекрати! — закричал Твитч. Оттолкнул Бадди, который

приземлился на все четыре лапы, но тут же поднялся на задние, передними оставил новые отметины на блузе, а розовый язык вновь прошелся по щекам Твитча.

— Бадди, сидеть! — скомандовала Генриетта, и сеттер тут же сел, переводя взгляд с нее на Твитча и обратно, продолжая выть. Под ним начала растекаться лужа мочи.

— Миссис Клавар, это не к добру.

— Не к добру.

— Может, вам лучше остаться с со...

Генриетта фыркнула и решительно прошла во двор Фрименов, так что Твитчу пришлось ее догонять. Бадди плелся за ними, опустив голову, поджав хвост и подвывая.

Они вышли на вымощенный каменными плитами внутренний дворик, где стояла жаровня, аккуратно накрытая куском зеленого брезента с надписью: «КУХНЯ ЗАКРЫТА». За жаровней, на границе лужайки, стояла платформа из красного дерева. На ней было установлено джакузи. Твитч предположил, что высокий глухой забор служил для одной цели: чтобы Фримены могли купаться голыми, возможно, даже перепихнуться в джакузи, если возникало такое желание.

Уилл и Лу и сейчас сидели в ванне, да только дни, когда они могли перепихнуться, остались в прошлом. На головы у них были надеты полиэтиленовые мешки, завязанные на шее то ли шпагатом, то ли резинками. Мешки изнутри запотели, но не настолько, чтобы Твитч не увидел полиловевшие лица Фрименов. Рядом с бренными останками Уилла и Лу, на столике из красного дерева, стояли бутылка виски и маленький пузырек из-под таблеток.

— Стоп! — вырвалось у Твитча. Он не знал, говорит ли это себе или миссис Клавар, а может, Бадди, который опять тоскливо взвыл. К кому он точно не мог обратиться, так это к Фрименам.

Генриетта не остановилась. Подошла к платформе, поднялась по двум ступенькам с прямой, как у солдата, спиной, посмотрела на изменившиеся лица ее милых соседей (и совершенно нормальных людей), на бутылку виски (увидела, что это «Гленливет», то есть вкус не изменил им до самого конца), потом взяла пузырек с этикеткой «Городского аптечного магазина Сандерса».

— Амбиен или лунеста? — спросил Твитч осипшим голосом.

— Амбиен. — Голос Генриетты, пусть во рту и горле пересохло, звучал почти нормально. — Ее. Хотя, как я понимаю, в последнюю ночь снотворным она поделилась.

— Записка?

— Здесь нет. Может, в доме.

Но записки не нашлось, во всяком случае, на виду она не лежала, и они не могли придумать причину, по которой кому-то могло прийти в голову спрятать предсмертную записку. Бадди следовал за ними из комнаты в комнату, теперь уже не выл, а тихонько подвывал глубоко в горле.

— Пожалуй, возьму его к себе, — решила Генриетта.

— Вам придется. В больницу я его отвезти не могу. Я позвоню Стюарту Боуи, чтобы он приехал и забрал... их. — Он ткнул большим пальцем куда-то за плечо. Желудок у него ходил ходуном, но самое плохое заключалось в другом: накатилась депрессия, бросив густую тень на его обычно солнечную душу.

— Не понимаю, почему они это сделали. — Генриетта покачала головой. — Если бы мы прожили под Куполом год... или даже месяц... да, возможно. Но меньше чем за *неделю*? Нет, психически здоровые люди так на беду не реагируют.

Твитч подумал, что он понимает мотивы Фрименов, но Генриетте говорить не стал: они *могли* прожить под Куполом месяц. *Могли* прожить год. Может, и дольше. Без дождя, с истощающимися ресурсами, со становящимся все более грязным воздухом. Если страна — лидер мирового научно-технического прогресса — за прошедшее время не смогла понять, что происходит с Честерс-Миллом, не говоря уж о том, чтобы подступить к решению проблемы, скорого освобождения не случится. Уилл Фримен, вероятно, это понял. А может, идея принадлежала Лу. Может, когда генератор сдох, она сказала: «Дорогой, давай сделаем это, пока в джакузи не остыла вода. Давай выберемся из-под Купола, пока у нас полные желудки. Что скажешь? Еще разок купнемся и пропустим несколько стаканчиков на дорожку».

— Может, самолет стал последней каплей, — предположил Твитч. — «Эр Айленд», который вчера врезался в Купол.

Генриетта ответила не словами. Отхаркнулась и выплюнула харкотину в кухонную раковину. Таким шокирующим способом выказала свое осуждение. Потом они вышли из дома.

— Многие поступят так же, да? — предположила она, когда они подошли к концу подъездной дорожки. — Потому что вирус самоубийства иногда попадает в воздух. Как простуда.

— Некоторые уже поступили. — Твитч не знал: безболезненно ли самоубийство, как говорилось в одной песне, но при определенных обстоятельствах оно становилось заразным. И возможно, очень заразным,

если ситуация оставалась неопределенной, а воздух пах так отвратительно, как в это безветренное, неестественно теплое утро.

— Самоубийцы — трусы, — уверенно заявила Генриетта. — Это правило без исключений, Дуглас.

Твитч, отец которого долго и мучительно умирал от рака желудка, сомневался в правоте данного утверждения, но ничего не сказал.

Генриетта наклонилась к Бадди, уперев руки в костлявые колени. Сеттер поднял голову, чтобы обнюхать ее.

— Пошли в соседний дом, мой пушистый друг. У меня есть три яйца. Может, ты их съешь, пока они не испортились. — Она зашагала к своему дому, потом обернулась, посмотрела на Твитча и отчеканила: — *Они — трусы.*

Джим Ренни выписался из «Кэтрин Рассел», хорошо выспался в собственной постели и проснулся свежим и бодрым. И хотя он никому бы в этом не признался, отчасти его крепкий сон объяснялся отсутствием в доме Младшего.

И теперь, в восемь утра, его черный «хаммер» стоял неподалеку от ресторана Роуз (перед гидрантом, но что с того — в настоящее время пожарная часть в городе временно отсутствовала). Он завтракал с Питером Рэндолфом, Мелом Сирлсом, Фредди Дентоном и Картером Тибодо. Картер все больше входил в роль правой руки Большого Джима. Теперь он носил два пистолета: собственный на бедре и недавно конфискованный («беретту-торус» Линды) — в плечевой кобуре.

Квартет занял базарный стол, без зазрения совести разогнав завсегдатаев. Роуз к ним не подходила; послала обслуживать их Энсона.

Большой Джим заказал глазунью из трех яиц, две сосиски и гренок, поджаренный в свином жире, как это делала его мать. Он знал, что должен снизить потребление холестерина, но чувствовал, что сегодня ему потребуется вся энергия, которой сумеет запастись. Если на то пошло, не только сегодня — несколько следующих дней. Потом все будет под контролем, и у него появится возможность разобраться с холестерином (эту сказочку он рассказывал себе уже лет десять).

— Где Боуи? — спросил он Картера. — Эти трехнутые Боуи нужны мне здесь, так где они?

— Им пришлось поехать на Бэтл-стрит. Мистер и миссис Фримены покончили с собой.

— Этот гребаный бабай наложил на себя руки?! — воскликнул Большой Джим. Несколько посетителей — в основном они сидели за стойкой, смотрели Си-эн-эн — повернулись к нему, потом вновь уставились в телевизор. — Что ж, я не удивлен! — Он подумал, что теперь салон «Тойоты» сам плывет ему в руки... но кому нужен этот салон? Ренни мог ухватить добычу и побольше — целый город. Он уже начал набрасывать перечень приказов, о которых собирался объявить, получив исполнительную власть. Сегодня вечером, на общегородском собрании. И между прочим, он давно уже ненавидел этого самодовольного щучьего сына и его сисястую жену-ведьму.

— Парни, он и Лу завтракают на Небесах. — Ренни помолчал, потом

вдруг расхохотался. Политически некорректно, но ничего не мог с собой поделать. — В столовой для слуг, я в этом не сомневаюсь.

— Пока Боуи там находились, — продолжил Картер, — к ним поступил другой вызов. С фермы Динсмора. Еще одно самоубийство.

— Кто? — спросил Рэндолф. — Олден?

— Нет. Его жена Шелли.

Об этом как раз стоило пожалеть.

— Давайте на минуту склоним головы, — предложил Большой Джим и вытянул руки. Картер взялся за одну, Мел Сирлс — за другую, Рэндолф и Дентон замкнули круг.

— Господи, пожалуйста благослови их бедные души, во имя Иисуса аминь. — Большой Джим поднял голову. — Теперь о деле, Пит.

Рэндолф достал блокнот. Картер еще раньше положил свой у тарелки; Большому Джиму этот парень нравился все больше и больше.

— Я нашел пропавший пропан, — объявил Ренни. — Он на ХНВ.

— Господи! — вырвалось у Рэндолфа. — Мы должны отправить туда грузовики, чтобы вывезти его!

— Да, но не сегодня. Завтра, когда все будут общаться с родственниками. Я уже начал над этим работать. Поедут братья Боуи и Роджер, но нам понадобятся и несколько полицейских. Фред и Мел. Плюс, по моему разумению, еще четверо или пятеро. Не ты, Картер, я хочу, чтобы ты оставался со мной.

— Зачем тебе понадобились полицейские, если надо вывезти несколько контейнеров с пропаном? — спросил Рэндолф.

— Видишь ли, — Джим подобрал желток куском гренка, — все опять возвращается к нашему другу Барбаре и его планам дестабилизировать обстановку в городе. На радиостанции двое вооруженных людей, и, похоже, они охраняют что-то вроде лаборатории по производству наркотиков. Я думаю, Барбара все здесь подготовил задолго до того, как сам появился в нашем городе. Очень уж тщательно все спланировано. Один из нынешних охранников — Филип Буши.

— Этот лузер, — пробурчал Рэндолф.

— Второй, как ни грустно об этом говорить, Энди Сандерс.

Рэндолф подцеплял соломинку картофеля фри и от неожиданности выронил вилку, которая запрыгала по столу.

— Энди?!

— Печально, но факт. Барбара завербовал его. Я это знаю наверняка, но не спрашивайте, кто мне сказал. Тот человек настаивает на

анонимности. — Большой Джим вздохнул, потом сунул в рот кусок вымазанного желтком гренка. *Святой Боже*, ну до чего хорошо он чувствовал себя этим утром! — Как я понимаю, Энди нуждался в деньгах. Банк уже собирался закрыть его магазин. В бизнесе он мало что смыслил.

— Как и в управлении городом, — добавил Фред Дентон.

Обычно Большой Джим не любил, когда нижестоящие прерывали его, но сегодня ему нравилось все.

— К сожалению, это правда. — Потом наклонился над столом, насколько позволял толстый живот. — Он и Буши обстреляли один из грузовиков, которые я вчера отправил за пропаном. Пробили передние колеса. Эти ёханные бабаи опасны.

— Наркоманы и с оружием, — кивнул Рэндолф. — Кошмар правоохранительных органов. Люди, которые поедут туда, должны надеть бронежилеты.

— Дельная мысль.

— И я не могу гарантировать безопасности Энди.

— Господь любит тебя, я это знаю. Сделай то, что должен. Нам нужен пропан. Город без него не может, и вечером я собираюсь объявить на общегородском собрании, что мы нашли его запасы.

— Вы уверены, что я не могу поехать туда, мистер Ренни? — спросил Картер.

— Я знаю, тебя это огорчает, но я хочу, чтобы завтра ты сопровождал меня. Туда, где они собираются устроить День встреч. Думаю, и Рэндолф тоже. Кто-то должен координировать это дело, иначе получится полная мутня. Мы должны приложить все силы к тому, чтобы люди не затоптали друг друга. Хотя некоторых все равно затопчут, потому что народ не умеет себя вести. Скажи Твитчелу, чтобы он подогнал туда «скорую».

Картер это записал.

И пока записывал, Большой Джим повернулся к Рэндолфу. На его лице читалась печаль.

— Очень мне не хочется этого говорить, Пит, но мой информатор предполагает, что Младший, возможно, тоже связан с той нарколабораторией.

— Младший? — переспросил Мел. — Нет, только не *Младший*.

Большой Джим кивнул и вытер сухой глаз ладонью.

— И мне в это трудно поверить. Я *не хочу* в это верить, но вы знаете, что он в больнице?

Все кивнули.

— Передозировка наркотиков, — прошептал Ренни, еще сильнее

наклоняясь над столом. — И похоже, это самое вероятное объяснение того, что с ним в последнее время творится. — Он выпрямился и сосредоточился на Дентоне: — Не пытайтесь попасть туда по основной дороге, охранники будут этого ждать. Примерно в миле к востоку от радиостанции есть проселочная дорога...

— Я ее знаю, — перебил его Фредди. — Там находится участок леса, когда-то принадлежавший Сэму Вердро, но потом он отошел банку. Я думаю, теперь эта земля церкви Святого Испытателя.

Большой Джим улыбнулся и кивнул, хотя на самом деле земля принадлежала невадской корпорации, в которой он занимал пост президента.

— Поезжайте этим путем и зайдите на радиостанцию с тыла. Лес там старый, думаю, вы проедете без труда.

Зазвонил мобильник Большого Джима. Он посмотрел на дисплей, уже решил перевести звонок в голосовую почту, но потом подумал: «*А почему нет?*» В такое утро приятно послушать, как Кокс будет что-то доказывать с пеной у рта.

— Ренни слушает. Чего вы хотите, полковник Кокс? — Он послушал, и улыбка начала увядать. — Откуда мне знать, что вы говорите правду? — Он послушал еще и закончил разговор, не попрощавшись. Посидел, нахмурившись, переваривая полученную информацию. Поднял голову и повернулся к Рэндолфу: — У нас есть счетчик Гейгера? Может, в атомном убежище?

— Понятия не имею. Эл Тиммонс, возможно, знает.

— Найди его, и пусть проверит.

— Это так важно? — спросил Рэндолф, и одновременно задал вопрос Картер:

— Это радиация, босс?

— Волноваться не о чем, — ответил Большой Джим. — Как сказал бы Младший, он всего лишь пытается выбить меня из колеи. Я в этом уверен. Но узнай насчет счетчика Гейгера. Если он у нас есть и работает — принеси его мне.

— Хорошо. — На лице Рэндолфа отражался испуг.

Большой Джим уже жалел, что не перевел звонок в голосовую почту и заговорил о счетчике. Сирлс наверняка разболтает, пойдут слухи. Черт, и Рэндолф мог трепануть. А ведь, возможно, ничего страшного нет, просто этот меднолобый ёханный бабай пытался испортить хороший день. Возможно, самый важный день в его жизни.

Фредди Дентон по крайней мере не собирался отклоняться от главной

темы:

— И когда мы должны напасть на радиостанцию, мистер Ренни?

Большой Джим прокрутил в голове все, что знал о Дне встреч, потом улыбнулся. Искренне и радостно, обнажив мелкие зубы.

— В двенадцать часов. Все в это время будут толпиться на Сто девятнадцатом шоссе, и город практически полностью опустеет. Вы атакуете радиостанцию и разберетесь с этими гребаными бабаями, которые сидят на нашем пропане, ровно в полдень. Как в одном из старых вестернов. [\[167\]](#)

В четверг утром, в четверть двенадцатого, автофургон «Эглантерии» ехал по шоссе номер 119. Завтра это шоссе запрудят автомобили, над ним повиснут сизые облака выхлопных газов, но сегодня оно пустовало. За рулем сидела Роуз; Эрни Кэлверт — на пассажирском сиденье, а между ними, на кожухе двигателя, устроилась Норри, сжимая в руках скейт со множеством наклеек панковских групп далекого прошлого, от «Сталаг-17» до «Дэд милкмен».

— Воздух так плохо пахнет, — пожаловалась Норри.

— Это Престил-Стрим, дорогая, — ответила Роуз. — Он превратился в большое вонючее болото, вместо того чтобы бежать в Моттон. — Она знала, что причина не только в запахе пересохшей реки, но говорить об этом не стала. Они же все равно должны дышать, так к чему волноваться еще и о том, что им приходилось вдыхать. — Ты поговорила с матерью?

— Да, — мрачно отозвалась Норри. — Она поедет, но от идеи не в восторге.

— Джоани возьмет с собой продукты, когда придет время?

— Да, полный багажник. — Норри не стала добавлять, что первым делом Джоани Кэлверт загрузит свои запасы спиртного; продуктам предстояло сыграть вторую скрипку. — А как же радиация, Роуз? Мы не сможем обложить все автомобили свинцовой лентой.

— Если люди проедут через радиационный пояс раз или два, с ними ничего не случится. — Роуз убедилась в этом сама, почерпнув соответствующую информацию из Интернета. Она также узнала, что опасность радиации зависит еще и от силы лучей, но не видела смысла тревожиться из-за того, что не поддавалось контролю с их стороны. — Самое важное — ограничить время воздействия, и Джо говорит, что радиационный пояс неширок.

— Мать Джо не захочет уезжать, — сказала Норри.

Роуз вздохнула. Это она знала. День встреч имел плюсы и минусы. С одной стороны, мог замаскировать их отъезд, но те, у кого вне Купола находились близкие родственники, хотели с ними повидаться. *Может, ее муж не вытянет счастливый билет*, подумала Роуз.

Впереди показался «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни» с надписями на большом щите: «С ТАЧКОЙ БУДЕТ ВАМ ВЕЗУХА — БОЛЬШОЙ ДЖИМ ТОМУ ПОРУКА». «ПОПРО\$ИТЕ У НА\$ КРЕДИТ!»

— Помни... — начал Эрни.

— Я знаю, — прервала его Роуз. — Если кто-то там есть, просто разворачиваемся и возвращаемся в город.

Но на стоянке все ячейки «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» пустовали, а на двери висело объявление «ЗАКРЫТО ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ». Роуз торопливо объехала здание. Позади, на большой стоянке, рядами располагались легковушки и пикапы с приклеенными к лобовым стеклам ценами и слоганами вроде «УДАЧНАЯ ПОКУПКА», «СРАБОТАН НА СОВЕСТЬ», «ЭЙ, ПОСМОТРИ, КАК Я ХОРОША» (все «О» изображены с длинными ресничками, как глаза сексапильной девушки). Но на самом деле здесь стояли выдавшие виды рабочие лошадки, которые в подметки не годились детройтским и немецким чистопородным лошадям, которые выставлялись в демонстрационном зале. В дальнем конце, у сетчатого забора, отделявшего территорию салона от замусоренной полосы леса, выстроились микроавтобусы телефонной компании, некоторые с логотипом «АТ и Т» на борту.

— Вот. — Эрни обернулся, вытащил из-за сиденья длинную тонкую металлическую полосу.

— Это же отмычка. — Роуз улыбнулась, несмотря на тревогу. — Откуда она у тебя, Эрни?

— С той поры, как я работал в «Мире еды». Ты и представить себе не можешь, как часто люди запирали ключи в машине.

— А как ты заведешь двигатель, дедушка? — спросила Норри.

Эрни едва заметно улыбнулся:

— Что-нибудь придумаю. Остановись, Роуз. — Он вылез из кабины, направился к ближайшему микроавтобусу, шагая на удивление бодро для человека, возраст которого приближался к семидесяти. Заглянул в окно, покачал головой, направился ко второму. Потом к третьему, но у того спустило колесо. Заглянув в кабину четвертого, повернулся к Роуз и поднял кулак с оттопыренным большим пальцем. — Поезжай. Не будем терять времени.

Роуз поняла, что Эрни не хочет, чтобы его внучка увидела, как он использует отмычку. Ее это тронуло, и она объехала демонстрационный зал и остановилась.

— Ничего, что высажу тебя здесь?

— Ничего. — Норри вылезла из машины. — Если он не сможет завести двигатель, нам придется идти пешком.

— Да, почти три мили. Он сможет их пройти?

Лицо Норри оставалось бледным, но она улыбнулась:

— Дедушка еще и меня загонит. Он каждый день проходит четыре мили, по его словам, чтобы не ржавели суставы. Поезжайте, а то кто-нибудь приедет и увидит вас.

— Ты — храбрая девочка.

— Не чувствую я себя храброй.

— Храбрые люди никогда этого не чувствуют, милая.

Роуз уехала в город. Норри провожала автофургон взглядом, пока он не скрылся из виду, а потом начала выписывать узоры на пустой автостоянке. Та находилась на чуть пологом склоне, так что отталкивалась Норри, лишь когда ехала в одну сторону... хотя так нервничала, что могла взобраться на холм у городской площади, даже этого не заметив. Черт, могла прокрутить любой трюк и ничего при том не почувствовать. А если кто-нибудь приедет? Тогда она скажет, что пришла с дедушкой, который хочет взглянуть на микроавтобусы. Она просто его ждет, а потом они вместе вернутся в город. Дедушка любит ходить, это все знали. Чтобы не дать заржаветь суставам. Только Норри думала, что причина здесь другая. Прогулки начались, когда у бабушки стало плохо с головой (никто не пришел и не сказал, что это болезнь Альцгеймера, хотя все знали). Норри думала, что он хотел уйти от печали. Такое возможно? Она считала, что да. Знала по себе. Когда ехала на скейте, готовясь выполнить какой-то трюк, в голове не оставалось места ни для чего, кроме радости и страха, причем рулила радость. Страх ютился на задворках.

После достаточно короткого промежутка времени, хотя для Норри он растянулся надолго, из-за здания выкатился микроавтобус телефонной компании, за рулем которого сидел дедушка. Норри сунула скейт под мышку и запрыгнула в кабину. Ей предстояла первая в жизни поездка на украденном автомобиле.

— Дедушка, ты просто чудо! — И она поцеловала его.

Джо Макклэтчи направлялся на кухню, чтобы взять один из последних оставшихся в холодильнике пакетов с яблочным соком, когда услышал: «Шишка», — и остановился.

Он знал, что его родители познакомились, когда учились в Университете Мэна, и в те далекие времена друзья звали Сэма Макклэтчи Шишкой, но мама так называла его крайне редко. А если уж называла, то смеялась и краснела, словно прозвище означало нечто неприличное. Об этом Джо ничего не знал. Зато знал другое: если уж давнее прозвище сорвалось с губ, значит, мама сильно расстроена.

Он подошел чуть ближе к приоткрытой двери на кухню. Увидел мать и Джекки Уэттингтон, в блузке и линялых джинсах, а не в форме, как обычно. Они тоже увидели бы его, если б посмотрели в сторону двери. Он и не собирался прятаться, считал, что это нехорошо, особенно если мать расстроена, но женщины смотрели друг на друга. Сидели за кухонным столом. Джекки сжимала руки Клер. Джо видел, что у матери влажные глаза, и ему тоже захотелось плакать.

— Нельзя, — говорила Джекки. — Я знаю, ты хочешь, но нельзя. Особенно если сегодня все пройдет как задумывалось.

— Неужели я не могу хотя бы позвонить ему и объяснить, почему меня завтра не будет? Или я отправлю электронное письмо! Это я могу сделать?

Джекки покачала головой. Лицо оставалось добрым, но решение она менять не собиралась.

— Он может проговориться, и есть вероятность, что этот разговор дойдет до Ренни. Если Ренни что-нибудь унюхает до того, как мы освободим Барби и Расти, беды не миновать.

— Если я напишу ему, что об этом никому...

— Клер, неужели ты не понимаешь? На кону стоит слишком многое. Жизни двух мужчин. Наши жизни. — Она помолчала. — Твоего сына.

Плечи Клер поникли. Потом выпрямились.

— Тогда вы возьмете с собой Джо. Я приеду после Дня встреч. Ренни ни в чем меня не заподозрит. Я не знакома с Дейлом Барбарой, я не знакома с Расти, разве что иногда здоровалась с ним на улице. Лечилась я у доктора Хартуэлла в Касл-Роке.

— Но Джо знаком с Барби, — терпеливо разъяснила Джекки. —

Именно Джо устроил видеотрансляцию ракетного удара. И Большой Джим это знает. Он посадит тебя в тюрьму и будет давить на тебя, пока ты не скажешь, куда мы поехали.

— Я не скажу. Никогда не скажу.

Джо вошел на кухню. Клер вытерла щеки и попыталась улыбнуться:

— Привет, дорогой. Мы говорили о Дне встреч и...

— Мама, он может не просто давить. Он может тебя пытаться.

На ее лице отразился ужас:

— Нет, он этого не сделает. Я знаю: Ренни нехороший человек, но, в конце концов, он член городского управления и...

— Он *был* членом городского управления, — поправила ее Джекки. — А теперь хочет стать императором. И рано или поздно говорить начинают все. Ты хочешь, чтобы Джо представлял себе, как тебе один за другим выдергивают ногти?

— Хватит! — вскрикнула Клер. — Это ужасно!

Джекки не выпустила рук Клер, когда та попыталась их выдернуть.

— Вопрос ставится просто — все или ничего, а для ничего уже поздно. Механизм запущен, и мы должны двигаться вместе с ним. Если бы Барби сумел выбраться из тюрьмы самостоятельно, без нашей помощи, Большой Джим даже дал бы ему уйти. Потому что любому диктатору нужно пугало. Но он будет не один, так? И поэтому Большой Джим попытается найти нас, чтобы уничтожить.

— Лучше б я в этом не участвовала. Лучше б не ходила на ту встречу и не разрешила идти Джо.

— Но мы должны его остановить! — запротестовал Джо. — Мистер Ренни пытается превратить Милл в... ты понимаешь, в полицейское государство!

— Я никого не могу остановить! — Клер чуть ли не рыдала. — Я — чертова домохозяйка!

— Если тебя это утешит, — заметила Джекки, — тебе, вероятно, выпал твой жребий в тот момент, как дети нашли коробочку.

— Не утешит. Нет.

— В каком-то смысле нам даже повезло, — продолжила Джекки. — Мы не затащили в эту историю слишком уж много невинных людей. Пока не затащили.

— Ренни и его полиция все равно нас найдут, — вскинулась Клер. — Или ты этого не знаешь? Не такой уж наш город огромный.

Джекки невесело улыбнулась.

— Но тогда нас будет больше. И оружия тоже. И Ренни будет это знать.

— Нам придется как можно быстрее захватить радиостанцию, — вставил Джо. — Люди должны услышать и наше видение ситуации. Мы должны сказать им правду.

Глаза Джекки вспыхнули:

— Это чертовски хорошая идея, Джо.

— Господи! — выдохнула Клер. Закрыла лицо руками.

Эрни подогнал микроавтобус телефонной компании к погрузочной платформе универмага Берпи. *Теперь я преступник*, думал он, *а моя двенадцатилетняя внучка — сообщница. Или тринадцатилетняя?* Впрочем, ее возраст значения не имел. Он сомневался, что Питер Рэндолф, если их поймают, отнесется к ней как к несовершеннолетней.

Ромми открыл дверь черного хода, увидел их, вышел на погрузочную платформу с охапкой оружия в руках.

— Столкнулись с проблемами?

— Все прошло идеально. — Эрни по ступенькам поднялся на платформу. — На дорогах никого. Оружие еще есть?

— Да. За дверью. Ты тоже помогай, мисс Норри.

Девочка подхватила два карабина и передала их дедушке, который уложил оружие в кузов микроавтобуса.

Ромми выкатил на платформу тележку. На ней лежали рулоны свинцовой ленты.

— Разгружать все сейчас не обязательно. Я нарежу куски для окон. Ветровое стекло закроем, когда приедем на место. Оставим только узкую щель, чтобы видеть дорогу, как в танке «шерман», и поедем дальше. Норри, пока мы с Эрни этим занимаемся, попробуй выкатить вторую тележку. Если не сможешь, оставь ее, мы займемся ею позже.

На второй тележке лежали коробки с едой. В основном консервные банки и пакеты с концентратами, какими пользуются туристы. Одну коробку наполняли пакетики с растворимыми порошками, из которых получались напитки. Тележка весила немало, но покатила легко, едва Норри удалось сдвинуть ее с места. Но остановить тележку девочка бы не смогла. Если бы Ромми не пришел Норри на помощь, тележка сверзилась бы с платформы.

Эрни заложил задние окна микроавтобуса кусками свинцовой ленты, закрепил их широкими полосами изоляционной ленты, вытер со лба пот.

— Это чертовски рискованно, Берпи, отправляться целым караваном к саду Маккоя.

Ромми пожал плечами. Потом начал загружать в микроавтобус коробки с едой. Ставил их вдоль стен, оставляя середину для пассажиров, которые, как он надеялся, появятся в микроавтобусе позже. На его рубашке проступили разводы пота.

— Остается лишь надеяться, что мы сделаем все быстро и тихо, а общегородское собрание нас прикроет. Выбора-то у нас нет.

— Джулия и миссис Макклэтчи получают свинцовую ленту, чтобы закрыть окна своих автомобилей? — спросила Норри.

— Да. Сегодня. Я им помогу. А потом им придется оставить автомобили здесь, за магазином. Нельзя ездить по городу с окнами, закрытыми свинцом, — люди будут задавать вопросы.

— А как насчет твоей «эскалады»? — спросил Эрни. — Она проглотит остальные припасы, не поперхнувшись. Твоя жена может сесть за...

— Миша не поедет, — ответил Ромми. — Не хочет иметь с этим никаких дел. Я ее просил, делал все, разве что не встал на колени, но лишь зря сотрясал воздух. Я догадывался, что так и будет, поэтому не рассказывал ей больше того, что она уже знала. Ей практически ничего не известно, но это ее не спасет, если Ренни придет к ней. Но она не хочет ничего понимать.

— Почему не хочет? — спросила Норри и поняла, что вопрос нетактичный, когда увидела, что дедушка недовольно нахмурился.

— Потому что она очень упрямая. Я сказал, что это ей выйдет боком. «Пусть только попробуют», — ответила она. Такова моя Миша. Ну и ладно. Если потом представится возможность, проскользну в город и узнаю, не передумала ли она. Говорят, у женщин это обычное дело. Ладно, давайте перенесем в кузов еще несколько коробок. И не убирай далеко оружие, Эрни. Оно нам понадобится.

— Не могу поверить, что втянул тебя в это, малышка, — покачал головой Эрни.

— Все хорошо, дедушка. По мне, лучше участвовать, чем стоять в стороне. — И говорила Норри чистую правду.

БАХ. Тишина.

БАХ. Тишина.

БАХ. Тишина.

Олли Динсмор, скрестив ноги, сидел в четырех футах от Купола, а рядом лежал его старый бойскаутский рюкзак, набитый камнями, которые он собрал около дома. Набитый до такой степени, что Олли едва дотащил рюкзак, сгибаясь в три погибели, боясь, что парусина порвется и его снаряды вывалятся на землю. Но не вывалились, и теперь он сидел у Купола. Достал еще один камень, гладкий, отполированный древним ледником, и бросил в Купол, где он ударился о вроде бы прозрачный воздух и отскочил назад. Олли подобрал его и бросил снова.

БАХ. Тишина.

К Куполу стоило идти по одной причине: его брат и мать умерли из-за Купола. И старый волосатый Иисус тому свидетель, одного рюкзака камней Олли хватит на целый день.

Каменные бумеранги, подумал он и улыбнулся. Улыбнулся искренне, но улыбка эта обезобразила его, потому что лицо стало совсем тощим. В последнее время он и так ел мало, а теперь вообще сомневался, что скоро сядет за стол. Услышав выстрел, он прибежал на кухню и нашел свою мать на полу, с задранной юбкой, из-под которой виднелись трусы, и с наполовину снесенной головой... Да уж, такое зрелище не способствует аппетиту.

БАХ. Тишина.

По другую сторону Купола бурлила жизнь. Вырастал палаточный городок. Джипы и грузовики приезжали и уезжали. Сотни солдат толклись вокруг офицеров, которые выкрикивали приказы и отменяли их, случалось, не переводя дыхание.

К уже стоящим палаткам прибавилось три подлиннее. Перед ними водрузили щиты с надписями: «ПУНКТ ПРИЕМА ГОСТЕЙ 1», «ПУНКТ ПРИЕМА ГОСТЕЙ 2», «ПУНКТ ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ». «ЛЕГКИЕ ЗАКУСКИ» — гласил текст на щите перед еще одной палаткой, размерами даже побольше, чем последние три. Вскоре после того, как Олли сел и принялся швырять камни в Купол, приехали два грузовика-платформы с переносными туалетами. И теперь веселенькие, небесного цвета сортиры стояли рядком достаточно далеко от того места, где

родственники могли поговорить и посмотреть на своих близких, но не прикоснуться к ним.

То, что вывалилось из головы его матери, выглядело как заплесневелое клубничное варенье, и Олли не мог понять, почему она поступила именно так, именно в этом месте. Почему в помещении, где они обычно завтракали, обедали и ужинали? У нее совсем съехала крыша, и она не осознавала, что у нее есть второй сын, которому может захотеться поест (при условии, что сначала он не умрет от голода)? Разве Олли когда-нибудь забудет ужас, увиденный на полу?

Да, подумал он, совсем съехала. Потому что Рори всегда был ее любимчиком, ее отрадой. Она вспоминала о том, что я есть, только когда я забывал подоить коров или вычистить навоз, пока коровы паслись. Или когда я приносил домой табель с двойкой. Рори-то получал только пятерки.

Олли бросил камень.

БАХ. Тишина.

Несколько военных ставили новые указатели по периметру Купола. На стороне, обращенной к Миллу, Олли прочитал:

ВНИМАНИЕ!

ДЛЯ ВАШЕЙ ЖЕ БЕЗОПАСНОСТИ!

ОСТАВАЙТЕСЬ В 2 ЯРДАХ (6 ФУТАХ) ОТ КУПОЛА!

Олли догадался, что на обратной стороне щитов написано то же самое, и вне Купола это предупреждение могло сработать, поскольку там будет множество людей, следящих за порядком. А здесь на восемьсот горожан придется разве что два десятка копов, по большей части новичков. Они, конечно, могут попытаться не подпустить людей к Куполу, но с тем же успехом можно защищать песчаный замок от приливной волны.

Ее трусы намокли, а между раскинутых ног растеклась лужа. Она описалась или перед тем, как нажала на спусковой крючок, или сразу после этого. Олли предполагал, что после.

Он бросил камень.

БАХ. Тишина.

Один солдатик оказался совсем рядом. Молодой парень. Без знаков отличий на рукавах, и Олли предположил, что он рядовой. Выглядел парень лет на шестнадцать, но Олли понимал, что тот старше. Он слышал о парнях, которые прибавляли себе лет, чтобы попасть в армию, но не сомневался, что такое могло быть лишь до того, как появились компьютеры, которые это отслеживали.

Солдатик огляделся, заметил, что никто не обращает на него внимания,

и заговорил тихим голосом. Акцент выдавал в нем южанина.

— Ковбойчик? Ты не можешь это прекратить? Я просто схожу с ума.

— Тогда пойди куда-нибудь еще.

БАХ. Тишина.

— Не могу. Приказ.

Олли не ответил. Бросил еще один камень.

БАХ. Тишина.

— Почему ты это делаешь? — спросил солдатик. Он все возился с очередным щитом, чтобы иметь возможность поговорить с Олли.

— Потому что рано или поздно один из них не отлетит назад. И когда это случится, я встану, и уйду отсюда, и больше не увижу эту ферму. Мне больше не придется доить коров. Как у вас воздух?

— Хороший. Правда, прохладный. Я из Южной Каролины. На Южную Каролину в октябре здесь не похоже, это я точно тебе говорю.

Там, где сидел Олли, в трех ярдах от южанина, стояла жара. И воняло.

Солдатик указал за спину Олли:

— Почему бы тебе не перестать бросать камни и не заняться коровами? — Он сказал: «коро-о-овами». — Загони их в коровник, подои, смажь вымя бальзамом, дел тебе хватит.

— Загонять их не нужно. Они знают, куда идти. Но доить их теперь тоже не нужно, и в бальзаме они не нуждаются. Они больше не дают молока.

— Да?

— Да. Мой отец говорит: с травой что-то не так. А с травой не так, потому что не так с воздухом. Здесь пахнет плохо, знаешь ли. Здесь воняет говном.

— Да? — На лице солдатика отразилось изумление. Он еще пару раз стукнул по колышку, к которому крепился щит, хотя тот вроде бы и так не шатался.

— Да. Моя мать этим утром покончила с собой.

Солдатик опустил молоток, который уже поднял для очередного удара.

— Ты вешаешь мне лапшу на уши?

— Нет, она застрелилась около кухонного стола. Я ее нашел.

— Черт, это ужасно! — Солдатик шагнул к Куполу.

— Мы отвезли моего брата в город, когда он умер в прошлое воскресенье, потому что он был еще жив — чуть-чуть, — но моя мать умерла сразу, и мы похоронили ее на холме. Мой отец и я. Ей там всегда нравилось. Красивый был холм до того, как все стало так ужасно.

— Господи, ковбойчик! Ты прошел через ад.

— До сих пор в нем. — Олли заплакал, словно эти слова открыли какой-то клапан внутри. Поднялся и двинулся к Куполу.

Вскоре он и солдатик стояли друг против друга, на расстоянии менее фута. Солдатик поднял руку, поморщился, когда его на мгновение затрясло. Потом приложил руку к Куполу, растопырив пальцы. Олли тоже поднял руку и приложился к Куполу со своей стороны. Их руки вроде бы соприкасались, палец к пальцу, ладонь к ладони, но только вроде бы. Потому что их разделяла невидимая преграда. На завтра эта тщетная попытка соприкоснуться будет повторена сотни и тысячи раз.

— Ковбойчик...

— *Рядовой Эймс!* — проорал кто-то. — *Убери оттуда свой паршивый зад!*

Рядовой Эймс подпрыгнул, как ребенок, которого застукали на краже варенья.

— *Ко мне! Бегом!*

— Держись, ковбойчик. — Рядовой Эймс побежал получать нагоняй.

Олли полагал, что нагоняем все и ограничится, потому что разжаловать из рядовых уже не могли. И уж конечно, его не посадят на гауптвахту за то, что он разговаривал с одним из животных в зоопарке. «*И мне не дали даже орешка*», — подумал Олли.

Несколько мгновений смотрел на коров, которые больше не давали молока — и даже не щипали траву, — а потом сел на прежнее место у рюкзака. Порылся в нем и нашел еще один круглый камень. Подумал об облупленном лаке на ногтях вытянутой руки мертвой матери, рядом с которой лежал еще дымящийся пистолет. Бросил камень. Он ударился о Купол и отскочил назад.

БАХ. Тишина.

В четыре пополудни того четверга, когда всю северную Новую Англию затянули облака и солнце светило только над Честерс-Миллом, как прожектор, направленный на дыру в облаках, формой напоминающую носок, Джинни Томлинсон зашла в палату Младшего. Спросила, не нужно ли ему чего от головной боли. Он ответил «нет», потом передумал и попросил тайленол или адвил. Когда она вернулась, Младший пересек палату, чтобы взять таблетку. На карте она написала: «Хромота еще есть, но уже не такая заметная».

Когда Терстон Маршалл заглянул в палату сорок пять минут спустя, она пустовала. Он предположил, что Младший пошел в комнату отдыха, чтобы посмотреть телевизор, но нашел там только Эмили Уайтхаус, которая попала в больницу с инфарктом. Эмили быстро шла на поправку. Не видела ли она прихрамывающего молодого человека с русыми волосами? — спросил Терс. Она ответила, что нет. Терс вернулся в палату Младшего и открыл стенной шкаф. Пусто. Молодой человек, вероятно, с опухолью мозга, оделся и ушел, никого не поставив в известность.

Младший шел домой. Хромота исчезла совсем, как только он размял мышцы. Кроме того, черная замочная скважина, которая плавала в левой половине его поля зрения, уменьшилась до маленького шарика. Может, ему досталась не смертельная доза таллия. Трудно сказать. В любом случае он намеревался выполнить обещание, данное Богу. Если Младший будет заботиться о брате и сестре Эпплтон, тогда Бог позаботится о нем.

Покидая больницу (через служебный выход), он прежде всего намеревался убить отца. Но к тому времени, когда добрался до дома — дома, где умерла его мать, дома, где умерли Лестер Коггинс и Бренда Перкинс, — он передумал. Если убить отца сейчас, чрезвычайное общегородское собрание отменили бы. Младший этого не хотел, потому что оно послужило бы отменным прикрытием его главного дела. Большинство копов пойдет туда, и ему будет проще попасть в Курятник. Младший только сожалел, что у него нет отравленных армейских жетонов. Он бы с радостью затолкал их в горло умирающему *Ба-а-арби*.

Но Большого Джима дома все равно не было. Младшего встретило лишь одно живое существо — волк, который перебегал автомобильную площадку у больницы в предрассветные часы. Он сидел на ступенях крыльца. Смотрел на него и глухо рычал. Шерсть стояла дыбом. Глаза злобно желтели. На шее висели армейские идентификационные жетоны Дейла Барбары.

Младший закрыл глаза и сосчитал до десяти. Когда открыл, волк исчез.

— Теперь я волк, — прошептал он жаркому и пустому дому. — Я — оборотень, и я видел Лона Чейни, ^[168] танцующего с королевой.

Он поднялся на второй этаж, вновь хромая, но не замечая этого. Форма висела в шкафу, там же находился и пистолет — «беретта-торус». В полицейском участке таких было двенадцать, купленных по большей части на деньги Министерства национальной безопасности. Он проверил обойму «беретты» на пятнадцать патронов, убедился, что пистолет полностью заряжен. Сунул его в кобуру, опоясал ремнем худеющую талию и вышел из комнаты.

У лестницы остановился, гадая, куда же ему пойти и где побыть до начала собрания, когда он мог приступить к реализации намеченного плана. Младший ни с кем не хотел говорить, не хотел, чтобы его видели. Потом

вспомнил об укромном месте, которое находилось совсем рядом с полицейским участком. По лестнице спускался осторожно — чертова хромота вернулась, плюс левая половина лица онемела, словно ее заморозили, — потом захромал по коридору. Остановился у двери в кабинет отца: может, открыть сейф и сжечь все деньги? Решил, что овчинка выделки не стоит. Он смутно помнил байку о банкирах, которых занесло на пустынный остров. Там они богатели, выгодно продавая свою одежду. С губ Младшего сорвался лающий смех, хотя в памяти не осталось ни ключевой фразы, ни смысла байки.

Солнце зашло за облака к западу от Купола, и начало смеркаться. Младший вышел из дома и растворился в сумраке.

В четверть шестого Элис и Эйден вернулись со двора дома, в котором временно поселились.

— Каро? — спросила Элис. — Ты возьмешь Эйдена и я... Эйдена и меня... на большое собрание?

Каролин Стерджес, которая готовила к ужину сандвичи с арахисовым маслом и джемом на кухне Корали Думеген из хлеба Корали Думеген (черствого, но съедобного), удивленно взглянула на детей. Она никогда не слышала о том, чтобы дети хотели пойти на собрание взрослых; думала, что они сделают все, лишь бы не присутствовать на таком скучном мероприятии. Но идея ей приглянулась. Потому что, если бы пошли дети, она тоже могла бы пойти.

— Вы уверены? — спросила Каролин, наклонившись к ним. — Вы оба хотите пойти? — До нескольких последних дней она не сомневалась, что дети совершенно ее не интересуют, что ее цель — карьера учителя и литератора, возможно, даже писателя-романиста, хотя ей казалось, что писать романы — дело рискованное. Что, если ты угробишь массу времени на тысячестраничный роман, а его зарубят? А вот поэзия... поездки по стране (может, и на мотоцикле)... выступления и ведение семинаров, свободная как птичка... это круто. Встречи с интересными мужчинами, вино и обсуждение творчества Сильвии Платт в постели. Эйден и Элис изменили ее настрой. Она в них влюбилась. Хотела, чтобы Купол рухнул — разумеется, хотела, — но знала, что у нее защемит сердце, когда придется отдавать детей матери. Каролин надеялась, что сердце хоть немного защемит и у детей. Вероятно, не самые хорошие мысли, но именно они роились в голове. — Эйд? Ты хочешь туда пойти? Но собрания взрослых обычно долгие и скучные.

— Я хочу пойти, — ответил Эйден. — Я хочу увидеть всех людей.

Тут Каролин поняла. Их не интересовала дискуссия о ресурсах, которые имелись в распоряжении города, и о порядке их использования, да и с какой стати? Элис исполнилось девять, Эйдену — пять. Другое дело увидеть всех горожан, собравшихся вместе, как большая семья. Логично, и даже очень.

— Вы сможете хорошо себя вести? Не ерзать, не шептаться?

— Разумеется, — с достоинством ответила Элис.

— И вы оба пописаете перед уходом?

На сей раз Элис закатила глаза, показывая, что никак не ожидала такой глупости от Каро... и Каро это понравилось.

— Тогда я возьму эти сандвичи с собой, — объявила она. — И мы возьмем две банки газировки для детей, которые хорошо себя ведут и пользуются соломинками. При условии, что эти дети выльют все лишнее до того, как газировка потечет к ним в желудок.

— Я всегда пользуюсь соломинкой, — заметил Эйден. — Как насчет «Вупов»?

— Он про «Вупи-пай», — пояснила Элис.

— Я знаю, но их вроде бы нет. Кажется, я видела сладкие крекеры. С коричневым сахаром внутри.

— Коричневые крекеры вкусные, — кивнул Эйден. — Я люблю тебя, Каро.

Каролин улыбнулась. Подумала, что ни одно стихотворение из прочитанных ею не было таким прекрасным. Даже написанное Уильямсом о холодных сливах.

Андреа Гриннел спускалась по лестнице медленно, но уверенно, тогда как Джулия изумленно таращилась на нее. И действительно, с Анди произошла удивительная трансформация. Косметика и расческа сыграли свою роль — от растрепы, какой Анди ходила все эти дни, ничего не осталось. Но только этим дело не ограничилось. Глядя на нее, Джулия осознала, как много прошло времени с той поры, когда третий член городского управления выглядела сама собой и держалась так уверенно. В этот вечер Анди надела сногшибательное красное платье с ремнем на талии — похоже, от «Энн Тейлор» — и взяла с собой большую матерчатую сумку с завязками.

Даже Горас уставился на нее.

— Как я выгляжу? — Анди спустилась с последней ступеньки. — Могу лететь на общегородское собрание, если сяду на метлу?

— Ты выглядишь потрясающе. Помолодела на двадцать лет.

— Спасибо тебе, милая, но наверху у меня есть зеркало.

— Если оно не показало тебе, насколько лучше ты теперь выглядишь, воспользуйся тем, что внизу. Света тут больше.

Анди перекинула сумку в другую руку, словно от тяжести.

— Да, наверное, выгляжу я получше. На чуть-чуть.

— Сил тебе хватит?

— Думаю, да, но, если меня затрясет, я выскользну через боковую дверь. — Анди не собиралась выскальзывать, трясущаяся или нет.

— А что в сумке?

Ужин для Джима Ренни, который я собираюсь скормить ему на глазах всего города.

— Я всегда беру с собой вязанье. Городские собрания — обычно такие долгие и нудные.

— Не думаю, что это будет нудным.

— Ты пойдешь, так?

— Скорее всего, — неопределенно ответила Джулия. К моменту окончания собрания она намеревалась находиться достаточно далеко от центра Честерс-Милла. — Но сначала мне надо кое-что сделать. Сможешь добраться туда сама?

Анди скорчила гримаску: *Мама, пожалуйста.*

— До перекрестка, вниз по холму, и я уже на месте. Прodelывала этот

путь не один год.

Джулия посмотрела на часы. Без четверти шесть.

— Не рано ли ты идешь?

— Эл откроет зал в шесть, если я не ошибаюсь, и я хочу занять хорошее место.

— Как члену городского управления, тебе положено сидеть на сцене, — заметила Джулия. — Если ты этого захочешь.

— Нет, не думаю. — Анди перекинула сумку в другую руку. В ней лежало вязанье, но еще и конверт с распечаткой документов из папки «ВЕЙДЕР», и револьвер тридцать восьмого калибра, подаренный ее братом Дугласом для защиты дома. Анди полагала, что он может послужить и для защиты города. Город — это тело, но он обладал несомненным преимуществом в сравнении с человеческим: если городу доставался плохой мозг, его просто меняли. И не обязательно посредством убийства. Она молила Бога, чтобы удалось обойтись без убийства. Джулия вопросительно смотрела на нее, и Анди поняла, что очень уж глубоко ушла в свои мысли. — Пожалуй, я посижу среди горожан. Но обязательно выскажусь, когда придет время. Будь уверена.

Анди не ошиблась, предположив, что Эл откроет двери зала собраний в шесть часов. К тому времени на Главной улице, практически пустовавшей целый день, уже появились горожане. Маленькими группками они шли вниз по склону холма у городской площади, направляясь к муниципалитету. Начали подъезжать машины из Истчестера и Нортчестера, в большинстве загруженные полностью. В этот вечер никто, похоже, не хотел оставаться в одиночестве.

Андреа пришла достаточно рано, чтобы выбрать место по своему усмотрению, и остановилась на третьем ряду, у прохода. Перед ней, на втором ряду, сидела Каролин Стерджес и брат и сестра Эпплтоны. Дети большими глазами смотрели на всех и вся. Мальчик, судя по всему, сжимал в руке сладкий крекер.

Линда Эверетт тоже пришла рано. Джулия рассказала Анди об аресте Расти — совершенно беспочвенном, — и та знала, что его жена охвачена тревогой, но Линде удавалось ее скрыть яркой косметикой и красивым платьем с большими карманами. Учитывая собственное состояние (во рту пересохло, голова болела, желудок колыхался), Анди восхищалась мужеством этой женщины.

— Садись рядом, Линда. — Она похлопала по скамье рядом с собой. — Как Расти?

— Не знаю. — Линда проскользнула мимо Андреа и села. Что-то в ее кармане стукнуло о дерево. — Мне не разрешили увидеться с ним.

— Эта ситуация изменится к лучшему.

— Да, изменится, — мрачно согласилась Линда. Потом наклонилась вперед: — Привет, детки, как вас зовут?

— Это Эйден, — ответила Каро, — а это...

— Я — Элис. — Маленькая девочка величественно протянула руку: королева здоровалась с верноподданной. — Я и Эйден... мы с Эйденем... сиркупы. Что означает сироты Купола. Терстон так нас назвал. Он знает разные фокусы. Может вытащить четвертак из твоего уха и все такое.

— Что ж, похоже, в этом вам повезло. — Линда улыбнулась. Улыбка далась ей с трудом, никогда в жизни она так не нервничала. Даже не просто нервничала — никогда не испытывала такого дикого страха.

К половине седьмого на стоянке за муниципалитетом свободных мест не осталось. После этого автомобили начали парковать на Главной улице, а также на Западной и Восточной. Без четверти семь заполнились стоянки у почты и полицейского участка, а в зале собраний уже заняли все скамьи.

Большой Джим предусмотрел такую ситуацию, и Эл Тиммонс с помощью нескольких новых копов вытащил на лужайку скамьи из зала «Американского легиона». С надписью «ПОДДЕРЖИМ НАШИ ВОЙСКА» на одних и «ЕЩЕ ПОИГРАЕМ В БИНГО» на других. Большие динамики «Ямаха» установили с обеих сторон парадной двери.

Порядок поддерживали большинство полицейских — включая всех ветеранов-копов, кроме одного. Когда припозднившиеся начинали жаловаться по поводу того, что им придется сидеть на улице (или даже стоять, поскольку скамей на лужайке тоже не хватило), чиф Рэндолф отвечал им, что следовало приезжать раньше: кто не успел — тот опоздал. Опять же, говорил он, вечер приятный, теплый и безветренный, а вскоре на небе появится большая розовая луна.

— Приятный, если не обращать внимания на запах, — пробурчал Джо Боксер. Стоматолог пребывал в скверном настроении после вафельной стычки в больнице. — Надеюсь, через эти хреновины мы все услышим. — И он указал на динамики.

— Услышите, — кивнул чиф Рэндолф. — Мы взяли их в «Дипперсе». Томми Андерсон говорит, что они высшего качества и он настроил их сам. Считай, что ты в автокинотеатре, только без экрана.

— Я считаю, что от таких кинотеатров только задница болит. — Джо Боксер положил ногу на ногу и поправил стрелку на брючине.

Младший наблюдал за всем этим, спрятавшись на мосту Мира и подглядывая в щель в стене. Его удивило, что столько народу собралось в одном месте и в одно время. Динамики облегчили ему жизнь. Он мог слышать все с того места, где находился, и приступить к реализации своего плана, как только отец начнет тронную речь.

Господи, помоги тем, кто окажется у меня на пути, подумал он.

Своего отца, с выпирающим животом, Младший без труда узнал и в сгущающихся сумерках. Опять же по случаю общегородского собрания генератор муниципалитета работал на полную мощность, и свет из одного окна падал на край автостоянки, где стоял Большой Джим. Разумеется, с

Картером Тибодо.

Большой Джим не чувствовал, что за ним наблюдают, точнее, он чувствовал, что на него смотрят все, а это, в сущности, одно и то же. Ренни глянул на часы. Самое начало восьмого. Исходя из многолетнего политического опыта он знал, что важное собрание всегда надо начинать на десять минут позже установленного срока, не больше и не меньше. А это означало, что пора двигаться. В руке Ренни держал папку с речью, но заранее чувствовал, что текст ему не понадобится. Он и так знал, что скажет. Прошлой ночью Большой Джим произнес эту речь во сне, причем не единожды, и с каждым разом она становилась только лучше.

Он ткнул Картера в бок:

— Пора начинать шоу.

— Хорошо. — Картер побежал к Рэндолфу, который стоял на ступеньках, ведущих к дверям муниципалитета (*Наверно, видит себя Юлием-гребаным-Цезарем*, подумал Большой Джим), и привел его.

— Мы войдем через боковую дверь. — Ренни вновь сверился с часами: — Через пять... нет, через четыре минуты. Ты первым, Питер, я за тобой, Картер — следом. Шагайте уверенно — никаких покачиваний. Будут аплодисменты. Замрите навытяжку, пока они не начнут стихать. Потом садимся. Питер, ты слева от меня. Картер — по мою правую руку. Я выйду к трибуне. Сначала молитва, потом все встанут, чтобы исполнить национальный гимн. После этого я начну говорить, и мы быстренько пройдем все пункты повестки дня. Люди проголосуют за все. Понятно?

— Я чертовски нервничаю, — признался Рэндолф.

— И напрасно. Все будет хорошо.

В этом Большой Джим ошибся.

Когда Большой Джим и его свита направлялись к боковой двери муниципалитета, автофургон, за рулем которого сидела Роуз, сворачивал на подъездную дорожку дома Макклэтчи. За фургоном следовал простенький седан, которым управляла Джоани Кэлверт.

Клер вышла из дома с чемоданом в одной руке и большой парусиновой сумкой с продуктами в другой. Джо и Бенни Дрейк тоже несли чемоданы, хотя большая часть одежды в чемодане Бенни ранее лежала в комодке Джо. Нес Бенни и сумку среднего размера, нагруженную добычей из кладовой Макклэтчи.

От муниципалитета донеслись усиленные динамиками аплодисменты.

— Поторопитесь, — позвала Роуз. — Они начинают. Пора нам выметаться отсюда.

Лисса Джеймисон вылезла из кабины, чтобы помочь уложить вещи в кузов.

— У вас есть свинцовая лента, чтобы закрыть стекла? — спросил Джо Роуз.

— Да, и запасные пластины в автомобиле Джоани. Мы отъедем подальше, а потом закроем стекла. Чемодан положи в кузов.

— Это безумие, знаете ли. — Джоани Кэлверт расстояние от своего «шевроле» до автофургона преодолела не шатаясь, и Роуз пришла к выводу, что та пропустила не больше одного-двух стаканчиков, исключительно для укрепления духа. Добрый знак, решила она.

— Наверное, ты права, — кивнула Роуз. — Все готовы?

Джоани вздохнула и обняла хрупкие плечи дочери:

— К чему? К поездке в ад? Почему нет? Как долго нам придется там оставаться?

— Не знаю, — ответила Роуз.

Джоани еще раз вздохнула:

— Хорошо хоть тепло.

— Где твой дедушка? — спросил Джо Норри.

— С Джекки и мистером Берпи в микроавтобусе, который мы украли у Ренни. Он будет ждать у полицейского участка, когда они войдут туда, чтобы освободить Расти и мистера Барбару. — Она испуганно улыбнулась. — Он будет их водилой.

— Нет большего дурака, чем старый дурак, — прокомментировала

Джоани Кэлверт.

Роуз очень хотелось врезать ей. Она глянула на Лиссу и увидела, что и та еле сдерживается. Но понимала, что сейчас нет времени ни на споры, ни на размахивание кулаками.

Держаться вместе или висеть по отдельности, подумала Роуз.

— А Джулия? — спросила Клер.

— Она едет с Пайпер. И со своей собакой.

Из центра города, усиленные динамиками (и поддержанные голосами тех, кто сидел на скамьях, установленных на лужайке), донеслись слова «Звездно-полосатого флага» в исполнении Объединенного хора Честерс-Милла.

— Поехали. — Роуз села за руль. — Я первая.

— По крайней мере тепло, — повторила Джоани, словно хотела взбодрить себя. — Пошли, Норри. Будешь у своей мамочки штурманом.

Украденный микроавтобус стоял на подъездной дорожке «Maison des Fleurs» Леклерка передним бампером к Главной улице. Эрни, Джекки и Ромми Берпи сидели и слушали национальный гимн, доносящийся от муниципалитета. Джекки почувствовала, как начало жечь глаза, и увидела, что тронута не она одна: сидевший за рулем Эрни достал носовой платок и вытирал глаза.

— Похоже, сигнал Линды нам не очень-то нужен, — заметил Ромми. — Не ожидал, что будут динамики. Их взяли не у меня.

— Тем не менее хорошо, что люди ее увидят, — ответила Джекки. — Маска при тебе, Ромми?

Он продемонстрировал резиновую маску Дика Чейни. Несмотря на большие запасы, Ромми не смог снабдить Джекки маской маленькой Русалочки; ей пришлось соглашаться на маску подруги Гарри Поттера, Гермионы. Маска Дарта Вейдера, которую выбрал себе Эрни, лежала в кармане за сиденьем, но Джекки подумала, что, если ему действительно придется надеть ее, это будет означать, что у них возникли проблемы. Вслух она, правда, ничего не сказала.

И в принципе имеют ли эти маски какое-то значение? Когда мы внезапно исчезнем из города, все и так поймут почему.

С другой стороны подозревать — это не знать наверняка. *Если у Ренни и Рэндолафа не будет ничего, кроме подозрений, тогда наших друзей и родственников, оставшихся в городе, возможно, подвергнут только суровому допросу.*

Возможно. Джекки осознавала, что при сложившихся обстоятельствах под это слово подпадало много чего.

Гимн закончился. Снова раздались аплодисменты, а потом заговорил второй член городского управления. Джекки проверила пистолет, который взяла с собой — ее личный, — и подумала, что несколько следующих минут, вероятно, станут самыми долгими в ее жизни.

Барби и Расти стояли у решеток своих камер, слушая речь Большого Джима. Благодаря динамикам, установленным у входа в муниципалитет, им даже не приходилось напрягать слух.

— Спасибо вам! Спасибо вам, всем и каждому! Спасибо вам, что пришли. И спасибо за то, что вы самые храбрые, самые надежные, самые нестигаемые люди в этих Соединенных Штатах Америки!

Бурные аплодисменты.

— Дамы и господа... и дети тоже, я вижу среди вас нескольких...

Добродушный смех.

— Мы в ужасном положении. Вы это знаете. Сегодня я намерен рассказать вам, как мы в него попали. Я не знаю всего, но поделюсь с вами тем, что знаю, потому что вы этого заслуживаете. Когда я закончу знакомить вас с положением дел, мы примем несколько важных решений. Но сначала, и прежде всего, я хочу сказать вам, как я вами горжусь, как страшно мне быть человеком, которого Бог — и вы — выбрал в ваши лидеры в этот критический момент, и я хочу заверить вас, что вместе мы пройдем через эти испытания, вместе и с Божьей помощью, и выйдем из них более сильными, более чистыми, более уверенными в себе! Сейчас мы, возможно, как дети Израиля в пустыне...

Барби закатил глаза, а Расти сделал неприличный жест, словно решил подрочить.

— ...Но скоро мы найдем наш Ханаан и попируем молоком и медом, которыми Господь и наши сограждане американцы попотчуют нас.

Оглушительные аплодисменты. Похоже, аплодировали стоя. Даже если в подвале и стоял «жучок», трое или четверо полицейских, которые оставались в участке, наверняка столпились у двери, слушая Большого Джима, поэтому Барби шепнул:

— Готовься, друг мой.

— Я готов, — ответил Расти. — Поверь мне, я готов.

Лишь бы только Линда не была вместе с теми, кто планирует ворваться в участок, подумал он. Не хотел, чтобы жена кого-нибудь убила, еще больше не хотел, чтобы она рисковала жизнью. Даже ради его спасения. Пусть остается там, где она сейчас. Я, возможно, спятил, но Линда в безопасности, пока находится там же, где и весь город.

Так он думал, прежде чем началась стрельба.

Большой Джим ликовал. Он сделал с жителями Милла то, что и хотел: они ели с его руки. Сотни людей, те, кто голосовал за него и кто нет. Ренни никогда не видел в этом зале столько народу, даже когда обсуждались вопросы о молитве в школе и школьном бюджете. Люди сидели бедро к бедру, плечо к плечу, не только в зале, но и на лужайке перед муниципалитетом, и они не просто слушали его. Сандерс отправился в самоволку, Гриннел находилась в зале (это красное платье в третьем ряду сразу бросалось в глаза), так что толпа принадлежала ему. Глаза людей молили его позаботиться о них. Спасти их. Его ликование дополнял телохранитель, который сидел рядом с ним, и ряды полицейских — его полицейских, — выстроившихся вдоль стен. Не все еще надели форму, но оружие было у всех. И в зале как минимум сто человек сидели в нарукавных повязках. Он словно обзавелся личной армией.

— Мои друзья горожане, большинство из вас знает, что мы арестовали человека, звать которого Дейл Барбара...

Его прервали крики и свист. Большой Джим ждал, пока они чуть стихнут, с суровым лицом, но в душе широко улыбаясь.

— ...за убийства Бренды Перкинс, Лестера Коггинса и двух юных девушек, которых мы все знали и любили: Энджи Маккейн и Доди Сандерс.

Снова свист, крики: «Вздернуть его!» и «Террорист!» Так вроде бы обозвала арестованного Велма Уинтер, управляющая «Магазина Брауна».

— Не знаете вы другого. Купол — результат заговора, который организовала элитная группа безумных ученых и тайно финансировали продажные государственные чиновники. *Вы — подопытные кролики в этом эксперименте, мои друзья горожане, и Дейл Барбара — человек, которому поручили руководить экспериментом изнутри!*

Изумленное молчание стало ответом. Потом его сменил возмущенный рев.

Когда люди чуть успокоились, Большой Джим продолжил, взявшись руками за края трибуны, его лицо светилось искренностью (и возможно, налилось кровью от перенапряжения). Речь лежала перед ним, но все еще в папке. Ему не требовалось заглядывать в нее. Господь использовал его голосовые связки и двигал его языком.

— Я упомянул про тайное финансирование, и вы, вероятно, задались

вопросом, о чем это я. Ответ ужасен, но прост. Дейл Барбара, с помощью еще неизвестных нам горожан, организовал лабораторию по производству огромного количества кристаллического метамфетамина, который с помощью ЦРУ поставлялся наркобаронам всего Восточного побережья. И хотя он еще не выдал имена своих сообщников, один из них, судя по всему — и у меня разрывается сердце, когда я вам это говорю, — Энди Сандерс.

Шум и крики удивления. Большой Джим увидел, как Анди Гриннел начала подниматься со скамьи, потом снова села. *И это правильно, сиди молча. Если посмеешь задавать мне вопросы, я сожру тебя живьем. Или наставлю на тебя палец и обвиню в соучастии. Тогда эти люди сожрут тебя живьем.*

И, по правде говоря, он чувствовал, что это в его власти.

— Босс Барбары — тот, кто отдает ему приказы — человек, которого вы видели в новостях. Он представляется полковником американской армии, но на самом деле является членом советов ученых и государственных чиновников, которые проводят этот сатанинский эксперимент. Признание Барбары у меня здесь. — Он похлопал себя по пиджаку, во внутреннем кармане которого лежал его бумажник и Новый Завет, где слова Иисуса выделялись красным.

Вновь раздались крики: «Вздернуть его!» Большой Джим поднял руку, застыл, опустив голову, с серьезным лицом, дожидаясь, когда крики смолкнут.

— Мы проголосуем за наказание Барбары всем городом, единым целым, объединенным стремлением обрести свободу. Все в ваших руках, дамы и господа. Если вы проголосуете за казнь, мы его казним. Но пока я ваш лидер, повешения не будет. Он предстанет перед расстрельной командой...

Его прервала бурная овация, многие вскочили с мест. Большой Джим наклонился к микрофону:

— ...но лишь после того, как мы получим всю информацию, которую еще утаивает это *жалкое предательское сердце!*

Теперь уже поднялся весь зал. Впрочем, не Анди. Она по-прежнему сидела в третьем ряду, у самого прохода, глядя на Ренни снизу вверх. И глаза ее не были мягкими, затуманенными и потерянными, какими он привык их видеть.

Смотри сколько хочешь. Только сиди, как хорошая маленькая девочка.

А пока Большой Джим купался в аплодисментах.

— Пора? — спросил Ромми. — Что думаешь, Джекки?

— Обождём ещё чуть-чуть.

Интуиция говорила, что надо обождать, ничего больше, а Джекки привыкла полагаться на интуицию.

И потом задавалась вопросом: сколько жизней удалось бы спасти, если б она сказала Ромми: «Ладно, поехали»?

Приникнув к щели в боковой стене моста Мира, Младший увидел, как вскочили люди, сидевшие на скамьях, поставленных на лужайке, и та же интуиция, предложившая Джекки обождать, сказала ему, что пора. Хромая, он вышел на городскую площадь и направился к Главной улице. Когда существо, которое зачало его, возобновило речь, он уже шел к полицейскому участку. Темное пятно в левой половине поля зрения опять прибавило в размерах, но ясность мышления сохранялась.

Я иду, Ба-а-арби. Иду прямиком к тебе.

— Эти люди — мастера дезинформации, — продолжил Большой Джим, — и завтра, когда вы придете к Куполу, чтобы повидаться с вашими близкими, кампания против меня наберет обороты. Кокс и его приспешники не остановятся ни перед чем, чтобы очернить меня. Они обзовут меня лжецом и вором, возможно, даже скажут, что я сам возглавлял их операцию по производству наркотиков...

— Ты и возглавлял! — раздался громкий четкий голос.

Принадлежал он Андреа Гриннел. Все взгляды сосредоточились на ней, когда она поднялась, человеческий восклицательный знак в ярко-красном платье. С холодным презрением она посмотрела на Большого Джима, а потом повернулась к людям, которые выбрали ее третьим членом городского управления, когда четырем годами раньше Билли Кейл, отец Джека Кейла, умер от инсульта.

— Вам надо хоть на мгновение забыть свои страхи, — продолжила она. — И когда вы это сделаете, то сразу увидите всю нелепость истории, которую он вам рассказывает. Джим Ренни думает, что вас можно гнать, как стадо овец в грозу. Я прожила в этом городе всю жизнь и думаю, что он не прав.

Большой Джим ждал криков протеста. Их не последовало. Не потому, что горожане сразу поверили ей. Просто их ошеломил столь неожиданный поворот событий. Элис и Эйден Эпплтон повернулись и стояли на коленях на скамье, таращась на женщину в красном. Каро застыла, пораженная в не меньшей степени.

— Секретный эксперимент? Какая чушь! Наше государство в последние пятьдесят лет наделало много чего непотребного, и я первая с этим соглашусь, но держать целый город под колпаком какого-то силового поля? Представляете себе, что это такое? Полнейший идиотизм. Только запуганные люди могут в такое поверить, о чем Ренни знает и дирижирует всем этим ужасом.

Внезапность атаки на какие-то мгновения сбила Большому Джиму дыхание, но теперь он снова обрел голос. И разумеется, микрофон по-прежнему оставался у него.

— Дамы и господа, Андреа Гриннел — прекрасная женщина, но сегодня она не в себе. Она шокирована, как и большинство из нас, это естественно, но, к сожалению, я должен добавить — у нее развилась

серьезная наркотическая зависимость, результат постоянного приема лекарственного препарата, который называется...

— Я уже не один день не принимаю ничего, кроме аспирина, — прервала его Андреа все тем же четким, громким голосом. — А теперь в моем распоряжении оказались документы, которые показывают...

— Мелвин Сирлс! — прогремел Большой Джим. — Не могли бы вы и несколько полицейских вывести члена городского управления Гриннел из зала и проводить домой? А может, в больницу для наблюдения. Она не в себе.

Кое-где раздался одобрителный шепот, но в целом Большой Джим не ощутил той поддержки, на которую надеялся. И Мел Сирлс успел сделать только один шаг к Андреа, потому что Генри Моррисон толкнул его в грудь, и тот с грохотом приложился спиной к стене.

— Пусть закончит, — объяснил свои действия Генри. — Она тоже избрана нами в городское управление, так что дайте ей договорить.

Мел посмотрел на Большого Джима, но тот не отрывал глаз от Анди, словно загипнотизированный, а она доставала из большой сумки конверт из коричневой плотной бумаги. Он понял, что это такое, едва увидел конверт. *Бренда Перкинс! Какая же сука! Даже мертвая продолжает мне гадить.*

Когда Анди подняла конверт, ее затрясло. Судороги вернулись, проклятые судороги. Более худшего времени выбрать они не могли, но Анди не удивилась. Она даже ожидала этого. Стресс не мог не сказаться.

— Документы в этом конверте попали ко мне от Бренды Перкинс. — Слава Богу, голос не дрожал. — Подготовили их ее муж и генеральный прокурор штата. Герцог Перкинс расследовал деятельность Джеймса Ренни по целому букету тяжких преступлений.

Мел посмотрел на своего друга Картера в надежде получить хоть какую-то команду. И Картер посмотрел на него. Его глаза сверкали, и вроде бы происходящее забавляло Тибодо. Он указал на Андреа, потом коснулся ребром ладони шеи: *заткни ей глотку*. На сей раз, когда Мел двинулся к Анди, Генри Моррисон его не остановил: как и все остальные, он таращился на Андреа Гриннел.

Марти Арсено и Фредди Дентон присоединились к Мелу, который шел вдоль сцены пригнувшись, словно не хотел мешать просмотру фильма. С другой стороны к центральному проходу устремились Тодд Уэндлстет и Лорен Конри. Уэндлстет сжимал рукоять тяжелой трости с отпиленным концом, которая служила ему дубинкой. Конри положила руку на пистолет.

Анди видела их, но не замолчала:

— Доказательства в этом конверте, и я уверена, что эти доказательства... — Она хотела закончить «стали причиной смерти Бренды Перкинс», но трясущаяся потная левая рука не удержала лямку ее большой сумки. Та упала в проход, и ствол револьвера тридцать восьмого калибра, который ей подарили для защиты дома, высунулся из нее, как перископ.

И тут же, ясно и отчетливо, так, что услышал весь зал, прозвучал голос Эйдена Эпплтона:

— Вау! У этой тети пушка!

Вновь на мгновение повисла мертвая тишина. Потом Картер Тибодо вскочил с места, выбежал вперед, заслоняя своего босса и крича:

— Пушка! Пушка! *Пушка!*

Эйден выскользнул в проход, чтобы получше рассмотреть свою находку.

— Нет, Эйд! — крикнула Каро и наклонилась, чтобы схватить мальчика, когда Мел выстрелил первый раз.

Пуля пробила дыру в начищенном деревянном полу перед носом Каролин Стерджес. Полетели щепки. Одна воткнулась ей в щеку под правым глазом, и кровь потекла по лицу. Смутно она слышала, что вокруг все кричат. Стоя на коленях, Каролин схватила Эйдена за плечи и засунула его между своих ног, как футбольный мяч. Он нырнул в ряд, где они сидели, удивленный, но невредимый.

— *Оружие! У нее оружие!* — прокричал Фредди Дентон, отталкивая Мела. Потом он будет клясться, что молодая женщина тянулась к револьверу, а он хотел только ее ранить, ничего больше.

Благодаря динамикам три человека в украденном микроавтобусе услышали, что события в зале заседаний пошли по незапланированному сценарию. Речь Большого Джима и аплодисменты прервал голос какой-то женщины, которая говорила громко, но стояла слишком далеко от микрофона, чтобы они могли разобрать слова. Потом голос утонул в криках. Прогремел выстрел.

— Какого черта? — удивился Ромми.

Еще выстрелы. Два, может, три. Новые крики.

— Не важно, — бросила ему Джекки. — Поезжай, Эрни, и быстро. Если мы хотим это сделать, сейчас самое время.

— Нет! — вскакивая, крикнула Линда. — Не стреляйте! Здесь дети! ЗДЕСЬ ДЕТИ!

Зал собраний превратился в ад. Может, на пару мгновений присутствующие и не были стадом, но теперь вновь им стали. Толпа бросилась к парадным дверям. Первые проскочили, потом возникла пробка. Некоторые сохранили остатки здравого смысла и метнулись к боковым дверям, но очень и очень немногие.

Линда наклонилась к Каролин Стерджес, чтобы втянуть ее в относительно безопасный зазор между рядами, когда Тоби Мэннинг, бегущий по центральному проходу, угодил коленом Эверетт в затылок. Она, оглушенная, упала ничком.

— Каро! — где-то вдалеке кричала Элис. — Каро, вставай! Каро, вставай! *Каро, вставай!*

Каролин начала подниматься, и тут Фредди Дентон влепил ей пулю между глаз, убив на месте. Дети начали кричать. Их лица забрызгала ее кровь.

Линда смутно чувствовала, что ее пинают, топчут. Поднявшись на четвереньки — о том, чтобы выпрямиться, не могло быть и речи, — она заползла в зазор между рядами с другой стороны центрального прохода. Кровь Каролин вымазала ей руку.

Элис и Эйден пытались добраться до Каро. Анди понимала, что в проходе их могут растоптать (да и не хотела, чтобы они увидели, что случилось с женщиной, которую она приняла за мать этих ребятишек). Перегнувшись через спинку скамьи, Андреа попыталась ухватить детей. Конверт с распечаткой она выронила.

Картер Тибодо как будто этого и ждал. Он по-прежнему стоял перед Ренни, заслоняя его, но теперь с вытащенным из кобуры пистолетом, который Картер положил на другую, согнутую в локте, руку. Нажал на спусковой крючок, и женщину в красном платье, доставившую столько хлопот — из-за нее и началось все это безобразие, — отбросило назад.

Игнорируя царящий в зале заседаний хаос, Картер спустился со сцены и направился к тому месту, где лежала женщина в красном. Когда люди выбегали в центральный проход, он отбрасывал их то влево, то вправо. Маленькая девочка, плача, пыталась прикинуться к его ноге, но Картер, не глядя, пнул ее.

Поначалу конверта он не видел. Потом углядел. Тот лежал под рукой этой Гриннел. Поверх надписи «ВЕЙДЕР» пропечатался кровавый след чьего-то ботинка. Сохраняя олимпийское спокойствие, Картер оглянулся и увидел, что Ренни смотрит на разбегающихся слушателей. Судя по шокированному выражению лица Большого Джима, тот не верил своим глазам. И хорошо.

Картер выдернул из брюк подол рубашки. Кричащая женщина — Карла Вензиано — врезалась в него, и он отшвырнул ее в сторону. Потом засунул конверт под ремень на пояснице и прикрыл его рубашкой.

Страховка еще никому не вредила.

Он попятился обратно к сцене, не желая, чтобы кто-то еще врезался в него и сшиб с ног. Добравшись до ступеней, повернулся и взбежал по ним.

Рэндолф, бесстрашный начальник городской полиции, сидел на прежнем месте, положив руки на мясистые бедра. Вполне мог сойти за памятник, если бы не вена, которая пульсировала посреди лба.

Картер взял Ренни за руку:

— Пойдемте, босс.

Большой Джим посмотрел на него так, будто не понимал, где находится и даже кто он. Потом его взгляд чуть очистился.

— Гриннел?

Картер указал на тело, распростершееся в центральном проходе, и увеличивающуюся лужу у головы, цветом в тон платью.

— Это хорошо, — кивнул Большой Джим. — Пошли отсюда. Вниз. И ты, Питер. Поднимайся. — И поскольку Рэндолф продолжал сидеть, Ренни пнул его в голень: — Шевелись!

В этом хаосе никто не услышал выстрелов, которые прогремели в соседнем здании.

Барби и Расти смотрели друг на друга.

— Что там происходит, черт побери?

— Не знаю, — ответил Расти, — едва ли что-то хорошее. Снова выстрелы в муниципалитете, а потом гораздо ближе — наверху. Барби надеялся, что это их спасители, но потом услышал, как кто-то закричал:

— Нет, Младший! Ты что, рехнулся? Уэрдлоу, помоги мне! И еще выстрелы. Четыре, может, пять.

— Господи! — выдохнул Расти. — Это беда.

— Знаю.

Младший остановился на лестнице, ведущей в полицейский участок, оглянулся через плечо на муниципалитет, из которого доносились громкие крики. Люди, сидевшие на лужайке, вскочили и вытягивали шеи, пытаясь хоть что-то разглядеть, но смотреть было не на что ни им, ни ему. Может, кто-то убил его отца — он на это надеялся, одной заботой меньше, — но пока Младшего ждало одно дельце в полицейском участке. Если точнее, то в Курятнике.

Он вошел в дверь с надписью: «РАБОТАЕМ ВМЕСТЕ, ВАША ГОРОДСКАЯ ПОЛИЦИЯ И ВЫ». Стейси Моггин поспешила к нему. За ней — Руп Либби. Под плакатом, рекламирующим кофе и пончики, стоял Микки Уэрдлоу. Несмотря на внушительные габариты, выглядел он испуганным и неуверенным.

— Тебе сюда заходить нельзя, Младший, — попыталась остановить его Стейси.

— Конечно же, можно. — Получилось «конешно ше мошно». Половина рта онемела. Отравление таллием! Барби! — Я служу в полиции. — «Я слушаю в полиишии».

— Ты пьян, так что иди отсюда. Что же там творится? — И тут, вероятно, решив, что внятного ответа от него не добиться, эта сука толкнула его в грудь. Больная нога подогнулась, он едва не упал. — Уходи, Младший! — Стейси оглянулась и произнесла последние свои слова на Земле: — Ты остаешься здесь, Уэрдлоу. Вниз никого не пускать.

Когда вновь повернулась к Младшему, чтобы выпроводить его из участка, увидела направленный на нее пистолет. Успела подумать: *Ох, нет, он не станет...* а потом не причинившая боли боксерская перчатка ударила ей между грудей и отбросила назад. Голова Стейси закинулась, и она увидела изумление на перевернутом лице Рупа Либби. Потом ее поглотила темнота.

— Нет, Младший! Ты что, рехнулся?! — прокричал Руп, хватаясь за пистолет. — Уэрдлоу, помоги мне!

Но Микки Уэрдлоу стоял столбом, наблюдая, как Младший всаживает пять пуль в кузена Пайпер Либби. Левая рука Младшего онемела, но правая работала как положено; да и не требовалась особая меткость, если стационарная цель находилась в каких-то семи футах. Первые две пули вошли в живот Рупа, отбросив его на стол Стейси Моггин. Стол

перевернулся, Руп согнулся пополам, обхватив живот руками. Третья пуля прошла мимо, две следующие снесли Рупу затылок. Он повалился на пол в каком-то гротескном балетном па: ноги расползлись, а голова, точнее, то, что от нее осталось, ткнулась в пол, словно в последнем глубоком поклоне.

Младший вбежал в дежурную часть, выставив перед собой дымящуюся «беретту». Не помнил, сколько раз выстрелил. Полагал, семь, может, и восемь. Или сто девятнадцать — кто мог знать наверняка? Головная боль вернулась.

Микки Уэрдлоу поднял руку. Испуганная, успокаивающая улыбка застыла на его крупном лице.

— Я тебе проблем не доставлю, брат, делай что хочешь. — И Микки расставил средний и указательный пальцы буквой «V», показывая «знак мира».

— Я и сделаю, — ответил Младший, — брат.

Он застрелил Микки. Дыра появилась в том месте, где чуть раньше был глаз. Второй глаз смотрел на Младшего со смирением овцы в загоне для стрижки. Младший всадил в него и вторую пулю, для страховки. Огляделся. Теперь, судя по всему, полицейский участок принадлежал ему.

— Ладно, — удовлетворенно произнес он. — Ладно.

Младший двинулся к лестнице, потом вернулся к телу Стейси Моггин. Убедился, что у нее в кобуре такой же пистолет, что и у него, «беретта-торус», вытащил обойму из своего пистолета. Заменял на полную из ее.

Повернулся, его качнуло, он упал на одно колено, поднялся. Черное пятно в левой половине поля зрения теперь стало огромным, как канализационный люк, и он отдавал себе отчет, что его левый глаз накрылся. Что ж, не так уж и важно. Если ему не хватит одного глаза, чтобы пристрелить человека, запертого в камере, тогда он не стоит и ломаного гроша.

Младший пересек дежурную часть, поскользнулся на крови Микки Уэрдлоу, опять чуть не упал. Но все-таки сумел удержаться на ногах. Голова разламывалась, но он и не возражал. *Помогает быть в тонусе.*

— Привет, *Ба-а-арби!* — крикнул он, спускаясь по лестнице. — Я знаю, что ты со мной сделал, и иду к тебе. Если хочешь произнести молитву, тебе лучше с этим поторопиться.

Расти наблюдал, как хромяющие ноги спускаются по ступеням. До ноздрей долетал запах порохового дыма, до ноздрей долетал запах крови, и он прекрасно понимал, что идет его смерть. Хромяющий мужчина спускался в подвал, чтобы убить Барби, но он не оставит в живых и некоего запертого в камере фельдшера. Так что ему, Расти, никогда больше не увидеть ни Линду, ни девочек.

В поле зрения появилась грудь Младшего, шея, голова. Расти взглянул на его рот, застывший в усмешке, с опущенным левым краем, и левый глаз, сочившийся кровью, и подумал: *Как далеко все зашло. Просто удивительно, что он на ногах, жаль, что он не подождал еще чуть-чуть. Еще чуть-чуть, и он не смог бы пересечь улицу.*

Издавека, из другого мира, от муниципалитета, донесся усиленный мегафоном голос:

— НЕ БЕГИТЕ! НЕ ПАНИКУЙТЕ! ОПАСНОСТИ БОЛЬШЕ НЕТ! ГОВОРIT ПАТРУЛЬНЫЙ ГЕНРИ МОРРИСОН! И Я ПОВТОРЯЮ: ОПАСНОСТИ БОЛЬШЕ НЕТ!

Младший поскользнулся, но к тому времени уже добрался до последней ступеньки. Вместо того чтобы упасть и сломать себе шею, он всего лишь опустился на колено. Постоял, как профессиональный боксер, ожидающий, пока судья досчитает до восьми, чтобы встать и продолжить раунд. Все чувства Расти резко обострились. Окружающий мир вдруг стал совсем тонким и хрупким, превратился в дымку между этим мгновением и следующим. При условии, что оно наступит.

Упади, думал он, глядя на Младшего. Приложись головой. Потеряй сознание, недоносок!

Но Младший с трудом поднялся, уставился на пистолет в руке, словно никогда его не видел, потом перевел взгляд на камеру в конце коридора, где Барби стоял, сжимая руками прутья решетки, и смотрел на Младшего.

— *Ба-а-арби*, — проворковал Младший и двинулся по коридору.

Расти отступил назад в надежде, что он, возможно, его не заметит. И может быть, покончит с собой, убив Барби. Он знал, что это трусливые мысли, но также знал, что это практичные мысли. Расти ничего не мог сделать для Барби, но мог спастись сам.

И его маневр сработал бы, если б Расти посадили в одну из камер по левой стене коридора, потому что левым глазом Младший ничего не видел.

Но Расти находился в камере по правой стене, и Младший уловил его движение. Остановился и посмотрел на него, на наполовину застывшем лице читались недоумение и злоба.

— Фасти? Такая у тебя фамилия? Или Беррик? Не могу вспомнить.

Расти хотел попросить не убивать его, но язык прилип к нёбу. Да и какой смысл просить? Молодой человек уже поднимал пистолет. Младший собирался его убить. И никто и ничто в этом мире не могли остановить убийцу.

Разум Расти в этот последний момент искал выход, как искали его и многие другие в последние мгновения жизни: перед тем как повернут рубильник, перед тем как откроется люк, перед тем как пистолет, приставленный к виску, изрыгнет огонь. *Это все сон, думал Расти. Все-все. Купол, безумие на поле Динсмора, продовольственный бунт; и этот молодой человек. Когда он нажмет на спусковой крючок, сон закончится, и я проснусь в собственной постели прохладным бодрящим осенним утром. Повернусь к Линде и скажу: «Какой мне приснился кошмар. Ты не веришь».*

— Закрой глаза, Фасти, — посоветовал Младший. — Так будет легче.

Войдя в полицейский участок, Джекки Уэттингтон прежде всего подумала: *Боже ты мой, везде кровь.*

Стейси Моггин застыла у стены под информационным стендом для населения. Пушистые светлые волосы по-прежнему обрамляли лицо, но глаза невидяще смотрели в потолок. Другой коп — она не поняла, кто именно — лежал лицом вниз перед перевернутым столом дежурного, ноги разошлись в стороны чуть ли не в шпагате. Дальше, в дежурной части, на боку лежал третий коп. Должно быть, Уэрдлоу, из новичков. Других таких здоровяков просто не было. Плакат над кофеваркой забрызгали кровь и мозги юноши.

Какой-то чмокающий звук раздался за спиной Джекки. Она развернулась, не отдавая себе отчет, что поднимает пистолет, пока не увидела в прицеле Ромми Берпи. Тот и не заметил, что в него целятся: во все глаза смотрел на трупы. Чмокнула маска Дика Чейни. Ромми ее снял и бросил на пол.

— Господи, что здесь произошло? Это...

Прежде чем он успел закончить фразу, из Курятника донесся крик:

— *Эй, ублюдок! Я тебя сделал, так? Я тебя сделал по полной программе.*

За криком — невероятно — последовал смех. Пронзительный и маниакальный. Какие-то мгновения Джекки и Ромми могли только смотреть друг на друга, не в силах шевельнуться.

— Я думаю, это Барбара, — сказал Ромми.

Эрни Кэлверт сидел за рулем микроавтобуса телефонной компании. Двигатель работал на холостых оборотах, стоял микроавтобус на надписи, выведенной на асфальте большими буквами: «Остановка только 10 минут, если вам в полицию». Он запер все дверцы, боясь, что кто-то из охваченных паникой людей, которые разбегались от муниципалитета по Главной улице, попытается залезть в кабину. Карабин, полученный от Ромми, он держал за водительским сиденьем, но сомневался, что сможет выстрелить в того, кто полез бы в микроавтобус: Эрни знал этих людей, долгие годы продавал им продукты. Ужас изменил их лица, но не до неузнаваемости.

Он видел Генри Моррисона, который ходил взад-вперед по лужайке перед муниципалитетом, словно охотничья собака в поисках нужного запаха. Коп кричал в мегафон и пытался привнести в хаос хотя бы толику порядка. Кто-то сшиб его с ног, но Генри тут же поднялся, благослови его Бог.

Теперь появились другие: Джордж Фредерик, Марти Арсено и этот мальчишка Сирлс (узнаваемый по повязке на голове), братья Боуи, Роджер Кильян, пара новобранцев. Фредди Дентон спускался по широким ступеням лестницы перед муниципалитетом с пистолетом в руке. Рэндолфа Эрни не видел, хотя любой, кто не знал нового чифа, мог ожидать, что тот будет возглавлять усилия по наведению хоть какого-то подобия порядка, чтобы остановить разрастание хаоса.

Но Эрни знал, с кем имеет дело. Проку от Питера Рэндолфа не было и в спокойные времена, потому его отсутствие на арене этого цирка СНАФУ [169] Эрни несколько не удивило. И не озаботило. Озаботило другое: никто не выходил из полицейского участка, и изнутри доносились новые выстрелы. Приглушенные, словно стреляли в подвале, где находились камеры для арестованных.

В обычные времена человек нерелигиозный, Эрни сейчас молился. Просил, чтобы никто из людей у муниципалитета не заметил старика, сидевшего за рулем микроавтобуса. За то, чтобы Джекки и Ромми вернулись живыми и невредимыми, с Барбарой и Эвереттом или без них. В голову пришла мысль, что он может просто уехать, и Эрни поразился тому, сколь велико искушение.

Зазвонил его мобильник.

Какие-то мгновения он просто сидел, не понимая, что слышит, потом сдернул его с ремня. Когда открыл, увидел на дисплее «ДЖОАНИ». Но звонила не невестка, а Норри:

— Дедушка? Все у тебя хорошо?

— Да, — ответил он, глядя на царящий перед ним хаос.

— Вы их вытащили?

— Вытаскиваем, милая. — Он надеялся, что не грешит против истины. — Не могу сейчас говорить. Вы в безопасности? Вы... на месте?

— Да! Дедушка, *он светится в ночи!* Радиационный пояс! Автомобили тоже светились, но быстро перестали. Джулия думает, что он не опасен. Она думает, что его предназначение — отпугивать людей.

Ты бы лучше на это не рассчитывала, подумал Эрни.

Еще два приглушенных выстрела донеслись из полицейского участка. Кто-то еще умер в Курятнике, по-другому быть не могло.

— Норри, больше говорить не могу.

— Все будет хорошо, дедушка?

— Да, да. Я люблю тебя, Норри.

Эрни закрыл мобильник. Подумал: «*Он светится*», — гадая, удастся ли ему увидеть это свечение. Блэк-Ридж находился близко (в маленьком городе все близко), но теперь и очень далеко.

Он посмотрел на двери полицейского участка, попытавшись силой воли вывести из него своих друзей. Но они не вышли, поэтому Эрни вылез из кабины микроавтобуса. Больше не мог в ней сидеть. Решил зайти в участок и посмотреть, что там происходит. Про маску он и не вспомнил.

Барби увидел, как Младший поднимает пистолет. Услышал, как он советует Расти закрыть глаза. Прокричал, не думая, понятия не имея, что кричит, пока слова не слетели с губ:

— *Эй, ублюдок! Я тебя сделал, так? Я тебя сделал по полной программе!* — А смех, который последовал за этими словами, прозвучал как смех безумца, который какое-то время не принимал прописанные ему препараты.

Так, значит, я смеюсь, стоя на пороге смерти. Надо запомнить. И от этой мысли засмеялся еще громче.

Младший повернулся к нему. На правой половине лица отразилось удивление, тогда как левая, застывшая, хмурилась. Лицом Младший напомнил Барби суперзлодею, о котором он читал в юности, но сейчас не мог вспомнить его имени. Вероятно, одного из врагов Бэтмена, их всегда изображали самыми жуткими. Потом он вспомнил, как его младший брат Уэнделл долгое время вместо слова «враги» произносил «враки». Смех Барби еще прибавил в силе.

Есть и куда более худшие способы уйти, подумал Барби, просовывая между прутьями решетки обе руки и показывая Младшему два средних пальца одновременно. *Помнишь Стаббса в «Моби Дике»? «Не знаю, что меня ждет, но я иду к моей судьбе смеясь».*

Младший увидел, что Барби показывает ему палец — даже в стереоварианте, — и забыл про Расти. Двинулся по короткому коридору, выставив перед собой пистолет. Все пять органов чувств Барби обострились, но он им не доверял. Он услышал, как наверху ходят и разговаривают люди, но тут воображение могло сыграть с ним злую шутку. Тем не менее Барби собирался бороться до конца. В крайнем случае этим он выгадывал для Расти несколько вдохов и мгновений жизни.

— Явился, ублюдок. Помнишь, как я начистил тебе рожу на парковке у «Диппера». Ты визжал как поросенок.

— Я не визжал.

Прозвучало, как название некоего экзотического блюда в китайском ресторане. Выглядел Младший ужасно. Из левого глаза кровь капала на заросшую щетиной щеку. И Барби подумал, что у него все-таки есть шанс. Не такой уж большой, но любой шанс лучше, чем никакой. Он принялся ходить от одной стены к другой, перед койкой и унитазом, сначала

медленно, потом все быстрее.

Теперь я знаю, что чувствует механическая утка в тире. Это я тоже запомню.

Младший следил за его движениями одним здоровым глазом.

— Ты ее оттрахал? Ты оттрахал Энджи? — «Ты её оттакал? Ты оттакал Енши?»

Барби опять рассмеялся. Безумным смехом, который он сам не узнал, но ничего притворного в нем не было.

— Оттрахал ли я ее? Оттрахал ли я ее? Младший, я трахал ее, как хотел, снизу и сверху, сзади и спереди. Я трахал ее, пока она не запела «Да здравствует лидер» и «Восход плохой луны». Я трахал ее, пока она не замолотила кулаками об пол и не потребовала еще. Я...

Младший склонил голову к пистолету. Барби это заметил и без промедления метнулся влево. Младший выстрелил. Пуля ударила в стену из красного кирпича. Полетели темно-красные осколки. Некоторые ударили по прутьям — Барби явственно услышал металлический стук, словно горошины метались в жестянке, пусть даже от выстрела у него зазвенело в ушах, — но в Младшего не попал ни один. Дерьмо. В коридоре что-то закричал Расти, возможно, пытался отвлечь Младшего, но тот больше ни на что не отвлекался. Потому что видел в прицеле человека, которого хотел убить больше всего.

Но еще не убил, подумал Барби. Он по-прежнему смеялся. Безумие, бред, но смеялся. Еще не убил, уродливый, одноглазый гондон.

— Она сказала, что у тебя не встает, Младший. Она называла тебя Эль Импотенто Супримо. Мы так смеялись над этим, когда... — Он прыгнул вправо в тот самый момент, когда Младший нажал на спусковой крючок. На этот раз пуля прошла рядом с головой. Барби услышал: «З-з-з». Снова полетели кирпичные осколки. Один впился в шею Барби. — Давай, Младший, что с тобой не так? Ты стреляешь так же плохо, как сурки решают задачи по алгебре. Ты совсем тупой? Так всегда говорили Энджи и Френки...

Барби показал, что побежит направо, а сам побежал к левой стене. Младший выстрелил трижды, каждый выстрел оглушал, воздух наполнился пороховым дымом. Две пули ушли в кирпичи, третья пробила металлический унитаз у самого пола. Полилась вода. Барби так сильно приложился спиной к дальней стене, что звякнули зубы.

— Теперь я тебя достал. — Младший тяжело дышал. *Теп я те до.* Но в воспаленном мозгу, или той части, что от него осталась, возникли сомнения. Его левый глаз ослеп, перед правым все расплывалось. Он видел

не одного Барби, а трех. Ненавистный сукин сын упал на койку, когда Младший выстрелил, и эта пуля тоже прошла мимо. Черный глаз открылся в центре белой подушки, которая лежала в изголовье койки. Но по крайней мере он лежал. Больше не бегал взад-вперед. *Слава Богу, я вставил полную обойму.*

— Ты меня отравил, Ба-а-арби.

Барби понятия не имел, о чем говорит Младший, но согласился незамедлительно:

— Это правильно, маленький вонючий говноед. Конечно, отравил.

Младший просунул «беретту» между прутьями и закрыл больной левый глаз. Теперь вместо трех Барби он видел двух. Язык высунулся между зубами. По лицу бежали кровь и пот.

— Давай поглядим, как ты бегаешь, Ба-а-арби.

Бежать Барби уже не мог, но мог ползти и пополз, перекатился вправо от Младшего. Следующая пуля просвистела над головой, и он вроде бы почувствовал, как она прорвала джинсы и трусы на ягодице и даже задела кожу.

Отдачей Младшего отбросило назад, ноги заплелись, он чуть не упал, но успел схватиться за прутья решетки правой рукой и устоял на ногах. Крикнул:

— Не шевелись, ублюдок!

Барби метнулся к койке и поискал под ней нож. Он совсем забыл про гребаный нож.

— Хочешь получить пулю в спину? Хорошо, мне без разницы.

— *Убей его!* — вдруг закричал Расти. *Убей его, УБЕЙ ЕГО!*

Прежде чем раздался следующий выстрел, Барби успел подумать: *Господи Иисусе! Эверетт, на чьей ты стороне?*

Джекки спускалась первой, Ромми — за ней. Она заметила пороховой дым, клубящийся у потолочных ламп, почувствовала запах сгоревшего пороха, а потом Расти закричал:

— *Убей его, убей его!*

Джекки увидела Ренни-младшего в конце коридора, у самой решетки камеры, которую один из копов иногда называл «Ритц». Он что-то кричал, но ни одного слова она разобрать не могла.

Джекки не думала. Не приказала Младшему поднять руки и обернуться. Просто всадила в спину две пули. Одна пробила правое легкое. Вторая разорвала сердце. Младший умер еще до того, как соскользнул на пол с зажатым между двумя прутьями лицом. Глаза его закатились, и выглядел он как японская маска смерти.

А когда Младший перестал загораживать камеру, Джекки увидела Барбару, припавшего к койке с ножом в руке, который так у него и не нашли. Открыть нож Барби не успел.

Фредди Дентон схватил патрульного Генри Моррисона за плечо. Дентон не стал его любимчиком в этот вечер, и определенно не мог стать и в будущем. *Никогда и не был*, мрачно подумал Генри.

— Почему этот старый дурак Кэлверт идет в полицейский участок? — спросил Дентон.

— Откуда мне знать? — Генри схватил за руку Донни Барибо, когда тот пробежал мимо, вопя какую-то чушь о террористах. — Стоять! — проорал Генри ему в лицо. — Все закончилось. Теперь все хорошо.

Донни стриг Генри и рассказывал одни и те же замшелые анекдоты дважды в месяц уже десять лет, но теперь уставился на патрульного, как на совершенного незнакомца. Вырвал руку и побежал к Восточной улице, на которой находилась его парикмахерская. Возможно, чтобы укрыться там от террористов.

— Сегодня гражданским нечего делать в полицейском участке, — гнул свое Дентон. К нему уже прилепился Мел Сирлс.

— Почему бы тебе не пойти туда и не проверить, что он там делает, а, убийца? — бросил Дентону Генри. — И возьми с собой этого кретина. Потому что здесь пользы от вас обоих никакой.

— Она тянулась к оружию, — в первый, но далеко не в последний раз объяснил свой поступок Фредди. — И я не собирался убивать ее. Хотел только остановить.

Генри пускаться в дискуссию не собирался:

— Пойди туда и скажи старику: пусть убирается. Убедись также, что никто не пытается освободить арестованных, пока мы тут носимся, как курицы, которым поотрубали головы.

В затянутых туманом глазах Фредди Дентона сверкнула молния.

— Арестованные! Мел, пошли!

Они двинулись к полицейскому участку, но остановились как вкопанные, когда в трех ярдах за их спинами проревел усиленный мегафоном голос Генри:

— И УБЕРИТЕ ОРУЖИЕ, ИДИОТЫ!

Фредди подчинился усиленному мегафоном голосу. Мел тоже. Они пересекли площадь Военного мемориала и начали подниматься по лестнице. Пистолеты лежали в кобурах, и, возможно, в этом деду Норри очень даже повезло.

Везде кровь, подумал Эрни, как и Джекки. В ужасе смотрел он на бойню, потом заставил себя сдвинуться с места. Все, что лежало на столе Стейси, свалилось на пол, когда Руп Либби перевернул стол. В том числе и красный пластмассовый прямоугольник, который, как надеялся Эрни, еще мог пригодиться людям, сейчас находившимся в подвале.

Он наклонялся, чтобы поднять его (и говоря себе, что блевать незачем, все это гораздо лучше того, что ему довелось увидеть во Вьетнаме, в долине А-Шау), когда кто-то за его спиной воскликнул:

— Вот дерьмо! Поднимайся, Кэлверт, медленно. И руки над головой!..

Но Фредди и Мел только тянулись к кобурам, когда из подвала вышел Ромми — поискать то, что уже нашел Эрни. Ромми держал в руках скорострельный помповик «Черная тень», ранее припрятанный в сейфе, и без малейшего колебания навел его на копов:

— Быстренько вошли в участок. И держимся вместе, плечом к плечу. Если увижу между вами просвет, выстрелю. И я не шучу, будьте уверены.

— Убери оружие, — ответил Фредди. — Мы полиция.

— Первосортные говнюки, вот кто вы. Встали к этому информационному стенду. Плечом к плечу. Эрни, что ты тут делаешь?

— Услышал стрельбу. Заволновался. — Он поднял магнитный ключ, который открывал камеры Курятника: — Думаю, тебе это понадобится. Если только... если только они не мертвы.

— Они не мертвы, но мы едва успели. Отнеси его Джекки. Я покараулю эту парочку.

— Вы не можете их освободить, они арестованы, — запротестовал Мел. — Барби — убийца. Другой пытался подставить мистера Ренни с помощью каких-то бумаг... или чего-то в этом роде.

Ромми не потрудился ответить.

— Иди, Эрни. И побыстрее.

— Что будет с нами? — спросил Фредди. — Вы же не собираетесь нас убивать?

— Зачем мне убивать тебя, Фредди? Ты еще не расплатился со мной за сенокосилку, купленную прошлой весной. И если не ошибаюсь, задерживаешь платежи. Нет, мы посадим вас в Курятник. Посмотрим, как вам там понравится. Конечно, воняет мочой, но, возможно, этот запах придется вам по душе.

— Зачем вы убили Микки? — спросил Мел. — Хороший же парень, только немного глуповат.

— Мы никого не убивали. Это сделал твой близкий дружок, Младший. — И подумал: *Только этому, само собой, никто не поверит.*

— Младший?! — воскликнул Фредди. — Где он?

— Думаю, бросает уголь в адскую печь. Новичкам там всегда дают такую работу.

Барби, Расти, Джекки и Эрни поднялись наверх. Оба арестованных выглядели так, словно и не верили, что остались в живых. Ромми и Джекки проводили Фредди и Мела в Курятник.

— Вы об этом пожалеете! — воскликнул Мел, увидев лежащее на полу тело Младшего.

— Заткни хайло и заходи в новый дом! — приказал Ромми. — Оба в одну камеру. Вы же дружбаны, так?

Как только Ромми и Джекки поднялись наверх, новые арестованные принялись орать во всю глотку.

— Уходим отсюда, пока еще можно, — забеспокоился Эрни.

На площадке перед лестницей Расти посмотрел на розовые звезды и полной грудью вдохнул воздух, вонючий и при этом невероятно сладкий. Повернулся к Барби:

— Уже и не думал, что еще раз увижу небо.

— Я тоже. Давайте уедем из города, пока есть шанс. Как вам нравится Майами-Бич?

Расти еще смеялся, когда садился в микроавтобус. Несколько копов стояли на лужайке перед муниципалитетом, и один — Тодд Уэндлстет — оглянулся. Эрни помахал ему рукой. Уэндлстет ответил тем же, потом наклонился, чтобы помочь женщине, которая повалилась на траву, за что-то зацепившись высоким каблуком.

Эрни скользнул за руль, соединил электрические провода, болтающиеся под щитком. Двигатель завелся, боковая дверь захлопнулась, микроавтобус отъехал от тротуара. Они двинулись вверх по холму к городской площади, объезжая тех участников общегородского собрания, которые, еще не придя в себя, брели по мостовой. Едва остался позади центр города, Эрни прибавил скорости, и они помчались к Блэк-Ридж.

Муравьи

Они увидели свечение, миновав старый, ржавый мост, под которым теперь среди ила тек узенький ручеек. Барби, сидевший сзади, наклонился между передними сиденьями:

— Что это? Выглядит, как самые большие часы «Индигло». [\[170\]](#)

— Это радиация, — ответил Эрни.

— Не волнуйтесь, — подал голос Ромми. — Свинцовой ленты у нас предостаточно.

— Норри позвонила мне по мобильнику матери, пока я вас ждал, — сообщил Эрни. — Рассказала о свечении. Она говорит, что, по мнению Джулии, это всего лишь... что-то вроде пугала, если позволите так выразиться. Ничего опасного.

— Я думала, у Джулии диплом журналистки, а не инженера, — покачала головой Джекки. — Она очень милая женщина и умная, но мы все-таки навесим эту броню, хорошо? Потому что такой подарок к сороковому дню рождения, как рак яичников или груди, мне не нужен.

— Мы проедем этот участок быстро, — пообещал Ромми. — И можем прикрыть тебе грудь и перед джинсов свинцовой лентой, если ты волнуешься.

— Это так смешно, что я забыла рассмеяться, — ответила она... потом рассмеялась, потому что представила себя в свинцовых трусах и лифчике, скроенных по последней моде.

Они подъехали к дохлому медведю, лежащему у телеграфного столба. Могли увидеть его даже с выключенными фарами, потому что света от розовой луны и радиационного пояса хватало и для того, чтобы читать газету.

Пока Ромми и Джекки закрывали окна микроавтобуса свинцовой лентой, остальные полукругом стояли у разлагающегося медведя.

— Не радиация, — отметил Барби.

— Нет, — кивнул Расти. — Самоубийство.

— И не единственное.

— Да. Но маленькие животные вроде бы в безопасности. Мы с детьми видели птиц, и в яблоневом саду я столкнулся с белкой. Вполне живехонькой.

— Тогда Джулия точно права. — Барби улыбнулся. — Свечение — одно пугало, а дохлые животные — другое. Типичный ремень с

подтяжками.

— Не понял тебя, друг мой, — признался Эрни.

Но Расти, который, еще учась на фельдшера, познакомился с подходом «ремень с подтяжками», очень даже понял.

— Два предупреждения, чтобы отпугивать любопытных. Трупы животных днем, светящийся радиационный пояс ночью.

— Насколько мне известно, — Ромми присоединился к ним, — зараженная радиацией территория светится только в научно-фантастических фильмах.

Расти хотел сказать, что сейчас они живут в научно-фантастическом фильме, и Ромми это поймет, когда они доберутся до той странной коробочки на гребне. Но разумеется, Ромми все говорил правильно.

— Нам это подсовывали, — ответил ему Расти. — То же самое и с погибшими животными. Предполагалось, что мы скажем: «Ух ты, это какие-то смертоносные лучи, которые действуют на крупных млекопитающих. И нам лучше держаться подальше. В конце концов, мы крупные млекопитающие».

— Но дети не повернули назад, — напомнил Барби.

— Потому что они дети, — ответил Эрни. Подумав, добавил: — Еще и скейтбордисты. Они — другая порода.

— Мне все равно это не нравится, — гнула свое Джекки, — но, раз уж деваться нам некуда, может, мы сумеем прорваться через этот пояс Ван Аллена, [\[171\]](#) прежде чем нервы окончательно меня подведут. После того, что случилось в участке, меня все еще трясет.

— Подождите минутку. — Барби смотрел на медведя. — Что-то здесь не так. Сомнений у меня нет, но дайте мне секундочку, чтобы подумать, как это сформулировать.

Они ждали. Лунный свет и радиационное свечение заливали останки медведя. Барби по-прежнему не отрывал от него глаз. Наконец поднял голову.

— Ладно, так вот что меня тревожит. *Они*. Мы знаем о них, потому что коробочка, которую нашел Расти, создана не природой.

— Чертовски верно! — воскликнул Расти. — Кто-то ее изготовил. Но не на Земле. Готов поставить на это свою жизнь. — Потом подумал, как близко подошел к тому, чтобы час назад ее потерять, и содрогнулся. Джекки сжала его плечо.

— Я как раз не об этом, — продолжил Барби. — Мы имеем дело с *ними*, и если бы они действительно не хотели нас подпускать, то не подпустили бы. Сумели же они отрезать от Честерс-Милла остальной мир.

Если бы хотели держать нас подальше от этой коробочки, почему не поставили над ней маленький Купол?

— Или не снабдили ее излучателем некоего звука, который поджарил бы наши мозги, как куриные ножки жарятся в микроволновке? — Расти начал понимать, куда клонит Барби. — Вот тебе и настоящая радиация.

— Возможно, это настоящая радиация, — указал Эрни. — Собственно, счетчик Гейгера, с которым вы приезжали сюда, это подтвердил.

— Да, — согласился Барби, — но означает ли это, что излучение, которое зарегистрировал счетчик Гейгера, опасно? У Расти и детей никаких повреждений нет, они не теряют волосы, не выблевают куски собственных желудков.

— Пока еще нет, — уточнила Джекки.

— И это радует, — поддакнул Ромми.

Барби шпильки проигнорировал.

— Если они могут создать барьер, разбивающий лучшие ракеты, которые есть у Америки, им не составит труда соорудить радиационный пояс, который будет убивать быстро, даже мгновенно. И это могло бы послужить их интересам. Парочка человеческих трупов остановит нежеланных исследователей куда как быстрее, чем десяток животных. Нет, я думаю, Джулия права, и так называемый радиационный пояс — безвредное свечение, настроенное так, чтобы регистрироваться нашими приборами. И приборы эти представляются им очень даже примитивными, если они действительно инопланетяне.

— Но почему?! — взорвался Расти. — Зачем вообще этот барьер? Я не смог поднять эту чертову штуковину, не смог даже сдвинуть ее. А когда накрыл свинцовым фартуком, он загорелся. Хотя сама коробочка оставалась холодной.

— Если они охраняют ее, значит, есть способ уничтожить этот предмет или отключить, — предположила Джекки. — Если только...

Барби ей улыбался. Чувствовал себя как-то странно. Словно парил над собственной головой.

— Давай, Джекки. Скажи.

— Если только они ее совершенно не охраняют, так? Не охраняют от людей, которые настроены до нее добраться.

— Это еще не все. Разве мы не можем сказать, что они практически указали нам на нее? Джо Макклэтчи и его друзья шли по следу из хлебных крошек.

— Вот она, маленькие земляне, — усмехнулся Расти. — И что вы с ней сделаете, вы, которым хватило храбрости добраться до нее?

— Именно так и обстоит дело, — кивнул Барби. — Поехали.
Поднимемся на самый верх.

— Позволь мне сесть за руль. — Расти повернулся к Эрни. — Впереди место, где дети потеряли сознание. И Ромми чуть не отключился. Я тоже что-то почувствовал. Мне привиделась хэллоуиновская кукла в человеческий рост, которую охватило пламя.

— Еще одно предупреждение? — предположил Эрни.

— Не знаю.

Расти подъехал к тому месту, где закончился лес и каменистый склон поднимался к яблоневому саду Маккоя. Впереди воздух светился так ярко, что им приходилось щуриться, но источника света они не видели; свечение словно плавало в воздухе. Барби подумал, что видит множество светлячков, только светили они в миллион раз сильнее, чем положено. А за световым поясом мир вновь становился темным, если не считать розового лунного света.

— Ты уверен, что обмороков больше не будет? — спросил Барби.

— Похоже, та же история, что с прикосновением к Куполу: ты получаешь прививку на всю жизнь. — Расти сел за руль. Включил передачу: — Придерживайте вставные челюсти, дамы и господа.

Микроавтобус рванул в свечение. Свинцовые пластины, закрывшие окна, не позволили им увидеть, что произошло, но несколько человек, уже поднявшихся на гребень, наблюдали за ними. Со всевозрастающей озабоченностью, стоя на границе яблоневого сада. В самом поясе микроавтобус четко высветился, словно попал под мощный прожектор. И продолжал светиться несколько мгновений после того, как миновал пояс, словно украденный микроавтобус облили радием. Более того, за ним, как выхлоп, тянулся светящийся шлейф.

— Вот дерьмо! — воскликнул Бенни. — Лучшего спецэффекта мне видеть не доводилось.

Свечение вокруг микроавтобуса поблекло, шлейф исчез.

Когда они проезжали светящийся пояс, Барби испытал моментальное головокружение, ничего больше. Для Эрни реальный мир — микроавтобус и находящиеся в нем люди — исчез, его заменил номер отеля, в котором пахло сосной и слышался рев Ниагарского водопада. И его жена, ставшая таковой лишь двенадцатью часами ранее, подходила к нему в ночной рубашке, более всего напоминающей лавандовый дым, брала его за руки, клала их на свои груди и говорила: *На этот раз нам не нужно останавливаться, дорогой.*

Потом он услышал крик Барби и вернулся в настоящее.

— Расти! У нее что-то вроде припадка! Стоп!

Эрни огляделся и увидел, что Джекки Уэттингтон трясет, глаза у нее закатились, пальцы растопырились.

— *Он поднимает крест, и все горит!* — кричала она. С губ летела слюна. — *Мир горит! ЛЮДИ ГОРЯТ!* — И Джекки издала вопль, наполнивший салон.

Расти чуть не съехал в кювет, потом вырулил на середину дороги, побежал к боковой двери, которую Барби уже успел сдвинуть: Джекки вытирала слюну ладонью. Ромми обнимал ее за плечи.

— Ты в порядке? — спросил Расти.

— Теперь да. Я просто... все... все горело. Днем наступила ночь. Люди го-го-горели... — Она начала плакать.

— Ты что-то сказала насчет мужчины с крестом, — напомнил Барби.

— С большим белым крестом. Тот висел на веревке или на полоске кожи. На его голой груди. Потом мужчина поднял крест перед лицом. — Джекки глубоко вдохнула, выдохнула несколько раз, по чуть-чуть. — Теперь все уходит. Но... ох!

Расти поднял руку с двумя оттопыренными пальцами, спросил, сколько пальцев она видит. Джекки дала правильный ответ. А потом проследила глазами за его большим пальцем, которым он двигал из стороны в сторону, а после вверх-вниз. Расти похлопал ее по плечу и недоверчиво глянул на оставшийся позади светящийся пояс. Что там Голлум говорил о Бильбо Бэггинсе?^[172] «Видимость обманчива, моя прелесть».

— Как ты, Барби? Все хорошо?

— Да. На пару секунд закружилась голова, ничего больше. Эрни?

— Я увидел мою жену. В номере отеля, где мы останавливались в медовый месяц. Ясно и отчетливо.

Он подумал о том, как она подходила к нему. Не думал об этом долгие годы, стыд какой — пренебрегать таким восхитительным воспоминанием. Белоснежность ее бедер под коротенькой ночнушкой; аккуратный темный треугольник лобковых волос; ее соски, грозящие прорвать тонкий шелк, едва не оцарапавшие ладони, когда она сунула язык ему в рот и провела по внутренней стороне нижней губы.

На этот раз нам не нужно останавливаться, дорогой.

Эрни откинулся назад и закрыл глаза.

Расти преодолел подъем — теперь ехал медленно — и припарковал микроавтобус между амбаром и полуразрушенным домом. Тут же стоял автофургон «Эглантерии», автофургон «Универмага Берпи» и «шевроле-малибу». Джулия загнала «приус» в амбар. Корги Горас сидел у заднего бампера, словно охранял автомобиль. Не выглядел счастливой собакой и не вышел из амбара, чтобы поприветствовать их. В доме уже горели две лампы Коулмана.

Джекки указала на фургон с надписью на борту «В «БЕРПИ» РАСПРОДАЖА КАЖДЫЙ ДЕНЬ».

— Как он сюда попал? Твоя жена передумала?

Ромми улыбнулся:

— Ты не знаешь Мишу, если могла так подумать. Нет, за это надо благодарить Джулию. Она рекрутировала своих лучших репортеров. Эти парни...

Он замолчал, потому что из освещенного луной яблоневого сада появились Джулия, Пайпер и Лисса Джеймисон. Шли рядом, держась за руки, и все плакали.

Барби подбежал к Джулии, взял за плечи. Она шла с краю, держала в свободной руке фонарь, нацеленный в бугристую землю. Подняла голову и попыталась улыбнуться.

— Так они тебя вытащили, полковник Барбара. Очко в пользу нашей команды.

— Что с вами случилось? — спросил Барби.

Из сада выбежали Джо, Бенни и Норри. Матери следовали за ними. Крики детей оборвались, как только они увидели, в каком состоянии три женщины. Горас с лаем подбежал к своей хозяйке. Джулия опустилась на колени, уткнулась лицом в его шерсть. Горас понюхал ее, а потом внезапно попятился. Сел и завыл. Джулия посмотрела на него, а потом закрыла лицо руками, как от стыда. Норри взяла за руки Джо, стоявшего слева от нее, и Бенни — справа. На ставших серьезными лицах отражался испуг. Пит Фримен, Тони Гуэй и Роуз Твитчел вышли из фермерского дома, но подходить к ним не стали. Сбились в кучку у кухонной двери.

— Мы пошли посмотреть на эту коробочку, — отрешенно заговорила Лисса. От ее волнительно-радостного восприятия жизни не осталось и следа. — Встали на колени вокруг нее. На ней символ, которого я никогда

раньше не видела... не каббала...

— Это просто ужас. — Пайпер вытерла глаза. — А потом Джулия прикоснулась к ней. Прикоснулась только она, но мы... мы все...

— Вы их увидели? — спросил Расти.

Джулия опустила руки, посмотрела на него в благоговейном трепете.

— Да. Я увидела, мы все. Их. Жуть.

— Кожеголовые?

— Что? — переспросила Пайпер. Потом кивнула: — Да, пожалуй, можно и так их назвать. Лица без лиц. Высокие лица.

Высокие лица, повторил мысленно Расти. Не знал, что это означает, но понимал, что слова правильные. Вновь подумал о своих дочерях и их подруге Диане, обменивающихся секретами и едой, выданной дома. Подумал о своем друге детства — части детства, потому что во втором классе они с Джорджи разругались, — и на него нахлынула волна ужаса.

Барби схватил его.

— Что?! — Он почти кричал. — Что теперь?!

— Ничего. Только... в детстве у меня был друг. Джордж Лэтроп. Однажды ему подарили на день рождения увеличительное стекло. И иногда... на большой перемене... мы...

Расти помог Джулии подняться. Горас подошел к ней, будто то, что его испугало, растаяло, совсем как свечение, окружавшее микроавтобус.

— Что вы сделали? — В голос Джулии вернулось спокойствие. — Расскажи.

— Это произошло в старой начальной школе, на Главной улице. Всего две комнаты, одна для классов с первого по четвертый, вторая — с пятого по восьмой. Игровая площадка — земляная. — Он нервно рассмеялся. — Черт, там не было даже водопровода, только сортир, который дети называли...

— Медовый домик, — ввернула Джулия. — Я тоже туда ходила.

— Мы с Джорджем шли мимо шведской стенки к забору. Там были муравейники, и мы поджигали муравьев.

— Не кори себя за это, док, — покачал головой Эрни. — Множество детей делали то же самое, а то и похуже. — Эрни сам, в компании пары друзей, окунул хвост дворового кота в керосин. А потом поднес к нему спичку. Этим воспоминанием он не стал бы делиться ни с кем, точно так же, как и подробностями своей брачной ночи.

Прежде всего потому, что мы смеялись, как безумные, подумал он. *Господи, как же мы смеялись.*

— Продолжай, — предложила Джулия.

— Я закончил, — ответил Расти.

— Как бы не так.

— Послушайте, — вмешалась Джоани Кэлверт. — Я уверена, вся эта психология очень интересна, но мне не кажется, что именно сейчас...

— Помолчи, Джоани, — оборвала ее Клер.

Джулия не сводила глаз с лица Расти.

— Почему это для тебя важно? — спросил тот. В это мгновение ему казалось, что вокруг никого нет и говорят они один на один.

— Просто скажи мне.

— Однажды, когда мы этим занимались... мне пришло в голову, что у муравьев тоже может быть своя жизнь. Я понимаю: звучит как сентиментальный лепет...

— Миллионы людей во всем мире в это верят, — возразил Барби. — И тем живут.

— Короче, я подумал: *Мы причиняем им вред. Мы сжигаем их на земле, а может, и в их подземных домах.* На земле увеличительное стекло Джорджа точно их сжигало. Некоторые просто переставали двигаться, но большинство загорались.

— Это ужасно! — вырвалось у Лиссы. Она вновь теребила Ключ жизни.

— Да, мэм. И однажды я попросил Джорджа это прекратить. Он меня не послушал. Сказал: «Это лакомная война». Я это помню. Не *атомная*, а *лакомная*. Я попытался отнять у него увеличительное стекло. В следующее мгновение мы уже дрались, а увеличительное стекло разбилось. — Он помолчал. — Это ложь, хотя тогда я именно так и сказал отцу, и даже порка не заставила меня изменить свою версию. А Джордж сказал родителям правду: я специально разбил увеличительное стекло. — Расти указал в темноту: — Я точно так же разбил бы эту коробочку, если б смог. Потому что теперь муравьи — мы, а коробочка — увеличительное стекло.

Эрни подумал о коте с горящим хвостом. Клер Макклэтчи вспомнила, как она и ее лучшая подруга в третьем классе сидели на ревущей девчонке, которую они ненавидели. Девочка только пришла в школу и говорила с забавным южным акцентом, словно набила рот картофельным пюре. Чем сильнее девочка плакала, тем громче они смеялись. Ромео Берпи вспомнил, как напился в тот вечер, когда Хиллари Клинтон плакала в Нью-Хэмпшире, [173] чокался с экраном телевизора и говорил: «Пью за тебя, сука, уйди с дороги и позволь мужчине делать мужскую работу».

Барби вспомнил тот спортивный зал: жара пустыни, запах дерьма, смех.

— Я хочу сам увидеть ее, — сказал он. — Кто пойдет со мной?

Расти вздохнул:

— Я.

Когда Барби и Расти направлялись к коробочке, украшенной странным символом и излучающей яркий пульсирующий свет, член городского управления Ренни находился в камере, где совсем недавно сидел под замком Барби.

Картер Тибодо помог ему положить тело Младшего на койку.

— Оставь меня с ним, — приказал Большой Джим.

— Босс, я понимаю, как вам сейчас плохо, но есть сотня дел, которые требуют вашего немедленного внимания.

— Я это знаю. И займусь ими. Но сначала мне нужно какое-то время побыть с сыном. А потом ты возьмешь пару парней и отвезешь его в похоронное бюро.

— Хорошо. Я сожалею о вашей утрате. Младший был хорошим парнем.

— Нет, не был, — будничным голосом ответил Большой Джим. — Но он был моим сыном, и я его любил. И это совсем неплохо, знаешь ли.

Картер задумался.

— Знаю.

Большой Джим улыбнулся:

— Я знаю, что ты знаешь. Я начинаю думать, что ты — тот сын, которого мне всегда не хватало.

Картер покраснел от удовольствия и зашагал к ступеням, которые вели в дежурную часть.

После его ухода Большой Джим сел на койку и положил голову Младшего себе на колени. Ран на лице молодого человека не было, и Картер закрыл ему глаза. Если бы не кровь на его рубашке, создавалось впечатление, что он спит.

Он был моим сыном, и я его любил.

Большой Джим сказал правду. Он собирался пожертвовать Младшим, но история уже знала такой прецедент: достаточно прочесть о том, что произошло на Голгофе. И как и Христос, мальчик умер за правое дело. Какой бы урон ни нанесла Андреа Гриннел, все забудется, как только город узнает, что Барби убил нескольких полицейских, включая единственного сына их лидера. С политической точки зрения обретший свободу и строящий новые козни, Барби мог принести немалые дивиденды.

Большой Джим посидел еще какое-то время, поглаживая Младшего по

волосам и вглядываясь в его лицо, на котором читался упрек. Потом едва слышно запел песенку, какую пела Младшему мать, когда он, грудной младенец, лежал в колыбельке, глядя на мир широкими, полными удивления глазами:

— «Для малышки лодка — серебристая луна, плывет она в небе, плывет в море сна, а мимо плывут облака... плыви, малыш, плыви... вдаль через море плыви...».

Потом замолчал. Остальное вспомнить не мог. Приподнял голову Младшего и встал. Сердце затрепыхалось, и Большой Джим задержал дыхание... но тут же успокоилось. Он решил, что скоро ему придется сделать еще одну инъекцию верапа-как-его-там, почерпнув препарат из фармацевтических запасов Энди, но пока хватало и других дел.

Он оставил Младшего на койке и медленно поднялся по ступеням, держась за поручень. Картер ждал в дежурной части. Тела увезли. Настеленные на пол газеты впитывали кровь Микки Уэрдлоу.

— Пойдем в муниципалитет, пока сюда не набежали копы, — сказал он Картеру. — День встреч официально начинается... — Ренни посмотрел на часы, — примерно через двенадцать часов. До этого нам нужно много чего сделать.

— Я знаю.

— И не забудь моего сына. Я хочу, чтобы Боуи постарались. Качественная подготовка тела, красивый гроб. Скажи Стюарту: если увижу Младшего в одном из дешевых гробов, которые он держит в сарае, я его убью.

Картер сделал запись в блокноте:

— Я об этом позабочусь.

— И скажи Стюарту, что очень скоро я с ним поговорю. — Несколько полицейских вошли в участок. Выглядели они подавленными, даже чуть испуганными, очень юные и совсем зеленые. Большой Джим поднялся со стула, на котором сидел, восстанавливая дыхание. — Пора идти.

— Я готов, — ответил Картер, но не сдвинулся с места.

Большой Джим огляделся.

— Хочешь что-то сказать, сынок?

Сынок. Нравилось Картеру это слово. Его отец погиб пятью годами раньше, когда врезался на пикапе в один из мостов-близнецов в Лидсе, о чем Картер совсем не сожалел. Отец поколачивал жену и обоих сыновей (брат Картера теперь служил во флоте), но это Картера особо не огорчало: его мать пила кофейное бренди, чтобы притупить отрицательные эмоции, и Картер всегда мог сделать глоток-другой. Нет, отца он ненавидел за вечное нытье и глупость. Люди полагали, что Картер тоже глуп — черт, даже Младший так думал, — но они ошибались. Мистер Ренни это понял, и мистер Ренни никак не тянул на нытика.

И Картеру вдруг стало ясно, что теперь он определился с планами на будущее.

— У меня кое-что есть. Возможно, вам понадобится.

— И что же?

Большой Джим подождал, пока тот сходит в раздевалку. Картер открыл

свой шкафчик, достал из него конверт с надписью «ВЕЙДЕР», вернулся в дежурную часть и протянул конверт Большому Джиму. На бумаге пламенел кровавой отпечаток чьей-то подошвы.

Ренни откинул клапан.

— Джим! — раздался голос Питера Рэндолфа. Он вошел незамеченным и теперь, уставший и потерянный, стоял около перевернутого стола, за которым последней сидела Стейси Моггин. — Думаю, мы более-менее успокоили город, но я не могу найти нескольких новых полицейских. Наверно, они бросили службу.

— Этого следовало ожидать. Но бросили временно. Они вернутся, как только порядок полностью восстановится, и они осознают, что Дейл Барбара в любой момент может привести в город банду жаждущих крови людоедов, чтобы сожрать их живьем.

— Но с этим чертовым Днем встреч...

— Практически все в этом городе завтра будут вести себя как шелковые, и я уверен, что у нас хватит сил, чтобы разобраться с теми, кто не будет.

— А что нам делать с пресс...

— Ты видишь, что я немного занят? Ты это видишь, Пит? Господи! Приходи через полчаса в зал заседаний муниципалитета, и мы обсудим все, что ты хочешь. *Но сейчас, будь так любезен, оставь меня в покое.*

— Конечно. Извини. — Пит попятился, в движениях и голосе ощущалась обида.

— Стой! — вдруг задержал его Ренни.

Рэндолф остановился.

— Ты не выразил мне соболезнований в связи с утратой сына.

— Я... я очень сожалею.

Большой Джим смерил Рэндолфа взглядом:

— Действительно, сожалеешь. — После ухода чифа Ренни вытащил бумаги из конверта, быстро проглядел их, засунул обратно. С искренним любопытством посмотрел на Картера: — Почему ты не отдал их мне сразу? Собирался подержать у себя?

Теперь, отдав конверт, Картер понимал, что говорить может только правду.

— Да. Какое-то время. На всякий случай.

— Какой случай?

Картер пожал плечами.

Большой Джим развивать тему не стал. Сам привык собирать компрометирующие материалы на тех, кто мог доставить ему

неприятности, так что понимал логику действий Картера. Но куда больше интересовал его ответ на другой вопрос:

— Почему ты передумал?

И вновь Картер решил сказать правду:

— Потому что я хочу быть вашим человеком, босс.

Большой Джим приподнял кустистые брови.

— Больше, чем он? — Ренни мотнул головой в сторону двери, через которую только что вышел Рэндолф.

— Он? Он — пустое место.

— Да, — Большой Джим положил руку на плечо Картера, — это точно. Пошли. Как только доберемся до муниципалитета, сожжем бумаги в дровяной печи. Займемся этим первым делом.

Они действительно были *высокие*. И ужасные. Барби увидел их, как только сошло на нет действие разряда, который поднимался по рукам. Конечно же, возникло желание оторваться от коробочки, но он его подавил, коробочку не отпустил и теперь смотрел на существ, которые держали их взаперти. Держали и мучили ради удовольствия, если исходить из предположения Расти.

Их лица — если он видел лица — сплошь состояли из углов, но углов мягких, которые к тому же постоянно менялись, словно существа не имели постоянной формы. Он не мог сказать, сколько их и где они находятся. Сначала подумал, что их четверо, потом — восемь, наконец — только двое. Они вызывали очень уж сильное отвращение, возможно, потому, что были настолько инородными, что он не мог их воспринимать. Отдел его мозга, обрабатывающий информационный поток, идущий от органов чувств, не мог расшифровать сигналы, которые посылали глаза.

Мои глаза не могут их видеть, вживую — нет, даже с помощью телескопа. Эти существа находятся сейчас в какой-то далекой, далекой галактике.

Но не мог он знать этого наверняка — логика подсказывала, что владельцы коробочки могут иметь базу подо льдами Южного полюса или вращаться вокруг Луны на своем звездолете «Энтерпрайз», — но знал. Они находились дома... каким бы ни был их дом. Они наблюдали. И они наслаждались.

Не могли не наслаждаться, потому что эти сукины дети смеялись.

В памяти всплыл спортивный зал в Фаллудже. Стояла жара, никаких кондиционеров, только лопасти вентиляторов под потолком лениво рассекали вязкий, пропахший потом воздух. Они отпустили уже всех приведенных на допрос, за исключением двух абдулов, которых угораздило попасться на глаза военным на следующий день после того, как два самодельных взрывных устройства унесли жизни шестерых американцев, а снайпер убил еще одного, парня из Кентукки, всеобщего любимца Кастейрса. Поэтому они принялись гонять абдулов по спортивному залу, срывая с них одежду, и Барби хотелось бы сказать, что он вышел за дверь, но он не вышел. Хотелось бы сказать, что он в этом не участвовал, но он участвовал. Их всех охватила какая-то лихорадка. Он помнил, как плотно приложился к костлявому, измазанному дерьмом задку одного абдула, и на

нем появилась красная отметина от армейского ботинка — к тому времени абдулов уже раздели догола. Барби помнил, как Эмерсон с силой ударил другого по болтающимся яйцам, приговаривая: *Это тебе за Кастейрса, гребаный песочный ниггер*. Кто-то в скором времени даст матери этого абдула флаг, когда она будет сидеть на складном стульчике у его могилы, древняя как мир история. А в тот момент, когда Барби вдруг вспомнил, что именно он здесь командир, сержант Хэкермейер уже подтащил этого парня к стене — из одежды на пленнике оставался только развязавшийся головной платок, куфия — и приставил пистолет к его голове. Возникла пауза, но никто ее не заполнил словом «нет» или фразой «не делай этого». Поэтому сержант Хэкермейер нажал на спусковой крючок, и кровь выплеснулась на стену, как выплескивалась на стены уже три тысячи лет или даже больше. На том для абдула все закончилось, аля-улю, не забудь писать мне в свободное время, когда не будешь ломать целки всем этим девственницам.

Барби оторвал руки от коробочки, попытался встать, но ноги подвели. Расти схватил его и держал, пока он не смог стоять без посторонней помощи.

— Господи! — выдохнул Барби.

— Ты их видел, да?

— Да.

— Они дети? Как думаешь?

— Возможно. — У Барби не было готового ответа. — Вероятно.

Они медленно возвращались к фермерскому дому, перед которым стояли остальные.

— Все хорошо? — спросил Ромми.

— Да, — кивнул Барби. Он понимал, что должен поговорить с детьми. И с Джекки. И с Расти. Но не сейчас. Сначала следовало взять себя в руки.

— Ты уверен?

— Да.

— Ромми, у тебя в магазине еще есть свинцовая лента? — спросил Расти.

— Да, я оставил рулоны на погрузочной платформе.

— Хорошо, — кивнул Расти и попросил у Джулии мобильник. Он надеялся, что Линда дома, а не в комнате для допросов в полицейском участке. Мог только надеяться.

Разговор с Расти получился очень коротким, не занял и тридцати секунд, но Линде Эверетт его вполне хватило, чтобы этот ужасный четверг развернулся на сто восемьдесят градусов, от черной ночи к ясному дню. Она сидела за кухонным столом, закрыв лицо руками, и плакала. Плакала тихонько, потому что наверху спали четверо детей, а не двое. Она привела домой брата и сестру Эпплтон, так что теперь компанию ей составляли два «Э», не только две «Дж».

Элис и Эйден жутко расстроились — Господи, а как же иначе? — но Джанни и Джуди помогли им прийти в себя. Помог, разумеется, и бенадрил. По требованию девочек положила на полу в их комнате спальные мешки, и теперь все четверо на них и спали, Джуди и Эйден в обнимку.

И когда она уже практически совладала с нервами, раздался стук в дверь кухни. Первым делом Линда подумала, что это копы, хотя, учитывая кровопролитие и суету в центре города, не ждала их так скоро. Но в тихом стуке не слышалось ничего властного.

Она подошла к двери, остановившись лишь для того, чтобы взять кухонное полотенце и вытереть лицо. Поначалу не узнала ночного гостя, прежде всего потому, что он изменил прическу. Терстон Маршалл не завязал волосы в конский хвост, они свободно падали на плечи, обрамляя лицо, отчего выглядел он, как старая прачка, которой сообщили новости — ужасные новости — после долгого и тяжелого рабочего дня.

Линда открыла дверь. На мгновение Терс застыл на пороге.

— Каро мертва? — спросил он тихо и хрипло. *Словно сорвал голос на фестивале в Вудстоке и он так и не восстановился*, подумала Линда. — Действительно мертва?

— Боюсь, что да, — ответила она тоже шепотом. Из-за детей. — Очень сожалею, мистер Маршалл.

Еще несколько мгновений он стоял не шевелясь. Потом схватился за седые локоны, которые висели по обеим сторонам лица, и принялся раскачиваться из стороны в сторону. Линда не верила в романтику отношений Мая и Декабря — для этого была слишком старомодной. Она дала бы Маршаллу и Каро Стерджес два года максимум, может, и шесть месяцев — столько потребовалось бы времени на то, чтобы их половые органы перестали дымиться, — но в этот вечер любовь мужчины не вызывала у нее сомнений. Как и горечь утраты.

Какими бы ни были их чувства, присутствие детей эти чувства обострило, подумала Линда. И Купол тоже. Жизнь под Куполом обостряла все. Линде уже казалось, что они находятся под ним не дни, а годы. Внешний мир таял, как сон при пробуждении.

— Заходите, — пригласила она ночного гостя. — Только тихонько, мистер Маршалл. Дети спят. Мои и ваши.

Линда дала ему солнечный чай,^[174] не холодный, даже теплый, но ничего другого сейчас она предложить не могла. Он выпил половину стакана, поставил его на стол. Потом потер кулаками глаза, как ребенок, которому давно следовало лечь спать. Линда поняла, в чем дело: он пытался взять себя в руки, — и сидела молча, не мешая ему.

Терстон глубоко вдохнул, выдохнул, сунул руку в нагрудный карман старой синей рубашки. Достал полоску кожи, завязал волосы на затылке. Линда посчитала, что это добрый знак.

— Расскажите мне, что случилось, — попросил он. — И как.

— Всего я не видела. Кто-то ударил меня ногой по голове, когда я пыталась утащить... утащить вашу Каро из прохода.

— Но один из копов застрелил ее, так? Один из копов этого чертова наводненного копами, обожающего стрельбу города.

— Да. — Она потянулась через стол, взяла его руку. — Кто-то крикнул «оружие». И оружие было. Револьвер Андреа Гриннелл. Она принесла его с собой на собрание, возможно, замышляя убить Ренни.

— Вы думаете, это оправдывает случившееся с Каро?

— Господи, нет. А Анди открыто убили.

— Каро умерла, пытаясь защитить детей, да?

— Да.

— И это даже не ее дети.

Линда промолчала.

— Да только они стали. Ее и моими. Назовите это стечением обстоятельств или причина в Куполе, но они стали нашими детьми, которых иначе у нас никогда бы не было. И пока Купол не исчезнет — если он вообще исчезнет, — они останутся моими детьми.

Линда лихорадочно думала. Можно ли доверять этому мужчине? Она полагала, что да. Расти ему точно доверял; говорил, что он отличный специалист, особенно для человека, который так давно не имел отношения к медицине. И Терстон ненавидел тех, кто правил под Куполом. У него были на то причины.

— Миссис Эверетт.

— Пожалуйста, Линда.

— Линда, можно, я посплю на вашем диване? Я хочу быть рядом, если они вдруг проснутся ночью. Если не проснутся — я *надеюсь*, что не

проснутся, — я хочу, чтобы они увидели меня, когда утром спустятся вниз.

— Хорошо. А утром мы вместе позавтракаем. Овсянкой. Молоко еще не скисло, хотя случится это очень скоро.

— Звучит неплохо. А после того, как дети поедят, мы уйдем. Уж простите меня, если вы патриотка этого города, но меня тошнит от Честерс-Милла. Совсем покинуть его я не могу, но собираюсь уехать как можно дальше. Единственным пациентом в больнице, состояние которого вызывало опасения, был сын Ренни, но днем он ушел, никому ничего не сказав. Он вернется; эта гадость, что растет у него в голове, заставит его вернуться, но сейчас...

— Он мертв.

Терстон особенно и не удивился:

— Припадок, как я понимаю.

— Нет. Его застрелили в тюрьме.

— Хотелось бы сказать, что сожалею, но не могу.

— Я тоже, — кивнула Линда. Она не знала наверняка, как Младший попал в тюрьму и что там делал, но представляла себе, как обставит его смерть скорбящий отец.

— Я увезу детей к пруду, туда, где мы находились с Каро, когда все произошло. Там тихо, и я уверен, что запасов еды на какое-то время нам хватит. Может, и на достаточно длительное время. Кто знает, может, мне удастся найти коттедж с генератором. Что же касается общественной жизни, — у него перекосило лицо, — с меня хватит. И с детей тоже.

— Возможно, я могу предложить место получше.

— Правда? — И когда Линда не ответила, протянул руку через стол и коснулся ее. — Вы должны кому-то довериться. Лучше уж мне.

Линда обо всем ему рассказала, в частности о том, что нужно подъехать к «Универмагу Берпи» и забрать с погрузочной платформы свинцовую ленту, прежде чем ехать на Блэк-Ридж. Проговорили они чуть ли не до полуночи.

Северная часть дома Маккоя для проживания не годилась — из-за того, что прошлая зима выдалась очень уж снежной, крыша провалилась в гостиную, — но столовая в западной части дома, длинная, как железнодорожный вагон, не пострадала, и именно там собрались беженцы из Честерс-Милла. Первыми Барби расспросил Джо, Норри и Бенни: что они видели, о чем грезили, когда потеряли сознание на границе так называемого светящегося пояса.

Джо вспомнил горящие тыквы. Норри рассказала, как все стало темным и солнце исчезло. Бенни сначала заявил, что ничего не помнит. Потом спохватился:

— Крики! Я слышал крики. Ужасные крики.

Какое-то время все молчали. Первым заговорил Эрни:

— Горящие тыквы не сузят поиски, если мы что-то собираемся искать, полковник Барбара. Груда тыкв лежит с солнечной стороны каждого амбара в этом городе. Для них выдался урожайный год.

— Расти, а что говорили твои девочки?

— Примерно то же. — Расти пересказал все, что помнил.

— Останови Хэллоуин! Останови Большую Тыкву, — задумчиво повторил Ромми.

— Чуваки, я вижу здесь что-то общее! — воскликнул Бенни.

— Ежу понятно, Шерлок! — прокомментировала Роуз, и все рассмеялись.

— Твоя очередь, Расти, — повернулся к фельдшеру Барби. — Что произошло, когда ты отключился на подъеме?

— Полностью я не отключился. И все это можно объяснить стрессом. Групповая истерия — в том числе и групповые галлюцинации — обычное явление для людей, которые находятся в стрессовом состоянии.

— Спасибо, доктор Фрейд, — кивнул Барби. — А теперь расскажи, что ты видел.

Расти успел добраться до шляпы-цилиндра с патриотическими полосами, когда Лисса Джеймисон воскликнула:

— Это же кукла на лужайке у библиотеки! На ней моя старая футболка с цитатой Уоррена Зевона^[175] на...

— «Наша родная Алабама» — сыграй эту песню погибшей группы», — процитировал Расти. — И садовые совки вместо рук. В любом

случае она загорелась. А потом — раз и пропала. Вместе с головокружением. — Он огляделся. Все смотрели на него широко раскрытыми глазами. — Расслабьтесь, я, вероятно, видел куклу до того, как все это случилось, и мое подсознание выплюнуло ее обратно. — Расти наставил палец на Барби: — Если еще раз назовешь меня доктором Фрейдом, я тебе врежу.

— Ты видел ее раньше? — спросила Пайпер. — Может, когда ездил забирать девочек из школы или куда-то еще? Потому что библиотека по другую сторону улицы от детской площадки.

— Я этого не помню. — Расти не стал добавлять, что не забирал девочек из школы с начала месяца, и он сомневался, чтобы кто-то так рано начал готовиться к Хэллоуину.

— Теперь ты, Джекки, — повернулся к ней Барби.

Она облизнула губы.

— Это действительно так важно?

— Я думаю, да.

— Горящие люди. И дым, и пробивающийся сквозь него огонь, если дым относил в сторону. Казалось, горел весь мир.

— Да, — подал голос Бенни. — Люди кричали, потому что они горели. Теперь я вспомнил. — И он ткнулся лицом в плечо Элвы Дрейк. Она обняла его за плечи.

— До Хэллоуина еще пять дней, — напомнила Клер.

Барби покачал головой:

— Я так не думаю.

Дровяную печь в углу зала совещаний муниципалитета покрывала пыль, печкой давно уже не пользовались, но работать она работала. Большой Джим выдвинул заслонку дымохода (она ржаво заскрипела), потом достал из конверта распечатку документов, составленных Герцогом Перкинсом. Пролистал страницы, морщась от того, что видел, бросил листы в печь. Конверт оставил.

Картер разговаривал по телефону со Стюартом Боуи, объяснил, как Большой Джим хотел похоронить своего сына, сказал, что приступить к этому надо немедленно. *Хороший мальчик*, думал Большой Джим. *Сможет далеко пойти. Если будет помнить, с какой стороны бутерброда масло, сможет.* Людям, которые забывали, приходилось платить по счетам. Андреа Гриннел узнала об этом сегодня вечером.

Коробка спичек лежала на полке рядом с плитой. Большой Джим чиркнул одной и поднес огонек к вещественным уликам Бренды Перкинс. Дверцу оставил открытой, чтобы наблюдать, как они сгорают. Зрелище доставляло наслаждение.

Подошел Картер:

— Стюарт Боуи ждет. Сказать ему, что вы перезвоните позже?

— Давай трубку. — Большой Джим протянул руку к телефону.

Картер указал на конверт:

— Это тоже сжечь?

— Нет. Я хочу, чтобы ты набил его чистой бумагой для ксерокса.

Картеру потребовались какие-то мгновения, чтобы понять.

— Так она страдала галлюцинациями, вызванными длительным применением наркотика, да?

— Бедная женщина, — кивнул Большой Джим. — Пойди в атомное убежище, сынок. Туда. — Он указал на дверь рядом с печью, неприметную, со старой металлической табличкой, на которой черные треугольники расположились на желтом фоне. — Там две комнаты. В конце второй — маленький генератор.

— Хорошо...

— Перед генератором люк. Незаметный, но ты найдешь. Подними крышку и загляни внутрь. Там должны быть баллоны с жидким пропаном. Восемь или десять. Столько, во всяком случае, было в прошлый раз, когда я туда заглядывал. Посчитай и скажешь мне, сколько осталось. — Он ждал

вопроса от Картера «А зачем?», но тот его не задал. Просто повернулся, чтобы выполнить приказ. Приказ Большого Джима. — Хочу дать тебе совет, сынок. Ставить точки над i — секрет успеха. И разумеется, Бог должен быть на твоей стороне.

Когда Картер ушел, Большой Джим поднес трубку к уху... и, если бы Стюарт уже отключил связь, он бы об этом горько пожалел.

Но Стюарт не отключил.

— Джим, скорблю о твоей утрате. — Начал правильно, заработал очко. — Мы обо всем позаботимся. Я думаю о гробе «Вечный покой» — дуб, выдержит тысячи лет.

Пудри мозги другим, подумал Большой Джим, но промолчал.

— И с телом мы сделаем все, что в наших силах. Он будет выглядеть так, словно сейчас откроет глаза, проснувшись, и улыбнется.

— Спасибо тебе, дружище, — ответил Большой Джим, подумав: *Именно это от тебя и требуется.*

— Теперь насчет завтрашнего рейда, — сменил тему Стюарт.

— Насчет этого я сам собирался тебе позвонить. Ты, наверное, гадаешь: состоится ли он? Да, состоится.

— Но после того, что произошло...

— Ничего не произошло! — отрезал Большой Джим. — И за это мы должны благодарить милосердие Божье. Я услышу от тебя «аминь», Стюарт?

— Аминь, — покорно повторил тот.

— Всего лишь чушь, вызванная психически неуравновешенной женщиной с револьвером. Она обедает сейчас с Иисусом и святыми, в этом я не сомневаюсь, потому что в случившемся ее вины нет.

— Но, Джим...

— Не перебивай, когда я говорю. Это наркотики. Чертовы наркотики проели ей мозг. Люди это поймут, как только немного успокоятся. Честерс-Миллу повезло в том, что живут в нем люди благоразумные и смелые. Я верю, что они пройдут через все испытания, всегда верил и буду верить. А кроме того, сейчас они думают только об одном — повидаться со своими близкими. Наша операция, как и планировалось, пройдет в полдень. Ты, Ферн, Роджер, Мелвин Сирлс. Фред Дентон будет за командира. Он подберет еще четыре-пять человек, если придет к выводу, что без них не обойтись.

— Лучше его у тебя никого нет?

— Фред справится.

— А как насчет Тибодо? Того парня, который болтается рядом с...

— Стюарт Боуи, всякий раз, когда ты открываешь рот, у тебя вываливается половина кишок. Так что заткнись и слушай. Мы говорим о костлявом наркомане и фармацевте, который не скажет «кыш» гусю. Я услышу на это «аминь»?

— Да, аминь.

— Возьмешь городские грузовики. Найди Фреда, как только мы закончим этот разговор — он наверняка где-то рядом, — и разъясни ему, что к чему. Скажешь, что вы должны вооружиться, на всякий случай. У нас есть все необходимое снаряжение в кладовой полицейского участка — спасибо Министерству национальной безопасности — бронежилеты, каски, уж не знаю, что еще, и всем этим мы можем воспользоваться. Потом вы поедете туда и убьете этих парней. Нам нужен пропан.

— А как насчет лаборатории? Я думаю, ее надо сжечь ко...

— Ты рехнулся? — Картер, вернувшийся в зал совещаний, удивленно глянул на Большого Джима. — Со всеми химикатами, запасенными там? Думай, что говоришь, приятель, а не то у меня возникнут подозрения, что ты так же глуп, как Роджер Кильян.

— Хорошо. — По голосу чувствовалось, что Стюарт надулся, но Большой Джим не сомневался, что он все сделает. Да и времени, чтобы погладить по головке Стюарта, у него не оставалось — Рэндолф мог прийти с минуты на минуту.

Парад дураков, который никогда не закончится, подумал Большой Джим.

— А теперь я хочу услышать, как ты восхваляешь Господа, — сказал он. Мысленно увидел себя, сидящего на спине Стюарта и вдавливающего его физиономию в грязь, и губы расплзлись в широкой улыбке.

— Восславим Господа, — пробормотал Стюарт.

— Аминь, брат. — И Большой Джим разорвал связь.

Вскоре в зал совещаний вошел Рэндолф. Выглядел он усталым, но довольным.

— Мы потеряли несколько молодых новобранцев — Додсон, Роуклифф и Ричардсон покинули нас, но большинство осталось. И пришли новенькие. Джо Боксер... Коротышка Норман...

Большой Джим слушал его достаточно терпеливо, но лишь вполуха. Когда Рэндолф наконец-то иссяк, Большой Джим через полированный стол пододвинул к нему конверт с надписью «ВЕЙДЕР»:

— Это то, чем размахивала бедная Андреа. Взгляни.

Рэндолф замялся, потом открыл клапан и вытащил содержимое конверта:

— Но это же чистая бумага.

— Ты прав, совершенно прав. Завтра утром ты соберешь своих копов в полицейском участке ровно в семь. Потому что — ты можешь поверить дяде Джиму — муравьи вылезают из муравейника с утра пораньше. Так вот, проследи за тем, чтобы копы узнали, что бедная женщина ничего не соображала, как и тот анархист, который застрелил президента Маккинли.

— Разве это не гора? — удивился Рэндолф.

Большой Джим потратил несколько мгновений, чтобы обдумать вопрос: с какого дуба упал маленький сынишка миссис Рэндолф? Потом продолжил. Он не мог рассчитывать, что в эту ночь поспит восемь часов, но, возможно, пять урвет. Ведь сон ему требовался. Он требовался его бедному старому сердцу.

— Задействуй все патрульные автомобили. Посади по два копа в каждый. Пусть возьмут баллончики с «Мейсом» и тазеры. Но если кто вытащит оружие перед репортерами, камерами и ёханным внешним миром... я сам изрежу его кишки на подтяжки.

— Да, сэр.

— Пусть ездят по обочинам, с краю толпы. Никаких сирен, но с включенными мигалками.

— Как на параде, — кивнул Рэндолф.

— Да, как на параде. Мостовую оставь людям. Говори тем, кто приедет на автомобилях, что их надо парковать и дальше идти пешком. Воспользуйся громкоговорителями. У Купола мне нужны хорошие и уставшие люди. Уставшие люди обычно хорошо себя ведут.

— Не думаешь, что мы можем использовать часть копов для поиска сбежавших преступников? — Он увидел, как сверкнули глаза Большого Джима, и поднял руку: — Просто спрашиваю, просто спрашиваю.

— Что ж, ты заслуживаешь ответа. Ты, в конце концов, начальник полиции. Не так ли, Картер?

— Да, — коротко подтвердил тот.

— Ответ — *нет*, чиф Рэндолф, потому что... теперь слушай внимательно... сбежать они не могут. Вокруг Честерс-Милла — Купол, и они *абсолютно... ни при каких обстоятельствах... не могут сбежать*. Теперь ты понимаешь логику моих мыслей? — Он заметил, как вспыхнули щеки Рэндолфа. — Советую обдумать ответ. Я бы обдумал.

— Я понимаю.

— Тогда пойми и кое-что еще: пока Дейл Барбара на свободе, на пару со своим сообщником Эвереттом, люди с бóльшим рвением будут обращаться за защитой к слугам закона. И хотя забот у нас по горло, мы сумеем оправдать их надежды, так?

До Рэндолфа наконец-то дошло. Он, возможно, не знал, что Маккинли — не только название горы, что в Соединенных Штатах был президент Маккинли, но он очень даже понял, что Барби в кустах во многом лучше Барби под замком.

— Да, — кивнул он. — Мы сумеем. Совершенно верно. А как пресс-конференция? Если ты не собираешься на нее прийти, может, ты захочешь назначить...

— Нет, не захочу. Я буду отслеживать развитие событий здесь, на своем посту, который занимаю по праву. Что же касается прессы, она может проводить конференцию с тысячей и более людей, которые будут толпиться у южной границы города, как зеваки толпятся у забора строительной площадки. И журналистам сильно повезет, если они смогут расшифровать чушь, которую услышат.

— Некоторые жители могут нелюбезно отозваться о нас.

Большой Джим холодно улыбнулся:

— Для этого Господь и дал нам сильные плечи, дружище. А кроме того, что может сделать этот лезущий во все щели ёханный Кокс? Придет сюда и выставит нас за дверь?

Рэндолф довольно хохотнул, направился к двери, потом остановился.

— Там будет много народу, и довольно длительное время. Армия привезла мобильные туалеты. Может, нам стоит поставить свои? Думаю, у нас есть несколько в пристройке за муниципалитетом. Главным образом для дорожных бригад. Может, Эл Тиммонс...

Большой Джим посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Если б решение оставалось за мной, наши горожане завтра сидели бы дома, вместо того чтобы покидать город, как евреи — Египет. — Он выдержал театральную паузу. — Если кому-то из них приспичит, пусть справляют нужду в лесу.

После ухода Рэндолфа Картер спросил:

— Если я поклянусь, что не лижу вам зад, позвольте мне кое-что сказать?

— Конечно.

— Мне нравится, как вы работаете, мистер Ренни.

Большой Джим улыбнулся — большущей, солнечной улыбкой, осветившей все лицо.

— Что ж, у тебя появится шанс, сынок; раньше ты учился у всех подряд, теперь будешь учиться у лучшего.

— Я рассчитываю на это.

— А сейчас я хочу, чтобы ты отвез меня домой. Завтра жду тебя ровно в восемь. Мы придем сюда и будем смотреть шоу по Си-эн-эн. Но сначала посидим на вершине холма у городской площади и понаблюдаем за исходом. Грустно, честное слово. Евреи без Моисея.

— Муравьи без муравейника, — добавил Картер. — Пчелы без улья.

— Прежде чем ты зайдешь за мной, я хочу, чтобы ты заглянул кое к кому из горожан. Или попытался. Я поспорил с самим собой, что ты их не найдешь. Потому что они в самоволке.

— Кто?

— Роуз Твитчел и Линда Эверетт, жена фельдшера.

— Я знаю, кто она.

— Можешь проверить и Шамуэй. Я слышал, она остановилась у Либби, женщины-проповедника, вместе со своей невоспитанной собакой. Если найдешь кого-нибудь, поспрашивай их о местонахождении сбежавших.

— Жестко или мягко?

— Средне. Я не хочу, чтобы Эверетта и Барби схватили немедленно, но информация о том, где они, лишней не будет.

Выйдя из муниципалитета, Большой Джим набрал полную грудь вонючего воздуха, а потом удовлетворенно выдохнул. Удовлетворенность ощущал и Картер. Неделей раньше он менял глушители, работая в защитных очках, чтобы чешуйки ржавчины не попали в глаза. Сегодня занимал важное положение и обладал немалым влиянием. И чуть пованивающий воздух — не такая уж высокая цена за все эти перемены к лучшему.

— Хочу задать тебе вопрос. — Большой Джим повернулся к нему. — Можешь не отвечать, если не будет желания.

Картер молча посмотрел на него.

— Эта Буши... Как она? Хороша?

Картер помялся, потом ответил:

— Сначала была суховата, но потом смазки прибавилось, и все пошло на лад.

Большой Джим рассмеялся. Смех вышел каким-то металлическим, напоминающим звон монет, падающих на поднос в игровом автомате.

Полночь, розовая луна спускается к горизонту за Таркерс-Миллсом, где зависнет до рассвета и превратится в призрак перед тем, как окончательно исчезнуть.

Джулия шла по яблоневому саду туда, где участок Маккоя плавно начинал спускаться по западному склону Блэк-Риджа, и не удивилась, когда увидела темную тень, привалившуюся к одному из деревьев. Справа от нее коробочка со странным символом на крышке каждые пятнадцать секунд вспыхивала ярким светом: самый маленький, самый необычный маяк этого мира.

— Барби? — тихонько позвала она. — Как Кен?

— Отбыл в Сан-Франциско, чтобы принять участие в гей-параде. Его сексуальная ориентация всегда вызывала у меня подозрения.

Джулия рассмеялась, потом взяла его руку и поцеловала ее.

— Мой друг, я ужасно рада, что ты в безопасности.

Он обнял ее, поцеловал в обе щеки, прежде чем отпустить. Затянувшимися поцелуями. Настоящими.

— Подруга моя, я тоже.

Она вновь рассмеялась, но по телу пробежала дрожь, от шеи и до колен. Джулия узнала эту дрожь, пусть и давно ее не испытывала. *Полегче, девочка. Он так молод, что годится тебе в сыновья.*

Ну, да... если б она забеременела в тринадцать лет.

— Все спят, — сообщила Джулия. — Даже Горас. Он с детьми. Они столько гоняли его за палками, что язык у него буквально волочился по земле. Готова спорить: он думает, что умер и попал на небеса.

— Я пытался заснуть. Не смог.

Дважды он чувствовал, что уже на грани сна, но оба раза оказывался в Курятнике, лицом к лицу с Младшим. Первый раз Барби споткнулся, вместо того чтобы рвануть вправо, и распростерся на койке, являя собой идеальную цель. Второй раз Младший просунул между прутьями решетки невероятно длинную, растягивающуюся руку и схватил его, чтобы удержать на несколько мгновений, которых хватило, чтобы лишить жизни. После этого Барби вышел из амбара, где расположились на ночлег мужчины, и пришел в сад. Воздух по-прежнему пах как в комнате, где шестью месяцами раньше умер закоренелый курильщик, но все-таки был куда лучше, чем в городе.

— Внизу так мало огней, — вздохнула Джулия. — Обычно их раз в девять больше, даже в такой час. И уличные фонари выглядят как двойная нитка жемчуга.

— Зато у нас есть это. — Одной рукой Барби по-прежнему обнимал ее, а второй указал на светящийся пояс. Тот подходил к Куполу, где резко обрывался, и формой напоминал подкову, в отличие от замкнутого Купола.

— Это точно. А почему Кокс его не упомянул? Ведь свечение должно быть видно на снимках из космоса. По крайней мере мне он об этом не говорил. Может, сказал тебе?

— Нет, и Кокс обязательно сказал бы. Это означает, что за Куполом никто ничего *не видит*.

— Ты думаешь, Купол... что? Нейтрализует свечение?

— Что-то в этом роде. Кокс, информационные службы ведущих телеканалов, внешний мир... они не видят свечения. Потому что незачем им его видеть. Оно предназначено только нам.

— Так ты думаешь, Расти прав? Мы — муравьи, которых мучают жестокие дети с увеличительным стеклом? Что же это за разумная цивилизация, если позволяет своим детям творить такое с представителями другой разумной цивилизации?

— Мы считаем себя разумными, а они? Мы знаем, что муравьи — общественные насекомые, строители домов, строители колоний. Удивительные архитекторы. Они трудолюбивые, как и мы. Они хоронят своих мертвых, как и мы. Они даже устраивают межрасовые войны, черные против красных. Мы все это знаем, но не считаем муравьев разумными.

Она крепче прижала к себе его руку.

— Разумные или нет, это неправильно.

— Согласен. Большинство людей так думают. Расти понял это даже ребенком. Но у детей по большей части моральные принципы еще не сложились. На их развитие уходят годы. И, став взрослыми, мы обычно оставляем в прошлом многое детское, в том числе сжигание муравьев с помощью увеличительного стекла и отрывание крыльев у мух. Вероятно, с их взрослыми происходит то же самое. Если они вообще замечают существование таких, как мы. Когда ты в последний раз наклонялась и пристально разглядывала муравейник?

— Но при этом... если бы мы нашли муравьев на Марсе или даже микробов, мы бы не стали их уничтожать. Потому что жизнь во Вселенной — редкость. Все остальные планеты нашей Солнечной системы безжизненны!

Барби подумал, что ученые НАСА, найдя жизнь на Марсе, без

зазрения совести уничтожили бы ее представителей, чтобы положить под микроскоп и внимательно изучить, но сказал другое:

— Будь наша цивилизация более технически развита — или более духовно продвинута, возможно, именно это требуется для того, чтобы путешествовать по бескрайнему космосу, — мы могли бы увидеть жизнь везде. Нам бы открылись населенные миры и разумные цивилизации, которых ничуть не меньше, чем муравейников в этом городе.

Его рука уже прижималась к полукругию ее груди? Джулия полагала, что да. Прошло много времени с той поры, когда мужская рука там побывала, и эти ощущения ей нравились.

— Уверен я в одном: есть и другие миры, помимо тех, что мы видим в наши маленькие телескопы, которые стоят здесь, на Земле. Или даже с помощью «Хаббла». И... их же здесь нет, знаешь ли. Это не вторжение. Они всего лишь смотрят. И... возможно... играют.

— Я знаю, что это такое, — кивнула Джулия, — когда с тобой играют.

Он смотрел на нее. С расстояния поцелуя. Она бы не возражала, если б ее поцеловали. Совсем не возражала.

— Ты про что? Ренни?

— Ты веришь в поворотные моменты в жизни человека? Важные события, которые меняют нас?

— Да. — Он подумал о красной отметине, которую его ботинок оставил на заднице абдула. Обычной ягодице человека, живущего обычной жизнью. — Абсолютно.

— У меня такое событие произошло в четвертом классе. В начальной школе на Главной улице.

— Расскажи мне.

— Много времени это не займет. Тот день выдался самым длинным в моей жизни, но история получится короткой.

Он ждал.

— Я была единственным ребенком. Моему отцу принадлежала местная газета. У него работали двое репортеров и один рекламный агент, но в основном он все делал сам, потому что ему так нравилось. Никто не сомневался, что я встану у руля после того, как отец выйдет на пенсию. Он в это верил, моя мать в это верила, мои учителя в это верили и, разумеется, я сама. С моим высшим образованием все распланировали заранее. Никаких второсортных заведений вроде Университета Мэна для дочери Эла Шамуэя. Дочери Эла Шамуэя предстояло учиться в Принстоне. К тому времени, когда я перешла в четвертый класс, вымпел Принстона висел над моей кроватью, и я уже практически собрала чемоданы. Все, и я в том

числе, чуть ли не поклонялись земле, по которой я ходила. За исключением учеников моего четвертого класса. Тогда я не понимала причин, но теперь недоумеваю, как могла это упустить. Я всегда сидела на первом ряду, и всегда поднимала руку, когда миссис Коннот задавала вопрос, и всегда отвечала правильно. Задания я выполняла раньше срока, если могла, и просила что-нибудь еще. Я всегда была зубрилой и где-то подлизой. Однажды, когда миссис Коннот вернулась в класс после того, как оставила нас на несколько минут, из носа маленькой Джесси Вачон текла кровь. Миссис Коннот сказала, что мы будем сидеть в классе до тех пор, пока ей не скажут, кто это сделал. Я подняла руку и сказала, что Энди Мэннинг. Энди ударил Джесси в нос, когда та отказалась дать ему ластик. И я не видела в своем поступке ничего плохого, потому что говорила правду. Ты представляешь себе общую картину?

— Ты нарывалась на неприятности.

— Вскоре после этого я пересекала городскую площадь, возвращаясь домой, и группа девочек напала на меня. Они прятались на мосту Мира. Шестеро. Заводилой была Лайла Страут, теперь Лайла Кильян — она вышла замуж за Роджера Кильяна, и так ей и надо. И не слушай, если тебе говорят, что люди не помнят детские обиды, когда становятся взрослыми. Они оттащили меня к эстраде. Сначала я вырывалась, но потом две из них — Лайла и Синди Коллинз, мать Тоби Мэннинга, — стукнули меня. Не в плечо, как обычно делают дети. Синди ударила меня по щеке, а Лайла — кулаком в правую грудь. Как же было больно! Грудь у меня только начали расти и постоянно болели. Я заплакала. Обычно это сигнал — во всяком случае, среди детей, — что пора останавливаться. Не в тот день. Когда я закричала, Лайла предупредила: «Заткнись, а то будет хуже». И никто не мог их разогнать. День выдался холодный, дождливый, и городская площадь пустовала, если, конечно, не считать нас. Лайла отвесила мне оплеуху, достаточно сильную, чтобы из носа пошла кровь. Сказала: «Ябеда-корябеда, соленый огурец! На полу валяется, никто его не ест!» И другие девочки засмеялись. Они говорили: причина их неприязни ко мне в том, что я заложила Энди. Тогда я думала, что это так, но теперь понимаю — речь шла о многом другом, включая даже тот факт, что мои юбки, блузки и ленты для волос подходили друг к другу. Они носили одежду, я — наряды. Энди просто стал последней каплей.

— Тебе сильно досталось?

— Они меня шлепали. Таскали за волосы. И... плевали на меня. Все. Это случилось после того, как ноги подо мной подогнулись и я упала на эстраду. Я заплакала еще сильнее и закрыла руками лицо, но чувствовала,

как они плюют. Слюна теплая, ты знаешь?

— Знаю.

— Они обзывали меня *учительской подлизой, задавакой, маленькой мисс «говно-не-пахнет»*. А потом, когда я подумала, что они закончили, Корри Мейсинтош сказала: «Давай снимем с нее штаны!» В тот день я пришла в школу в слаксах, которые мама выписала по каталогу. Я их очень любила. Именно в таких слаксах девушки ходили в Принстоне. Так я, во всяком случае, тогда думала. Я сопротивлялась, как могла, но, разумеется, они победили. Четверо держали меня, тогда как Лайла и Корри стаскивали слаксы. Потом Синди Коллинз начала смеяться: «У нее на трусиках гребаный Винни-Пух!» Сказала правду. Причем компанию ему составляли Иа и Ру. Тут они все засмеялись, и... Барби... я начала сжиматься... сжиматься... сжиматься. Сжималась, пока пол эстрады не превратился в огромную пустыню, а я — в насекомое посреди нее. *Умирующее* посреди нее.

— Другими словами, как муравей под увеличительным стеклом.

— Ох, нет! Нет, Барби! Тогда было холодно, а не жарко. Я замерзала. По ногам бежали мурашки. Корри сказала: «Давайте снимем с нее и трусы!» — но на такое они пойти все-таки не решились. Ограничились тем, что Лайла забросила мои слаксы на крышу эстрады. После этого они ушли. Лайла уходила последней. «Наябедничаешь на этот раз, — предупредила она, — я возьму нож моего брата и отрежу твой сучий нос».

— Что произошло потом? — спросил Барби. И да, его рука определенно лежала на полукружии ее груди.

— Потом на эстраде осталась маленькая испуганная девочка, гадающая, как же ей добраться до дома, не показав половине города свои детские трусики. Я чувствовала себя самой маленькой, самой несчастной девочкой на всем белом свете. Наконец решила, что дождусь темноты. Мои родители начали бы беспокоиться, возможно, позвонили бы в полицию, но меня это не волновало. Я собиралась дожждаться темноты, а уж потом проскользнуть к дому по боковым улочкам, прячась за деревьями при приближении прохожих. Наверное, я задремала, потому что внезапно увидела стоящую надо мной Кайлу Бевинс. Она вместе с остальными шлепала меня, дергала за волосы, плевала на меня. Держала, когда Лайла и Корри стягивали с меня слаксы, а когда они увидели, что одна штанина свисает с крыши, Кайла встала на парапет и забросила ее наверх, чтобы я не смогла дотянуться до нее. Я умоляла ее больше не бить меня. Уже полностью потеряла гордость и достоинство. Я умоляла ее не стягивать с меня трусики. Потом начала молить помочь мне. Она просто стояла и

слушала, как будто я была для нее пустым местом. Я и была пустым местом. Тогда я это знала. Наверное, с годами об этом забыла, но теперь вспомнила, и не без помощи Купола. Наконец я замолчала и просто лежала, всхлипывая. Она еще какое-то время смотрела на меня, а потом сняла свитер. Старый, мешковатый, коричневый, чуть ли не до колен. Девочка она была крупная, и свитер носила большой. Она бросила свитер на меня и сказала: «Носи его дома, он будет выглядеть как платье». Это все, что она тогда сказала. И хотя я проучилась с ней в школе еще восемь лет — до самого выпускного в старшей школе Милла, — мы никогда больше не разговаривали. Но иногда, в моих снах, я все еще слышу, как она произносит: *Носи его дома, он будет выглядеть как платье*. И вижу ее лицо. В нем нет ненависти, но нет и жалости. Она сделала это не из жалости, не для того, чтобы заткнуть мне рот. Я не знаю, почему она это сделала. Я не знаю, почему она вообще вернулась. А ты?

— Нет, — ответил он и поцеловал ее в губы. Коротко, но тепло, влажно и просто потрясающе.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что, судя по твоему виду, тебе это нужно, и я знаю, что нужно мне. Что произошло потом, Джулия?

— Я надела свитер и пошла домой... что еще? И мои родители уже ждали меня. — Она гордо вскинула подбородок. — Я не рассказала им, что произошло, а они ничего выяснить не смогли. Примерно неделю, возвращаясь из школы, я видела свои штаны, лежащие на конической крыше эстрады. Всякий раз испытывала стыд и боль — словно острый нож втыкался в мое сердце. Потом они исчезли. Боль не ушла, но после этого мне полегчало. Из острой боль превратилась в тупую. Я не выдала девочек, хотя отец бушевал и строго наказал меня — до июня я могла ходить только в школу и обратно. Я даже не поехала на экскурсию в портлендский Музей искусств, о которой я мечтала весь год. Отец сказал мне, что я поеду на экскурсию и он снимет все ограничения лишь после того, как я назову имена детей, которые «плохо обращались» со мной. Так он это назвал. Я их не выдала, и не потому, что умение держать язык за зубами — детская версия апостольского символа веры.

— Ты это сделала, потому что глубоко внутри чувствовала, что заслужила случившееся с тобой.

— *Заслужила* — неправильное слово. Я думала, что расплатилась за мое прежнее поведение. А это не одно и то же. Моя жизнь после того случая изменилась. Я продолжала получать хорошие оценки, но перестала так часто поднимать руку. То есть учиться не бросила, но в классе уже не

тянула одеяло на себя. Я могла бы произнести выпускную речь в старшей школе, но во втором семестре последнего учебного года чуть притормозила. Ровно настолько, чтобы пропустить вперед Карлин Пламмер. Я не хотела ни произносить речь, ни привлекать к себе повышенное внимание. У меня даже появились подруги, с лучшими я познакомилась на пятачке для курения за зданием старшей школы. А самой большой переменой стало мое решение пойти в Университет Мэна, а не в Принстон. И меня туда действительно приняли. Мой отец рвал и метал, говорил, что его дочь никогда не пойдет в деревенский колледж, но я твердо стояла на своем. — Джулия улыбнулась. — *Достаточно* твердо. Но компромисс — тайный компонент любви, а я любила моего папочку. Поэтому летом после выпускного вечера в последний момент подала документы в Бейтс — это называется «заявление, вызванное особыми обстоятельствами», — и меня приняли. Отец заставил меня заплатить последний взнос с моего собственного банковского счета, что я сделала с радостью, поскольку в семье наконец-то воцарился мир после шестнадцатимесячной пограничной войны между страной *Контролирующие родители* и меньшим по размерам, но гордым и хорошо укрепленным княжеством *Определившаяся дочь*. Я выбрала факультет журналистики, и это окончательно закрыло брешь, которая существовала между родителями и мной с того дня *на эстраде*. Они так и не узнали, отчего она возникла. Я в Милле не из-за того дня — мое будущее в «Демократе» предопределилось со дня моего рождения, — но я такая, как есть, по большей части благодаря тому дню. — Она вновь посмотрела на него, ее глаза блестели от слез и воинственности. — Я тем не менее не муравей. Я *не* муравей.

Он снова поцеловал ее. Она крепко его обняла и, как могла, ответила на поцелуй. А когда его рука вытащила блузку из слаксов и скользнула по животу, чтобы обхватить грудь, сунула ему в рот язык. Когда они разорвали поцелуй, дышала Джулия часто-часто.

— Хочешь? — спросил Барби.

— Да. А ты?

Он взял ее руку и приложил к джинсам, чтобы она оценила размер его желания.

Минутой позже Барби завис над ней, опираясь на локти. Джулия взяла его и направила.

— Только осторожнее, полковник Барбара. Я уже и подзабыла, как это обычно делается.

— Тут та же ситуация, что с ездой на велосипеде.

Как выяснилось, Барби не ошибся.

Когда все закончилось, ее голова лежала на его руке, и она смотрела на розовые звезды.

— О чем думаешь? — спросила Джулия.

Он вздохнул.

— О снах. Видениях. Как ни назови. У тебя есть мобильник?

— Всегда. И он отлично держит заряд, хотя я и не знаю, надолго ли его хватит. Кому собираешься позвонить? Предполагаю, Коксу.

— Предполагаешь правильно. Его номер есть в телефонной книге?

— Да. — Джулия потянулась к лежащим на траве штанам, сняла с ремня мобильник. Нашла в телефонной книге строку «КОКС», нажала кнопку вызова, протянула мобильник Барби, который заговорил сразу. Вероятно, Кокс принял вызов на первом гудке.

— Привет, полковник. Это Барби. Я на свободе. Готов рискнуть и сообщить вам о нашем местонахождении. Это Блэк-Ридж. Старый яблоневый сад Маккоя. Он, естественно, у вас отмечен. И вы, конечно, имеете фотоснимки города со спутника?

Он выслушал Кокса, потом спросил его: видна ли на снимках световая подкова, окружающая Блэк-Ридж и заканчивающаяся на границе с Ти-Эр-90? Кокс ответил отрицательно, а потом попросил Барби поделиться информацией.

— Не сейчас, потому что мне требуется ваша помощь, Джим, и чем быстрее, тем лучше. Для этого понадобится пара «чинуков». [\[176\]](#)

Он объяснил, что ему нужно. Кокс выслушал, потом задал вопрос.

— Сейчас не могу сказать что-либо путное, — ответил Барби. — Но поверьте мне: здесь творится нечто страшное, и я уверен, худшее еще впереди. Может, до Хэллоуина ничего и не произойдет, если нам повезет. Но если честно, я в это не верю.

Когда Барби говорил с полковником Джеймсом Коксом, Энди Сандерс сидел, привалившись спиной к боковой стене складского здания за ХНВ, глядя на необычные звезды. Он парил, как воздушный змей, чувствовал себя счастливым и бодрым. И однако под верхним бурлящим слоем расположилась грусть, которая успокаивала, умиротворяла, напоминая мощную подземную реку. Никогда раньше в его прозаичной, приземленной, заполненной работой жизни не находилось места предчувствию. А теперь нашлось. Он точно знал, что это его последняя ночь на земле. И когда придут горькие люди, ему и Шефу Буши придется уйти. И в этом, надо отметить, он не видел ничего плохого.

— Я все равно проживаю премию, — произнес Энди вслух. — С того самого момента, как едва не принял таблетки.

— Что такое, Сандерс? — Шеф шел по тропинке от радиостудии, светя фонариком под босые ноги. Пижама с лягушками по-прежнему едва держалась на узких бедрах, но в его облике появилась новая деталь: большой белый крест. Он висел на полоске кожи, завязанной узлом на шее. На плечо Шеф накиннул лямку «Божьего воина». Под прикладом, привязанные к нему другими полосками кожи, покачивались две гранаты. Во второй руке он держал гаражный пульт.

— Ничего, Шеф. Разговаривал сам с собой. Похоже, я единственный, кто слушает меня в эти дни.

— Чушь, Сандерс. Абсолютная и полнейшая чушь. Бог слушает. Он ставит «жучки» в души точно так же, как ФБР — в телефоны. Я тоже слушаю.

Красота сказанного и утешение, которое несли эти слова, наполнили благодарностью душу Энди. Он предложил Шефу трубку:

— Курни. Это тебя взбодрит.

Шеф хрипло хохотнул, глубоко затянулся, надолго задержал дым в легких, потом выкашлял его.

— Чудо! — воскликнул он. — Божья сила! Возобновляемая сила!

— Ты все понимаешь правильно, — согласился Энди. Так всегда говорила Доди, и от мысли о ней у Сандерса вновь разбилось сердце. Он рассеянно вытер глаза. — Где ты взял крест?

Шеф указал фонариком на радиостудию:

— В кабинете Коггинса. Он держал его в столе. Верхний ящик был

заперт, но я его взломал. Ты знаешь, что я там нашел? Никогда не видел таких странных картинок для дрочки.

— Дети? — спросил Энди. Его бы это не удивило. Когда дьявол забирает проповедника, тот должен пасть очень уж низко. Настолько низко, что может надеть на голову цилиндр и проползти под гремучей змеей.

— Хуже, Сандерс. — Шеф понизил голос: — Азиатки.

Шеф поднял АК-47 Сандерса, который лежал поперек бедер Энди. Направил луч на приклад, где Энди, воспользовавшись маркерами, аккуратно вывел слово «Клодетт».

— Моя жена, — пояснил Энди. — Первая жертва Купола.

Шеф схватил его за плечо.

— Ты хороший человек, раз помнишь ее. Я рад, что Господь свел нас вместе.

— Я тоже. — Энди вернул себе трубку. — Я тоже, Шеф.

— Ты знаешь, что должно завтра случиться, да?

Энди крепко сжал приклад автомата. Другого ответа не требовалось.

— Они практически наверняка будут в бронежилетах, поэтому, если нам придется воевать, целься в голову. И никаких отдельных выстрелов, поливай их очередями. И если будет казаться, что они берут верх... ты знаешь, что за этим последует, да?

— Да.

— Мы вместе до самого конца, Сандерс? — Шеф поднял гаражный пульт и направил на него луч фонаря.

— До конца, — согласился Энди. И коснулся гаражного пульта дулом автомата.

Олли Динсмор проснулся от плохого сна, зная — что-то не так. Лежал в кровати, глядя на слабый и какой-то грязный первый свет дня, пробирающийся в окно, пытаюсь убедить себя, что это всего лишь сон, жуткий кошмар, практически полностью забывшийся. Он помнил только огонь и крики.

Не крики. Дикие вопли.

Дешевый будильник тикал на столике у кровати. Олли схватил его. Без четверти шесть, и никаких звуков, указывающих, что отец на кухне. Более того, никакого запаха кофе. Отец всегда вставал и одевался самое позднее к четверти шестого («Коровы не могут ждать» — Олден Динсмор жил прежде всего по этой заповеди), а в половине шестого уже наливал себе только что сваренный кофе.

Но не в это утро.

Олли встал и натянул джинсы, которые носил и вчера.

— Папа?

Никакого ответа. Ничего, кроме тиканья часов и далекого мычания одной чем-то недовольной коровы. Мальчика охватил ужас. Он убеждал себя, что для этого нет причины, что его семья — в полном составе и такая счастливая всего лишь недель раньше — пережила уже все трагедии, которые послал им Господь, во всяком случае, на какое-то время. Убеждал, но сам себе не верил.

— Папуля?

Генератор за домом по-прежнему работал, и он увидел зеленые дисплеи плиты и микроволновки, когда вышел на кухню, но «Мистер Кофе» стоял темный и пустой. Никого не нашел он и в гостиной. Его отец смотрел телевизор, когда Олли пошел спать, и тот по-прежнему работал, пусть и без звука. Какой-то мужчина с мрачной физиономией демонстрировал новые улучшенные тканевые салфетки для мытья и полировки автомобиля.

— Вы каждый месяц тратите сорок баксов на бумажные полотенца и выбрасываете деньги на ветер, — объяснял мужчина с мрачным лицом, говоря из другого мира, где такие мелочи могли иметь значение.

Он кормит коров, ничего больше.

Но почему отец не выключил телевизор, чтобы экономить электричество? У них был большой контейнер, но и в нем газ рано или

поздно закончится.

— Папа?

Вновь ему не ответили. Олли подошел к окну, посмотрел на амбар. Никого. С нарастающей тревогой вернулся к спальне родителей, собрался постучать, но увидел, что необходимости в этом нет. Дверь он нашел открытой. Увидел неприбранную (отец привык прибираться только в коровнике), но пустую двуспальную кровать. Уже начал поворачиваться, но тут заметил изменение, которое напугало его. Свадебный портрет Олдена и Шелли висел на стене, насколько Олли себя помнил. Теперь он исчез, оставив на обоях более светлый квадрат.

Бояться тут нечего.

Но он сам себе не верил.

Олли двинулся дальше по коридору, к еще одной двери, которую последний год никогда не закрывали, а теперь он видел, что дверь закрыта. И между ней и дверной коробкой торчало что-то желтое. Записка. Даже до того, как Олли подошел достаточно близко, чтобы разобрать слова, он узнал отцовский почерк. Естественно, узнал — эти большие корявые буквы они с Рори видели очень уж часто, когда возвращались из школы. И записки всегда заканчивались одинаково.

Подметите амбар, потом идите гулять. Прополите помидоры и фасоль, потом идите гулять. Занесите в дом высохшее белье и ничего не уроните на землю. Потом идите гулять.

Игры закончились, в страхе подумал Олли.

Но тут в голову пришла обнадеживающая мысль: может, ему все это снится? И почему нет? После смерти его брата от рикошета пули и самоубийства матери разве не может ему присниться, что он остался один в пустом доме?

Снова замычала корова, но и это мычание казалось звуком из сна.

В комнате за закрытой дверью, из которой торчала записка, жил дедушка Том. Страдая от застойной сердечной недостаточности, он не мог обслуживать себя, а потому перебрался к ним. Какое-то время дед еще спускался вниз, чтобы сесть за стол вместе с семьей, но под конец уже не вставал с постели, сначала с пластиковой штуковиной, прицепленной к его носу — она называлась канделябра или что-то в этом роде, — потом с маской на все лицо. Рори однажды сказал, что выглядит он, как самый старый в мире астронавт, за что схлопотал оплеуху от матери.

В самом конце его жизни все по очереди меняли ему кислородные баллоны, а как-то ночью мама нашла его мертвым на полу, словно дед пытался встать с кровати и умер от перенапряжения. Она позвала Олдена,

который прибежал, посмотрел, приложил ухо к груди старика, а потом выключил кислород. Шелли Динсмор начала плакать. С тех пор в эту комнату никто и не заходил.

«Извини, — прочитал он в записке. — Иди в город, Олли. Морганы, или Дентоны, или преподобная Либби приютят тебя».

Олли долго смотрел на записку, потом повернул ручку двери рукой, которая ему не принадлежала, надеясь, что особого беспорядка не будет.

В этом его надежды оправдались. Отец лежал на дедушкиной кровати, сложив руки на груди. С аккуратно расчесанными волосами, словно собирался в город. Он держал свадебную фотографию. Один из старых зеленых кислородных баллонов дедушки стоял в углу. Олден повесил на клапан бейсболку «Ред сокс» с надписью «ЧЕМПИОНЫ».

Олли тряхнул отца за плечо. До него долетел запах перегара, и на несколько секунд надежда (такая упрямая, что иногда вызывала ненависть) ожила в его сердце. Может, он всего лишь напился?

— Папа?! Папочка?! Просыпайся!

Но на щеке Олли не почувствовал дыхания, а теперь видел, что глаза отца закрыты не полностью: между веками видны узкие белые серпики. Долетел до ноздрей и запах, который его мать называла «туалетным».

Отец расчесал волосы, но, когда лежал, умирая, обмочился, как и его покончившая с собой жена. Олли задался вопросом: остановило бы это отца, если б он знал, что так будет?

Олли попятился от кровати. Как же ему хотелось, чтобы все это было дурным сном. И действительно, очень уж напоминало дурной сон, только на пробуждение от него рассчитывать не приходилось. Желудок скрутило, волна желчи взметнулась к горлу. Он побежал в ванную, где его встретил незнакомец с выпученными глазами. Олли едва не закричал, прежде чем понял, что смотрит на свое отражение в зеркале над раковиной.

Упал на колени около унитаза, схватился за сральные поручни деда, как он и Рори их называли, и его вырвало. Когда в желудке ничего не осталось, он спустил воду (спасибо генератору и хорошему, глубокому колодцу, Олли мог *спустить воду*), накрыл сиденье крышкой, сел на нее, дрожа всем телом. Рядом, в раковине, лежали два пузырька для таблеток дедушки Тома и бутылка «Джека Дэниелса». Все пустые. Олли взял один пузырек. Прочитал на этикетке: «ПЕРКОСЕТ». Второй брат не стал.

— Теперь я один, — выдохнул он.

«Морганы, или Дентоны, или преподобная Либби приютят тебя».

Но он не хотел, чтобы его приютили. И слово это ему совсем не нравилось. Иногда Олли ненавидел ферму, но любовь к ней всегда

пересиливала. Он бы не смог жить без фермы. Без фермы, и коров, и поленницы. Они были его частью, а он — их. Олли это знал, как знал, что Рори уедет, что его ждет яркая и успешная карьера сначала в колледже, а потом в каком-нибудь большом далеком городе, где он ходил бы в театры, в художественные галереи и все такое. Его младшему брату хватало ума, чтобы чего-то достигнуть в большом мире. О себе Олли думал иначе: полагал, что ему хватит ума, чтобы вовремя расплачиваться с банковскими займами и не накапливать долгов на кредитной карточке, но не более того.

Он решил выйти из дома и покормить коров. Собрался задать двойную порцию кормовой смеси, если они станут есть. Возможно, одну или двух придется даже подоить. Если так, он мог попить молока прямо из вымени, как делал ребенком.

А после этого Олли собирался уйти как можно дальше по большому полю и бросать камни в Купол, пока не начали бы собираться люди, чтобы повидаться со своими родственниками. «Серьезное дело», — сказал бы его отец. Но Олли никого не хотелось видеть, за исключением разве что рядового Эймса из Южной Каролины. Он знал, что тетя Лу и дядя Скутер могут приехать — они жили в Нью-Глостере, — но что он мог им сказать, если б они приехали? «Привет дядя-тетя, все мертвы, кроме меня, спасибо, что навестили»?

Нет, как только начнут появляться люди по ту сторону Купола, он пойдет на холм, где похоронена мать, и выроет новую могилу. На это уйдет время, понадобятся силы, и, возможно, он даже сможет уснуть, когда ляжет в постель.

Кислородная маска дедушки Тома висела на крючке в ванной. Мать тщательно вымыла ее и повесила там; кто знает, для чего? И, глядя на маску, Олли наконец-то осознал случившееся. Реальность обрушилась на него, как пианино — на мраморный пол. Подросток закрыл лицо руками и завыл, сидя на крышке унитаза, раскачиваясь взад-вперед.

Линда Эверетт набила две большие парусиновые сумки консервами, уже собралась отнести к двери кухни, но все-таки решила оставить в кладовой, пока они с Терсом подготовят детей к отъезду. И когда увидела идущего по подъездной дорожке Тибодо, порадовалась, что сумки не на виду. Молодой парень и так ужасно ее пугал, но поводов бояться его только прибавилось бы, если б он увидел сумки, набитые консервированными супами, фасолью и тунцом.

Куда-то уезжаете, миссис Эверетт? Давайте об этом поговорим.

Беда заключалась в том, что из всех новых копов, которых набрал Рэндолф, умным был только Тибодо.

Ну почему Ренни не послал Сирлса?

Потому что Мелвин Сирлс туп как дерево. Элементарно, мой дорогой Ватсон.

Она посмотрела через кухонное окно во двор и увидела, что Терстон раскачивает Джанни и Элис на качелях. Одри лежала рядом, положив морду на одну лапу. Джуди и Эйден сидели в песочнице. Джуди обняла Эйдена одной рукой и вроде бы утешала его. Линда могла ее за это только похвалить. Она надеялась, что ей удастся удовлетворить любопытство мистера Картера Тибодо и выпроводить его за дверь до того, как пятеро человек, находящихся сейчас во дворе, узнают о его приходе. В колледже Линда играла Стеллу в пьесе «Трамвай “Желание”», но собиралась выйти на сцену и в это утро. Правда, хотела получить только одну хорошую рецензию, но она гарантировала свободу и ей, и тем, кто сейчас находился во дворе.

Линда поспешила через гостиную, изобразив на лице озабоченность, присущую, по ее разумению, моменту, прежде чем открыть дверь. Картер стоял на коврике. Уже поднял руку, чтобы постучать. Ей приходилось смотреть на него снизу вверх. При ее пяти футах и девяти дюймах Картер возвышался над ней более чем на пол фута.

— Это ж надо, — он улыбнулся, — еще нет и половины восьмого, а она уже при полном параде.

Впрочем, улыбаться ему не очень-то хотелось: утро выдалось неудачным. Преподобная уехала, газетная сука смылась вместе с двумя ее репортерами. Куда-то подевалась и Роуз Твитчел. Ресторан открылся, и Уилер стоял у плиты, но понятия не имел, где хозяйка. Картер ему поверил.

Энс Уилер напоминал пса, забывшего, где он зарыл любимую косточку. Судя по отвратительным запахам, идущим с кухни, с готовкой он явно был не в ладах. Картер обошел ресторан сзади, чтобы проверить, на месте ли автофургон. Не увидел его. И не удивился.

После ресторана он отправился к универмагу. Постучал в парадную дверь, потом в заднюю, около которой забывчивый продавец оставил рулоны кровельного материала, словно для того, чтобы их умыкнул какой-нибудь воришка. Да только, если подумать, кому может понадобится кровельный материал в городе, где не идет дождь?

Картер не сомневался: в доме Эвереттов его встретит запертая дверь. Пошел лишь для того, чтобы доложить боссу, что все его указания в точности выполнены, но услышал доносящиеся со двора детские голоса, когда свернул на подъездную дорожку. Опять же на ней стоял минивэн. Несомненно, Линды: на приборном щитке лежала съемная мигалка. Босс велел не усердствовать при допросе, но, раз уж Линда Эверетт оказалась единственной, кого он нашел, Картер подумал, что есть смысл надавить на нее по полной программе. Понравится ей это или нет — определенно не понравится, — Эверетт предстояло отвечать за всех, кого ему не удалось найти. Но прежде чем он успел открыть рот, заговорила она. Не просто заговорила, но взяла за руку, буквально втянула в дом.

— Вы его нашли? Пожалуйста, Картер, с Расти все в порядке? Если нет... — Линда отпустила его руку. — Если нет, говори тише, дети во дворе, и я не хочу, чтобы они еще больше расстроились.

Картер прошел мимо нее на кухню и выглянул в окно над раковиной:

— А что делает здесь этот хипповый доктор?

— Он привел детей, за которыми присматривает. Вчера вечером Каро взяла их на собрание, и... ты знаешь, что с ней случилось.

Меньше всего Картер ожидал услышать такую болтовню. Может, она действительно ничего не знала. А может, пыталась сбить его с толку. Нанести... как это называется... упреждающий удар. Вполне возможно, ума ей хватало. Это сразу бросалось в глаза. Еще и красотка, для телки ее возраста.

— Вы его нашли? Барбара... — Голос дрогнул так естественно. — Барбара не причинил ему вреда? Не оставил где-нибудь изувеченным? Ты можешь сказать мне правду.

Он повернулся к ней, чуть улыбаясь в блеклом свете, падающем через окно.

— Ты первая.

— Что?

— Я сказал, ты первая. Ты скажи мне *правду*.

— Я знаю только одно: в тюрьме его больше нет. — Ее плечи поникли. — И ты, выходит, не знаешь, где он. Я вижу, что не знаешь. А если Барбара его убьет? Или уже у...

Картер схватил Линду, развернул спиной к себе, словно собирался закрутить в деревенском танце, и стал заламывать ей руку, пока не начал трещать ее плечевой сустав. И проделал все это невероятно быстро: она и охнуть не успела.

Он знает! Он знает и собирается причинить мне боль! Будет мучить меня, пока я не...

Дыхание Картера обожгло ей ухо. Его щетина колола Линде щеку. Всю ее затрясло от отвращения.

— Не пудри мне мозги, мамашка. — Чуть громче шепота. — Вы с Уэттингтон всегда стояли плечом к плечу, сиська к сиське. И ты говоришь мне, что не знала о ее намерениях — вытащить из тюрьмы твоего мужа? Это ты мне говоришь?

Он еще выше задрал руку, и Линде пришлось закусить губу, чтобы подавить крик. Дети находились совсем рядом. Джанни просила Терса раскачать их сильнее. Если бы они услышали донесшийся из дома крик...

— Если б она сказала мне, я бы сказала Рэндолфу. — Линда хватала ртом воздух. — Ты думаешь, я рискну жизнью Расти, если он ни в чем не виновен?

— Он виновен. Угрожал не давать лекарство боссу, если тот не уйдет в отставку. Это же гребаный шантаж. Я сам все слышал. — Он заломил руку сильнее. С губ Линды сорвался стон. — Есть что сказать на эту тему, мамашка?

— Я не видела Расти и не говорила с ним, так что откуда мне знать? Но в городе никто не разбирается лучше его в медицине. Ренни никогда не расстреляет Расти. Барбару, возможно, но не Расти. Я это знаю, и ты наверняка знаешь. А теперь отпусти меня.

И Картер едва не отпустил. Действительно, она все говорила правильно. Потом ему в голову пришла идея получше, и он повел Линду к раковине.

— Наклоняйся, мамашка.

— Нет!

Он вновь дернул за руку. Она почувствовала, как головка плечевой кости выходит из суставной впадины.

— Наклоняйся. Словно хочешь вымыть свои красивые светлые волосы.

— Линда! — позвал Терстон. — Как ты там?

Господи Иисусе, пусть только не спрашивает про консервы. Пожалуйста.

И тут же в голову пришла другая мысль: где вещи детей? Каждая девочка собрала по небольшой сумке. Вдруг они в гостинной?

— Скажи ему, что все у тебя хорошо, — прошептал Картер. — Мы же не хотим впутывать сюда хиппи. Или детей. Не хотим?

Господи, нет. Но где их сумки?

— Отлично! — откликнулась Линда.

— Почти закончила? — задал Терс следующий вопрос.

Ох, Терс, заткнись!

— Мне нужно еще пять минут.

Терстон вроде бы хотел задать еще вопрос, но передумал и вернулся к качелям — раскачивать девочек.

— Хорошая работа. — Теперь он прижимался к ней, и у него встал. Она чувствовала его напрягшийся член своим обтянутым джинсами задом. Большущий, как разводной ключ. Потом Тибодо отстранился. — Почти закончила — что?

Линда чуть не сказала «готовить завтрак», но увидела в раковине грязную посуду. На мгновение в голове царила пустота, и она даже пожелала, чтобы он вновь приставил к ней свой член. Потому что если мужчин занимает их маленькая головка, большая голова переходит в фазу покоя.

Но Картер вновь дернул ее руку:

— Говори, мамашка. Доставь папочке удовольствие.

— Булочки, — выдохнула она. — Я пообещала сделать булочки. Дети попросили!

— Булочки без электричества, — хмыкнул он. — Лучшая шутка недели.

— Те, что не надо печь! Загляни в кладовую, сукин сын! — Если бы заглянул, то нашел бы на полке пакет смеси для булочек из овсяной муки, не требующих выпечки. Но разумеется, если б Картер посмотрел вниз, то увидел бы две запакованные сумки. А если бы пригляделся, обнаружил бы, что полки кладовой наполовину пусты.

— Ты не знаешь, где он? — Его член вновь прижался к ней. Но рука так болела, что она едва это чувствовала. — Ты уверена?

— Да. Я думала, ты знаешь. Я думала, ты пришел, чтобы сказать мне, ранен он или...

— Я думаю: ты лживая аппетитная задница. — Руку он заломил еще

сильнее, боль стала непереносимой, Линда едва сдержалась, чтобы не закричать, но сдержалась. — Я думаю, тебе много чего известно, мамашка. И если ты мне не скажешь, я вырву твою руку из сустава. Последний шанс. Где он?

Линда смирилась с тем, что перелома руки или плеча не избежать. Может, и того и другого. Вопрос заключался в одном: удастся ли ей не закричать? Потому что на крик прибежали бы и Терстон, и дети. С опущенной головой, с волосами в раковине, она ответила:

— У меня в заднице. Почему бы тебе не поцеловать ее, ублюдок? Может, он высунется и поздоровается с тобой.

Вместо того чтобы сломать ей руку, Картер рассмеялся. Действительно, ответила хорошо. И он ей поверил. Она бы не решилась так говорить с ним, если б лгала. Оставалось только сожалеть, что она в джинсах. Трахнуть скорее всего не получилось бы, но, будь она в юбке, он бы завел более близкое знакомство с некоторыми частями ее тела. Впрочем, подрочить о женский зад — не самое плохое начало Дня встреч, даже если его обтягивают жесткие джинсы, а не мягкие трусики.

— Стой тихо и держи рот на замке, — предупредил Картер. — В этом случае, возможно, останешься целой и невредимой.

Линда почувствовала, как он расстегнул пряжку и молнию, а потом начал тереться о нее, только теперь их разделяло меньше слоев материи. Линда порадовалась тому, что надела практически новые джинсы, и могла надеяться, что он сотрет свой член до крови.

Только бы девочки не вошли и не увидели меня в таком виде.

Внезапно он прижался еще сильнее. Рука, которая не заламывала ее руку, начала мять грудь.

— Ох-ох, о-о-о-о, — пыхтел Картер.

Она почувствовала, как на нее брызнула сперма, но не ощутила влажности, которая следует за семяизвержением, как день за ночью. Слава Богу, материя оказалась слишком толстой. Мгновением позже он отпустил ее руку. Она могла бы заплакать от облегчения, но не заплакала. Не собиралась. Обернулась. Он застегивал пряжку.

— Может, захочешь сменить джинсы перед тем, как готовить булочки? Я бы на твоём месте сменил. — Картер пожал плечами. — Но кто знает... может, тебе так нравится. У всех свои причуды.

— Это так ты собираешься охранять закон? Такой закон по нутру твоему боссу?

— Он мыслит по-крупному. — Картер повернулся к двери в кладовую, и ее ушащенно бьющееся сердце остановилось. Потом посмотрел на часы и

застегнул молнию. — Позвони мистеру Ренни или мне, если твой муж свяжется с тобой. Для тебя это наилучший вариант, поверь мне. Если ты этого не сделаешь, а я узнаю, в следующий раз я вставлю тебе куда положено, до упора. При детях или без них. Мне зрители не мешают.

— Уйди отсюда, пока они не пришли.

— Скажи «пожалуйста», мамашка.

У нее перехватило горло, но Линда знала, что очень скоро Терстон заглянет на кухню, чтобы проверить, готова ли она к отъезду.

— Пожалуйста.

Он двинулся к двери, потом заглянул в гостиную и остановился, потому что увидел сумки. Она в этом не сомневалась. Но остановило его другое.

— И сдай мигалку, которую я видел в твоём минивэне. Тебя уволили, если ты об этом забыла.

Линда находилась наверху, когда тремя минутами позже Терстон и дети вошли на кухню. Первым делом заглянула в детскую. Сумки ребят лежали на кроватях. Из одной торчал плюшевый медвежонок Джуди.

— Эй, детки! — весело крикнула Линда вниз. *Toujours gai*^[177] — это она. — Посмотрите картинки в книжках. Я спущусь через несколько минут.

Терстон подошел к лестнице.

— Нам действительно пора...

Увидел ее лицо и замолчал. Взмахом руки она предложила ему подняться.

— Мамочка! — крикнула Джанель. — Можем мы выпить последнюю банку пепси, если я разделю ее на всех?

Обычно Линда не позволяла детям пить колу так рано, но тут возражать не стала.

— Хорошо, только не облейтесь.

Терс поднялся до половины лестницы.

— Что случилось?

— Говори тише. Сюда приходил коп. Картер Тибодо.

— Высокий парень с широкими плечами?

— Он самый. Приходил, чтобы допросить меня... — Терс побледнел, и Линда знала, что тот вспоминает свои вопросы, заданные ей. Он-то думал, что она одна. — Я думаю, что все хорошо, но попрошу тебя убедиться, что он действительно ушел. Проверь улицу и загляни через забор на участок Эдмундсов. А мне надо переодеть джинсы.

— Что он с тобой сделал?

— Ничего! — прошипела она. — Проверь, ушел ли он, а если ушел, нам тут тоже делать нечего.

Пайпер Либби отпустила коробочку и откинулась назад, глядя на город блестящими от слез глазами. Она думала о всех своих молитвах, произнесенных прошедшей ночью Тому-которого-нет. Теперь она знала, что это глупая, детская шутка, причем, как выяснилось, объектом шутки оказалась она сама. Потому что Кто-то там был. Правда, не Бог.

— Вы их видели?

Пайпер вздрогнула. Рядом стояла Норри Кэлверт. Она похудела. Стала старше и, Пайпер в этом не сомневалась, выросла в красавицу, вокруг которой будут виться мальчишки, если уже не вились.

— Да, дорогая. Видела.

— Расти и Барби правы? Люди, которые смотрят на нас, всего лишь дети?

Пайпер подумала: *«Может, чтобы это узнать, надо самому быть ребенком»*.

— На сто процентов я не уверена, дорогая. Попробуй сама.

Норри уставилась на нее.

— Да?

И Пайпер, не зная, правильно ли она поступает или нет, кивнула:

— Да.

— Если со мной... ну, не знаю... если я поведу себя как-то странно, вы меня оттащите?

— Да. Но ты не должна этого делать, если не хочешь. Я не прошу тебя идти на риск.

Но Норри разбирало любопытство. Она опустилась на колени в высокой траве, схватила коробочку с обеих сторон. Разряд пробил ее незамедлительно. Голову так резко отбросило назад, что Пайпер слышала хруст позвонков. Потянулась к девочке, но опустила руку, потому что Норри уже расслабилась. Подбородок опустился к груди, а глаза, которые она плотно закрыла при разряде, открылись. Затуманенные и устремленные вдаль.

— Почему они это делают? — спросила она. — *Почему?*

По рукам Пайпер побежали мурашки.

— Скажи мне! — Слеза покатилась из одного глаза Норри и упала на коробочку, где зашипела и исчезла. — *Скажи!* — Повисла тишина. Затянулась надолго. Потом девочка отпустила коробочку и подалась от нее,

плюхнувшись на пятую точку. — Дети.

— Точно?

— Точно. Я не могу сказать, как много. Число меняется. У них на головах кожаные шляпы. Они ругаются. У них защитные очки, и они смотрят в свою коробочку. Только она больше похожа на телевизор. Они видят все, весь город.

— Откуда ты это знаешь?

Норри беспомощно покачала головой:

— Понятия не имею, но знаю, что это так. Они — плохие дети, которые постоянно ругаются. Я больше не хочу прикасаться к этой коробочке. Меня будто извалили в грязи. — И она заплакала.

Пайпер обняла ее.

— Когда ты спросила их «почему», что они ответили?

— Ничего.

— Как думаешь, они тебя слышали?

— Они слышали. Им просто на нас наплевать.

Из-за спины донеслось стрекотание, которое с каждой секундой становилось все громче. Два транспортных вертолета летели с севера, чуть выше деревьев, которые подступали к Куполу со стороны Ти-Эр-90.

— Им бы помнить о Куполе, а не то врежутся в него, как самолет! — забеспокоилась Норри.

Вертолеты не врезались. Зависли на границе зоны безопасности, примерно в двух милях от них, и начали спускаться.

Кокс рассказал Барби о старой проселочной дороге, которая тянулась от яблоневого сада Маккоя к границе Ти-Эр-90, указав, что по ней вроде бы можно проехать. В пятницу утром, около половины восьмого, Барби, Расти, Ромми, Джулия и Пит Фримен предприняли такую попытку. Барби доверял Коксу, но не фотографиям лесной дороги, полученным с высоты двухсот миль, поэтому они поехали в микроавтобусе, который Эрни Кэлверт украл со стоянки салона Большого Джима. Если бы он застрял или сломался, Барби несколько бы об этом не пожалел.

Пит между тем еще раньше лишился фотоаппарата. Его цифровой «Никон» перестал работать, когда он подошел к коробочке.

«Инопланетяне не любят папарацци, брат», — прокомментировал тогда Барби. Рассчитывал вызвать у Пита смех, но тот напрочь терял чувство юмора, когда дело касалось его фотоаппарата.

Микроавтобус телефонной компании благополучно доставил их к Куполу, и теперь все пятеро наблюдали, как огромные вертолеты приближаются к лугу на стороне Ти-Эр-90. Дорога уходила дальше, так что лопасти «чинуков» подняли облака пыли. Барби и остальные прикрыли глаза, но только инстинктивно и без всякой на то необходимости. Пыль, движущаяся в их сторону, добиралась лишь до Купола, а потом расползлась по сторонам.

Вертолеты опускались с грацией дородных дам, усаживающихся в театральные кресла, чуть маловатые для таких задов. Барби услышал дьявольский скрежет металла о выступающую скалу, и вертолет, который находился по левую руку, сместился на тридцать ярдов, прежде чем предпринять повторную попытку приземлиться.

Из открытого люка на землю спрыгнул мужчина, размашисто зашагал сквозь облако пыли, отгоняя ее рукой. Барби узнал его сразу, пыль не помешала. При приближении к Куполу Кокс сбавил скорость и выставил перед собой руку, как слепой, нащупывающий препятствие в темноте. Потом вновь отмахнулся от пыли.

— Приятно видеть, что ты дышишь воздухом свободы, полковник Барбара.

— Да, сэр.

Кокс сместил взгляд:

— Привет, миз Шамуэй. Привет, остальные друзья Барбары. Я хочу

услышать все, но нам надо поторопиться — скоро начнется маленькое шоу на другой стороне города, и мне надо успеть на него.

Кокс указал рукой за спину, где уже началась разгрузка: десятки вентиляторов «Эр макс» с подсоединенными генераторами. Большие вентиляторы, с облегчением отметил Барби, какими высушивают корты и площадки для выездки на ипподромах после сильных дождей. Каждый стоял на двухколесной тележке. Мощность генераторов, судя по их виду, составляла максимум двадцать лошадиных сил. Барби надеялся, что этого хватит.

— Прежде всего я хочу, чтобы ты сказал мне, что вентиляторы не потребуются.

— Наверняка я не знаю, — ответил Барби, — но, боюсь, потребоваться могут. Возможно, вам придется доставить вентиляторы и к шоссе номер 119, где горожане встречаются со своими родственниками.

— К вечеру, раньше не получится.

— Возьмите часть отсюда. Если нам они потребуются все, тогда мы, так или иначе, будем в полной заднице.

— Нет, мы их не возьмем, сынок. Мы бы это сделали, если б могли лететь напрямик через воздушное пространство Честерс-Милла. Но если б имелась такая возможность, то у нас бы вообще никаких проблем не было, правда? И потом, если мы поставим эти промышленные вентиляторы там, куда приедут гости, мероприятие потеряет всякий смысл. Никто никого не услышит. Эти крошки очень уж шумливые. — Кокс посмотрел на часы: — Так сколько вы успеете рассказать мне за пятнадцать минут?

Хэллоуин приходит раньше

Без четверти восемь почти новенький зеленый минивэн «хонда-одиссей» Линды Эверетт подкатил к погрузочной платформе позади «Универмага Берпи». Терс сидел рядом с водителем. Дети (слишком молчаливые для детей, отправляющихся в загородную поездку) устроились сзади. Эйден обнимал голову Одри. Собака, вероятно, чувствовала тревогу мальчика и покорно все сносила.

Плечо Линды по-прежнему пульсировало болью, несмотря на три таблетки аспирина, а перед мысленным взором то и дело возникало лицо Картера Тибодо. Или в нос буквально ударял его запах: смесь пота и одеколона. Она все время ждала, что сзади появится патрульная машина с Картером за рулем и перекроет путь к отступлению. *В следующий раз я вставлю тебе куда положено до упора. При детях или без них.*

Он бы это сделал. Без проблем. И пусть она не могла совсем уехать из города, ей хотелось, чтобы ее и этого нового Пятницу Большого Джима разделяло как можно большее расстояние.

Линда повернулась к Терстону:

— Возьми весь рулон и ножницы для металла. Они под коробкой от молока. Мне сказал Расти.

Терстон открыл дверцу, но вдруг замер.

— Я не могу этого сделать. А если они понадобятся кому-то еще?

Спорить она не стала. А то закричала бы на него, перепугав детей.

— Делай что хочешь. Только поторопись. Мы здесь как в западне.

— Сделаю все, как смогу быстро.

Но у него, казалось, ушла вечность на нарезку свинцовых пластин, и она с трудом сдерживала себя, чтобы не высунуться в окно и не спросить: «Ты с рождения заторможенный или стал таким, когда вырос?»

Молчи. Он только вчера потерял любимого человека.

Да, если не поторопиться, она могла потерять все. На Главной улице уже появились люди, направляющиеся к шоссе номер 119 и молочной ферме Динсмора, с тем чтобы занять лучшие места. Линда вздрагивала всякий раз, когда слышала полицейский громкоговоритель:

— Проезд автомобилей по шоссе запрещен! Если вы не больны, то должны идти пешком!

Тибодохватило ума, чтобы что-то унюхать. Вдруг он вернется и обнаружит, что минивэна нет? Куда он отправится ее искать?

Тем временем Терстон нарезал пластины из рулона свинцовой ленты. Повернулся, и Линда решила, что он закончил, но нет, лишь на глаз замерил ветровое стекло. Начал вновь резать ленту. Может, хотел свести ее с ума? Глупая идея, но, оказавшись в голове, она никак не желала уходить.

Линда невольно вспомнила, как Тибодо терся о ее зад. Его щетину на своей щеке. Пальцы, мнувшие ее грудь. Тогда она приказала себе не смотреть на то, что осталось на ее джинсах, когда сняла их, но ничего не смогла с собой поделать. В голове сверкнуло: «мужская слюна», и после короткой, но яростной борьбы ей удалось удержать завтрак в желудке. Картера бы порадовало, если б не удалось.

Пот выступил на лбу Линды.

— Мамочка! — Голос Джуди раздался прямо над ее ухом. Линда непроизвольно вскрикнула. — Извини, я не хотела тебя пугать. Могу я что-нибудь съесть?

— Сейчас нет.

— Почему этот человек продолжает так громко говорить?

— Сладенькая, сейчас я с тобой говорить не могу.

— Ты грустишь?

— Да, немного. А теперь сядь на место.

— Мы едем к папочке?

— Да. — *Если только нас не поймут, а меня не изнасилуют у вас на глазах.* — А теперь сядь.

Терс наконец-то шел к автомобилю. Спасибо Богу за маленькие радости. Тащил столько квадратных и прямоугольных пластин, что их хватило бы, чтобы облепить танк.

— Видишь? Уже и гото... ох, дерьмо!

Дети засмеялись, звуки эти отозвались в голове Линды сердитым жужжанием.

— Четвертак в ругательную копилку, мистер Маршалл! — воскликнула Джанель.

Терс в смущении опустил голову. Увидел ножницы для резки металла, которые засунул за ремень.

— Мне надо вернуть их на прежнее место, под коробку...

Линда выхватила ножницы, прежде чем он успел закончить фразу, подавила желание проткнуть ими впалую грудь — *выдержка у меня феноменальная*, подумала она — и вылезла из машины, чтобы положить их на место.

И тут к минивэну подъехал автомобиль, блокируя выезд на Западную улицу, единственный из этого тупика.

На вершине холма у городской площади, рядом с Главной улицей, стоял «хаммер» Джима Ренни. Двигатель работал на холостых оборотах. Снизу усиленный динамиками голос предупреждал, что проезд разрешен только инвалидам. Люди шли по тротуарам, многие с рюкзаками за спиной. Большой Джим смотрел на них с выражением страдальческого презрения, свойственного только тем сиделкам в доме престарелых, которые работают не из любви к людям, а из чувства долга.

Против потока двигался один Картер Тибодо. Широкими шагами шел посреди улицы, то и дело отталкивая тех, кто попадался на пути. Он добрался до «хаммера», залез на пассажирское сиденье, вытер со лба пот.

— Ух, кондиционер — то, что надо. Еще нет и восьми утра, а температура никак не ниже семидесяти пяти градусов. И воздух пахнет, как гребущая пепельница. Простите, что выражаюсь, босс.

— Удача тебе улыбнулась?

— Если бы.

— Можешь чем-нибудь похвастаться?

— Скорее нет, чем да. Я разговаривал с патрульной Эверетт. Бывшей патрульной Эверетт. Остальные слиняли.

— Она что-нибудь знает?

— Нет. Док с ней не связывался. И Уэттингтон относилась к ней, как к грибу. Держала в темноте и кормила дерьмом.

— Ты уверен?

— Да.

— Ее дети с ней?

— Да. И хиппи тоже. Тот, что подлечил вам сердце. Плюс двое детей, которых Младший и Френки нашли у пруда. — Картер сложил два и два. — Его телка убита, ее муж в бегах, скорее всего он и Эверетт к концу недели будут трахаться, как кролики. Если вы хотите, чтобы я еще раз заглянул к ней, то я с удовольствием.

Не отрывая рук от руля, Большой Джим покачал одним пальцем, показывая, что в этом нет необходимости. Сейчас его занимало совсем другое.

— Посмотри на них, Картер.

Тот и не мог не смотреть. Людской поток с каждой минутой становился все гуще.

— Большинство из них доберутся до Купола к девяти, а их ёханные родственники появятся только в десять. Самое раннее. К тому времени они устанут, и их начнет мучить жажда. К полудню те, кто не удосужился принести с собой воду, будут пить коровью мочу из пруда Олдена Динсмора. Бог их любит. Бог должен их любить, потому что большинство людей слишком тупые, чтобы работать, и слишком трусливые, чтобы воровать.

Картер расхохотался.

— С такими нам приходится иметь дело, — продолжил Ренни. — Толпа. Гребанные отбросы. Что им нужно. Картер?

— Я не знаю, босс.

— Конечно, ты знаешь. Им нужна еда, шоу Опры, музыка кантри и теплая кровать, чтобы заниматься этим делом после того, как зайдет солнце. И воспроизводить таких же, как они. И ты только посмотри: идет еще один представитель этого племени.

Чиф Рэндолф поднимался на холм и вытирал ярко-красное лицо носовым платком.

А Большой Джим только разошелся. Читать лекции он обожал.

— Наша работа, Картер, заботиться о них. Нам такое может не нравиться, мы не всегда думаем, что они этого достойны, но приходится делать работу, которую дал нам Господь. Только для того, чтобы выполнять эту работу, мы должны прежде всего заботиться о себе, и потому немалая часть свежих фруктов и овощей двумя днями раньше перевезена из «Мира еды» в канцелярию муниципалитета. Ты этого не знал, да? Так и должно быть. Ты на шаг впереди всех, я на шаг впереди тебя, и так будет и дальше. Урок прост: Бог помогает тем, кто помогает себе сам.

— Да, сэр.

Прибыл Рэндолф. Он тяжело дышал, под глазами появились мешки, вроде бы даже похудел. Большой Джим нажал на кнопку и опустил стекло.

— Залезай, чиф, подыши кондиционированным воздухом. — А когда Рэндолф двинулся к переднему пассажирскому сиденью, Большой Джим добавил: — Не туда, там сидит Картер. — И улыбнулся. — Залезай на заднее.

К минивэну «одиссей» подъехал не патрульный автомобиль — больничная «скорая». Дуги Твитчел сидел за рулем. Джинни Томлинсон — рядом с ним со спящим ребенком на руках. Задние дверцы распахнулись, и на землю прыгнула Джина Буффалино в белой униформе медсестры. За ней последовала Гарриет Бигелоу в джинсах и футболке с надписью «ОЛИМПИЙСКАЯ ЦЕЛОВАЛЬНАЯ КОМАНДА США».

— Что?.. Что?.. — Большого Линда вымолвить не могла. Кровь стучала в голове так сильно, что барабанные перепонки чуть не лопались.

— Расти позвонил нам и велел приехать к яблоневому саду на Блэк-Ридж, — объяснил Дуги. — Я даже не знал, что там есть яблоневый сад, но Джинни знала и... Линда? Дорогая, ты побледнела как полотно.

— Я в порядке. — Тут Линда осознала, что она на грани обморока. Ущипнула себя за мочки — этому приему Расти научил ее давным-давно. Как и многие из его народных средств (другой — разбивать жировики корешком тяжелой книги), он сработал: когда Линда заговорила снова, голос звучал ровнее и ближе к нормальному. — Он сказал, что сначала вы должны заехать сюда?

— Да. Взять вот это. — Он указал на рулон свинцовой ленты, лежащий на погрузочной платформе. — Из соображений безопасности. Так он сказал. Мне нужно нарезать пластины для окон.

— Дядя Твитч! — воскликнула Джанель и бросилась ему в объятия.

— Как ты. Тигровая Лилия? — Он подхватил ее, покрутил в воздухе, опустил на землю. Джанель через окно уставилась на младенца.

— Как ее зовут?

— Это он, — ответила Джинни. — Его имя Литл Уолтер.

— Круто!

— Джанни, быстро в машину! — велела Линда. — Мы должны ехать.

— А кто остался в лавке? — спросил Терс.

Джинни смутилась.

— Никого. Но Расти сказал, что волноваться не о чем, если никто не нуждается в постоянной заботе. Помимо Уолтера, никто не нуждался. Я его взяла, и мы смотались. Твитч говорит, что мы сможем вернуться позже.

— Кому-нибудь надо бы, — уныло изрек Терс. Линда уже заметила, что теперь уныние не отпускало Терса. — Три четверти города идут по Сто девятнадцатому шоссе к Куполу. Воздух плохой, и температура поднимется

еще на десять градусов к десяти часам, когда должны прибыть первые автобусы. Если Ренни и его приспешники собираются соорудить какие-то укрытия от солнца, то я об этом не слышал. До заката в Честерс-Милле появится много больных людей. При удаче иметь дело придется только с тепловыми ударами и приступами астмы, но возможны и несколько инфарктов.

— Слушайте, может, нам вернуться? — подала голос Джина. — Я чувствую себя крысой, бегущей с тонущего корабля.

— Нет! — ответила Линда так резко, что все посмотрели на нее, даже Одри. — Расти сказал: может случиться что-то плохое. Возможно, не сегодня... но может случиться. Так что нарежьте свинцовых пластин для окон «скорой» и уезжайте. Я не могу вас ждать. Один из бандитов Ренни приходил утром ко мне, и, если он заявится второй раз и увидит, что минивэна нет...

— Конечно, поезжайте, — поспешил сказать Твитч. — Я подам назад, чтобы ты могла выехать. Только на Главную не суйся, там уже пробка.

— По Главной улице мимо полицейского участка? — Линда содрогнулась. — Нет уж, благодарю. Мамочкино такси поедет по Западной улице.

Твитч сел за руль «скорой», и обе молодые медсестрички забрались в кузов. Джина напоследок с сомнением посмотрела на Линду.

Та глянула на спящего потного ребенка, потом встретилась взглядом с Джинни.

— Может, вечером вам с Твитчем лучше вернуться в больницу, чтобы посмотреть, как там дела? Скажете, что были на вызове в Нортчестере или что-нибудь еще. В любом случае ничего не говорите про Блэк-Ридж.

— Хорошо.

Легко сказать, подумала Линда. А ведь могут возникнуть трудности, если Картер Тибодо сунет тебя головой в раковину.

Она затолкала Одри в салон, задвинула боковую дверь, села за руль.

— Сматываемся отсюда. — Терс занял место рядом с ней. — Я не испытывал такой паранойи с тех пор, как пытался увильнуть от армейской службы.

— И хорошо, — кивнула Линда. — Значит, есть повод. Паранойя — лучший сторож.

Задним ходом минивэн объехал «скорую» и выкатился на Западную улицу.

— Джим, — подал голос Рэндолф с заднего сиденья «хаммера», — я все думал об этом рейде.

— Хорошо. Так чего бы теперь тебе не поделиться с нами своими мыслями, Питер?

— Я — начальник полиции. Если стоит выбор между поддержанием порядка в толпе около фермы Динсмора или руководством нападением на лабораторию по производству наркотиков, где вооруженные наркоманы могут охранять запрещенные законом субстанции... что ж, я знаю, чего требует от меня мой долг. Скажем так.

Большой Джим вдруг понял, что возражать не хочется. Обсуждать что-либо с дураками — напрасный труд. Рэндолф понятия не имел, какое оружие могло храниться на радиостанции. По правде говоря, Большой Джим и сам того не знал (мало ли что мог заказать Буши, используя корпоративный счет), но он по крайней мере мог представить себе худшее, тогда как от этого индюка в форме не приходилось ожидать таких интеллектуальных подвигов. А если что-то случится с Рэндолфом... разве он уже не решил для себя, что Картер будет более чем адекватной заменой?

— Хорошо, Пит. Я и не собираюсь вставать между тобой и твоим долгом. Ты — новый командующий, Дентон — твой заместитель. Это тебя устроит?

— Все будет как надо! — Рэндолф аж раздулся от гордости. Выглядел он толстым петухом, готовым закукарекать. Большому Джиму, который вообще-то не мог похвастаться чувством юмора, с трудом удалось сдержать смешок.

— Тогда отправляйся к полицейскому участку и начинай собирать свою команду. Городские грузовики, помнишь?

— Конечно! Мы ударим в полдень! — И он потряс в воздухе кулаком.

— К радиостанции выходите через лес.

— Джим, я как раз хотел поговорить с тобой об этом. Не слишком ли такой путь сложен? Леса вокруг радиостанции густые, там много ядовитого плюща... и ядовитого дуба, который еще ху...

— Там есть лесовозная дорога. — Большой Джим уже начал терять терпение. — Я хочу, чтобы ты ею воспользовался. Ударишь им в тыл.

— Но...

— Пуля в голову куда хуже, чем ядовитый плющ. Приятно было

поговорить с тобой, Пит. Рад видеть, что ты такой... — И какой же он? Напыщенный? Нелепый? Просто идиот?

— Настоящий командный игрок, — ввернул Тибодо.

— Спасибо, Картер. Ты просто снял слова с языка. Пит, скажи Генри Моррисону, что за порядок на шоссе номер 119 теперь отвечает он. *И воспользуйся дорогой для лесовозов!*

— Я действительно думаю...

— Картер, открой ему дверцу.

— Господи! — воскликнула Линда и крутанула руль влево. Минивэн запрыгнул на бордюрный камень менее чем в ста ярдах от перекрестка. Три девочки рассмеялись, когда минивэн подбросило на бордюрном камне, и только на лице бедного Эйдена отразился испуг, и он вновь схватился за многострадальную голову Одри.

— Что?! — рявкнул Терс. — *Что теперь?!*

Линда припарковалась на чьей-то лужайке, за деревом, большущим дубом, но и минивэн отличался немалыми размерами, а дерево практически лишилось листвы. Ей хотелось верить, что они спрятались, но не выходило.

— «Хаммер» Джима Ренни стоит возле этого чертова перекрестка.

— Ты очень сильно выругалась, — подала голос Джуди. — Два четвертака в ругательную копилку.

Терс вытянул шею:

— Ты уверена?

— Думаешь, у кого-то еще в городе есть такой огромный автомобиль?

— Господи! — выдохнул Терстон.

— Ругательная копилка! — слились голоса Джуди и Дженни.

Линда почувствовала, как пересохло во рту. Язык прилип к нёбу. Тибодо вылез из «хаммера» — он сидел на переднем пассажирском сиденье — и если бы посмотрел в их сторону...

Если он увидит нас, я его раздавлю. И эта мысль как-то сразу ее успокоила.

Тибодо открыл заднюю дверцу. Появился Питер Рэндолф.

— Этот человек дергает себя за штаны, — проинформировала остальных Элис Эпплтон. — Моя мама говорит: это означает, что ему хочется по-большому.

Терстон Маршалл рассмеялся, и Линда, которая думала, что еще долго не сможет смеяться, присоединилась к нему. Скоро смеялись все, даже Эйден, который точно не знал, по какому поводу они смеются. Линда не вполне понимала и сама.

Рэндолф направился вниз по склону на своих двоих, по-прежнему поправляя форменные брюки. Вроде бы ничего смешного, и, наверное, потому это выглядело так забавно.

Одри, не желая оставаться в стороне, залаяла.

Где-то залаяла собака. Большой Джим ее услышал, но не повернул головы. С чувством глубокого удовлетворения наблюдал, как Рэндолф шагает вниз по холму.

— Посмотрите, как он вытаскивает штаны из задницы, — заметил Картер. — Как, бывало, говорил мой отец, это означает, что пора идти в сортир.

— Единственное, куда Рэндолф пойдет, так это к ХНВ, а поскольку он хочет провести фронтальную атаку, никуда больше ему уже не ходить. Поехали в муниципалитет и какое-то время посмотрим по телевизору весь этот цирк. Когда он нам надоест, я хочу, чтобы ты нашел того хиппового доктора и сказал ему, что пусть и не вздумает куда-то сбегать. Мы его найдем и посадим в тюрьму.

— Да, сэр. — Против такого поручения Картер не возражал. Может, ему вновь попадется под руку бывшая патрульная Эверетт, и на этот раз он точно дернет с нее штаны.

Большой Джим включил передачу, и «хаммер» медленно покатился вниз, гудками разгоняя тех, кто не спешил освободить дорогу.

Когда «хаммер» поворачивал к муниципалитету, «одиссей» проскочил перекресток и покатил вперед, все дальше отъезжая от центра города. Пешеходы им практически не встречались, так что Линда стала сильнее вдавливать в пол педаль газа. Терс Маршалл запел «Колеса автобуса», и вскоре все дети пели вместе с ним.

Какое-то время спустя им начала подпевать и Линда: с каждой милей ужаса в ней убывало.

В Честерс-Милл пришел День встреч, и радостное предвкушение переполняет людей, которые идут по шоссе номер 119 к ферме Динсмора, где пятью днями раньше так неудачно закончилась демонстрация, организованная Джо Макклэтчи. Они преисполнены надежд (пусть и не так чтобы счастливы), несмотря на тяжелые воспоминания об этой демонстрации и несмотря на жару и вонючий воздух. Горизонт за Куполом уже расплывчатый, небо над деревьями темное, благодаря покрывающим Купол загрязнениям. Лучше смотреть прямо над собой, но и тут не все в порядке: у голубизны какой-то желтоватый отлив, словно пленка катаракты на глазу старика.

— Так выглядело небо над бумажными фабриками в семидесятых, когда они работали на полную мощь, — говорит Генриетта Клавар, та самая, которая только ушибла, но не сломала зад. Она предлагает бутылку имбирного эля Петре Сирлс, шагающей рядом с ней.

— Нет, благодарю. Я взяла с собой воду.

— Она сдобрена водкой? Потому что эль сдобрен. Пятьдесят на пятьдесят. Я называю этот коктейль «Канадская пороховая ракета».

Петра берет бутылку, глотает от души:

— Хорошо пошла!

Генриетта деловито кивает:

— Да, мэм. Ничего особенного, но скрашивает человеку жизнь.

Многие горожане несут с собой плакаты, которые собираются показать своим гостям из внешнего мира (и, разумеется, камерам), как зрителям утренних шоу, идущих в прямом эфире. Только на утренних шоу плакаты исключительно радостные, а большинство этих плакатов — нет. Некоторые остались с прошлой демонстрации: «БОРИСЬ С ВЛАСТЬЮ» и «ВЫПУСТИТЕ НАС, ЧЕРТ ПОБЕРИ». К ним прибавились новые: «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: Почему??? СКАЖИТЕ ПРАВДУ» и «МЫ ЛЮДИ, А НЕ ПОДОПЫТНЫЕ КРОЛИКИ». Джонни Карвер требует: «ОСТАНОВИТЕ ТО, ЧТО ДЕЛАЕТЕ, ВО ИМЯ ГОСПОДА! ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО!» Фрида Моррисон вопрошает, не совсем грамотно, но эмоционально: «ЧЬИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗА КОТОРЫЕ МЫ УМИРАЕМ?» Брюс Ярдли единственный, у кого плакат несет в себе положительные эмоции. Он закреплен на шесте длиной в семь футов и украшен синим крепом (у Купола плакат этот будет возвышаться

над всеми остальными): «ПРИВЕТ, МАМА И ПАПА В КЛИВЛЕНДЕ! Я ВАС ЛЮБЛЮ».

На девяти или десяти плакатах отсылки к Библии. Бонни Моррел, жена владельца городской лесопилки, несет транспарант со словами: «Не прощай ИХ, ИБО знают ОНИ, ЧТО ТВОРЯТ». У Трайны Коул все проще: «ГОСПОДЬ — МОЙ ПАСТЫРЬ», а под надписью вроде бы нарисована овца, но полной уверенности нет. Донни Барибо вторит ей: «МОЛИТЕСЬ ЗА НАС».

Марты Эдмундс, которая иногда сидит с детьми Эвереттов, среди пилигримов нет. Ее бывший муж живет в Саут-Портленде, но она сомневается, что он покажется, да и что Марта скажет ему, случись такое? *Ты задерживаешь платежи по алиментам, членосос?* Вместо шоссе номер 119 она отправляется на Литл-Битч-роуд. Плюс в том, что ей нет нужды идти пешком. Она едет на «акуре», и кондиционер работает на полную мощность. Ее пункт назначения — уютный, маленький домик, где Клайтон Брэсси проводил свои последние годы. Он вроде бы приходится ей дальним родственником, и пусть точную степень их родства Марта не помнит, она знает, что у него есть генератор. Если тот работает, она сможет посмотреть телевизор. Марта также хочет убедиться, что с дядей Клайтоном все в порядке — насколько это возможно, если человеку исполнилось сто пять лет, а мозги превратились в овсяные хлопья.

С ним не все в порядке. Клайтон Брэсси сдал пост самого старого жителя города. Он сидит в гостиной, в любимом кресле, у него на коленях ночной горшок с кое-где отбитой эмалью, трость «Бостон пост» прислонена к стене рядом с креслом, и Клайтон холодный, как крекер. И никаких следов Нелл Туми, его праправнучки и главной сиделки: она ушла к Куполу с братом и его женой.

— Ох, дядя, — вздыхает Марта, — мне очень жаль, но, похоже, время пришло.

Она идет в спальню, берет из стенного шкафа чистую простыню и накрывает ею старика. В домах, если хозяева уезжают надолго, так накрывают мебель. И сидящий в кресле Клайт чем-то напоминает высокий комод на ножках. Марта слышит работающий во дворе генератор и думает: а почему бы нет?.. Включает телевизор, находит канал Си-эн-эн и садится на диван. Разворачивающиеся на экране события такие увлекательные, и Марта практически забывает, что компанию ей составляет труп.

Съемка ведется с воздуха. Оператор — в вертолете, зависшем над блошиным рынком Моттона, где будут парковаться автобусы, на которых к Куполу привезут родственников горожан. Первые жители Честерс-Милла

уже прибыли. За ними движутся основные силы: двухполосное шоссе заполнено от обочины до обочины на всем протяжении до «Мира еды». Сравнение идущих к Куполу горожан и колонны муравьев на марше просто напрашивается.

Какой-то репортер что-то балаболит, используя слова «удивительно» и «потрясающе». Второй раз говорит: «Я никогда не видел ничего подобного», — и она заглушает звук, думая: «Никто такого не видел, дубина стоеросовая». Марта уже собирается встать и пойти на кухню, чтобы посмотреть, как обстоят дела со съестным (может, это нехорошо — есть в комнате, где труп, но она голодна, черт побери!), когда картинка ужимается до половины экрана, а вторую половину занимает другая. На левой половине — съемка ведется с другого вертолета — колонна автобусов выезжает из Касл-Рока. В нижней части экрана появляется бегущая строка: «ГОСТИ ПРИБУДУТ В САМОМ НАЧАЛЕ ОДИННАДЦАТОГО».

Значит, есть время, чтобы соорудить себе второй завтрак. Марта находит крекеры, арахисовое масло и — лучше не бывает — три холодные бутылки пива «Бад». Приносит все в гостиную на подносе и вновь устраивается на диване.

— Спасибо, дядя, — говорит она.

Даже с выключенным звуком (особенно с выключенным звуком) размещенные бок о бок картинки притягивают, завораживают. Марта понимает: это ожидание встречи неотразимой силы с непоколебимым объектом. Конечно же, возникает вопрос, а не произойдет ли взрыв, когда они таки сойдутся?

Неподалеку от того места, где собирается народ, на холме, Олли Динсмор — он рыл там могилу отцу — опирается на лопату и наблюдает, как разрастается толпа: двести человек, четыреста, потом восемьсот. Как минимум восемьсот. Он видит женщину с младенцем на спине, в сумке-кенгуру, и задается вопросом: в своем ли она уме — принести такого маленького ребенка на такую жару и даже без шапочки, чтобы не напекло голову? Прибывшие горожане стоят под затянутым дымкой солнцем, оглядываются по сторонам и озабоченно ждут подъезда автобусов. Олли думает о том, как долго и медленно придется им всем идти назад, когда здесь все закончится. До самого города в мерцающей послеполуденной жаре. Потом он вновь принимается за прерванное занятие.

Позади толпы, на обочинах шоссе номер 119, полиция — дюжина

новобранцев, возглавляемая Генри Моррисоном — припарковала патрульные автомобили с включенными мигалками. Последние два прибыли позже, потому что Генри приказал заполнить багажники канистрами воды, залитой из крана в пожарной части. Он выяснил, что генератор там не только работает, но и запаса пропана хватит еще недели на две. Конечно, воды недостаточно, просто мало, учитывая количество собравшихся у Купола людей, но большего они сделать не могут. Вода эта предназначена тем, кто потеряет сознание на солнце. Генри надеется, что таких будет немного, но знает, что будут обязательно, и клянет Джима Ренни, который не ударил палец о палец. Он знает причину — на День встречи тому наплевать — и еще больше злится на Большого Джима.

Генри приехал с Памелой Чен, единственной из новых «помощников», кому он полностью доверяет, и, увидев размеры толпы, просит ее позвонить в больницу. Моррисон хочет, чтобы «скорая» прибыла сюда и стояла наготове. Памела возвращается через пять минут с новостями, которые Генри находит и невероятными, и неудивительными. Памела говорит, что ответила ей пациентка — молодая женщина, которая приехала в больницу этим утром с переломом запястья. По ее словам, из медицинского персонала в больнице никого не осталось, и «скорая» тоже уехала.

— Это просто здорово! — в сердцах восклицает Генри. — Надеюсь, ты не забыла, как оказывать первую медицинскую помощь, Памми, потому что, возможно, тебе придется воспользоваться этими навыками.

— Я могу сделать искусственное дыхание.

— Хорошо. — Он указывает на Джо Боксера, стоматолога, обожающего вафли «Эгго». На рукаве Боксера синяя повязка, и он с важным видом машет людям руками, чтобы те уходили с проезжей части на обочину (внимания на него мало кто обращает). — А если у кого-то разболится зуб, этот самодовольный болван вытащит его прямо здесь.

— Если им будет чем заплатить, — уточняет Памела. Ей уже приходилось иметь дело с Джо Боксером, когда у нее вылез зуб мудрости. Он сказал что-то насчет «услуги за услугу», пожирая глазами ее грудь, и Памеле это определенно не понравилось.

— Я думаю, в багажнике моего автомобиля есть бейсболка «Ред сокс», — говорит Генри. — Если есть, сможешь ты отнести ее туда? — Он указывает на женщину, которую раньше заметил Олли, у нее в сумке-кенгуру младенец с непокрытой головой: — Надень бейсболку на малыша и скажи женщине, что она идиотка.

— Бейсболку отнесу, а говорить ничего не буду, — спокойно отвечает

Памела. — Это Мэри-Лу Костас. Ей семнадцать, она уже год замужем за дальнотойщиком, который почти в два раза ее старше, и она, вероятно, надеется, что он приедет, чтобы повидаться с ней.

Генри вздыхает:

— Она все равно идиотка, но, наверное, в семнадцать мы все такие.

А народ продолжает прибывать. Один мужчина воду с собой, похоже, не взял, зато прихватил большущий бумбокс, который настроен на волну ХНВ и оглашает окрестности очередным псалмом. Двое его друзей развернули плакат: «Пожалуйста, помогите нам».

— Все будет плохо, — предрекает Генри, и, разумеется, он прав, только сам не знает, насколько плохо.

Разрастающаяся толпа ждет на солнце. Те, у кого слабый мочевой пузырь, отходят в кусты к западу от дороги, чтобы отлить. Большинству приходится поднапрячься, прежде чем испытать облегчение. Одна полная женщина (Мейбл Олстон, которая также страдает от диабета) подворачивает лодыжку и лежит, вопя, пока двое мужчин не приходят ей на помощь, поднимают на единственную оставшуюся здоровой ногу. Ленни Мичам, начальник почтового отделения (во всяком случае, до прошлой недели, когда поступили последние почтовые отправления), находит для нее трость. После чего говорит Генри, что Мейбл надо отвезти в город. Тот отвечает, что не может выделить ей машину. Пусть посидит в тени, говорит он.

Ленни вскидывает руки, обводит ими обе стороны дороги.

— На случай, если ты не заметил, с одной стороны пастбище для коров, а с другой кусты. Никакой тени.

Генри указывает на амбар фермы Динсмора:

— Там тени предостаточно.

— Туда же идти четверть мили! — возмущенно восклицает Ленни.

Идти максимум восьмушку, но Генри не спорит.

— Посади ее на переднее сиденье моего автомобиля.

— Очень жарко на солнце. Ей нужен холодный воздух.

Да, Генри знает: ей нужен кондиционер, но это означает, что надо включить двигатель и жечь бензин. Пока недостатка бензина нет, но только при одном условии: если его откачают из подземных цистерн автозаправочной станции. В конце концов он приходит к заключению, что проблемами надо заниматься по мере их поступления.

— Ключ в замке зажигания, — говорит Генри. — Только поставь кондиционер на «минимально холодный», хорошо?

Ленни обещает, что так и сделает, и возвращается к Мейбл. Но та

никуда уходить не собирается, хотя пот катится по щекам и лицо ярко-красное.

— Я еще не могу идти! — верещит она. — Мне надо кое-что сделать!

Лео Ламуан, один из новых патрульных, подходит к Генри. Без такой компании тот мог бы и обойтись. Мозгов у Лео не больше, чем у турнепса.

— Как она добралась сюда, молодчага? — Такой уж он, Лео Ламуан, всех называет молодчагами.

— Не знаю, но добралась, — устало отвечает Генри. У него начинает болеть голова. — Приведи нескольких женщин, пусть постоят вокруг нее за моим патрульным автомобилем, пока она будет отливать.

— Каких женщин, молодчага?

— Больших. — Генри отходит в сторону: боится, что не сможет устоять перед желанием вдарить Лео Ламуану в нос.

— Да что это за полиция?! — вопрошает какая-то женщина, когда она и еще четыре других отводят Мейбл к патрульной машине, где Мейбл пописает, держась за задний бампер, тогда как все пятеро загородят ее ради приличия.

Ни к чему не подготовленная, хочется ответить Генри. Скажите спасибо Ренни и Рэндолфу, вашим бесстрашным лидерам, которые ни к чему не подготовились. Но он знает, что вчера уже сболтнул лишнего, когда выступил в защиту Андреа Гриннел. Поэтому говорит:

— Никакой другой у вас нет.

Справедливости ради надо отметить, что большинство людей, как женский «почетный караул» Мейбл, с готовностью помогают друг другу. Те, кто не забыл принести воду, делятся с теми, кто позабыл, и большинство пьют по чуть-чуть, хотя, как и в любой толпе, находятся идиоты, кто наливается водой без меры и не задумываясь. Некоторые жуют печенье и крекеры, от которых пить им скоро захочется еще больше. Дочка Мэри-Лу Костас начинает раздраженно вопить под бейсболкой «Ред сокс», которая ей велика. Мэри-Лу принесла бутылку воды и смачивает перегревшиеся щечки и шею малышки, но бутылка скоро опустеет.

Генри хватает за руку Памелу Чен и вновь указывает на Мэри-Лу:

— Возьми у нее бутылку и наполни водой, которую мы привезли. Постарайся, чтобы поменьше людей увидели, как ты это делаешь, иначе вода закончится еще до полудня.

Она отправляется выполнять поручение, и Генри думает: «Из этой женщины вышел бы толк, если б она захотела служить в полиции маленького городка».

Никто не смотрит, что делает Памела. Это хорошо. По прибытии

автобусов горожане забудут про жару и жажду хотя бы на какое-то время. Разумеется, после того как гости уедут... и люди поймут, что им предстоит долгая пешая прогулка до города...

Тут Генри осеняет. Он оглядывает «патрульных» и видит, как много среди них дундуков и как мало людей, на которых можно положиться. Большинство тех, кто хоть на что-то годится, Рэндолф оставил себе для выполнения некоей секретной операции. Генри думает, что она как-то связана с производством наркотиков, в организации которого Андреа обвинила Ренни, но сейчас ему на это наплевать. Главное, что тех копов здесь нет, а сам Генри не может уехать с шоссе номер 119.

Но он знает того, кто может, и подзывает его к себе.

— Что ты хочешь, Генри? — спрашивает Билл Оллнат.

— Ключи от школы при тебе?

Оллнат, тридцать лет проработавший уборщиком в средней школе Милла, кивает:

— При мне. — Хлопает по связке ключей, поблескивающих на дымчатом солнце. — Всегда ношу, а что?

— Возьми машину номер Четыре. Вернись в город, насколько можно быстро, чтобы не задавить никого из опаздывающих. Сядь в один из автобусов и подгони его сюда. Один из тех, что на сорок четыре места.

Оллната такое указание не радует. Его лицо застывает — как бывает у янки. Генри, сам янки, видел подобное множество раз и терпеть этого не может. Выражение на лице как бы говорит: *«У меня хватает и своих дел, дружище»*.

— Если ты собираешься усадить всех этих людей в один школьный автобус, то ты псих.

— Не всех, только тех, кто не сможет самостоятельно вернуться обратно. — Генри думает о Мейбл и Мэри-Лу с ее перегревшейся дочкой, но, разумеется, к трем часам дня найдутся и другие, кто не сможет дойти до города. А может, и вообще идти.

Но лицо Оллната совершенно непроницаемо. Вскинутый подбородок напоминает нос корабля.

— Нет, сэр. Приезжают оба моих сына с женами, они это сказали. И привозят детей. Я не хочу упустить встречу с ними. И я не могу оставить жену. Она очень расстроена.

Генри с удовольствием врезал бы этому человеку за его глупость (и задушил бы за эгоизм). Но он просит Оллната отдать ему ключи и показать, какой открывает школьный гараж. Потом говорит Оллнату, что тот может вернуться к жене.

— Извини, Генри, — отвечает Оллнат, — но мне очень хочется увидеть детей и внуков. Я это заслужил. Я не просил приходить сюда хромых, больных и слепых и не собираюсь расплачиваться за их тупость.

— Да, ты — настоящий американец, двух мнений тут быть не может. Сгинь с моих глаз.

Оллнат открывает рот, собираясь протестовать, но передумывает (вероятно, что-то видит в лице патрульного Моррисона) и, волоча ноги, уходит. Генри зовет Памелу, которая не протестует, когда он предлагает ей вернуться в город, только спрашивает: куда, что сделать и почему? Генри ей объясняет.

— Ладно, но... у этих автобусов механическая коробка передач? Потому что я не знаю, как ездить с механической.

Генри кричит, задавая этот вопрос Оллнату, который стоит у Купола рядом со своей женой Сарой. Оба с нетерпением смотрят на пустое шоссе по ту сторону границы с Моттоном.

— Механическая на Шестнадцатом! — так же криком отвечает Оллнат. — На остальных автоматическая! И скажи ей, пусть не забудет пристегнуться! Эти автобусы не заводятся, если водитель не застегнул ремень безопасности!

Генри отправляет Памелу в город. Просит поторопиться, насколько это возможно, но без излишнего риска.

Поначалу люди у Купола стоят, не отводя тревожных взглядов от пустой дороги. Потом большинство садится. Те, кто принес одеяла, расстилают их. Некоторые прячут голову от дымчатого солнца в тени, отбрасываемой плакатами. Разговоры стихают, и многие слышат вопрос о цикадах (куда они подевались, почему не стрекочут в высокой траве), который Уэнди Голдстоун задает своей подруге Эллен.

— Или я оглохла? — добавляет она.

Уэнди не оглохла. Цикады или молчат, или их тут нет.

В студии ХНВ просторный (и относительно прохладный) центральный зал вибрирует от голоса Эрни Келлога по прозвищу Бочонок и «Его счастливого трио». Они поют «Мне позвонили с Небес, и на проводе был Иисус». Двое мужчин не слушают. Они смотрят телевизор, зачарованные соседствующими друг с другом картинками, как и Марта Эдмундс (она пьет уже вторую бутылку «Бада» и напрочь забыла про труп старого Клайтона Брэсси, прикрытый простыней). Зачарованы, как все в Америке, и — да! — во всем мире тоже.

— Посмотри на них, Сандерс, — выдыхает Шеф.

— Я смотрю. — «Клодетт» лежит у Энди на коленях. Шеф предложил ему взять и парочку гранат, но на этот раз Энди отказался. Он боится, что выдернет чеку и замрет, не бросив гранату. Такое Энди однажды видел в кино. — Это потрясающе, но ты не думаешь, что нам пора готовиться к встрече гостей?

Шеф знает, что Энди прав, но так трудно оторвать глаза от той половины экрана, на которую камера, расположенная на вертолете, передает изображения передвижной телевизионной станции, возглавляющей колонну из автобусов. Он знает, где они едут. Ориентиры узнаваемы и с высоты. Гости подъезжают все ближе к Куполу.

И мы подбираемся все ближе к концу, думает он.

— Сандерс!

— Что, Шеф?

Тот протягивает ему жестяную коробочку от «Сукретс».

— Скала их не укроет, мертвое дерево не даст прибежища, стрекот цикад — облегчения. Только не могу вспомнить, из какой это книги.

Энди открывает жестяную коробочку, видит шесть толстых самокруток, которые едва в ней умещаются, и думает: *Они — солдаты экстаза.* Это самая поэтическая мысль в его жизни, и ему даже хочется плакать.

Шеф использует пульт дистанционного управления, чтобы выключить телевизор. Ему хочется посмотреть прибытие автобусов — торчок или нет, параноик или нет, он, как и все, обожает сцены счастливого воссоединения, — но горькие люди могут прийти в любой момент.

— Сандерс!

— Да, Шеф.

— Я собираюсь выкатить из гаража фургон с надписью на борту «ХРИСТИАНСКИЕ ТРАПЕЗЫ НА КОЛЕСАХ» и поставить его у дальнего торца складского здания. Смогу укрыться за ним и видеть перед собой весь лес. — Он подхватывает «Божьего воина». Привязанные к прикладу гранаты покачиваются и стучаются. — Чем больше я об этом думаю, тем крепче моя уверенность: они придут оттуда. Там есть лесовозная дорога. Они, вероятно, исходят из того, что я про нее не знаю, но, — красные глаза Шефа сверкают, — Шеф знает больше, чем думают многие люди.

— Я в курсе. Я люблю тебя, Шеф.

— Спасибо, Сандерс. Я тоже тебя люблю. Если они придут из леса, я дам им выйти в поле, а потом срежу, как серп срезает пшеницу во время жатвы. Но мы не можем класть все яйца в одну корзину. Поэтому я хочу, чтобы ты взял на прицел ту дорогу, где мы уже встретили их. Если кто-то

из них снова пойдет тем путем...

Энди поднимает «клодетт».

— Правильно, Сандерс. Но не торопись. Уложи как можно больше до того, как они начнут стрелять.

— Уложу. — Иногда у Энди возникает ощущение, что он живет во сне, и это один из таких случаев. — Как пшеницу во время жатвы.

— Именно так. Но послушай, потому что это важно, Сандерс. Не покидай занятую позицию, как только услышишь, что я начал стрелять. И я не буду покидать свою позицию, как только услышу, что ты начал стрелять. Они могут догадаться, что мы не вместе, но я все просчитал. Ты умеешь свистеть?

Энди сует два пальца в рот и залиvisto свистит.

— Это хорошо, Сандерс. Если на то пошло, просто изумительно.

— Научился в начальной школе, — отвечает Энди, но не добавляет: *Когда жизнь была гораздо проще.*

— Не свисти, пока не убедишься, что они могут взять над тобой верх. Тогда я прибегу. И если ты услышишь мой свист, беги ко мне со всех ног, чтобы усилить мою позицию.

— Хорошо.

— Давай покурим, Сандерс. Что скажешь?

Энди идею поддерживает.

На Блэк-Ридж, рядом с яблоневым садом Маккоя, семнадцать беженцев из города стоят на фоне грязного неба, как индейцы в вестерне с Джоном Фордом. В большинстве своем они молча таращатся на людской поток, движущийся по шоссе номер 119. До него шесть миль, но такое скопление людей производит впечатление и издали.

Только Расти смотрит на объект, который гораздо ближе, и испытывает безмерное облегчение. Ему просто хочется петь. Минивэн «одиссей» едет по Блэк-Ридж-роуд. У Расти перехватывает дыхание, когда машина приближается к опушке и светящемуся поясу, который днем невидим. У него есть время подумать, что закончится все ужасно, если водитель — он предполагает, Линда — потеряет сознание и минивэн попадет в аварию, но опасное место уже позади. Ему показалось, что автомобиль чуть вильнул, но он знает, что эту шутку могло сыграть с ним воображение. Скоро машина подъедет.

Беженцы стоят в сотне ярдов левее коробочки, но Джо Макклэтчи думает, что все равно может ее чувствовать: что-то отдается в мозгу всякий раз, когда вспыхивает пурпурный свет. Возможно, и тут во всем виновато

его разыгравшееся воображение, но он в этом сомневается.

Барби стоит рядом с ним, обняв миз Шамуэй. Джо стучит ему по плечу.

— Это ужасно, мистер Барбара. Столько людей вместе. Это ужасно.

— Да, — кивает Барби.

— Они наблюдают. Кожеголовые. Я это чувствую.

— Я тоже.

— И я. — Голос Джулии едва слышен.

В зале совещаний муниципалитета Большой Джим и Картер видят, как две соседствующие картинки уступают место одной, снятой с земли. Сначала изображение это дергается, как при показе видеосъемки приближающегося торнадо или последствий взрыва автомобиля, набитого взрывчаткой. Они видят небо, гравий, бегущие ноги. Кто-то бормочет:

— Давай, скорее.

Тут же раздается голос Вольфа Блитцера:

— Передвижная телевизионная станция на месте. Они спешат, и я уверен, что через мгновение... да. Господи, посмотрите на это!

Камера нацеливается на сотни жителей Честерс-Милла, находящихся под Куполом, когда все они поднимаются. Впечатление такое, что сотни молящихся на открытом воздухе встанут после произнесения молитвы. Передних прижимают к Куполу задние. Большой Джим видит расплюснутые носы, щеки, губы, словно горожан вдавило в стеклянную стену. На мгновение Ренни ощущает головокружение и понимает, в чем причина: впервые он видит происходящее снаружи. Впервые осознает масштаб и реальность события. Впервые он действительно напуган.

Приглушенные Куполом, слышатся хлопки пистолетных выстрелов.

— Я думаю, мы слышим стрельбу, — говорит Вольф. — Андерсон Купер, ты слышишь стрельбу? Что происходит?

Раздается едва слышный голос Купера, будто говорит он по спутниковому телефону из австралийской глубинки:

— Вольф, мы еще не на месте, но у меня маленький монитор и такое ощущение...

— Теперь я вижу, — перебивает его Вольф. — Судя по всему...

— Это Моррисон, — подает голос Картер. — Я могу сказать, что у него крепкие нервы.

— С завтрашнего дня он уволен, — бросает Большой Джим.

Картер смотрит на него, брови ползут вверх.

— Из-за того, что он вчера сказал на собрании?

Большой Джим нацеливает на него палец:

— Я знал, что ты умный парень.

У Купола Генри Моррисон не думает о вчерашнем собрании, о храбрости, не думает даже о выполнении долга. Генри думает только о том, что людей раздавят о Купол, если он что-нибудь не предпримет, и быстро. Поэтому Генри выхватывает пистолет и стреляет в воздух. Его примеру следуют несколько других копов: Тодд Уэндлстет, Рэнс Конрой, Джо Боксер.

Кричащие голоса (и крики боли тех, кого давят) сменяются напряженной тишиной, и Генри подносит к губам мегафон:

— РАСХОДИТЕСЬ ВДОЛЬ КУПОЛА РАСХОДИТЕСЬ, ЧЕРТ ПОБЕРИ! МЕСТА ХВАТИТ ВСЕМ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ВЫ НЕ БУДЕТЕ ТОЛПИТЬСЯ НА ОДНОМ ГРЕБАНОМ ПЯТАЧКЕ!

Крепкое словцо действует еще более отрезвляюще, чем пистолетные выстрелы, и, хотя наиболее упрямые остаются на шоссе (среди них Билл и Сара Оллнат, а также Джонни и Кэрри Карвер), остальные идут вдоль Купола. Некоторые поворачивают направо, но большая часть смещается влево, на пастбище Динсмора, где продвижению не мешают кусты. Генриетта и Петра среди них, обе чуть пошатываются, отдав должное «канадской пороховой ракете».

Генри убирает пистолет и велит другим патрульным последовать его примеру. Уэндлстет и Конрой подчиняются, но Джо Боксер по-прежнему держит в руке револьвер тридцать восьмого калибра с укороченным стволом — «сэтеди-найт спешл», если Генри не ошибается.

— Заставь меня, — фыркает Боксер, и Генри думает: *Это кошмарный сон. Я скоро проснусь в собственной постели, и подойду к окну, и постою там, любуясь прекрасным, свежим осенним днем.*

Многие из тех, кто решил не ходить к Куполу (и среди них пугающе велико число тех, у кого возникли проблемы с дыханием), могли наблюдать за происходящим по телевизору. Тридцать или сорок человек собрались в «Дипперсе». Томми и Уиллоу Андерсоны у Купола, но дверь в ресторан они оставили открытой, а телевизор — включенным. Люди, которые собрались на паркет танцевальной площадки, ведут себя очень тихо, лишь изредка слышится негромкий плач. Картинка, спасибо телевидению, высокого разрешения, четкая и яркая. И от увиденного рвется сердце.

Не только они потрясены видом восьмисот человек, выстроившихся вдоль невидимого барьера, некоторые опираются руками, казалось бы, о воздух. Вольф Блитцер говорит:

— Никогда не видел такой тоски на человеческих лицах. Я... — У него перехватывает дыхание. — Я думаю, эти кадры говорят сами за себя.

Он молчит, и это хорошо. Происходящее не требует словесного описания.

На пресс-конференции Кокс разъяснил: «Родственники вылезут из автобусов и пешком пойдут к Куполу... Гостям будет разрешено находиться на расстоянии двух ярдов от Купола. Мы полагаем, что это безопасно, хотя не даем никаких гарантий». Конечно же, жизнь вносит коррективы. Как только двери автобусов открываются, люди выскакивают из них и несутся к Куполу, выкрикивая имена своих самых родных и близких. Некоторые падают и попадают под ноги другим (один человек погибнет, четырнадцать получают травмы, из них шестеро — серьезные). Солдат, которые пытаются обеспечить зону безопасности у самого Купола, сметают. Желтые ленты с надписью «БЛИЖЕ НЕ ПОДХОДИТЬ» — сорваны, их втаптывают в пыль десятки и сотни ног. Вновь прибывающие, оказавшись рядом с Куполом, бегут вдоль него, плача и выкрикивая имена жен, мужей, родителей, сыновей, дочерей, невест и женихов. Четыре человека то ли солгали, отвечая на вопрос о наличии вживленных электронных медицинских устройств, то ли забыли про них. Трое умирают мгновенно. Четвертый — он не увидел в списке запрещенных устройств вживленный слуховой аппарат, работающий от батарейки — пролежит в коме неделю, прежде чем многочисленные мозговые кровотечения не сведут его в могилу.

Мало-помалу все утрясается, и камеры, выдающие общую картинку на все телеканалы, ничего не упускают. Они замечают, как жители города и гости сводят ладони, разделенные невидимым барьером. Они наблюдают, как люди пытаются поцеловаться. Они дают крупным планом мужчин и женщин, которые плачут, глядя друг другу в глаза. Они показывают тех, кто падает, потеряв сознание, как внутри Купола, так и за его пределами, и тех, кто молится, стоя на коленях, лицом друг к другу, воздев руки. Они фокусируются на мужчине, находящемся снаружи, который молотит кулаками по преграде, не пускающей его к беременной жене, и молотит до тех пор, пока не лопаются кожа и кровавые капли не повисают в воздухе. Они надолго задерживаются на старушке, которая пытается прикоснуться кончиками пальцев ко лбу рыдающей внучки, но только вдавливают их в невидимую преграду.

Вертолет с камерой вновь поднимается в воздух и зависает, передавая картинку двойной человеческой змеи, растянувшейся более чем на четверть мили. Со стороны Моттона листья пламенеют и танцуют, как им и положено в октябре; на стороне Честерс-Милла они обвисшие и

неподвижные. За спинами горожан, на шоссе, на полях, в кустах, валяются десятки принесенных ими плакатов. В миг воссоединения (почти воссоединения) политика и протесты забыты.

Кэнди Краули говорит:

— Вольф, это вне всякого сомнения самое грустное, самое странное событие, которое мне пришлось освещать за всю мою репортерскую жизнь.

Однако человеческие существа славятся умением приспосабливаться к обстоятельствам, и мало-помалу волнение и необычность ситуации начинают отходить на задний план. Родственники теперь просто общаются. Тех, кто не выдержал напряжения — по обе стороны Купола, — уносят. Со стороны Милла нет палатки Красного Креста, поэтому полицейские укладывают пострадавших в тени патрульных автомобилей, в ожидании Памелы Чен и школьного автобуса.

В полицейском участке члены штурмовой группы, которой предстоит захват ХНВ, наблюдают за происходящим у Купола с той же молчаливой зачарованностью. Рэндолф им не мешает: время еще есть. Он проверяет имена по своему списку, потом взмахом руки предлагает Фредди Дентону выйти с ним на площадку у лестницы. Он ожидал, что Фредди будет недоволен тем, что руководство операцией досталось не ему (Питер Рэндолф всю жизнь мерил других по себе), но ничего такого нет и в помине. Это куда более серьезное задание, чем вытаскивать старика алкоголика из продуктового магазинчика, и Фредди только рад, что вся ответственность лежит на ком-то еще. Он не против того, чтобы лавры достались ему, если все пройдет хорошо, но, допустим, не пройдет? Рэндолф об этом не задумывается. Один безработный смутьян и один мягкотелый фармацевт, который не скажет «говно», даже если увидит его в своей овсянке? Да что при таком раскладе может пойти не так?

И тут выясняется, когда они стоят у лестницы, с которой не так уж и давно столкнули Пайпер Либби, что полностью увильнуть от руководства операцией Фредди не удастся. Рэндолф протягивает ему листок. Это список из семи человек. Один из них — Фредди. Остальные: Мел Сирлс, Джордж Фредерик, Марти Арсено, Обри Таул, Коротышка Норман и Лорен Конри.

— Ты поведешь эту группу по лесовозной дороге, — говорит Рэндолф. — Знаешь ее?

— Да, отходит от Литл-Битч ближе к городу. Отец Сэма Бухло проложил эту...

— Мне без разницы, кто ее проложил, — обрывает его Рэндолф. — Твое дело — проехать по ней до конца. В полдень проведешь своих людей

через лес. Вы выйдете к радиостанции с тыла. *В полдень*, Фред. Это означает, ни минутой раньше и ни минутой позже.

— Я думал, мы все пойдем тем путем, Пит.

— Планы изменились.

— Большой Джим знает, что они изменились?

— Большой Джим — член городского управления, Фредди. Я — начальник полиции. И твой, между прочим, начальник, так что заткнись и слушай.

— Из-ви-ни. — И Фред лодочками прикладывает руки к ушам, проявляя, мягко говоря, неуважение.

— Я проеду по Литл-Битч чуть дальше поворота к радиостанции. Возьму с собой Стюарта и Ферна. А также Роджера Кильяна. Если Буши и Сандерсу достанет глупости открыть по вам стрельбу — другими словами, если мы услышим выстрелы, — то выдвинемся к радиостанции и нападём на них с тыла. Ты это понял?

— Да.

— Хорошо, давай синхронизируем часы.

— Э... что?

Рэндолф вздыхает:

— Мы должны убедиться, что ходят они у нас одинаково и полдень наступит одновременно для нас обоих.

На лице Фредди по-прежнему написано недоумение, но он подчиняется.

Из полицейского участка доносится чей-то — похоже, Коротышки — крик:

— Ух ты! Еще один мордой в пыль! Они складировать обморочников за патрульными машинами, как дрова!

Ему ответили смех и аплодисменты. Все пребывали в отличном настроении, предвкушая то, что Мелвин Сирлс назвал «возможной стрелковой практикой».

— Выезжаем в четверть двенадцатого, — говорит Рэндолф Фредди. — Телевизор можем посмотреть еще почти сорок пять минут.

— Хочешь поп-корна? — спрашивает Фредди. — У нас целая миска в полке над микроволновкой.

— Почему нет?

У Купола Генри Моррисон идет к своему патрульному автомобилю и пьет воду. Форма насквозь мокрая от пота, и он не помнит, когда ощущал такую усталость (Генри думает, что причина в плохом воздухе: ему никак

не удастся вдохнуть полной грудью), но в целом доволен и собой, и своими людьми. Давки у Купола удалось избежать, никто не умер на этой стороне — пока не умер, — и люди успокаиваются. Полдюжина телевизионщиков с камерами бегает взад-вперед со стороны Моттона, стараясь запечатлеть как можно больше примеров счастливого воссоединения. Генри знает, что это вторжение в личную жизнь, но полагает, что Америка и весь мир имеют право видеть такое. Да и сами люди, похоже, не возражают. Некоторым даже нравится; они получают свои пятнадцать минут славы. У Генри есть возможность поискать отца и мать, но он не удивлен тем, что не видит их. Они давно уже уехали в Дерри, да и возраст у них приличный. Он сомневается, что их имена внесли в список участников лотереи, с помощью которой отбирались гости.

Новый вертолет летит с запада, и, хотя Генри этого не знает, в нем полковник Кокс. День встреч, по его разумению, проходит неплохо. Ему сказали, что от Честерс-Милла никто в пресс-конференции участвовать не собирается, но его это не удивляет и не огорчает. С учетом информации, которая уже накопилась у него, он бы даже удивился, если бы Ренни пришел на пресс-конференцию. За долгие годы Коксу приходилось иметь дело со многими людьми, так что трусливого демагога он чувствует за милую душу.

Потом Кокс видит длинную цепочку гостей и стоящих лицом к ним горожан. Этого вполне хватает, чтобы Джеймс Ренни вылетел у него из головы.

— Жуть какая-то, — шепчет он. — Никто и никогда не видел ничего более жуткого.

...Под Куполом экстренно назначенный помощник Тоби Мэннинг кричит:

— Едет автобус! — Штатские на это внимания не обращают — они или беседуют с родственниками, или еще их разыскивают, — а вот полицейские встречают известие радостным ревом.

Генри подходит к заднему бамперу своего патрульного автомобиля, и да, большой желтый школьный автобус как раз проезжает мимо «Салона подержанных автомобилей Джима Ренни». Памела Чен весит не больше ста пяти фунтов, и только в мокрой одежде, но теперь она в центре внимания. За рулем большого автобуса.

Генри смотрит на часы: двадцать минут двенадцатого. *Мы справимся. Очень даже справимся.*

По Главной улице три больших оранжевых грузовика поднимаются по склону холма у городской площади. В кабине третьего сидят Стю, Ферн и

Роджер (от которого разит курами). Грузовики направляются к Литл-Битч-роуд и радиостанции.

Вдруг Рэндолфа осеняет, и он едва сдерживается, чтобы не ударить себя ладонью по лбу. Оружия у них предостаточно, но они забыли каски и кевларовые бронежилеты. Вернуться за ними? Если вернутся, тогда выйдут на исходную позицию в четверть первого, а то и позже. Да и жилеты наверняка окажутся излишней предосторожностью. Их одиннадцать против двоих, и эти двое — обкуренные до чертиков.

Действительно, все должно пройти как по писаному.

Энди Сандерс занял позицию за тем же дубом, что и в прошлый раз, когда горькие люди пытались подъехать к радиостанции. Гранат он с собой не взял, зато засунул под ремень шесть полных рожков на животе и четыре на поясице.

Еще два десятка лежали в деревянном ящике, который стоял у его ног. Патронов хватало, чтобы положить целую армию... хотя он считал, что с ним справятся очень быстро, если Большой Джим действительно пошлет против них целую армию. В конце концов, обычная его работа — продавать пилюли.

Какая-то часть Энди не могла поверить, что он действительно это делает, но другая часть — о существовании которой первый член городского управления и не подозревал, пока не приобщился к мету, — мрачно радовалась. При том еще и злилась. Большим Джимами этого мира тут ничего не обломится, и они ничего не смогут отсюда увезти. На сей раз не будет никаких переговоров, никакой политики, никаких компромиссов. Он встанет плечом к плечу со своим *братом по духу*. Энди понимал, что настроение у него нигилистическое, но не видел в этом ничего предосудительного. Он провел жизнь, просчитывая стоимость всего, и теперь обусловленное метом состояние плевать-мне-на-все воспринималось переменой к лучшему.

Энди услышал шум двигателей приближающихся грузовиков и глянул на часы. Те остановились. Он посмотрел на небо и по положению желто-белого расплывчатого пятна, в которое превратилось солнце, понял, что скоро полдень.

Энди по-прежнему вслушивался в шум дизельных моторов, а когда он разделился, осознал, что его друг и товарищ все просчитал правильно — как просчитывает комбинацию соперника опытный защитник в воскресной игре. Часть грузовиков свернула на лесовозную дорогу, которая выводила в тыл радиостанции.

Энди глубоко затянулся очередной жарешкой, насколько мог долго задержал дыхание, потом выдохнул. С сожалением бросил окурочку и растоптал. Он не хотел, чтобы дым (каким бы сладостным он ни был) выдал его позицию.

Я люблю тебя. Шеф.

И Энди Сандерс снял с предохранителя свой «калаш».

Тонкая цепь перегораживала лесовозную дорогу. Фредди, который сидел за рулем первого грузовика, не тормозя, просто порвал ее радиаторной решеткой. Затем он, а за ним и второй грузовик (им управлял Мел Сирлс) углубились в лес.

За рулем третьего грузовика сидел Стюарт Боуи. Он остановился посреди Литл-Битч-роуд, кивком указал на башню ХНВ, потом посмотрел на Рэндолфа, стиснутого Ферном и дверью. Между колен шеф держал полуавтоматический карабин ХК — «хеклер-и-кох».

— Проедешь еще полмили, — приказал Рэндолф, — потом сверни на обочину и заглуши двигатель. — Часы показывали одиннадцать тридцать пять. Отлично. Времени хватало.

— Какой план? — спросил Ферн.

— План — ждем до полудня. Когда услышим стрельбу, сразу выходим и берем противника с тыла.

— Эти грузовики очень уж шумные, — вставил Роджер Кильян. — Вдруг эти парни нас услышат? Мы потеряем, как его там, — алимент внезапности.

— Они нас не услышат, — заверил его Рэндолф. — Они будут сидеть в студии, смотреть телевизор, наслаждаясь кондиционированным воздухом. Даже не поймут, что с ними случилось.

— Не следовало ли нам взять бронежилеты или что-то в этом роде? — спросил Стюарт.

— Зачем таскать на себе такую тяжесть в жаркий день? Эти Чич и Чон [178] окажутся в аду еще до того, как поймут, что они мертвы.

За несколько минут до полудня Джулия огляделась и увидела, что Барби ушел. Когда вернулась к фермерскому дому, он загружал консервы в кузов автофургона «Эглантерии». Несколько сумок поставил и в украденный микроавтобус телефонной компании.

— Что ты делаешь? — спросила она. — Мы только вчера вечером все разгрузили.

Барби повернулся к ней. Лицо напряженное, без тени улыбки.

— Я знаю, и думаю, что мы поступили неправильно. Не могу утверждать, сказывается близость коробочки или нет, но у меня такое ощущение, что увеличительное стекло, о котором говорил Расти, наведено мне на голову, и очень скоро взойдет солнце и начнет светить через него. Надеюсь, что я не прав.

Она пристально всмотрелась в него:

— Нужно еще что-то грузить? Я тебе помогу. Выгрузить мы всегда успеем.

— Да. — Барби натужно улыбнулся. — Выгрузить мы всегда успеем.

Лесовозная дорога заканчивалась на небольшой вырубке, где стоял давно заброшенный дом. Оба оранжевых грузовика подкатили к нему, и копы вылезли из кабин. Из кузова первого грузовика достали длинные тяжелые сумки с надписью «МИНИСТЕРСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» на каждой. На одной сумке какой-то шутник добавил черным маркером: «ПОМНИ АЛАМО». В сумках лежали полуавтоматические карабины ХК, два восьмизарядных помповика «моссберг» и патроны, патроны, патроны.

— Фред, не следовало ли нам взять бронежилеты или что-то такое? — спросил Коротышка Норман.

— Мы нападём на них сзади, Коротышка. Волноваться не о чем. — Фредди надеялся, что в его голосе звучит та уверенность, которой он не чувствовал. Желудок бултыхался.

— Мы дадим им шанс сдаться? — спросил Мел. — Я хочу сказать: мистер Сандерс был членом городского управления и все такое...

Фредди подумал об этом. Подумал также и о Стене доблести, которую украшали фотографии трех копов Честерс-Милла, погибших при исполнении служебных обязанностей после Второй мировой войны. Он совершенно не хотел, чтобы на этой Стене появилась его фотография, а поскольку чиф Рэндолф на сей счет никакого приказа не отдал, решил действовать по собственному усмотрению.

— Если они поднимут руки, будут жить. Если они безоружные, будут жить. При любом другом гребаном раскладе они умрут. Есть возражения?

Возражений он не услышал. До полудня оставалось четыре минуты. Совсем ничего.

Фредди оглядел своих мужчин (плюс Лорен Конри, с таким суровым лицом и маленьким бюстом, что вполне могла сойти за парня), глубоко вдохнул и отдал приказ:

— Следуйте за мной. Колонной по одному. Остановимся на опушке и посмотрим, что делать дальше.

Опасения Рэндолфа насчет ядовитых дуба и плюща оказались беспочвенными, деревья отстояли достаточно далеко друг от друга, и продвигались копы быстро, пусть оружие и патроны весили немало. Фредди подумал, что едва ли им удалось бы идти так легко и бесшумно, попадись на пути заросли можжевельника. У него начало складываться

ощущение, что все будет хорошо. Собственно, ему уже не терпелось добраться до радиостанции. Теперь, когда операция началась, бабочки страха перестали трепыхаться в животе.

Все пройдет легко. Легко и спокойно. А потом — бах! Они и не узнают, что с ними случилось.

Шеф, укрывшийся за автофургоном с синими бортами, который стоял теперь в высокой траве позади складского здания, услышал их, как только они покинули вырубку, где лачуга старого Вердро медленно вращалась в землю. Для обостренного наркотиком слуха и мозга, находящегося в зоне красного уровня опасности, шумели они, как стадо буйволов, идущее на водопой.

Он поспешил к передней части фургона, встал на колени, положил ствол автомата на бампер. Гранаты, раньше привязанные к «Божьему воину», теперь лежали на земле. Пот блестел на тощей, в прыщах, спине Шефа. Гаражный пульт он зацепил за пояс пижамных штанов с лягушками.

Не торопись, наказывал он себе. Ты не знаешь, сколько их. Не начинай стрелять, пока они все не выйдут из леса, а потом быстренько выкоси их всех.

Несколько рожков для «Божьего воина» он положил на землю перед собой, надеясь, что Энди не придется свистеть. Надеюсь, что не придется и ему. Возможно, сегодня им удастся выкрутиться и принять бой еще и завтра.

Фредди Дентон добрался до опушки леса, отогнул еловую ветку стволом карабина, выглянул. Увидел заросшее высокой травой поле, посреди него стояла башня-транслятор, издававшая низкий гул, от которого дребезжали пломбы зубов. Башню окружал забор с закрепленными на нем щитами с надписью «ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ». По левую руку Фредди находилось одноэтажное кирпичное здание радиостудии. А между ними — большой амбар с красными стенами. Фредди предположил, что амбар используется как склад. Или для производства наркотиков. Или для первого и второго.

Рядом с ним возник Марти Арсено. Под мышками на форменной рубашке темнели круги пота. В глазах застыл ужас.

— А что делает здесь этот фургон? — указал он стволом карабина.

— Это же фургон «Трапезы на колесах». Для сырых и голодных. Или ты не видел такие в городе?

— Видел и помогал загружать. В прошлом году я перестал ходить в католический храм, отдав предпочтение церкви Святого Искупителя. Почему он не в гараже?

— Откуда мне знать и что мне до того? Ведь эти парни в студии.

— С чего ты так решил?

— Потому что там стоит телевизор и большое шоу «У Купола» транслируется по всем каналам.

Марти поднял ХК:

— Позволь мне всадить в фургон несколько пуль. Возможно, он заминирован. Или они засели в нем.

Фредди опустил ствол его карабина:

— Святой Иисус, ты спятил? Они не знают, что мы здесь, а ты хочешь нас выдать? У твоей матери выжил хоть один ребенок?

— Пошел ты, — фыркнул Марти. Подумав, добавил: — Вместе со своей матерью.

Фредди оглянулся.

— Вперед. Идем через поле к студии. Поглядывайте на задние окна. Если противник в них появится, стреляйте. — Он улыбнулся: — Счастливого плавания.

Обри Таул, который всегда говорил мало, и теперь обронил только одно слово:

— Поглядим.

В грузовике, который остался на Литл-Битч-роуд, Ферн Боуи нарушил долгое молчание:

— Я ничего не слышу.

— Услышишь, — заверил его Рэндолф. — Подожди.

Часы показывали две минуты первого.

Шеф наблюдал, как горькие люди вышли из-под деревьев и по диагонали двинулись по полю к студии. Трое в форменных рубашках, еще четверо — в синих, которые, как догадался Шеф, считались форменными. Он узнал Лорен Конри (давнюю клиентку из того времени, когда он приторговывал травкой) и Коротышку Нормана, местного антиквара. Узнал также и Мела Сирлса, еще одного давнего клиента и друга Младшего. А также друга недавно усопшего Дилессепса, и сие, вероятно, означало, что Сирлс был одним из тех, кто изнасиловал Сэмми. Что ж, после этого дня ему больше никого не удастся изнасиловать.

Семеро. Во всяком случае, на этой стороне. И кто знает, сколько на стороне Сандерса?

Шеф ждал, что выйдут еще, но никто не вышел, поэтому он поднялся, уперся локтями в капот автофургона и прокричал:

— ВОТ, ПРИХОДИТ ДЕНЬ ГОСПОДА ЛЮТЫЙ, С ГНЕВОМ И ПЫЛАЮЩЕЮ ЯРОСТЬЮ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЗЕМЛЮ ПУСТЫНЕЮ!

Их головы повернулись к нему, и на мгновение они застыли, не пытаясь ни поднять оружие, ни разбежаться. Шеф видел, что никакие они не копы; всего лишь птички на земле, слишком глупые, чтобы взлететь.

— И ИСТРЕБИТЬ С НЕЕ ГРЕШНИКОВ ЕЕ! КНИГА ИСАИИ ТРИНАДЦАТЬ! ПОЛУЧАЙТЕ, УБЛЮДКИ!

С таким напутствием Шеф открыл огонь, поведя стволом слева направо. Двоих полицейских в форме и Коротышку Нормана отбросило назад, будто сломанные куклы, их кровь окрасила траву. Выжившие вышли из состояния ступора. Двое бросились к лесу. Конри и последний оставшийся коп в форме — к студии. Шеф взял их на прицел и вновь открыл огонь. «Калашников» выплюнул короткую очередь и затих: рожок опустел.

Конри хлопнула рукой себе по шее, словно ее укусила муха, и упала в траву лицом вниз. Дважды дернула ногой и затихла. Второй — лысый коп — добрался до студии. Шефа не интересовала парочка, скрывшаяся в лесу, но он не хотел упустить Лысого. Если бы Лысый обогнул угол, он мог увидеть Сандерса и выстрелить ему в спину.

Шеф схватил полный рожок и загнал его в гнездо на место пустого.

Фредерик Говард Дентон, он же Лысый, ни о чем не думал, когда добрался до задней стены студии ХНВ. Он видел, как Конри упала на землю с простреленной шеей, и на том рациональные мысли закончились. Знал Фредди только одно — не хотел, чтобы его фотографию повесили на Стену доблести. Он понимал, что должен найти укрытие, то есть попасть в студию. Дверь нашел. За ней какая-то музыкальная группа исполняла псалом «Соединим руки вокруг Его трона».

Фредди схватился за ручку. Она не поворачивалась.

Заперто.

Он выронил карабин, поднял руку, которая только что держала его, закричал:

— Я сдаюсь! Не стреляйте, я сда...

Три тяжелых удара пришлось в поясницу. Он увидел красное, выплеснувшееся на дверь, и успел подумать: *Следовало нам вспомнить про бронежилеты*. Ноги подогнулись, но он продолжал держаться за ручку одной рукой, тогда как мир стремительно уходил от него. Все, кем он был, и все, что он знал, сошлось в единственную яркую точку света. Потом потухла и она. Рука соскользнула с ручки. Фредди умер на коленях, привалившись к двери.

Мелвин Сирлс тоже не думал. Мел увидел, как Марти Арсено, Джордж Фредерик и Коротышка Норман повалились в траву, срезанные автоматной очередью, и почувствовал, как одна пуля просвистела буквально перед его глазами, а такое не способствует мыслительному процессу.

Мел просто побежал.

Ломился сквозь деревья, не замечая веток, которые хлестали по лицу, однажды упал, вскочил и не останавливался, пока не добрался до вырубki, на которой стояли грузовики. Здравомыслие подсказывало, что надо прыгнуть в кабину, завести двигатель и дать деру, но Мел и здравомыслие компанию уже не водили. Возможно, он так бы и бежал по лесовозной дороге до Литл-Битч, если бы второй выживший из той штурмовой группы, которая собиралась атаковать радиостанцию с тыла, не схватил его за плечо и не бросил на ствол большой сосны.

Это был Обри Таул, брат владельца книжного магазина. Крупный, неуклюжий, светлоглазый мужчина, который иногда помогал брату выставлять на полки книги. Говорил Обри редко, и некоторые горожане считали его туповатым, но сейчас таким он не выглядел. И паники в нем не чувствовалось.

— Я собираюсь вернуться и пришить этого сукина сына, — сообщил Обри Мелу.

— Удачи тебе, дружище. — Мел оттолкнулся от дерева и повернулся к лесовозной дороге.

Обри вернул его к стволу, на этот раз с большей силой. Откинул волосы с глаз, наставил карабин «хеклер-и-кох» на Мела:

— Ты никуда не пойдешь.

От радиостанции вновь донеслась стрельба. Потом крики.

— Ты это слышишь? — спросил Мел. — Тебе хочется вновь туда лезть?

Обри терпеливо смотрел на него.

— Тебе туда идти не обязательно, но ты должен меня прикрывать. Понимаешь? Ты это сделаешь, или я тебя пристрелю.

Губы чифа Рэндолфа изогнулись в сухой улыбке.

— Противник втянут в бой. Все согласно плану. Поезжай, Стюарт. Свернешь на подъездную дорожку к радиостанции. Мы выйдем и пройдем через студию.

— А если они на складе?

— Тогда мы все равно ударим им в тыл. А теперь *поезжай*! Чтобы не опоздать.

Стюарт Боуи поехал.

Энди услышал стрельбу, донесшуюся из-за складского здания, но Шеф не засвистел, и он остался там, где был, за деревом. Надеялся, что у Шефа все в порядке, поскольку у Энди возникли свои проблемы: оранжевый грузовик сворачивал на подъездную дорожку.

Энди продвигался вокруг дерева так, чтобы ствол постоянно находился между ним и грузовиком. Тот остановился. Открылись дверцы кабины, и четыре человека спрыгнули на землю. Энди показалось, что трое из них приезжали и в прошлый раз... мистер Куриц точно приезжал: эти зеленые резиновые сапоги Энди узнал бы где угодно. Горькие люди. Энди не собирался пропускать их в тыл Шефа.

Он вышел из-за дерева и зашагал по подъездной дорожке. «Клодетт» держал у груди, направив ствол в небо. Под ногами скрипел гравий, но Энди мог не опасаться, что его услышат: Стюарт оставил двигатель работающим, а в студии гремела церковная музыка.

Энди нацелил «Калашников» на горьких людей, но заставил себя подождать. *Пусть подойдут ближе друг к другу, если подойдут.* И они действительно подошли к двери в студию, сгрудившись в кучу.

— Ух ты, это ж мистер Куриц и его друзья, — произнес Энди с интонациями Джона Уэйна. — Как дела, мальчики?

Они начали разворачиваться.

За тебя, Шеф! Энди открыл огонь.

Первой же очередью он убил братьев Боуи и мистера Курица. Рэндолфа только зацепил. Как и учил его Шеф, отсоединил пустой рожок от автомата, вытащил полный из-за пояса и загнал в гнездо. Чиф Рэндолф полз к двери студии, кровь лилась из его правой руки и ноги. Он оглянулся, огромные глаза ярко блестели на потном лице.

— Пожалуйста, Энди, — прошептал он. — Нам приказано не причинять тебе вреда, только привезти в город, чтобы ты мог и дальше работать с Джимом.

— Точно, — кивнул Энди и рассмеялся. — Кому ты вешаешь лапшу на уши? Вы хотели взять все это...

За студией загрохотали выстрелы. Возможно, Шеф в беде, возможно, нуждается в помощи. Энди поднял «клодетт».

— *Пожалуйста, не убивай меня!* — закричал Рэндолф. Закрыв лицо рукой.

— Лучше подумай об обеде с ростбифом, который ждет тебя у Иисуса. Уже через три секунды будешь разворачивать салфетку.

Короткая очередь отбросила Рэндолфа чуть ли не к самой двери. Энди уже бежал вокруг здания, на ходу меняя частично опорожненный рожок на новый.

С поля за студией донесся резкий свист.

— Я иду, Шеф! — прокричал Энди. — *Я иду, держись!*

Что-то взорвалось.

— Прикрой меня, — мрачно бросил Обри, стоя у опушки. Он снял рубашку, разорвал ее надвое, половиной обвязал голову, совсем как Рэмбо. — И если ты думаешь о том, чтобы убить меня, сделай это с первого раза, потому что, если не убьешь, я доберусь до тебя и перережу глотку.

— Я тебя прикрою, — пообещал Мел. И собирался прикрыть. Здесь, у опушки, он чувствовал себя в безопасности. Во всяком случае, в сравнении с полем.

— Этому рехнувшемуся любителю мета такое с рук не сойдет. — Обри учащенно дышал, настраивая себя на бой. — Этот лузер, этот обкурившийся ублюдок... — Он возвысил голос: — *Я иду за тобой, чокнутый, обкурившийся ублюдок!*

Шеф вышел из-за фургона «Трапезы на колесах», чтобы посмотреть на своих жертв. Он повернулся к лесу в тот самый момент, когда Обри Таул выскочил из-под деревьев, крича во всю мощь легких.

Тут Мел начал стрелять, и, хотя пули летели далеко в стороне, Шеф инстинктивно присел. Когда он это сделал, гаражный пульт соскользнул с пояса пижамных штанов и упал в траву. Шеф потянулся к нему, и тут уже Обри открыл огонь из своей автоматической винтовки. Пули пробивали борт фургона, одна разбила на мелкие осколки боковое стекло кабины со стороны пассажирского сиденья, другая звякнула о стойку ветрового стекла.

Шеф оставил гаражный пульт на земле и открыл ответный огонь. Но тот уже лишился элемента внезапности, и Обри Таул не стоял на месте, зигзагом неся к башне-транслятору. Она, возможно, не прикрыла бы его, но зато теперь он уже не перекрывал Сирлсу линию огня.

Обойма Обри опустела, но последняя пуля чиркнула по голове Шефа. Полилась кровь, клочок волос упал на тощее плечо, прилип к потной коже. Шеф шлепнулся на задницу, на мгновение выпустив из рук «Божьего воина», вновь подхватил его. Он не думал, что серьезно ранен, но полагал, что Сандерсу самое время прийти сюда, если тот еще жив. Шеф сунул два пальца в рот и свистнул.

Обри Таул добрался до забора, который окружал башню-транслятор в тот момент, когда Мел вновь начал стрелять с опушки. На этот раз он избрал мишенью заднюю часть фургона «Трапезы на колесах». Пули рвали

металл. Взорвался бензобак, взметнулось пламя, охватив кузов.

Шеф почувствовал, как спину окатило жаром, и успел подумать о гранатах. Взорвутся ли? Увидел, что мужчина, добравшийся до забора, целится в него, и внезапно понял, что поставлен перед выбором: или открыть ответный огонь, или схватить гаражный пульт. Он выбрал пульт, и, когда его пальцы сомкнулись на нем, воздух вокруг наполнился невидимыми жужжащими пчелами. Одна ужалила в плечо, вторая вонзилась в бок и навела беспорядок во внутренностях. Шеф Буши упал, покатился по траве, вновь выпустив из руки пульт. Потянулся к нему, но вокруг зажужжал второй рой. Шеф пополз в высокую траву, оставив гаражный пульт на прежнем месте, надеясь только на Сандерса. Мужчина шел к нему от забора у башни-транслятора. *Единственный храбрец из семи горьких людей*, подумал Шеф. *Да, единственный.* «Божий воин» теперь стал очень тяжелым, собственное тело стало очень тяжелым, но Шеф сумел встать на колени и нажать на спусковой крючок.

Ничего не произошло.

То ли он расстрелял весь рожок, то ли патрон заклинило.

— Тупой ублюдок, — сказал Обри Таул. — Рехнувшийся торчок. Будешь знать...

— «Клодетт»! — закричал Сандерс.

Таул развернулся, но опоздал. Прогремела короткая очередь, и четыре пули китайского производства калибра 7,62 мм сорвали с плеч большую часть головы Обри.

— Шеф! — Сандерс побежал к тому месту, где его друг стоял на коленях. Кровь текла из плеча, из бока, с виска. Вся левая половина лица влажно блестела красным. — *Шеф! Шеф!* — Он упал на колени и обнял Шефа. Оба не увидели, как Мел Сирлс, единственный, кто остался в живых из всей штурмовой группы, вышел из леса и осторожно двинулся к ним.

— Возьми пусковик, — прошептал Шеф.

— Что? — Энди посмотрел на спусковой крючок «клодетт», но, очевидно, Шеф говорил о чем-то другом.

— Гаражный пульт, — пояснил Шеф. Его левый глаз залила кровь, но второй, очень яркий, пристально смотрел на Сандерса.

Энди увидел гаражный пульт, лежащий в траве, поднял, протянул Шефу. Тот сразу сжал его в руке.

— Ты... тоже... Сандерс.

Энди обхватил своей рукой руку Шефа.

— Я люблю тебя, Шеф. — И поцеловал его в сухие, в капельках крови губы.

— Люблю... тебя... тоже... Сандерс.

— Эй, пидоры! — воскликнул Мел с какой-то дьявольской веселостью. Он стоял в каких-то десяти ярдах от них. — Снимите себе номер. Нет, у меня идея получше. *Снимите номер в аду!*

— Сейчас... Сандерс... сейчас.

Мел открыл огонь. Энди и Шефа пули разбросали в разные стороны, но, прежде чем это произошло, их сцепленные руки нажали на белую кнопку с надписью «ОТКРЫТЬ».

Белый взрыв поглотил все вокруг.

Беженцы из Честерс-Милла устраивали пикник на краю яблоневого сада, когда до них вновь донеслись выстрелы — не с шоссе номер 119, а откуда-то с юго-запада.

— Это на Литл-Битч-роуд, — говорит Пайпер. — Господи, как жаль, что у нас нет бинокля.

Но им не нужен бинокль, чтобы увидеть желтый столб пламени после взрыва бензобака автофургона с бортовой надписью «Трапезы на колесах».

Твитч ест куриное рагу пластиковой ложкой.

— Не знаю, что там происходит, но я уверен, это на радиостанции.

Расти хватает Барби за плечо:

— Так вот где пропан! Они запасли его для производства наркотиков. *Там хранятся городские запасы пропана!*

У Барби было только мгновение, чтобы сообразить, что к чему; одно мгновение, пока не наступило самое худшее. В четырех милях от них белая искра вспыхивает на дымчатом небе, молния, которая бьет вверх, а не вниз. И тут же чудовищный взрыв прошибает дыру в свете дня. Красный шар огня поглощает сначала башню-транслятор ХНВ, потом окрестные леса и наконец весь горизонт по мере распространения на север и на юг.

Люди на Блэк-Ридж кричат, но не слышат себя. Их крики тонут в громоподобном нарастающем реве, вызванном взрывом восьмидесяти фунтов пластида и десяти тысяч галлонов пропана. Они прикрывают глаза и отшатываются, наступают на недоеденные сандвичи и расплескивают напитки. Терстон поднимает на руки Элис и Эйдена, и на мгновение Барби видит его лицо на фоне темнеющего неба — вытянувшееся и обьятое ужасом лицо человека, который смотрит на разверзшиеся ворота ада и ждущий за ними океан огня.

— Мы должны вернуться в дом! — кричит Барби.

Джулия, плача, принимает к нему. Позади нее Джо Макклэтчи пытается помочь рыдающей матери подняться. Эти люди никуда идти не могут, во всяком случае, какое-то время.

На юго-западе, где большая часть Литл-Битч-роуд перестанет существовать в ближайшие три минуты, желтовато-синее небо становится черным, и у Барби есть время подумать и с абсолютным спокойствием констатировать: *Теперь мы под увеличительным стеклом.*

Взрыв разбивает все окна в практически пустынной центральной части города, ломает ставни, вырывает телеграфные столбы, срывает двери с петель, расплющивает почтовые ящики. Большому Джиму Ренни и Картеру Тибодо кажется, что зал совещаний содрогается, как при землетрясении.

Телевизор по-прежнему работает. Вольф Блитцер спрашивает, в голосе слышна настоящая тревога:

— Что это? Андерсон Купер? Кэнди Кроули? Чед Майерс? Соледад О'Брайан? Кто-нибудь знает, что, черт побери, происходит? Что происходит?

У Купола все звезды американского новостного телевидения стоят, повернувшись лицом к Честерс-Миллу. Камеры показывают их спины. Они же, прикрыв глаза ладонью, смотрят за спины стоящих у Купола людей. Одна камера поднимается, и на мгновение на экране возникает чудовищное облако черного дыма, расползающееся по горизонту.

Картер вскакивает. Большой Джим хватается его за запястье:

— Взглянешь только одним глазком, чтобы оценить, как все плохо. И тут же назад. Мы сможем укрыться в атомном убежище.

— Хорошо.

Осколки от разбитых стеклянных панелей парадной двери скрипят под сапогами, когда он пересекает вестибюль. А выскочив на площадку у лестницы, видит такое, чего и представить бы себе не смог. Зрелище возвращает его в детство, и на мгновение он замирает, думая: *Это как самая сильная, самая жуткая гроза, которую кто-либо видел, только хуже.*

Небо на западе — оранжево-красный ад, окруженный клубящимися чернильно-черными облаками дыма. Воздух уже воняет взорвавшимся пропаном. Шум такой, словно десяток стальных дробилок работают на полную мощность.

Прямо над головой небо черно от летящих птиц.

Их вид — птицы, которым некуда лететь — возвращает Картера в реальность. Потом он ощущает поднимающийся ветер. Ветра не было в Честерс-Милле шесть дней, а этот — жаркий и мерзкий, воняющий пропаном и сожженным деревом.

Гигантский сломанный дуб приземляется на Главной улице, его ветви рвут давно обесточенные электрические провода.

Картер бежит обратно. Большой Джим стоит у двери в зал совещаний, мясистое лицо — бледное, испуганное и, впервые, неуверенное.

— Вниз! — кричит Картер. — В атомное убежище. Он надвигается.

Огненный фронт надвигается. И когда доберется сюда, сожрет этот город с потрохами.

Большой Джим стонет:

— Что наделали эти идиоты?

Картеру без разницы. Что бы кто ни наделал, этого не изменить. А если они не поспешат, все будет кончено и для них.

— Внизу есть установка для очистки воздуха, босс?

— Да.

— Подсоединена к генератору?

— Да, разумеется.

— Возблагодарим за это Иисуса. Может, у нас есть шанс.

Помогая Большому Джиму спуститься в убежище, с тем чтобы он двигался чуть быстрее, Картер надеется, что внизу они не сварятся живьем.

Раскрытые двери ночного клуба «Дипперс» с силой захлопываются. Стекланные панели вылетают из них залпом осколков, под который попадают люди, стоящие в глубине, на паркете танцевальной площадки. Уиту, брату Генри Моррисона, достается больше других: осколок вскрывает ему яремную вену.

Толпа бросается к дверям — телевизор с большим экраном забыт. Они топчут бедного Уита Моррисона, который лежит, умирая в расползающейся луже собственной крови. В дверях возникает пробка, торчащие осколки режут еще многих.

— Птицы! — кричит кто-то. — Господи, посмотрите на этих птиц.

Но большинство смотрит не вверх, а на запад, откуда огненный вал накатывает на них под небом, которое теперь черное, как в полночь, и насыщено ядовитым воздухом.

Те, кто может бежать, берут пример с птиц и семят трусцой или галопом по шоссе номер 117. Несколько человек бросаются к автомобилям, и на гравийной парковке, где в стародавние времена четверка местных парней пыталась избить Дейла Барбару, скрежещет металл врезающихся друг в друга автомобилей.

Велма Уинтер успевает запрыгнуть в свой старый пикап «датсан», прорывается к выезду с парковки, никого не зацепив и не подставившись под удар, и видит, что слева шоссе перекрыто бегущими людьми. Она смотрит в другую сторону и видит огненный вал, пожирающий лес между Литл-Битч-роуд и центром города, надвигающийся на них, как гигантский раздутый ветром парус. Поэтому плюет на пешеходов и выворачивает руль влево. Гонит, ничего не видя перед собой. Врезается в Карлу Вензиано,

которая убегает с младенцем на руках. Велма чувствует, как автомобиль подпрыгивает, перекатываясь через их тела, и решительно отказывается слышать крики Карлы: позвоночник у нее сломан, а малыш Стивен под ней и раздавлен насмерть. Велма знает только одно — она должна выбраться отсюда. И каким-то образом ей это удастся.

День встреч оборван внезапным апокалипсисом. Те, кто внутри, обнаруживают, что у них есть дела поважнее общения с родственниками. Гигантское грибовидное облако дыма растет на северо-западе, поднимается на колонне огня, которая уже высотой почти с милю. Первый порыв ветра — того самого, что погнал Картера и Большого Джима в атомное убежище — ударяет по ним, и их бросает на Купол (те, кто за Куполом, этого порыва не ощущают). И тем не менее люди за Куполом отступают от него. Счастливики — они *могут*.

Генриетта Клавар чувствует, как холодные пальцы сжимают ее руку. Поворачивается и видит Петру Сирлс. Волосы Петры вылезли из заколок, которые удерживали их, и висят у щек.

— Остался у вас сок радости? — спрашивает она, и ей удается выжать из себя призрачную улыбку: давай повеселимся напоследок.

— Извини, мы все выпили.

— Что ж... может, это значения и не имеет.

— Держись со мной, милая. Держись со мной. И все у нас будет хорошо.

Но, заглянув в глаза старухи, Петра не видит в них ни веры, ни надежды. Вечеринка близка к завершению.

А теперь смотрите. Смотрите, и вам откроется. Восемьсот человек прижаты к Куполу, их головы вскинуты вверх, глаза широко раскрыты, они наблюдают, как к ним мчится неизбежная смерть.

Здесь Джонни и Кэрри Карвер, и Брюс Ярдли, который работал в «Мире еды». Здесь Тэбби Моррел, ему принадлежит лесопилка, которая скоро превратится в пепел, и его жена Бонни; Тоби Мэннинг, продавец «Универмага Берпи»; Трина Коул и Донни Барибо; Уэнди Голдстоун с ее подругой и коллегой-учительницей Эллен Вейндестин; Билл Оллнат, который не поехал за школьным автобусом, и его жена Сара, которая призывает Иисуса, просит спасти от надвигающейся стены огня; здесь Тодд Уэндлстет и Мануэль Ортега, их лица обращены на запад, где мир исчезает в дыму; Томми и Уиллоу Андерсоны, которые больше не пригласят ни одну бостонскую рок-группу в свой ночной клуб. Посмотрите на них всех, население целого города, прижатое к невидимой стене.

За их спинами гости сначала пятятся, потом отступают, наконец бросаются в бегство. На автобусы они внимания не обращают, устремляются по шоссе к Моттону. Несколько солдат остаются на посту, но большинство бросает оружие и бежит за толпой, не оглядываясь, как Лот не оглядывался на Содом.

Кокс не бежит. Кокс подходит к Куполу и кричит:

— Эй! Командир!

Генри Моррисон поворачивается, направляется к полковнику, упирается руками в прочную и загадочную преграду, которую он не может видеть. Дышать трудно. Ветер, вызванный валом огня, ударяет в Купол, кружится, потом движется назад, навстречу голодному чудовищу, которое направляется к Куполу: черному волку с красными глазами. Здесь, на границе с Моттоном, овцы, которыми он собирается закусить.

— Помогите нам, — говорит Генри.

Кокс смотрит на огненный вал, прикидывает, что тот доберется до толпы максимум минут через пятнадцать, а может, даже и через три. Это не просто пожар или взрыв; в замкнутом и уже достаточно загрязненном пространстве — это катаклизм.

— Сэр, я не могу, — отвечает он.

Прежде чем Генри успевает что-то сказать, Джо Боксер хватается за руку. Мужчина что-то бессвязно лепечет.

— Прекрати, Джо, — говорит ему Генри. — Бежать некуда, остается только молиться.

Но Джо Боксер молиться не собирается. В руке он по-прежнему держит маленький револьвер и, еще раз взглянув на приближающийся ад, подносит револьвер к виску, словно хочет сыграть в русскую рулетку. Генри пытается перехватить руку, но уже поздно. Боксер нажимает на спусковой крючок. Умирает не сразу, фонтан крови бьет из его головы. Пошатываясь, Боксер отходит, размахивая маленьким револьвером, как носовым платком, и крича. Падает на колени, вскидывает руки к темнеющему небу, как человек, которому даровали откровение, и падает лицом вниз на места стертую белую разделительную полосу.

Генри ошеломленно поворачивается к полковнику Коксу, который одновременно и в трех футах от него, и в миллионе миль.

— Очень сожалею, друг мой, — говорит Кокс.

Подскакивает Памела Чен.

— Автобус! — кричит она, пытаясь перекрыть рев накатывающего огненного вала. — Мы должны сесть в автобус и попытаться проехать сквозь огонь! Это наш единственный шанс!

Генри знает, что никакой это не шанс, но кивает, бросает на Кокса последний взгляд (Коксу уже никогда не забыть эти жуткие, полные отчаяния глаза копа), берет Памелу за руку и следует за ней к автобусу номер 19, тогда как дымная тьма спешит им навстречу.

Огонь добирается до центра города и мчится вдоль Главной улицы. Мост мира испаряется. Большой Джим и Картер, сидящие в атомном убежище, сжимаются в комок, когда над ними взрывается муниципалитет. Кирпичные стены полицейского участка сначала вдавливаются внутрь, а потом обломками взлетают в небо. Статую Люсьена Кэлверта срывает с пьедестала. Люсьен летит в горячей черноте, храбро выставив перед собой винтовку. На лужайке перед библиотекой хэллоуиновская кукла в веселенькой шляпе-цилиндре и с садовыми совками вместо рук вспыхивает, как факел.

Громкое гудение — словно Господь включил свой пылесос — усиливается по мере того, как жаждущий кислорода огонь засасывает хороший воздух, чтобы заполнить свое единственное ядовитое легкое. Здания на Главной улице взрываются одно за другим, доски, и товары, и кровельная плитка, и стекло взлетают в воздух, словно конфетти в новогоднюю ночь: заколоченный кинотеатр, «Городской аптечный магазин Сандерса», «Универмаг Берпи», «Бензин и бакалея», книжный магазин, цветочный магазин, парикмахерская. В похоронном бюро самые последние трупы начинают жариться в металлических ящиках, словно куры в духовке. Огонь завершает свой триумфальный забег по Главной улице, поглотив «Мир еды», затем катится к «Дипперсу», на парковке которого еще кричат и машут руками владельцы столкнувшихся автомобилей. Последнее, что они видят в этом мире, — стена огня высотой в сотню ярдов, которая мчится на встречу с ними. Теперь пламя катится по главным дорогам, растапливая гудрон в жижу. Одновременно огонь добирается и до Истчестера, обращая в золу и пепел и дома яппи, и тех нескольких яппи, которые в них остались.

Миша Берпи скоро побежит к подвалу, но опоздает. Кухня взорвется вокруг нее, и последним, что она увидит на этой земле, станет ее плавающий холодильник «Амана».

Солдаты на границе Таркерса и Честерса, ближайшей к месту катастрофы, подаются назад, когда огонь бессильными кулаками молотит по Куполу, зачерняя его. Солдаты чувствуют жар, который проникает сквозь Купол. Температура за считанные секунды поднимается на двадцать

градусов, листья на ближайших деревьях жухнут. Один потом прокомментирует: «Все равно что стоять у стеклянного шара, внутри которого взорвалась атомная бомба».

Теперь на людей, стоящих у Купола, начинают падать мертвые и умирающие птицы: воробьи, малиновки, скворцы, вороны, чайки, даже гуси разбиваются о Купол, столкновения с которым они так быстро научились избегать. Через поле Динсмора несется лавина городских кошек и собак, а также скунсы, сурки, дикобразы. Среди них скачут олени, неуклюже бегут галопом несколько лосей и, разумеется, коровы Олдена Динсмора, выкатив глаза и мычанием озвучивая свою беду. Добираясь до Купола, они врезаются в него. Счастливые животные умирают. Несчастливые лежат со сломанными костями, лают, пищат, мяукают и ревут.

Олли Динсмор видит Долли, великолепную породистую корову, которая однажды выиграла ему синюю ленту победителя выставки (так назвала ее мать, подумав, что Олли и Долли очень клево). Долли тяжело бежит к Куполу, и чья-то собака кусает ей ноги, которые уже в крови. Она со всей силой врывается в Купол, и за ревом огня Олли удара не слышит... только он слышит внутренним слухом и видит, как обреченный пес набрасывается на Долли и начинает рвать ей незащитное вымя. И это еще более страшное зрелище, чем лежащий на кровати мертвый отец.

Вид коровы, которая когда-то была его любимицей, выводит подростка из транса. Он не знает, есть ли у него шанс пережить этот ужасный день, но перед его мысленным взором с удивительной четкостью возникают два предмета. Один — баллон с кислородом, на котором висит бейсболка «Ред сокс» его умершего отца. Второй — кислородная маска дедушки Тома, висящая на крючке в ванной. И когда Олли бежит к фермерскому дому, где он прожил всю жизнь — фермерскому дому, который скоро перестанет существовать, — в голове бьется только одна связная мысль: картофельный подвал. Вырытый под амбаром и уходящий под холм за ним картофельный подвал — возможно, самое безопасное место.

Беглецы все еще стоят на краю яблоневого сада. Барби не удастся заставить их услышать его, не говоря уж о том, чтобы сдвинуть с места. Однако он должен увести их к фермерскому дому и автомобилям. Скоро.

С Блэк-Ридж открывается панорамный вид на весь город, и Барби может проследить путь огня точно так же, как генерал — возможное направление движения вторгшейся армии по данным аэрофотосъемки.

Огонь продвигается на юго-восток и может остаться на западном берегу Престил-Стрим. Река, пусть и практически пересохшая, служит естественной преградой огню. Ветер, который создается огненным фронтом, тоже способствует тому, чтобы огонь не добрался до северной части города. Если огонь выжжет все на своем пути до границ с Касл-Роком и Моттоном — каблук и подошву башмака, — тогда, возможно, часть Честерс-Милла, граничащая с Ти-Эр-90 и северным Харлоу, уцелеет. По крайней мере от огня. Но тревожит Барби не огонь.

Тревожит его ветер.

Барби чувствует этот ветер, пролетающий над плечами и между ног, достаточно сильный, чтобы трепать одежду и бросать волосы Джулии ей на лицо. Ветер дует от них, чтобы питать огонь, и поскольку теперь Милл — практически замкнутое пространство, сквозь Купол поступает слишком мало хорошего воздуха в сравнении с тем, что они теряют. Барби однажды приснился кошмар, в котором мертвая золотая рыбка плавала брюшком вверх по поверхности аквариума, в котором не осталось кислорода.

Джулия поворачивается к нему, прежде чем он успевает схватить ее за руку, и указывает на человека, который бредет по Блэк-Ридж-роуд и что-то катит перед собой. С такого расстояния Барби не может сказать, мужчина идет или женщина, да и не имеет это значения. Кто бы он ни был, человек умрет от удушья задолго до того, как поднимется на гребень.

Барби сжимает руку Джулии и наклоняется к ее уху:

— Мы должны уходить. Возьми Пайпер за руку, и пусть она возьмет за руку соседа. Все...

— Как насчет него?! — кричит Джулия, по-прежнему указывая на одинокую фигуру. Он или она катит перед собой что-то вроде детского возка. Нагружен тот чем-то тяжелым, потому что фигура сгибается над ним и движется очень медленно.

Барби должен заставить ее понять, поскольку времени остается в обрез.

— Забудь о нем. Мы возвращаемся к фермерскому дому. *Сейчас*. Все берутся за руки, чтобы никто здесь не остался. — Она старается повернуться и посмотреть на него, но Барби ей не позволяет. Ему нужно ухо Джулии — в прямом смысле, — чтобы заставить ее понять. — Если мы не уйдем сейчас, будет поздно. Закончится воздух.

На шоссе номер 117 Велма Уинтер возглавляет кавалькаду мчащихся автомобилей на своем пикапе «датсан». Думать она может только об огне и дыме, заполняющих зеркало заднего обзора. Стрелка спидометра

колеблется около числа 70, когда она врывается в Купол, о котором, охваченная паникой, напрочь забыла (другими словами, еще одна птичка, только на земле). Столкновение происходит в том месте (но с другой стороны), где неделей раньше, сразу же после появления Купола, погибли Билли и Ванда Дибек, Нора Робишо и Эльза Эндрюс. Двигатель легкого пикапа Велмы вдавливаются в кабину и рвет женщину пополам. Ее верхняя часть вылетает через ветровое стекло, таща за собой кишки, будто длинные сосиски, и расплющивается о Купол, как толстое насекомое. Всего сталкивается двенадцать автомобилей. Кто-то гибнет на месте, большинство отделяется травмами, страдать от которых им остается недолго.

Генриетта и Петра чувствуют, как их окутывает жар. И они, и сотни жителей Честерс-Милла. Ветер поднимает их волосы и треплет одежду, которые скоро загорятся.

— Возьми меня за руку, милая, — говорит Генриетта, и Петра берет.

Они наблюдают, как большой желтый автобус с трудом разворачивается на достаточно узкой дороге. Переднее колесо едва не сваливается в кювет. Ричи Кильяну в последний момент удается разминуться с бортом благодаря тому, что он отскакивает назад. Но Ричи тут же бросается вперед, хватается за заднюю дверь автобуса, когда тот проезжает мимо, отталкивается ногами от земли и устраивается на ступеньке.

— Надеюсь, у них получится, — говорит Петра.

— Я тоже, милая.

— Но я в это не верю.

Теперь некоторые олени, бегущие к Куполу, охвачены огнем.

Генри сидит за рулем. Памела стоит рядом с ним, держась за хромированную стойку. Пассажиры — с дюжину горожан, которых загрузили в автобус раньше. Среди них Мейбл Олстон, Мэри-Лу Костас и ребенок Мэри-Лу, который по-прежнему в бейсболке Генри. На борту и вопящий Лео Ламуан, хотя его хворь эмоциональная, а не физическая: вопит он от ужаса.

— Дави на газ и гони на север! — кричит Памела. Огненный фронт совсем рядом, не более чем в пятистах ярдах, и его рев сотрясает мир. — Гони как дьявол и не останавливайся!

Генри знает, что это бесполезно, но знает и другое: он предпочитает уйти так, чем беспомощно прижиматься спиной к Куполу. Генри включает

дальний свет и давит на педаль газа. Памелу отбрасывает на колени к Чэзу Бендеру, учителю. Чэзу пришлось помогать подниматься в автобус, потому что у него начался приступ аритмии. Он удерживает Памелу, чтобы она не свалилась на пол. Сзади доносятся крики тревоги, но Генри едва их слышит. Он знает, что скоро дорога исчезнет из виду, несмотря на включенный дальний свет, но невелика беда. По долгу службы Генри проезжал этот участок сотни и тысячи раз.

«Используй силу, Люк», ^[179] — думает он и смеется, въезжая в пламенеющую тьму. Педаль газа вжата в пол до отказа.

Держась за заднюю дверцу, Ричи Кильян внезапно понимает, что не может дышать. Он успевает увидеть, как его руки охватывает огонь. Мгновением позже температура вне автобуса поднимается до восьмисот градусов, и Кильян вспыхивает, как свечка, сгорает, как волоконец мяса, упавшее на жаровню.

В салоне горят потолочные лампы, освещая слабым, как в ночной закуской, светом перепуганные, мокрые от пота лица пассажиров, но снаружи мир черен. Смерчи пепла радикально укорачивают лучи фар. Генри ведет автобус по памяти, гадая, когда же под ними лопнут шины. Он все еще смеется, хотя и не слышит себя в вое и скрежете двигателя автобуса номер 19. Он едет по дороге, и это главное. Как скоро им удастся вырваться из огненного вала? Сумеют ли они вообще вырваться? И Генри начинает думать, что сумеют. Святой Господь, какова все-таки толщина этой огненной стены?

— У тебя получается! — кричит Памела. — У тебя получается!

Возможно, думает Генри. Возможно, получается. Но, Господи, как же жарко! Он тянется к диску кондиционера с тем, чтобы повернуть его на «Максимальный холод», и именно в этот момент окна взрываются, и салон заполняется огнем. *Нет! Нет! Мы же почти прорвались!*

Когда обгоревший автобус вырывается из дыма, Генри видит, что за валом огня черная пустыня. Деревья сожжены до крошечных пеньков, а сама дорога — пузырящаяся канава. Потом одеяло огня накрывает его сзади, и для Генри Моррисона все заканчивается. Автобус номер 19 соскальзывает с остатков дороги и переворачивается. Языки пламени вырываются из всех разбитых стекол. На заднем борту быстро чернеет надпись: «ПРИТОРМОЗИ, ДРУЖИЩЕ! МЫ ЛЮБИМ НАШИХ ДЕТЕЙ!»

Олли Динсмор бежит к амбару. На шее висит кислородная маска дедушки Тома, и он тащит два баллона с кислородом (второй баллон Олли заметил, когда пробежал через гараж), хотя секундой раньше и представить

себе не мог, что ему хватит на это сил. Он спешит к лестнице, которая ведет в картофельный подвал. Слышится треск — занялась крыша амбара. У западной стены строения начали гореть тыквы, распространяя сильный удушающий запах, прямо День благодарения в аду.

Огонь накатывает на южную сторону Купола, ему остаются считанные сотни ярдов. Слышится взрыв — с домом, коровниками и амбаром Динсмора покончено. Генриетта Клавар смотрит на приближающийся огненный вал и думает: *Что ж, я старая. Жизнь прожила. А бедная девочка такого сказать не может.*

— Повернись ко мне, милая, — говорит она Петре, — и прижмись головой к моей груди.

Петра Сирлс вскидывает к ней напряженное, такое юное лицо:

— Будет больно?

— Только секунду, милая. Закрой глаза, а когда ты их откроешь, то уже будешь омыwać ноги в прохладном ручье.

Петра произносит свои последние слова:

— Приятно слышать.

Она закрывает глаза. Генриетта следует ее примеру. Огонь забирает их. В эту секунду они здесь, а в следующую... их нет.

Кокс все стоит у самого Купола, а камеры все снимают: они на блошином рынке, а потому в безопасности. Вся Америка смотрит, не отрывая глаз. Комментаторы в таком шоке, что молчат, поэтому слышен только звуковой фон — рев огня, но и этого предостаточно.

Какие-то мгновения Кокс еще может видеть длинную человеческую змею, пусть люди — только силуэты на огненном фоне. Большинство из них — как и беглецы на Блэк-Ридж, которые наконец-то двинулись к фермерскому дому и автомобилям — держатся за руки. А потом огненный вал ударяет в Купол, и они исчезают. И словно с тем, чтобы подтвердить их исчезновение, Купол становится видимым: громадная черная стена, уходящая в небо. Он удерживает большую часть тепла, но и той, что просачивается, хватается, чтобы заставить Кокса развернуться и броситься прочь. На ходу он срывает дымящуюся куртку.

Огонь пересек город по диагонали, как и предполагал Барби, с северо-запада на юго-восток. А когда придет время умереть, огонь проделает это с удивительной быстротой. С собой он забирает кислород; после себя оставляет метан, формальдегид, соляную кислоту, углекислый газ, угарный

и следы не менее токсичных газов. А также удушающие облака твердых частиц: от сожженных домов, деревьев и, разумеется, людей.

Что огонь оставляет после себя, так это отраву.

Двадцать восемь беженцев и две собаки отправились к границе Честерс-Милла с Ти-Эр-90, территорией, известной старожилам как Кантон. Они набились в минивэн, автофургон, микроавтобус, две легковушки и в «скорую». К тому времени, когда прибыли на место, день заметно потемнел, а дышать стало невероятно трудно.

Барби нажал на педаль тормоза «приуса» Джулии и побежал к Куполу, где его встретил встревоженный армейский подполковник с полудюжиной солдат. Бежать пришлось недалеко, но к тому времени как Барби добрался до красной черты, маркирующей Купол, он едва дышал. Хороший воздух исчезал, как вода в раковине.

— Вентиляторы! — выдохнул он подполковнику. — Включите вентиляторы!

Клер Макклэтчи и Джо вывалились из автофургона «Универмага Берпи», оба пошатывались и жадно хватали ртом воздух. Потом подъехал микроавтобус телефонной компании. Из него вышел Эрни Кэлверт, сделал два шага и упал на колени. Норри и ее мать попытались помочь ему подняться. Обе плакали.

— Полковник Барбара, что случилось? — спросил армейский подполковник. На нашивке Барби прочитал его фамилию: «СТРИНГФЕЛЛОУ». — Доложите.

— Да пошел ты со своим докладом! — прокричал Ромми. На руках он держал теряющего сознание ребенка — Эйдена Эпплтона. Терс Маршалл шел следом, обняв рукой Элис, на топике которой поблескивала слюна, и не только: девочку вырвало. — На хрен доклад, включай вентиляторы!

Спрингфеллоу отдал короткий приказ, и беженцы упали на колени, уперев руки в Купол, принялись жадно хватать ртами свежий воздух, который мощные вентиляторы могли протолкнуть сквозь барьер.

За их спинами еще ревел огонь.

Выжившие

Только триста девяносто семь из двух тысяч жителей Милла уцелеют в пожаре, и большинство из них — в северо-восточной части города. К тому времени, когда падает ночь и темнота под Куполом становится абсолютной, живых уже сто шесть.

А когда в субботу взойдет солнце, с трудом пробиваясь сквозь ту часть Купола, которая не почернела полностью, население Честерс-Милла сократится до тридцати двух человек.

Олли захлопнул дверь подвала, прежде чем сбежать по ступенькам, он также щелкнул выключателем, чтобы включить свет, не зная, загорятся ли лампы. Они загорелись. И, спускаясь в подвал (пока холодный, но он чувствовал, как жар начал проникать следом за ним), Олли вспомнил день, четырем годами раньше, когда сотрудники «Ивс электрик» из Касл-Рока задним ходом загнали в амбар грузовик, чтобы выгрузить, новенький генератор «Хонда».

«Этой дорожкой хреновине лучше бы работать как надо, — прокомментировал Олден, жуя соломинку, — потому что ради нее я по уши залез в долги».

И генератор работал как надо. Он и сейчас работал, но Олли знал, что скоро перестанет. Огонь заберет его, как забрал все остальное. Олли бы удивился, если бы свет не потух в течение минуты.

За эту минуту я даже могу умереть.

Посреди подвала, на грязном бетонном полу стояла сортировочная машина. Множеством ремней, цепей и шестеренок она напоминала древнее орудие пыток. За ней лежала огромная груда клубней. Осень выдалась урожайной на картофель, и Динсморы закончили его уборку лишь за три дня до появления Купола. В обычные годы Олден и его мальчишки сортировали картофель весь ноябрь, чтобы продавать на кооперативном рынке в Касл-Роке и придорожных киосках в Моттоне, Харлоу и Таркерс-Миллсе. В этом году на картофельные деньги рассчитывать не приходилось. Но Олли думал, что клубни смогут спасти ему жизнь.

Он подбежал к краю картофельной кучи, остановился, чтобы осмотреть баллоны. Манометр на взятом из дома показывал, что баллон наполовину пуст. Зато баллон из гаража был заправлен под завязку. Олли оставил полупустой баллон на бетонном полу и подсоединил маску ко второму, из гаража. Он проделывал это много раз при жизни дедушки Тома, так что управился в считанные секунды.

И когда вновь повесил маску на шею, свет погас.

Воздух становился все теплее. Олли упал на колени и начал зарываться в холодную кучу клубней, отталкиваясь ногами, прикрывая длинный баллон телом, таща его под собой одной рукой. Второй он делал неуклюжие плавательные движения.

Олли услышал, как клубни лавиной сыплются на него, и сдержал

паническое желание податься назад. Он словно хоронил себя живым, и, хотя говорил себе, что наверняка умрет, если не похоронит себя заживо, помогало это не очень. Олли ловил ртом воздух, кашлял, дышал скорее картофельной пылью, а не воздухом. Натянул на лицо кислородную маску... и ничего не изменилось.

Наверное, целая вечность ушла у него на то, чтобы нащупать вентиль баллона. Сердце колотилось в груди, как зверь в клетке. Перед глазами в темноте начали распускаться алые цветы. Холодный вес клубней давил на него. Он рехнулся, пойдя на такое, рехнулся, как Рори, решивший выстрелить в Купол, и теперь ему придется заплатить за свое безумие: теперь Олли умрет под картошкой.

Наконец пальцы нащупали вентиль. Поначалу тот не поворачивался, но Олли осознал, что пытается повернуть его не в ту сторону. Крутанул в обратном направлении, и холодный благословенный воздух заполнил маску.

Олли лежал под клубнями, жадно вдыхая. Он чуть дернулся, когда огонь вышиб дверь в подвал; на мгновение буквально увидел себя в грязной куче, под которой лежал. Становилось все жарче, и он задался вопросом: не взорвется ли полупустой баллон с кислородом? Мелькнули в голове и другие вопросы: на сколько хватит кислорода в полном баллоне и стоила ли овчинка выделки?

Но эти вопросы задавал мозг, а тело стремилось только к одному — выжить. Олли все глубже заползал под кучу клубней, таща с собой баллон и поправляя маску всякий раз, когда она чуть сползала.

Если бы букмекеры в Вегасе принимали ставки на тех, кто может выжить в катастрофе Дня встреч, шансы Сэма Вердро они бы оценили в тысячу к одному. Но иной раз выигрыш приносили и куда меньшие шансы — это и есть та самая причина, по которой люди вновь и вновь приходят в казино, — и именно Сэма, плетущегося по Блэк-Ридж-роуд, увидела Джулия незадолго перед тем, как беглецы бросились к своим автомобилям, стоявшим у фермерского дома.

Сэм Бухло выжил по той же причине, что и Олли: у него был кислород.

Четырьмя годами раньше он пришел к доктору Хаскелу (Волшебнику — вы его помните). Когда Сэм сказал, что в последнее время ему не хватает воздуха, доктор Хаскел послушал свистящее дыхание старого пьяницы и спросил, сколько тот курит.

«Когда работал в лесу, выкуривал по четыре пачки в день, — ответил Сэм, — но теперь, когда живу на социальное пособие и пенсию по инвалидности, курю, конечно, меньше».

Доктор Хаскел спросил, сколько именно он теперь курит? Сэм ответил, что пачки две в день. «Американ игле».

«Раньше я курил «Честердымки», — пояснил он, — но теперь они выпускаются только с фильтром. И они дорогие. «Игле» дешевые, и фильтр можно оторвать до того, как закуливаешь. Проще простого». — И Сэм закашлялся.

Доктор Хаскел не нашел рака легких (к своему удивлению), но рентгеновские снимки вроде бы показали чертовски запущенную эмфизему, и он сказал Сэму, что тому, вероятно, до конца своих дней придется жить на кислороде. Диагноз он поставил неправильный, но не будем слишком уж строги. Как говорят врачи, если слышишь стук копыт, думаешь не о зебре. Опять же люди склонны видеть то, что они хотели бы увидеть, не правда ли? И хотя доктор Хаскел умер, прямо скажем, геройской смертью, никто, включая и Расти Эверетта, никогда не принял бы его за Грегори Хауса. На самом деле у Сэма был бронхит, который прошел вскоре после того, как Волшебник выявил у него эмфизему легких.

К тому времени Сэм уже подписался на еженедельную поставку баллона кислорода «Каслс эр» (компанией, расположенной, естественно, в Касл-Роке) и так и не отказался от этой услуги. И чего ради? Как и

лекарство от гипертонии, он получал кислород по программе, которую называл «МЕДИКЭЛ».^[180] Сэм не понимал, что это за программа, но одно знал точно: кислород не стоил ему ни цента. Он также выяснил на собственном опыте, что глоток кислорода очень даже взбадривает.

Иной раз, однако, проходила не одна неделя, прежде чем Сэм вспоминал о том, что нужно заглянуть в маленькую пристройку, которую он называл «кислородным баром». И по приезде парней из «Каслс эр», которые забирали пустые баллоны (к этому они относились спустя рукава), Сэму приходилось идти в кислородный бар, откручивать вентили, полностью выпускать кислород из баллонов, потом грузить их на красный возок сына и катить к веселенькому синему автофургону с нарисованными на бортах пузырьками воздуха.

Если бы Сэм все еще жил на Литл-Битч-роуд, на том участке, где находился дом старого Вердро, то сгорел бы (как это случилось с Мартой Эдмундс) в первые же минуты после взрыва. Но и дом, и лесной массив, окружавший его, давно уже ушли за неуплату налогов (в 2008 году их за сущие гроши купила одна из подставных компаний Джима Ренни). Младшая сестра Сэма владела небольшим участком леса на Год-Крик-роуд, и именно там обретался Сэм в тот день, когда взорвался мир. Лачуга ничего особенного собой не представляла, и справлять нужду приходилось во дворе (подачу воды в дом обеспечивал только старый ручной насос на кухне), зато все налоги уплачивались, младшая сестренка за этим следила... и по программе «МЕДИКЭЛ» Сэм получал все, что ему полагалось.

Он не гордился своей ролью в инициировании бунта у «Мира еды». За долгие годы Сэм выпил с отцом Джорджии Ру много виски и еще больше пива и огорчался из-за того, что пришлось запустить камнем в лицо дочери этого человека. Он постоянно думал о том, какой звук вызвал удар куска кварца, вспоминал, как отвисла сломанная челюсть Джорджии, как она стала похожа на куклу-чревоушастеля с раззявленным ртом. Господи, да он же мог ее убить, просто чудо, что не убил, хотя и прожила Джорджия после этого недолго. А потом в голову пришла совсем уж тоскливая мысль: если б он оставил ее в покое, она бы не попала в больницу. А если б не попала в больницу, то, вероятно, жила бы и сейчас.

Если так посмотреть, выходило, что убил ее он.

Взрыв на радиостанции вырвал его из пьяного сна, заставил сесть на кровати, схватившись за грудь, оглядываясь вокруг себя. Окно над кроватью разбилось. Собственно, разбились все окна, а дверь на западной стене сорвало с петель.

Сэм вышел из лачуги на заросший сорняками двор и в изумлении уставился на запад, где, казалось, весь мир полыхал огнем.

В атомном убежище, расположенном под тем местом, где ранее возвышалось здание муниципалитета, работал генератор — маленький, устаревшей модели, но именно благодаря ему обитатели бункера оставались в этом мире и не перешли в последующий. Лампы, питающиеся от аккумуляторов, отбрасывали желтоватый свет из углов большой комнаты. Картер сидел на единственном стуле. Большой Джим занял диван, рассчитанный на двоих, и ел сардины из банки, доставая их по одной толстыми пальцами и укладывая на галеты.

Двое мужчин практически не разговаривали друг с другом; переносной телевизор, который собирал пыль в спальном комнате, пока его не нашел Картер, забирал все их внимание. Ловил он только один канал Даблю-эм-ти-даблю из Поланд-Спринга, но этого было достаточно. Более чем, если на то пошло. Подобные катаклизмы трудно переварить. Центральную часть города разрушило полностью. Снимки со спутника показывали, что леса вокруг Честерского пруда выгорели, и люди, пришедшие к Куполу по шоссе номер 119 в День встреч, обратились в пыль на умирающем ветру. До высоты двадцати тысяч футов Купол стал видимым: бесконечная закопченная тюремная стена, окружающая город, в котором выгорело семьдесят процентов территории.

Вскоре после взрыва температура в подвале начала заметно подниматься. Большой Джим велел Картеру включить кондиционер.

— Мощности генератора хватит? — спросил тот.

— Если не хватит, мы изжаримся, — раздраженно бросил Большой Джим. — Так в чем разница?

Не рычи на меня, подумал Картер. Не рычи на меня, потому что все это случилось благодаря тебе. Только ты несешь ответственность за происшедшее.

Он поднялся, чтобы найти кондиционер, и в этот самый момент другая мысль пришла в голову: сардины действительно воняют. Задался вопросом: а что ответит ему босс, если он скажет, что рыбки, которые тот кладет себе в рот, пахнут, как промежность умершей старухи?

Но Большой Джим называл его сыном, на полном серьезе, и Картер промолчал. А когда включил кондиционер, тот сразу заработал. Генератор чуть прибавил рева, словно взвалил на себя дополнительную ношу. И конечно же, стал быстрее пожирать оставшийся пропан.

Все равно Ренни был прав, нам требовался кондиционер, сказал себе Картер, наблюдая разрушения, запечатленные спутниками и высоко летящими самолетами. Внизу большая часть Купола стала непрозрачной.

Но как заметили они с Большим Джимом, не в северо-восточном секторе. Около трех часов пополудни камера перебралась туда. Съемка велась из армейского лагеря в лесу.

— Это Джейк Тэппер. Мы ведем репортаж из Ти-Эр-90, территории, не имеющей статуса города и примыкающей с севера к Честерс-Миллу. Ближе нам подойти не разрешили, но мы даже отсюда видим: есть выжившие, повторяю, есть выжившие.

— Выжившие есть и здесь, тупица, — фыркнул Картер.

— Заткнись! — бросил Большой Джим. Кровь прилила к тяжелым щекам, поднялась ко лбу. Глаза вылезли из орбит, кулаки сжались. — Это же Барбара. Это же щучий сын Дейл Барбара!

Картер увидел его среди остальных. Съемка велась камерой с длиннофокусным объективом, поэтому картинка чуть расплывалась — словно людей снимали через тепловое марево, — но все-таки оставалась достаточно четкой. Барбара. Языкастая женщина-пастор. Хипповый врач. Дети. Линда Эверетт.

Эта сука лгала с самого начала, подумал Ренни. Она лгала, а глупый Картер ей верил.

— Рев, который вы слышите, это не вертолеты, — говорил Джейк Тэппер. — Если мы сможем подать чуть назад...

Камера отъехала, показав ряд огромных вентиляторов на тележках, каждый подсоединенный к автономному генератору. Вид всей этой мощи, находящейся в нескольких милях от него, вызвал у Картера черную зависть.

— Вы все видите. Это не вертолеты, а промышленные вентиляторы. Теперь... если мы можем вновь показать выживших...

Камера показала. Они стояли на коленях или сидели у самого Купола, прямо перед вентиляторами. Картер видел, как ветерок шевелит их волосы. Не рвет их, но определенно колышет, как подводное течение — водоросли.

— Там и Джулия Шамуэй! — В голосе Большого Джима слышалось изумление. — Следовало мне убить эту ведьму-борзописку, когда у меня был шанс.

Картер пропустил его слова мимо ушей. Не отрывал глаз от экрана.

— Четыре десятка вентиляторов дуют с такой силой, что должны валить этих людей с ног, Чарли, — говорил Джейк Тэппер. — Но, судя по тому, что мы видим, количества воздуха, которое проходит к ним, хватает

только на сохранение жизни в атмосфере, представляющей собой ядовитый суп из углекислого газа, метана и еще бог знает чего. Наши эксперты говорят, что ограниченное количество кислорода, которым располагал Честерс-Милл, целиком ушло на поддержание огня. Один из этих экспертов — профессор химии Дональд Ирвинг из Принстона — сообщил мне по телефону, что воздух внутри Купола сейчас не слишком отличается от атмосферы Венеры.

На экране появилось озабоченное лицо Чарли Гибсона, сидящего в безопасности нью-йоркской студии (*«Счастливый мерзавец»*, — подумал Картер).

— Есть информация о том, что могло стать причиной пожара?

Камера показала Джейка Тэппера и на заднем плане выживших людей, пребывающих в маленькой капсуле пригодного для дыхания воздуха.

— Нет, Чарли. В том, что началось все со взрыва, сомнений нет, но больше никакой информации ни от военных, ни из Честерс-Милла. У кого-нибудь из тех, кого вы видите на экране, должны быть мобильники, но если они работают, то связаться с ними может только полковник Джеймс Кокс, который приземлился здесь примерно сорок пять минут назад и сейчас говорит с выжившими. И пока камера показывает эту печальную сцену с такого большого расстояния, позвольте мне назвать обеспокоенным жителям Америки — и всего мира — имена тех, кто находится сейчас под Куполом и более-менее опознан. Я думаю, у вас есть фотографии некоторых из них, и, возможно, пока я говорю, их удастся вывести на экран. Я думаю, список в алфавитном порядке, ^[181] уж не сердитесь за это на меня.

— Не будем, Джейк. И у нас действительно есть кое-какие фотографии, но только не торопись.

— Полковник Дейл Барбара, ранее капитан Барбара, армия Соединенных Штатов Америки. — На экране появилась фотография Барби в камуфляжной, для пустыни, форме. Он обнимал улыбающегося иракского мальчика. — Ветеран-орденоносец, а в последнее время повар в местном ресторане. Анджелина Буффалино... у нас есть ее фотография?.. Нет?.. Ладно. Ромео Берпи, владелец местного универсального магазина. — На экране появилась фотография Ромми. Он и его жена стояли у барбекю. Его футболку украшала надпись: «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, Я ФРАНЦУЗ». Эрнест Кэлверт, его дочь Джоан, и дочь Джоан — Элеанор Кэлверт. — На фотографии, похоже, запечатлели какое-то семейное торжество: везде Кэлверты. Норри, мрачная и симпатичная, держала под мышкой скейт. Элва Дрейк... Ее сын Бенджамин Дрейк...

— Выключи, — буркнул Большой Джим.

— По крайней мере они на открытом воздухе. — В голосе Картера слышалась зависть. — Не засунуты в дыру. Я чувствую себя Саддамом гребаным Хусейном, ударившимся в бега.

— Эрик Эверетт, его жена Линда, их две дочери...

— Еще одна семья! — В голосе Чарли Гибсона слышалось ну просто мормонское одобрение.

Большой Джим не выдержал. Поднялся и сам выключил телевизор, резко повернув диск. В другой руке он все еще держал банку из-под сардин, и часть масла выплеснулась ему на брюки.

Это пятно тебе уже не вывести, подумал Картер, но не сказал.

Вообще-то я смотрел телевизор, подумал Картер, но не сказал.

— Эта газетчица! — пробурчал Большой Джим, садясь. Диванные подушки возмущенно закрипели под его массой. — Она всегда выступала против меня. Пускала в ход все средства, Картер. Все гребаные средства. Дай мне еще банку сардин, а?

Возьми сам, подумал Картер, но не сказал. Поднялся и взял с полки банку сардин.

Вместо того чтобы прокомментировать обонятельную ассоциацию, возникшую у него между сардинами и половыми органами усопшей женщины, Картер задал, как ему представлялось, логичный вопрос:

— Что будем делать, босс?

Большой Джим снял ключ со дна банки, вставил в него язычок крышки, начал ее скручивать, открывая новый эскадрон дохлых рыбешек. Они жирно блестели в свете аварийных ламп.

— Подождем, пока воздух очистится, потом поднимемся наверх и начнем все строить заново, сынок. — Он вздохнул, положил сардину на галету и съел. Крошки остались на губах, прилипнув к капелькам масла. — Подобным образом всегда поступают такие люди, как мы. Ответственные люди. Те, кто тянет плуг.

— А если воздух не очистится? По телику сказали...

— Караул, небо падает, о ужас, небо падает! — Большой Джим продекламировал эти слова странным (и на редкость противным) фальцетом. — Они говорят это многие годы, так? Ученые и эти страдающие за народ либералы. Третья мировая война! Ядерные реакторы, прожигающие землю до самого центра! Компьютерная катастрофа двухтысячного года! Разрушение озонового слоя! Тающие полярные шапки! Ураганы-убийцы! Глобальное потепление! Паршивые атеисты, которые не верят в волю любящего и заботливого Бога! Которые

отказываются верить в само существование любящего и заботливого Бога! — Большой Джим наставил жирный от масла, но не трясущийся палец на молодого человека. — Вопреки утверждениям этих извечных гуманистов небо не падает. И никуда им не деться от желтой полосы трусости, которая прочерчена на их спинах, сынок. «Нечестивый бежит, даже когда никто не гонится за ним», ты знаешь, Книга Левит, [\[182\]](#) но это не меняет Божьей истины: те, кто верит в Него, не устанут, но обретут крылья орла — Книга Исаии. Здесь всего лишь смог. Просто требуется время, чтобы воздух очистился от него.

Но двумя часами позже, примерно в четыре пополудни той пятницы, пронзительное *nip-nip-nip* донеслось из ниши, где стояла механическая система жизнеобеспечения атомного убежища.

— Что это? — спросил Картер.

Большой Джим, который развалился на диване с полужакрытыми глазами (и маслом от сардин на щеках), выпрямился и прислушался.

— Очиститель воздуха. Ионизатор. У нас стоял примерно такой же в демонстрационном зале. Хорошая штучка. Не только очищает воздух, но и уменьшает статическое электричество, которое накапливается, особенно в холодную по...

— Если воздух в городе очищается, почему заработал ионизатор?

— Почему бы тебе не подняться наверх, Картер? Приоткрой дверь и посмотри, как там дела. Может, ты сразу и успокоишься.

Картер не знал, успокоится он или нет, но сидение на стуле определенно его нервировало. Он поднялся по ступеням.

Как только Картер ушел, Большой Джим поднялся с дивана и направился к ящикам между плитой и маленьким холодильником. Для человека таких габаритов передвигался он на удивление быстро и бесшумно. То, что требовалось, Ренни нашел в третьем ящике. Оглянувшись и убедившись, что он один, взял нужную вещь.

На двери, к которой привела лестница, Картер увидел довольно зловещую надпись: «ТЕБЕ НУЖНО ПРОВЕРИТЬ УРОВЕНЬ РАДИАЦИИ? ПОДУМАЙ!!!»

Картер подумал. И пришел к выводу, что насчет очищения городского воздуха Большой Джим гонит пургу. Эти люди, стоявшие перед вентиляторами, доказывали, что обмен воздуха между Честере-Миллом и окружающим миром практически нулевой.

Однако проверить действительно имело смысл.

Поначалу дверь не поддавалась. Паника, вызванная мыслями о том, что он похоронен заживо, заставила надавить сильнее. На этот раз дверь

чуть сдвинулась. Картер услышал, как падают кирпичи и трещат доски. Возможно, он мог открыть дверь и шире, только зачем? Воздух, который проходил в щель шириной в дюйм, воздухом и не был, а пах так, будто шел из выхлопной трубы, когда работал подключенный к ней двигатель. Ему не требовалось никаких сложных приборов, чтобы понять, что он умрет, окажись на пару-тройку минут вне убежища.

Вопрос оставался один: что сказать Ренни?

Ничего, предложил холодный голос того, кто хотел выжить. Если он это узнает, то станет только хуже. Тебе будет труднее иметь с ним дело.

Но какое это имело значение, если им предстояло умереть в убежище, как только генератор выработает имеющийся пропан? Если все шло к тому, что вообще имело значение?

Он спустился по лестнице. Большой Джим сидел на диване.

— Ну?

— Плохо, конечно.

— Но дышать можно, так?

— Да. Только сразу начинает мутить. Нам лучше подождать здесь, босс.

— Разумеется, нам лучше подождать, — ответил Большой Джим, будто Картер предлагал что-то другое. Будто Картер был самым большим дураком в мире. — Но все у нас будет хорошо, это главное. Бог позаботится о нас. Он всегда это делает. А пока воздух здесь хороший, не жарко, еды предостаточно. Почему бы тебе не посмотреть, нет ли у нас чего-нибудь сладкого, сынок? Шоколадных батончиков или чего-то такого? Хочется себя побаловать.

Я тебе не сынок, твой сынок мертв, подумал Картер... но не сказал. Пошел в спальную комнату, чтобы посмотреть, нет ли на полках шоколадных батончиков.

Около десяти вечера Барби забылся тревожным сном. Джулия лежала рядом, их тела соприкасались. Ренни-младший явился ему во сне. Младший стоял у его камеры в Курятнике. Младший держал в руке пистолет. И на сей раз никто не мог спасти Барби, потому что воздух снаружи превратился в яд и все умерли.

Эти кошмары наконец-то ушли, сон стал более глубоким. Барби, как и Джулия, лежал головой к Куполу. Свежий воздух просачивался сквозь него. Его хватало для того, чтобы жить, но не для успокоения.

Что-то разбудило Барби в два часа ночи. Он посмотрел на замаранный сажей Купол, на приглушенные огни армейского лагеря, разбитого на той стороне. Затем звук повторился. Кашель, низкий, надсадный, ужасный.

Ручной фонарик вспыхнул справа от него. Барби поднялся, как мог, осторожно, чтобы не разбудить Джулию, и пошел на свет, переступая через других спящих на траве. Большинство разделись до нижнего белья. В десяти футах от них часовые стояли в теплых куртках и перчатках, но под Куполом было даже жарче, чем всегда.

Расти и Джинни стояли на коленях рядом с Эрни Кэлвертом. На шее Расти висел стетоскоп, в руке он держал кислородную маску. К ней крепился маленький красный баллон с надписью: «СКОРАЯ БКР НЕ ВЫНОСИТЬ ВСЕГДА ЗАМЕНЯТЬ». Норри и ее мать, обнявшись, озабоченно смотрели на них.

— Извини, что он тебя разбудил. — Джоани посмотрела на Барби. — Ему плохо.

— Совсем плохо?

Расти покачал головой:

— Не знаю. По звуку — бронхит или сильная простуда, но, разумеется, причина не в этом. Плохой воздух. Я дал ему кислорода, на какое-то время это помогло, но теперь... — Он пожал плечами. — И мне не нравится его сердце. Такое напряжение, а он уже далеко не молод.

— Больше кислорода нет? — спросил Барби. Он указал на красный баллончик, очень напоминавший домашний огнетушитель, который люди держат в чулане и всегда забывают перезаряжать. — Да?

К ним присоединился Терс Маршалл. В свете фонарика он выглядел мрачным и усталым.

— Есть еще один, но мы решили — Расти, Джинни и я — оставить его

для маленьких детей. Эйден тоже начал кашлять. Я положил его максимально близко к Куполу — и вентиляторам, — но он все равно кашляет. Мы начнем давать Эйдену, Элис, Джуди и Джанель кислород дозированными порциями, когда они проснутся. Может, если бы армия привезла больше вентиляторов...

— Сколько бы свежего воздуха они ни подавали, через Купол больше не проходит, — заметила Джинни. — Как бы мы ни приближались к Куполу, все равно дышим дерьмом. И понятно, кому при этом хуже всего.

— Старым и малым, — кивнул Барби.

— Пойди приляг, — предложил ему Расти. — Экономь силы. Здесь ты ничем не поможешь.

— А ты?

— Возможно. В «скорой» есть капли в нос. И эпинефрин, если до этого дойдет.

Барби двинулся вдоль Купола, повернув лицо к вентиляторам — теперь все так делали, автоматически, — и, когда добрался до Джулии, обнаружил, что смертельно устал. Сердце бешено колотилось, и перехватывало дыхание.

Джулия не спала:

— Эрни совсем плох?

— Не знаю, но хорошего мало. Ему дают кислород из баллончика со «скорой», и он не просыпается.

— Кислород? Сколько его еще?

Он сказал как есть и пожалел об этом, потому что свет в ее глазах немного угас.

Она взяла его за руку. Влажными от пота, но холодными пальцами.

— Такое ощущение, будто нас завалило в шахте.

Они сидели лицом друг к другу, привалившись плечом к Куполу. Едва заметный ветерок дул между ними. Ровный гул вентиляторов «Эр макс» превратился в звуковой фон; люди говорили громче, чтобы перекрывать его, а в остальном не замечали.

Мы бы заметили, если б они смолкли, подумал Барби. На несколько минут заметили бы. А потом перестали бы замечать, навсегда.

Джулия сухо улыбнулась:

— Перестань тревожиться обо мне, если ты этим занят. Для женщины-республиканки средних лет, которая не может вдохнуть полной грудью, у меня все в порядке. По крайней мере мне удалось еще разок потрахаться. И очень даже неплохо.

Барби улыбнулся в ответ:

— Это я получил удовольствие, поверь мне.

— А как насчет атомной мини-бомбы, которую хотят попробовать в воскресенье? Что ты думаешь?

— Я не думаю. Я только надеюсь.

— И сколь велики твои надежды?

Он не хотел говорить ей правду, но именно правду она и заслуживала.

— Основываясь на том, что уже произошло, учитывая, сколь мало мы знаем об этих существах, которые управляют коробочкой, не так чтобы очень.

— Скажи мне, что ты не сдался.

— Это правда. Я даже не испуган, как, наверное, следовало бы. Я думаю, потому что... это случилось так незаметно, но я даже привык к запаху.

— Неужели?

Он рассмеялся:

— Нет. Как насчет тебя? Боишься?

— Да, но мне прежде всего грустно. Так пришел конец Вселенной, да не с громом, а с одышкой. — Она закашлялась, прижала кулак ко рту.

Барби слышал, что и с другими происходит то же самое. Среди них кашлял и маленький мальчик, который теперь стал маленьким мальчиком Терстона Маршалла. *Утром он получит кое-что получше*, подумал Барби, а потом вспомнил, как Терстон сказал — «дозированными порциями». Этим не надышишься.

Никто не надышался бы, не только маленький мальчик.

Джулия сплунула в траву, вновь повернулась к Барби.

— Я не могу поверить, что мы сами такое понаделали. Существа, которые управляют коробочкой — кожеголовые, — создали эту ситуацию, но, думаю, они всего лишь дети, которые решили так поразвлечься. Может, устроили себе эквивалент видеоигры. Они снаружи. Мы внутри, и все это — деяние наших рук.

— У тебя не хватает проблем, чтобы корить себя еще и по такому поводу? Если кто виноват, так это Ренни. Он организовал лабораторию по производству наркотиков, он начал свозить туда пропан со всего города. Именно он послал туда людей и вызвал какую-то конфронтацию, я в этом уверен.

— Но кто его избирал? Кто дал ему возможность все это проделать?

— Не ты. Твоя газета всегда выступала против него. Или я ошибаюсь?

— Ты прав, но только насчет последних восьми или около того лет. Поначалу «Демократ» — другими словами, я — убеждал всех, что лучше

его может быть только продающийся нарезкой хлеб. К тому времени, когда я поняла, какой он на самом деле, Ренни уже пустил глубокие корни. Да еще нашел этого глупенького, вечно улыбающегося Сандерса, за спиной которого всегда мог укрыться.

— Все равно ты не можешь винить...

— Могу и буду. Если б я знала, как этот самодовольный, невежественный сукин сын может повести себя в период настоящего кризиса, я бы... я бы... я бы утопила его, как котенка в ведре.

Он рассмеялся, тут же закашлялся.

— Ты все меньше похожа на республи... — начал Барби, но не договорил.

— Что? — спросила она, потом прислушалась. В темноте что-то дребезжало и скрипело. Звуки эти приближались, и вскоре они различили детский возок, который катил склонившийся над ним человек.

— Ты кто? — спросил Дуги Твитчел.

Когда человек ответил, голос его звучал приглушенно, как выяснилось, из-за кислородной маски.

— Слава Тебе, Господи, — сказал Сэм Бухло. — Я вздремнул на обочине и уже думал, что воздух у меня закончится до того, как я доберусь сюда. Но я здесь. И вовремя, потому что баллон практически опустел.

Ранним субботним утром армейский лагерь на шоссе номер 119 являл собой грустное зрелище. В нем оставались только три десятка военных и один «чинук». Человек десять загружали в вертолет сложенные палатки и несколько вентиляторов «Эр макс», которые не увезли ранее, — из тех, что полковник Кокс приказал доставить к южному сектору Купола после сообщений о взрыве. Вентиляторы в дело так и не пустили. К тому времени, когда они прибыли, не осталось никого, кто мог бы оценить чистоту воздуха, который эти приборы проталкивали сквозь барьер. Огонь потух еще вчера, около шести вечера, полностью израсходовав горючее и кислород, но все, кто находился со стороны Честерс-Милла, умерли раньше.

Еще десять человек складывали большую палатку-лазарет. Остальные занимались самой древней из армейских работ: убирали территорию. Тупое, конечно, занятие, но никто не возражал. Ничто не могло позволить им забыть кошмар, который они видели вчера, однако сбор оберток, банок, бутылок и окурков хоть как-то отвлекал. Еще немного, и завертятся лопасти большого «чинука». Солдаты поднимутся на борт и улетят куда-то еще. Членам этой похоронной команды не терпелось перебраться в другое место.

Среди прочих убирал мусор и рядовой Клинт Эймс из Хикори-Гроув, штат Южная Каролина. С большим зеленым пластиковым мешком в руке медленно шел по вытоптанной траве, изредка поднимая брошенный плакат и сплюсненную банку из-под колы, чтобы этот говнистый сержант Гро видел, что он работает. Эймс чуть ли не засыпал на ходу и поначалу подумал, что стук, который слышит (будто костяшки пальцев постукивали по толстому блюду из пирекса), часть сна. А что еще он мог подумать, если постукивание вроде бы доносилось с другой стороны Купола?

Клинт зевнул и потянулся, положив руку на поясницу. В этот момент стук повторился. И действительно, доносился он из-за зачерненной стены Купола.

К стуку присоединился голос. Слабый, эфемерный голос призрака. По телу Эймса побежали мурашки.

— Есть кто-нибудь? Кто-нибудь слышит меня? Пожалуйста... я умираю.

Боже, он уже раньше слышал этот голос! Это же голос...

Эймс бросил пластиковый мешок и побежал к Куполу. Положил руки на почерневшую, еще теплую поверхность.

— Ковбойчик? Это ты?

Я схожу с ума. Быть такого не может. Никто не мог бы выжить в этом огненном смерче.

— Эймс! — гаркнул сержант Гро. — Какого черта ты там стоишь?

Он уже собирался ответить, когда из-за черной поверхности вновь послышался голос:

— Это я. Не... — Надсадный, лающий кашель. — Не уходи. Если ты здесь, рядовой Эймс, не уходи.

Теперь появилась рука. Такая же призрачная, как и голос, с измазанными сажей пальцами. Она протирала окошко на внутренней, закопченной поверхности Купола. Мгновением позже показалось лицо. Сначала Эймс и не узнал ковбойчика. Потом понял, что подросток в кислородной маске.

— У меня заканчивается воздух, — просипел ковбойчик. — Стрелка в красной зоне... последние полчаса.

Эймс смотрел в полные ужаса глаза ковбойчика, а тот смотрел на Эймса. В голове рядового осталась только одна мысль: не дать ковбойчику умереть. После того, что он пережил... хотя Эймс не мог понять, как ковбойчик это пережил.

— Послушай меня. Опустись на колени и...

— Эймс, гребаный бездельник! — Сержант Гро большими шагами направлялся к нему. — Прекращай сачковать и принимайся за дело! Мое терпение лопнуло, козел вонючий!

Рядовой Эймс игнорировал его крики. Не отрывал глаз от лица, которое смотрело на него сквозь, казалось бы, грязное стекло.

— Ложись на землю и сотри снизу коготь. Сделай это, парень, немедленно.

Лицо исчезло, оставив Эймса надеяться, что ковбойчик исполняет его просьбу, а не лишился чувств.

Рука сержанта Гро легла ему на плечо:

— Ты оглох? Я велел тебе...

— Тащите сюда вентиляторы, сержант! Нам нужны вентиляторы!

— Что ты не...

— Здесь кто-то выжил! — проорал Эймс в ошарашенное лицо сержанта Гро.

Только один кислородный баллон остался в красном возке к тому времени, когда Сэм Бухло прибыл в лагерь беженцев у Купола, и стрелка манометра лишь самую малость не дошла до нуля. Он не возражал, когда Расти взял его маску и приложил ее к лицу Эрни Кэлверта, только подполз к Куполу рядом с тем местом, где сидели Барби и Джулия. Вновь прибывший опустился на четвереньки и глубоко вдохнул. Корги Горас, сидевший около Джулии, с интересом на него посмотрел.

Сэм перекатился на спину:

— Не так чтобы хорошо, но лучше, чем было. Остатки в этих баллонах всегда хуже, чем то, что наверху.

А потом — невероятно — он закурил.

— Затушите сигарету, вы что, с ума сошли?! — крикнула Джулия.

— До смерти хотелось покурить. — Сэм глубоко затянулся. — С кислородом не покуришь, вы понимаете. Внутри все взорвется. Хотя есть люди, которые это делают.

— Да пусть курит, — заметил Ромми. — Едва ли табачный дым хуже того дерьма, которым мы дышим. Насколько мы знаем, смола и никотин в его легких только предохраняют от еще более вредной гадости.

Расти подошел, сел.

— Этому баллону капут, но Эрни успел несколько раз вдохнуть. Ему, похоже, стало легче. Спасибо, Сэм.

Тот отмахнулся:

— Мой воздух — твой воздух, док. По крайней мере был. Слушай, а ты не можешь сделать больше с помощью какой-то штуковины в твоей «скорой»? Парни, которые привозят мне баллоны — привозили, до того как все накрылось медным тазом, — могли его делать прямо в своем грузовичке. Как-то они называли эту штуковину, вроде бы какой-то насос.

— Кислородный экстрактор, — кивнул Расти, — и ты прав, он у нас есть. К сожалению, он сломался. — Блеснули его зубы, возможно, в усмешке. — Уже три месяца как сломался.

— Четыре, — поправил его подошедший Твитч. Он смотрел на сигарету Сэма: — Слушай, а еще у тебя нет?

— Даже не думай! — воскликнула Джинни.

— Боишься загрязнить этот тропический рай вторичным дымом, дорогая? — усмехнулся Твитч, но, когда Сэм достал мятую пачку сигарет

«Американ игле», покачал головой.

— Я подал заявку на замену кислородного экстрактора совету больницы, — продолжил Расти. — Мне сказали, что бюджет выбран полностью, но, возможно, удастся получить помощь от города. Поэтому я послал заявку в совет городского управления.

— Ренни, — вставила Пайпер Либби.

— Ренни, — кивнул Расти. — Получил официальный ответ, в котором указывалось, что заявка будет рассматриваться на заседании по бюджету в ноябре. Тогда и посмотрим: выделят деньги на экстрактор или нет. — Он вскинул руки к небу и рассмеялся.

Остальные собирались вокруг, с любопытством глядя на Сэма. И с ужасом — на его сигарету.

— Как вы сюда добрались? — спросил его Барби.

Сэм только порадовался возможности рассказать свою историю. Начал с того, что в результате диагноза «эмфизема» и стал регулярно получать баллоны с кислородом — спасибо «МЕДИКЭЛ», — которые у него иногда накапливались. Рассказал о том, как услышал взрыв, и о том, что увидел, выйдя из лачуги.

— Я понял, что произойдет, как только увидел, какой силы взрыв. — Его аудитория включала теперь и военных, стоявших по другую сторону Купола, в том числе и Кокса, в шортах и майке цвета хаки. — Мне уже доводилось видеть большие пожары, когда я работал в лесу. Пару раз нам приходилось бросать все и обгонять их, и, если бы один из тех грузовиков «Харвестер интернейшнл», которые мы использовали, сломался, мы бы пожар не обогнали. Самые страшные — верховые пожары, потому что они сами создают ветер. Я сразу понял, что то же произойдет и с этим пожаром. Взорвалось что-то большое. Что именно?

— Пропан, — ответила Роуз.

Сэм почесал заросший седой щетиной подбородок.

— Да, но не только пропан. Еще какие-то химикаты, потому что языки пламени были *зеленые*. Если бы огонь сразу пошел в мою сторону, со мной все было бы кончено. Так же, как и с вами. Но огонь поначалу пошел южнее. Может, этому способствовал рельеф местности, точно сказать не могу. Ну и русло реки. Короче, я понял, что произойдет, вытащил баллоны из кислородного бара...

— Откуда? — переспросил Барби.

Сэм последний раз затянулся, бросил окурок на землю.

— Я так называл пристройку, где хранились баллоны с кислородом. У меня там стояли пять полных.

— *Пять!* — чуть ли не простонал Терстон Маршалл.

— Ага! — радостно воскликнул Сэм. — Но я бы никогда не увез все пять. Старею, знаете ли.

— Вы не могли найти легковушку или пикап? — спросила Лисса Джеймисон.

— Мэм, меня лишили водительского удостоверения семь лет назад. Может, и восемь. Слишком много нарушений правил дорожного движения. Если бы я сел за руль чего-то большего, чем карт, и меня остановили, то отправили бы в тюрьму, а ключ выбросили.

Барби подумал, а не указать ли Сэму на фундаментальную ошибку в его рассуждениях, но решил не напрягаться: и без этого каждый вдох давался с трудом.

— Короче, я решил, что на этом маленьком красном возке не смогу увезти больше четырех баллонов, и начал прикладываться к первому, не пройдя и четверти мили. Вы понимаете почему?

— Ты знал, что мы здесь? — спросила Джекки Уэттингтон.

— Нет. Блэк-Ридж — самая высокая точка города, вот и все, и я знал, что воздуха в баллонах на всю жизнь не хватит. Я понятия не имел, что вы здесь, и я ничего не знал о вентиляторах. Просто больше идти было некуда.

— Почему тебе потребовалось так много времени, чтобы до нас добраться? — спросил Пит Фримен.

— Со мной произошло что-то странное. Я поднимался по дороге — вы знаете, Блэк-Ридж-роуд, перебрался через мост... все еще пользовался первым баллоном, хотя становилось все жарче, и... представьте себе! Вы видели дохлого медведя? Того самого, который вроде бы вышиб себе мозги о телеграфный столб?

— Мы видели, — кивнул Расти. — Позволь продолжить. После того как ты миновал медведя, у тебя закружилась голова и ты потерял сознание.

— Откуда ты знаешь?

— Мы приехали тем же путем, и там действует какая-то сила. Сильнее всего на детей и стариков.

— Я — не старик. — Голос Сэма звучал обиженно. — Просто начал рано сесть, как моя мать.

— Как долго вы пролежали без сознания? — спросил Барби.

— Часов у меня нет, но уже стемнело, когда я двинулся дальше, — следовательно, достаточно долго. В какой-то момент я очнулся потому, что не мог дышать, переключился на новый баллон и снова отключился. Безумие, да? И какие я видел сны! Яркие, словно наяву! Окончательно я проснулся, когда уже стемнело, и я переключился на новый баллон. Труда

это не составило, потому что окружала меня не темнота. По идее я не мог углядеть ни зги со всей этой копотью, осевшей на Купол, но впереди, там, куда я шел, светилась яркая полоса. Днем ее не увидеть, а ночью она напоминает миллиард светляков.

— Пояс свечения, так мы ее называем, — вставил Джо. Он, Норри и Бенни держались вместе. Бенни кашлянул в руку.

— Хорошее название, — одобрил Сэм. — К тому времени я уже понимал, что наверху кто-то есть, потому что слышал эти вентиляторы и видел огни. — Он мотнул головой в направлении военного лагеря, находившегося по другую сторону Купола. — Не знал, удастся ли мне добраться туда до того, как закончится воздух — подъем отнимал много сил, и дышать приходилось чаще, — но добрался. — Он с любопытством посмотрел на Кокса: — Эй, полковник Клинк! Я вижу ваше дыхание. Вам бы лучше накинуть пальто или пойти туда, где тепло. — Он рассмеялся, продемонстрировав несколько оставшихся зубов.

— Я — Кокс, а не Клинк, и мне не холодно.

— Что вам снилось, Сэм? — спросила Джулия.

— Странно, что спросили именно вы, ведь из всего, что мне снилось, я помню только один сон, и он о вас. Вы лежали на эстраде посреди городской площади и плакали.

Джулия сильно сжала руку Барби, но ее глаза не покидали лица Сэма.

— Почему вы решили, что это я?

— Потому что на вас лежали газеты, номера «Демократа». Вы прижимали их к себе, будто одежды на вас не было. Уж извините, но вы сами спросили. Думаю, это самый странный сон, о котором вы слышали, да?

Трижды пикнула рация. Кокс снял ее с пояса:

— Что такое? Говорите быстрее, я занят.

Они все услышали голос собеседника Кокса:

— Полковник, мы нашли выжившего на южной стороне. Повторяю: *мы нашли выжившего.*

Когда солнце поднялось утром двадцать восьмого октября, последний член семьи Динсморов мог сказать о себе только одно — он выжил. Олли лежал, прижавшись всем телом к Куполу и вдыхая воздух, который вентиляторы проталкивали сквозь теперь уже видимую преграду, и его только-только хватало, чтобы остаться в живых.

Он едва успел расчистить достаточную часть поверхности со своей стороны Купола, как закончился кислород в баллоне. Том баллоне, который остался на полу, когда он полез под грудю картофеля. Он помнил, что задался вопросом: а не взорвется ли баллон? Не взорвался, и этим очень помог Оливеру Г. Динсмору. Если б взорвался, он бы лежал сейчас под картофельным погребальным холмом из «рассета» и «длинного белого».

Олли встал на колени у Купола, начал сдирать черные наслоения, отдавая себе отчет, что часть этих наслоений — все, что осталось от людей. Олли не мог не заметить, что руки то и дело колют кусочки костей. Если бы не рядовой Эймс, который постоянно уговаривал его продолжить начатое, наверное, он бы сдался. Но Эймс твердил: не сдавайся, ковбойчик, отдирай, отдирай. Отдирай, черт побери, все это дерьмо, ты должен это сделать, чтобы вентиляторы смогли протолкнуть к тебе воздух.

Олли думал, что он не сдался только по одной причине: Эймс еще не знал его имени. Олли сжился с тем, что в школе его называли говноедом и говнодойщиком, но поклялся не умирать до тех пор, пока этот балбес из Южной Каролины зовет его дурацким прозвищем «ковбойчик».

Вентиляторы с ревом закрутились, и Олли почувствовал, как слабенький ветерок начал обдувать его разгоряченную кожу. Он сорвал маску с лица и приник носом и ртом к поверхности Купола. Потом, хватая ртом воздух и выплевывая сажу, продолжил очищать все, что налипло на Купол с его стороны. Теперь он видел Эймса, который стоял на четвереньках, склонив голову, словно человек, пытающийся заглянуть в мышиную норку.

— Ну вот! — прокричал он. — Сейчас подвезут еще два вентилятора. Не сдавайся, ковбойчик! Не сдавайся!

— Олли, — выдохнул подросток.

— Что?..

— Имя... Олли. Перестань называть меня... ковбойчиком.

— Теперь я буду звать тебя Олли до Судного дня, если ты будешь

расчищать зону, через которую вентиляторы гонят воздух.

Легким Олли каким-то образом удавалось вдыхать достаточное количество воздуха, просачивающегося сквозь Купол, чтобы мальчик оставался живым и в сознании. Он наблюдал, как мир становится светлее через дыру в саже. Свет, конечно, помогал, но у него щемило сердце, когда он видел, что заря уже вовсе и не розовая, если смотреть на нее сквозь пленку грязи, оставшуюся на Куполе. Но свет радовал, потому здесь все оставалось черным, и выжженным, и суровым, и молчаливым.

В пять утра Эймса хотели сменить, отправить его отдыхать, но Олли криком просил, чтобы тот остался, и Эймс отказался уходить. Командир сдался.

Мало-помалу, делая паузы, чтобы приложиться ртом к Куполу и набрать в легкие воздуха, Олли рассказал, как он выжил.

— Я знал, что должен подождать, пока огонь потухнет, поэтому сэкономил кислород. Дедушка Том как-то сказал мне, что одного баллона хватает ему на всю ночь, если он спит, поэтому я лежал не шевелясь. Какое-то время мог и не пользоваться баллоном, потому что под картофелем оставался воздух, и я им дышал. — Он прижимал губы к поверхности, чувствуя сажу, зная, что это, возможно, останки человека, еще живого двадцатью четырьмя часами раньше, но его это не волновало. Он жадно всасывал воздух и выплевывал черную слюну, пока не смог продолжить рассказ. — Сначала под картофелем было холодно, но потом стало тепло и наконец жарко. Я думал, что изжарюсь живьем. Амбар горел над моей головой. Все горело. Но сгорело очень быстро, и, наверное, это меня спасло. Не знаю. Я оставался под картофелем, пока не опустел первый баллон. Тогда мне пришлось вылезти. Я боялся, что второй мог взорваться, но он не взорвался. Готов спорить, был на грани взрыва.

Эймс кивнул.

Олли вновь всосал воздух через Купол. Все равно что старался дышать через толстую грязную тряпку.

— И ступени. Будь они деревянными, а не из бетона, я бы не выбрался. Поначалу и не пытался. Забрался обратно под клубни, таким все было горячим. Верхние просто спеклись, я чувствовал запах. Потом стало трудно всасывать кислород, и я понял, что второй баллон тоже подходит к концу. — Он замолчал, потому что закашлялся. Когда справился с кашлем, продолжил: — Больше всего мне хотелось услышать перед смертью человеческий голос. Я рад, что услышал твой, рядовой Эймс.

— Меня зовут Клинт, Олли. И ты не умрешь.

Но глаза, которые смотрели на Эймса через грязную щель у подножия

Купола, будто таращились через стеклянное окошко в гробу, похоже, знали другую правду, более близкую к истине.

Когда гудок зажужжал второй раз, Картер сразу понял, что он означает, хотя этот звук вырвал его из глубокого, без сновидений, сна. Потому что какая-то часть мозга заснуть не могла, пока все не закончилось или Картер бы не умер. Он догадался, что действует инстинкт выживания: недремлющий часовой, упрятанный глубоко в мозгу.

Случилось это субботним утром, в половине восьмого. Время знал, потому что циферблат его часов освещался при нажатии кнопки. Ночью лампы аварийного освещения потухли, и в атомном убежище царила кромешная тьма.

Он сел и почувствовал, как что-то тыкается ему в шею. Предположил, что ручка фонарика, которым он пользовался ночью. Нащупал его и включил. Он сидел на полу. Большой Джим расположился на диване. Он-то и тыкал его фонариком.

Разумеется, ему достался диван, недовольно подумал Картер. Он же босс.

— Давай, сынок, — поторопил его Большой Джим. — Как можно быстрее.

«Почему я?» — подумал Картер... но не сказал. Конечно, он, потому что босс *старый*, босс *толстый* и у босса большое сердце. И потому, разумеется, что он босс. Джеймс Ренни, император Честерс-Милла.

Император подержанных автомобилей — вот кто ты. И ты воняешь потом и маслом от сардин.

— Давай! — Раздраженно. И испуганно. — Чего ты ждешь?

Картер поднялся — луч фонаря запрыгал по заставленным полкам атомного убежища (так много банок с сардинами) — и пошел во вторую комнату, где стояли койки. Здесь одна лампочка аварийного освещения еще горела, но очень слабо — и мигала. Гудок звучал громче, мерно и монотонно: «А-А-А-А-А-А». Звук надвигающегося конца.

Нам отсюда не выбраться, подумал Картер.

Он направил луч фонаря на люк перед генератором, который все так же монотонно гудел, безмерно его раздражая. Почему-то Картер вдруг подумал о боссе. Может, потому, что и это гудение, и голос босса часто означали примерно одно и то же: *Покорми меня, покорми меня, покорми меня. Дай мне пропан, дай мне сардин, дай мне высокооктановый бензин для моего «хаммера». Покорми меня. Я умру, а потом умрешь ты, и кого*

это волнует? Кто это заметит? Покорми меня. Покорми меня, покорми меня.

В подполе теперь оставались только семь баллонов с пропаном. Когда Картер заменит тот, что практически опустел, их останется шесть. Шесть жалких баллонов, которые стояли между ними и смертью от удушья, неминуемой после отключения очистителя воздуха.

Картер достал один баллон, но лишь поставил его рядом с генератором. Он не собирался менять старый баллон, пока в нем оставался пропан, несмотря на раздражающее: «А-А-А-А-А-А». Нет. Нет! Как там в рекламе кофе «Максвелл хаус»? Хорош до последней капли.

Но гудок все же действовал на нервы. Картер полагал, что сможет найти его и отключить, но тогда как бы они узнали, что весь пропан выработан?

Пара крыс, которые не могут выбраться из-под перевернутого ведра, вот кто мы.

Он провел несложный расчет. Осталось шесть баллонов, каждого хватает на одиннадцать часов. Они могли отключить кондиционер, и тогда время работы генератора от одного баллона увеличилось бы до двенадцати или тринадцати часов. Лучше заложиться в минус и считать, что до двенадцати. Двенадцать раз по шесть... это будет...

Из-за «А-А-А-А-А-А» математика давалась ему с трудом, но в конце концов результат он получил. Семьдесят два часа до жуткой смерти от удушья в темноте. И почему в темноте? Потому что никто не удосужился вовремя поменять аккумуляторные батареи в системе аварийного освещения, вот почему. Их, вероятно, не меняли уже лет двадцать, а то и больше. Босс сэкономил деньги. И почему только семь жалких баллонов пропана в подполе и миллиарды галлонов в ХНВ, только и ждущих, когда же их подорвут? Потому что боссу нравилось, когда все хранится там, где он этого хочет.

Сидя у генератора и слушая «А-А-А-А-А-А», Картер вспомнил, как говорил отец: *Сэкономишь цент — потеряешь доллар*. Точно про Ренни. Ренни — император подержанных автомобилей. Ренни — знаменитый политик. Ренни — король наркотиков. Сколько он заработал на производстве наркотиков? Миллион долларов? Два? И какое это теперь имеет значение?

Он, вероятно, никогда бы их и не потратил, и уж точно не потратит теперь. Здесь, в убежище, точно ничего не потратишь. В его распоряжении все сардины, которые он только сможет съесть, и они бесплатные.

— Картер?! — приплыл из темноты голос Большого Джима. — Ты собираешься заменить баллон или так и будешь слушать гудок?

Картер уже открыл рот, чтобы крикнуть, что им придется подождать, что на счету каждая минута, но тут «А-А-А-А-А-А» смолкло. И одновременно затих очиститель воздуха.

— Картер?!

— Занимаюсь этим, босс. — Зажав фонарик под мышкой, Картер снял пустой баллон, поставил полный на металлическую платформу, на которой хватало места для баллона в десять раз большего, и подсоединил его к генератору.

Каждая минута на счету... или нет? Почему на счету, если все закончится той же смертью от удушья?

Но часовой, ответственный за выживание, думал, что семьдесят два часа есть семьдесят два часа, и каждая минута из тех часов имела значение. Кто знал, что за это время произойдет? Военные могли наконец-то найти способ вскрыть Купол. Тот мог даже исчезнуть сам по себе, внезапно и неожиданно, как и появился.

— *Картер!* Что ты там делаешь? Моя гребаная бабушка справилась бы быстрее, а она мертвая!

— Почти закончил.

Он убедился, что соединение плотное, и положил палец на кнопку стартера (думая о том, что у них могут возникнуть проблемы, если аккумулятор маленького генератора такой же старый, как и аккумуляторы системы аварийного освещения). Потом не нажал на кнопку уже по другой причине.

Семьдесят два часа на двоих. А будь он один, то сумел бы растянуть запас пропана на девяносто часов, а то и на сотню, выключив очиститель воздуха до того момента, когда дышать станет просто неважноту. Он уже предлагал это Большому Джиму, но тот идею отверг.

«У меня больное сердце, — напомнил он Картеру. — Чем хуже воздух, тем быстрее оно меня подведет».

— *Картер!* — Громко и требовательно. Голос вонзился в уши, как раньше ударял в нос запах сардин босса. — *Что у тебя происходит?*

— Готово, босс! — крикнул он и нажал на кнопку. Стартер щелкнул, генератор сразу заработал.

Это надо обдумать, сказал себе Картер, но часовой, ответственный за выживание, придерживался иного мнения. Он полагал, что каждая минута, потраченная не на себя, — потерянная минута.

Он хорошо ко мне относился, сказал себе Картер. Давал мне важные

поручения.

Поручал грязные делишки, которые не хотел делать сам, вот что он тебе давал. И затащил в дыру под землей, чтобы ты умер вместе с ним. Про это не забудь.

Картер принял решение. Вытащил «беретту» из кобуры, прежде чем вернуться в большую комнату. Сначала хотел спрятать пистолет за спину, чтобы босс ничего не заметил, но отказался от этой мысли. Ренни называл его *сыном*, и, возможно, для него это было не просто слово. Он заслужил лучшей участи, чем неожиданный выстрел в затылок и смерть без последней молитвы.

В самой дальней северо-восточной части города рассвело: здесь Купол тоже закоптился, но полностью прозрачность не потерял. Солнце просвечивало сквозь него, окрашивая все окружающее воспаленной розовизной.

Норри подбежала к Барби и Джулии. Девочка кашляла и задыхалась, но все равно бежала.

— У моего дедушки инфаркт! — взвыла она, а потом упала на колени, хрипя и кашляя.

Джулия обняла девочку, повернула лицом к ревающим вентиляторам. Барби пополз туда, где Эрни Кэлверта окружили Расти Эверетт, Джинни Томлинсон и Дуги Твитчел.

— Расступитесь! — рявкнул Барби. — И дайте ему кислорода!

— В этом и проблема, — ответил Тони Гуэй. — Они уже дали ему то, что оставалось... что хотели дать детям... но...

— Эпи, ^[183] — констатировал Расти, и Твитч протянул ему шприц. — Джинни, начинай массаж сердца. Когда устанешь, тебя сменит Твитч. Потом я.

— Я тоже хочу, — подала голос Джоани. По ее лицу катились слезы. — Я ходила на занятия.

— И я тоже, — сказала Клер. — Я помогу.

— И я, — присоединилась к ним Линда. — Я только прошлым летом закончила специальные курсы.

Наш город мал — его судьбу мы вместе делим, подумал Барби. Джинни — с еще распухшим от полученных травм лицом — начала массировать грудь Эрни. Ее уже собрался сменить Твитч, когда к Барби подошли Джулия и Норри.

— Они смогут его спасти? — спросила Норри.

— Не знаю, — ответил Барби. Но он *знал*, и в этом был весь ужас.

Твитч занял место Джинни. Барби наблюдал, как капли пота, падающие со лба Твитча, темными пятнами расплываются на рубашке Эрни. Через пять минут он остановился, хрипло закашлялся.

Расти приготовился его сменить, но Твитч покачал головой:

— Он ушел. — Повернулся к Джоани: — Очень сожалею, миссис Кэлверт.

Лицо Джоани задрожало, потом сморщилось. Она издала крик горя,

который сменился приступом кашля. Норри обняла ее, закашлялась сама.

— Барби, — слышался голос, — на пару слов.

Его звал Кокс, уже в камуфляжной форме и теплой куртке, предохраняющей от холода вне Купола. Барби не понравилось мрачное выражение его лица. Джулия подошла вместе с ним. Они прислонились к Куполу, стараясь дышать медленно и ровно.

— Произошел несчастный случай на военно-воздушной базе в Киртленде, штат Нью-Мексико. — Кокс говорил, понизив голос. — Там проводились последние проверки атомной мини-бомбы, которую мы хотели применить, и... черт.

— Она взорвалась? — ужаснулась Джулия.

— Нет, мэм, расплавилась. Два человека погибли, еще полдесятка умрут от радиационных ожогов и облучения. Но дело в том, что мы лишились бомбы. Мы лишились гребаной атомной бомбы.

— Какая-то неисправность? — Барби очень на это надеялся, потому что тогда военные отказались бы от идеи использования мини-бомбы.

— Нет, полковник. Потому-то я и сказал: *несчастный случай*. Такое случается, когда люди торопятся, а мы все работаем в условиях чудовищной спешки.

— Мне очень жаль этих людей, — сказала Джулия. — Их родственники уже знают?

— Учитывая ситуацию, в которой вы находитесь сами, огромное вам спасибо за сочувствие. Им скоро сообщат. Случилось все в час ночи. Работы уже начались с мини-бомбой номер два. Ее должны подготовить за три дня. Максимум за четыре.

Барби кивнул:

— Спасибо, сэр, но я не уверен, что мы так долго протянем.

У них за спиной раздался протяжный и пронзительный горестный вопль — детский вопль. Когда Барби и Джулия обернулись, вопль перешел в кашель и хрипение. Они увидели, что Линда опустилась на колени у старшей дочери и обнимает ее.

— *Она не может умереть!* — закричала Джанель. — *Одри не может умереть!*

Но она умерла. Золотистый ретривер, собака Эвереттов ночью отошла в мир иной без шума и суеты, когда маленькие девочки спали по обе стороны от собаки.

Когда Картер вернулся в большую комнату, второй член управления Честерс-Милла ел сухой завтрак из коробки с нарисованным на ней мультяшным попугаем. Картер узнал эту красивую птичку — в детстве много раз видел ее по утрам на столе: Тукан Сэм, святой покровитель сухих завтраков «Фрут лупс».

Наверное, колечки — чертовски сухие, подумал Картер и на мгновение пожалел босса. Потом подумал о разнице между семьдесятю двумя и восьмьюдесятью или ста часами, и сердце вновь закаменело.

Большой Джим отправил в рот еще пригоршню колечек, потом увидел «беретту» в руке Картера:

— Это что?

— Извините, босс.

Большой Джим разжал пальцы, и оставшиеся в руке ярко окрашенные колечки посыпались обратно в коробку, но несколько штук прилипли к влажным от пота пальцам и ладони. Пот заблестел и на лбу, потек из-под волос.

— Сынок, не делай этого.

— Я должен, мистер Ренни. Ничего личного.

И Картер в это верил. Абсолютно ничего личного. Они здесь в западне, в этом все дело. И раз уж попали они сюда благодаря принятым Большим Джимом решениям, тот и должен за это заплатить.

Ренни поставил коробку «Фрут лупс» на пол. Очень осторожно, словно боялся, что коробка расколется, если просто бросить ее на пол.

— Тогда что?

— Все дело в... воздухе.

— Воздух. Понимаю.

— Я мог бы войти с пистолетом за спиной и просто пустить вам пулю в голову, но не захотел так поступать. Я хотел дать вам время подготовиться. Потому что видел от вас только хорошее.

— Тогда не заставляй меня страдать, сынок. Раз нет ничего личного, ты не станешь заставлять меня страдать.

— Если будете вести себя смирно, страдать вам не придется. Все произойдет быстро. Я пристрелю вас, как раненого оленя в лесу.

— Можем мы об этом поговорить?

— Нет, сэр. Решение я принял.

Большой Джим кивнул:

— Хорошо. Могу я сначала помолиться? Ты мне это позволишь?

— Да, сэр. Вы можете помолиться, если хотите. Только быстро. Мне это тоже трудно, знаете ли.

— Я тебе верю. Ты хороший парень, сынок.

Картер, который не плакал с четырнадцати лет, почувствовал, как у него начало жечь уголки глаз.

— Не стоит больше называть меня сыном, вам это не поможет.

— Но мне помогает. И я вижу, что ты тронут... это мне тоже помогает. — Большой Джим сполз с дивана, встал на колени. При этом задел коробку «Фрут лупс», которая упала на бок, и печально хохотнул: — Последняя трапеза была у меня не очень, доложу я тебе.

— Да, не очень. Сожалею.

Большой Джим, теперь стоя спиной к Картеру, вздохнул.

— Но я буду есть ростбиф за столом Иисуса через минуту-другую, так что все нормально. — Он поднял пухлый палец и коснулся шеи под линией волос: — Сюда. В мозговой ствол. Хорошо?

Картер проглотил, как ему показалось, большой сухой ватный шарик.

— Да, сэр.

— Хочешь преклонить колени вместе со мной, сынок?

Картер, который не молился еще дольше, чем не плакал, едва не ответил «да». Потом вспомнил, каким хитрым может быть босс. Возможно, сейчас он и не хитрил, но Картер видел его в деле и не хотел рисковать. Он покачал головой.

— Молитесь. И если хотите дойти до «аминь», молитва должна быть короткой.

На коленях, спиной к Картеру, Большой Джим сложил руки на диванной подушке, которая продавилась под немалыми размерами его зада.

— Святой Боже, это слуга Твой, Джеймс Ренни. Как я понимаю, я иду к Тебе, хочется мне этого или нет. Чаша поднесена к моим губам, и я не могу... — С губ сорвалось хрипкое рыдание. — Выключи свет, Картер. Я не хочу плакать на глазах у тебя. Не подобает мужчине так умирать.

Картер вытянул руку с пистолетом, и дуло практически коснулось шеи Большого Джима.

— Хорошо, но это будет ваша последняя просьба. — И выключил фонарик.

Он понял, что допустил ошибку, в то самое мгновение, когда это сделал, но уже слишком поздно. Услышал, как двигается босс, на удивление резво для крупного человека с больным сердцем. Картер

выстрелил и в свете дульной вспышки увидел, как в просиженной диванной подушке появилась дыра. Большой Джим уже не стоял на коленях перед диваном, правда, и далеко он уйти не мог при всей своей быстроте. Но пока Картер возился с кнопкой фонарика, Большой Джим нанес удар мясницким ножом, который достал из ящика, находящегося рядом с плитой, и шесть дюймов стали вошли в живот Картера Тибодо.

Он закричал от боли и выстрелил вновь. Большой Джим почувствовал, как пуля просвистела у самого уха, но не подался назад. В голове у него тоже жил часовой, ответственный за выживание, который верно служил ему долгие годы, и он предупредил, что Большой Джим умрет, если подастся назад. Поэтому Ренни не без труда поднялся, одновременно поднимая нож и вспарывая живот глупому мальчишке, который вознамерился взять верх над Большим Джимом Ренни.

Картер закричал вновь, когда его живот разделялся надвое. Капли крови брызнули Большому Джиму в лицо, вылетев, как он надеялся, с последним выдохом мальчишки. Он оттолкнул Картера. В свете выпавшего из его руки фонаря Картер попятился, топча разбросанные колечки сухого завтрака и держась руками за живот. Он попытался ухватиться за полку и рухнул на колени, осыпаясь банками сардин, консервированных моллюсков и супов. На мгновение застыл на коленях, будто передумал и все-таки решил помолиться. Волосы упали на лоб. Потом пальцы, ухватившиеся за полку, разжались, и он грохнулся лицом вниз.

Большой Джим посмотрел на нож, но решил, что для его больного сердца (он тут же пообещал себе, что займется здоровьем, как только этот кризис закончится) нагрузка слишком велика. Поэтому поднял с пола пистолет Картера и подошел к глупому мальчишке:

— Картер? Ты еще с нами?

Картер застонал. Попытался перевернуться на спину, не смог.

— Я собираюсь пустить тебе пулю в мозговой ствол, как ты и хотел. Но напоследок собираюсь дать тебе еще один совет. Ты слушаешь? — Картер вновь застонал. Ренни решил, что это положительный ответ. — Совет таков: никогда не давай хорошему политику времени помолиться.

И Большой Джим нажал на спусковой крючок.

— Я думаю, он умирает! — закричал рядовой Эймс. — Я думаю, парнишка умирает!

Сержант Гро опустился на колени рядом с Эймсом, всмотрелся в грязное окно у подножия Купола. Олли Динсмор лежал на боку, прижавшись губами к поверхности, которую они теперь могли видеть, потому что подросток не сумел полностью отчистить ее. Гро гаркнул, как на плацу:

— *Эй! Олли Динсмор! Равнение на середину!*

Очень медленно Олли открыл глаза и посмотрел на двух мужчин, стоявших на коленях менее чем в футах от него, но в более холодном и чистом мире.

— Что? — прошептал он.

— Ничего, сынок, засыпай снова. — Сержант повернулся к Эймсу: — Расслабься, рядовой. Он в порядке.

— Нет. Вы только посмотрите на него.

Гро взял Эймса за руку и помог — по-доброму — подняться.

— Нет, — согласился он шепотом, — он совсем не в порядке, но он жив и спит, а сейчас это все, на что мы можем рассчитывать. Во сне он потребляет меньше кислорода. Тебе надо что-нибудь съесть. Ты завтракал?

Эймс покачал головой. Мысль о завтраке даже не приходила ему в голову.

— Я хочу побыть здесь на случай, если он проснется. — Он помолчал, потом добавил: — Я хочу быть здесь, если он умрет.

— Пока он не умрет. — Гро не знал: правда это или нет. — Перехвати что-нибудь всухомятку, хотя бы кусок колбасы с хлебом. Ты выглядишь ужасно, солдат.

Эймс мотнул головой в сторону подростка, который спал на выжженной земле, прижимаясь носом и ртом к Куполу. Лицо покрывала копоть, и они едва могли разглядеть, как поднимается и опускается грудь.

— Как думаете, сержант, сколько он сможет протянуть?

Гро покачал головой.

— Вероятно, недолго. В группе на другой стороне кто-то уже умер этим утром, еще несколько человек неважно себя чувствуют. Там, между прочим, лучше. Чище. Ты должен готовиться к худшему.

Эймс едва не плакал.

— Парнишка потерял всю семью.

— Найди себе что-нибудь поесть. Я побуду здесь, пока ты не вернешься.

— А потом я смогу остаться?

— Ты ему нужен, рядовой, он тебя получит. Можешь оставаться здесь до самого конца.

Гро наблюдал, как Эймс помчался к столу, поставленному около вертолета, на котором лежала кое-какая еда. Происходило все это в десять часов. Стояло погожее утро, какое часто бывает поздней осенью. Пригревающее солнце растопило покрывшую траву изморозь. Но всего в нескольких футах отсюда находился другой мир, упрятанный под Купол, где теперь царил вечный сумрак, воздух стал непригодным для дыхания, а время перестало иметь значение. Гро вспомнил пруд в парке городка, где он вырос. В Уилтоне, штат Коннектикут. В пруду жили золотые карпы, большие и старые. Дети постоянно их подкармливали. До того дня, когда по недосмотру одного из садовников в пруд не попало какое-то удобрение. И прощайте, рыбки. Все десять или двенадцать всплыли брюхом кверху.

Глядя на грязного спящего паренька по ту сторону Купола, сержант не мог не думать о тех карпах... только мальчишка не был рыбой.

Эймс вернулся, что-то доедая, хотя чувствовалось, что аппетита у него нет. Солдат так себе, по мнению Гро, но хороший парень с добрым сердцем.

Рядовой Эймс сел. Сержант Гро устроился рядом. Примерно в полдень им сообщили, что у северной стороны Купола умер еще один выживший. Маленький мальчик, которого звали Эйден Эпплтон. Еще один ребенок. Гро вроде бы видел его мать днем раньше. Он надеялся, что это не так, но боялся, что видел именно ее.

— Кто это сделал? — спросил его Эймс. — Кто все это устроил, сержант? И почему?

Гро покачал головой:

— Не знаю.

— Это же лишено всякого смысла! — воскликнул Эймс.

За Куполом Олли шевельнулся, оторвал рот от разделяющей миры преграды, лишился источника воздуха, во сне вновь повернулся к Куполу, через который вентиляторы продавливали воздух.

— Не разбуди его, — предупредил Гро. *Если он уйдет во сне, так будет лучше для нас всех.*

К двум часам пополудни все беженцы кашляли, за исключением — невероятно, но правда — Сэма Вердро, который буквально расцвел от этого жуткого воздуха, и Литл Уолтера Буши: малыш все время спал и лишь иногда пил молоко или сок.

Барби сидел у Купола, обняв Джулию. Неподалеку Терстон Маршалл устроился рядом с накрытым телом Эйдена Эплтона, который умер с пугающей внезапностью. Терстон, который теперь постоянно кашлял, держал на руках Элис Эплтон. Девочка плакала, пока не заснула. В двадцати футах дальше Расти обнимал жену и дочек, которые, наплакавшись, тоже заснули. Одри он отнес в «скорую», чтобы девочки не смотрели на нее. По пути туда и обратно ему пришлось не дышать: уже в пятнадцати ярдах от Купола воздух вызывал удушье, убивал. В самом скором времени, восстановив дыхание, Расти собирался проделать то же самое с телом маленького мальчика. Одри составила бы ему хорошую компанию: она всегда любила детей.

Джо Макклэтчи плюхнулся на землю рядом с Барби. Теперь он действительно выглядел как пугало. Бледное лицо покрывали прыщи, под глазами висели лиловые мешки.

— Мама спит, — сообщил он.

— Джулия тоже, так что говори тише.

Джулия приоткрыла один глаз:

— Не сплю. — И тут же его закрыла. Закашлялась, затихла, начала кашлять вновь.

— Бенни заболел. У него поднялась температура, как у маленького мальчика перед тем, как он умер. — Джо замялся. — Моя мама тоже какая-то теплая. Может, только потому, что здесь жарко, но... я так не думаю. Что, если она умрет? Если мы все умрем?

— Мы не умрем. Они, — кивнул Барби в сторону Купола, — что-нибудь придумают.

Джо покачал головой:

— Они — нет. И вы это знаете. Потому что они снаружи. Снаружи нам никто помочь не сможет. — Он оглядел черное пепелище, которое днем раньше было городом, и рассмеялся, скорее захрипел, и смех этот вызывал ужас, потому что в нем чувствовалось веселье. — Честерс-Милл получил статус города в 1803 году, мы это проходили в школе. Более двухсот лет

назад. И хватило недели, чтобы стереть его с лица земли. На это ушла одна гребаная неделя. Как такое может быть, полковник Барбара?

Барби не знал, что на это ответить.

Джо прикрыл рот, кашлянул. По другую сторону Купола ревели и ревели вентиляторы.

— Я умный мальчик. Вы это знаете? Я хочу сказать, я не хваюсь, а... я умный.

Барби подумал о видеотрансляции, которую парнишка организовал с места ракетного удара.

— Нет вопросов, Джо.

— В фильме Спилберга именно умный мальчик в последнюю минуту находит решение, которое всех спасает, или нет?^[184]

Барби почувствовал, как вновь шевельнулась Джулия. Теперь она открыла оба глаза и пристально смотрела на Джо.

По щекам подростка текли слезы.

— Я не гожусь на роль мальчика в фильме Спилберга. Если бы мы находились в парке юрского периода, динозавры нас наверняка бы съели.

— Если бы только они устали, — мечтательно сказала Джулия.

— Кто? — Джо повернулся к ней.

— Кожеголовые. Кожеголовые дети. Детям положено уставать от игр и переходить к чему-то еще. Или... — Она сильно закашлялась. — Или родители позвали бы их обедать.

— Может, они не едят, — мрачно изрек Джо. — Может, у них нет и родителей.

— А может, время у них течет по-другому, — добавил Барби. — В их мире они, возможно, только присели перед своей коробочкой. И игра в самом начале. Мы даже не знаем, дети ли они.

К ним присоединилась Пайпер Либби. Лицо горело, волосы прилипли к щекам.

— Они — дети.

— Откуда ты знаешь? — спросил Барби.

— Просто знаю. — Она улыбнулась. — Они — Бог, в которого я перестала верить тремя годами раньше. Бог, превратившийся в шайку маленьких плохишей, играющих на межзвездном икс-боксе.^[185] Разве это не смешно? — Ее улыбка стала шире, и тут же она разрыдалась.

Джулия смотрела в сторону коробочки, мигающей пурпурным светом. Лицо стало задумчивым и чуть мечтательным.

В Честерс-Милл пришел субботний вечер. В такой вечер обычно проводили свои заседания женщины, входящие в орден «Восточная звезда» (после заседаний они обычно шли в дом Генриетты Клавар, пили вино и рассказывали самые похабные анекдоты). В такой вечер Питер Рэндолф и его дружки обычно играли в покер (и тоже рассказывали самые похабные анекдоты). В такой вечер Стюарт и Ферн Боуи обычно ехали в Льюистон и снимали пару проституток в борделе на Нижней Лисбон-стрит. В такой вечер преподобный Лестер Коггинс молился с подростками в церкви Святого Искупителя, а Пайпер Либби устраивала танцы для молодежи в подвале церкви Конго. В такой вечер «Дипперс» ревел до часу ночи (и где-то в половине первого пьяная толпа запевала свой гимн, «Грязную воду», песню, которую хорошо знали все бостонские рок-группы). В такой вечер Гови и Бренда Перкинс гуляли, держась за руки, по городской площади, здороваясь с другими прогуливающимися парами, которых они знали. В такой вечер Олден Динсмор, его жена Шелли и двое сыновей перебрасывались мячом при свете полной луны. В Честерс-Милле (как и в большинстве маленьких городков, где все поддерживают свою команду) субботние вечера обычно были лучшими, созданными для танцев, секса и грез.

Но не этот. Этот — мрачен и тянется бесконечно. Ветер давно уже умер. Ядовитый воздух горяч и недвижим. Там, где находилось шоссе номер 119 до того момента, как его выжгло огнем, Олли Динсмор лежит, прижимаясь лицом к расчищенной поверхности Купола, все еще упрямо цепляясь за жизнь, а в полутора футах от него рядовой Клинт Эймс несет бессменную вахту. Какой-то умник захотел направить на Олли свет фонаря. Эймс (поддержанный сержантом Гро, который, как выяснилось, не такой уж жестокий и страшный) этого не допустил, потому что луч фонаря направляют на спящих людей, только если они террористы, но никак не подростки, которые могут умереть еще до рассвета. Но у Эймса тоже есть фонарик, и он то и дело включает его, чтобы убедиться, что мальчишка еще дышит. Он дышит, но всякий раз, когда Эймс включает фонарь, то ожидает увидеть, что грудь Олли больше не поднимается. Какая-то часть Клинта уже смирилась с неизбежным: как бы ни старался выжить Олли Динсмор, как бы героически ни боролся за свою жизнь, будущего у него нет. Но наблюдать за этой борьбой так тяжело. Вскоре после полуночи рядовой

Эймс засыпает, сидя с фонариком, который едва не выпадает из его расслабившихся пальцев.

«Ты спишь? — спросил Иисус у Петра. — Не мог ты бодрствовать один час?»^[186]

На что Шеф Буши мог добавить: «*Книга Матфея, Сандерс*».

...В самом начале второго Роуз Твитчел трясет Барби за плечо.

— Терстон Маршалл умер, — говорит она. — Расти и мой брат затаскивают тело в «скорую», чтобы маленькая девочка не так расстроилась, когда проснется. — И добавляет: — Если проснется. Элис тоже больна.

— Мы все больны, — отвечает Джулия. — За исключением Сэма и этого наркоманского ребенка.

Расти и Твитч спешат к Куполу от скопления автомобилей, падают перед одним из вентиляторов, шумно втягивают в легкие воздух. Твитч начинает кашлять, и Расти подтаскивает его еще ближе к Куполу. Твитч ударяется о него головой. Они все слышат удар.

Роуз еще не закончила:

— Бенни Дрейк тоже очень плох. — Она понижает голос до шепота: — Джинни думает, он не протянет до восхода солнца. Если бы только мы могли хоть что-то сделать.

Барби не отвечает. Джулия тоже, хотя вновь смотрит в сторону коробочки, площадь которой не больше пятидесяти квадратных дюймов и толщина какой-то дюйм, но сдвинуть с места ее невозможно. Взгляд у Джулии затуманенный, задумчивый.

Красноватая луна наконец-то пробивается сквозь грязь на восточной стороне Купола и заливает все кровавым светом. Стоит конец октября, а в Честерс-Милле октябрь — самый бессердечный месяц, мешающий памяти с желанием. Нет цветов на этой мертвой земле. Ни цветов, ни деревьев, ни травы. Луна смотрит на полнейшую разруху, поскольку больше смотреть практически не на что.

Большой Джим проснулся в темноте, хватаясь за сердце. Оно вновь билось неровно. Он стукнул себя по груди. Потом включился гудок генератора, предупреждая, что в очередном баллоне пропана осталось на доньшке: А-А-А-А-А-А. *Покорми меня, покорми меня.*

Большой Джим вздрогнул и вскрикнул. Его бедное, измученное сердце дернулось, пропустило удар, прыгнуло, побежало догонять себя. Он чувствовал себя как старый автомобиль с барахлящим карбюратором, колымагой, которую ты забираешь в счет оплаты нового автомобиля, но потом никак не можешь продать, потому что годится она только для свалки. Большой Джим хватал ртом воздух и колотил по груди. Прихватило его, как и в прошлый раз, когда он попал в больницу. Может, сильнее.

А-А-А-А-А-А — словно жужжало какое-то огромное, надоедливое насекомое — цикада, возможно, — соседствующее с ним в темноте. И что, мало ли кто мог пробраться сюда, пока он спал?

Большой Джим поискал фонарик. Другой рукой продолжат бить и массировать грудь, требуя от сердца успокоиться, не вести себя, как ёханный капризный ребенок. Он прошел такой долгий путь не для того, чтобы просто умереть в темноте.

Ренни нашел фонарик, с трудом поднялся на ноги, споткнулся о тело своего последнего адъютанта. Вскрикнул и опустился на колени. Фонарик не разбился, но выпал из руки, откатился, отбрасывая движущийся луч на самую нижнюю полку слева, заставленную коробками со спагетти и банками с томатной пастой.

Большой Джим пополз за ним. И тут же открытые глаза Картера сдвинулись.

— Картер? — Пот струился по лицу Большого Джима; щеки, казалось, покрывала тонкая пленка какого-то вонючего жира. Он чувствовал, как рубашка липнет к телу. Его сердце проделало еще несколько кульбитов, а потом, вот чудо, застучало в нормальном ритме. Хотя нет. Не совсем. Но по крайней мере более близком к нормальному. — Картер? Ты жив?

Нелепо, конечно. Большой Джим вспорол ему брюхо, как пойманной рыбе на берегу реки, потом еще и выстрелил в затылок. Он мертв, как Адольф Гитлер. И при этом Большой Джим мог поклясться... *почти* мог... что глаза мальчика...

Ему пришлось отгонять мысль, что Картер собирается вытянуть руки

и схватить его за горло. Пришлось сказать себе, что это нормально — немного (ужасаться) нервничать, потому что, в конце концов, мальчик едва не убил его. И все-таки он ждал, что сейчас Картер сядет. Подтянет его к себе и вонзит голодные зубы ему в глотку.

Большой Джим надавил на шею Картера под подбородком. Холодная липкая от крови кожа, никакого пульса. Естественно, никакого. Парень мертв. Мертв уже двенадцать часов, а то и дольше.

— Ты обедаешь с твоим Спасителем, сынок, — прошептал Большой Джим. — Ростбиф и картофельное пюре. Яблочный пирог на десерт.

От этих слов ему стало спокойнее. Он пополз за фонариком, а когда услышал за спиной какой-то звук — возможно, движение руки, скользящей по бетонному полу, не оглянулся. Ему нужно покормить генератор. Заглушить это А-А-А-А-А-А-А.

Когда Большой Джим доставал из хранилища один из пяти оставшихся баллонов, его сердце вновь сбилось с ритма. Он сидел у открытого люка, ловя ртом воздух, пытаясь кашлем заставить сердце забиться ровно и молясь, не отдавая себе отчета, что молитва его — череда требований и оправданий: заставь его успокоиться, это не моя вина, вытащи меня отсюда, я делал все, что мог, старался вернуть все на круги своя, меня подвели неумехи, излечи мое сердце.

— Ради Иисуса, аминь, — закончил он. Но звук этих слов только нагнал страху, вместо того чтобы успокоить. Слова дребезжали, словно кости в могильном склепе.

К тому времени, когда его сердце немного успокоилось, смолк и напоминающий стрекотание цикады гудок тревоги. Закончился пропан в баллоне, подсоединенном к генератору. Если бы не луч фонаря, в спальном комнате атомного убежища царила бы такая же темнота, что и в большой: последняя лампа аварийного освещения давно погасла. Снимая пустой баллон и ставя полный на металлическую платформу позади генератора, Большой Джим смутно вспомнил, как поставил резолюцию «ДЕНЕГ НЕ ВЫДЕЛЯТЬ» на заявке о поддержании работоспособности систем жизнеобеспечения атомного убежища, которая легла на его стол годом или двумя раньше. Вероятно, в этой заявке упоминалась и замена аккумуляторных батарей для ламп аварийного освещения. Но он не мог себя в этом винить. Городской бюджет располагал ограниченными средствами, а люди всегда тянули руки: покорми меня, покорми меня.

Элу Тиммонсу следовало сделать это по собственной инициативе, сказал себе Большой Джим. *Господи, неужели это так много — проявить инициативу? Разве не за это получают деньги люди, отвечающие за*

техническое состояние здания, где работают? Эл мог бы пойти к лягушатнику Берпи и попросить его, ради всего святого, пожертвовать аккумуляторные батареи для города. Я бы поступил именно так.

Он подсоединил полный баллон к генератору. Тут его сердце снова забарахлило. Рука дернулась, и фонарик полетел вниз, в хранилище, где ударился об один из остававшихся там баллонов. Стекло разбилось, и Большой Джим вновь оказался в крошечной тьме.

— *Нет!* — проревел он. — *Нет, черт побери, НЕТ!* — Тишина и темнота давили на Большого Джима, сердце сжималось и трепыхалось. Предавало его. — Ничего страшного. В другой комнате есть еще фонарик. И спички. Мне только нужно их найти. Если Картер сложил все в одном месте, я их сразу разыщу.

А он, Большой Джим, переоценил мальчика. Думал, что Картер подает надежды, но в конце оказалось, что это отработанный материал. Ренни рассмеялся, тут же заставил себя замолчать. В темноте смех только пугал.

Ладно, теперь запусти генератор.

Да. Правильно. Генератор — забота номер один. Он проверит надежность соединения с баллоном, как только генератор заработает и начнется очистка воздуха. А уж потом найдет еще один ручной фонарик, а может, и лампу Коулмана. Тогда ему хватит света, когда подойдет срок очередной замены баллона.

— Это главное. В нашем мире, если хочешь, чтобы что-то было сделано правильно, берись за дело сам. Спросите Коггинса. Спросите эту смутьянку Перкинс. Они знают. — Ренни рассмеялся. Ничего не мог поделать, слишком уж эти воспоминания грели душу. — Они выяснили. Нельзя дразнить большую собаку, если у тебя маленькая палка. Нет, сэр. Ни-ког-да.

Он ощупал генератор в поисках кнопки-стартера, нашел, нажал. Ничего не изменилось. И внезапно воздух в комнате загустел.

Я нажал не на ту кнопку, ничего больше.

Он знал, что это не так, но верил в обратное, потому что очень хотелось верить. Подул на пальцы, как делают некоторые игроки в надежде разогреть холодную пару костей. Потом вновь принялся ощупывать генератор, снова нашел кнопку-стартер.

— Господи, это Твой слуга, Джеймс Ренни. Пожалуйста, позволь этой трехнутой рухляди завестись. Я прошу во имя Твоего Сына, Иисуса Христа.

Он нажал на кнопку-стартер.

Ничего.

Ренни сидел в темноте, опустив ноги в хранилище баллонов, стараясь подавить панику, которая готовилась наброситься на него и сожрать живьем. Следовало хорошенько подумать. Другого способа выжить не было. Но так трудно собраться с мыслями, когда вокруг темень, а сердце готово отказать в любую минуту.

А что самое худшее? Все, что он сделал, все, ради чего работал тридцать лет, казалось теперь чем-то совершенно нереальным. Как и люди по другую сторону Купола. Они ходили, разговаривали, ездили на автомобилях, даже летали на самолетах и вертолетах. Но все это к реальной жизни, жизни под Куполом, не имело никакого отношения.

Возьми себя в руки. Раз Бог не помогает тебе, помоги себе сам.

Ладно. Первая задача — свет. Подойдут и спички. Что-то обязательно найдется на полках в соседней комнате. Он будет все ощупывать — медленно, методично, — пока не найдет. А потом он отыщет аккумуляторную батарею для генератора. Батареи есть, он в этом уверен, потому что ему нужен генератор. Без генератора он умрет.

Допустим, ты запустишь генератор? Что произойдет после того, как закончится пропан?

Да ладно, что-нибудь переменится. Он не собирался здесь умирать. Ростбиф с Иисусом? Эту трапезу он мог и пропустить. Если его не посадят во главу стола, ему там вообще нечего делать.

Эта мысль вызвала у него смех. Медленно и осторожно он двинулся к двери, которая вела в большую комнату. Вытянул руки перед собой, как слепец. Через несколько шагов добрался до стены. Пошел направо, касаясь стены кончиками пальцев, и... ага! Пустота. Дверной проем. Хорошо.

Он миновал его, двигаясь более уверенно, несмотря на темноту. Эту комнату Ренни помнил хорошо: полки с каждой стороны, диван впереди...

Он споткнулся об этого ёханого мальчишку и упал. Ударился лбом об пол и закричал — больше от удивления и ярости, чем от боли, потому что ковер смягчил удар. Но, Господи, между ногами оказалась рука мертвеца. И она вроде бы ухватила его за яйца.

Большой Джим поднялся на колени. Пополз вперед, вновь ударился головой, на этот раз о диван. Снова вскрикнул, залез на диван, подтянул ноги, как человек, сидя на плоту, вытаскивает ноги из воды, осознав, что вокруг полно акул.

Лежал, дрожа всем телом, говоря себе, что надо успокоиться, он должен успокоиться, а то допрыгается до инфаркта.

«Когда вы чувствуете аритмию, вам нужно сосредоточиться на себе и делать долгие, глубокие вдохи», — сказал ему хипповый доктор. Тогда

Большой Джим подумал, что это муть, но теперь — раз уж верапамила нет — не оставалось ничего другого, как попробовать.

И вроде бы сработало. Через двадцать глубоких вдохов и медленных, долгих выдохов он почувствовал, как сердце успокаивается. Медный привкус уходил изо рта. К сожалению, какая-то тяжесть начала придавливать грудь. Боль поползла по левой руке. Ренни знал, что это признаки инфаркта, но подумал, что причиной может быть и изжога после сардин, которых он съел слишком уж много. Скорее всего. Потому что долгие, медленные вдохи и выдохи привели сердце в порядок (но ему все равно следует обратиться к специалистам после того, как закончится эта передряга, может, даже смириться и сделать шунтирование). Жара создавала дополнительные проблемы. Жара и сгущающийся воздух. Ему надо найти фонарь и запустить этот генератор. Он полежит еще минутку, может, две...

Кто-то здесь дышал.

Да, конечно. Я здесь дышу.

И однако у него сложилось ощущение, что он слышал еще чье-то дыхание. Причем не одного человека. Нескольких. И вроде бы Ренни знал, что они за люди.

Это нелепо.

Да, но один из дышавших стоял за диваном. Второй — в углу. Третий — в трех футах перед диваном.

Нет! Прекрати немедленно!

Бренда Перкинс за диваном. Лестер Коггинс в углу, со сломанной, отвисшей челюстью.

А перед диваном...

— Нет! — вырвалось у Большого Джима. — Это ерунда. Это чушь!

Он закрыл глаза и попытался сосредоточиться на долгих вдохах и выдохах.

«У тебя здесь хорошо пахнет, папа, — обратился к нему стоящий перед диваном Младший. — Совсем как в кладовой. Пахнет моими подружками».

Большой Джим закричал.

«Помоги мне, брат, — заговорил лежащий на полу Картер. — Он сильно порезал меня. И застрелил».

— Хватит, — прошептал Большой Джим. — Я ничего этого не слышу, так что хватит. Я считаю вдохи. Я успокаиваю свое сердце.

«Бумаги все еще у меня, — заверила его Бренда Перкинс. — И множество копий. Скоро они будут развешаны по всем телеграфным столбам города, как Джулия сделала с последним номером газеты. Будь

уверен, испытаешь ты наказание за грех твой, которое настигнет тебя. Книга «Числа», глава тридцать вторая».

— Тебя здесь нет!

Но что-то — по ощущениям, палец — прошло по его щеке.

Большой Джим закричал снова. Атомное убежище заполняли мертвецы, которые без труда дышали спертым воздухом и легко двигались. Даже в темноте он мог разглядеть их бледные лица. Мог видеть глаза своего умершего сына.

Большой Джим вскочил с дивана, принялся молотить черный воздух кулаками:

— Пошли прочь! Все пошли от меня прочь!

Он бросился к лестнице, споткнулся о нижнюю ступеньку. На этот раз ковер удар не смягчил. В глаза закапала кровь. Мертвая рука погладила его по затылку.

«Ты меня убил». — Только со сломанной челюстью у Лестера Коггинса получилось: *Ы-ы-ы ме-е-е у-у-у*.

Большой Джим взбежал по лестнице и навалился на дверь своим немалым весом. Она открылась, отталкивая обгоревшие доски и свалившиеся кирпичи. Открылась достаточно широко, чтобы Большой Джим смог в нее протиснуться.

— Нет! — проревел Большой Джим. — Нет, не трогайте меня! Не смейте прикасаться ко мне!

Темнота среди руин муниципалитета не слишком отличалась от темноты атомного убежища, но одно различие было, и существенное: здесь воздух не годился для дыхания.

Большой Джим это осознал на третьем вдохе. Его сердце, и так перегруженное последними резкими телодвижениями, подпрыгнуло к горлу. И на этот раз там и осталось.

Большой Джим внезапно почувствовал, что его ударили в грудь чем-то тяжелым, вроде как мешком, наполненным камнями. Он попытался вернуться к двери, пошатываясь, словно человек, идущий по глубокой жидкой грязи. Он попытался протиснуться в щель, но на этот раз застрял. Ужасный звук вырывался из его раззявленного рта:

— *А-А-А-А-А-А, покорми меня, покорми меня.*

Он покачнулся, второй раз, третий: вытянул руку в последней надежде на спасение.

В темноте его руку погладила чья-то рука.

— *Па-а-апа*, — проворковал голос.

Кто-то потряс Барби за плечо перед тем, как занялась заря воскресного утра. Просыпался он с неохотой, кашляя, инстинктивно повернулся к Куполу и стоящим за ним вентиляторам. Когда приступ кашля стих, посмотрел, кто его разбудил. Джулия. Ее волосы висели патлами, щеки горели от температуры, но глаза оставались ясными.

— Бенни Дрейк умер час назад.

— Ох, Джулия. Господи. Так жаль. — Он не говорил, а хрипел, едва узнавая собственный голос.

— Я должна добраться до коробочки, которая создает Купол. Как мне туда попасть?

Барби покачал головой:

— Даже если ты сможешь что-нибудь сделать, она на гребне, почти в полумиле отсюда. Нам не хватает дыхания, чтобы добежать до автофургона и микроавтобуса, а они в каких-то пятидесяти футах.

— Есть способ, — раздался чей-то голос. Они оглянулись и увидели Сэма Вердро. Он курил последнюю сигарету и смотрел на них трезвыми глазами. Он и был *трезв*, совершенно трезв, первый раз за восемь лет. — Есть способ, — повторил он. — Я вам покажу.

**Носи его дома, он будет выглядеть как
платье**

В половине восьмого утра они все собрались в кучку, даже убитая горем, с красными от слез глазами мать Бенни Дрейка. Элва Дрейк обнимала за плечи Элис Эпплтон. От веселья и живости девочки не осталось и следа, а, когда она дышала, из узкой груди вырывались хрипы.

Когда Сэм закончил, наступила тишина... если, разумеется, не считать нескончаемого рева вентиляторов.

— Это безумие, — первым высказался Расти. — Вы умрете.

— А если останемся здесь, выживем? — бросил Барби.

— Зачем вообще и пытаться? — пожала плечами Линда. — Даже если идея Сэма сработает и вы сумеете...

— Я думаю, сработает, — вставил Ромми.

— Разумеется, сработает, — кивнул Сэм. — Парень, которого звали Питер Бергерон, рассказал мне об этом вскоре после большого пожара в Бар-Харборе в сорок седьмом. И при всех своих особенностях лжецом Пит не был.

— Если и сработает, то к чему все это? — настаивала Линда.

— Потому что это единственное, чего мы не попробовали, — ответила Джулия. Теперь, когда она приняла решение, а Барби сказал, что поедет с ней, женщина совершенно успокоилась. — Мы не пытались умолять.

— Ты рехнулась, Джулия. — Тони Гуэй покачал головой: — Думаешь, они услышат? А если и услышат, то послушают?

Джулия повернулась к Расти:

— В тот раз, когда твой друг Джордж Лэтроп жег муравьев живьем через увеличительное стекло, ты слышал, как они умоляли этого не делать?

— Муравьи не могут умолять, Джулия.

— Ты же сказал: «Мне пришло в голову, что у муравьев тоже может быть своя жизнь». Почему это пришло тебе в голову?

— Потому что... — Он не договорил, пожал плечами.

— Может, ты их услышал, — предположила Лисса Джеймисон.

— При всем моем уважении, это полнейшая чушь, — не выдержал Пит Фримен. — Муравьи — это муравьи. Не могут они умолять.

— Но люди могут, — заметила Джулия. — И разве у нас нет своей жизни?

На это никто не ответил.

— И что еще мы можем попробовать?

За их спинами заговорил полковник Кокс. Они все про него забыли. Внешний мир и его обитатели теперь не имели к ним никакого отношения.

— Я бы попробовал на вашем месте. Не цитируйте меня, но... да. Я бы попробовал. Барби?

— Я уже согласился. Она права. Больше ничего не остается.

— Давайте взглянем на мешки, — предложил Сэм.

Линда протянула ему три больших зеленых мешка «Хефти». В двух раньше была одежда ее и Расти, а также несколько книг для девочек (рубашки, штаны, носки и нижнее белье теперь лежали на земле, позади небольшой группы выживших). Ромми пожертвовал третий, в котором привез два карабина для охоты на оленей. Сэм осмотрел все три, нашел дырку в мешке из-под карабинов, отбросил его. Два других сохранили герметичность.

— Хорошо, слушайте внимательно. До коробочки будем добираться на минивэне миссис Эверетт, но сначала надо подогнать его сюда. Вы уверены, что ехали с поднятыми стеклами, миссис? Лучше вам быть уверенной, потому что от этого зависят жизни людей.

— С поднятыми, — кивнула Линда. — Мы включали кондиционер.

Сэм посмотрел на Расти:

— Ты должен подогнать его сюда, док, но прежде всего надо выключить кондиционер. Ты понимаешь почему, да?

— Чтобы сохранить воздух в салоне.

— Плохой воздух попадет внутрь, когда откроешь дверцу, само собой, но немного, если ты поторопишься. Внутри останется хороший воздух. *Городской* воздух. И те, кто поедет в минивэне, смогут дышать им всю дорогу до коробочки. От старого микроавтобуса толку нет, и не только потому, что стекла опущены...

— Нам пришлось, — вставила Норри, глядя на украденный микроавтобус телефонной компании. — Кондиционер сломался. Так сказал де-дедушка. — Слеза появилась в уголке левого глаза и скатилась по грязной щеке. Грязь была повсюду, и с мутного неба падали мельчайшие, почти невидимые частицы черной сажи.

— Все хорошо, милая, — успокоил ее Сэм. — Эти колеса не стоят и цента. Один взгляд, и сразу понятно, с чьей стоянки подержанных автомобилей взята эта развалюха.

— Получается, речь идет о моем автофургоне, если нам понадобится второй автомобиль, — подал голос Ромми. — Я его подгоню.

Но Сэм уже качал головой:

— Лучше возьмем машину миз Шамуэй, потому что колеса меньше и с ними легче управляться. Опять же они новенькие. Воздух в них более

свежий.

Джо Макклэтчи внезапно улыбнулся:

— Воздух из колес! Закачать воздух из колес в мешки для мусора! Самодельные баллоны с воздухом. Мистер Вердро, это гениально!

Сэм Бухло тоже улыбнулся, продемонстрировав шесть оставшихся зубов.

— Не могу поставить это себе в заслугу, сынок. Идея Пита Бергерона. Он рассказал, как два человека оказались отрезанными пожаром в Бар-Харборе после того, как он стал верховым и двинулся по кронам деревьев. Они могли не опасаться, что сгорят, но воздух стал непригодным для дыхания. Тогда эти двое вырвали ниппель из колеса лесовоза и по очереди прикладывались к дыре, пока ветер не очистил воздух. Пит рассказал, что, по их словам, воздух из шины пах, как давно сдохшая рыба, но благодаря ему они остались живы.

— Одного колеса хватит? — спросила Джулия.

— Возможно, но мы не можем доверять запаске, если это не обычное колесо, а докатка, рассчитанная лишь на то, чтобы проехать двадцать миль по автостраде, и не больше.

— Нет, колесо обычное. Я терпеть не могу эти суррогаты. Попросила Джонни Карвера положить мне новое, что он и сделал... — Джулия посмотрела на город. — Полагаю, Джонни мертв. Как и Кэрри.

— Нам лучше снять еще одно колесо с автомобиля, на всякий случай. — Барби посмотрел на Джулию: — Домкрат у тебя есть?

Она кивнула.

Ромми Берпи невесело улыбнулся Расти:

— Вызываю тебя на поединок, док. Что быстрее — твой минивэн или гибрид Джулии?

— «Приус» подгоню я, — возразила Пайпер. — Ты останешься здесь, Ромми. Выглядишь дерьмово.

— Приятно слышать такое от священника, — пробормотал Ромми.

— Ты должен благодарить Господа, что я достаточно живая, чтобы вообще говорить.

По правде, выглядела преподобная не такой уж живой, но Джулия все равно протянула ей ключи. Никто из них, наверное, не смог бы сейчас петь и плясать, но Пайпер определенно была в лучшей форме, чем некоторые, скажем, бледная как полотно Клер Макклэтчи.

— Ладно, — кивнул Сэм. — У нас есть еще одна маленькая проблема, но сначала...

— Что? — переспросила Линда. — Какая проблема?

— Сейчас об этом волноваться не будем. Сначала надо подогнать сюда наш транспорт. Когда попробуем?

Расти посмотрел на священника Конгрегациональной церкви Милла. Пайпер кивнула.

— Да прямо сейчас, — ответил он Сэму.

Оставшиеся горожане наблюдали, и не одни — Кокс и чуть ли не сотня солдат собрались у Купола и внимательно следили за происходящим, точно за теннисным матчем.

Расти и Пайпер несколько раз глубоко вдохнули, стоя у самого Купола, чтобы набрать в легкие как можно больше кислорода. Потом побежали, взявшись за руки, к автомобилям. Когда расцепили руки, Пайпер упала на одно колено, выронила ключи от «приуса», и с губ зрителей сорвался протяжный стон.

Но она тут же подхватила их с травы и поднялась. Расти уже сидел в «одиссее» с работающим мотором, когда она открыла дверцу «приуса» и нырнула в кабину.

— Надеюсь, они не забудут выключить кондиционер, — пробормотал Сэм.

Автомобили тронулись с места почти синхронно, и «приус» последовал за более массивным «одиссеем», словно терьер за овцой. Они быстро подъехали к Куполу, покачиваясь на неровной земле. Беженцы рассыпались в стороны, Элва — с Элис Эпплтон, а Линда — с кашляющими девочками, зажатыми под мышками.

«Приус» остановился менее чем в футе от грязного барьера, Расти развернул «одиссея» и подогнал его задом.

— У вашего мужа сильный характер и легкие что надо, — буднично прокомментировал Сэм, повернувшись к Линде Эверетт.

— Все потому, что он бросил курить, — ответила Линда и либо не услышала, либо проигнорировала сдавленный смешок Твитча.

Какими бы ни были у Расти легкие, времени он не терял — сразу выскочил из минивэна и поспешил к Куполу.

— Сущий пустяк... — И закашлялся.

— Сэм прав? Воздухом в салоне действительно можно дышать? — спросила Линда.

— Во всяком случае, он лучше, чем здесь. — Расти усмехнулся. — Но Сэм прав и в другом. Всякий раз, когда открываешь дверцу, часть хорошего воздуха уходит, а плохого — попадает в салон. Вам, возможно, удастся добраться до коробочки без воздуха из шин, но я сомневаюсь, что вы доедете без него обратно.

— Никто из них не сядет за руль, — вмешался Сэм. — Машину поведу

я.

И Барби почувствовал, как впервые за последние дни его губы расходятся в настоящей улыбке.

— Вроде бы у тебя отобрали водительское удостоверение.

— Что-то копов здесь не видать. — Сэм повернулся к Коксу: — Что скажете, полковник? Не встречались ли вам местные чурбаны или дорожный патруль?

— Ни единого, — подтвердил Кокс.

Джулия отвела Барби в сторону:

— Ты действительно хочешь поехать?

— Да.

— Ты знаешь, что шансы у нас от минимальных до никаких, так?

— Само собой.

— А умолять вы умеете, полковник Барбара?

Ему вспомнился спортивный зал в Фаллудже: Эмерсон бьет одного пленного по яйцам так, что они взлетают вверх, Хэкермейер подтаскивает второго к стене, держа за куфию, и приставляет к голове пистолет. Кровь выплескивается на стену, как она выплескивалась с тех пор, когда люди начали драться дубинами.

— Не знаю. Но одно мне известно точно: пришла моя очередь.

Ромми, Пит Фримен и Тони Гуэй поддомкратили «приус» и сняли одно колесо. Автомобиль не отличался внушительными габаритами, и при обычных обстоятельствах они могли поднять заднюю его часть на руках. Но не теперь. Хотя припарковали его рядом с вентиляторами, мужчины то и дело подходили вплотную к Куполу, чтобы глотнуть воздуха. В конце Роуз сменила Тони, которого просто задушил кашель.

Наконец два колеса стояли у Купола.

— Пока все хорошо, — кивнул Сэм. — Теперь о другой маленькой проблеме. Я надеюсь, у кого-нибудь найдется идея, потому что у меня ее точно нет.

Все посмотрели на него.

— Мой друг Питер говорил, что те двое вырвали ниппель и дышали прямо из шины, но у нас так не получится. Нам надо наполнить эти мешки, то есть дыра должна быть больше. Можно проткнуть шину, но, если что-то не вставить в дыру — нечто вроде соломинки, — воздуха потеряешь больше, чем поймашь. Итак... что это будет? — Он с надеждой оглядел всех: — Никто не привез с собой палатку? С алюминиевыми стойками?

— У девочек есть игрушечная палатка, — ответила Линда, — но она осталась дома, в гараже. — Тут она вспомнила, что гаража больше нет, как и дома, к которому он примыкал, и дико расхохоталась.

— Как насчет корпуса ручки? — спросил Джо. — У меня есть «Бик»...

— Очень узкий, — покачал головой Барби. — Раста? Может, что-нибудь в «скорой»?

— Трубка для трахеотомии? — В голосе Раста звучало сомнение, потом он сам ответил на свой вопрос: — Нет. Тоже маленький диаметр.

Барби повернулся к Куполу:

— Полковник Кокс? Есть идеи?

— У нас есть много чего подходящего, — с неохотой ответил Кокс, — но едва ли вам это поможет.

— Нас ничто не должно останавливать! — воскликнула Джулия. Барби услышал в ее голосе раздражение и панические нотки. — К черту мешки! Мы возьмем колеса и будем дышать прямо из них.

Сэм уже качал головой:

— Не пойдет, миссис. Очень жаль, но не пойдет.

Линда наклонилась к Куполу, несколько раз вдохнула, задержала

последний вдох. Потом подошла к «одиссею», стерла сажу с заднего стекла, заглянула в него.

— Пакет, слава Богу, на месте.

— Какой пакет? — Расти обнял ее за плечи.

— Из «Лучшей покупки» с твоим подарком на день рождения. Восемнадцатого ноября, или ты забыл?

— Да. Сознательно. Кому охота переваливать на пятый десяток? И что там?

— Я знала, что ты найдешь пакет, если я принесу его в дом. — Она посмотрела на остальных, ее лицо, грязное, как у бродяги, оставалось серьезным. — Ты же такой любопытный. И я оставила его в минивэне.

— Что ты ему купила, Лини? — спросила Джекки Уэттингтон.

— Надеюсь, подарок для нас всех.

Закончив с приготовлениями, Барби, Джулия и Сэм Бухло обняли и расцеловали всех, включая детей. Лица остающихся — два десятка человек — не светились надеждой, и Барби попытался убедить себя в том, что они просто вымотались, им хронически не хватает воздуха, но, конечно, прекрасно понимал, в чем дело. Это были прощальные поцелуи.

— Удачи тебе, полковник Барбара! — крикнул Кокс.

Барби коротко кивнул, потом повернулся к Расти. Если кто и мог что-то сделать, так это Расти. Потому что находился под Куполом.

— Не отчаивайся сам и не позволяй им терять надежду. Если это не сработает, заботься о них, пока сможешь и насколько сможешь.

— Я тебя понял. И ты постарайся сделать все, что сможешь.

Барби мотнул головой в сторону Джулии:

— Думаю, это ее попытка. И как знать, может, мы еще вернемся, даже если ничего не получится.

— Конечно, вернетесь. — Голос Расти звучал искренне, но глаза говорили о том, что он в это не верит.

Барби хлопнул его по плечу, потом присоединился к Джулии и Сэму, которые стояли у самого Купола, глубоко вдыхая свежий воздух, проникавший сквозь него.

— Ты уверен, что хочешь ехать? — спросил он Сэма.

— Да. Мне надо загладить свою вину.

— Какую, Сэм?

— Я бы предпочел об этом не говорить. — Он чуть улыбнулся. — Тем более при издательнице городской газеты.

— Готова? — спросил Барби Джулию.

— Да. — Она схватила его за руку, крепко сжала. — Насколько это возможно.

Ромми и Джекки встали у сдвижной дверцы «одиссея». Как только Барби крикнул: «Поехали!» — Джекки открыла дверцу, а Ромми забросил в салон два колеса «приуса». Барби и Джулия прыгнули следом, и дверца захлопнулась. Сэм Вердро, старый, отравленный алкоголем, но по-прежнему шустрый, уже сидел за рулем и завел двигатель.

Воздух в салоне пах тем же, что и в окружающем Купол мире — сгоревшим деревом и чуть-чуть скипидаром, — и не шел ни в какое сравнение с воздухом, которым им приходилось дышать под Куполом, даже с десятками работающих вентиляторов.

Надолго он таким не останется, подумал Барби. Мы втроем быстро высосем весь кислород.

Джулия схватила желто-черный пакет магазина «Лучшая покупка», перевернула его. Из пакета выпал пластмассовый цилиндр с надписью «ИДЕАЛЬНОЕ ЭХО». Под ней Джулия прочитала: «50 компакт-дисков». Попыталась снять пластиковую обертку, но сразу не получилось. Барби сунул руку в карман, чтобы достать армейский нож, и сердце его упало. Ножа не было. Само собой. Он остался в полицейском участке, точнее, под его развалинами.

— Сэм! Пожалуйста, скажи мне, что у тебя есть перочинный нож.

Без единого слова Сэм бросил ему нож:

— Это моего отца. Носил его при себе всю жизнь, так что хочу получить назад.

Деревянные накладки на боковых сторонах ножа практически истерлись от времени, но, когда Барби открыл его, блеснуло острое лезвие. Оно годилось и чтобы вскрыть пластиковую обертку, и чтобы проткнуть шину.

— Поторопитесь! — крикнул Сэм и нажал на педаль газа. — Мы не поедем, пока вы не скажете мне, что у нас есть нужная вещь, и я не уверен, что двигатель сможет долго проработать на таком воздухе.

Барби разрезал обертку, Джулия сорвала ее. Повернула цилиндр против часовой стрелки, и он отделился от основания. Чистые компакт-диски, предназначенные Расти на день рождения, сидели на центральной втулке из черного пластика. Джулия сбросила диски на пол минивэна, потом сжала пальцами втулку. От напряжения губы превратились в тонкую полоску.

— Позволь мне... — начал Барби, но Джулия уже выдернула втулку.

— Девушки тоже могут быть сильными. Особенно если перепуганы до смерти.

— Она полая? Если нет, мы на бобах.

Она поднесла втулку к лицу. Барби посмотрел в другой конец втулки и увидел синий глаз.

— Поехали, Сэм, — распорядился он. — Все путем.

— Ты уверен, что у нас получится? — Сэм включил передачу.

— Естественно, — ответил Барби, потому что *«Откуда мне знать?»* никого бы не вдохновило, в том числе и его самого.

Выжившие молча наблюдали, как минивэн уезжает по проселочной дороге, ведущей к тому месту, где находилась «вспыхивающая коробка», как ее прозвала Норри Кэлверт. «Одиссей» начал растворяться в висящем смоге, превратился в призрак, потом исчез.

Расти и Линда стояли рядом, оба с ребенком на руках.

— Что думаешь, Расти? — спросила она.

— Думаю, нам надо надеяться на лучшее.

— И готовиться к худшему?

— Не без этого.

Они проезжали фермерский дом, когда Сэм крикнул:

— Сейчас въедем в яблоневый сад! Держитесь крепче, потому что я не остановлюсь, даже если вывалится днище.

— Давай, — отозвался Барби, и тут же его подбросило чуть ли не до потолка вместе с колесом, которое он держал обеими руками. Второе держала Джулия, схватилась за него, как жертва кораблекрушения хватается за спасательный круг.

За окнами мелькали яблони с обвисшими грязными листьями. Яблоки по большей части валялись на земле. Их сбросил вызванный взрывом ветер, пронесшийся по саду.

Еще на одной колдобине Джулия и Барби подскочили вместе. Она приземлилась ему на колени, по-прежнему держась за колесо «приуса».

— Где ты приобрел водительское удостоверение, старый пердун?! — прокричал Барби. — В «Сирсе и Роубаке»?

— В «Уол-марте»! «Все дешевле в мире Уолли!» — Старик рассмеялся, но тут же вновь стал серьезным. — Я ее вижу. Я вижу это мигающее дерьмо. Остановлюсь рядом. Начинайте резать шины лишь после того, как я остановлюсь. Иначе вспорете их слишком широко.

Мгновением позже он нажал на педаль тормоза. «Одиссей» остановился так резко, что Барби и Джулию вдавило в спинку заднего сиденья. *Теперь я знаю, каково быть шариком для пинбола*, подумал Барби.

— Ты едешь, как бостонский таксист! — негодуя воскликнула Джулия.

— Тогда не забудьте про мои чаевые... — Сэм замолчал, потому что закашлялся. — Двадцать процентов, — добавил он сдавленным голосом.

— Сэм? — спросила Джулия. — Ты в порядке?

— Может, и нет, — буднично ответил он. — Кровь пошла. Может, в горле, но, похоже, глубже. Кажется, я проткнул легкое. — Сэм снова закашлялся.

— Что мы можем сделать? — забеспокоилась Джулия.

Сэм с кашлем справился.

— Заставьте их убрать этот чертов заслон, чтобы мы могли выбраться отсюда. А то у меня закончились сигареты.

— Все делаю я. — Джулия смотрела на Барби. Ты понял?

Тот кивнул:

— Да, госпожа.

— Ты только следишь за воздухом. Если у меня не получится, мы можем поменяться местами.

— Хотелось бы знать, что именно ты задумала.

— Ничего конкретного. У меня только интуиция и чуточка надежды.

— Не будь такой пессимисткой. У тебя также два колеса, два мешка для мусора и полая втулка.

Она улыбнулась. Ее напряженное, в грязевых разводах, лицо расцвело:

— Точно подмечено.

Сэм снова закашлялся, склонившись над рулем. Что-то выплюнул.

— Дорогой Господь и сын Его Иисус, вкус, однако, омерзительный, — прохрипел он. — Поторопитесь.

Барби проткнул свое колесо ножом и услышал «пш-ш-ш» выходящего воздуха, как только вытащил лезвие. Джулия передала ему втулку, так же уверенно, как медсестра в операционной передает хирургу нужный инструмент. Барби вогнал трубку в разрез, увидел, как резина обжимает ее, и почувствовал божественную струю воздуха, бьющую в его разгоряченное лицо. Глубоко вдохнул, ничего не мог с собой поделать. Этот воздух свежестью и содержанием кислорода значительно превосходил тот, что гнали через Купол вентиляторы. Его мозг, казалось, проснулся, и он принял немедленное решение. Вместо того чтобы надувать мешок воздухом, он оторвал от одного большой, неровный кусок.

— Что ты делаешь?! — вскричала Джулия.

Барби заткнул втулку пластиком:

— Доверься мне. Просто иди к коробочке и делай что хотела.

Она глянула на него широко распахнутыми глазищами, потом открыла сдвижную дверцу «одиссея». Чуть не упала, удержалась на ногах, споткнулась о кочку, опустилась на колени рядом с вспыхивающей коробкой. Барби последовал за ней с обоими колесами. Нож Сэма лежал у него в кармане. Барби рухнул на колени рядом с Джулией и протянул ей колесо, из которого торчала черная втулка.

Она выдернула затычку, глубоко вдохнула — даже щеки провалились, — выдохнула одной стороной рта, вдохнула вновь. Слезы

побежали по щекам, прокладывая чистые дорожки. Барби тоже плакал. К эмоциям это отношения не имело; они словно попали в едкий кислотный дождь. Тут все было гораздо хуже, чем у самого Купола.

Джулия еще раз вдохнула.

— Хорошо, — сказала она на выдохе. — Так хорошо. Рыбой не пахнет. Только пылью. — Снова вдох, и она передала колесо Барби.

Он покачал головой и оттолкнул колесо, хотя его легкие начали разрываться. Постучал себя по груди, указал на ее грудь.

Джулия сделала новый вдох, потом второй. Барби держал колесо, помогая ей. Вдали, в другом мире, надсадно кашлял, и кашлял, и кашлял Сэм.

Он себе все разорвет, подумал Барби. Чувствовал, что и у него внутри все разорвется, если он сейчас не вдохнет воздуха, и, когда Джулия второй раз оттолкнула от себя колесо, приник к самодельной соломинке и глубоко втянул в себя этот пыльный чудесный воздух, чтобы полностью наполнить им легкие. Воздуха не хватило, похоже, и не могло хватить, и на мгновение паника

(Господи, я тону.)

едва не захлестнула его. Желание бежать к минивэну — забудь про Джулию, Джулия сама позаботится о себе — казалось неодолимым... но Барби сумел устоять. Закрыв глаза, дышал и пытался найти холодную, спокойную точку опоры, которой просто не могло не быть.

Легче. Медленнее. Легче.

Он вдохнул в третий раз, и его гулко бьющееся сердце начало замедлять бег. Барби наблюдал, как Джулия наклонилась вперед, схватилась за коробочку с обеих сторон. Ничего не произошло, и его это не удивило. Она уже прикасалась к коробочке, когда они впервые приходили сюда, и приобрела иммунитет.

Потом внезапно ее спина выгнулась. Джулия застонала. Барби попытался предложить ей соломинку-втулку, но женщина ее проигнорировала. Кровь хлынула у нее из носа, появилась в уголке правого глаза. Красные капли заскользили по щеке.

Я не знаю, в отчаянии подумал Барби. *Я не знаю, что происходит.*

Но одно он знал наверняка: если очень скоро Джулия не вдохнет воздух, то умрет. Он вытащил втулку из первого колеса, зажал зубами, вогнал нож Сэма во вторую крышку. Засунул в дыру втулку, заткнул ее пластиком.

И стал ждать.

Это время вне времени.

Она в огромном белом помещении без крыши, и над головой инопланетное зеленое небо. Это... что? Игровая комната? Да, игровая комната. Их игровая комната.

(Нет, она лежит на полу эстрады.)

Она женщина некоего возраста.

(Нет, она маленькая девочка.)

Времени здесь нет.

(Это 1974 год, и времени в этом мире сколько хочешь.)

Ей нужно вдохнуть из колеса.

(Она не вдыхает.)

Нечто смотрит на нее. Нечто ужасное. Но для этого нечто она тоже ужасна, потому что она больше, чем должна быть, и она здесь. Ее не должно быть здесь. Она должна быть в коробке. И однако она безвредна. Нечто это знает, пусть это нечто

(всего лишь ребенок)

очень молодо; едва вышло из младенческого возраста, если на то пошло. Нечто говорит:

— Ты выдумка.

— *Нет, я настоящая. Пожалуйста. Я настоящая. Мы все настоящие.*

Кожеголовое существо смотрит на нее безглазым лицом. Хмурится. Уголки рта опускаются, хотя никакого рта нет. И Джулия понимает, что ей очень повезло: она застала у коробки только одно существо. Обычно их больше, но они

(ушли домой на обед ушли домой на ленч ушли спать ушли в школу уехали на каникулы, не важно куда, но ушли)

куда-то ушли. Будь они вместе, то загнали бы ее обратно. Это существо тоже может загнать ее обратно, но она любопытная.

Она?

Да.

Это существо женского пола, как и Джулия.

— *Пожалуйста, отпустите нас. Пожалуйста, позвольте нам прожить наши маленькие жизни.*

Нет ответа. Нет ответа. Нет ответа. Потом:

— *Вы ненастоящие. Вы...*

Что? Что она говорит? *Вы игрушки из магазина игрушек?* Нет, но что-то такое. В голове Джулии мелькает воспоминание о муравьиной ферме ее брата, воспоминание из далекого детства. Оно приходит и уходит через долю секунды. Муравьиная ферма не совсем *игрушки из магазина игрушек*, но близко. Как говорится, из одной бочки.

— Как вы можете иметь свои жизни, если вы ненастоящие?

— *МЫ НАСТОЯЩИЕ!* — кричит она, и этот вопль слышит Барби. — *ТАКИЕ ЖЕ НАСТОЯЩИЕ, КАК И ВЫ!*

Молчание. Существо с пребывающим в непрерывном движении кожаным лицом в огромном помещении без крыши, которое одновременно и эстрада на городской площади Честерс-Милла, не отвечает. Потом:

— Докажи это.

— Дай мне руку.

— У меня нет руки. У меня нет тела. Тела ненастоящие. Тела — это сон.

— Тогда дай мне свой разум!

Кожеголовый ребенок не дает. И не даст.

Поэтому Джулия забирает его.

Это пространство вне пространства.

На эстраде холодно, и она испугана. Более того, она... унижена? Нет, это гораздо хуже, чем унижение. Она просто растоптана. Да, да, растоптана. Они забрали ее слаксы.

(А где-то солдаты пинают голых людей в спортивном зале. И еще чей-то стыд смешивается с ее стыдом.)

Она плачет.

(Ему тоже хочется плакать, но он не плачет. Сейчас они должны как-то все оправдать.)

Девочки ушли, оставив ее, но нос у нее еще кровит — Лайла ударила ее по лицу, пообещав отрезать нос, если она кому-то скажет, и они оплевали ее, и теперь она лежит здесь, и она, наверное, сильно плакала: она думает, что кровь течет не только из носа, но и из глаза, и она не может отдышаться. Она бы предпочла истечь кровью на эстраде, чем идти домой в дурацких детских трусиках. Она с радостью истекла бы кровью, если это означает, что ей не придется видеть солдата,

(Потом Барби старается не думать об этом солдате, но, когда думает, Хэкермейер превращается в хэкермонстра.)

поднимающего голого человека за платок,

(куфию)

который тот носит на голове, потому что она знает, чем все закончится. Этим всегда все заканчивается, если ты под Куполом.

Она видит, что одна из девочек вернулась. Кайла Бевинс вернулась. Стоит и смотрит на глупую Джулию Шамуэй, которая думала, что она умная. Глупую маленькую Джулию Шамуэй в ее детских трусиках. Кайла пришла, чтобы снять с нее остальную одежду и забросить на крышу эстрады? Ей придется идти домой голой, прикрывая руками свою писю? Почему люди такие злые?

Она закрывает глаза, залитые слезами, а когда открывает их, Кайла уже другая. У нее нет лица, только какая-то непрерывно меняющаяся кожаная маска, которая не знает сострадания, не знает любви, не знает даже ненависти.

Только... *любопытство*. Да, именно. Что получается, если я делаю... *это?* Или *то?*

Джулии Шамуэй больше нет. Джулия Шамуэй — ничто; найдите

самое малое из малых, загляните под него, и это она, ползающая Шамуэй-мушка. А еще она — голый пленник-мушка; пленник-мушка, на котором из одежды остался только развязавшийся головной платок, а под платком — воспоминание об ароматной, только что испеченной лепешке в руках жены. Она — кошка с горящим хвостом, муравей под микроскопом, муха, которая вот-вот потеряет крылья, попав в любопытствующие руки третьеклассника в дождливый день, игра для скучающих детей, у которых нет тел, зато вся Вселенная у их ног. Она — Барби; она — Сэм, умирающий в минивэне Линды Эверетт; она — Олли, умирающий на обугленном поле; она — Элва Дрейк, скорбящая об умершем сыне.

Но прежде всего она маленькая девочка, лежащая на занозистых половицах эстрады на городской площади, маленькая девочка, которая наказана за невинную заносчивость, маленькая девочка, допустившая ошибку, думая, что она большая, тогда как была маленькой, думая, будто что-то собой представляет, хотя не представляла ничего, думая, что мир небезразличен к людям, тогда как мир — гигантский и бесчеловечный локомотив с двигателем, но без прожектора. И всем своим сердцем, и разумом, и душой она кричит:

— ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗВОЛЬ НАМ ЖИТЬ! Я УМОЛЯЮ ТЕБЯ, ПОЖАЛУЙСТА!

И всего лишь на одно мгновение она становится кожеголовой в белой комнате; она становится девочкой, которая (по непонятной самой той девочке причине) вернулась к эстраде. На один ужасный момент Джулия становится одной из тех, кто это сделал, а не той, с кем сделали. Она даже становится солдатом с пистолетом, хэкермонстром, которого Барби не остановил и который все еще приходит к нему в кошмарных снах.

А потом она — это она.

Смотрящая снизу вверх на Кайлу Бевинс.

Кайла из бедной семьи. Отец рубит лес в Ти-Эр и пьет в пабе «Фрешис» (который по прошествии времени станет «Дипперсом»). У матери на щеке большое родимое пятно, так что дети называют ее Вишневая щека или Клубничная голова. У Кайлы нет красивой одежды. Сегодня на ней старый коричневый свитер, и старая плиссированная юбка, и стоптанные туфли, и белые носки с растянутыми резинками, отчего они сползают вниз. Одно колено поцарапано: она упала или ее толкнули на игровой площадке. Это Кайла Бевинс, все так, только ее лицо из кожи. И хотя оно постоянно меняет форму, ни одна из этих форм и близко не напоминает человеческое лицо.

Джулия думает: *Таким ребенок видит муравья, если тот поднимает*

голову со своей стороны увеличительного стекла и смотрит вверх перед тем, как сгореть.

— ПОЖАЛУЙСТА, КАЙЛА! ПОЖАЛУЙСТА! МЫ ЖИВЫЕ!

Кайла смотрит на нее сверху вниз, ничего не делая. Потом скрещивает руки перед собой — в этом видении у нее человеческие руки — и стягивает свитер через голову. Когда она говорит, в ее голосе нет любви, нет раскаяния или угрызений совести.

Но возможно, есть жалость.

Она говорит.

Джулия отлетела от коробочки, будто ее отбросила чья-то рука. Воздух, который она так долго задерживала в груди, с шумом вырвался из нее. Прежде чем Джулия успела сделать вдох, Барби схватил ее за плечо, вырвал пластиковую затычку из втулки и буквально насадил на втулку рот женщины, надеясь, что не порежет ей язык или не повредит нёбо. Он не мог позволить Джулии вдохнуть отравленный воздух, который, с учетом кислородного голодания, способен был вызвать судороги, а то и просто убить ее.

Джулия, похоже, сама это понимала. Она мертвой хваткой вцепилась в колесо «приуса» и начала жадно сосать воздух через втулку. Он чувствовал, как сотрясалось все ее тело.

Сэм наконец-то перестал кашлять, но на смену кашлю пришел другой звук. Джулия тоже его услышала. Еще раз засосала полную грудь воздуха и посмотрела вверх широко раскрытыми глазами.

Лаяла собака. Должно быть, Горас, потому что других собак не осталось. Он...

Барби так сильно сжал ей руку, что она испугалась, как бы он ее не сломал. На его лице читалось крайнее изумление.

Коробочка со странным символом висела в четырех футах от земли.

Горас первым почувствовал свежий воздух, потому что находился ближе всех к земле. Начал лаять. Потом встрепенулся Джо: ветерок, на удивление холодный, стал обдувать потную спину. Подросток сидел, привалившись к Куполу, и Купол двигался. *Поднимался*. Норри, с раскрасневшимся от температуры лицом, дремала у Джо на груди, и он увидел, как заколыхалась прядь ее грязных спутанных волос. Она открыла глаза:

— Что?.. Джо, что происходит?

Джо знал, но от изумления лишился дара речи и не мог ей ответить. Он чувствовал, как что-то скользило по его спине: поднималась бесконечная стеклянная стена.

Горас лаял как безумный, выгнул спину, прижался носом к земле. У него эта поза означала: *Я хочу поиграть*, — но Горас не играл. Он засунул нос под поднимающийся Купол и вдыхал холодный, сладкий, чистый воздух.

Божественно!

На южной стороне Купола дремал рядовой Эймс. Он сидел, скрестив ноги, на грунтовой обочине шоссе номер 119, набросив на плечи одеяло, словно индеец. Воздух внезапно потемнел, словно дурные мысли, роившиеся в голове Эймса, обрели физическую форму. Затем он закашлялся и от этого проснулся.

Сажа клубилась вокруг его высоких ботинок, оседала на брюках цвета хаки. И откуда, во имя Господа, она взялась? Ведь сгорело все под Куполом. Потом он увидел. Купол поднимался, как гигантские жалюзи. Такого просто быть не могло: барьер уходил в землю на многие мили, это все знали, — но теперь он поднимался.

Эймс не колебался ни секунды. Пополз вперед на четвереньках, схватил Олли Динсмора за руки. На мгновение задел кромку Купола поясницей, успел подумать: *Сейчас он опустится и разрежет меня пополам.* Но продолжил вытаскивать подростка наружу.

Сначала ему казалось, что он тащит труп.

— Нет! — прокричал он. Поднял Олли на руки, понес к одному из вентиляторов. — *Не смей умирать, ковбойчик!*

Олли закашлялся, его немного вырвало. Эймс по-прежнему держал подростка на руках. Другие уже бежали к ним, радостно крича, сержант Гро впереди всех.

Олли вновь вырвало.

— Не называй меня ковбойчиком, — прошептал он.

— «Скорую»! — прокричал Эймс. — Нам нужна «скорая»!

— Нет, мы отправим его в центральную больницу Мэна на вертолете, — ответил Гро. — Летал когда-нибудь на вертолете, пацан?

Олли, с затуманенными глазами, покачал головой. Потом блеванул на ботинки сержанта.

Гро просиял и пожал грязную руку Олли:

— С возвращением в Соединенные Штаты, сынок. С возвращением в большой мир.

Олли обнял Эймса за шею. Он понимал, что теряет сознание, но ничего не мог с этим поделать. Пытался продержаться, чтобы сказать «спасибо», но не сложилось. Перед тем как провалиться в темноту, успел почувствовать, как солдат-южанин целует его в щеку.

На северной стороне первым из-под Купола выскочил Горас. Побежал прямо к полковнику Коксу и принялся танцевать у его ног. Отсутствие хвоста Горасу совершенно не мешало. Весь его зад мотался из стороны в сторону.

— Будь я проклят! — воскликнул Кокс и поднял корги на руки. Пес тут же принялся лизать ему лицо.

Выжившие стояли кучкой на своей стороне (демаркационная линия четко выделялась на траве, ярко-зеленой по одну сторону и безжизненно серой по другую). Они только начинали осознавать, что произошло, но не решались поверить. Расти, Линда, их маленькие дочери, Джо Макклэтчи и Норри Кэлверт, их матери. Джинни, Джина Буффалино и Гарриет Бигелу, обнимающие друг друга. Твитч, поддерживающий свою сестру Роуз, которая рыдала и покачивала Литл Уолтера. Пайпер, Лисса и Джекки, взявшиеся за руки. Пит Фримен и Тони Гуэй, оставшиеся в городе сотрудники редакции «Демократа», стояли позади них. Элва Дрейк привалилась к Ромми Берпи, который держал на руках Элис Эпплтон.

Они наблюдали, как грязная поверхность Купола плавно уходит в небо. Осенняя листва снаружи поражала буйством красок.

Сладкий, свежий воздух ерошил им волосы и высушивал пот.

— Мы видели как бы сквозь тусклое стекло, — прошептала преподобная Либби. Она плакала. — Теперь же видим лицом к лицу.

Горас спрыгнул с рук Кокса на землю и принялся выписывать восьмерки по траве, лаял, нюхал, пытался пописать на все сразу.

Выжившие недоверчиво смотрели на синее утреннее небо, раскинувшееся в этот октябрьский день над Новой Англией. А грязный барьер, который держал их взаперти, поднимался все быстрее и быстрее, уменьшаясь в размерах, пока не превратился в черную карандашную точку на синей бумаге.

Птица пролетела над тем местом, где стоял Купол. Элис Эпплтон, по-прежнему на руках у Ромми, посмотрела на нее и рассмеялась.

Барби и Джулия стояли на коленях по обе стороны колеса, по очереди прикладываясь к торчащей из него втулке-соломинке. Они наблюдали, как коробочка вновь начала подниматься. Сначала медленно, и вроде бы зависла второй раз, на высоте примерно шестьдесят футов, словно колеблясь. А потом рванула вверх, да так, что за ней не мог уследить человеческий глаз — не видит же он пулю в полете. Купол то ли улетал вверх, то ли сворачивался.

Коробочка, думал Барби. Она утягивает Купол за собой, как магнит железный порошок.

Ветер летел к ним. Барби отмечал его продвижение по колыханию травы, потом потрянул Джулию за плечо и указал на север. Грязно-серое небо снова стало синим, слишком ярким для глаз. И деревья вернули себе осенний окрас.

— Не знаю, видел ли я когда-нибудь что-то более... — начал Барби, но тут ветер добрался до них. Приподнял волосы Джулии, принялся сушить пот на грязном лице, нежный, как ладонь любимого человека.

Джулия закашлялась. Барби постучал ей по спине, первый раз глотнув местного воздуха. Он еще вонял и царапал горло, но уже годился для дыхания. Плохой воздух оттеснялся на юг, свежий прибывал с ти-эровской стороны Купола — с бывшей ти-эровской стороны Купола. Второй вдох пошел лучше, третий — еще лучше, четвертый стал даром Божьим.

Или кожеголовой девочки.

Барби и Джулия обнялись рядом с черным квадратом земли, где стояла коробочка. На котором больше никогда ничего не вырастет.

— Сэм! — воскликнула Джулия. — Мы должны вытащить Сэма.

Они еще кашляли, когда бежали к «одиссею», а Сэм — нет. Он навалился на руль, с открытыми глазами, хрипло дыша. Нижнюю половину лица покрывала кровь, а когда Барби мягко потянул его назад, чтобы спина привалилась к спинке сиденья, то увидел, что на груди рубашка старика из синей стала грязно-пурпурной.

— Ты сможешь его отнести? — спросила Джулия. — Сможешь его отнести к солдатам?

Конечно, он бы не смог, но ответил:

— Попытаюсь.

— Не надо, — прошептал Сэм, его глаза сместились к ним. — Очень больно. — Кровь вытекала изо рта с каждым словом. — Вы это сделали?

— Джулия сделала. Не знаю как, но сделала.

— Отчасти благодаря человеку в спортивном зале, — пояснила она, — которого застрелил хэкермонстр. — У Барби отвисла челюсть, но Джулия этого не заметила. Положила руки на плечи Сэму, расцеловала в обе щеки. — Ты тоже это сделал, Сэм. Довез нас сюда и увидел маленькую девочку на эстраде.

— Во сне я увидел тебя не маленькой девочкой. Ты выросла.

— Маленькая девочка по-прежнему здесь. — Джулия коснулась своей груди. — По-прежнему здесь. Она живет.

— Помогите мне вылезти из минивэна, — прошептал Сэм. — Хочу глотнуть свежего воздуха, прежде чем умру.

— Ты не...

— Молчи, женщина. Мы оба все знаем.

Барби и Джулия помогли ему вылезти из салона, осторожно уложили на землю.

— Понюхайте, какой воздух! — Голос Сэма переполнял восторг. — Святый Боже. — Он глубоко вдохнул, потом кашлянул, и изо рта полетели брызги крови. — Я чувствую аромат жимолости.

— Я тоже, — кивнула Джулия и откинула волосы с его лба.

Он накрыл ее руку своей.

— Они... они почувствовали наши страдания?

— Там была только одна. Если б несколько, ничего бы не вышло. Не думаю, что мне удалось бы перебороть их общую жестокость. И нет —

ничего она не чувствовала. Пощадила нас, но не более того.

— Они не такие, как мы? — прошептал старик.

— Нет. Совсем не такие.

— Щадить — удел сильных людей. — Он вздохнул. — Я могу только сожалеть. Я сделал это лишь ради выпивки, но все равно сожалею. Если б мог, вернул все назад.

— Что бы ты ни сделал, теперь ты искупил свою вину, — заверил его Барби. Взял за левую руку. На безымянном пальце едва держалось обручальное кольцо, слишком большое для исхудалой плоти.

Глаза Сэма — выцветшей синевы — сместились к Барби, и старик попытался улыбнуться:

— Может, и искупил... тем более что сделал это с радостью. Хотя я не думаю, что такое можно... — Он опять начал кашлять, брызгая кровью.

— Хватит! — воскликнула Джулия. — Перестань говорить. — Они стояли на коленях по обе стороны от старика. Она посмотрела на Барби. — Нести его не получится. Внутри что-то повреждено. Мы должны бежать за помощью.

— Ох, небо! — выдохнул Сэм Вердро.

На том все для него и закончилось. Грудь опустилась и уже не поднялась, потому что вдоха не последовало. Барби протянул руку, чтобы закрыть ему глаза, но Джулия перехватила ее, не дала.

— Пусть смотрит. Даже если он и мертв, пусть смотрит сколько хочет.

Они посидели рядом с ним. Пели птицы. И где-то лаял Горас.

— Наверное, я должна идти к своей собаке.

— Да, — кивнул Барби. — Поедем?

Она покачала головой:

— Давай пройдемся. Думаю, мы сможем пройти полмили, если не будем спешить, а?

Он помог ей подняться.

— Сейчас и выясним.

Пока, взявшись за руки, они шли по колеям проселочной дороги, Джулия рассказала ему о том, что происходило с ней «внутри коробочки», как она это назвала.

— Понятно, — кивнул он, когда Джулия закончила. — Ты рассказала ей, на какие злодеяния мы способны — или показала их ей, — но она все равно нас отпустила.

— О злодеяниях они знают всё.

— Тот день в Фаллудже — наихудшее воспоминание в моей жизни. И что самое ужасное... я сделал это, а со мной ничего такого не делали.

— Ты этого не делал, — напомнила она. — Это сделал другой человек.

— Не важно. Кто бы это ни сделал, тот парень умер.

— Это произошло бы, будь вас в спортивном зале только трое или двое? Или если бы ты был один?

— Нет. Разумеется, нет.

— Тогда вини судьбу. Или Бога. Или Вселенную. Но перестань винить себя.

Возможно, ему бы это так и не удалось, если б он понял, что хотел сказать Сэм перед смертью. Сожалеть о том, что ты сделал неправильно, лучше, чем ничего, но никакое сожаление не искупит радость, испытанную при убийстве, будь то сжигание муравьев или расстрел пленников.

Он не ощущал радости в Фаллудже. В этом виновным себя не чувствовал. Что и облегчило его душу.

Солдаты бежали к ним. У них оставалась минута друг для друга. Может, две.

— Я преклоняюсь перед тобой за то, что ты сделала, Джулия.

— Я знаю, — спокойно ответила она.

— Ты проявила удивительную отвагу.

— Ты простишь меня за то, что я украла твои воспоминания? Я не хотела, так вышло.

— Ты полностью прощена.

Солдаты приближались. Кокс бежал вместе с остальными, Горас за ним по пятам. Скоро Кокс будет здесь, спросит, как Кен, и с этим вопросом они вернутся в большой мир.

Барби посмотрел на синее небо, глубоко вдохнул очищающийся воздух.

— Не могу поверить, что его больше нет.
— Он вернется, как думаешь?
— Может, не на эту планету и не с этими детишками. Они вырастут и покинут игровую комнату, но коробочка останется. И другие дети ее найдут. Рано или поздно кровь всегда выплескивается на стену.
— Это ужасно.
— Возможно, но хочешь, я скажу тебе, что говорила по этому поводу моя мать?
— Разумеется.
— Будет и на нашей улице праздник. — Джулия рассмеялась. И как ему нравился ее смех! — Что сказала кожеголовая девочка в самом конце? Говори быстро: сюда уже бегут люди, а это принадлежит только нам.
На ее лице отразилось удивление: как он мог не знать?
— Она сказала то же самое, что и Кайла: «Носи его дома, он будет выглядеть как платье».
— Она говорила о коричневом свитере?
Джулия вновь взяла его за руку:
— Нет. О наших жизнях. наших маленьких жизнях.
Барби задумался:
— Если она отдала это тебе, давай это наденем.
Джулия вскинула руку:
— Посмотрите, кто идет!
Горас уже заметил ее. Прибавил скорости, проскочил среди бегущих людей и, едва вырвавшись на простор, включил четвертую передачу. Мордочка сияла улыбкой. Уши прижимались к голове. Тень летела по припорошенной сажей траве.
Джулия опустила на колени, протянула к нему руки:
— *Иди к маме, сладенький!*
Он прыгнул. Она поймала его и, смеясь, повалилась на спину. Барби помог ей подняться.
Они вернулись в большой мир вместе, неся подарок, который получили: жизнь.
Жалость — конечно, не любовь, размышлял Барби... но если ты ребенок и отдаешь одежду голому, это шаг в правильном направлении.

22 ноября 2007 — 14 марта 2009

Послесловие автора

Впервые я попытался написать «Под Куполом» в 1976 году, но отполз с зажатым между ногами хвостом через две недели после начала работы, написав порядка семидесяти пяти страниц. К тому дню в 2007 году, когда я вновь сел за роман, рукопись давно потерялась, однако я помнил первую главу — «Самолет и лесной сурок» — достаточно хорошо, чтобы едва ли не полностью ее восстановить.

Меня сокрушило не большое количество персонажей — я люблю густонаселенные романы, — но технические проблемы, возникающие при написании, особенно экологические и метеорологические последствия появления Купола. Кому-то я могу показаться трусом — или лентяем — из-за того, что по указанным причинам не стал писать этот роман, однако я ужасно боялся напортачить. В результате я взялся за что-то еще, но сама идея Купола прочно засела в моей голове.

В последующие годы мой хороший друг Расс Дорр, фельдшер из Бриджтона, штат Мэн, помогал мне с различными медицинскими подробностями при написании многих книг, особенно «Противостояния». В конце лета 2007 года я спросил его, не хочет ли он взвалить на себя более тяжелую ношу, стать главным экспертом романа «Под Куполом». Он согласился, и, спасибо Рассу, думаю, что большинство технических подробностей, упомянутых в романе, не содержат ошибок. Именно Расс снабдил меня всеми необходимыми сведениями о наводящихся компьютерах, ракетах, траекториях реактивных струй, рецептах производства метамфетамина, конструкции переносных генераторов, радиации, достижениях мобильной связи и многом, многом другом. Именно Расс придумал самодельный защитный радиационный костюм, который надел Расти Эверетт, и сообразил, что люди могут дышать воздухом из автомобильных колес хотя бы какое-то время. Мы допустили ошибки? Естественно. Но большинство — мои, я чего-то недопонял или недослышал из его объяснений.

Первыми читателями романа стали моя жена Табита и Леанора Легранд, моя невестка. Их замечания были жесткими, гуманными и полезными.

Нэн Грэм редактировала эту книгу, превратив ее из исходного динозавра в чудовище более приемлемых размеров; и каждую страницу исчертили ее правки. Я в неоплатном долгу перед ней за все те дни, когда

она вставала в шесть утра и брала в руку карандаш. Я пытался написать книгу с максимально динамичным сюжетом. Нэн это понимала и, когда я чуть отпускал педаль газа, надавливала на мою ногу своей, крича (пометками на полях, как принято у редакторов): «Быстрее, Стив! Быстрее!»

Сурендра Патель, которому посвящена эта книга, был мне добрым другом и надежной опорой тридцать лет. В июне 2008 года я узнал, что он умер от инфаркта. Я сел на ступенях лестницы, ведущей к моему кабинету, и заплакал. А перестав плакать, вернулся к работе. Именно этого он от меня ожидал.

А Вам, Постоянный Читатель, спасибо, что прочитали эту историю. Если она Вас хоть немного развлекла, значит, мы оба в выигрыше.

С. К.

От переводчика

Выражаю искреннюю благодарность русскоязычным фанам Стивена Кинга (прежде всего Александру Викторову из Саратова, Ксении Егоровой из Москвы, Борису Игонину из Минска, Сергею Ларину из Рязани, Андрею Лукичеву из Люберец, Антону Могилевскому из Тель-Авива, Алексею Рожину из Санкт-Петербурга, Надежде Симкиной из Химок, Сергею Сухову из Новосибирска), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг. ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Сергея Тихоненко и Екатерины Лян, усилиями которых эту работу удалось провести.

В. А. Вебер

notes

Примечания

Перевод Дмитрия Витера.

Макмертри, Джеймс (р. 1962) — американский поэт, певец, гитарист. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Биг-Скай — горнолыжный курорт в штате Монтана.

В оригинале: Big Sky — большое небо (*англ.*).

Масл-Шоулс — город в штате Алабама.

Мир Бizarро — вымышленная планета, впервые появившаяся в комиксах в начале 1960-х.

Роза упомянута в связи с тем, что в 1986 г., выполняя решение конгресса, Рональд Рейган, президент США, объявил розу Национальной цветочной эмблемой Соединенных Штатов Америки.

Имеются в виду «Портлендские тюлени» — бейсбольная команда.

«Чиклетс» — жевательные подушечки.

Mill — фабрика (*англ.*); то есть Честерс-Милл — Фабрика Честера, а Таркерс-Миллс — Фабрики Таркера.

Имеется в виду традиция, возникшая по инициативе газеты «Бостон пост» в 1909 г. Старейшим жителям городов Новой Англии вручали несколько сотен изготовленных на заказ тростей. С 1930 г. трость может получить и женщина.

Марта Стюарт (р. 1941) — знаменитая телеведущая, обожаемая американцами «богиня стиля» и гуру ведения домашнего хозяйства.

В 1930–1950 гг. издавались комиксы с придурковатым героем, которого звали Гови.

Твити — желтый кенарь, популярный персонаж американских мультсериалов.

Мортимер Снерд — персонаж известного американского чревовещателя Эдгара Джона Бергера (1903–1978).

Doofus — глупый, некомпетентный человек (*англ.*).

Джек Бенни (1894–1974) — известный американский комик.

Скопом ($\phi p.$).

Rusty (*англ.*) — рыжий.

Уилсон Джерон (р. 1977) — американский профессиональный скейтер. Речь идет о трюке, названном в его честь.

Фулпайп, хафпайп — специальные желобы для скейтеров.

Джордж Харви Стрейт (р. 1952) — американский певец в стиле кантри.

Менса — организация, объединяющая людей с высоким коэффициентом интеллекта.

Игра слов. Слово «severe» обозначает наивысший уровень опасности. В рекламе пива оно используется в значении «выдержанный».

Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, температура по Фаренгейту.

Максвелл Смут — герой комедийного шпионского сериала «Напряги извилины». Колпак тишины — две прозрачные пластмассовые полусферы, которые опускались на героя.

«Это сделал дворецкий» — известная в англоязычных странах поговорка, смысл которой примерно соответствует российскому «во всем виноват стрелочник».

«Брэтц» — кукольный набор, в который сначала входили четыре куклы — Ясмин, Хлоя, Саша и Джейд.

Рекламный образ жевательной резинки «Даблминт/Двойная мята».

Имеются в виду братья Том и Рей Мальоцци, ведущие еженедельной программы на радио.

Хорас Грили (1811–1872) — известный американский издатель и политик.

Остроумное выражение (*фр.*).

FUBAR — аббревиатура от Fucked Up Beyond All Recognition — безнадежно испорченный, пришедший в полную негодность (*англ.*).

Слово «bitch» в названии улицы Little Bitch Road обозначает: сука, трудность, неприятность, недовольство.

Оксиконтин — опиоидный анальгетик, прописываемый врачами при очень сильных болях, его регулярное применение вызывает зависимость.

Джулиани, Рудольф (р. 1944) — мэр Нью-Йорка в 1994–2001 гг.

То есть «сухой закон».

Назонекс, лирика — соответственно спрей от насморка и противозPILEПТИЧЕСКОЕ средство.

Временно (*лат.*).

Имеется в виду профессиональная бейсбольная команда «Сиэтлские моряки».

Американский фильм-катастрофа.

Роман-катастрофа американского писателя Пэта Франка (1907–1964).

«Золотые орлы Орала Робертса» — название спортивных команд Университета Орала Робертса, расположенного в г. Талса, штат Оклахома.

«Ему можно продать Бруклинский мост!» — говорят американцы об излишне доверчивых людях.

Малая лига — объединение детских бейсбольных команд.

Дарт Вейдер — герой киноэпопеи «Звездные войны».

Сладкие пирожки.

Большая Тыква — персонаж комиксов «Арахисовые орешки», который существует только в воображении одного из героев, Линуса ван Пелта. Появляется раз в год на Хэллоуин, 31 октября.

Принцесса Лея — персонаж киноэпопеи «Звездные войны».

«Борись с властью» — хит американской хип-хоп-группы «Паблик энеми».

Наполеон Динамит — герой одноименного американского фильма, старшекласник.

Некоторые верят, что шапочки из нескольких слоев фольги защищают мозг от «зомбирования».

«Новоанглийские патриоты» — профессиональная футбольная команда. В первом десятилетии XXI в. несколько раз становилась чемпионом США.

Имеется в виду герой рекламного ролика.

«Херитидж крисчен» — частный университет, готовящий священников.

Имеется в виду пограничный район между штатом Мэн и канадской провинцией Нью-Брансуик.

Дог — герой мультфильмов и телевизионного мультсериала.

«Слерпи» — детский фруктовый напиток.

E. coli — опасная кишечная палочка.

Разрывная пуля с пластиковым наконечником, совсем не бронебойная.

1 гран = 0,0648 г; соответственно 180 гранов = 11,664 г.

Маллет — стрижка, при которой волосы подстрижены коротко спереди и по бокам, а сзади остаются длинными.

Босс Хог — отрицательный герой, продажный администратор округа Хаззард из телевизионного сериала «Дьюки из Хаззарда» и нескольких телефильмов.

Кертис Эмерсон Лемей (1906–1990) — генерал ВВС США. Во время Второй мировой войны планировал и проводил массированные бомбардировки японских городов.

Имеется в виду одна восьмая английской унции (одна шестнадцатая фунта, или 28,35 г) кокаина или метамфетамина.

Мерцание желудочков — аритмия сердца, ведущая к его остановке.

Грейс Металиус (1924–1964) и Шервуд Андерсон (1876–1941) — американские писатели.

Имеются в виду принятые конгрессом США поправки в регламент, обеспечивающие максимальную открытость работы комитетов и комиссий.

Джон Лоренс Салливан (1858–1918) — американец, первый чемпион мира в тяжелом весе.

«Слим Джимс» — копченые колбаски.

Имеется в виду летнее восточное время.

Имеется в виду Барак Хуссейн Обама (р. 1961) — 44-й (действующий на момент событий в романе) президент США.

С. Кинг использовал слово faith — вера, доверие (*англ.*).

Жизнь втроем (*фр.*).

Персонаж комедийного сериала по сценарию С. Шелдона «Я люблю Люси».

Джимини Крикет — персонаж романа «Пиноккио» и одноименного мультфильма Уолтера Диснея. Постоянный спутник Пиноккио, его говорящая совесть.

Имеется в виду Керли Говард (1903–1952) — американский комик.

Имеется в виду фенциклидин (РСР) — амфетамин, обладающий галлюциногенным действием.

Дейл Эрнхардт (1951–2001) — знаменитый американский автогонщик, погибший в аварии на автомобиле под номером 3.

Билл Ли (р. 1946) — известный американский бейсболист.

Кемпер — дом на колесах.

Tres — очень (*фр.*).

Одна из самых цитируемых фраз в истории кинематографа. Впервые произнесена с экрана в 1948 г. в фильме «Сокровище Сьерра-Мадре».

Аллюзия на название американского фильма «Когда Гарри встретил Салли».

Так называют женщин с большой грудью.

Масснюк — пренебрежительное прозвище жителей штата Массачусетс («масс» от Массачусетса, «нюк» от говнюка).

Род Серлинг (1924–1975) — американский сценарист, продюсер, диктор.

Сингл американской рок-группы «Айрон баттерфлай».

Атман — одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма: вечная, неизменная духовная сущность.

Коко Тейлор (1928–2009) — американская певица, королева блюза.

Имеется в виду Теодор Рузвельт Тейлор по прозвищу Бабник Тейлор (1915–1975) — американский блюзовый гитарист, певец, автор песен.

Мадди Уотерс (1915–1983) — американский блюзовый музыкант, «отец» чикагского блюза.

Воющий Волк — прозвище Честера Артура Бернетта (1910–1976), американского блюзового музыканта.

МТИ — Массачусетский технологический институт, один из ведущих научно-технических вузов США.

«Майор Барбара» — пьеса Д. Б. Шоу. Главная героиня — майор Армии спасения Барбара Андершафт.

50 Центов — сценический псевдоним американского рэпера Кертиса Джеймса Джексона-третьего (р. 1975).

Джоан Джетт (р. 1958) — американская рок-певица и киноактриса.

Фраза впервые прозвучала 13 апреля 1970 г. на борту летящего к Луне «Аполлона-13» (в Хьюстоне располагался Центр управления полетами).

«Ватикан секс киттенс» — рок-группа, известная в узких бостонских кругах.

Да́бья — прозвище 43-го президента США Джорджа Уокера Буша (G. W. Bush): от тeхacccкoгo пpoизнoшeния бyквы «W» в инициалах.

Новая эра — общее название различных мистических течений, сформировавшихся в XX в.

«Все пустое, и что, если так?» — один из первых альбомов американского рок-музыканта Джона Мелленкампа (р. 1951).

«Донна Буффало» — современная американская музыкальная группа.

Речъ идѣт о пьесе Жан-Поля Сартра (1905–1980).

Имеется в виду Hotmail — горячая почта (*англ.*).

Сэмми произносит: «Li'l Walter», что можно принять за «Li'l water» — немного воды (*англ.*).

Сэмми говорит: «Hell... Center», то есть: «Ад... центр». Игра слов: hell — ад (*англ.*); health — здоровье (*англ.*).

Civil Defence — гражданская оборона (*англ.*).

Популярный герой комиксов, радиопередач, фильмов и телефильмов. Джинни, вероятно, цитирует название фильма.

110

16-й размер в США соответствует российскому 48/50.

«Аутдорс» — журнал об охоте и рыбалке.

Песня известного американского певца в стиле кантри Винса Джилла (р. 1957).

Имеется в виду один из самых древнейших египетских символов.

Здесь: душа (греч.).

Фирменное блюдо (*фр.*).

«Ви-8» — сок из восьми овощей или восьми овощей и фруктов.

Цитата из стихотворения «Берег Дувра» Мэтью Арнольда (1822–1888), английского поэта и культуролога.

Лекс Лютор — герой комиксов, известен как заклятый враг Супермена.

Пиньята — полая игрушка, которую начиняют угощениями или подарками.

Книга Притчей Соломоновых. 28:1.

Имеются в виду вина, продающиеся под маркой «Чарльз Шоу» по цене 1 доллар и 99 центов за бутылку.

Дом цветов (*фр.*).

Бобби Дарин (1936–1973) — один из самых популярных американских исполнителей рок-н-ролла и кантри в конце 1950 — начале 1960-х гг., актер, известный поэт-песенник.

Эйч-би-оу — популярный кабельный канал.

Брайан К. Возн (р. 1976) — американский художник и сценарист.

Популярный детский стишок из «Сказок матушки Гусыни».

Сестры-близнецы Олсен — Мэри Кейт и Эшли Фуллер, актрисы и певицы (р. 1986).

Боудин — частный колледж высшей ступени в г. Брансуик, штат Мэн.

Компенсация (*лат.*).

«Снэплл» — прохладительный напиток на основе сока или чая.

Имеется в виду так называемое блюдо дня, которое стоит ниже принятого в ресторане уровня цен.

Обе цитаты из «Откровения Иоанна Богослова» неточны.

ПТСР, ПМС, ВБ — соответственно: посттравматическое стрессовое расстройство, предменструальный синдром, венерическая болезнь.

Имеется в виду Американский союз защиты гражданских свобод.

В оригинале инициалы Джеймса Кокса (JC) такие же, как и у Иисуса Христа.

Дэвид Перна (1935–2004) — американский киноактер.

«Большеногая женщина» — песня американского певца, гитариста и автора песен Ленни Джонсона (1899–1970).

Торазин — нейролептик. Использовался для усиления наркоза и лечения шизофрении. Из-за множества побочных эффектов больше не применяется.

Майли Сайрус (р. 1992) — американская актриса и поп-певица.

Наивная, простодушная (*фр.*).

Имеется в виду Первая пехотная дивизия: на нарукавной нашивке солдат и офицеров, которые в ней служили, была красная единица.

В качестве лекарства от меланхолии писатель предлагает вовсе не метамфетамин.

Шеф говорит о сборнике рассказов «Лекарство от меланхолии».

Волшебница из сказки «Волшебник из страны Оз» американского писателя Лаймена Баума (1856–1919).

Запрещенный (нем.).

«Санта-Роуз» — компания, производящая товары из свинца.

Очень смешно (*фр.*).

Джек Ричер — герой серии книг Ли Чайлда, сотрудник военной полиции армии США.

«Наша родная Алабама» — песня группы «Линирд-Скинирд». 20 октября 1977 г. самолет, на котором музыканты совершали перелет, потерпел крушение. Многие, в том числе ведущие музыканты, погибли, остальные получили травмы.

Дорожный Бегун и Хитрый Койот — герои мультсериала.

Кикбол — разновидность бейсбола.

Теодор Сьюз Гейзель (1904–1991) — американский детский писатель и мультипликатор.

Джим Джонс (1931–1978) — американский проповедник, основатель религиозной организации «Народный храм», последователи которой совершили в 1978 г. массовое самоубийство.

Имеется в виду распродажа бельевого товара, а также предметов домашнего обихода, обычно покрытых белой эмалью.

Лестер Холт (р. 1959) — американский журналист, ведущий еженедельных новостных программ канала Эн-би-си.

«Опоясанная» галловейская порода — с белой полосой на средней части туловища. Это мясная порода, а у Динсмора молочная ферма.

Говорить (*фр.*). Расти просит не коверкать слова.

Джейсон Гилберт Джамби (р. 1971) — известный бейсболист.

Ханна Монтана — героиня одноименного американского сериала.

Как обычно, Шеф очень вольно цитирует Библию.

Пэт Робертсон (р. 1930) — известный американский телепроповедник.

Мейвис Стэплс (р. 1939) — известная американская соул и госпел-певица, участница борьбы за гражданские права.

«Сестры Кларк» — современная американская вокальная группа.

Речь о рекламном ролике американской компании, активно работающей на рынке автострахования.

Папа Смурф — гном, герой мультсериалов, мультфильмов, фильмов.

Битва за Аламо (23 февраля — 6 марта 1836 г.) завершилась отделением Техаса от Мексики.

Имеется в виду фильм «Ровно в полдень» (1952).

Лон Чейни (1906–1973) — знаменитый американский актер, сыгравший во множестве фильмов ужасов.

От английского SNAFU (Situation Normal, All Fouled Up — положение нормальное, полная задница).

«Индигло» — часы с использованием электролюминесцентной технологии подсветки циферблата.

Имеется в виду радиационный пояс Земли.

Голлум и Бильбо Бэггинс — персонажи произведений английского писателя Джона Р. Р. Толкина (1892–1973).

Речь идет о праймериз 2008 г. в штате Нью-Хэмпшир, где Хиллари Клинтон вопреки опросам победила Барака Обаму.

Имеется в виду настой чая или трав в выставленной на солнце воде. Обычно подается со льдом.

Уоррен Уильям Зевон (1947–2003) — известный рок-певец, музыкант и автор песен.

«Чинук» — тяжелый военно-транспортный вертолет.

Вечно веселая (*фр.*).

Чич и Чон — популярный американский комедийный дуэт.

Цитата из киноэпопеи «Звездные войны».

В оригинале «THE MEDICAL». Вероятно, речь идет о программе «MEDICARE», направленной на бесплатное медицинское обслуживание малоимущих и пожилых американцев.

Чтобы не нарушать авторского текста, фамилии перечисляются в соответствии с английским алфавитом.

Это первая фраза гл. 28 Книги Притчей Соломоновых.

Видимо, имеется в виду так называемый эпи-приступ — повторяющиеся судороги, потеря сознания или ощущение измененного сознания и т. д.

Речь идет о фильме «Близкие контакты третьей степени».

Икс-бокс — игровые приставки производства компании «Майкрософт».

От Марка. 14:37.